

Строматы (перевод Н. Корсунского) пресвитер Климент Александрийский

Перевод Н. Корсунского

См. также другой перевод: Строматы Е.В. Афонасина

Творение учителя церкви Климента Александрийского с первоначального текста перевод с примечаниями Н. Корсунского ¹

Книга первая

Предисловие

1. Тема творения. Польза, какую писатели своими произведениями доставляют читателям

Начала

недостаёт

.....
дабы под рукой ты прочитал оные и мог их сохранить. Но следует ли никого не допускать до сочинительства или только некоторых? Если первое, то на что пригодны (уже и существующия) литературные произведения? Если же второе, то это значит позволять писать или людям дельным или не состоящим таковыми. Но конечно смешно было бы, отвергая сочинения людей дельных, давать свободный ход произведениям людей, таковыми не состоящих, (– обделывателям). Тогда выходило бы, что Феопомпу и Тимею, а кроме их Епикуру, вчинателю безбожия, и еще Гиппонаксу и Архилоху позволительно распространять их растлевающие мысли, проповеднику же истины следует воспрепятствовать в подаче помощи потомству!

Я именно так думаю, что прекрасно (в пособие) потомству оставлять после себя добродетельных детей, не детей плотских, плод чрева, а сочинения, внутреннейшей души плод, сердечных убеждений итог ². С самого того часа, как они начали нас обучать, поэтому-то мы и называем их отцами ³. Да кроме того мудрость (и сама по себе, по своей природе) общительна и человеколюбива ⁴. Соломон говорит посему: *Сын мой, если приняв слова мои скроешь ты в сердце заповеди мои, то прислушиваться будет к мудрости ухо твое* ⁵ (Притч. 2:1,2). Открывает он чрез это, что разумное учение душой наставляемого должно быть воспринимаемо как семя воспринимается землей и что она-то собственно и есть нива духовная. Посему и добавляет он: *И обратишь сердце твое в сторону благоразумия; заявишь же оное во внушениях сыну (своему)* (Притч. 3:1). Душа соприкасается с душой и ум одного с умом другого; при посредстве слова один производит в другом посев, тем же словом заставляя семя брошенное на эту землю (учение) произрастать и оное сим словом оживотворяя.

А всякий наставляемый, полагаясь на учение своего учителя, состоит сыном ему. *Сын мой*, говорит Соломон, *наставлений моих не забывай* (Притч. 3:1).

Но так как *знание* составляет достояние *не всех* умов (1Кор. 8:7), то для большинства литературные произведения то же, что лира для осла, как выражаются пользующиеся пословицами: по крайней мере свиньи больше наслаждения себе в грязи находят, нежели в чистой воде ⁶. Посему Господь говорит: *В притчах к ним Я обращаюсь, потому что они видя не видят и слыша не слышат и не понимают* (Мф. 13:13). Не то это значит, что Господь осуждает непросвещенность большинства, – такое понимание было бы преступным, – но в содержание души многих пророчески проникая и о нем свидетельствуя, возвещает Он, что и на будущее время не поймут они того, что имеет быть говоримо перед ними. Но то же самое открывает нам Спаситель, когда из преизбыточествующего изобилия своих богатств Он наделил рабов дарами, кои упражнением должны были быть развиты. Тех из сих рабов, кои умножили свое серебро, над малым оказавшись верными, Он одобряет; и возвестивши им, что над бóльшим их поставит, (тотчас за тем) повелевает им войти в радость Господа. Обращаясь же к рабу, вверенное ему серебро от обращения из процентов укрывшему и возвратившему оное без всякой прибыли, сказал Он: *Злой раб и ленивый! Не должен ли ты был мое сребро отдать тем, кои обороты производят деньгами и пришедши Я получил бы мое (с прибылью)* (Мф. 26:27 и д.; Лк. 19:23 и д.). За это раб ленивый *выбрасывается во тьму внешнюю* (Мф. 22:13 и д.; Лк.: 25:30 и д.). Итак, *укрепляйся, сын мой*, как Павел говорит, *в благодатном учении еже о Христе Иисусе и что слышал от меня при многих свидетелях, то передай людям верным, которые будут способны и других научить* (2Тим. 2:1,2). И опять: *Старайся явиться пред Богом делателем достойным Его одобрения, не делающим ничего такого, чего нужно было бы стыдиться, – преподающим слово (учение) истины верно* (2Тим. 2:15).

Итак, в отношении возвещения слова ⁷ есть два рода верных; одни это делают писательством ⁸, другие устно, живым

голосом. И не оба ли эти рода верных достойны быть и принятыми ⁹, так как деятельную веру любовью доказывают? Вине же того, кто лучшего не сделал выбора, Бог не причастен. Посему призвание одних возвещать учение жизни, чтоб принесло оно плод, задача же других доказывать ценность его самой жизнью. Решение же, на сторону ли сего учения веры стать или оное отвергнуть, зависит от избирающих. Двумя способами себя заявляет разумение сего спасительного учения; один, это – публичное возвещение о нем, другой некоторого рода благовестническая жизнь, благодетельность сего учения собой на деле доказывающая. Которым бы из двух этих способов на пользу сего учения кто ни действовал, «жизнью или словом», (Илиады 1:77). в обоих случаях учение то он поддерживает и успехам его содействует. Потому что *сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную, добро же делая, сим да не утомляется* (Гал. 6:8,9; срав. Притч. 22:8; Рим. 8:13; Апок. 2:3; Евр. 12:5,12,15). Тот, кого Божественное провидение призвало заниматься делом проповеди, становится при сем обладателем величайших благ. Действует он по принципу веры, в гражданскую жизнь он приносит с собой добрую волю, в своей частной жизни он стремится к простоте и естественности, к непорочности; внутри себя он носит постоянное влечение к исследованию и изысканию, выслеживая знание истинное; словом, имеет тот в своем призвании средства и случай к спасению ¹⁰. Те же, кто такими благовестниками бывают наставляемы в сем спасительном учении честно и искренне, восприняв в оном вспомогательные для достижения вечной жизни средства, воспаряют на небо. Слово достоудивительно прекрасное изрек о честных проповедниках истинного учения Апостол. *Во всем, говорит он, мы оказываемся такими, какими быть подобает слугам Божиим. Будучи бедными, многих обогащаем; ничего не имея, всем владеем. Уста наши отверсты к вам* (свободно мы высказываем свои требования пред вами) (2Кор. 6:4,10,11). *Заклинаю тебя.* говорит он в послании к Тимофею, (настоятельно прошу), *Бога во свидетели призывая и Христа Иисуса и избранных (досточтимых) Ангелов и именем их свидетельствуясь, что говорю истину: сохрани это*

без предубеждения, ничего не делая по пристрастию ¹¹ (1Тим. 5:21). Необходимо таким образом, чтобы и те и другие испытывали себя; одни, – словом учению веры способствующие, – в том, достойны ли они того и заслуживают ли их сочинения того, чтоб быть им переданными в потомство; другие же, – учение веры выслушивающие, – в том, в ту ли силу они его выслушивают и вычитывают, в какую говорится и пишется, и способны ли они к правильному суждению о нем.

Конечно некоторыми, по раздроблении обычным образом евхаристического хлеба, допускается до участия в таинстве весь народ. Каждому при сем позволяется брать его часть. С полным ли и совершенным вниманием кто принимает хлеб сей или же он должен был бы от него отказаться, наилучшим свидетелем сего служит совесть. А для чистоты совести благонадежною опорой состоит правая жизнь, согласующаяся с таковым же учением. А к уразумению истинности учения путь, это – следовать другим, уже ранее нас испытавшим на деле истинность его; они же, в совершенстве исполнившие свои обязанности, могут быть для нас примером и исполнения заповедей сего учения. Так что *кто ест хлеб сей или пьет сию чашу Господню недостойно, виновен против тела и крови Господней. Да испытывает же человек себя и таким образом от хлеба да ест и пьет из чаши* (1Кор. 11:27,28).

Тому, кто берется словом возвещать учение веры, посему следует обсуждать, из числа ли тех он, кои пользу ближнего при сем имеют в виду. Он должен спрашивать самого себя: «Не из чванства ли он кинулся в учительство или не из соперничества ли кому; а также, не из честолюбия ли он распространяет свое учение? Ставит ли он единственную себе наградой созидание слушателей; не льстит ли кому из них? Избегает ли он всяких поводов к обвинению его в корыстолюбии? Настолько ли он может сознавать себя свободным за всю предшествующую жизнь от сребролюбия и подкупности, чтобы его учение могло претендовать на значение монументального литературного произведения? Скорее не тарабарщина ли оно?» *Никогда, говорит Апостол, мы не прибегали между вами, как сами*

знаете, к слову льстивому, не делали из своего служения предлога из удовлетворению своего корыстолюбия: Бог нам в том свидетель. Мы не искали славы от людей, ни от вас, ни от других. Мы в качестве Апостолов Христовых на вас, могли бы возложить заботу о своем существовании. Но мы были кротки между вами, подобно как кормилица нежно обходится со своими детьми, (1Сол. 2:5–7).

Но по той же самой причине ¹² и расположенные к принятию Божественного учения должны тщательно беречься того плоского любопытства, которое в города бесцельно является и на городские здания без толку и без пользы для себя глазеет; с такими склонностями пусть никто к нам не приходит. А равным образом никто сюда пусть не является по расчету и на некоторые земные и преходящие выгоды, услышав, что люди, посвятившие себя Христу, делятся с другими всем необходимым в жизни. Это ханжество и кланье и говорить об этого рода людях здесь мы не будем. Если желаешь праведником «не казаться лишь, а действительно им быть», должен сознавать себя чистым и безупречным и в совести ¹³.

Но таких немного. Жатва обильна, а трудящихся мало. Молиться посему следует, дабы являлось большее число делателей (Мф. 9:37, 38; Лк. 10:2).

А возделывание поля церкви опять тоже двояко. Оно совершается двумя способами: одно при посредстве слова, не предаваемого письмени, другое при посредстве слова записанного. Но которым бы из двух этих способов делатель Господень ни рассеивал благородную пшеницу, каким бы из обоих этих способов ни возвращал он пшеничные колосья, а равным образом которым бы из них, тем или другим, ни доводил оные до зрелости, земледельец истинно Божественный всегда объявится ¹⁴.

Заботьтесь не о пище тленной, говорит Господь, а о пище пребывающей в жизнь вечную (Ин. 6:27). Питание же совершается чрез принятие пищи вещественной и чрез сообщение спасительного учения. Что касается последнего рода питания, то поистине блаженны миротворцы (Мф. 6:9),

здравым учением ставящие на истинные стези путников, блуждающих по сей жизни. Через сообщение им сего учения они освобождают их из мрака неведения, проникают их миром, какой даруется Логосом, а чрез освоение с жизнью согласно с законом Божиим, т.е. чрез наделение их сим *хлебом небесным* (Ин. 6:32), они и *насыщают* эти души, *алчущие правды* (Мф. 6:6). Но есть и еще умы, питающиеся особой пищею. Это души, развитие коих совершается под влиянием познаний и наук. Другие же из умов этого последнего рода питаются Греческой философией, в которой, как и в орехах, однако же не все съедобно.

Но и *сеющий и поливающий* одинаково под Богом возвращающим ходят; и что касается служения их, то оба они *состоят одним и тем же*, т.е. слугами Божиими. *Награду же получит всякий смотря по труду, ибо мы Божии соработники, а вы Божия нива, Божие строение*, по Апостолу (1Кор. 3:8,9).

Но и это слушателям Божественного учения не позволительно, чтобы они об истинности его, достоинственности и приемлемости судили сравнивая оное с другими учениями. Ни передавать не следует сего учения на обсуждение людей, начиненных всякого рода человеческими знаниями. Ни доказывать оное не подобает пухлыми силлогизмами, к чему склонны люди, душа коих полна еще предзанятых мнений и от них не опростана.

Кто началом для своей жизни избирает веру, в том готова уже твердая почва для принятия Божественного слова. В вере он имеет совершенно согласный с основаниями разума критерий вещей; и из этого-то преизобильного источника у него истекает и развивается убеждение. На такую-то именно прочность начала веры и годность её крепких основ для созидания на них и указывает пророческое слово: *Если не уверуете, то и не уразумеваете* (Ис. 7:9).

Итак, доколе есть время, будем добро всем делать, а наипаче своим по вере (Гал. 6:10). Каждый же из верных да поет с благодарением, повторяя слова блаженного Давида: *Окропишь меня иссопом и чист буду; меня омоешь и стану я белее снега. Пошли мне слышать*

радость и веселие и возрадуются кости, Тобою пораженные. Отврати лице Твое от грех моих и злодеяния мои изгладь. Созиди во мне, Боже, сердце чисто и внутри мне даруй дух новый твердый. Не отринь меня от Твоего лица и Духа Твоего Святаго от меня не отними. Утешь меня опять Твоею помощью и дух во мне поддержи свободный радостный (Пс. 50:9–14).

Кто живым голосом говорит к присутствующим, тот посему и от времени относительно своих слушателей ждет указаний, но и сам своим суждением решает и от других разужнает с точностью, кто из них его способен слушать. Он вдумывается в их речи, следит за характером, наблюдает привычки, жизнь, движения, манеры, взгляды, голос, – или говоря языком образным, – распутия, каменистость почвы (Мф. 13:5), протоптанность пути, плодоносность почвы, лесистость местности, легкородность почвы, годность её для определенных растений, её возделанность и какого рода посевы она умножать может.

Тот же, кто в книгах себя передает, претендующих на память в потомстве, апеллирует к самому Богу, своими литературными произведениями как бы живым голосом взывая: «Не из-за выгод, не из-за тщеславия (Лк. 18:11), не другой какую-либо страсть побужденный, не из рабского страха и холопства, не удовольствие свое преследуя написал я это, а единственно благу читателей содействуя, надеждою на оное живя и во всяком случае на воздаяние со стороны Того имеющее воспоследовать. Кто обещал воздать делателям платою достойною трудов их» (Лк. 10:7).

Христианину же, в реестр мужей занесенному, в списки людей зрелого возраста и совершенство в себе олицетворяющему, следует быть добродетельным не из ожидания награды, а единственно из любви к Богу. Кто хвастается добром, какое сделал он, тот за свое самовосхваление бывает лишаем награды. Исполняющий же какие бы то ни было из своих обязанностей из-за вознаграждения или за точное исполнение их награды сам ищущий или же свои обязанности исполняющий из опасения их

нарушителем прослыть и за неисполнение их каре и взысканию подвергнуться, разве не по духу сего мира действует? Следует, насколько то возможно, Господу подражать. Кто воле Божией содействует, тот *даром принявши даром и отдает* (Мф. 10:8). Награду достаточно великую он получает уже в самом своём сознании, что в качестве свободного гражданина он благородно исполняет по отношению к государству и обществу обязанности на нем лежащие. *Добыча блудницы да не принимается во святилище* (Втор. 23:2,8), говорит Господь ¹⁵. Посему же запрещено было приносить на жертвенный алтарь выменянное на собаку ¹⁶.

А если у кого душевное зрение дурным воспитанием и учением притуплено, тот пусть следует тому учению, при свете коего вещи представляются в истинном их свете; тот пусть проверяет себя тем здравым и чистым учением свящ. Писаний, кои чрез законы написанные открывают законы и по естеству нам свойственные. *Жаждающие идите на воду*, говорит Исаия (60:1). И Соломон убеждает: *Пей воду из твоих источников* (Притч. 5:15). Посему и Платон, ставший философом благодаря Евреям ¹⁷, в своих «Законах» советует земледельцам не орошать полей водой к ним искусственно чрез каналы приближенной, а равным образом и у других водою не заимствоваться, не попытавшись предварительно на своей собственной земле докопаться до слоя так называемого девственного ¹⁸; только земледельцу, нашедшему тот слой безводным позволяет он искусственное своего поля орошение.

Несправедливо не оказать помощи душе смущенной, растерянной, пришедшей в замешательство. Но не представляет собою дела достохвального снабжать и леность вспомогательными средствами для достижения успеха ¹⁹. И Пифагор говорил, что если совершенно разумно пособлять кому-нибудь в поднятии на себя тяжести, то из этого отнюдь еще не следует, что помогать нужно тому и снять ее с себя ²⁰. Писание, воспламеняя искру, тлеющую в нашей душе, обращает взор её внутрь её существа; подобно земледельцу при сем оно конечно нечто и влагает в душу, но и наличное в ней оно возбуждает и то на высоту поднимает. *Но много между нами, по*

Божественному Апостолу, *неможных и больных и не мало умирает. А если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1Кор. 11:30,31).

Литературное же это произведение не есть сочинение, написанное искусственно лишь для показности, нет. Оно представляет собою памятную книгу, есть лекарство памяти на старость. В ней собрано все достойное памяти. Она представляет собою правдивое воспроизведение и очерк образцовых мыслей, коими были проникнуты удивительные и светлые, оживленные и жизненные речи мужей блаженных и достопамятных, слушания которых я удостоился. Из них один блистал в Греции, и именно в Ионии (Ахаии), другой цвел в великой Греции. Один из них происходил из Келе – Сирии, другой из Египта. А еще другие двое блистали на востоке; один происхождением из Ассирии, с другим же познакомился я в Палестине и по рождению он еврей был ²¹. Встретился я с ним лишь после всех, но по духовным способностям он первенствовал. На нем-то успокоился я и с удовольствием остановился, поселясь в Египте и выследив, что скрывается он здесь. Был он по истине Сицилийскою пчелою ²². С пророческого и апостольского луга сладость собирая, напечатлевал он в душах слушателей мудрость некоторую чистую и святую. Слушали они учение сие, так осчастливливавшее их и обогащавшее, непосредственно от святых апостолов Петра, Иакова, Иоанна и Павла ²³. Будучи же ими принято от Апостолов, как сын принимает наследство от отца (как немногие из сыновей на отцов походят!), по Божью изволению оно дошло и до нас, запав в нашей душе семенами, завещанными нам нашими предшественниками и Апостолами. И я уверен, что мои слушатели восхитятся сим. Не этому моему произведению из-за него самого, говорю, обрадуются, а тому единственно, что сохранено в нем предание.

Думаю, что именно душа, желающая неприкосновенным сохранить блаженное предание, отражается в следующем изображении: *Муж любящий мудрость радует Отца своего* (Притч. 29:3). Колодцы, из коих воду постоянно берут, дают воду прозрачную; а вода тех, из коих никто не черпает, портится ²⁴. И

железо сохраняет блеск благодаря лишь пользованию; оставленное же без употребления оно покрывается ржавчиною. Скажу кратко: Совместные с другими телесные и умственные упражнения отзываются здоровьем и на теле и на душе. *Никто не зажигает светильника за тем, чтобы его поставить под постелю, а ставит его на свещнике, дабы светил всем* (Мф. 5:15; Мк. 4:29; Лк. 8:16; 11:33) приглашенным на вечерю. Ибо что пользы в мудрости, если она не умудряет того, кто внимает ей? Но кроме и Спаситель постоянно бодрствует над сохранением предания. *Он делает, как Отца видит делающим* (Ин. 5:17, 19). Уча других мы большему еще сами научаемся ²⁵; говоря с внимающими нам мы часто слушаем и сами. Господь один (Мф. 23:8) и тот же и для учащего и для слушателя. Он – источник и ума слушателя и слова учителя. Да и не может Господь нарушать, задерживать и подавлять непрерывность предания. Для добра нет каникул, нет субботы (Мф. 12:12; Лк. 6:9).

Но позволяя допускать до участия в Божественных тайнах предания и до пользования святым оным светом тех, кои к восприятию оных способны, не массе слушателей открыл Он то, что для понимания большинства было и недоступно, а немногим ²⁶, которым то приличествовало, – кои те тайны могли принять и способны были к отпечатлению оных на сердце своем (т.е. сохранить). А тайны эти, как и идея о Боге самом, передаются словом, а не на письме.

А если кто возразит мне от Писания: *Нет ничего сокровенного, что не открылось бы и тайного, что не было бы узно* (Мф. 10:26), то пусть услышит тот и от нас, что кто втайне выслушивает, тому тайное и открывается; тот открыто будет знать то, что состоя истиной сокрыто; и то что от многих утаено, будет немногим явлено. Ибо почему не все люди познают истину? И почему – это не все любят праведность, если она есть общее всех достояние? Тайны таинственным образом и передаются, дабы передаваемое было и на устах передающего, а еще более в душе его, чем на устах. А Бог поставил церкви одних Апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями для

направления святых на дела служения, на созидание тела Христова (Еф. 6:11,12).

Знаю, что сей очерк моих воспоминаний слаб по сравнению с благодатным оным духом, с которым мы удостоены были соприкосновения. Но кто тронут будет фирсом ²⁷, в представлении того он будет, несмотря на то, вызывать и прототип. Ибо *мудрому говори*, свидетельствует Писание, *и он мудрее будет (Притч. 9:9) и имеющему приумножится* (Мф. 25:29; 13:12; Мк. 4:25; Лк. 8:18).

Однако же сей очерк моих воспоминаний не обещает быть полным истолкованием святых наших тайн; нет у нас не только многих, но и никаких претензий на это; он выдает себя лишь за напоминание о тайнах на случай, если б мы о них забыли или же чтоб совсем о них не забыли.

Я хорошо знаю, что мои Воспоминания эти не полны. В их очерк многое не вошло. Время текло, а мы не пробовали записывать того, что теперь в очерк сей могло бы войти, и так то совсем забылось. Однако же я употребил некоторые средства для составления возможно подробного очерка. Имевшийся у меня письменный материал я разделил на главы и благодаря этому средству много нового в памяти воспроизвел. Все же осталось нечто, чего себе привести на память мы не могли, ибо духовная одаренность этих блаженных мужей была велика. Так не вошло в этот очерк то, что из памяти нашей совсем улетучилось, потому что не было то вовремя малу помалу записываемо. Не вошло в него и то, что в самом уме потускло, ослабев в воспоминании и почти угасши. Не легко сей труд воспроизведения могут представлять себе те, кто трудности его сам на себе не испытал. А некоторые вещи хотя и приходили мне на память, но я намеренно при передаче письмени их опускал, излагая то лишь устно, боясь то записать, о чем и говорить остерегался; не из зависти, – что было бы грешно, – а из опасения, чтоб своих слушателей, могших понять мои слова в превратном смысле, не ввести мне в заблуждение и чтобы меня не обвинили в том, что я, по пословице, даю ребенку меч. Исчезнуть написанному бесследно невозможно, хотя бы оно и оставалось мною не изданным в

свет. Написанное во всякое время может быть воспроизведено, и притом в одних и тех же звуках; т.е. что написано, то к читателю ни о чем больше не говорит кроме как о написанном. По необходимости читатель здесь постоянно остается беспомощным со стороны того, кто писал; нельзя бывает воспользоваться помощью и другого кого-либо, кто шел бы по следам писателя. Некоторые вещи в своем сочинении я буду проходить молчанием и на них только намекать. Но и из сих вещей на одних я буду несколько останавливаться, другие же только их именем напоминать. По-видимому скрытничая, попытаюсь я однако же сим нечто раскрывать и прикрываясь покрывалом таинственности нечто обнаруживать, молча показывать.

Мы приведем положения известнейших из ересей и противопоставим оным все, что домостроительски – благоупорядоченно и целесообразно нам было открываемо еще ранее созерцаний пророческих и что внутренним знанию или созерцанию должно быть предпослано. За исходный пункт для себя мы возьмем при сем сотворение мира, а в вожди себе выберем положения достославного и священного предания. И прежде всего, прежде всяких рассуждений, мы противопоставим сим ересям простое и бесхитростное созерцание природы с выводами, по необходимости из него следующими. А что сему методу противоречить будет, то чрез заключения те устранять будем, чтобы как земледелец предварительным от терний и разного рода сорных трав почвы очищением подготавливает ее к посадке на ней виноградной лозы, так и нам чрез подобное же дело подготовить умы к принятию гностического предания. Приготовление к сражению также есть сражение и учение, предшествующее тайн сообщению, также есть тайна ²⁸.

В этих своих Мемуарах мы не побоимся сношений и с философами, а также позаимствуемся прекраснейшим и из других подготовительных наук. Ибо разумно, как говорит Апостол, *из за Евреев и подзаконных делаться не только Иудеем, но и Эллином из за Эллинов, дабы приобретать (убеждать) всех* (1Кор. 9:19, 20, 22). И в послании к Колоссянам

он пишет: *Вразумляя всякого человека и научая всякой премудрости, дабы всякого человека соделать совершенным во Христе (Кол. 1:28).*

Так как мое сочинение есть не иное что как Воспоминания, то ему приличествует характер некоторого рода созерцательный. А орошение здорового учения добрыми заимствованиями из других полезных наук не представляет ли собою некоторого рода сходства с приправами, какие бывают примешиваемы к пище атлета? Не удовольствия ищет он в приправах сих, а возбуждения хорошего аппетита, имея в виду стремиться к славе. По крайней мере пением мы гармонично ослабляем слишком сильную напряженность звуков нашего голоса. Но точно так же и желающие обратиться к народу часто пользуются герольдом, дабы слышнее провозгласил он обращение к народу. Подобным образом и мы поступаем в сем сочинении. Со своим словом мы обращаемся к многочисленному народу, преднося ему твердое предание; поэтому приходится нам пользоваться мнениями и языком, кои они привыкли слышать. Этим способом наши слушатели всего вернее могут быть приведены к истине. Скажем все коротко в одном слове: Как между многими малыми жемчужинами бывает только одна преотличная; как в улове рыбы зараз пойманной бывает только одна Товиева рыба ²⁹: так время и труд открывают одну истину, особенно если найдешь хорошего проводника. Именно чрез людей ниспосылаются нам свыше важнейшие из благ. Хотя и все мы одарены зрением, однако же не все смотрим на предметы одинаково; на один и тот же предмет различные люди смотрят с различных точек зрения. Иной взгляд на овцу бросает повар и неодинаково с ним на нее смотрит пастух. Один осведомляется, жирна ли она; другой молоко овцы наблюдает, жирно ли оно; один доит ее, чтоб сделать из молока кушанье; другой с неё шерсть стрижет, когда ему одеяла нужна. Подобным образом мне предстоит воспользоваться плодами Греческой философии.

Не найдется, думаю, ни одной настолько счастливой книги, которая не встречала бы возражений и противоречий. Но конечно следует считать здравомысленной ту книгу, которая не

встречает себе разумного противоречия. Не те поступки и не то учение должны быть допущены, на которые нападок не делается, а те, на которые нападают неразумно. Если кто-нибудь первоначально не хочет чего-либо сделать из-за самого того дела, то еще не следует, что он вовсе уклоняется от того и что он каким-нибудь случаем не будет вынужден к исполнению того; если же он доведен будет до того, то значит привзошло тут некоторого рода Божественное посредство, заставившее его всем обстоятельствам подчиняться и ко всякого рода сцеплению жизненных условий применяться. Кто живет добродетелью, тому не нужен более путь к добродетели; и кто чувствует себя здоровым, тот не имеет надобности укреплять свои силы. И как земледельцы сначала орошают почву, а потом уже и засевают ее: так и мы тем, что есть у Эллинов доброго, орошаем земное у них, дабы могла эта почва принять в себя по ней разбрасываемое семя духовное и чтоб могла она питать его. Поэтому-то в этих книгах, называемых Строматами, истина будет перемешана с положениями философов или лучше сказать будет показано, что эти положения философов содержат истину, но так лишь, как ореховой скорлупой содержится съедобное ядро. Семена же истины (т.е. чистые) сохранять призваны, по моему мнению, лишь возделыватели нивы веры.

Не безызвестно мне учение, некоторыми по невежеству очень превозносимое, будто следует заниматься вещами лишь самыми необходимыми; таковы первоначальные положения веры; учения же внешние ³⁰, нам чуждые и сейчас ненужные, следует будто бы преходить молчанием, потому что они будто бы лишь утомлять нас будут и притом совершенно понапрасну и отвлекать нас к трудам, не имеющим отношения к делу спасения ³¹. Иные же утверждают, что философия проникла в жизнь людей лишь на горе и на гибель им и что она измышлена неким коварным выдумщиком ³². Но я покажу, что всякое ехидство представляет собою по самой природе своей нечто злое и что такой земледelec ничего доброго произвести не в состоянии. Во всех этих книгах своих Стромат я дам

понять, что философия также есть дело некоторым образом Божественного промысла.

2. Ответ на упрек некоторых, зачем он внес в свои сочинения столько заимствований из Греческой философии

А касательно внесения в эти Памятные Записки, когда то необходимо было, положений Эллинских ученых, людям, находящим удовольствие все порицать, я отвечаю следующее. Во-первых, если бы даже и пустою болтовней была Греческая философия, то полезно бы её ни на что непригодность доказать, но уже из-за этого одного она представляла бы собой нечто дельное. Далее не имеют права осуждать Эллинов те, кои в их учения не проникают далее голых фраз, на посильном же раскрытии состоятельности сих учений не останавливаются. Но достойно полного доверия лишь то расследование, которое производится апостериорически; эта апостериоричность представляет собою посылки, дающие право и на основательнейший вывод. Кроме того есть множество вещей, которые непосредственно хотя и не способствуют достижению целей преследуемых истинным ученым, все же относятся к свойствам его.

К тому же многоученость писателя, цитирующего главнейшие из философских положений, заставляет слушателей убеждаться, рассудительно с писателем соглашаться; такой метод, производя удивление в наставляемых, пробуждает в них к истинному учению дружественную расположенность. Такое радование душ прелестями и блесками из других наук сообщает и с их точки зрения учению твердость и достоверность; души же любознательные и учения жаждущие этим методом доводимы бывают до принятия той самой истины, которой ранее сами же упорно противились и ее хулили.

Это обстоятельство свидетельствует, что философия сама в себе вовсе не влияет губительно на человеческую жизнь и что не она причиной возникновения ложных мнений и дурных дел, как некоторые клеветают на неё, но что она состоит очевидным и воплощенным образом учения истинно, – даром, который

Эллинам ниспослан от Бога. И от веры она не отвлекает нас, как если б это какие чары были какого-то волшебного искусства; напротив, мы ограждаемся философией как бы неким прочным оплотом, открывая в ней некоторого союзника, совместно с которым и обосновываем потом нашу веру. Чрез сравнительное между собой сопоставление двух находящихся во взаимной связи учений, выработанных же на путях противоположных ³³, истина выясняется полнее и глубже, а отсюда проистекает и более совершенное её выслеживание и обретение. Не из за неё самой посему философия привлекается нами в сии исследования, а из-за плодов, проистекающих для нас из сего рода знания; знание вещей, постигавшихся человеческим умом, утверждает нас в убеждении, что держимся мы в своем учении истины.

Умалчиваю о том, что сии книги Стромат по содержанию потому многообразны и потому соединяют в одно целое различные учения, что имеют задачей тщательную охрану семян познания. Как страстный охотник, напавши на след дичи, ее отыскав, увидев, на неё собак спустив, наконец её берет, подобно этому и истина, если кто долго её искал и только после трудов открыл, того осчастлививляет.

Итак, почему же нам угодно было так поставить дело в сих наших Памятных Записках? Причина та, что весьма опасно действительное значение истинной философии безрассудно профанировать, (– вместо того, чтоб назидательность её сердцем усвоить, публично ее на смех поднимать) ³⁴, как те это делают, кои – чересчур уж тароватыми будучи на различные оскорбительные резкости – всему любят противоречить, в раздражении и без соблюдения всякой благопристойности забрасывают вас всякого рода словами и фразами, но этим и себя самих обманывают, но и других, ими привлекаемых на свою сторону, обмороачивают. Ибо, как говорит Апостол, (только) *Евреи чудес требуют, а Еллины мудрости ищут* (1Кор. 1:22).

3. Против софистов и пустомель, хвастающихся совершенно бесполезным знанием

Многочисленна толпа людей этого рода. Одни из них, удовольствиям преданные, не желая ни во что верить, издеваются над спасительным учением, достойным всякого почтения, давая ему прозвание варварского учения ³⁵. Некоторые же из них превозносясь усиливаются изобретать различные клеветы на наши учения, отыскивая в них для оспариванья оных различные места, охотясь за разными словечками, странными (в наших учениях) приемы находя, из-за них брань и ссоры поднимая, или, как говорит Абдеритянин (Демокрит), с различными узелками в них ременные веревочки вплетая ³⁶.

Гибок язык человека; речей у него обилье
Всяких; поле слов и туда и сюда безпредельно;
Что человеку измолвишь, то от него и услышишь.
(Ил. 20:248,—9) .

Таковыми-то способами жалкие эти софисты себя стараются поставить выше других людей, о себе думая, что они достойнее всех. Всю жизнь свою только тем они и заняты, что болтают на ветер и запорашивают своею болтовней глаза другим. Углубляются они в набор слов, в составление и сочетание метких выражений, болтливее горлиц оказываясь (Zenob. 6, 8; Theocr. 15, 88), совсем не достойно мужчин *льстя слуху* (2Тим. 4:3), улещая и улаждая оный у тех, у коих в ушах зудит,

На них не каплей, но целою рекой искусственных слов изливаясь ³⁷.

Слишком большое сходство со старыми башмаками они собою представляют. Все другое в них уже издрябло и развалилось, только язык еще подобно старой подошве болтается. Афинянин Солон прекрасно их характеризует, порицая их такими словами:

Лишь язык для вас важное дело и сладкия речи мужа льстиваго,

На дела же вы совсем не обращаете внимания.

Гоняетесь все вы за хитрою лисицей,
А у самих у вас ум совсем промозглый и ничтожный.

Именно на это ³⁸ намекает и наш Спаситель выражением: *Лисицы норы имеют, а Сын человеческий не имеет где главу подклонить* (Мф. 8:20; Лк. 9:58). Ибо только на верующем, совершенно выделенном из числа прочих людей, коих Писание называет лисицами, успокаивается Глава и Царь всего, т.е. милосердый и кроткий Логос, уловляющий мудрецов их же лукавством, Господь, единый ведущий советы их и то что эти пусты (Иов. 5:13; 1Кор. 3:19, 20; Пс. 93:11). Мудрецами здесь Писание без сомнения называет софистов, вращающихся среди фраз и напускной искусственности. Откуда и сами Эллины мудрецов (σοφοί), особенно тщательно занимавшихся вещами мелочными, вместе с тем называли и производным от того именем «софистов» ³⁹. Оттого-то и Кратин в «Архилохах» ⁴⁰, критикуя поэтов, говорит:

Нужно завсегда софистов отличать.

Подобным образом комик Иофон ⁴¹ о рапсодах и некоторых других людях говорит в «Авлойдах», или Сатирах:

И тут вошла софистов толпа большая: откуда это набралось их столько?

Об этих людях и им подобных, упражняющихся в несении разной бессмыслицы, Божественное Писание говорит прекрасно: *Разорю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну* (выведу из практики) (Ис. 29:14; 1Кор. 1:19).

4 . Науки светские не менее чем и Богословие имеют происхождение Божественное

Гомер же и простого ремесленника мудрецом называет ⁴². А о некоем Маргите пишет следующее:

Боги в лице его не позаботились создать ни земледельца ни просто землекопа;

Совсем уж не был он мудрец: ничего не знал ⁴³.

Гезиод, сказавши, что кифарист Лин много знал, в разного рода искусствах и навыках был опытен, напоследок не затрудняется нисколько и простого матроса мудрецом назвать, говоря:

В искусстве мореплавания никакой не обнаруживал он мудрости.

Равным образом Даниил пророк Вавилонских ученых чествует именем «мудрецов», говоря: *Тайны, о которой царь спрашивает, не открыть ни мудрецам, ни жрецам, ни заклинателям; не во власти Гадаринян (т.е. язычников) это; есть Бог на небесах тайны открывающий* (Дан. 2:27, 28).

А что общим именем «мудрости» Писание называет вообще все мирские науки и искусства ⁴⁴, – все, до постижения чего ум человеческий мог дойти и что он был в состоянии измыслить и что всякое техническое и теоретическое знание происходит от Бога, это совершенно ясно будет, если мы приведем еще следующие выражения Писания: *И сказал Господь Моисею, говоря: Вот я называю Веселиила, сына Урии, сына Орова, из племени Иудина. И Я исполнил его Божественным Духом мудрости и смышленостью и ведением, чтобы разумел от во всяком деле и способен был к созиданию, к работам из золота, из серебра, из меди, из голубой, пурпурной и червленой шерсти, к исполнению всех работ строительных из камня и из дерева и так далее даже до слов: и вообще всяких работ* (Исх. 31:2–5). Потом, все ранее сказанное объединяя, Писание употребляет такое общее выражение: *И в сердце всякаго разумнаго Я это вложил*

разумение (Исх. 31:6), т.е. в сердце всякого, кто в состоянии то разумение усвоить напряжением и упражнением.

И опять со всей определенностью от имени Господня написано: *И скажи это всем, кои умом мудры, коих Я исполнил духом смышлености* (Исх.28:3). Эти мудрые умом отличаются особенной одаренностью натуры. Выказывая особенные способности, они обнаруживают тем, что получили двойную меру разумения; я сказал бы даже, что из первообразной премудрости излился в сердце их двойной дух мудрости.

Уже и техническое отношение к искусствам отзывается на развитии некоторых внешних чувств перевесом. У так называемых музыкантов оказывается особенно развитым чувство слуха, у скульпторов – осязание ⁴⁵, у певцов – голос, у парфюмеров – обоняние, у резчиков печатей – зрение. У посвящающих себя научным занятиям чувство также становятся восприимчивее. У поэта особенно развивается чувство меры, у оратора чувство стиля, у диалектика способность судительная, у философов – то, что до них касается, – умозрение. К изобретениям и измышлению делает способным именно чувство; лишь чувством определяется направление занятий и умственных. А благодаря постоянству упражнений способность к известного рода занятиям усугубляется и расширяется. Апостол значит совершенно справедливо говорит, что *многообразная премудрость Божия* (Еф. 3:10) во благо нам обнаруживает свое богатство *многократно* (в разных случаях) и *многообразно* (различными способами) (Евр. 1:1), искусствами, науками, верой, даром пророчества. *Всякая премудрость от Господа и с Ним пребывает во век*, как говорит книга Премудрости Иисуса (Сир. 1:1). *Потому что если будешь ты голосом сильным призывать знание и взывать к разуму, если будешь ты искать его как ищут серебра и если будешь ты его отыскивать так же, как сокровища разыскивают и если с усилием будешь его выслеживать, то поймешь, в чем состоит Богу угодное служение и примечать будешь твоими чувствами Божественное* (Притч. 2:3–5). Священный писатель говорит о чувстве Божественного в отличие от чувства, погруженного в науки светские, которых в выражениях

прекрасных и величественных впрочем также советует нам заботливо искать, дабы в уразумении совершенного служения Богу и благочестия двигаться вперед. Противопоставляет он этим светским наукам понимание обязанностей, на нас возлагаемых Богопочтением; и разумея под оным содержание истинной религии, выражает это следующим образом: *Ибо из своих уст Господь источает мудрость, а вместе знание и разумение и в лице праведных помогает, собирая в них на голодные годы как бы в житнице сокровища спасения* (Притч. 2:6,7). В просвещенности философией (отвлеченного содержания науками) скрывается помощь нам; такой просвещенностью обуславливается тонкость чувства, ведущая к истинным Богопочтению и благочестию.

5. Философия состоит служанкой Богословия. Разъясняется это аллегорическим толкованием истории Сарры и Агари

Итак, прежде пришествия Господа философия была необходима Эллинам для достижения некоторого рода правоты⁴⁶, а ныне она оказывается необходимою для приведения к истинному благочестию тех, коих дух не иначе может открыться для истинной веры как путем выводов из посылок или после предварительных опытных доказательств; для них философия состоит некоторого рода предуготовительным учением.

Нога твоя не споткнется, говорит Писание (Притч. 3:23), если все доброе ты будешь относить к Божественному провидению, будет ли добро то Эллинское или наше. Виновником всякого добра состоит Бог, но одного чрез руководство непосредственное, как напр. Он состоит непосредственным виновником Ветхого и Нового Заветов; иного же добра Он состоит виновником второстепенно и посредственно, как напр. философии. И может быть философия, прежде чем Господь призвал Эллинов к Себе, была дана им пока лишь и на первый случай (для той же цели, для какой и Евреям Писание). Она была для Эллинов таким же руководителем, каким был и закон для Евреев и приводила их как детей ко Христу (Гал. 3:23,24).

Если же философия есть предуготовительное учение, пролагающее и выравнивающее путь ко Христу; если она доводит путника до решимости посвятить себя Христу и окончить совершенством в Нем, то *не медли*, говорит Соломон, *твою мудрость валом окружить и она превознесет тебя и украсит голову твою венцом чести и веселия* (Притч. 6:8, 9). Потому что когда воздвигнешь ты вокруг мудрости своей (вал или) зубчатую стену философии и, обеспечивая себе более сильное за стеной той положение, добродетель в свою жизнь проведешь, твоя мудрость будет представлять собою для софистов нечто неприступное.

Без сомнения один путь к истине, но одни с одной стороны, другие с другой в нее впадают ручьи, в её ложе соединяясь в реку, которая уже в вечность течет. Поэтому-то Бог и говорит к нам: *Слушай, сын мой, и прими мои слова, дабы умножились пути твоей жизни. Пути мудрости Я покажу тебе, да не изсякнут в тебе источники* (Притч. 4:10, 11, 21), бьющие из самой почвы. Святой царь говорит о многочисленности спасительных путей не только для одного и того же праведника, но вообще о многочисленности спасительных путей; это значит, что как праведников много может быть, так и пути спасения их многочисленны ⁴⁷. Именно это он хочет сказать словами: *Пути праведных подобно свету светятся* (Притч. 6:18).

Заповеди и предуготовительные наставления суть также пути и средства к жизни, врата в нее. *Иерусалим, Иерусалим, сколько раз хотел Я собрать чад твоих как птица собирает птенцов своих* (Мф. 23:37; Лк. 13:34). Иерусалим значит: *видение мира*. Вышеприведенными словами Господь пророчески открывает нам следовательно то (во-первых), что Евреи были допущены до мирного созерцания священных тайн и что они были приготавлиемы к своему высокому призванию как *дети*. Что же вышло? А то только, что дело и ограничилось *хотением*. Господь *хотел*, но не мог. А сколько раз (во-вторых) Господь приготавлиал Евреев и каким образом? Дважды. Чрез пророков и чрез свое пришествие. Итак, выражением *сколько раз* показывается, что Божия премудрость употребляет для спасения людей различные пути, что пути эти как по количеству многовидны, так и по качеству многообразны. Но и то (в-третьих) открывается отсюда, что Божия премудрость постоянно заботится о нашем спасении не только во времени, но и в вечности. *Потому что Дух Господень наполняет вселенную* (Прем. 1:7).

А если бы кто, желая уязвить нас, привел против нас это место Писания: *Не внимай речам жены распутной, потому что с уст её каплет мед* (Притч. 5:3), разумея под распутной женой Эллинскую ученость, то пусть тот выслушает что следует (в Писании) за тем. *На время она услаждает твою глотку* (ст. 4), говорится. Но философия не льстит. О какой же распутной

женщине Писание говорит в сем месте? Это открывается из слов добавляемых за тем: *Ноги безумия во ад тех сводят по смерти их, кто внимает тем речам; пути же ея непостоянны* (ст. 5). *Так устрой посему, чтобы вдали от безумных удовольствий проходил путь твой. Не приближайся к дверям домов ея, дабы не предала иным здоровья твоего* (ст. 7–10). Потом в подтверждение сего Писание присовокупляет следующее: *Чтоб тебе не раскаиваться в старости, когда силы твои истощатся и твое тело ослабеет* (ст. 11). Таков конец безумного сладострастия; вот последствия этого рода удовольствий.

Иного рода изречение Писания: *Не долго будь у чужестранки* (Притч. 5:20). Сим выражением оно позволяет извлекать пользу из человеческих знаний, их применяя к жизни, но не дает оно права нам на той мирской учености успокаиваться окончательно. Интеллектуальные богатства, свойственные во всякое данное время каждой нации, для всех их состоят лишь пропедевтикой, располагающей их к принятию учения Господня. Конечно постоянно бывали люди, кои, будучи обморочены любовными напитками служанок (обольстительными чарами предуготовительных учений, состоящих не иных чем как служанками), презрительно относились к госпоже дома. т.е. философии, и состарелись одни на музыке, другие на геометрии, иные на грамматике, а большинство на ораторском искусстве ⁴⁸. Но так называемые курсовые науки, обязательные для людей свободных, представляют собой ступени, способствующие восхождению по ним к философии, которая состоит их повелительницей. И как они служебны философии, так и сама она есть пособница к приобретению истинной мудрости ⁴⁹; мудрость же есть знание вещей Божеских и человеческих с причинами их ⁵⁰.

Мудрость значит состоит госпожою над философией, подобно тому как философия состоит госпожою среди наук предварительных. Потому что если задача философии проповедовать воздержность в употреблении языка, в пользовании вещами, кои с чревом и подчревною имеют связь, и если она собой посредствует добродетель, то во много

раз для неё достопочтеннее и превосходнее подвизаться во славу Божию и споспешествовать познанию о Боге.

Сказанное нами в Писании подтверждается такого рода свидетельством. Сарра достигла старости, а все еще была бесплодна, хотя и состояла женою Авраама. Не рождая, она позволяет Аврааму сблизиться со своей служанкой ⁵¹, Агарью, египтянкой, с целью иметь от неё детей.

Точно так же и мудрость, состоявшая подругой верному, е. е. Аврааму, которому *вера вменилась в праведность* (Рим. 4:9), была в поколении том бесплодна и бездетна, не производя в лице Авраама плодов добродетели. По справедливости посему она желала, чтобы тот, кто до сих пор стремился в своей жизни к преуспеянию, но успехов еще не имел, вошел в связи с мирской наукой, – Египет символически представляет собою мир, – а после чтобы и с нею, с мудростью, сблизился для произведения на свет, по изволению Божественного провидения, законного наследника, Исаака. По истолкованию Филона (так надо понимать эту историю, ибо) слово *Агарь* означает «жилище по соседству», смежное поселение ⁵², почему и говорится в Писании: *Не долго буду у иностранки* (Притч. 5:20); имя же *Сарры* означает: авторитет мой ⁵³.

Итак, эти предуготовительные учения (первоначальное на светских науках развитие), приводят к мудрости, которой трон принадлежит и которая умножает собою род Израильский. Отсюда открывается, что мудрость учением может быть приобретаема ⁵⁴. Авраам именно этим путем до ней дошел, от созерцания вещей небесных перешедши к вере в Бога и праведности.

Исаак же слово того обозначает, кто не от других научается, но сам собою до чего-нибудь доходит ⁵⁵. Поэтому-то он и Христа прообразом оказывается. Он был уже одной жены мужем, а именно Ревекки, имя которой значит «терпение». Иаков же так называется потому, что боролся со многими противниками, ибо его имя означает атлета, «упражняющегося». Упражняться же можно лишь в том, что представляет собою науку некоторую многообразную и разнохарактерную ⁵⁶. Почему Иаков и другое имя получает и наименовается Израиль, что значит «истинно-

зрячий»: многоопытность и долговременные упражнения сделали его поистине провидцем ⁵⁷. Истолкование имен трех этих праотцев иудейского народа таким образом открывает нам, что на (религиозное) знание налагает печать силы и прочности отношение его к природе (к светской науке), к учености (к самостоятельности) и к практической, деловой жизни.

В Фамари имеешь ты и другой образ ⁵⁸ развиваемых нами начал. Она идет на уличный перекресток и садится здесь, разыгрывая роль meretricis. Видит ее любопытный Иуда, – Иуда значит сильный ⁵⁹, – ничего из найденного не оставляющий не осмотренным, без исследования, всматривается в нее и уклоняется к ней, от исповедания Бога однако же не отступая.

Уклонился Иуда к Фамари по тому же побуждению, по которому и Авраам временно сблизился с Агарью. Он ценил в человеческой философии лишь то, что содержит она полезного; посему когда Сарра стала завидовать, что служанке её, Агари, воздают больше почтения, нежели ей, госпоже ⁶⁰, Авраам сказал ей: *Вот рабыня в руках твоих; делай с нею что тебе угодно*. Как если бы так говорил он Сарре: «Мирское знание приветствую я не за иное что как за его юность (новость) и ценю его не больше чем простую служанку; в тебе же чту я истинную госпожу и твоё знание ценю как совершеннейшее. удовлетворяющее глубже и благороднейшее». А выражение: *И обижала ее Сарра равносильно: И поправляла и выговоры делала* ⁶¹. *Наставлений Господних, сын мой, не забывай и не отвергай Его обличений. Ибо кого любит Господь, карает. Своих чад, принимаемых на небо, Он еще здесь на земле поражает* (Притч. 3:11,12; Евр. 12:5,6).

Рассматриваемы будучи с отношением к другим прообразам, приведенные места Писания представляют собой изъяснение и других тайн ⁶². Здесь же мы только то на основании сих мест утверждаем, что философия доискивается истины и исследует природу вещей; истиной же сам Господь состоит, изрекший: *Аз есмь истина* (Ин. 14:6). Предуготовительные же учения, предшествующие во Христе успокоению, упражняют ум и пробуждают разумение,

порождают горячность и развивают проницательность в отыскании истины, а вместе с тем помогают достигать истинной философии, которую посвященные в неё находят в вещах священных, или в сокровище оном, полученном ими от самой Истины (т.е. Христа) ⁶³.

6. Учение, а не природа нас развивают до степени людей добродетельных. Оно весьма много влияет на образование в нас и самой расположенности к добродетели

Подготовленность предварительным учением много способствует разумению того, каким вещам следует отдавать предпочтение; знания и навыки, умом усвояемые, (обогащая его), в свою очередь способствуют развитию его (и новой жажде знания). Вещей же, умом постигаемых, есть три различных рода: величины неопределенные, величины определенные и мысли, содержимые словом ⁶⁴. Учение, сопровождаемое доказательствами, настолько в душе последователя упрочивает веру, что он отказывается и представлять себе дело иначе.

Если содержимое нами учение веры мы доказательствами обоснуем, то это и от различных обманщиков нас предохранит, не допуская, чтоб от бредней их мы с пути сбились и с толку. Душа, развившаяся на основательном изучении подготовительных наук, вырывается из-под власти внешних чувств, возбуждается и проникается силою и энергией, ее делающими способною к пониманию учения истинного.

Эта умственная развитость, эти целесообразные познания, умом усвояемые, они питают ум и его мышление так же, как пищей питается тело; и ими-то собственно и обусловливается дельность разных натур. Но и сами эти дельные натуры, воспитавшиеся на предварительных учениях, благодаря им постоянно вперед могут идти по пути улучшения, в различных отношениях делаясь лучше, а равным образом на создание и других дельных натур влияя даже еще более лучших, чем сами они. В царстве животном и вообще ведь замечается это.

Посему пойди, о ленивец, к муравью и постарайся стать мудрей его. Во время жатвы он заготавливает много разного рода припасов, обезопасивая себя на зиму (Притч. 6:6). Или: Пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива, ибо и она с цветов луга соки собирая производит сот (Притч. 6:8).

Господь нам заповедал *молиться в комнате* (Мф. 6:8), *духом покланяясь* (Ин. 4:8). Значит не только целесообразным для сего устройством дома должно озабочиваться, но и своей души воспитанием, т.е. чем её питать должно и как и в каком количестве; что из неё должно быть устранено и что в ней сохраняется в качестве сокровища; и что в ней на передний план должно быть выдвинуто и для каких целей.

Не природа, а ученье делает нас приятными и добрыми, подобно тому как ученье же образует врачей и моряков. Все мы видим виноградную лозу и лошадь. Но только садовод узнает, плодovита она или нет и каков виноград с неё; и коновод сразу отличит лошадь вялую от бегущей быстро.

То обстоятельство, что добрые результаты в некоторых областях знания достигаются лишь людьми, кои от природы одарены высшими способностями, хотя и доказывает собою с несомненностью, что душа одних к добру способна больше, нежели душа других, и все же это обстоятельство отнюдь еще о том не свидетельствует, что более совершенное приближение к истине обусловлено одной природою этих особенных людей. Осуществляются и притом важнейшие из добродетелей людьми с природою и противящейся истине, если бывают они в том наставляемы и если те наставления ими принимаются.

С другой стороны впадают в порок и расположенные к добру люди, если они получили превратное воспитание или если и вовсе относительно их оным пренебрегли.

Дело в том, что уже при сотворении Бог вложил в нас начала истины и создал нас для жизни общественной; т.е. не заключая к тому отсюда, что добродетель в нас развивается уже из самого этого дара, с необходимостью должны мы допустить, что вложенные в нас искры добра раздуваются воспитанием; учение нас наставляет избирать добро и его предпочитать злу⁶⁵. Конечно можно быть верующим и без науки; зато разуместь излагаемое верою неуч не в состоянии. Здоровое учение принимать, а дурное отвергать может не простая вера, а та лишь, которая опирается на науку.

Если же на том основании что жить добродетельно как бедные могут, так и богатые, кто возразил бы мне, что

невежеством, невоспитанностью и ничегонезнанием значит наравне с ученостью посредствуется знание вещей Божеских и человеческих, то мы утверждаем вопреки сему, что прошедший свободные науки легче и скорее заявит себя какой-нибудь добродетелью, хотя не так однако же это понимать следует, будто без них добродетель и не может быть усвоена, а так лишь, что у учившихся и чувства больше изощряются ⁶⁶.

Ненависть, говорит Соломон, возбуждает раздоры, учение же наблюдает пути жизни (Притч. 10:12,17); тогда нас трудно бывает ввести в обман и не бываем мы заводимы на распутья теми, которые на пагубу слушателей развивают учения непотребные. *Не вразумленный же учением заблуждается,* говорит Писание (Притч. 10:17). Следует значит со способами знакомиться учения доказывать, а противников опровергать, дабы в состоянии быть отражать ложные мнения софистов.

Весьма похвально и установившегося о нем мнения как о человеке «счастливом» достойно Анаксарх пишет в книге «О царстве»: «Многоученость может много помогать, но много и вредить может приобретаемому её. Помогает она тому, кто стоит её; вредит же тому, кто болтает что и где ему вздумается. Следует и в распространении истины благоприличие времени наблюдать. Этого требует совершенство мудрости. Кто пред дверьми поет, тот хотя бы и нечто дельное и искусно пел, не может считаться за мудрого, но свидетельствует лишь о своей глупости». И Гезиод говорит:

Музы даруют поэту многоречивость, вдохновение и звонкий голос.

В сих словах многоречивым поэт называет мужа плодovitого; голосистым же называет он мужа остроумного и пылкого ⁶⁷; а вдохновляемым от самого Божества называет он и того, кто в одно и тоже время и искусен и философ и сведущ в истине.

7. Философия пролагает путь к небу. Путем сим однако же не состоит ни один из тех, кои указываются частными философскими школами, а тот который расчищается церковью

Итак, открывается, что предуготовительные оные науки, изучаемые свободными Эллинами, наравне с философией, происходят от Бога. Происхождение это нужно понимать не так однако же, как если б сам Бог наставлял людей чрез те науки, но так, что подобно некоему дождю они усыряют собою безразлично и плодоносную почву и навоз и крыши домов. Одинаково посему влияет дождь сих наук на произрастание и плевел и пшеницы. Возрастает под влиянием его и смоковница на кладбище и иные деревья инде, еще более неприхотливые. Эти случайные под влиянием сего дождя наук порождения поля душ человеческих даже еще красивее нарочитых плодов его. Одним и тем же благотворным влиянием сего дождя наук обуславливается порождение и тех случайных продуктов человеческого духа и продуктов почвы его плодородной, но первые не имеют ценности последних; потому обыкновенно они или сами собою засыхают или же бывают насильно исторгаемы.

Притчей Господа о сеятеле, Им самим истолкованной (Мф. 13; Мк. 4), очень хорошо раскрывается наш предмет. Возделываемым полем состоят люди, а единственным сего поля Земледелателем состоит Единый, начиная с сотворения мира свыше рассеивающий по сему полю питательные семена, постоянно орошая их при посредстве Божественного Логоса. Рассеиваемые по сему полю зерна все суть свойства питательного, но различие времен и разнообразие осеменяемой почвы влияет на различие и произведений её.

Есть конечно различие между этими зернами и в рассуждении питательности. Так Божественный Земледелатель рассеивает пшеницу, но существуют и её различные виды. А Он сеет кроме того еще ячмень, бобы, горох, семена различных овощей и цветов, возвращаемых в садах.

Один и тот же Земледелец, но Он работает то на полях, то в садах, то над виноградниками. Он же и о том наконец заботится, чтобы покрыта была почва разного рода деревьями и чтоб она питала их.

Подобным образом домашние животные все требуют ухода за собой, но сей уход соответствовать должен роду животных. В одном состоит искусство пасения овец, и особого рода знаниями обуславливается пасение волов; отлично от сих искусство наезжания лошадей и различно от сего искусство дрессировки собак; несходно опять с этими искусство разведения пчел; и однако же все эти искусства полезны в сей земной жизни.

Под философией же я не разумею ни философии Стоической, ни Платоновой, ни Эпикурейской, ни философии Аристотеля, а эклектическую, наилучшие из всех их положения, касающиеся правоты, ведения и гуманности ⁶⁸.

В том же, что в свою мудрость с искажениями заимствовали из человеческой философии софисты, ничего не вижу я Божественного.

Приходится впрочем иногда (для определения в сей мирской мудрости элементов Божественных) и на то обращать внимание, хорошо ли те живут, кто (свыше) не научен добродетели. Случается, что и они хорошо поступают; некоторые же и приближаются к истинному учению, сознавая, что все дело в нем и что оно должно быть целью.

Авраама вера оправдала, а не добрые дела (Рим. 4). Подобным образом и последователям различных философских школ все их добрые дела не были в пользу, вера же их им послужила ко спасению.

Бог устроил так, что священное Писание было переведено на Греческий язык; и таким образом у философов отнят был всякий предлог к незнанию истины; стоило лишь пожелать, и истину они легко могли узнать.

Иное дело слышать рассуждающего об истине и иное дело слышать, как истина сама о себе свидетельствует. Иное дело гадать об истине и иное дело с ней с самой иметь сношения; различие
большое
между

представлением и действительностью. Есть наука постигаемая учением и трудом; и есть наука, основанная на авторитете и состоящая плодом веры. Учение, нас наставляющее истинному Богопочтению, есть дар нам свыше, подобно тому как вера есть плод действия в нас благодати. Лишь с тех пор мы начинаем познавать волю Божию, как начинаем (во благодати) исполнять ее ⁶⁹. *Отворите мне врата правды*, говорит Писание, *чтоб вошед в них мог я прославить Господа* (Пс. 117:19).

Пути же, ведущие к истине, многочисленны и разнообразны, ибо Бог по благодати своей различными средствами пользуется для спасения людей, и все эти пути выводят нас на путь Господень и приводят к вратам Господним. Если же вы спросите о пути царском и указанном самим Богом, то вот вам ответ: *Вот врата Господни: праведники войдут в них* (Пс. 117:20) ⁷⁰. Много врат к истине отверзто, но только врата праведности выводят на путь, что ко Христу; блаженны все вступавшие на путь сей и себя заявлявшие на нем святостию жизни и ведением. Посему Климент в своем послании к Коринфянам в следующих выражениях перечисляет различные пути, кои признаны церковью за истинные: «Один да будет просто верующим; другой пусть состоит носителем священного знания; сей да будет мудр в различении речей (1Кор. 12:8,9,10); этот да отличается энергией деятельности».

8. Софистика и иные искусства, лишь в словах состоящие, суть искусства бесполезные

А замысловатое искусство софистическое, которым столь ревностно занимаются Эллины, представляет из себя силу лишь воображаемую; все оно состоит из набора слов, коими истина лишь затемняется, а неистинное мнение выдается за неложное. Искусство подбирать напыщенные слова и препирательство без конца, вот его средства; в первом из сих средств заключается вся его убедительность; вторым же оно поддерживает спор и одерживает верх в нем. Кто бы ни делал применение из такого рода хитростей, на всяком это отзовется губительно, именно потому, что не соединяется с сим дельного знания и любви к нему. Вот почему Платон это софистическое искусство назвал положительно губительным. Аристотель был того же мнения о нем. Он объявляет, что софистика представляет из себя плутовать искусство; мошеннически она разыгрывает роль представительницы якобы заправской высшей учености и себе усвоит знание тех самых наук, изучением которых не только никогда не занималась, но и пренебрегает коими.

Для выяснения природы софистики и её приемов скажу кратко следующее. Риторика имеет своим исходным пунктом вероятное; средством для достижения целей ей служит аргумент; её цель – убеждение. Искусство диалектическое (спорить) поставляет для себя началом также возможное; средством убеждения для него служит спор; его цель – победа. Софистика поставляет своим началом также правдоподобное. Но способ убеждения у ней двоякий; один приближается к риторическому и имеет вид последовательного раскрытия дела; другим она заимствуется от диалектики, придавая ему форму вопросительную; её цель – возбудить удивление, довести слушателя до разинутия рта и до онемения. Но и в школах этой самой диалектики, столь превозносимой общественным мнением, постановка представляет собою не иное что как каляканье того и другого философа об общепринятых мнениях,

упражнение себя в искусстве диспутировать и оказываться находчивым в споре. Истины же чрез неё не преподаются нигде.

Преславный Апостол, выражая презрение к этим пустым искусствам, вращающимся лишь в словах, имел значит все основания сказать про софистов: *Здравым учениям они не следуют, а распалены некоторою страстию к учительности, ничего однако же не зная; ум их болезненно обращается на состязания и словопрения, от которых происходят распри, зависть, злоречие, лукавая подозрительность, пустые споры (не во время и о пустяках) между людьми ума поврежденного, истины чуждыми* (1Тим. 6:3–5) Понимаешь, конечно, что Апостол с порицанием о таких людях отзывается? Суесловие их он называет болезнью. А греческие и иностранные софисты так чванятся им и это губительное пустобайство столь нравится им.

Трагический поэт Еврипид также считал его за болезнь. В своей драме: «Финикиянки» он такое мнение высказывает об одном из сих пустоплетов:

А речь без правды

Болезненна в самом существе своем: потребно тут
целесообразное применение средств целебных (ст. 471, 472).

Учение же о спасении у Апостола названо *здравым учением*, потому что Логос, его преподавший, есть сама истина. И что здраво, все то бессмертным остается; а что от здорового и Божественного удаляется, все то есть нечестие и представляет собою болезнь смертельную. *Хищные волки* (Мф. 7:15) – эти софисты, вот они кто, лишь прикрывающиеся *овечьей шкурой*. Это – поработители своих ближних, из людей свободных их обращающие в рабов; это – сладкоречивые обольстители душ; плуты это, но тайные и в плутовстве их уличить трудно; все свое лукавство и все свои силы они употребляют на то, чтоб нас, простых людей, с искусством их суесловия незнакомых, полонить.

Часто бывает, что человек не обладающий даром красноречия,

Хотя бы и основательное что говорил, производит свою речь

меньшее впечатление, нежели человек красноречивый.

Особенно в ваши дни в реке слов топят несомненнейшие истины,

Лишь бы воспрепятствовать появлению истины на свет,
говорится в трагедии ⁷¹.

Так поступают эти столь охочие до споров философы, учение ли какой школы излагая или в диалектических хитростях упражняясь. «Они, говорит свящ. Писание, снимают ткань с ткацкого станка, но не они ткань ту ткали» ⁷²; переливанием из пустого в порожнее вместо этого они занимаются. *Лукавством и хитрым искусством, уловляющим, людей в сети заблуждения*, называет Апостол это искусство (Еф. 4:14). *Ибо есть, говорит он, много непокорных, много пустословов и обманщиков* (Тит. 1:10)

Итак, не ко всем обращено слово: *Вы соль земли* (Мф. 5:13). Даже между знакомыми с Божественным учением есть люди подобные морским рыбам, которые требуют приправы солью, хотя с рождения жили в соленой воде. Вполне посему согласен я с словом трагического поэта:

Сын мой! Речи, искусно сложенные, зачастую лживы.

Благодаря красотам стиля часто они верх одерживают над истиной.

Но не это в них всего больше следует ценить,
А сущность и дельность. Человек красноречивый
конечно есть человек искусный и способный.

Но что до меня,

То я постоянно отдавал бы предпочтение лучше
сущности дела, нежели прекрасным словам ⁷³.

Не следует добиваться расположенности толпы. Наши учения, наши знания не представляют для неё ничего приятного; они далеко расходятся со вкусом её. *Не будем, говорит Апостол, стремиться к суетной славе, друг друга возбуждая, друг другу завидуя* (Гал. 5:26). Поэтому и друг истины, Платон, как бы по внушению Божию, изрек сие: «Мои правила таковы; я сдаюсь только на те доказательства, кои по исследовании оказываются вероятнейшими» ⁷⁴. Этими словами он осуждает тех, которые, не ознакомившись с делом и его своим

умом не обследовав, верят первому до них случайно дошедшему лживому учению.

Непозволительно оставлять учение здоровое и правое для принятия вращающегося во лжи пустословия. Совращаться с пути истинного дело дурное, а говорить только истину и излагать вещи действительно существующие – дело доброе.

Бывает, что и не по своей воле люди лишаются разных драгоценных благ. Теряют они их, то поддаваясь обманам других людей, то сдаваясь на их обольщения, то нахальству их уступая, то по маловерию своему им не противустоя. Легковерно принимая их учения они сами виноваты, что бывают застигаемы врасплох; они слишком торопятся дарить согласием лживое учение, потому и попадают в западню; мало они остерегаются и забывают, что при недостатке бдительности, то время из нашего ума, если он бывает предоставлен самому себе, может выкрасть убеждение, то слово неразумное. Но часто оставляются убеждения, раз принятые, и в минуты досады, опасения, спора или гнева. Становятся жертвами заблуждения люди, также увлекаясь сладострастием или одолеваемые чувством страха. А всего более значения во всех этих падениях мысли имеет воля. Истинное же знание не подлежит ни одной из этих превратностей.

9 . Знание наук человеческих, имеющих соотношение с философией, необходимо для разумения свящ. Писания

Некоторые же воображают, что очень умно делают, когда не хотят ни с философией иметь дела, ни с диалектикой, ни естественных наук не хотят изучать, а одной только простой и чистой верой удовлетворяются. Это все равно, как если бы утверждали они, что никакого ухода за виноградной лозой не нужно, а достаточно только посадить ее, чтоб иметь с неё грозды.

Если же напротив за виноградною лозою уход был тщателен и происходил с соблюдением всех правил земледельческого искусства, т.е. согласно с заповедями Логоса, то Господь сам обещается стать в том гроздами, плодоношение того себе усвоая и называясь в смысле иносказательном *виноградною лозою* (Ин. 15:1).

А уход тот состоит в подрезывании, в окапывании, в подвязывании и в других около неё работах.

При уходе же за виноградной лозой, само собою разумеется, ножом, заступом и другими земледельческими орудиями приходится пользоваться.

А в земледелии, так же как и в медицине искусен тот лишь, кто изучил разные с ними и имеющие соотношение науки, наставляющие его, как лучше землю обрабатывать и как удачнее лечить.

Точно так же и в религии. Все сводящим к учению истинному может быть человек только основательно ученый. Такой пользуется и из геометрии многим и из музыки и из грамматики и из философии для защиты веры от посягательств против неё. (Это обращает внимание на нее). Ибо, как мы уже говорили ранее, не пользуется вниманием ни атлет, не подготовлявшийся к состязанию предварительными упражнениями. Подобным образом мы удовольствие выражаем и при виде или имени многоопытного лоцмана, «видевшего городов много и людей» ⁷⁵ – и при имени врача,

имевшего много практики, за что некоторые и называют таких врачей опытными. А тот, кто все частные проявления добродетели относит к идеалу одной и той же правой жизни, во свидетельство именно сего все примеры приводя из истории философии как эллинской так и чужеземной, тот весьма толковый исследователь истины и действительно состоит «мужем мудрого совета» ⁷⁶. Его можно сравнить с пробирным камнем, – иначе такие камни называются Лидийскими, – посредством которого, говорят, можно отличать чистое золото от содержащего примеси. Точно также и из нас человек много знающий и толковый (гностик) сумеет различать софистику от философии, напускную красоту от развитой чрез гимнастику, лакомые кушанья кулинарного искусства от одобряемым на здоровье медициной, риторику от диалектики; наконец различит тот и в философии варварской заблуждения от истины.

(Но и с другой стороны философия для Богослова необходима). Ужели не необходима для того она, кто хочет приблизить к своему разумению идею напр. всемогущества Божия? Это ведь один из тех предметов, кои постигаемы лишь умозрением.

Как полезно для Богослова уметь проникать в истинный смысл некоторых темных мест свящ. Писания, допускающих различные толкования! Чрез подобное освещение некоторых обоюдных изречений Писания Господь мудро отразил искушение диавола (Мф. 4:4). А некоторые и после сего все еще считают диавола изобретателем и философии и диалектики. После этого и я не могу понять, как же это диавол допустил себя сбить с толку и в тупик поставить затруднительным для понимания изречением?

Но положим, что пророки и Апостолы не знали наук, служащих материалом для философии. И в этом случае знакомство с светскими науками необходимо. Смысл многих пророческих и учительных мест Духом в них действовавших выражен прикровенно, потому что не всех слух одинаково развит для понимания смысла тех изречений. Истолкование таких мест Писания без помощи светских наук невозможно. Сами пророки и ученики Духа (Божественного) смысл таких мест

понимали без затруднения, ибо верую они уразумевали, что им Дух внушал. Но если такой способ проникновения в говоримое Духом уже для них был не легкий, то как можем проникнуть в смысл тех мест Писания мы, подобным образом Духом не наставляемые?

«А эти заповеди, говорит Писание, запиши в себе двояким образом: на своей воле и в сознании твоём, дабы мог ты отвечать словами истины вопрошающим тебя» ⁷⁷. Но это умение отвечать и спрашивать какое же иное как не диалектика? Что же? И говорение значит не представляет ли собою особого вида труда? И (особенно) сия деятельность не от Логоса ли (Сына Божия) истекает? Потому если отдаемся ей без Логоса (без разума), то не отдаемся ли делу неразумному? Дело же сие если из разума будет истекать, то и с волею Божиею (словом Божиим) будет согласно. *И без Него ничто не произошло* (Ин. 1:8), говорит Писание; без Него, т.е. Бога Слова (Логоса, разума), ибо и Господь не Логосом ⁷⁸ ли все сотворил? Трудится и подъяремный скот под вынуждающим действием страха. Нам ли, так называемым правоверным, прилежать к добрым делам без знания того, что делаем?

10. Должно заботиться больше о добродетели, нежели о красноречии

Поэтому-то ⁷⁹ Господь, взявши хлеб, сначала сказал и благодарил; потом преломивши предложил его ⁸⁰, дабы и мы вкушали от него разумно (понимая, что делаем) и чрез изучение Писаний вели себя в качестве граждан (нового) государства (членов церкви) согласно с заповедями тех Писаний.

Злоупотребляющие же словом ничем не отличаются от злодеев. Речь ненавистливая есть род меча и злоречие такие же раны наносит, какие и от него бывают. Действие и того и другого отзывается на жизни губительно. Таковы последствия речи непотребной.

А пользующиеся словом разумно приближаются к людям добродетельным. И словом ведь душа может быть в себя приведена и обращена к правоте и образу жизни благочестному.

Счастлив тот, кто одинаково хорошо владеет обеими руками.

Однако же, владеющий даром дельно говорить, не имеет права того порицать, кому дарована возможность добро творить; а последний в свою очередь не должен презирать первого. Каждый да будет деятелен в исполнении той задачи жизни, для которой он рожден. Один да заявляет себя делом, другой да действует словом; один да указывает путь добрым примером, другой да побуждает слушателей к добродетели словом.

Слово столь же спасительно как и дело. Без слова нет права. И как нет благодаяния, где нет благодетелей: так нет ни веры там ни послушания, куда не допускаются учительность и учащий. Будем посему помогать друг другу и словом и делом.

Избегать следует, и особенно тщательно лишь духа распрей и искусства софистического. Своим пустобайством лжеумствователи эти не только околдовывают целые массы слушателей, не только в заблуждение вводят, но и всецело себе

подчиняют, а им, (проникая сердца их ненавистью), доставляют победы Кадмовские ⁸¹.

Высшей истинностью дышит это слово Псалмопевца: Праведник *останется жить навсегда и не увидит могилы, хотя и узрит смерть мудрецов* (Пс. 48:10,11). Кого псалом называет мудрецами? Узнай о сем из книги Премудрости Иисуса: *Не есть мудрость знание худаго* (Сир. 19:19). Разумеется здесь мудрость, сколько её есть в искусстве разглагольствования и диспутирования. *Будешь искать мудрости у непотребных и не найдешь* (Притч. 14:6). А если станешь спрашивать: Где ж она, то вот ответ: *Уста праведника каплют премудростью* (Притч. 10:31). И учение истинное и софистика следовательно называются мудростью, по последняя в смысле обоюдном.

Что же до меня касается, то я единственной поставил себе целью, – и думаю, что верно, – это – жить согласно с заповедями Логоса и проникать в дух Его учения; – никогда не озабочиваться красноречием, а довольствоваться лишь выяснением для других того, до уразумения чего сам достиг. И к чему мне о том заботиться, в каких выражениях передать мной понимаемое? Поставить на путь спасения души, жаждущие спасения и содействовать их спасению, вот наипрекраснейшее в моих глазах дело, а не мелочной подбор слов с целью навдевать на речь как бы какие мелкие женские наряды. «Если не будешь очень озабочиваться словами, говорит Пифагореец в «Политике» Платона, то тем мудрее окажешься под старость» ⁸². И в «Феатете» найдешь: «Пользоваться в речи именами и глаголами с некоторой свободой, без тонкого обращения внимания на смысл их, не всегда бывает неблагородно (не всегда может служить признаком недостаточно развитого вкуса): больше рабства, несовместимого с достоинством человека свободного, скорее может быть в противоположном сему пользовании ими. Однакож и последнее иногда бывает необходимо» ⁸³.

А как же это дело со стилем обстоит должно? Весьма кратко говорит о сем Писание таким образом: «Не очень-то в словах распускайся» ⁸⁴. Слог, это – одежда, а излагаемый

предмет из себя представляет как бы мясо и нервы тела. Не следует об одежде больше заботиться, нежели о здоровье тела. Не только на воздержный образ жизни тот себя обрекает, кто выбирает жизнь согласную с истинным учением, но и в своих речах тот должен отказываться от всяких чрезвычайных утонченностей и затейливой украшенности. От всякой вообще надутости и роскоши должны мы отказаться по причине сетей, какие они представляют собой и от всех излишеств, источником коих они служат.

Мы должны отказаться от них, говорю я, подобно тому как древние Лакедемоняне изгнали и из своей среды употребление разных приятностей, как-то: ношение пурпурных одежд, подкрашенных и умщение себя искусственными благовониями ⁸⁵. Не то кушанье хорошо приготовлено, в котором больше приправ, чем питательных веществ: подобно этому и речь не та должна быть считаема за приятную и тонко сложенную, которая заботится больше о доставлении удовольствия своим слушателям, нежели пользы. Пифагор нас убеждает оказывать предпочтение лучше Музам чем Сиренам ⁸⁶. Он советует не предаваться удовольствиям, с мудростью не соединимым ⁸⁷, а смотреть на оные как на своего рода обольщение, которое душу омрачает и губит.

Что же касается до рассказов: про некоего человека, благополучно проплывшего мимо Сирен ⁸⁸ и про другого, отгадавшего иносказание Сфинкса ⁸⁹, то, – если хотите, – не существовало ни того ни другого.

Нечего расширять слишком филактерии ⁹⁰, добиваясь славы лишь воображаемой и действительной ценности не имеющей. Истинно разумный человек удовлетворяется, если случай ему доставляет хотя одного слушателя ⁹¹. И здесь будет уместно внять слову и Пиндара Бэотиянина. Он пишет: «На устах далеко не всех (ныне) может быть открыта древняя (краткая и содержательная) речь. Вернее иногда её будет искать на устах молчаливых. (Ныне) и красноречивейшая речь возбуждает лишь задор и споры» ⁹².

Блаженный Апостол посему имел все основания советовать нам *не вдаваться в словопрения, ничем не сопровождающиеся*

кроме как вредом для слушателей. Непотребного пустословия он увещевает удаляться. Своими речами такие люди лишь умножают беззакония. Их учение, как рак распространяясь незаметно, влечет за собой растление нравов (2Тим. 2:14, 16, 17).

11. От какого рода мирской мудрости и философии заповедует уклоняться Апостол?

Итак, названная (выше) мудрость мира сего есть безумие пред Богом. Знает Господь, что умствования сих мудрецов суетны (1Кор. 3:19,20). Никто посему пусть не хвастается человеческим знанием (1Кор. 3:21), с ним вперед выставляясь. Хорошо на этот счет написано у Иеремии: Да не хвалится мудрый мудростию своею; и да не хвалится сильный силою своею; и да не хвалится богатый богатством своим. Но да хвалится хвалящийся сего разумением и знанием, что Я есмь Господь, творящий милость и суд и правду на земле. Ибо только на это воля Моя, как говорит Господь (Иер. 9:23, 24), и как объясняет оную Апостол, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, который избавил нас от столь ужасной смерти (2Кор. 1:9,10), дабы вера наша основывалась не на мудрости людской, но на силе Божией (1Кор. 2:5), ибо духовный судит о всем, а о нем судить не может никто (ст. 15).

Внимай и этим словам Апостола: Это говорю я для того, чтобы кто не прельстил вас вкрадчивыми словами (Кол. 2:4) и чтоб кто не увлекся пустым обольщением (ст. 8). И опять: Смотрите, чтоб кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу (Кол. 2:8).

Философию же осуждает здесь Апостол не всю, а только Епикурейскую, о которой упоминает Павел и в кн. Деяний Апостольских (Деян. 17:18), ее за то осуждая, что она отрицает провидение и зачисляет в число богов чувственные удовольствия. Но тому же порицанию подлежит и всякая другая философия, если она чтит стихии, не признавая сотворенности за ними, но бытие и самого Творца отвергая. И Стоики сюда же относятся, о коих также упоминает Апостол (Деян. 13:18) и которые лживо учат о Боге, что Он есть субстанция телесная и проникает собою всю, даже и грубейшую, материю

Преданием же человеческим Апостол называет слишком уже перехитренные и дробные утонченности словоупотребления, почему и пишет о них: *Юношеских* ⁹⁴ *разследований избегай* (2Тим. 2:22,23), ибо нечто ребяческое представляет этого рода зазор на них ⁹⁵.

„Добродетель же держится не на ребяческой (изменчивой и прихотливой) расположенности к ней» лишь одного какого-нибудь периода времени, говорит Платон. И наши стремления и напряженные старания, по Горгию Леонтинцу, с необходимостью от нас требуют двух добродетелей (из отличных душевных свойств, сил, преимуществ двух): мужества (отваги) и мудрости (практической сноровки); первая мужественно идет на встречу и противостоит опасностям, а вторая проникает в знамения времени. Ибо Логос, подобно герольду на Олимпийских играх, зовет хотя и всех, кто хочет, но увенчивает только того, кто силу, способности и искусство обнаруживает непобедимым оставаться, апеллируя лишь к истине. Логос и подлинно не хочет, чтобы верующий в Него бездейственным оставался. *Ищите*, говорит Он, *и найдете* (Мф. 7:7). Но расследование преобразовывает Он в обретение, уверовавшего как бы на противоположный берег или уже и на нивы по ту сторону гроба еще здесь, в сей жизни, переводя, бессодержательную болтливость из своего общества изгоняя, а одобряя исследования лишь созерцательные и только оным цену придавая как таким, коими наша вера упрочивается и утверждается.

Говорю же это для того, чтобы кто-нибудь не обольстил вас набором утонченных, но лживых доказательств, говорит Апостол (Кол. 2:4). Ясно, что Апостол внушает верующим точно вдумываться в говоримое такими людьми и к предносимому ими наставляет относиться с недоверием.

Посему как последовали вы за Господом Христом Иисусом и наставлены в Его учении, так и действуйте согласно с оным, в нем укореняясь (для начал своей мысли в нем ища пищи) *и возсозидаясь и утверждаясь в вере* (Кол. 2:6,7). А твердым основанием веры состоит убеждение. *Смотрите, чтобы кто не отвлек вас от веры во Христа*

философиею и пустым обольщением, отрицающим провидение по преданию человеческому (ст. 8).

Философия, что по Божественному преданию, та признает и утверждает провидение; для той же, которая оное отрицает, домостроительство относительно (дарования нам) Спасителя кажется басней, и тогда мы *носимся* (оказываемся в нужде обмогаясь, мыкаемся) *по стихиям сего мира, а не по Христу*. Ибо согласное с Христовым учение как этот мир производит от Бога, так и промысл видит даже в частностях; о стихиях же мыслит как о происшедших и признает за ними природу изменчивую. Оно учит нас управлять стихиями, дабы по духовным способностям в сем отношении нам походить на Божество, Его домостроительство поставляя во главу всякого воспитания и науки.

Стихиями же считают: Диоген – воздух, Фалес – воду, Гиппас – огонь; и они производят оные как из начал из атомов, (лишь) прикрываясь именем философии, (на самом же деле) состоя людьмишками любострастными и безбожниками ⁹⁶.

Посему о том молюсь, говорит Апостол, чтобы любовь ваша все более и более преизбыточествовала познанием и всяким чувством, дабы познавать вам лучшее (Фил. 1:9,10). Так как доколи мы были в детстве, говорит тот же Апостол, *были поработаны вещественным началам мира (Гал. 6:3).* Находящийся же в детстве, хотя бы и наследником состоял, ничем не отличается от раба даже до срока, Отцом назначенного (ст. 1 , 2).

Духовно посему находятся (еще) в детском возрасте и философы, если не становятся во Христе мужами. (Применимо и к ним написанное, что) *сын рабыни не будет наследником с сыном свободной (Быт. 21:10; Гал. 4:30),* хотя и сын рабыни состоит все же истинным семенем Авраама, в различие от потомка по обетованию получая лишь дар особенный ⁹⁷.

Совершенным же свойственна твердая пища: их чувства навыком приучены (уже) к различению добра и зла (Евр. 5:14). Да. Потому что всякий, питаемый молоком не сведущ в слове правды, так как он младенец (ст. 13) и еще не знает (вполне)

учения, в которое уверовал и по которому действует ⁹⁸, не в состоянии будучи дать отчета в нем.

Испытывайте же все, говорит Апостол, а удерживайте доброе (1Сол. 5:21), говоря это духовным, которые всё им предносимое под видом истинного учения обсуждают, действительно ли то истинно (1Кор. 2:14). Не вразумленный учением заблуждается (Притч. 10:17), ученья же мудрости (вразумление же) ранами сопровождается и обличениями (13:25); само собою разумеется: обличениями, любовью проникнутыми. Чувство правое ищет знания (Притч. 15:14). Потому ищущий Бога обретет знание с правдою; искавшие же его надлежащим образом мир нашли ⁹⁹.

А я испытаю, говорит Апостол, не слова возгордившихся, а сил у (1Кор. 6:19). Он пишет это в порицание тех, которые хотя и считают себя за мудрых, но таковыми на деле не состоят. Не в слове царство Божие (1Кор. 6:20). Не в том, хочет сказать Апостол, кто не искренен (на деле) и лишь на словах из себя представляет нечто привлекательное, а в силе, ибо только истина (согласие слов с делом) могущественна. И опять: Если кто думает, что он знает нечто, тот ничего еще не знает так, как должно знать (1Кор. 8:2). Истина вовсе не есть мнение (мечтательность и сомнение); мнение о знании лишь надмевает и кичливостью проникает. Созидает же любовь, вращающаяся не в мнениях, а в истине; посему и говорится. Кто любит, сей позпает (ст. 1, 3).

12. Не пред каждым встречным следует открывать истины веры, потому что не все слушатели одинаково расположены к истинному учению

А так как сие предание может дойти до слуха не только тех, кто в состоянии постигнуть его величие, но по местам до слуха и других, то следует сию премудрость, открытую Сыном Божиим и *возвещаемую в неприкосновенной святости* (1Кор. 2:7), передавать под покровом. Именно посему уже и у Исаии пророка язык огнем очищается (Ис. 6:6,7), дабы он мог рассказать видение. И не только уста, но и слух свой нам следует очищать, если хотим стать участниками истины. Эти соображения до сих пор меня удерживали и от писательства. Но я и ныне опасаясь *бросать жемчуг пред свиньями. чтоб оне не попрали ею своими ногами и обратившись не растерзали нас* (Мф. 7:6). Опасно об истинном свете говорить в выражениях искренних и как зеркало ясных пред слушателями невежественными и на свиней похожими. Для толпы нет ничего смешнее подобных вещей, а для слушателей мыслящих нет ничего удивительнее их и Богооткровеннее. *Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает сие безумием* (1Кор. 2:14). Мудрые не разглашают того, о чем рассуждают в совете ¹⁰⁰.

Что на ухо слышите, говорит Господь, *проповедуйте на кровлях* (Мф. 10:27). Но здесь говорит Он о тайных преданиях, касающихся истинного знания, превосходно и возвышенно Им изъясненных. Он заповедует их принять и передать кому следует так же, как и слышали мы, на ухо. Но вовсе этим не заповедует Он безрассудно разглашать там и здесь тайны, которые и Им самим сообщены были в притчах.

Поэтому-то в сем нашем очерке воспоминаний истину (черты истинного учения) здесь и там мы рассеяли подобно семенам, дабы тем легче она могла ускользнуть от внимания суесловов, всегда готовых подобно воронам гаркать о ней. Если же этот мой очерк встретит доброго земледельца, то каждое в нем семечко даст ростки, а потом и пшеницу.

13 . Каждая из философских школ содержит некоторую часть истины

Истина одна ¹⁰¹, а отклонения от неё лжи бесчисленны. Подобно вакханкам, философские школы, Эллинские и варварские, разорвали сего Пентея (истину) на части и полученной частью каждая хвастается как будто бы владеет в ней всей истиной. Но с восходом Солнца ¹⁰² все в истинном свете является. Все как из Эллинов так и из варваров, добивавшиеся истины, в своих учениях, одни более, другие менее, содержат нечто из учения истинного, коего источником состоит Логос. Если настоящее, прошедшее и будущее представляют из себя части времени и если вечность их в себе объединяет, то тем возможнее для Истины ¹⁰³ её собственные семена собрать воедино, хотя бы они упали и на чуждую почву. И действительно в содержимых различными философскими школами учениях, – само собою разумеется, за исключением совершенно сумасбродных, которые подобно древним женам, разорвавшим мужа на части, разорвав порядок и разум природы ¹⁰⁴, от Христа (истины) совершенно отреклись, – между собою хотя и несогласных, можно открыть многие такие, кои в главном и в общих положениях с истинным учением согласны; каждое из них относится к целому или как часть или как вид или как род. В музыкальных инструментах самая высокая струна составляет противоположность самой низкой, и однако же обе они образуют одну гармонию. Точно так же и в числах чет от нечета отличен, и однако же арифметика говорит об обоих. Равным образом геометрия говорит о круге, треугольнике, четырехугольнике, хотя фигурами между собой они не сходны. Еще большее взаимное различие между частями вселенной, и однако же они имеют между собою то общее, что состоят в связи и соотношении с целым ¹⁰⁵. То же самое можно сказать о философии варварской и Эллинской. Они содержат отрывки вечной истины, только получили их не из мифологии Вакха, а из богословия вечного Логоса ¹⁰⁶. Пойми посему, что кто все эти рассеянные части соединит, тот, не подвергаясь

опасности впасть в заблуждение, созерцать будет истину совершенную, Логоса. Посему-то в Екклесиасте написано: *Приобрел я мудрости больше всех, которые были прежде меня в Иерусалиме и сердце мое (душа) знало многое; мудрость и познания имел я; кроме всего притчи знал и (разные) науки. И постиг я, что на все это воля Духа (Божественного) и что множеством мудрости обуславливается и глубина знания (Еккл. 1:16–18).* Только тот, кто владеет мудростью разнообразною, только он есть человек поистине разумный (гностик). И еще посему написано: *Широкое знакомство с мудростью оживотворит углубившагося в нее (Еккл. 7:18, Слав.).* Сказанное еще яснее подтверждается следующим изречением Писания: *Все ясно для разумеющих (Притч. 8:9).* А под этим все разумеется все Эллинское и варварское, хотя ни наука Эллинская ни наука варварская собой еще не объемлют всего. *Просто (и истинно) все это лишь для тех, кто чувство во все то хочет привнести (все испытующим вниманием во все то проникнуть) (Притч. 8:9).* *Выбирайте учение, а не серебро и знание более очищенное чем золото (Притч. 8:10).* Но предпочитайте и наблюдательность эту чистому золоту (Притч. 3:14, 15). Мудрость лучше камней драгоценных. Ничто драгоценное не может сравниться с нею (Притч. 8:11).

14 . Ряд Греческих философов.

Эллины утверждают, что после Орфея, Лина и древнейших современных им поэтов первые по своей удивительной мудрости были так называемые семь мудрецов. Четверо из них родом были из Азии, а именно Фалес из Милета, Биас из Приены, Питтак из Митилена и Клеобул из Линда. Двое по происхождению были европейцы, это Солон из Афин и Хилон из Лакедемона. Седьмым же одни называют Периандра из Коринфа, другие Анаксарха Скифа, третьи Епименида с о. Крита. Последнего Апостол Павел называет Эллинским пророком, выражаясь о нем в послании к Титу так: *Из них самих один пророк сказал о них так: Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые. Свидетельство сие справедливо* (Тит. 1:12, 13).

Видишь, как и Эллинским пророкам Апостол усвоит некоторую часть истины. И для назидания одних, а для приведения в чувство других (1 Кор. 15:34) не стыдится он рассуждая пользоваться Эллинскими стихотворениями. Ибо приведенный пример не единственный. Рассуждая в своем послании к Коринфянам о воскресении мертвых, он вводит в свою речь такой трагический ямб ¹⁰⁷: *Что пользы мне, если мертвые не воскреснут? Будем есть и пить, потому что утром умрем. Не обольщайтесь. Дурными сообществами портятся добрые нравы* (1 Кор. 15:32, 33).

Некоторые же зачислят в число семи мудрецов Акузилая Аргивянина, другие же Ферекида Сириянина. Платон же ¹⁰⁸, считая Периандра недостойным носить имя мудреца, потому что он был тиран, вместо него причисляет к ним Мюзона из Хэн. Немного ниже мы покажем, что эти Эллинские мудрецы жили много спустя после Моисея. Теперь же обратимся к их философии и покажем, что она отличалась некоторою таинственностью и была заимствована у Евреев. Так первое всего они стараются быть краткими, так как форма краткая есть самая удобная для передачи чрез нее правил и наставлений. Платон сообщает, что этой краткостью в древности отличались

все вообще Эллины, а особенно Лакедемоняне и Критяне ¹⁰⁹, у коих вообще выработаны были наилучшие законы.

Итак, изречение: «Познай самого себя» некоторые приписывают Хилопу. Хамайлеон же в своей книге «О богах» приписывает его Фалесу, а Аристотель – пифии. Возможно, что этим изречением вообще имелось в виду побудить нас стремиться к мудрости. Невозможно знать часть, если не знаешь сущности целого. Точно так же и для познания человеческой природы нужно сначала проникнуть в тайну сотворения мира.

Хилону Лакедемонянину приписывают это изречение: «Ничего слишком». Но Стратон в своей книге «Об изобретениях» его приписывает Стратодему из Тэгеи, а Дидим думает, что оно вышло от Солона.

Он же Клеобулу приписывает это изречение: «Наилучшее во всем, это – мера».

А об изречении: «Поручись за кого-нибудь и жди себе вреда» Клеомен в своей книге «О Гезиоде» говорит, что всего पहले оно вышло из уст Гомера, ибо у него встречается стих:

Дело плохое поручиться за плохого человека
(Одис. 8:351).

Аристотеля же последователи приписывают это изречение Хилону. Дидим же говорит, что это предостережение вышло от Фалеса.

Следующее за тем изречение: «Все люди злы» или: «Большая часть людей злы», – ибо двояким образом передается это изречение, – Сотад Византиянин приписывает Виасу.

А изречение: «Старательностью все побеждается» усвоят Периандру,

«Пользуйся же случаем», это изречение усвоят Питтаку.

Солон был законодателем Афинян, а Питтак в Митиленах.

И наконец Пифагор, друг Ферекида, первый себя называет философом.

От поименованных мужей происходят теперь три философские школы; а получили они название от мест, где процветали. Итальянская школа была основана Пифагором,

Ионийская Фалесом и Элеатская Ксенофаном. По Гиппоботу Пифагор был сыном Мнесарха с о. Самоса. Но Аристоксен в «Биографии Пифагора» и Аристарх и Феопомп утверждают, что он родом из Етрурии. А Нэант показывает, что он происходил из Сирии или Тира, так что если следовать большинству голосов, то Пифагор по происхождению был варвар.

Но и Фалес, как свидетельствуют Леандр и Геродот, был Финикиянин, а по другим происходил из Милета. Он, как кажется, был единственный из философов, слушавший учение лишь Египетских мудрецов; история не сообщает, чтобы он, а также Ферекид Сирянин, которого учеником был Пифагор, еще у кого учились.

Что касается Итальянской сей школы, то последователями её напоследок были жители Метапонта, где она и состарелась вместе с Пифагором.

Фалеса же преемником был Анаксимандр, сын Проксидама из Милета. За ним следовал Анаксимен, сын Еврюстрата из Милета. Далее следовал Анаксагор, сын Гегезибула, родом из Клазомен. Этот Ионийскую школу пересадил в Афины. Преемником его был Архелай, учитель Сократа.

Но этот последний, бывший каменотесом, великим проповедником справедливости, очаровывавшим Эллинов, покинул своего учителя,

говорит Тимон в своих «Силлах». Действительно Сократ отстал от физиков для морали.

Слушатель Сократа, Антисфен, основал Циническую школу, а Платон отделился в Академию.

Аристотель, слушавший философию у Платона, перешедши в Лицей, основывает школу Перипатетическую. Преемником его был Теофраст, а этого Стратон, а далее Люкон, потом Критолай, за тем Диодор.

Преемником Платона был Спевзипп, у этого Ксенократ, потом Полемон. Полемона слушателями были Кратес и Крантор, с коими древняя Академия и угасла.

Крантор имел учеником Аркезилая, от которого даже до Гегезилая процветала средняя Академия.

Гегезилая преемником был Карнеад и иные потом.

У Кратеса (Фивянина) был ученик, Зенон Киттиянин; он был основателем Стоической школы. Этому преемником был Ксеанф, а Клеанфу Хризипп и последующие.

Основателем Элеатской школы был Ксенофан Колофонянин. Тимей утверждает, что он жил во времена Сицилийского тирана Гиерона, и что он был современником поэта Епихарма. Но Аполлодор утверждает, что он родился в 40-ю Олимпиаду и жил до времен Кира и Дария. Ксенофан имел слушателем Парменида, а этот – Зенона. Далее следуют Левкипп, потол Демокрит. Слушателями Демокрита были Протагор из Абдеры и Митродор с Хиоса. Митродора слушателем был Диоген Смирнянин, а Диогена – Анаксарх, а Анаксарха – Пюррон, а Пюррона – Навсифан. Эпикур, по показаниям некоторых, был учеником этого.

Такова вкратце последовательность Греческих философов. Остается теперь показать, когда именно жили основатели этих школ, и тогда из сравнения хронологических данных откроется, что философия Еврейская древнее их на много поколений.

О Ксенофане, основателе Элеатской школы, это уже сказано.

А Фалес, по Эвдему в его «Истории астрологии», предсказал то самое солнечное затмение, которое произошло в день битвы Мидян с Лидийцами. Царем Мидии тогда был Киаксар, отец Астиага, а над Лидийцами дарствовал Алюатт, отец Креза. Во главе писателей, соглашающихся относительно сего с Эвдемом, стоит Геродот со своим показанием в 1-й книге его «Истории». Время этого затмения падает приблизительно на 50-ю Олимпиаду.

Говорится, что Пифагор жил в царствование тирана Поликрата, около 62-й Олимпиады.

История свидетельствует, что Мнэсифил, учитель Фемистокла, был соперником Солона. А Солон жил около 46-й Олимпиады.

Что до Гераклита, сына Бавсонова, то он убедил тирана Меланкому отречься от своей власти. Еще дата: Гераклит отказался от приглашения царя Дария переехать в Персию.

15. Большая часть Эллинской философии – происхождения чужеземного

Итак, время, в которое жили древнейшие из Эллинских мудрецов и философов, сравнительно позднее.

А что большая часть их по происхождению были чужеземцы и учились у чужеземцев, нужно ли о сем и говорить? Что Пифагор происходил из Этрурии или Туриума, это уже показано, Антисфен был Фригиянин, Орфей – Одрюсянин или Фракиянин. О Гомере большая часть показаний сводится к тому, что он был Египтянин. О Фалесе говорится, что он родом был из Финикиян и в близких связях состоял с Египетскими жрецами. О Пифагоре также известно, что он поддерживал сношения с ними и что изучая таинственную философию Египтян и желая посвященным быть в глубочайшие тайны учения жрецов, принял от них обрезание. И знатнейших из Халдеев и магов он посетил; и как место наших собраний ныне называется церковью, так во времена Пифагора место общего слушания называлось у них ὀρχοθεῖον. Платон же и не отрицает того, что все наиболее прекрасное в свою философию он заимствовал от чужеземцев. Он признается, что путешествовал в Египет; посему и в «Федоне», утверждая что философ отовсюду может собрать для себя полезное, пишет следующее: «Эллада велика, Кевис, отвечал Сократ; в ней есть люди разнообразно даровитые; да много и варварских племен». Таким образом Платон признает, что и у варваров есть свои философы.

Напротив Епикур полагает, что только между Эллинами могла возникнуть и процветать философия. Но Платон в своем «Симлозюне» (Пир), хваля варваров за то, что усердно занимались философией, говорит, что были такие философы (не только в Афинах, но) и в других странах, – у Эллинов и у варваров, – и что за детей (порожденных их частой и бесплотной мыслью) воздвигнуто им много храмов». Ясно таким образом, что варвары постоянно окружали своих законодателей и наставников величайшими почестями: они называли их богами. Они думали, как передает Платон, что

«души добродетельные, оставив местности превышенебесные, сходят на землю, в этот тартар, и здесь облекшись в тело принимают участие вместе с людьми во всех бедствиях этой земной жизни, имея поручение заботиться о судьбах людей со времени самого рождения их» ¹¹⁰; и они то собственно законы постановляли и философии учили, «этому величайшему из всех благ, какие когда-либо от богов роду человеческому были ниспосылаемы и еще будут посылаться» ¹¹¹. И мне кажется, что именно поняв великое значение блага, какого они становились участниками чрез последование мудрецам, Брамин, Одрюсяне и Геты их почитали и публично их мудрость возвещали. По той же причине Египетская нация особенно усердно возводила их на одну степень с богами. То же было у Халдеев, у Арабов, называемых счастливыми, у всех народов, населявших Палестину, у большей части Персидского народа и у тысячи других народов.

Тот же Платон постоянно весьма ясно свидетельствует свое уважение к варварам, помня что и он сам и Пифагор большую часть и притом прекраснейших и возвышеннейших из своих учений заимствовали в свою философию от варваров. Посему-то и называет он эти народы «народами философов чужеземных». Из его «Федра» открывается, что он знал некоего мудрейшего Египетского царя Тота и представлял его себе чем-то в роде Гермеса. Но из того, что говорит он в «Хармиде», открывается, что известны ему были и некоторые Фракийцы, о коих говорит, что они верили в бессмертие души. Рассказывают, что учителем Пифагора был Сонхис, глава всех жрецов Египетских, а Платона – Гелиополитянин Сенхуфис; Евдокса же Книдянина – Хонуфис, то же Египтянин. В разговоре «О душе» ¹¹² Платон опять оказывается признающим пророчества. ибо он вводит в разговор пророка, который, изъясняя речь Лахеса, предсказывает нечто душам, предназначенным судьбою к ниспосланию на землю. В «Тимее» он изображает мудреца Солона принимающим наставления от чужеземца. Подлинные слова его свидетельства таковы: «О Солон, Солон и остальные Эллина! Вы все еще дети. Нет между вами ни одного Еллина-

старца, так как нет между вами учения, которое от времени сделалось бы почтенным».

Демокрит писал сочинение «О нравах Вавилонян». Говорят также, что между его сочинениями было и толкование гиероглифов, начертанных на колонне Ацикара. Можно этому верить на основании показаний его самого. Вот что он пишет о самом себе и как гордится своей многоученостью: «Из всех моих современников я объездил наибольшее количество стран, быв у самых древних народов с целью изучения преданий их. Видел я весьма много сфер воздушных и земных, слушал речи весьма многих ученых людей. Никто со мной не может сравниться в искусстве оплоты ставить (изыскивать доказательства) и разрешать разные проблемы, никто даже из Египтян, называемых Арпедонаптами ¹¹³. В качестве гостя в течение восьмидесяти лет я обращался со всеми этими мудрецами». Действительно он объехал Вавилонию, Персию и Египет и поступал в число учеников к магам и жрецам.

Пифагор вдохновлялся философией Персидского мага Зороастра. Разделяющие лжеучение Продика ¹¹⁴ хвастаются, что владеют апокрифическими книгами этого мага. Александр в своем сочинении «О Пифагорейских символах» повествует, что Пифагор был учеником Ассириянина Назарата. Некоторые думают, что это Иезекииль; но мы докажем впоследствии, что это мнение ошибочно. Александр утверждает также, что Пифагор слушал Галат и Браминов.

Клеарх Перипатетик говорит, что знал некоего Еврея, имевшего сношения и беседовавшего с Аристотелем.

Гераклит утверждает, что изречения Сибиллы были порождением не человеческого ума, а скорее Божественным были внушением ¹¹⁵. Говорят также, что в зале заседаний в Дельфах показывали камень, служивший по преданию сидалищем первой Сибиллы, сошедшей с Геликона, где она была воспитана Музами ¹¹⁶. Некоторые же говорят, что она происходила из Малии и была дочерью Ламии Посейдоновой. В одной из своих поэм Серапион говорит, что Сибилла не переставала предсказывать и по смерти и что именно дух её, покинувший ее при смерти, составляет прорицательную

способность авгуров и предсказателей; тело же её превратившись в землю произрастило (пророчесственную) траву; потому-то по внутренностям животных, щипавших траву на этом месте, могут люди открывать совершенным образом будущее. Он же думает наконец, что лице представляемое луною, есть душа этой Сибиллы. Вот что сообщают нам о ней древние предания.

Нума же, царь Римский, был Пифагорейцем ¹¹⁷. На основании книг Моисеевых он запретил Римлянам изображать Бога в образе человека или другого живого существа. В ближайшие 170 лет в римских храмах и действительно не было ни статуй ни живописи. Своим распоряжением Нума внушил подданным, что только умом можно воспарять до Высшего Существа.

Итак, философия, эта преполезнейшая наука, процветала некогда и у варваров. Позднее проникла она и в Элладу. В Египте носителями её были прорицатели, в Ассирии – Халдеи, в Галлии – Друиды, в Бактрии – Сабанеяне, между Кельтами – философы, в Персии – волхвы. Эти последние возвестили рождение Спасителя прежде, чем оно сделалось известным (из других источников) и прибыли в Иерусалим, следуя за звездой.

В Индии представителями её были гимнософисты и другие философы чужеземные. Но род сих философов двоякий. Одни из них называются Сармане, другие же Брамины. И из Сарман те, кои называются Аллобиями ¹¹⁸, ни в городах не живут, ни крова не имеют, одеваются в древесную кору, питаются желудями и древесными плодами, воду же руками пьют. Ни брака они не знают, ни деторождения подобно нынешним так называемым Эпкратитам. Из Индусов одни следуют заповедям Будды, которому за преотличную его добродетельность воздают Божеские почести.

Анахарсис был тоже Скиф, а между тем историки ставят его выше многих Греческих философов. О Гипербореях же Гелланик повествует, что они живут за Рипейскими горами, воспитываются в справедливости, мяса не едят, питаются же только растительностью и плодами. Шестидесятилетних они

выводят за ворота и таким образом исключают из своей среды ¹¹⁹.

Есть и у Германцев так называемые священные жены, прорицающие смотря в водовороты рек, наблюдая их извилины, вслушиваясь в шум волн: по тому, что видят и слышат, они предсказывают будущее. Они-то не позволили Германцам с Цезарем вступить в сражение прежде наступления новолуния.

Но много старше всех сих народ Еврейский; и Пифагореец Филон многочисленными примерами доказывает, что философия, содержащаяся в заповедях, изложенных в их Писаниях, началась раньше Эллинской. Тоже доказывают Аристовул ¹²⁰ и многие другие; не хочу только останавливаться на поименном перечислении их. Писатель Мегасфен, современник Селевка Никатора, в 3-й книге своего сочинения «Об Индусах» следующее пишет о них: «Все, сказанное древними о природе, было уже ранее высказано философами не Эллинскими, а именно: отчасти в Индии Браминами, отчасти в Сирии так называемыми Евреями».

Некоторые из историков передают такие баснословные рассказы, будто из так называемых Дактилей Идэяне были первыми мудрецами, Этим древним Дактилям приписывают изобретение букв, называемых Еффесскими ¹²¹ и музыкального ритма; от них-то будто бы и дактилический размер в музыке получил свое название. А Дактили эти были Фригияне и варвары. Геродор повествует, что знаменитый Геркулес был гадатель, что он обращался среди природы и от Атласа, Фригиянина и варвара, усвоил идею о столбах мира. Этот миф сказывает собой, что Геркулес учился у Атласа науке о явлениях небесных.

Гермипп из Бейрута называет мудрым центавра Кирона, о котором и автор „Титаномахии» говорит:

«Он первый ввел в род смертных людей справедливость, научив их

Клятвенным формулам, церемониям, умиловительным жертвам и образам Олимпа».

Он был наставником Ахиллеса, сражавшегося под Троей. Гиппо же, дочь центавра, вышедши замуж за Эола,

расположила его к рассматриванию природы, науке, узнанной ею от отца. Еврипид также свидетельствует о Гиппо:

«Она первая предсказывала волю богов

По особой прорицательной способности или же вопрошая восход светил ¹²².

Одиссей, по взятии Трои, пользовался гостеприимством этого Эола. Заметьте хорошенько хронологические данные, чтобы сравнить время Моисея с эпохой самой древней философии.

16. Кроме философии варвары были изобретателями почти и всех других наук и искусств

Но не только философии, но почти и всех других наук и искусств изобретателями были варвары же ¹²³. Так науку астрологии на свет породили первее всего Египтяне. Подобным образом одними из первых же её нововводителей были и Халдеи. И освещаться способ при посредстве ламп (Мф. 5:15) ввели у себя впервые тоже Египтяне ¹²⁴. Они же разделили год на 12 месяцев. И сношения с женщинами в храмах это у них запрещены были. Но даже и для тех, кои обнимали своих супруг дома, пред отправлением в храмы обязательно было у них предварительное омовение. Египтяне же были изобретателями и геометрии.

Некоторые же открытие искусства предвещать будущее чрез наблюдение светил небесных усвояют Карийцам.

Фригияне первые стали присматриваться к полету птиц.

У Етрурян и других народов Италии в совершенстве было развито искусство прорицать по внутренностям животных.

Исаврянами и Арабами разработано было искусство прорицания по полету птиц.

Телмисяне предсказывали будущее чрез истолкование снов.

Этруски изобрели трубу, а Фригияне флейту, потому что Олюмп и Марсуй были Фригияне.

Кадм же, изобретатель письмен для Эллинов, был по свидетельству Ефора, Финикиянин. И вот почему Геродот (Υ, 58) пишет, что эллинская азбука составлена из букв финикийских. По уверению же других первыми изобретателями литер были Финикияне и Сирияне.

Апис, по происхождению Египтянин, открыл медицинское искусство еще прежде прибытия в Египет нимфы Ио. Впоследствии это искусство усовершенствовано было Эскулапом.

Атлас же Ливиянин построил первый корабль и первый на нем плавал по морю.

Келмис же и Дамнаменей, из Идеян Дактили, первые открыли железо на острове Кипре. А другой Идеянин открыл искусство его ковать и употреблять. А по мнению Гезиода он был Скифом.

Фракияне первые придумали оружие, называемое гарпией; это – изогнутый меч. Они же первые и на конях сидя стали пользоваться так называемой пелтой (щитом на подобие полумесяца). Но точно так же считают изобретателями его и Иллириян.

Говорят еще, что пластическое искусство изобретено Етрурянами и что длинный продолговатый четырехугольный щит сделан впервые Самнитянином Итаном.

Кадм Финикиянин открыл первые каменоломни и первые золотоносные рудники около горы Панкея.

Другому народу, а именно Каппадокиянам, обязаны мы изобретением музыкального инструмента, называемого (1Пар. 15:16, 29 по Семидесяти) наблой. Ассирияне первые изобрели дихордон.

Карфагеняне построили первую четырехвесельную галеру. Архитектором её был Карфагенянин Босфор, измыслил ее экспромтом.

Медея, дочь Айэта, Колхидянка, первая придумала искусство красить волосы.

Норопы, народец из Пэонии, ныне так называемые Норики, первые стали обрабатывать медь и впервые очистили железо.

Царь Бэбриков, Амик, первый выдумал обвивать руки в боях ремнями.

В область музыки Олюмпом Мизянином впервые введена была искусно гармония Лидийская.

Так называемые Троглодиты изобрели музыкальный инструмент самбуку (род флейты).

О Сатире Фригиянине утверждают, что он изобрел кривую полевую трубу. Гюагний, тоже Фригиянин, изобрел трихордон и диатоническую гармонию. Олюмп Фригиянин указал способы играть на струнных инструментах, тогда как Марсуй, происхождением из той же Фригии, открыл гармонии

Фригийскую, полу-Фригийскую и полу-Лидийскую, а Фракиянин Фамюра открыл гармонию Дорическую.

Мы знаем также, что Персами построены первые колесницы; у них впервые вошли в употребление кровати и подножные скамейки; а Сидоняне и первые стали строить триремы.

Сицилияне, народ соседний с Италией, впервые изобрели форминкс, мало отличающийся от цитры. Ими же выдумана и особая погремушка в роде бубна.

Предполагают, что выделка одежд из льна началась в царствование Египетской (?) царицы Семирамиды.

Гелланик говорит, что Атосса, царица Персов, первая стала писать письма на особой формы табличках и листках.

Повествование обо всех этих фактах можно находить у Скамона Митиленьянина, у Феофраста Ерессянина, у Кюдиппа Мантинеянина; кроме того у Антифана, Аристодема, Аристотеля; еще у Филостефана и Перипатетика Стратона в его писании «Об изобретениях». Мной о некоторых из них добавлено здесь в подтверждение того, что варвары изобретательны на все полезное для жизни и что Эллина многим от них позаимствовались в своих науках и искусствах.

Если же кто будет вооружаться против языка варваров, то я отвечу тому словом Анахарсиса: «Греческий язык для моего слуха тоже, что Скифский для слуха Эллина». А Анахарсис этот ведь пользовался почетом у Эллинов за его изречение: «Одеждой для меня служит шерсть, пищей – молоко и сыр» (*). Такова философия (добродетель) варварская: она не в словах состоит, а и в делах. Апостол же говорит: *Таким образом если язык, на котором говорите вы, непонятен, то как узнать то, о чем говорите вы? Будете вы говорит на ветер. Столько языков есть на свете и нет ни одного народа, который не имел бы языка. Если неизвестно мне значение слов в каком либо языке, то для собеседника буду я варваром, а для меня он будет таковым же. И: Кто хочет говорить на языке иностранном, тот должен пользоваться при сем переводчиком* (1Кор. 14:9, 10, 11, 13).

Что еще к этому добавить мне? Учение о писании сочинений и вообще письменность сравнительно поздно проникли к Эллинам.

Так по естествоведению первое сочинение написал Кротонянин Алкмеон, сын Перифа. Другие же говорят, что первый издал книгу о сем только Клазоменянин Анаксагор, сын Гегезибула.

Поэмы в форме стихов стал первый писать только Терпандр из Антиссы; он переложил на стихи законы Лакедемонян.

Дифирамбы изобрел только Ласс Гермионей; гимн изобретен Стезихором Гимереем; пляска Лакедемонянином Алкманом; эротическая поэма Теосцем Анакреоном; пляска под песни Фивянином Пиндаром.

Милетянин Тимофей законы первый переложил на ноты для цитры с аккомпанементом хора.

Ямб изобрел Архилох с Пароса; Ефесянин Гиппонакс – неполный ямб.

Афинянин Феспис изобрел трагедию; комедию Сусарион Икариянин.

У грамматистов определяется и эпоха, когда жили эти дельцы. Для изложения подробностей о сем однако же потребовалось бы очень много времени. Да нами уже и доказано, что сам Вакх, в честь которого установлены игры под именем Дионисий, жил значительно позднее Моисея.

По Диодору первую речь по правилам школы составил Антифон, сын Софила, урожденец Рамн; он же первый писал по риторике. По Диодору тот же Антифон и за адвокатуру первый потребовал себе платы; он первый написал защитительную речь с целью передать ее для произнесения клиенту.

Аполлодор родом из Кум первый назывался критиком; он же первый назывался и грамматистом. Некоторые утверждают, что первым грамматистом был Эротосфен Киринеянин, потому что он издал две книги под заглавием: «Γραμματικὰ». Но первый, кто был назван грамматистом в том смысле, который ныне имеет это слово, был сын Дионисифана Праксифан, урожденец Митилен.

Сказывают, что первым законодателем был Локрянин Залевк. Другие же называют таким законодателем Миноса, сына Юпитерова, согражданина Люнкею. Этот жил после Даная, а именно одиннадцать поколений спустя после Инаха и Моисея, что мы и покажем немного ниже. Ликург, живший много спустя по взятии Трои, дал законы Лакедемонянам за 150 лет до 1-й Олимпиады. Об эпохе, когда жил Солон, мы уже говорили. Оказывается равным образом, что Дракон, также бывший законодателем, жил около 39-й Олимпиады. А Антилох, автор исторического сочинения о философах и ученых от времен Пифагора до смерти Эпикура, последовавшей в 10-й день месяца Гамилиона, обнимает им период времени всего в 312 лет.

Говорят еще, что героический гекзаметр изобретен Фанофеей, женой Икара; другие же его изобретение приписывают Фемине, одной из дочерей Титана.

Дидим в своем сочинении о Пифагорейской философии утверждает, что Феано Кротонянка была первою из женщин, занимавшейся философией и писавшей поэмы.

Таким образом в эллинскую философию, по мнению одних, истина забрела как бы случайно, да и то в степени незначительной; по мнению же других (и этого нет, а) она есть порождение демонов. Некоторые думают, что вся философия внушена Эллинам духами низшего разряда. По нашему же мнению, хотя эллинская философия и не содержит истины во всем её величии, хотя она и не сообщает сил для исполнения заповедей Господа, тем не менее она расчищает путь, ведущий к истине, к принятию учения поистине царственного, так как она до известной степени исправляет и создает нравы; того, кто верит в Провидение, она располагает к принятию истины .

17. Об изречении Спасителя: «Все, приходившие ранее Меня, были воров и разбойники»

Но написано, говорят: *Все, являвшиеся до пришествия Господа, суть воров и разбойники* (Ин. 10:8). Разумеются в сем изречении под именем *воров и разбойников* вообще все, до воплощения Логоса предлагавшие какое-либо учение (без Божия к тому призвания). Пророки же, так как они были посылаемы и вдохновляемы самим Господом, не были ворами, а слугами (Божиими). Потому-то Писание и говорит: *Послала Премудрость громогласных глашатаев своих, созывая на чашу вина* (Прптч. 9:3, 5).

Но философия, говорят, исполняла поручение не Господне, а вошла (в мир) воровски, или (иначе сказать) воров сообщена. Некое духовое начало, или (злой) ангел ¹²⁵, несколько знакомый с положениями учения истинного, но изменивший им, стал внушать людям эти философские истины и знакомить их с ними, хотя демоном-то самим (по падении) они удержаны были хищнически. Господь знал это, ибо Он знает уже и конец вещей, к бытию еще не вызванных, однако же злему духу в его деле Он не воспрепятствовал. Пересказыванье сих чуждых злему духу истин все-таки приносило людям некоторую пользу. Хищник не эту цель имел в виду, но Провидение отчаянно дерзкому делу дало направление благотворное.

Знаю, что многие (из софистов) не перестают нас унижать за такое рассуждение. Они говорят: «Кто не удерживает кого-либо от совершения какого-либо дела, тот оказывается виновником его». Они утверждают, что «кто не смотрит (не блюдет) за известной вещью и не принимает мер против похищения её, тот сам виновен в похищении её у него. Так виновником пожара бывает тот, кто не погасил огня в самом начале. Подобно этому виновником кораблекрушения бывает кормчий, не собравший парусов вовремя. Но по закону виновники подобных несчастий подлежат за это наказанию: в чьей власти было помешать злоключению, тот и ответствен за него».

Отвечаем им. Причину известного образа действий нужно видеть во власти (в способности, в силе, в свободе) поступать, действовать, быть деятельным; деятельность должна быть обсуждаема по положительной её причине. Тоже, что не положило преград, препятствий известному образу действий, то по этому самому и непричастно ему. Далее причина имеет соотношение с совершаемым (а не с несовершаемым) делом. Так строитель корабля заявляет себя (положительным образом) таким или иным устройством подводной части судна (т.е. свойствами, кораблю существенно принадлежащими); и каменщик – (таким или иным, положительным) устройством дома, (а не отрицательными его свойствами). Действие потому и совершается, что сила (власть, способность), могшая воспрепятствовать совершению его, не участвовала в нем и не препятствовала ему; потому что какое же действие совершает тот, кто не возбраняет его? Болтливость здесь доводит наших противников до несения уже бессмыслицы, так как им приходится сказать, что причиной раны состоит не стрела, ее нанеся, а щит, не помешавший ей проникнуть в тело; тогда и в суде они пусть приносят жалобу не на вора, а на того, кто не удержал вора от покражи. Равным образом и сожжение кораблей у Эллинов пусть они усвоят не Гектору, а Ахиллесу, потому что он мог воспрепятствовать этому, но сего не сделал. Но если Ахиллес, – так как в его воле было или тешить свой гнев или укротить оный, – не воспрепятствовав возникновению пожара, тем сам сделал себя ответственным за него, то и демон равным образом был сам себе властелин и мог или раскаяться ¹²⁶ или оставаться похитителем; он следовательно и ответствен за удержание похищенного, а не Господь, не воспрепятствовавший тому.

Да кроме того не было и побуждений для Бога удерживать демона от его дела, потому что привносимое им в мир для людей было безвредно.

Если же по отношению к противникам необходимо мне прибегнуть к рассуждениям еще более утонченным, то пусть знают они, что причиной известных последствий, коими сопровождалось удержание (демоном по падении некоторых

зерен истины) и распространение похищенного (т.е. сих зерен. или философии) было не отстранение (Богом) всех помех, задержек и преград тому ¹²⁷, а обстоятельство совершенно другое, (присоединилось к преступному действию этой причины положительное Божие промышление о благе человека). Так прикрывающий другого щитом состоит для заслоняемого причиной непораненности, так как заступаясь за него он препятствует врагу нанести рану защищаемому. И для Сократа демон (δαίμονιον) был (положительной) двигательной причиной его деятельности, прямо одобряя известные его действия, а не то что того или другого не воспрещая ¹²⁸ прямо он побуждал его к известного рода деятельности, а не то чтобы только не отговаривал от неё ¹²⁹.

Не были бы справедливы ни похвалы ни порицания, ни награды ни наказания, если бы дух наш не имел власти устремляться на известные дела или если б не мог уклоняться от них совершенно свободно, – если бы грех был делом подневольным. Вот почему воспрепятствовавший (злу) некоторым образом может состоять виновником его, а не воспротивившийся злу и добра не затрудняет. Он совершенно справедливо признает за душой свободу выбора, так что Бог значит ни в каком случае не может быть считаем виновником зла. Так как грех начинается со свободного нашего выбора, соединенного с расположением к тому или другому образу деятельности, и так как иногда мы по неведению или неосторожности допускаем в свою душу мнения по своей природе лживые или лживые предрассудки, коими и определяемся в своей деятельности, то не стараясь от них освободиться, за неведение или еще неопытность, по справедливости подвергаемся и наказаниям. (А освободиться от неведения и неопытности мы можем). Лихорадка конечно есть болезнь произвольная. Но если кто вызывает ее собственной неумеренностью, то причиной её в некотором отношении становится он сам. Некоторым подобным образом и грех произволен, так т.е. что никто не выбирает его в качестве зла из-за того, что он зло; все мы, увлекаясь удовольствиями, грех окружающими, считаем его достойным

своего выбора потому, что принимаем его за добро. А если это так, то в нашей власти значит от невежества, от всякого лишь мнимого удачного выбора и освободиться, а прежде всего от нас самих зависит обманчивым химерам не поддаваться, нас увлекающим ко злу.

Демон называется *разбойником и вором* потому, что замешал он между пророками истинными ложных, подобно тому как к пшенице присоединяются плевелы. Так выходит, что *все пришедшие до Господа – воры и разбойники*, (Ин. 10:8). Но под словом *все* здесь разуместь следует не людей всех, а всех ложных пророков и всех, кто не получил от Господа особого призвания.

Ложные пророки и в том отношении совершали особого рода похищение, что заставляли называть себя пророками, тогда как если они и были пророками, то пророками лжеца. Господь говорит: *Отцом, от которого вы рождены, состоит диавол и желаете вы исполнять волю вашего отца. Он был человекоубийцей с самого начала и в истине не устоял, ибо истины нет в нем. Когда он предносит ложь, он говорит свойственное ему, ибо он лжец и отец лжи* (Ин. 8:44).

К своей лжи ложные пророки примешивали несколько слов истины¹³⁰; и когда предсказывали, то действительно приходили в некоторый род экстаза, будучи вестниками отступника.

Ангел покаяния, Пастырь, о лжепророке также говорил Ерме: «Он изрекает и несколько слов истины, ибо диавол проникает его своим духом, желая совратить (уронить, убить, поразить) кого-либо и из праведников (кн. II, заповедь 10).

Но в руках Провидения все обращается во благо, дабы *многообразная премудрость Божия, столь удивительно проявляющаяся в разнообразии дел Божиих, по предвечному совету, исполнившемуся во Христе, открывалась особенно в церкви Его* (Еф. 3:10, 11).

Ничто не может противостоять Богу, ничто не может противиться Ему: Он Господь, Он всемогущ.

Мысли же и дела падших ангелов, представляя собою действия лишь разрозненные, (бессвязные, беспорядочные, непоследовательные, связи с делом не имеющие), происходят,

как и телесные болезни, от дурных их склонностей. Но Провидение направляет и эти их действия к цели спасительной, хотя самая-то причина их болезнетворна. И вот почему замечательнейшая из особенностей Божественного Провидения состоит в том, что пороку, возникшему из самовольного отпадения, Оно не позволяет оставаться совершенно без пользы или же на всех и на всем отзываться лишь вредом.

В самом деле премудрость, благодать и всемогущество Божии проявляются не в том только, что от них истекает добро, – таково уже существо Божие, подобно тому как природу огня составляет исходящее от него тепло, и природу света свет, – но и в том, – и это даже главным образом, – что они приводят к доброму и полезному концу и губительные козни злых духов; по видимому и вредное под воздействием их превращается в явление светлое. Так, напр., в искушении и испытании Бог дает случай к исповеданию.

Подобным образом и в философии, как бы вторым Прометеем похищенной с неба, заключен огонь некоторой светоносной истины; стоит только возжечь его своим старанием. Есть в ней некоторые черты мудрости, некоторые стремления, вложенные рукой как бы Божественного. И все-таки эллинские философы были *ворами и разбойниками*, потому что, заимствовав до пришествия Спасителя у еврейских пророков некоторые части истины, не только не сознаются в этом, но еще и усвояют оные себе, как если б это были учения действительно им принадлежащие. Между тем одни из учений они извратили, других со свойственной им софистической ловкостью коснулись они только вскользь, а третьи самими и.ми измышлены, потому что и Эллинам не несвойствен был некоторый *дух смыслености* (Исх. 28, 3; срав. выше гл. 4).

Аристотель согласно со свящ. Писанием также называет софистику искусством красть мудрость; и мы уже говорили об этом изречении его (Срав. выше в гл. 8-й).

А мы сии дары, говорит Апостол, *возвещаем вам не в красноречивых словах мудрости человеческой, а в тех, кои вещает нам Дух* (1Кор. 2:13). Иоанн говорит о пророках: *Все мы получили от полноты Его* (Ин. 1:16), т.е. Христа: так что

пророки не воры. *И учение Мое не Мое*, говорит Спаситель, *но Отца, пославшаго Меня* (Ин. 7:16). О ворах же Он говорит: *Кто от себя говорит, тот ищет своей славы* (Ин. 7:18). Таковы Эллины. Они *самолюбивы и надменны* (2Тим. 3:2). Но, называя их мудрецами, свящ. Писание не мудрецов истинных этих осуждает, а тех, которые лишь выдают себя за мудрецов.

18. Изъяснение слов Апостола: «Погублю мудрость мудрецов»

(1Кор. 1:19–24).

И об этих-то последних (т.е. ложных мудрецах) свящ. Писание говорит: *Погублю мудрость мудрецов и ученость ученых отвергну* (Ис. 29:14; 1 Кор. 1:19). Посему-то Апостол и добавляет: *Что случилось с мудрецами? С знатоками закона что? Что с умами, жаждавшими обогатить себя всеми знаниями века своего?* Здесь он знатоков закона различает от умов пытливых, разведывателей мудрости века сего, т.е. от языческих философов.

Не обнаружил ли Бог, продолжает Апостол, *безразсудства мудрости мира сего, показав, что она безумие, а отнюдь не истина, как думал о ней мир?*

А если спросите вы о причине, заставившей эллинских философов считать себя мудрецами, то Апостол называет ее очерствением сердца их (Еф. 4:18).

Так как при свете премудрости Божией, возвещавшейся пророками, и чрез мудрость, которая говорила устами мудрецов, мир не познал Его, т.е. Бога, *то благоволил Он безумием проповеди,* т.е. проповедию, казавшейся Эллинам безумием, *спасти верящих ей.*

Для веры же, говорит Апостол, *Евреи чудес требуют, и Эллина мудрости домогаются,* т.е. рассуждений со строгими доказательствами и другими формальными заключениями. *Мы же проповедуем Иисуса Христа распятого, для Евреев соблазн,* потому что, веря в пророчества, они не верят в исполнение их, *для Эллинов же безумие,* ибо считающие себя за мудрецов находят баснословным, будто устами человека говорил Сын Божий, будто Бог имеет Сына и будто Сын этот пострадал; предзанятые мнения мешают им веровать. Но пришествие Спасителя, оказавшихся послушными Его зову, не сделало ни безрассудными, ни жестокосердыми, ни вероломными, а образовало из них людей разумных, покорных и честных. Те же, кто от вступления в союз

с сими послушными отказался и отделился от них, те, по сравнению с ними, оказались людьми безрассудными, вероломными и недалёковидными.

Для тех же, которые остались верны голосу, их звавшему, будут ли они Евреи или Эллины, Христос есть Божия сила и Божия премудрость (1Кор. 1:21–24). Сими словами мысль свою Апостол выясняет точнее и на основании их посему не следует в выражении его: *Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие* видеть по отношению к ней нечто отрицательное, думать т.е. что мудрецов мира сего Бог нарочито уклонил, вверх в безрассудство, нет; Апостол своим выражением лишь то хочет сказать, что Бог обнаружил безрассудство (отрешенной от Него) мирской учености, дабы виновником жестокосердия не поверивших не счел кто Бога самого. Настолько-то мудрецы сего мира были учены, чтобы иметь возможность поверить евангельской проповеди; если же они не поверили ей, то оказались сами только тем ответственнее за то, потому что и склонность человека к истине и выбор её совершенно в его воле.

Кроме того выражением: *Погублю мудрость мудрецов* (Ис. 29:4) Господь благоволил выразить и ту мысль, что Он пролил де истинный свет на нее. Возжегши наряду с философией эллинскую философию и у варваров ¹³¹, даже до последнего времени мало ценившуюся, презиравшуюся, сим противопоставлением Он тоже сделал, что бывает с лампой, горящей на солнце: свет её бывает затемняем им, потому что сила блеска её далеко ниже солнечного.

И так как призваны все, то не отказавшиеся от повиновения голосу, их звавшему, все одинаково названы *званными* (1Кор. 1:24), потому что несправедливость Богу несвойственна (срав. Рим. 9:14).

И будут ли они из Евреев или из язычников, но если уверовали, то составляют они *народ особенный*, избранный (Тит. 2:14).

В Деяниях Апостольских вы найдете выражение: *Принявшие слово его крестились* (Деян. 2:41); не принявшие же значит сами отделились от народа Божия. К ним-то и

обращено пророческое слово: *Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли (Ис. 1:19)*. Показывается этим самым, что в нашей власти принять слово Божие или отвергнуть его.

Апостол назвал учение Господне *премудростию Божиею*, тем показывая нам, что Сыном Божиим передана нам истинное любомудрие.

И для тех, кто причисляет себя к мудрецам, в посланиях того же Апостола есть напоминания *облекаться в нового человека, созданного по подобию Божию в праведности и святости учения истинного (Еф. 4:24)*. Посему, отвергнув учение ложное, прибавляет Апостол, *исповедуйте учение истинное. Не давайте места диаволу. Кто крал, впредь не крадь, а лучше трудись, занимаясь полезным, – (а искать истины, это ведь и значит заниматься делом добрым и полезным, ибо это изыскивание истины есть та же благотворительность, только вместо вещества средством для неё служит слово), – чтоб можно было из чего уделять нуждающемуся (Еф. 4:25, 27, 28)*, т.е. чтобы в состоянии быть открыт находящимся в нужде и добивающимся улучшения своего положения как духовные богатства сего мира, так равным образом обилие премудрости и Божественной.

Заповедуя же *заниматься полезным* Апостол желает, чтобы учение истинное было изучаемо только чрез сравнительное испытание его достоинства, подобно тому как серебро сначала тщательно очищается в горниле, и только потом уже отдается для приращения из процентов менялам (Мф. 25:27; срав. Стром. 1 в конце гл. 28). Поэтому-то он и присоединяет: *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших (Еф. 4:29)*; а таковы именно (т.е. гнилы, отвратительны) слова (учения), истекающие из самомнения человека. *Наоборот пусть всем, что ни говорите вы, питается вера и доставляется благодать слушающим (Еф. 4:29)*. Так как Бог благ, то необходимо, чтобы и слово Его было доброе же, верное. Да как же этим словам и не быть благонадежными, если они спасительны для человека?

19. Доказательства, что философами истинное учение в некоторых частях своих было понято

Итак, (в свящ. Писании) есть свидетельства ясные, что некоторые учения Эллинов с истиной согласны. Можно в этом напр. из следующего убедиться. В книгу Деяний Апостольских внесена речь, говоренная Павлом в Ареопаге. В ней между прочим он говорил следующее: *«Наглядно убеждаюсь, что вы люди благочестивые, ибо исходив и осмотрев весь город ваш с предметами вашего богопочтения, я нашел и жертвенник, на котором написано: «Невидомому Богу». Этого-то Бога, которого не знаете, и однако же набожно чтите, я и проповедую вам. Бог, сотворивший мир и все что в нем, будучи Господом неба и земли, не в храмах, рукою человека созданных, живет и никакими со стороны смертных выражениями подчиненности не может быть достаточно почтен, потому что ни в чем Он не нуждается, Он, который всему дает жизнь, дыхание и все. От одного человека произвел Он весь род человеческий, расселив его по всему лицу земли, назначив определенные времена (их исторической жизни) и границы местам их обитания, дабы они искали Бога и старались с Ним соприкоснуться или же Его и найти, хотя Он и от каждого из нас недалеко, ибо Им мы живем, и движемся и существуем, как и не некоторые из ваших поэтов говорят:*

«Мы Его и род».

Этими словами Апостол открывает с очевидностью, что многие положения в учении эллинских философов он признает основательными; таково напр. вышеприведенное положение, взятое им из «Небесных явлений», поэтического творения Арата. Апостол вышеприведенным местом своей речи и то равным образом дал понять, что под именем «Неведомого Бога» Эллины почитали Творца вселенной; но почитание Его или не было познанием, а лишь осязанием Его, с Ним соприкосновением, Его ощупью; вразумительное же познание о Нем имел им сообщить Сын; от Него они имели получить оное.

Для этого, говорит ему Господь, Я и послал тебя к язычникам, чтобы ты открыл им глаза, от мрака вывел их на свет; освободив из под власти сатаны, привел их к Богу, дабы чрез веру в Меня получили они прощение грехов и часть в наследии святых (Деян. 26:17, 18). Итак, Эллины, это – слепцы, которым нужно было отверзть очи (Ин. 9:30), дабы в лице Сына они познали Отца; вот истинное значение выражения «Неведомому Богу»: в нем сказалось ощущение Бога Эллинами, чуянье Его низшими чувствами их, но не зрением и чрез высшие силы души постижением.

Освобождение же из под власти сатаны и обращение к Богу тождественно с освобождением от греха, которым порождено рабство. Поэтому-то мы не всякую философию без дальнейшего разбирательства дела признаем за истинную, а ту только, о которой и Сократ говорит у Платона: «По пословице, обращающейся между посвященными в мистерии: «Фирсоносителей не мало, Вакхов же немного»; выражение, с коим может быть сопоставлено изречение Спасителя: Много званых, мало же избранных (Мф. 20:16; 22:14). Поэтому-то и продолжает Сократ далее в выражениях уже не обоюдных: «Вакхи, по моему мнению, суть не иной кто как философы, сумевшие в своей философии пойти истинным путем. Чтобы оказаться в числе их, я, сколько мог, ничего не оставлял в жизни, но все делал для того. Положено ли же было в основу моих стремлений доброе начало и должное направление и сопровождалось ли они каким-нибудь успехом, об этом, Бог даст, узнаем скоро, как только достигнем пристани». Не правда ли, Сократ здесь в выражениях, согласных с духом еврейских свящ. Писаний, выражает надежду, какой вера проникает праведника и которая должна найти себе осуществление по смерти? Далее в «Дэмодоке», если только Платону принадлежит это творение ¹³², тот же Сократ говорит: «Не думайте, что я называю философом человека, проводящего жизнь сгорбившись над изучением разных искусств (в роде хитроумного риторического) или кого-либо из иных многоученых. Такого человека я называю совершенно другим именем, считая этого рода бесплодные

занятия делом далеко не безукоризненным» ¹³³. Сократ без сомнений знал мнение на этот счет Гераклита, который говорил, что «обширная ученость уму еще не учит» ¹³⁴. В 5-й книге его творения «О государстве» мы встречаемся между прочим еще с следующим местом в одном разговоре: «Всех этих и подобных людей, отдающихся с жадностью подобного рода ученым (от жизни отрешенным) занятиям, равно и над изучением искусств (особенно риторического) корпящих, неужели мы назовем фмлософами? – Отнюдь нет, ответил я; а то только скажем, что они лишь смахивают на философов. – Но, возразил он, кто же такие истинные философы? – Созерцатели истины, ответил я».

Не объемлется философия ни геометрией, слагающейся из постулатов и гипотез. Тем менее объемлется она искусствами лишь гадательными и музыкальными (в собственном смысле музыкой, поэзией, пением, танцевальным искусством, драматическим и другими, жизнь хотя и украшающими и облагораживающими); – ни астрономией (наблюдением светил небесных и воздушных явлений природы), наукою чреватой доказательствами, но основанною на наблюдении предметов и явлений физических, следовательно скоропреходящих и на вероятностях. Философия утверждается на выразумении существа добра и истины, потому что иное дело добро в существе своем и иное дело пути, к нему ведущие, (а выше названные знания и искусства суть именно только пути и средства к добру и истине). Потому-то Сократ и не удовлетворяется так называемым «кругом (курсом) наук», считая его для составления познания о добре недостаточным. По его мнению единственное следствие, из занятия ими извлекаемое, это то, что они будят ум и упражняют его, приучая заниматься вещами, постигаемыми лишь мыслию.

Но говорят, что Эллины случайно попали на некоторые из положений истинной философии. Положим так; но и случай есть одно из действий Божественного промысления. При сем пусть никто однако же не издевается надменно над нами, будто с Эпикурейцами мы считаем случай за Бога. Если же Эллины попали на истину под влиянием счастливого стечения обстоятельств, то и оно, – утверждаем мы, – не вне

Провидения. Если же кто будет утверждать, что Эллинам в этом случае их идеи внушаемы были самою духовной их природой, что они им были прирождены, то мы противопоставляем сему положение, что (и той и другой природы, и духовной и видимой), Творец один; потому-то и ранее (сравн. в гл. 7-й, 11-й и друг.) утверждали мы, что праведность должна бы быть явлением естественным. Если же Эллины наделены были наравне со всеми другими людьми свойственным и другим нациям разумом, то рассмотрим, кто был виновником его и какого рода правосудие управляло распределением между людьми этой особенности. Потому что если бы кто назвал сей разум способностью предсказывать события грядущие или же искусством истолковывать значение настоящих, то этим самым он указал бы на виды пророчества.

Несомненно, что некоторые лучи истины достигли умственного глаза философов чрез поверхностное их отражение в нем. Потому-то Божественный Апостол и говорит о нас: *Видим теперь Бога лишь как бы в тусклом зеркале* (1Кор. 13:12); т.е. стараясь познать отражение в нас образа Божия мы, насколько то возможно, в тоже время созерцаем и причину сего, в нас это производящую. Ибо, говорит свящ. Писание, «видевший брата видел и Бога» ¹³⁵. По моему разумению настоящее изречение под именем Бога нам говорит о Спасителе. Впоследствии же, сбросив с себя земную эту оболочку, – лишь бы сердцем нам быть чистыми (Мф. 5:8), – увидим мы лицом к лицу и Бога (1Кор. 13:12) и тогда наконец вполне и совершенным образом объяснится нам и приближено будет к нашему уразумению понимание и существа Божия. И из Эллинов те, которые в изучении философии проявили наибольшую ревность и обнаружили правильное понимание существа её, проникали в идею Божества и так постигали ее, как нужно постигать что-либо чрез отражение того в нашем глазе или в оптическом каком инструменте. Таково уже неперемненное следствие нашей слабости, что образы, в каких сам Бог открывает нам истинное существо своё, мы можем выразумевать лишь настолько, насколько умственный глаз наш способен к уразумению их; но способность эта не идет дальше

созерцания тех предметов в виде таком, в каком они отражаются в воде или в каком они являются нам чрез отделяющее нас от них прозрачное тело.

Говоримое Соломоном сюда очень посему идет. А он говорит: *Сеющий праведность упражняется в вере* (Притч. 11:21). *Есть люди, рассеивающие свои сокровища, и однако же чрез то их умножающие* (Притч. 11:24). Он же говорит далее: *Забиться о полевых всходах и будешь косить траву* (Притч. 27:25). Потом: *Убирай сено вовремя, чтоб был у тебя корм для овец, собой одевающих тебя* (Притч. 27:25, 26). Видите, что одинаково следует заботиться и об одеждах и о внесших (для приобретения их) средствах. *Ознакомься основательно с условиями жизни стада твоего* (Притч. 27:23). В самом деле если язычники, не имеющие закона, естественным образом совершают дела, заповеданные нам законом, то они значит олицетворяют в своем лице закон (Рим. 2:14), т.е. если, по Апостолу, необрезанные исполняли заповеди закона (Рим. 2:26) до сообщения им закона, то значит исполняли они их и до пришествия Христова ¹³⁶.

Логос, как будто приравнивая философов к так называемым еретикам, говорит: *Лучше друг да близко* (язычник, но подготовленный своей наукой к принятию учения истинного), *чем брат да далеко* (христианин, но еретик) (Притч. 27:10). *Кто основывается на лжи, тот сеет ветер и гоняется за крылатыми птицами* (Притч. 9:12). По моему мнению не о философии Логос говорит здесь, – хотя именно философы часто стараются доказывать вещи вероятные доводами также лишь вероятными, – а осуждает ереси. Потому-то и прибавляет Он: *Оставил от пути своего виноградника и пошел блуждать по бороздам поля своего* (Притч. 9:12). Таковы общества еретиков, с самого начала церкви начавшие отделяться от неё. Кто раз попал в сети ереси, тот все равно что *по безводной пустыне пошел* (Притч. 9:12). Оставив Бога истинного, он и сам Им бывает оставляем; ищет он там воды, где нет её, *идет по почве пустынной и бесплодной и руки его пожинают лишь пустоту* (Притч. 11:12). И обращаясь далее к безумцам, т.е. еретикам (Притч. 9:16), Премудрость говорит: *Утаенный хлеб*

приятен и краденая вода сладка (Притч. 9:17). Ясно, что под хлебом и водою крадеными в свящ. Писании разумеется употребление еретиками при жертвоприношении, в противность правилам церкви, хлеба и воды. Есть и такие еретики, у которых при таинстве Евхаристии употребляется одна вода ¹³⁷. Свящ. Писание прибавляет: *Бегите скорей и не оставайтесь долго в том месте, где остановилась эта женщина (Притч. 4:18).* Не о церкви, а о синагоге еретиков свящ. Писание разумеет обоюдное это слово место. И далее свящ. Писание восклицает: *Ибо поступив так, ты пройдеши мимо воды чуждой (Притч. 6:18);* т.е. свящ. Писание на воду еретического крещения смотрит как на нечистую (святости дома Божия не соответствующую) и незаконную (ему чуждую). И *ты перейдешь*, говорит оно, *реку чуждую*, течением которой отвращающиеся от учения истинного, единого и неколебимого, бывают увлекаемы и ввергаемы вместе с язычниками в пучину изменчивых и беспорядочных человеческих мнений, пучину, крутящую свои воды, выбивающую их и вновь поглощающую на меже между приливом и отливом.

20. Границы, в коих философия способствует пониманию и принятию учения истинного, Божественного

Подобно тому как об артели, состоящей из нескольких человек и тянущей судно, нельзя сказать, что товарищество это представляет собою совокупность нескольких причин, а только одну, но составленную из нескольких, входящих в нее, частей, потому что каждый из этих артельщиков, взятый в отдельности от других, не составляет еще причины движения судна, а состоит таковою в связи только с помощниками: точно так же и философия, состоя стремлением к истине, её исканием, исследованием, способствует постижению истинного учения, но она еще не представляет собою причины сего постижения и состоит таковою в связи лишь с остальными обстоятельствами дела; она остается причиною лишь вспомогательной, хотя может быть причиною и содействующею.

Точно таким же образом блаженство одно, но создается оно добродетелями несколькими. Подобным образом если кто согревается, то обуславливается это причинами различными: солнцем, огнем, баней и одеждою. Равным образом и учение истинное одно, но способствует отысканию, исследованию и обнятию истинности его многое; хотя без помощи (благодати) Сына обретение истины все-таки невозможно.

Точно так же, если обсудим тщательнее, то найдем, что добродетель представляет собою некоторую духовную властность; но иногда сила эта проявляется в делах одним образом, иногда другим; смотря по форме своего обнаружения, она иногда называется благоразумием; в другом случае она выражается умеренностию, еще иногда душевным величием и справедливостью. Равным образом и истина едина; но это не мешает существованию в геометрии истины геометрической, в музических искусствах музической, а у Эллинов ей находить себе выражение в здоровой философии. И все же истиной в собственном смысле, единой и единственной,

истиной во всей её полноте и совершенстве непостижимой, состоит та, которой мы научаемся в лице Сына Божия.

Говорят об одной и той же драхме, но в качестве платы владельцу судна за перевоз товара называют ее фрахтом; если же отдают ее сборщику податей – налогом, податью, пошлиной; если же уплачивают ей за кров хозяину гостиницы – наемной платой; если отдается она учителю – вознаграждением; если вручают ее купцу – задатком. Подобным образом и каждая в частности добродетель, равно как и всякая в частности истина, хотя и носят они эти родовые имена добродетели и истины, все же они имеют в себе нечто особенное и в своем роде единственное, что и служит основой их. И все же образ жизни, нас делающий блаженными, складывается из совмещения частных добродетелей в общем идеале добродетельного человека, ибо не в расточении различных прекрасных слов и выражений состоит жизнь блаженная, а называем мы блаженной жизнь правую, блаженными же тех, душа чья украшена добродетелями.

Хотя философия при отыскании, расследовании и обнятии истинного учения и помогает нам лишь издалека, – а она действительно в этом пособляет нам, так как пути её хотя и различны, но все они приводят к ведению, нами содержимому и сближающему нас с истиной всего более, – все-таки и эта отдаленная помощь полезна тому, кто стремится возвыситься до истинного ведения, хотя бы и при полоти Логоса кто стремился к тому.

И все же учения Эллинов, пусть они истинны, пусть и именами называются тождественными с употребительными у нас, все-таки от содержимых нами значительно отклоняются; и предметы наших учений важнее, и доказательства наши точнее, и действенность их свойственна Божественная; отличаются содержимые нами истинные учения и другими подобными же свойствами; ибо мы *научены* самим Богом (1Сол.4:9), получив эти по истине священные Писания ¹³⁸ от Сына Божия.

Отсюда происходит, что Эллины развивают души не так, как мы. У них практикуются воспитательный метод и ученье

совершенно иные.

Если же из-за недоброжелателей наших, нас ловящих на каждом слове, необходимо нам точнее определить, что такое разумеет мы под философией, когда в качестве искания, расследования и обнятия истины называем ее причину вспомогательной и содействующей пониманию учения истинного, то сознаемся, что для гностика (созерцателя и воплотителя в своей жизни истины высшей и совершенной) оно есть учение предуготовительное. И все же причину только содействующую мы не считаем истинной и в собственном смысле причиной; причину лишь вспомогательную мы не считаем обуславливающей и содержащей в себе уже и свое действие. Поэтому-то занятия философией не непременно сопровождаются и отысканием истины, не есть она *conditio sine qua non*. В самом деле почти все мы содержащее нами познание о Боге получили чрез веру, не прошед полного курса учения, оставаясь незнакомыми с философией, некоторые не зная даже грамоты, просвещаемы же будучи светом философии только Божественной, так называемой варварской; мы научены *в силе* (Рим.1:4; 1Сол.1:5) самой Премудростию, все создавшей из самой себя.

То, что по своему несовершенству не может действовать само собою, а нуждается во вспоможении со стороны другого, то мы называем причину второстепенной и содействующею. Она становится причиной при соединении лишь с другой причиной; самостоятельно же, лишь сама по себе действуя, проявить себя, свое действие, осуществить себя на деле (реализировать себя) она не в состоянии.

Хотя философия и сама по себе иногда оправдывала Эллинов (срав. выше в начале гл. 5-й), но она не доставляла им оправдания полного и всеобщего; она только содействовала ему, вела к нему, подобно тому как первая и вторая лестница состоят путем для проникновения в верхний этаж дома. Философия была полезна для этого настолько же, насколько грамматика полезна желающему заняться философией. Но это еще не значит, что отъятием её, (этой лестницы), действующей

во вселенной Логосу будет неоставать чего-нибудь или что с отъятием философии истинное учение падет. Способствуют достижению истины и зрение и слух и голос, но не менее и то верно, что познает истину, по особому преимуществу своей природы, ум.

Всегда более или менее действительны и причины второстепенные. Выработанность стиля способствует ясной передаче учений истинных: диалектика победоносному опровержению враждебных нападок на нас ересей. И все же учение Спасителя, будучи *Божией силою и Божией премудростью* (1Кор. 1:24), производит свое действие всецело своими собственными свойствами и не нуждается ни в какой другой помощи; и если присоединить к нему философию, то оно не сделается оттого действеннее. Но так как философия обессиливает все нападки софистов, так как она отстраняет с пути обманчивые сети, расставляемые истине, то ее называли мы *оградой* и *стеною*, *окружающей виноградник* (Мф. 21:33; Ис. 5:1, 2).

Учение истинное, усвояемое верою, для душевной нашей жизни столь же необходимо, как необходим хлеб для жизни телесной. Что же касается до предуготовительного учения, то оно похоже на закуски или же на десерт. «В конце обеда, говорит Фивский поэт Пиндар, десерт вещь приятная»¹³⁹.

Свящ. Писание говорит: *Человек простой, слушая Меня, сделается мудрым, а мудрый приобретет познание* (Притч. 21:11). *Кто сам от себя говорит*, сказал Спаситель, *тот ищет собственной славы, а кто ищет славы Пославшаго Его, тот истинен и неправды нет в нем* (Ин. 7:18). Значит заимствовавший у варваров философские учения и потом хвастающийся ими, как если б это была личная его собственность, не остается правдивыми; наряжаясь в одежды истины он старается увеличивать лишь свою собственную славу и на истину лжет. Поступающих так свящ. Писание называет *ворами*. Оно говорит: «Сын мой, не будь лжецом, ибо ложь ведет к воровству»; между тем украденное воров, будет ли оным золото или серебро, литературное какое произведение или учение, остается столь же чистым и истинным как и до

покражи. Потому-то учения, эллинскими философами хищнически заимствованные из свящ. Писания, отчасти хотя и согласны с учением истинным, но истинный смысл их философы узнают только по догадкам или же вынуждаемые к тому неопровержимой их разумностью. Вполне же верно и осязательно они поймут их только тогда, когда пожелают сделаться учениками Христа Иисуса.

21. Из сопоставления с историей Эллинов эпох Моисея и пророков открывается, что учреждения и законы еврейские гораздо древнее любомудрия Эллинов

Факт коварного (вследствие умолчания о подлинном источнике) заимствования эллинскими учеными своих учений у Евреев более точно мы установим позднее. Сначала же для более методического представления этого дела нам следует сказать о времени, когда жил Моисей; отсюда откроется с неоспоримостью, что еврейское любомудрие древнее всякого другого ¹⁴⁰. Татиан в «Речи к Эллинам» входит в мельчайшие подробности о сем предмете; говорит о том же и Кассиан в 1-й книге своих «Толкований»; но уже самым существом сего нашего творения, в которое мы вносим все, что хотим удержать как в своей памяти, так и другим о том напоминать, требуется, чтобы мы обозрели всё на сей предмет там сказанное.

Апион грамматик, по прозванию Плейстоникс, – родом Египтянин и к Евреям относившийся враждебно, против них даже особое сочинение написавший, – в 4-й книге своей «Истории Египта» упоминает об египетском царе Амазисе и во свидетельство его дел ссылается на Мендесиянина Птолемея. Вот подлинные слова Апиона: «По распоряжению Амазиса было выкопано озеро Аварис. А жил он, как сообщает в своих «Хрониках» Мендесиянин Птолмей, во времена Аргивянина Инаха». Птолмей же этот был жрецом. В трех книгах он изложил историю царей Египта. И вот в одной из них он говорит, что «под предводительством Моисея, в царствование Амазиса, Евреи вышли из Египта». Из сего (из соображения 1-го из сих мест со 2-м) открывается, что Моисей был современником Инаха ¹⁴¹.

Древнейший из всех эллинских городов есть Аргос, построенный Инахом, как свидетельствует о сем Дионисий Галикарнасский в своих «Хрониках». Афины же по сравнению с Аргосом на четыре поколения моложе. Они основаны Кекропсом, человеком двуполым и автохтоном, как говорит о

нем именно в этих выражениях Татиан; Пелазг же, первый законодатель Аркадии, жил девятью поколениями после Инаха. Его называют также автохтоном. А Девкалион, первый царь Фтии, жил пятнадцатью поколениями позднее того же Инаха. От Инаха же до времени процветания Трои считается 20 поколений или 21; это составит 400 лет или даже более ¹⁴². И если, по свидетельству Кгезия, Ассирияне объединились в один народ задолго до Эллинов, то очевидно, что Моисей вывел из Египта детей Израиля 402 года спустя после основания Ассирийской монархии, в 82-м году царствования Гелюха 8-го, во времена Амазиса и Инаха, из коих один был царем Египта, другой Аргоса.

В царствование Фороней, преемника Инахова, постиг Элладу потоп Огюгея. В это же время возвысилось царство Сикионское в лице первых своих царей, Эгиалея, потом Европа и за тем Телхина; в то же время на о. Крите царствовал Крит. Это на том основании нужно признать, что Акузилай называет Фороней первым человеком, отчего и автор «Форонейды» называет его «отцом смертных». Посему-то и Платон, соглашаясь со сказанием Акузилая, говорит в Тимее: «Иногда, чтобы вызвать их (жрецов города Саиса) на рассказы о древних временах, он (Солон) начинал им говорить о первых временах Эллады и о Форонее, о коем говорят, что он был первобытным человеком, и о Ниобе, и о событиях, сопровождавших потоп Девкалиона». Актей, от имени которого и Аттика так называется (т.е. вместо Актика), был современником Форбанта. Прометей, Атлас, Епиметей, двуполый Кекропс и Ион были современниками Триопа. Пожар Фаэтонов и потоп Девкалионов произошли во времена Кекропса. И царствование Сфенела (Сфенелая) было современно царствованию Амфикиона, переселению Даная в Пелопоннес и основанию Дардании Дарданом, которого Гомер (Ил. 20:215) называет

Первородным тучесобирателя Зевса.

Около того же времени Европа была похищена из Финики (Зевсом) и увезена в Крит. Событиями, современными царствованию Люнкея, были: похищение Прозерпины (Гармонии Кадмом), основание святилища в Елевзисе, введение

земледелия Триптолемом, приход Кадма в Фивы и царствование Миноса. А во времена Прита произошла война Евмолпа против Афинян. Во времена Акрисия Пелопс перешел из Фригии в Элладу. К той же самой эпохе относится приход в Афины Иона и второго Кекропса, дела Персея и Диониса, Орфея и Музея. По показанию Дионисия Аргивянина Троя была взята в 18-й год царствования Агамемнона, в 1-й год царствования над Афинянами Демофона, сына Тезеева, в 12-й день месяца фаргелиона. Эгий же и Деркюль утверждают, что Троя была взята в 8-й день 3-й декады месяца панэма; Гелланик – в 12-й день месяца фаргелиона; по мнению же других историографов Афин это событие произошло в 8-й день последней декады месяца фаргелиона, в последний год царствования Менесфея и в полнолуние.

Была полночь

И луна светила полным своим блеском, говорит автор малой Илиады (Лесх). Другие утверждают, что это последовало в 8-й день последней декады месяца скирофориона. Тезей, соперник Геркулеса, жил на одно поколение раньше осады Трои. Поэтому-то Гомер и упоминает о Тлиполеме, сыне Геркулесовом, сражавшемся против Трои (Ил. 2:653). Доказано следовательно, что Моисей на 604 года жил раньше зачисления Диониса (Вакха) в число богов, потому что это обоготворение произошло в 32-м году царствования Персея, как это показывают Хроники (Анналы) Аполлодора.

С апотеозы Диониса (Вакха) до времен Геркулеса и тех знаменитых воинов, которые вместе с Язоном предприняли плавание на корабле Арго, насчитывают 63 года. Эскулап и Диоскуры (Кастор и Поллукс) также принимали участие в этом путешествии, как свидетельствует о сем Аполлоний Родосский в своей поэме «Аргонавты» (lib. 1,5:146). С года восшествия Геркулеса на престол Аргосский до апотеоз его и Эскулапа насчитывают по хронографии Аполлодора 38 лет. С этой эпохи до апотеоз Кастора и Поллукса считают 53 года. Около того времени была завоевана Троя. Если признавать верными слова поэта Гезиода, то следует прислушаться к говоримому и им:

Fuerat cum sacrum ingressa cubile Зевса

Майя, дочь Атласа, ему сына genucrat, великого Гермеса,
Вестника богов безмертных;

Семела же, дочь Кадма, coisset cum furtim с первыми из
богов,

Диониса (Вакха) reperit, всюду радость расточающего
(Theogonias v. 938).

Кадм, отец Семелы, пришел в Фивы при Люнкее и изобрел
эллинские буквы. Триопа же, говорят, жил одновременно с
Изидой, семь поколений спустя после Инаха. Полагают, что
Изида тождественна с нимфой Ио (ходящая), и так названа за
блуждание свое по свету. Истр в своей книге «Об египетских
колониях» говорит, что эта нимфа была дочь Прометея.
Следовательно Прометей жил одновременно с Триопой, семь
поколений спустя после Моисея. Итак, достоверным
становится, что Моисей жил гораздо раньше той эпохи, в
которую по мнению Эллинов произошел первый человек

Леон, автор творения об египетских богах, говорит, что
Изида у Эллинов известна была под именем Деметры;
следовательно Деметра жила во времена Люнкея, одиннадцать
поколений спустя после Моисея. Апис, царь Аргосский, был
основателем Мемфиса, как передает о сем Аристипп в 1-й книге
своей «Истории Аркадии». Аристей Аргивянин говорит, что
прозван был этот царь Сераписом и что это тот самый Серапис,
которого Египтяне обоготворяют. Нимфодор же Амфиполянин
в 3-й книге своего творения «об Азиатских законах» говорит, что
когда бык Апис издох и был набальзамирован, то положили его
в гроб, – по-гречески гроб σорός – и что гроб этот был поставлен
в храме божества, коему Египтяне (в виде этого быка)
поклонялись; отсюда бык получил имя Соро-Аписа;
впоследствии же жители той местности стали его называть
короче Сераписом ¹⁴³. Апис был третьим потомком Инаха.
Латона же жила во времена Титюя,

Ибо Латону он, traxit per vim, преславную conjugem Зевса
(Одис. X I, 579);

следовательно Титюй и Тантал были современники.
Поэтому-то Пиндар Бэотиянин и мог написать: «Тогда родился

Аполлон». И ничего в этом нет удивительного, так как Аполлон и Геркулес оказываются «долгий год» (Ил. XXI, 443) вместе служившими у Адмета. Зеф и Амфион, изобретатели музыки, родились около времени жизни Кадма. И если нам говорят, что первой Сивиллой была Фемоноя, с которой советовался Акрисий, то знайте, что она только на 27 лет жила раньше Орфея, Музея и Лина, учителя Геркулесова. Гомер же и Гезиод жили гораздо позже взятия Трои и гораздо раньше эллинских законодателей Ликурга и Солона, раньше семи мудрецов, Сириянина Ферекида и великого Пифагора, которые все, как уже доказано было нами, жили после установления системы Олимпиад. Таким образом нами доказано, что Моисей жил гораздо раньше не только эллинских мудрецов и поэтов, но раньше даже и большинства богов эллинских.

И не только Моисей, но и Сивилла жила гораздо раньше Орфея. Говорят, что есть много сочинений, рассуждающих об её прозвании и прорицаниях и о том, что она была Фригиянка, по имени Артемида (Диана) и что отправляясь в Дельфы она пела такие стихи:

О Дельфяне, чтители далеко стреляющего Аполлона,
Пришла я возвестить вам волю эгидоносного Зевса,
Будучи воспламенена прорицательным духом моего брата
Аполлона.

Есть еще другая Сивилла, родом из Эретрии; её имя Герофила. Упоминает об обеих Гераклид Понтийский в своем творении «О прорицаниях». Умолчу о Сивилле египетской и италийской, жительствовавшей в Риме, там, где впоследствии возвышались ворота Карментальские. Евандр, основатель храма в честь Пана, так называемого Люперсальского, был сыном этой Сивиллы.

Теперь следует определить время, когда жили и другие пророки, бывшие у Евреев после Моисея.

По смерти Моисея принял начальство над народом Израильским Иисус Навин. В течение 65 лет он вел войны, а остальные 25 лет отдыхал в земле обетованной, а по книге Иисуса Навина после Моисея он управлял Израильтянами 27 лет.

После того, как повествует книга Судей (3:8), Евреи по грехам своим подпали под власть Хусахара, царя Месопотамии и находились под оной 8 лет. Но, умолив Бога, они избрали себе в вожди Гофониила, младшего брата Халевова, из колена Иудина. Гофониил умертвил царя Месопотамского и затем правил народом в течение 50 лет (Суд. 3:11) ¹⁴⁴.

Евреи снова впали в грехи и были преданы на 18 лет во власть Эглому, царю Моавитян. После того они снова покаялись и в течение 80 лет (Суд. 3:11) имели вождей из колена Ефремова Аода, левой рукой владевшего столь же хорошо как и правой (Суд. 3:15). Он умертвил Эглома.

По смерти Аода Евреи снова согрешили и были в течение 20 лет под властью Иавима, царя Ханаанского. В это время жила пророчица Деввора, жена Лабидофова, из колена Ефремова. Первосвященником тогда был Озия, сын Авии (1Пар. 6:4,5). Благодаря влиянию Девворы Варак, сын Венира, из колена Неффалимова, поставлен был во главе войска (Суд. 4:6), пошел против Сисары, главнокомандующего войсками Иавима и победил его.

После этой победы в течение 40 лет творила суд в народе Деввора.

По смерти её народ опять согрешил и в течение 7 лет находился под властью Маданитян. Тогда Гедеон, сын Иоаса, из колена Манассиина, пошел против Маданитян во главе 300 воинов и избил до 120,000 врагов. Управлял Израильтянами 40 лет, а после него сын его Авимелех в течение 3 лет.

Этого последнего преемником был Фолея, сын Бедана, сына Харранова, из колена Ефремова ¹⁴⁵; он был судьей во Израиле 23 года.

По смерти его ¹⁴⁶ Евреи снова согрешили и были под властью Аммонитян 18 лет. Снова они раскаялись и выбрали судьей Иеффая из Галаада, от колена Манассиина. Иеффай управлял Израильтянами 6 лет.

Преемником его был Есевон из Вифлеема (Суд. 12:8), от колена Иудина. Он был судьей 7 лет.

За ним Еврон, из колена Завулонова, 8 лет ¹⁴⁷; далее Эглом, из колена Ефремова, 8 же лет. Некоторые же 8 лет правления Евровонова присоединяют к 7 годам правления Есевона.

После Эглома Евреи снова согрешили и в течение 40 лет тяготело над ними иноплеменное иго Филистимлян. Но когда они обратились к Богу, стал во главе их Самсон из колена Данова и подчинил им иноплеменников. Он управлял ими 20 лет.

После Самсона настала анархия (Суд. 18:1; 19:1 и д.).

Затем в течение 40 лет ¹⁴⁸ был судиею первосвященник Илий.

Преемником Илия был пророк Самуил. При Самуиле царствовал Саул, вступив на престол 27 лет. Самуил же помазан на царство и Давида и умер двумя годами раньше Саула, в первосвященство Авимелеха. Так Самуил чрез помазание установил царство (1Цар. 10:1) во Израиле и Саул был 1-й царь, царствовавший во Израиле после Судей. Время Судей длилось 463 года и 7 месяцев. После них, как это делается нам известным из 1-й книги Царств, Саул обновив царство царствовал еще 20 лет ¹⁴⁹.

По смерти Саула Давид, сын Иессеев, из колена Иудина, был вторым Израильским царем, с резиденцией в Хевроне. Его царствование продолжалось 40 лет, как передает нам это 2-я книга Царств. Первосвященником был тогда Авиафар, сын Авимелеха, из родственников Илия. Пророчествовали при Давиде Гад и Нафан. От Иисуса Навина до времени вступления Давида на царство, по мнению некоторых, протекло 450 лет, а по нашему летосчислению с этого времени до смерти Давида прошло 523 года 7 месяцев.

Соломон, сын Давида, после него царствовал 40 лет. В его царствование еще жив был пророк Нафан, предложивший ему построить храм. В то же время жил пророк Ахия из Силома. Давид и Соломон были тоже пророки. Садок был первым из первосвященников, приносившим жертвы в храме Соломоновом. С Аарона же 1-го первосвященника он был 8-м. Таким образом с Моисея до времени Соломона прошло, по

мнению одних, 595 лет, а по счету других 576 лет ¹⁵⁰. Следовательно если к 450 годам, протекшим со времени Иисуса Навина до Давида, прибавить 40 лет правления народом Израильским Моисея и другие 80 лет жизни Моисея прежде исхода Евреев из Египта и если к ним добавить еще 40 лет царствования Давида, то получим цифру 610 лет. Точнее же и совершеннее составляется наша хронология: 523 года и 7 месяцев прошло до кончины Давида; к ним прибавляем 120 лет жизни Моисея, да еще правления Соломона 40 лет. Если же счесть все время, протекшее до кончины Соломона, то найдем что прошло 683 года 7 месяцев. Хирам выдал свою дочь за Соломона около времени, когда Менелай после взятия Трои пристал к берегу финикийскому, о каком заезде передает Менандр Пергамлянин и Лэт в своем сочинении «Финикияне».

Соломону наследовал его сын Ровоам, царствовавший 17 лет: первосвященником тогда был Авимилех, сын Садока. В царствование Ровоама царство Израильское распалось и Иеровоам, раб Соломона, из племени Ефремова, воцаряется в Самарии. В это время жили пророки Ахия Силонитянин, Самея, сын Амамы и еще пророк, пришедший к Иеровоаму из Иудеи и восстававший против сооружения алтаря этим царем (3Цар. 13:1, 2).

Ровоаму наследовал его сын Авия, царствовавший 23 года.

Преемником этого последнего был Асаман, царствовавший столько же лет. Под старость он страдал подагрой в ногах. В его царствование жил пророк Ииуй, сын Анании.

Асаману наследовал Иосафат, его сын, царствовавший 25 лет. В его царствование жили пророки: Илия Фесвитянин, Михей, сын Иевлая и Авдий, сын Анании. Современником же Михея был лжепророк Седекия, сын Ханаана.

За тем следует Иорам, сын Иосафата, царствовавший 8 лет. В его царствование жил еще Илия и после него Елисей, сын Сафата. Во времена Елисея жители Самарии, находясь в нужде, ели своих собственных детей и голубиный помет (4Цар. 6:25, 28, 29).

Царствованием Иосафата занята последняя часть 3-й книги Царств даже до книги 4-й. На царствование Иорама падает

вознесение Илии на небо. После Илии Елисей, вступив в служение пророческое 40 лет от роду, пророчествовал в течение 6 лет.

За тем следует Охозия, царствовавший всего один год. В его время жил еще Елисей и Авдадонец (2Пар. 15:1).

Преемницей Охозии была мать Охозии Гофолия, царствовавшая 8 лет (2Пар. 23:1) Она умертвила детей своего сына (срав. 4Цар. 11:1; 2Пар. 22:10), ибо принадлежала к роду Ахава. Сестра же Охозии Иосавея спасла сына Охозии Иоаса и впоследствии передала ему царство. В царствование сей Гофолии пророчествовал еще Елисей.

После Гофолии, как мы упомянули уже, царствовал Иоас, спасенный от смерти Иосавеей; а она была женой первосвященника Иодая. Всех лет жизни Иоса было 40.

Таким образом от времен Соломона до смерти пророка Елисея насчитывают одни 105 лет, а другие 200. Но, как оказывается то из нашего летосчисления, со вступления на царство Соломона до смерти Елисея прошло 181 год.

По Филохору со взятия Трои до рождения Гомера, последовавшего после эмиграции ионийской колонии, прошло 180 лет. Аристарх же в своих «Комментариях на Архилоха» говорит, что Гомер уже жил во время этой эмиграции. Следовательно она произошла лет 140 после падения Трои. Аполлодор же утверждает, что Гомер родился 100 лет спустя после эмиграции ионийской колонии, в царствование над Лакедемонянами Агезилая, сына Дорюсеева. Он доказывает, что законодатель Ликург во время своей юности был современником Гомера. Евфюмен же в своих «Хрониках» говорит, что он процветал вместе с Гезиодом во времена Акаста и родился на Хиосе приблизительно в 200-м году по взятии Трои. Того же мнения держится и Архемах в 3-й книге своей «истории острова Евбеи». Отсюда открывается, что как Гомер так и Гезиод жили позже (пророков Илии и) Елисея. Если следовать рассказу грамматика Кратеса и если полагать, что рождение Гомера падает на время около прихода Гераклидов в Пелопоннес, т.е. год примерно на 80-й по падении Трои, то мы найдем, что Гомер жил позднее даже Соломона, в

царствование которого, как было упомянуто выше, случился и приход Менелая в Финикию. По мнению же Эратосфена Гомер родился 100 лет спустя по взятии Трои. Феопомп же в 43-й главе своей «истории Филиппа» говорит, что Гомер родился 500 лет спустя после жизни участников взятия Трои. А Евфорион в «истории династии Алевадов» относит жизнь Гомера ко временам Гюгеса, вступившего на царство приблизительно с началом 18-й Олимпиады. Этот Евфорион сообщает еще, что Гюгес первый начал называться тираном. Сосибий же лаконянин в своем «Хронологическом очерке» относит рождение Гомера к 8-му году Харилла, сына Полюдектова. Харилл царствовал 64 года, и после него его сын Никандр 39 лет. По уверению того же Сосибия первая Олимпиада падает на 34-й год царствования Никандра. Таким образом Гомер родился 30-ю годами позже начала системы Олимпиад.

После Иоаса принимает управление царством его сын Амасия, царствовавший 39 лет.

Амасии наследовал точно так сын его Озия (срав. 4Цар. 14:2; 2Пар. 25:1 и Евсевия), царствовавший 52 года и умерший от проказы. В его время жили пророки Амос и Исаия, его сын, Осия, сын Беера, и Иона, сын Амафа, родом из Гет Хабер; он проповедовал Ниневитянам, вышед из чрева чудовища, его поглотившего.

Озии наследовал его сын Иоафам, царствовавший 16 лет. В его царствование жили еще пророки Исаия, Осия, Михей Морасфитянин (Мих. 1:1) и Иоиль, сын Вафуила.

Иоафаму наследовал сын его Ахаз, царствовавший 16 лет. Приблизительно на 15-м году царствования Ахаза Израиль отведен был в плен Вавилонский, а Салманасар, царь Ассирийский, и жителей Самарии переселил в Мидию и Вавилон (4Цар. 18:10, 11).

Ахазу наследовал Осия, царствовавший 8 лет, потом Езекия, царствовавший 29 лет. Сей царь, лежавший почти уже при смерти, своей святой жизнью заслужил то, что Бог устами Исаии удлинил ему жизнь еще на 15 лет, каковое обещание

подтверждено было Богом чрез возвращение тени солнечной назад (4Цар. 20:6 и д.).

Исаия, Осия и Михей пророчествовали до царствования Езекии. Говорят, что они жили после Ликурга, законодателя Лакедемонян. Действительно Диевхида в 4-й книге своей «истории Мегары» относит жизнь Ликурга примерно к 290-му году по взятии Трои. Исаия же и с ним Михей, Осия и Иоиль, сын Вафуила, пророчествовали еще в 200-м году после Соломона, в царствование которого, как мы уже говорили о сем выше, Менелай приезжал в Финикию.

После Езекии царствовал сын его Манассия в течение 55 лет.

Потом сын его Амос в течение двух лет.

После Амоса царствовал Иосия его сын, считаемый за справедливейшего и благосклоннейшего; царствование его продолжалось 31 год. Он повергал трупы людей на изломанные и опрокинутые статуи идолов, как I написано в книге Левит (26:30; срав. 3Цар. 13:2; 4Цар. 23:14,20). В его время, в 18-й год его правления, Пасха была празднуема с таким великолепием, с каким не была еще совершаема она никогда, ни Самуилом ни кем либо из предшественников Иосии (2Пар. 35:18; срав. 4Цар. 23:22). В его время Хелкия священник, отец пророка Иеремии, найдя в храме книгу Закона, за чтением её и скончался. При сем царе пророчествовали Олдай, Софония и Иеремия. Этому последнему современником был лжепророк Анания, не послушавшийся Иеремии и в том же году умерший. Что касается Иосии, то он был убит на р. Евфрате, куда отправился на встречу царя Египетского Нехао, шедшего на Ассириян (4Цар. 23 и 2Пар. 35).

Иосии наследовал сын его Иехония и сын его Иоахаз, царствовавший 3 месяца и 10 дней. Нехао, царь Египетский, заковал Иоахаза в цепи и увез в Египет, а вместо него царем поставил его брата Иоакима; этому поручил он собирать подати с народа, обложив ими всю страну.

Иоаким царствовал 11 лет.

Наследником его был сын его Иоахин, царствовавший всего три месяца.

За тем следует Седекия, царствовавший 11 лет. В его царствование пророчествовал еще Иеремия. В то же время пророчествовал Иезекииль, сын Буци, Урия, сын Самея (Иер. 26:20) и Аввакум. Сим кончается ряд царей еврейских.

Таким образом с рождения Моисея до дня, в который Седекия был увезен в Вавилон, прошло по счислению одних 972 года, а по более достоверным результатам нашего счисления 1085 лет, 6 месяцев и 10 дней. А с царствования Давида до пленения от Халдеев прошло по счислению некоторых 452 года и 6 месяцев, а по нашему более тщательному счислению 482 года 6 месяцев и 10 дней. На 12-м году царствования Седекии, следовательно за 70 лет до владычества Персов, Навуходоносор воевал с финикиянами и Иудеями, как повествует о сем Бероз в своей «истории Халдеев». Юба в своем творении об Ассириянах говорит, что заимствует свои исторические сведения у Бероза, и таким образом ручается за правдивость этого историка. Итак, Навуходоносор, ослепив, отводит Седекию в Вавилон, а весь народ, за исключением небольшого числа людей, бежавших в Египет, расселяет по отдаленным странам. И продолжался этот плен Иудеев 70 лет. Иеремия и Аввакум пророчествовали еще и при Седекии. На 5-м году его царствования пророчествовал в Вавилоне Иезекииль, а после него Наум, затем Даниил. После Даниила в царствование Дария I-го (Гистаспа) пророчествовали в течение двух лет Аггей и Захария. После же Даниила пророчествовал и Малахия, один из двенадцати пророков, которого имя значит «вестник» (ангел). После Аггея и Захарии Неемия, главный виночерпий Артаксеркса, сын израильянина Ахела, выстраивает вновь Иерусалим и возобновляет храм. С этим пленом связана история Есфири и Мардохея, излагаемая в книге этого имени, подобно как о Маккавеях идет речь в книгах этого же имени. Во время этого плена Мисаил, Анания и Азария, отказавшиеся поклониться идолу, были брошены в натопленную печь, но спасены спустившимся к ним ангелом. Тогда же Даниил из-за дракона брошен был в ров львиный, здесь по Божественному промыслению был питаем Аввакумом и на 7-й день

цел и невредим был вытащен из рва. На то же время падает чудесная история с Ионой и Товией. Последний при содействии Ангела поемлет себе в жены Сарру, к которой ранее сваталось 7 женихов и все были умерщвлены демоном; Товит же, отец Тавии, после свадьбы сына прозрел. Во время того же плена Зоровавель, разрушив своим благоразумием козни своих противников, покупает у Дария право восстановить Иерусалим, вместе с Ездрой возвращается в свою отечественную землю, при посредстве Ездры освобождает свой народ, с помощью Божественного вдохновения приводит в порядок сборник свящ. Писаний ¹⁵¹, восстанавливает празднование Пасхи, запрещает браки Евреев с иноплеменными женщинами.

Еще прежде сего Кир позволил Евреям возвращаться в свое отечество и на свободу (срав. 1Ездр. 1:1; 6:1 и д.). Когда согласно этому позволению возвращение Евреев в царствование Дария состоялось (срав. 1Ездр. 6:16 и 7:15), Евреи праздновали Освящение храма, а также и праздник Кушей (Наум. 8:16).

Вообще считают, что с рождения Моисея до освобождения Иудеев из плена прошло 1155 лет 6 месяцев 10 дней. С царствования же Давида до сего освобождения из плена протекло, по мнению одних, 352 года, а по более достоверному счислению 572 года 6 месяцев 10 дней.

Таким образом чрез Вавилонское пленение исполнилось во времена Иеремии следующее пророчество Даниила: *Семьдесят седмин для твоего народа и святого города уменьшен, чтобы вероломство истощилось и грех кончился, чтобы неправды были изглажены и беззакония очищены, чтобы явилась правда вечная, чтобы видения и пророчества исполнились и чтобы помазан был Святый святых. Знай и уразумей. С этого пророчества и возобновления Иерусалима до царя Христа пройдет 7 седмин и 62 седмины и народ возвратится и снова обстроятся улицы и будут воздвигнуты стены, но настанут времена трудные. И после 62 седмин Христос будет убит без суда; и вместе с этим, имеющим прийти, царем будет разрушен город и святое святых и как бы новым потопом каким жители*

будут истребляемы и даже до самого конца войны будет свирепствовать между ними гибель. И утвердит завет для многих седмина едина и в половине седмины падут жертвоприношение и возлияние, и мерзость опустошения прострется и на святилище, и даже до конца этого времени народ святых будет предан на разорение. И в половине седмины не будет больше подниматься с алтаря благовоний, жертвоприношения прекратятся и на крыле святилища будет мерзость запустения, доколе полнота онаго не заставит удивляться самого опустошителя» (Дан. 9:24–27). Итак, что храм был построен в течение первых семи седмин, это ясно; событие это записано и у Ездры. Иисус же воцарился между Иудеями в Иерусалиме с исполнением 7 седмин; и в продолжение 62 седмин вся Иудея отдыхала, наслаждаясь глубоким миром, не нарушавшимся никакой войной; и Господь наш Иисус Христос, *Святой из святых*, пришед и исполнив видения и пророчества, был помазан по плоти Духом Отца. Явление миру царского достоинства Христа произошло в эти 62 седмины и в течение единственной седмины, как предвозвестил пророк. Половина следующей седмины объемлется царствованием Нерона и начинается со введения сим императором во святой град Иерусалим омерзения; а во вторую половину сей седмины был он низложен; в оную же погибли Гальба, Отон и Вителлий; тогда же власть перешла к Веспасиану, который разрушил Иерусалим и разорил святилище. Для понимающего становится ясным, что события шли именно так, как предсказал пророк.

Итак, после 11-го года и в начале следующего, который был первым годом царствования Иоахина (Иехонии; срав. 4Цар. 23:36; 24:8, 10, 14), Навуходоносор чрез 7 лет царствования своего над Ассирией (4Цар. 24:12), переселяет жителей Иерусалима в Вавилон. Этот плен постиг Иудеев во 2-м году царствования Вафре (Иер. 44:30), царя египетского и в 1-м году 48-й Олимпиады, когда в Афинах был архонтом Фенипп. Плен сей продолжался 70 лет, так как окончился на 2-м году царствования Дария, сына Гистаспова, повелителя Персов, Ассириян и Египтян. В его время пророчествовали, как было

уже сказано, Аггей, Захария и Малахия, один из 12 пророков. Первосвященником тогда был Иисус, сын Иоседека. Во 2-й год царствования Дария, который, по Геродоту (3:70), ниспроверг узурпаторскую власть магов, Зоровавель, сын Салафииля, был послан в Иерусалим для восстановления сего города и украшения храма.

А вот хронология за время существования Персидской монархии. Кир царствовал 30 лет (Герод. 1:214), Камбиз 19 лет (Герод. 3:66), Дарий 46 лет, Ксеркс 26 лет, Артаксеркс 41 год, Дарий 8 лет, Артаксеркс 42 года, Охос или Арсес 3 года. В итоге царствование всех царей Персии составит 235 лет.

По прошествии этого времени вступил на престол Персии Александр Македонский, лишив престола Дария (Кодомана). Вот хронология царей Македонских: Александр царствовал 18 лет, Птоломей Лаг 40 лет, Птоломей Филадельф 27 лет, Птоломей Евергет 25 лет, Птоломей Филопатор 17 лет, Птоломей Епифан 24 года. Этому наследовал Птоломей Филометор, царствовавший 35 лет; после него был царем Птоломей Фискон, царем бывший 29 лет; потом Птоломей Латур, царствовавший 36 лет; за тем Птоломей Дионис, царствовавший 29 лет; наконец Клеопатра, царствовавшая 22 года. После неё поднялось было царство Каппадокийское, но просуществовало лишь 18 дней. Вообще царствование всех царей Македонских продолжалось 312лет 18 дней.

Доказано следовательно, что пророки Аггей, Захария и Малахия, один из 12 пророков, жившие на 2-м году царствования Дария Гистаспа и явившиеся на 1-м году 48-й Олимпиады, древнее Пифагора, время жизни которого, как говорят, относится к 62-й Олимпиаде. Гораздо древнее они и Фалеса, однако же древнейшего из эллинских мудрецов, родившегося лишь около 50-й Олимпиады. Так называемые мудрецы равно были современны Фалесу, как говорит о сем Андрон в своей «Триподе». Гераклит, живший после Пифагора, в своих сочинениях упоминает об этом философе. Таким образом становится неопровержимым, что Олимпиада 1-я, а она, как уже доказано было, падает на 407-й год после взятия Трои, древнее времени, в которое жили выше названные

пророки, равно как и времени жизни философов, называемых мудрецами. Теперь легче видеть, что Соломон, царствование которого соответствует времени царствования Менелая, был современником осады Трои и жил на значительное количество лет раньше мудрецов древней Эллады.

Мы уже показали выше, насколько лет раньше Соломона жил Моисей. Александр, прозванный Полигистор, в своем сочинении об Иудеях передает содержание некоторых писем Соломона к Вафре, царю Египетскому и к царю Финикийскому, а также и ответы этих царей Соломону. Из сих писем открывается, что от Вафре послано было к Соломону для постройки храма 8000 египетских рабочих, что от царя Тирского послано было к Соломону рабочих столько же и при них архитектор, по матери еврей из племени Гадова (2Пар. 2:13), по имени Гирам (3Цар. 7:13, 40).

История говорит между прочим, что афинянин Ономакрит, пресловутый автор поэм, приписываемых Орфею, жил во времена Пизистратидов около 50-й Олимпиады. Орфей, вместе с Геркулесом предпринимавший плавание на корабле Арго, был учителем Музея. Амфион жил двумя поколениями раньше осады Трои. Дэмодок и Фэмий, славившиеся игрой на кифаре и вызывавшие ей удивление, Дэмодок у Фэаков (Одис. 8:43), а Фэмий у женихов Пенелопы (Одис. 1:153), жили после взятия Трои. Говорят между прочим (Павзаний in Atticis), что «Предсказания» в стихах, приписываемые Музею, принадлежат Ономакриту, что «Разливальная чаша» Орфеева (по Свиде) есть произведение Зопира гераклеянина; что «Сошествие во ад» есть творение Продика Самосского. Ион же хиосец в своих «Триагмах» передает, что поэмы, изданные под именем Орфеевых, сочинены Пифагором (по Д. Лаэртию). Епиген же в своем очерке поэм, приписываемых Орфею, утверждает, что «Сошествие во ад» и «Священная речь» принадлежат пифагорейцу Керкопу, а «Пеплос» и поэма «О природе» Бронтину.

Некоторые и Терпандра тоже причисляют к древним поэтам. Но Гелланик свидетельствует, что Терпандр родился во времена Мидаса; Фаний же, поставивши Лесха лесбосца ранее

Терпандра, считает его моложе и Архилоха. Он рассказывает, что Лесх боролся с Арктином и победил его. По свидетельству Ксанфа лидийца город Фасос был основан около 18-й Олимпиады, а по показанию Дионисия около 15-й. Таким образом достоверным становится, что поэт Архилох делается известным уже после 20-й Олимпиады ¹⁵², так как он говорит о разрушении Магнезии как о бедствии недавнем. Рассказывают, что Симонид был современником Архилоха и что время жизни Каллина относится не к очень древней эпохе, потому что Архилох говорит о разрушении Магнезии, а Каллин помнит еще цветущее состояние этого города.

Евмел же коринфянин относится к более древней эпохе, ибо по свидетельству некоторых историков он знал Архия, основателя Сиракуз. Все это я потому нашел нужным сказать, что киклических поэтов обыкновенно причисляют к древнейшим.

Рассказывают, что уже у древних Эллинов было много прорицателей. Такими напр. были Бакиды, один из Бэотии, другой из Аркадии, многим многое предсказавшие. Пизистрат утвердил за собою тиранию только потому, что афинянин Амфилют ¹⁵³ указал ему для захвата власти благоприятный момент времени (Герод. 1:62). Умолчу о Комете с Крита, о кипрянине Кинюре, об Адмете из Фессалии, о киринеянине Аристее, об Амфиарае афиняныне ¹⁵⁴, о Тимоксене с Корциры, о Деменете фокеяныне, об Епигене из Феспий, о Никии карюстыяныне, об Аристоне фессалияныне, о Дионисии карфагеняныне, о Клеофоне коринфяныне, о Гиппо, дочери Хирона, о Бойо, о Манто и целом роде Сивилл ¹⁵⁵, о Сибилле Самосской, Колофонской, Кумейской, Ерюфрейской, о Фюто ¹⁵⁶, Тараксандре, о Макетис, о Фессале, о Феспротиде, далее о Калхасе и Мопсе, двух современниках осады Трои. Но Мопс из них был старше, потому что был одним из Аргонавтов. Все же говорят, что так называемая «Мантика» Мопса составлена киринеяныном Баттом. И Дорофей в 1-й части своих Пандект (компиляций) передает, что Мопс слушал Алкиона и Корону. Великий Пифагор постоянно занимался изучением гадательного искусства и верил в этого рода предсказания. Равным образом прилежали к нему и Аварис гипербореянын, Аристей

проконнесянин, критянин Епименид, переселившийся в Спарту, точно так же мидянин Зороастр, Емпедокл из Агригента, Формион лаконянин, Полюарат с Фасоса, Емпедотим сиракузянин, и наконец и в особенности афинянин Сократ. «Верю я, говорит он в «Феагене», что по милости Божией с самого детства при мне находится демон, меня знаменами не оставляющий. Это голос, поднимающийся изнутри каждый раз, как я хочу что-либо делать, меня отклоняющий, но никогда ни к чему не побуждающий». Экзекест, тиран Фокейский, на пальце одной из своих рук постоянно носил два магических перстня, и по звуку, который они издавали при взаимном соприкосновении, он определял время, когда должен действовать. Однако же он погиб от хитрости, хотя по звуку перстней он и предугадывал грозившую ему смерть, как говорит Аристотель в своей книге «о Фокейской республике».

Перечислим теперь и тех из Египтян, которые первоначально были простыми людьми, но которым впоследствии их ближние поклонялись. Таковы Гермес фивянин, Эскулап из Мемфиса, Терезий и Манто из Фив, по свидетельству Еврипида («Финикиянки» стих 841 и д.); еще Гелен, Лаокоон, Ойнона и Крен, все четверо из Трои. Крен из них, один из Гераклидов, говорят, был замечательным гадателем. Назовем еще Иама из Елиды, от которого произошли Ямиды, и Полюида, славившегося в Аргосе и Мегарах, о котором вспоминают и трагические поэты. Нужно ли еще поименовывать Тэлема, гадателя Циклопов, предсказавшего Полифему удар, впоследствии действительно им полученный от Одиссея на его путешествии? К чему называть мне афинянина Ономакрита или Амфиарая, который, как говорят, жил на одно поколение раньше взятия Трои и был одним из семи военачальников над сражавшимися под Фивами? К чему – Феоклюлена с Кефалонии или Телмиза из Карики или Галена с Сицилии? Но кроме них были и другие, как напр. Идмон, один из Аргонавтов, Фемоноя волшебница Дельфийская, Мопс сын Аполлона и Манто из Памфилии, Амфилох сын Амфиарая из Киликии, Алклеон из Акарнании, Ания с Делоса, Аристандр телмиссянин, сопровождавший

Александру. А Филохор в 1-й книге своего «Очерка гадательного искусства» говорит, что и Орфей был гадателем. Феопомп, Ефор и Тимей говорят о гадателе Орфагоре. Пифокл самосец в 4-й книге своей «истории Италии» упоминает о другом гадателе Кае Юлии Непоте. Но из всех этих поименованных нами Эллинов одни, как говорит Писание (Ин. 10:8), были *воры и разбойники* и в основу большей части своих предсказаний полагали наблюдения и предположения свойства материалистического, подобно тому как врачи и предсказатели при практиковании своего искусства основываются лишь на физиогномике; другие же были вдохновляемы демонами или же приходили в прорицательный экстаз от паров, поднимавшихся с воды или же от различных благовонных запахов или же от некоторых атмосферических испарений.

Гадательное же искусство пророков еврейских имело происхождение небесное. Таким пророком был еще до сообщения закона Адам, предсказавший будущее в словах, им изреченных при виде жены и при наречении имен животным. Таким пророком был Ной, проповедывавший покаяние (2Пет. 2:5), Авраам. Исаак и Иаков, ясно предвозвестившие множество событий, бывших сокрытыми еще в отдаленном будущем и таких, коих пополнение было уже близко. Таковы были со времени дарования закона Моисей и Аарон, а после них Иисус сын Навина, Самуил, Гад, Нафан, Ахия, Самей, Ииуй, Илия, Михей, Авдий, Елисей, Авдадонец, Амос, Исаия, Осия, Иона, Иоиль, Иеремия, Софония, сын Хузи (или Буци) ¹⁵⁷, Иезекииль, Урия, Аввакум, Наум, Даниил, Мисаил, составитель трактата о доказательствах ¹⁵⁸, Аггей, Захария, Малахия один из двенадцати, в совокупности 35 пророков. Из женщин, – потому что и из них были пророчицы, – такими были Сарра, Ревекка, Мариам, Деввора и Олда. Потом во времена господства еще того же закона пророчествовал до крещения Спасителя Иоанн. После рождения Христова являются пророки Симеон и Анна. Евангелие рассказывает, что Захария, отец Иоанна, также пророчествовал еще до своего сына.

Теперь обратим внимание на летосчисление принятое у Эллинов. Начнем с Моисея. С рождения его до дня, когда

Израильтяне вышли из Египта, прошло 80 лет. С исхода Израильтян из Египта до смерти Моисея 40 лет. Исход Израильтян из Египта воспоследовал во времена Инаха, потому что Моисей вышел из Египта за 345 лет до переселения (дочери Инаха) нимфы Ио.

От принятия Моисеем в свои руки управления Израилем и от Инаха до Девкалионова потопа, второго из потоков посещавших Элладу, и до пожара Фазтонова, события современного Кротопу (Кекропсу), насчитывают 40 поколений ¹⁵⁹. А на сто лет считается поколений три. С потопа Девкалионова до пожара на горе Иде, до открытия железа и до Дактилей Идеев Фрасюлл иасчитывает 73 года, а с пожара на Иде до похищения Ганимеда 65 лет; с этого похищения до экспедиции Персея и до учреждения Главком Истмийских игр в память Меликерта прошло 15 лет; с экспедиции Персея до основания Трои 34 года; с этого времени до похода Аргонавтов 64 года; с похода Аргонавтов до времен Тезея и Минотавра 32 года; со времен Тезея и Минотавра до эпохи семи военачальников, командовавших под Троей, 10 лет; от оных до учреждения Геркулесом Олимпийских игр в память Пелопса 3 года; от начала Олимпийских игр до похода Амазонок на Афины и до похищения Элены Тезеем 9 лет; с сего времени до обоготворения Геркулеса 11 лет; с сего до похищения Элены Александром Парисом 4 года; с этого похищения до взятия Трои 10 лет; со взятия Трои до прибытия Энея в Италию и до основания Лавиниума 10 лет; с основания Лавинии до царствования Аскания 8 лет; с Аскания до прихода Гераклидов 61 год; с прихода Гераклидов до Олимпиады Ифита 338 лет ¹⁶⁰.

Эратосфена же летосчисление такое. Со взятия Трои до прихода Гераклидов 80 лет; с прихода Гераклидов до образования Ионии 60 лет; с образования Ионии до правления Ликурга 159 лет; с начала его управления до 1-го года 1-й Олимпиады 108 лет; с этой эпохи до нашествия Ксеркса 297 лет; с этого нашествия до начала Пелопоннесской войны 48 лет; с начала сей войны до её окончания поражением Афинян 27 лет; с сего поражения их до битвы при Левктрах 34 года; с сей

битвы до смерти Филиппа 35 лет; со смерти Филиппа до смерти Александра 12 лет.

Некоторые с 1-й Олимпиады до основания Рима считают 24 года; с основания Рима до изгнания царей, сопровождавшегося учреждением консульства, 243 года; с изгнания царей до смерти Александра 186 лет; со смерти Александра до победы Августа, после чего Антоний в Александрии сам покончил с собой, 294 года, – Август тогда в 4-й раз был выбран в консулы; – с этого времени до учреждения в Риме Домицианом игр 114 лет; с первого празднования этих игр до смерти Коммода 111 лет.

Некоторые историки с Кекропса до Александра Македонского насчитывают 1828 лет, а с Демофона 1250 лет. Со взятия Трои до прихода Гераклидов 120 или 180 лет; с этого последнего события до архонта Эвенета, во времена которого, говорят, Александр прошел в Азию, по свидетельству Фания, протекло 715 лет, по Ефору же 735, по Тимею и Клейтарху 820, по Эратосфену же 774. Дурис со взятия Трои до прихода Александра в Азию считает 1000 лет; с этого последнего события до Эвенета, бывшего архонтом в Афинах во время смерти Александра ¹⁶¹, 11 лет; со смерти Александра до правления Германика Клавдия Цезаря 365 лет. От времен же Клавдия до смерти Коммода число лет известно достоверно.

Воспользовавшись для изображения картины с длиннейшими рядами годов счислением принятым у Эллинов теперь следует нам обратиться и к хронологии принятой у варваров.

С Адама до потопа насчитывают 2148 лет и 4 дня. С Сима до Авраама 1250 лет. С Исаака до раздела обетованной земли 616 лет. Со времени Судей до Самуила 463 года 7 месяцев. За правлением Судей следует правление царей, продолжавшееся 572 года 6 месяцев и 10 дней.

После царей из племени Иуды начинается владычество Персов, продолжавшееся 235 лет.

После Персидского владычества владычество Македонское, – если считать продолжавшимся с Александра до смерти Антония, – будет обнимать собою 312 лет и 18 дней.

Затем следуют Римские императоры. С Августа до смерти Коммода протекло 222 года. С окончания 70-летнего плена и возвращения Иудеев в отечественную землю до нового ига, которое их постигло в царствование Веспасиана, считают 410 лет. Наконец с Веспасиана до смерти Коммода 121 год 6 месяцев 24 дня. Димитрий в своей «Истории иудейских царей» говорит, что колена Иудино, Вениаминово и Левиино не были Сennaхиримом уводимы в плен и что с этого плена до последнего, наложенного на жителей Иерусалима Навуходоносором, прошло 128 лет и 6 месяцев; что с года, в который 10 племен Израильских были отведены в плен из Самарии, до царствования Птолемея IV-го прошло 573 года и 9 месяцев, а с эпохи, когда они отведены были пленниками из Иерусалима, 338 лет и 3 месяца. Но сам Филон не согласен с Димитрием относительно хронологии в истории царей иудейских. Кроме того и Евполем в своем сочинении о том же предмете с Адама до 50-го года царствования Птолемея Димитрия, царя Египетского и 12-го между Птолемеями, насчитывают 5149 лет, а со времени выведения Моисеем Иудеев из Египта до того же времени 2580 лет; с этой эпохи до консульства в Риме Кая Домициана и Сабина прошло 120 лет.

Ефор и многие из других историков говорят, что существует на свете 75 наций и 75 наречий. Без сомнения им известно было написанное Моисеем: *И всех душ, вышедших вместе с Иаковом из Египта, было числом 75* (Быт. 46:27). Но скорее за правду можно принять то, что число первоначальных наречий 72, как говорят нам наши свящ. Писания¹⁶². Все другие наречия образуются из смеси первоначальных наречий, двух или трех или больше. Наречие есть качество языка, собой характеризующее местность или дух того или другого частного народа.

Эллины говорят, что у них существует пять наречий: Аттическое, Ионическое, Дорическое, Эолическое и пятое общее, а что наречия варваров бесчисленны и их не называют наречиями, а языками. Платон говорит, что и богам свойственно известное наречие¹⁶³. Это предположение он основывает на вникании в сны и в прорицания; свидетельствуют о сем

также и бесноватые, которые говорят не своим голосом и не на своем наречии, а голосом и наречием демонов, тайно вселившихся в них. Он думает даже, что и животные имеют каждый род свое особенное наречие, понятное лишь индивидуумам одного с ними рода ¹⁶⁴. Таким образом, когда слон попадет в болото и испускает крики, то приходит какой-нибудь другой слон и увидав случившееся возвращается назад и немного погодя приводит с собой целое стадо слонов и с помощью которого и освобождает завязшего в болоте. Рассказывают, что в Ливии, когда скорпион видит человека, до которого не может достгнуть своим жалом, то удаляется, но за тем возвращается с другими скорпионами; они сцепляются друг с другом в виде цепи и таким образом замысел их удаётся. Звери не прибегают ни к двусмысленным жестам, ни игрой физиономии не пользуются для того, чтобы выражаться, но языком им свойственным. Некоторые из натуралистов утверждают, что если леса рыбака оборвется в минуту извлечения им рыбы и если пойманная была рыба уходит, то рыбаку этому во весь тот день не выудить на том месте ни одной рыбы.

Наречия первоначальные и образующие суть наречия народов, которые у Эллинов слышат под именем варварских. В названиях предметов у них обозначается самое существо их, природа ¹⁶⁵, почему признано, что молитвы на языке варварском более действительны, чем на других языках. В «Кратиле» Платон, желая объяснить этимологию слова πῦρ, говорит, что это слово варварское. Он свидетельствует, что слово это с некоторым незначительным изменением употребительно у Фригиан.

Теперь же для наилучшего определения эпохи, в которую родился Спаситель, прилично, думаю, будет изложить хронологию Римских императоров. Август царствовал 43 года, Тиберий 22, Кай 4, Клавдий 14, Нерон 14, Гальба 1, Веспасиан 10, Тит 3, Домициан 15, Нерва 1, Траян 19, Адриан 21 и Антонин 21. За тем царствование Марка Аврелия, прозванного Антонином и Коммода составляют вместе 82 года. С Августа до

Коммода прошло 222 года, а с Адама до смерти Коммода 5784 года 2 месяца 12 дней.

Некоторые историки в хронологическом отношении излагают историю Римских императоров так. Юлий Цезарь правил Римским государством 3 года 4 месяца и 5 дней. После него царствовал Август 46 лет 4 месяца и 1 день; потом Тиверий 26 лет 6 месяцев 19 дней; Кай Цезарь 3 года 10 месяцев и 8 дней; Клавдий 13 лет 8 месяцев и 28 дней; Нерон тоже 13 лет 8 месяцев и 28 дней; Гальба 7 месяцев и 6 дней; Отон 5 месяцев и 1 день; Вителлий 7 месяцев и 1 день; Веспасиан 11 лет 11 месяцев и 22 дня; Тит 2 года и 2 месяца; Домициан 15 лет 8 месяцев и 5 дней; Нерва 1 год 4 месяца и 10 дней; Траян 19 лет 7 месяцев и 15 дней; Адриан 20 лет 10 месяцев и 28 дней; Антонин 22 года 3 месяца и 7 дней; Марк Аврелий Антонин 19 лет и 11 дней; Коммод 12 лет 9 месяцев и 14 дней. Таким образом с Юлия Цезаря до смерти Коммода прошло 236 лет и 6 месяцев. А с Ромула, основателя Рима, до смерти Коммода считается вообще 953 года и 6 месяцев. Следовательно наш Спаситель родился на 28-м году правления Августа, во время производства 1-й переписи. Верность этой цифровой даты доказывается сообщением Евангелия св. Луки: *На 15-м году царствования Тиверия Цезаря было слово Господне к Иоанну, сыну Захарии (Лк. 3:1).* И еще в том же Евангелии написано: *Когда же Иисус пришел креститься, Ему исполнился 30-й год (Лк. 3:23).* И относительно Его учительства, что оно должно было продолжаться только один год ¹⁶⁶, и о сем в том же Евангелии сказано так: *Он послал Меня в течении одного года проповедывать о милосердии Господа (Ис. 61:2).* Таковы слова пророка и Евангелия. Таким образом 15 лет жизни Спасителя, падающих на царствование Августа ¹⁶⁷ и другие 15 лет, падающие на царствование Тиверия, составляют 30 лет, протекших до дней Его страданий. Со дня Его смерти до разрушения Иерусалима считают 42 года и 3 месяца; с разрушения Иерусалима до смерти Коммода 128 лет 10 месяцев и 3 дня. Вообще с рождества Господня до смерти Коммода протекло 194 года 1 месяц и 13 дней.

Некоторые из историков хронологическую точность простирают до того, что указывают не только год, но и день рождения Спасителя, утверждая, что Он родился на 28-м году царствования Августа в 25-й день месяца Пахона. Последователи Василида также празднуют день крещения Христа Иисуса, проводя ночь пред этим днем за чтением. Они говорят, что крещение Господа последовало на 15-м году царствования Тиверия Цезаря в 15-й день месяца Туби. Иные же утверждают, что это случилось в 11-й день этого месяца.

Некоторые исследователи, тщательно относящиеся даже к малейшим подробностям страданий нашего Господа, утверждают, что это случилось на 16-м году царствования Тиверия Цезаря, в 25-й день месяца Фаменофа; другие же в 25-й день месяца Фармуфи; еще иные утверждают, что это последовало в 19-й день месяца Фармуфи. Некоторые из сих исследователей говорят, что Христос Иисус и родился 24 или 25 дня месяца Фармуфи.

Нужно к нашей хронологической картине прибавить и число дней, по словам Даниила протекших с разрушения Иерусалима до его окончательного падения и еще 7 лет 7 месяцев, составляющих конец царствования Веспасиана. Потому что если сложить первые два года этого царствования и 17 месяцев 8 дней царствований Гальбы, Отона и Вителлия, то получается 3 года и 6 месяцев, составляющих *половину* той седмины, о которой говорит пророк Даниил. А он сказал, что пройдет 2300 дней со времени введения Нероном омерзения во святой город до разрушения этого города. Именно это означает следующими словами Писания: *На сколько времени простирается это видение об ежедневной жертве и об опустошительном нечестии греха, достигшаго своей полноты? До коих пор будут в презрении святое святых и его влияние? И Он сказал мне: На 2300 вечеров и утро и тогда святое святых будет разрушено* (Дан. YII, 13). Эти 2300 дней составляют 6 лет и 4 месяца, половина которых относится к царствованию Нерона и составляет *половину седмины* пророка; другая же половина сей седмины объемлется царствованиями Гальбы, Отона и Вителлия и двумя годами царствования

Веспасиана. Вот почему Даниил говорит: *Блажен, кто доживет до 1335-го дня (Дан. 8:12)*, потому что именно до этого дня продолжалась война и потом прекратилась. Это число упоминается и в другом месте той же главы, из которой мы привели предыдущие слова. Вот это место: *И со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет 1290 дней. Блажен кто доживет до 1335-го дня (Дан. 11:11, 12)*.

Иосиф Флавий Иудей и автор истории Иудеев представляет нам летосчисление, по которому с Моисея до Давида считается 585 лет; с Давида до 2-го года царствования Веспасиана 1179 лет; с этого года до 10-го года царствования Антонина (Пия) 77 лет. Таким образом с Моисея до 10-го года царствования Антонина, Иосиф считает 1933 года. Другие же с Инаха и Моисея до смерти Коммода считают 2942 года; еще иные 2821 год.

В Евангелии по Матфею генеалогия Иисуса начинается с Авраама и кончается Марией, материю Господа. *И всех родов, говорит евангелист, с Авраама до Давида число 14; Давида до переселения в Вавилон тоже 14; с переселения в Вавилон до Христа тоже 14 (Мф. 1:17)*. В итоге же тремя этими таинственными интервалами обнимается число поколений, живших в течение 6 седмин.

22. О Греческом переводе Ветхого Завета

Вот различные летосчисления, коим следует большинство историков.

А из свящ. Писаний закон и пророки, говорят, были переведены ¹⁶⁸ с языка Еврейского на Греческий в царствование Птолемея сына Лагова или, по мнению других, в царствование Птолемея Филадельфа и что Димитрий Фалерейский величайшее усердие проявил в этом деле и доставлением необходимых для того материалов много ему способствовал. Действительно еще во время Македонского владычества над Азией ¹⁶⁹, Птоломей Лаг, желая обогатить основанную им в Александрии библиотеку всякого рода сочинениями, указал, чтобы и Иерусалимляне перевели на Эллинский язык писания своих пророков; и они, будучи тогда подвластны Македонянам, выбрали из среды себя 70 старцев, сведущих в понимании Писания и знающих Греческий язык и послали их с священными книгами к Птолемею. И после того, как каждый из этих старцев порознь перевел все священные книги, все 70 стали свои переводы сравнивать и нашли их между собою согласными и по мыслям и по выражениям. Устроено же было это дело волею Божию для ознакомления Эллинов со свящ. Писаниями. И ничего нет удивительного в ниспослании на это дело Божественного вдохновения, – что пророки Еврейские по вдохновению Божию сделали так сказать Эллинскими пророками. Разве не было того же самого и прежде, когда Писания, – погибшие во время плена Иудеев Навуходоносором, – Ездрию, левитом и священником, по вдохновению Божию, в царствование Артаксеркса, царя Персидского, вновь были написаны?

Аристовул в 1-й книге своего сочинения, посвященного Птолемею Филометору, пишет: «Усвоил начала нашего законодательства и Платон; и очевидно, что он тщательнейшим образом вникал во все его подробности. Прежде же Димитрия Фалерейского, еще до наступления владычества Александра и Персов, другой переводчик перевел из наших

писаний отрывки, напр. повествование об исходе Евреев из Египта, о всех замечательных событиях, которых наши предки были очевидцами или и виновниками, о завоевании земли обетованной, изложение всего нашего законодательства. Вообще достоверно, что Платон многим заимствовался из сего источника, ибо он был очень учен. Равным образом и Пифагор внес в свою философию многие положения из наших книг». Итак, вот почему Нумений, пифагорейский философ, говорит: «Что такое Платон как не Афинский Моисей». А этот еврейский Моисей ¹⁷⁰ был богословом и пророком, по мнению же других только истолкователем священных законоположений. А о роде его, делах и жизни повествуют сами эти свящ. Писания; и все то веры достойно и должно быть изложено и нами.

23. О времени рождения Моисея, его происхождении и жизни

Моисей родом был халдей, но родился в Египте, потому что предки его, избегая голода, уже долгое время тяготевшего над Вавилоном, покинули этот город и переселились в Египет. Происходил он от Иакова в 7-м поколении, воспитан был по-царски и обстоятельства его жизни были таковы. Когда число Евреев в Египте увеличилось и они стали представлять собою значительную часть его народонаселения, царь страны стал опасаться возможности возмущения со стороны этих народных масс и боясь особенно отважного юношества приказал из детей, рождающихся у Евреев, воспитывать только девочек, – потому что женщина неспособна к войне, – мальчиков же убивать. Но так как родители Моисея не чувствовали себя рабами, а в сыне своем видели человека в благородном и свободном состоянии рожденного, то, пренебрегая жестокостью тирана, тайно питали его в течение трех месяцев (Евр. 11:23): естественная родительская любовь была в них сильнее страха пред тираном. Потом же, поопасившись погибнуть вместе с сыном, они сплели из папируса, местного кустарника, корзинку, положили туда ребенка и поставили ее в камыш в болотистой прибрежной местности реки. Сестра же ребенка, невдалеке стоя, наблюдала, что будет происходить дальше. Пришла за тем на реку в этот день купаться дочь царя, уже давно бывшая бесплодною и желавшая иметь ребенка, Услышав крик ребенка, она велела принести его к себе и тронутая состраданием приказала найти для него кормилицу. Тогда подбежала сестра ребенка и сказала, что она знает одну еврейскую женщину, недавно родившую и вызвалась отыскать ее, если дочь царя того желает. По согласию и просьбе этой последней сестра дитяти привела к царевне в кормилицы за условленную плату мать ребенка, как если бы это была женщина ему совершенно чужая. Потом царевна в память спасения ребенка из воды назвала его Моисеем, ибо *μωϋ* по-египетски означает воду ¹⁷¹, будучи опущен в которую, предполагалось, он должен был

погибнуть. Моисеем потому называют по-египетски того, кто из воды поднят (вышел, выбрался, освободился). И ясно, что родителями Моисея при обрезании его, еще прежде опущения в воду, дано было ему другое имя; он назван был тогда Иоакимом. На небе же, после своего вознесения, как говорят посвященные в мистерии, он получил третье имя Мелхí ¹⁷². По достижении Моисеем возраста, способного к занятиям, приставили к нему учителей самых знаменитых между египетскими и он учился у них арифметике, геометрии, астрономии, науке ритма и гармонии, медицине и музыке; кроме того мудрости, символически представляемой гиероглифами. Курс остальных наук он проходил под руководством проживавших в Египте эллинских учителей, как утверждает это Филон в «Жизни Моисея». Кроме того он изучал под руководством египетских учителей египетскую литературу, а халдейские учителя наставляли его в науке о светилах небесных. Посему-то в «Деяниях Апостольских» и говорится о нем: *И научен был он всей премудрости Египетской* (7:22). Евподем же в своем сочинении «О царях иудейских» говорит, что Моисей был первым ученым своего времени и что «он первый познакомил Иудеев с искусством письма, что от Иудеев это искусство заимствовали Финикияне, а от Финикиян Эллина» ¹⁷³.

Но с усвоением египетского любомудрия Моисей развивал и укреплял в себе и правила, им унаследованные от предков и из отечественного предания. И столь усердно он был предан этим последним, что ударив убил раз египтянина, не в праве ожесточившегося против еврея. Посвященные же в мистерии утверждают, что он только словом убил египтянина, подобно тому как Петр убил словом оставивших себе несправедливо часть цены за поле и солгавших ¹⁷⁴. Артапан в своем сочинении «об Иудеях» рассказывает, что «когда Моисей, по приказанию Нехефрея (Хенефры), царя Египетского, за постоянное требование для Еврейского народа свободы и права оставить страну, был посажен в тюрьму, то ночью по воле Божией двери темницы отворились сами собою. По выходе из темницы Моисей пошел во дворец, проник до самой постели

спавшего царя и разбудил его. Удивленный случившимся царь стал спрашивать Моисея об имени Бога, которым он послан; Моисей наклонясь сказал царю это имя на ухо; услышав же оное царь пал замертво; но Моисей поднял его и возвратил к жизни». Езекииль, автор иудейских трагедий ¹⁷⁵, повествует о воспитании Моисея согласно с нами. В драме, озаглавленной «Исход Евреев из Египта», он от лица Моисея пишет об его воспитании следующее:

«Видя наш народ со дня на день все более и больше размножающимся,

Царь фараон стал предпринимать против нас множество коварных мер.

Сначала стал он удручать нас тяжелыми работами,
То кирпичи должны мы были делать, то здания строить,
То города окружать стенами и башнями,
При чем было позволено с нами дурное обращение.
Несчастные! Но таковы были наши обязанности.
Потом приказал он рождающихся от нас мальчиков
Бросать в глубокие воды реки.

Мать моя, как она мне это часто говорила,
По рождении в течение трех месяцев меня скрывала;
Не в состоянии же будучи таить,
Она задумала тайно спасти меня.

Надев на меня красивейшие из моих детских пеленок,
Она положила меня на возвышенном берегу реки,
В месте поросшем кустарником и камышом.

Между тем Мариам, сестра моя, скрывшись недалеко, наблюдала все.

И вот дочь царя ¹⁷⁶ в сопровождении своих почетных спутниц

Пришла на реку купаться.

Тотчас она увидела меня, взять приказала и принести к ней.

И тотчас узнала она, что я ребенок еврейский.

Мариам же, сестра моя,

Подбежала к царевне и сказала:

«Хочешь, чтоб сейчас же отыскала я для сего ребенка кормилку из евреек?»

Царевна в знак согласия кивнула головою.
Моя сестра побежала к матери и рассказала все случившееся.

Тотчас пришла сама мать моя и взяла меня на руки.
Тогда царевна сказала: «Ты, любезная,
Его выкорми, а я заплачу тебе».
И в память того, что нашла меня
На берегу реки, она назвала меня Моисеем.
Когда дни моего детства прошли для меня,
Моя мать повела меня во дворец царевны,
Предварительно все рассказав мне по частям и в целом
О роде отцов моих и о Божественных нам благодеяниях.
И постоянно, доколе был я в юности,
Давали мне пищу и воспитание царския,
Как еслиб был я царской крови.
Но когда в течение целой массы дней достиг я возраста,
Я вышел из дворца....

Потом, рассказав о драке еврея с египтянином и о погребении последнего в песке, Езекииль о другой подобной же ссоре говорит так:

«Зачем того ты бьешь, кто тебя слабее»?
И он мне отвечал: «Кто тебя поставил судьей над нами
Или князем здесь? Не хочешь ли и меня также убить,
Как вчера убил человека»? И испугавшись сказал я:
«Как? Это сделалось уже известно?»

Вот почему Моисей бежал из Египта и сделался пастухом стад, приготавливаясь таким образом к несению верховной власти над народом. Для того, кто со временем должен пасти будет стадо ручных людей, пасенье стад скота служит некоторого рода приготовительною школой к исполнению царских обязанностей, подобно тому как охота учит воинов искусству военному.

И потом Бог от пастушеских занятий поставляет Моисея во главе Евреев. Затем начинается вразумление Египтян, после того как неоднократно свидетельствовали они о своем недалёковидном неверии. Евреи же, будучи очевидцами бедствий, испытанных другими, узнали всю полноту Божия

всемогущества. И так как Египтяне в своем безумии отказались поверить словам Моисея и проявлениям Божия всемогущества, то и были по пословице «наказаны как неразумные» ¹⁷⁷.

Евреи наконец вышли из Египта, унеся с собой великую добычу. Но они взяли у Египтян их вещи не из жадности, как говорят их клеветники, потому что Бог им заповедал не желать чужого, но во-первых в качестве платы за службу Египтянам в течение столь продолжительного времени и за вынужденные рабские работы; потом некоторым образом в качестве возмездия Египтянам, бывшим столь жадными до денег, за горькую жизнь, которую они заставили вести Евреев в Египте и которую отравили порабощением; вынесением добычи из Египта Евреи так же огорчили Египтян, как они их огорчали. За тем быть может Евреи поступили так и по праву военному; захватив собственность врагов они воспользовались лишь правом победителя; это было право сильного над более слабым. Повод же к войне был законен. Евреи пришли в Египет со смиренною просьбою о принятии, спасаясь от голода; Египтяне же поработили своих гостей, заставляя их исполнять работы рабские, принуждая служить даже и без вознаграждения. Быть может Евреи действовали так и по праву мирному: унося добычу из Египта они некоторым образом сами себя тем вознаграждали, чем господа давным-давно должны были им отплатить, вместо же того Египтяне лишь одни выгоды извлекали из Евреев.

24. Об образе исполнения Моисеем обязанностей вождя Евреев и предшествовании его своим примером другим в исполнении их обязанностей

Пророком, законодателем, руководителем и устроителем, великим вождем, искусным политиком и в дополнение к сему еще философом (человеком добродетельным), вот чем впоследствии стал наш Моисей ¹⁷⁸.

Каким образом он сделался пророком, об этом будет сказано впоследствии, когда мы будем говорить о пророчестве; а что касается остального, то искусство руководства упорядочения входит как часть в науку предводительства; умение же предводительствовать войском есть часть науки правительственной; точно так же как и законодательство, равно как и судебная функция суть части науки управления. Существует четыре способа управлять людьми. Первый – Божеский, согласный с волею Божией и святостию Его Сына, от которых исходят не только блага земные и внешние, но и всякое совершенное благополучие. «Просите, говорится, вещей великих, тогда и малые вам приданы будут» ¹⁷⁹. Второй после единственно-разумного и Божеского способа управления людьми есть тот, который исходным началом своим и движущей силой имеет только страстную и пожелательную сторону души, питаемую властью. Таков был способ управления Геркулеса, царя Аргивского и Александра царя Македонского. Третий есть тот, который единственным своим началом имеет желание побеждать и разрушать; на пользование же победой в дурную или в добрую сторону не обращает он никакого внимания. Так именно вели себя цари Персидские в войне, ими поведенной против Эллады. Пожелательные же движения души двоякого рода. По силе одних человек желает одерживать верх во что бы то ни стало и хочет властвовать только из властолюбия. По силе других человек имеет склонность к делам добрым и честным, и ретивость таких людей обращена на достижение результатов достохвальных. Для четвертого способа управления, из всех наихудшего, служат правилом и

руководством только страсти. Таков был образ управления Сарданапала; но и поныне он остается в силе у тех, кои единственной целью при сем поставляют удовлетворение своих пожеланий. Искусство властвовать как в том случае, если оно полагает свой триумф в добродетели, так и в том, когда оно практикует насилие, состоит в руководстве и упорядочении, и искусство это разнообразно смотря и по разнообразию своего предмета. Руководителями же и упорядочивателями при сем состоя, душа и ум, с помощью орудий одушевленных и неодушевленных приспособляющие к войне оружие и животных. Движения же душевные, тревоги внутренние, коими мы лишь при добродетели управлять можем, они разумом упорядочиваются, воздержанию и умеренности указывающим правило в святости и познании истины и возглавляющим все в благочестии и почитании Бога. И действительно. У людей, практикующих добродетель, всем управляет благоразумие, по отношению к делам Божественным мудрость, по отношению к делам человеческим политика, а по отношению к делам Божественным, поколику они связаны с человеческими, искусство управлять. Царем следовательно состоит лишь тот, кто управляет по законам, а произвольные желания умеет сдерживать. Таков Господь, принимающий в свое царство всех в Него чрез Него верующих. Потому что Бог (Отец) *все передал (Лк.10:22) и все подчинил Христу (1Кор.15:27)*, нашему Царю, *дабы пред именем Иисуса всякое колено на небе, на земле и в аду преклонилось и чтобы всякий язык признавал, что Господь Иисус Христос ест слава Бога Отца (Фил. 2:10,11).*

Искусство же управления войском практикуется тремя способами: обнаружением осторожности, обнаружением храбрости и соединением храбрости с осторожностью. И каждое из этих качеств слагается опять тоже из трех: из слова, из дела и из слова в соединении с делом. И позволительно прибегать при пользовании тремя этими различными функциями власти как убеждением так и силой и хитростью, если приходится мстить за несправедливость или останавливать насилие. Эти же самые функции власти равным образом

наделяют её правом и в действиях наблюдать или справедливость или притворство или открытое заявление правды или же совместное пользование в одно и то же время некоторыми из этих средств. Эллины, заимствовав от Моисея познание о всем этом, а также и применение каждого из сих средств управления, извлекли из того большие выгоды. В доказательство я расскажу два или три примера из стратегии.

Когда Моисей вывел Евреев из Египта, то подозревая, что Египтяне будут его преследовать, покинул путь кратчайший и легчайший и направился к пустыне, идя всего чаще ночью. Но поступая так он имел и другое намерение, а именно: во время этого длинного перехода по обширной пустыне научить Евреев верить в единого Бога, приучить их к благоразумному терпению. Военная тактика Моисея учит нас подвергаться опасностям только тогда, когда мы уже имеем в своем распоряжении средства для преодоления их. И что Моисей предвидел, то и случилось. Египтяне преследовали Евреев верхом и на колесницах, но скоро все были истреблены. Разверзшееся море поглотило их с колесницами и конями без остатков.

После же сего, благодаря огненному столпу, который ночью двигаясь пред детьми Израиля служил им путеводителем, Моисей провел и их по неудобной стране, и трудами и переходами приучил их к мужеству и терпению, чтобы после выдержанных испытаний, казавшихся им нестерпимыми, лучше могли они ценить богатства и преимущества страны, в которую он вел их среди тысячи испытаний.

Кроме того он обращал в бегство и истребил врагов, которые занимали ту страну ранее, выходя на них пустынными и трудными дорогами и нападая на них врасплох. В этом именно и состоит искусство предводительства, и завладеть таким образом неприятельской землей есть доказательство опытности и военных талантов.

Мильтиад, полководец Афинский и победитель Персов при Марафоне, тактике Моисея подражал следующим образом. Он вел Афинян ночью по безвестным дорогам и обманул тем

ждавших его Персов; потому что Гиппий, бежавший из Афин и перешедший на сторону Персов, повел варваров в Аттику, зная же страну он занял местности самые удобные. И так как его трудно было захватить врасплох, то Мильтиад, будучи полководцем искусным, выбрал дороги трудные, ночью напал на Персов, которыми командовал Датис, и одержал победу.

Но и Фразибулу, ведшему с собою Афинян из изгнания и желавшему скрыть свой поход, следовавшему ночью по дорогам непроложенным, под небом безлунным и покрытым тучами, путеводителем, подвигаясь вперед, служил огненный столп; он довел Фрасибула и его товарищей невредимыми до Мунихии, потом покинул их на том самом месте, где возвышается теперь алтарь Фосфора (Люцифера). Это предание, заимствованное из летописей Эллинов, пусть научит их уважать и наши летописи и понудит их тому верить, что для всемогущего Бога возможно было предшествование сынам Израиля ночью столпом огненным и указание им пути чрез оный.

В одном стихотворном предсказании подобным же образом сказано на основании еврейских книг:

Дионис (Вакх) есть столп для Фивян.

Кроме того и Еврипид говорит в Антиопе:

В брачной же комнате стоит статуя,

Представляющая Вакха в виде пастуха, увенчанного плющом.

Столп указывает на неизобразимость Бога, а столп светящийся кроме указания па невозможность представить Его себе в каком-либо образе указывает также на вечное бытие Божие и на неугасимый свет Божественный, ни под какою формою который не может быть представлен. Вот почему прежде изобретения скульптуры и её усовершенствования древние люди воздвигали столпы и поклонялись им как кумирам Бога. Вот почему и автор Форонеиды говорит:

Каллифоя ключи носит, символ того что она царица Олимпа.

Она же первая украсила цветами и лентами
Высокую колонну Геры Аргивской.

Но и автор поэмы «Европа» (Евмел) рассказывает, что статуя Аполлона, стоящая в Дельфах, есть не что иное как колонна. Вот его слова:

...Чтобы мы повесили в дар богу на двери его храма на высокую колонну

Начатки плодов и десятую часть их.

Аполлоном же в смысле таинственном назван единый Бог, ибо α в этом имени равно отрицанию, а πόλλων значит множество, а истинный Бог именно не состоит из частей ¹⁸⁰. Наконец этот огонь, походивший на колонну и проникавший в места неприступные, есть символ священного света, поднимающего (нас) с земли и возносящего на небо; соединен же свет сей (вместо древнего столпа) со столпом древа крестного, благодаря которому нам дарована возможность зреть на всё очами разума.

25. Каким образом Платон в своем сочинении «О законах» вдохновлялся Моисеем?

А Платон философ, заимствуя свои законодательные принципы из писания Моисея, осуждает Миноса и Ликурга за то, что они своими политическими учреждениями имели ввиду развитие одного только воинского мужества. Напротив он хвалит как достопочтеннейшие и полезнейшие те из учреждений, которые исходным пунктом имеют какое-нибудь одно и единственное начало и которыми имеется в виду достигать одной и единственной цели ¹⁸¹. Он говорит, что самое верное средство для усиления себя, для возвеличения и для проникновения разумностью, это обращение взора на созерцание величественного вида неба, настойчивость неизменная и без колебаний на одних и тех же чувствах относительно одних и тех же предметов. Посему когда Платон советует нам поднимать взоры к единому Богу и наблюдать в жизни справедливость, то оказывается он как бы истолкователем (Моисеева) закона. По учению этого философа политическая наука разделяется на два рода, одна называется судебной, за другой он оставляет название политической. В одном из своих сочинений, называемом «Политик», он ясно дает понять, что истинным «Политиком» состоит лишь Творец всех вещей. Он распространяет это название и на тех, которые поднимают свои взоры к Богу, ведут жизнь деятельную, поступают справедливо, смотрят на вещи с высшей точки зрения, созерцательной. Что же касается до политики законодательной, то он точно так же разделяет её на две составных части: на ту, в которой имеются в виду правители, обязанные заботиться о посредниках своего управления и на ту, в котором речь идет об их подчиненных, обязанных повиноваться своим правителям. По мнению Платона добрые нравы, равновесие, гармония могут существовать только тогда, когда правители сходятся с управляемыми и когда управляемые повинуются правителям. Но это цель, которая преследуется и писаниями Моисея. Вдохновляясь этими писаниями Платон

прибавляет: «Законодательной политикой создается общество; другого рода политика в него вводит любовь и согласие». Вот почему к своему творению «О законах» он присоединяет «Епиномида», разговор, где он выводит на сцену философа, понимающего течение всех вещей, здесь на земле происходящих под влиянием планет. Вот почему и к своей «Республике» он прибавляет «Тимея», диалог, где он выводит на сцену другого философа (Пифагорейского), так называемого астронома, углубленного в науку о светилах небесных и их обращение, в понимание их симпатических между собою отношений и законов друг с другом их соединяющих ¹⁸². Платон продолжает: «По моему мнению созерцательный образ мыслей венчать собой должен дело не только политика, но он должен считаться совершенством и для человека, живущего согласно с требованиями закона. Необходимо управлять государством правомерно и честно, но самое лучшее быть человеком добродетельным (философом). Человек умный живет так, что все свои силы устремляет на приобретение знаний, поставляя дела добрые и отлично-прекрасные руководительным правилом своей жизни, с презрением отвергая дела дурные и обогащая себя приобретением знаний, ведущих к постижению учения истинного (христианства). Повелеваемое законом не есть еще закон, точно так же как и видимое нами не есть еще зрение. Равным образом и не всякое мнение есть уже и закон; несомненно, нельзя назвать именем закона заблуждение; правило внутренне-содержательное и практически-полезное, вот закон. Но закон своей природе соответствует и полезен, если он правдив; правдивый же закон открывает и постигает действительно существующее. *«Послал меня Тот, Который существует»*, сказал Моисей (Исх. 3:13). Согласно с сим определением закона, — ясно что дельным, — некоторые из философов ¹⁸³ характеризовали закон так, что это де есть повелевающая, что следует делать, справедливая сила, запрещающая же то, чего не нужно делать.

26. Моисей по справедливости называется законодателем Божественным, хотя и низшим чем Христос, однако же высшим чем греческие законодатели Минос и Ликург

Таким образом вполне справедливо сказано, что закон *чрез Моисея дан* (Ин. 1:17) в образец правды для стремящихся к ней и в зеркало для неправых. И вполне правильно закон сей, данный чрез Моисея самим Богом, мы могли бы назвать тесмами ¹⁸⁴. Он именно ведет нас к Богу. Говорит и Павел о законе: *Он дан по причине преступлений, до времени пришествия Семени, к которому относится обетование* (Гал. 3:19). Потом как бы для разъяснения своей мысли Апостол прибавляет: *Прежде же пришествия веры мы были в заключении, сторожимые законом* (Гал. 3:23), т.е. закон удерживал нас от греха страхом наказаний *до того времени как надлежало открыться вере. Таким образом закон был для нас Педагогом ко Христу, дабы нам оправдаться верою* (Гал. 3:24, 25).

Искусство законодателя состоит в указании каждому из проявлений душевной жизни человека подходящей нормы и в назначении за дела заслуженной каждым награды. Но Моисей был именно, вкратце сказать, живым законом, говорившим и действовавшим под влиянием милосердного Логоса. Посему-то и мог он учредить между Евреями государственное правление столь благотворное, людей воспитывавшее для совместной жизни в обществе столь превосходно.

Моисей нес на себе между прочим и судейские обязанности, а они состоят в исправлении провинившихся и научении их правде. Карательная функция находится с судебной в тесной связи; она состоит в наблюдении между наказанием и виною правильной соразмерности и в направлении взыскательных сих мер на цели воспитательные, чтобы посредством наказания действовать на душу исправительно. Но Моисей вообще всеми своими учреждениями

преследовал единственную цель: тех, кои желали быть нравственно-прекрасными и развить в себе семена добра, воспитывать, а тех, душа чья уклонилась от добродетели, но еще не чуждалась добра, возвращать на путь к ней. В этом именно ведь и состоит талант правителя. И что касается до искусства еврейского законодателя, по приведении людей к союзу с Логосом, оказывать незаменимые услуги им, то свойственна была ему, и даже особенно, и эта мудрость. Будучи свойством весьма славным и царственным, способность эта характеризуется умением склонять людей к добру и направлять их на пути добрые. И вот почему философы только мудреца называют царем, законодателем, истинным стратегом, мужем праведным, личностью священной и другом Божиим. Но не находим ли мы именно в Моисее эти различные черты соединенными? Не свидетельствуют ли об этом Писания положительно, так что не с полной ли уверенностью, основывающейся на доказательствах, мы можем назвать Моисея истинным мудрецом?

Мы сказали ранее, что как пастуха обязанности и дело состоят в заботе об овцах, – даже до той степени, что *пастырь добрый полагает свою жизнь за овец* (Ин. 10:11) – так и законодательная наука, поставляя своей задачей учить людей добродетели, пробуждает скрытые в них семена добра: её дело состоит в назирании человеческого стада и заботе о нем. И если под стадом в известной притче Господа разумеется не другое что как сонм или общество человеческое, то сам Господь значит состоять будет в сем едином стаде овец, Его слушающихся (Ин. 10:16), в одно и тоже время и добрым пастырем, и добрым законодателем и попечителем о нем, с помощью закона и Логоса отыскивающим и находящим и одну потерянную овцу (Мф. 18:12).

Закон духовен, говорит Апостол (Рим. 7:14). а если *духовен* он, то ведет значит и к высшему счастью, к блаженству. *Закон духовен*, потому что дан Духом Святым, всё же соделанное Духом Святым (без сомнения в высшей степени) духовно. И сей Дух Святый есть законодатель истиннейший, потому что Он доброе и прекрасное не только заповедует, но оное

Ему и вполне известно. От сего-то Духа и происходит закон. Итак, закон, сообщенный Законодателем, вполне знающим свой закон, есть закон спасительный; повеления сего закона благотворны и осчастливливающи.

Лучше сказать, заповеди такого закона суть заповеди самого знания воплощенного (Логоса). Сей есть *Божия сила и Божия премудрость* (1Кор. 1:24). При Его посредстве закон был дан, Он же состоит и первым истолкователем его заповедей. Он, едиnorodный Сын Божий, дал нам возможность зреть в самое лоно Отца (Ин. 1:18).

Но и сами послушные закону не могут не верить учению истинному или оправдываться не знанием его, потому что они *знают Его* (1Ин. 5:18–20 и др.). Неверующие же, не желающие повиноваться закону и не исполняющие ни одного из дел им предписываемых, этим самым свидетельствуют, что они истины не ведают.

Ибо в чем состоит неверие Эллинов? Не в отвержении ли той истины, что закон Моисеев чрез него дан был самим Богом? Но вот по свидетельству собственных же их философов Моисей достопочтенен. Да кроме того разве не рассказывают Платон, Аристотель и Ефор, что Минос, почасту посещая пещеру, Зевсу посвященную, каждые 9 лет износил отсюда ряд законов, кои и оставлены им на Крите? Не рассказывают ли они, что Ликург часто отправлялся в Дельфы к Аполлону и что он изучал там науку законодательства? Наконец Хамелеон Гераклеянин в своем рассуждении «О пьянстве» и Аристотель в «Республике Локрян» не рассказывают ли, что Залевк Локрянин получил свои закон от Афины? Те следовательно, кои с целью окружить законы Эллинов особенным нимбом, утверждают о них тоже, что и о провозвестничестве Моисея, что они не от смертных людей исходят, а суть дело Божественное, но в то же время не принимают первоисточников учения, послужившего первообразом для преданий, рассказанных в их книгах, те свидетельствуют чрез это лишь о своей неблагодарности.

27. Закон постоянно, даже и при наказаниях, им налагаемых, имеет в виду благо людей

Из-за наказаний, налагаемых законом, пусть никто однако же не нападает на него, как если б не был он благодетелен и нравственно-прекрасен. Иначе и врач, изгоняющий болезнь из тела, пусть не считается за благодетеля. Если же он должен быть признаваем за приносящего особую пользу и за человека, оказывающего особые услуги, то не тем ли драгоценнее должен быть для нас тот, кто старается освободить нашу душу от неправд? Душа дороже ведь тела. В видах доставления здоровья своему телу не переносим ли мы отсечения целых членов тела и прижиганий? Не принимаем ли для того и горькие лекарства? А того, кто их предписывает нам, не называем ли мы спасителем и врачом? Не из зависти к больному или ненависти, а уступая необходимости, указываемой ему его наукой, врач отрезывает известные части тела, чтобы чрез соприкосновение с ними не заразились и здоровые; и однако же никто за это не обвиняет врачебную науку в жестокости. Подобным образом для сохранения душевного здоровья не примем ли мы мужественно изгнание, денежные штрафы, темничное заключение? Лишь бы дело шло при сем о свободе того и другого из нас от сетей порока и о хождении путями добродетели. Закон, заботясь о послушных ему, учит их благочестию, указывает им, что они должны делать, отклоняет их от всякого рода проступков и налагает наказание и за незначительнейшее преступление. А когда он замечает кого-нибудь ведущим себя так, что оказывается тот уже неисцелимым, дошедшим до последней степени нечестия, тогда из-за заботы о прочих и из опасения, как бы они не заразились от него, он осуждает того благодетельным судебным приговором на смерть, подобно тому как отнимают испорченный член от тела. Будучи же судимы, говорит Апостол, *наказываемся от Господа, чтоб не быть осужденными с миром* (1Кор. 11:32). И ранее Апостола пророк сказал: *Строго наказал меня Господь, но смерти не предал*

(Пс. 117:18). Ибо для научения тебя хранению заповедей Его Он наказывал тебя, говорится, и испытывал тебя, томил тебя голодом и жаждою в пустыне, дабы напечатлеть на твоём сердце свои оправдания и суды свои, которые ныне я заповедую вам; и дабы узнал ты в сердце своём, что подобным образом как воспитывает человек сына своего, так воспитывать тебя будет Господь Бог наш (Втор. 8:2,8,5,11). А что наказание вразумляет нас, Писание говорит о сем так: *Благоразумный, видя человека злаго наказываемым, горько порицает себя (Притч. 23:8), так как страх Господень пораждаёт мудрость (Притч. 22:4).*

Благодеяние величайшее и совершеннейшее отклонить кого-нибудь от порока и поставить его на правый путь жизни доброй. Но это именно и делает закон. Потому что если кто отдаётся злу так, что и отклонить его от одного нет возможности; если кто сделался напр. рабом скупости и неправд, то смерть того будет благодеянием для других. Но если людей неправедных закон может делать праведными, лишь бы только они пожелали слушаться его, то значит он благодетелен. Закон благодетелен, если он освобождает от зол настоящего века и если он всем, избравшим жизнь правую и воздержную, обещает отплатить бессмертием.

Знать же закон и понимать свойственно лишь человеку с образом мыслей и действий нравственно-добрым. Посему и говорит Писание опять: *Люди злые не разумеют закона, ищущие же Господа искусны во всяком добре (Притч. 28:5).*

Необходимо посему допустить, что Провидение правосудно и милосердо, так как уже этих двух свойств довольно для устройства нашего спасения. Будучи правосудным Провидение исправляет нас наказаниями; оказывая же нам благодеяния оно свидетельствует о своём милосердии.

Не следует посему оставаться чадами неверия, но надлежит из мрака перейти к жизни, подставить ухо своё голосу мудрости, из страха пред законом стать каждому во-первых слугою Бога, а потом из страха оскорбить (правосудного) Господа Бога оказывается верным слугою Его.

Тот же, кто поднимется выше этой ступени добродетели, причислен будет к числу сынов Божиих. Как скоро множество его грехов будет покрыто милосердием Божиим (1Пет. 4:8), обогащенного исполнением осчастливливающей его надежды, в любви возросшего, укрепившегося, расцветшего Бог принимает его в число избранных сынов своих, называемых друзьями Божиими; удостоивает Он его принятия в вечное свое царство; и воспевая гимны уже милосердию он говорит: «Господь да будет мне Богом».

В своем послании к Евреям Апостол в таких выражениях изображает благодеяния закона. *Вот ты называешься иудеем и успокоиваешь себя законом и хвалишься Богом и знаешь волю Его и разумеешь лучшее научаясь из закона; и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины* (Рим. 2:17–20). Неоспоримо, что закон может научать исполнению всего этого, хотя и не устрояющие свою жизнь по правилам закона хвастаются, что они живут по закону. *Но блажен человек, снискавший мудрость и смертный, который приобрел разум* (Притч. 3:13). *Из уст же мудрости течет справедливость; на языке она носит закон и милосердие* (Притч. 3:16).

И Закон и Евангелие суть дело одного и того же Господа, который есть *Божия сила и мудрость* (1Кор. 1:24). И страх, порожденный законом, есть благодеяние во спасение ¹⁸⁵; *Никогда пусть не покидают тебя милостыни, вера и истина; надень их вокруг шеи твоей* (Притч. 3:3). Подобным образом и Павел Апостол стыдит Иудеев, что они не разумеют закона ¹⁸⁶. *Разрушение и гибель на путях их; они пути мира не познали* (Ис. 59:7,8; Рим. 3:16,17). *Нет страха Божия пред глазами их* (Пс. 13:3; Рим. 3:18). *Называющие себя мудрыми обезумели* (Рим. 1:22.) А мы знаем, что закон добр, если кто правильно пользуется им: *желающие же быть наставниками в законе не разумеют, говорит Апостол, ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают. Цель же увещания есть любовь от чистаго сердца и доброй совести и не лицемерной веры* (1Тим. 1:8, 7, 5).

28 . Четырехчастность Моисеева закона

А делится Моисеевское любомудрие на четыре части: на часть историческую и на часть собственно законодательную, которые обе имеют связь с моралью; часть третья касается религиозных обрядов и созерцания природы видимой; и наконец часть четвертая, богословская, устанавливает взгляд на святыне таинства.

Платон называет эту часть «созерцанием» по истине великих таинств ¹⁸⁷, Аристотель же метафизикой; подлинное же её имя у Платона «диалектика», как сам он говорит о том в своем «Политике» ¹⁸⁸, называя её здесь наукой, занимающейся отыскиванием и выяснением смысла сущего ¹⁸⁹. Каждый рассудительный человек должен хорошо владеть этой наукой, но не для того, чтобы говорить что-нибудь или делать хотя что-нибудь из того, чем обыкновенно люди занимаются, для чего упражняются в ней нынешние диалектики, излагающие изящным стилем и в элегантно форме предметы по видимому замысловатые, на самом же деле пустые, нет; но для того должен всякий знать её, чтобы каждому соответственно своим силам быть в состоянии говорить или делать Богу угодное. Истинная диалектика имеет связь с истинным любомудрием; она разбирает понятия, допрашивает душевные силы и способности, поднимается до благороднейшей сущности вещей, осмеливается воспарять даже к трону Творца вселенной; не в дела смертных людей проникновением занята она, а постижением и возведением результатов своих размышлений о вещах Божественных и вечных, откуда и по отношению к делам человеческим вытекает действительная польза, ибо она тому нас учит, о чем следует нам говорить и что нам нужно делать. Желая образовать из нас таких диалектиков, с обычной своей мудростью Писание так нас приглашает к этому: «Будьте зоркими (опытными, сведущими в своем деле) меновщиками, удерживая серебро хорошего качества, а дурное отстраняя» ¹⁹⁰. Диалектика представляет собою мыслительную силу, обращенную на различение постигаемых умом вещей; она

трезво изображает всё сущее именно таким, каким оно есть на самом деле, – каждый отдельный предмет с свойственным ему характером, в ясной и строгой раздельности от других предметов; иначе сказать, диалектика есть сметливость рассудка, обращенная на различение понятий, на возведение одних к родовым, других же и мельчайших на низведение к видам и на представление тех и других в свойственном им, истинном их и неложном, свете. Вот почему из всех наук одна она как бы за руку ведет нас к той истинной мудрости, которая постигается особенной, ниспосылаемою Богом, душевной крепостью и настойчивостью, трезво обращенной на постижение сущего именно в качестве сущего, которая с раз достигнутым не расстается, от всяких же душевных смятений и страстей остается свободною. Однако же этого не может быть без помощи Спасителя, который, своим Божественным светом разгоняя мрачные облака неведения, надвигаемые на душевные наши глаза *суетной жизнью* (1Петр. 1:18; 2Петр. 2:7), восстанавливает в душе то наипрекраснейшее состояние, в коем

Можем мы познавать ясно, Бог ли Он или человек (Ил. 5:128).

Спаситель наш показал нам несомнительным образом, как нужно нам приближаться к познанию Бога и самих себя; каждому, кому это желательно, Он открывает Отца вселенной; и именно в той мере, в какой это человеческий ум *вместить может* (Мф. 19:11,12). Ибо *никто не знает Сына кроме Отца и Отца никто не знает кроме Сына и кому Сын захочет открыть* (Мф. 11:27). Апостол посему сказал справедливо, что он узнал эту тайну *чрез откровен*, о коем *выше написал* он, как говорит, *вкратце, дабы читатели могли усмотреть разумение им Христовой тайны* (Еф. 3:3,4). Сказал он: *дабы могли*, так как знал, что некоторые только *молоко* учения приняли, *не твердую пищу* (1Кор. 3:2), или лучше сказать, не одно молоко (а частичку к нему подмешали и еретического учения).

Трояким способом передана нам воля закона: или чрез изображение каким-либо знаком или чрез преподание заповеди для правого устройства жизни по ней или чрез предречение будущего ¹⁹¹. Я очень понимаю, что различать этот троякий

смысл Писания свойственно лишь возрастным в вере ¹⁹². Они и говорят: «Да; что до разумения Писания, то по пословице Мюкону одному здесь не управиться» ¹⁹³. Но именно в расследовании Писания быть может следует идти тем строжайшим диалектическим методом: тогда последовательность и согласие Божественного учения о самим собою для доискивающихся оного откроется тем яснее.

29. Эллинов один египтянин по справедливости назвал детьми в рассуждении их учреждений сравнительно с еврейскими ¹⁹⁴

Прекрасно посему один египетский жрец говорит у Платона: «О Солон, Солон! Вы, Эллины, все еще детьми остаетесь. От предков унаследованные предания не в силах были отпечатлеть на душе вашей ни одного древнего учения; между Эллинами нет советников-старцев» ¹⁹⁵. Под «старцами» же, полагаю, жрец этот разумел людей знакомых с древними учениями, т.е. нами содержимыми; а под юношами тех, кто о вещах сравнительно новых, – о коих особенно хлопочут Эллины и коими старательно занимаются, хотя они лишь вчера и ныне оказываются возникшими, – повествует, как если б они были какие-то стародавние и даже первобытные. Посему и прибавил жрец тот: «Не поддерживаете вы и не храните учений, которые уже за одну свою древность заслуживали бы этого почета». Мы намекаем этой речью жреца уже слишком неприкровенно на то же положение вещей, продолжающееся и в настоящем. Конечно неприятно многим будет в вышеприведенном разговоре египетского жреца с нашим Солоном на то намек видеть, что подобные вещи не в одном лишь этом, взятом из прошедшего, примере, а и ныне существуют; и не соблюдаем мы в сем случае особенных формальностей, установленных благоприличий и порядков; но манеру так писать переняли мы у варваров ¹⁹⁶. Люди, не расставшиеся с здравым рассудком, разве позволят себя так одурачивать? Не на всякую ли басню они требуют объяснения? А о повествованиях между Эллинами распространенных голос из собственной их среды отзывается что они «малым чем отличаются от детских сказок» (чепухи, бестолковщины ¹⁹⁷. Но детскими сказками (вздором, бреднями), притом же такими, которые вдобавок и сложены-то детьми (людьми нерассудительными), заниматься, оные усвоить, жадно им внимая до устремления на них кроме своих мыслей еще и воли, без сомнения не следует. Потому-то Платон все эти досужего

воображения изобретения и назвал «ребячеством»¹⁹⁸, сказывая этим, что люди, слывающие у Эллинов под именем мудрецов, недалеко ушли в проницательности. «Учение же, которое уже за одну свою древность заслуживало бы почета поддержки и хранения», он конечно отождествляет с наидревнейшим, у варваров содержимым истинным учением, которому противопоставил «мальчишеские выдумки» (своих Эллинов), свидетельствуя этим, что и передача и слушание разных, лишь накануне составленных, вымыслов, представляющих собою нечто в роде детской болтовни, еще не равносильно поддержке и хранению неких древних учений. Обоими же выше приведенными выражениями в своем изречении Платон сказал, что и измышления Эллинов и про историческую быль рассказы их, все представляет собою нечто детское.

Превосходно говорит в откровении Ерма¹⁹⁹ Божественная Добродетель: «Видения и откровения, говорит она, необходимы (в целях уверения) только для души лицемерной, которая сама себя спрашивает: «Существуют ли подлинно эти вещи или на самом деле нет их»? Но к утвержденности в учении истинном и добродетели ведет и многоученость²⁰⁰. Она может в изобилии подкреплять истинное учение обстоятельнейшими доказательствами, оное поддерживать и утверждать; тогда как

Люди юные в сферы лишь воздушные возносятся,
с предмета на предмет своими мыслями порхая здесь (Ил. III, 108).

А заповедь *благотворна*, говорит Писание, *и представляет собою светильник; закон же есть освещение пути; а назидательные наставления – пути жизни* (Притч. 6:33). «Закон – для всех царь, говорит Пиндар, и для смертных и для бессмертных»²⁰¹. И мне чуть не прямо слышится в этих постоянных поименованиях закона имя самого Законодателя. а нижеследующие стихи Гезиода я понимаю сказанными именно о Боге вселенной, хотя поэт и изрек их предположительно, не постигая полного значения того, что говорил. Он пишет:

Сыном Кроноса человеческому роду сей закон дарован.

Потому что рыбам, животным диким и летающим по воздуху птицам хищным

Позволил Он пожирать друг друга, так как нет на них управы,

Людям же Он суд даровал, благо наипрекраснейшее.

(Дела и Дни 1: 274 и д.)

Говорит ли здесь поэт о том законе, который внедряется в человека с рождением или же о том, который дарован Богом впоследствии, одинаково выходит, что и закон природы и заповедей и уставов закон откровенный взаимно тождественны; все равно оба они собою представляют один и тот же закон. Посему-то и Платон в своем «Политике» говорит, что в действительности существует только один и единственный Законодатель.

В своих «Законах» Платон говорит, что во внешние проявления жизни вложить внутреннюю гармонию мог только один единственный Ум Великий. Философ сеет и этим семена учения о существовании единого Логоса и единого Бога. Моисей (говоря о Господе говорит и о завете и) называет Господа заветом ²⁰². *Вот Я, говорится у него, и завет Мой с тобою* (Быт. 17:4). Говорится это после того, как сказано пред тем, в чем будет самый завет состоять ²⁰³. Под заветом ²⁰⁴ посему не следует разуметь одно только Писание; заветом состоят и Божественные Творца вселенной установления.

Слово θεός (Бог) тождественно по основному составу с θεσις (установление); а так как последним обозначается издание законов, то значит Бог назван так за свои уставы, порядки и учреждения. Да и Петр в своей «Проповеди» именует Господа Законом и Логосом ²⁰⁵.

Но пора нам уже и закончить эту первую книгу наших Памятных Записок, разъясняющих содержимое наше учение по началам любомудрия истинного.

Книга вторая

1. Предметы, предложенные к обсуждению в сей книге

Так как Писание назвало Эллинов плагиаторами ²⁰⁶ варварского любомудрия, то за тем нам следовало бы вкратке осветить этот факт. Мы и покажем, что из подражания нам они не только не довольствовались перенесением в свое любомудрие и необыкновенных событий, рассказанных в наших священных книгах, но коварно-скрытно под наши подделали и главнейшие из своих учений, исказивши наши, – а что старейшинство принадлежит нашим Писаниям, это уже ранее доказано; – мы докажем это на учениях, касающихся веры и мудрости, познания и науки, надежды и милосердия, раскаяния и воздержанности и наконец относительно страха Божия ²⁰⁷. Это целый ряд добродетелей ²⁰⁸, которые без всякого хитроумия нужно признать возникающими из учения истинного. И мы соберем для разъяснения этого предмета все, что необходимо. Мы проникнем в мрак варварского учения о добре и истине, заглянем за их символы, проберемся за таинственные покровы их любомудрия, за все эти формы его, о коих особенно хлопотали ревнители древних преданий. Разобрать все это полезно, лучше же сказать совершенно необходимо для познания учения истинного. Это исследование послужит нам благоприятным моментом и для опровержения обвинений против нас Эллинов. Доказательства же истинности содержимого нами учения мы позаимствуем из наших священных книг, чтобы и иудей, если придется ему соприкоснуться с нашим словом, от того, чему уже верит, мог обратиться к тому, чему еще не верит. За тем совершенно естественно будет для нас критически отнестись к жизни и мнимому изобретению знаменитейшими из философов новых учений. Но критика наша будет растворена любовью. Наша цель не отмщение нашим обвинителям, – не только многих, но и никаких у нас нет прилогов для этого, – а обращение их на путь истины; даже и тогда, когда нас проклятиями осыпают, когда позорные слухи о нас

распространяют, мы научены лишь благословениями отвечать на то. Может быть и сами они, все эти записные мудрецы, себя будут напоследок стыдиться, умудренные критикой варвара; наконец они вынуждены же будут понять, что это за учения, так восхваляемые, из-за которых они оставляют отечество и, переплывая море, обходят далекие страны. Чтобы поуменьшить их самолюбие мы покажем, чего именно они состоят плагиаторами. С другой стороны мы обсудим и мнимые их открытия, которыми они будто бы обязаны самим себе и которыми они так хвастаются. Последовательно, чтобы мы сказали свое слово и о так называемом курсе (общеобразовательных) наук, насколько и к чему он полезен. Мельком коснемся мы и астрологии, математики, искусств волшебного и заклинательного, чем всем Эллины все хвастаются как последними результатами усилий ума.

Изобличитель искренний бывает миротворцем (Притч.10:10), по Семидесяти). Но мы уже часто говорили, что мало свыклись с изяществом эллинской речи; мы и впредь мало будем придавать значения сему. Речь щегольская и приятная годна лишь на то, чтобы отклонять народ от истины, тогда как любомудрие истинное больше о том хлопочет, чтоб слуху льстить меньше, а свет в душе распространять больший. По моему мнению поборник истины не об искусственности стиля и заботливом составлении выражений хлопотать должен, а о возможно-точнейшем выражении своей мысли. У тех, кто привязывается к выражениям и занимается лишь их составлением, предмет речи из внимания ускользает.

Земледелец может срывать розу, растущую среди шипов, не повреждая ее. Точно так же опытный жемчужник (легко) находит перл, скрытый в мякоти раковины. Но говорят, что и у куриц не у тех бывает мясо вкуснее, которые бывают нарочито откармливаемы, а у тех, которые, разгребая землю ногами, пищу себе добывают трудом. Подобным образом и человек, занятый исследованием правдоподобного, будет из многого привлекательного выбирать лишь истинное и как у привидения будет стараться уловить верные черты лица скрытого под

маской. Говорит Дух Божий и Ерме, явившись ему в сновидении: «Все возможное тебе будет открыто». ²⁰⁹

2. Познавать Бога можно только верой

Не надмевайся своей мудростью, говорится в книг Притчей, но на всех путях твоих проверяй ее (Притч.3:5,6), дабы право идти тебе, путями твоими и не претыкаться ногой твоей (Притч.3:23). Соломон хочет сказать этим, что все наши действия должны согласоваться с разумом. И тем же самым кроме того желает он и тому нас научить, что из каждого учения должно усвоить лишь полезное. Пути мудрости слишком многообразны и запутанны, чтоб можно было ими выйти на прямую дорогу к истине. Но есть путь к ней более прямой, это вера. *Дабы не претыкаться тебе ногой твоей,* говорит Соломон о людях, оказывающихся противниками по истине промыслительной и Божественной мудрости. Посему и прибавляет он: *Не будь умен в твоих собственных глазах (Притч.3:7),* т.е. не уклоняйся в умствования нечестивые, могущие оказаться возмущением против домостроительства Божественного.

(Вторым путем к истине состоит страх Божий). *Бойся Господа,* единственно всемогущего. Значит сопротивляться Богу отнюдь не следует. – Но и последующим добавлением, – утверждая что страх Божий равнозначителен отвержению зла, – царственный мудрец особенно ясно учит тому же. *И удаляйся от всякого зла,* говорит он. Такова заповедь Премудрости. *Ибо кого любит Господь, наказует.* Вводя в разум. Он преисполняет скорбью, но в тоже время восстанавливает в душе мир и чувство свободы от ответа за вину.

По суждению Эллинов это – философия варварская, по сознанию же нашему это любомудрие истинное и достижению цели способствующее действительнейшим образом; следования ему посему мы и добиваемся. Сам Он, говорит Соломон в книге Премудрости, *даровал мне неложное познание всего существующего, чтобы познать устройство мира и действие стихий, и т.д. до слов : и свойства самих корней (Прем.Сол.7:17,20–22).* Царственный мудрец объемлет этим всю совокупность явлений, содержимых миром физическим. Но

за тем он намекает, что изображает сим и мир нравственный. *Познал я все, прибавляет он , и вещи сокровенные и явные, потому что научила меня Премудрость, художница всего существующего.*

В сем имеешь ты краткое исповедание содержания нашего любомудрия. Содержание сих задач его, при содействии Премудрости Божественной, художницы всего сотворенного, поддерживаемое правым образом жизни, возвышает нас к Главе и Правителю вселенной. Трудно постижимая тайна; не менее трудно стать и ее осуществителем. Постоянно она уходит вперед и скрывается от того, кто, казалось, уже приблизился к достижению ее. И однако же Бог, находящийся хотя и далеко от человека, движется вблизи его. О, чудо неизреченное! *Я Бог приближающийся*, говорит Господь, хотя существом своим от наших чувств Я и ускользаю. И подлинно. Ибо под каким именем Несотворенный приблизиться может к сотворенному Им? И однако же Он окружает нас своим всемогуществом, которым все обнимает. ²¹⁰ *Может ли человек скрыться во мрак и Я не видел бы его?*, восклицает Он (Иер.23:23,24). Своим всемогуществом Он постоянно надзирает нас, постоянно благодетельствует нам, нас руководит, присутствует при нас, равно всех нас объемля им. Посему и Моисей, убежденный, что своей мудростью человек не в состоянии познать Бога, воскликнул: *Покажи мне Тебя* (Исх.33:13). И силился он проникнуть в мрак облаков (Исх.34:5), где гремел глас Божий ²¹¹, т.е. старался он уразуметь глубочайшие и непроницаемые идеи бытия. Но Бога нет ни в облаке, ни в другом каком месте. Он вне пространства, не подлежит ограничениям времени; не объемлется Он свойствами вещей. Ни частичкой какой-либо своего существа не содержится Он ни в чем материальном, ни обнимает оного через ограничение матери или через деление Себя. *Какой храм вы можете построить для Меня*, говорит Господь (Ис.66:1). Но и в образе вселенной Он не храм построил Себе, потому что Он безграничен. Небо хотя и называется Его троном, и все же небом не объемлется Он; лишь покоится Он там; довольный делом рук своих.

Очевидно таким образом, что истина сокрыта от нас; и если до сих пор это было утверждаемо нами на основании одного примера, то в дальнейшем это будет доказано на большем их количестве. И однако же нельзя отказать в похвалах тем, которые желают узнать истину, которые по словам Соломона и способны *познать мудрость и наставление, постигнуть правила благоразумия, усвоить извития речей, уразуметь правоту истинную* (Притч.1,2,3). ²¹² Говорит царственный мудрец так, что открывается существование каких-то других судебных определений кроме тех, какие произносятся на основании эллинских законов, существование какой-то другой истины кроме той, которая изучается в школах эллинских философов. *И суд исправляти*, говорит он. Но не судебные определения он разумеет при сем, нет; а суды той совести, которая царит в глубинах нашего существа и которую священный текст заповедует хранить целой и чистой от заблуждений, *чтобы внушать смышленость простым, знание и рассудительность детям и людям юным. Мудрец, слушая те заповеди, умножит познания, и человек разумный найдет мудрые советы. Он уразумевает притчу и замысловатую речь, слова мудрецов и загадки их.* Потому что вдохновляемые Богом, при принятии учения Его, не обоюдностей различных ищут в нем, а следованием ему заняты; и силков различных они не строят из него, подобно софистам и подражателям их, которые молодых людей своими хитростями запутывают, ни о чем истинном не заботясь. Духа Святого носители *исследуют глубины Божи*и (1Кор.2:10), т.е. становятся истолкователями истин, сокрытых у пророков под образами.

Собак же, т.е. людей, остающихся еще дикими зверями, допускать к участию в святом недозволительно. Это значит, что кто завистлив и в самом себе неустроен, и кроме того еще и нравственным правилам неверен и готов бесстыдно брехать против истины, тех потчевать от струй Божественных и чистых воды вечно текущей не следует (Апок.22:1). *Пусть не разливаются воды твоего источника по улице, потоки твоих вод по площадям* (Притч.5:16). И однако

же «немногие из впадающих в сию превратность понимают непозволительность ее; но и научившись разуместь преступность ее, все-таки позволительной ее для себя находят», как говорит благородный Гераклит. Не кажется ли тебе, что и он порицает этим неверующих?

Праведный Мой от веры жив будет (Авв.2:4), говорится у пророка. Говорит и другой пророк: *Если не уверуете, не уразумеете (Ис.7:9)*. Потому что каким же это образом душа вместит удивительное содержание (нашего) учения, если живущее внутреннее неверие противится усвоению его?

Вера же, Эллинами осмеиваемая, считаемая ими за вещь пустую и варварскую, есть свободное предположение себе вещи достигаемой, от благочестия одобряемое; или по Божественному Апостолу *вера есть упреждение вещей ожидаемых, дел обнаружение невидимых. В ней наипаче свидетельствованы древние и без веры угодить Богу невозможно (Евр.11:1,2,6)*. Другие же учат, что вера представляет собой одобрение, соглашающее нас на вещь еще не открывшуюся, похожее на доказательство, открывающее нам существование вещи неизвестной, но очевидной.²¹³ Итак, вера есть предварительный выбор со стороны свободы, поколику нечто желательно; предполагается только, что выбор этот есть акт разумный. Но так как исходным пунктом и каждого действия состоит свободный выбор, то выходит, что вера есть исходный пункт каждого действия, основа всякого разумного выбора; ей мы определяемся во всех наших делах, так как вера одаровывает нас разумными мотивами для деятельности. Начало же разумности с охотой стремится к полезному.

Выбор, твердо неколебимо установленный, имеет великое значение в приобретении познания. Посредство веры (как она есть выбор вещей испытанных) посему тотчас же сопровождается знанием; равняется она твердо заложенному фундаменту. Потому что знание, по определению философов, есть представление положения вещей в таком виде, с которым примириться, но которого и изменить и самый разум не может (т.е. согласное с действительностью).²¹⁴

Но может быть, кроме благочестия, есть другая какая-нибудь основа для образа мыслей и дѣятельности, установителем которой состоит единственно разум? Что до меня, то нахожу, что нет. Феофраст же говорит, что (есть, ибо) началом веры (по нему) состоит чувство, служащее исходным пунктом функций наших разума и разумения. ²¹⁵

Итак, кто Божественным Писаниям верит, тот имеет в них верный критерий, ибо в них слышится ему голос самого Бога, доказательство непререкаемое. От доказательств же (наших) вера тверже быть не может. *Блаженны посему не видевшие, но веровавшие (Ин.20:29).* Счастливы песням сирен не внимавшие. Свойственно было тем песням влияние сверхъестественное, приводившее в восторг проезжающих, но их и губившее, потому что, не смотря на сопротивление, обольстительностью своего голоса сирены все-таки привлекали их к себе.

3. Против еретиков, утверждающих, что вера возникает в силу естественной необходимости

Здесь последователи Василида утверждают, что вера нам свойственна в силу естественной необходимости; в этом смысле они ставят ее в зависимость и от свободного выбора, так что она и добрые нравы усваивает, благоразумно открывая де в содержании их дело необходимости и принимает их без предварительного обсуждения умом. Валентиниане же уступают веру нам, людям простым, а себе, которые де (не по силе дел, а в силу (духовности) самой природы своей (по естественной необходимости)спасутся, усваивают возвышенное познание ²¹⁶ ибо де они преимуществуют пред другими людьми преизобильным содержанием в своей природе отличных задатков; и если послушать их, то познание будто бы столь же существенно отличается от веры, как и дух от материи. Последователи Василида кроме того утверждают еще, что вера, состоящая вместе с тем и свободным выбором, имеет различные ступени и что она в сем высшем мир есть следствие выбора, сделанного существами его в мире высшем и что даром веры здесь наделен каждый соответственно своей надежде. Но если вера есть естественное преимущество нашей природы, то она уже не есть дело добровольного и непринужденного выбора. Кто в сем мир не верил, тот (за гробом) значит не может быть и судим по справедливости, потому что не по своей вине он не верил. Но и кто верил здесь, тот за свою веру также не может быть вознаграждаем (на том свете), потому что вера, (им содержавшаяся здесь), была не его вера. Как вера так и неверие, (при этом понимании), по самым особенностям своим и различиям, не могут подлежать вера – награде, а неверие – наказанию; уже здравый разум утверждает это. Потому что как неверие, так и вера (по сему представлению) возникают из естественной и внутренней необходимости, начало которой в руке Всемогущего. Но если мы, подобно каким-то марионеткам, всецело зависимы от сил природы, то напрасно говорить и о каких-то свободе

воли и неволе, о желаниях и принужденности, коими все обуславливается в нашей жизни. Напрасно после этого и доискиваться мне, что за странное животное собою представляю я, – я, жребий коего необходимость, который от судьбы наделен желаниями, однако же возбуждаемыми какою-то чуждою им силой. Какое значение тогда для человека, который может быть не верил, иметь может и раскаяние, за которым следует прощение греха? Как далее будет согласоваться с сим (еретическим) учением и таинство крещения? К чему и так осчастливливающее нас запечатление, в нем налагаемое? ²¹⁷ Для чего Сын и Отец? Не иным чем по сему учению последователей Василида Бог становится, как слепым раздателем разных физических организаций, нисколько не заботящимся о свободной вере, однако же основе спасения.

4. Польза веры: она основа всего знания

Итак, из священных Писаний мы восприняли, что человек, будучи одарен от Бога неограниченной свободой выбора и отвержения, сам себе господин. Остановимся посему (своим выбором) на вере и будем опираться на нее как на посредника в предметах суждения окончательного, другим никем и ничем незаменимого. Проникнемся и духом пламенной ревности по ней. *Не жизнь ли* (Ин.14:6) избрали мы и не Богу ли самому в лице Логоса поверили (срав. Ин.5:32)? И подлинно. Верующий в Логоса понимает положение вещей надлежащим образом, ибо Логос есть сама истина (Ин.14:6); а кто Логосу не верит, тот значит и в Бога не верует (срав. Ин.5:46; 14:9). *Верой познаем, что мир был сотворен словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое*, говорит Апостол. *Верую Авель принес Богу жертву лучшую нежели Каин; ею получил свидетельство, что он праведен; ею от и по смерти говорит еще и т.д. даже до слов нежели наслаждаться кратковременным удовольствием грешника* (Евр.11:3,4,25). Вера оправдывала людей, живших и ранее закона, соделывая их наследниками Божественных обетований. И для чего перебирать нам по священным историям всех подвижников веры? *Мне недостает времени, чтобы повествовать о Гедоне, о Вараке, о Сампсоне, об Иеффаяе, о Давиде, Самуиле и (других) пророках и за тем что далее следует у Апостола.*

Истина утверждаться может на четырех основах: на чувстве ее, на постижении умом, на науке о ней и на догадках относительно ее. Разумению естественно принадлежит первое место; по отношению же к нам и в рассуждении нашего учения это место будет принадлежать чувству. Сущность науки или знания состоит в соединении чувства с разумением, ибо и то и другое равно добиваются ясности. И все же подступом или портиком (папертью) к знанию состоит чувство. Что же до веры, то она не останавливается на мнениях и предположениях, слагающихся на основании

чувственных впечатлений, но, пролагая себе путь через оные ²¹⁸, спешит к неложному и успокаивается во свете истины.

Если же кто пожелал бы сказать, что знание (наука) в соединении с разумом все объяснить в состоянии, тот пусть знает, что первоначальные причины не поддаются никакому объяснению; не могут быть они угаданы ни сметливостью искусства ни проницательностью разума. Проницательность может быть обращена на вещи только предполагаемые и изменчивые. Искусство же, оно выполняет свои идеалы на деле, но не им самим они ему подсказываются, ибо природа его вовсе не созерцательная. Через веру же, как свидетельствуют наши книги, можно дойти до постижения начала всех вещей.

Через изучение может быть осилена всякая наука; нужно только, чтобы изучаемый материал ее дан был ранее. Но напр. начало вселенной для Эллинов всегда составляло загадку: не было оно известно ни Фалесу, который в качестве первопричины всех вещей указывал воду ²¹⁹, ни последующим физикам. Анаксагор первый стал учить, что происхождению всех вещей предшествовал Ум. Но, будучи не в состоянии защитить достоинство деятельной сей Первопричины, вскоре стал он рисовать кружение каких-то бессмысленных вихрей, где Ум уже бездействовал и только слепо повиновался. Не даром говорит Логос: *И учителем не называйте никого на земле (Мф.13:9)*.

Наука вся стоит на доказательствах. Вера же напротив есть особенная милость Божия. От вещей, бытие которых не может быть и доказано, она возвышает нас до начала простого, общего и вселенского, которое от материи не зависит, под оной не скрыто и самой ей не состоит.

Неверующие, кажется, все готовы были бы стащить с неба на землю и перенести на нее весь мир невидимый; все, по словам Платона, они своими руками ощупывают, и камень и дерево. Ограничивая все творение лишь осязаемым, они усваивают бытие только тому, до чего могут дотронуться и что взять в руки; сущность и материя для них одно и то же. И однако же они становятся отрицателями своей собственной системы, когда по какому-то непобедимому состраданию защищают бытие некоторых бестелесных форм,

утверждая доступность понимания их только уму и помещая их в сферы высшие наши, в мир невидимый, но через это лишь издеваясь над истинной сущностью.

Вот Я сотворю новые чудеса, говорит Логос, каких глаз не видал, ухо не слыхало, подобных каким еще на сердце человеческое не входило (Ис.64:4,19; 1Кор.2:9). И все эти чудеса могут быть видимы и слышимы учениками Господа, способными понимать дивные вещи своими верой и разумением, ибо вера дарит их новым глазом, новым слухом и новым сердцем, по силе чего они говорят и слухом воспринимают, но и действуют под влиянием Духа Божия.

Рядом с настоящей монетой ходит и поддельная; эта последняя способна обмануть глаз неопытный, но не обманет она меновщика; привычка научила его различать и отделять деньги хорошего качества от денег качества дурного. Таким образом только меновщик в состоянии сказать неопытному: «Вот монета фальшивая». Отчего и как? Это знает только тот, кто был в учении у меновщика и упражнялся в его деле.

По Аристотелю истинная наука должна сопровождаться суждением, что то или иное истинно, т.е. умением открывать действительность; или иначе сказать, истинное знание должно сопровождаться верой. Вера таким образом выше науки и состоит ее критерием.

Походит на веру догадка, род нерешенного мнения, но походит так же, как лстец на друга, как волк на собаку.

Когда рабочий видит, что учение делает его хорошим техником; когда лоцман, обученный маневрированию, в состоянии наконец бывает управлять кораблем, то и тот и другой заключают, что для усовершенствования в искусстве недостаточно одного желания учиться, но требуется для того при полном послушании учение. Повиноваться же Логосу, которого мы назвали нашим господином, это значит верить в Него одного, не сопротивляясь, не противореча, потому что какое же право мы имеем противопоставлять нашу науку науке Божественной? Познание основывается на вере, вера же соединяется с познанием связью Божественной и родом союза нераздельного. Сам Епикур,

удовольствие ставящий выше истины, называет веру упреждением ума. Упреждение же по нему есть стремление мысли к чему-нибудь очевидному и к ясному уразумению какого-либо предмета. Без упреждения, прибавляет он, невозможно ничего ни искать, ни сомневаться, ни решать, ни доказывать. Без упреждения того, что желательно, как признать в найденном искомое? В том же, кто научен, упреждение производит понимание. Но если без упреждения ученик не может понимать учения, значит он должен иметь уши, одаренные способностью открываться для истины. Счастлив тот, кто может говорить в уши его слушающих; еще счастливее человек согласия и послушания. Посему послушание равнозначительно пониманию. Итак, если вера есть не что иное как только упреждение познания относительно открытого нам; если упреждение есть только послушание; разумение только убеждение: тогда без веры значит ничего нельзя знать, так как ничего нельзя узнать без упреждения. Через это наилучшим образом доказывается неоспоримая истинность и слов пророка: *Если не уверуете, то не уразумеваете*. Гераклит Ефесский, лишь переиначивая это изречение пророка, говорит: «Кто не надеется, тот и не найдет нежданного и негаданного, так как неисследимо то и нет (кроме надежды) иного к тому доступа».

Платон, философ, в своих «Законах» (кн.5) говорит: «Кто хочет стать вполне счастливым и блаженным, тот уже внутреннейшими основами своего существа должен соприкасаться с истиной, вращаясь возможно долее в области ее; вот вѣрный. Неверный же есть тот, избранным другим чьим состоит ложь. А кому она друг подневольный, тот по меньшей мере сумасшедший, если не животное. Последнего, оно же среднее из сих положений, нужно избегать. Неверный и невежда не имеют друзей».

И тот же самый Платон в «Евтидеме» прикровенно называет истину царственной мудростью. Разогните его «Политика»(в начале) и вы прочтете там слово в слово следующее: «Истинного мудреца мудрость есть царственная мудрость; и кто владеет ей, тот, — князь ли он или простой

гражданин, – получает через это право именоваться умом царственным».

Уверовавшие же во Христа Иисуса и по имени и по делам суть христиане ²²⁰, подобно тому, как царем управляемые представляют собою народ царственный. ²²¹ Мудрецы также получают свое имя от мудрости, правые точно так же в силу закона правы. Кто происходит от Христа Иисуса, царя людей, тот значит царь; и кто от Христа происходит, тот христианин.

Далее Платон посему уже открыто объявляет, что все правое законно, и что закон, будучи по самой природе своей здравым разумом, не представляется ни книгами, нет его и в других произведениях человеческих. И Элеат, его гость, царя и главу государства называет живым законом. Но таков (христианин) тот, кто исполняет закон *и творит волю Отца* (Мф.21:31). Живой этот закон как бы на каком высоком деревянном столпе выставлен, представляя собою образец Божественной добродетели, являемой всем, кто способен тот образец рассматривать. ²²²

Эллинам известно, что тайные свои письма Лакедемонские эфоры писали на деревянных скалках. ²²³ А мой закон как и прежде сказано, есть закон царственный и одушевленный, здравый разум. «Закон над всеми царь, над бессмертными и смертными», как поет Бэотиянин Пиндар. ²²⁴ Спевзипп ²²⁵ в своей 1-й речи против Клеофана приблизился к Платону, написав: «Если царство есть вещь хорошая, то конечно в силу того лишь, что истинным царем и начальником бывает здесь только мудрец; но и закон благ потому конечно, что состоит не иным чем как здравым разумом». И подлинно это так. Согласны с сим положения и стоических философов. По учению их царство, жречество, дар предсказывания будущего, наука законодательства, богатство, истинная красота, достоинство и свобода составляют достояние только мудрецов. Согласно с мнением большинства они только думают, что в действительности трудно встретить этот идеал.

5. Примеры, свидетельствующие о том, что Эллинами многое заимствовано из священного Писания

Итак, оказывается, что все учения, о коих мы только что говорили, Эллинами заимствованы у великого Моисея. Так (фактически) оправдывается слово Писания, что мудрецу принадлежит все. ²²⁶ *И так как Бог умилосердился надо мной, говорит оно, то есть у меня все* (Быт.33:11). А что мудрец Богу угоден, свидетельствуется это другими словами Писания. *Я Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова* (Исх.3:16), говорит Он Моисею. Первого из сих патриархов Бог открыто удостоивает названия *другом* (Иак.2:23); третьему из них меняет имя на означающее «Бога видевшего» ²²⁷, а второго избирает в качестве жертвы священной символом будущего искупления.

Если Эллина хвастаются своим Миносом, что в течение своего девятилетнего правления ²²⁸ он по-домашнему обращался с Зевсом, то они измыслили это уже после того, как сделалось им известно, что Моисей разговаривал с Богом, *как говорит человек со своим другом* (Исх.33:11).

Итак, Моисей был мудрецом, царем, законодателем. Спаситель же наш возвышается над человеческой природой столь удивительной красотой, что мы, душой стремящиеся к истинной красоте, можем любить только Его. *Он был истинным светом* (Ин.1:9). Приветствуем Он был по-царски неопытными младенцами (Мф.21:9,10; Мк.11:9,10; Лк.19:38); называли Его царем и те из Евреев, кои вовсе и не веровали в Него и не признавали за Ним царского достоинства; предвозвещали Его пришествие пророки. Был Он в такой степени богат, что ничтожным для Себя нашел всемирное владычество и недостойным Себя владение и распоряжение всем золотом, какое рассеяно по поверхности земли или же скрыто внутри ее. Презрительно отнесся Он ко всем этим благам, коими прельщал Его демон ²²⁹ и не променял своего дела на всю государственную славу (Мф.4:8–10). К чему добавлять мне, что Он единственный первосвященник и один

владеет пониманием Божественного культа? ²³⁰ Будучи *царем мира, Мелхиседеком* (Евр.7:2), только Он один достоин стоять во главе человеческого рода. Он законодатель, так как устами пророков дал закон, в котором заповедано и возвещено ясно, что следует делать и чего надлежит избегать. Кто благородством может с Ним сравниться, с Ним, который своим Отцом имеет единого Бога?

Но вот мы сошлемся на свидетельство самого Платона, подтверждающего своим авторитетом эти учения. В «Федре» он называет мудреца богачом. «О Пан возлюбленный, восклицает он, и вы все здесь присутствующие боги, даруйте мне красоту душевную, установите соответствие между моими внутренними благами и внешними; о если бы мне только мудреца богачом считать!» ²³¹ Афинский же его гость, осуждая считавших себя богачами на том только основании, что скопили много золота, дает выражение своему негодованию на это в таких выражениях: «Невозможно совместить с великим богатством и великие добродетели. Под богатством же я разумею, что обыкновенно и у большинства разумеется под ним. Есть некоторый немногочисленный кружок людей, в изобилии владеющих благами, приобретаемыми на вес денег; но блага эти наравне со всяким другим человеком могут состоять собственностью и нечестивца». «Честному человеку, говорит Соломон, принадлежат все блага сего мира; у злого же собственной нет и полушки». ²³² Но еще более следует доверять Писанию, которое так говорит: *Легче канат продеть в ушко иголки, нежели богача проникнуть мудростью* (Мф.19:24). *Блаженны нищие*, прибавляет оно (Мф.5:3). Того же мнения и Платон. «Не тот беден, говорит он, чьи богатства уменьшаются, – а, чья ненасытимость увеличивается. Не в безденежье бедность, а в ненасытимости. Искорените жадность к деньгам, и человек добродетельный разбогатеет». ²³³ Открываю из Платоновых разговоров «Алкивиада» ²³⁴ и читаю здесь: «Порочность есть достояние раба; добродетель же есть собственность человека свободного». *Стряхните с себя это тяжелое иго, вас обременяющее*, говорит Писание, *возьмите Мое легкое* (Мф.11:28–30): выражения знакомые и поэтам,

которые рабство называют игом.²³⁵ Согласуется с этим и другое изречение Писания: *Себя вы продали грехам (Рим.7:14). Всякий, кто грешит, есть раб. Но раб не пребывает в доме вечно. Если же Сын в ас освободит, то будете свободны и истина освободит вас (Ин.8:34–36).* Именно в этом смысле Афинский гость²³⁶ усваивает мудрецу истинную красоту. «Утверждать, говорит он, что мудрец прекрасен и при отсутствии телесной красоты, значит говорить правду, потому что правота поведения действительно проникает человека красотой необыкновенной». *Вид Его имеет недостатки против всех сынов человеческих,* восклицает пророк (Ис.53:3).²³⁷ И все же Платон, о чем мы уже говорили²³⁸, в «Политике» называет мудреца царем. Но мы кончаем речь о сем и возвращаемся к рассуждению о вере.

Прославляя мир, Платон доказывает, что вера повсюду необходима. «Перенесите человека правого и верного, говорит он, в среду возмутившегося народа: не во всеоружии ли добродетели и здесь он явится? Корыстолюбцы же ищут смерти в битвах, увлекаемы будучи в оные жадностью; по большей части они дерзки и нечестивы и почти все они без исключения безмерно надменны».²³⁹

Если все эти принципы верны, то «всякий законодатель в своем законодательстве должен преследовать единственную цель, споспешествование возвышеннейшей добродетели; добродетелью же этой состоит неуклонная верность»²⁴⁰, постоянно необходимая нам, и в войне и в мире, во всякую минуту жизни, потому что она представляет собой совокупность всех добродетелей. «Не в войнах, благо и не в мятежах, – нужно молить богов, чтобы никогда их не было, – а в мире; взаимная благорасположенность людей, вот благо».²⁴¹ Из этих рассуждений Платона вытекает с неоспоримостью, что мир должен быть предметом пламеннейших наших желаний и что вера есть мать возвышеннейших добродетелей. Справедливо посему слово Соломона: «*На устах веры мудрость (Притч.15:4 и друг.).* И Ксенократ в своем рассуждении «О благоразумии» называет мудрость «наукой о первоначальных причинах и об умозрительной сущности». Благоразумие же, по

его мнению, двояко: одно практическое, другое же созерцательное; последнее он называет мудростью человеческой. Следовательно мудрость есть благоразумие, но не всякое благоразумие есть мудрость. Так относительно напр. начала вселенной нами уже доказано, что оно может быть постигнуто лишь верой, а не доказательствами какими-либо от разума.

Ничего посему нет страшного в том, что ученики Самосца Пифагора не очень-то в своих исследованиях хлопочут об особых доказательствах, а убеждаются одним простым словом: «Сам сказал». Они руководятся единственно верой и находят ее совершенно достаточной для подтверждения слышанного и для удовлетворения своего ума. В наши же дни даже люди, возвышающиеся до понимания истины, не верят в Учителя столь достойного веры, в своего единственного Исккупителя, в Бога: не странно ли это? Они даже противоречат Ему и в подтверждение Его слов требуют от Него доказательств. Но Христос (как при жизни, так и ныне) говорит на это: *Имеющий уши слышать да слышит* (Мф.11:15 и др.). А кто сей слышащий? Епихарм нам говорит на это: «Ум видит, ум слышит; остальное все слепо и глухо». ²⁴² Гераклит, порицая некоторых неверующих, называет их людьми «ни слушать не способными, или говорить не умеющими». Он вдохновлялся при сем конечно словами Соломона: *Любящий слушаться примет; а выслушав умудрится* (Притч.6:34).

6. Превосходство веры и ее польза

Господи, кто поверил слышанному от нас, восклицает Исаия (Ис.53:1. Ибо вера от слышания, как свидетельствует Апостол, а слышание через проповедь о Христе Иисусе. Но как призывает Его, если не верят в Него? А как будут верить в Него, если никогда и не слышали о Нем? И как слышать без проповедников? А откуда возьмутся проповедники, если не будут посылаемы? Посему и написано: Как прекрасны ноги возвещающих благое (Ис.52:7; Рим.10:17,14,15). Видишь, как веру, возникающую из слышания и усвоения проповеди Апостольской, Апостол возводит к слову Господнему и Сына Божия? Но как бы кажется того не понять, что слово Божие уже само по себе представляет собой авторитет и не нуждается ни в каких доказательствах.

Подобно тому как при игре в мяч мало одного человека, ловко бросающего мяч: необходим при сем по правилам игры еще кто-нибудь, который вовремя ловил бы его: точно так же и учение может быть усвоено умом ученика как достоверное лишь при покорности, когда содействует принятию его вера слушающих, средство (к усвоению предносящегося нам) и сообразительность (такт) в некотором роде уже прирожденные самой природой нам дарования. Подобно этому и труду сеятеля много способствует естественная производительность уже и самой почвы. Без доброй воли и восприимчивости ученика даже наилучшее учение оказывается бесполезным; слушателю, не расположенному к доброхотной покорности не посябят и не помогут никакие пророчества. Под действием же огня сухая солома легче загорается, потому что она подготовлена к принятию на себя воздействия пламени. Если магнит, этот известнейший минерал, притягивает собой железо, то он обязан этим существующему между ними сродству. По той же самой причине смола притягивает солому и янтарь мякину. В этом случае и то и другое, и железо и солома, бывают увлекаемы каким-то таинственным дуновением, которого с точностью объяснить нельзя, но которое очевидно состоит

причиною не начальной, но лишь содействующей, вспомогательной.

Двояким образом порок себя заявляет в борьбе против нас: то таинственностью прикрывается он и с целью заставить нас врасплох пользуется разными хитростями; то нападает на нас открыто и грабит насильственно. Потому-то Божественный Логос и возвышает голос свой, всех призывая к Себе. Заранее Он знает тех, кто не послушается Его, но так как всецело от нас зависит, повиноваться или сопротивляться и чтобы никто не мог извиняться незнанием, то Он призывает одинаково всех людей, требуя от каждого, что по силам его. Потому что одни из призываемых в одно и тоже время имеют и волю и власть над собой; они достигли сего и очистились через постоянную борьбу с самими собой; другие же хотя не имеют еще власти над собой, но уже имеют волю, ибо воля есть достояние души, действие же не может осуществиться без содействия тела. Но и не концом дела измеряется достоинство его; должно быть принимаемо в расчет при оценке действия и определение при выборе его: принято было решение с усилием или без одного, раскаялся ли в своих грехах принявший доброе решение, мучит ли его совесть за падение, т.е. впоследствии познал ли он то, в чем раскаялся, ибо раскаяние есть последующее познание, а познание есть сознательное удаление от греха. Раскаяние собственно говоря состоит значит делом веры, ибо не зная, что узы, коими мы были удержаны ранее, суть узы греха, нельзя и оставить их. И если кто не верит, что остающегося в своих грехах грешника ожидает наказание, а живущего по заповедям Божиим спасение, то не изменит тот и своего поведения. Надежда также возникает из веры.

Последователи же Василида определяют веру так, что это де «есть согласие души на признание бытия вещей, не возбуждающих в нас ощущения, потому что они вне нашего сознания». Но если надежда есть ожидание обладания каким-либо благом, то необходимо, чтобы ожидание это было проникнуто верой; а верен тот, кто сохраняет неприкосновенным доверенное ему. Нам же доверенное состоит в слове о Боге и в

слове Божиим и в Божественных заповедях и в завещании наблюдать их. Тот *раб верный* (Мф.24:45; 25:21), которого сам Бог похвалит; а когда о Боге Апостол говорит *Бог верен* (1Кор.1:9; 10:13), то он заповедует этим возвещаемому Богом верить. Но познание о сем *верном Боге* сообщает нам Логос Его.

Итак, если разумение равнозначительно с верою, то каким же это образом философы воображают, что учения их без веры прочны? Мысль не есть свободное согласие с чем-либо предварительно доказанным; она есть невольное согласие с чем-либо превосмогающим; а что могущественнее Бога? Неверие же есть слабосилие мысли и отрицание предлагаемого, точно так ж как сомнение есть состояние, с трудом мирящееся с верой. Вера есть результат рассуждения совершенно свободного, постижение разумом того, что предстоит еще; ожидание же есть лишь простая мысль о чем-либо предстоящем; и не в сфере нашего только учения, но и во всех других случаях оно есть мысль о вещи неизвестной. Доверие же есть преждевременное, но уже прочное, познание о каком-либо предмете. Поэтому-то мы и доверяем, только Богу, относительно которого знаем, что Он поможет нам спастись и войти в славу Божию, – что не нарушит Он своих обетований и не лишит нас благ, созданных для нас и благоволительно предназначенных в награду нам за нашу верность. Благоволение же, доброжелательство состоит в желании блага кому-нибудь из-за него самого, кому сего блага желают и из-за самого сего блага. ²⁴³ Бог сам ни в чем не нуждается. Человек есть единственная цель благодати Господней; Божественные щедроты имеют своим предметом не иное что как единственно благо творения. Но если *Аврааму его вера была вменена в оправдание* (Рим.4:3), а мы – потомки, семя Авраама, то должны *от слуха* верить, ибо мы чада *Израиля* (Гал.4:27), а эти не чудесами убеждаются, а словами (1Кор.1:22). *Радуйся бесплодная, не рождавшая; скажи и пой хвалебные песни ты, не имевшая детей*, говорит пророк. *Супруга некогда покинутая сделалась многочаднее чем мужа*

имеющая (Ис.54:1; Гал.4:27), Ты стала жить среди народа; дети твои будут благословенны под кущами своих отцов.

Если пророчество обещает нам те же обители, что и патриархам, то это знак, что Бог обоих заветов один и тот же. *Ты наследовал завет Израиля*, прибавляет пророк еще яснее (Ис.54:3,10,17; 55:3), намекая на обращение язычников, сей неплодной супруги мужа, т.е. Логоса, некогда покинутой Им, которому она уже была обручена. *Праведник верою жив будет (Авв.2:4; Рим.1:18)*, той т.е. которая зиждется на завете и заповедях, ибо оба эти завета, различные по имени и времени, даны провидением по соображению с обстоятельствами времени и предназначенностью; по достоинству же они представляют собою одно целое; как завет ветхий так и новый равно исходят через Сына от одного и того же Бога. Посему Апостол в послании к Римлянам и говорит: *В Евангелии правда Божия нам открыта соответственно различным ступеням веры, возвышающейся до той, о коей предрекали пророки и которая нашла себе совершеннейший предмет свой в Евангелии (Рим.1:17)*. Апостол учит нас через это, что спасения достигать можно при посредстве только единого Господа. *Преподаю тебе, сын мой Тимофей, такое завещание, согласно с пророчествами, тебе раньше сказанными: воинствуй добрым воином согласно с законами воинства святого, сохраняя веру и добрую совесть, которую отвергнув некоторые претерпели кораблекрушение в вере (1Тим.1:18,19)*, потому что совесть, дарованную от Бога, они осквернили неверием.

Не дерзость ли после этого говорить, что вера (наша) есть добродетель легкая и обыкновенная, доступная всякому! Если бы она была человеческим измышлением, за что ее считают Эллины, то она уже давным-давно погасла бы. Если же она ежедневно все далее и шире распространяется, так что нет местностей, где ее не было бы, то я утверждаю, что она, – на естественной ли любви зиждется или, как клеветают на нее, на страх, – есть нечто Божественное, так как никакая земная дружба не может надломить ее сил, никакой страх пред чем-либо временным не может разрушить ее. То правда конечно, что

связывается сей дружественный союз верных любовью, но основу сей нашей взаимной любви составляет вера, так как именно она руководит нашей благотворительностью.

Так как обвиняющие нас верят еще в страх, бывший педагогом в церкви подзаконной и будто бы состоящий источником и нашей веры, то пусть они знают, что страх есть только часть нашей веры. Потому что если бы каким-либо деянием кто обнаружил существование его в себе, то это не значило бы еще, что это страх питает он перед настоящим и перед непосредственной действительностью, а страх это перед грозным будущим. Да, и мы верим в этого рода страшное и имеем перед ним страх, и однако же не страхом порождается наша вера, а она делает страх только достойным веры и одобряет его. Благодаря дивной перемене, которую Бог производит через веру, неверующего изменяя в верного, вера в одно и тоже время проникает его и надеждой и страхом.

Нам кажется теперь с очевидностью разъясненным, что первый шаг к спасению есть вера. После нее споспешествуют оному страх, надежда и покаяние, соединенные с воздержностью и терпением: они лишь усиливают любовь и споспешествуют нашему познанию. Совершенно справедливо потому говорит апостол Варнава: «Из того, что сам получил, я счел себя обязанным немного и вам послать, дабы вместе с верой имели вы и совершенное познание. Страх и ожидание будущих благ суть как бы хранители нашей веры; долготерпение в злоключениях и воздержность нас поддерживают в борьбе. Те, в коих эти добродетели живут в чистоте, вступают в радостный союз с Богом и находят свое удовольствие в мудрости, в разумении, в науке и знании». Итак, если только что поименованные добродетели суть элементы познания, то открывается, что вера значит тем более состоит оным; она составляет жизненный воздух как человека-гностика так и в мире живущего. Как без четырех стихий мы жить не можем, так и без веры не можем достигнуть познания. Итак, вера есть основа истины (положения вещей, согласного с природой и разумом).

7. Польза страха: опровержение возражений против него

Хулители страха состоят в то же время порицателями и закона. Но явно, что нападение на закон равнозначительно с осуждением самого Бога, виновника закона. Невозможно правителя отделять от управления и заведывание от вещи, подлежащей оному. Вы ставите принципом отмену закона? Но последует тогда, что каждый, предающийся удовольствиям, к каким влекут его чувственные пожелания, станет пренебрегать несомненно честным и гнушаться Богом, бесстрашно обнаруживая свои несправедность и нечестие, вовсе оставив пути истины.

«Страх, говорите вы, есть расслабленное, смущенное состояние души, при коем разум бездействует; это болезнь души». ²⁴⁴ Но что хотите вы сказать этим? – И что это за охота вам продолжать настаивать на этом определении страха, когда заповедь о нем дана нам самим Логосом? Он запрещает дела постыдные, в видах отклонения грешника от оных и через это исправления, грозя ему страхом (наказания). Страх следовательно не противоречит разуму; вожатым его состоит разум.

И почему же несогласно с разумом сопровождать угрозой неисполнение таких заповедей как: *Не убий, преступной склонности у чужих женщин не ищи, не кради, не лжесвидетельствуй* (Исх.20:13–16). Изобретая различные замысловатые слова, философы (Стоики) острастку закона заменяют предостережением. И пусть их усваивают они своему мудрецу (не страх, а) предуведомление со стороны разума, советующего ему некоторых вещей избегать. Фазилитянин Критолай не даром же называет таких философов оспаривателями слов.

Превосходно, даже весьма возвышенным образом эта самая заповедь о страхе раскрывает нашим хулителям именно то, о чем они философствуют, имена меняя. По их мнению (не страх, а) осторожность согласна с разумом, так как она

заставляет нас избегать вещей вредных и так как она сопровождается раскаянием в допущенных раз ошибках. Но именно *страх Божий есть начало премудрости; и кто исполняет заповеди Его, тем свойственно разумение истинное* (Притч.1:7; Пс.110:10). Давид именует мудрость таким делом, которого началом (принципом) состоит страх Божий; следовательно страх открывает нам путь к мудрости. И если закон собою порождает страх, то познание закона значит также есть начало премудрости и без закона значит нет мудреца.

Безумцами состоят те, кои отстраняют закон; по справедливости равным образом следует назвать их и нечестивцами (безбожниками). Исправление страхом есть начало премудрости, *Нечестивые же, говорит Писание, пренебрегают мудростью и послушанием* (Притч.1,7).

Но посмотрим, каких злых дел закон заповедует страшиться. Тех ли, которые составляют середину между пороком и добродетелью, напр. бедности, болезней, дурного общественного мнения, бесславного рождения и тому подобного? Нет, поставляют в этом важность законодательства лишь многих городов, ставящие остережение граждан от всего этого своею целью. Так думают и Перипатетики, толкующие о троякости благ и видящие в их противоположностях бедственность. Нам же данный закон велит нам избегать следующих вещей, подлинно бедственных: преступной склонности у женщин преступного заискивания, распутства, педерастии, разных безрассудств, несправедливостей, болезненной страстности души, смерти, но не той, которая отделяет душу от тела, а которая отклоняет душу от нормы. Вот главные бедствия, действительно тяжкие и ужасные, коих нужно устрашаться, равно как и последствий отсюда истекающих. *Не без оснований сети крылатым* (людям ветреным, пустым, распушенным) *расставляются*, говорят наши Божественные Притчи, *ибо соучастники убийств на свои собственные головы массу бедствий собирают* (Притч.1:17,18).

Что за основания после этого у некоторых из еретиков закон хулить, отрицать благость его и порицать Апостола за его слово: *Законом сообщается познание греха* (Рим.3:20)? Вовсе не то

это значит, скажем мы, что от закона грех; не закон его творит, он только указывает на грех. Указывая, что надлежит делать, он в тоже время предаёт того проклятию, кто запрещенное творит. Но учить тому, что спасительно, указывать гибельное, одно советовать, другое запрещать, не составляет ли это собою одного из признаков благодати закона? Еретики не поняли Апостола. По его словам через закон обнаружилось познание греха; но Апостол не сказал, что источник греха в законе.

Может ли быть нехорош тот закон, который состоит нашим руководителем и дан нам в Педагога ко Христу, дабы по исправлению страхом и избрав другой путь шли мы прямо к усовершенствованию, достигаемому через Христа Иисуса. *Я не желаю смерти нечестивца, а раскаяния его* (Иез.33:11; 18:23,32), говорит Господь. Раскаяние же возникает из заповеди, запрещающей нечто делать, с другой стороны возвещающей благодетельности. ²⁴⁵ *Смертью же, как я думаю, Господь в этом случае называет неведение. Но и словами: Для вразумления Господь наказывает приближающихся к Нему* (Иудиф.8:27). Писание хочет сказать то наверное, что приближающийся к Богу познанием мужественно борется из любви к истине с опасностями, страхами, заботами, страстями. *Сын наказанный отходит мудрым и сын разумный от беспорядочных страстей уклоняется, слушаясь заповедей* (Притч.10:4; 5:5,8). *«Горе тем, которые мудры в своих собственных глазах и лишь перед самими собой разумны»* (Ис.5:21); говорит Апостол Варнава. Потом он прибавляет: *«Сделаемся духовными; будем храмом Богу достойным Его величия; сколько зависит от нас, озаботимся страхом Божиим, подвизаясь в соблюдении заповедей Божиих, обретая радость в исполнении Божественных оправданий»*(гл.4). Отсюда и это Божественное слово: *Страх Божий есть начало премудрости* (Притч.1:7).

8. Опровержение бредней последователей Василида и Валентина, утверждающих, что страх есть универсальная причина возникновения всех вообще явлений даже и в мире высшем

Последователи же Василида иначе понимают все нами выше сказанное: «Сам Архонт, услышав сообщение служащего Духа, изумился слышимому и видимому, и только после того сообщил миру Евангелие. Это-то изумление Его и дало начало страху и возникновению премудрости разделяющей, различающей, совершенствующей и восстанавливающей. Ибо не только мир, но и выделение избранных есть ступень лишь предварительная». ²⁴⁶

Валентин в одном из своих посланий развивает очевидно те же самые мысли, говоря: «Ангелы были объаты полнейшим ужасом, когда эта глина, человек, обработанная ими, стала испускать звуки, способности к чему они никак не ожидали от своего произведения. Но в самую глину оказалось невидимо свыше опущенным семя высшей сущности, вследствие чего она и оказалась способной к дару слова. Подобно сему ужасу, внушенному Ангелам сотворенным ими человеком, и для людей сего мира, язычников, создания рук человеческих, статуи и изображения, были предметом ужаса. И так как руки и всех работают во славу Божию, то и Адам, созданный Ангелами во славу человека первообразного, внушил им благоговейный страх собой, а именно: они стали опасаться, как бы не воскрес в подражании тип первоначальный; посему они пожелали тотчас же свое дело разрушить». Таково учение Валентина.

Позднее мы докажем, что начало бытия вещей существует только одно (Бог). Оттуда откроется, что все эти праздные измышления еретиков представляют собой нечто в роде пронзительного чириканья сверчков или же верезга свиней.

(Теперь же ответим мы на них просто).

Так как Богом за целесообразное было найдено прежде ниспослания (Христа) Господа воспитывать народ свой через

закон и пророков, то *страх Божий* и назван был *началом премудрости* (Пс.110:10), страх, провозвещенный Господом через Моисея сердцам непослушным и жестоким: кто не покорится де закону, тех смягчит страх; ибо Логос, наставляющий и наказывающий, заранее предвидел неповиновение некоторых и жестокосердие; но так или иначе, тем или иным образом, Он хотел очистить их, а орудие домостроительно – целесообразно поднял до благочестия.

Что же до изумления, то оно порождается в нас вещью, представляющей нам необычной или неожиданной, как напр. изумляет нас внезапное какое-либо известие; страх же напротив есть преувеличенное удивление пред чем-либо возникающим или существующим. Василидиане таким образом не замечают, что, усваивая изумление прославляемому ими великому Богу, они обрекают Его через это на душевные волнения, и кроме того делают рабом неведения. На очень неверное дело решились они с этим своим утверждением, будто было какое-то изумление и будто бы ему предшествовало неведение, будто изумление и страх, начало премудрости, были страхом самого Божества. Как бы не заметить того, кажется, что неведение поднимается через это до первопричины самой премудрости Божией, творения мира, но и возведения вещей в наилучшее состояние и даже выделения из общей массы людей самих их, избранников Божиих. Потом спросим мы: «Неведение это было неведением добра или зла»? Если неведением добра, то почему же оно прекращается после изумления? И тогда к чему еще небесный Посланник? К чему проповедь? К чему крещение? Если же это было неведение зла, то каким образом зло было причиной возникновения вещей добрых? А они именно это утверждают, что «если бы не предшествовало всему неведение, то не сошел бы и Посланник с небес; изумление тогда не поразило бы (великого) Архонта, страх не сделался бы началом премудрости, руководившей Им в отделении пневматиков от людей мирских».

Что же касается до утверждения Валентина, что страх перед допреж сего существовавшим (первообразным) человеком заставил Ангелов лукавить против собственного их

создания потому лишь, что в основе этого произведения их оказалось, полученное им свыше, незримое семя высшей Божественной субстанции, тогда одно из трех: 1) или начала их ревность мучить из-за совершенно неосновательных предположений относительно человека; но это невероятно. Невероятно, чтобы, будучи создателями человека, потом сами же они на свое собственное детище руки наложили. Да и то не допустимо, чтобы они осуждены были на полнейшее относительно человека неведение. 2) Или же они приступили – было к своему злоумышлению, обладая полным относительно человека предведением. Но с предварительным того значением, чем имело стать их творение, они не стали бы столь деятельно ему сети расставлять. С другой стороны, если свойственно было им предведение, то не были бы они поражены и изумлением при виде своего создания — именно по силе своего предведения они знали бы тайну получения свыше их творением Божественного семени. 3) Или же наконец они не побоялись строить козни человеку потому, что самое предведение касательно его волновало их, что также невозможно, потому что они должны же были знать об ожидающем человека блаженном положении в Плероме. К тому же они и тем знанием без сомнения обладали, что человек представляет собой подобие своего первообраза, что в отпечатке воспроизведен первоначальный сей образ и что душа человеческая погибнуть не сможет.

Именно к таким-то непослушным и еще к некоторым другим еретикам, особенно же Маркионитам, свящ. Писание взывает: *Слушающий Меня пребудёт в радости; свободный от страха он будет жить в мире* (Притч.1:33).

Что же за тем предполагают они сделать с законом? Объявить его дурным они не могут. Различая доброе от справедливого, они вынуждены согласиться, что закон справедлив.

(Выход из затруднения мы предлагаем им следующий). Когда Господь заповедует бояться зла, то не то это значит, что при посредстве зла Он выпускает зло на волю, а так сие понимать следует, что указанием на одну из двух

противоположностей поясняет он другую. Зло представляет собой противоположность добру, подобно тому как справедливость противоположна несправедливости. Итак, если в выше приведенных словах Господних под свободой от страха разумеется та свобода, которая обуславливается удалением от грехов, проистекающим из страха ответственности за них перед Богом, то страх значит представляет собой нечто доброе, следовательно страх перед законом не только справедлив, но и благодетелен, так как он отклоняет нас от пороков.

Так Господь воспитывает нас до свободы влиянием страха. Не питанием страстей Он устанавливает в нашей душе бесстрашие и мир поселяет, а водворением в ней господства над страстями через укрощение их. Вот почему Соломон говорит: *Чти Господа и будешь силен; бойся же только Меня одного* (Притч.7:2).

Итак, *страх Божий* состоит в боязни греха и в послушном исполнении заповедей Божиих, за что получим от Бога награду; он равнозначителен с благочестием.

Но страх, говорят наши противники, есть смущенное, взволнованное состояние души. Так. Но не всякое душевное смятение есть страх. Страх перед демонами отличается смятенностью души, потому что демоны и сами находятся в постоянном, и внешнем и внутреннем, волнении. Бог же напротив того бесстрастен; посему и внушаемый Им страх не вносит в душу никакой растерянности и расстройств, никаких беспорядков, смут и замешательств. Не самого Бога боюсь я, а боюсь низвержения с лона Его. Но кто сего боится, тот и к греху относится боязливо и в пороки впадать не отваживается, их опасается, от них остерегаясь. Положительное же стремление человека, опасющегося падений, на то обращено, как бы не потерять своего спокойствия и блаженства и как бы от страстей свободным быть. *Мудрец, говорит свящ. Писание, боится и уклоняется от зла; безумец же, в слепой надежде лишь на самого себя, порицает Бога* (Притч.14:16). И далее: *В страхе перед Господом надежда твердая* (Притч.14:26).

9. Взаимная связь между собой христианских добродетелей

Сей страх Божий возвышает нас до перемены чувств и решений (до покаяния) и до надежды. Надежда же есть ожидание благ, или несомнительное упование на получение блага, еще не состоящего нашим достоянием. Само собой понятно, что укрепляется такой благонадежностью и несчастье. Мы научены ведь, что надежда как бы за руку ведет нас к любви. Любовь же состоит в наблюдении требований рассудка, в устроении жизни и общественных нравов; короче сказать, она есть взаимное общение людей в сей жизни; или иначе сказать, она есть постоянная, разумная и честная, дружественная и предупредительная готовность оказывать услуги своим семейным и ближним, содействовать пользам их и благу. Друг – это второй я. Посему-то тех, которые одинаково с нами возрождены тем же самым Логосом, мы и братьями называем. ²⁴⁷

К любви относится гостеприимство. С приятной простотой и изящной легкостью оно наблюдает пользы и благо чужестранцев; чужестранцы же или иноземцы суть те, кои чуждаются вещей мирских; тех же, надежды коих землю ограничиваются, кои цель своей жизни составляют в наслаждениях земных и лишь чувственным удовольствиям преданы, так и считаем мы к миру и суетам его прилепившимися. *И с веком сим не сообразуйтесь*, говорит Апостол, *но преобразуйтесь обновлением (освежением, оздоровлением) ума, дабы познавать вам, что есть воля Божия, что хорошо, на что воззрение очам Божиим приятно и что совершенно (Рим.12:2)*. Гостеприимство сие упражняется в том, что благу сих чужеземцев способствует; мы принимаем их гостеприимно, потому что они гости (в сем мире); мы рады им бываем как любезным нам друзьям; друзья же сии суть и братья нам. «О брат мой милый», восклицает Гомер (Ил.5:359).

И человеколюбие – мать утонченно-нежных отношений к людям, оно состоит в дружественном оказании добра им, в споспешествовании их пользам. Но эта утонченность наших отношений к ним, эта нежность нашего обращения с ними, состоя изыщным и предупредительным исполнением того, что нашим друзьям и ближним любезно и приятно, в свою очередь опять собой усиливает любовь, содействуя и способствуя развитию ее. Если внутренний наш человек действительно проникнут Духом (Святым), то человеколюбие это для сопричастников того же Духа равнозначительно братолюбие.

Благорасположенность же есть постоянное наблюдение добродетельности и любви. Последняя представляет собою доказательство благорасположенности полное и безусловное, (свидетельствуемое одобрением чувств и мыслей одного со стороны другого и взаимным согласием); и любимым быть, это значит нравиться кому-нибудь за свой нрав, за свои правила и привычки; это значит влиять ими на других; это равнозначительно с наложением на других своего характера и с отвлечением их от образа мыслей и действий с нашим несходного. Любовь обуславливается следовательно взаимной склонностью, сочувствием друг другу. Но до взаимного сего сочувствия доводит нас единомыслие, признание блага в одном и том же и взаимное устремление наших умов на созидание сего общего блага. *Любовь же наша, говорит Апостол, да будет искренна и непритворна. Зла отвращайтесь, к добру же и братолюбие старайтесь прилежать неуклонно.* И так далее в том же духе продолжает Апостол даже до слов: *Если возможно и насколько это от вас зависит, живите в мире со всеми (Рим.12:9,10,18).* Он присовокупляет еще: *Не будьте побеждаемы злом, но побеждайте зло добром (Рим.12:21).*

Тот же Апостол свидетельствует об Иудеях, что они *имеют ревность по Боге, но что эта ревность их не по разуму, ибо не разумея правды Божией и силясь установить вместо нее свою собственную они перед правдой Божией не захотели смириться.* Ибо воли закона они не знали и не исполняли, считая волей закона то, что сами делали. И в законе видели они

не пророческое слово ²⁴⁸, а пустое; и если оставались верными ему, то из страха, а не по любви к нему или вере в него. *Ибо конец закона есть Христос, пришествие которого во оправдание всех в Него верующих было предречено законом (Рим.10:2,3,4).* Вот почему у Моисея сказано об Иудеях: *И Я вызову их ревность народом, который не Мой народ и приведу их в раздражение народом несмышленным, но готовым повиноваться (Втор.32:21; Рим.10:19).* И через пророка Исаию сказано о них: *Я был найден не искавшими Меня и открылся не старавшимся познать Меня.* Это было сказано еще до пришествия Спасителя об язычниках; после же и ныне эти упреки пророка справедливо должны быть считаемы обращенными к Израильтянам. *День и ночь простирал Я руки к народу неверующему и Моих слов не слушающемуся (Ис.55:1,2; Рим.10:20,21).* Отсюда открывается до очевидности ясно, что причину призвания язычников пророк видит в неверии и непокорности народа Божия. Но тут же обнаруживается и благодать Божия, ибо Апостол говорит: *Но падение Иудеев сделалось спасением язычников, дабы пример их возбуждал в них благородное соревнование и побуждал их к раскаянию (Рим.11:11).*

Пастырь (Ермы) находит, что как между Иудеями, так и между язычниками многие из почивших праведников нашли милость у Господа; и они были из живших не только до пришествия Спасителя, но ранее сообщения даже и закона; таковы Авель, Ной и другие. Посему говорит он, что «Апостолы и учителя (церкви), проповедовавшие (во время земной своей жизни) имя Сына Божия, и по смерти продолжали служение свое; по силе своей веры во Христа Господа и благодати Его они герольдами были Его пришествия между праведниками, ранее их почившими». Далее говорит он: «И сих последних они запечатлели печатью (своего) проповедования. Вместе с ними сошли они в воду и вышли из нее. Но сойдя в оную живыми (телесно), Апостолы и христиане живыми же (возрожденными для добродетели) и вышли из нее. Что же касается ранее умерших (телесно), то сии сошли в нее мертвыми (не облагодатствованными для жизни духовной), а

вышли живыми. Так Апостолы посредствовали им жизнь и познание (дела) Сына Божия. Как если бы это были камни какие, они из глубокой преисподней были вознесены ими на высоту и вошли в созидание башни (церкви) не в качестве каких-то обломков; а цельными личностями. Ибо скончались они в великой праведности и чистоте. Только печати сей им не доставало». ²⁴⁹ *Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, говорит Апостол, то не имея закона они сами себе служат законом (Рим.2:14).*

Итак, добродетели находятся одна к другой в отношениях взаимной сопринадлежности. ²⁵⁰ Нужно ли после сего-то снова повторять, что нами уже и доказано, что вера надеется в силу раскаяния, а благоговейная осторожность (страх Божий) в силу веры и что неуклонное пребывание в сих добродетелях, соединенное с углублением в оные, себе конец находит в любви, которая в свою очередь совершенствуется через познание?

Но необходимо при сем заметить, что по существу премудр только Бог; премудрость есть содержание Божьего существа и отпечатлелась она в сообщении истинного учения; и премудрость эта истинного учения представляет собой ведение (гносис) совершеннейшее. ²⁵¹

Философ любит истину и приветствует ее; любовь же (христианская) преобразовывает верного слугу в верного друга. ²⁵²

«Начало истины или знания (гносиса) есть удивление», говорит Платон в «Феатете». И Матфей говорит в своих Преданиях»: «Дивитесь тому, что перед вами»; он утверждает через это, что удивление есть первая ступень к достижению со временем познания. Вот почему и в «Евангелии к Евреям» согласно с сим написано: «Кто удивлением проникся, тот воцарится, а воцарившись и в покой войдет». ²⁵³

Невозможно делать применений из философских учений, не зная ни их, ни идеи мудрости себе не составив: предварительно нужно расстаться со своим касательно сего невежеством. Ибо что такое философия? Она представляет собой стремление постигнуть действительно сущее; она обуславливается

прилежанием к исследованиям, ведущим к сему. И прилежание это должно быть такого рода, что хотя бы ежедневными упражнениями и был приобретен кем-либо навык к добру, все же он должен озабочиваться обстоятельнейшим того знанием, как применить добро то на деле, должен он упражняться в практическом осуществлении его и продолжать работу над сим. Тот уподобляется Богу, нашему Спасителю, кто при посредничестве Его, великого Первосвященника, Логоса, Богу вселенной служит.²⁵⁴ О посредничестве же Христа Господа говорю потому, что нравственно прекрасное и справедливое познается в совершенстве, согласно с истинным о сем учением, только при Его (благодати) посредстве. Он нам показывает, что благочестие есть деятельное осуществление обязанностей, согласное с волей Божьей.

10. Характер христианского философа

Тремя отличительными чертами характеризуется наш философ. Во-первых он – созерцатель; потом он — исполнитель заповедей, и в третьих – воспитатель других людей до добродетели. ²⁵⁵ Совмещение трех этих качеств в одном лице создает истинного гностика; если же ему не достает хотя одного из трех этих качеств, то и гносисом своим он значит еще прихрамывает. Превосходно говорит на сей счет Писание: *И сказал Господь к Моисею, говоря: Объяви сынам Израилевым и скажи им: Я Господь Бог ваш. Согласно с обычаями земли Египетской, в которой вы жили, не поступайте; и по правам земли Ханаанской, куда Я веду вас, также не поступайте и установлений их не держитесь. Мои законы исполняйте и Мои постановления соблюдайте; поступайте по ним. Я Господь Бог ваш. И соблюдайте все, постановления Мои и исполняйте оные. А исполняющим оные должен считаться тот человек, который жить будет по ним. Я Господь Бог ваш (Лев.18:1–5).* Не будем расследовать здесь, Египет и Ханаанская земля служат в сем изречении образами мира и его заблуждений, или же душевных страстей и пороков ²⁵⁶; то же Божественным словом сим открывается нам ясно, что лучше держаться Божественных заповедей, нежели мирских. А когда в слове сем сказано: *Исполняющим же оные постановления будет считаться тот, который будет жить по ним*, то выражение это нужно относить до вразумления как Евреев, так равным образом до созидания и усовершенствования жизни и нас христиан, близкими ставших (Еф.2:13); имеет оно отношение как к жизни их (остающихся далеко), так и к нашей. *И нас мертвых по преступлениям (себя погубивших своими грехами) Бог оживотворил со Христом* (нам возвратил жизнь в лице Христа Иисуса) через завет с нами (Еф.2:5). Писанием неоднократно повторяется в данном месте выражение: *Я Господь Бог ваш*. Через это оно внушает нам священные стыд и страх, отклоняет нас от зла и учит исполнению заповедей, нам данных Богом.

Тихое напоминание предлежит нам в сем выражении искать Бога и, насколько то для нас возможно, стараться познавать Его. Вот величайший предмет созерцаний. Созерцание Бога вводит нас в постижение священнейших тайн, обогащает нас достовернейшими познаниями ²⁵⁷, вечно ценными. И предмет сей (Бог) представляет собой единственное содержание мудрости, правая деятельность в круг которой входит с непеременимостью.

11. Познание, опосредствуемое верой – предосточернейшее

Знание же мнящихся быть мудрыми, будет ли оно состоят в странностях учений варварских или в философии Эллинов, по Апостолу, *надмевает* (1Кор.8:1). Иное дело – знание, опирающееся на научное доказательство согласия некоторых преданий с истинной философией: такое знание достоверно. То знание должны мы признать разумным, которое в несомненном и неоспоримом ищет доказательств и тому, что собой возбуждает сомнение. Вера же двояка: одна с научным знанием соединена и на него опирается; другой же состоит та, которая опирается на знание мечтательное и мнимое. Ничто не препятствует посему и доказательства в пользу веры разделять на два вида: на доказательства научные и на доказательства дутые, опирающиеся на фиктивность и иллюзии воображения. Потому что и познания вообще, равным образом и знания, которые предварительно нужно иметь, чтобы доказывать что либо, также двояки: одни тщательно выработанные и опытные, другие же недостаточные и несовершенные. Что же после этого? Лишь только наши доказательства неистинны что ли? Только те доказательства, коими мы пользуемся, ложны что ли? Но они заимствуются нами из свящ. Писаний и почерпаются из той *мудрости, которой*, по Апостолу, *мы Богом самим научены* (1Сол.4:9). Разумение же нами этой мудрости состоит в послушании заповедям Божиим; это и есть вера в Бога. И вера сия есть дар некий Божественный; это так сказать превосходящая, преодолевающая сила самой истины. И что это так, сему тотчас же находим подтверждение в свящ. Писании. Там сказано напр.: *Если бы вы имели веру как зерно*

горчичное, то горы переставляли бы (Мф.17:20). И еще: По вере твоей да будет тебе (Мф.9:29), и один по силе своей веры оказался исцеленным (Мф.9:22 или Лк.18:42); другой же, уже умерший, оказался воскрешенным по силе веры того, кто поверил в его воскрешение (Мф.9:23–25; или Ин.11:40). Доказательство же в пользу веры, на иллюзиях воображения утверждающееся, есть человеческое доказательство и представляет собой нечто жалкое, слабое, плохое и ничтожное; оно состоит в доводах риторических или же в умствованиях и заключениях диалектических. Доказательство же, на которое мы выше намекнули и которое мы называли доказательством научным, веру прививает или вдыхает через ссылки на свящ. Писание и через раскрытие и разъяснение его людям, жаждущим знания; это и есть знание истинное, гносис. Чем доказывается что-либо, то само должно быть признаваемо за истинное. Но предания, записанные в свящ. Писании, суть истинные, Божественные и пророческие; ясно следовательно, что и приводимые из оных доказательства должны отличаться тем же характером истинности; доказательство таким образом становится для нас вполне обоснованным знанием, гносисом.

Когда Моисею повелевается на память о Божественной и небесной пище ²⁵⁸ сохранять ее в золотой урне и считать сей памятник за священный, то говорится: *Гомор составляет десятую часть трех мер (эфы) (Исх.16:88)*. Через это обозначается, что в нас самих есть три масштаба, три осудительных способности: чувство для суждения о вещах материальных; разум для обсуждения высказываемых идей и мыслей; для суждения же о вещах, постигаемых лишь созерцанием, в нас есть ум. Истинный гностик посему должен воздерживаться от грехов языка или слова, равным образом от грехов мысли и чувства, а также от грехов дела. Он не слышал только, но и мысль свою и волю устремил на это слово: *Посмотревший с пожеланием уже преступной склонности ищет* (Мф.5:28). Всею душой своей воспринял он и проникся сим словом: *Блаженны чистые сердцем: они Бога узрят* (Мф.5:8). Уразумел он и это слово: *Не то оскверняет человека,*

что входит в уста, а то оскверняет человека, что выходит из уст, ибо из сердца исходят злые помыслы (Мф.15:11,19). Вот, полагаю я, подлинно Божественный масштаб, истинный и верный, коим может быть меряемо (оцениваемо) все подлежащее измерению (оценке); вот вера (масштаб) для понимания и оценки всего человека, во всех направлениях, мера объемлющая всю десятирицу составных частей человека, которые выше тремя мерами обозначены лишь вообще. Десять же этих частей, входящих в состав человеческого существа, суть следующие: тело, душа, пять чувств, дар слова, образовательная сила свойственная входящим в состав человека материальным элементам, мыслительная или духовная способность, или каким хотите иным именем назовите ее. Но следует, на остальные все части внимания не обращая, лишь в уме искать себе устойчивости. О девяти составных частях мира всякую заботу мы оставили. И главное всего перестали мы заниматься четырьмя стихиями, находящимися в смешанном виде в каждом данном месте. Потом семью блуждающими планетами мы более не занимаемся и в них не верим. А далее и землей сей пренебрегаем. Оставивши все это обратились мы к почитанию числа более совершенного, чем девять, т.е. к почитанию части 10-й, ²⁵⁹ короче сказать к познанию Бога; от твари страстно мы устремились к Творцу. Поэтому-то и посвящалась Богу ежедневно (у Евреев) 10-я часть эфы и 10-я часть всех жертв. Поэтому же для души и истинное празднество Пасхи, собою означающей (минование) отречение от страстей и отложение всего чувственного, состоит в устремлении к сему десятиричному числу, Богу, единому вечному и лишь созерцанием постигаемому. ²⁶⁰

Так истинный гностик срастается с верой. Мнящийся же быть мудрым учениями истинными не затрагивается, будучи увлекаем пожеланиями необдуманно и неустойчивыми. Отсюда по праву и всей справедливости ²⁶¹ написано: *И вышел Каин от лица Божия и поселился в земле Наид, насупротив Эдема. (Быт.4:16).* Наид же значит «беспокойство», а Эдем «приятности». Вера и познание (гносис) и (душевный) мир

именно суть приятности, из страны и отечества которых непослушный изгоняется. А мнящийся быть мудрым именно таков; он совсем не хочет слушать Божественных заповедей; как и всякий самоучка он надменен, охотно отдается он волнению морскому, спускаясь с высот знания векового до занятия вещами преходящими и пошлыми. Не даром говорит премудрый: *Им же несть управления, те падают аки листовие (Притч.11:14).* Рассудительность, сила души правительственная, представляя собой начало устойчивое, всегда самому себе равное и руководительское, посему и называется кормчим души. К неизменному можно быть приводимым тоже через нечто неколебимое. Вот поэтому-то Авраам перед лицом Господа «стоял» (в одном и том же положении, без всяких перемен) и приблизившись сказал (Быт.18:22,23). И Моисею заповедуется: *Ты же стань тут предо Мною (Исх.34:2).* Отсюда последователи Симона воображают, что именно эту устойчивость принципов собой и своими нравами олицетворяют, когда поклоняются статуе (Стоящему). ²⁶²

Итак, вера и познание истины в меру проникновения оными души, им отдавшейся, сообщают ей согласие с самой собою и себе равенство. С познанием же ложным необходимо соединены торопливый перебег от предмета к предмету, уклончивость и удаление (отречение), тогда как истинно-гностическое знание разливает по душе тишину и покой и мир. Посему как на философию навлекает подозрение надменность и хвастливое о себе мнение, так и к познанию истинному (гносису) возбуждает недоверие познание (гносис) ложное, совершенно напрасно прикрывающееся этим именем. О сем-то лживом гносисе и пишет Апостол: *О Тимофей, преданное тебе храни, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания, которому предавшись некоторые уклонились от веры (1Тим.6:20,21).* А так как этими словами еретики изобличаются, то они посланий к Тимофею и не принимают. ²⁶³

Итак, если Господь есть истина (Ин.14:6) и мудрость и сила (1Кор.1:24), чем в действительности

Он и состоит, то открывается, что познавший Его действительно есть истинный гностик. Но через Него он познает Отца Его. Примечается и чувствуется, что именно на нем осуществляется это слово Писания: *Уста праведных ведают высокое* (Притч.10:21; 12:1).

12. О двоякости веры

Вера подобно времени обращена своим лицом в две стороны; потому и образом своих мыслей и расположений обращена она по двум направлениям: одним, а именно воспоминанием, она обращена к прошедшему; а другим, надеждою, она устремлена в будущее. Мы верим в прошедшее и в предстоящее будущее. Препобеждаемы будучи верой, мы неколебимо убеждены, что прошедшее именно так слагалось и обстояло, как передается нам; по силе же надежды мы ожидаем известного рода событий, еще не совершившихся.

Любовь же у гностика возвращается во всех частях здания его личности. Он знает, что Бог един и что *все, сотворенное Им, хорошо весьма* (Быт.1:31); он знает это и удивляется. Благочестие собой ему надбавляет к жизни число лет, а страх Божий ему дни удлиняет (Притч.3:2,16). Дни наши на этой земле хотя и оканчиваются смертью, однако же они составляют часть жизни, текущей в вечность: подобно этому и страх становится началом любви; усиливаясь он обращается сначала в веру, а потом преобразуется в любовь. Но этот страх Божий не походит на страх и ненависть, внушаемые нам каким-либо зверем; припомните, что есть двоякого рода страх. Отца боюсь я; но боясь вместе с тем и люблю его. Бояться быть наказанным значит любить себя (любовью эгоистической); бояться же недовольство отца чем-либо возбудить значит (уважая себя) любить себя любовью, соответствующей благородству внутреннего нашего существа (любовью, проистекающей из сознания своей личности). Счастлив тот, кто верным становится под влиянием любви и страха. Вера собой представляет укрепление нас во спасение и есть дар нам во имя жизни вечной.

Но возвратимся к пророчеству. Оно есть предведение будущего; познание же (гносис) есть разумение пророчества и так сказать проникновение в то, познание чего от Господа, наперед знающего все, уже воспринято было пророком ранее. А знание вещей нам предвозвещенных может быть знанием

троякого рода событий: или случившихся уже, или событий настоящего времени, или еще предстоящих. Оба края настоящего, – и прошедшее, собой объемлющее события уже совершившиеся, и будущее, в недрах своих хранящее события еще имеющие воспоследовать, – подлежат вере. Происходящее же в настоящее время состоит для нас предметом убеждения и служит подтверждением достоверности свидетельств о прошедшем и предсказаний о будущем. Потому что если из одного и того же пророчества одна часть уже исполнилась, а другая исполняется, то значит достоверно и ожидаемое, верно и совершившееся. Ибо прошедшее было когда-то настоящим, а потом оно осталось позади нас; таким образом то, что было некогда верой в события (предстоящие и потом уже) минувшие, становится познанием прошедшего; а следовательно вера и в ожидаемые события некогда обратится в познание, когда-то будущее сделается настоящим.

Спросите последователей не только Платона, но и Стоиков: и те и другие вам скажут, что есть вещи, которые совершенно свободно и всеми признаются без исследований за истинные.²⁶⁴ Все мнения, все суждения, всякая мысль и порядки, из каких слагается наша жизнь и общение с человеческим родом, приняты нами, собственно говоря, без исследования и в существе своем не что иное суть как вера. Безверие и вероломство, будучи отвержением веры или же состоя руинами ее, показывают собой возможность как покорности, повиновения, принятия известных истин без исследования, так и веры, ибо нельзя же лишаться того, чего нет. Хорошенько вникая в дело мы найдем, что человек хотя и склонен подчиняться лжи, все же в нем живут инстинкты, его располагающие к вере и истине.

«Добродетель, которой стоит и держится церковь, говорит «Пастырь»²⁶⁵, есть вера; ей-то спасаются избранные Божии. Укрепляется же она другой из добродетелей, умеренностью и воздержностью. За тем следуют простота, осмотрительность, невинность, достопочтенность нравов, любовь к ближним; все это дщери веры». «Пастырь» потом

говорит: «Вера предшествует, страх созидает, любовь же к совершенству возводит». И в другом месте: «Чтобы созидать и назидать нужно бояться Бога; ниспровержение же и разрушение суть плод страха перед сатаной». ²⁶⁶ И опять: «Установления Господни, т.е. заповеди, следует воспринимать, обнимать и содержать любовью; дела же демона следует ненавидеть и по ним не поступать. Ибо страх Божий нас наставляет и исправляет и в нас любовь восстанавливает; страх же перед делами демона с собой привносит в нас ненависть».

«Пастырь» продолжает: «Покаяние есть великое самовразумление, ибо по раскаянии в своих грехах мы более уже не позволяем их себе ни на деле ни в мысли. Опечаливаться же и мучиться в душе из-за своих грехов значит добрым делом быть занятым». ²⁶⁷ Итак, отпущение грехов (при крещении) есть не то же самое, что покаяние (после крещения). Все же Пастырь учит, что и то и другое (и испросить себе прощение грехов через принятие крещения, и через последующее в случае падений покаяние) зависит от нас. ²⁶⁸

13. О первом и втором покаянии

«Итак, получивший раз отпущение грехов грешить более не должен, ибо за первым и единственным покаянием во грехах, – а этим было покаяние во грехах, совершенных в продолжение жизни языческой и первой, т.е. раскаяние во грехах неведения, – для званых остается немедленное раскаяние, очищающее в душе место от грехов для обоснования здесь веры. Господь же, будучи сердцеведцем и все наперед зная, изначально предвидел с высоты своей будущее, а именно как легкомыслие человека, так равным образом лукавство и злобу дьявола, т.е. что дьявол, завидуя оставлению грехов человеком, будет рабам Божиим устраивать некоторые мнимо-извинительные предлоги ко грехам, лукаво сие делая, дабы вместе с собой и их доводить до падения. Посему тем из уверовавших, которые впадают в какой-либо грех, по великому своему милосердию, Он дарует вторичное покаяние, дабы впавший после призвания снова в грех и подавляемый смущением, пожелав возвратиться на добрый путь, мог принести еще раз покаяние неизменное»(2Кор.7:10). *Ибо если мы, приняв познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грех, но некое страшное ожидание суда и ярости огня, готового пожрать противников* (Евр.10:26,27). Беспрестанные же и одно за другим следующие в грехах раскаяния ничем не отличаются от полного неверия кроме как разве только признанием своих грехов; и я не знаю, что хуже, сознательно ли грешить или раскаявшись в грехах снова приниматься за них; вина и того и другого очевидна: один ее свидетельствует тем, что осуждает свое нечестие во время самого совершения его; другой тем, что несмотря на признание греховности своего действия еще ранее совершения его, все таки совершает его с полным сознанием, что это дурно. И один в душе несомненно увеселяется своим грехом и довольным себя чувствует, хотя и не неведает он, чем увеселяется; другой же, раскаявшись в том, чем прежде услаждался, потом опять отдается удовлетворению тех же самых

пожеланий и сближается с тем, кто с самого начала грешит по выбору своей воли. Ибо в чем-либо раскаиваться и потом тотчас же опять за то же приниматься, что только что осуждено было, не значит ли грешить сознательно? Итак, те из язычников, кои свою прежнюю и нечестивую жизнь оставили и перешли к вере, тотчас же получают отпущение грехов; но кто и после сего (снова обращается ко греху, тот, не смотря на свое раскаяние и полученное прощение, все-таки самого себя должен стыдиться, потому что уже не может получить другого омовения водами крещения во оставление грехов. Кто *не от крови, ни от плотского пожелания родился (Ин.1:13)*, а духом возрожден, тот не идолов только должен оставлять, коим божеское почтение прежде воздавал, а и дела предшествующей жизни; а это будет только тогда, когда доказывать он будет свою веру хранением себя от прежних грехов, что и будет истинным покаянием. Ибо частым раскаянием выдается лишь снисходительное отношение к прежним грехам; а склонность к новым падениям доказывает собой недостаток упражнения в истинном покаянии. Итак, открывается, что частое прошение прощенья во грехах не есть раскаяние, а только вывеска раскаяния. ²⁶⁹ *Правота выравнивает пути праведника, нас оглашает Писание (Притч.11:5)*. И опять: *Правота устраняет затруднения со стезей невинности (Притч.8:6)*. Но и Давид пишет: *Как отец милует чад своих, так Господь милосерд к боящимся Его (Пс.102:13)*. *Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью (Пс.125:5)*, говорит Писание о тех, которые в раскаянии исповедуют Господа, *ибо блаженны все боящиеся Господа (Пс.127:1)*. Видите ли уже и ветхозаветным Писанием ублажение людей сего рода подобное Евангельскому (Мф5:4)? *Не бойся, говорит, когда богатеет человек ²⁷⁰, когда слава дома его умножается, ибо умирая не возьмет ничего, не пойдет за ним слава его (Пс.48:17,18)*. *Я же по милости Твоей войду в дом Твой, поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоем; Господи, путеводи меня во правде Твоей (Пс.5:8)*.

Пожелание следовательно есть
пристрашливое и беспорядочное устремление души к какому-

либо предмету или удаление от него; страсть же есть всякую меру превосходящее устремление души к чему-нибудь или желание, выходящее из границ рассудка, не сдерживаемое более уздой его и требованиями. Итак, страсти суть возмущение против природы; они беспорядок вносят в душу и восстанавливают ее против разума. Вероломство же, заблуждение и непокорность зависят от свободы нашей, подобно как во власти нашей и повиновение. Посему-то эти свободные действия и суду подлежат. Всякий, кто прилежно присмотрится к той или другой страсти и займется изучением их, тотчас же найдет, что они суть пожелания с разумом несогласимые.

14. О грехах невольных

Что касается действий, без участия свободной воли совершаемых, то они суду не подлежат. Двух видов бывают этого рода действия: одни совершаются по неведению, другие же по необходимости. И те и другие суть действия так называемые невольные. И какому же действительно суду могут и подлежать впадающие в эти грехи? По истине разве в полном сознании действовал напр. Клеомен и Афама, будучи объаты ужасом? Эсхил произнес на сцене несколько таинственных слов, не сознавая, что открывает пароль и лозунг мистерий. За это поэт был призван в Ареопаг, но так как он сумел доказать здесь, что не принадлежит к числу посвященных в мистерии, то был оправдан. Какому же суду может подлежать напр. и тот, кто по непредусмотрительности врагу дает возможность ускользнуть, а вместо него по неведению убивает кого-либо из своих домашних? Он совершает убийство ведь по неведению. Какому же суду может подлежать атлет, который упражняясь в фехтовальном искусстве не замечает, как у него с копья сваливается предохранительный мячик и затем голым острием его убивает противника? Он не знает ведь, что уже острое оружие находится у него в руке. Какому же суду может подлежать убивающий своего соперника на ристалище, где трудно разобраться, каким образом что происходит и где не с замыслом на смертоубийство между собой состязаются, а с мыслью лишь о победе? Какому же суду может подлежать врач, дающий больному спасительное лекарство, его между тем умерщвляющее? Целью врача при сем бывает ведь излечение, а не смерть. Правда, что закон полагает наказания и за ненамеренное убийство, подобно как и за невольную гонорею, и все же наказывает слабее, чем за преступление преднамеренное.

Вывод же из всего этого такой. А кто для оправдания своей страсти злоупотребляет истиной, тот подлежит за это наказанию такому же, какое налагается за проступок, совершаемый по свободному самоопределению. И в самом

деле не заслуживает ли строжайшего наказания тот, кто через беспутство оставляет без раскрытия засеянные в душе его идеи творческого Логоса? Это также страдательное состояние души, с разумом не мирящееся, близко подходящее к нелепой и гадкой болтовне. Человек *верный предпочитает некоторые вещи скрывать в своей душе* (Притч.11:13).

Итак, всякое действие, совершаемое по свободному выбору, влечет за собой ответственность за него, ибо *Господь испытывает сердца и утробы* (Пс.7:10; Иер.17:10). Подлежит осуждению уже и *посмотревший с пожеланием* (Мф.5:28), почему и сказано: *Не пожелай* (Исх.20:17). Говорится еще: *Народ этот своими устами чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня* (Ис.29:13; Мф.15:8; Мк.7:6). Бог призывает в сокровеннейшие глубины нашей души. Припомнит жену Лотову. Только за то одно, что по совершенно свободному самоопределению своим полным чувственных наклонностей взором обратилась она по направлению к порочному Содому, Бог обращает ее в бесчувственный соляной столб, в роде неподвижной статуи. Не с грубым и бессмысленным идолом мы имеем дело в сем образе, а с красноречивым символом, назначение которого назидать нас и укреплять в вере тех, кто еще в состоянии что-либо понимать духовно.

15. Виды свободных действий и грехи, из них вытекающие

Свобода воли или самоопределяемости заявляет себя или стремлениями к чему-нибудь или решениями привести то или другое в исполнение или же известным образом мыслей и расположений. И тотчас посему открывается, что грех, несчастный случай и преступление ²⁷¹ некоторыми своими сторонами взаимно соприкасаются. Так грешно напр. вести жизнь сладострастную и невоздержную. Убить непредусмотрительно друга вместо врага – несчастье. Гробокопательство же и святотатство – преступления.

Уклонение же в грех происходит от неведения тем или другим из нас, что должно делать или от неспособности что-либо сделать. Нечто подобное сему происходит, когда кто-либо падает в ров или по неосторожности и невнимательности или же по слабости сил телесных и неумению перепрыгнуть его. Но не подлежит, конечно никакому сомнению, что напр. усердие к научным занятиям вполне от нас зависит: несомненно в нашей же власти и послушание заповедям; оставаться же к сему безучастными, быть рабами гнева или сладострастия значило бы с нашей стороны брать грех на душу; или лучше сказать, это было бы со стороны нашей несправедливостью по отношению к душе. Прислушайтесь, что говорит Лай в трагедии:

В твоём совете для меня ничего нет нового;

Не глупец я, чтоб не знать всего этого.

И все же что-то влечет меня к задуманному; ²⁷²

до такой степени можно поработить себя страстями. –
Медея подобное же восклицает на сцене:

Довольно знаю я, что затеваемое мною будет дурно;

Но гневом пересиливается во мне рассудок. ²⁷³

Не молчит и Аякс, готовясь наложить на себя руки. Он
взывает:

Нет, ничто не может так терзать душу свободного человека
Как незаслуженное бесчестие.

От него страдаю я; и глубокое оскорбление, мне нанесенное,

Меня взрывает до глубины души,

А в тело мне оно вонзает ядовитое жало бешенства. ²⁷⁴

Таков гнев. Чувственные страсти привели на трагическую сцену множество и других лиц, напр. Федру, Анфию, Эрюфилу,

За золото продавшую прежде столь любезного ей мужа. ²⁷⁵

Подобная же страсть комика Фразонида заставила сказать уже на другой (комической) сцене:

Ничтожная девчонка меня совсем поработила.

Несчастный же случай состоит в несогласовании расчетов нашего ума с требованиями рассудка; ошибочность же этих расчетов ума представляется несправедливостью, неправдой и неправильностью добровольными, и они в свою очередь суть добровольное зло. Итак, ошибки, погрешности или, что тоже, грехи совершаются мной хотя и по неразумию или вынужденности, но не вопреки моей воле. Потому-то и написано: *Грех не должен господствовать над вами, потому что вы более не под властью закона, но под благодатью (Рим.6:14)*, так говорит Апостол верующим, *потому что ранами Его мы исцелились (Ис.53:5; 1Петр.2:24)*. Несчастное же деяние есть действие, совершаемое кем-либо другим над мной против его воли. Следовательно только неправда и несправедливость вполне зависят от свободной воли, будет ли это свободная воля моя или же воля кого-либо другого.

Псалмопевец дает нам понять эту разницу между грехами, когда он называет блаженными тех, чьи неправды Господь загладил и чьи грехи покрыв, – кому одни из его ошибок не зачтены в вину, а от остальных кто оправдан. Ибо говорится: *Блаженны те, кому неправды их прощены и чьи грехи покрыты. Блажен человек, кому Богом не вменена его вина и который не скрывает обмана в своей душе (Пс.31:1,2; Рим.4:7,8)*. Это ничем ненарушимое, непреходящее и полное счастье нисходит (Рим.4:9) на избранников Божиих посредничеством Христа Иисуса, Господа нашего, ибо *любовь покрывает множество грехов (1Петр.4:8)*. Изглаживающим же

грехи состоит Бог, предпочитающий смерти грешника покаяние его (Иез.33:11). ²⁷⁶ Действия же, не зависящие от свободной нашей воли, вам не вменяются в вину. (Иное дело действия свободные). Ибо говорится, что уже и посмотревший на женщину с пожеланием у нее преступной склонности ищет (Мф.5:28). ²⁷⁷ Прощает же грехи Логос, просвещающий нас. И в это время, говорит Господь, будут искать неправды Израиля и их не будет. – греха Иуды и он не будет найден (Иер.50:20). Поелику кто как Я и кто устоит перед лицом Моим (Иер.49:19)? Видите, что возвещается только об одном Боге, и именно благом, Боге воздающем по заслугам и отпускающем грехи.

Св. Иоанн в обширнейшем из своих посланий учит кажется тому же, что существует разница между грехами. Он говорит: *Если кто видит брата своего, совершающего грех, не ведущий к смерти, пусть молится за него и Бог дарует жизнь этому человеку, грех которого, говорит Иоанн, не ведет к смерти. Но есть грех, ведущий к смерти, и я не говорю, чтобы о прощении этого греха кто-либо молился. Всякая неправда есть грех, и есть грех, не ведущий к смерти (1Ин.5:16,17).*

«Но и Давид ²⁷⁸, а еще ранее Давида Моисей, следующим образом раскрывают смысл ²⁷⁹ некоторых трех постановлений. Блажен муж, не пошедший на совет нечестивых и не уподобляющийся рыбам, живущим во мраке бездны; а это рыбы чешуи не имеющие, к которым Моисей и прикасаться запрещает. Блажен тот, кто не остановился на пути грешников. Он не похож на тех, которые лишь по видимому боятся Господа, на деле же на поросенка походят: и этот от голода верезжит, а когда сыт, то своего хозяина не узнает. Блажен тот, кто не садился на седалище людей испорченных (Пс.1:1), как если бы это была птица, какая всегда готовая броситься на добычу. Моисей же запрещает употребление в пищу мяса свиней, орла, ястреба, ворона и всех рыб, не имеющих чешуи» (Лев.11; Втор.14). Вот что читаем мы у Варнавы.

Что же до меня касается, то я слышал от человека сведущего в подобных вещах, что совет нечестивых

обозначает собой общество языческое, *путь грешников* пререкания евреев, а *седалище людей испорченных*, это ереси.

Другой же мне говорил еще вернее; он первое из трех этих ублажений применял к тем, кои не разделяют преступных мыслей, удаляющих от Бога; второе же к тем, кто не остался на *широкой и пространной дороге* (Мф.7:13) (жизни мирской), все равно были ли это воспитанные под древним законом или же отвергавшие заблуждения язычников. Что же до *седалища людей испорченных*, то под оным он разумел театры ²⁸⁰ и судилища, где люди всего более и научаются хождению под знаменами сил злых и смертоносных и участию в делах их. *Блажен тот, чья воля согласуется с законом Господним* (Пс.1:2). Св. Петр в своей «Проповеди» ²⁸¹ называет Господа именно Законом и Логосом.

(Мы соглашаемся со вторым из вышеприведенных толкований). Нам кажется, что Законодатель и иным образом учит нас, что греха должно различать три вида. Немыми рыбами Он указывает нам на грехи, относящиеся до употребления дара слова. Действительно есть случаи, когда «молчание предпочитать следует слову» ²⁸² и этот «почет молчания не подвержен никакой опасности» ²⁸³. Грехи дела он обозначает через речь о птицах, живущих мясом и хищничеством. Наконец свинья чувствует себя хорошо в грязи и нечистотах, чем обозначается: *Берегитесь осквернения совести* (1Кор.8:7). ²⁸⁴ Пророк прав следовательно говоря: *С нечестивыми же не так* ²⁸⁵, *Они похожи на солому, поднимаемую с земной поверхности ветром. Потому-то нечестивые и не восстанут в день суда* (Пс.1:4,5). Они осуждены уже, ибо тот, кто не верит, осужден уже и грешники не восстанут в собрании праведных (Ин.3:18). Грешники уже осуждены, так что не будут причислены к тем, кто жил не погрешая, ибо Бог знает, пути праведника, а путь нечестивца к смерти (Пс.1:5,6).

Указывая же нам средства к исцелению наших душевных болезней и грехов и устами пророка Иезекииля объявляя, что нам следовало бы целиться у своих пастырей, Господь сим самым снова с очевидностью показывает, что падения и грехи суть действия нашей воли. Из пастырей же, по-моему мнению,

Он обвиняет тех, которые не исполняли заповеданного им. *Вы не укрепляете слабых*, восклицает Он, и в этом же духе продолжает до слов: *И никто не разведывает о них; нет никого, кто бы приводил их назад* (Иез.34:4,6). Ибо велика бывает радость у Отца, говорит Господь, и из-за одного покаявшегося грешника (Лк.15:7,10,22–32). Вот почему Авраам тем достойнее похвал: он жил и действовал так, как говорил ему Господь. Отсюда-то один из Эллинских мудрецов заимствовал анафему: «Слушайся Бога». ²⁸⁶ *Благочестивые* же, говорит Исаия, *совещаща смыленное* (Ис.32:8). Совет же есть расследование, предпринимаемое с целью отыскания прямого пути среди налицо существующих обстоятельств; добрый же советник есть осторожность в рассуждениях.

Что же? Вскоре после прощения Каина и вследствие этого прощения Бог не явил ли на земле Эноха, сына покаяния и не показал ли Он тем самым, что раскаяние порождает прощение ²⁸⁷? Благодать же прощения состоит не в отпущении, а в исцелении. Это же произошло и с Аароном по слитии золотого тельца для народа. Отсюда это изречение Эллинского мудреца: «Прощение сильнее наказания». ²⁸⁸ Равным образом и поговорка: «Поручись за кого-нибудь и будешь в убытке» ²⁸⁹ внушена словами Соломона: *Сын мой, если ты поручился за ближнего твоего, то дал руку врагу. Ты опутал себя словами уст твоих, пойман ими* (Притч.6:1,2). Наконец изречение «Познай самого себя» еще более таинственным образом было почерпнуто из следующих слов: «Видевший своего брата видел Бога». ²⁹⁰ Потому-то *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, а ближнего твоего как самого себя. На двух сих заповедях утверждается весь закон и пророки* (Лк.10:27; Мф.22:37,39,40; Мк.12:30). Следующие за этими слова содержат тот же смысл, что и предыдущие: *Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет. Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга как Я возлюбил вас* (Ин.15:11,12), ибо щедр и милостив Господь (Пс.102:8; 110:4); и Он Господь есть Христос ²⁹¹ для всех. Моисей, чтобы яснее внушать нам изречение: «Познай самого себя», часто повторяет: *следи за собой* (Быт.24:6; Исх.10:28;

34:12; Втор.4:9; 15:9). ²⁹² Итак, грехи бывают заглаживаемы милостынями ²⁹³ и верой; а страх Божий отклоняет человека от зла. Итак, *страх Божий есть премудрость и знание* (Сир.1:27).

16. Как следует понимать места свящ. Писания, в которых приписываются Богу человеческие страсти?

Здесь наши обвинители снова поднимают крик, утверждая, что горе и радость суть душевные страсти. По их пониманию радость есть порыв души согласный с рассудком; ликование же есть де радость, испытываемая нами при виде прекрасного и честного; а милосердие есть печаль, внушаемая нам зрелищем незаслуженного несчастья; «всеми впечатлениями, приближающимися к названным, прибавляют они, уже вносятся в душу изменения и потрясения». Но не лучше ли сказать, что вдаваясь в такого рода мудрования, мы лишь то, как кажется, доказываем сим, что все еще не перестаем свящ. Писание понимать очень чувственно и плотски, и поблажая своим страстям думаем, что и бесстрастного Бога воля подобно нашей подвержена беспорядочным движениям. Но допускать, что во Всемогущем есть процессы, подобные совершающимся в каждом из нас; предполагать, что Бог напр. слушает подобно как мы слышим, было бы одним из нечестивейших заблуждений, так как существо Божие определить невозможно. И если пророки и постигали Бога, и говорили о Нем, то постигали и говорили о предмете сем только в той мере, в какой это для нас, рабов плоти, было возможно; они учили, что если Господь в некоторых случаях и применяется к нашей слабости, то лишь из спасительного к нам людям снисхождения. И так как воля Божия на то обращена, чтобы спасти всех людей, как хранящих заповеди, так и раскаивающихся в своих грехах, то мы и радуемся своему спасению. Эту радость, собственно нам свойственную, Господь, когда говорит устами пророков, усваивает Себе, как если бы это была Его собственная радость. Так напр. Он, источник милосердия, говорит в Евангелии: *Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал Я, и вы дали Мне пить: ибо что сделали вы для одного из малых сих, то для Меня сделали* (Мф.25:35,40). Подобно тому как Бог потому только, что бедный

согласно с Его волею накормлен, пребывает довольным, хотя и не питается, подобно этому и радуется Он, не испытывая никаких изменений в своем бесстрастии, хотя собственно говоря радуется человек раскаявшийся, как требовала того воля Божия. Бог богатый милосердием уже по силе своей благодати то через закон и пророки, то еще непосредственное через ниспослание своего Сына на землю, дает нам заповеди, в лице вестников своей воли нам посылает спасение и милосердует о нас; как сам о том Он говорит к тем, над коими умилился.

Если дело касается сострадания, то (и по естественному рассуждению следует, что) собственно говоря оное чувствовать может только высший к низшему; но нет ни одного человека, который в качестве человека был бы выше другого, и только Бог один во всем выше человека; а если так, то только Богу значит свойственно являть и милосердие к человеку.

Отверзать всем руку учит человека правосудие; и если он дарами, им полученными от Бога, делится с другими, то делает он это уже и по естественной расположенности к благожелательности и по верности заповедям. «Бог же по своей природе не имеет ничего сходного с нами, как утверждают то ересиархи; и это как в том случае, если Он творил из ничего, так и в том, если Он работал из материи готовой, уже ранее существовавшей.²⁹⁴ В первом случае ничто равнозначительно отсутствию всякого бытия, а во втором материя должна быть признана совершенно отличной от Божества, разве кто сделает из человека часть Божества²⁹⁵ и существо Ему единосущное». Но человек подобный Богу и Ему единосущный, это две вещи различные. По правде сказать, я и не понимаю, каким это образом в Богословии можно высказывать хладнокровно такие воззрения, особенно если бросить взгляд на нашу жизнь и на бедствия, которыми она полна. Итак, это кощунство утверждать, что Бог некоторыми частями своего существа грешить может, будто Он на части разнимаем и будто целое существо Его из частей слагается. Целое Божественного существа не может быть представляемо составным, и никаких частей в Боге нет.

(Не лучше ли вместо всех этих еретических мудрований мыслить так)? Так как Бог по своему существу богат милосердием, то по силе своей благодати Он бодрствует над нами, которые со стороны естественной не состоим по частям Его, ни сыновьями. Величайшим доказательством благодати Божией конечно то именно и состоит, что несмотря на подчиненное положение, нами занимаемое по отношению к Нему и несмотря на полнейшую чуждость Ему нашей природы ²⁹⁶, все таки Он заботится о нас. Привязанность животных к своим детям, равно как дружба, возникающая из ежедневных сношений между двумя умами, которые проникнуты одинаковыми чувствами, основаны на взаимной ²⁹⁷ связи естественной; Божественное же милосердие изливается на нас в изобилии, хотя с Богом мы и не имеем никакого сходства ни по существу нашему, ни по происхождению и ни по каким-либо особенным свойствам нашим, разве только по тому одному, что мы дело творческой воли Его. И теперь кто свободно при содействии учения и наставлений доходит до познания истины, того Бог призывает воспользоваться правом усыновления Ему, важнейшим из всех прогрессов. *Нечестивый отовсюду окружен собственными беззакониями своими; он живет закованным в узы грехов своих (Притч.5:22)* и не может их Богу вменить в вину. ²⁹⁸ И в самом деле *блажен человек, всегда проникнутый духом благоговейного страха (Притч.18:14)*.

17. Различные виды познания

Подобно тому как знание собою предполагает известное состояние человека познающего, коим обусловливается возможность познавать подлежащее познанию; и состояние это такого рода, что познание в этом состоянии добытое получает для разума характер неразрушимости ²⁹⁹: подобно этому и невежество предполагает собою состояние духа неустойчивое, откуда происходит, что и мнения людей невежественных рассеиваются как дым под влиянием света разума. Но приобретение как тех познаний, кои разумом могут быть разрушаемы, так и тех, кои могут быть им устанавливаемы и утверждаемы, зависит от нас.

Со знанием находится в связке еще опыт, потом здравомыслие, далее честное сопоставление, еще далее постижение или умозрение и за тем познание, гносис. И здравомыслие или рассудительность есть собственно познание всего, доходящее до различения видов. Опыт до мельчайших подробностей занимается изучением свойств познаваемых предметов. Постигание или умозрение обращено может быть на предметы лишь умом постижимые. Сопоставление состоит в точном опознании вещей, имеющих между собой соотношение, или указание на такое их между собой совпадение, которое неоспоримо, непреложно и неопровержимо; иначе сказать, это способность группировать предметы, составляющие содержание мудрости и знания, все равно, будет ли дело касаться одного какого-либо предмета, или нескольких или всех подводимых под одну категорию. Гносис же, познание есть разумение, проникновение в самую сущность предмета, или сведение о нем согласное с законами бытия его. Истина же (истинное учение) есть основательное познание и понимание истинного. Состав же истинного учения объемлет собой сведения о всех вещах истинных. Знание сильно лишь разумностью, и разумное знание одного человека разумом никакого другого человека ниспровергнуто быть не может;

достигши сего пункта оно переходит уже в гносис, в постепенно все полнее и глубже развивающееся познание.

Когда мы воздерживаемся от какого-либо действия, то происходит это или вследствие невозможности или по нежеланию или вследствие того и другого вместе. Напр. мы не летаем; это потому, что мы не можем и не хотим летать. Не плаваем же мы, – по крайней мере в эту минуту, – потому, что хотя и имеем возможность к этому, но не хотим. Мы не походим на Господа: часто мы хотим того и другого, но не в состоянии того выполнить. Ибо *никакой ученик не может быть выше своего учителя; достаточно с нас и того, если походить будем на Господа нашего* (Мф.10:24,25; Лк.6:40), и все же не по существу, – это и невозможно, чтобы усыновлением нам сообщено было существо такое же, каким наделяет нас природа. – но потому, что мы облечены бессмертием, потому что мы допущены к созерцанию существующего, потому что мы наименованы сынами и познаем Отца явственно и в раздельности от того, что имеет (лишь) отношение к Нему.

Итак, воля всему предшествует, умственные же способности представляют из себя лишь служебные силы ее. *Если хочешь*, говорит Господь, *то и можешь* (Мк.1:40; Ин.5:6). У гностика именно так, и воля и суждение и деятельность составляют одно целое. Потому что если намерения тождественны самим себе, (согласны с природой воли), то согласны будут с самими собой и учение и суждения; и вот почему и слова и жизнь и все поведение гностика согласны с заповедями. *Сердце правое заботливо собирает знания и усваивает оные. Бог научил же меня премудрости и я имею познания святых* (Притч.30:3).

18. Закон Моисеев состоит источником всех нравственных учений; из него и Эллинами их иффика

Очень ясно, что и все иные добродетели, заповеданные в книгах Моисеевых, послужили для Эллинов исходным пунктом нравственной стороны их учения. Именно Моисеевскими законоположениями руководились они во всем том, что писалось у них о мужестве, об умеренности, об осмотрительности, о справедливости, о покорности

судьбе и терпении, о честности, о воздержности и о благочестии, собой превосходящем все эти добродетели. Но конечно никто в том не сомневается, что только благочестие нас проникает благоговением перед верховной и первоначальной из всех причин и заставляет поклоняться ей. Тот же Моисеев закон внушает нам справедливость и нас учит осторожности, заповедуя нам избегать служения бесчувственным и бессмысленным идолам, а вместо этого, через изображение перед нами судеб народа Божия, призванного быть *частью Господней, наследственным уделом Божиим* (Втор.32:8,9), склоняя нас к познанию Творца и Отца всех вещей. О сокровище разума! Из сего догмата, как бы из источника, проистекают и всякое другое ведение, совесть и разумение. Ибо что находим мы там? А то, что *жертвы нечестивых суть мерзость перед Господом, молитвы же праведных приемлются Им* (Притч.15:8), ибо праведность Господу любезнее чем жертва (Ос.6:6; Мф.9:13; 12:7). Подобное читаем мы и у Исаии: *К чему Мне множество жертв ваших, говорит Господь* (Ис.1:11) и за тем все следующее в том же отделении книги. *Порвите все связи с неправдой* (Ис.58:6). *Жертва Богу приятная – дух сокрушенный* (печалью о грехе) *и сердце ищущее Творца* (Пс.50:19; 33:19). *Мерзость перед Господом весы неверные, а вес правильный приятен Ему* (Притч.11:1). Отсюда и символическое это изречение Пифагора: «Меры весов (или безмена) не нарушай». ³⁰⁰ Праведность же ложную составляет содержание учений еретических. *Язык злых, говорит Писание, иссохнет, праведных же уста будут источать премудрость* (Притч.10:31), хотя злые и называют рассудительных и предусмотрительных людьми жалкими. Потребовалось бы слишком много времени на более обстоятельное изображение величия сих добродетелей. Все свящ. Писание есть не что иное как непрерывный им гимн.

Определяют мужество так, что это де есть знакомство с вещами опасными и неопасными и занимающими между ними середину. Благоразумие же есть де такого рода поведение, при коем человек наблюдает правила

предусмотрительности и уклоняется от положений сомнительных. К мужеству относится далее терпение или постоянное сдерживание себя, состоящее в знании, какие вещи следует переносить и каких не следует. Сюда же относится великодушие, по силе которого человек держит себя выше событий. Но и с благоразумием союза осмотрительность, осторожность, следующая советам рассудка уклончивость от некоторых вещей из страха и робости перед ними. Средством же для обезопасения своей жизни и к снисканию себе спокойствия есть соблюдение заповедей, всегда безвредное. Без мужества нельзя быть сдержанным или терпеливым, без благоразумия и умеренности не мыслим человек воздержанный. Добродетели между собою имеют взаимную связь и одна из другой рождаются; а кто осуществляет своей жизнью целый ряд добродетелей, тот состоит и на пути спасительном, представляющем собой непрерывное удерживание за собой известного блага. Отсюда с естественностью следует, что если мы зрело обсудили названный ряд добродетелей, то здраво опознали свое положение в среде и всех прочих добродетелей. Ибо кто подобно гностику через обстоятельное знакомство и практическое осуществление содержит одну из сих добродетелей, тот располагает и всеми ими по силе взаимного их сродства между собою.

Воздержанность есть расположение души, никогда не преступающее границ здравого рассудка. Воздержным же бывает тот, кто сдерживает стремления, несогласные с здравым разумом и кто владеет собой настолько, что желает только праведного и честного. И самое это сдерживание пожеланий и страстей немыслимо без мужества, потому что из верности заповедям проистекает благоразумие, повинующееся все устрояющему верховному законодателю Богу, и праведность, следующая Божественным повелениям. ³⁰¹ Как скоро эта праведность укрепила нас в воздержании, очищенные тогда мы склоняемся к благочестию и деятельности, согласной с волей Божьей, содейываясь, насколько к этому способна наша немощная и смертная природа, Богу подобными. Достигнуть сей цели, это значит быть праведным и святым с

мудростью. Бог не имеет ни нужд никаких ни страстей; следовательно Он не может быть воздержным в собственном смысле этого слова, ибо Он не впадает ни в какое искушение, которое должен был бы преодолевать. Наша же природа, волнуемая страстями, нуждается в воздержности. Именно через сию-то воздержность, научившись довольствоваться малым, она старается своими расположениями возвыситься до природы Божественной. Ибо человек добродетельный довольствуется малым по силе мысли, что он живет на границе, разделяющей природу бессмертную от смертной.³⁰² Нужды человека происходят от тела и от материальности его начала, воздержность же учит человека с помощью рассудка ограничивать эти требования. Ибо какой смысл закона, запрещающего *мужчине надевать женское платье* (Втор.22:5)? Чего через сие желает он иного, как не того, чтобы мы были мужчинами³⁰³, никогда не изнеживаясь ни по своему телу ни по действиям, ни по образу мыслей и расположений, ни на словах? Он хочет, чтобы ревнитель истины вооружал свой характер мужеством во всех тех случаях, где требуется терпение и покорность; и это как в поведении своем так и в нравах, в речах и в действиях, ночью как и днем; и эхо даже и в том случае, если бы пришлось засвидетельствовать преданность истине ценой даже своей крови. Вот чего требует закон. Он добавляет: *Если кто построил новый дом, но не жил еще в нем; если кто насадил виноградник, но еще не собрал плодов с него; если кто, быв обручен с девицей, еще не женился на ней* (Втор.20:5 – 7)³⁰⁴, *те свободны от войны*. По своей человечности закон заповедует таких освободить от воинской повинности. Благоразумно и полководчески – предусмотрительно здесь закон боится, чтобы увлеченные посторонними заботами не отнеслись мы к делу войны без усердия, ибо солдат, не занятый никакой посторонней мыслью, идет неустрашимо на встречу всем опасностям. С другой стороны человеколюбивость закона приняла во внимание неверность шансов на войне и он решил, что было бы несправедливо одному не дать возможности насладиться плодами трудов своих, а предоставить добро, трудом

приобретенное, собрать другому без труда. Но в тоже время закон внушает душе как будто и мужество, заповедуя, чтобы посеявшему была дана возможность пожать, построившему жить в постройке, посватавшемуся вступить в брак ³⁰⁵; закон не обманывает надежд тех, кто шел путями истинного гностика. *Надежда праведника не погибает, все равно жив он или умер (Притч.11:7). Любящих Меня люблю Я, говорит Премудрость, и ищущие Меня найдут мир (Притч.8:17; 16:5).*

И что же? Жены Маданитян своей красотой разве не воспользовались на то, чтобы воевавших с их нацией Евреев заставить перейти от умеренности к невоздержности и от невоздержности к нечестию (Чис.25; Втор.4; Пс.105)? Приобретши же в лице Евреев себе друзей, Маданитские казотки от жизни строгой и честной увлекли их своей красотой к удовольствиям эротическим, с особенною некою яростью стали побуждать их к жертвам идольским и вызывать любовь к чужестранкам. Победенные двойным этим противником, женами и удовольствиями, Евреи оставили Бога, закон и, благодаря этой военной хитрости женщин, чуть было не предали в руки врагов весь народ, пока наконец спасительные предостережения страха не остановили их на краю бездны. Тогда оставшиеся Евреи тотчас же за благочестие и веру мужественно вступили с врагом в битву и остались их победителями. *Служение Богу значит состоит началом премудрости, знание же состоит в почтении перед вещами священными и охранении их, ибо такое знание закона есть достояние ума благородного (Притч.9:10).* Представляющие себе закон чем-то внушающим к себе страх, связанный со смущением, ни понимания его через это не обнаруживают, ни в дух его в действительности не проникают. *Страх Господень животворит. А кто заблуждается, тот насадится в трудах, кои познанием не одобряются (Притч.19:23).* Несомненно, что в этом таинственном смысле надлежит понимать слова Варнавы: «Да даст вам Бог, Владыка всего мира, – говорит он, – премудрость и разумение, познание, ведение оправданий Его и устойчивость в добре. Будьте верными учениками Господними, исследуя, чего требует от вас Господь, дабы в

день судный противостоять вам ненавистникам сих добродетелей». ³⁰⁶ Приблизившихся к сей цели Варнава гностически называет «чадами любви и милосердия».

Что касается до щедрости и общения имуществ, то так как пришлось бы говорить о сем очень много, достаточно будет только то заметить здесь, что отдача денег в рост законом Моисеевым между братьями запрещается. А кого понимает он под братом ³⁰⁷? Не только того, кто родился от одних и тех же родителей, но и того, кто относится к одному и тому же племени, держится одной с нами веры, говорит одним с нами языком. Закон полагал, что несправедливо из своих богатств извлекать доход ростовщицеством; напротив он хочет, чтобы мы расточали милостыню полными горстями и с сердцем открытым для всех, кто находится в нужде. Ибо Бог есть Установитель и сей благосклонности. Человек охотно дающий получает достаточно богатый процент уже в виде благ, более всего ценных, в образе кротости, добродушия, великодушия, доброго имени и себе похвал. Не правда ли: как человечна эта заповедь? Точно так же и из другого наставления: *Плата бедняку должна быть ему вручаема в тот же день* (Лев.19:13; Втор.24:14,15) мы научаемся, что не следует ни минуты задерживать платы слугам нашим; иначе, – если не останется хлеба бедняку, – на работе следующего дня ослабнет усердие его. Закон прибавляет далее: *Заимодавец да не входит в дом должника, чтоб насильно взять у него залог за долг; пусть он постоит на улице, в ожидании покуда получивший займы сам вынесет из дома залог свой* (Втор.24:10,11). Получающий же займы не должен отказываться от выдачи залога, если имеет его. Закон запрещает еще владельцу поля поднимать во время жатвы колосья, выпавшие из снопов; точно так же и жнецам он советует оставлять за собою несколько колосьев не сжатыми (Лев.19:9; 23:22; Втор.24:19): двойное благодеяние со стороны закона; с одной стороны он побуждает к щедрости и к уделению от своего имущества владельца, понуждая его оставлять нечто и нуждающимся; с другой стороны бедности он доставляет средства к существованию. Видите, как закон в одно и тоже время провозглашает и правосудие и благодать Божию,

которые всем доставляют в изобилии пропитание. Та же внимательность к бедным обнаруживается и в заповеди касательно сбора винограда. Владелец не должен ни возвращаться за забытыми гроздьями ни поднимать упавшие (Лев.19:10; Втор.24:20,21). В равной мере эта заповедь прилагается к собирателям и олив. Наконец десятина с плодов и со стад (Лев.22:30,32; Чис.18:21,22) учила Евреев благодарности к Богу и не одну страсть лишь к прибыли питать всем, а и ближнего через человечность допускать до участия в благодеяниях неба. Этими десятинами и начатками (от скота и плодов), нужно думать, содержались священники.

Итак, можно кажется понять теперь, что закон учит благочестию, уделению от наших благ справедливости, милосердию. Не он ли повелевает на 7-й год поле оставлять запущенным (Исх.23:10,11; Лев.25:2–7), дабы бедняк без возбранения мог пользоваться произведениями, какими Бог ее на тот год покроет, потому что сама природа брала на себя в этот год обработку поля для тех, кому угодно было воспользоваться ее щедротами.³⁰⁸ Как же после этого возможно отказывать закону в благости и утверждать, будто он не учит справедливости. Относительно 50-го года он предписывает то же, что и касательно 7-го (Лев.25:8,9). Кроме того каждому в этот год закон возвращает его землю, если в этот промежуток времени она была отчуждена у него по какой-либо грустной необходимости; таким образом через назначение срока для пользования землей закон ограничивает алчность тех, кто жаждет приобретений; он оказывает сострадание к тем, кто был наказан долгой нуждой и не желает, чтобы наказание это длилось через всю их жизнь. *Милость и истина охраняют царя (Притч.20:28; 3:3). Благословение покоится на голове дающего (Притч.11:26); тот, кто сжалится над бедным, будет счастлив (Притч.14:21)*, ибо он оказывает любовь ближнему во имя той любви, которая связывает Творца с человеческим родом.

Заповеди нами только что затронутые имеют в виду еще и другие поучительные стороны, не менее согласные с природой, а именно метят на внедрение в народе

покоя и получение родового наследства; но бесполезно о сем было бы говорить здесь.

Любовь понимается различно. То кротостью она обнаруживается, то добродушием, то терпением, то отсутствием всякого чувства зависти; ревности или ненависти и забвением обид. Она в одно и тоже время находится во всех и всяком, – так однако же, что нельзя сказать, что скорее здесь ее больше нежели в другом месте; она любит распространяться и сообщаться. Закон говорит еще: «Если ты встретишь ³⁰⁹ в пустыне заблудившееся выючное животное, принадлежащее кому-либо из близких тебе или одному из твоих друзей или вообще человеку тебе знакомому, то приведши оное назад возврати по принадлежности. Если же случится, что хозяин животного отлучился из страны, то содержи его животное вместе со своими до возвращения хозяина его и потом возврати ему». Закон учит здесь столь естественной общности интересов; на найденное мы должны смотреть как на отданное нам временно на сохранение; и обид, нам нанесенных даже врагом нашим, мы не должны помнить. *Заповедь Господня, состоя истинным источником жизни, удаляет (нас) от сетей смерти* (Притч.14:27). Но что же? Разве закон не повелевает и иностранцев любить так же, как любим мы самих себя, а не просто как друзей и людей нам близких и по душе и по телу (Срав. Исх.22:21; 23:9; Лев.19:10,33,34; Чис.15:12,13 и у Филона). И что я говорю! Закон чтит и язычников, воспрещая относиться с ненавистью даже к тем, кои преследовали Израиля. Посему он ясно говорит: *Не гнушайся Египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его* (Втор.23:7), разумея под Египтянином или самих Египтян или вообще и всякого другого иностранца. ³¹⁰ Наконец вот враги (Втор.20:10). Они уже подступили к городским стенам и намереваются взять город. Закон же и в них еще не видит врагов. Он советует послать к ним переговорщиков с предложением мира. И оскорбительное обращение с пленницей он запрещает (Втор.21:10 и дал.). «Давши ей тридцать дней плакать, сколько хочется, говорит закон, затем сними с нее траурные одежды и живи с ней как с законной женой». Ибо

закон требует, чтобы мужчина сходил с женщиной не для удовлетворения животной страсти и не за цену постыдной платы, как с гетерами, а только для рождения детей. ³¹¹ Смотрите, какое соединение сдерживания с человечностью! Господину, увлеченному страстью к своей пленнице, он не сразу отдает ее для удовлетворения страсти; он дает установиться желанию в течение определенного промежутка времени. Кроме того он предписывает обстригать волосы пленнице, дабы господин стыдился своей постыдной страсти; если же брак ему и здравым смыслом советуется, то он удержит при себе пленную женщину не смотря и на униженность ее. Потом, когда желание исполнилось и если господин не считал бы для себя более нужным жить со своей пленницей, то не только ему не дозволяется продавать ее, но он не может ее оставить даже служанкой у себя: закон требует ее освобождения и избавления от всякого рабства из опасения, чтобы в случае введения в дом еще новой женщины ревность первой не причинила ей жестокого горя.

Но что еще я слышу? Господь заповедует нам даже еще облегчать выючных животных нашего врага, когда они обременены непосильной тяжестью и помогать им встать; когда они под давлением ее падают (срав. Исх.23:4,5; Втор.22:4). Издалека не тому ли Он учит нас через это, что не следует радоваться бедствиям других, ни несчастьями наших врагов тешиться? И это для того конечно, чтобы через упражнение в сих добродетелях подготовить народ к восприятию впоследствии заповеди даже еще молиться за врагов. Не следует ни завидовать счастью наших ближних, ни огорчаться оным, ни удовольствие чувствовать при виде их несчастья. «И если бы, говорит Господь, принадлежащее врагу твоему выючное животное заблудилось и ты нашел бы его, то забудь все поводы ко вражде и приведши домой отдай его». Истинная честность забывает обиды, и прекращение вражды следует за ней как тень за телом. Именно из такого-то образа действий и развивается общественное согласие, а потом оно вводит нас в блаженство. И если бы напр. В посещенном тобой человеке заметил ты ненависть к себе или если бы ты открыл,

что жаден он или не может сдерживать своего гнева, то предшествуй ему своим примером в образе жизни лучшим.

После всего сказанного не находите ли вы ветхозаветный закон человеческим и благотворным, этот закон, который как детей нас приводит ко Христу Иисусу (Гал.3:24)? А вместе с сим не открываются ли из него и Божественные благодать и правосудие? Не с самого ли начала мира и даже до последних времен сих Бог целесообразно промышлял о каждом поколении, устрояя спасение его? *Будьте милосерды, говорит Господь, чтобы и к вам были милосерды; прощайте грехи, чтобы и вам ваши были прощены. Как вы с другими поступаете, так и с вами будет поступлено. Как вы даете, так и вам воздастся. Как судите вы, так будут судить и вас. С каким добросердечием будете относиться к другим вы, с таким же будут относиться и к вам. Мерой, какой даете вы, будет и вам возвращено* (Мф.5;6;7; Лк.6).

Закон далее запрещает презрительное обращение с такими людьми, которые хотя и были рождены свободными, но коих нужда заставила себя продать в неволю: он все еще охраняет за ними права свободных людей (Лев.25:39,40 и д.; Исх.21:2,3 и д.; Втор.15:12,13 и д.). И тем, кто доведен был долгами до рабства, на 7-й год он дарует полную свободу. И что я говорю? Закон заповедует освобождать от наказания, молящего о пощаде. Глубокой истинностью, следовательно, дышат эти изречения: *Как золото и серебро испытываются в горниле, так Господь очищает сердца избранных* (Притч.17:3). *Человек милосердый великодушен* (Притч.19:11). *Всякому заботливому свойственно известная доля мудрости* (Притч.14:23). *Ибо заботливость свойственна лишь мужу разумному* (Притч.17:12). *И кто заботлив и печен, тот жизнь найдет. И кто Бога ищет, тот обретет познание с праведностью.* Искавшие же Его честно мир обрели.

Но мне кажется, что и Пифагор при постановлении о кротком обращении с животными имел одинаковую с Моисеевым законом цель. Из сострадания к отцу и матери он даже и под предлогом жертвы не позволял трогать для употребления в пищу новорожденных у овец, у коз и телиц;

законодатель желал, чтобы через снисходительность к неразумным животным человек возвышался до кротости до отношению и к ближним. «Оставляйте, говорит он, при матери ее дитя по крайней мере в течение первых семи дней, ибо если ничто не совершается без причины и если в вымя животного, имеющего детей притекает в изобилии молоко для питания их, то отнимать детей у матери в период кормления было бы оскорблением природы». ³¹²

Стыдитесь же, Эллины и вы все к ним присоединяющиеся в нападках на закон: он оказывается сострадательным даже к животным, лишенным рассудка, тогда как хулители закона подкидывают детей даже человеческих. И однако же закон за много лет перед сим осудил сие варварство пророческой заповедью. О, если он запрещает разлучать мать и детенышей в период кормления, то тем больше причин он имеет вооружаться благовременными предписаниями против жестокого и безжалостного зверства людей, дабы почитали они по крайней мере закон, если не хотят отречься от оскорбления природы. И еще имеет некоторое извинительное основание разлучать с матерью козлят и ягнят, так как мясом их дозволено питаться. Но что за основание подкидывать детей? Следовало бы вовсе не допускать и до брака того человека, который с самого начала отступает перед отцовскими обязанностями; это смысленнее чем допускать его до удовлетворения необузданных своих желаний лишь за тем, чтобы после дать ему возможность сделаться детоубийцей.

В доброжелательности своих расположений закон запрещает еще в один и тот же день приносить в жертву детеныша и мать. Потому-то у древних Римлян, в случае осуждения на смерть беременной женщины, предписывалось казнь приводить в исполнение только после рождения ею дитяти. Итак, если плодом животного закон не прежде позволяет пользоваться, как по рождении, то тем более. хотя и косвенным образом, он сдерживает сим жестокость людей в их отношениях друг к другу. Закон простирает кротость даже к животным, чтобы через поучение нас кротости по отношению к существам, не состоящим нашими ближними

внушить нам еще большее сострадание к братьям. Те же, кои перед закланием некоторых животных пинают их в непраздное чрево, чтобы мясо, орошено будучи молоком, представляло из себя впоследствии пищу более вкусную, (Плутарх De esu carn.2), из чрева (matricis), созданного для размножения, делают для содержимого им плода могилу. Но закон даже такое запрещение содержит: *Не варите ягненка в молоке его матери* (Втор.14:21): противоестественное дело из молока, служащего живому животному пищей, делать приправу к животному убитому; не нормально источнику жизни служить к разрушению тела. (Тем паче законом воспрещается, значит, вышеназванное варварство).

Тот же закон запрещает *завязывать морду у вола мнущего колосья*, потому что *трудящийся достоин пропитания* (Мф.10:10; Лк. 10:7; 1Тим.5:18; Втор.25:4).

В той же книге (Втор.22:10) запрещается запрягать вместе для возделывания земли вола и осла. Может быть закон здесь принимает во внимание несходство между этими двумя животными. Но без сомнения в тоже время он осуждает и несправедливость к иностранцам и воспрещает порабощать кого-либо из них. Если нет против него никаких других улик кроме различия племени: происхождение никому нельзя поставлять в вину; это не порок ведь, но и не следствие порока. Что до меня касается, то я склонен видеть здесь кроме того еще аллегорию, смысл которой состоит в том, что не следует допускать до пользования вразумлениями Логоса безразлично человека чистого и нечистого, верного и неверного. В самом деле: одно из этих животных чистое, это вол; а осел признан за животное нечистое.

По чрезмерной благожелательности и благодати Логос (закон) учит нас, что не только не следует срубить деревьев со съедобными плодами (Втор.20:19,20) или снимать хлеб до времени жатвы с целью просто только разрушения, но ниже вообще портить плоды поля как неодушевленного, так и одушевленного (Втор.20:14). Он не позволяет нам опустошения страны даже и вражеской.

Земледельцы могут даже прямо воспользоваться предписаниями закона. Он требует в течение трех последовательных лет весьма заботливого ухода за вновь посаженными деревьями: должны ненужные ростки быть обрезаемы из опасения, как бы деревья не упали под лишней тяжестью и чтобы вследствие разделения древесных соков на множество мелких струек, не удовлетворяющих потребностям каждой из веток, не произошло их ослабления. «Возвращайтесь и окапывайте землю вокруг этих молодых растений, говорит далее закон, чтобы ничто не возвышалось около них и не останавливало роста их».

Закон не позволяет также снимать с деревьев не вполне развившихся плоды недоразвившиеся, но только три года спустя, когда дерево будет в полном росте и когда начатки плодов будут принесены в жертву Богу. Это правило садоводства имеет целью научить нас, что отростки грехов и сорные травы мысли, растущие вместе с первоначальным плодом, должны быть вырываемы и искореняемы до тех пор, пока зерно нашей веры не достигнет развития и полной своей силы. Ибо на четвертый год, – так и оглашенному нужно время для утверждения в учении, – новообращенный посвящается Богу четверицею добродетелей, так как Троица присоединяется тогда к четвертой ипостаси Господа.³¹³ Но жертва хвалебная выше умиловительной³¹⁴, ибо сам Бог, говорит закон, *дает тебе силу упражнять твои власть и способности* (Втор.8:18). Но если вещи тебе освещены (новым) светом, то теперь, когда мы укреплены и обновлены, явим силу свою через обнаружение познания. Цель закона именно в научении нас тому и состоит, что блага и дары (в сем мире) разделены между нами рукою Божией и что мы в качестве слуг Божественной благодати должны озабочиваться распространением ее благодеяний, обращая к добру и честности всех, с нами сближающихся, так чтобы умеренный расширял около себя круг воздержных, мужественный – великодушных, мудрый – разумных и правдивый – праведных.

19. Истинный мудрец (гностик) главным образом через благотворительность оказывается подражателем Богу

Вот портрет истинного гностика, воплощающего в себе образ и подобие Божии. ³¹⁵ При подражании Богу, насколько это для нашей слабости возможно, он ничего не оставляет, что может впечатлеть на нем подобие Божие. Он воздержен, постоянен, заботится об осуществлении в своей жизни праведности, господствует над своими страстями; тем, что имеет, делится с другими, около себя и словом и делом распространяя в меру средств своих добро. *Кто сотворит и научит*, говорит Господь, Богу подражая через разлитие около себя благотворительности, *тот великий наречется в царствии* (Мф.5:19). (Говорится о царстве), ибо божественные благодеяния общепользны. ³¹⁶ *А кто предпринимает что-либо по (личной) гордости*, говорит закон, *тот прогневляет Бога* (Чис.15:30). Самомнение есть непотребство души ³¹⁷ и от него, равно как и от питания в себе других недостойных человека низших свойств, закон заповедует исправляться раскаянием ³¹⁸, вносить же стройность и порядок в свой образ жизни и сообщать ей лучшее направление через обуздание особенно трех из наших членов: уст, сердца и рук. Именно эти органы состоят ведь знаками и символами, рука – действия, сердце – расположений, уста – слова. Справедливо посему сказано о кающихся ³¹⁹ это изречение: *Ныне избрал ты Бога, чтобы Он был твоим Богом; и Господь ныне избрал тебя, чтобы ты был Его народом* (Втор.26:17,18). Ибо человека, обратившего все свои заботы на почитание Бога, Он из состояния рабского возвышает до звания друга. И хотя бы такой почитатель Бога и один был, все равно Бог чествует его сим именем, как если бы, *то* был целый народ. Ибо в качестве части народа он состоит представителем всей совокупности его и возвращаясь в среду его собой пополняет в нем недостаток людей лучших. Иногда и целым ведь заимствуется имя от своей части. Истинное благородство ³²⁰ образа мыслей и расположений обнаруживается лишь в выборе и осуществлении прекраснейшего. К чему послужило Адаму без этого благородства действий все его иного рода благородство,

благородство происхождения, то именно, что отцом его не был кто-либо смертный? ³²¹ Какая польза ему от того была, что он не имел другого отца кроме Бога, сам же был отцом всех человеческих поколений? Послушавшись совета жены, он алчно, пренебрегши истинным и честным, избрал постыдное ³²², променяв хотя и не навсегда ³²³ бессмертие на смерть. Ной же, явившийся на земле по естественным законам рождения, а не сверхъестественно как Адам, за то что он добровольно предался воле Божией и себя посвятил Богу ³²⁴, Божественным провидением был спасен. Воззрите на Авраама! От трех своих жен он имел детей, но дети сии не были плодом сладострастия, а — как я полагаю — желания поскорее, умножить род человеческий в начале мира. ³²⁵ Один из этих сыновей наследовал отцу, остальные же были отделены от фамильного колена. ³²⁶ Но и из близнецов, родившихся у него ³²⁷, который из сыновей наследует? Младший, приобретший угодливостью расположение отца и получивший его благословение. Старший же становится рабом младшего, ибо величайшее благодеяние злодею это лишить его свободы. Такая диспозиция событий имеет значение пророчесственное, но вместе и символическое, потому что мудрому принадлежит все. ³²⁸ Сие ясно открывается нам и свящ. Писанием, которое говорит: *Так как Бог умилосердился надо мною, то есть у меня все* (Быт.33:11). Через это оно учит нас только к Богу стремиться, которым существует все и который дает свои обетования лишь достойным их. Со свойственной ему Божественной мудростью человека добродетельного Писание изображает перед нами наследником царства и согражданином древних праведников, являвшихся и прежде дарования закона и после, но все равно живших согласно с законом; действия их посему и до сих пор для нас служат законом.

Свящ. Писание далее учит нас, что мудрец есть царь. ³²⁹ Так оно выводит людей племени чуждого говорящими ему: *Среди нас ты данный нам Богом царь* (Быт.23:6) ³³⁰, потому что добровольное в образе мыслей и расположений соревнование других людей праведнику их подчиняет ему. Философ Платон говорит, что последний предел блаженства есть, — насколько это

возможно для человека, – уподобление Богу ³³¹ или через согласование своей жизни с предписаниями закона, – ибо души великие и от страстей свободные ³³², по выражению Пифагорейца Филона ³³³ в изложении им жизни Моисея, достигают цели учения истинного, идя к ней почти по прямой линии, – или вследствие послушания неким тайным внушениям, которые и тогда были, через постоянное следование учению общепринятому. Закон говорит: *Господу Богу вашему последуйте, заповеди Его соблюдайте* (Втор.13:4), ибо послушание ему закон называет уподоблением Богу. Через исполнение заповедей закона, мы достигаем, насколько это для нас возможно, уподобления Богу.

Будьте, говорит Господь, милосерды и сострадательны, как и Отец ваш небесный милосерд (Лк.6:36). Отсюда и Стоики цель человеческой жизни видят в соответствии природе ³³⁴, благоприлично изменив здесь имя Божие в имя природы, ибо именем природы объемлется и царство трав и того что сеется и царство деревьев и камней. Вот почему и сказано столь ясно: *Люди нечестивые закона не понимают, а любящие оный ставят его перед собою как ограду и оплот* (Притч.28:4,5). *Мудрому свойственно искусство различать дорогу, глупость же безрассудных сказывается в заблуждении* (Притч.14:8). *Ибо на кого призрю Я как не на кроткого и сокрушенного духом и трепещущего слов Моих* (Ис.65:2).

Известно, что есть три рода дружбы. Первая и наилучшая есть та, в коей связующим звеном состоит добродетель, ибо прочна лишь та любовь, которая опирается на разум. Вторая, занимающая середину между двумя другими видами дружбы, есть та, которая возникает из взаимного интереса; это – дружба, имеющая отношение к обществу и в высокой степени собой обуславливающая людские связи; на жизни свойственно ей отзываться пользой, ибо дружба, возникающая из благосклонности, собой действительно может поддерживать общественные связи. Третий и последний вид дружбы по нашему мнению возникает из постоянства общения; по мнению же других это та дружба, которая поддерживается или меняется смотря по прихоти удовольствия. ³³⁵ Мне кажется, что

следующим изречением Пифагорейца Гипподама хорошо определяются все эти три вида дружбы. «Первый род дружбы, говорит он, возникает из памятования о богах; источником второй состоят человеческие вспоможения; основой третьего вида дружбы состоят удовольствия существ одушевленных». Выходит, что один род дружбы свойствен философу, другой человеку, третий вообще существу одушевленному или животным.

Итак, только человек благотворящий воплощает в себе по истине образ Божий. Его благотворительность и самому ему полезна. Подобно кормчему он содевает спасение других, но и свое собственное. Потому-то получая просимое просящий не говорит своему благодетелю: «Достохвальное даяние», но: «Достохвальное получение». Выходит, что дающий получает, а принимающий дает. *Праведники бывают, милосерды и сострадательны (Прит.21:26). Благотворительные сделаются насельниками земли, непорочные на ней утвердятся, нечестивые же будут изглажены с нее (Притч.2:21,22).* И мне кажется, что Гомер сказал: «Давай другу твоему», предугадав характер верного.

Равным образом следует и врагу помогать, чтобы он не оставался врагом, ибо помощью доброжелательность укрепляется, а вражда рассеивается. *Приемлется Богом и усердие, смотря по тому.: кто что имеет, а не по тому, чего не имеет, ибо не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтобы была равномерность (2Кор.8:12,13) и т.д. Он расточил, роздал бедным, говорит свящ. Писание; праведность его будет превозносима во все века (Пс.111:9).*

Итак, что касается образа и подобия Божиих, то – как мы уже и ранее говорили о сем – они состоят не в подобии телесном, – это и невозможно, чтобы существо смертное походило на бессмертное, – но дело идет здесь об уподоблении Богу духом и разумом. Именно в такого рода подобии состоит уподобление Богу как благотворительностью, так и начальствованием. Ибо верховенство и в телах (коиими облечены мы), принадлежит ведь не их специфическим

своим свойствам, а решениям духа. В самом деле городами, семьями мудро кто управляет? Мужья праведные благоразумием своих советов.

20. Отличительные свойства мудреца (гностика) суть также терпение и воздержность

Но потом гностик стремится к уподоблению Богу и по душевной крепости, через терпение, доводя ее до некоего бесстрастия.³³⁶ Это ясно для всякого, кто помнит рассказы свящ. Писания об Анании и его сотоварищах, одним из которых был Даниил, пророк³³⁷, исполненный Божественной веры. Даниил жил в Вавилоне, как Лот в Содоме, как Авраам в земле Хаддеев; но это не помешало последнему впоследствии сделаться другом Божиим. Итак, по приказанию царя Вавилонского Даниил был спущен в ров, наполненный дикими зверями. Но Царь вселенной, верный (своим обетованиям) Господь, вывел его отсюда невредимым. Столь великим терпением отличается гностик, и это именно потому, что он гностик. Одержимый скорбью он, подобно великодушному Иову, произносит лишь слова благословения. Будучи поглощен чудовищем, он молится как Иона, и вера возвращает его на свет для пророчествования перед Ниневитянами. Заключен будучи вместе со львами, свирепых этих зверей он укрощает. Если бы ввержен был он и в огонь: покрытым окажется росой и выйдет из пламени невредимым. Он будет свидетельствовать ночью, свидетельствовать словом, своей жизнью, своим нравом. Живет он в Господе, беседует с Господом³³⁸, с Ним обращается, постоянно в духе пребывает с Ним. Чистый телесно, чистый сердцем, он состоит священным носителем Логоса. *Мир распят для него*, говорит Апостол, *и он для мира (Гал.6:14)*. Где бы он ни оказался, крестоношением подражающий Спасителю своему, он следует за Господом по следам Его, так что Богом становится³³⁹, представляя из себя святое святых.

Божественный закон, не забывая напоминать нам о каждой из добродетелей, побуждает человека особенно к воздержности, закладывая сею фундамент и для остальных. Именно с воздержностью сдружая нас и к ней подготавливая, посему он воспрещает нам и употребление в пищу мяса некоторых

животных, особенно жирных, как напр. свиней, отягченных жиром. Этого рода пища прилична только лицам, находящим отраду лишь в приятностях стола и утопающим в сладострастии, порождаемом ими. Потому-то и принято словопроизводство одного философа ³⁴⁰, утверждавшего, что слово свинья (ῥῆς sus) равнозначительно с θύς и происходит от θυῖν, приносить жертву, так как это животное только и годно для жертвоприношений и на заклание. И действительно жизнь этому животному как будто за тем только и дана, чтобы оно расширяло объем своего тела.

Ту же цель сдерживать наши пожелания закон имеет, когда запрещает употребление в пищу рыб, не имеющих ни перьев ни чешуи, потому что мясо именно этого рода рыб отличается от других особенным вкусом и жирно. Здесь же, думаю, скрывается причина и того, почему посвященным в мистерии не дозволяется, не только касаться некоторых животных, но по известным им причинам изъемяются из числа предназначенных в пищу и некоторые части жертвенных животных. ³⁴¹ Итак, если следует сдерживать желания чрева и подчрева, то ясно, что через сие постановление закона Господь значит уже давно заповедал искоренение в себе пожеланий. И это вполне может посчастливиться тому, кто нелицемерно будет воздерживаться от того, чем воспламеняются пожелания, или сладострастие.

Утверждают, что сладострастие есть нежная и приятная ласка, обращенная на которое-либо из наших чувств и оное тихо волнующая. ³⁴² Состоя рабом такого сладострастия Менелай, по взятии Трои, говорят, бросился в оную с намерением убить Элену, бывшую причиной столь долгих и ужасных бедствий, но побежденный ее прелестями, напомнившими ему прежние с ней удовольствия, не в силах был привести свое намерение в исполнение. Трагические поэты за это жестоко над ним издеваются, обращаясь к нему с следующими, его бесчестящими воззваниями:

Ты же при виде груди ее бросил меч,

От изменницы принял поцелуй и стал улещать повесу комплиментами. ³⁴³

И еще:

О красоту разве тупится твой меч? ³⁴⁴

Разделяю мнение Антисфена ³⁴⁵, который говорит: «Если бы мне удалось поймать Венеру, то пронзил бы я ее своими стрелами. Это от нее гибнет столько прекрасных и честных женщин». Тот же Антисфен сладострастие назвал «недостатком и ошибкой природы». «А несчастные, продолжает он, себе позволяющие впадать в ту же погрешность, называют болезнь, их мучущую, богом». ³⁴⁶ Через это показывается нам, что побеждаемы бывают сладострастием лишь неопытные и по неведению. Поддаваться ему не следует, хотя оно и называется богиней, т.е. хотя оно и допущено Богом для размножения и продолжения человеческого рода. И Ксенофонт сладострастие открыто клеймит именем порочности, говоря: «Несчастливая, что же известно тебе доброго, или что же это за прекрасное, которого желаешь ты? Ты не выжидаешь даже, чтобы в тебе родилось и желание приятного. Ты ешь прежде, чем голод почувствовал; и пьешь раньше, чем жажда явится. Чтобы есть с аппетитом, хлопчешь ты о поварях; а чтобы пить с приятностью, ты готовишь дорогие вина и летом по окрестностям туда сюда бегаешь за льдом. А для того, чтобы спать с приятностью, готовишь ты не только мягкие постели, но и пружины под постели, чтобы они качались». ³⁴⁷ Посему-то, как говорит Аристон ³⁴⁸, «для отражения соединенных нападений со стороны четырех этих союзников, сладострастия, печалей, страха и пожеланий, требуется много стараний и борьба предстоит долговременная,

Ибо глубоко они проникают вовнутрь нас

И поднимают бури в душе смертных».

По Платону «сладострастием ослабляется характер даже и серьезный и сильный; под влиянием его он растопляется как воск, потому что всякого рода сладострастие и всякая скорбь сковывают с телом душу того, кто отдается страстям и не распинает их в себе самом». ³⁴⁹ *Погубивший жизнь свою*, говорит Господь, *спасет ее* (Мк.8:35; Мф.10:39), т.е. спасет ее, или опасностям ее охотно за Спасителя подвергая, как сам Он это сделал ради нас, или разрушая ее, бедственной делая через отрешение себя от обычных удовольствий ежедневной

жизни. Ибо и действительно если захочешь отрешить, отвратить и очистить свою жизнь от пошлых наслаждений и удовольствий этой жизни, – таково значение слова «крест», – то найдешь ее через это в той жизни, которой еще ожидаем, которая обретается надеждой и на коей мы почием оную. Размышление о смерти может вести к умению довольствоваться лишь теми желаниями, мерой которых состоит природа и которые, будучи попускаемы в строго определенных границах, не позволяют себе ничего, что противно природе или выходит за пределы ее: отсюда рождается легко наклонность уже ко греху. *Должно значит нам облечься во всеоружие Божие, чтобы быть нам в состоянии противустать козням дьявольским (Еф.6:11), ибо оружие, которым мы воинствуем, не плотское, но такое, коему силу сообщает сам Бог на разрушение вражеских твердынь им ниспровергаем мы человеческие рассуждения, всякое превозношение, поднимающееся против Божественного знания и пленяем все умы в послушание и служение Христу, говорит Божественный Апостол (2Кор.10:4,5).* Но если воинствование наше такого рода, значит и носителем его должен быть человек достоудивительно находчивый, который без замешательства всегда умел бы найтись среди условий, состоящих обыкновенными источниками страстей, как напр. в богатстве и бедности, среди славы и в безвестности, при здоровье и в болезни, в жизни и смерти, в труде и наслаждении. Чтобы дойти до равнодушия в положениях столь противоположных, должно быть сосредоточено в нас самих много превосходных качеств, так как предшествующим слабоумием мы были доведены до состояния весьма несчастного, дурным воспитанием и учреждениями увлечены на край гибели, по неведению сбились с пути правого.

Прост смысл содержимой нами философии. Он таков. Все страсти суть отпечатки, оттиснутые на нашей нежной и податливой душе и суть как бы печати или клейма, изнутри выдавленные на ней духовными силами, в изглажении чего и состоит наше дело. Ибо злых сил дело, думаю, не в ином чем и состоит, как в попытках отпечатлеть на каждом человеке

что-либо из своего собственного состояния, дабы можно им было нас, от них отрекшихся ³⁵⁰, победить в борьбе и заключить в оковы. Естественным образом и бывает, что некоторые из нас бывают ими побеждаемы. Тех же, которые вступают в борьбу с напряжением всех сил и ведут ее соответственно правилам искусства, злые духи, почтив всякого рода противоборством и допустив к получению венка не иначе как по пролитии ими достаточного количества пота и крови, наконец оставляют в покое, от влияния своих адских сил освобождают, удивляясь своим победителям.

Из тел движущихся одни движутся по сил своих желаний и представлений; таковы животные. Другие же из тел движутся по силе передвижения их посторонними силами; таковы тела неодушевленные. Некоторые из натуралистов утверждают, что и из неодушевленных предметов некоторые, как напр. растения, для продолжения своего роста имеют способность движения, если только можно с этими натуралистами в том согласиться, что растения относятся к предметам неодушевленным. Камням свойственно особое, только для них обычное состояние. Растения же суть продукт уже производящих сил органической природы. Бессловесным животным свойственны побуждения, представления, а кроме того (в образе костей) нечто близкое к состоянию камней и зависимость от производительных сил природы. Способность же рассуждать есть привилегия только человека. ³⁵¹ Вследствие сего душа человеческая не должна слепо повиноваться побуждениям, каким следуют неразумные животные; а должна выбор дѣлать между предметами, не увлекаясь ими. Адские силы, о которых мы выше говорили, красоту, славу, заискивание преступной склонности у женщин, чувственные удовольствия и вообще подобного рода вещи рисуют перед душами легко поддающимся обольщению в красках заманчивых. Подобное же в этом случае или делается, что и ворами ягнят крадущими, которые бросают листья им лишь для того, чтобы заставить их следовать за собой. За тем, обольстив тех, кои не способны были отличить истинное удовольствие от ложных, красоты преходящей и пошлой от

красоты священной, они доводят неосмотрительных до рабства плоти. А так как всякое заблуждение немедленно отражаясь на душе, начертывает на ней свой образ, то вот душа, сама того не ведая повсюду носит с собою образ своей страсти, развившейся вследствие приманки ей предложенной и вследствие согласия, на нее ею данного.

Последователи Василида обыкновенно называют страсти «приложениями» к душе. По мнению их в существе своем это некоторого рода духи, присоединившиеся к разумной душе, позднее вследствие некоторого первобытного переворота и замешательства. Кроме них за тем народились еще духи побочные и инородные, как напр. Души волка, обезьяны, льва и козла. Души этих существ, своими особенностями живо подействовав на душу человека, всецело уподобили ее желаниям желаниям животных. Так говорят последователи Василида. Ибо каких существ пожелания, прибавляют Василидиане, люди носят в себе, таких же натур действия они и воспроизводят. И не только склонностям и ощущением неразумных животных могут подражать люди, но воспроизводить в себе некоторые изменения свойственные даже растениям, воспринимать красоту цветов, получая некоторые особенности свойственные природе растений. Они могут приходить в состояние свойственное даже лишь неодушевленным телам, как напр. принимать твердость алмаза.

Учение это мы опровергнем впоследствии, при изложении учения о душе. Здесь же пока удовлетворимся замечанием, что это учение о многочисленном полчище различных духов, содержащихся в одном теле человека, предлагаемое Василидианами, начинает походить уже на сказку поэта о деревянном коне. Посему сын Василида, Исидор, будучи последователем того же учения ³⁵², сам себя опровергает, во второй книге своего сочинения «О приросшей душе» выражаясь так: «Если тебе удалось бы убедить кого-либо, что душа человеческая не есть существо простое и единичное, а что самые наихудшие из страстей происходят в нас по силе усложненности нашей души с душами чуждыми ей, то это еще

не значит, что злодеи будут иметь в сем очень веское основание для такого рода речей: «Я был изнасилован, увлечен, вынужден; я действовал вопреки своей воле», потому что в действительности злодей сам бывает виновником своих порочных желаний, так как не боролся против нападения на него со стороны осложнений; следует нам, – так как понимаем своим разумом, что это осложнения, – доказывать самим делом, что можем побеждать живущую в нас низшую природу». Этот Исидор, подобно Пифагорейцам, также предполагает существование в нас двух душ, но о сем поговорим после.

И Валентин в одном из своих посланий следующим образом выражается об усложненности нашей души чуждыми ей элементами: «Есть только один Праведник, удостоверением явления которого состоит откровение через Сына Только Он один может очистить наше сердце по изгнании из него злого духа. Ибо множество духов, живущих в нашем сердце, делают из него клоаку нечистот. Каждый из них творит дела свойственные ему, издеваясь над желаниями не согласующимися с его. И мне кажется, что сердце имеет некоторое сходство с гостиницей. Часто оказывается, что эта бывает, просверлена сквозными дырами и изрезана, наполнена разными нечистотами, ибо посетители себя ведут там разнузданно, нисколько не заботясь о крове им не принадлежащем. Точно таким же образом и сердце, доколе не управляет им вечно бдительное Провидение, оказывается вместилищем нечистот и жилищем множества демонов.³⁵³ А как скоро было бы оно посещено единым благим Отцом, то оно освящается и начинает блистать светом. Блажен, чье сердце находится в таком состоянии: *Он узрит Бога (Мф.5:8)*». ³⁵⁴

Итак, что же за причина, что с самого начала премудрое Провидение не следило за спасением этой души? Пусть Валентиниане ответят нам. Быть может душа была недостойна сего? Но в таком случае каким же образом Провидение взыскивает ее в покаянии? Или быть может по самой природе своей душа наследует спасение? Валентин так и думает. Но в таком случае следовало бы природе с самого же начала озабочиваться надзором за душой, которой она мать и отнюдь

бы не позволять нечистым духам проникать в человеческое сердце. Если же природа вынуждена была к этому сторонней силой, в таком случае она свидетельствует тем о своей слабости. Если же Валентин согласился бы с нами, что освящена будучи раскаянием, природа способна бывает избирать лучшее, то через сие сам против своей воли он выдаст, что у нас содержится следовательно истина. Спасение достигается значит изменением чувств, расположений и всего поведения, возникающим из послушания, а не по праву природы. В самом деле, как испарения, поднимающиеся с земли и с болот, собираются в туманы и сгущаются в облака: точно так же и одуряющее действие плотских пожеланий производит в душе дурное настроение, преднося ей образы чувственных удовольствий. Ими помрачается свет разума: от вдыхания душой паров плотских пожеланий они сгущаются в облака страстей, и постоянная жизнь среди чувственных наслаждений затмевает ее разумение. Золото тотчас по извлечении его из земли не есть еще золото, а руда; только через сплавление очищается оно и только по очищении плавлением получает имя золота, представляя собою землю очищенную. *Итак просите и дастся вам* (Мф.7:7), говорится к тем, кто сам собой способен выбирать наипрекраснейшее.³⁵⁵

А каким образом по нашему мнению демон и духи нечистые своими действиями сеют в душе грешника то, что оскверняет его, для сего нам нет нужды прибегать к разъяснениям пространным; достаточно сослаться на свидетельство Апостола Варнавы, одного из 70 Апостолов и сотрудника Павла. Вот его слова: «Прежде принятия нами веры в Бога жилище сердца нашего было бедно, похоже на эти храмы, построенные рукой человеческой; оно было домом, исполненным идолослужения, истинным капищем демонов, где творимы были все Богопротивные деяния».³⁵⁶ Итак, Варнава говорит, что грешники совершают дела угодные демонам, но он не говорит, что эти самые злые духи живут в душе неверующего. Потому-то он и добавляет: «Принимайте все старания, чтобы сооружен был славный храм Господень». Каким же образом он создается? Внимайте. Получив отпущение грехов и возложив всю надежду

на имя Господне, мы возрождаемся для новой жизни и соделываемся как бы вновь созданными». Не демоны изгоняются из нашего сердца, следовательно, говорит этим Апостол, а грехи наши отпускаются нам, которые прежде чем уверовать нам были совершаемы нами подобно демонам. Он по справедливости потому предшествующим положениям противопоставил следующие: «Поэтому-то в жилище сердца нашего по истине Бог живет. Каким образом? Он живет в нас Логосом, составляющим центральный пункт нашей веры в Бога. Он живет в нас зовом своих обетований, мудростью своих повелений, заповедями своего учения».

Знаю, что на сем пути своем встречаюсь я с ересью, глава которой хотел бороться с чувственностью погружением в нее. Притворная битва, в которой знаменитый этот гностик на самом деле служил под знаменами врага, хотя и называл себя гностиком. Он говорил: «Не представляет собой ничего великого воздержание от чувственных удовольствий без предварительного погружения в оные. Величие состоит в погружении в оные, без дозволения, однако же, им побеждать нас». Отсюда его обыкновенное изречение: «Против чувственности я борюсь чувственностью». Несчастный! Он сам себя обольщал хитрым коварством страсти. В одинаковое заблуждение с этими софистами, хвалящимися, что он содержит истину, впал и Аристипп Киринеянин. Когда раз некто стал обличать его за постоянные связи с одной Коринфской гетерой, он отвечал: «Я состою в связях с Лаисой, но не связан ей». Таковы же взгляды выдающих себя за последователей Николая.³⁵⁷ И передают следующий его афоризм, однако же, извращая истинный его смысл: «Иждивать плоть следует». Но этот правоверный муж хотел своим изречением лишь, то сказать, что старательно сдерживая чувственность и пожелания, мы должны через это умерщвлять плоть, т.е. укрощать ее пожелания и порывы. Сектаторы эти, утопая в чувственности подобно козлам и так сказать, издеваясь над телом, сокращают жизнь свою в чувственных удовольствиях, не думая о том, что, будучи слабым уже по самой природе своей, тело кромсается при этом и от него напоследок остаются одни лохмотья, душа

же их, привязываясь к сему учению о чувственных удовольствиях более, нежели к учению мужа апостольского, погрязает в тине порока. Итак, чем отличаются они от Сарданапала, которого жизнь характеризуется следующей надписью ³⁵⁸:

Что съел, чем пресытился, любовные удовольствия,
В коих провел время, все это мне известно,
множество и притом прекраснейших удовольствий лежит
уже за мною.

И от того, кто царствовал над великой Ниневией, скоро что останется?

Не горсть ли пепла?

Удовлетворять позыву на чувственные удовольствия вовсе нет необходимости. Позыв этот есть следствие лишь некоторых необходимых естественных состояний, как напр. голода, жажды, холода и брака. Будучи взято само по себе, в отрешенности от питья, еды, рождения детей, чувственное удовольствие тотчас же возбуждает сомнение в самой своей состоятельности, так как оказывается ни на что непригодным. Не представляет оно собою ни деятельности какой-нибудь, ни склонности, и вообще не составляет какой-либо необходимой части нашего существа. Добавлено, будучи к жизни в качестве части служебной и ее восполняющей, состоя вспомогательным, но лишь второстепенным, – подобно тому, говорят, как соль подмешивается в пищу для облегчения пищеварения, – оно слишком часто разнуздывается, овладевает кормилом жизни и в душе, покоряющейся его власти, порождает сначала пожелание, движение чисто животное, противуразумное, именно в отрешенности от разума находящее и пищу для себя. Оно-то и убедило Эпикура поставить целью жизни философа удовольствие. Он обоготворил ³⁵⁹ также крепкое телосложение и несомнительную надежду в неизменные услуги его. Ибо что иное есть чувственность как не сластолюбивое чревоугодие и совершенно излишняя и бесплодная преданность чувственным наслаждениям?

В одной из своих трагедий Диоген ³⁶⁰ весьма наглядно изображает:

Как изнежены чувства тех, кои погружены в тину сладострастия,

Как не гармонирует оно с достоинством мужчины и как ни на одну минуту

Не хотят они приняться за работу, хотя бы то не самую легкую.

Но и тем, что за сим у него следует беспутных обличает он в гнусностях не менее крупных; и конечно упреки его ими вполне заслуженны.

Потому мне кажется, что Божественный закон был прав, как бы в силу некоей необходимости повесив над нашими головами страх, дабы осмотрительностью и внимательностью философ мог приобрести и сохранить беззаботность духа, при всех обстоятельствах своей жизни оставаясь свободным от падений и от греха чистым. Ибо мира и свободы можно достичь не иначе как только под условием непрестанной и неустанной борьбы с душевными страстями. Наши страсти, эти массивных размеров враги наши, стоившие бы фигурирования и на играх Олимпийских, имеют жало гораздо страшнее жала пчелиного, а особенно чувственное удовольствие, злоумышляющее против нас не только днем, но и ночью, даже и во сне соблазняющее нас лживыми приманками, нам расставляющее западни и терзающее нас.

Итак, каким же после сего образом Эллины, оставаясь верными чувству справедливости, могут злословить закон, когда сами же учат, что страх собою укрощает сладострастие? Посему Сократ советует держать себя наготове против искушений, склоняющих нас к еде, когда мы вовсе и не голодны, — к питью, когда вовсе и жажды не чувствуем.³⁶¹ «Устраняйтесь, говорит он, от взоров и поцелуев красоты, потому что ими опускается в нас яд более опасный, чем яд скорпионов и тарантул». Антисфен³⁶² предпочитает «лучше сойти с ума, чем подпасть под власть сладострастия». И Кратес Фивянин говорит:

С чувственностью боритесь, увеселяя душу чистыми нравами.

Не позволяйте поработать себя ни золоту ни любви,

Нас истомляющим, спутниками же нашими по заносчивости не состоящим никогда.

И наконец он заключает так:

Не состоявшие ни рабами чувственных удовольствий, ни надломленные ими,

Что было бы и недостойно мужчины, приятными для себя находят и объемлют своей любовью свободу и царство бессмертное.

В другом месте он со весей откровенностью дает следующий рецепт: «Диета есть лучшее успокоительное средство против необузданных чувственных пожеланий; если же это не удастся, то повесьтесь».

Комические писатели, сами того не подозревая, свидетельствуют в пользу учения Зенона, когда осмеивают его напр. таким образом:

Мудрости пустой Зенон этот учит.

Он преподает, что нужно переносить голод и набирает учеников,

Которым вместо всякой другой пищи дает только хлебец да сухие смоквы, а для питья воду.

Но, заметьте, все эти философы не стыдятся открыто провозглашать пользу, возникающую из рассудительности. Истинная и проникнутая разумом мудрость послушна не словам только и узаконениям; она опирается и на прикрытие, за коим может остаться неуязвимой; она рассчитывает и на воспособляющие тайны. Занятая мыслью о божественных заповедях и исполнением их, она через содержащийся в ней самой элемент вдохновенный и божественный получает от Логоса силу Божественную.

Поэты так описывают эгиду Зевса:

Страшная. Кругом опоясана и окружена Ужасом.

На ней изображены Раздор, Грозная Сила, Трепет Холодный бегущих, Погоня;

В середине голова Горгоны, этого отвратительного чудовища,

Ужасная, грозная, дивное знамя эгидоносного Зевса (Ил.5:739).

Тем же, которые Могут и умеют отличать действительно спасительное, не знаю, покажется ли что-либо другое любезнее кроткого величия закона и дочери оногo, рассудительности.

В самом деле эти слова «Он поет на тон выше», эти слова, иногда говоримые о Спасителе (Мф.20:32 и др.), когда Он возвышал голос против некоторых, дабы тех кои стремились подражать Ему, удержать от разладицы с голосом и гармоническим аккордом веры, слова эти, – сколько понимаю я, – вовсе не то означают, что голос Его действительно слишком напрягался, но только то, что отказывавшимся от несения Божественного ига он казался таким. Находят голос этот слишком громким и напряженным лишь те, немощные чувства, чьи находятся в состоянии расслабления и изнеможения. Так людям, живущим неправедно, дело правосудное кажется справедливостью суровой. Так души, по причине уз их связывающих с грехом, всегда распушенные и склонные к снисхождению, считают истину грубой неотесанностью, строгость – резкостью; а если кто вместе с ними не участвует в грехе и не увлекается им, того они называют безжалостным и жестокосердым. Трагический поэт оттого прав был, говоря о Плуtone:

Ты спрашиваешь меня: К какому богу я сойду?

К богу, никогда не знавшему ни снисхождения, ни милости,
Но постоянно облеченному в строгую справедливость.³⁶³

Но можем ли мы слабые исполнять заповеди закона? Если обратим мы на то внимание, что закон нам представляет множество славных образцов для подражания, то найдем, что питание в душе любви к (евангельской) свободе и укрепление в себе оной нам облегчено. Эти образцы нас воспламеняют тем с большим усердием следовать им. Одним из них посему мы и идем на встречу, другим подражаем, перед третьими смиряемся. Ибо и эти древние праведники, жившие согласно с заповедями закона, «не из старого дуба или не из твердой какой-либо скалы были созданы». Обрекши себя на усвоение истинной мудрости, они безусловно предались и посвятили себя всецело Богу³⁶⁴, всего ожидая лишь от веры.

Зенон верно сказал об Индусах, что вид одного Индуса, пожираемого на костре пламенем, вразумительнее учит терпению, чем все убеждения к тому.³⁶⁵ А мы ежедневно видим множество мучеников, на наших глазах сжигаемых, распинаемых, обезглавливаемых!³⁶⁶ Страх, состоящий исходным пунктом закона, всех сих *как детей приведший к Христу* (Гал.3:24), он же внушал им и решимость запечатлеть веру ценой даже крови.

Занял Бог место в сонме богов и сидя среди них над ними суд произносит (Пс.81:1). Что это за боги? Это победители, торжествующие свою победу над страстями и наслаждениями; это люди умеющие отдавать себе отчет в своих действиях. Вот подлинно гностики, носители и олицетворители истинной мудрости, представляющие собой драгоценность большую, нежели весь мир (Евр.11:38).

Я сказал: вы боги, и сыны Всевышнего все вы (Пс.81:6).³⁶⁷ О ком так говорит Господь? О тех, кто, поскольку это для него возможно, сбрасывает с себя *ветхого человека* (Кол.3:9), отвергая все преходящее.

На будущее время вы не живите более по плоти, но по духу (Рим.8:9). И опять тот же Апостол говорит: *Мы хотя еще и во плоти, но сражаемся не по плоти* (2Кор.10:3), *ибо плоть и кровь царствия Божия наследовать не могут и тление не будет владеть наследием нетленным* (1Кор.15:50). *Вот вы умрете как человеки* (Пс.81:7), говорит нам Дух Святой, держа нас в страхе.

Будем посему воздерживаться ото всего того, что развивает силу страстей. Будем, как делали это истинные философы (мудрецы), избегать кушаний, возбуждающих чувственность. Расстанемся с постелями, нас изнеживающими своей мягкостью. Вдали будем держать себя ото всех губительных удовольствий. Будем вести себя так, чтобы то, чем сладострастные чувства, так жадно столькими ловимые, питаются, это для нас вовсе как бы и не существовало. Величайший из даров нам Божиих, это дар умеренности. Сам Бог говорит: *Не оставлю тебя и не покину тебя* (Нав.1:5; Евр.13:5). Как бы так сим говорит Он: «Позаботься, чтобы

оказаться тебе достойным того избрания, которое тебя соединяет со Мною и Моего о тебе промысления». В меру благочестивых усилий, направленных на приближение к Богу, и благое иго Господне (Мф.11:30) ляжет на главы наши бременем, соответствующим различным ступеням нашей веры (Рим.1:17). Поведет же нас всех ко спасению одна и та же рука, дабы вкусили мы и от плода своих трудов, соделались участниками заслуженного нами блаженства. (Уже и мирской мудростью воздержность рекомендуется). Так по словам Гиппократ Кэосского двумя вещами поддерживается здоровье наших тела и духа, это трудом и умеренностью.

21. Различные положения философов о высшем благе

Эпикур напротив поставлял счастье в бесчувственности к жажде, к голоду и холоду. И для доказательства, что блаженство в этом, на нечестивом своем языке он восклицал: «В сем готов поспорить я хотя бы то с самим отцом богов – Зевсом». Оказывается таким образом, что он склонен присуждать пальму счастья скорее свинье, питающейся всякого рода нечистотами, нежели существу разумному и другу мудрости. Киренаики и Эпикур посему и были рабами удовольствий плотских. Разве не открыто объявляют первые, что цель человеческой жизни приятности и что единственно совершенное благо в чувственном наслаждении? А Эпикур говорит, что для наслаждения нужно и горе прогонять³⁶⁸ и что следует выбирать первее всего то, что уже само по себе привлекательно, так как удовольствие обусловливается всецело волнением чувств.

Дейномах же и Каллифон утверждали, что «цель человека всеми от него зависящими мерами стремиться к наслаждению и отдаваться ему».

По мнению перипатетика Иеронима цель человеческой жизни безмятежность, а высшее благо единственно в благоденствии.

Равным образом и Диодор, состоя последователем той же школы, заявляет, что цель человека есть жизнь спокойная и честная.

Эпикур и Киренаики посему определяют наслаждение сообразностью и согласием с природой. «Так как удовольствие, говорят они, состоит побуждением к добродетели, то добродетель собою порождает наслаждение».

По мнению Каллифона удовольствие есть стимул к добродетели; но эта последняя, вовремя заметив прелести наслаждения, дошла до того, что присвоила себе честь одинаковую с исходным, или начальным пунктом ее.

Последователи Аристотеля утверждают, что цель человеческой жизни есть согласование ее с законами добродетели; но счастье, добавляют они, абсолютный покой для человека добродетельного здесь на земле невозможны. Преследуемый превратностями судьбы, играющими его волей, брасаемый из стороны в сторону, не питая другого желания кроме как по оставлении этой жизни освободиться от них, мудрец не бывает ни спокойным ни счастливым. Кроме того для достижения добродетели необходимо некоторое время; последних ступеней совершенства не достигнешь в один день; в младенчестве, говорят, ребенок ничем не бывает доволен и нет между детьми счастливых. Временем же для достижения сего совершенства состоит вся человеческая жизнь. А полнота счастья обуславливается троякого рода благами.³⁶⁹ Человек бедный, безвестный, слабого здоровья или осужденный на жизнь в рабстве, по мнению этой философской школы, не может иметь притязаний на счастье.

Зенон стоик думает, что цель человеческой жизни проникновение ее добродетелью.

Клеанф же думает, что цель эта состоит в согласовании жизни с природой и в подчинении её советам разума. Он объясняет свои положения так: «Все зависит от преданности делам, согласующимся с природой».

Антипатр, друг Клеанфа, держится того мнения, что все человеческие усилия должны быть направлены на постоянный и безошибочный выбор вещей, согласных с природой; но с той же твердостью должно отречься и от вещей, с ней не согласующихся.

Архедем определяет цель человеческой жизни так: «Между предметами согласными с природой нужно выбирать наивозвышеннейшие и важнейшие; на остальное не обращать и внимания».

Далее следует Панэций со своим положением: «Жить согласно с желаниями, в нас вложенными природой».

Наконец Посидоний советует нам проводить жизнь в созерцании всемирных порядка и истины и вести себя так, чтобы никогда не подчиняться неразумной части своей души.

Из новейших же стоиков некоторые требуют, чтобы целью человека была жизнь, согласная с человеческой организацией.

Что мне об Аристоне вам сказать? Целью нашей жизни он ставил хладнокровие, а очевидно, что равнодушный оставляет без внимания маловажное.

Обращать ли ваше внимание еще на учение Герилла? Он требует от человеческой жизни устройства ее по выводам науки, которая составлять должна и цель жизни.

Многие из новейших отраслей Академии указывают человеку цель в охранении себя от иллюзий и показности.

Люк перипатетик наравне с Левкиппом признавал, что целью человеческих усилий должна быть истинная душевная радость, возникающая из честности.

Критолай, также принадлежавший к перипатетикам, требует, чтобы человек спокойно следовал природным инстинктам; совершенство же жизни, по его мнению, слагается из благ троякого рода и выяснено историей наших предков.

Мы не будем останавливаться на разборе всех этих положений и удовольствуемся простым обозрением их. Вместо же сего, насколько это для нас, возможно, постараемся касательно вопроса, нас занимающего, припомнить мнения физиков.

Кажется, это Анаксагор из Клазомен требовал, чтобы цель человеческой жизни, состояла в созерцании ³⁷⁰ и в свободе, оным обусловливаемой.

Гераклит Ефесский поставлял ее в довольстве духа.

По свидетельству Гераклида Понтического Пифагор учил, что высшее блаженство состоит в полном и ясном сознании оригинальности своих душевных даров.

Имели свой особый взгляд на этот предмет и Абдеритяне.

Демокрит в своей книге «О цели человеческой жизни» выражает желание, чтобы цель эта состояла в душевном спокойствии, или душевном благосостоянии. Часто он повторяет, что наслаждение в перемежку с оставлением его составляет цель человека, достигшего лет зрелых.

Гекатей поставляет цель человеческой жизни в довольстве.

Аполлодот Кизический видит ее в душевных удовольствиях.

Навсифан полагает ее в удивлении.

Демокрит видит ее в бесстрашии.

Кроме этих философов о том же, нам говорит еще Диотим. По нему цель человеческой жизни состоит во владении всякого рода благами: в сем видит он совершенство ее и называет жизнь с полнотой благ благосостоянием.

Антисфен настаивает на отложении всякой гордости.

Так называемые Анникерейяне, преемники преданий Киренейской школы, для совокупности жизни, для состава ее во всей ее целости, не назначили никакой особой цели. По их мнению, цель всякого действия – наслаждение, порождаемое самым этим действием. Эти Киренаики отвергают Эпикура определение наслаждения. Его химерическая беспечальность, говорят они, есть не иное что как неподвижность трупа; радости же и приятности нам доставляются не только удовольствиями, но и дружбой и почестями. Эпикур же, напротив, утверждает, что всякая душевная радость происходит от ощущения, испытываемого лишь телом.

Метродор в книге, им написанной для доказательства того, что действительнейший источник блаженства заключается в нас самих, а не в вещах посторонних, говорит: «Благо души не в ином чем, как в сильном телосложении и в твердой надежде, что оно не изменит».

22. Высшее благо человека, по Платону, состоит в уподоблении Богу. Согласие с Платоном касательно сего пункта священных писателей

Уже Платон философ утверждал, что цель человеческой жизни двоякая: одна сообщаемая и состоящая первее всего в самых идеях; он называет ее благом; другая же имеет лишь сходство с первой и представляет собой подобие ей; Платон видит ее в жизни людей, стремящихся к добродетели и истинной философии (мудрости). Поэтому и Клеанф в своем втором рассуждении «О наслаждении» говорит об учении Сократа, столь часто им повторявшемся, что человек праведный и человек счастливый одно и то же. Он проклинал того, кто впервые разделил одно от другого справедливое и полезное и находил, что это было делом нечестивых. Эти люди, разделяющие полезное от справедливого, законом предписываемого, и подлинного нечестивцы. Но и сам Платон говорит, что счастье состоит в имени доброго гения (εὖ благо и δαίμων) ³⁷¹, что гением называется высшая и начальственная часть нашей души и что счастье иметь такого гения есть благо наисовершеннейшее и полное. Иногда он это счастье отождествляет с жизнью во всем упорядоченной и с самой собой согласной; другой же раз – с тем, что есть в добродетели наисовершеннейшего. А совершенство это, по его мнению, состоит в дознании сего блага и в уподоблении Богу. И уподобление ³⁷² это он поставляет в святости и праведности, соединенных с рассудительностью.

И из наших христианских мудрецов некоторые разве не говорят вместе с ним, что человек с самого рождения своего получает преимущество быть образом Божиим ³⁷³, подобия же Богу он должен достигать впоследствии через совершенствование?

Кроме того, иногда Платон учит, что это подобие в соединении со смирением может встречаться в человеке добродетельном ³⁷⁴, то не оказывается ли он как бы

истолкователем следующих слов Писания: *Всякий сам себя унижающий возвышен будет (Лк.14:11)*? И в своих «Законах» он говорит: «По некоему древнему преданию ³⁷⁵ Бог есть начало, середина и конец всего. Постоянно Он ходит путем прямым, сообразно с природой, в то же самое время собой и весь свет обнимая. А за Ним постоянно следует справедливость, мстительница за все нарушения Божественного закона». Видите, как и по Платону, угроза или страх имеет соотношение с Божественным законом. Посему он прибавляет: «Кто хочет быть счастливым, должен тесный союз заключить со справедливостью, смиренно и прилично следуя по стопам ее». Потом, сделавши из этого положения несколько выводов и страх смягчив в предупреждение. Платон продолжает: «Какое же поведение угодно Богу и состоит следованием Ему»? И отвечает: «Основанное лишь на следующем древнем начале: »Подобному, наблюдающему надлежащую меру, нравится подобное же"». Все же, за пределы сей меры вышедшее, ни с самим собой не может гармонировать, ни тем нравиться кто от меры еще не удалился. А так как Бог для нас состоит верным мерилom всего, то нет иного средства приобрести Его любовь кроме как изo всех сил над уподоблением Ему трудиться. В этом смысле о человеке умеренном можно сказать, что на Бога походя, он есть друг Божий. Невоздержный же не только на Него не походит, но и прямо противоположен Ему. Говоря, что это учение древнее, Платон прикровенно хочет то сказать сим, что оно дошло до него из закона Моисеева. А в «Феэтете», сказав сначала, что зло до необходимости вращается около смертной нашей природы и этой земной области, он добавляет: «Потому нужно стараться, как можно скорее бежать из этого места изгнания, чтобы перейти в иное место. Бегство же это не в ином чем состоять должно, как, насколько это для нас возможно, в уподоблении Богу; сходство же это состоит в праведности и чистоте, соединенных с рассудительностью». ³⁷⁶

По мнению Спевзиппа, племянника Платона ³⁷⁷, счастье есть всецелое пребывание в том, что согласно с природой; или иначе: это есть медление на вещах добрых; для всех людей это

погружение в добро состоять должно предметом стремлений; но только добрые достигают душевного спокойствия и лишь преданные добродетели счастливы.

Ксенократ Халкидонский полагает счастье в обладании подходящей к нашей натуре добродетелью и в проникновении себя свойственной ей силой. Потом он расследует, где седалище этого счастья? В душе, отвечает он. Какие основы его? Добродетели. Из каких частей слагается оно? Из прекрасных деяний, честных отношений, прямого образа мыслей и расположений, стремлений и привычек, без чего ни из телесных благ, ни из внешних ровно ничто счастья нам доставить не может.

Полемон, один из учеников Ксенократа, по-видимому и требует, чтобы счастье состояло в потребном количестве всех благ или по крайней мере в наличности большей части из них и притом важнейших. Он учит также, что без добродетели никакое счастье невозможно, тогда как наоборот добродетели одной и без благ телесных и внешних, для доставления человеку счастья совершенно достаточно.

Вот все; что мы нашли нужным собрать по вопросу о сущности высшего блага. Что же касается до опровержения изложенных мнений, то и это в свое время нами будет сделано. Здесь заметим только, что наши стремления обращены в бесконечность и состоят в послушании заповедям Божиим. Послушание же это выражается согласованием жизни с постановлениями закона, в безупречности нравов и солидарности оных с выводами науки и разума, постоянно и нарочито освещаемых познанием нами воли Божественной. Насколько то возможно, жизнью, согласной с здравым разумом или Логосом уподобляться Богу – вот наша цель. И это уподобление, при посредстве Сына доставляющее нам конечное и совершенное усыновление Богу, всегда сопровождаться должно прославлением Отца во имя великого Первосвященника, не погнушавшегося наименовать нас братьями и сонаследниками (Евр.2:11; Рим.8:17). Апостол вкратке эту цель человеческой жизни излагает в послании к Римлянам так: *Ныне, по освобождении от греха, когда вы*

сделались слугами Богу, плодом вами извлекаемым из сего должно быть освящение ваше, а целью жизнь вечная (Рим.6:22). Потом, зная, что надежда наша двоякая, одна которой мы ожидаем, а другая исполнением которой уже владеем (освящение), он учит еще, что целью человеческой жизни состоит восстановление человека в сей надежде. От терпения, говорит Апостол, происходит опытность, а от опытности надежда. И эта надежда не суетная, потому что Духом Святым нам данным излита в наши сердца благодать Божия (Рим.5:4,5). Любовь утверждает нас в этой надежде, предносящейся нам как покой, говорит в другом месте Апостол.³⁷⁸ Подобное же встречаем мы у Иезекииля: Душа согрешающая, говорится у пророка, та умрет. А вот муж праведный. Кто действует по чести и правде, кто жертвенного на горах не ест, кто не поднимает взоров к идолам дома Израилева, жены ближнего своего кто не оскверняет и к своей жене в день ее страданий не приближается (ибо Бог не хочет, чтобы мужское вн ора было обесчещиваемо), кто никого не опечаливает, кто возвращает залог своему должнику, кто ничего не отнимает силой, кто от своего хлеба уделяет голодному, кто своей одеждой прикрывает нагих, кто в рост денег не дает и не получает больше, чем сколько сам дал, кто удерживает руку свою от неправды, суд человеку с ближним производит правильный, кто поступает по заповедям Моим и соблюдает Мои постановления искренно, тот человек праведный и будет он жить жизнью, говорит Господь Бог (Иез.18:4 – 9).³⁷⁹ И Исаия, призывая уверовавших жизни честной, а гностика(мудреца) к пользованию разумом, свидетельствуя впрочем, что добродетель человеческая не тождественна с Божественной³⁸⁰, выражается так: Ищите Господа, а нашедши призывайте Его, когда Он будет близ вас; нечестивый пусть оставит свои пути, человек неправедный – свои беззакония и пусть возвратятся они к Господу и Он умиласердится над ними и т.д. даже до слов: «мысли Мои выше ваших мыслей (Ис.55:6,7,9). Итак, по словам преславного Апостола, по силе своей веры мы надеемся получать оправдание, ибо в о Христа

Иисуса ни обрезание ни к чему не служит, ни необрезание, но вера действующая любовью (Гал.5:5,6). Мы же желаем, чтобы каждый из вас до конца выказывал тоже усердие, – чтобы уверенность в надежде была совершенная и т.д. до слов: Он Первосвященник вечный по чину Мелхиседекову (Евр.6:11,20). Мудрость, в себе объемлющая и заключающая все добродетели ³⁸¹, говорит так же, как и Павел: Мне внимающий, будучи уверен в себе самом, будет жить надеждой (Притч.1:33). Ибо возведение к надежде также называется надеждой. Премудрость посему права была, к словам он будет жить, прибавив еще следующие: будучи уверен в самом себе. Она показывает этим, что верный, будучи одушевлен этим расположением, все поставляет в зависимость от осуществления этой надежды. Премудрость посему и прибавляет далее: Свободный от страха, он покойно будет жить вдали от всякого греха. А в 1-м посл. к Коринфянам Апостол уже неприкровоенно говорит следующее: Будьте подражателями мне как я Христу (1Кор.11:1), т.е. чтобы выходило так: Вы мои, а сам я Христов; будьте же подражателями Христовыми, как Христос есть подражатель Божий (1Кор.3:22,23). Итак, уподобление Богу ³⁸², – дабы, насколько то возможно, соделаться праведным и святым с рассудительностью, – вот по учению Апостола цель веры. Совершенство же ее состоит в постижении обетования верой. Эти слова Апостола могут состоять критерием большей или меньшей верности различных определений счастья, какие для рассуждающих о конечной цели человеческой жизни мы привели выше. Но относительно сего предмета уже достаточно сказано.

23. Преимущества брака; заповеди, какие следует наблюдать в оном; предметы, пространнее обсуждаемые в 3-й книге

Так как удовольствие и пожелание кажутся входящими в жизнь брачную, то в дальнейшем мы обсудим и этот предмет.

Брак есть первый ³⁸³ законный союз мужа с женой для рождения детей согласно с общественными законами. Потому-то комик Менандр одно из лиц, действующих в некоторой его комедии, заставляет говорить так:

Вручаю тебе дочь мою

Для произведения законных детей.

Итак, нужно ли вступать в брак? Но это один из тех вопросов, решительный ответ на которые зависит от обстоятельств. Сказать, что известный мужчина находит для себя нужным вступить в брак, а известная женщина выйти замуж, это равносильно тому как если бы было сказано: они находятся в известных благоприятствующих тому условиях. В самом деле брак не составляет для всех и всегда безусловной необходимости, но он приличен известному лицу лишь в известную эпоху и до известного возраста. Не всякий мужчина и не во всякое время и не для достижения всякого рода целей и без соблюдения известного рода сдержанности имеет право на известной женщине жениться; но только тот, кто находится в известных условиях, имеет некоторые на личность известных лет права. Имеет право жениться и притом в подходящее время лишь тот, кто хочет иметь законных детей. И только та женщина имеет право выходить замуж, которая во всем подходит к человеку ее любящему, но которая и сама его любит не по принуждению и не по необходимости. Потому-то Авраам, защищаясь в том, что женат был на сестре, говорит: *Она приходится Мне сестрой по отцу, но не по матери; потому, то я и женился на ней* (Быт.20:12). Этим он и нам сказывает, что жениться на дочерях наших матерей недозволительно.

Но продолжим вкратце наши расследования. Платоном ³⁸⁴ брак причисляется к благам внешним. Браком поддерживается бессмертие человеческого рода; через непрерывность браков продолжается цепь поколений, из рук в руки передающих друг другу жизнь, подобно тому как при бегании взапуски одним другому передается взаимно факел.

Демокрит же брак и рождение детей отвергает из-за множества препятствий к сему в состоянии отцов и по причине отклонения их брачной жизнью от занятий гораздо более необходимых.

Эпикур держится того же мнения. К нему примыкают и все те, которые полагают благо в наслаждении и спокойствии, не нарушаемом ни заботами, ни горем.

По мнению Стоиков, брак и дети – дело безразличное.

По мнению Перинатетиков, в них – благо.

А коротко сказать, все эти философы, коих учение о браке не шло далее пустых слов, были рабами плотских удовольствий. Одни из них жили с наложницами, другие состояли в связях с гетерами, большая же часть их себя оскверняла педерастией.

Последователи всех этих четырех философских школ, без всякого стыда *in hortis cum meretricibus voluptatibus servierunt* ³⁸⁵, чтили тем сладострастие. Проклятие, изреченное свящ. Писанием на совместное запряжание быка с ослом, неизбежно постигнет и этих людей, которые сами воздерживаясь от некоторых вещей, считаемых ими за вредные, тем не менее рекомендуют оные другим. Или же наоборот других отговаривают от того самого, что себе самим однако же позволяют. Писание такой образ действий запрещает нам в таких словах: *Что ненавистно тебе, того не делай никому* (Тов.4:15).

Но и одобряющие брак говорят: «Природа создала нас способными к браку, что доказывается различием полов». И этого рода невоздержные почитатели брака то и дело повторяют: *Плодитесь и размножайтесь* (Быт.1:28). Но хотя это и так, все же как бы им кажись не находить позорным, что человек, творение Божие, оказывается более невоздержным,

чем неразумные животные, которые не при всяком случае и не с несколькими самками сходятся, а только с одной и то известного вида и из того же самого рода. Таковы сизые голуби, дикие голуби, горлицы и другие подобные птицы.

Те же безусловные хвалители брака говорят далее: «Не имеющие детей отклоняются от совершенства природы, оставаясь без кровных потомков, которые могли бы быть заменителями их на земле. Совершен только тот, КТО произвел из самого себя существо себе подобное. Или лучше сказать: становится каждый совершенным только тогда, когда он видит сына поступающим точно так же, т.е. когда он увидит сына достигшим того же совершенства, до какого достиг и отец». Брак, по мнению этих необузданных людей, положительно необходим. Необходим он в интересах отечества, а потом в интересах каждого личных, чтобы иметь наследников собственной крови и чтобы содействовать, сколько это в нашей власти, поступанию мира к совершенству. Посему-то де поэты и оплакивают брак несовершенный и бездетный (Ил.2:700), объявляя совершенным лишь тот брак, плоды которого со всех сторон в изобилии цветут вокруг нас (Ил.10:496).

Телесными болезнями еще более подтверждается необходимость брака. Заботами жены о своем муже, ее неустанным прилежанием, мне кажется, постоянство дружбы и родственных связей превышает ровно настолько, насколько вследствие сочувственной привязанности жены свободный ее уход за больным бывает выше попечений о больном людей сторонних. Своему мужу она *помощница* по истине необходимая (Быт.2:18), говорит свящ. Писание. Равным образом и комический поэт Менандр, обратив к браку несколько упреков, выставляет на вид находимые им преимущества в нем и на жалобы некоего лица:

Я несчастлив в супружестве

так отвечает:

Это потому, что не умеешь ты себя вести в нем.

Потом он добавляет:

Ты смотришь лишь на заботы и на горести супружеского союза,

На блага же, им доставляемые, не бросаешь ты и единого взгляда.

Супружество является на помощь также и достигающим лет преклонных, ставя подле них женщину, ухаживающую за ними. Она же воспитывает и детей, от нее происшедших, чтобы они в свою очередь питали своих родителей под старость их. Ибо, по словам трагика Софокла ³⁸⁶,

Под землей, нас покрывающей, дети суть имя, нас переживающее.

Так куски пробкового дерева, прикрепляемые к сетям, поддерживают их на поверхности моря и льняные петли ими охраняемы бывают от погружения в воду.

Люди безбрачные некоторыми законодателями не были даже и допускаемы до высших государственных должностей. В Лакедемоне подлежали пене не только холостые, но и только раз женившиеся или слишком поздно женящиеся и одиночки. Знаменитый Платон требует, чтобы всякий холостяк был обязываем вносить в государственную казну сумму равную пропитанию женщины, а издержки, требующиеся на содержание женщины, платит в суд. Потому что, уклоняясь от брака и рождения детей, такие люди, насколько это от них зависит, порождают безлюдицу и опустошают целые города, из коих слагается мир. ³⁸⁷

Да и нечестиво посягать на произрождение, учреждение Божественное.

Но и о некоторой слабосердечности и трусости, недостойных мужчины, не свидетельствует ли это, если кто уклоняется от союза с женщиной и детьми? Потеря чего составляет зло, обладание тем значит неминуемо собою представляет благо. Это приложимо и ко всему вообще. Лишиться детей, говорят люди брачные, есть одно из величайших зол; значит, иметь детей есть благо. Сказанное о детях может иметь приложение и к браку.

Без отца, говорит поэт, нет детей;

Без матери нет сына.

Отцом же мужа брак делает, равно как
матерью замужество.

Высшее из желаний женщины, по словам Гомера, состоит в выходе замуж и в имении семьи; и не только в замужестве и в семье, но и в согласии с мужем и семьей, в единомыслии с ними (Одис.6:181; 15:198).

Пусть для других гармония брачного союза состоит лишь в сладострастии.³⁸⁸ Не то бывает у почитателей мудрости; брак приводит их к согласию, основанному на разуме и Логосе. Он указывает жене на украшение не лица только (1Тим.2:9; 2Петр.2:3), а на красоту и домашних нравов; мужчинам же он говорит: «Женами своими не как любовницами пользуйтесь; не ставьте целью брака лишь чувственные удовольствия; женитесь за тем, чтобы иметь в течение всей вашей жизни помощницу и чтобы строже вам наблюдать воздержность». Человек, плод брака, для которого и в природе все рождается, большую собою представляет цену чем пшеница и ячмень, посев которых в землю происходит в подходящее для того время. Посмотрите на землепашцев. Они хлебные семена бросают в землю в умеренном количестве. Значит и брак следует хранить чистым от всех осквернений и неблагопристойностей, которые он может влечь за собой; иначе пристыжать нас будут и животные, так как in congressus они сдержаннее нас и наблюдают большее согласие с природой, нежели люди, злоупотребляющие своими брачными союзами. И действительно многие из животных в определенное время отстают от самок, предоставляя остальное действию Провидения. У трагических поэтов³⁸⁹ мы читаем, что Поликсена, смертельно раненая и умирая, все еще обнаруживала величайшую заботливость о том, чтобы упасть прилично,

Скрывая то, что следует скрывать от глаз мужчин.

Был для нее брак несчастьем.

Последняя степень рабства подчинение силе страстей, тогда как над ними верх есть единственно верная свобода. Потому-то нарушение заповеди, по свидетельству Божественного Писания, равносильно с запродажей себя

чужестранцам, т.е. грехам противоречащим природе. И рабство это длится до минут обращения и раскаяния.

Брак значит хранить следует как берегут священную статую. Должно наблюдать чистоту его и оный не бесчестить. Просыпайтесь с Господом, засыпайте с благодарением. Молитесь

И при смыкании глаз и при наступлении священного времени дневного.

Вся жизнь ваша пусть будет исповеданием Господа. Благочестием пусть проникаются самые глубины вашей души. Под властью законов умеренности надерживайтесь уже и телом. Воздержность и мера в словах и действиях представляют собой нечто Богоугодное. Непристойность же в словах, за собой влекущая непристойность и действий, есть достояние лишь бесстыдства.

А что свящ. Писание узаконивает брак на условии нерасторжимости его, это открывается из ясного постановления Господом следующего закона: *Не разводишься с женой твоей кроме вины преступной связи* (Мф.5:32; 19:9; Мк.10:11,12; Лк.16:18). Всякий брак, заключенный при жизни одного из (бывших) супругов, есть в очах Спасителя связь преступная. Женщина, добавляет Писание, ставит себя выше всяких подозрений и клевет, если не украшает ни волос своих ни своей особы больше чем следует (1Тим.2:9,10), если напротив того усердно предается молениям и молитвам (1Тим.5:5), если свой дом оставляет лишь изредка, – если себя держит, насколько это возможно, вдали от лиц, к семейству не принадлежащих; если жизнь домашнюю предпочитает праздным бракам (на стороне).

И на разведенной кто женится и тот вступает в связь преступную. И кто разводится со своей женой, отпускает ее на связь преступную, т.е. и тот принуждает ее искать связи также преступной. И не только тот, кто разводится с ней, но и кто принимает ее и тот состоит виновником ее связи преступной, потому что он дает ей повод к греху; если бы он не принял ее, она возвратилась бы к своему мужу. Чего же требует закон оставления преступной склонности к пороку. Он требует, чтобы женщина, нарушившая супружескую верность и

уличенная в связи преступной, была казнена смертью; если же она принадлежала к семье жреческой, то должна быть сожжена на костре. Мужчина, помимо своей жены снискавший хотя бы то и раз преступно склонность иной женщины, также должен быть побит камнями, но не на том же месте, где и соучастница его, чтобы и в смерти своей они не имели ничего общего. Таким образом древний закон не только не противоречит Евангелию, но и согласен с ним. Да и как не быть сему? Не от одного ли и того же Бога происходят оба они? Женщина, повинная в связи преступной, живет уже только для греха; для исполнения же заповедей закона она уже умерла. Оплакивающая же свой грех, через свое обращение как бы вновь зачинаемая, через умерщвление в себе прежнего непотребства и воскрешение в себе женщины обновленной, порождаемой раскаянием, возрождается к духовной жизни. Подтверждаются эти слова и Духом Святым, который говорит устами пророка: *Не хочу я смерти нечестивца, но чтобы обратился он* (Иез.33:11).

Наконец из мужчин нарушители супружеской верности были побиваемы камнями за то, что (по жестокости своего сердца) они оказывались мертвецами в своих отношениях к закону, против которого возмущались.

А по отношению к дочери священника почему наказание положено было более строгое? Это потому, что *кому много дано, с того и требуется много* (Лк.12:48).

В виду обширности и числа глав здесь вторая книга «Стромат» кончается.

Книга третья

1. Мнение Василида о воздержности и браке

Последователи Валентина благоволительно относятся к браку, возводя супружеские союзы ³⁹⁰ к истечениям Эонов в области высшей и космической и поставляя людские браки в связь с первоначальным божеским соитием ³⁹¹. Что же касается последователей Василида, то они говорят: «Апостолы раз спрашивали Господа: Не лучше ли не жениться? И Он, говорят, отвечал им: Не все вмещают слово это, ибо есть скопцы, одни от рождения, другие невольные (Мф. 19:10–12) ³⁹². Василидиане изъясняют этот ответ Господа так: «Есть люди, имевшие от рождения отвращение к женщине. Эти-то люди хорошо делают, если, повинувшись естественной своей расположенности к воздержанию, в брак не вступают. Вот, говорят, евнухи от рождения. Невольными же евнухами состоят все актеры: они наблюдают воздержность из-за заботы о своей славе ³⁹³. Кастрированные же по какой либо случайности суть евнухи невольные. Эти евнухи невольные еще не состоят олицетворителями мудрости Божественной, или велений разума. Евнухами этого последнего рода состоят лишь те, которые становятся таковыми для царства вечного. Таковые уклоняются от брака, говорят Василидиане, из робости пред трудами, связанными с союзом брачным и из страха пред бременем забот и беспокойств по содержанию и воспитанию семьи».

Но и Апостол словами: Лучше вступить в брак, нежели разжигаться (1Кор. 7:9), говорят Василидиане, хотел сказать следующее: «Борясь день и ночь и страшась не устоять в своем воздержании, как бы не ввергнуть вам свою душу в огонь, ибо душа занятая борьбой далека бывает от надежды». «Посему женитесь, говорит Исидор в своих *Moralia* именно этими самыми словами, женитесь на женщине крепкого телосложения, дабы не отделяться вам от сей благодати Божией: по угашении в себе пыла страсти молиться с духом более свободным».

«Но когда и ваша ³⁹⁴ благодарственная молитва, продолжает Исидор, превратилась бы в просительную и вы

стали бы озабочиваться, как бы вам не поколебаться на правом пути и не пасть, и вы женитесь ³⁹⁵. Но вот молодой человек. Он беден, склонен к плотским удовольствиям, а жениться, как требует того Писание, он не хочет: таковой пусть не уклоняется все же из собраний с братьями. Напротив пусть кому-либо из них он скажет: «Я вступил на путь святой и ничего дурного со мной случиться не может» ³⁹⁶. Если же при сем все еще он обдержим был бы сомнением, не впадет ли он (чрез *fornicationis remedium*) в грех, то пусть скажет: «Брат, возложи на меня руку, чтоб не согрешить мне» ³⁹⁷, и он получит чрез это помощь и душою и телом. Лишь бы только пожелать ему совершить нечто доброе, и он преуспеет. Иногда же мы говорим устами: «Не хочу грешить», и все же сердце склонно ко греху: такой человек из страха пред наказанием пусть не делает того, к чему его склоняет воля, дабы не потерпеть наказания. Человеческой природе свойственны некоторые необходимые потребности, и это потребности естественные. Одежда в одно и тоже время и необходима и естественна; любовные же удовольствия естественны, но не необходимы».

Я привел эти положения Василидиан для изобличения их в невоздержном образе жизни, как если б совершенство их давало им право оставлять борьбу с грехом или обольщать себя, будто они уже в силу самой своей природы спасутся, хотя бы и грешили здесь на земле; от самой де утробы матерней они состоят избранными ³⁹⁸. Пусть уведают они, что не такова была мысль первых основоположников нашего учения. Выдавая себя за христиан, а ведя жизнь более беспутную, чем невоздержнейшие из язычников, ради Бога пусть они не навлекают тем порицания на имя Христово. Именно про таких, людей написано: Лжеапостолы, делатели лукавые и т.д. даже до слов: конец их будет по делам их (2Кор. 11:13–15).

Воздержание состоит именно в том, в чем состоит, в малом обращении внимания на тело по силе исповедания веры в Бога. Воздержание состоит в удалении не только от удовольствий любви, но и ото всего того, чего душе, не умеющей удовлетворяться необходимым, желать непозволительно. Так можно сдерживать свой язык, свою страсть к приобретениям, к

удовольствиям; можно сдерживать свои пожелания. Воздержание не только учит нас умеренности: оно нас защищает умеренностью от многого дурного, ибо воздержность есть сила и дар Божий.

Итак, что сказать нам в ответ нашим противникам? Мы ублажаем целомудрие и тех, коим оно даровано. Мы чтим единобрачие и благопристойность в нем. Но при этом мы утверждаем, что следует быть сострадательными к другим и носить тяготы друг друга (Гал. 6:2), дабы думающий, что он стоит, берегся, как бы ему не пасть (1Кор. 10:12). Что же касается до второго брака, то Апостол говорит: Если разжигаешься, женись (1Кор. 7, 9).

2. Опровержение мнения Карпократы и Епифана об общности жен

Последователи Карпократы и Епифана проповедуют общность жен; от них исходит богохульство ужаснейшее из всех, какие когда-либо терпело имя Христово ³⁹⁹.

Этот Епифан, писания которого обращаются еще в руках многих, был сыном Карпократы и женщины, именем Александры. По отцу родом из Александрии, а по матери Кефалонянин, он жил только 17 лет. В одном из городов Кефалонии, а именно Самах, он был почитаем за бога. Там из гигантских камней ему воздвигли храм; ему посвящены были алтари, капища; был во имя его музей; а при каждом новолунии Кефалоняне отправлялись в храм, приносили жертвы Епифану, чувствуя день его рождения как день его апофеозы, возливали в честь его вино, устраивали пиршества и распевали в честь его гимны. При воспитании он прошел под руководством отца полный курс знаний и посвящен был в философию Платона. Это он измыслил учение о Монаде ⁴⁰⁰ и с завербования его отцом в свою секту пошла ересь Карпократов. В своей книге «О справедливости» он говорит: «Божественная справедливость есть общение, в основании имеющее равенство. Не одинаково ли со всех сторон небо распростирается и не всю ли землю оно обнимает своим кругом? Не одинаково ли для всех блещут ночью все звезды? Не одинаково ли на всех, которые могут видеть, Господь изливает свыше лучи солнца, которое состоит источником дня и отцом света? И не все ли равно могут наслаждаться созерцанием сего светила (Пс. 103:22 и др.)? Ибо Бог не различает бедняка от богача и от сильного сего мира, глупца от умного, женщину от мужчины, хозяина от раба. Даже и в отношении к животным Он действует не иначе. Изливая с высоты неба на всю совокупность животного царства, без различия в нем животных добрых от дурных, одинаковую долю света, Он утверждает царство справедливости, чтоб ни одно из них не имело пред другим ничего преимущественного и у соседа

не отнимало доли света для удвоения чрез это света, падающего на его собственную долю. Солнцем порождается и пища общая для всех животных. Всеобщей справедливостью наблюдаются одинаково интересы каждого; и в этом отношении воли равны телкам, боров свинье, овца барану; то же самое и другие животные. В этом общении имуществ обнаруживается распределение их справедливое. Далее одной общей силой подобным же образом и хлеб осеменяется, каждый вид его. Одинаковая и общая для всех животных пища покрывает поверхность земли; здесь они и пасутся без всякого различия. По устройению Щедродателя она поровну распределена между всеми ими: такова была воля Его. Но и касательно произхождения нет между ними никакого писанного закона. Если бы он и существовал, то животные его уничтожили бы. Одинаково они сходятся с первой встречной и рожают по причине общенья, какое дочь справедливости, природа, установила между ними; все равно имеют участие в сем общении. Создатель и отец всех вещей одинаково, по закону справедливости, всем им, дал глаз, чтоб они видели не различая самца от самки, человека от животного; словом не установил Он никакой между ними разницы. Равно всех их наделив общим даром зрения, Он чрез то разом всех их наградил, чрез подчинение их одному и тому же закону. Законы, говорит Епифан, не в силах исправить людское невежество; они научили людей лишь поступать противозаконно. Законами особенными, частными священное общение, установленное законом Божественным, было лишь разрушаемо, прибавляет Епифан, и обгладываемо». Не выразумел он сего слова Апостольского чрез закон я узнал грех (Рим. 3:20; 7:7). «Мое и твое, продолжает Епифан, проникали к людям украдкою путем закона. С тех пор люди не стали наслаждаться сообща ни землею, ни приобретенным имуществом, ни браком, как прежде наслаждались, хотя все это общее. Ибо Бог творил виноград одинаково на потребность всех; Он не отказывал в своих плодах ни воробью, ни вору. То же самое с хлебом и другими плодами. Нарушение общения и равенства стало порождать воров, кои красть стали животных и плоды. Бог же, все

создавая на пользу общую, сближая оба пола брачным союзом, и таким образом соединяя живые существа, провозглашал как высшее правосудие общину и равенство. Но так родившиеся не признают общения, в силу которого они произошли, общения мужчин и женщин». И говорит этот самый Епифан: «Если кто женится, то пусть не удерживает жену только у себя, но пусть предоставит ее в общее пользование, потому что все могут совокупляться со всеми, как это доказывается другими животными».

Буквально так и говорит Епифан. За тем он прибавляет, и буквально в этих самых словах: «Дабы обеспечить непрерывное продолжение рода, Бог возбудил в муже пожелание более неистовое и сильное, чем в женщине. И пожелания этого не могут заглушить никакой закон, никакой обычай, ничто; это закон Божественный».

И как нам останавливаться дольше на обсуждении сего учения, явно ниспровергающего закон Моисеев и Евангелие? Закон говорит: Преступной склонности у женщин не ищи (Исх. 20:13). И Евангелие: Кто смотрит на женщину с пожеланием, тот уже грешит (Мф. 5:28). Это слово закона: Не пожелай (Исх. 20:17) показывает, что это говорит тот же самый единый Бог, который дал закон, пророки и Евангелие, ибо написано: Не пожелай жены ближнего своего. Но еврей еврей не ближний; он его брат, и получен ими один и тот же Дух⁴⁰¹. Под ближним нужно разуместь всякого человека из другого народа, и в самом деле как же он не ближний наш, когда он имеет причастие того же самого Духа? Авраам есть отец верующих не только из евреев, но и из язычников (Гал. 3:7). Если же закон наказывает смертью жену, снискавшую склонность другого мужчины и самого этого мужчину, то очевидно, что заповедь, так изложенная: Не пожелай себе жены твоего ближнего, имеет отношение и к язычниками. Закон хочет, чтобы тот, который во имя его воздерживается от сестры и жены своего ближнего, признавал публично и эти слова Спасителя: И Я вам говорю: Не пожелай. Прибавлением этого местоимения Я сия заповедь еще более усиливается.

А что Карпократ и Епифан восстают против Бога, это доказывается еще следующим местом, которое находится в столь распространенном между невежественным народом его сочинении, озаглавливающимся «О справедливости»: «Поэтому смешным нужно считать это слово Законодателя: Не пожелай и т.д. даже до этого еще смешнейшего: имущества твоею ближнего. Разве не Он же вложил в нас это пожелание, собой обуславливающее произхождение? А тут Он же сам нам повелевает это желание укрощать, тогда как ни у одного из животных его Он не отнял. И эти слова жена твоего ближнего, чрез которые Он общее достояние переводит в частную собственность, еще не смешнее ли»? Таковы удивительные учения Карпократиан. О них и еще некоторых других несчастных приверженцах того же самого разврата говорят, что мужчины их и женщины, собравшись на пиршество, – потому что не могу же я назвать эти их сходки агапами, т.е. вечерами любви (какие были у первых христиан) – и наевшись досыта, так чтобы кушаньями было возбуждено расположение к плотскому удовольствию, они опрокидывают светильники, – ибо их справедливость, ах, ошибся, распутство их не может выносить света, – совокупляются как попало, как хотят и с кем хотят ⁴⁰². Говорят также, что после такой оргии с женщинами на вечере они уже и днем и от других, от каких бы им вздумалось, женщин требуют подчинения, я не говорю святому, – Боже меня сохрани, – а сему Карпократорскому закону. Подобные же законы беспутства, полагаю, Карпократ должен был бы преподавать еще собакам, свиньям и козлам.

Мне кажется, плохо он понял слова Платона в его творении «О государстве»: «Все женщины должны рассматриваться как общее достояние». Общим достоянием Платон называл женщин в том смысле, что раньше замужества за каждую из них можно свататься кому угодно. Подобным образом театр есть место собрания общее для всех зрителей. И не смотря на то Платон хотел, чтобы по выходе замуж женщина принадлежала уже одному супругу, а не была бы достоянием общим ⁴⁰³.

Ксанф в своем сочинении «Маги» передает, что волхвы разделяли ложе с матерями и дочерьми, что у них считалось

позволительным сближаться с сестрами и что женщины считались у них достоянием общим ⁴⁰⁴. И это было не вследствие какого-либо насилия, ни вследствие хитрости, но происходило это по взаимному соглашению; как скоро кто желал, мог он сходиться с женой другого.

Мне кажется, что Иуда в своем послании сказал пророчески именно об этих еретиках и о всех, впадающих в подобное заблуждение: Так точно будет и с сими мечтателями (ибо они отвергают истину, бредя как бы во сне и находясь в состоянии мечтательства) и т.д. даже до слов: И уста их произносят слова надутые (Иуд. 8–16).

3. В какой степени Платон и другие древние философы предшествовали Маркионитам и другим еретикам в учении, что воздерживаться от брака следует по причине зла, проникающего творение и для избавления людей от страданий, горя и печалей, на которые они рождаются

Платон, по правде сказать, потом еще Пифагорейцы⁴⁰⁵ держались именно этого мнения, т.е. что рождение детей есть зло. Маркионитами же лишь подновлено было это мнение. Итак, Платон, говорю я, полагал, что произрождение вещь дурная. Все же он далек был от учения об общности жен. Маркиониты же пошли дальше. Они говорят, что человеческая природа нехороша, что и материал, из коего она создана, тоже скверный, хотя и вышел он из рук Создателя правосудного⁴⁰⁶. Потому-то де они и отказываются населять мир, создание Творца и утверждают, что нужно воздерживаться от брака⁴⁰⁷, хвалясь открыто, что они сопротивляются своему Творцу и стремятся к Существому благому, которое их призвало, которое состоит их Богом, а не к тому, говорят они, которое держится иного чем они образа мыслей и действий. И по силе этого-то своего сопротивления, дабы ничего не оставить в сем мире, что напоминало бы их, они наблюдают воздержание, – не из почтения перед ним, а из мести Создателю и дабы ничем из того не пользоваться, что сотворено Им. Однако эти самые люди, которые из за нечестивой войны против Бога потеряли всякое естественное чувство и здравомыслие, эти же самые люди, презирающие Бога за Его долготерпение и благость (Рим. 2:4), они же, отказываясь жениться⁴⁰⁸, однако же пользуются созданными Богом родами пищи и дышат воздухом Создателя; да и сами они состоят творением рук Его и живут среди Его творческих дел.

Они, по их словам, в этом случае предъявляют учение новое. Пусть так. Но по крайней мере пусть благодарят они Господа за то, что Он создал мир, потому что это ведь не вне

сего мира произошло, что они получили новый завет. Но когда дойдем до вопроса о принципах, мы опровергнем это их лжеучение обстоятельнее.

Что же касается до философов, о которых мы упомянули и из учения которых Маркиониты заимствовали свое нечестивое учение, будто продолжение рода преступно, но которым учением тем не менее они хвастаются, как если бы это было ими самими измышленное учение, то они не то хотят им выразить, как если бы продолжение рода было преступно по природе, нет, а что оно сделалось таковым из-за души, изменившей правде. Ибо нашу душу, по субстанции своей божественную, они представляют низведенною на землю как бы в место казни⁴⁰⁹. И по их мнению душа присоединена к телу для очищения. Следовательно это учение исходит не от Маркионитов, а от тех, которые думают, что душа втолкнута в тело⁴¹⁰ и что она живет в оном связанною и что она так сказать перелита из одного тела в другое. Мы опровергнем их позже, когда будем говорить о душе.

Итак, оказывается, что еще Гераклит проклинал продолжение рода. Он говорил: «Родившиеся хотят жить и рождать, но лишь затем, чтоб потомки их несчастья терпели, и потом умерли. Или лучше: они хотят успокоиться от зол, оставляя после себя детей, которые также должны умереть». Но и Эмпедокл был того же мнения:

Я плакал, восклицает он, и горевал, в первый раз увидя неприглядный этот мир, к коему и впоследствии никак не мог привыкнуть.

Он говорит еще:

Бытие наше природа изменяет, из живых чрез смерть нас мертвыми делая.

И в другом месте:

Великий Боже! Как несчастен этот род смертных! Как жалок он!

Бедные смертные! На какие раздоры и печали вы обречены!

Сивилла также говорит:

Смертные люди, люди телом облеченные, собою представляющие ничто.

Подобное пишет и Гомер:

Вряд ли несчастная земля питает существо более несчастное чем человека.

(Одис. XVIII, 130).

Феогнис тоже доказывает, что продолжение рода есть зло. Он говорит:

Из всех благ для земнородных высшее есть не родиться

И не видеть блестящего солнца;

Для того же, кто родился, высшее счастье как можно скорее преступить порог смерти и успокоиться под кучкою земли в могиле.

(Gnom. v. 425).

Трагический поэт Еврипид говорит в том же смысле:

Нужно вам собираться

И плакать, когда ребенок родится, видя его вступающим в цикл страданий.

А когда он умрет и от тяжелых трудов успокоится, следует радоваться и несть на костер из дома среди радостных поздравлений.

В другом месте он ту же мысль выражает так:

Кто знает? Быть может жить значит умирать и умирать значит жить?

Геродот оказывается вложившим в уста Солона подобные же слова: «О Крез! Каждый человек не больше как ничтожество».

И о Клеобисе и Битоне басня написана с очевидной целью проклясть день рождения и восхвалить смерть.

Каков род листьев, таков же род и людей,

(Ил. VI, 146 и д.),
говорит Гомер⁴¹¹.

В «Кратиле» Платон влагает в уста Орфею слово, что «в облечении ее телом душа несет наказание». Вот слова Платона: «Некоторые утверждают, что тело (σῶμα) есть могила (σῆμα) души, потому что в настоящей жизни она как бы погребается. А так как душа чрез тело выражает свои состояния, то тело может быть считаемо и знаком (σῆμα) души».

Кажется, это Орфей назвал так тело, потому что душа в нем терпит наказания за прежние проступки.

Кстати здесь припомнить слова и Филолая. Этот Пифагореец говорит нам: «Богословы и древние гадатели свидетельствуют, что душа была присоединена к телу для омытия прежних преступлений и чтобы она оставалась погребенною в теле как в могиле».

Но и Пиндар, говоря об Элевзинских мистериях, делает такое заключение: «Кто только их видел, сойдет в недра земли счастливым. Он знает конец жизни. Он знает власть данную Зевсу».

Платон в «Федоне» также не побоялся написать следующие слова: «Установители мистерий не иное что сим сделали для нас как» и проч. даже до слов: «Он будет жить с богами».

А вот и другие слова того же самого Платона: «Доколе пребываем мы в этом теле и доколе наша душа оказывается примешанною к этому злу, никогда мы не в состоянии будем вполне достигнуть предмета наших желаний».

Не на то ли все эти писатели вышеприведенными своими выражениями намекают, что продолжение рода состоит причиною наибольшего зла и бедственности?

Платон еще раз и то же самое свидетельствует в своем «Федоне»: «Может статься, что касательно занятых философией чернь не знает, что все их усилия на то обращены, как бы выйти из сей жизни и ежедневно умирать для нее». Платон прибавляет: «Вот почему душа философа имеет величайшее презрение к телу и изо всех сил старается убежать из него, стремясь к существованию самостоятельному на свободе от уз его».

Не сходится ли здесь Платон со св. Апостолом, который так же говорит: Несчастный я человек! Кто меня освободит от этого тела смерти (Рим. 7:24), если только Апостол не говорил образно и под этим телом смерти не разумел произволения тех, кои позволяют себе увлекаться пороком.

Платон, как оказывается, и к плотскому соитию, началу продолжения рода, питал отвращение еще раньше Маркиона. В 1-й кн. своего творения «О государстве» восхвалив старость, он

прибавляет: «Знай же, что чем больше во мне позыв на сладострастие притупляется и утихает, тем больше в глубинах души моей пробуждается вкус к науке и тем глубочайшее и полнейшее удовольствие она мне доставляет». А когда затронут был вопрос о плотских удовольствиях, он воскликнул: «Поздравьте меня! Сбросив с себя цепи удовольствий, я чувствую себя как бы от жестокого тирана и грубого учителя освободившимся». И осуждая в «Федоне» опять-таки продолжение рода он прибавляет: «Мысль, какая мистериями тайно внушается нам, это та, что мы и другие люди, находясь в этом теле, находимся как бы в тюрьме». И еще: «Те-то, кажется, превосходят других святостью своей жизни, которые себя увольняют и освобождаются от уз, кои нас удерживают на земле как бы в темнице и отходят из оной горе, в жилище чистое и беспорочное».

Таково было, несомненно, мнение Платона. Он понимал однако, что вселенная управляется мудро, и потому сказал: «Не следует самому себя отрешать от сей жизни, ни убегать из нее, как бегут невольники от своих господ».

И как бы это сказать Маркиону одним словом? Нет у Маркиона поводов смотреть на материю как на зло, когда Платон писал о мире эти благочестивые слова: «Все доброе, содержимое миром, им получено от Бога, оный создавшего. А все, что есть под солнцем дурного и несправедливого, в мир вошло из состояния предшествовавшего его сотворению, что и передается теперь существам одушевленным»⁴¹². Потом прибавляет он эти еще более положительные слова: «Причиной всех этих зол для мира состоит элемент материальный, вошедший в состав тел, элемент составлявший собою часть и первобытной природы. Ибо прежде чем быть ему так организованным, как он организован теперь, был он, подобно самой природе всей, безобразным и беспорядочным».

И в «Законах» (кн. II), Платон не менее горюет о человеческом роде. «Боги, говорит он, сожалея об осужденном на труды человеческом роде, назначили ему для отдыха периодический возврат праздников».

И в «Эпиномиде», выставляя, что именно в людях достойно сожаления, Платон выражается так: «Начало жизни для каждого одушевленного существа трудно. Сперва оно должно проходить чрез состояние зародыша. Потом оно рождается. Потом кормят его молоком. Потом воспитывают. Каждая вещь, как все мы это знаем, достигается ценою лишь сложных трудов».

Но что же? Разве и Гераклит не говорит так же, что «родиться значит умереть»? В этом он сходится с Пифагором и Сократом. В «Горгиасе» последний вот что говорит: «Смерть есть все то, что мы видим пробуждаясь. Сон же есть все то, что мы видим во сне».

Но довольно о сем предмете. Когда мы будем обсуждать принципы жизни, то войдем в разбор и этих несуразиц, высказываемых философами, а Маркиониты из коих составили особое учение. Впрочем нами кажется уже и довольно ясно показано, что Маркион только по невежеству и по непониманию Платона свое странное учение мог возводить к нему.

Нам предстоит теперь сказать словечко еще о воздержании. Мы утверждали, что Эллины, обращая внимание на трудности, соединенные с рождением и воспитанием детей, много говорили против сего и что Маркиониты составили из всего этого целое нечестивое учение, оказавшись неблагодарными по отношению к Создателю. Вот что говорить трагический поэт:

Лучше было бы для смертных вовсе не родиться, чем родиться.

С страшными болями рождаю я.

По рождении же оказывается, что произвела я на свет детей малоумных.

Я огорчаюсь, но напрасно. Имею на лицо дурных,
Добрых же теряю. Если мне удастся убересть последних,
Сохнет мое несчастное сердце от страха за них.

Это ли счастье? Не лучше ли

Расстаться мне одной с жизнью, чтоб не смотреть на тысячу
страданий, испытываемых другими?

И потом поэт прибавляет:

Мне всегда казалось, но и поныне еще кажется,
Что люди никогда бы не должны рождать детей,

Видя, для скольких зол мы их рожаем.

И в следующих стихах поэт ясно указывает на причину наших бед, возводя сие к исходным началам. Он восклицает:

О человек! Ты родился для страданий и на несчастья.

Ты человеком стал, и сей жребий жизни,

Его ты в ту минуту получил, как начал тебя

Воздух питать, который собою и всех смертных оживляет.

Не забудь же, смертный, что ты смертен.

И еще в том же смысле говорит он:

Нет ни одного смертного, который знал бы счастье лишь и благоденствие.

Нет никого, кто прожил бы без напастей.

(Ифигения в Авлиде ст. 161).

И потом опять:

Увы и ах! Как грубы и многочисленны злые судьбы смертных!

И как они разнообразны! И нет никого, кто положил бы им предел!

(Антиоп. фрагм. ст. 98).

И в другом месте:

Между смертными нет ни одного, который был бы счастлив до конца.

(«Умоляющие» ст. 269).

И вот, как говорят, причина, по которой Пифагорейцы воздерживаются от плотских вожделений. А мне так кажется, что они именно для того и женятся, чтоб иметь детей. Дело в том только, что по рождении детей они уже обуздывают свои чувственные склонности. По той же таинственной причине они запрещают употребление в пищу бобов; не из-за ветров, какие производит эта зелень и не из-за неудобоваримости ее и не из-за порождения ею туманных снов и не из-за сходства бобов по внешнему их виду с головой человека, хотя и навязывается им это сими стихами

Голову отца есть и бобы есть одно и то же.

Скорее запрещение это употреблять в пищу бобы из того возникло, что бобы влияют на бесплодие женщин, ими питающихся⁴¹³. И действительно Феофраст в V-й книге своего

сочинения под заглавием «Естественные причины» передает, что шелуха бобов, набросанная на корни молодых деревьев, их сушит; равным образом и из домашних птиц те, которых постоянно кормят бобами, делаются бесплодными.

4. Предлоги, измышляемые еретиками для прикрытия всякого рода своевольтв и распутства

Из впадших в ересь мы назвали Понтийского жителя Маркиона, который, объявив борьбу своему Творцу, отказывается пользоваться вещами этого мира. Но мотивом его воздержания, если только оное можно назвать так, состоит ненависть, возмущение против самого Творца. В борьбе, которую сей нечестивый великан объявляет самому Богу, он сам себя осуждает, на невольное воздержание, издеваясь над творением и делом Божеским. Думает он опираться на слова Господа, Им обращенные к Филиппу⁴¹⁴: Предоставь мертвым погребать своих мертвецов, ты же следуй за Мною⁴¹⁵ (Мф. 8:22; Лк. 9:60). Но пусть он узнает, что Филипп имел конструкцию тела подобную нашей и не походил на разложившийся труп. Итак, каким же это образом, будучи облечен телом, он не труп имел в нем? А таким, что он восстал из могилы чрез попрание его страстей смертью Господа и чрез жизнь свою во Христе Иисусе⁴¹⁶.

Мы уже упоминали и о нечестивом учении Карпократа касательно общности жен, но по поводу некоторого изречения Николая мы оставили без изложения следующий относящийся к оному факт⁴¹⁷. Говорят, он имел жену во цвете лет и красоты. По вознесении Господа, когда Апостолы стали стыдить его за ревность, он привел свою жену в среду Апостолов и предложил жениться на ней кому угодно. Поступок этот, говорят Карпократиане, совершенно согласуется с этим изречением Николая: «Нужно иждивать плоть». Ученики Карпократа, принимая эти поступок и изречение Николая буквально и без обсуждения, отдаются публично бесстыднейшему любодеянию. Но, насколько я знаю, Николай не знал другой женщины кроме той, на которой раз женился. Известно также, что его дочери состарились в девицах, а сын его остался безбрачным. Дело же происходило так. Приведя в среду Апостолов жену свою, в ревности к которой его упрекали, Николай чрез самое оставление преувеличенных забот о ней, хотел оправдаться во

взводимой на него страсти и в последующее время, воздерживаясь от сношений с ней, самым делом учил, что должно иждивать свою плоть, т.е. свою чувственность умерщвлять. Ибо и он и его жена не хотели, согласно с заповедью Спасителя, служить двум господам (Мф. 6:24; Лк. 16:13), т.е. Богу и любострастию. Вот почему, как уверяют, Матфей тоже учил, что «нужно бороться с чувственностью и не послаблять влечениям своей плоти, отказывая ей во всем том, чем сладострастие может поддерживаться, вместо же того возвышать душевные силы чрез усиление в себе веры и познания».

Есть еще другие еретики ⁴¹⁸, которые обращение и связи с Афродитой шатуньей называют «общением» таинственным, оскверняя чрез это святое сие слово. Подобно тому как слово «делать» мы употребляем безразлично для обозначения как доброго действия, так и дурного, все равно называя этим именем и «дело» доброе и злое: точно то же произошло и с этим словом «общение». Но общение спасительное состоит напр. во вспоможении деньгами, пищею и одеждою; еретики же – те этим словом нечестиво стали называть различные плотские связи с Афродитой. Рассказывают про одного из таких беспутников, что раз приблизившись к одной из наших девиц, только что вступившей в возраст юной привлекательности и красоты, он сказал: Всякому просящему у тебя дай (Мф. 5:42; Лк. 6:30). Эта же, ни мало не понимая плотской разнузданности этого человека, ему ответила языком невинности: «Но относительно брака вам следует говорить с моей матерью». О нечестие! Беззаконники эти доходят до извращения слов даже Господа. Они между собою действительно поддерживают общение, но только по распутству; они братья, но только по сладострастию, позорящие собою не только любовь к мудрости, но и всю человеческую жизнь чрез искажение истины, или лучше сказать, – насколько это от них зависит, – из-за разорения ее это люди троекратно жалкие, на плотское любодеяние смотрящие как на какое-то священнодействие, и при этом еще осмеливающиеся воображать, что переходят чрез оное в царство Божие. Нет, не

сюда, а в притоны разврата приводит их это взаимное соображение; достойными им компаньонами могли бы быть козлы и свиньи; публичные женщины, бесстыдно в глубины своих притонов всегда готовые принять всякого искателя распутства, в глазах этих еретиков особенно обнадужены спасением. Но тому ли вы научены Христом, если подлинно Его слушали и в Нем пребываете? Он, в котором есть истина, учил, что следует совлекаться ветхого человека, по которому жили ранее, и который из-за следования иллюзиям своих страстей лишь разлагается, а обновляться в глубинах души своей и облекаться в нового человека, созданного по образу Божию в праведности и святости истинных (Еф. 4:20). Будьте же подражателями Богу как Его возлюбленные чада и любите друг друга, как и Христос нас возлюбил и предал самого себя за нас, собой представив приношение Богу и жертву благоуханную. Пусть не будет слышно между вами о любодеянии, ни о каких бы то ни было непристойностях, ни о скупости, как это подобает святым. Пусть не будет слышно между вами ни непристойных слов, ни безумной веселости (Еф. 5:1–4). Уча нас наблюдать чистоту даже в словах, Апостол пишет: Ибо знайте, что никто из сбившихся с правого пути и т.д. даже до слов: но и обличайте их (Еф. 5:5–11).

Разбираемое нами еретическое учение проистекает из одной апокрифической книги. Я выпишу из нее даже и место, в них породившее и развившее их распущенность. Если они сами сочинили эту книгу, то какое сумасбродство уже и самому Богу лукаво и облыжно приписывать невоздержность! Если же они усвоили эту книгу от кого-нибудь другого, то чрез извращение смысла они подмешали яду в прекрасное это сообщение Евангелия. Вот место, о котором идет речь: «Все было Одним. Но после того как универсальному Единству надумалось, что не хорошо быть Одним, стало выходить из Него Дыхание и Оно соединялось с Ним; от союза Их между Собой произошел Возлюбленный. Потом из Него вышло еще Дыхание, с которым Единство также соединилось и от сего союза произошли Власти (один из чинов ангельских), которые не могут быть ни видимы ни слышимы и т.д. до слов «каждого отличил его собственным

именем». Если бы эти еретики, подобно последователям Валентина, положили в основу своего учения общение духовное, то может быть они еще и нашли бы себе нескольких приверженцев. Но возвысить до степени святого учения общение в плотских удовольствиях, это свойственно лишь человеку, не признающему спасения.

Таково же учение последователей Продика, усвояющих себе, но без всякого на то права, тоже имя гностиков. Именуя себя по самой природе своей сынами первого Бога, они злоупотребляют благородством происхождения и ложно понимают свободу, живя по своим прихотям. Прихотливые же мечтания эти увлекают их к чувственным удовольствиям. Они объявляют себя «свободными от всяких уз воздержности», «господами субботы» (Мф. 12:8) «и высшими всего по причине превосходства своего рода, так как они сыны-де царские; для царей же, говорят они, закон не писан». Ложь! Во-первых цари не все делают, что хотят. Несмотря на все их желания и все их усилия, воля их себе встречает помеху во множестве препятствий. А что они и делают, то совершают не в качестве царей, а в качестве негодных рабов, страшщихся за дурное поведение наказания плетми. Втайне хотя они и позволяют себе искать у женщин преступно преступной склонности, но постоянно боятся, как бы не быть на сем предосудительном деле пойманными, уклоняются от суда общественного мнения, избегают наказания.

Да и что это за свобода в невоздержности и в сквернословии? Всякий согрешающий, говорит Апостол, есть раб (Рим. 6:16). И как может жить по заповедям Божиим тот, который следует всякому пожеланию? Как он повиноваться будет Господу, который сказал: Я же говорю вам: Не пожелай (Мф. 5:28)? Сожалеет мы уже и о тех, кто грешит невольно. Что же сказать о тех, кто грешит с умыслом? Не жалкие ли это люди, кои заискивание преступной склонности у женщин в учение возводят, предаются сладострастию и оргиям, позволяют себе осквернять и бесчестить брачное ложе других? Но если бы они перенесены были и в другой мир, и там не будут они на своем месте, так как не были верны в чужом (Лк. 16:11,

12). Ругает ли и оскорбляет ли гость жителей города, в котором принят? Старается ли он вредить им? Пришед на короткое время в оный, не будет ли он напротив жить в нем как человек честный, пользуясь тем что ему необходимо, а из тех, кто ему оказал гостеприимство, никого своей неблагопристойностью не обижая и никому собой не причиняя соблазна (1Петр. 2:11, 12)?

Как? Даже и законам не повинующиеся и себя ведущие столь же позорно, как и те, кои мерзки в глазах даже язычников, как и злочестивцы и разнузданные беспутники и нахалы и женщин соблазнитель и те смеют говорить, что Бога знают? Живя в мире им чуждом, они должны были бы доброй своей жизнью доказать, что свойственны им склонности поистине царственные. Теперь же, и сами ведя и других уча вести образ жизни противный законам и Божью и человеческим, они оказываются ненавистниками и врагами и того и другого.

Несомненно, что израильтянин, по книге Числ «пронзивший» беспутника, сделал дело достохвальное, как свидетельствует об этом сам Бог (Числ. 25:8). И если мы говорим, пишет Иоанн в своем послании, что мы имеем общение с Ним, т.е. с Богом, а ходим в темноте, то мы лжем и не поступаем по истине. Если же мы ходим во свете, подобно как сам Он свет есть, то мы имеем общение с Ним и кровь Христа Иисуса, Сына Его, очищает нас от всякого греха (1Иоан. 1:6, 7). Итак, откуда же они взяли, что лучше людей века сего, так же действующих? Не лучше, а дрянь они людского общества. Я думаю, что и по природе они суть изгои человеческого общества, если делами таковы. Те, которые мнят о себе, что они происхождения высшего, превосходить должны других и своим поведением, дабы избежать заключения в ту же (одну с злодеями) темницу (1Петр. 3:19). Ибо поистине, как сказал Спаситель, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в царство Божие (Мф. 5:20).

Касательно же воздержания от пищи примеры в кн. пророка Даниила (Дан. 1). Коротко же сказать о послушании Давид в своих псалмах так поет: Как юноше содержать в чистоте путь

свой? И юноша слышит тотчас же такой ответ: Исполнением слова Твоего от всего сердца (Пс. 118:9). Открываю книгу Иеремии и вот что говорит Господь: Не ходите по путям язычников (Иер. 10:2).

Но здесь некоторые другие еретики, люди разума очень ограниченного и ничего не стоящие, говорят, что человек есть творение разных сил. Часть, говорят они, надчреваемая есть произведение наиболее Божественного искусства, нижние же части произведение существа низшего; отсюда наклонность этих частей к половому совокуплению. Но еретики эти не обращают на то внимания, что и верхние части тянутся к пище, у некоторых же и сладострастны. Между прочим они противоречат в сем Христу, который сказал фарисеям, что один и тот же Бог сотворил и внутреннего в нас человека и внешнего (Лк. 11:40). И то еще скажу против сего, что вожделение не происходит от тела, хотя и удовлетворяется телом.

По учению некоторых других еретиков, называемых Антитактами (противоборствующими), Бог вселенной есть истинный наш Отец по природе и все сотворенное Им хорошо. Но некое из созданных Им существ посеяло плевелы, породило зло и всех нас опутало его сетями, восстанавливая против Отца. И вот почему, говорят они, мы противимся сему создавшему зло существу, чтобы чрез сопротивление воле сего второго Творца отомстить за Отца. И так как Преступной склонности у женщин не ищи слово это изречено сим второстепенным Творцом, то мы и вступаем в связи с женщинами, запрещенные этим творцом зла, а не Отцом и ниспровергаем заповедь не истинного Творца, а злотворца. Наш же ответ им таков: Лживыми пророками состоят и те, кои подлинный свой образ мыслей выдают своими делами, ибо мы научены (Христом) по делам судить о людях (Мф. 7:16). Если дела ваши имеют худую славу, то как вы можете утверждать, что держитесь истины? Потому что зло или вовсе не существует, и тогда не заслуживает порицания и то существо, которое вами обвиняется за сопротивление Богу; да и зла оно вовсе значит и не сотворило, потому что с уничтожением плода истребляется и дерево ⁴¹⁹.

420

Или же если существование зла субстанциальное ⁴²⁰, то пусть сии Антитакты ответят нам: как назовут они данные нам заповеди относительно праведности, воздержности, терпения, постоянства и т.п. предметов? Хороши они или худы? Если заповедь, запрещающая все постыдные вещи, дурна, то вот зло издает законы против самого себя и работает над уничтожением самого себя: вещь невозможная. Если же заповедь хороша, то эти еретики значит сами признают, что противясь заповедям они отвергают добро и творят зло. Но уже и Спаситель сам, которого одного, если поверить им, только и следует слушаться, запрещает и ненависть и обиды (Мф. 5:43 –44; Лк. 6:27 –28), Идя с противником, говорит Он, старайся примириться с ним (Мф. 5:25; Лк. 12:58). Или же наконец они отказываются слушаться увещаний и Христа, сопротивляясь таким образом уже и Тому, Кто сам злотворцу противился. Если же они любят Его, то не должны и восставать против Него.

Что далее? О вы (мнимо) благородно рожденные и по образу мыслей и расположений (мнимо) благородные, – говорю, как если бы они предо мною были, – ужели не замечаете вы, что отвергая столь целесообразные заповеди, вы собственному своему спасению противитесь? Нет, не над оспорением изданных на пользу общую заповедей вы работаете чрез доказывание неверности их, а свое собственное спасение ниспровергаете. И Господь сказал: Дела ваши добрые да светятся (Мф. 5:16). Вы же открываете пред всеми лишь ваши любострастие и разнузданность.

И иначе мы спросим вас. Если вы хлопчете об изглажении заповедей Законодателя, то почему однако же стараетесь изгладить лишь те из них, которыми вводятся в границы чувственные наслаждения? Таковыми состоят заповеди: Преступной склонности у женщин не ищи (Исх. 20:14), Не содомствуй (Лев. 18:22) и вообще все те заповеди, коими предписывается воздержность. Между тем вот вы не хлопчете об уничтожении зимы, хотя она дело того же самого Законодателя. Отчего бы вам не устроить лето средь зимы? Отчего вы о том не заботитесь,

Чтобы море сделать пешеходным, а сушу мореходной ⁴²¹,

как желал этого, по свидетельству историков, варвар Ксеркс? Почему же не восстаете вы вообще против всех заповедей? Творцом же мира ведь изречено и это определение: Плодитесь и размножайтесь (Быт. 1:28; 9:1), и вы, противоборствующие Творцу, должны бы воздержаться от плотских дел. И так как Он же говорит: Вот Я все дал вам в пищу (Быт. 1:29; 9:2, 3) и в ваше удовольствие, то вы ничем из этого не должны были бы пользоваться, ото всего отказаться. А и когда Он говорит: Око за око (Исх. 21:24), то вы не должны были бы отвечать на нападение и на удар сопротивлением и отпором. И когда Он укравшему какое-либо из четвероногих животных повелевает возратить оное хозяину, вам не следовало бы отдавать его (Исх. 22:1), напротив придать вору еще что-нибудь. Подобным образом если вы отказываетесь повиноваться этой заповеди: Возлюбиши Господа (Втор. 6:5), то вы не должны были бы любить и Бога вселенной. И когда Он говорит вам: Не делай ни ваяных кумиров ни литых (Втор. 27:15), то вам нужно было бы быть последовательными и поклоняться и резным. И ужели вы не нечестивцы, когда Творцу, как сами говорите, противитесь а распутным женщинам и любодеем соревнуете? Неразумные! Ужели вы не понимаете, что чрез это вы лишь возвышаете могущество того самого Бога, которого слабым считаете? Потому что это Его ведь воля исполняется, а не воля того благого Бога, которого вы признаете своим Богом. Напротив не обнаруживаются ли вами чрез это бессилие и ничтожество вашего Отца, как вы своего Бога называете?

Эти еретики еще оттуда и отсюда набирают пеструю смесь разных пророческих изречений, неудачно сливают их и склеивают между собою и принимают в буквальном значении то, что было сказано аллегорически. Писано, говорят они: Они противились Богу и были спасены (Мал. 3:15). Иные же прибавляют, к слову «Богу» еще эпитет «бесстыдному» (*ἀναίδης, impudens, бессовестный*) и затем изречение это со лживой в него вставкой они выдают за совет будто бы им данный и за заповедь чрез противоборство Творцу достигать спасения. Но прежде всего нигде не написано: Богу «бесстыдному». Но если

только нет в тексте искажения, то под «бесстыдным», о безрассудные. вы разумеете так называемого дьявола или потому, что он клеветник ⁴²² на человека или потому, что он обольститель грешников или потому, что он вероотступник.

Восстановим истинное значение сего изречения. Народ, к которому оно относится, с прискорбием и слезами переноса наказание за свои грехи, роптал, как передается нам в сем изречении свящ. Писания, на то что другие народы не бывают наказываемы за свои беззакония, между тем как с них за всякое прегрешение взыскивается строго. Оттуда это слово Иеремии: Почему нечестивые благоденствуют на путях своих (Иер. 12:1)? Подобно сему и вышеприведенное изречение Малахии: Они сопротивлялись Богу и были спасены. Пророки, будучи вдохновляемы Богом, не довольствовались простым провозглашением истины, получавшейся свыше, но, передавая ропот и жалобы народа, вносили в свои писания еще и возражения, с какими люди обращались к Господу. Именно к такого рода изречениям принадлежит и вышеприведенное. Апостол, имея в виду этого рода еретиков, в своем послании к Римлянам пишет: Некоторые злословят нас и говорят будто мы так учим: Сделаем зло, чтоб вышло добро. На таковых суд праведный (Рим. 3:8). Они, при чтении Писания изменяя голос, изменяют в угоду своему любострастию и смысл данного места. Они же чрез перестановку акцентов и некоторых знаков препинания толкуют в пользу своего сладострастия заповеди, исполненные мудрости и пользы. Вы прогневляете Бога речами вашими, говорит Малахия; и говорите: «Чем мы прогневляем Его? Всякий делающий зло хорош пред очами Господа. Вот к кому Он благоволит. И где правосудие Божие» (Мал. 2:17)?

5. Различение двоякого рода еретиков и опровержение тех из них, кои провозглашают, что все всем позволительно

Чтоб не скрестись больше в этой гнилой почве, мы пройдем молчанием большую часть еретических нелепостей. Не считаем за необходимое входить в разбор всех частных этого рода сумасбродства. Да и наблюдение благопристойности нас не допускает до сего. Кроме того и сии «Памятные Записки» наши от обсуждения всех мелочей слишком уже растянулись бы. Уклоняясь от всех этих неудобств, мы разделим все ереси на два класса и так осветим их. И действительно они или своеволие проповедуют и независимость от всякого рода порядков и уставов; или же, выступая из правой меры, проповедуют воздержность по мотивам нечестия и сварливости. Скажем сначала о первом классе еретиков.

Если позволительно избирать род жизни какой кому угодно, то ясно, что можно выбирать и род жизни воздержный: и если всякий род жизни верен, лишь бы только действительно он был выбран человеком, то очевидно, что жизнь воздержная и добродетельная тем надежнее. Потому что если «господину субботы» дано право никому не давать отчета в жизни распущенной, то ведущий себя прилично значит тем паче может не давать никому отчета в своем поведении. Ибо хотя и все позволено, но не все полезно, говорит Апостол (1Кор. 6:13; 5:23). Если же все позволено, то ясно, что и быть умеренным и воздержным позволено. Итак, достоин похвалы и воспользовавшийся своей свободой для жизни добродетельной; тем большего почтения и поклонения достоин Тот, который дал нам полную свободу и власть над самими собой и позволил жить как хотим, не пожелавши, чтобы при выборе одного образа жизни и уклонении от другого мы были подневольными рабами. Но хотя и одинаковое право на выбор имеет и тот и другой, и тот кто воздержность предпочитает и тот кто невоздержность находит себе более по нраву, то все же достоинство и пристойность и того и другого образа жизни еще

отноудь не одинаковы. Плотоугодник путается в доставлении приятностей своему телу, между тем как человек воздержный освобождает от страстей свою душу, властительницу тела.

Мы призваны к свободе, говорит Апостол. Но кто же и отрицает это? Будем наблюдать только, говорит тот же Апостол, чтобы эта свобода не была поводом к угождению плоти (Гал. 5:13). Но если нашему пожеланию ни в чем отказывать не следует и жизнь бесславную если считать должно делом безразличными, как утверждают это еретики, то что из этого следует? Следует значит безрассудно отдаваться всем нашими пожеланиям. А если это так, то можно значить доходить и до последних крайностей преступности и растления, следуя стопам наших советников. Или от исполнения некоторых из наших пожеланий мы можем значит и уклоняться: и тогда та или иная жизнь дело значит вовсе не безразличное, и следовательно нельзя нам быть робкими ласкателями нашего тупа ⁴²³, состоя бесстыдными рабами низших и презреннейших частей тела и тех, при названии коих мы краснеем. Ибо чрез удовлетворение пожеланий сладострастие питается и оживляется, точно так же как от недостатка этого рода пищи оно чахнет и гаснет. Статочное ли следовательно дело, чтобы побеждаемый телесным сладострастием уподоблялся Господу или о Боге имел понятие? Началом всякого сладострастия состоит пожелание, а пожелание есть мука и беспокойство, происходящие от некоторого недостатка. Вот почему те, кои признают его началом своего поведения, как говорится, вдобавок к бесчестью испытывают еще тысячи бед, так как и в настоящем и в будущем накликают на себя зло (Одис. 18, 72). Итак, если все позволительно и если бы не нужно было бояться за наши дурные дела быть отлученными от надежды, тогда еретики быть может еще имели бы некоторый предлог погружаться в бесстыдство и бесчинство. А так как жизнь блаженная указана нам во внимательности к Божественным заповедям, при общем последовании которым ничто не должно быть толкуемо превратно, ниже порицаемо что, хотя бы то была и малость какая, то значит следует идти туда, куда Логос поведет; потому

что отпадение от Него равносильно было бы безотменному погружению в вечное зло (Одис. XII, 18); тогда как следование Божественному Писанию, руководясь которым все верующие приходят к Господу, собой означает, насколько то возможно, уподобление Богу. Из этого следует, что (никакая тварь не может жить без закона и устава и что) дело далеко не безразличное жить так или иначе, что напротив всемерно должно стараться об очищении себя от плотских увлечений и пожеланий и хранить свою душу, пребывая оною в едином Боге. Ибо дух чистый, порочностью не загрязненный, по истине святилище есть, освященное возрастанием в нем образа Божия; человек проникается при сем свойством неким Божественным. И всякий, кто имеет сию надежду на Него, себя очищает, так как Бог чист (1Иоан. 3:3). Для одержимых же страстями знание и познавание Бога дело невозможное, а не знающим Бога невозможно приближаться и к полному совершенству. Незнание Бога есть причина, что неведущий не движется к сей цели; и именно за это незнание он и несет в сем застое своем осуждение. Ибо откуда происходит незнание Бога? От образа жизни, какой мы ведем. Не может быть, невозможно, чтобы человек рассудительный, знающий и помнящий Бога не стыдился и не краснел пред делами плотскими. А у вас выходит иначе; по вашему «сладострастие есть дело хорошее». Но как же это положение согласить с другим, что «добром может быть только то, что прекрасно и честно»? Как же у вас все это так? Или каким же это образом ваше определение сладострастия может быть согласовано с этим: «Только один Бог прекрасен; один Он благ и достолюбезен»?

Это во Христе вы обрезаны обрезанием нерукотворным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым (Кол. 2:11). Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, помышляйте о горнем, а не о земном, ибо вы умерли и ваша жизнь сокрыта со Христом в Боге (Кол. 3:1–3). И эта жизнь не есть жизнь сладострастия, которую ведут еретики. Умерщвляйте члены земного вашего человека: сладострастие, распутство, неблагопристойные страсти и злые пожелания; это преступления, навлекающие на себя гнев Божий. Отложите

гнев, неистовство, мстительность, злословие; изгоните сквернословие из уст своих. Совлекайтесь ветхого человека с его пожеланиями, а облакайтесь в нового, который по познанию истины обновляется по образу Создавшего его (Кол. 3:5–10).

Поведение известного человека обнаруживает собой содержание им известных заповедей. Каковы речи, такова и жизнь ⁴²⁴. По плодам познается дерево (Мф. 12:33), а не по листьям и не по сучьям. Итак, знание и памятование о Боге обнаруживается в плодах и в поведении, а не в речах и блестящих их. И из познания мы не делаем слова бесплодного и пустого, а науку Божественную, обращенную на деятельность. И свет познания, нисходящий в душу вследствие послушания Божественным заповедям, изнутри такого человека проникает и наружу: он делает для человека возможным самопознание и показывает ему путь, коим он должен идти для обладания Богом (для устроения в себе царства Божия чрез подчинение всего своего образа мыслей и действий воле Божией). Чем служит глаз для тела, тем же состоит познание (гносис, мудрость, деятельное знакомство с высшими принципами жизни) для души; и пусть не говорят еретики, что свобода состоит в рабском служении сладострастию; это значило бы хвалить сладость желчи. Мы научены, что единственно истинная свобода есть та, которою Бог нас дарит, освобождая нас от сладострастия, злых пожеланий и иных смятенных состояний души. Кто говорит: «я познал Его», а заповедей Его не соблюдает, тот лжец и истины в нем нет, говорит Иоанн (1Иоан. 2:4).

6. Опровержение второго рода еретиков, практикующих воздержание по злобе на Творца

Перехожу к другому роду еретиков, своим пресловутым воздержанием оскорбляющих и тварь и достохвального Творца, единого Вседержителя Бога. Они ни в брак не вступают, ни рожденья детей не одобряют, уча что не следует поставлять в мире на своем месте другие существа, имеющие быть столь же несчастными и послужить лишь пищей смерти. Им противопоставим мы следующее. И во-первых слово Апостола Иоанна: И теперь появилось много антихристов. Отсюда познаем мы, что настает последнее время. Они вышли из нашей среды, но не были наши; потому что если бы они были наши, то остались бы с нами (1Иоан. 2:18, 19).

Потом положения их лживого ученья могут быть ниспровергнуты и разрушены еще следующими соображениями. Саломии, спрашивавшей: «До коих пор будет длиться власть смерти», ⁴²⁵ Господь отвечал: «Доколе вы женщины будете рождать». Жизнь и тварь следовательно не суть что либо злое и дурное. Спаситель в сем дает нам как бы пальцами осязать естественную последовательность вещей: за рождением де следует и смерть всеконечно. Поэтому-то закон и поставляет себе целью отклонять нас от всякого рода чувственных приятностей и беспорядочности. Его намерение чрез упрочение между нами благопристойных браков, рождения законных детей и трезвенного, умеренного образа жизни приводит нас от лживости пред совестью и правдой к правоте и истине. Господь пришел не нарушить закон, а исполнить (Мф. 5:17). Исполнить. Но не то это значит, как если бы закон в чем либо ошибочен был, а то, что с пришествием Христа пророчества о Нем закона исполнились. И действительно Он, Логос, хвалил правые и святые установления жизни пред теми самыми людьми, кои и до закона жили законосообразно. Большинство людей, не ведущих, что такое воздержание, следовательно живут жизнью плотской, а не духовной и разумной; а без духа что такое представляет тело?

Не иное что как землю и пыль. И такой духовности Господь требует от нашей жизни, что уже мысль нечистую объявляет заискиванием склонности преступной (Мф. 5:18). Ибо что? Ужели нельзя в брачных отношениях наблюдать воздержность и не посягать на разлучение того, что Бог сочетал (Мф. 19:6; Мк. 10:9)? А разорители брака именно этому и учат, давая сим повод язычникам бесчестить и хулить имя христианское (Иак. 2:7; Рим. 2:24). И так как брачное общение, по суждению этих еретиков, есть дело преступное и нечестивое, то и сами они, плод брачного общения, следовательно суть гнусные злодеи, отвратительные плуты и мерзкие нечестивцы⁴²⁶. Как же иначе? Мне же напротив думается, что свято и семя освященных, зародыш, из которого они произошли. У нас, христиан, действительно не только дух, но и нравы и жизнь и тело должны быть освящаемы. Иначе в каком же смысле и для какой иной цели Апостол сказал, что жена мужем освящается, а муж женой (1Кор. 7:14)? Иначе, т.е. без сего взаимного освящения супругами друг друга, что значил бы и ответ Господа спрашивавшим Его касательно развода: Следует ли разводиться с женою, как позволил то Моисей? По жестокосердию вашему, сказал Господь, написал Моисей это. Не читали ли вы, что первосотворенному человеку Бог сказал: И вы двое будете плотью одной, так что кто разведется с женою своею не за преступное снискание преступной склонности другого мужчины, тот сам отпускает ее искать такой склонности (Мф. 19:3 и д.; Мк. 10:2 и д.) Но после воскресенья, прибавляет Господь, ни мужчины не будут жениться, ни женщины замуж выходить (Мф. 22:30; Мк. 12:23; Лк. 20:35). Ибо и о чреве и о пище сказано: Пища для чрева, а чрево для пищи, но Бог упразднит и то и другое (1Кор. 6:13). Апостол порицает здесь тех, кои жизнь на манер свиней и козлов находят достойной себя и осуждает спокойное с заглушением голоса совести погружение в объядение и утопание в животных вожделениях.

⁴²⁷ Но «воскресение в них, говорят еретики, уже совершилось»; поэтому де они и отвергают брак». Если так, то пусть перестанут они вместе с тем и есть и пить, ибо Апостол сказал, что в воскресении отменены будут и чрево и пища. Не имеют

они после сего права ни есть ни пить, ни прочим плотским вожделениям послаблять, коих отнюдь и не позволит себе верующий, достигший во Христе полного воскресения, цели наших надежд. И что я говорю? Самые идолопоклонники, даже и те наблюдают воздержность в пище и в чувственных уладах. Тем более царство Божие не есть пища и питье, говорит Апостол (Рим. 14:17) Известно, что и маги, поклонявшиеся ангелам и демонам, придают большое значение своему воздержанию от вина, мяса и дел низшей жизни животной. А подобно тому как смиренномудрие состоит в кротости, а не в небрежном отношении к телу (Кол. 2:23), точно так же и воздержность есть добродетель душевная, заявляющая себя не столько вовне, сколько в совести и сокровенном состоянии духа.

Есть еретики, брак прямо называющие делом незаконным и учащие, что это учреждение диавольское. Будучи надутыми бахвалами, они утверждают о себе, что подражают Господу, который оставался де безбрачным и не владел на земле никакой собственностью; и они похваляются, что лучше всех остальных христиан выразумели Евангелие. Но Писание отвечает им: Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (Притч. 3:34; Иак 4:6; 1Петр. 5:5). За тем они не вникают в причину, почему Господь оставался безбрачным. Во-первых Его невестой была церковь. Потом Он не был обыкновенным человеком, чтобы по плоти нуждаться в какой-либо помощнице. И детей Ему не было необходимости иметь, Ему, который живет вечно и есть едиnorodный Сын Божий. Но сей самый Господь говорит: Что Бог сочетал, человек да не разлучает (Мф. 19:6; Мк. 10:9). И еще: А как было во дни Ноя, когда женились и замуж выходили и дома строили, садили; и как было во дни Лота: так будет и пришествие Сына человеческого (Мф. 24:37; Лк. 17:28). И показывая, что это относится не к язычникам, Он добавляет: Но Сын человеческий пришедши найдет ли веру на земле (Лк. 18:8)? И опять: Горе беременным и питающим сосцами в те дни (Мф. 24:19; Мк. 13:17; Лк. 21:23). Но и сие сказано аллегорически. Посему Он и времени не определяет, которое Отец положил в своей

власти (Деян. 1:7), сим сказывая, что мир имеет существовать из рода в род.

Что же касается сего ответа Господа: Не все вмещают слово это, ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сами себя сделали скопцами для царства небесного: кто может вместить да вместит, то еретики не обращают внимания на то, что это изречение: Не все вмещают слово это, но кому дано, Им произнесено только после запрещения развода, ибо некоторые Ему говорили: Если такова обязанность мужа к жене, то лучше не жениться (Мф. 19:10, 11). Спрашивавшие Господа о разводе хотели от Него узнать, позволяет ли Он жениться на другой, если первая жена была избличена в снискании преступной склонности другого мужчины и нарушении верности к супругу и за сие была бы изгнана из дома.

Говорят, что многие из атлетов воздерживались от поблажки плотским сношениям ⁴²⁸ из желания чрез гимнастические упражнения достигнуть самообладания. К числу таких атлетов относится Астюл Кротонянин и Крисон Гимереянин. Амэйбей, игрок на кифаре ⁴²⁹, и после брака на молодой женщине, воздерживался от сношений с ней ⁴³⁰. Киренаик Аристотель был единственным в свое время человек, отвергший ласки Лаисы ⁴³¹. Он поклялся этой гетере, что увезет ее в отечество, если только она его поддержит несколько в одном его деле с противниками; и после того как она оказала ему в сем свое содействие, он придумал такую замысловатую хитрость, чтоб сдержать свое слово. Он заказал точнейший портрет с этой куртизанки и с сим портретом уехал в Кюрену. Это передает Истр в своем сочинении «Об особенностях гимнастических состязаний». Целомудрие следовательно не составляет еще добродетели, если оно не было внушено любовью к Богу ⁴³². Уже блаженный Павел говорит о ненавистниках брака: Впоследствии времени отступят некоторые от веры, следуя духам обольстительным и учениям бесовским, запрещающим вступать в брак и воздерживаться от разных родов пищи (1Тим. 4:1, 3). Он же говорит еще: Никто да не обольщает вас

самовольным смиренномудрием и беспощадностью к телу (Кол. 2:18, 23). И опять говорит тот же Апостол: Соединен ли ты с женою? Не ищи развода. Остался ли без жены? Не ищи жены (1Кор. 7:27). И снова: Каждый имей свою жену, чтоб не искушал вас сатана (1Кор. 7:2, 5).

Но что? Древние праведники разве не пользовались с благодарностью своею частью из вещей сотворенных? Одни из них в браке благопристойном и от неумеренных любострастных вожделений свободном рождали детей. Илии носили пищу, хлеб и мясо, вороны (3Царств. 17:6). Пророк Самуил угощал Саула лопаткой, отложенной из того, что сам он съел (1Царств 9:24). А эти высокомеры, образом своей жизни и поведения, мнятся превзойти и сих праведников. Но они не могут и идти в сравнение с ними. Итак, кто ест, не унижай того кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его (Рим. 14:3). Но и Господь сам о себе говорит: Пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам (Мф. 11:18, 19).

Осудят ли сии люди и Апостолов? Петр и Филипп имели детей. Филипп своих дочерей даже и замуж выдал⁴³³. Павел в одном из своих посланий (Филип. 4:3) не боится обращаться к своей супруге⁴³⁴, которой он не водил везде с собою по причине поспешности и чтоб иметь больше свободы, которых требовало его служение⁴³⁵. И в другом послании не говорит ли он: Или мы не имеем власти иметь спутницею сестру жену. Как и прочие Апостолы (1Кор. 9:5)? Эти последние, – что было и естественно, – чтоб не рассеиваться и чрез необходимость возвращаться не отрываться от своего служения, т.е. прилежа к делу благовествования без развлечения (1Кор. 7:25), всюду водили с собою своих жен, но не в качестве супруг, а в звании сестер⁴³⁶, которые имели обязанность благовествовать Евангелие женщинами, державшимся в домах; и при их-то посредстве учение Господа проникало и на женские половины домов; а Апостолов самих недоброжелательство не могло после этого порочить или же против них возбуждать несправедливые подозрения⁴³⁷.

Ибо и из 2-го послания к Тимофею мы знаем, какие наставления славный Павел преподал самим диакониссам. Впрочем он и прямо восклицает: Царство Божие не состоит ни в пище ни в питье, ниже в воздержании от вина и мяса, но в праведности и мире и радости, даруемых Святым Духом (Рим. 14:17). Кто из этих еретиков ходит всюду, прикрытый бараньей шкурой и подпоясавшись кожаным поясом, как Илия (3Царств. 19:13, 19; 4Царств. 1:8; 13:14)? Кто же из них оказывается одетым по голому телу во власяницу, а на ногах не имеющим никакой обуви, как Исаия? Кто лишь льняное опоясание носит как Иеремия? Кто из них в образе жизни, достойном подлинно лишь высшего мудреца (гностика), подражает Иоанну? Но и так скудно живя, блаженные сии пророки возсылали лишь благодарения Создателю. Карпократа же мнимая праведность и тех, кои подобно ему проповедуют похабную коммуну, в прах распадается от следующих слов Господа. Говоря: Просящему у тебя дай (Лк. 6:30), Он тотчас же прибавляет: и от хотящего занять у тебя не отвращайся (Мф. 5:42). Сим внушает Он обязанность милостыни, а не коммуну гнусную и распутную учреждает. Да и каким это образом будут еще встречаться в обществе просящие, получающие, займы дающие, когда не будет в нем ни собственников, ни заимодавцев. ни кредиторов? Что? Говоря: Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, к вы одели Меня, Господь не добавляет ли: Поелику вы сделали сие одному из сих братьев Моих меньших, то Мне сделали (Мф. 25:35, 36, 40)?

Но не те ли же самые законы существовали и в ветхом завете? Благотворящий бедному дает займы Господу (Притч. 19:17). Тот же Соломон говорит: Не отказывай в благодеянии нуждающемуся (Притч. 3:27). И еще: Милость и вера пусть не оставляют тебя (Притч. 3:3). Бедность же напротив мужа принижает, а только руки прилежных богатеют (Притч. 10:4). Всё же относительно способов приобретения богатств Писание добавляет: Сребра своего кто не дает в лихву – бывает тот приятен (Пс. 15:5; Иез. 18:8). Здравие душевное, вот истинное богатство человека (Притч. 13:8).

Не открывается ли отсюда со всей очевидностью, что по подобию физического мира, слагающегося из противоположностей, тепла и холода, влаги и суши, и мир нравственный тоже составляется из людей, одни из которых дают, а другие получают? И говоря: Если хочешь совершенным быть, то продай имение твое и раздай бедным, Господь не пристыждает ли хваставшегося исполнением всех заповедей от юности, а этой заповеди Возлюбиши ближнего своего как самого себя (Мф. 19:16; Мк. 10:17; Лк. 18:18), оказавшегося еще не исполнившим? Будучи же Господом наставлен, как достигнуть совершенства, он учится давать бедным в духе милосердия и любви. Богатство собою представляет нечто прекрасное и добиваться богатства Господь не запретил; только приобретение богатств путями несправедливыми Он запретил и ненасытимось в богатстве. Богатство, собираемое с беззаконием, умалется и исчезает (Притч. 13:11)⁴³⁸. Есть люди рассеивающие свои богатства и чрез то их лишь увеличивающие; и опять есть другие сберегающие их и чрез то их лишь уменьшающие (Притч. 11:24). О первых написано: Рассыпал, раздал бедным; праведность его передается из века в век (Пс. 111:9). Богатства рассеивающим и чрез это оные лишь умножающим состоит тот, кто чрез милосердие блага земли и временные выменивает на блага небесные и вечные. Но есть иного рода люди, рука коих никогда не открывается для бедняка; попусту они свои сокровища в землю закапывают, где моль и ржа их истребляют (Мф. 6:19). О них написано: Собирают они плату, но для дырявого кошелька (Агг. 1:6). Сего поле, говорит Господь в Евангелии, дало обильный урожай. Потом Господь представляет богача пожелавшим собрать плоды и мечтающим, как он выстроит более обширные житницы и потом скажет самому себе: Много добра лежит у тебя на многие годы; ешь, пей, веселись. Безумный, говорит Господь, в сию ночь душу твою возьмут у тебя; то же, что ты заготовил, кому достанется (Лк. 12:16–20)?

7. Превосходство христианского воздержания перед усвояемым себе философами (мирскими мудрецами)

Итак, человеческое воздержание, как оно изображается у философов, – я разумею философов эллинских, – состоит в противостоянии чувственным пожеланиям до борьбы с ними и в отвержении служения им делами. У нас же христиан воздержание состоит не только в отрешении себя от пожеланий, не только в вытеснении из души в оную уже вторгшегося пожелания, но и в недопущении его сюда; пожеланиям не противиться только следует, но и удерживаться от них, господство в душе предоставляя другому началу. Благодать Божия есть единственное средство к снисканию такой воздержности. Вот почему Господь сказал: Просите и дастся вам (Мф. 7:7). Излита была эта благодать и на Моисея: он облечен был телом, потребности коего доведены были до *minimum*'а, так что в течение 40 дней мог он не испытывать ни голода ни жажды. Подобно тому как лучше быть здоровым, чем толковать о здоровье заболевши: точно так же лучше светом быть, чем болтать о свете; равными образом и воздержание, если оно истекает из добродетели, лучше того, о коем говорить философы. Действительно где нет света, там тьма: точно так же и там, где пожелание гнездится, – пусть оно будет бездеятельным и еще не переходящим ни в какое плотское деяние, – воображением оно уже витает в среде порочной, хотя еще и отдаленной.

Что же касается до нашего мнения о браке, о пище и вещах сим подобных, то уже здесь, при начале наших рассуждений о сих предметах мы выразим вообще наше мнение о них. Не нужно подпадать под власть страстей и не следует их голосом определяться в своих действиях, а ограничивать свои желания лишь самым необходимым. Мы не пожеланий чада (Иоан. 1:13), а воли. Кто женился, чтоб иметь детей, тот должен быть воздержным, и даже по отношению и к своей собственной жене не питать пожеланий; конечно он обязан ее любить, но в

прижитии детей должен руководиться желанием честным и благопристойным. Ибо мы научены попечения о плоти не превращать в похоти, а вести себя благопристойно как днем, ходя во Христе, который есть наш солнечный день; устроять свою жизнь должны мы разумно, так чтобы она была отражением света Христова, познания о Нем, не предаваясь пиршествам и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и распрям (Рим. 13:12–14).

Не следует понимать воздержание односторонне, т.е. в отношении *rerum* лишь *venerearum*; оно должно простираться и на все остальные вожделения, какими отдается чувственная душа наша, жаждущая наслаждений и не довольствующаяся необходимым. Воздержание состоит в малом обращении внимания на деньги, в заглушении сладострастия, в установлении на богатства и на театральные зрелища точки зрения возвышенной. Оно заключается далее в обузданы языка, в укрощении беспутных пожеланий, в предоставлении господства над ними разуму. Уже и ангелы некоторые, не сдержав своих страстей и побеждены будучи пожеланиями, не пали ли с неба на землю⁴³⁹?

А Валентин в своем письме к Агафоподу⁴⁴⁰ говорит: «Иисус, устояв против всех искушений, воздержен был и снискал себе божественность. Он ел и пил таким образом, каким Ему было это свойственно, обратно пищи не извергая; свойственна была Ему такая сила воздержности, что пища в Его теле не портилась, так как Ему не предстояло проходить тлением могилы».

И так мы возлагаем на себя воздержность радостно, из любви к Господу, а также и из почтения пред ней, как делом достолюбезным, освящая ею свое тело, сей храм Духа Святаго (1Кор. 3:16, 17). И подлинно прекрасно сделаться евнухом ради царства небесного (Мф. 19:12); себя освобождаешь чрез это от всех пожеланий, очищаешь свою совесть от мертвых дел для служения Богу живому и истинному (Евр. 9:14).

Что касается тех, которые по злобе на плоть насильственно разрывают супружеские союзы и отказываются от обычной пищи, то это люди невежественные и нечестивые, но примеру

некоторых языческих народов практикующие воздержание неразумное. Так Брамины⁴⁴¹ не употребляют в пищу мяса и не пьют вина. Одни из них принимают пищу каждодневно как и мы; другие только каждые три дня, если верить Александру Полигистору, повествующему о сем в своей книге «об Индусах». Они презрительно относятся к смерти и не дорожат жизнью, веря в возрождение. Иные же из них почитают Геркулеса и Пана. Так называемые у Индусов «святые» во всю жизнь свою не носят никакой одежды, занятые исследованием истины, предрекая будущее и поклоняясь какой-то пирамиде, под которой, как они воображают, лежат кости какого-то бога. И Гимнософисты и так называемые у Индусов «святые» остаются неженатыми; они думают, что брачные отношения к женам противоречат природе и противозаконны; по этой причине они хранят девственность. Есть между ними и женщины, также хранящие целомудрие и слывающие под именем «святых». И мужчины и женщины из этого разряда наблюдают звездное небо и предсказывают будущее по знамениям, которые они открывают на небе.

8. Истолкование мест свящ. Писания, приводившихся еретиками в поношение брака; и первое всего защита слов Апостола Павла в Рим. 6:14 от превратного понимания их еретиками

Сторонники учения о безразличии дел добрых и дурных находят, что и само свящ. Писание будто бы благоприятствует их чувственности. Но для сего они искажают истинный смысл некоторых мест его. Особенно много они носятся с этим изречением: Грех да не господствует над вами, ибо вы не под законом, но под благодатью (Рим. 6:14). Ссылаются они в подтверждение своего нечестивого учения и еще на несколько подобных мест; но я не считаю за нужное их приводить здесь: я не пират ведь, чтоб наполнять подобными предметами сии «Записки» свои, подобно как нагружают разным хламом свои корабли разбойники на море. Покажем в нескольких коротких лишь словах суетность сих попыток еретических.

Преславный Апостол взводимую на него хулу сам опровергает словами, какие он присоединяет к только что приведенным. Он говорит: Что же? Станем ли грешить мы, потому что мы не под законом, но под благодатью? Да не будет (Рим. 6:15). Столь богопросвещенно и пророчески – толково, как бы одним ударом ноги, рассыпает он софизмы их в защиту любострастия. Еретики не постигают кажется, что всем нам должно явиться пред судище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое (2Кор. 5:10), дабы что чрез тело соделал кто, то и получил. Посему кто во Христе, тот есть новое творение; грехами тот более уже не занимается. Древнее прошло, жизнь прежняя покинута; вот все новое (2Кор. 5:16, 17), непорочность вместо любострастия, умеренность вместо невоздержности, правда вместо неправд. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Или что общего у света со тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместность храма Божия с идолами (2Кор. 6:14–16)? Имея такие обетования, очистим себя ото всего, что

оскверняет тело и дух, совершая дело освящения своего в страхе Божиим (2Кор. 7:1).

9. Изложение ответа Христа Спасителя Саломии, приводившегося еретиками в порицание брака

Из-за пресловутого, но мнимого своего воздержания отказывающиеся пользоваться тварию Божиею в подтверждение своего ученья приводят и ответ Господа Саломии, о котором мы упомянули ранее⁴⁴². Имеется же он, как я думаю, в Евангелии Египтян. Говорят, что это изречение принадлежит самому Спасителю. Оно таково: «Я пришел для ниспровержения дел жены», т.е. пожелания, дел значит рождения и смерти. И так что же? Скажут ли они, что этот порядок ниспровергнут? Но они не могут утверждать сего. Мир все еще существует по тем же самым законам. И все же Господь не лживое что-либо сказал. Действительно Он ниспроверг дела вожделения, сребролюбия, корыстолюбия, славолубия, безумной страсти к женщинам, к педерастии, к чревоугодию и бражничанью, к роскоши и расточительности и к другим подобным бесчинствам. Существование сих пороков есть смерть для души, потому что чрез преступления (грехи) мы мертвыми становимся (Еф. 2:5). И под женщиной следовательно нужно разуметь невоздержность. Рождение же и умирание твари по установленным раз законам должно происходить с необходимостью даже до дня окончательного выделения и возрождения избранных, чрез что субстанции, теперь существующие в смешении с миром, будут приведены к естественному их состоянию. Посему ничего нет удивительного в том, что Логосу, упомянувшему о конце времени, Саломия предлагает вопрос: «До коих пор люди будут умирать»? Двоякую субстанцию различает Писание в человеке; человека внешнего и душу, и опять спасаемого и не спасаемого⁴⁴³. Что же до греха, то Писание называет оный и смертью души. Посему Господь наблюдает в ответе некоторые мудрость и осторожность. Он говорит: «Доколе женщины будут рождать», т.е. доколе сохранять будет свою интенсивность пожелание. Послушаем также и Апостола, что он говорит касательно сего предмета. Он пишет: Как одним человеком грех

вошел в мир и грехом смерть: так и смерть перешла во всех человеков чрез этого одного человека, так как в нем все согрешили: и смерть царствовала от Адама до Моисея (Рим. 5:12–14). По естественному, Богом установленному, порядку вещей если есть рождение, то необходимо должно оно сопровождаться и смертью; и разлучение души от тела есть следствие их соединения. Но если рождение происходит для воспитания и познания, то и разлучение значит происходит с целью возрождения. И как женщина из-за рождения считается причиной смерти, так же и по той же самой причине она должна быть названа проводником и жизни. Потому, подавшая первый пример непослушания (1Тим. 2:14), она была названа «жизнью» (Быт. 3:20) из-за непрерывного ряда существ, имевших произойти от нее. Женщина одинаково есть мать как родящихся, так и умирающих, праведных и неправедных, смотря по тому, над чем каждый из нас работает, над своим ли оправданием или же напротив заявляет себя непослушанием закону. Отсюда я заключаю, что Апостол вовсе не питал отвращения к жизни, оживляющей тело, ибо он говорит: Но, говоря с полной свободой, Христос еще прославлен будет в теле моем, будет ли то чрез жизнь или же чрез смерть, ибо для меня жизнь – Христос, а и смерть приобретение. Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать; влечет меня и то и другое: имею желание разрешиться и со Христом быть, потому что это несравненно лучше, а оставаться во плоти нужнее для вас (Фил. 1:20–24). Апостол чрез эти слова, думаю, показал ясно, что совершенство в сей жизни состоит в любви к Богу и что смерть, сокрушая наше тело, утверждает нас в сей любви; до тех же пор, как мы пребываем в этом теле из-за нуждающихся во спасении, совершенство должно состоять в ожидании и терпении, проникнутых полнейшей благодарностью.

Что же? Почему же безрассудные те наглецы, выбирая себе в путеводители лучше произвол, нежели учение истинное, основы которого правда, почему они к своим предыдущим ссылками не прибавляют последующих слов Господа, содержащихся в том же Его ответе Саломии? Жена эта

говорила: «Хорошо, что я не имею детей»; чрез это она выражала довольство тем, что не была матерью. Господь же ей ответил: «Питайся всеми травами за исключением горьких». Этим Он сказывает нам, что воздержание и брак оставлены на наш выбор, а не составляет ни то ни другое необходимости вследствие запрещения того или другого заповедью; кроме того Спаситель сим словом свидетельствует, что чрез брак продолжается дело творения. Пусть еретики не смотрят следовательно на союз брачный, заключаемый с одобрения Логоса, как на какое-то преступление и пусть не считают они слишком трудной для себя заботу воспитания детей, неимение которых для других составляет столь болезненное лишение. А равным образом и бытие отцом да не кажется кому-либо на том основании трудным, что заботы, приносимые с собой отцовством, будто бы отклонять могут от дел Богоугодных. Есть люди неспособные к благодушному перенесению жизни одинокой; посему они вступают в брак, и это дело доброе; а порицать кого-либо тут не за что. И детей себе желать каждый из нас имеет право и власть.

Но и то однако же замечу здесь, что многие из воздерживавшихся от брака, ⁴⁴⁴ под предлогом затруднений и забот жизни семейной, впадали в суровое нелюбимство, несогласное со святостью познанного ими истинного ученья; огонь любви при этом совсем погасал в их сердцах. С другой же стороны некоторые и из соединенных брачными узами ведут в браке жизнь чувственную и закону подчиняются лишь по-видимому, на деле же подобятся, по выражению пророка, скотам несмысленным (Пс. 48:21).

10. Таинственный смысл слов Христа Спасителя, переданных св. Матфеем (Мф. 18:20)

Но кто эти двое или трое, собранные во имя Христа, в среде которых пребывает Он (Мф. 18:20)? Не представляются ли эти трое: мужем, женою и ребенком, рожденным от этого союза, потому что мужу жена самим Богом сопрягается?

Что же касается до того, кто ради христианской деятельности пожелал бы остаться свободным от всяких уз и кто не решается стать отцом по причине своих⁴⁴⁵ обязанностей и затруднений, тот пусть остается безбрачным как и я, говорит Апостол (1Кор 7:7).

Раскроем значение этих слов. Если поверить толкованию некоторых еретиков, то Бог, Творец человеческого рода, пребывает со всеми, между тем как Спаситель, Сын другого т.е. благого Бога, пребывает с одним только избранным. Но это не так. Бог, из за посредничества своего Сына, пребывает с теми, кто привносит в брак благоразумную воздержность и плод брака произ рождение; равно как тот же самый Бог обитает точно так же и с тем, кто наблюдает воздержность, проникнутую духом Логоса.

Могут быть разумеемы под этими тремя, о которых говорит Христос: и гнев, пожелание и рассудительность⁴⁴⁶, или же по другому пониманию: тело, душа и дух⁴⁴⁷. Но может быть этой вышеназванной тройственностью означает: и призвание, потом избрание второе, и наконец третий род спасения, славнейший из всех, потому что это есть в первоначальную славу восстановление; и с этими спасенными пребывает всеназирающее всемогущество Божие, остающееся единым и безраздельным и все же нисходящее до разделения. Посему человек, пользующийся естественными склонностями души с разумной умеренностью, желает приличного и отвергает вредное, как повелевается ему то и заповедями. Ибо говорится: «Благословишь ты того, кто тебя благословляет и проклянешь того, кто тебя прокликает» (Быт. 12:3 или же Быт. 27:29)⁴⁴⁸. А когда бы кто и над сими, т.е. гневом и пожеланиями, возвысился

и самым делом стал бы доказывать свою любовь к творению из-за Бога, Творца всего, и начал бы жить жизнью гностика, по подражанию Спасителю наблюдая воздержность, не представляющую для него ничего особенно трудного, так как он соединил в своем лице познание, веру и любовь, отсюда достигши единства к своим суждениям и став человеком поистине духовным, не допускающим никогда, чтобы и в малейших движениях мысли определяться гневом и пожеланиями, то мог бы он наконец считаться человеком совершенным, похожим на Господа Спасителя, заслуживающим названия брата Господу (Евр. 2:11) и такого обращения к нему: «Вот друг Его, а вместе с тем и сын».

Вот как двое или трое оказываются в истинном гностике сопребывающими. А может быть это единомыслие многих, почтенное чрез обозначение его числом троичным, единомыслие многих, в среде коих находится Господь, обозначает и единую церковь, единого человека и род людей единый и единственный. Когда Господь явил первоначально свой закон, то не был ли Он, с исключением всех других народов, лишь с Евреями? А когда раздались пророчества, когда Он послал Иеремию в Вавилон, когда Он стал звать чрез его проповедь и язычников, то не два ли уже народа Он объединял чрез то? И третьим лицом в числе упоминаемых в вышеприведенном изречении Господа не состоит ли тот новый народ, который образован из этих двух народов в одного нового человека, в коем Бог живет и действует в недрах самой этой церкви (Еф. 2:10; 2Кор. 6:16)? Древний закон, затем пророки и наконец Евангелие не в имени ли Христовом объединяются они в единое познание (гносис)?

Итак, избегающие брака из презрения к нему или из рабского служения пожеланию, бессовестно злоупотребляющие телом как делом безразличным, не состоят в числе оных, кои спасутся и в среде коих Господь.

11. Заповедь ветхозаветного закона и Христа Господа, запрещающая пожелания

Таковы истинные начала здравого учения. Приведем теперь места Писания, опровергающие софизмы еретиков и очертим вкратке формы, в коих проявляется воздержность, согласующаяся с духом Логоса, или разума. В свящ. Писании есть места, опровергающие всякую в частности ересь. Верующий, который понимает свящ. книги, при случае может ими пользоваться как орудием для ниспровержения тех новшеств, кои сравнительно с Божественными заповедями представляют собой не иное что как лжеумствования.

Возвращаясь к вещам древним, мы слышим следующее постановление закона: Не пожелай жены ближнего твоею (Исх. 20:17). Это в законе провозглашено было еще прежде чем Христос в новом завете от Себя лично без посредства другого лица провозгласил заповедь, имеющую связь с сей: Слышали, что закон гласит? Не прелюбодействуй. А Я говорю вам Не пожелай (Мф. 5:27, 28). Что закон предписывает мужу вести себя в браке умеренно и единственно с целью рождения детей ⁴⁴⁹, о сем с очевидностью следует заключить из его запрещения пленившему известную ⁴⁵⁰ женщину вступать с ней тотчас же во внебрачные связи (Втор. 21:11–13). Как скоро она внушила ему пожелание, он должен позволить ей сетование в течение 30 дней, после того как ее коса падет под ножницами. Если пожелание не погаснет и после сего траура, тогда он может иметь от нее детей; побуждения, овладевшие им, испытывавшиеся в течение определенного времени, зачисляются за пожелания разумные. Вы не в состоянии мне назвать ни одного ветхозаветного человека, вот вам и Писание в руки, который сближался бы с женщиной беременной, но вы везде находить будете, что супружеские отношения восстанавливались только после разрешения супруги и с прекращением кормления ребенка. И что я говорю? Отец Моисея, верный этому постановлению, рождает Моисея после Аарона только по истечению трехлетнего промежутка времени.

Обращая внимание на колено Левиино, я нахожу, что оно вошло в обетованную землю малочисленнее других колен, потому что оно строго хранило этот закон природы, заповеданный нам и Богом. Действительно народонаселение увеличивается медленно у тех племен, где мужчины сносятся с женщинами в браке лишь законном и где новое плотское сближение происходит не только по окончании беременности, но по окончании и кормления ребенка. И вот почему Моисей, возвышая Евреев с одной ступени воздержания на другую, предъявляет к ним требование весьма разумное, чтобы они позволяли себе слушание слова Божия не иначе как после предварительного трехдневного воздержания от супружеских отношений (Исх. 19:20).

Итак, мы храм Бога живого, как и пророк сказал, что «Вселюсь в них и буду ходить и буду им Бог и они будут Мне народ» (Лев. 26:12). Мой народ... лишь бы как лично, так и наряду со всей церковью согласовали мы нашу жизнь с заповедями. И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому и Я приму вас (Ис. 52:11) и буду вам Отцом и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель (Иер. 3:19; Ос. 1:11; 2Кор. 6:16–18). Что дает понять Апостол чрез приведение этих пророческих изречений? То ли, чтоб отделяться от людей, состоящих в браке? Отнюдь нет. Он чрез это предписывает нам порвать связи с язычниками, проводящими жизнь в амурных шашнях, порвать отношения с еретиками, нами названными выше, потому что они пятнают себя делами постыдными и нечестием. Оттуда происходит, что тот же Павел, косвенно восставая против подобных лжеучений, провозглашает следующее: Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим свои сердца ото всего, чем оскверняется и тело и дух, совершая дело нашего освящения в страхе Божиим (2Кор. 7:1). Ибо я люблю вас из-за Бога любовью ревностной с тех пор, как я обручил вас мужу единственному, который есть Христос, чтобы в лице вас представить Ему деву чистую (2Кор. 11:2). Церковь и действительно не может состоять в союзе с другим супругом, потому что у нее есть уже Жених. Но

каждый из нас волен вступить в законный брак с избранной им женщиной, по крайней мере в первый брак⁴⁵¹. Но я боюсь, чтоб как змей своим лукавством обольстил Еву, так и ваши умы чтоб не повредились таким же образом и не уклонился бы кто от христианской простоты (2Кор. 11:3), говорит Апостол с глубоким благочестием и в виде учения.

Послушаем еще достоудивительного Петра: Прошу вас, мои возлюбленные, которые состоите в этом мире пришельцами и странниками, воздерживаться от плотских пожеланий, восстающих на душу. Живите среди язычников свято, ибо воля Божия такова, чтоб добродетельной жизнью вы закрывали рот безумным и не позволяли злословить вас. Вы свободны не для того, чтоб свободой пользоваться как занавесом для прикрытия дурных дел, но чтобы действовать в качестве слуг Божиих (1Петр. 2:11, 12, 15, 16). Подобное пишет и Павел в послании к Римлянам: Как скоро мы умерли для греха, то как же нам еще жить во грехах? Ветхий наш человек распят во Христа, чтобы тело греха было упразднено в нас и т.д. даже до слов: тем более не предавайте членов ваших греху, из них делая орудия неправды (Рим. 6:2, 6, 13).

Дошед до сего я не могу говорить далее, не обратив внимания на то, что Апостол проповедует об едином Боге, открывшемся и в законе и в пророках и в Евангелии. Потому что эти слова: Не пожелай, находящиеся в Евангелии, Павел в своем послании к Римлянам усваивает закону; стало быть он хорошо знает, что Бог, говоривший чрез закон и пророки, это тот же самый Бог, который провозглашен и в Евангелии, и есть один и тот же самый Отец. Павел и действительно говорит: Что же скажем мы? Неужели от закона грех? Никак. Напротив я не иначе узнал грех как чрез закон. Я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: Не пожелай (Исх. 20:16, 17; Рим. 7:7). Если же наши иномыслящие противники воображают, что Павел эти слова: знаю, что во мне, т.е. в моей плоти, нет ничего доброго (Рим. 7:18) направляет против Создателя, то пусть они читают у него слова предшествующие сим и последующие. Ранее Апостол сказал: Это делает грех во мне живущий; после сего значит совершенно естественно было сказать: в моей

плоти не живет ничего доброго (Рим. 7:17). В последующем он прибавляет: Если же делаю я то, чего не хочу, то это уже не я делаю, но живущий во мне грех, о котором говорит Апостол, что он противоборствует закону Божию и закону ума моего и делает меня пленником закона греховного, находящимся в моих членах. Несчастный я человек! Кто освободит меня от этого тела смерти (Рим. 7:20, 23, 24)? И далее, – ибо Апостол не утомляется всячески помогать нам, – он не колеблется прибавкой в виде заключения: Закон духа освобождает меня от закона греха и смерти, потому что Бог чрез своего Сына осудил грех во плоти, чтобы правда закона исполнилась на нас, живущих не по плоти, но согласно с духом (Рим. 8:2–4). Объясняя сказанное между прочим он еще восклицает: Тело умерло греху, чем сказывает следовательно, что тело есть не храм, а могила для души! ⁴⁵² . Ибо с тех пор как оно было посвящено Богу, Дух Того, кто воскресил Христа, прибавляет Павел, живет в нас и оживотворяет наши мертвые тела Духом своим, живущим в нас (Рим. 8:10, 11). Потом еще раз порицая плотоугодников, Апостол говорит: Любовь к вещам плотским есть смерть. Потому что проводящие жизнь в удовольствиях плотских любят и творят дела плотские, а любовь к делам плотским есть вражда против Бога, потому что такие люди закону Божию не покоряются. А это выражение иже во плоти нужно понимать не так, как некоторые еретики то понимают, будто сии Богу нравиться не могут, но согласно с нашим объяснением. Различая этих чувственных людей от других, Апостол говорит, обращаясь к церкви: Вы же не живите по плоти, но по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. А если Христос в вас, то тело мертво для греха, а дух жив для праведности. Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить плотски. Ибо если живете по плоти, то умрете; а если вы духом умерщвляете плотские страсти, то живы будете; ибо все, водимые Духом Божиим, суть чада Божии. Потом, косвенно осуждая мнимое благородство и эту якобы царственную независимость, так бессовестно провозглашаемую людьми, чванящимися своим развратом, Апостол прибавляет: Вы приняли не дух рабства,

чтоб жить в страхе, но дух усыновления, которым взываем: Отче, Отче (Рим. 8:5–15). Т.е. мы получили Его на тот конец, дабы познали Того, к Кому воссылаем наши молитвы, истинного Отца, единственного Отца твари, Того, который воспитывает нас для спасения и наказывает поистине как Отец, и страхом нам грозя.

12. Истолкование слов Апостола Павла из 1Кор. 7:5, 39, 40 и других параллельных сим мест свящ. Писания

А что по взаимному согласию на определенное время супруги упражняются в молитве (1Кор. 7:5), то это есть учение о воздержности, ибо Апостол прибавляет такие слова: по взаимному согласию, дабы никто не делал попыток разорвать узы брака; на время, дабы муж, связанный вынужденным воздержанием, не впал в грех и чтобы, воздерживаясь от сношений со своей супругой, не увлекся склонностью к другой женщине. Вот почему Павел пишет в другом месте: Если кто почитает неприличным для своей девицы, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть выдает ее замуж (1Кор. 7:36). Но как скоро кто решился или оставаться девственным или соединиться брачными узами, нужно тому уже непоколебимым оставаться в своем раз принятом решении и никогда не уклоняться к худшему. Потому что кто, – чрез согласующиеся с духом Логоса чистоту и полноту воздержности, – непорочность своей жизни, в кругу раз им избранном, в состоянии усугубить и возвысить, то такая жизнь пред Господом получает тем большее достоинство. Если же кто, из за стремления к высшей славе, избранный им раз род жизни оставил бы, то каким образом после сего он и мог бы еще питать надежду на достижение совершенства? Нет, и безбрачие и брак предъявляют человеку свои особые требования и специальные обязанности, равноценные в очах Господних. Так в браке почтенны забота о жене и детях и об их содержании. Уже и обыденные обязанности брачного союза из супруга вполне доблестного делают род Провидения, так как ему приходится постоянно озабоченным быть благом семьи и стараться об удовлетворении всех нужд ее. Вот почему и требует Апостол, чтобы в епископы были поставляемы люди, чрез управление семьей подготовленные к попечению о целой церкви (1Тим. 3:4, 5)⁴⁵³. Итак, каждый пусть занят будет делом исполнения лежащих на нем обязанностей в том звании,

которое проходил, когда был призван (т.е. когда переходил в христианство), дабы ему быть свободным во Христе и получить награду, соответствующую его служению (1Кор. 7:24, 22). И в другом месте, о законе рассуждая, Апостол аллегорически говорит следующее: Замужняя женщина, пока жив муж ее, к нему привязана законом и т.д. (Рим. 7:2). Он говорит еще: Жена связана с мужем, доколе жив он, а если умрет муж, жена свободна выйти замуж за кого хочет, лишь бы это не было против Господа. Но она блаженнее, если останется вдовой, как я советую (1Кор. 7:39, 40).

Мы привели два изречения Апостола, с коими должен быть соединяем смысл аллегорический. Вникнем в оный.

В первом из приведенных мест Апостол говорит: Вы умерли закону; закону, а не браку, как понимают наши противники; чтобы быть невестой и церковью Другого, который воскрес из мертвых (Рим. 7:4). Невеста сия, т.е. церковь, должна быть чистой. Это значит, она должна закрыть свое сердце для всех идей, не согласующихся с содержимым ею истинным учением; – заградить свой слух ото всего, что к ней приражается отвне, т.е. ото всех предзанятых и исключительных мнений и учений, рознь в общество вносящих и нас подстрекающих оставить нашего единственного Супруга, Вседержителя Бога, для нечестивой связи с кем-то другим. Будем бдительны, чтобы как змей прельстил Еву, хотя имя ее и «жизнь» означало ⁴⁵⁴, так и нам, обманно заманиваемым в западни ереси, не подвергнуться опасности преступить заповеди.

Во втором же из вышеприведенных мест Апостол предписывает единобрачие. Не следует однако же думать, как некоторые настаивали, что союз жены с мужем равнозначителен союзу плоти со смертью: вовсе нет. Апостол здесь восстает против учения некоторых нечестивых людей, осмеливавшихся установить брак относить к демону, отчего имя настоящего его Учредителя подвергалось опасности быть злословимым. Я разумею сирянина Татиана, дерзко взявшего на себя смелость провозглашать такое учение. В своей книге «О совершенстве по Спасителю» он пишет: «В 1Кор. 7:5 воздержание Апостол поставляет в связь с молитвой. Но чрез общение с

обольстительницей порываются все связи с Богом. Мудрое дозволение Апостола посему равно строгому приглашению к воздержности. Ибо чрез позволение в течение некоторого времени служить сатане и невоздержности Апостол сказывает, что пользоваться сим позволением значило бы служить двум господам» (Мф. 6:24): Богу чрез согласие (т.е. на воздержание для упражнения в молитве), а не воздержности, fornicationi и диаволу чрез отделение от Бога (при возвращении к сожитию). Таков, по изъяснению Татиана, смысл слов Апостола⁴⁵⁵. Но то что есть доказывая тем чего нет, он вместо истины нас награждает лишь софизмами. И мы согласны с тем, что невоздержание и волокитство суть наваждение сатаны; и все же и то несомненно, что взаимное согласие на воздержность, время от времени возникающее между супругами в браке вполне благопристойном, может приводить их к молитве; и опять дело столь же естественное, чтобы в силу того же взаимного согласия они снова сближались связями благопристойными для произрождения детей. Время зачатия и рождения детей Писание называет познанием. Так мы читаем: Познал же Адам Еву, жену свою; и зачавши родила сына и дала ему имя: Сиф, говоря: Воздвиг мне Бог сына другого вместо Авеля (Быт. 4:25). Понятным теперь становится, против кого восстают нечестивцы, считая мерзостью благопристойные плотские связи и приписывая дело произрождения демону. Говоря о Боге не просто, но присоединяя к сему имени член, Моисей чрез то дает понять, что называет сим именем Вседержителя.

Чрез прибавление же этих слов: а потом опять будьте вместе, чтоб не искушал вас сатана невоздержанием вашим (1Кор. 7:5) Апостол имеет единственную цель: исторгнуть из сердца верных всякое желание связи посторонней. Потому что это временное по взаимному согласию воздержание друг от друга отнюдь не ниспровергает брачных отношений и не налагает на них пятна некоего, как если бы до тех пор существовавшее взаимное влечение супругов друг к другу было явлением каким либо постыдным, нет; понятием согласия Апостол снова сближает супругов, хотя и не для той цели, чтоб

они предавались невоздержности, любодейному колобродничеству и делам демонским, ибо он все же остерегает супругов пред невоздержностью делами любодейными и искушением диавольским.

Татиан еще отличает ветхого человека от нового (2Кор. 5:17), но в смысле ином нежели мы. Соглашаемся мы с ним, когда слышим, что под ветхим человеком нужно разуметь закон Моисея, под новым же Евангелие. Но мы расходимся с ним, когда он вполне уничтожает значение ветхого завета, так как де он происходит от другого Бога. По нашему пониманию Богочеловек хотя и обновляет древнее, все же многобрачия не позволяет, ибо Бог только тогда позволил оное, когда необходимо было распространение и размножение людей: тогда оно необходимо требовалось намерениями Божьими. Вместо него Господь вводит единоженство, тем сохраняя брак для продолжения рода и для попечений о доме, в который женщина входит помощницею мужу, хотя Апостол по снисходительности, в предупреждение разжжений и впадения в невоздержность и допускает для некоторых второй брак.

Однако сей муж, вступающий во второй брак и против Писания не погрешающий, так как закон ему не запрещает этого, уже не может в жизни достигнуть высшего совершенства, предлагаемого Евангелием. Славу на небе он приобрести может только тогда, когда оставаться будет сам с собою и сохранять чистыми те узы, какие разорвала смерть, и принимая с решительностью и благодарностью вдовство, все способности человека посвящающее на служение Господу (1Кор. 7:35), Божественное проведение устами Господа не повелевает на будущее время, чтобы супруг, вставая с брачного ложа, исполнял обычное древнее постановление об омовении (Лев. 15:18). Господь не удерживает верующих от деторождения. Чрез единое крещение Он очищает плотские отношения слуг своих на все время жизни, сведши всю многочисленность древних омовений, заповеданных Моисеем, к одному и единственному погружению в воды крещения. Закон ветхозаветный, плотским рождением символически обозначая будущее наше возрождение, усвоил силу крещения производительной

способности человеческого семени, как бы для засвидетельствования, что он не питает отвращения к процессу рождения человека. Человек и действительно весь содержится в первоначальном зародыше. Причиной зарождения человека состоит извержение семени. Итак, этой причиной состоит не количество плотских сообщений, а восприятие оплодотворяющего семени лабораторией природы (matrice), где семя сгущается в зародыше. Татиана посему я спрашиваю: Как же брак может быть считаем за установление только древнее и ветхозаветное, ибо по установлению Господа должен быть де иного рода брак? Как же это брак Моисея и брак Христа могут быть отличными один от другого, когда и в законе ветхозаветном и в новом Бог один и тот же? Человек не имеет права разлучать то, что Бог сочетал (Мф. 19:6). Тем более Сыну было естественно поддерживать установление Отца. Если же и закон и Евангелие происходят от одного и того же Законодателя, следовательно они не противоречат один другому. Закон сохраняет жизненность, будучи духовным (Рим. 7:14) и постигаем будучи истинным мудрецом. Мы же умерли закону в теле Христовом, чтобы принадлежать Другому, который воскрес из мертвых и пришествие которого предсказано законом, да приносим плод Богу (Рим. 7:4). Посему закон свят и заповеди святы и справедливы и добры (Рим. 7:12). Мы умерли для закона, т.е. для греха, который изобличается законом, который не законом порождается, а только освещается (Рим. 7:7, 13) ⁴⁵⁶ законом чрез заповедание того, что должно творить и чрез воспрещение того, чего не должно делать, – чрез изобличение какого-либо данного греха, дабы он явился возмущением против закона.

Брак, установленный законом, вы называете грехом. Я после этого не знаю, как это вы можете еще хвастаться знанием Бога, когда называете так Божественное установление. Если закон свят, то и брак свят. Апостол тайну сию истолковывает даже о таинственном союзе Христа с церковью (Еф. 5:32). Как рожденное от плоти плоть есть, так и рожденное от Духа дух есть (Иоан. 3:6) по двоякости рождения: то плотского, то чрез научение. Следовательно супруги, держащиеся Господня

учения и чрез исповедание слова Божия душою Богу обрученные, суть чада святые (1Кор. 7:14), Богу угодные и брак их честен. Нет ничего общего между браком и любодеянием: до Бога от сатаны далеко. Вот почему и вы сами умерли закону чрез тело Христово, чтобы принадлежать Другому, который воскрес из мертвых (Рим. 7:4). Но при сем нужно наблюдать одно условие, а именно послушание, потому что при следовании истине и закона (Гал. 2:14) мы повинемся одному и тому же Господу, говорящему нам из обоих заветов.

Дух Святой прямо в лицо обличает во лжи сих хулителей брака: Впоследствии времени некоторые отступят от веры, внимая духам обольстительным и учениям бесовским чрез лицемерие лжесловесников, закоснелых в совести своей, запрещающих вступать в брак и употребление мяса, которое Бог создал чтобы быть вкушаемым с благодарением от верующего и от тех, которые знают истину. Все созданное Богом хорошо и не нужно отрицаться ни от чего, что может быть употребляемо с благодарением, потому что все освящается словом Божиим и молитвою (1Тим. 4:1–5).

Итак, вовсе нет нужды запрещать браки и употребление в пищу мяса и вина, ибо написано: Хорошо мяса не есть, ни вина не пить, если кто этим соблазняется (Рим. 14:21). И: хорошо оставаться как я (1Кор. 7:8). Но чтоб оставался благодарным Богу (Рим. 14:19) как тот, кто хранит воздержность, так и тот, кто не хранит ее, пользуйтесь брачным правом умеренно; да живут и те и другие в духе Логоса.

Словом все послания Апостола, в коих во всех он учит нас умеренности и воздержности, содержат множество заповедей насчет брака, рождения детей и управления семейством. Но нигде я не нахожу, чтобы брачный союз, честный и благопристойный, был запрещаем Апостолом. Признающие гармонию, господствующую между ветхозаветным законом и Евангелием, одинаково одобряют и того кто, воздавая благодарение Богу, наблюдает в браке умеренность, и того кто по воле Божией налагает на себя воздержание и живет в чистоте; званными состоят и тот и другой, если они остаются верны раз

избранному жребию и хранят себя в оном чистыми и безупречными.

И была земля Иакова славна выше всех земель (Соф. 3:19), говорит пророк, сам представляя собою славное святилище Духа, внушившего ему это слово ⁴⁵⁷.

Если же кто злословит рождение, говоря что дети рождаются лишь для постепенной гибели и окончательной смерти, то и в сем случае только чрез вынужденность толкования можно доходить до представления, будто Спаситель разумел рождение, когда говорил: Не собирайте себе сокровище на земли, где моль и ржа истребляют (Мф. 6:19). Татиан не стыдится соединять тот же самый смысл со словами и пророка: Все вы как одежда обветшаете и источит вас моль (Ис. 50:9). Само собой разумеется, что и мы не будем противоречить Писанию в том, что тела наши тленны и постепенно дряхлеют. Но очень может быть, что пророк обращает угрозу эту к грешникам, с которыми беседовал. Что же касается до Господа, то Он изрек свое слово не в осуждение рождения детей, а имея в виду расположить к милосердию и благотворительности тех, которые заняты лишь скапливанием богатств, а помогать бедным не желают. Старайтесь, сказал Он, не о пище тленной, но о пище пребывающей в жизнь вечную (Иоан. 6:27).

Приводят хулители брака в свое оправдание еще это слово Христа о воскресении мертвых: Сыны века одного ни женятся ни замуж не выходят (Лк. 20:35). Но следует припомнить свойство вопроса и характер спрашивавших, и тогда откроется, что Господь далек был от отвержения брака, напротив своим ответом вразумлял спрашивавших Его о состоянии по воскресении, относительно которого они питали столь грубые надежды. Эти слова: сыны века сего (Лк. 20:34) Христом сказаны не о сынах другого какого-либо века, (т.е. которые жить будут вне брака), а их изрек Он, как бы так говоря: «Родившиеся в настоящем веке, – так как по самому своему рождению состоят сынами его, то и сами рождают и рождаются; потому что никто не может стать на пороге этой жизни, не вошед в нее путем рождения. Но в способности снова возродиться таким людям, как скоро нить бытия их порывается, как тленным

отказано.» Один только у нас есть и единственный Отец на небе, который чрез творение состоит Отцом и всех вообще вещей. Не называйте никого вашим отцом на земле, говорит Господь (Мф. 23:9). Этим Он сказал: «Не воображайте, что плотской ваш отец есть действительный виновник вашего бытия; он есть только пособие или лучше орудие вашего рождения». Итак, Господь хотел сказать вышеприведенным своим словом, что по обращении к Нему мы должны себя поставлять к Богу в отношения чад (Мф. 18:3), при возрождении в водах крещения, в новом сем творении в творении, познавая истинного своего Отца.

Но Апостол говорит: Не женатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском, как угодить жене (1Кор. 7:32, 33). Что же? Тот, который заботится о своей жене, согласно с установлением Божиим разве не может благодарение за сие воссылать Богу? Нельзя разве женатому вместе с женой заниматься в одно и то же время и делами семейства и Господа? Вполне возможно. Как незамужняя может озабочиваться делами Господними, чтобы святою быть и по телу и по духу (1Кор. 7:34), так и замужняя может в Господе заниматься делами мужа и Господними, чтобы святой быть и телом и духом. Обе они святы в Господе. одна в качестве супруги, другая в качестве деви.

Апостол ради пристыждения и укрощения тех, кои (разошедшись с одной женщиной) имеют склонность ко второму браку, особенно громко восклицает: Всякий грех вчиняется вне тела, а блудник грешит против собственного своего тела (1Кор. 6:18).

Продолжать со стороны еретиков после сего все еще доказывать, что брак есть любодеяние, это, – повторяю я, – значит клеветать на закон и Господа. Брак не любодеяние, а вот любодеяние. Подобно тому как любодеянием можно назвать жажду к богатству, потому что она враг разумной умеренности; и как идолослужение состоит в разделении Божественного единства на множество богов: так и переход от одного брака к нескольким есть любодеяние. Мы уже видели, что Апостол различает три рода любодеяния и прелюбодеяния.

На них намекает и пророк в следующих словах: Вы проданы вашим грехам (Ис. 50:1). И еще: Вы осквернялись на земле чужой, т.е. пророк объявляет преступной плотскую связь со всякой другой женщиной кроме той, которая дана человеку в браке для имения от нее детей. Отсюда слово Апостола: Я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не давали бы врагам никакого повода к злоречию, ибо есть некоторые, которые соvertedись во след сатаны (1Тим. 5:14, 15). И еще лучше определяется любодеяние чрез слово Апостола, относящегося особенно благосклонно к тому, кто только единой жены муж (1Тим. 2:2, 12), будет ли этим пресвитер, диакон или мирянин, лишь бы он пользовался брачными отношениями благоприлично⁴⁵⁸ : он освящается детьми, им порождаемым на свет (1Тим. 2:15).

Когда Господь называет Иудеев родом лукавым и прелюбодейным (Мф. 12:39), то чрез это Он учит нас, что Иудеи вместо того, чтобы понимать закон так, как сам он хочет быть понимаемым, следовали преданиям старцев и заповедям людским (Мф. 15:2, 9; Мк. 7:5, 7), прелюбодействуя чрез то с иным законом; и таким образом Он Бог не был по отношению к ним мужем и хранителем их девственности. А может быть Господь говоря это имел в виду и порабощение их нечистым и противоречащим разуму пожеланиям, из-за служения которым от рабства греху они попадали в плен к чуждым народам. Еврейским законодательством, далеким от коммунизма женщин, прелюбодеяние и действительно запрещено.

А когда Спаситель сказал: Жену поял, и потому не могу прийти (Лк. 14:20) на Божественный пир, то это слово Его служит хорошим примером для осуждения тех, кто удовольствиями бывает отклоняем от соблюдения заповедей.

Итак, если правда на стороне наших противников, то не спасутся ни те праведники, которые жили прежде пришествия Господа, ни жившие в брачной жизни после оногo, ни сами Апостолы.

А если бы они привели в свое оправдание еще это слово пророка: Истомился Я среди врагов Моих (Пс. 6:8), то отвечаем

им, что врагами этими состоят грехи.

Да, один есть грех в браке, и этим состоит не он сам, а любодеяние. В противном случае, т.е. если этот самый брак любодеяние, то и рождение пусть называют грехом и Виновника рождения.

13. Ответ Юлию Кассиану и суждение об одном месте, которое еретик этот приводил из апокрифического евангелия

Эти же самые доводы в пользу своей ереси приводит и Юлий Кассиан, основатель секты Докетов. В своей книге, озаглавленной «О воздержании или о целомудрии» буквально он пишет следующее: «Что вы мне ни говорите о причинах различия половых частей, будто муж сложен так, а женщина иначе с той целью, один чтобы оплодотворять, а другая чтобы рождать и что плотские их отношения будто бы от Бога происходят, это будет неверно. Если бы учреждение брака действительно происходило от Бога, к которому мы стремимся, то не ублажал бы Господь евнухов; да и пророк не сказал бы, что они древо не бесплодное (Ис. 56:3), метафорически называя древом человека, которого воля сделала евнухом (отрешенным) от всякой плотской мысли». Защитник этого нечестивого учения, Кассиан, еще прибавляет: «Кто бы не имел тогда права осуждать Спасителя за то, что Он преобразовал наше существо и освободил нас от заблуждений и обмана и имения частей, которые соединяют и сближают оба пола? В этом сходится с Кассианом и Татиан, вышедший из школы Валентина. Еретик продолжает: «Саломия спрашивала Господа: «Когда настанет время, в которое можно будет уразуметь тайны, о которых она Его теперь спрашивает»? «Когда вы презрите одежды стыдливости», отвечает Христос, когда оба пола, т.е. и мужеский и женский, будут одно и когда не будет ни мужчины ни женщины⁴⁵⁹. Прежде всего переданные нам четыре Евангелия не содержат этого места; нет его также и в Евангелии Египтян. Потом для меня ясно невежество Кассиана не знающего что *θυμός* обозначает собой именно мужское вожделение, *ἐπιθυμία* же женское пожелание, которые, будучи претворены в действия, влекут за собой раскаяние и стыд. Итак, не должно льстить ни гневу ни пожеланию, которые, будучи укрепляемы привычками дурного воспитания, покрывают и потемняют свет разума

густым мраком. И вот когда мы освобождаемся от тьмы сей и под влиянием раскаяния стыдимся своих грехов, когда сосредоточиваемся своими душой и духом и собираемся в одной точке, слушаясь Логоса: тогда, по слову Апостола, не бывает в нас ни мужеского пола ни женского (Гал. 3:28). А Кассиан говорит: «Душа, освобождаясь от плотского вида, по⁴⁶⁰ коему различаются полы, собирается в состояние единства и не бывает ни мужеского пола ни женского». Сей (мнимо) благородный Кассиан слишком приближается здесь к мнению Платона, утверждая что душа, божественная в своем начале, но изнежившаяся на пожеланиях, спускается вниз на землю для рождения и смерти⁴⁶¹.

14. Изъяснение слов Апостола из 2Кор. 11:3 и Еф. 4:24

Ересиарх этот вынужденным толкованием слов Апостола навязывает ему мысль о произрождении как следствии первобытного падения. Место из Апостола, еретиком толкуемое в этом превратном смысле, таково: Но я боюсь, чтобы как змей хитростью прельстил Еву, так и ваши умы чтоб не повредились, уклонясь от простоты во Христе (2Кор. 11:3) Но когда и о Господе свидетельствуется, что Он пришел к заблудшим (Мф. 18:11, 12), то конечно вернее де будет это состояние совращенности с пути прямого и должного понимать не об извержении душ из небесного жилища и изгнании их в эту юдоль рождения. И человека образование было ведь таким же и того же Вседержителя делом, каким было и всего вообще сотворение. Да и неестественно было Богу когда нибудь захотеть извергнуть человеческую душу из состояния блаженства в состояние низшее. Итак, понимать следует то сошествие Спасителя к заблудшим о сошествии Его к нам, сбившимся с правого пути своими чувствами и мыслями; к нам это сошел Господь. А развращен был образ наших чувств и мыслей чрез наше непослушание заповедям, ибо мы жадно отдавались удовлетворению своих пожеланий. Первосотворенный же человек может быть каким-нибудь образом и потому пал, что, не дождавшись должного времени, вероломно пожелал прежде времени насладиться удовольствиями брака. И поелику всякий кто смотрит на женщину с пожеланием, уже прелюбодействует с нею (Мф. 5:28); он грешит, потому что не дожидается назначенного Божественною волею времени: то Господь, это изрекший, Он же самый и при начале мира осудил преждевременное пожелание первобытного человека. Но и Апостол, к нам обращаясь с приглашением облекаться в нового человека, созданного по образу Божию (Еф. 4:24), признает нас такими, какими волею Вседержителя мы были сотворены. Словом же ветхий человек он не обозначает ни рождения ни возрождения, а понимает под

ним жизнь и ту и другую, и проводившуюся нами в непослушании Богу и какая отличалась уже покорностью Ему. Под кожаными же препоясаниями (Быт. 3:21) Кассиан понимает облечение нас телами.

Но с этим его заблуждением равно как с держащимися одинаковых с ним мнений мы будем иметь дело позднее, когда в согласии с намеченным планом приступим к изложению учения о происхождении человека: по нашему замыслу это учение должно предшествовать опровержению сих еретиков.

«Земными вещами занятые, говорит Кассиан, рождают и сами рождены, мы же живем уже на небе (Фил. 3:20); отсюда-то мы и внимаем словам Спасителя». Вот с этим так согласны мы; с чувством сказано это; в словах этих содержится напоминание нам и о наших обязанностях; прекрасно это. Будучи чуждыми сему миру и странниками в нем, мы и жить здесь долгу должны как странники и пришельцы (Евр. 11:13; 1Петр. 2:11); в браке состоять как если бы были безбрачными (1Кор. 7:29–31); имением владея, как если бы были неимущими; детей рождая в качестве существ, предназначенных стать достоянием смерти; готовиться должны мы все нам принадлежащее оставить; расположенные, если бы это нужным оказалось, и без жен жить; всем сотворенным пользуясь со всяким благодарением (1Тим. 4:3,4)⁴⁶², а не для удовлетворения пожеланий безмерных; душой будучи обращены к высокому нашему назначению.

15. Объяснение мест: 1Кор. 7:1; Лк. 14:26; Ис. 56:2, 3

И затем, говоря: Хорошо человеку не касаться женщины, но во избежание блуда каждый имей свою жену. Апостол как бы в объяснение прибавляет такие слова: чтоб не искушал вас сатана (1Кор. 7:1, 2, 5). Потому что разве к тем, которые пользуются брачными правами умеренно и с единственной целью иметь детей, обращает Апостол эти слова: воздержанием вашим? Нет, а говорит он это тем, которые от прижития детей в браке, желают остаться свободными. Апостол боится, чтобы демон блуда своей чрезмерной угодливостью не возбудил в верующих волн пожелания и чрез это не вверг в сладострастие несообразное. Потому что демон сей, будучи завистливым и упорным противником живущих праведно, может делать попытки к обманному вовлечению их в ряды своих последователей и посредством разных уловок устроить им среди воздержания, сопровождающегося столькими трудами, случаи к падению. Апостол посему имел все основания сказать: Лучше вступить в брак нежели разжигаться (1Кор. 7:9); муж да оказывает жене должное благорасположение, а жена мужу и да не уклоняются друг от друга (1Кор. 7:3, 5); произрождением человека они оказывают Божественному творчеству содействие.

Но кто не возненавидит, говорят, отца или мать или жену или детей не может быть Моим учеником (Лк. 14:26). И все же Господь этим вовсе не повелевает проникнуться ненавистью к своему собственному семейству. Не Он ли же и это говорит: Чти отца твоего и мать, да благо тебе будет (Исх. 20:12)? Господь хочет сказать нам своими словами только это: «Не увлекайтесь неразумными пожеланиями и избегайте следования обычаям общественным, ибо семейство состоит из родных, а города из семейств»⁴⁶³. Точно также и Павел о живущих в браке говорит: Женатый заботится о мирском (1Кор. 7:33). И в другом месте Господь говорит: «Женившийся не бросай жены своей, а не женившийся не женись» (Срав. Мф. 19:12; 1Кор. 7:8, 10, 11). Это значит: вы, в целях целомудрия давшие обет не жениться, оставайтесь безбрачными. И тем и другим и сам Господь устами

пророка Исаии дает подобные же обетования: Да не говорит евнух, что вот я сухое дерево. Вот что Господь говорит евнухам: Если вы хранить будете Мои субботы и говорить все заповедуемое Мною, то дам вам место лучшее, нежели сыновьям и дочерям (Ис. 56:3 –5). Ибо одна чистота еще не оправдывает евнуха; и наблюдения суббот мало; требуется для оправдания его еще исполнение им заповедей. Женатым же добавляя говорит: Избранные Мои не будут трудиться напрасно и рождать детей на горе ⁴⁶⁴, ибо будут семенем благословенным от Господа (Ис. 65:23). Ибо человеку, родившему и наставившему детей в духе Логоса и воспитавшему их в Господе, равно как и духовно детей родившему словом и сообщением им истинного учения, обещана некоторая награда, как семеню избранному.

По мнению же некоторых под проклятием разуместь должно самое рождение детей. Безумные, они не понимают, что эта анафема к ним-то именно и обращена Писанием. Действительно истинные избранники Божии ни ложных учений не измышляют, ни детей проклятия не рождают, как это бывает у еретиков.

Итак, слово евнух в устах Господа не означает ни того, кто насильственно изуродован железом, ни того кто остается безбрачным, но обозначается им дух бесплодный, который не в состоянии породить учения истинного. Прежде был он сухим деревом; сделавшись же послушным Логосу и по отложении грехов начав наблюдать субботы и исполнять заповеди, он становится почетнее тех, кои ограничились лишь слушанием учения Логоса, не присоединив к сему праведности жизни.

Дети, уже недолго Мне быть с вами, говорит Учитель (Иоан. 13:33) . Вот почему и Павел в послании к Галатам говорит в свою очередь: Дети мои, из-за которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос (Гал. 4:19). Потом в послании к Коринфянам он же пишет: Хотя бы вы и десять тысяч имели наставников во Христе, но немного отцов, ибо благовествованием во Христе Иисусе я родил вас (1Кор. 4:15). Посему евнух не войдет в церковь Божию (Втор. 23:1), т.е. тот, кто лишен способности плодородия и не приносит

плодов ни на словах ни на деле. Те же, которые сделались евнухами, т.е. отрешившимися от всякого греха ради царства небесного, те блаженны, воздерживаясь от всех вещей мирских.

16. Объяснение мест свящ. Писания: Иер. 20:14; Иов. 14:3; Пс. 50:5; 1Кор. 9:27

Проклят день, в который я родился и да не будет он благословлен, восклицал Иеремия (Иер. 20:14). Пророк не рождение здесь безусловно проклинает, а выражает негодование на грехи и непослушание народа, позора которых он не может переносить. Посему он прибавляет: Для чего родился я, чтобы видеть труды и скорби и чтобы мои дни исчезали в бесславии (Иер. 20:18)? Во времена Иеремии все проповедывавшие истину, из-за возбуждения ими слушателей к непослушанию, были тотчас же арестовываемы, привлекаемы к суду и наказанию. Почему родился я, восклицает пророк Ездра, и утроба матерняя не сделалась гробом для меня, чтоб свидетелем не быть мне угнетения Иаковля и изнурения рода Израильского (3Ездры 5:35)? Никто не рождался чистым из источника нечистого, говорит Иов, хотя бы и один день длилась жизнь его (Иов. 14:4, 5)⁴⁶⁵. Пусть скажут нам: где дитя, которое тотчас по рождению уже в состоянии было бы грешить? И как ничего не сделав может оно подлежать проклятию Адама? Нашим противникам остается следовательно, как оказывается, объявить злом уже не только рождение телесное, но бытие и самой души, из-за которой тело существует. И когда Давид восклицает: Во грехах зачат я и в беззакониях родила меня мать моя (Пс. 50:7), то под матерью понимает он Еву. Она действительно была матерью живых и если пророк был зачат во грехах, а в минуту рождения не был грешником, то он следовательно и не есть грех. В доказательство же той истины, что всякий переходящий от греха к вере освобождается от уз греховных, подобно тому как ребенок выходит на свет разрывая чрево матери, можно привести такие слова одного из двенадцати пророков: Отдам ли первенца моего за преступление мое и плод чрева моего за грех души моей (Мих. 6:7)? Не Творца сим пророк обвиняет, сказавшего: Плодитесь и размножайтесь (Быт. 1:28), а клеймит именем нечестия первые пожелания, являющиеся в нас впервые после плотского нашего

рождения, из-за коих мы и Бога оказываемся не знающими. Если же рождение, рассматриваемое с сей точки зрения, есть зло, то вместе с тем оно столько же собою представляет и благо, потому что чрез оное мы познаем истину о Боге. Будьте бдительны как должно и остерегайтесь грехов, ибо некоторые из вас не знают Бога (1Кор. 15:34). Ясно, что это грешники. Потому что наша брань не с плотью и кровью только, но и с духами (Еф. 6:12). Мироправители тьмы века сего очень могущественны в устройении искушений нам; вот почему нам обещано прощение (1Кор. 7:6). Посему Павел говорит: И сие тело мое я смиряю и порабощаю (1Кор. 9:27), потому что всякий состязающийся ото всего воздерживается (1Кор. 9:25), т.е. во всем наблюдает строгие воздержность и умеренность; не безусловное это ото всего воздержание, а означает, что умеренно тот пользуется только тем, что по его рассуждению полезно. И однако же чего добиваются они? Они борются из-за получения венка тленного, мы же нетленного (1Кор. 9:25), в борьбе побеждая, но венок получая покрытые потом и пылью. В этом благородном состязании некоторые пальму первенства за воздержность отдают не девице, а предпочитают ей вдову, так как она великодушно отвергает сладострастие, ранее ей бывшее известным⁴⁶⁶.

17. Доказывание, что брак и рождение детей суть зло, равнозначительно с поношением всего творения Божия и домостроительства евангельского

Вы утверждаете, что рождение есть зло. Будьте же последовательны. Утверждайте за тем, что и Господь родившись прошел чрез непотребство зла; что и Дева, Его родивши, прошла чрез ту же юдоль зла. Увы, какой потоп зла! Но посягая на рождение эти порицатели его возмущаются против воли Божией и забрасывают злословием всю тайну творения. Отсюда уверение Кассиана⁴⁶⁷, что тело Христово есть некоторого рода пустота; отсюда учение Маркиона и Валентина, что наши тела суть организмы свойства исключительно животного. Посему, говорят они, как скоро человек отдается делам плоти, уподобляется скотам несмысленным (Пс. 48:13, 21). И мы согласны с тем. Кто слепо отдается своей безумной страсти, посягает на чужое ложе, тот действительно нисходит на степень животного. Они сделались откормленными конями, говорит Писание, которые разгорячившись бегают и ржут на кобыл; каждый из них ржет на жену ближнего своего (Иер. 5:8)

Утверждать, что змею, знакомому с нравами и обычаями животных, удалось воспользоваться ими против человека, ибо он успел ими убедить Адама совокупиться с Евой, и что без участия змия наши прародители никогда и не знали бы этого рода естественных отправлений, как это утверждают некоторые, это значит опять-таки хулить творение (и Творца) за то, что Он создал человека немощее животных, грубым примерам которых последовали первосотворенные люди. Впрочем я могу с вами согласиться, что природа влекла наших прародителей к делу произрождения; обольщенные чарами врага, увлеченные пылом молодости, они более чем следовало бы, последовали плотским инстинктам. Что же вышло? Проклятие, на них произнесенное Богом, было правосудно, потому что они не дождались повеления Божия. И все же рождение свято, потому

что рождением поддерживается существование мира; им обуславливается сущность вещей с их природными свойствами; чрез оное – народы и царства природы с родами в них и видами, чрез него Ангелы; чрез него Власти; чрез него души; чрез него заповеди; чрез оное закон; чрез него Евангелие; чрез него наконец Бога познание. И всякая плоть – трава и вся слава человека как цветы полевые. Трава сохнет, цвет отпадает, а слава Бога нашего пребывает вечно (Ис. 40:6 –8). Слово сие озаряет душу подобно свету масла и ее дружит с разумом. Без тела как могло бы быть доведено до своего конца Божественное домостроительство церкви? Не под оболочкой ли плоти жил на земле сам Глава церкви, Господь, не имея вида и лишенный красоты (Ис. 53:3)⁴⁶⁸, уча нас озабочиваться лишь существованием нашим бестелесным и невидимым, первопричиной которого состоит Бог. Ибо древо жизни, говорит пророк⁴⁶⁹, заключено в добром желании (Притч. 13:12); он учит нас чрез это, что все желания честные и чистые содержатся в Боге живом.

Но не хотят ли эти еретики уже и законные отношения между мужем и женой выдавать за грех? По их мнению отношения эти выражены чрез ядение от плодов древа познания добра и зла (Быт. 3:5); выражением же познал (Быт. 4:1) будто бы обозначено в Писании нарушение Божественной заповеди. Но если это объяснение признать правдоподобным, то вероятным же нужно признать, что и на обязанность принятия истины также указано следствием ядения от плодов древа жизни. Брак благопристойный и проникнутый воздержностью может иметь сходство с этим деревом. Уже и ветхозаветный закон не говорит ли нам, что человек может пользоваться брачным правом или прилично или неумеренно; вот древо познания для него: не нарушать законов брачного союза.

Еще что? Спаситель наш не исцелял ли как телесные болезни, так и душевные? Но если бы тело было первым врагом души, то стал ли бы Он увеличивать крепость его и восстанавливать здоровье? Не значило ли бы это его лишь восстанавливать сим против души? Скажу вам, братья, что плоть и кровь царствия Божия наследовать не могут и тление

иметь места в нем не будет; это – нетленных и нетленного нетленное наследство (1Кор. 15:50). И действительно что общего может быть между грехом, исчадием тления и праведностью, чадом бессмертия? Так ли вы несмысленны, говорит Апостол, что начав разумом, теперь права предъявляете достичь совершенства побряжкой вожделениям плотским (Гал. 3:3)?

18. Против двух крайних мнений предостережение: во-первых против того, что будто бы следует воздерживаться от брака из ненависти к Творцу; во вторых против выводимой отсюда будто бы позылительности различных непотребств и в браке

Итак, мы имели дело с двоякого рода еретиками. Одни из них осчастливление себя спасительными делами праведности и благоупорядоченности жизни совершенно излишне поставляли в чрезвычайной напряженности всего строя ее, тогда как он должен был бы отличаться лишь спокойным и достопочтенным величием. Так до высшей степени иногда натягивают струны на некоторых инструментах и они издают звуки необычные и неправильные, а потом лопают. Подобно сему и еретики эти, выходя из принципа злочестивого, среди проклятий и хулы на Бога, вдавались во всякого рода нечестие и практиковали воздержность безусловную, тогда как следовало ограничиваться лишь непорочностью жизни благочестивой, избираемой и проводимой не в противоречии с началами здравого разума, проникаемой благодарением Богу за даруемые милости, не гнушающейся ничем из сотворенного, ни к живущим в браке не питающей ненависти и презрения. Что мир сотворен, это правда; несомненно и то, что девственная чистота жизни есть нечто достолюбезное; но непререкаемо и то, что и тот и другая в живущих в них должны порождать собою благодарение к Богу, если только они сознают права и обязанности положения, в котором находятся. Другие из еретиков напротив, давая волю своим страстям, позволяли себе все излишества и доходили до полной распущенности, становясь поистине как бы лошадьми исступленными и неистовыми, подпав одной лишь скотской своей и животной воле. Как эти, вышед из себя, без смысла бегают и ржут на кобыл, так и из них каждый напускается на жену своего ближнего (Иер. 5:8). Неспособными делаясь к самообладанию, они и других подстрекают лишь к делам сладострастия.

Вот места Писания, с которыми они под влиянием своих низких страстей и смысл соединяли низкий и жалкий.

Приноси твое наследство к нам; будем все иметь мы один общий кошелек; подпоясываться будем все мы общим кушаком (Притч. 1:14). Предостерегая против них, тот же самый пророк посему нас наделяет таким мудрым советом: Не ходи в путь с ними; удержи свою ногу от стезей их; не напрасно пернатым (т.е. невинности) сети расставляются. Участники убийств на свои собственные головы то зло собирают; оно то и составляет сокровище злых (Притч. 1:15–17). Преданные своим грязным порокам и учащие тому же своих ближних, они состоят воителями, но сражаются они лишь хвостами своими (Апок. 9:10). На кого намекают здесь вдохновенные уста пророка? На людей сладострастных и распутных, кои походят на похотливых животных, махающих по воздуху своими хвостами. Это дети тьмы и чада гнева (Еф. 2:3), пятнающие себя скверной убийств, насильников самих себя и самоубийцы, но душегубцы и своих ближних. Очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, взывает Апостол (1Кор. 5:7). И опять, гневаясь на подобных грешников, он заповедует нам не входить ни в какие отношения с братом (по вере), если он распутный или скряга или идолопоклонник или клеветник или вину предан или хищником чужого имения состоит; и даже пищи не должно принимать с таким человеком (1Кор. 5:11). Ибо, говорит Апостол, закону я умер в законе, чтобы жить только для Бога. Я сораспялся Христу и уже я не живу более, как жил я, когда был рабом сладострастия, но живет во мне Христос жизнью непорочной и блаженной чрез послушание мое заповедям. Посему тогда я жил во плоти плотски, а ныне хотя и живу в том же смертном теле, но живу верою в Сына Божия (Гал. 2:19, 20). Не вступайте на путь язычников и в город Самарянский не входите, говорит нам Господь (Мф. 10:5), отвлекая нас от заблуждений, в коих они живут. Потому что конец нечестивых ужасен, но таковы же и пути всех, творящих злое (Притч. 1:18, 19). Горе человеку оному, говорит Господь; лучше было бы не родиться ему (Мф. 26:24), чем хотя одного из избранных Моих соблазнить ему; лучше было бы, если бы ему повесили на шею

жернов и потопили его в глубине морской, чем совратить ему с пути истинного и одного из Моих избранных (Мф. 18:6); это из-за них имя Божие хулится (Ис. 52:5; Иез. 36:20; Рим. 2:24) между язычниками. Посему прекрасно говорит Апостол: Я писал вам в одном из моих посланий не сообщаться с распутными (1Кор. 5:11) и т.д. даже до слов: тело же вовсе не для блуда; оно для Господа и Господь для тела (1Кор. 6:13). Потом, чтобы еще лучше убедить нас в том, что он не считает брак на одной линии с какой-то любовной шашней, Павел прибавляет: Или вы не знаете, что вступающий в связи с женщиной продажной становится одно тело с нею (1Кор. 6:15)? Я вас спрашиваю: Кто же назовет девицу блудницей до замужества? И не уклоняйтесь друг от друга, говорит Апостол, разве по согласию на время (1Кор. 7:5). Словом не уклоняйтесь Апостол показывает, что долг брака рождение детей; и он выражает это именно с этой буквальной точностью в стихе предшествующем: Муж оказывай жене должное благорасположение, подобно и жена мужу (1Кор. 7:3). Раз цель брачного союза достигнута, жена становится помощницею мужу в надзоре за домашней жизнью и поддержании в муже веры в Господа.

И еще яснее говорит тот же Апостол: А состоящим в браке не я повелеваю, но Господь: жене не разводиться с мужем. Если же разведется, пусть более не выходит замуж или пусть примирится с мужем; и муж точно так же не должен оставлять жены своей. Что же до остальных, то это я им скажу, а не Господь. Если какой брат и т.д. даже до слов: ныне же святы (1Кор. 7:14).

Что ответят на эти слова те, которые поносят и закон и брак, как если бы только ветхозаветный закон уполномочивал на брачный союз и как если бы завет новый в сем противоречил закону?

Нечестивцы, избегающие брачных связей и хулящие произрождение детей, что скажут далее еще против сих законоположений! Даже епископа, состоящего главою церкви, Апостол не заповедует ли выбирать из таких, которые хорошо управляют своими семействами (1Тим. 3:2, 4; Тит. 1:6)? А дом единыя жены мужа не становится ли по мнению Апостола

домом Божиим? И он говорит: Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть (Тит. 1:15).

Слушайте теперь, как Апостол прокликает распутство и сладострастие: Не обманывайтесь: ни распутники с распутницами и кинэды, ни идолослужители, ни у иных женщин преступной склонности и связи преступные заискиватели, ни с кинэдами в связь вступающие, ни против своего собственного тела распутно посягающие, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники царства Божия не наследуют. Такими были и мы, но омылись (1Кор. 6:9–11).

Что же касается до оправдывающих свой разврат тем, что они де погружаются в него из стремления к воздержанию от чувственности и служения страстям в последующее время, то они оказываются чрез это нечестивцами. Они утверждают, что позволительны все пожелания и всякое сладострастие. Они учат менять воздержание на невоздержанность и бесстыдно сосредоточивают все свои мысли и все свои надежды на частях тела постыдных. Но чрез это они готовят своим последователями не иной конец, как лишенными быть царства Божия, тогда как имя их могло бы быть написано на небесах. Напрасно они усвоят своему учению имея познания. Они ходят по широкими путям, приводящим во тьму кромешную.

Прочее, мои братья, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвально, о том помышляйте; чему вы и научены, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте; и Бог мира будет с вами (Фил. 4:8,9). И Петр подобное же пишет в своем послании: *Чтобы вам иметь веру и надежду на Бога, очищайте ваши души послушанием истине (1Петр. 1:21,22), остерегаясь как послушные дети сообразоваться с пожеланиями, коим предавались прежде в невежестве вашем. Будьте святы во всех путях вашей жизни по примеру призвавшего вас Святого, как написано: Будьте святы, потому что Я свят (1Петр. 1:14–16; Срав. Лев. 19:2).*

Однако необходимость оказать сопротивление представителям знания лжеименного завела нас гораздо далее чем следовало и слишком уже растянула наше против них слово. Здесь посему сих в духе истинной философии гностических Записок наших, или Стромат их, третья книга кончается.

Книга четвертая

1. План, которого в дальнейшем писатель намерен держаться при обсуждении разных предметов

Нахожу теперь последовательным приступить к речи о мученичестве, а также о совершенстве и совершенных. По поводу двух этих тем будет изложено и все то, что имеет связь с ними. Тут нам, безотносительно к полу человека, мужескому ли то будет или женскому, первее всего придется решить философский вопрос, кто раб и кто свободен. Затем, пополнивши прежние наши рассуждения о вере ⁴⁷⁰ и обсудивши о том вопрос, как прийти к ней, мы тут же войдем в рассуждение о символах; а после слова о нравах, мимоходом бросив о них несколько заключений, покажем вкратце, какую помощь оказала Эллинам варварская философия. По преднесении вниманию читателя очерка сего предмета, мы на некоторое время остановимся на местах Писания в опровержение разом как Эллинов так и Иудеев. Далее войдем мы в некоторые подробности, кои в предисловии обещали изложить в одном из очерков, но какого обещания своего не могли исполнить, будучи подавлены обилием материала и оные оставив для сего. По изложении, насколько это возможно будет, всех сих предметов, мы войдем в разбор и натуралистических принципов, насколько память о них сохранилась у Эллинов и варваров, чтобы потом перейти к обсуждению и главнейших учений философских. За сим, после беглого взгляда на богословие, нам естественно будет изложить предания и пророческие. По утверждении после сего достоверности Писания, в которое мы уверовали, и показании Божественного его авторитета, мы шаг за шагом в состоянии будем следить еретические учения, противопоставляя им учение об едином Боге и Господе Вседержителе, столь искренно возвещаемых в законе, писаниях пророческих и в благодатном Евангелии. Тут писателя естественно ожидают частые столкновения с приверженцами мнений противоположных; но намерение его все гнусности сектантов чрез занесение их в этот литературный памятник побороть и чрез изобличение ссылками

на Писание изобретателей оных вопреки собственной их воле убеждать в ином. Наша задача таким образом будет исполнена во всей ее целости, как скоро своими разъяснениями, в меру внушения оных нам Духом Святым, – о чем считаем за необходимое предуведомить читателя ранее изложения самой истины, – удовлетворим настоятельнейшей потребности времени. После сего мы перейдем к изложению истинно-гностического воззрения на природу и посвятим читателя в тайны сначала меньшей важности, чтобы затем привести его к восприятию тайн и важнейших ⁴⁷¹. Так, по разъяснении и формулировании предварительных принципов, согласное с Божественным разумом истолкование вещей святых уже ничем не будет затрудняемо. Но это установление взгляда на природу видимую, или лучше сказать посвящение себя в тайну бытия вселенной, чрез ознакомление с преданием истинно-гностическим и чрез теорию космогоническую, возведет нас к познанию и Бога. Вот почему исходным пунктом нашего взгляда на природу есть взгляд на нее как на сотворенную, что установлено и пророками. Мимоходом мы припомним при сем теории и иномыслящих для изобличения, насколько это окажется возможным, их несостоятельности. И все же весь этот план может быть выполнен при содействии лишь милости Божией и в меру наития на нас Божественного.

Теперь обратимся посему к нашему предмету и первее всего окончим то, что нам осталось сказать о морали.

2. Почему книгам сим дано название «Стромат»?

Этим «Воспоминаниям» нашим, как о сем уже не раз мы говорили, из-за читателей не очень-то рассудительных и многознающих, дан вид узорчатых ковров, или с пестрыми видами шпалер. В них постоянно мы переходим с одного предмета на другой, говоря о том, а давая говоримым другое. «Рудокоп, – говорит Гераклит, – ища золота в земле, перерывает массу ее, а находит малость». Читатель же сих наших «Записок», если он представляет собою так сказать истинное злато земли, и если он извлекать будет из сего творения нашего лишь то, что на него самого походит, и не особенно роясь в сем творении нашем, найдет здесь и в малом немало: встретит же ведь эта книга хоть одного читателя, который поймет ее. Сии наши «Строматы» в руках человека разумного суть лекарство для памяти его и средство, способствующее открытию истины. Но они не делают для читателя излишней обязанности и самостоятельного отношения к делу и не будут в обиде на него, если он присоединит к ним и свои личные рассуждения. Путешественнику разумному, если он зайдет на дорогу незнакомую, достаточно лишь указать путь истинный, чтоб он достиг цели путешествия; делом уже его самого бывает идти без провожатого и на основании своих собственных соображений догадываться, где он и где цель его пути. Спрашивал раз у Дельфийской жрицы один раб совета: «Как бы это ему понравиться своему господину»? Пифия отвечала: «Думай и откроешь». И все же мне кажется, что открытие сокровытого прекрасного не может даваться без затраты сил и труда. «Добродетель только потом берется» ⁴⁷².

...Длинна и крута стезя к ней

И очень трудна сначала. Но когда восходят на вершину,

Она представляется столь же легкою, как неудобной казалась сначала.

Да, действительно *тесен и узок путь* Господень (Мф. 7:14) и лишь *употребляющими усилие* ⁴⁷³ *восхищается царство небесное* (Мф. 11:12). Вот почему Господь и говорит

нам: *Ищите и найдете* (Мф. 7:7), найдете, если будете держаться пути царского и никогда с него если не будете уклоняться на пути сторонние.

Пусть никому однако же не кажется странным, что это сочинение наше похоже на поле с растущими на нем разных сортов цветами и травами. Растение, по словам Писания, хотя и мало пространства занимает собой, а содержит в себе *множество* плодотворных семян (Иов. 5:25). Следовательно если наши сии «Записки» называются «Строматами» (т.е. пестрыми лугами), то наименование сие их содержанию вполне приличествует, потому что действительно в них речь идет о разных предметах. По свидетельству Софокла, в древние жертвы

Входило и руно овцы, и вино,
И хорошо сохранившиеся виноградные кисти,
И разного рода плоды,
И оливковое масло в сосудах,
И самолучший мед,
И восковые медовые соты, искусное дело пчелы.

Подобно сему и в наших сих «Строматах», – воспользуемся сравнением, которое комик Тимоклея вложил в уста своему садовнику, – «как бы на плодородном некоем поле произрастают и винные ягоды и масличные деревья и дикие смоквы и мед несут пчелы». Эта-то плодovitость поля заставляет хозяина сказать:

Конечно не о поле обработанном ты это говоришь,
а про ветвь оливкового дерева, стоящую пред храмом.

У Афинских детей и действительно был обычай петь пред храмом такого содержания стихи:

Одна и та же ветвь оливы приносит и маслины, и винные ягоды, и питательный хлеб,

И мед в наши блюда, и масло, чтобы смягчать кожу на наших членах ⁴⁷⁴.

Подобно веяльщику, отделяющему зерно от мякины, посему и в сих наших «Записках» следует чаще пропускать пшеницу сквозь решето и очищать ее от сора.

3. В чем состоит истинное превосходство человека?

Большинство людей по непостоянству и безосновательности действий походит на изменчивость погоды. Слушайте. «Неверие есть мать всех благ, а вера – мать всех зол». Так говорит Епихарм. «Помни, что верить не следует», – говорит он; «это – нерв (проводник, посредник) разумности». Так. Но неверие в истину смертью сопровождается, равно как вера в истину жизни равна. И наоборот верить в ложь, а истину отвергать, это значит копать под своими ногами яму, чтобы в ней сгнуться. То же самое следует сказать о воздержании и невоздержности: одно есть дело жизни; другая ведет к смерти. Воздерживаться от дел добрых равносильно бездельничеству; воздерживаться же от всякого рода неправд, это – начало спасения. И мне кажется, что *субботою* косвенно заповедуется воздержность, так как ею рекомендуется укрощение в себе склонностей ко всему злему. Иначе чем человек и отличался бы от животных? С другой стороны в чем Ангелы Божии были бы мудрее человека? *Немногим Ты умалил его пред Ангелами*, восклицает царственный пророк (Пс. 8:6). Действительно, никто не относит сего изречения Писания к Господу, хотя он также облечен был плотию. Лучше сказать имеет отношение это выражение Писания к совершенному мудрецу (гностику), лишь малым чем умаленному пред Ангелами, т.е. лишь временностью этой земной жизни и облечением в плотяную сию одежду (2Кор. 5:2,3). Посему под мудростью я не иное что могу разуместь как знание же. Потому что жизнь (бесплотных) от жизни (нашей) в сущности конечно не может быть отличной. Для природы смертной, т.е. человека, равно как и для всех других существ, вместе с ними одинаково возвышенных до бессмертия, жить это значит созерцать и во всем наблюдать умеренность и воздержность. (т.е. духовность) жизни, хотя степень совершенства и те и другие существа и могут превосходить друг друга ⁴⁷⁵. Именно в этом высоком смысле Пифагор посему говорит: «Только один Бог премудр». И Апостол в послании к Римлянам

пишет: *Открыта тайна сия всем народам, чтобы они повиновались вере и чрез Христа Иисуса познали единого премудрого Бога* (Рим. 16:19). Из-за любви, которая соединяла Пифагора с мудростью (Богом), он назвал себя не мудрецом, а лишь любителем мудрости (Бога). И с Моисеем, по свидетельству Писания, *Бог говорил как друг говорит со своим другом* (Исх. 33:11; срав. Числ. 12:8; Втор. 34:10). Истина свойственна существу Божию с такой непосредственностью, что оно собою порождает истину; поэтому-то гностик и любит ее; (любовь к ней равнозначительна у него любви к Богу).

Пойди, ленивец, к муравью и поучись у пчелы (Притч. 6:6,8), говорит Соломон. Чему поучись? Тому, что каждому из живых существ свойственно свое особое назначение. Иное назначение жизни вола, иное жизни лошади, иное – пса. Значит свое особенное призвание имеет и человек. И какое же это? Человек, по моему пониманию, представляет собою нечто в роде мифического Центавра, почитавшегося в Фессалии. Он составлен с одной стороны из тех же элементов как и животные; с другой стороны есть в нем начало еще духовное; я хочу сказать: человек состоит из души и тела. Тело занято землею и гнется к земле; душа же стремится к Богу. Просвещена будучи мудростию (философией) истинною, она устремляется горе к родственным с нею небожителям; она всеми своими силами работает над освобождением себя от пожеланий тела, между прочим и от трудов и страхов, хотя, – как мы показали выше, – терпение и страх и необходимы для утверждения в добродетели.

То правда, конечно, что *законом познается грех* (Рим. 3:20), как это утверждают и хулители закона, хотя и *до закона грех был в мире* (Рим. 5:13); но *без закона*, ответим им, *грех был мертв* (Рим. 7:6). Потому что если, исторгая из себя грех – причину страха – мы, состоя в законе, не освобождались от страха, то тем паче наказание значит мы от себя удаляем, как скоро иссякает источник бурного пожелания. *Закон не для праведника положен*, говорит Писание (1Тим. 1:9). Полны глубокой правды посему и слова Гераклита: «Люди никогда не имели бы и понятия о справедливости, если бы не знали

преступлений». И по мнению Сократа «Законы не для добродетельных постановляются».

Хулители закона далее не постигли смысла и сих слов Апостола: *Любящий ближнего (Рим. 5:8) зла не делает ему (Рим. 5:10)*. И действительно сии Божественные заповеди: *Не убий, не прелюбодействуй, не крадь (Лев. 19:18)* и другие содержатся все уже в одной этой: *Люби ближнего твоего как самого себя (Рим. 13:9)*. Вот почему и Господь наш говорит: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и ближнего твоего как самого себя (Лк. 10:27; Мф. 12:37, 39)*. Но так как человек любящий своего ближнего ничего дурного ему причинить не может, и так как сущность всех заповедей содержится в одном этом сокращенном слове: *Любите ваших ближних*, то из этого следует, что заповеди, коими имеется в виду пробудить страх, порождать собой должны любовь, а не ненависть. Закон, мать страха, следовательно не может в душе порождать ни смущения, ни печали. Закон свят и в высшей степени духовен, по Апостолу (Рим. 7:12, 14).

Итак, как скоро мы знаем природу тела и души сущность, то можно бы, как мне кажется, и то понять, что за участь ожидает тело и что за участь предстоит душе; следовало бы кажется после сего на смерть смотреть уже не как на зло. *Ибо когда вы были рабами греха, говорит Апостол, тогда вы пользовались ложной свободой в отношении праведности. Какая же польза была вам от этой беспорядочной жизни, которой теперь сами стыдитесь? Конец ее смерть. Теперь же, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец жизнь вечная. Ибо возмездие, за грех смерть, а дар Божий жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 6:20–23)*. После сего можно бы кажется понять, что жизнь души грешной, когда она еще соединена с телом, есть смерть для нее; действительной же для нее жизнью был бы лишь разрыв связей со грехом. Но при этом постепенном отрешении от греха то и дело мы натываемся на пожелания как бы на тыны какие и канавы; затрудняется это очищение себя от греха еще вихрями гнева и других страстей; необходимо нам бывает при сем обходить пропасти плотских удовольствий.

Приходится преодолевать их решительностью духа, избегать расставленных против вас сетей; и только при соблюдении сих условий возможно достигать созерцания Бога лицом к лицу, а не в зеркале только (1Кор. 13–12).

Половину силы отнимает всеназирающий Зевс у человека, Которому приходится быть в рабстве у других. (Одис. XVII, 322).

В состоянии же рабском находятся все работающие греху (Рим. 6:17, 20; 3:9), ему *проданные* (Рим. 7:14). Рабами греха Писание называет всех, кто занят доставлением себе лишь чувственных удовольствий, – всех занятых лишь своим телом. С точки зрения Писания эти несчастные походят более на животных (Пс. 48:12, 20), на разгоряченных лошадей, ржущих на жену ближнего (Иер. 5:8 и др.); они скорее скоты, чем люди. На символическом языке Писания плотоугодник есть похотливый осел (Иов. 11:12; 24:5); хищник чужого добра ⁴⁷⁶ есть хищный волк (Быт. 49:27; Иез. 22:27); клеветник – змея (Быт. 49:17 и др. места, где диавол называется змеем). Поэтому-то постепенное духовное отрешение души от тела, которым философ занят в течение всей своей жизни ⁴⁷⁷, пробуждает на дне его сердца искреннее стремление к познанию, дабы тем бодрее и спокойнее перенести ему и естественную смерть, которая есть разрыв уз, соединяющих душу с телом. *Для меня мир распят и я для мира*, говорит Апостол (Гал. 6:14). Хотя еще и плотию я облечен, но так уже живу, как если бы на небе был (Фил. 3:20), говорит он же.

4. Похвала мученичеству

Вот почему так называемый гностик (мудрец) весьма послушен; вот почему он даже и тело свое, сии бранные останки своей личности, охотно отдает тому, кто от него сей жертвы требует. Очистивши плоть свою от всех греховных склонностей, он не с ругательствами обращается к совратителю, а скорее, как нам кажется, со словами вразумления и обличения за бесчинство.

Сколь бы ни был он богат,
на какой бы высоте благоденствия он ни стоял,
нисходя с нее, как говорит Эмпедокл, он расстаётся со своим счастьем без сожаления и возвращаясь в среду остальных людей занимает здесь указываемое ему место без ропота. Первее всего он свидетельствуется пред самим собою, что Богу искренно верен; во-вторых он свидетельствует против совратителя, доказывая ему, что совершенно напрасно он возмущается твердостью и неизменностью его любви к Богу; в-третьих и наконец он свидетельствуется пред Господом, что присуща Его учению особая Божественная сила убедительности, так что даже страх смерти не может понудить его к вероотступничеству. Но и учения истинность он подтверждает самым делом, открывая пред всеми всемогущество Бога, к которому стремится. Кто не удивится красноречивости сей проповеди о любви со стороны столь благородного атлета? Кто чудным не найдет это чувство благодарности, с каким он стремится к соединению с душами ему родственными? Каким стыдом чрез пролитие своей драгоценной крови покрывает он неверующих! Будучи удерживаем от отступничества благотворным страхом заповеди, он отказывается отречься от Христа и чрез то свидетельствует о присущем ему страхе Божиим. И обратите на это внимание ваше особенное! Своей веры он не продает. Он поступает так, как поступает, не ожиданием водясь получить приготовленный ему венок; он оставляет эту жизнь единственно из любви к Богу, с радостью в сердце, с благодарением на устах как к Тому,

который пробудил в нем этот голос, зовущий его из сего мира, так и по отношению к тому, кто злоумышленно посягнул на дни сей его жизни. Он благодарит их за доставление ему того, чего сам он никогда не добивался. Он благодарит их за доставление ему столь удобного случая явить себя миру и пред Богом таким, каким он есть: пред своим мучителем заявить энергию своего терпения; пред Богом искренность своей к Нему любви. О полнота милосердия Божественного! Оно еще ранее возрождения мученика (в водах крещения), чрез любовь возженную в его сердце, уже предопределило его в достояние Себе, с любовью призиало на его преданность и на принесение им себя на заклание. Вникните также и в полнейшее его доверие к Господу. С какими мужеством и радостностью он стремится на соединение с Ним, с Ним которого он любит, за Кого он добровольно жертвует своим телом, а кроме того и своей жизнью, как думают его земные судьи! Но этой он не теряет, напротив приобретает ее, слыша от Христа, за сходство взаимных их страданий, приветствие такими лестными словами «О брат мой возлюбленный», как выразился бы поэт.

Да, мы считаем мученичество «совершенством». Не бессодержательное понятие черни связываем мы с этим словом, видящей в мученичестве лишь известного рода конец жизни, нет; мы видим в мученичестве заявление совершеннейшей любви к Богу.

Древние Эллыны в торжественных песнях прославляли смерть павших на поле битвы ⁴⁷⁸. Но это они вовсе не для того делали, чтобы рекомендовать кому-либо смерть насильственную, нет. Почтением, какое было воздаваемо павшим на войне, они свидетельствовали то лишь, что храбрый, умирая на войне, отходил из сей жизни не испытывая страха пред смертью. Он отрешается от тела раньше, чем душа могла быть обнята смущением и впасть в состояние бесчувственности бессознательности, как это бывает с людьми, умирающими от болезней, ибо они отходят из сей жизни трусливо и снедаемые желанием еще пожить. Так происходит, что душа людей, умирающих от болезней, если только они не были людьми отменно добродетельными, вместо того, чтобы

освободиться из смертной сей темницы чистою, отходит из тела окруженная целым роем пожеланий, виснувших на ней подобно свинцовым гилям ⁴⁷⁹.

Есть впрочем и из падающих на полях бранных умирающие с пожеланиями и со всеми теми пристрастиями, которые они обнаружили бы, если б чахли и гасли и от какой-либо болезни.

Итак, мученичество состоит в исповедании Бога, а если так, то и каждая душа, устрояющая свою жизнь согласно с познанием о Боге и исполняющая Его заповеди, есть уже исповедница, исповедница делом и словом. Не все ли равно так или иначе освободиться из темницы сего тела? Вместо пролития крови она свидетельствует о своей вере всей своей жизнью и исповедует Бога в минуты даже смерти. Не говорит ли Господь в Евангелии: *Кто оставит отца или мать или братьев* и проч. *ради Евангелия и имени Моего, тот блажен* (Мф. 19:29, 30). Не о каком-либо простом мученичестве и в обыкновенном смысле этого слова Господь говорит здесь, а о мученичестве и исповедничестве, истекающих из познания, об исповедании Господа жизнью чрез устроение ее из любви к Нему по принципам Евангелия. Ибо двумя этими словами: «знание Моего Имени» и «разумение Моего евангелия» обозначается более чем суетное и бесплодное выкликание имени и дела Христова, а указывается на необходимость истинного познания, проведенного в жизнь; и такое познание будет действительно исповедничеством, сопровождающимся не только оставлением земного семейства, но и всех благ внешних, оставлением всех страстей и всех пожеланий. Словом *мать*, которую приходится оставлять ради Христа и Его евангелия, обозначено аллегорически отечество и родная страна. Под словом же – *отец* Писание понимает порядок частной жизни, над которыми праведник с благодарением и великодушно должен возвышаться, чтобы стать угодным Богу и занять место в святилище (царства Божия) на десной стороне (достигнуть высшей степени славы), чего добивались и Апостолы ⁴⁸⁰.

Уже и Гераклит говорил: «Себя принесших в жертву Марсу и боги чествуют и люди». Платон в 5-й книге своего

творения «О государстве» пишет: «Тем между сражающимися и умирающими на войне, которые падают со славой, не первое ли место мы предоставим среди золотых людей поколения? Без сомнения это отличнейшие из всех людей» ⁴⁸¹. Золотыми людьми известного поколения состоят потомки богов, потом населяющие небо, неподвижную сферу и принимающие наибольшее участие в управлении судьбами людей.

Из еретиков же некоторые, недостаточно ясно понимая Господа, питают нечестивую и трусливую привязанность к сей жизни и утверждают, что истинным исповедничеством состоит уже и познание Бога ⁴⁸². Дело это, конечно, хорошее, но когда они называют посягателем на свою личность и самоубийцей всякого христианина, который своей смертью прославил бы Бога, то в этом мы видим уже нечестие. Подтверждают они свое мнение софизмами, внушаемыми им трусостью. Они несогласны с нами в самых принципах касательно сего и мы опровергнем их, когда настанет минута для того.

Есть и другого рода люди, не имеющие ничего общего с нами кроме имени, на деле же христианами не состоящие. Они уже преднамеренно ищут смерти, бегут навстречу палачу и отдают себя на смерть, делая это из ненависти к Творцу. Несчастные! Что это у них за дикое желание поскорее расстаться с жизнью! Относительно этих самоубийц мы провозглашаем: Смерть их не есть мученичество, хотя они и бывают казнимы по приговорам власти государственной. На них нет ореола мученичества за веру. Они не ведают истинного Бога и смерть их напрасна. Подобным образом индийские гимнософисты совершенно без смысла бросаются в пламя. Этим лжегностикам, нечестие свое изливающим на свое собственное тело, мы объявляем прямо, что гармония и целостность телесных органов напротив весьма много способствуют развитию счастливых способностей нашей души. Вот почему Платон, которого еретики не боятся призывать во свидетели якобы враждебности его произрождению, в 3-й книге своего творения «О государстве» пишет: «Для установления гармонии между телом и душой следует особенно заботиться о теле», под

условием облечения которым только и может жить и честно действовать славный провозвеститель истины. Только при сохранении жизни и здоровья мы можем восходить на высшие ступени познания. Тот же, кому, при отсутствии этих первых условий успеха, не дано подниматься до этой высоты, ни всего того кто не в состоянии делать, что направляет его на путь к познанию, тот не тем ли паче дорожить должен благосостоянием тела? Только живя мы можем утверждать благосостояние жизни; и лишь под сей телесной оболочкой привыкши к благоприличию жизни мы перейдем в состояние бессмертия.

5. О пренебрежительном отношении к болезням, бедности и другим внешним несчастьям

Удивления достойны Стоики со своим учением, что телесные недуги нисколько не влияют на душу; ни болезни де не располагают ее к порокам, ни здоровье и добродетели; состояние тела и настроение душевное не имеют де между собой никакой связи.

По-видимому и так. В лице напр. Иова, из богатства низведенного в нищету, из известности в неизвестность, из красоты в уродство, из здоровья в болезнь, не представлен ли нам блистательный и превосходный пример веры и душевной крепости, так как он низлагает искушителя, Создателя благословляет и переносит унижение так же, как переносил и славу? Удивительный пример того, как истинный мудрец (гностик) и среди всех превратностей жизни остается добродетели верен! А что добрые примеры древних праведников поставлены пред нами в качестве как бы картин, которыми мы должны возбуждаться к преобразованию нашей жизни, это объясняет нам и Апостол. Так он пишет, что *цепи его сделались известны в претории и остальным всем во славу Христа Иисуса; и что большая часть братьев, ободренные его цепями, начали с большею смелостию безбоязненно возвещать слово Божие (Фил. 1:13, 14)*. Апостол имел все причины сказать это, так как и мученики представляют собою примеры святого переворота, в них произведенного Христовым учением, который они и засвидетельствовали славно. Да и *все, что было писано, говорит Писание, все то написано нам в наставление, чтобы мы чрез терпение и утешения, примеры которых предносит нам Писание, сохраняла надежду (Рим. 15:4)*.

На деле оказывается однако же иначе. Душа, при поражении ее какой-либо скорбью, как будто никнет, низится пред ней и полагает великую важность в том, чтобы освободиться от налегшей на нее тяжести. Несомненно, что во все продолжение этого кризиса о предметах познания она не

заботится, но нерадит и о других добродетелях. Мы не то хотим сказать сим, что самая добродетель в ней терпит что-либо; добродетель не может хворать. Но человек, которому свойственно и добродетельным быть и болезни испытывать, острыми болями недуга бывает беспокоиваем и подавляем. Если он еще не выработал в себе душевной твердости, которая могла бы его поддерживать; если он еще не воспитал в себе того великодушия, которое себя ставит выше несчастья, то он бывает выводим из состояния спокойного. Не в силах будучи сопротивляться приражению несчастья, он дезертирует из-под знамен.

Что о болезнях, то же самое должно сказать и о бедности. И она лишает душу *единого на потребу*, я хочу сказать: отклоняет ее от созерцания и затрудняет сохранение безупречной нравственной чистоты и безгрешности. Человека, который из любви к Богу еще не посвятил Ему всей своей личности, она вынуждает к трудам, чтобы было чем питать ему свое тело. Доброе здоровье напротив и имение вещей, необходимых для поддержки телесной жизни, развивают в душе свободу и независимость, если только она умно умеет пользоваться земными благами. Незнающие же сего искусства, говорит Апостол, *будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль и я хочу, чтобы вы были без забот... – чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения* (1Кор. 7:28, 32, 35). И все же материальными потребностями заниматься нужно: не из-за них самих это нужно делать, а в интересах тела. О теле же заботиться следует из-за души, к которой и все имеет отношение. Эти побуждения и ревнителя жизни гностической (свойственной истинному мудрецу) заставляют учиться полезному.

Есть множество удовольствий непозволительных; отсюда следует, что удовольствие еще не есть благо; иначе благо могло бы оказываться злом, а зло благом. Но из сего обстоятельства, что есть удовольствия, которых мы ищем и есть другие, которых мы избегаем, не тем ли с большей необходимостью следует, что не всякое удовольствие есть благо?

То же самое, что сказано нами об удовольствиях, должно сказать и о скорбях. Одни из них мы еще переносим, других избегаем. Чем же руководимся мы в различении их и предпочтении одних другим? Наукой, знанием. Но отсюда опять следует, что истинное благо значит не в удовольствии, а в науке, в познании; им-то руководясь мы и выбираем одни из удовольствий, а другие отвергаем.

Здесь равным образом и того причина, почему мученик, из-за ожидаемых им радостей и благоволения к нему Божия, переносит страдания и скорби настоящей жизни.

Если под жаждой разумеется чувство мучительное, а под утолением ее удовольствие, то основой этого удовольствия состоит значит внутреннее мучение. Но зло никогда не может быть причиной добра; следовательно ни мучительное чувство жажды, ни удовольствие, происходящее от утоления ее, не есть зло. Так думали Симонид и Аристотель ⁴⁸³. И тот и другой писали, что «первое благо человека в здоровье; вторым состоит симметрия и красота тела; третьим – богатства, приобретенные законными путями». И мегарянин Феогнис говорит:

Чтоб избегнуть бедности, бросься, Кирн, в рыбообильное море;

Или же – низвергнись с вершины высоких скал.

Напротив по Антисфену комику «Богатство ослепляет именно тех, которые кажутся ему прозорливее других». Уже и поэты посему поют о слепом от рождения.

И она ему родила мальчика, который никогда не видал света солнечного,

говорит халкидянин Евфорион.

Богатство и жизнь чувственная, стоящая в связи с ним, – дурная школа;

Трудно воспитать в ней твердость душевную,

говорит Еврипид в «Алексадре». Известна пословица: «Бедность избрала себе в подруги мудрость только вследствие своего несчастья». «Любовь же к деньгам может подчинить себе не только суровую Спарту, но и всякий другой город». – «Истинное богатство смертных, – говорит Софокл, – не в золоте и не в серебре; ценнее их добродетель».

6. Некоторые из источников блаженства

Божественный Спаситель наш как бедность так и богатство, а равным образом и все то, что подходит под одну категорию с ними, причислил к вещам одинаково как духовным так и телесным. Он сказал: *Блаженны преследуемые из-за правды* (Мф. 5:10), чем ясно показал нам, что ни в каком жизненном положении от мученичества (исповедничества) отказываться не следует. Низведен ли был бы кто в бедность за правду: он свидетельствует (исповедует), что правда, которой он предан, есть благо. *Алчет* ли и *жаждет* ли кто правды: он доказывает тем, что правда есть высшее из благ. Подобным образом плачет ли кто из-за правды и скорбит: он дает тем свидетельство превосходства закона, красоты его и достопочтенности. Посему как *преследуемых за правду*, так и *алчущих и жаждущих правды* Господь одинаково называет блаженными, одобряя чистоту и искренность желания, которого даже голод подавить не может. Да, если *жаждут* они правды из-за ней самой, то они *блаженны* (Мф. 5:6).

Блаженны также и *нищие*, будет ли то духом (Мф. 5:3) или естественными богатствами, лишь бы это было из-за любви к правде. Не бедность вообще из-за ней самой Господь благословляет, а ту бедность, которая пренебрегает мирскими сокровищами из-за любви к правде, а также бедность, которая пренебрегает мирскими почестями, лишь бы приобрести сокровище истинное. Посему Он называет блаженными также и тех, которые чрез наблюдение чистоты телесной и душевной сохраняют чистоту нравов. Блаженны эти души благородные и славные, которые из-за постоянного наблюдения правды получили привилегию быть усыновленными и в соответствие сему получили *власть быть чадами Божиими* (Ин. 1:12), *наступать на змей и скорпионов, покорять демонов и господствовать над всею силою вражиею* (Лк. 10:19). И вообще стояние за Господа отвлекает душу от тела, проникает ее благодарностью к Богу, добрыми расположениями и, сосредоточивая ее в самой себе, возносит

ее в места иные. *Любящий жизнь свою погубит ее, а ненавидящий свою жизнь найдет ее* (Ин. 12:25; Мф. 10:39), лишь бы только опирались мы своею брэнностью на вечность Божию. Воля же Божия такова, чтобы мы Его знали; чрез это мы становимся причастниками Его вечности. Кто во свете покаяния усматривает пятна на своей душе, тот ее губит (убивает) для греха, ибо он вырывает ее из его объятий для жизни. Но, погубив ее таким образом, чрез приведение ее к послушанию Богу, он снова обретает ее, ибо чрез веру в ней возгорается новая жизнь (Рим. 6:4, 5), а для греха она умирает. Итак, это обретение своей души равнозначительно с самопознанием.

Стоики говорят, что это обращение души к вещам божественным происходит вследствие некоторого в ней нравственного переворота, потому что душа при сем от греха обращается к мудрости. По Платону же «душа в сем случае после блуждания по сфере, где господствует лишь слабое мерцание дня, возносится в область высшего света» ⁴⁸⁴. И другие философы признают за человеком честным право лучше покинуть эту жизнь, чем отказаться от своего образа мыслей и действий, если все способы к нему оказываются настолько затрудненными, что не остается уже никакой надежды на более славный исход, что же касается до судебной власти, прибегающей к насилию, чтобы вынудить Христова последователя к отречению от Избранного, то мне кажется, лучше было бы ей обращать свои старания на открытие, кто поистине состоит другом Божиим и кто нет. При даваемой же теперь подобным делам постановке и немыслимо колебаться в выборе, кому повиноваться, угрозе ли людской или же любви к Богу.

И от злых дел воздержание в некотором роде равносильно ослаблению и потушению растленных наклонностей, потому что влияние их чрез отречение от образа действий, согласующегося с указанием их, – что само собой понятно, – уничтожается. Таков именно смысл слов: *Продай имение твое и роздай нищим и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19:21), т.е. исполняй заповедуемое Господом. Некоторые с этим словом *имение* соединяют понятие о всем инородном содержании души. Но как

оно может быть роздано бедным, сего такие толкователи не могут объяснить. Не лучше ли посему в основу истолкования сего изречения Спасителя положить убеждение, что Бог все раздает всем соответственно достоинству каждого, потому что Его домостроительство правосудно. «Итак, пренебрегая богатствами, – говорит Господь, – разделяй их от имени Божия щедро и следуй говоримому Мною, устремляясь в области духа. Не ограничивайся лишь воздержанием от зла, но поступай в совершенствовании себя вперед, подражая благодеяниям Божественным» (Деян. 10:38). Так, пристыждая хваставшегося исполнением всех заповедей закона, а по отношению к ближнему своей любви не проявившего, Господь на место сего рабского исполнения закона заповедует ту любовь, которая в строе гностического совершенства, возвышаясь и господствуя над субботой (Мф. 12:12; Мк. 7:1; Лк. 6:6), обнаруживается благотворительностью.

Нужно же, думаю, приходить к Логосу Спасителю, водясь не страхом наказания и не ожиданием даяния какого-либо, а из-за превосходства добра самого в себе ⁴⁸⁵. Такие станут во святилище одесную: воображающие же чрез раздачу тленных имуществ приобрести нетленные в притче о двух братьях названы *наемниками* (Лк. 15:11).

И теперь «в подобии и образе» Божиих (Быт. 1:26) не открывается ли и объяснение всего этого? Не значит ли все сие, что сообразующие свою жизнь с жизнью Господа делаются подобными Ему, а которые находятся ошуюю во святилище ⁴⁸⁶, те только образ Божий носят в себе, а делами на Господа не похожи? От древа истины произрастают две ветви (привитая и непривитая); корень один, но далеко не безразличное дело выбрать ту или другую; или лучше сказать от различия способов выбора между ними (т.е. со знанием дела или без знания) и разность тех ветвей ощутительнее. Иное дело попробовать яблоко и иное посмотреть на него. Различие большое, думаю, следуя ли чьему-либо примеру нечто выбрать; или – опираясь на голос только своего рассудка: иное дело – огонь горящий и иное дело отраженный. Так Израиль, по

Писанию, есть свет «по подобию»; другие же народы только «образ» Божий в себе носят ⁴⁸⁷.

Что хочет Господь сказать притчею о Лазаре, где преднесены очам нашим образы богача и бедняка (Лк. 16:19)? Что означается также этими словами: *Никто не может служить двум господам, Богу и маммоне* (Мф. 6:24; Лк. 16:13)? Господь говорит и там и здесь о беспорядочной любви к собиранию богатств. Не видите ли также, что люди пристрастные к ним не являются и на пир, к которому были приглашены (Мф. 22:2; Лк. 14:16)? Не потому не приходят, что были людьми имущими и богатыми, но потому что слишком заняты были своим имуществом и привязаны были к своим богатствам.

И в изречении: *Лисицы имеют логовища* (Мф. 13:20; Лк. 9:58) Господь называет лисицами людей, все занятие которых состоит только в выкапывании и зарывании золота; вот род людей прелюбодейный, истинные сыны земли. В этом же смысле Он сказал об Ироде: *Пойдите и скажите этой лисице: вот Я изгоняю демонов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий день кончу* (Лк. 13:82). Тех напротив, которые небом отличены от других птиц, которые поистине чисты и всегда готовы направить свой полет к познанию небесного Логоса, он называет *птицами небесными* (Мф. 8:20; Лк. 9:58).

Бесчисленные заботы порождает собою не только богатство, не только слава и брак, но и бедность, если кто переносить ее не умеет. В притче о семени, павшем на почву четырех различных свойств, под тернием и местами каменистыми разумеются именно эти беспокойства и заботы, заглушающие собой семя и не дающие ему прорасти, развиваться и принести плод (Мф. 13:4; Лк. 8:5). Итак, необходимо учиться тому, как нам следует держать себя в различных жизненных несчастьях, чтобы жизнь, проникнутая мудрой благопристойностью и определяемая познанием, делалась для нас средством к достижению жизни вечной. *Видел я* ⁴⁸⁸, говорит Писание, *нечестивца превозносившегося и высившегося как кедры Ливанские; я прошел мимо, и его больше не было; я его*

искал, и не нашел места его. Охраняйте невинность; не теряйте из виду правды: и последний день ваш окончится в мире (Пс. 37:35–7). Таковым бывает человек, которого вера искренняя и душа которого всегда покойна. Другой же народ хвалит Бога концами губ своих, а сердце его далеко от Господа (Ис. 29:13); устами благословляет, а сердцем своим клянет (Пс. 61:5). Они Ему льстили языком своим и лгали Ему своими устами, но их сердце в действительности не было с Ним и они не остались верны завету с Ним (Пс. 58:8, 9). Да онемеют же все лживые уста (Пс. 30:19) и да погубит Господь язык, себя прославляющий. Да погубит Он тех, которые говорят: Прославим наше слово; наши уста независимы и кто нам господин? Горе угнетенных и стоны бедных Меня восставят, говорит Господь; освобожу я презренных и буду говорить их устами (Пс. 12:3–5). Христос есть Господь ведущих себя скромно, а не тех, которые восстают на Его стадо. Не собирайте себе сокровище здесь на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут (Мф. 6:19), говорит Господь, желая пристыдить частью тех, кои пристрастны к богатствам, а частью и тех, кои предаются суетам и заботам; наконец быть может и тех, кои чрезмерно любят свое тело. И действительно, плотские и любострастные пожелания, болезни, дурные мысли, проникая в последние изгибы нашего сердца, подкапывают и разрушают всего человека. Истинное наше сокровище находится там, где познанием находим мы божественных сродников нашей души (Бога и духов бесплотных). ибо свойственна праведности и к общению склонность; по силе ее-то она отказывается от древнего образа жизни (Еф. 6:22) и возвращает жизни то, что от нее приобретено; сама же она к Богу воспаряет, моля Его о милосердии. Вот влагалища (кошелек), по истине не ветшающие (Лк. 12:33); вот расхожие деньги на пути к жизни вечной; вот сокровище не оскудевающее на небесах (Лк. 12:33), потому что милосердую Я милосерд к тому, кому оказываю милосердие, говорит Господь (Исх. 33:19; Рим. 6:15). Эти последние слова относятся также и к тем, кто желает (лучше) нищенствовать правды ради; они

знают слово это, что *широкий и пространный путь ведет в погибель и что многие идут им* (Мф. 7:13).

Не о другом чем, а о распущенном образе жизни, о безумной страсти к женщинам, о страстном стремлении к славе, к власти и других подобных страстях говорит здесь Господь. Безумный, говорит Он, *в сию ночь душу твою возьмут у тебя кому же достанется то, что ты заготовил* (Лк. 12:20)? Итак, *берегитесь от всякого рода любостяжания, потому что жизнь не в изобилии имения состоит* (Лк. 12:15). Какая польза человеку, если и весь мир приобретет, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою (Мф. 16:26)? Посему Я говорю: *Не заботьтесь для жизни вашей: что вам есть, ни для тела: во что оденетесь. Жизнь большее нечто чем пища, и тело большее нечто чем (только) одежда* (Мф. 6:31; Лк. 12:22, 23). И опять: *Знает Отец ваш, что имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде царства небесного и правды; ибо это велико, малое же и что к способам жизни относится* ⁴⁸⁹ *приложится вам* (Мф. 6:32, 33; Лк. 12:30, 31). Не к жизни ли гностической (соответствующей познанному нами учению) здесь ясно приглашает нас Господь? Не убеждает ли Он нас сим оставаться и на словах и на деле верными истине? Он Христос, Божественный Воспитатель нашей души, богача ценит не за великость дара, а за доброе произволение. Позему Закхей, а по другим Матфей, начальник мытарей, услышав, что Господь намерен войти в его дом, сказал: *Вот половину моего имения отдам бедным, Господи; и если кого чем обидел, возвращу вчетверо*. Посему и Спаситель о нем сказал: *Сын человеческий пришедши ныне погибшее взыскал* (Лк. 19:8–10). В другой раз увидевши богача, опустившего в сокровищницу дар, соответствовавший его богатству и вдову, которая положила туда две лепты, Он сказал, что *вдова положила больше всех, потому что один дал от излишества, а другая от скудости* (Лк. 21:1; Мк. 12:41), а так как все Господом направлено к воспитанию нашей души, то Он говорит: *Блаженны кроткие, потому что они наследуют землю* (Мф. 5:5). Кто эти кроткие? Те, которые укрощают поднимающиеся в душе опасные бури, как то: гнев, пожелания и другие зависящие

от них страсти. Не ту кротость хвалит Он, которая есть дочь необходимости, а ту которой основания полагает собственная наша воля и доброе произволение. Действительно *в доме Господнем есть и наград много и обителей много (Ин. 14:2)* по различию образа нашей жизни на земле. *Кто примет пророка, говорит Господь, во имя пророка, получит награду пророка; и кто примет праведника во имя праведника, получит награду праведника; а кто примет одного из учеников сих малых, не потеряет награды (Мф. 10:41, 42).* Другой раз чрез неодинаковое количество часов Господь обозначает различные степени добродетели, с заслугами каждого соразмеряя и величие ожидающих его наград.

Далее одинаковостью награды, обещанной каждому работающему в винограднике, т.е. спасением, здесь обозначаемым чрез *динарий*, Спаситель указывает на одинаковость права всех на получение награды; а различие званых – чрез неодинаковость числа рабочих часов и размеров труда (*Мф. 20:7* и д.). Являясь пособниками домостроительства неизреченного и дара Божественного, избранные трудами своими следовательно должны соответствовать наградам, кои им обещаны, делаясь достойными небесных обителей. «Призванные же, – говорит Платон, – превосходят других людей святостию своей жизни, по освобождении из дольних сих мест как бы из каких темничных уз, возносятся в жилища небесные»⁴⁹⁰. То же самое, но яснее он выражает и в следующих словах. «Между этими людьми, – говорит он, – те которые философией (добродетельной жизнью) достаточно очищены, во все последующее время живут совершенно бестелесными» (в нашем смысле сего слова), будучи облечены одни в тела воздухообразные, другие же в огненные». К этому Платон еще прибавляет: «И они приходят в жилища еще славнейшие, красоту которых не легко изобразить, да и времени для сего не достало бы». И вот почему Господь, ценя их, говорит: *Блаженны плачущие, ибо они призваны будут*. Потому что печелящиеся о своей прошлой дурной жизни и раскаивающиеся во грехах ее тотчас откликаются на призывный сей голос. Именно таков смысл греческого слова *παράκληθῆναι*, т.е., что их утешение

состоять будет в призвании, в призыве их. Есть два рода кающихся: одни из них, и это класс самый многочисленный, – раскаиваются из страха пред наказаниями, которых они и заслужили; другие же, и число их очень ограничено, – повинувшись внутреннему стыду, который пробуждаем бывает в их душе голосом совести. Можно приходить к раскаянию как тем, так и другим из двух этих путей, это все равно, потому что нет места, которое укрылось бы от Божественного милосердия.

Господь говорит еще: *Блаженны милостивые, потому что они помилованы будут* (Мф. 5:7). Милосердие же это не есть, как думали некоторые из философов ⁴⁹¹, огорчение, причиняемое каким-либо несчастьем, а скорее на языке пророков нечто прекрасное и приятное. *Милости хочу*, говорит Господь, *а не жертвы* (Ос. 6:6; Мф. 9:13; 12:7). Он называет милосердными не только тех из людей, которые заняты делами милосердия, но и тех которые желали бы милостивыми быть, но не имеют средств для этого, т.е. стало быть – расположенных к милосердию. Нам и действительно часто бывает желательно оказать кому-либо некоторую милость или денежным пособием или чрез телесный труд; желательно было бы напр. помогать бедным, ухаживать за больными, навещать несчастных: но мы своих благочестивых намерений не можем привести в исполнение, потому что препятствует тому либо бедность, либо болезнь, либо старость, которая та же болезнь. Желание нас побуждает, но каким-нибудь препятствием исполнение его затрудняется. Воле нашей в этом случае воздается такая же почать как и власти; она здесь равна самой себе, отличаясь от той лишь тем, что та имеет способы действовать.

Так как к спасительному и осчастливливающему нас совершенству есть два пути, дела и познание, то Господь сказал: *Блаженны чистые сердцем, потому что они Бога узрят* (Мф. 5:8). Если внимательнее вдуматься в дело, то познание есть очищение правительственной части души: и очищение сие конечно представляет собою нечто доброе. Между делами добрыми одни добры сами по себе, другие же чрез соотношение с делами добрыми; так мы говорим о добрых отношениях. Без вещей посредствующих,

относящихся к классу материальных, как напр. без здоровья, без жизни и других вспомогательных средств, существенно необходимых или же только споспешествующих, действительно не может состояться никакое ни доброе дело, ни злое. Господь желает посему, чтобы мы к познанию Бога приступали с сердцем, от плотских пожеланий чистым, с умом всецело занятым думами святыми, чтобы в господственной части нашей души не было ничего ей чуждого, что препятствовало бы здесь действию Его благодати. Итак, когда ученик истины, погружен будучи в созерцание, входит в общение и нравственно чистое обращение только с Богом, то он соприкасается с Божеским бесстрашием ⁴⁹², чрез что отождествляется с Богом; он не занят больше наукой, он не выбирает более в средствах познания; сам он становится наукой и познанием.

Блаженны миротворцы. т.е. те, которые смягчали и умиротворяли закон, борющийся против закона нашего ума (Рим. 7:28), – угрозы гнева, обольстительные приманки сластолюбия и иных страстей, выводящих душу из спокойного и рассудительного состояния. Занятые в жизни наукой добрых дел, погруженные в нее и отличавшись истинной рассудительностью, они тем теснее сдружены будут с благодатным правом усыновления. Умиротворением же полным состоит то, которое среди всех земных превратностей сохраняет неизменную твердость духа, исповедует Провидение вечно святым, всегда дивным, являющим вещи божеские и человеческие как они суть; но даже и в катастрофах, по-видимому нарушающих порядок природы, открывает оно прекрасную гармонию творения. *Миротворцы* успокаивают и тех, которые обуреваемы грехом и осаждаемы его приражениями; они их возвращают к вере и восстанавливают в душе их мир.

И все же совокупностью всех добродетелей состоит наш Господь, который нас учит еще более совершенному презрению смерти из любви к Богу. *Блаженны*, говорит Он, *преследуемые правды ради, потому что они сынами Божиими нарекутся* (Мф. 5:10) или как некоторые из изъясняющих Евангелия: «Блаженны преследуемые за правду, потому что они будут

совершенны». А также: «Блаженны терпящие преследование за Меня, потому что они получают место, куда преследование до них не достигнет» ⁴⁹³. И еще: *блаженны вы, когда возненавидят вас люди, когда они вас отринут и когда будут поносить ваше имя как бесчестное за Сына человеческого (Лк. 6:22)*. Впрочем, нужно наблюдать для сего следующие условия: не гнушаться наших преследователей, оставаться твердыми среди страданий, ни ненависти не питать к тем, кто нам причиняет оные. Утешать себя такою мыслью должны мы при сем, что испытание нас посетило все же позднее, чем мы ожидали того; должны мы быть убеждены напротив в том, что в основе всякого искушения, какое бы нас ни постигало, лежит мученичество и представляется нам случай к исповедничеству.

7. О блаженстве проливающих свою кровь за Бога

И теперь какое громадное преступление собою представляет вероотступничество! Оставляя Бога вероотступник куда отходит? Под знамена сатаны. Итак, чрез отступничество свидетельствующий об оставлении своей веры в Бога обманывает Господа или лучше сказать отказывается от своей надежды и ее объявляет суетной. Без сомнения оказывается неверующим в Бога и тот, кто не исполняет Его заповедей. Но какое огромное различие между неисполнением Божественных заповедей и отречением от Господа! Кто отрекается от Господа, тот отрекается от самого себя. Кто не исполняет воли Божией, тот еще не отказывается от власти над самим собою; оставаясь хозяином над самим собою, он порывает еще не все связи, его соединяющие с самообладанием. От Спасителя же кто отрекается, тот от жизни отрекается, потому что *будучи светом, был Он жизнью* (Ин. 1:4)⁴⁹⁴. Этих малодушных вероотступников Он не *маловерами* (Мф. 6:30) называет, а неверными и лицемерами; на своем знамени они пишут Его имя, а верными быть своей присяге отказываются. Зато верующему в Него Он дает имя друга и раба. Итак, кто себя самого любит по истине, тот любит и Господа и *исповедует Его во спасение* (Рим. 10:10), чтобы сохранить целостность своей жизни. И если бы вы решились пожертвовать вашей жизнью за ближнего из любви к нему (Рим. 5:7), то помните, что ближним нашим состоит Спаситель, потому что спасающий нас Бог с отношением к спасаемому назван Богом, который близ есть, *Богом приближающимся* (Втор. 6:7; Иез. 23:23). Не добровольно ли Он смерть избрал, чтобы даровать нам жизнь? Не из любви ли к нам более чем для удовлетворения правде Божией, страдал Он? Оттуда Он и братом нашим Себя именует. Тот, кто страдает из любви к Богу, страдает ради своего собственного спасения; а умирающий во имя сохранения целостности своей собственной личности страдает и за себя и из любви к Богу. Действительно, будучи Сам жизнью, Он восхотел пострадать ради нас, чтобы

Его страдание для нас сделалось жизнью. К чему вы обращаетесь ко Мне: Господи, Господи, и не творите заповедуемого Мною? – говорит Писание (Лк. 6:46). Народ, который любит Господа лишь губами своими, сердцем же своим далеко отстоит от Него (Ис. 29:13), есть чуждый Ему народ. Повинуется он учителю иному, добровольно себя продавши ему (Рим. 7:14).

Народ же, соблюдающий заповеди Спасителя, свят. Они свидетельствуют о Нем каждым из своих действий; они слушаются его воли; соответственно сему они и называют Его Господом и своими делами свидетельствуют торжественно, что Тот, в Кого они веруют, есть Бог, для которого они *распяли свою плоть с ее пожеланиями и страстями. Если мы живем духом, то по духу и поступать должны*, говорит Апостол (Гал. 5:24, 25). *Тот, кто сеет в плоть свою, от плоти пожнет тление; сеющий же в дух, от духа пожнет жизнь вечную* (Гал. 6:8).

Исповедывать имя Христово ценою своей собственной крови некоторым жалким людям кажется бесчеловечным насилием над самими собой. Но об омирщении их образа мыслей надобно сожалеть; они не ведают, что в этих вратах смерти открывается путь в истинную жизнь, жизнь вечную. Ни о том они не хотят подумать, как по смерти будут награждены жившие свято, – ни о том, какие муки будут испытывать жившие нечестиво и беспутно. Они отказываются верить не только тому, что на сей предмет написано в наших священных книгах, где все заповеди имеют соотношение с этими наказаниями и сими наградами, но они не хотят слушать наставлений на сей счет даже и своих собственных философов. Что пишет напр. Феано пифагореянка? «Жизнь сия для злых действительно была бы веселым пиром. Позволяя себе в течении жизни всякого рода злодеяния, потом они умирали бы; преступлениями обремененные, но за них не отвечая. Но душа бессмертна...» И Платон пишет в «Федоне»: «Смерть для злых была бы находкой, если бы она была разрушением всецелым. С гибелью тела они и душой от ответственности за свои злодеяния освобождались бы». Но не следует воображать с Толефом Эсхила, что «одна только дорога верная, это сойти во ад» ⁴⁹⁵:

туда ведет нас дорог много, потому что множество преступлений нас увлекает туда, Вероятно этих-то людей вероломных и витающих во всякого рода заблуждениях комик Аристофан и отдает на публичное посмеяние, когда говорит (в «Птицах»): «Идите-ка вы, бледнолицые, которых и вся земная жизнь была лишь бледным мерцанием, – которые исчезли с лица земли, как лист с дерев осенью, на ней дел не оставив, – люди тщедушные, – фигуры восковые, – народ теней пустых, как дыхание скоропреходящие, парить кверху неспособные, как если бы птицами вы были, крыльев лишенными, – существа как бы одного лишь дня жизнь имевшие». И у Эпихарма мы читаем: «Что такое жизнь человека? Это козий мех, воздухом наполненный» ⁴⁹⁶.

Спаситель же нам сказал: *Дух бодр, плоть же немощна* (Мф. 26:41). Потому что *плотские помышления суть вражда против Бога*, говорит Апостол, *ибо закону Божию они не покоряются, да и не могут. Но живущие по плоти Богу угодными быть не могут.* И раскрывая свою мысль шире, чтоб не позволил себе кто вместе с Маркионом неблагодарно хулить творение, как если б оно было дурно, Апостол прибавляет: *Но если Христос в вас, то тело мертво для греха, а дух жив для праведности.* И опять: *Ибо если вы живете по плоти, то умрете.* Думаю же, что страдания настоящей жизни ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас, лишь бы только мы страдали со Христом, чтобы с Ним и прославленными быть, как Его сонаследники. Ибо мы знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все способствует ко благу. Ибо кого От предугадал, тем и предопределил быть подобными образу Сына своего, дабы Он был первородным между многими братьями. И кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил (Рим. 8:7, 8, 10, 17, 18, 28–30). Видите из сего наставления, что любовь есть принцип мученичества. И если вы решаетесь быть свидетелями Христа Иисуса из-за воздаяния, положенного за добрые дела, то слушайте опять: *Мы спасены надеждою. Надежда же когда видит, не есть надежда, ибо если кто видит, чего*

уже и надеяться? Если же мы надеемся на то, чего еще не видим, то ожидаем того с терпением (Рим. 8:24, 25). Но если мы и страдаем за правду, говорит Петр, то блаженны. Не страшитесь бедствий, которыми они страшат (которых они хотят вас заставить бояться), ниже смущайтесь ими. Святите в своих сердцах Христа Господа и будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением и сохраняя чистую совесть, чтобы хулящих святую вашу жизнь во Христе стыдились злоречия, распространяемого о вас. Если воле Божией угодно, чтобы вы страдали, то лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые (1Пет. 3:14–17).

Если же какой-нибудь насмешник вас остановит здесь таким возражением: «Как же это может происходить, что *плоть немощна*, а со властями (Еф. 6:12) и с духами (направлениями мысли), господствующими в жизни, борется», то пусть он узнает, что мы боремся с началами (принципами) тьмы и со смертью, сильные помощью и щедрым ободрением Вседержителя (Отца) и Господа. *Возвысьте голос ваш*, говорит пророк, и на первый же ваш призыв Господь ответит: *вот Я* (Ис. 63:9). Таков непреодолимый Помощник, прикрывающий нас своим щитом. Когда Господь испытывает вас огнем печали, говорит Петр, то не удивитесь как если бы особенное что в этом случае с вами происходило, но радуйтесь, что участвуете в Христовых страданиях, дабы исполниться вам радостью и при обнаружении славы Его. Блаженны вы, если вас злословят за имя Христово, потому что Дух славы, Дух Божий покоится на вас (1Пет. 4:12–14), как написано: Ради Тебя нас ежедневно смерти предают, считают нас за овец, назначенных на заклание. Но среди всех этих бедствий мы остаемся победителями силою Того, Кто возлюбил нас (Рим. 8:36, 37).

Секрет, который ты желаешь вырвать из моей груди,
Его ты не узнаешь, ни даже если б жег ты меня;
Ни даже если б с головы до ног меня распиливал острую
пилою;

Ни даже если б ты обременил меня тысячью цепей ⁴⁹⁷.

Так заявляла на трагической сцене свое непоколебимое мужество жена. Антигона, презирая приговор Креона, также отвечает ему смело:

Но ведь не царь богов мне это приказание продиктовал ⁴⁹⁸.

Мы же говорим: Это Бог нам повелевает; должно повиноваться Ему. Нужно *веровать сердцем, чтоб достигнуть праведности, и исповедывать устами, чтобы получить спасение* (Рим. 10:10,11). Вот почему и говорит Писание: *Верующий в Него не будет постыжден* (1Тим. 1:7,8). С правом потому и Симонид пишет:

Сага говорит, что Добродетель живет высоко, на трудно доступных скалах.

Одна безраздельно здесь господствуя над душами.

Не от всякого глаза смертного она может быть видима,

Потому что только тот, кто проливал в жизни пот,

В стремлении объемлющем всю душу,

Только тот, развивая полноту духовного мужества, достигает высоты.

Открываю Пиндара и вот у него читаю:

Путем лишь трудов и работ, осиливаемых потом,

Юность обретать может прочную славу;

Высокие дела ее тогда начинают наконец светом блистать

И озарять небеса.

Эсхил ту же мысль выразил так:

Себя обрекший на труды

Наконец увидит свою виноградную лозу от богов выращенною,

а свой труд увенчанным славой.

По мнению Гераклита «чем выше предприятие, тем славнее награда».

Покажите мне напротив раба, который не дрожал бы пред смертью?

И действительно Бог дал нам не духа рабства, чтобы опять жить в страхе ⁴⁹⁹, пишет Апостол к Тимофею, но дух силы, любви и мудрости. Итак, мужайся в исповедании Господа нашего и не стыдись меня, который нахожусь в цепях

за Него (2Тим. 1:7,8). Но таким свидетелем за имя Христово будет, по суждению Апостола, *постоянно привязанный к добру, отвращающийся зла и любовь имеющий непритворную* (Рим. 12:9), *ибо любящий другого закон исполнил* (Рим. 13:8). Но если Бог, которого мы исповедуем, есть Бог упования нашего, чем действительно Он и есть, то мы открыто должны признаваться в этом, осуществляя и оправдывая надежду сию всеми силами. Сие-то и есть дело важнейшее, по суждению Апостола, чтобы вы полны были *блюсти, исполнены всякого* (необходимого) *познания* (мудрости) (Рим. 15:13, 14).

Индийские мудрецы говорили Александру Македонскому: «Наши тела ты можешь переносить с одного места на другое; души же наши, их ты не можешь вынудить делать то, чего мы не хотим. Огонь, который наводит на других такой ужас и кажется столь мучительным, мы презираем» ⁵⁰⁰. Отсюда Гераклит «славу предпочитает всем благам мира; толпе же, – как сам в этом признается, – он предоставляет лишь это глупое удовольствие наедаться до отвала на манер животных».

Почти все свои труды мы предпринимаем для тела.

Чтоб защитить его от вредных влияний времен года, мы строим дома.

Для тела мы выкапываем серебро из недр земных.

Для него мы засеваем поля. Из-за него наконец тысячи забот,

которым мы даем разные названия.

Безрассудная толпа тратит свои силы, надсажается в излишних этих трудах. Нам же Апостол говорит: *сие да знаем, что ветхий наш человек распят, чтобы упразднено было тело греховное и чтобы впредь нам уже не быть рабами греха* (Рим. 6:6). Показывая же нам, в какой степени презрительно относится простой народ к вере и какие жестокие оскорбления он причиняет ей вследствие своего презрительного отношения к ней, Апостол прибавляет с полной откровенностью: *Мне кажется, что Бог с нами и другими Апостолами обходится как с последними из людей, как бы с жертвами, приговоренными к смерти: потому что мы посмешищем стали для мира, для Ангелов и для людей. Даже доныне мы*

терпим голод и жажду, мы наги и терпим побои, не имеем постоянного жилища. Мы работаем до изнеможения своими руками: нас проклинаят, а мы благословляем; нас преследуют, а мы терпим, нас злословят, а мы отвечаем молитвою ми сделались как бы сором мира (1Кор 4:9, 11–13). Нечто подобное Платон пишет в своем творении «О государстве»: «Терзайте праведника, мучьте, выкалывайте ему глаза: он всегда останется блаженным» ⁵⁰¹. Конец предносится истинному мудрецу (гностику) не в этой земной жизни; он переносит свое дело в высшую область; всем своим существом он обращен к вечному блаженству и взывает к царственной дружбе Божией. Какому бы бесчестию ни подвергли его, какой бы полнотой позора ни покрыли его; ссылке ли его самого подвергнут; имение ли его конфискуют; на смерть ли его осудят: никогда никто его не в состоянии лишить свободы, ни главного его блага, любви, которою он соединен с Богом. *Любовь, она все переносит, все терпит (1Кор. 13:7),* ибо она убеждена, что Божественное провидение управляет всеми вещами премудро. *Будьте подражателями мне: умоляю вас,* пишет Апостол (1Кор. 4:16).

На первую ступень, нас возвышающую над плотским человеком, возводит нас заповедь, соединенная с устрашением: страх удерживает нас от всякого рода неправд. Второй ступенью состоит надежда, нас устремляющая к верховному благу. К совершенству же, как и естественно, приводит любовь, оканчивающая дело нашего воспитания на путях познания. Эллины, приписывая все происходящее слепому предопределению, – я не понимаю уже, как это у них выходило, – утверждали, что они следуют ему вопреки собственной своей воле. По крайней мере так говорят Еврипид. Слушайте.

Женщина! Вслушайся хорошенько в то, что я говорю.

Нет ни одного существа здесь на земле, которое бы не страдало.

Хоронить детей, рождать других, а после того вскоре самой умереть

Такова печальная участь человечества ⁵⁰².

И затем поэт прибавляет:

Беды, на нас налагаемые природой, нужно переносить с покорностью судьбе и мужественно.

Что необходимо, то смертным, значит, и перенесено быть может.

Стремящиеся же к совершенству стремятся к цели разумной, указываемой им познанием. Сущность этой цели определяется такой святой триадой: *верой, надеждой и любовью; но любовь из них больше* (1Кор. 13:13).

Поистине хотя *все мне позволено*, говорит Апостол, *но не все полезно; все мне позволено, но не все назидательно*. И еще: *Никто да не ищет своего только, но пользы и другого* (1Кор. 10:23, 24), чтобы можно было в одно и тоже время и творить и учить, – созидать, но и устроить созидаемое. Потому что хотя *Господня земля и все, что наполняет ее*, – и пункт этот не подлежит никакому сомнению и оспорению; – и все же не следует соблазнять совесть слабую. Совесть же разумею не свою, а другую, ибо для чего же моей свободе быть судимой чужой совестью (Свобода же сия мне позволяет употреблять в пищу все). *Итак, если я с благодарением принимаю пищу, то для чего порицать меня за то, за что я благодарю? Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию* (1Кор. 10:26, 29–31). Несмотря на то, что мы находимся во плоти, не по плоти воинствуем, ибо *оружия воинствования нашего не плотские, но Богом сильные, способные разрушать вражеские твердыни и ниспровергать человеческие измышления и всякое превозношение, восстающее против познания Господа* (2Кор. 10:3–5). Снабженный этими оружиями истинный мудрец (гностик) восклицает: «О Господи, даруй мне случай к борьбе и прими мое исповедание. Пусть приходит этот враг опасный и страшный: силен я любовью к Тебе и презираю его нападения».

Изо всех человеческих дел только одна добродетель

Не может удовлетвориться наградой внешней:

Она себе самой благороднейшая награда.

Итак, облекитесь, как избранные Божию, святые и возлюбленные, в благоутробие милосердия, в благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение; более же всего имейте любовь, которая есть совокупность совершенств. И да владычествует в сердцах ваших мир Христа, к которому вы и призваны, чтобы составлять одно тело и будьте благодарны (Кол. 3:12, 14, 15), состоя хотя и во плоти еще, но наблюдая, подобно древним праведникам, душевный мир и бесстрастие.

8. Церковь как мужчинам так и женщинам, а также рабам и детям, одинаково дает права мученичества, а равным образом и обязанности его на них возлагает

Не только Эзопляне ⁵⁰³, Македоняне и Спартанцы умели держать себя мужественно под пытками, – о каком их отношении к оным свидетельствует Эратосфен в своей книге «Добро и Зло», – но и Зенон элеатянин. Вынуждаемый под пытками объявить некую тайну он выдерживал истязания мужественно и тайны не открыл. При сем он даже большее нечто сделал. Почувствовав приближение смерти он откусил себе язык и выплюнул его в лице тирану, по одним Нэарху, по другим же Дэмюлу. Подобным же образом поступил Феодот пифагорейянин и Павел, ученик Лакюда, как свидетельствуют о сем Тимофей пергамлянин в своей книге «О храбрости философов» и Ахаик в своей «Ифике». К сим может быть присоединен еще римлянин Постумий ⁵⁰⁴. Взятый в плен Певкетиянами он подвергнут был пыткам. И среди их он хранил доверенную ему тайну. Он к самому огню оставался даже как будто нечувствительным: несколько не изменившись в лице, он опустил в огонь свою руку, как бы над чашей какой медной ее протянув. Умалчивать ли мне о геройском восклицании Анаксарха под железными толчейными пестами тирана? ⁵⁰⁵ «Толки, толки, – возглашал он, – мешок Анаксархов; самого же Анаксарха тебе не истолочь». Так надежда на блаженство и любовь к Богу не только не издают жалоб и ропота на превратности жизни, но среди их они поддерживают в себе и полную свободу духа. Они могут попадать в среду свирепейших зверей, могут быть пожираемы огнем, быть истязаемы смертоносными орудиями палачей: будучи соединены с Богом узами неразрывной любви, они воспаряют в небесные обители, поработить себя не позволив и оставив людям лишь бранные сии телесные останки, эту единственную вещь, над которой как будто они еще имеют некоторую власть.

Варварский народ ⁵⁰⁶, не чуждый мудрости ⁵⁰⁷, говорят, ежегодно выбирал легата к полубогу Замолксу, некогда бывшему учеником и другом Пифагора ⁵⁰⁸. Сей легат выбирался из мужей достойнейших и был приносим Замолксу в жертву; другие же из домогавшихся этой чести, но не удостоенных ее, сокрушались, что лишаемы возможности достичь таким путем блаженства.

Итак, тело церкви составляется из смелых мужей и честных женщин ⁵⁰⁹, чрез всю жизнь свою, на всех путях ее, думавших лишь о смерти, имеющей оживить их для новой жизни во Христе. Потому что кто упорядочивает свою жизнь согласно с нашими нравами, тот уже чрез это самое, без помощи ученья и наук, погружается в истинную мудрость. будет ли он варвар, или Эллин, раб, старец, мальчик или жена (Гал. 3:28; Рим. 10:12; 1Кор. 12:13). Мудрость (добродетель) есть достояние общее всех людей: для сего стоит лишь усвоить ее. У нас признается за несомненное, что в каждом человеке природа одна и та же и что к добродетели все одинаково способны. Что касается свойств человеческих, то не иную природу имеет женщина сравнительно с мужчиной: следовательно и к добродетели одинаково способны как мужчина, так и женщина. Если же наоборот к умеренности, справедливости и другим, вытекающим отсюда добродетелям, способен только мужчина, то женщина по необходимости способна значит только на несправедливости и склонна лишь к разнузданности. Но это уже что-то и нелепое представляет собою. К наблюдению умеренности, справедливости и вообще всем добродетелям способны одинаково как мужчины так и женщины, как человек свободный так и раб; если одинаково обща им человеческая природа, то очевидно обща им значит и способность быть людьми добродетельными. Мы не то хотим этим сказать, что женщине, хотя она и женщина, свойственна природа мужская: свойственны обоим полам и некоторые различия, по силе которых одна есть женщина, а другой мужчина. Так напр. беременной быть и рождать свойственно женщине; и это — ее принадлежность именно как женщины, а не как человека. Если

бы между мужчиной и женщиной не существовало никакого различия, то и поступали бы они совершенно одинаково и состояния они испытывали бы совершенно одни и те же. Тождественна будучи с мужчиной по душе, женщина может и возвышаться до одинаковой с мужчиной добродетели, по органическому же ее устройству ее назначение зачинать, рождать и смотреть за внутренним состоянием дома. Ибо я хочу, говорит Апостол, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене же глава муж. Не муж от жены был создан, а жена от мужа. Однако же ни муж без жены, ни жена без мужа в Господе (1Кор. 11:3, 8, 11). Как к мужчине обращаясь говорим мы: «Будь воздержен, господствуй над своими пожеланиями»: подобно этому и женщине мы объявляем: «Будь умеренна, побеждай склонность к удовольствиям». Что советуется нам Апостольской заповедью? *Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожелений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух противного плоти; они друг другу противятся.* Апостол все же не так противопоставляет их, как зло противоположно добру, нет; он противопоставляет их друг другу, как противостоят один другому два соперника, не без пользы борющиеся друг с другом. Посему он прибавляет. *Не делайте того, чего желаете. Дела плоти известны: любодеяние, другие грязные пороки, распущенность, идолослужение, чародейство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, ереси, ненависть, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так царствия Божия не наследуют. Плоды же духа суть: любовь, радость, мир, долготерпение, милосердие, воздержание, благость, вера, кротость* (Гал. 5:16, 17, 19–22). *Плотью* Апостол без сомнения грешников назвал, точно так же как словом *дух* он означал праведников.

В дополнение к сему нам следует вооружиться мужеством, чтобы упрочить в себе покорность и терпение, так чтобы нам в состоянии быть обуздывать свой гнев душевной твердостью: *ударившему по щеке подставляя другую и отнимающему гиматион не препятствуя взять и хитон* (Лк. 6:29).

Мы не упражняем женщин в воинском искусстве и не поставляем себе целью сделать из них каких-то Амазонок: мы желаем, чтобы и мужчины были помиротлюбивее; и вот нам говорят на это, что у Сарматов женщины ходят на войну наравне с мужчинами, что Сакидянки являются на боевых полях и в притворном бегстве взад себя наравне с мужьями пускают стрелы (Герод. IV, 117). И то мне известно, что женщины из Иберии (Испании) разделяют с мужьями все работы и труды, не оставаясь праздными даже во время беременности и тотчас по рождении. Бывает часто, что в рабочую пору женщина у них и родит на поле, поднимет ребенка и несет домой. – Наравне с мужьями они смотрят за домом, вместе с ними охотятся, вместе пасут стада. Несмотря на то, что была беременна,

Критянка быстро погналась за оленем.

Да. Истинная мудрость составляет задачу не менее женщин чем и мужчин, хотя мужчина и может превосходить во всем женщин и первенствовать над ними, если только не расслабевает он от изнеженности. Добропорядочность и добродетель необходимы и всему человеческому роду, если только правда, что он стремится к совершенству. Посему нельзя сказать, что Еврипид очень рассудительно пишет, когда говорит, будто бы «все вообще женщины злее мужчин; если бы и наихудший из мужчин женился даже на самой Добродетели, то и тогда жена его все же была бы злее мужа». И в другом месте: «Всякая женщина, если хочет она слыть разумной, должна быть рабой мужа; та же, которая берет верх над мужем, непременно унижает его и своим безумием».

Ничего нет лучше и желаннее

Согласия между собой супругов, соединенных под общей кровлей

одними и теми же чувствами (Одис. VI, 182–4).

И однако же главой состоит тот, кому принадлежит первенство начальства и власти. Если же *Господь глава мужа, а глава жены муж*, то муж есть господин над женой, потому что он состоит *образом и славой Божией* (1Кор. 3:3, 7). Вот почему

Апостол и пишет в посл. к Ефесеям: *Повинуйтесь друг другу в страхе Божиим. Жены, повинуйтесь своим мужьям как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава церкви и Он же Спаситель тела. Но как церковь повинуется Христу, так и жены должны повиноваться своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен. Как Христос возлюбил церковь, так и мужья должны любить своих жен как свои тела; любящий свою жену себя самого любит, ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти (Еф. 5:21–25, 28, 29).* И в посл. к Колоссянам Апостол пишет то же. Жены, говорит он, *повинуйтесь своим мужьям, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны своим родителям во всем, ибо сие благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте своих детей, опасаясь чтоб они не впали в уныние. Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, Бога боясь. Все, что делаете, от души делайте как для Господа, а не для людей, зная что вы в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу, а кто неправо поступит, тот получит по своей неправде: у Него нет лицепрятия. Господа, оказывайте своим рабам должное и справедливое, зная что и вы имеете Господа ни небесах (Кол. 3:18–25; 4:1), где нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, но все и во всем Христос (Кол. 3:11).* Церковь земная есть образ церкви небесной (Евр. 9:23). Вот почему мы и молимся, чтобы воля Божия исполнялась на земле так же, как она исполняется и на небе (Мф. 6:10: Лк. 11:2): чтобы исполнялась сия воля чрез облечение наше в благоутробие милосердия Божественного, в благость, смирennemудрие, кротость, долготерпение, снисхождение друг другу и прощение взаимное, если кто имеет на кого жалобу: как Христос простил вас, так и вы прощайте. Более же всего облакайтесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. И да властвует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны во одном теле и будьте дружелюбны (Кол. 3:12–15).

Не излишне почаще повторять этот священный текст в опровержение Маркиона, лишь бы только привести его к раскаянию и к убеждению, что всякий правоверный должен быть благодарен Богу Создателю за то, что Он призвал нас и чрез посредство воплощенного Слова (Логоса) дал нам Евангелие.

Из сего же ясным становится для нас, что верой обуславливается и единение; а еще яснейшим то отсюда становится, кто совершен. Как бы ни было это кому неприятно: как бы ни упорно кто сему противился: все-таки и женщина и раб, – какими бы муками ни грозили одной муж, другому господин, – будут следовать на деле нами проповедуемой истинной мудрости. Да и человека свободного, – от имени тирана пусть угрожают ему смертью, пусть зовут его к суду, влекут на крайние муки, пусть страшат его конфискацией имущества, лишением всех прав, какие бы средства ни применяли для того, – никогда никому не удастся отвлечь его от поклонения Богу истинному. Никогда никому не удастся жену заставить жить с нравственно-презренным мужем; никогда ни сын, если он имеет такого отца, ни раб, если он имеет жестокого господина, не могут быть отклонены от мужественного и благородного следования добродетели. Прекрасно и славно для человека умереть за добродетель, за свободу, за целостность своей личности: почему же то же самое действие не может быть прекрасным и славным и для женщины? Это не одних мужчин ведь некая привилегия: это право всех людей добропорядочных. Всякий старец, всякий молодой человек, всякая женщина, всякий раб, всякий желающий слушаться заповедей имеет право жить согласно со своей верой, а если нужно будет, то и умереть за веру, – ах, ошибся, – и оживотворить себя смертью. Сколько сыновей нам известно, сколько женщин, сколько рабов, лучшими и совершеннейшими ставших вопреки воле отцов и матерей, вопреки воле супругов, в противность воле господ! Итак, вы все, решившиеся жить благочестиво! Ваше усердие к тому пусть не погасает и не ослабевает при виде препятствий. Напротив среди их еще усугубьте оное и боритесь за свое усовершенствование мужественно, страшась, как бы

под какими-нибудь предложениями не отказаться вам от своих намерений, наилучших однако же и (рано или поздно) неизбежных. Можно ли хотя одну минуту в том сомневаться, что лучше: почитателем ли всемогущего Бога быть или в мраке с демонами вращаться?

При делах, нами творимых в угоду другим, всегда обращается внимание на благо тех, в угоду которых мы творим их. И какому же другому принципу мы следуем при сем, как не тому, чтобы сделаться им приятными? При делах же, кои скорее мы для себя делаем, нежели в интересе чужом, мы к тому прилагаем старание, себе остающееся всегда верным, одобрены будут наши действия другими или нет. Если некоторые из благ, обладание которыми само по себе маловажно, оказываются однако же стоящими того, чтобы – несмотря на все препятствия и затруднения со стороны других людей – добиваться приобретения их, то не тем ли необходимее, – не смущаясь тем, нравится это другим или нет и что они говорят о нас, – бороться за добродетель и не другим чем-либо руководиться при сем, как исключительно красотой ее и праведностью? Прекрасны посему эти слова Эпикура, им обращенные к Менойкию, в письме к нему: «Юноша пусть без замедления прилежит к добродетели. Но и старец пусть не уклоняется от нее. Оздораивать душу никогда ни слишком рано, ни слишком поздно. Говорить, что пора быть добродетельным для меня еще не пришла или же что она прошла, это значило бы сказать почти тоже, что время для моего счастья еще не наступило или что оно уже прошло. Добродетель столь же необходима для юности как и для старости: для этой чтобы состарившись могла она юнеть чрез обновление себя добродетелями или иначе чрез благодарное воспоминание о ранних делах; юности же, чтоб она в одно и тоже время и юна была и стара спокойствием и обеспечением себе будущности» ⁵¹⁰.

9. Изречения Христа Спасителя о благах мученичества и объяснение тех изречений

Соберем во едино, там и здесь по Писанию рассеянные, ясные изречения Христа Спасителя о благотворности мученичества. Он сказал: *Говорю же вам: Всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын человеческий исповедает пред Ангелами Божиими. А кто отвергнется Меня пред человеками, тот отвержен будет пред Ангелами* (Лк. 12:8). *Ибо кто постыдится Меня или Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын человеческий, когда придет во славе Отца Своего со ангелами своими* (Мк. 8:38). *Итак, всякого, кто исповедает, Меня пред людьми, исповедаю и Я пред Отцем Моим небесным* (Мф. 10:32). *Когда же приведут вас с синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как отвечать или что сказать: ибо Святый Дух научит вас в тот час, что должно сказать* (Лк. 12:11,12).

Гераклеон, значительнейший из учеников Валентина, объясняя это место, говорит буквально следующее: «Исповедывать Господа можно двояким образом: верою вместе с образом жизни, а потом еще словами. Свидетельство о Господе словом есть то самое, которое дается пред сильными земли». «Многие, – продолжает он, – думают, что это исповедание Господа пред властями и есть единственное свидетельство о Нем. Они грубо ошибаются в этом. И лицемеры могут исповедывать Господа таким образом. Но нельзя доказать, что с сими изречениями должен быть соединяем именно этот строгий смысл. Не все избранные исповедали Господа словом и не все умерли за Его имя. Таковы Матфей, Филипп, Фома, Левий (Мк. 11:14; Лк. 5:27) и многие другие. Свидетельство о Господе публичное и торжественное далеко не составляет обязанности всех; оно есть особенная милость Божия и зависит от обстоятельств. Свидетельство же о Христе делами и образом действий, соответствующим вере, оно, – говорит Гераклеон, – составляет общую обязанность всех. К

этому исповеданию, обязательному для всех, присоединяется частное, даваемое пред лицом властей, если это бывает нужно и если этого требует разум. Стоит ли правоверному много заботиться об исповедании Господа словом, когда он уже соединен с Ним искренностью любви? Обратите на то внимание, с какой высокой мудростью Господь говорил об обязанности исповедывать Его. Об исповедающих Его Он сказал *Кто исповедует Меня* (ἐν ἑμοί), а о вероотступниках: *Кто отречется от Меня* (ἐμὲ). Эти последние, хотя бы они и свидетельствовали о Нем устно, уже потому отступают от Него, что не соединяется с сим свидетельства делами. Исповедуют имя Христово лишь те, которые жизнью о Нем свидетельствуют и делами. Он хвалит их, так как в лице их сам Он о Себе свидетельствует, потому что Он живет в них, а они в Нем. Вот почему Он *от Себя самого отречься никогда не может* (2Тим. 2:13). Отрекаются же от Него не живущие в Нем. Обращайте тщательное внимание на Его слова. Он не сказал: „Кто отрекается Меня“ (ἐν ἑμοί), а *кто отречается от Меня* (ἐμὲ), потому что всякий, кто в Нем, не отречется от Него, что же касается этих слов *перед людьми*, то под *людьми* нужно понимать и тех, кои ищут спасения, а равным образом и язычников, нас преследующих. Свидетельствовать образом жизни следует пред теми; свидетельствовать поведением и словом пред этими. Вот почему они никогда не могут отречься от Господа. Отрекаются же от Господа не живущие в Нем».

Таковы рассуждения Гераклеона. И кое в чем он как будто и согласен с нами. Но он позабыл одну сторону вопроса. Он не думает об очень возможном случае, что никогда не *исповедывавший Христа перед людьми* делами и жизнью вдруг может дать о Нем словесное исповедание перед судьями, не изменяя себе среди пыток даже до последнего часа и свидетельствуя тем, что верит во Христа от глубины сердца. Это великодушное настроение, которого не могла изменить даже и смерть, в состоянии изгладить в мученике все пороки, какие порождаются в нас пожеланиями, т.е. стало быть и с началами их. Это мученичество есть так сказать

покаяние, свидетельствуемое в конце всей жизни действием; оно вместе с тем есть и блестящее о Христе свидетельство, исходящее из уст исповедника.

Если же *Дух Отца* в нас свидетельствует, то каким же это образом мы можем быть при сем лицемерами, которые, по мнению Гераклеона, только на словах исповедуют Господа? Но некоторым, если это нужно, *Дух сей* дан будет; это обещано им; дан будет Он для оправдания веры их словами, чтобы их мученичество и их свидетельство могли быть полезными для общества. Члены церкви все мужественны. И те из язычников, которые с пламенным усердием ищут пути спасительного, (смотря на них) удивляются и увлекаемы бывают их верою: другие же все поражаемы бывают удивлением и изумлением.

Исповедание Господа следовательно есть безусловная обязанность всех, так как оно зависит безусловно от нас самих. Являться же апологетами религии и защищать ее словами, это не составляет безусловной обязанности всех, потому что это не зависит от нашей власти.

Претерпевший же до конца спасется (Мф. 24:13). Найдется ли хотя один здравомысленный человек, который рабствованью демону не предпочитал бы царственное достоинство в Боге? Без сомнения есть люди, которые, по Апостолу, *говорят что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и неспособны ни к какому доброду делу (Тит. 1:16).* Они, ограничивающиеся лишь таким исповеданием Бога (т.е. только знанием Его), по крайней мере при конце своей жизни могут свидетельствовать о Господе хотя одним добрым делом, это мученичеством за Него. Оно есть тоже крещение, смывающее все грехи. В «Пастыре» мы читаем: «Вы ускользнете от нападений этого дикого зверя, если ваше сердце останется чистым и свободным от всяких пятен» ⁵¹¹. Но и сам Господь говорит: *Сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился (Лк. 22:31, 32).* Господь один *пил чашу (Мф. 20:22)* в очищение как тех, которые злоумышляли против Него, так и тех, которые еще не знали Его, а Апостолы, уже только по Его примеру, в качестве истинных гностиков и людей совершенных, страдали за основанные ими церкви.

Отсюда следует, что гностики, если хотят быть верными подражателями Апостолам, должны хранить себя чистыми от всякого греха и любить ближнего из любви к Богу, чтобы при наступлении опасности со славою перенести испытания, их удручающие и чтобы *выпить* за свою церковь чашу Господню.

Итак, открывается, что все исповедующие имя Христово делами своей жизни, равно как исповедующие оное пред судьями, будет ли то по побуждениям надежды на воздаяние, или же уступая страху наказаний, достойнее тех, кои исповедуют спасение только устами. Если же какой христианин возвысится и до любви, то сей подлинно блажен и мученик по истине и совершенный: он дает и пред Богом Отцом чрез посредство Господа доказательство совершенного исполнения заповедей. Он доказывает, что состоит братом нашего Господа, страстно Его любящим, себя предавшим исключительно Богу. С любовью и благодарностью он возвращает сокровища, к хранению которых был приставлен; возвращает Он Богу человека, от него назад требуемого.

10. Напрашиваться самим на судебное нас за веру преследование не следует

Когда же вас будут преследовать в одном городе, сказал Господь, *бегите в другой* (Мф. 10:28). Не то это значит, что Господь советует спастись бегством от преследования за веру, как если бы быть преследуемыми за сие собою представляло несчастье. Ни смерти избегать не было у Него в намерении посоветовать здесь, как если бы страх смерти одобрял Он. Что же хотел Он сказать данными словами? А то, чтобы мы не делали ни для кого ни причиной зла, ни соучастниками в нем; ни себе самим не причиняли бы зла, ни преследователям нашим, ни убийцам. И способ Он показывает нам, как должны мы избегать преследования нас. Безрассудным делом было бы послушание, но и напрашиваться на опасность тоже безрассудно. Если грешит против Бога тот, кто предает смерти человека Божия (1Тим. 6:11; 2Тим. 3:17), то становится соучастником в убийстве и тот, кто добровольно предает себя судьям ⁵¹².

А именно таким содействователем преследованию ⁵¹³ и становится тот, кто вместо того, чтобы уклоняться от преследователей дерзко выставляется пред ними и бежит навстречу им. Это значит, что он, сколько от него зависит, способствует озлоблению преследователя. Если же к этому да еще и нарочно возбуждает его гнев против себя, то он уже всецело виновен; это равнозначительно с натравливанием на себя свирепого животного, а равным образом если б давал кто повод кому-либо к задору против себя или к оштрафованию себя или к судебному процессу против себя или вообще к неприязненным и враждебным отношениям против себя: тот сам становится причиной всего этого. Именно с этой целью (утишения вражды против нас) нам и заповедано никаких вещей сего мира не удерживать у себя силою, если кто их будет отнимать у нас, но *отнимающему верхнюю одежду не препятствовать взять и рубашку* (Лк. 6:29). Господь хочет, чтобы мы оставались свободны от всякой чрезмерной к чему-либо привязанности; Он опасается, как бы усилиями удержать

за собой какое-либо из земных благ не восстановить нам против себя тех, кои у нас оспаривают его и чтобы своим сопротивлением не навлечь нам хулы на имя Бога христианского.

11. Ответ на возражение: «При промысле о вас почему же Бог попускает вам страдать»?

Говорят: «Если Бог печется о вас ⁵¹⁴, то почему же преследования против вас ведутся; почему вас смерти предают»? «Ужели это Он на вас попускает такие бедствия», – восклицают наши противники.

Мы не думаем, чтобы по воле Божией нас постигали такие бедствия. Но нам при сем на память Его предречение приходит, что во времена последующие с нами все это случится, т.е. что все эти напасти нас постигнут, что за имя Его будем мы на смерть осуждаемы и ко кресту пригвождаемы ⁵¹⁵. На преследование нас следовательно воли Его не было; но бедствия, имеющие нас постигнуть, Он для того заранее предвозвестил нам, чтобы заблаговременным нас предъизвещением предстоящих нам испытаний приучить нас к терпению и безропотной покорности, за что Он обещал нам наследие. Не мы одни умираем; подвергаются вместе с нами казни и многие другие.

«Но эти другие, – продолжают наши противники, – суть злодеи; их казнят во имя закона и справедливости».

Но чрез это наши противники невольно сами против себя свидетельствуют; значит, мы невинны и нас лишь из-за соблюдения формальной верности закону приносят ему в жертву. Но несправедливостями судебной власти не ниспровергается провидение Божественное. Судебной власти следует господствовать над своими приговорами, а не рабски оные произносить. Не на бездушные же струны музыкальных инструментов судьи должны походить, которые при нажиме на них повинуются причине инородной и получают ими производимые впечатления от силы чуждой. Вот почему от наших судей в свою очередь и от самих будет потребован отчет в их судебных приговорах. Они дадут отчет в применении, какое сделали из своей свободы, мы же в стойкости, которую противопоставили их угрозам. Мы невинны, а судебная власть нас преследует, как если б мы были нарушителями

законов и какими-то тяжкими преступниками, хотя она дел наших не знает, да и осведомляться о них не желает ⁵¹⁶. Даже ужаснейшее нечто она себе позволяет против нас. Она руководится по отношению к нам лишь пустым предубеждением против нас, за что сама будет суду Божию подлежать. Нас преследуют не за преступления, а лишь по неосновательному о нас мнению, будто мы люди вредные в мире, – единственно за то что мы христиане и притом не свою только жизнь устрояющие по христианским началам, но увлекающие и других к следованию тем же принципам.

«Но почему же к вам помощь не приходит в жару гонений на вас», – восклицают наши противники. Отвечаем им. Мы ничего не теряем от того; по крайней мере мы сказать это можем о себе лично. От всех сих бедствий чрез смерть освободиться имея, мы воспарить имеем к нашему Господу и этот переход в мир иной для нас не более значит, чем переход из одного возраста жизни в другой. Не мудруя много, мы еще благодарим тех, кои нам случай доставляют отойти из сего мира быстро, и лишь об одном при сем хлопчем, чтобы наше мученичество поддерживалось любовью к Богу. Без этих душевных расположений наших большинство смотрело бы на нас как на извергов. И это большинство, если узнает истину, и само, купно люди все, обратится на тот же путь (Деян. 9:2; 19:9, 23; 24:22; 18:25, 26; 22:4), и избранных с поры той не будет более. Да, вера наша поистине имеет стать *светом для мира* (Мф. 5:14) и ею изобличено будет неверие его. «Ни Анит не причинит мне зла, ни Мелит; они не в состоянии этого сделать. ибо я не верю, чтобы во власти было человека злого повредить человеку доброму» ⁵¹⁷. Поэтому каждый из нас может смело восклицать: *Господь за меня, не устрашусь; что может сделать человек мне* (Пс. 66:6). *Души праведных в руке Божией и мучение не коснется их* (Прем. 3:1).

12. Опровержение мнения Василида, будто мученичество есть род наказания за предшествовавшие оному случаи нарушения верности

Василид в 23-й гл. своих «Толкований» касательно тех, кои за веру приговором судебной власти бывают осуждаемы на мученическую смерть, утверждает следующее: «Относительно тех, кои подвергаются так называемым преследованиям, мое мнение такое: Все они несомненно виновны в грехах неведения и даруется им сие счастье (мученичества) благостию Провидения, приводящего их к тому. Оно это попускает приводить их на суд по причинам весьма разнообразным. Оно это устрояет, что они подвергаемы бывают пыткам не как простые преступники, осуждаемые на смерть по уликам неоспоримым и за пороки не какие-либо бесславные в роде прелюбодеяния или убийства, а обвиняют их за то лишь, что они христиане; и этим бывают муки их смягчаемы, так что представляется, как будто они и не страдают. А если бы подвергнут был пыткам и кто-нибудь из таких правоверных, за коим не имеется никакого греха неведения, что однако же редкость, то и испытываемые им страдания никто не имеет права приписывать злобе и заблуждению властей, а должен думать об его страданиях, что это страдания безгрешного ребенка». Потом немного ниже Василид прибавляет: «Подобно тому как ребенок, еще не успевший совершить никакого греха или по крайней мере самопроизвольно его не учинивший, может быть постигнут страданиями уже за то одно, что носит в себе зародыш греха (душу, еще до ниспослания в сие тело согрешившую) и в ниспослании их на него должен видеть благодетяние себе, его знакомящее со многими трудностями жизни: подобно этому и приращение страданий к человеку, ни в чем не погрешившему или же ни в чем, – по крайней мере самопроизвольно, – не нарушившему своего долга, будет истекать из того же принципа, и те страдания его будут иметь характер страданий ребенка. Он уже носит в себе склонность ко

греху; и если еще не погрешил, то единственно потому, что случая к тому еще не представилось, так что он значит не имеет права себя считать совершенно невинным. Всякий, расположенный к нарушению верности своему долгу или слову, есть уже преступник, хотя бы он и держался еще слова или исполнял свой долг (Мф. 5:33); всякий, намеревающийся совершить убийство, есть уже убийца, хотя бы убийства он и не совершил еще. То же самое следует сказать и о праведнике, еще не согрешившем: праведность его мнимая. С той самой минуты, как увидел я его страдающим, я уже объявляю его преступником, хотя бы он и не совершил еще никакого проступка: он уже носил в себе желание согрешить. И по истине скорее все, что вам угодно, я скажу, только не это, что Провидение жестокосердо». – Далее и еще ниже Василид и о Господе выражается так, что очевидно его мнение о Нем, как о простом человеке. «Если бы, – говорит он, оставляя все предшествующие рассуждения, – кто-либо попытался мне доказать противное, ссылаясь на некоторые личности: такой-то де страдал, следовательно он согрешил? Я отвечу тому с его же позволения: он не грешил, а страдал подобно тому, как ребенок страдает, а если бы противник мой все еще продолжал на своем настаивать, то я прибавил бы: Назовите мне какого вам угодно человека, все-таки он будет человек, а Бог правосуден. *Кто рождается чистым от нечистого? Никто (Иов. 14:4).*

Василид держится того исходного пункта, что души, привлекаемые за свои грехи к наказанию здесь на земле, грешили еще во время жизни предшествующей; душа избранного наказывается мученичеством, которое покрывает ее ореолом славы; всякая же другая душа заслуженной ею казнью очищается.

Но весь набор сих доказательств Василидовых падает, как скоро мы на то обратим внимание, что вполне от нас ведь зависит, исповедать Христа или нет; и это в нашей власти, подвергнуться за Него мученической смерти или нет. Для того же, кто отрекается от Господа, существует ли уже и Провидение, если его понимать в Василидовом смысле? Спрошу теперь и я его. Ответь мне, Василид: Вот подстражный

христианин. По воле или против воли Провидения произошло то, что узник сей будет свидетельствовать о Христе и подвергнется казни. Если он отречется от Христа, то казни избежит, но что станется тогда с очищением его от греха? Если же Василид скажет, что исповедник сей не должен и на арену выходить для свидетельства, а следовательно и казни не подвергнется, то он сам себе будет противоречить, ибо должен будет сказать, что и отрекающимся от Христа вечная гибель устрояется Промыслом. Далее как же это слава и воздаяние блаженной вечностью может становиться уделом мученика, если при исповедании Господа воля его в том не участвовала? Если же Василид скажет, что имевшего пострадать Провидение и не допустило до греха, то чрез это разом приписывается Провидению двойная несправедливость: во-первых та, что во имя справедливости Оно не освобождает несчастного, влекомого на смерть; а затем та, что Оно содействует судье, чрез привлечение к суду невинного, поступающему вопреки долгу. Выходит, что первого Оно наказало за дело исповедания, согласовавшееся с его убеждениями; второму же, поработанному своей беспутной воле, несправедливо благоприятствовало и не отклонило его от дела, им неправо предпринятого.

Скажем не колеблясь: Василид в этом случае оказывается безрассудным нечестивцем, потому что он обоготворяет сатану и дерзко осмеливается превращать Господа в человека грешного. Когда демон нас искушает, хорошо зная кто мы, но не зная, окажем мы ему сопротивление или нет, то чрез это он желает поколебать веру нашу, пытаясь подчинить нас своему влиянию: и далее сего власть его над нами не простирается.

Провидение же, попуская сие, имеет в виду тройную цель: во-первых Оно хочет, чтобы мы спасались своими собственными усилиями, в наблюдении заповедей закона имея средство к тому; во-вторых Оно хочет, чтобы искуситель из-за встреченной им неудачи был покрыт стыдом; наконец Оно хочет, чтобы примерами вероисповедной твердости была укрепляема вера членов церкви и чтобы свет веры проник в совесть и неверующих, уже удивляющихся геройству мучеников.

Но если мученичество есть воздаяние за добродетель, и если смертная казнь играет роль лишь средства для сего; то это же самое должно сказать и о вере и об учении, коими вызывается мученичество; верою и учением мученичество обуславливается. Известно ли вам учение нелепее этого?

Что же касается до вопроса: Переходит ли душа из одного тела в другое и в чем состоит участие демона при сем, то мы рассудим о сих предметах в другое время. В данную же минуту к тому, что уже сказано нами, прибавляем следующее размышление, что на будущее время вышло бы из веры, если бы мученичество считалось не более как наказанием за соделанные в предшествующей жизни грехи? Чем оказалась бы любовь к Богу, которая переносит преследования и стоит твердо за истину? Чем были бы заслуги исповедника? Чем оказалась бы бесчестность вероотступника? К чему тогда служил бы правый образ жизни, умерщвление своих пожеланий и непитание ненависти ни к какому созданию?

Далее если, по свидетельству самого Василида, одной из черт характера, согласующегося с Божественною волею, есть та, о которой мы и говорили, чтобы «ко всему относиться любвеобильно», потому что части должны иметь отношение к целому и состоять в гармонии с ним; если другой чертой такого характера должна быть та, чтобы «ничего не желать»; и наконец третьей «ни к кому не питать злобы и вражды и ко всему относиться без ненависти», то что из этого следует? То ли, что казни происходят по воле Божией? Безбожное учение! Вовсе не по воле своего Отца наш Господь страдал; нет воли Божией и на то, чтобы христиане были преследуемы. Одно из двух: или преследование нас есть благо, если оно происходит по воле Божией; или же палачи и преследователи наши невинны. Но в природе ничего не происходит без воли Властителя вселенной. Заклучая все в одном слове, остается нам сказать, что все это потому происходит, что Бог не противится тому ⁵¹⁸. Этим единственно возможным разъяснением провидение примиряется с милосердием Всевышнего. Не нужно воображать, что сам Бог поднимает на

нас руки и на нас наводит напасти; мы далеки от этой мысли. Но следует верить, что Бог не останавливает руку тех, которые нам устрояют несчастья, и гнев наших врагов обращает нам во благо.

Отниму у него ограду, говорит Господь, и он будет опустошаем (Ис. 5:4). Таковы вразумления, нам даваемые Провидением в лице других, наказываемых за их личные грехи; а наставления, нам даваемые Христом и Апостолами из-за наших грехов, таковы. *Воля Божия, говорит Апостол, есть та, чтобы вы были святы, чтобы вы избегали любодеяния, чтобы каждый из вас умел соблюдать сосуд своего тела в святости и чести, не предаваясь чувственным вожделениям как язычники, незнающие Господа и чтобы никто не поступал со своим братом противозаконно и корыстолюбиво, потому что Господь мститель за все сие, как и прежде мы говорили вам и свидетельствовали. Ибо Бог призвал нас не к порочности, но чтобы быть святыми. Презирующий сказанное мною не человека презирает, а самого Бога, который нам дал Духа своего Святого (1Сол. 4:3–8).*

Для нашего же освящения Бог не воспрепятствовал страдать и нашему Господу. Если же кто-нибудь из учеников Василида в свое оправдание сошлется на то, что мученик терпит кару за грехи, совершенные душой его раньше ее перехода в тело, плоды же своей добродетели получит после сей жизни и что в этом и состоит домостроительство Божие, то мы спросим у сего отделяющегося от церкви: будет ли и тогда возмездие распределяться согласно с видами Провидения? Если оно не будет истекать из закона Божественного правосудия, то и мир значит не представляет собою чего-то в роде очистительной каменоломни, и все подмости Василидовы тогда рушатся под тяжестью его собственных ног. Если же они утверждать захотят, что очищение исходит от Провидения, то следовательно от Него же истекают и наказания. Но провидение, как его понимает Василид, хотя оно первое свое движение и получает от верховного Архонта, все же присоединилось лишь в минуты творения Богом тварей. При этой системе Василидиане и сами должны признать, что пытки

или не несправедливы и тогда судьи, на оные нас осуждающие, палачи мучеников пытающие, также поступают по праву; или же что преследования проистекают прямо из Божественной воли. Мучения и страхи посему, как сами они говорят, не суть необходимые акциденции вещей, а пристали к ним тому подобно, как ржавчина пристаёт к железу и приражаются к душе только вследствие свойственной ей воли.

Нам оставалось бы теперь обстоятельнее разъяснить эти предметы, но это мы оставляем до более благоприятного времени.

13. Опровержение мнения Валентина об упразднении смерти

Валентин в одной из своих бесед пишет следующее: «Вы бессмертны по самому происхождению своему и состоите чадами жизни вечной; вы пожелали в смерти участие принять, дабы ее истощить и изгладить и чтобы в вас и чрез вас смерть умерла. Ибо когда мир вы укротите, то себя самих сил не лишите и будете господствовать над творением, одержав верх над владычеством смерти».

Валентин вместе с Василидом предполагают, что есть род людей по самой природе своей спасаемых, получающих привилегию на это по праву самого рождения своего. Этот отличный от прочих смертных род людей ниспосылается на эту землю свыше для ниспровержения здесь владычества смерти, сего мрачного дела, созданного злым началом, сотворившим мир. В подтверждение своего учения еретики сии ссылаются на следующее слово Писания: *Никакой человек не может увидеть лица Божьего и остаться в живых (Исх. 33:20)*. На основании сего изречения они утверждают, что Бог есть виновник и причина смерти. На сего-то самого Бога Валентин намекает и в следующих словах: «Насколько изображение ниже живого лица, настолько же мир ниже живого Эона. Итак, что же за предмет образа? Тип был сообщен художнику величию лица, дабы чрез имя его быть созданию его славным. Действительно не по собственной воле его и почину форма была измышлена, но именем в создании сем было восполнено то, что было в нем несовершенного⁵¹⁹. Незримое в Боге нам объясняется сим вещественным миром». И так как Творец мира назван в Писании «Богом» и «Отцом», то Валентин называет сего Творца мира «образом истинного Бога» и «пророком»; мудрость же, во славу невидимого, воспроизведшую образ (Его), он превращает в художника. «Ибо существа, происходящие ex conjugatione, представляются плеромою; существа же, происходящие от начала единичного, суть только образы. Так как мир явлений не имеет отношения к незримому Богу, то душа представляет

собою начало посредствующее, т.е. тем, что есть в ней отличного от сего вещественного мира, наполовину принадлежащая миру высшему, а тем, что есть в ней чуждого тому высшему миру, принадлежащая к сему миру феноменальному; и она представляет собою эманацию различающего Духа; так как была она вдохнута Духом, то вследствие сего самого и стала душой и образом Духа». Вообще Валентиниане утверждают, что их учение о Димиурге, созданном по образу Божию, выражено ясно в том месте кн. Бытия, где под образом чувственным она рассказывает о сотворении человека. А подобие Божие они усвоят самим себе, утверждая, что вдунутие в них духа иной природы Димиургу осталось неизвестным. Когда мы будем доказывать, что существует только единый и единственный Бог, провозвещенный законом, пророками и Евангелием, мы опровергнем и это учение, ибо вопрос о нем очень важный. Здесь же обратимся к тому, на чем в данную минуту настоять считаем за необходимейшее. Если правда, что род людей привилегированных ниспослан для упразднения чрез них смерти, то значит не Христос ее упразднил, если только и Его природе Валентиниане не усвоят субстанциальности подобной же, какой носителями состоят сами. «Но Он ее упразднил, – скажут Валентиниане, – чтобы она их не коснулась, рода людей избранных, привилегированных». А следовательно, мы ответим им, они, состязающиеся с Димиуром, смерти не упраздняют, они, – по учению ими содержимому, – в образе Божиим своей души, по субстанции наполовину сему, наполовину иному миру принадлежащей, высшую жизнь носящие. И в том случае если б они сказали, что сие упразднение смерти происходит чрез мать (мудрость?); а также и в том, если бы они вздумали утверждать, что это с согласия Христа они воинствуют против смерти, в обоих этих случаях они окажутся приемлющими и содержащими тайное учение, будто должно и можно бороться против Божественной власти Творца мира (Димиурга), а его создание можно и должно улучшать и преобразовывать, как если б они были существами какими-то высшими и будто следует стараться о спасении сего душевного (плотского) образа,

кого и сам Он от тления освободить не мог. Но если и так судить, то Господь не должен ли быть признаваем за существо высшей природы, чем Бог Димиург (Творец мира)? Потому что какой же это сын когда состязается со своим отцом? И что между людьми дико, то ужели бывает в мире божеском? А что Бог Вседержитель и Творец вселенной есть Отец Сына, изложение сего мы отложим до того места, где будем опровергать эту ересь, согласно с нашим обещанием имея доказать, что существует только единый Бог, и именно тот самый, который провозвещен Сыном.

Апостол, убеждая нас к терпению в скорбях, нам говорит: *И сие от Бога, который вам даровал милость не только веровать во Христа, но даже и страдать за Него, призвав вас к той же самой борьбе, какую вы видели во мне и о каком моем подвиге и ныне слышите еще. Если вы находите некоторое утешение во Христе, если есть какая отрада и некоторое облегчение в любви, если есть какое общение духовное, если есть какое милосердие и сострадательность между нами: то сделайте мою радость совершенною, оставаясь единомысленными, проникаясь одною и тою же любовью, один и тот же дух имея и одни и те же чувства. Если же после того как принесена Богу в жертву ваша вера, требуется еще, чтобы и моя кровь была пролита в качестве той же жертвы, то я утешен и радуюсь вместе со всеми вами (Фил. 1:29, 30; II:1, 2, 17).* Я спрашиваю Валентина: Как же Апостол тех самых Филиппиян, которых назвал своими соучастниками во благодати (Фил. 1:7), как же он называет их соучастниками в том и по душе и по плотской организации? Подобным же образом он и о Тимофее, но и о самом себе пишет: *Я не имею никого равно усердного (ἰσόψυχον), кто стал бы искренно заботиться о вас, потому что все ищут своего, а не того, что угодно Христу Иисусу (Фил. 2:20, 21).* Итак, не только выше названные еретики оскорбляют нас, усвояя нам организацию лишь плотскую, но и Фригияне, которые называют так людей не верящих новому пророчеству. Мы опровергнем их, когда будем рассуждать о пророчестве.

Нужно следовательно, чтобы тот, кто предъявляет права на звание человека совершенного, упражнялся в любви: только тогда он в состоянии будет возвыситься и до содружества с Богом, исполняя Его заповеди из любви к Нему. Если Господь нам заповедует любить наших врагов, то не то это значит, чтобы Он повелевал любить зло, нечестие, прелюбодеяние, воровство, нет; а заповедует Он самого вора любить, нечестивца, прелюбодея, но не настолько, насколько они грешат и бесчестят собой достоинство человека, а насколько они люди суть и творение Божие. Грех несомненно есть нечто актуальное, а не субстанциальное. Вот почему он и не может быть делом Божиим. Мы говорили, что грешники суть враги Божии. Почему? Потому что они состоят врагами заповедей Божиих, восставая против них. Наоборот тех, кои подчиняются Божественным заповедям, мы называем друзьями Божиими. Одни – друзья, по причине добровольных уз, их соединяющих с Богом; другие – враги по причине добровольного отчуждения их от Бога. Не существовало бы ни неприязни ни ненависти, если бы не существовало врагов и грешников.

Не пожелай. Этой заповедью не пожелание некоторых вещей из области другого Бога запрещается, как понимают сию заповедь еретики, от первого Бога различающие Димиурга или Творца и считающие некоторые вещи сего мира со своей превышеестественной природой не гармонирующими, ей чуждыми. Но произрождение сей заповедью не бесчестится как если бы оно было актом неким гнусным: это было бы учением поистине нечестивым. Мы не потому мирские вещи называем нам чуждыми, как если бы они были непристойными и гадкими самими по себе, и не потому, как если бы они не имели никакого отношения к Богу, Владыке вселенной, но потому, что мы не вечно живем среди их. С точки зрения собственности они нам чужды, ибо они уплывают из наших рук, переходя в руки наших потомков; в отношении же пользования ими они для каждого из нас имеют значение существенное, потому что для нас они и сотворены. И все же во время сей земной жизни нашей к ним отношения нам следует определять известными естественными границами, от перехода за кои заповедь нас

мудро предостерегает; остерегаться мы должны всякого излишества и всякой к материальным благам привязанности.

14. О любви ко всем, даже ко врагам

Но до каких пределов должна простираться благосклонность? Господь нам отвечает на это: *Благословляйте проклинающих вас; молитесь за тех, кто преследует вас и клеветуют на вас (Мф. 5:44)*. И так далее Он продолжает в том же духе, и потом прибавляет: *Да будете сынами Отца вашего небесного (Мф. 5:45)*, указывая таким образом, как можно подобием приближаться к Богу. *Спеши помириться с твоим соперником*, говорит Он в другом месте, *пока находишься еще в дороге с ним (Мф. V, 25)*. Под соперником, о котором говорится здесь, не тело это нужно разуметь, как утверждают некоторые, а демона и подобящихся ему; в образе людей, творящих на сей дольной земле беспутство демонское, он сам, демон, находится в дороге с нами. Вещь весьма возможная, что чрез устное исповедание дела Христова можно способствовать величайшему злу, если делами в то же самое время мы будем на стороне демона. Ибо написано: «...из страха, чтобы ваш противник не привел вас к судье, а судья чтобы не выдал вас нечестивому заправителю царством демонским». Ибо я убежден, что ни смерть, которой предают нас наши преследователи, ни жизнь сия временная, ни ангелы отступники, ни начала, т.е. властенное достоинство сатаны, утвержденное им на возмущении против Бога; а также и все власти мрака, ни настоящее, среди которого в течение сей жизни мы находимся, каковы надежда солдата и барыш торговца, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не в состоянии остановить дел веры у человека, следующего в частных своих действиях свободной своей воле. Именем же твари называются здесь действия чисто человеческие, представляющие собою людское творение. Такие действия не могут нас отлучить от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 8:38,39). Вот краткий очерк исповедничества и мученичества, каких носителем состоит истинный мудрец (гностик).

15. Не следует собой других соблазнять

Знаем, говорит Апостол, что все мы имеем знание, науку, которая занимается вещами, касающимися до общества и составляет общее всех достояние; известно нам и учение о бытии только единого Бога. Апостол обращался с этим словом к верующим; потому он прибавляет: *Но не у всех (такое) знание; не все содержат его, и составляет оно достояние лишь немногих* ⁵²⁰. По пониманию некоторых здесь Апостол заповедует не всем сообщать о том сведение, что можно употреблять в пищу мясо, приносившееся в жертву идолам. Он опасается, чтобы свобода наша не послужила соблазном для немощных и чтобы сим сведением не погубить брата (1Кор. 8:1,7,9,11), а если бы некоторые обратили в вопрос Апостольское слово и стали бы спрашивать: *Можно ли покупать все продаваемое на рынке и последующим его выражением: ничего не расследуя* воспользовались для ответа, говоря так: «Делайте то, *ничего не расследуя*», то все место получило бы смешной смысл. Апостол сказал: *Все остальное покупайте с рынка без всякого исследования* (1Кор. 10:25), за исключением впрочем того, что перечислено в соборном послании всех апостолов, где написано, что *так угодно Духу Святому*. Послание сие внесено в книгу «Деяний Апостольских» и приведено было к верующим заботливостию самого Павла. Итак, Апостолы в сем послании извещают, что следует *воздерживаться от идоложертвенного и крови и удушения и блуда; соблюдая сие хорошо сделаете* (Деян. 15:29). Апостолом же сказано иное нечто ⁵²¹. *Или мы не имеем власти есть и пить? Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как и прочие Апостолы и братья Господни и Кифа? Но мы не пользовались сею властью, говорит Апостол, но все переносим, дабы не поставить преграды благовествованию Христову* (1Кор. 9:4,5,12), т.е. мы переносим эти очень важные неудобства, потому что спешим ответствовать явлением на всякий призыв ⁵²²; или же потому, что собою желали представить пример воздержности тем, кои

также желали жить в воздержности. «Имея в виду это, – хочет сказать Апостол, – мы не расположены были есть все, нам предлагаемое, ни тем паче *cum muliere habere consuetudinem*». Особенно тем, которым вверено было столь важное домостроительство, надлежало собою представлять для учеников пример чистоты и безупречности. Вот почему Апостол продолжает: *Будучи свободен от всего, я всем поработил себя, дабы больше приобрести. И всякий состязающийся воздерживается от всего (1Кор. 9:19,25). Но Господня земля и все что наполняет ее.* Итак, ради совести должно воздерживаться от того, от чего воздерживаться запрещено; совесть же разумею не свою: моя просвещена познанием, а совесть другого. Воздерживайтесь же из желания, чтобы назидание вашего брата шло тем успешнее, чтобы по неведению не вздумал он подражать тому, чего не знает или чтобы вместо возвышенных чувств у него не явилось высокомерия. Ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью? Если я с благодарением принимаю пищу, то для чего порицать меня за то, что я благодарю? Итак, что ни делаете, все делайте во славу Божию. Под всем же нужно разуметь дела, позволенные правилами веры.

16. Изъяснение некоторых мест Писания о твердости, терпении и любви мучеников

Для достижения праведности требуется вера сердечная, блаженство же достигается устным исповеданием. Отсюда такое обетование Писания: *Всякий верующий в Него не будет постыжден. Проповедуемое же нами слово веры таково: Если будешь исповедывать устами твоими, что Иисус есть Господь и сердцем своим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься* (Рим. 10:10,11,8,9). Очевидно, что Апостол набрасывает здесь образ совершенной праведности, полнота коей слагается из дел и созерцания. Итак, следует благословлять нам наших преследователей. *Благословляйте их, говорит Апостол, а не проклиняйте* (Рим. 12:14). Ибо наша слава сия есть, свидетельство нашей совести, что мы знаем Бога и сие знание доказываем святостию и богоугодной искренностию, даже и маловажными случаями открывая дела любви и обнаруживая, что не по плотской мудрости живем в этом мире, то по благодати Божией (2Кор. 1:12). Таково свидетельство Апостола о познании. Общее же учение веры ⁵²³ в том же самом послании к Коринфянам он называет благоуханием познания (2Кор. 2:14). Ибо для большинства даже до сего дня при чтении ими Ветхого Завета остается неснятым то же самое покрывало (2Кор. 3:14), которое кажется должно бы уже открыться до обращения их к Господу. Вот почему тем, которые могут созерцать это, Господь явил, что принципом жизни сей, змеем ползающей на чреве, может быть и более возвышенный, хотя мы и остаемся прикрытыми плотию. Людей же печально ползающих по земле, преданных плотским удовольствиям, рабски служащих чреву и подчревию и всех тех, кои будучи преданы мирским пожеланиям, отсекают друг у друга головы ⁵²⁴, Господь назвал порождениями ехидниными (Мф. 3:7). Дети, не любим словом, ниже языком, говорит Иоанн, уча нас быть совершенными, но делом и истиною; чрез это познаны будем, что состоим чадами истины (1Ин. 3:18,19). Но если Бог есть любовь, а

любовь если есть вместе с тем и благочестие, то *страха нет в любви, но совершенная любовь изгоняет страх* (1Ин. 4:16,18). Это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали Его заповеди (1Ин. 5:3). В другом месте для тех, кои страшатся быть истинными мудрецами (гностиками), написано: *Будь образцом для верных в слове, в своем обращении с ближними, в любви, в вере, в чистоте* (1Тим. 4:12). По моему мнению совершенство веры (милосердие) отличается от всеобщей веры. Божественный Апостол в таких словах передает правила истинного мудреца: *Я научился быть довольным положением, в котором нахожусь. Я умею жить и в бедности и в богатстве. Испытав все, я способен ко всему, быть в сытости и голодать, изобиловать и недостатки терпеть; могу все о Укрепляющем меня* (Флп. 4:11,12,13). С другими же рассуждая, чтобы побудить их к скромности, Апостол не колеблется стыдить их (1Кор. 6:5; 15:34) в таких выражениях: *Вспомните первые дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди обезчещения и скорбей служа зрелищем для других, то принимая участие в скорбях тех, которые находились в подобном же состоянии. Ибо вы и моим цепям сострадали, и расхищение имения вашего приняли с радостью, зная что есть у вас имущество лучшее и непреходящее. Итак, не оставляйте упования, которому предстоит великое воздаяние. Терпение нужно вам, чтобы исполнив волю Божию, получить обещанное. Ибо еще немного и Грядущий приидет и не замедлит. Праведный Мой верою жив будет, а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя* (Авв. 2:3,4). Мы же не из колеблющихся на погибель, но остаемся тверды в вере ко обретению души (Евр. 10:32–9). Затем Апостол приводит нам в пример людей, вдохновленных и укрепленных Богом. Поистине не достославно ли они засвидетельствовали свою веру терпением, перенесением оскорблений и бичеваний, цепей и темничного заключения? Они были побиваемы камнями, подвергаемы жесточайшим мучениям, умирали от лезвия меча, вели скитальческую жизнь покрытые овечьей и козьей шкурой,

оставаясь беспомощными, сокрушаемые изнурением, преследуемые; они, которых весь мир не был достоин, блуждали по пустыням и горам, скрываясь в вертепах, земных пещерах и ущельях. И все сии, которых вера соделала столь достойными одобрения, не видели исполнения Божественных обетований. Чтобы вполне постигнуть смысл этой фразы, нужно подразумевать при ней слово «одни только», в нее вставляя оное безмолвно. Вот почему Апостол прибавляет: *Потому что Бог, ибо Он благ ⁵²⁵, нечто лучшее о нас предусмотрел, дабы они только с нами получили совершенное блаженство. Посему и мы, окружены будучи таким множеством свидетелей, этим священным и блестящим облаком, свергнем с себя все, что нас обременяет и запинаящие нас цепи греха и устремимся мужественно на открытое пред нами ристалище, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса (Евр. 11:36–40; 12:1,2).* Но хотя и ясно Апостол сказал, что как для праведных, предшествовавших Христу, так и для нас, одно и единственное спасение во Христе ⁵²⁶, однако же, говоря о Моисее, он прибавляет: *Поношение Христово он считал для себя сокровищем наибольшим из всех богатств Египта, ибо он взирал на воздаяние. Верую он оставил Египет, не убоявшись гнева царского; он был тверд как бы видя Невидимого (Евр. 11:26,27).* Божественная мудрость говорит о мучениках: *В глазах неразумных они казались умершими, кончина их считалась гибелью и отшествие от нас уничтожением. Но они пребывают в мире; и если пред людьми и терпели пытки, то надежда их полна бессмертия (Прем. 3:2–4).* Потом, показывая, что мученичество есть очищение, Премудрость добавляет: *Их страдания были легки, а им воздаяние велико. Бог их испытал, т.е. допустил, чтоб они подверглись испытанию для большей же их славы и для пристыждения соблазнителя и нашел их достойными Себя, того т.е. чтобы называться им чадами. Он их испытал как золото в горниле и принял их как жертву всесовершенную, и в день Его посещения к ним, они возблистают искрами, пробегающими по сухой соломе. Они*

*судить будут нации и господствовать над народами, а
Господь над ними будет царствовать во веки (Прем. 3:5–8).*

17. Места из послания св. Климента Римского к Коринфянам, подтверждающие предшествующее

И Апостол Климент ⁵²⁷ в своем послании к Коринфянам начертывает нам некоторый образ истинного мудреца (гностика). Он пишет: «Столько иностранцев перебывало за стенами вашего города. И кто же из них не поражался этой твердой верой вашей и украшенностью ее всякими добродетелями? Кто из них не восхищался этим благочестием вашим во Христе, полным кротости и мудрости? Кто из них не хвалил этой щедрости вашей и прекрасного обычая гостеприимства? Кто из них наконец не распространял везде молвы о том, как вы счастливы, содержа с уверенностью столь обширное и непоколебимое знание? Действительно вы всякое дело делаете, не обращая внимания на лица и следуете верно заповедям Господним» и проч. И затем в выражениях еще более точных Апостол прибавляет: «Будем постоянно взирать на этих людей ⁵²⁸, воздававших Его славе и Его величию почитание достойное Его. Обратим внимание на Эноха, который чрез послушание Богу праведным соделался и преложен был на небо; – на Ноя, который спасся от потопа, потому что верил; – на Авраама который в награду за свои веру и гостеприимство был назван *другом Божиим* (Иак. 2:23) и соделан отцом Исаака. Но это еще не все. Лот в воздаяние за свою веру и оказанное Ангелам гостеприимство выходит из Содома, не потерпев никакого вреда. Раав блудница среди всеобщего истребления спасается единственно благодаря своей вере и своему гостеприимству. Будем подражать тем, которые, прикрываясь то козьими и овечьими шкурами, то плетеньем из верблюжьего волоса, ходили везде, предрекая царство Христово. Таковы были св. пророки Илия, Елисей, Иезекииль и Иоанн. Авраам, давший блестящие доказательства свободной своей веры и названный за величие своей веры *другом Божиим*, далекий от того чтобы гордиться своей славой, в чувстве глубокого смирения воскликнул: *Я только пыль и пепел* (Быт. 18:27). Вот что Писание говорит об Иове: *Иов был человек*

праведный, безупречный, прямодушный и благочестивый, избежавший всякого зла (Иов. 1:1). Он доблестностью своего терпения победивший искушителя, он свидетельствовавший о Боге, но о котором и Бог свидетельствовал, смиренно говорит о самом себе: *Никтоже чист от скверны, хотя бы и один день был жизни его* (Иов. 14:4,5). Моисей, который найден был верным во всем дому Божиим (Евр. 5:5), на голос к нему говоривший из объятого пламенем куста, отвечал: *Кто я, что посылаешь меня? Я имею медленный язык и слабый голос* (Исх. 3:11; 4:10), чтобы своими человеческими устами служить Богу в истолковании слов Его. Он прибавляет: *Я пар воды кипящей. Бог гордым противится, смиренным же дарует милость* (Иак. 4:6; 1Пет. 4:5). Но что сказать нам о Давиде, о котором Бог столь блистательно свидетельствует: *Я нашел человека по Моему сердцу, Давида, сына Иессеева. И Я помазал его елеем святым на царство во веки веков* (Пс. 88:21). Но и сам Давид говорит к Богу: *Помилуй мя, Боже, по великости милости Твоей и по множеству милосердия Твоего изгладь беззаконие мое. Омой меня от беззакония моего и от греха моего очисти меня, Беззаконие мое я признаю и грех мой всегда предо мною* (Пс. 50:1–4) Потом намекая на грех, не подлежащий законной каре, он со смирением мудреца (гностика) прибавляет: *Я согрешил единственно против Тебя, я зло соделал пред лицом Твоим* (Пс. 50:6). Не говорит ли Писание в одном месте: *Дух Божий есть факел, исследующий и глубины сердечные* (Притч. 20:27). И чем выше восходим мы в знании, идя путями праведности, тем ближе к нам Дух света. Так Господь приближается к праведным. Никакой грех посему, даже и самый тайный и потаеннейшая мысль, не остаются сокрытыми от Него. И что же это за Дух света? Это Христос Иисус, наш Господь, испытывающий своею всемогущею волею наши сердца, кровь которого соделалась нашим освящением (Ин. 17:19). Итак, будем подражать образцам нам в пример предложенным: будем чтить старцев, воспитывать будем юношество в страхе Божиим. Поистине блажен тот, который чему учит, то и исполняет, исполняет как следует заповеди Господни: это признак духа

возвышенного и расположенного к созерцанию истины. Будем обращать волю наших жен на добротворение. «Сколь достолюбезна чистота нравов, – говорит наш Апостол. – И пусть жены наши выражают ее всем своим поведением, скромностью всех своих приемов, сдержанностью своего языка, ограничением чрез молчание излишества своих слов; любовью своею да не уклоняются они в стороны, но свидетельствуют ее по отношению ко всем, боящимся истинного Бога, и в ней всегда пусть остаются равными самим себе. Детей своих будем воспитывать в заповедях учения Христова, дабы они знали, насколько смирение сильно у Бога, – как ценна в очах Божиих чистая и незапятнанная любовь, – в какой степени прекрасен и величествен страх Божий, спасающий всех ходящих пред Ним в святости и соблюдении чистоты сердца. Повторяю: Бог проникает в помышления и мысли сердечные. Дух Его в нас и Он отнимает Его от нас, когда Ему угодно. Все же эти истины подтверждаются верою во Христа Иисуса. *Приидите, чада, говорит Господь, послушайте Меня, страху Господню научу вас. Хочет ли кто жить, любит ли долгоденствие и счастье?* Потом Господь, изъясняя тайну чисел седмичного и восмичного ⁵²⁹, прибавляет: *Удерживай язык свой от клеветы и свои уста от речей льстивых. Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и постоянно соблюдай его.* Уча же отвергать зло и прилежать к добру, Господь сим означает иносказательно «знание», совершенство которого слагается из дел и слов. *Очи Господни отверзты на праведных; Его уши внимлют их молитвам; лица же Его гнев обращен на творящих злое и Он стирает с земли и память о них. Взывает праведник и Господь слышит его и от всех бед избавляет его (Пс. 33:12–19). Много скорбей у грешников, надеющихся же на Него Господь окружает милостью (Пс. 31:10),* что еще сказать? Полнотою милости будет окружен тот, чья вера чиста и правильна. Посему написано в послании к Коринфянам: «Разумный наш дух, до Христа вращавшийся в густом мраке, был выведен Им на свет (Ил. 1:236). Во свете сем Всевышним еще здесь на земле даровано нам предощущение бессмертия. Климент, еще обстоятельнее нам разъясняя

природу сего ведения, прибавляет: «Приемля с полной верою сии истины, мы должны погружаться своими взорами в глубины сей Божественной мудрости, с надлежащей точностью и своевременно исполняя заповеди Господни. Мудрец посему пусть заявляет свою мудрость не пустословием, а добрыми делами. Смиранный пусть не самолично о сем свидетельствует, а предоставляет другому воздаяние ему должным. Наблюдающий чистоту телесную и целомудрие пусть не делается от того суетнее, относя свое воздержание к дарам ему Божиим. Усмотрите, братия, что чем полнее и глубже полученное нами ведение, тем больше и очевиднее и опасность, которой мы подвергаемся».

18. О любви и обуздывании желаний

По Клименту ⁵³⁰, «благоприличные и чистые расположения нашей любви ищут пользы общей». Она или исповедничеством и мученичеством заявляет себя; или назидает ближнего своими словами и делами, двоякой сей речью, письменной и неписанной. Любить Бога и ближнего, вот в чем она поставляет свой долг ⁵³¹. И она возносит нас на высоту, изображение которой не поддается никакому описанию человеческим словом. *Любовь покрывает множество грехов (Иак. 5:20; 1Пет. 4:8). Любовь все терпит (1Кор. 13:4,7),* ожидает с терпением исполнения обетований; она соединяет нас теснейшим союзом с Богом; в делах она наблюдает дух единокровия и общего согласия; это любовь делает избранных Божиих совершенными в добре. Никакое дело не может быть угодным Богу, если не будет оно проникнуто любовью. Коротко, ее превосходство таково, что слабым человеческим словом оно и передано быть не может. Быть собственником сего драгоценного дара способен только тот, кого сам Бог удостоил его.

Весьма определительно посему пишет о любви св. Павел. *Если я отдам тело мое (на сожжение), а любви не имею,* говорит он, *то я не более как медь звенящая или кимвал звучащий (1Кор. 13:1,3).* Как если бы так говорил Апостол: Разве это не свободной моей воли и не разумом руководимой любви избрание, что я стражду за Христа и свидетельствую веру в Него исповедничеством? Если же я поступал бы так, что во исповедание Господа двигал лишь устами, чувством страха проникаясь, то жалким же я был бы человеком. Не бездушным ли инструментом я был бы, лишь механически издающим имя Бога, самому мне остающееся неизвестным? Действительно есть народ, свидетельствующий свою любовь к Господу лишь устами своими (Ис. 29:13); и есть другой народ, за веру предающий тело свое на сожжение (2Кор. 13:3). И *если я роздам все имение мое,* говорит Апостол, *чтобы им содержать бедных,* но если в этой благотворительности я буду руководиться не

началом любви, а расчетом на благодарность от человека, коему оказана услуга, или же – ожиданием воздаяния, обещанного Господом; то хотя бы я имел и такую полноту веры, что горы мог бы переставлять и страсти ею утишать, помрачающие разум: если любовь не делает меня верным Господу, я *ничто*, т.е. сравнительно с праведником, свидетельствующим о своей вере пред народом согласно с правилами своей мудрости, я человек темный и ничем не отличающийся от толпы. «Много поколений со времен Адама и даже до настоящего времени жило на поверхности земли, и все они исчезли; в любви же совершенные, по благодати Господней, наследуют землю благочестивых и святых, как откроется то при наступлении дня, в который Христос Иисус придет судить мир и откроет свое царство. Любовь не позволяет себе грехов. Если же кто-либо из владеющих сим сокровищем по навождению искусителя и впадет в какой-либо невольный грех, то он, подражая Давиду, тотчас поет: *Превознесу Господа в славословии; и сия жертва да будет Ему благоугоднее, нежели телец с рогами и с копытами. Да увидят это бедные и да возрадуются* (Пс. 68:32,33). Ибо говорит Он: *Принеси в жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обеты твои. И призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня* (Пс. 49:14,15). *Жертва Богу – дух сокрушенный* (Пс. 50:19).

Бог также именуется *любовию* (1Ин. 5:8,16), потому что Он благ. С полнотой Его любви несогласимо, чтобы кто-либо вредил своему ближнему (Рим. 13:10) или чрез причинение ему несправедливости или чрез отмщение за зло новым злом. Сокращаем все в одном слове: подражая Богу, мудрец изливает благодеяния на всех безразлично (Мф. 5:44 и д., Лк. 12:36). Итак, *исполнение закона есть любовь* (Рим. 13:10), т.е. по примеру Христа (Мф. 5:17) исполнение закона должно быть столь деятельным осуществлением любви, чтобы живо чувствовалось присутствие между нами Господа, нас любящего; иначе сказать, исполнение закона состоит в исполнении Господня учения о любви; это – жизнь *любовию* проникнутая и устроение ее по заповедям Спасителя. Некогда дана была устрашающая

заповедь: *Не прелюбодействуй, не пожелай жены ближнего твоего* (Рим. 13:9); ныне этой заповеди указано совершеннейшее исполнение чрез любовь. Дело вовсе не безразличное, исполняется что-либо по побуждениям страха или любви, вытекает что-либо из веры или из знания. По справедливости существуют следовательно и различные ступени воздаяния. Для мудреца (гностика) уготовано то, чего *глаз не видел и ухо не слыхало и чего на сердце человеку не входило* (1Кор. 2:9; Ис. 64:4); того же, кто ограничивается лишь верою, Господь обещает вознаградить сторицею за то, что он оставил (Мф. 19:29; Мк. 10:29,30). Обетование сие без сомнения всяким может быть понято ⁵³².

Припоминаю по сему поводу странное объяснение сего места одним из мнимых мудрецов (гностиков). Спаситель говорит: *А Я вам говорю, что всякий, кто смотрит на женщину с пожеланием, уже ищет преступной связи с нею* (Мф. 5:28). Истолкователь сей говорит, будто бы Господь нас не за простое пожелание здесь осуждает, а за то, если дело, обыкновенно состоящее следствием пожелания, выходя из пределов его, в нем самом и завершение находит. Нет никакого сомнения, что во сне пожелание не пользуется заразом видением и телом. Писатели, собиравшие анекдоты, усвоят такую сентенцию справедливому Бакхору ⁵³³. Молодой человек, увлеченный любовью к куртизанке, склонил ее за условленную плату прийти к нему на другой день. Случилось же, что молодому сему человеку приснилось, будто эта молодая девушка отдалась ему и удовлетворила его пожеланию. Вопреки ожиданиям страсть молодого человека оказалась насыщенной, так что он затворил дверь пред своей любовницей, когда согласно с условием она пришла к нему. При известии о том, что случилось, выпровоженная молодая девушка потребовала обещанной платы на том основании, что она хотя и во сне, но удовлетворила желанию молодого человека. Так дошло дело до суда. Судья, приказавши молодому человеку положить на солнышке кошелек, содержащий плату за стыд, куртизанке повелел взять тень его, хитро осуждая ответчика на уплату тени вознаграждения за тень

владения, *pro imagine coitu* ⁵³⁴. Если душа, потрясенная видением, вступает в связи с ним во время сна, то это сон. Если же наяву человек грезит, если он смотрит на какой-либо предмет глазами пожелания, то он гоняется за видением, которое не имеет уже ничего фантастического. Преступление, по мнению нашего мнимого гностика, начинается не тотчас, как извещается кто-либо глазом; зачинается блудодеяние или прелюбодеяние в мысли; оно дело пожелания, насколько преступление начинается в пожелании. Но если бы кто посмотрел на красоту тела, говорит Логос, то плоть окажется красивой с точки зрения пожелания. Вы рассматривали его глазом плотским и греховным, и ваше созерцание преступно. Смотрите напротив на красоту с точки зрения целомудренной страсти, тогда вы забудете красоту плоти для красоты душевной ⁵³⁵; вы будете тогда смотреть на тело как на статую, возвышаясь чрез эту земную красоту до самого Творца и до того, что действительно прекрасно, собою являя ангелам, охраняющим входы на небо, печать святости, светлый характер праведности ⁵³⁶. Я хочу сказать сим, что отпечаток благой совести приятен Богу; приятно Ему бывает радостное обнаружение добродетельных чувств, которыми бывает волнуема душа, счастливая тем, что состоит вместилищем Святого Духа. Это и есть свет, которым сияло лицо Моисея, и блеска которого народ не мог переносить. Вот почему он и должен был прикрыть оное от плотских глаз толпы покрывалом (Исх. 34:19 и д.). Люди, с собой вносящие что-либо из земных вещей, бывают останавливаемы надзирателями небесных обителей и бывают освобождаемы от человеческих скорбей, обремененные которыми они приходят. Не то бывает с теми, кои оставили в мире сем товар неприемлемый в мире небесном: богатых сокровищами познаний и праведности, состоящей в делах, ангелы пропускают их среди единоголосных благословений и провозглашают счастливыми их личность и их дела.

И *лист его не отпадет*, т.е. лист древа жизни, посаженного при потоках вод (Пс. 1:3). Праведный сравнивается с деревьями, которые обременены плодами, не только с жертвами, которых запах поднимается до небес. По

установлению закона левиты обязаны были осматривать жертвы и открывать их недостатки. Подобно этому умы изощренные ⁵³⁷ легко отличают законное желание от преступного. Они относят это последнее к сластолюбию и неводержности, так как оно противоречит разуму. Первое же они относят к разряду вещей, которые в силу закона природы стали необходимыми, потому что оно имеет в основании своем и своим регулятором рассудок.

19. Женщины так же способны к совершенству как и мужчины. Примеры сего

Как мужчина так и женщина одинаково способны к совершенству ⁵³⁸. Покажем это на примерах. Вот Моисей. Он слышит от Господа следующие слова ⁵³⁹: *Я говорил уже тебе и повторяю еще раз: Смотрю Я на народ сей, и вот он народ жестоковыйный. Не удерживай Меня, и Я истреблю их и изглажу имя их из поднебесной, а от тебя произведу народ, который будет многочисленнее и дивнее сего* (Втор. 9:13,14). Что же Моисей? Он не на личные свои интересы обращает внимание, а на общее спасение и отвечает неотступной молитвой: *Не сотвори сего, Господи. Прости народу сему грех его или же изгладь и меня из книги живых* (Исх. 32:32). Дивное совершенство! Человек сей желает лучше умереть вместе со своим народом, чем только одному спастись. Но самоотвержением Моисея не исключается способность к оному и женщины. Вот Юдифь. Видя город Ветулию осажденным, она, поручив себя молитвам старцев, проникает в лагерь иностранцев. Для освобождения своего отечества она презирает все опасности; в твердом уповании на Бога предается в руки неприятелей. И вскоре ее вера вознаграждается. Пылая мщением к врагу своей веры, она отрубает Олоферну голову. Вот и другая женщина, Эсфирь, также заявившая себя совершенством веры. Не она ли это освободила Израиля из-под власти деспота и от жестокостей сатрапа? Слабая, одинокая, вооружившись лишь постом и слезными молениями, она оказывает сопротивление тысячам рук, готовых наложить на ее единоплеменников цепи, хлопочет об отмене тиранического декрета, и благодаря энергии своей веры достигает своей цели. Но этим дело не кончается. Она умиливает Ассириянина, наказывает Амана и усердными своими, обращенными к Господу, молитвами спасает Израиля. – Говорить ли о Сусанне и сестре Моисея? Одна вместе с пророком принимала участие в командовании войском и первая между еврейскими женщинами

прославилась мудростью; другая, чтоб остаться верною своей девственной чистоте, презрела мучения и, будучи распутными стариками осуждена на оные, неустрашимо пошла на смерть геройской мученицей целомудрия.

По свидетельству Диона философа ⁵⁴⁰, жена по имени Люсидика, была столь целомудренна, что и купалась всегда в хитоне (тунике). Другая, по имени Филотера, входя в воду, поднимала свой хитон постепенно, по мере обнятия водой обнаженных частей тела; а выходя из воды после купанья она точно таким же образом постепенно покрывала свое тело. Знаменитая Лезна Афинянка не с непоколебимым ли мужеством перенесла все муки? Посвященная в тайну заговора Гармодия и Аристокитона против Гиппарха, она не открыла ни малейшей его подробности, несмотря на примененные к ней жесточайшие пытки ⁵⁴¹. А вот Телесилла, предводительствовавшая Аргивскими женщинами, в одно и то же время и предводителем бывшая и поэтессой, одним видом своим обратившая в бегство столь опытных в войне Спартанцев ⁵⁴²: такое презрение к смерти она сумела внушить своим подругам. – Автор стихотворения «Данаиды» подобное же рассказывает о дочерях Даная:

И тогда дочери Даная поспешно взяли за оружие

На берегах величественной реки Нила и проч. – Другие из поэтов прославляют Аталанту за ее быстроту на охоте, – нежную любовь Антиклейи ⁵⁴³, супружескую любовь Алкесты, мужество Макарии ⁵⁴⁴ и Гюакинтид. – А Феано пифагорейка разве не возвышенное свидетельство дала любви своей к мудрости, когда одному из своих обожателей так отвечала: «Какая прекрасная рука», – воскликнул этот поклонник ее, посмотрев на нее любопытным взглядом; «Да», – отвечала Феано, – но она не всем принадлежит» ⁵⁴⁵. Об этой же самой Феано рассказывают следующее. Спрошенная: «через сколько дней после соспания с мужчиной женщина может присутствовать на празднике Фесмофорий», она дала такой себя достойный ответ: «Если это муж ее, то сей час же; а если не муж, то никогда». Фемисто лампсакиянка, дочь Зоила, жена Леонтея лампсакиянина, была последовательницей философии

Эпикура, подобно тому как Мюйя ⁵⁴⁶, дочь Феано, принадлежала к пифагорейцам. Аригнота ⁵⁴⁷ писала о жизни Диониса. Дочери Диодора, прозванного Кроносом, все были сильны в диалектике, как об этом свидетельствует Филон диалектик ⁵⁴⁸ в своем «Менексене». Вот им передаваемые имена их: Менексена, Аргейя, Феогнис, Артемизия, Пантаклейя. А я напомним здесь о некоей Гиппархии маронитянке, жене Кратеса, принадлежавшего к школе Циников, в честь которой в Пойкилии и «кюногамии» были справляемы. Арета, дочь Аристиппа, киренейка, была слушательницей философии своего отца и сама в свою очередь имела слушателем некоего Аристиппа же, прозванного «митродидактом» за то, что первоначальное образование получил он от своей матери. Между учениками Платона была и аркадянка Ласфенейя и флиасиянка Аксиофея. Аспазия милетская ⁵⁴⁹, из-за которой комики такой шум поднимали, имела полезное влияние на Сократа и его философию, а также и на Перикла и его ораторство. Из опасения затянуть речь, умолчу о других. Не буду распространяться и о поэтессах: Коринне и Телесилле, Мюйе ⁵⁵⁰ и Сафо; – ни о женщинах-художницах как Ейрене, дочери Кратина, и Анаксандре, дочери Нэалка, как это открывается из «Сюмпозиак» Дидима. Евметис, дочь мудрого Клеобула, царя Индусов, не нашла для себя постыдным вымыть ноги гостей, которых принимал ее отец. Подобно сему жена Авраама, блаженная Сарра, сама приготовила для Ангелов хлеб и сама испекла его в золе. У Евреев девочки даже и царской крови занимались пасением овец ⁵⁵¹. Навсикая у Гомера сама идет мыть белье в ключевой воде ⁵⁵². Женщина целомудренная первее всего собою должна подавать мужу, если это возможно, пример совместного следования по пути к блаженству. Если же ей не удастся это, пусть шествует к добродетели одна, повинаясь во всем своему мужу, не прекословя его воле, за исключением того что касается добродетели и спасения. Мужчина, который выгнал бы из дома жену или служанку за то одно, что они с нелицемерной искренностью исполняют Божественные заповеди, достиг бы не иного чего, как выпроводил бы из дому

праведность и воздержность. Быть не может, чтобы мужчина или женщина что-либо понимали в своей науке, если они практически ее не изучали, не размышляли о ней, не были заняты ею. Добродетель же не от иного чего зависит, как от нас всецело. Насилием и притеснениями можно у нас отнять все другие богатства; добродетель же, которая составляет содержание нас самих ⁵⁵³, никогда не может быть отнята у нас, хотя бы кто и неусыпно стал упорствовать в сем. Добродетель есть дар небесный и только Бог один властен над ней. Вот почему невоздержность составляет достояние лишь невоздержных, а воздержность есть благо лишь человека, умеющего владеть своими пожеланиями.

20. Обязанности благонравной жены

Еврипид, начертывая портрет супруги, любящей своего мужа любовью благонравной и честной, преподает ей такие советы:

Что бы ни сказал муж, супруге следует
Находить это прекрасным, хотя бы сказанное
Вовсе и не было таким:

Жены задача своему супругу нравиться.

Тот же самый писатель в другом месте пишет следующее:

Прекрасно убеждаться, что во дни несчастий жена

Печалится со своим мужем,

Что она берет на себя половину его скорбей, но и радостей.

Потом, рисуя жены кротость и нежность, когда постигнут муж напастьми, он прибавляет:

Болею я твоею скорбью, вхожу в твои печали,

Вполовину разделяю все твои бедствия.

И в другом месте:

Ничто из того, что терплю я для тебя,

Не тяготит меня. Любимых жребий, и добрый и дурной,

Переносить возможно; в чем же иначе и дружба?

Вот почему *священ* брак и по заповедям Логоса и совершен, если послушна брачная чета воле Божией (1Тим. 4:5), если во взаимных ее отношениях господствует *искренность и полное доверие*, если *душа чиста от скверн злой совести*, если *тело омыто водою чистою*, если *остается она твердою в исповедании веры*, раз принятой ею и благ ее, раз ставших предметом надежды. *Потому что верен Обещавший* (Евр. 10:22,23). Не следует полагать счастье брака ни в богатстве, ни в красоте. Где же она пребывает? В добродетели.

Красота, – говорит трагический поэт, –

никогда еще не давала сил жене удержать при себе

Сердце мужа. Добродетель же напротив полезна была большинству их.

Действительно, всякая добродетельная женщина,

Раз она связана союзом брака с мужем,
Остается строгою исполнительницей обязанностей
стыдливости.

Потом писатель в виде предостережения прибавляет:

Пункт первый такой: Всякий мужчина, хотя бы он уродом
был,

Должен о том стараться, чтоб казаться жене красивым,
хотя б она и не была очень умна.

Потому что о сем не глаз ведь, а ум ее судит и проч.

Писание с великой мудростью сказало, что жена Богом дана
мужу в *помощницы* (Быт. 2:20). Отсюда вытекают для нее
обязанности и цель. Неприятностям, какие могут быть ей при
общении с мужем, она противопоставляет рассудок, средство
сильное, но вместе и убедительное. Если же муж не склоняется
на ее убеждения, пусть она, насколько это дано человеческой
природе, старается себя держать чистою от греха; жить ли
нужно было бы или умереть, пусть она остается верною Логосу.
Пусть она остается убежденною, что в течение как жизни всей,
так и в час смерти она может рассчитывать на
помощь и поддержку Божественные: близость к Богу
действительно никогда и никого не обманывала. Спасает Он как
в настоящем, так и в будущем. Пусть она имеет Его
руководителем своих действий; пусть она считает своими
обязанностями целомудрие и праведность, своей последней
обязанностью по смерти стать угодною Богу. Открываю
послание Апостола к Титу и там читаю такие мудрые советы:
*Старицы и в одежде должны обнаруживать святую
скромность, не злословить, не предаваться вину, учить добру
молодых женщин, внушая им любить мужей и детей, быть
благоприличными, воздержными, о своем доме
попечительными, добрыми, своим мужьям покорными, дабы на
слово Божие не было хулы* (Тит. 2:3–5). Еще больше говорит
Апостол в другом месте: *Старайтесь иметь мир со
всеми и святость, без которой никто не увидит Бога.*
Наблюдайте, чтобы не нашелся какой-либо чужой склонности
преступный заискиватель или какой-нибудь нечестивец, как
Исав, который, чтобы раз насытиться, продал право первенства;

смотрите, чтобы какой-нибудь горький корень, пустив отпрыски, не заглушил собою доброго семени и чтобы не осквернил собою души многих (Евр. 12:13–17). Потом как будто для того, чтобы прибавить последнюю черту к вопросу о браке, Апостол присоединяет: *Во всех вещах да будет брак уважаем и брачное ложе безупречно, ибо преступных заискивателей преступной склонности у женщин судит Бог.* Одна и та же и единственная цель и один и тот же самый конец существует как для мужчины так и для женщины. О христианине совершенном Петр следующее сказал в своем 1-м послании: *Это должно вам доставлять радость даже и теперь, что для столь короткого времени вы огорчены многими соблазнами, дабы ваша вера, укрепленная и испытана будучи как золото в горниле, оказалась драгоценнее гибнущего сего металла, и найдена была достойною похвал, чести и славы в день явления Христа Иисуса, которого вы любите, хотя и не видели и в которого вы верите, хотя доселе не видели еще. Ибо надеетесь, что будете взысканы радостью невыразимой и славной, достигнув и наград за свою веру, которая есть спасение ваших душ (1Пет. 1:6–9)* Вот почему Павел гордится, что из-за Христа был в трудах больших чем кто-либо, что получил за Него больше ударов чем другой кто, и что весьма часто из-за Него близок был к смерти (2Кор. 11:23).

21. О совершенном христианине, или истинном гностике (мудреце)

Здесь я уместным нахожу заявить, что совершенства христианин, по крайней мере по моему пониманию, может достигать различным образом, смотря по природе избранной им добродетели. Можно себя совершенным заявлять в набожности, в терпении, чистоте, делах благотворительности, в исповедничестве и познании. Одновременно же достигать совершенства в каждой из этих добродетелей, я не знаю, дано ли какому человеку, доколе он человеком остается. Разве только Тому это было свойственно, Кто ради нас на Себя принял человеческую природу, чтобы воплотить в Себе это великое преимущество. Ибо кто из людей в глазах закона должен считаться совершенным? Тот, кто мог бы похвалиться непричастностью ко всякого рода злу. Но это путь, ведущий к Евангелию и ко всякого рода добродетелям. Гностическим совершенством для каждого человека. живущего под законом, посему состоит вера в Евангелие. Только ею человек подзаконный бывает возвышаем до совершенства. Поэтому-то Моисей, живший под властью древнего закона, и предвозвестил, что должно повиноваться этим древним постановлениям для того, чтобы стяжать Христа (Втор. 18:15; Деян. 3:22; 7:37), который, по Апостолу, есть полнота закона (Мф. 5:17; Рим. X. 4). И мудрец истинный (гностик) быстро переходит к сей вере в Евангелие. Это не потому только, что закон служит ему ступенью к принятию сего нового закона, но и потому, что истинный гностик пользуется законом и смысл оного так понимает, как он изъясняем был Апостолам самим Господом, Виновником обоих заветов.

Невозможно, чтобы истинный мудрец подвигался в добре вперед лишь вяло; потому что он устрояет свою жизнь мудро. Сверх того, своим безупречным поведением свидетельствуя о Боге, он и мучеником состоит, и мучеником притом по любви. Сим исповедничеством он приобретает и высшую славу, какой только можно достигать между людьми. Но, несмотря на все эти

заслуги, он все-таки не может считаться совершенным, доколе остается заключенным в это тело. Этого священного титула сей гностический свидетель о Христе достигает лишь при конце жизни, потому что только тогда ему случай представляется заявить о своей вере совершеннейшим делом и в великий сей день суда увидеть совершенство своих дел, а также и последствия их. Поддержанный милосердием Божиим, просвещенный мудростью Его, он запечатлевает свое самоотвержение кровью и испускает дух, полученный от Бога, истекая ею. Начиная с той минуты он блажен и по праву считается за совершенного, *чтобы величественнейшее между нами было усвояемо по Апостолу, всемогуществу Божию, а не нам.* Спасаемы мы с одной стороны только добрым своим произволением при выборе, с другой милосердием Божественным. *Мы терпим всякого рода притеснения, но ими не стеснены; мы находимся в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; нас преследуют, но мы не остаемся беспомощными; мы низлагаемы, но не погибаем (2Кор. 4:7–9).* Нужно, продолжает Апостол, чтобы стремящиеся к совершенству никому ни в чем не служили соблазном, но чтобы они во всех отношениях оказывались достойными одобрения не только от людей, но и от Бога. Добавить следует: и чтобы они были послушны людям; этого требует рассудок по причине насилий и проклятий, которые на себя навлекают непослушные. Слава наша (не в непослушании, а) *в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в стесненных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдительности, в постах, в чистоте, в познании, в великодушии, в благодати, в делах Духа Святого, в нелицемерном милосердии, в слове истины, в силе Божией (2Кор. 6:4–6), дабы нам быть храмом Божиим (2Кор. 6:16), очищенным ото всего, чем оскверняются тело и дух (2Кор. 7:1).* И Я, продолжает Апостол именем Божиим, *прииму вас и буду вам Отцом и вы будете Мне сынами и дочерьми (2Кор. 6:17,18).* Итак, будем совершать дело освящения нашего, говорит Апостол, *в страхе Божиим (2Кор. 7:1).* Потому что хотя страхом и порождается печаль, но я радуюсь, говорит он же, *не потому что вы опечалились, но*

что сия печаль вас довела до покаяния. Печаль, вами испытанная, вас постигла по воле Божией, и таким образом вы не понесли от нее из-за нас никакого вреда. Ибо печалью ради Бога производится неизменное покаяние во спасение, тогда как печалью сего мира порождается смерть. И действительно. Смотрите, что произвела в вас эта печаль по Бозе, вами пережитая: какую заботливость, какие извинения, какое негодование, какой страх, какое желание, какую ревность, какую взыскательность за преступление! Всем своим поведением вы показали, что в сем деле вы были чисты и безупречны (2Кор. 7:1,9–11). Таковы упражнения, предшествующий вступлению христианина на гностическое поприще. Но так как Вседержитель Бог сам поставил одних Апостолами, других пророками, этих евангелистами, тех пастырями и учителями, чтобы они трудились над усовершенством святых чрез исполнение обязанностей своего служения, чрез созидание тела Христова, доколе все мы придем во единство веры и познания Сына Божия, в меру полного возраста Христова (Еф. 4:11–13), то должны стремиться к сему мужескому возрасту чрез познание; должны мы подходить к совершенству как можно ближе, хотя мы и облечены еще плотию. И мы сего достигнем, если еще здесь на земле сердцем и духом состоять будем в союзе с Богом, если будем согласовать свои действия с Его волей, чтобы чрез полноту Христа, в котором все совершенства совмещены в степени неограниченной и окончательной, восстановить нам привилегии своего благородства и своего высокого происхождения.

Мы понимаем теперь, почему, как и когда человек бывает совершен, по воззрению преславного Апостола и какие существуют различия, по пониманию его, между людьми, достигшими совершенства. Дары Святого Духа, говорит он в другом месте, обнаруживающиеся вовне, распределены между членами церкви для пользы ее. Один получил от Святого Духа дар говорить разумно, другой от того же Духа говорить с знанием дела, третий опять от того же Святого Духа дар веры; иной приемлет от Святого Духа дар исцелять болезни;

еще иной творить чудеса; другой – дар пророчества, сей распознавание духов; этот – дар говорить на разных языках, тот истолковывать сказанное на них. Все же сие творится одним и тем же Духом, разделяющим свои дары, как Ему угодно (1Кор. 7:7–11). При таком Управителе пророк совершен в своем пророчестве, праведник в своей праведности, мученик в кровавом своем свидетельстве о Христе, другие же в проповеди о Нем. Мы не хотим того сказать этим, что они не заняты делами добрыми, простыми, но только то, что они заявляют себя с отличной стороны лишь в той добродетели, к выполнению которой Богом призваны. Кто же из здравомыслящих может сказать например, что пророк действует не по правде? Но и праведным равным образом не свойствен ли подобно как Аврааму дар пророчества?

Одному, говорит Гомер, Бог даровал уменье себя вести на войне,

Другого одарил способностью к пляске;
этого способностью играть на кифаре,
того – сладостью песнопения

(Ил. XIII, 731,

732).

Но каждый имеет свой дар от Бога, один так, другой иначе (1Кор. 7:7). Апостолы же исполнены были всеми дарами. Проследите, если вам угодно, их «Деяния», прочтите их писания, и вы найдете, что свойственны им были и знание, и добродетель, и дар проповедания, и непорочность, и дар пророчества. Нужно однако же заметить, что Павел хотя и относится по жизни к эпохе сравнительно более близкой к нашему времени, потому что он явился только после Вознесения Спасителя, но его послания имеют тесную связь с ветхозаветными. В них он почерпает свое вдохновение, их выражениями говорит. Ибо верой во Христа и знанием Евангелия закон истолковывается и пополняется. Потому и сказано Евреям: *Если не будете иметь веры в сказанное Мною, то и не постигнете того (Ис. 7:9).* Что сим выражено? А то, что если не будете веровать в Того, чье пришествие предсказано и предъизображено в законе, то

Ветхого Завета не уразумеете, потому что воплотившись Спаситель уже этим одним объяснил его.

22. Принципом образа мыслей и действий истинного мудреца (гностика) не должны быть ни боязнь наказания, ни надежда на награду. Управлять им должны только любовь к доброму и прекрасному, усматриваемому в нас самих

Итак, чертами, характеризующими истинного мудреца (гностика) состоят рассудительность и дальновидность. Но деятельность его не ограничивается только воздержанием от зла; это лишь ступень к высшему совершенству; но и в преданности добру не страху он послушен. Написано: *Куда убегу и куда скроюсь от лица Твоего? Взойду ли на небо, Ты там. Отойду ли на край моря, и там десница Твоя. Сойду ли в бездны, и там Дух Твой* (Пс. 138:7–10). И не вследствие обещанной награды гностик добродетелен, ибо сказано (Откр. 22:12): *Вот Господь и награда Его пред лицом Его* (Ис. 15:10; 62:11), *чтобы воздать каждому по делам его* (Пс. 61:13; Рим. 2:6). Глаз не видал, ухо не слыхало и на сердце человеку не вошло, что уготовал Бог любящим Его (1Кор. 2:9). Что же состоит двигателем гностика? Не деятельность ли добрая, своими корнями утверждающаяся в любви? Не добро ли, ради красоты его и ради его самого достопочтенное? Не самим ли Богом (Отцом) сказано Сыну: *Проси и дам Тебе народы в наследие* (Пс. 2:8). Вот просьба Царя поистине достойная. Она и нас научает просить Царя вселенной о даровании человечеству туне (даром, безвозмездно. – Прим. ред.), без всяких с его стороны заслуг, спасения. дабы соделаться всем нам наследием Господа и достоянием Его. Напротив стремиться к познанию Бога с целью приобретения от того какой-либо выгоды, – чтобы то-то произошло, а этого чтоб не случилось, – это не в правилах гностика. Ему не нужна иной цели для созерцания кроме самого созерцания. Смее утверждать, что не из-за желания спастись человек должен стремиться к познанию Бога, а должен принимать и усваивать

оное из-за Божественных красоты и величия, святости, превосходства и превыше естественности самого этого знания. И подлинно. Разумение вследствие постоянного упражнения становится началом определяющим. Постигание бессрочное, постоянное, – вот сущность гностика; деятельность – связная, неослабная, непрерывная. И эта никогда не приостанавливающаяся созерцательная деятельность становится в гностике оживляющим его субстанциональным началом. Предположим, допустим следующее. Вот гностику предложен выбор между Богопознанием и вечным спасением. Положим, что два эти дела, ни в каком случае неразделимые, могут одно от другого быть отделены. Ни одного мгновения не колеблясь, гностик выбрал бы Богопознание. Он рассуждал бы в этом случае так, что всегда и во всем следует, дескать, отдавать предпочтение силе самой в себе, в настоящем случае этой способности, которая присуща вере и от нее неотделима, этому свойству ее: чрез проникновение нашего существа любовью нас доводить до познания. Первым началом доброй деятельности человека вполне совершенного состоит такое: действовать не в видах блага личного. Раз он рассудил, что добродетель собою представляет нечто прекрасное и достославное: пламенный импульс его души уже постоянно и с энергией побуждает его к добру из-за самого добра. Его не увидишь ныне добродетельным, а завтра преступным или к добру безучастным: путь его точен и утвержден на добре непреложно.

С другой стороны гностик держит курс своей жизни по образу и подобию Божию не для стяжания себе славы или известности: и не ожиданием награды от Бога или от людей руководится при сем, как утверждают философы. Если же происходит, что за добро, творимое гностиком, ему отплатил бы кто противным, то забывая обиду он мысль о возмездии за злом от себя отбрасывает как и всякую другую злую, помня что и Господь оказывается благим и правосудным как к злым так и к добрым, как по отношению к праведным так и к неправедным (Мф. 5:45). К тем, кои одушевлены сим чувством, Господь обращается с таким словом: *Будьте совершенны*

как и Отец ваш небесный совершен есть (Мф. 5:48). Для гностика плоть уже умерла; только он один еще жив в ней (Гал. 2:20). Это погребение себя в самом себе служит ему фундаментом для созидания на оном святого храма, посвященного Богу (1Кор. 3:16), в коем душа его, доселе поработанная греху, возносится к Богу ⁵⁵⁴. О нем тогда нельзя бывает сказать: «вот он воздержен»; он достигает такой бесстрастности, столь затруднен для обыкновенных человеческих страстей доступ в его душу, что он ожидает уже только облечения себя в Божественный образ (Флп. 2:6) ⁵⁵⁵.

Когда творишь милостыню, говорит Господь, пусть никто не знает об этом (Мф. 6:1). И когда поститесь, умастите голову свою, чтобы о вашем посте один Бои знал (Мф. 6:16,17), из людей же никто. Но милосердый и сам не должен знать о своем милосердии (Мф. 6:3); иначе порой он будет милостив, порой нет. Когда же милостыня им будет раздаваться по навыку в ней и потому, что уже свойством этим он проникся, то с добром уже самой своей природой он сблизится. Не дадим в душе места напыщенной надежде, что намеченная цель может быть достигнута разовым возвышенным усилием; ее достигнуть возможно лишь смиренным хождением по земле; шаг за шагом должны мы пройти весь узкий путь здесь (Мф. 7:13–14) Слова *быть привлечену Отцом* (Ин. 6:44) указывают на обязанность заботиться о том, чтобы заслужить сообщение нам силы и действия благодати, исходящей от Бога, дабы благодаря ей беспрепятственно идти вперед и восходить по трудному пути добродетели.

Если случается, что избранный терпит ненависть от людей, то он, зная их неведение, сожалеет об ослеплении их образа мыслей. Не без причины происходит это; что познание, оживлено будучи любовью, учит невежд и наставляет в каждой твари уважать творение Вседержителя. Если гностик научился любить Бога, то добродетель его с тех пор никаким образом неутрачивается ни во сне ни наяву, ни от какой-либо вещи чувственной. Ибо что сделалось субстанциальной принадлежностью его духа, то не может отпадать от условий своего существования, будет ли эта принадлежность познанием

или вам угодно было бы назвать ее внутренним расположением: потому что господственная часть души чрез то самое, что она никогда не живет чужими мыслями, в своем действии неизменна и ничего не принимает из изменчивых форм, проходящих пред нею; она даже и во сне не преследует никакого из этих образов, которые проходят пред нею ночью, между тем как они беспокоят умы тех, кои были волнуемы ими днем. Вот почему Господь нам также заповедует *бодрствовать* (Мф. 24:42), чтобы наша душа никогда, даже и во сне, не была тревожима страстями. Его воля, чтобы образ нашего бытия и во время ночи так же был упорядочен (1Сол. 5:8), как и во время дня и чтобы мы и свой сон хранили чистым и непорочным. Способом достигать подобия Божия настолько, насколько это зависит от нас, состоит поддержание в нашем духе постоянного расположения к тем самым вещам. Таково уже свойство духа, поколику он дух, что причиной его изменчивости и его уклонений состоит слишком сильное воспламенение вещами материальными. Вот причина, почему Эллины называли ночь «доброй советницей» ⁵⁵⁶, потому что душа, высвободившись тогда из-под власти чувств, входит в саму себя, чтобы отдаваться здесь вполне внушениям мудрости. Вот почему и мистерии также справляются особенно ночью как будто для того, чтобы изображать собранность, которую производит на душу ее отрешение от тела во время мрака. *Итак, не будем так предаваться сну как прочие, но будем бодрствовать и трезвенность в себе поддерживать, ибо спящие спят ночью и упивающиеся упиваются ночью. Мы же, будучи чадами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и вместо шлема в надежду спасения (1Сол. 6–8).*

Говоримое о сне может быть сказано и о смерти. И тем и другим состоянием изображается самоуглубление души: смерть есть образ сего уклонения ее в саму себя полный, сон – ослабленный. Гераклит, если б спросить его, дал бы нам такой же урок. «Смерть, – говорит он, – приближается к сну, потому что человек умерший объемлется ночью, погасая для радостей света; человек же живой приближается к состоянию мертвых, когда закрывает глаза свои для сна; в состоянии же

бодрственным человек приближается к состоянию спящего, когда закрывает глаза». Блаженны действительно, по выражению Апостола, те которые видели Господа ⁵⁵⁷, потому что наступил уже час проснуться от нашей беспечности. Ибо ныне мы много ближе к нашему спасению, чем когда принимали веру. Глубокая ночь прошла, настал день. Итак, оставим дела тьмы и облечемся в оружия света (Рим. 13:11,12). Апостол метафорически называет Сына именем дня и света, а заповеди по другой метафоре *оружиями света*. Вот почему нам заповедано к престолу для жертвоприношения и молитвы приступать очищенными омовением и блестящими по внешнему виду, одетыми в богатую одежду. Нужно символ видеть в этих повелениях, предписывающих очищать и украшать внешность. Истинное очищение состоит в поддержке в себе святых чувств и мыслей. Этими омовениями, положенными законом, предание о которых от Моисея дошло и до светских писателей, изображается христианское крещение. У этих писателей читаем: Пенелопа идет в храм молиться, предварительно

Омывшись в чистой воде и надевши чистые одежды

(Одис. IV, 751, 752; XVII,

48, 58).

Телемак же обращается с молитвой к Афине,

омыв свои руки в пенистых волнах моря (Одис. II, 261).

У Евреев также был обычай очищаться каждый раз post concubitum. Полно мудрости слово это

Менее водой, а больше духом очищайся.

Это чистота совершеннейшая, я полагаю, если кто душой чист, если дела чьи безупречны, если мысли чьи непорочны, если слова чьи как солнце ясны; наконец, если душа чья остается девственной и во сне. Для человека, полагаю, достаточно и одного этого очищения, которое представляет собою искреннее и непреклонное покаяние, когда осуждая себя за прежние греховные деяния, мы начинаем на будущее время жить лучше, просвещены будучи в своем разумении и освобождая свою душу из-под глыб чувственных

удовольствий и предшествовавших грехов. Если бы мне нужно было дать словопроизводство слова наука (ἐπιστήμη), то я обратил бы внимание на составную часть его στάσις, слово которым обозначается покой, потому что наука останавливает наше внимание, до той поры изменчивое и нерешительное, на сущности вещей. То же самое слово входит в состав и веры πίστις; вера действительно есть остановка духа, успокоение на том, что подлинно существует. Мы христиане всегда стремимся узнать относительно всякого дела правду; если какое дело хочет оставаться вечно праведным, то не должно оно бояться ни наказаний, коими грозит закон, ни ненависти современников опасаться или мщенья за добродетель; ни пред опасностью наконец оно не должно трепетать, в которую ввергают его преступность и низость. Воздерживаться от неправды по побуждениям подобным, это значит быть добродетельным из-за страха, а не по личному добру всем предпочтению.

Эпикур говорит, что «мудрец, или по крайней мере тот, кого он считает таковым, никогда не решится совершить какую-нибудь несправедливость, несмотря на все выгоды, какие он мог бы извлечь отсюда, потому что он никогда не может быть уверенным, что несправедливость его останется тайной». Итак, Эпикур, мудрец твой мог бы совершить зло, если б ему можно было быть уверенным, что оно никогда не будет открыто! Таково-то твое учение. Оно – тьма. Нет, если будешь удаляться от неправды в надежде даже и на награды, назначенные Богом за добрые дела, то даже и в этом случае не засвидетельствуешь еще своей добровольной расположенности к добру. В первом случае праведность порождается страхом, а во втором наградой, но и не праведность, ошибся я, а только тень праведности. Надежда же на воздаяние добром по смерти для благонамеренных и злом для злых свойственна не только тем, кои следуют варварской (еврейской) философии, но и Пифагорейцам. Они разделяют то же самое учение. Потому что надежду на сие они ставят целью для тех, кто предан их философии. Сократ говорит в «Федоне», что «души людей добродетельных оставляют мир сей с надеждою на блаженство». Потом, осуждая злых, он говорит

противоположное: «Они живут, себе ожидая злого воздаяния». Гераклит в своем рассуждении о человеке говорит то же что и Сократ: «Ожидает его по смерти такое состояние, которое не может быть предметом ни надежды ни расчета». Апостол значит Богом был вдохновляем, когда писал к Римлянам: *От скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыждает* (Рим. 5:3–5). Терпение и действительно страдает, надеясь на будущее. Надеждою же одновременно означает не только соделывание себя достойным ожидаемого, но и получение ожидаемого. В этом последнем отношении *надежда не будет посрамлена*, потому что обладать она будет благами не какими-либо изменчивыми или призрачными. Человек, преследующий свое призвание из-за него самого, единственно из-за того, что он призван, он стремится к познанию не страхом побуждаемый и ему угрозами; и не из-за привлекательности удовольствий он предан своему делу. Он не расследует, будет ли его деятельность сопровождаться какими благотворными последствиями или доставит ли ему какое-либо удовольствие она; он воздает Богу следующее ему почитание, увлекаемый любовью к тому, что действительно любезно, и следуя лишь своему долгу. Предположите, если хотите, что Бог уполномочил его безнаказанно следовать запрещенному; предположите, что ему обещано блаженство за нарушение закона; предположите даже, хотя это и невозможно, что дела его остались бы Богу неведомыми: все-таки он никогда не согласится допустить в своих действиях чего-либо противоразумного. Как скоро истинно-прекрасное и само по себе желательное им в качестве именно таких дознаны, к ним он и стремится как к предмету достолюбезному и стоящему того, чтоб к нему стремиться. Истинное благо и действительно состоит не только в поддержании и питании тела. Гностик наш знает, что соделывает нас Богу угодными не пища (1Кор. 8:8), не брак и не безбрачие, наблюдаемое вследствие заблуждения рассудка, а добродетель, исходным своим началом имеющая свет и мудрость. Если же это не так то и собаке, животному разума лишенному, должна быть усвоена добродетель

умеренности, потому что и она не дотрагивается до пищи, как скоро занесена над ней палка хозяина. Отмените обетования людям добродетельным; устраните страх им грозящий и опасность, висящую над их головами, и вы увидите, что творится в глубине душ их.

23. Мудрец истинный (гностик), насколько от него зависит, воздерживается ото всего, что льстит чувственности и жертвует благами этого рода для ВЫСШИХ

Люди, отклоняющиеся от истинного (православного) образа мыслей, не довольно глубоко проникают в природу вещей, когда в согласии с реальной действительностью и голосом разума не хотят того признать, что все созданное для нашей пользы хорошо; что прекрасны и брак и имение детей, если все это сопровождается рассудительностью и воздержанием от страстей. Но еще лучше из-за уподобления Богу полная свобода от страстей⁵⁵⁸; прекрасно пристроиться к добродетели и сжиться с нею. Люди превратного образа мыслей из вещей внешних, будут ли это полезные или же вредные, от одних воздерживаются, от других же нисколько. Но даже и худшее нечто с ними происходит отсюда. Их воздержание от некоторых вещей и питаемое ими к ним отвращение заставляет их клеветать и на тварь и на Творца; по видимому это образ мыслей правоверный, на самом же деле и в своих основах он нечестив. Эта заповедь: *Не пожелай*, она не нуждается ни в подкреплении ее устрашением, которое нас вынуждало бы воздерживаться от некоторых любезных нашей чувственности деяний, ни в завлечении к тому наградой, которое указанием на оную побуждало бы нас обуздывать в себе преступные пожелания. Не увлекающиеся приманками плотских удовольствий воздерживаются от них вовсе не в силу следования заповеди самой в себе, а ради обетования, ради благ, обещанных тем, кои выберут послушание и будут повиноваться Богу. Ибо поистине даже и за отвращением от вещей чувственных еще не необходимо следует обращение к вещам умозрительным. Лучше сказать отвращение сие от чувственного происходит вследствие обращения к умозрительному. Обращение с вещами, постигаемыми единственно разумом, естественным образом отвлекает гностика от вещей чувственных; чрез выбор того что прекрасно

он с полным сознанием избирает добро; он удивляется тайне произрождения и чтит ее, храня нерушимо закон Создателя; но он чтит и блюдет свято также и уподобление Богу, нас приближающее к Нему. Он говорит: «Однако же, Господи, я хочу свободным быть ⁵⁵⁹ от пожеланий, чтобы быть тем в теснейшем союзе с Тобой. Устройство сего мира прекрасно и законы, управляющие творением, полны мудрости. Ничего здесь не происходит без причины. Требовалось, о Вседержитель, чтобы я жил среди дел рук Твоих. Но находясь среди их я пребываю в Тебе. Да будет от меня далек страх, чтобы мне в состоянии быть приближаться к Твоему величию. Доколе остаюсь я здесь на земле, желаю я довольствоваться малым, стараясь подражать правосудию Твоего избрания, которое добро истинное различает от мнимого».

Из святейших и таинственнейших учений Апостола мы научаемся, избрание чего нами Богу по истине угодно. Этот выбор по его учению, состоит менее в том, чтобы отречься от известных вещей, как если б они были дурные, а более в том, чтобы чтить другие, более ценить блага высшие, несравнимые с вещами обыкновенными. Вот напр. подлинные его слова: *Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающий поступает лучше (1Кор. 7:38)*, озабочивая ее благочестием и беспрепятственным служением Господу (1Кор. 7:35). Мы научены, что вещи трудно приобретаемые вовсе значит и не необходимы; между тем как вещи необходимо нужные милосердием Создателя даны нам как бы в руки. Демокрит посему прав был сказав, что природа и учение суть вещи почти тождественные. В немногих словах мы выясним здесь и причину сего. Учению поистине свойственно слагать и устроить человека; оно его устраивает так же, как инструмент бывает настраиваем. Вводя же в человека строй и согласие, учение создает в нем новую природу. И в этом отношении дело безразличное, как происходит в нем это преобразование в нового человека, бывает ли оно делом естественным или же он изменяется в новый вид от времени, или же от усвоения известного учения. Благо и то и другое равно происходит от Господа: одно исходит от Него как от

Творца мира, другое истекает от Него как от Восстановителя мира и Обновителя в новом с ним завете. Выбирать же должно особенно то, что всего более одобряется главнейшей и благороднейшей частью человеческого существа; а таковой состоит разум. Итак, если выбор будет происходить под руководством разума, то истинно доброе окажется вместе с тем и приятнейшим, и дела и вещи так выбранные уже сами по себе дадут ожидаемые добрые плоды; я хочу сказать: занятие ими внесет в душу тишину, ясность и спокойствие. *Слушающий меня, говорит Писание, будет жить в мире и почиет с надеждою, ни от какого зла душа его не смутится (Притч. 1:33).* Уповай всюю полнотою сердца твоего и всего разумения твоего на Бога (Мф. 22:37; Лк. 10:27). Уже такое поведение может уподоблять истинного мудреца Богу. *Я вам сказам: Боги вы и сыны Вышнего (Пс. 81:6).* И Эмпедокл души мудрецов также причисляет к богам, говоря:

Наконец первенствуют, между мертвыми прорицатели, слагатели гимнов и врачи.

По оставлении земли, они бывают возрождаемы богами

И окружаемы наивысшими почестями.

Человек, рассматриваемый с точки зрения отвлеченной и абсолютно, носит в своей конструкции идею духа, который к его организации действительно и присоединяется. Не без образца он зарождается в лаборатории природы, где вообще происходит таинственное произхождение человечества, потому что субстанция его и форма ее общи человеку со всеми другими тварями. Но, будучи взят в отдельности, человек в своем существе воспроизводит тип, предносящий ему предметы достойные особенной его любви. Вот то, что дает нам основание утверждать, что Адам по своей организации был совершен, ибо ему ничего не доставало, чем характеризуется идея человека и его внешний образ. Совершенство он получил одновременно с жизнью и оно было оправдываемо его послушанием. Вот то, что имело в нем постепенно возвышаться до зрелости; этим была его способность совершенствоваться; я хочу сказать: этим была его свободная воля, что его воля могла

выбирать и что она выбрала плод запрещенный, грех сей не должен быть усвоением Богу. А произведения два вида: есть существа рождающиеся и есть вещи происходящие.

Мужество, так как человек по природе своей подвержен страстям и душевным волнениям, говоря языком общеупотребительным, делает его бесстрашным и всякому, кто следует его внушениям, сообщает непобедимость. Крепость сердца служит так сказать оруженосцем для духа, его поддерживая в терпении, в безропотной покорности и других подобных добродетелях. Воздержность же и рассудительность с их благотворными влияниями собою остепеняют пожелание. Бог же бесстрастен; не свойственна Ему гневливость в нашем смысле этого слова; не имеет Он пожеланий; не объемлется страхом, так как Ему не нужно бывает избегать опасностей: Он вечно воздержен, так как Ему не приходится обуздывать своих вожделений. По своей природе Бог действительно и не может попадать в какую-либо опасность, не может Он подлежать страху; равным образом не имеет Он и никаких пожеланий; потому ему не приходится и обуздывать их. «Нужно, – говорил Пифагор, – чтобы человек вырабатывал в себе единство». Это слово Пифагора повторяется и у нас в смысле таинственном. Один у нас Первосвященник, один и Бог, неизменный по существу своему; от Него истекают и все блага. Спаситель, запрещая даже пожелание, тем самым в корне подсекает гнев, ибо гнев есть не иное что как пожелание мести. Вообще пожелание, какого бы свойства оно ни было, содержит в себе смятенность духа и навязывает ему состояние страстное. Всякий человек, научившийся обуздывать беспорядочные движения своей души, по своей невинности становится уже и участником природы Божественной и возвышается в своем существе до сего величественного состояния, которое именуется единством Божиим. Подобно тому как мореплаватели, желая снова к себе вытянуть ими же опущенный охранительный якорь, таща оный, сами к нему двигаются: подобно сему и истинный гностик, желая совершенством своей жизни привлечь к себе Бога, без собственного своего ведома сам тяготеет к Нему. Кто служит

Богу, тот значит служит и себе самому. В жизни созерцательной заботиться о своих дражайших интересах тождественно значит с почитанием Бога; и совершенство очищения по взаимному тождеству сущности доводит святость человека до созерцания святости Божией. Так человек воздержный, остающийся всегда рассудительным, постоянно наблюдающим за собою и себя созерцающим, никогда себе не изменяющим, уподобляется Богу, по крайней мере настолько, насколько это уподобление возможно.

24. Значение и цель скорбей, Богом возлагаемых на человека

С того самого мгновения, как какая-либо вещь и ее противоположность в наших руках, как напр. жить или не жить добродетельно, верить или не верить, с того самого мгновения ложно утверждать, что она в нашей власти. И из того самого обстоятельства, что мы господами оказываемся двух вещей противоположных, следует, что состоящее в нашей власти возможно. В нашей следовательно власти, исполнять заповеди или нет. Этому соответствует посему и то, что похвала или порицание суть следствие собственных наших действий; и если грешник бывает наказываем за совершенные им преступления, то несет он наказания единственно по своей воле и за свои грехи: от него зависело, что послано на него наказание. Пред тем закононарушения были; того же, что совершено было, нельзя сделать, как если б того не бывало. Грехи, совершенные ранее принятия веры, Господом прощаются. Но Он оставляет их не так, как если б их никогда не было совершено, а так изглаживает (следствия их), как если б грехов тех не произошло.

«Прощение не относится ко всем грехам, – восклицает здесь Василид; – оно относится только к невольным преступлениям, происшедшим от нечаянности и неведения». Отвечаем ему: Бог открывает нам сокровище своих даров не так, как сделал бы это человек. И священное Писание отвечает сему еретику: *Подумал в беззаконии своем нечестивец: буду я Ему подобен (Пс. 49:21)* ⁵⁶⁰.

Но и в том случае, когда мы бываем наказываемы за невольные грехи, то не потому это происходит, чтоб сделать грехи те не бывшими, но именно потому то мы и несем наказание, что они были нами совершены. Наказание еще не сообщает виновному сил и способов не грешить; оно только помогает ему впредь не грешить. Между прочим и всем другим оно как бы так говорит: «Берегитесь и вы впасть в те же самые грехи». По трем причинам здесь на земле всеблагий Бог

наказывает нас: во-первых для того, чтобы сам наказуемый сделался лучше; во-вторых, чтобы те, которые еще могут быть спасены, примерами наказанных ближних заблаговременно могли быть подготовлены к спасению; в-третьих и наконец, чтобы охранить от презрения того, кто сделался жертвой несправедливости и чтобы воспрепятствовать нанесению ему новой обиды. Способов же вразумления и исправления мы различаем два: один при посредстве учения, другой при посредстве наказания, которое называется поэтому и способом понудительным. Нужно еще и то знать, что наказываемы мы бываем только за грехи, нами совершенные после крещения ⁵⁶¹; грехи же ранние нам прощаются; что же до грехов позднейших, то мы нуждаемся в очищении от них. О неверующих же сказано: *Они считаются за пыль, ветром поднимаемую с поверхности почвы, за каплю воды, падающую из таза* (Пс. 1:4; Ис. 15:15; Прем. 11:23).

25. Истинное совершенство состоит в познании Бога и любви к Нему

«Счастливы человек, набравшийся ума-разума от науки. Блажен тот, кто не ставил целью своих действий ущерб и несчастье сограждан, ни других к делам несправедливости кто не поощрял. Блажен он, созерцая нескончаемую красоту вечной природы, старости непричастной, блажен он, зная в чем та красота состоит и каким образом и почему она остается неизменною. В людях этого рода никогда не возникает и намерения себе позволить действие бесчестное»⁵⁶². И Платон посему имел все основания сказать, что человек, «отдающийся созерцанию идей, будет жить между смертными как бы богом. Ум есть трон идей, а Бог есть престол ума». О человеке, ум коего обращен к созерцанию невидимого Бога, Платон сказал, что Бог он, живущий между смертными людьми. В «Софисте» Сократ элейца, своего гостя, отличавшегося в диалектике, также называет «богом» и приравнивает его к тем из них, которые под видом иностранцев посещают города (Одис. XVII, 485). Мудрец и в самом деле может представлять собою нечто богоподобное. Потому что когда душа его, возвышаясь над всем материальным, обращается лишь сама с собою и, ограничиваясь лишь личной своей жизнью, поддерживает отношения, как корифей в «Феэтете», единственно к миру идей, то возвышается она до состояния ангельского (Мф. 22:30), погружена своею жизнью во Христа; и обращена будучи к созерцанию Бога, чтит лишь Его волю. И по истине

Только вот такой человек и есть истинный мудрец;
Остальные же все не иное что как балансеры,
весоплясы на точке без опоры и подобны теням
скоротечным (Одис. X, 495).

Мертвые (духом), они действительно и заняты не иным чем, как похоронами своих мертвецов (Мф. 8:22). Посему-то и Иеремия сказал: Наполню Я город сей трупами сынов страны, пораженных Моим негодованием (Иер. 33:5).

Бог (Отец, непосредственно) непостижимый ⁵⁶³, не может быть (непосредственно) и предметом науки. Сын же в одно и то же время есть и мудрость и истина и наука, и наконец всем Он состоит, что может иметь ближайшее отношение к Богу. Он даже большее нечто. Он состоит разъяснением, но и исходным пунктом всего. Но когда и всеми силами Духа было создаваемо вместе все (Быт. 1:2), то было оно творением возводимо, собственно говоря, к одной центральной точке, к Сыну. Познать же все силы Его нет никакой возможности, потому что в действительности Сына представляет не единое что-либо; не в виде математической какой-то единицы Он существует ⁵⁶⁴; ниже множество, из частей слагающееся, Собою Он представляет; но это не есть существо и какое-то многосложное, допускающее присутствие в себе нескольких частей, нет; существование Сына нужно себе представлять так, что своим единством Он обнимает все, почему от Него и проистекает все. Он есть обод всех сил: они в Нем движутся и Им же объединяемы. И это причина, почему Логос именуется *Альфой и Омегой* (Откр. 1:8). Потому что Он есть единственное в своем роде существо, которого конец есть и начало, а начало которого есть и конец; и нет в бытии сего Существа перемежек, перерыва или меры ⁵⁶⁵. И вот почему верить в Логоса при посредстве Его же самого, это значит достигать единства с самим собою ⁵⁶⁶, что равносильно союзу с Логосом нераздельному, нерасторжимому. Не верить же в Логоса, это значит впадать в сомнения, блуждать по странам неведомым, разлучаться и разделяться на партии. Это-то и побудило Господа сказать: *Никакой сын иноплеменницы, необрезанный сердцем и необрезанный плотию*, т.е. нечистый и по душе и по телу, *не войдет во Мое святилище, ни даже и тот иноплеменник, который живет среди сынов Израиля; войдут только Левиты* (Иез. 44:9,10). Что же это за сыновья иноплеменницы? Это те, которые вместо того, чтобы верить, лучше желают оставаться не верующими. Истинными священниками Божиими состоят следовательно лишь те, кои ведут жизнь непорочную. Посему из всех племен и обрезывавшихся слыли под именем святейших те лишь, в среде коих сыны народа (именно в этом смысле)

облекаемы были, после помазания их священным елеем, обязанностями первосвященническими, царскими и пророческими. Посему запрещено было им даже дотрагиваться до трупов; не позволено было им входить даже в комнату, где лежал покойник (Лев. 21:1 и д.; Чис. 6:9,10 и д.; Иез. 44:25 и д.). Не потому это, как если бы самый труп становился чем-то оскверняющим, а потому, что грех и непослушание суть дела плоти, живут они в теле, с ним и умирают (т.е. по себе добрых плодов не оставляя); а вследствие этого самого и гнусны ⁵⁶⁷. Посему священнику позволялось входить в комнату покойника только в том случае, если это был отец его, мать, сын или дочь. Отношения плотские и кровные у священника ограничивались следовательно лишь сыновними и родительскими. В этой же ближайшей и непрерывной степени родства наследовалось путем рождения и звание священника. Посему священники и очищаться должны были в течение семи дней, периода по продолжительности равного творению мира. В день седьмой они праздновали покой Божий. В восьмой же день приносима была ими *умилостивительная жертва* за свой грех, как написано о сем у Иезекииля (Иез. 44:27). Ее нужно понимать в качестве заверения и утвердительного ободрения. Очищением же совершенным, по моему мнению, состоит воистину очистительная и примиряющая (с Богом) вера, чрез закон и пророки приводящая к принятию Евангелия. Эта Евангельская чистота и мир с Богом состоят в полном послушании Богу при отложении заботы о всех вещах земных и отрешении от них, продолжающемся и сохраняемом до дня, в который радостно и с благодарностью пользовавшаяся ими душа отдаст земле свою плотскую хижину (2Кор. 5:2). Затем сие очищение должно было происходить чрез семь годов субботних в том году, который приносил с собой субботу или покой высшие (Лев. 25:4–8 и д.). Этим означаются те семь небес, кои по некоторым представляют собою посредствующие ступени при восхождении нашем к Богу. Или же обозначается этим и прямо область звезд неподвижных, соседняя с миром сил умных, на которую пророк намекает

осминами ⁵⁶⁸. В эти семь седмин истинный гностик, по моему мнению, должен совсем отрешиться от мира явлений чувственных, а всего पहले от греха. Вот почему и жертвы во очищение грехов приносимы были в течение семи дней. Нужно тщательно наблюдать впрочем при сем круговороте времен, чтобы не осталось никаких следов от нечистоты греховной уже и к седьмой седмице (да кто-то еще и доживет до нее!).

Иов был человек праведный, и вот он говорил: *Наг я вышел из утробы матери моей, наг и отыду* (Иов. 1:21). Не то хотел он сказать сим, что оставляет мир сей не скопивши богатств: мысль была бы жалкая и пошлая, а то, что, как и следовало праведному, оставляет он землю эту непричастным злу и пороку, свободным и чистым от почитания не имеющих никакого определенного вида кумиров и призраков, кои и за гроб сопровождают людей, здесь живших бесчинно, нечестиво и несправедливо ⁵⁶⁹. То же самое обозначается и следующим изречением: *Обратившись, вы должны быть как дети* (Мф. 28:3), чисты телом, святы душою, воздерживаться от дел злых. Господь этим показывает нам, что Он желает нас видеть такими, какими мы вышли из лона водного ⁵⁷⁰. За рождением плотским должно следовать возрождение духовное, которым Господь хочет постепенно подготовить нас к бессмертию. *Светильник же нечестивых погаснет* (Иов. 21:10).

Эту чистоту души и тела, составляющую цель всех усилий и стремлений истинного гностика, премудрый Моисей очерчивает нам в изображении внутренней и внешней чистоты Ревекки, благоприлично обращая наше внимание на свое изображение чрез повторение своей мысли. Он описывает Ревекку в таких выражениях: *Девушка же была прекрасна: муж не познал ее* (Быт. 24:16). Ревекка значит: «слава Божия», а слава Божия состоит в нетленности, невредимости. Истинная праведность состоит в том, чтобы никогда не желать чужого и не вредить ближним, вообще же всею своей личностью представлять храм, посвященный Богу. Праведность! Она – мир и безмятежность жизни, ее крепость и непоколебимость. Когда Господь сказал женщине, Им исцеленной: *Иди с миром* (Мк.

5:34), то сим выражением Он не иное что заповедал ей, как обратил к той же праведности. А Салим значие мир, и наш Господь действительно носит титул «Царя мира» (Мф. 21:5: Лк. 12:15). Моисей именно на Него намекает, когда говорит о Мелхиседеке, царе Салимском, священнике Бога всевышнего, в знак благодарности поднесшем Аврааму освященные хлеб и вино (Быт. 14:18; Евр. 7:1,2). Он изображается тут лицом даже еще высшим. Слово Мелхиседек значит Царь праведности, а праведность и мир – синонимы, одно и то же (Евр. 12:2).

Василид же думает, что праведность и дочь ее мир помещены в огдою (восьмерице), упоминаемой пророком и там пребывают. Но это толкование слишком аллегорично. Обратимся от него к изъяснениям для всех более доступным, нравственным; Василидова же учения разбор последует за настоящим рассуждением. Итак, поистине сам Спаситель нас посвящает в свои таинства соответственно тому, что говорит и трагический поэт:

Ведая знающих Его, сам Он дарует нам эти праздники ⁵⁷¹.

А если бы спросили вы:

Что это за праздники, о которых говорю я,
то иерофант ответит вам:

Не посвященным в тайны не следует и открывать их.

Если же по любопытству кто стал бы снова допытываться,
что это за празднества, то снова услышал бы:

Не следует вас допускать до слушания тайн сих,

Не смотря на то, что стоят они расследования:

Нечестивец не допускается на праздники сего Бога.

Бог, не имевший начала, есть начало совершенное всех вещей. Все существующее имеет отношение к сему началу. И так как Он есть существо, то и начало всего творчества; и так как Он благ, то состоит источником и сил нравственных; а так как Он ум, то Он источник и способности разумной и судительной. Отсюда следует, что единородный Сын всевышнего Отца, святости бесконечной, есть и воспитатель человечества.

26. О том, как истинный гностик пользуется телом и вещами земными

Итак, хулящие творение и недовольные телом безрассудны. Они не обращают внимания на то, что человек уже телесной своей организацией обращен в высоту, дабы ему возможность иметь созерцать небо ⁵⁷²; весь механизм его чувств сведен к приобретению познаний; члены его тела и все этого части приспособлены более к совершению добра, нежели к чувственным удовольствиям. От того происходит, что телесная наша хижина может в себе вмещать душу, существо в очах Божиих наидрагоценнейшее; а все существо человеческое, по освящении и души и тела, чрез обновление оно во Христе Иисусе, удостоивается того, что становится жилищем Святого Духа. Гностик же триаду добродетелей совмещает в себе более тесным образом, потому что он отдается исканию Бога и нравственно и физически и разумом. Ибо мудрость есть знание вещей божеских и человеческих ⁵⁷³. Праведность же собой водворяет гармоническое согласие между частями души ⁵⁷⁴; а святость состоит в должном Богопочтении. Если же кто скажет, что плоть саму себя бесславит и что именно в ней-то и коренится акт произрождения, а в подтверждение своей ненависти к плоти сошлется на слово Исаии: *Всякая плоть – трава и вся красота человеческая похожа на полевой цветок; трава высыхает, цвет опадает; слово же Господне пребывает вовеки (Ис. 15:6, 8)*: то пусть он выслушает разъяснение вопроса нас занимающего от самого Духа Святого чрез уста Иеремии: *Рассею их как мякину, ветром уносимую в пустыню. Вот жребий и участь вашего непослушания, говорит Господь. И так как вы забыли Меня и надеетесь на ложь, то и Я выставлю пред всеми наготу вашу, и ваше бесчестие будет видимо всеми и ваши прелюбодеяния и неистовость ваших пожеланий и проч. (Иер. 13:24–27)*. Кто же изображается в Писании под видом цветка полевого (Иак. 1:0; 1Пет. 1:24)? Что это за люди, ходящие по плоти (1Кор. 10:3)? Что это за плотские люди, о

коих говорит Апостол (1Кор. 3:3)? Это люди, живущие во грехах. И действительно это так. Истина общепризнанная, что душа есть благороднейшая часть человеческого существа, а тело низшая. Но ни душа не есть благо по самой природе своей, ни тело не есть зло по той же самой природе своей. Но и из того, что известная вещь не есть благо, еще не следует с непосредственностью, что она – зло. Есть разряд вещей, занимающих средину между добром и злом. И вещи «не принимаемые» и «признаваемые» ⁵⁷⁵ входят в ту же самую категорию. Нужно было, чтобы человек, по организации принадлежащий к существам, руководящимся чувствами, был составлен из начал разнообразных, но не противоположных; а таковы тело и душа. Теперь выходит, что дела добрые, принадлежа природе высшей, всегда и отношение имеют к этому высшему началу, коему свойственно господствовать; дела же сластолюбия и греха истекают из начала низшего, духа греховного. Но душа мудреца и гностика, заключенная в тело лишь на короткое время, подобно Путешественнику, пришедшему в чужую землю, пользуется телом с строгой умеренностью и остерегается быть слишком снисходительной к нему и благосклонной, будучи расположена оставить эту брентную хижину тотчас, как только ей призыв будет объявлен. *Странник*, говорит она вместе с Авраамом, *в земле этой я и пришлец между вами* (Быт. 23:4; Пс. 38:13).

Василид на этих словах основывает свое учение о преимуществах избранных и о том, что по природе своей они происхождения вышешмирного. Учение нечестивое и ложное. Все твари суть дело одного и того же Бога; никого нет, кто по своей природе был бы чужд сего мира, потому что природа одна, подобно тому как существует только один Бог. И все же избранный живет здесь как чужой, зная что он хотя и всем здесь владеть может, но после все должен оставить. Он не пренебрегает благами, разделяемыми Перипатетиками на три вида ⁵⁷⁶ и пользуется ими; он пользуется и телом, но скорее как путешественник, который заехал в дальнюю сторону; он входит в гостиницы и в дома, им встречаемые на пути, но заботится о вещах сего мира и о кровле, его защищающей, также мало, как

заботится путешественник. Оставивши же все, жилище, имущество, равно как и пользование ими, не питая к ним ни малейшей страсти, он охотно и радостно следует за проводником, его выводящим из сей жизни, никогда не оборачиваясь назад с целью посмотреть на оставленное ⁵⁷⁷, благодаря Бога за земное странствование и призвание, с любовью и благословениями приветствуя жилище, приготовленное ему на небе. Знаем, говорит Апостол, что когда земная эта хижина наша разрушится, Бог дарует нам на небе другое жилище, созданное не человеческими руками и имеющее существовать вечно. Вот почему, будучи во плоти сей, мы и воздыхаем, желая облечения в славу сего небесного жилища, только бы застал нас час смертный одетыми, а не голыми, ибо мы идем к тому жилищу еще верую, и еще не видим его открыто, а мы желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа (2Кор.5:1–3,7,8). Мы желаем лучше... Это последнее слово есть выражение сравнения. Но сравнивают между собою вещи, имеющие взаимное сходство. Так храбрейший храбрее храбрых и тех, кто мужества вовсе не имеет. Вот почему Павел прибавляет: Все наше любочестие в том состоит, чтобы, вдали ли от Него живя или находясь уже в Его присутствии, быть Богу угодными (2Кор.5:9). Угодными Богу, т.е. единому Богу, Виновнику и Творцу всех вещей, как в сем мире находящихся, так и внемирных. Я согласен с этим ясным словом Эпихарма: «Если ты был благочестив от всей глубины сердца, то по смерти не потерпишь никакого зла; твой дух будет жить в небесах вечно». Не менее я одобряю и лирического поэта (Пиндара), такие стихи изрекшего: «Души людей нечестивых носимы под небом вихрем туда и сюда и терпят кровью сочащиеся муки; вечно они носят это ярмо бедственности и мучений и от него отвязаться не могут. Души же людей благочестивых напротив живут на небе и в радостных гимнах возносят хвалы к Царю блаженных». Итак, пусть нам никто не говорит теперь, что душа посылается с неба на землю, чтобы терпеть здесь недостойную ее судьбу. Бог все устрояет к лучшему. Дело в том только, что душа, добровольно избравшая праведнейшую жизнь по

Бозе и по праведности, меняет землю на небо. Иов стремившийся к познанию и его достигший, имел же право сказать: *Знаю, что Ты все можешь и что нет для тебя ничего невозможного. И подлинно. Кто же Тот, который научил меня ведать вещи, коих дотоле я не видал, – великое и удивительное, чего я не знал? Себя же самого ни во что я ставлю и называю пеплом и землю (Иов. 42:2,3,6).* Почему это? Потому что невежда привязан к греху и состоит *землю и пеплом*; между тем как человек, в познании поступающий вперед, и чрез оное, насколько дано это человеческой слабости, уподобляющийся Богу, ходит с того времени по духу и так доходит до того, что становится избранным. Или желаете вы иметь новое доказательство того, что Писание именем *пепла* называет безрассудных и непокорных? Слушайте. Пророк Иеремия дает нам оное в том, что говорит он об Иоакиме и его братьях. *Земля, земля, слушай слово Господне: Запишите человека этого злополучным (Иер. 22:29,30).* А вот и другой пророк возвышает тот же самый голое: *Слушайте небеса и внимай земля (Ис. 1:2).* Разум пророк называет *слушанием*, а душу гностика *небом*, потому что единственной заботой его состоит созерцание вещей небесных и божественных, почему он и делается Израелитом. Напротив того кто избирает невежество и предпочитает жестокосердие, того он клеймит именем *земли*. – *Внимай...* Пророк обращается здесь к органу слуха, ушам, приписывая чувственное тем, кои заняты вещами плотскими. Это о них пророк Михей сказал: *Народы живущие с горем пополам, слушайте слово Господне (Мих. 1:2).* И Авраам (Быт. 18:25) говорил: *Никогда, Господи, судия земли ⁵⁷⁸, так как не верующий спасительному слову уже осужден (Ин. 3:18).*

Есть также и другой суд и приговор Господа и он изложен в кн. Царств ⁵⁷⁹: *Бог слышит молитвы праведных, нечестивых же не хочет спасать, потому что они отказываются от признания Его. Вседержитель и действительно ничего не может делать такого, что противоречит разуму (Иов. 36:6; 34:12).* На эти слова что ответят ереси? Вот Писание объявляет, что Вседержитель Бог благ и что он никогда не может быть

виновником порока и беззакония. Если они не познали Бога, то началом их заблуждения неведение. Бог же *ничего не может творить такого, что противоразумно. Вот Бог наш*, говорит пророк, *Нет другого Спасителя кроме Его* (Исх. 45:21). Ибо в Боге нет неправды, как свидетельствует Апостол (Рим. 9:14; Евр. 6:10).

У пророка ясно мы научаемся и тому также, что такое воля Божия и в чем состоит гностический прогресс: *Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего и чтобы ходил во всех путях Его* (Втор. 10:12). От вас, которые имеете власть выбирать, Он ничего другого не требует, как того, чтобы выбрали вы вещь спасительную, *любили Его и служили Ему одному* (Мф. 4:10; Лк. 4:8). А что иное заповедуют и Пифагорейцы, советуя «молиться громогласно»? Не представляется же им, что Бог не услышит тех, которые молятся тихо: было бы это невероятно. Они думают, что молитвы, произнесенные без краски на лице пред многочисленным стечением народа, не могут не быть справедливыми ⁵⁸⁰.

Что же касается нас, то мы о молитве рассудим после, когда настанет время для того ⁵⁸¹.

Мы должны быть заняты делами вопиющими к Богу ⁵⁸², *ведя себя как среди бела дня*, (Рим. 13:13). *До светятся дела твои* (Мф. 5:16). *Вот человек и дела Его предшествуют Ему. Ибо вот Бог и дела Его* (Ис. 62:11). Требуется, чтобы гностик, насколько это возможно для него, подражал Богу, а мне помнится, что избранных поэты за красоту также называют существами «богovidными». Они именуют их то существами «божественного рода», то «равными Богу», то мудрость им усвояют равную по степени мудрости Зевса. Свойственна им божеская осторожность; эти существа богам подобные ⁵⁸³. Что вам сказать на это, как не то, что в этих разнообразных наименованиях нужно признать плагиат у Моисея слов *по образу и подобию Божию* (Быт. 1:26). Слушайте Еврипида. «Золотые крылья прикреплены к моим плечам. Я обут в крылатые сандалии Сирен. Одетый так, я воспаряю в

неизмеримый эфир, прохожу равнинами неба и являюсь на беседу к Зевсу» ⁵⁸⁴. Я же молился бы, чтобы дух Христов вознес меня в возлюбленный мой Иерусалим ⁵⁸⁵.

Стоики также говорят, что нет другого города, который более соответствовал бы своему имени как небо; города же, какие существуют здесь на земле, не суть города в собственном смысле; они только название городов носят; недостает им действительности. И в правду. Вот город, так подлинно прекрасный. Весь народ в нем представляет собою сонм людей добродетельных; в нем целые массы народа и все послушны закону; это церковь Логосова. Не может город этот осаде подлежать, не может быть угнетаем каким-нибудь земным тираном: *воля Божия царит в нем, совершающаяся и на земле так же, как на небе (Мф. 6:10)*. Поэты дают нам некоторые черты сего города. Потому что эти гиперборейские города ⁵⁸⁶, эти равнины Аримаспов, эти поля Элисейские ⁵⁸⁷ суть общества праведных. И Платонова республика, как известно, в качестве идеального образа. представлена существующей на небе ⁵⁸⁸.

Книга пятая

1. О вере

Что говорили мы об истинном мудреце (гностике), то нами говорено было наскоро и мельком; теперь переходим к рассмотрению предметов последующих и вникнем в вопрос о вере.

По различению некоторых, вера нам открывает Сына, познание же приводит к Духу Святому. Но они опускают из виду то обстоятельство, что если чистосердечно следует верить в Сына, в Его сыновнее достоинство, в Его пришествие, в Его воплощение, в цель оного и в Его страдания, то не менее необходимо и то знать, кто такой Сын Божий. Отсюда следует, что нет познания, которое не имело бы связи с верой; равно как нет и веры, которая не зависела бы от познания. Но и Отец, если Он Отец есть, то значит, не без Сына же существует; отчество Отца предполагает собою имение им Сына. Это есть единственно истинный Учитель, нам открывающий Отца. Чтобы верить в Сына, нужно знать Отца, с которым в родстве Сын. И обратно, чтобы познать Отца, нужно первее всего верить в Сына, потому что только Сын сообщает нам ведение о Боге. И поистине так. Ибо это Отец через Сына от веры ведет нас к познанию. Познанием же Сына и Отца, по масштабу мудреца истинного (гностика), будет то, которое состоит истинным масштабом всякого познания; это – постижение и обняtie одной истины при посредстве другой (Ин. 14:6,7). Мы, христиане, следовательно, верим тому, чему большинство не верит; нам открыто знание вещей, которые для других остаются неведомыми; то есть мы знаем то, чего большинство не знает, и верим в то, во что оно не верует, а во что верят и что знают из мудрецов (гностиков) лишь немногие. Однако же истинные мудрецы (гностики) вносят память о себе и своих делах (в книгу живота) не словами только, но и жизнью созерцательной.

Блажен, кто говорит в уши, его слушающие. Вера же есть слух, ухо души. И на сию-то веру Господь тайно намекает изречением: *Кто имеет уши слышать, да слышит* (Мф.

11:15). Он хотел сказать сим, что верящий в Него пусть и понимает говоримое Им и пусть придает говоримому именно тот смысл, который и Он сам, Господь, соединяет с тем. Гомер, древнейший из поэтов, со словом «слышать», кажется, также соединяет мысль о понимании, употребляя в этом случае вид вместо рода. Он говорит:

А когда они выслушали...

(Одис. VI, 186; Ил. I, 218);

то есть, конечно, «поняли». Коротко сказать, и стройное учение Учителя, и согласие с тем учением ученика в своем гармоническом между собою единстве стремятся к очной и той же цели, спасению. Ссылаюсь в этом на свидетеля неложного, на Апостола, говорящего: *Весьма желаю видеть вас, чтобы разделить с вами некое дарование духовное к укреплению вашему, то есть чтобы через сопребывание с вами получить взаимное утешение в вере, которая обща и мне, и вам* (Рим. 1:11–12). Апостол прибавляет ниже: *В Евангелии нам открыто правосудие Божественное в меру нашей веры* (ст. 17). Павел признает как будто двоякость веры; или, лучше: вера, по его пониманию, одна, но она может возрастать и зреть. Вера обыкновенная и простая ⁵⁸⁹ представляет собою основу для веры более совершенной. Добивавшимся от Него восстановления своего здоровья Господь говорил: *Вера твоя спасла тебя* (Мф. 9:22); потому что они приходили к Нему, движимые верою. Другая вера, вера лишь некоторых избранных, утверждающаяся на знании и в оном вперед поступающая, своей основой имеет веру простую и обыкновенную большинства; в сердце правоверного она достигает полноты и совершенства, равенства себе самой и с собою согласия от проникновения в глубочайшие смысл и значение заповедей и от исполнения оных. Таковою была вера Апостолов; она, по словам Евангелия, способна была *горы передвигать и деревья пересаживать* (Мф. 17:20; Лк. 17:6; 1Кор. 13:2). Потому, постигая величие Господней личности. Апостолы молили Его *умножить в них эту веру* (Лк. 17:5), которая, *походя на горчичное зерно*, раскидывает по душе глубокие и целительные корни и получает в ней столь широкое

развитие, что под ее тенью начинает покоиться постижение и величайших тайн (Лк. 13:18, 19; Мф. 13:31; Мк. 4:31), понимание христианского народа уже превосходящих.

Утверждать же, как это Василид утверждает, что Бога знать можно вследствие превосходства своей природы, это значит украшать именем веры и царства небесного и усвоить чудесность собственной своей способности разума; это значит возносить тварь недостойными похвалами и считать ее само по себе способною к жизни субстанциальной; это значит возвышать ее если не до Божественного могущества, то по крайней мере до субстанциальности бытия, (а не до потенциальности только); это значит приближать тварь по сей субстанциальности к Тому, который даровал ей эту самую субстанциальность; это значит восхвалять природу неизвестно какую, субстанциальность неизвестно какую; это значит высочайшую красоту признавать за творением, (а не за Сотворившим); это значит не хотеть сказать с нами, что вера есть разумное согласие души на нормальное пользование своей свободой ⁵⁹⁰.

И Валентин утверждает, что он спасен по праву уже своей личной природы. Но если я независимо от своего произволения проникнут верою, если я по природе состою избранным, вследствие превосходств ее, как этого Василид желает, то к чему тогда и заповеди заветов ветхого и нового? Поврежденная, павшая наша природа, не могла ли она с течением времени сама собою возвыситься до первоначального состояния и снова и без пришествия Христа Иисуса опаматоваться и прежнюю красоту возблестать? Если же сектанты скажут, что необходимо было для сего сошествие на землю Господа, то чему же после признания сего будут равны все преимущества их природы? Нет, правильная постановка о сем учения такая, что причтение к избранным приобретается углублением в учение, очищением, добродетельной жизнью, а не преимуществом природы самой по себе. Отвечайте. Авраам, покорная вера которого верила в голос, ему и его потомству под дубом в Мамвре (Быт. 18:1) обещавший землю, на которой он странствовал (Быт. 17:8), сей Авраам был избран или нет? Если

он не был избран, то по какой же иной причине, как не вследствие некоторого естественного вдохновения, он сейчас же поверил? Если же он был избран, то ваша система падает в основах, ибо получается доказательство, что избрание и спасение были и до пришествия Господа, так как послушание сего патриарха было вменено ему в праведность (Быт. 15:6; Рим. 4:3).

Если же кто, следуя Маркиону, осмелился бы сказать, что Творец тех, кто уверовал в Него, спасал и прежде пришествия Господа, и избранные, значит, были спасаемы действием благодати Творца, им даровавшейся, то получается, поистине, странный прием для превознесения похвалами могущества Бога благого! Что? Благий Бог не прежде прилагает руки к спасению людей, как видя Творца мира (Демииурга) о них заботящимся? Так сектанты сами вынуждены хвалить благодеяния Творца (Демииурга). Но если Творец мира (Демииург) спасал и прежде пришествия Христова, то этим могущество и слава благого Бога, который был Отцом Христа, лишь потемняется, так как сей благий Бог не сам по себе, а лишь от Творца мира (Демииурга) научившись и через подражание Ему (Демииургу), соделывает людей блаженными. Таков наш урок этому ученику или, лучше, низкому плагиатору своего предшественника.

Но пусть будет по-ихнему; я допускаю еретиков учение, что спасение нам благим Богом даровано. Но тогда выходит, что Его избранники – те, которых Он спасает; ибо это противоречит воле Творца, что благий Бог их спасает. Насилие и хитрость, вот орудия Бога, их спасающего (хотя и благого). Я спрашиваю Маркиона: «По какому же праву они считают сего Бога благим, если Он заявляет себя хитрым и действующим насильственно и если Он приходит на помощь последним?» Если же местопребывание Вседержителя отлично от местопребывания Бога благого и лежит очень далеко от оногo, то смотрите: Воля Бога, дарующего спасение и воля Того, который дал сему первый пример, между собою сближаются; и, значит, существует только один Бог, и это есть Бог благий.

Из предшествующего открывается, что неверующие и еретики безумны. *Пути их искривлены*, говорит пророк, *и они не знают мира* (Исх. 59:8). Прений же глупых и бесполезных избегайте, советует нам божественный Павел, *ибо ими порождаются* (лишь) *распри* (2Тим. 2:23). И Эсхил нам советует:

В трудах суетных не изнурять себя напрасно ⁵⁹¹.

Исследования, согласующиеся с верою и строимые на ее фундаментах, представляют собою здание великолепное и величественное, в котором, как нам известно, предпочтительнейше обитает истина. Мы знаем также, что вещи сами по себе очевидные не могут быть предметом исследования и обсуждения; днем, например, не спрашивают, скоро ли настанет день. Равным образом не обсуждают вещей неизвестных, которые никогда не могут быть выяснены, как, например, то, звезды существуют с числом четным или нечетным. То же самое приложимо к прениям о некоторых предметах, допускающих решение и за, и против. Это – вопросы, где каждый из противников по произволу может поддерживать и отрицательный ответ, и утвердительный. Таков, например, вопрос: «Зародыш, содержащийся в матке, есть существо одушевленное или нет?». Остается еще четвертая категория вопросов, когда всякие прения прекращаются, если одна из спорящих сторон представит довод непререкаемый и неопровержимый. После него, когда все основания для сомнения ниспровергнуты, восстает во всей своей силе вера, триумфирующая над руинами сомнения. Ну а мы предъявляем всем доказательство решительнейшее и окончательное, Слово Божие, само себя в Писаниях изъясняющее и отвечающее на все вопросы, кои составляют предмет наших исследований. Найдется ли хотя один человек настолько нечестивый, настолько чуждающийся Бога, что не захочет верить слову Его? Потребуется ли он в дополнение к сему от Бога еще таких же доказательств, каких требуют от людей?

И потом, из разных вопросов, подлежащих исследованию, одни не имеют никакого смысла, как, например, горяч ли огонь, бел ли снег; предложение же других, по замечанию Аристотеля,

заслуживает порицания и осуждения. Таков, например, вопрос: «Нужно ли почитать родителей?»⁵⁹². За другие предлагающий их стоил бы наказания; таков, например, вопрос: «Чем можно доказать существование Провидения?»

(Итак, существование Провидения несомненно). При несомненном же существовании Провидения думать, что пророчества и величественнейшее домостроительство воплощения не были делом Провидения, есть уже нечестие. Может быть, лучше даже и воздержаться от доказывания этих высоких истин, потому что Божественное провидение само о себе свидетельствует всеми своими творениями, обнаруживающими в одно и тоже время и мудрость и красоту; и об одних из сих дел творческих мы знаем потому, что они пред нами, другие же открываем, в них вникая. Тот, кто даровал нам бытие и жизнь, Он же нас одарил и разумом, желая, чтобы мы сообразовали свою жизнь с предписаниями разума и своего блага. Потому что Слово (Логос) Отца всех вещей не есть что-либо внешнее в роде нашего слова. Логос есть мудрость и благодать Божия, явленные во всех делах Его; Он представляет собою бесконечное и истинно божественное всемогущество, понятное всем, даже и тем, которые не хотели бы его признавать; это – воля, в своем всемогуществе обнимающая все.

Но так как некоторые остаются неверующими, а другие охочи до споров, то здесь причина, почему не все добиваются до понимания совершенства добра. Достижение сего невозможно без плана, энергично предначертанного заранее. Впрочем, не все зависит и от нашей воли, как, например, наша будущность. Спасает нас единственно благодать (Еф. 2:5), однако же не одна благодать, но соответствие себе встречающая в наших добрых делах. Мы самым своим происхождением предназначены к добродетели; но, чтобы обладать ею, для сего мы должны развивать некоторые усилия. Для этого стремления к добродетели требуется и здравый и простой рассудок, который не позволял бы себе останавливаться в своих домогательствах никакими печальями и горем. Особенно же мы нуждаемся для

сего и Божественной благодати, в учении проникнутом мудростью, в целомудренных и добрых склонностях; а главное и наконец нужно просить Отца нас влечь к Себе (Ин. 6:44). Соединены будучи с сим земным телом, вещи чувственные мы постигаем через чувства телесные, вещи же, созерцанию подлежащие, мы постигаем лишь разумом. Ожидать, что все можно будет понять, если все будет постигнуто, что подлежит чувствам, – это значит уклоняться от истины весьма далеко. Вот почему говорит Апостол, что Бог познается духовно. *Видим Его теперь*, говорит он, *как бы в зеркале, тогда же познаем лицом к лицу* (1Кор. 13:12). И действительно, зреть истину дано лишь немногим из смертных. Это-то обстоятельство и заставило Платона сказать в «Эпиномиде»: «Не смею утверждать, что блаженства и благоденствия могут достигать все; это – доля лишь немногих. Во время этой жизни на большее я надеяться и не могу. По смерти же надеюсь владеть всеми благами». Не ту же ли самую мысль выражают и эти слова Моисея: *Никто не увидит лица Моего, оставаясь в живых* (Исх. 23:20). Ясно, следовательно, что в течение этой временной жизни познать Бога в совершенстве не может никто. *Чистые же сердцем, по достижении ими высшего совершенства, узрят Бога* (Мф. 5:8). И так как наша душа была слишком слаба для уразумения того, что следовало бы ей понимать, то и нуждалась она в Божественном Наставнике. Посему с высоты небес был послан на землю Господь для научения человечества добру, для привития к нему добродетели; величественным и таинственным образом Он посвятил человечество в великие тайны Провидения. Итак, что же сделалось с учеными законоведами, говорит Апостол: *что с умами любознательными, равнодушными к успехам века своего? Не обнаружил ли Бог безумие мудрости мира сего?* (1Кор. 1:20). И в другом месте: *Ниспровергну мудрость мудрецов и отрину знания ученых* (1Кор. 1:19; Ис. 29:14), тех, то есть, кои лишь воображают себя мудрецами, на деле же пристрастны только к спорам. Какою глубиною проникнуты советы Иеремии! Вот что говорит Господь: *Станьте на*

путях и расспросите о путях древних, чтобы узнать вам путь добрый, и ходите по нему, и найдете средства очистить свои души (Иер. 5:1, 4, 5). Расспрашивайте, говорит пророк, знающих, обращайтесь внимание на говоримое ими, но затем, чтобы слушаться, а не затем, чтобы состязаться и затевать распри. Разузнавши путь истины, мы должны идти по нему, назад никогда не оглядываясь, доколе не достигнем цели наших желаний. Были, посему значит, разумные поводы для царя римлян Нумы, последователя учений Пифагора, первый построенный им храм посвятить Вере и Миру ⁵⁹³. Аврааму, верившему в слово Божие, его вера была вменена в праведность (Рим. 4:3, 5, 9, 22). Этот праведник древних времен ⁵⁹⁴ первоначально отдавался созерцанию явлений, происходящих в воздухе; он любопытным и размышляющим взором следил за движением звезд, катящихся по небу. Вот почему он и назывался Аврам, то есть «величественный отец». Но вот, однажды подняв глаза к небу или же в духе зря Сына, как полагают некоторые ⁵⁹⁵, или же Ангела, облеченного славою, или же иным каким-либо образом дошедши до познания Бога ⁵⁹⁶ и признав, что Он тысячекратно дивнее всего сотворенного и всей оное проникающей гармонии, умножает свое имя альфою, символом, что он познал единого Бога, и вместо Аврама начинает именоваться Авраамом. До сей поры он был исследователем тайн природы; с сей же поры соделался он мудрецом и другом Божиим. «Авраам» – это слово и действительно собою означает «избранный отец», «отец громкий», потому что слово это, если хотят его произнести внятно, произносят громко ⁵⁹⁷. «Отец», сие понятие состоит духом сего слова; а понятие «избранного» состоит духом человека добродетельного ⁵⁹⁸.

Не нахожу слов, чтобы по достоинству восхвалить поэта Акрагантинского (Эмпедокла), прославляющего веру в таких стихах:

Возлюбленные! То я знаю, что в основе моих речей
Лежит истина. Но послушание истине
Вещь трудная и тяжелая:
Порывы веры с трудом проникают в человеческое сердце.

Вот почему и Апостол нас приглашает *не основывать нашей веры на мудрости человеческой*, которая хвастается, что владеет тайною убеждать других, *но на силе Божией* (1Кор. 2:5), могущей приводить к спасению путем единственно чистой и простой веры, без всякого содействия каких-либо доказательств. «Кто всех лучше умеет других спасать, говорит Гераклит Ефесский, как не тот, добродетель коего всего более была испытываема?» Он прибавляет, что «настанет день, в который (Божественное) правосудие явится с отмщением злателям и проповедникам лжи». Знал уже, значит, и этот философ, заимствовав сведение о сем из варварской (еврейской) мудрости, что настанет очищение огнем для тех, кои жили здесь дурно ⁵⁹⁹. У учеников портика это очищение позднее было известно под именем всеобщего пожара ⁶⁰⁰. Ибо после того же самого философа стоики учат, что отличающиеся такими-то и такими качествами вновь оживут. У них всегда было, значит, учение о воскресении ⁶⁰¹. Платон (в «Тимее») говорит, что земля в разные времена была очищаема водой и огнем. Вот его слова о сем: «Из всех бичей, коими уже множество поколений было сгоняемо с лица земли, вода и огонь были теми, которыми было унесено наибольшее их количество, несмотря на то, что действие их сравнительно с тысячей других земных бедствий менее продолжительно». Немного после он прибавляет: «Это истина, что по истечении долгого периода времени и после того как все светила, катящиеся кругом земли и по небу, совершат свое обращение, разразится громадный всеобщий пожар, имеющий произвести в некоторой части небесной, сферы разорение». Потом он говорит о потопе: «Когда боги, для очищения земли водою, посылают на нее наводнения, люди, живущие на горах, смерти избегают. Это номады и пастыри волов; жители же наших городов уносятся волнами в море».

В первой книге сих наших «Стромат» мы доказывали, что эллинские мудрецы заслуживают названия плагиаторов за похищение у Моисея и пророков главных из их начал; источник же, из коего они их заимствовали, был ими неблагодарно скрываем. Мы прибавим к сему следующее. Те из ангелов,

которым по разделу было отведено для местопребывания небо, некоторые унизились до удовольствий постыдных (сластолюбия), часть Божественных тайн и все, что сами знали, открыли женщинам, красотой коих были увлечены, тогда как другие сокровище сих тайн скрывали или, лучше, сохранили до времени пришествия Господа⁶⁰². Отсюда проистекло учение о Провидении и обнаружение вещей Божеских. Кроме того, идеи пророков уже дошли до эллинов через переводы. Когда эллинские мудрецы вникли в учения пророков, они разом постигли всю суть дела, уловив тотчас истинный смысл пророческих наставлений; по местам же они и заблуждались, по неумению проникнуть за аллегорическую завесу пророчеств. Мы намерены касательно сего пункта сделать несколько замечаний, как скоро приступим к рассмотрению других вопросов, тоже крайне важных.

Мы утверждаем, что вера не должна быть изолируема от знания, быть делом каким-то праздным, а должна стоять в связи с духом пыливости. Далека от нас мысль чуждаться исследований. *Ищите*, говорит Господь, *и найдете* (Мф. 7:7: Лк. 11:9). По Софоклу,

Истина, если ее искать деятельно, может быть открыта;
Она ускользает лишь тогда, если ее добиваются вяло.
(Из Эдипод).

Подобное же говорит комик Менандр (в «Эвнухе»):

Все мудрецы того мнения, что искомого должно искать внимательно и заботливо.

Но исследованием должна управлять прозорливость; нужно устранять при сем все обстоятельства, которые могли бы препятствовать открытию истины. Не следует служить при сем демону недоброжелательства и раздоров; расстаться, нужно с этой охотой к спорам; это один из самых губительных бичей человечества. Умно и благородно Флиясиянин Тимон пишет о сем следующее:

Тогда спор сводится к пустопорожним, хотя и звонким, словам.

Нет чудовища более лютого. Это подруга и достойная сестра распри.

Она нападает на все, проникает всюду.
Потом, прочно утверждаясь в злом духе человека,
Она устремляет его к безумным надеждам.
Поэт прибавляет:
Кто горячностью проник их, чтоб сражаться столь яростно?
Кто оружием вооружил их руки для борьбы столь
жестокосердой?

Это толпа, соперница нимфы Эхо.
Раздраженная Молчанием и Осторожностью,
Она распространила раз эпидемию слов между людьми,
И массами стал мереть народ ⁶⁰³.

Поэт пользуется здесь силлогизмами: псевдоменом, дилеммой, диалелетой, соритом, доказательством сокрытым, амфиболией и софизмом ⁶⁰⁴.

Углубляться же в искание Бога с целью приблизиться к Нему, а не из пустой любви к спорам, представляет собою труд благотворный, ибо написано у Давида: *Бедные поедят и сыты. Вы, ищущие Господа, превозносите Его хвалами, и сердца ваши будут жить во веки (Пс. 21:27)*. Что это значит? А то, что ищущим Господа, истинно Его ищущим, с хвалами Ему на устах Его ищущим, сие будет даровано; они будут преисполнены знанием, исходящим от Бога; и душою своею они будут жить. Святой царь называет здесь душу сердцем, потому что сердце есть исходный пункт нашей жизни. *И душой своею они будут жить*, потому что через Сына они доходят до постижения Отца. Однако же не следует дарить доверием всех тех, которые и говорят, и пишут без малейшей осторожности. Сосуды, которые часто бывают хватаемы за уши, то есть за ручки, портясь и изнашиваясь от трения, скоро лишаются своих ушей и кончают тем, что, падая на землю, разбиваются. То же самое бывает и с теми, кто целомудренные уши своей веры унижает и бесславит выслушиванием разного многочисленного мирского вздора: они наконец делаются глухими к голосу истины и пресмыкаются по земле, к добру делаясь бессильными. Иносказательное из сего приложение, с коим мы обращаемся к детям, таково: «Приветствуйте ваших друзей и ваших ближних, касаясь их ушей» ⁶⁰⁵, исполненных мудрости,

символически и молчаливо через сие то изображая, что чувством слуха посредствуется в душе чувство любви. *Бог есть любовь* (1Ин. 4:16), и Он открывается всем, кто Его любит. *Бог и верен* (1Кор 1:9; 10:13), и Он свидетельствует о Себе верным через заповеди. Нужно, чтобы мы соединялись с Ним узами Божественной любви, дабы при содействии святости, нас уподобляющей Ему, созерцать нам Его бесконечную святость, внимая ухом послушным и искренним слову истины, походя по послушанию на чистых и простых детей. Таков таинственный смысл надписи, чья бы ни была это рука, ее вырезавшая у входа в храм в Эпидавре:

Следует чистым входить за священную ограду сего храма.

Чистота же сия состоит в святых мыслях.

Если вы не будете как эти дети, говорит Господь, *то не войдете в царство небесное* (Мф. 18:8). И в самом деле, храм Божий (муж поистине благочестивый) здесь, на земле, оказывается утверждающимся на таких трех основных началах: на вере и надежде и любви.

2. О надежде

От эллинских писателей осталось нам довольно свидетельств в подкрепление веры. Подбирать же места, где они говорили о надежде и любви, это значило бы пускаться в рассуждения без конца. Достаточно сказать, что в «Критоне» Сократ, предпочитая жизни (лишь растительной и животной) жизнь и смерть славные, утверждает, что и по смерти он надеется на другую жизнь. Раскрываю его «Федра» и читаю: «Душа, освободившись из-под власти чувств и начав жить лишь своей собственной жизнью, может касаться мудрости истинной и высшей, какая только возможна для человеческих сил. Это происходит, когда любовь на своих крыльях возвышает ее от земли на небо и через любовь, мудрецу свойственную, приводит ее к цели его надежд». «Тогда, говорит он, настает для нее начало другой жизни, вечной». В «Симпозионе» читаем: «Каждому из существ врождено желание породить существо себе подобное. Человек рождает человека; человек добродетельный – человека ему подобного. Но добродетельным стать нельзя без совершенных добродетелей, в коих он мог бы служить примером для приходящих к нему молодых людей». «Тогда, по словам Тезтета, он в состоянии становится порождать и производить людей. Потому что одни оказываются одаренными плодovitостью душевной, другие же плодородием телесным». Нет ничего правее как образовывать душу, наставляя ее в вере и открывая ей глаза на свет истинный (Еф. 1:8; Ин. 1:4–5, 7, 9 и проч.; Евр. 6:4); это и в философии варварской ⁶⁰⁶ известно под именем «возрождения». *Это я благовествованием во Христе Иисусе родил вас*, говорит в одном месте своих посланий Божественный Павел (1Кор. 4:15). Эмпедокл к числу принципов отнес любовь, из которой он делает симпатическую силу, все объединяющую и во всем поддерживающую всеобщую гармонию. «Имейте ее, говорит он, пред своим душевным взором; глазами же телесными вы никогда ее не увидите, потому что ее нет в материи». Парменид в своей поэме также намекает на надежду:

Считай в мысли вещи отсутствующие существующими
С той же уверенностью, как если бы они были налицо.

Потому что твой ум никогда не в состоянии отделить то, что
есть, от того, что будет.

Ни вещей, повсюду рассеянных, от тех, кои сосредоточены
на одном месте.

3. Предметы как веры, так и надежды постижимы лишь разумом

Как верующий, так и надеющийся, предметы своей веры и надежды постигают единственно разумом; только оным они ощутимы, они сокрытые в недрах будущего. Когда мы говорим, что такое-то дело правое и законное, а это достославное и честное, а равным образом, когда утверждаем о чем-либо, что то истинно, то все это мы наблюдаем не телесными чувствами, а примечаем то глазом исключительно духовным, а именно разумом. *Я есмь истина* (Ин. 14:6), говорит Логос Божий; следовательно, только разумом Он может быть созерцаем. «Кто, по вашему мнению, состоит истинным мудрецом (философом)? Для меня это вопрос уже решенный. «Истинными мудрецами (философами) состоят охотно отдающиеся созерцанию истины» ⁶⁰⁷. Платон отождествляет в «Федре» истину ⁶⁰⁸ с идеей. А идея, то есть мысль бесконечная, вечная, есть разум Божий, – то, что варвары (христиане) именуют Логосом Божиим. Но мы будем говорить лучше подлинными словами великого философа: «Смело следует высказывать истину, особенно когда и речь идет об истине. Субстанция истинная бесцветна, бесформенна, неосязаема, не может быть созерцаема иным кем, кроме как Кормчим (души) Богом» ⁶⁰⁹. Происходя из Отца, Логос себя проявляет вовне, став виновником и причиной творения. Потом Он сам рождается во времени, *плоть на себя приняв* (Ин. 1:14), чтобы мог быть зримым нашими плотскими очами. Праведник посему стремится к исследованиям, имеющим свой источник в любви; в сфере их обретаются им и блаженство. *Стучите, и вам отворят; просите, и вам дано будет* (Мф. 7:7). *Берущими царство небесное состоят употребляющие усилие на то* (Мф. 11:12); а средствами к сему для них служат не софизмы и споры, гордостью напыщенные, а неутомимое постоянство благочестия; энергией, которая обращена ими на достижение царства небесного, состоят *непрестанные молитвы* (1Сол. 5:17), освобождающие их от упреков за прежние грехи.

Ты можешь, – говорит поэт, – торжествовать над злом и всем его могуществом ⁶¹⁰:

Борющемся мужественно и Бог помогает ⁶¹¹,

Благосклонность Муз не всякому встречному даруется ⁶¹².

Для достижения ее требуются усилия и овладевать ею можно только приступом. Сознаться, что ничего не знаешь, для того, кто ходит в духе Логоса, есть первая ступень знания. Этот человек был неведущим, потом он стал искать и, ища, обрел учителя, а нашедши, он стал верить ему; веруя, он стал надеяться на него; проникаясь надеждою, он стал воспламеняться и любовью, стремясь овладеть предметом своей любви, но в свою очередь и сам стараясь сделаться тем, чем состоит предмет его любви. Таков приблизительно метод, который Сократом рекомендуем был Алкивиаду. «Думаешь ли ты, – спрашивал Сократа этот молодой афинянин, – что иным образом я не мог бы узнать, что такое праведный?» – «Ты мог его знать, если раз видел его». – «И ты думаешь, что я не видал его?» – «Видел, если искал». – «Думаешь ли, что я не искал его?» – «Искал, когда думал, что его не знаешь?» ⁶¹³.

Таково же символическое значение и светильников, которые мудрыми девами были возожжены среди густого мрака невежества, называемого в Писании ночью (Мф. 25:1 и дал.). Подобны этим девам разумным и непорочным души, которые, постигая, что они живут в этом мире среди мрака, возжигают свои лампы, будят свое разумение, озаряют тьму их окружающую, рассевают мрак невежества, ищут истины и ожидают появления Учителя. «Толпа, говорил я себе, не может быть мудрой» ⁶¹⁴.

Много находится носителей тирса (жезла Вакхова),

Но немногие бывают вдохновляемы сим богом ⁶¹⁵.

Таково мнение Платона. Действительно, *много званых, но немного избранных* (Мф. 20:16). *Не во всех, говорит Апостол, знание* (1Кор. 8:7). *Итак, молитесь за нас, чтобы нам избавиться от людей глупых и лукавых, ибо вера не во всех* (2Сол. 3:1–2). Философ портика Клеанф ту же самую мысль выражает в следующих стихах:

Хочешь скорее достигнуть мудрости? Не добивайся известности.

Не страшись и мнения людей бестолковых и меднолобых болванов (нахальных).

Судительной способности и разума нет у сей ватаги людей, водящихся побуждениями спутанными и произвольными.

Насилу встретишь ты это сокровище разума лишь в некоторых избранных из смертных.

Комический поэт ⁶¹⁶ выражается с большей краткостью и в более положительной форме:

Не следует людям невежественным, не стесняющимся принципами и приличиями, вверять того, что прекрасно.

Эти поэты и философы, как я полагаю, слышали некоторые отголоски вечной мудрости, нам говорящей: *Среди неразумных не трать слов и береги их до другого времени, а среди благоразумных надерживайся постоянно* (Сир. 27:12). И в другом месте: *Мудрые в себе скрывают знание* (Притч. 10:14). Почему так? Потому что толпе (людям неотесанным, свое несущим, то есть произвольно действующим и вопреки истине свое говорящим) нужны более ощутительные залого и доказательства в подтверждение истины; спасительных же счастья и блаженства, проистекающих единственно из веры (в начала), для нее недостаточно.

Опасно верить словам людей пустых и плутов ⁶¹⁷,

Хотя они часто занимают высокое положение в обществе.

Слушайте преподаваемое нашей музой:

Не со словесными обертками имей дело; ищи знания в глубине твоей души.

«Это постоянная замашка калек умственных и нравственных, говорит Эмпедокл, желать торжества над истиной посредством подрыва веры и распространения неверия». А что наши учения основываются на доказательствах твердых и достоверных, эллины сие лучше уразумеют, если они обратят более серьезное внимание на разъяснения последующие. Подобному у подобных учатся. Та же мысль содержится и в следующем приточном изречении Соломона об

отвечании (и неответании) глупому по глупости его (Притч. 26:5). Тем же, кто спрашивает об (истинной) человеческой мудрости и элементах ее, нужно отвечать преднесением учений аналогичных же, с коими они уже коротко знакомы, чтобы на путях, коими они уже идут, легче довести их до веры в слово истины. Для всех, говорит Апостол, я сделался всем, дабы всех их приобрести (1Кор. 9:22). Дождь Божественной благодати – не падает ли он одинаково как на добрых, так и на злых? (Мф. 5:45). Ужели Бог есть Бог Евреев только! – восклицает преславный Апостол. – Не есть ли Он Бог и язычников? Да, конечно, Он есть Бог также и язычников, потому что существует только один Бог (Рим. 3:29, 30).

4. Писатели, как языческие, так и священные, предания, относящиеся к Божеству, обыкновенно раскрывают под покровом аллегорий

Вы отказываетесь верить в добро и в спасительную мудрость, (собой представляющую слияние любви и истины, истины и блага, – высшего, умственного и нравственного, совершенства), под предлогом, что с вашей стороны это было бы неблагоприятно. Пусть будет по-вашему. Но вот мы принимаем же ваши учения, ибо все исходит от Бога; а особенно прекраснейшие и возвышеннейшие из ваших учений суть заимствования у нас; их мы и изложим пред вами языком, который вы способны будете понимать. Толпа (большинство людей грубых и пошлых), меркою мудрости, или высшей правды, принимает не самую истину, а то что льстит чувственности; и для нее нет ничего любезнее вещей, кои с ней самой схожи. Но вне Божественного общества только и могут держаться люди лишь недальновидные и тупоумные, пустые и бессмысленные, то есть и неспособные к постижению и уразумению (Божественной истины), к неустрашимости и зоркости (в ее восприятии и исповедании). Этими свойствами отличается лишь душа, (уже от природы) расположенная к деятельности созерцательной; (или лучше) эти качества даруются ей лишь Спасителем. Без них же она остается нравственно-нечистой, неспособною и недостойною принятия и содержания чистой, святой и достопочтенной истины, остается и живет вне законов порядка и гармонии, будучи погружена в материю. Поэтому-то нечестивцы и не бывают допускаемы на мистерии. Равным образом и из хора устраняется человек, не знающий ни танцев, ни музыки, ни пения. *Вещи духовные мы и сообщаем духовным (1Кор 2:13).* По сей-то, конечно, причине египтяне это поистине божественное, священное и для нас столь необходимое слово истины символически представляли покоящимся во святая святых своих кругов, а евреи еще отделяли оное от храма завесою (Евр. 9:8 и дал.). Входить во святая святых, поднимая

для сего таинственную завесу, было позволено только лицам, особо для того назначенным, то есть себя посвятившим Богу, обрезавшим в своем сердце пожелания нечистые, дабы освободить здесь место для любви к одному Богу. Платон также считал непотребством нечистому касаться чистого ⁶¹⁸. И вот почему пророчества и прорицания высказывались в выражениях темных и загадочных. Вот почему и на мистерии допускался не всякий встречный без разбору и дальнейших околичностей, а только после предварительных очищения, замоления и заглажения грехов, и после наставлений.

Тогда Муза еще не была жадна до барышей

И не ниспускалась до степени наемницы;

Терпсихора тогда еще не торговала своим нежным пением,
Своим медовым голосом;

У ней лоб тогда еще не был серебряным ⁶¹⁹.

Получающие воспитание египетское начинают ученье с системы египетских букв, так называемых эпистолографических. Затем переходят к изучению букв иератических, или иерограмматических, кои в ходу у жрецов, пишущих о вещах священных. Оканчивают ученье изучением системы букв иероглифических. Эти последние распадутся на два класса: один, это класс букв элементарных, и назначение их выражать собственный смысл слов; этого разряда буквы называются кириологическими. Другого же разряда буквы в сем иероглифическом письме называются символическими. Способ письма символического подразделяется на три рода; по одному предметы изображаются в собственном их виде через подражание им; по-другому с изображениями нужно связывать смысл уже переносный; способ третий всецело движется в сфере аллегорий, выражающих известные понятия загадочно. Итак, если египтянин желает по кириологическому способу дать понятие, например, о солнце, то он рисует круг; если же о луне, то он чертит фигуру полумесяца. По методу же писания образному называют предметы и дают понятие о них аналогиями, то несколько изменяя образ предметов, то подвергая его различным родам превращения. Посему когда они хотят выразить, например, похвалы своим царям, то

примешивают к похвалам сим о богах сказания, а для письма употребляют анаглифы или барельефы, знаки выпуклые. А вот пример третьего рода письма, который может ввести в понимание употребления загадочных намеков. Египтяне изображают некоторые из звезд в виде змеиных тел по причине кривизны их пути. Но они же и солнце пишут в виде жука, потому что это насекомое, смесив в кругообразную кучу помет вола, при возвратном своем движении, катит его на себе. Они думают, что жук шесть месяцев проводит под землей, а остальное время года живет на поверхности земли. Они прибавляют, будто образованный жуком семеноносный зародыш впрыскивается им в сфероид и таким путем появляется на свет новый жук; жуков же женского пола будто бы нет.

Одним словом, все писавшие о тайнах Божественных, – будут ли это эллины или варвары, – истинные начала вещей от глаз невежд старались скрывать; толпе же передавали истину, облеченную лишь в загадки, в символы, в аллегории, в метафоры, и тысячу иных аналогичных сим видов. Таковы были оракулы и у эллинов. Оттуда происходит, что Аполлон Пифийский переименован в Локсиаса, то есть уклончивого ⁶²⁰.

Тот же самый характер имеют апофтегмы, изреченные эллинскими мудрецами. При немногословности они отличаются многозначимостью. Возьмем для примера хотя бы эту поговорку: «Береги время». Она содержит и в себе намек или на то, что наша жизнь коротка и что не следует расточать времени напрасно и на сумасбродства; или же с другой стороны быть может в ней содержится намек на необходимость ограничивать наши частные расходы, чтобы никогда у нас не было недостатка в необходимом, хотя бы нам пришлось жить даже сотню лет.

Как содержательна далее эта апофтегма: «Познай самого себя!» Она говорит нам: «Познай, что ты смертен, – что ты человек и что сравнительно с благами первостепенными, какие могут быть приобретаемы тобою здесь на земле, ты, хвастающийся своими славой и богатствами, хвастаешься не иным чем, как ничтожеством. Или же может считаться сия апофтегма равносильною следующему наставлению: Знай, что,

утопая в довольстве и богатстве или же взыскан будучи почестями, ты не должен хвастаться доставшимися на твою долю исключительными выгодами, коими ты превосходишь своих ближних. Будь далек от сего. Вспомни, для какой цели ты родился, чей образ на себе ты носишь, что у тебя за природа, кто такой твой Создатель, что за отношения у тебя к Богу».

Но и о другом подобном говорит та же самая апофтегма. Дух Святый устами пророка Исаии нам также говорит: *Я дам тебе сокровища, хранимые во тьме и богатства сокрытые* (Ис. 45:3). Сокровища же Божественные суть *богатства неиссякающие* (Лк. 12:33) и гораздо ценнее той (мнимой) мудрости, приобретение которой сопряжено со столькими трудами.

Или вот это будет лучше. Поэты, заимствовав передаваемое ими о тайнах божественных от пророков еврейских, скрывают свои мысли под образом аллегорий. Это наблюдение приложимо к Орфею, Лину, Музею, Гомеру, Гесиоду и вообще ко всем, кто, говоря об этих материях, проявлял в том некоторую мудрость. Входя в энтузиазм, поэты как бы покрывалом неким прикрывали пред толпой свои идеи символами. Под покровом слов, аллегорий у них сокрыто нечто, что, однако же, волнуется и движется. Не то это значит, как если бы Бог нам нарочно преграждал доступ к знанию: кто, не совершая злодеяния, может считать Его доступным человеческим страстям? Он хочет в сем случае того только, чтобы разум наш, будучи вынужден проникать за таинственную оболочку, для открытия за ней истины собрался с мыслями. Вот почему трагический поэт (Софокл) и пишет в одном месте:

Никогда я не расстанусь с убеждением, что людям мудрым
Бог открывает тайный смысл прорицаний;
Душам же простым зло Он указывает только.
В немногих словах Он наставляет многому.

Поэт говорит о зле, означая тем и всякие вещи пошлые и бессмысленные. Сие-то и царя – пророка вдохновило открыто и ясно объявить в псалмах, что все Писание есть не что иное как притча. *Внимай, народ, закону Моему*, восклицает он именем Божиим; *приклони ухо к словам уст Моих, открою*

уста Мои в притче, в загадочных символах изъясню тебе вещи, сокрытые от начала (Пс. 77:1–2). Преславный Апостол говорит чуть не тем же самым языком: Мы проповедуем мудрость совершенным, не мудрость мира сего и не князей мира сего мудрость, которые умрут, а проповедуем мы премудрость Божию, в ее таинственности остающуюся сокровенною, которую Бог прежде всех веков предназначил и предуготовил к славе нашей, которой никто из князей сего мира не познал, потому что если бы познали, то никогда не распяли бы Господа славы (1Кор. 2:6–8). Эллинские философы не принимали участия в обесчещении, какое нанесли нашему Господу постигавшие Его сошествие. Апостол мог здесь порицать, значит, лишь суетное знание тех между евреями, которые воображали себя мудрецами; посему он прибавляет: Мы проповедуем мудрость, о которой написано: Глаз того не видал, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его (Ис. 64:4). А нам Бог открыл сие Духом своим, ибо Дух все проникает, и глубины Божии (1Кор. 2:9–10). Апостол народов знал, что ученик Святого Духа, вспомоществуемый Богом, и нося в себе разум Христов, состоит человеком духовным и гностиком, между тем как человек плотской не может постигать вещей, исходящих от Духа Божественного, они кажутся для него безумными (1Кор. 2:14).

Различая гностическое совершенство от простой веры, Павел иногда называет эту последнюю молоком слабых, иногда же фундаментом здания. Так он пишет: И я, братия мои, не могу с вами говорить как с людьми духовными, но как с плотскими еще и как с детьми во Христе. Я питал вас только молоком, а не твердою пищею, потому что вы не были еще способны к тому, да и теперь еще не в силах, так как вы еще плотские. И действительно. Потому что если есть между вами зависть, и споры, то не явно ли, что вы плотские и что вы ведете себя по обычаям человеческим (1Кор. 3:1–3)? Таков действительно и есть путь, на который охотно уклоняются грешники. Те же, напротив, которые сторонятся от сего пути, постигают вещи божественные,

вкушают и услаждаются пищей познания и находят высшее удовольствие в том. По данной мне от Бога благодати, продолжает Апостол, я, как мудрый строитель, положил основание, а другие строят на нем здание золотое, серебряное и из драгоценных камней. Вот здания, познанием сооружаемые на фундаментах веры во Христа Иисуса. Солома же, дерево и сено суть дряблые развалины, воздвигаемые на сем основании ересью, но каково дело каждого, это испытано будет огнем (1Кор. 3:10, 12, 13). В Послании к Римлянам Апостол косвенно еще раз намекает на здание познаний: *Желаю вас видеть, чтобы соделать вас участниками некоего дара духовного, предназначенного к укреплению вашему* (Рим. 1:11). Апостол желает беседовать с верными лично, потому что подобные дары не могли быть сообщаемы открыто через письма.

5. О пифагорейских символических изречениях

Пифагор заимствовал свои символические наставления из мудрости варварской, из предосторожности, однако же, скрыв это. Самосский сей философ, например, заповедует: «Не держите ласточки в вашем доме». Это значит: Не принимайте под кровлю вашего дома человека многоречивого, болтуна и наушника, вечно разнузданный язык которого не может держать тайны ему доверенной ⁶²¹. *Ласточка, горлица, полевой воробей*, по Писанию, *знают время своего перелета* (Иер. 8:7); значит не следует жить с пустословами. По делу гонят с кровли и горлицу, вечным воркованьем которой напоминаются неблагоприятные сетования недовольных:

Не воркуйте без конца мне, один с одного – уха, другой – с другого,

(Ил. IX, 311),

говорит поэт. Что же до ласточки, то кто же и стал бы ее удерживать у себя? Она напоминает нам собой басню, где роль главную играет дочь Пандиона, совершая гнусные преступления (детоубийства), а если верить молве, то испытывая и трагические приключения, одни из которых терпел ее муж Терей. в других же и сам принимал участие. Другая причина, по которой ласточка внушала пифагорейцам отвращение к себе, это та, что ласточка питается кузнечиками, этими полевыми ораторами, справедливо, следовательно, гнать из дома всякого, кто преследует честное слово.

«Хранителем верным, – говорит поэт, – защищается языка моего сокровище,

Это скиптроносной Герой, подножием для которой служат вершины Олимпа»

«И у меня язык также под замком», – восклицает Эсхил ⁶²².

Но перейдем снова к пифагорейским иносказательным наставлениям. «Сняв котел с огня, изгладьте его отпечаток на золе», «Встав с постели, переверните одеяло». Этими наставлениями Пифагор дает нам понять, что нужно оставлять

не только всякие чванство и надменность, но изглаживать и последние следы гнева. Утих ли огонь страсти? Укрощайте самый гнев и изглаживайте на дне вашего сердца даже воспоминание о нанесенной вам обиде. *Солнце да не зайдет во гневе вашем*, говорит Писание (Еф. 4:26). Изрекший эту заповедь: *Не пожелай* (Исх. 20:17), запрещает этим и чувство мести питать за полученную нами обиду. Ибо гнев внушается пожеланием, нарушая собой душевное спокойствие и побуждая нас к необычной и противоразумной мести ⁶²³. Равным образом, когда Пифагор советует нам перевертывать одеяло после проведенной под ним ночи, то завещает этим изгладить и воспоминание о непристойном сновидении, если таким осквернен был наш сон; им же предупреждал он и долговременный сон ⁶²⁴. Тем же фигуральным изречением Пифагор быт может воспрещал нам и мрачные призраки воображения и наказывал рассеивать их светом истины. *Предаваясь гневу*, говорит Давид, *остерегайтесь греха* (Пс. 4:4; Еф. 4:26). Что хочет он сказать сим? Побеждайте порывы и страстные увлечения вашего воображения и не предавайтесь гневу до запечатления порывов его фактом. – Между символическими запрещениями Пифагора далее есть еще такое: «Не плавай по земле». Оным говорит он как бы следующее: «Не принимайте на себя должности мытаря и ей подобных, потому что они связаны с неизвестностью и соблазнами. Вот почему и Логос нас заверяет, что мытарям трудно спастись» (Мф. 19:28; Мк. 10:28; Лк. 18:24). – Самосский философ еще запрещает нам носить кольца на пальцах и изображений богов на печатях не вырезывать. В этом случае он лишь подражает Моисею, который еще за несколько веков до него запретил законом делать какие-либо изображения Божества, резные, литые, рисованные или лепные. Запрещение весьма мудрое! Законодатель хотел возвысить наши умы в области созерцательные, а не на материи их останавливать ⁶²⁵. Это неправда, будто величие Божие потеряет в своем блеске, если Божество не будет представляемо обыденным искусством; напротив, поклоняться Существу бестелесному, примечаемому глазом лишь духовным, изображая Его в форме чувственной,

это значит только унижать Его. Так думали и умнейшие из египетских жрецов, постановив, чтобы храм Афины оставался без кровли ⁶²⁶. Так думали и евреи, воздвигнув храм без кумиров в нем ⁶²⁷. Но есть люди, при воздаянии Богу следующего Ему почитания повергающиеся пред изображением неба и звезд ⁶²⁸. Они введены в заблуждение без сомнения этим местом Писания: *Сотворим человека по образу Нашему и подобию* (Быт. 1:26).

Уместно будет привести здесь изречение и пифагорейца Еврюта. В своем сочинении «О счастье» он утверждает, что Творец при создании человека Самого себя имел первообразом, ибо к прочему о сем сказанному он присовокупляет: «Тело же человека сотворено похожим на тела других тварей, так как оно образовано из той же материи; но оно вышло из рук преславнейшего Художника, который Самого Себя при сем имел первообразом». Одним словом, Пифагор со своими учениками, по имени его и называющимися, и Платон из всех философов имеют теснейшее отношение к еврейскому законодателю (Моисею), в чем легко убедиться и из их учений. И когда вследствие особого рода естественной гадательной прозорливости, но не без участия внушения и божественного, они натыкались на известные пророчества и, собирая некоторые элементарные частицы истины, выражали ее двусмысленно или прибегали к объяснениям истины чисто внешним, то получалось изъяснение ее, хотя и имевшее к ней отношение, но такое, которое авторов своих лишь приводило к истине, но не посвящало в самую истину. Вот почему греческая философия походит на пламя факела, из травы сделанного и зажигаемого лучами, искусственно украденными у солнца. Но как скоро провозвещен был Логос, священный свет возблистал во всем своем великолепии. Светом заимствованным без сомнения полезно освещаться ночью по домам, свет же нескончаемый Солнца разумного порождает собою вечный день, и ночь в него преображая.

Продолжаем. Все, что Моисеем сказано о справедливости, Пифагором изложено вкратце в таком символическом наставлении: «Держи свой безмен в равновесии», то есть

старайся не нарушать законов справедливости; ею должны определяться твои действия безраздельно; оставайся верен ей при всякого рода условиях.

Что соединяет друзей с друзьями,

Города с городами, руки борющихся в сражении?

Правота. Равенство есть закон, данный людям самой природою.

Наибольшее и наименьшее постоянную и открытую между собой ведут вражду.

Здесь возникли первые побуждения к ненависти ⁶²⁹.

Потому-то Господь говорит: *Возьмите иго Мое благотворное и легкое* (Мф. 11:29, 30). Увидел Он раз учеников своих спорящими между собой о первенстве, и заповедал простосердечие и равенство, объявив, что они должны быть как дети (Мф. 18:8). Апостол то же говорит, что и Господь. Он пишет: *Во Христе Иисусе нет ни раба, ни свободного, ни Эллина, ни Еврея* (Гал. 3:28), *ибо новый человек, в нас созданный Христом* (Гал. 6:15) – враг распрей, далек от корыстолюбия; он наблюдает справедливое равенство, потому что зависти, соперничества и беспокойства устранены из гармонического общества избранных (Гал. 5:19–21). Жрецы, принимающие в мистерии, равным образом говорят нам символически: «Не пожирайте своего собственного сердца». Они нам дают понять через это, что не следует душу уязвлять и истощать заботами и опечаливаться происшествиями, застигающими врасплох наше благоразумие и нашу волю. И подлинно, весьма несчастен тот (Беллерофонт), которого Гомер представляет блуждающим и гложущим свое собственное сердце (Ил. VI, 200).

И опять, когда Евангелие, Апостолы и все пророки нам указывают на два пути, один ими называемый *узким и трудным*, потому что он ограничен запрещениями и заповедями, другой противоположный этому и к гибели ведущий, – называемый ими *широким и пространным* (Мф. 7:13, 14; Лк. 13:24), потому что на нем к страстям и удовлетворению пожеланий и доступ

свободен; и когда они еще яснейшее прибавляют: *Блажен человек, не вступивший в сообщество с нечестивым и не останавливающийся на пути грешников (Пс. 1:1)*, то не очевидным ли становится, что именно эти места Писания дали повод к знаменитой аллегории Продика Кеосского, где Порочность и Добродетель препираются между собою из-за души Геркулеса? Не поэтому ли и Пифагор, запрещая ходить дорогами большими, столбовыми, путями всем известными, считает нужным предостеречь нас против мнений толпы, почти всегда вздорных и произвольных. Аристокрит в 1-й книге своих «Возражений» Гераклеодору приводит письмо буквально следующего содержания: «Антей, царь скифов, народу Византии. Не противодействуйте мне в сборе дани; иначе мои кобылицы пойдут пить воду ваших рек». Сим образным языком объявил он византиянам, что идет на них войной. Поэт Евфорион влагает подобные же слова в уста Нестора: «Мы еще не напоили в волнах Симоиса своих лошадей, родившихся в долинах Греции». Обычай египтян ставить сфинксы перед храмами имеет также значение символическое. Сфинксы говорят нам, что учение о Божестве и должно отзываться некоторыми иносказательностью и сокровенностью. Может быть, сфинксы и то хотят сказать нам, что Бога нужно и любить, и бояться, любить потому, что Он благ и милостив к тем, кто Его почитает, – бояться потому, что по своему правосудию Он без милосердия наказывает нечестивцев. И действительно, сфинкс двойным своим образом, человека и животного, способен напоминать о сем.

6. Таинственное значение скинии и ее утвари ⁶³⁰

Слишком долго было бы изъяснять все символы, содержащиеся то в книгах пророческих, то в книгах закона, так как Писание свои сообщения почти всегда прикрывает покровом аллегорий. Для того, кто одарен умом светлым и здравым, я полагаю, достаточно будет в удостоверение сего факта привести лишь несколько примеров. Свойственность Писанию аллегорического образа изложения мыслей и притом так, что эта форма составляет главное отличие его, подтверждается, например, особым значением семи завес древнего храма, о коих упоминают еврейские книги. Не менее свидетельствуют об этом и разные украшения первосвященнического облачения. Будучи эмблемами явлений небесных, украшения те представляли собой (как глазам, так и уму) полный состав вселенной с небом и землею. Верхний покров скинии и внешняя завеса своими цветами – гиацинтовым, пурпурным, червлёным и льняным – обозначала, что природа стихий собою открывает Бога. И подлинно. Пурпур добывается из воды, лен доставляется землей, гиацинт своим пасмурным цветом напоминает воздух, по своей природе черноватый, а червленость – огонь. В пространстве между передней и задней завесами, куда имели право вступать одни только священники, стоял алтарь курений. Символически он представлял собою землю, занимающую центр мира, с которого поднимаются пары и курения. Пространство же за завесами, в которое в определенные дни имел право вступать только первосвященник, и вся середина внешнего двора, на который имели доступ все евреи, изображали собой, как говорят они, центральнейшее место неба и земли. По мнению же других, оно было символом мира чувственно-разумного. Завеса, коей святилище отделялось от неверного народа, была растянута на пяти колоннах и образовывала собой преграду для находящихся в преддверии. Колонны предызображали таинственно пять хлебов, преломленных Спасителем. Завесой же на них было предзнаменовано, что хлебы те, умножившись

под руками слушателей Господа, не привели их к желанию иного хлеба (Ин. 6:24–65). Ибо есть весьма много людей, отдающихся вещам чувственным, как если бы других не существовало. «Наблюдайте внимательно, говорит Платон, чтобы этих вещей не услышал кто-либо из непосвященных. Непосвященными же состоят те, кои воображают, что кроме того, что они крепко могут охватить рукой, ничего не существует, и которые не считают вещами реальными действия, произхождение и все, что ускользает от глаз ⁶³¹. В самом деле, таковыми именно и состоят те; которые руководятся лишь пятью чувствами. Слухом, зрением и органами, им подобными, не может быть постигнута идея Бога. Вот почему Сын назван лицом Отца, ибо Он восхотел открыться пятернице наших чувств ⁶³². Воплотившийся Логос есть великий провозвестник Отчего существа. *Но если мы живем духом, то и вести себя должны духовно* (Гал. 5:25), *ибо нас движет вперед вера. а не чувство зрения* (2Кор. 5:7), взывает к нам преславный апостол.

Итак, свои; обязанности священники исполняли под тенью и за завесами, которыми все принадлежавшие к сословию священному были отделяемы от народа, стоявшего снаружи. Второй завесой закрывалась внутренность святого святых. Четыре колонны, коими она поддерживалась, напоминали собой о четырёх заветах с древними ⁶³³. То же самое я должен сказать и о таинственном речении, которое носил на челе первосвященник, имевший право входить во святая святых: оно тоже состояло из четырех букв. Это еврейское слово, «יהוה» ⁶³⁴, означает Того, Кто есть и Кто будет. Но и греческое слово «Θεός» состоит также из четырех букв. Подобно первосвященнику, и Господь в мир, умом лишь постигаемый, вошел только один через Свои страдания, проникши через то (по человечеству) в знание неизглаголаных тайн (Евр. 2:10; 9:26) и возвышен будучи из того мира с именем, которое превосходит все, что может войти на язык человеческий (Флп. 2:9).

Светильник, стоявший на южной стороне кадильного алтаря, представлял собою семь светил, описывающих южные обращения. Поэтому-то справа и слева в сем светильнике

выходило по шести ветвей, каждой из которых поддерживалась лампада, между тем как солнце представлялось среднею на светильнике лампадою, так как по Божественному устройству оно проливает свет на светила, находящиеся как выше его, так и на расположенные ниже. Золотой этот светильник? по пониманию иному, имел и другое символическое значение. Не только внешним своим устройством, но и своим светом он предображал свет, принесенный на землю Христом. Сей свет Христова учения *многократно и многообразно* (Евр. 1:1) распространяем был среди людей, духовный глаз коих был обращен к сему разумному свету, Апостолами и иными учениками, первоначально самим Христом возроденными. Они разливали в мире веру во Христа и надежду на Него. По мнению же некоторых, сей светильник обозначал собою семь очей Господних (Откр. 5:6), семь даров Духа Святого, почивших на Господе, этим цветущем Побеге, произросшем из ствола Иессеева (Ис. 9:1, 2). – Стол же с хлебами предложения стоял на север от кадильного алтаря, потому что питательнейшие из ветров дуют из стран северных. Может быть стол сей с положением его под ветрами северными был эмблемой и престолов разных церквей, которые, не смотря на свою по-видимому раздельность суть все же единое тело, потому что сходятся в единой Главе, между собой согласуются в учениях и соединяются в единую церковь. – Все в Писании сказанное о ковчеге означает собою мир, лишь умом созерцаемый, толпой не постигаемый, остающийся для нее сокрытым и заключенным. – Две золотых статуи, с шестью крылами каждая, были, по мнению некоторых, символом Большой и Малой Медведиц; или же, по другому, более удачному изъяснению, двух полушарий. – Словом «херувим» означает обширное ведение. Двенадцатью же своими крылами оба эти херувима представляли видимый сей мир с двенадцатью знаками зодиака с круговоротом в оном времен года. Значение сих херувимов может быть изложено, как я полагаю, даже и сими словами трагического поэта. Обращая внимание на область видимой природы, он восклицает: «Неутомимое время течет вечно в полных берегах вселенной.

Оно не другой какой-либо источник имеет для своего происхождения, как само себя. И обе Медведицы, быстро двигая своими крылами, стерегут атлантическую (неподвижную) полярную звезду». Атлас же есть не подлежащая обращению полярная звезда; и она действительно может изображать собою сферу неподвижную или, еще лучше, неподвижную, неколебимую вечность. – Ковчег же завета, по моему пониманию, имел еще и другое, более высокое значение. Эллины называют его «кивотом», от еврейского слова «thebotha», в переводе значащим: «Повсюду единое ради своей простоты». Не восьмерицу ли («ogdoadem»), то есть мир идей, представлял он собой? Не Бога ли собою символически знаменовал он, ибо бесконечный Бог объемлет Собою всю вселенную, хотя сам Он ни вида какого-либо определенного не имеет, ни образа и внешним нашим чувствам не подлежит. Обстоятельнейшее изъяснение сего мы здесь оставляем. Скажем только, что кроме сего, ковчег завета означал собою мир, покой, коим наслаждаются души, славящие Господа, иносказательно представленные здесь херувимами. Ибо несомненно, что, заповедавши не делать никаких, ни ваяных, ни резных изображений Себя, Бог не мог допустить видимого изображения сих херувимов, если бы они не имели значения символического. Потому что нельзя же представлять, что есть где-то на небе живые существа, внешним чувствам подлежащие, которые походят на эти изображения. Нет, изображения эти имели значение символическое. Лице в них изображало собой разумную душу; тремя парами крыльев изображена была их деятельность и служение с возвышенным этих характером, ибо дела подобно крыльям также нас облегают справа и слева. Уста в этих изображениях собою означали гимн славы, который воспевают благодарная душа, занятая непрерывным созерцанием, отдаваясь нескончаемой деятельности умозрительной (Ис. 6:3). Этих намеков на таинственное значение херувимов, я полагаю, будет и достаточно, чтоб не простирает здесь речи о сем далее. – Длиннота первосвященнического талара была символом чувственного мира. Пятью драгоценными камнями вместе с

двумя карбункулами (рубинами) обозначено было седмичное число планет; раздельно же двумя карбункулами: одним – планета Сатурн, другим – Луна. Потому что Сатурн плавает на южной стороне неба; кроме того, качеством его состоит влажность; он похож на землю и тяжел. Что же касается Луны, то сфера ее – воздух, отчего иные и называют ее Артемидой, (то есть «αἰροτόμος»), рассекающей воздух, по своей природе темноватый. Моисей нам сообщает, между прочим, что пятью драгоценными камнями и двумя карбункулами образно представлены были Ангелы, содействующие произрождению вещей на нашей земле и что Божественным провидением они назначены быть стражами семи планет; на грудь же и плечи первосвященника надевался наперсник с сими семью камнями в знамение первых семи дней творения, когда творческим действием ничтожество было оплодотворяемо. И конечно не без причины сия эмблема была носима на груди, так как грудь есть седалище сердца и жизни. – Может быть также, что рассеянными там и здесь по первосвященническому облачению драгоценными камнями, то по верхним его частям, то по нижним, обозначены были и различные роды спасения, тем или другим из коих каждый из нас, все наше тело и все тело церкви бывает спасаемо. – Тремястами шестидесятью звонцов, пришитых к низу одежды первосвященнической, означен был годичный оборот, *год Господень спасительный*, год громких благовествований, коими было предвещаемо славное пришествие Христа Иисуса (Ис. 61:2; Лк. 6:19). – Золотой диадемой, надевавшейся на голову первосвященника, означалась царственная власть Господа, потому что *Он есть Глава церкви* (Еф. 5:23). Знаком же наивысшего чьего-либо авторитета служит украшенность главы того кидаром (тиарою); поэтому-то и другое слово к нам обращено и нам известно: *Христу Глава Бог* (1Кор. 11:3; 2Кор. 11:31); Он же есть и Отец Господа нашего Иисуса Христа. – Кроме того, наперсник состоял еще из наплечника, бывшего символом деятельности и еще из «слова судного», состоявшего символом разума и Логоса, сего всеобщего Уравнителя. Сие «слово судное» было образом неба, созданного Логосом, которое со

всеми своими творениями подчинено одним и тем же порядкам и управляется одними и теми же законами и подчинено общему Главе Христу. – Двумя светлыми смарагдами, украшавшими первосвященнический наплечник, обозначены были солнце и луна, эти две природе пособляющие светила, – Начинается рука, нужно полагать, с плеча. Дюжиной драгоценных камней, расположенных на наперснике по три четыремя рядами, напоминался круг зодиака с четыремя временами года. Главе церкви Христу, имеющему в ней высшие власть и достоинство, не прилично ли было основывать их на законе и пророках, свет которых светом тех драгоценных камней «слова судного» был напоминаем? Не во свете ли сем только, свете Духа Святого, Господь и тех открыть мог, кои праведниками имели состоять с точки зрения как того, так и другого заветов? Называя Апостолов праведниками и пророками, мы не погрешаем против точности выражений, потому что как через ветхозаветных праведников и пророков, так и через новозаветных Апостолов действовал один и тот же Дух Святый (1Кор. 12:11).

Господь превыше всего мира, не только сего чувственного, но и того, который лишь умозрением постигаем. Подобно сему и имя Божие, вырезанное на золотой дощечке, поставлялось на челе, то есть выше всякого начальства, всякой власти и могущества (Флп. 2:9). Величественной эмблемой сей напоминались и письменные заповеди Божии и чувствам подлежащее во плоти Христово пришествие. Именем этим было имя Божие, потому что, постоянно созерцая благодать Отца, Сын действует в качестве Бога – Спасителя (Ин. 5:9). Он, Сын, состоящий началом всего, первым и прежде всех веков воспроизведший в своем лице образ невидимого Бога (Кол. 1:45), а потом создавший и всех други тварей. – «Словом судным» символически обозначались и все пророчества, вопиявшие и возвещенные устами Логоса; им предвозвещался и будущий суд, так как тот же самый Логос, который предвозвещает, Он же самый и судит и, распознавая, разделяет. Утверждают также, что талар первосвященника длиной своей пророчески предызображал и домостроительство

воплощения Бога Слова (Логоса), вследствие чего мир мог ближе с Ним ознакомиться. Вот почему первосвященник в день очищения, снимая сей священный хитон, моется и облачается в другой хитон, так сказать, священнейший по сравнению с тем священным, и уже в оном входит во святое святых ⁶³⁵. Означалось сим то, что хотя мир и все в нем *сотворенное* и освящены были Богом, когда *Он увидел, что все сотворенное Им хорошо весьма* (Быт. 1:31), но для приближения к Богу все-таки потребно еще совершеннейшее и полнейшее освящение; то есть символически сим обозначено, что христианин в одно и тоже время должен быть и священником, и гностиком, так сказать, высшим из тех священников, которые освящены лишь водою крещения, облеклись в одежду лишь веры и ожидают только ее пребывания. Он должен различать и разделять мир явлений чувственных от мира духовного, умом лишь созерцаемого, должен возвышаться сим над всем сонмом священников; его стремления должны быть обращены на проникновение в самое существо вещей, доступное лишь разуму; должен он отречься ото всего земного и не нуждаться впредь в каких-либо омовениях водных, которые должен был выполнять, когда принадлежал к сословию обыкновенных священников. Когда Логос, высший принцип всякого познания, очищает его до глубин сердечных, когда все его поведение становится безукоризненным и он поднимается на высшую ступень священнической жизни, тогда действительно освящаются все свойства его существа, дела и слова; он облачается в дух славы (1Пет. 4:14), владея неизреченным сокровищем, составляющим достояние человека духовного и совершенного. Это есть то самое сокровище и те блага, коих *глаз никогда не видал, о коих ухо не слыхало, мысли о которых на сердце человека не входило*, коих и своим чувством, и ощущением он еще не постигал (1Кор. 2:9). Он становится сыном и другом Божиим; он созерцает Бога *лицом к лицу* (1Кор. 13:12) и лицезрением сим не может насытиться. Но лучше будет предоставить здесь слово самому Логосу, изречениями которого в Писании разум просвещается гораздо полнее и глубже. Итак, внемлем Ему: *И пусть снимет он*

одежду льняную, им надетую в минуты входа во святилище и пусть оставит ее там; пусть омоет тело свое в месте священном и наденет одежду свою (Лев. 16: 23, 24). Христос же сам в тайне своего воплощения снял и надел одежду, в высшей степени священную, иначе чем как делал это первосвященник еврейский, веровавший в Него. Апостол объясняет это в одном из своих посланий (2Кор. 5:2–4) ⁶³⁶. Оттого-то во образ Господа и в первосвященники избирались из священнического рода лица лишь славнейшие, отличавшиеся величием своих духовных даров и добродетелей; и кроме того сии лица, избиравшиеся на служения царское и пророческое, освящаемы были еще через помазание священным елеем.

7. Египетскими жрецами понятия, относящиеся к Божеству, народу также представляемы были под формою символов и загадок

Ту же самую предосторожность мы находим и у египтян. Вместо того, чтобы всем без различия открывать смысл содержащихся ими Божественных тайн и доверять знание вещей божественных и невеждам и могущим оказаться людьми нечестивыми, они допускали к посвящению в эти тайны только тех, кто предназначен был к ношению царского достоинства и тех из сословия жреческого, на годность и способность которых для этого дела указывало, во-первых, уже самое воспитание, во-вторых – ученость, а в-третьих, и рождение. Символы же египетские по своей загадочности, указывавшей на нечто иное и возбуждавшей любопытство, имеют большое сходство с символами, бывшими в ходу у евреев. По египетской иносказательной системе солнце было представляемо то под видом корабля, то под видом крокодила. Иносказание хотело сим означить, что солнцем, проходящим через мягкий и влажный воздух, порождается время, эмблематическим знаком которого, по другому священному преданию, был крокодил. В египетском городе Диосполисе, на так называемом храмовом пилоне, можно видеть изображение маленького ребенка, коим иносказательно обозначалось рождение, и старца, какой фигурой символически означаема была смерть. Рядом с ними изображен ястреб, символ Божества, и рыба, переносное значение которой: ненависть. На краю аллегорической сей картины фигурирует крокодил, выражающий собой наглость. Целым сей символической картины очевидно выражается следующее: «О, вы, которые родитесь и умираете, не забудьте, что Божеству наглость ненавистна»⁶³⁷. – Еще символ. Египетскими жрецами выделяются из драгоценного материала фигурки глаз и ушей; их они освящают и вешают на богов в храмах без сомнения для сообщения присутствующим, что Божество все видит и слышит. Этому же соответственно лев у египтян считался символом

силы и храбрости; волом у них несомненно изображались земля, земледелие, пища; лошадь собою символически представляла мужество и независимость; а сфинксом означалось уже соединение в одном лице силы и разума, потому что тело у него делалось львиное, а лицо человеческое. Подобным образом, если хотели они дать понятие о проницательности, о памяти, о могуществе, об искусстве, о промышленности, то изображали в своих храмах выпуклым письмом лик человека. Или вот еще символ. При изображении пиршеств богов, которые у них назывались «κωραιαίς», у них принято было вокруг столующих носить четыре золотых статуи; первой и второй из них было изображение собаки, третьей – ястреба, а четвертой – ибиса. И четырьмя этими изображениями у них обозначались наших четыре буквы. Две собаки были символом двух полушарий, обращающихся вокруг самих себя в орбите, остающейся неизменною; ястребом обозначалось солнце с его палящими лучами и их разрушительной силой, потому что египтяне приписывали солнцу распространение заразительных болезней ⁶³⁸; ибис собою представлял луну; черные перья на нем означали мрак, а белые – свет этой планеты ⁶³⁹. По другому толкованию, двумя собаками обозначались оба тропика, два этих бдительных стража, из которых один поставлен на пороге южных стран, а другой – на пороге северных; они надзирают за течением солнца, когда оно приближается к одной из этих точек. Ястребом в таком случае означался бы экватор по причине возвышенности этой линии и жаров, ее опаляющих; ибисом же, значит, обозначаем был косой круг, иначе зодиак, потому что именно ибис между другими животными – то же, что косой круг среди других кругов; и кажется именно этот-то косой круг привел египтян к открытию счисления и межевания.

8. Понятия священные не только у наших священных писателей, но и у поэтов и мудрецов из среды других народов, принято было выражать символически

Иносказательный же этот способ выражения мыслей принят был не только у образованнейшего сословия народа египетского, но и у всех других народов, как скоро расцветали у них науки и искусства. Об Иданфуре, царе скифов ⁶⁴⁰, Ферекид Сириянин повествует, что он, при известии о переходе Дарием Истра, послал ему вместо письма, грозя войною, символы ее: мышь, лягушку, птицу, стрелу и сошник из плуга. При виде этого странного подарка в лагере Дариевом все стали спрашивать, что бы это значило и что нужно думать о присланном. Тогда поднялся тысяченачальник Оронтопаг и сказал: «Великий царь! Это значит, что скифы тебе покоряются. Мышь значит, что они предадут во власть твою свои дома; лягушка – что они предоставляют тебе пользоваться своими водами; птица – воздухом; стрела – соединяют с твоим свое оружие; сошник плуга – что они уступают тебе земли своей страны». Но Ксифодр понимал препровожденный дар иначе. Он говорил: «Если мы не уйдем из этой страны быстро, подобно птицам, или не спрячемся в землю, подобно мыши, или же в воду, подобно сей лягушке, то не укрыться нам от стрел скифов, потому что мы не господа этой страны». – Тот же самый историк рассказывает, что скиф Анахарсис всегда спал, прикрывая левой рукой органы подчревия, а правой – рот, давая тем понять, что следует обуздывать язык и сладострастие, и первый еще более, чем другое.

Но к чему мне останавливаться на народах варварских, когда легко доказать, что сами эллины часто пользовались аллегорическим способом выражения мыслей? Ученик Пифагора Андрокид говорит, что письмена, известные под именем Ефесских и слава коих была очень распространена, были чисто символическими ⁶⁴¹. Например, «ἄσκιον» означает темноту, потому что она действительно бестенна; «κατάσκιον»

же значит свет, потому что им разгоняются темнота и тени; «λίξ» значит «косой»; древнее имя земли. Словом «τέτραξ», что значит четверичное число, аллегорически обозначается год, по причине четырех времен года, на которые он разделяется. Словом «δάρναμενεύς» называется солнце. Будучи сложено из «δάρᾱω» – «укрощаю, обуздываю» – и «αἴσα», что значит слово истинное («αἴσα», судьба), все то слово, следовательно, означает собой непреодолимое могущество⁶⁴². Символ есть не иное что, как украшение, коим прикрывается понятие о вещах Божественных, так, например, темнота приравнена в свету, солнце к году, земля к разным произведениям природы. Или вот это лучше. Грамматик Дионисий Фракиянин в своем сочинении «Объяснение символа колесец» говорит буквально следующее: «Некоторые же учили морали не только словом, но и при посредстве символов: через слова, потому что ими были выражаемы наставления подобные тем, какие нам известны под названием Дельфийских и которые были изложены в таких изречениях, как: «Ничего слишком», «Познай самого себя»; через символы же таким образом: в храмах были поставляемы то колесца, заимствованные от египтян, то вручались поклонникам пальмовые ветки». Орфей Фракиянин намекает на эти символы, говоря:

Есть разные работы, коим человек, как ветка, отдается здесь на земле.

Ничем одним ум его не занят исключительно;

Жребии беспрестанно вертятся вокруг него, никогда не в состоянии будучи остановиться на одной точке;

Но как вначале дано было вещам вращательное движение, так и в последующее время

Постоянно они удерживают его.

Веткой символически обозначаются первые начатки пищи. Быть может, назначением этого символа было напоминать народу, что плоды на ветвях произрастают, усиливаются в росте и существуют в течение долгого времени; веткам же самим назначено в удел существование лишь кратковременное. Это значит, что эллины находили этот символический знак подходящим для обращения внимания всякого на краткость его

дней. Быть может, поклоннику передачей ветки в храме говорилось и как бы следующее: «Подобно тому как эта ветка, будучи брошена в огонь, сгорит: точно так же и носители ее, по прошествии этой жизни, послужат пищей пламени». Знание языка символического во всех отношениях очень полезно. Полезно оно для здравого богословия, для благочестия, для изощрения остроты ума, для сбережения времени, для обнаружения своих мудрости и разума. «Свойство мудреца, говорит грамматик Дидим, это ловко пользоваться символом и постигать тайну, сокрытую под формой его. Первоначальное обучение, получаемое детьми, также содержит в себе объяснение четырех первоначальных стихий следующими таинственными словами ⁶⁴³. Известно, что фригийяне обозначали воду словом «βέδου». Орфей употребляет сие слово именно в этом смысле:

И разливают Наяды из своих фонтанов чистую воду («βέδου»).

Дион-утробогадатель также говорит: «Бери воду, лей ее на свои руки, потом гадай по внутренностям жертвенных животных». Комический поэт Филюдей, напротив, под словом «βέδου» разумеет жизненный воздух:

О, если бы устроили боги так, чтоб я мог – вдыхать в себя βέδου, источник здоровья. Да, я прошу их даровать мне для дыханья воздух чистый, беспримесный.

Разделяет такое понимание слова «βέδου» и Неанф Кизический. «Македонские жрецы, – говорит он, – обращаются в своих молитвах к «βέδου», испрашивая у него счастливого бытия для себя и своих детей. Они понимают под этим словом воздух, коим мы дышим».

А слово «Ζάψ» неученые толкователи производят от «ζέσις» – «кипение» и утверждают, будто бы оно значит огонь. Но это не так. «Ζάψ» значит «море», как можно в этом убедиться из ответа Евфориона Феориде:

И Ζάψ, великая губительница кораблей, разбила их о скалы.

Дионисий, по прозванию Ямб, употребляет это слово в том же смысле:

И Ζάψ в своей соленой равнине страшно беспокоил их своими шумными волнами.

Комический поэт Кратин-младший также говорит:

Ζάψ рождает раков и маленьких рыбок.

Наконец, у Симмиаса Родосца мы читаем:

И волнообразный Ζάψ кормит среди своих соленых недр Телхинцев и Игнетян.

Словопроизводство «χθών», земля: от «χέω» – «распространять», «разливать», по величественному ее протяжению в пространстве.

«Πλήκτρον», маленькая бряцательная палочка. По мнению некоторых, словом этим означает «πόλος», круг на небе с обращающейся в нем звездой, полярная звезда. По мнению же других, это – воздух. Так назван он или потому, что все трогает, толкает и двигает, благоприятствуя произрождению и развитию; или же потому, что он наполняет собою пространство. Но допускающие это объяснение, наверное, не читали философа Клеанфа, который солнце прямо называет этим именем. Посмотрите действительно, как солнце восходит. Своим диском как бы опираясь о землю, оно касается ее своими лучами; и в своем равномерном движении как ритмически и вполне величественно разливает оно свет свой! По солнцу же Клеанф называет этим именем и прочие звезды.

Что же касается слова «сфинкс», происходящего от «σφίγγω» – давить, нажимать, то оно ни сцепления вещей не означает, ни кругообразного движения нашего мира, как хочет этого поэт Арат. Желал бы я понимать под этим словом лучше род некоего духовного порядка или гармонии, пронизывающей мир и его сдерживающей; или – говоря иначе и лучше – не эфир ли этим означен, который окружает землю и сжимает все творение? За это свидетельствует и Эмпедокл:

Вслушайтесь в мою песню:

Сначала я расскажу о происхождении солнца

И о начале, из которого развилось все видимое нами:

Земля, море с его бесчисленными волнами,

Влажный этот воздух – гигант, и эфир,

Который, объемля всю природу, связывает ее в одно целое.

Аполлодор Корцирянин рассказывает, что эти стихи были петы прорицателем Бранхом во время очистительных церемоний, установленных в Милете для освобождения этого города от голода. Ходя среди народа и его кропя с лавровой ветки очистительной водой, он пел начальные стихи молитвенного гимна:

Пойте, чада, Аполлону и Артемиде, нас издали поражающим,

а народ отвечал ему таким припевом: «Βέδω, ζάψ, χθώρ, πλήκτρον, σφίγξ, κναξζβιχ, θύπτης, φλεγμό, δρώψς». – Упоминает об этом факте и Каллимах в своих «Ямбах». По его толкованию, словом «κναξζβι» обозначается болезнь, по производству его от «κναίειν» – разрушать, истреблять и «διαφθείρειν» – рассыпать. «Χθύπτης», по производству от «τύφω» – воспламенять, означает воспламеняющего молнией.

Трагический же поэт Феспис об этом, кажется, другого мнения. Его он выражает в следующих стихах:

Вот, я подношу тебе возлияние из белого κναξζβι,
Моими руками надоенное из вымени белой коровы.
Вот тебе смесь сыра с красным медом.

О Пане двурогий! Я поставляю эту священную смесь на твой престол;

Вот, я возливаю пред тобою пламенный напиток Вакха.

Феспис первым из этих слов, без сомнения, обозначает ту млековидную пищу, коей питается наша душа и которая состоит из 24 знаков наших идей. Сие-то начальное млеко, сгустившись, образует уже более твердую пищу. Поэт оканчивает свою речь словом о крови виноградной Лозы, то есть Логоса, – о том пламенном и таинственном вине, о той полной и совершенной радости, которая происходит от посвящения в христианские таинства. «Δρώψ» – это деятельный Логос, который, возвышая новообращенного с первых ступеней катехизации до состояния развитого человека *в меру возраста* зрелого (Еф. 4:13), возбуждает и просвещает разум.

Называют еще третий символ, назначенный для детского воспитания, это: «Μάρπτε, σφίγξ, κλώψ, ζβυχθηδόν». Если я не ошибаюсь, он значит, что до разума вещей совершеннейших

должно доходить познанием законов, кои управляют этим миром и стихиями, дабы приобретать нам вечное спасение добродетельной жизнью и трудами. И действительно в слове «μάρπτεις» есть идея «схватывать», «постигать»; сфинкс представляет гармонию мира; «ζβυχθηδόν» обозначает «трудность», «препятствия»; а «κλώψ» в одно и то же время означает и день, и сокровенное познание тайн нашего Господа.

Но как? Эпиген в своем сочинении «О поэзии Орфея», объясняя особенные выражения этого поэта, разве не говорит, что челнок у ткачей своими загнутыми кончиками напоминает плуг, а основа или навой – загоны, нити утка – семя, сеемое земледельцем? И слезами Зевса не дождь ли обозначается? А в богинях, заведующих судьбами человека (латин. Парки), разве не луны разные фазы олицетворены, первая четверть, последняя и новолуние? Вот почему Орфей, как добавляет Эпиген, называет их «λευκοστόλους», то есть «одетыми в белое», потому что они участницы света. И опять: «ἄνθιον» (цветистый) у того же Орфея не означает ли весну, сезон цветов? Ночь он называет бездеятельной, ленивой, «αρουῖδα», потому что она приносит с собой часы спокойствия, сна, отдыха. Луне он дает эпитет «γυροῖον», потому что ее диск, по видимому, схож с лицом Горгоны. Под Афродитой этот поэт, истолкователь вещей божественных, понимает время, когда нужно засеять землю.

Школа пифагорейцев не менее пользовалась символами. Планеты, – по их аллегорическому представлению, – это собаки Персефоны; море – слезы Кроноса. Обозревая творения философов и поэтов, мы встречаем у них бесчисленное множество аллегорических выражений и форм. Есть даже целые книги, в коих мысли авторов сплошь изложены прикровенно. Такова книга Гераклита «О природе», составившая своему автору репутацию писателя невразумительного и закрепившая за ним прозвание «темного». Богословие Ферекида Сириянина схоже по форме изложения с этим сочинением Гераклита. Выразумение поэта Евфориона, «Причин» Каллимаха, «Александры» Люкофрона и других сочинений, писанных в том

же роде, для всех истолкователей составляет искуc и равно работам богатырским (атлета).

Удивляться ли после этого, что и Моисей пользовался той же символической формой изложения своих мыслей? Свою мудрость, о которой мы здесь рассуждаем, подобно другим древним, он также изложил прикровенно и символически, как это и будет здесь показано. Этот характер носит, например, его *запрещение есть мясо свиньи, ястреба, орла, ворона* (Лев., гл. 11; Втор., гл. 14) ⁶⁴⁴. Свинья и действительно есть животное нечистое и возбуждающее сладострастие. Она представляет собой воплощение плотских вожделений чревоугодия, похотливых порывов несдержанного сладострастия; она беспрестанно валяется в грязи материи и тучнеет только для того, чтобы быть заколотой и погибнуть. С другой стороны, законодатель позволил своему народу употреблять в пищу мясо животных, отрывающих жвачку и имеющих рассеченное копыто. Что бы значило это? Варнава отвечает нам, что пророк сим как бы следующее сказал; «Прилепляйтесь к людям, боящимся Господа, сохраняющим на дне своего сердца слово ими слышанное, беседующим о заповедях Господних, оные наблюдающим и понимающим, сколь великое утешение может находить душа в постоянном размышлении о законе Господнем. Что же обозначено животным, имеющим раздвоенное копыто? А то, что праведник хотя и движется в этом мире, живет же он надеждою быть некогда переселенным в мир святых. Смотрите же, прибавляет Варнава, как был мудр и духовен закон, данный Моисеем; но евреи не могли постигнуть истинного смысла его ⁶⁴⁵. Что же касается нас, которые получили это познание единственно по воле Господа, то мы можем хвастаться в нем познаниями. Для того Он и обрезал наши умы и наши сердца, чтобы нас соделать способными вникать в таинственный смысл закона. Итак, когда Моисей сказал: *Не ешь ни орла, ни ястреба, ни коршуна, ни ворона*, то он заповедал этим как бы следующее: Не имейте никаких сношений с этими людьми, не умеющими поддерживать своей жизни трудом и потом, а вместо того живущими грабежом и несправедливостями, отнимая у других то, чем они владеют ⁶⁴⁶. Орел и действительно живет

грабежом и хищничеством, ястреб несправедливостями, а ворон корыстолюбием. Но написано: *С невинным ты будешь невинен, с избранным – избран, с нечестивым нечестив* (Пс. 17:25, 26). Следует же прилепляться к людям священным, потому что те, кои надерживаются среди них, и сами освящаются. Сим-то внушены были Феогнису следующие слова:

В общении с людьми добрыми ты научишься делам добрым;

Если же ты знаешься с людьми дурными, то исказишь все свои понятия ⁶⁴⁷.

Когда Моисей восклицал в гимне избавления: *Он заставил о Себе греметь славу: коня и всадника Он ввергнул в море* (Исх. 15:1), то он как бы так вопиял: Он низверг в море этого мира с его бурями и шумными волнами тысячи грубых и скотских инстинктов пожелания вместе с проводником, который ездил на горячем этом животном и опустил поводья сладострастия ⁶⁴⁸. Платон в своем разговоре «О душе» ⁶⁴⁹ изображает пред нами валящихся наземь сразу и вожатого, и непокорного коня, то есть неразумную часть души, питающую страсти и пожелания. В басне о Фазтоне скрывается тот же самый смысл. Безрассудный возничий опрокинут вместе и со своей колесницей, потому что он не умел сдерживать своей неводержанности.

История об Иосифе, кроме действительности, представляет собой и иносказание. В юные годы Иосифа его братья, завидуя тому что своим предвидением он презирал яснее чем они в знание будущего, сняли с него разноцветную его тунику, взяли его и спустили в сухую цистерну. Это было знаком их оскорбительного пренебрежения к приобретенным столь трудолюбиво разнообразным познаниям, коими отличался этот добродетельный сын Иакова. Или же поступок этих грубых людей, веривших лишь в простую букву закона и бросивших своего брата в безводную цистерну, имел символическое значение: цистерна та представляла собой Египет, не знавший тогда слова Божия, в который братья и продали Иосифа. Как бы то ни было, цистерна изображает собою тупое невежество этих предателей. Им казалось, что мудрец, тайно ввергнутый во

мрак, должен лишиться здесь своего света и сделаться похожим на них, то есть лишиться всех познаний. По другому истолкованию, снятием сыновьями Иакова со своего брата разноцветной одежды и потом низвержением его в пустой водоем знаменует пожелание, вовлекающее в разнообразные чувственные удовольствия и копающее под ногами человека пропасть бездонную.

(Цистерна Иосифова дает нам повод разъяснить и другой закон Моисея). *Если кто-нибудь раскроет яму или выкопает цистерну, говорит закон, и не покроет ее, и туда упадет вол или осел, то хозяин ямы должен заплатить цену этих животных, а труп переходит в его собственность (Исх. 21:33, 34).* Присоедините к сему слова пророчества: *Вол знает своего владельца и осел свой хлев, Израиль же не знает, кто Я (Ис. 1:3).* Что значит это? А вот что: Может случиться, что в школу, вами открытую для сообщения в ней знаний, наберутся слушатели грубые, неспособные быть носителями истины, так как они понимать могут плохо и спотыкаться будут на каждом шагу, то будьте благоразумны и сдержанны в пользовании словом. Пред этими непросвещенными людьми, не могущими быть и посвященными в мудрость, которые идут к вам, ведомые не разумом, закройте доступ к роднику, берущему свое начало в глубинах и отпускайте, выдавайте целебную, спасительную воду лишь тем, кто жаждет истины. Закрывайте цистерну сию от умов, которые не могут вмещать глубин познания. Сам хозяин цистерны, гностик, по слову Господа, понесет кару и наказание стыдом; он будет виноват, если его брат будет сожжен величием учений, ему сообщенных, потому что этот новообращенный был плохо подготовлен к уразумению величия Логоса, а нерассудительный посвятитель допустил его до созерцания, когда он был только еще делателем ⁶⁵⁰; и таким образом неблагоразумно его отвлек от веры, которая действительна и сама по себе, без знания. Наказание, которое он должен будет понести – это отчет, который он должен будет отдать воле Творца.

Так закон и пророки постоянно движутся в образах; и это продолжалось до времен даже Иоанна Крестителя. И хотя уже

Предтеча начинает выражаться яснее, потому что он. вместо предсказания по образцу пророков, пальцем указывает на Того, Кто уже воплотился, Который столькими символами был предвозвещаем от начала мира; однако же он не преминул сказать: *Я недостойн развязать ремней обуви Его* (Мк. 1:7; Лк. 3:16; Ин. 1:27). Смиренно он признает, что ему не подобает крестить столь всемогущего Властителя, потому что делом очистителя, поистине спасительным, должно было освобождение души быть из-под власти тела и от уз греховных, подобно тому как освобождают ногу от оков, и на нее надетых. И не невозможно, что именно это последнее нам благодеяние Спасителя, то есть непосредственнейшее и нас взыскавшее ближайшим образом, остававшееся до тех пор сокрытым под покровом пророческих иносказаний, не невозможно, что тем изречением крестителя оно действительно было возвещено народу. Развязывая трудный узел пророчеств, относившихся к воплощению и оное предвозвещавших символически, раскрывая смысл их, Предтеча, когда Логос уже сам был налицо, как бы так говорил людям: «Смотрите, вот та Добродетель, о которой через ряд веков пророки столько раз благовествовали. Наконец Она явилась и пред вашими глазами».

Формальности, наблюдающиеся при подписывании завещаний по римским законам, собственно говоря, также суть символы. Приносят весы и несколько ассов ходячей Римской монеты; составляется акт отчуждения имущества и уступки его другому. За тем присутствующие касаются ушей друг у друга. Весы и монета служат внешним знаком справедливости, наблюдение которой и рекомендуется в настоящем деле; актом передачи имущества определяется стоимость его; троганье ушей предупреждает свидетеля, что он обязан помнить о деле, коего был посредником.

9. Побуждения, по коим истина была скрывается под покровом иносказаний

Беспокоюсь, чтобы желание показать повсеместную распространенность языка иносказаний нечаянно не вывело меня за границы должного. Времени целой жизни моей не достало бы на поименование всего того множества мудрецов, которые пользовались этой формой при изложении своих мыслей. Пособлять памяти, способствовать краткости и сжатости языка, напрягать и изощрять ум в открытии истины – вот троякая цель иносказательного способа выражения мысли и языка символического в сочинениях писателей у народов иностранных и варварских. Символизм признает истинными своими учениками, находящими вкус и толк в нем, только тех из слушателей или читателей, кои усердны в его допрашивании, в требовании ответов от него, которые уже прежде на нем развили свою личность, которые при живости своей веры и чистоте жизни добиваются мудрости и богословия истинных. Он напоминает нам о необходимости руководителя и истолкователя. Через это мы относимся с большей старательностью к этому занятию и не рискуем сбиться с дороги, потому что знание нам сообщается людьми сведущими, нашедшими нас достойными участвовать в этих сокровищах. Прибавьте к этому, что истина, усматриваемая за завесой, принимает вид более величественный и внушает к себе большее благоговение, Она походит на плоды, красота которых возвышается, если на них смотреть сквозь воду; или же – на формы, если о них можно бывает только догадываться по одежде: плодам таинственный блеск воды придает большее благолепие, а формам некоторая сокровенность служит в пользу; между тем как свет бьющий на предмет со всех сторон лишь открывает все его недостатки. Да притом истина открытая, истина в ее чистом виде и без покровов и понимаема может быть только в одном смысле; между тем как если она выражена прикровенно и, так сказать, скрыта между словами, то значение сей прикровенности может быть истолковываемо различно, так

что от человека темного и неученого, неспособного разоблачать таинственную завесу покровов, истина при этом остается сокрытой, тогда как гностик без затруднения читает ее и за покрывалами. Учения священные не могут же быть опрометчиво открываемы первому встречному; и сокровища мудрости не могут же быть отдаваемы на обещание и унижение тем, в которых все нечисто, которым и сны и те снятся только грязные. Итак, тайна должна быть хранима и чтима. Справедливо ли, действительно, без разбора всем и каждому сообщать сокровища, приобретенные с таким трудом, и открывать непосвященным тайны Логоса?

Говорят, что пифагореец Гиппарх, обвиненный своими близкими в том, что он огласил в своих сочинениях учения Пифагора⁶⁵¹, был исключен из школы и будто бы ему воздвигли погребальную колонну, как если бы он был мертв⁶⁵². Вот почему в мудрости варварской, то есть еврейской и христианской, измена учению и порабощенность чьей-либо души господству страстей известна под именем смерти (1Кор. 5:2). И действительно, *что общего между праведностью и беззаконием*, восклицает Божественный Апостол! *Что за связь между светом и мраком? Может ли согласие быть между Христом и Велиаром?* Что за общение у верного с неверным? (2Кор. 6:14, 15). Почитание, воздаваемое богам Олимпа, не отличается ли оно от почестей, оказываемых простым смертным?⁶⁵³ *Поэтому выйдите из среды их*, говорит Господь, *и отделитесь, и не прикасайтесь к нечистому, и Я приму вас и буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дочерьми* (2Кор. 6:17, 18).

Между философами Греции не только Платон и пифагорейцы часто пользовались языком символическим. Эпикурейцы также похвалялись, что и у них есть некоторые таинственные учения и не допускали всех до чтения сочинений, где они были изложены. Стоики основателю своей школы Зенону приписывают изложение некоторых тайных учений, которые они тщательно скрывают от своих учеников, пока не уверятся в искренности, их любви к мудрости. Школа Аристотеля имеет сочинения двух родов: одни из них

называются эзотерическими, или тайными, другие же экзотерическими, то есть всем открытыми ⁶⁵⁴. Но этого не довольно. Учредители мистерий, люди мудрые, скрыли свои учения под мифами, прикрывая их этим от внимания толпы. Итак, если уже люди свои собственные измышления скрывают под покровами, чтобы укрыть их от взора невежд, то что же удивительного, если мудрость Божественная святое и осчастливливающее нас созерцание истины вечной сокрыла под формами символическими? И все же ни учения мудрости варварской, ни басни Пифагора, ни басня об Эре, сыне Армения, Платоном рассказываемая в его творении «О государстве» (кн. X) и об Эаке и Радаманте в «Горгии», о преисподней в «Федоне», о Прометее и Эпиметее в «Протагоре», и кроме того, о войне между Атлантами и Афинянами, веденной в Атлантике ⁶⁵⁵, ничто из всего этого во всех своих частях не может быть понимаемо иносказательно ⁶⁵⁶, а только там, где выражением каждый раз передается мысль лишь общая. Постоянно этот род мыслей мы находим лишь намекаемым и скрываемым под покровом иносказаний.

У Пифагора ученики были разделены по степеням его отношения к ним и более или менее тесных с ними связей. Разрядом, заключавшим в себе наибольшее количество их, были так называемые «акусматика», слушатели. В другой разряд ученики зачислялись уже по выбору: они назывались «математиками» и с большим усердием занимались философией. Что означалось этим разграничением, как не то, что одно было говоримо всем, а другое от большинства скрываемо? Действительно, есть вещи, доступные пониманию и простого народа, и есть другие, кои нужно содержать в тайне. Мне кажется, что Перипатетическая школа со своими категориями вещей вероятных и вещей научных ⁶⁵⁷ недалеко уже и от различения мнений и славы человеческих от действительной славы и истины неизменной.

Не впадай в рабство из желания почестей и наград;
Это цветы однодневные, раздаваемые рукою людской.
Забойся более о благочестивом и о приятном богам.

Музы ионические говорят, что «простой народ и мудрецы мнимые следуют слепо за поэтами и пользуются законами, хорошо зная, что и законов, и поэтов дурных немало, а хороших очень мало. Люди избранные, напротив, ищут славы истинной» «Да будет далеко от нас, продолжает тот же самый поэт, подражание толпе, привязывающейся к вещам, лишь на один день удовлетворяющим; люди наилучшие пусть стремятся к славе смертных бессмертной; думать же об удовлетворении пожеланий лишь самых грубых, схожих с пожеланиями животных, пусть они предоставят толпе. Невоздержность, разврат, вот у ней единственная мерка счастья».

Достославный Парменид Элеатянин также различает два различных пути. Он говорит:

Один есть путь истины; на оный вводит богиня

С сердцем мирным и покойным словами убеждения;

Другой путь, это – путь следования изменчивым мнениям человеческим;

Это призраки и тени, и доверяться им опасно ⁶⁵⁸.

10. И по рассуждению Апостолов, тайны веры должны быть облакаемы покровом

Преславный и Божественный Апостол имел все основания сказать: *Через откровение возвещена мне эта тайна, о которой выше я писал вам кратко, так что читая вы можете усмотреть мое разумение тайны Христовой, которая не была возвещена людям предшествующих поколений, как теперь она открыта святым Его Апостолам и пророкам (Еф. 3:3–5).* Потому что есть для христиан совершенных некоторое особое учение, о котором в Послании к Колоссянам Апостол пишет так: *Мы не перестаем молиться о вас и просить Бога, чтобы Он исполнял вас познанием воли Его во всякой премудрости и всяком разумении духовном, чтобы вы вели себя достойно Бога, во всем стараясь угождать Ему, принося плоды всякого рода добрыми делами, возрастая в познании о Боге; словом, чтобы вы укреплялись всякого рода добрыми качествами по могуществу славы Его (Кол. 1:9–11).* И затем Апостол присовокупляет: *По домостроительству Божию, мне вверенному, чтоб осуществить оное относительно вас, чтобы исполнять относительно вас слово. Божие, я проповедую вам тайну, остававшуюся сокрытою ото всех веков и предшествующих поколений, ныне же открытую всем святым, которым Бог благоволил показать между язычниками, какое богатство славы в тайне сей (Кол. 1:25–27).* Следовательно, иное дело тайны, остававшиеся сокрытыми даже до времен Апостольских и знание которых нам передано Апостолами, в свою очередь получившими оное от Господа; это тайны, сокрытые в Ветхом завете, а ныне открытые святым; и иное дело – *богатство славы в тайне сей для язычников (Кол. 1:29),* состоящее в вере и надежде на Христа, которого в другом месте Апостол называет *основанием здания (1Кор. 3:10).* Далее, как бы из желания вполне очертить это познание, он присоединяет: *Вразумляя всякого человека и научая его всякой премудрости, дабы сделать всякого человека совершенным во Христе Иисусе (Кол. 1:28).*

Заметьте хорошенько: под «всяким человеком» здесь не нужно разумеать безусловно всех вообще, потому что в таком случае не было бы и неверующих; далее, Апостол и не то хочет сказать, что для достижения совершенства достаточно веры во Христа Иисуса, нет; *всякий человек* – выражение это означает цельного, полного человека, очищенного и по душе, и по телу. И чтоб убедиться вам, что совершенство, то есть *познание*, не есть удел всех и каждого (1Кор. 8:7), слушайте опять Апостола: *Дабы, соединенные в любви, они богатели всяким богатством совершенного разумения, открывающего им познание тайны Бога и Отца и Христа, в котором совмещены все сокровища премудрости и ведения (Кол. 2:2,3). Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней и ее сопровождая благодарением (Кол. 4:2).* Благодарный благодарит Бога не только за то, что к душе имеет отношение и за блага духовные, но также и за то, что имеет отношение к телу и за блага телесные. Но Апостол дает нам и еще яснейшее доказательство того, что *познание не есть достояние всякого (1Кор. 8:7)*. Он пишет: *Молитесь также и о нас, чтобы Бог отверз нам дверь слова, дабы возвещать тайну Христову, за которую я нахожусь в цепях и дабы мне так открыть ее людям, как она должна быть открыта (Кол. 4:3,4),* у евреев были даже особые заповеди, передававшиеся устно и без посредства письменного. Судя по времени, в течение коего вас учат, говорит Апостол, вам надлежало бы быть учителями, так как вы состарились на Ветхом завете; и тем не менее вас нужно снова учить первым началам слова Божия; вы оказываетесь такими, что вам следует молоко давать, а не твердую пищу. Всякий, молоком питаемый, неспособен понимать учение правды, потому что он еще младенец; твердая же пища свойственна совершенным и дух которых долгим упражнением приучен различать добро от зла: посему, оставив речь о первых начатках и основаниях учения Христова, воспарим к совершеннейшему (Евр. 5:12–14; 6:1). Но и Варнава ⁶⁵⁹, содействовавший Павлу своим словом в апостольском его служении язычникам, говорит: «Пишу вам для того с такой простотой, чтобы вы меня поняли». И затем он, точнее указывая

путь и ступени гностического предания, пишет: «Что говорит им Моисей, пророк святой: *Вот что говорит Господь Бог: Вступайте во владение этой плодоносной землей, которую Господь Бог клялся Аврааму, Исааку и Иакову, и владейте этою землею, где текут молоко и мед; Я вам дал ее в наследство* (Исх. 33:1; Лев. 20:24). Смотрите, что открывается нам в этих словах ведением ⁶⁶⁰: «Надейтесь на Христа, который имеет явиться среди вас во плоти как человек». «Земля страждущая» здесь означает человека, потому что Адам создан был из глины, взятой с поверхности земли. И какой способ выражений! Бог называет землю плодоносную текущею медом и молоком ⁶⁶¹. Благословен Господь наш, братия, давший нам премудрость и ведение своих сокровенных тайн. И пророк говорит: «Кто уразумеет притчу Господа, как не премудрый, и верующий, и любящий своего Господа?» ⁶⁶². Познание этих вещей и действительно даровано лишь немногим.

И однако же, как еще Варнава говорит, Господь не по зависти или ревности восклицает в Евангелии: «Тайны Мои суть достояние Мое и чад дома Моего» (Ис. 2:16). Нет, Он сказывает сим только то, что своим избранным Он дарует пристанище верное, свободное от всяких забот и сует, дабы, оценив важность выбора ими сделанного и его последствий, они стали выше зависти. Кто не знает о добре, тот и действительно состоит человеком дурным и злым, потому что *благ один только Отец* (Мф. 19:17). Не знать Отца – это равносильно смерти; тогда как знать Отца – это жизнь вечная (Ин. 17:3), потому что это значит часть иметь в нескончаемом Божием всемогуществе. Не подлежать смерти, это уже божественное свойство; тот, следовательно, кто уклоняется от познания Бога, идет на смерть. Посему еще пророк говорил: *И дам Я тебе сокровища во тьме хранимые и богатства невидимые, таинственные, чтобы ты знал, что Я Господь Бог* (Ис. 45:3). Давид также вопиет в своих псалмах: *Но Ты, Господи, Ты возлюбил истину; Ты открыл мне тайны Твоей мудрости* (Пс. 50:8). *День дню речь передает*, то есть то, что писано без всякой прикровенности и ясно; *и ночь ночи открывает знание*,

то есть познание, сокрытое под покровом таинственных эмблем и иносказаний; *и нет языка и наречия, на котором не был бы услышан голос их* (Пс. 18:2, 3), то есть Богом услышан, изрекшим эти слова: *Сотворит ли что во мраке кто, и не увижу Я его?* Вот почему учение и названо просвещением, потому что им открываются сокровенные тайны, потому что только Глава скинии открыл крышку кивота завета, совершенно в противность тому, что поэты о Зевсе говорят, изображая его закрывающим бочку с благами, а открывающим ту, в которой содержится зло ⁶⁶³. *Я не сомневаюсь, что, придя к вам, я сопровождаем был бы полным благословением благовествования Христова*, говорит Апостол. *Дар духовный* (Рим. 1:11) и предание гностическое, которое он горит желанием передать Римлянам устно и лицом к лицу, потому что для него невозможно было сообщать то письменно, оба он называет полнотой Христовой (Рим. 15:29), потому что в обоих содержится *откровение тайны, которая оставалась сокровенною в течение веков, явлена же ныне через писания пророческие, и по определению вечного Бога соделалась известною всем народам для приведения их в покорность веры* (Рим. 14:24, 25). Апостол говорит всем, разумея под ними тех, кои веровали в бытие Божие. Но и из сих немногим открыт смысл тех тайн. На это уже и Платон указывает, говоря в письмах о Боге: «Писать же должно в выражениях загадочных, чтобы в случае потери тобой записной твоей книжки на судне или на море, кто найдет ее и будет читать, не мог понять ее» ⁶⁶⁴. Понятие о Боге вселенной, который превыше всякого слова, превосходит собой всякое воображение и всякое разумение, действительно, как и может быть передано на письме? Слово бессильно выразить всю бесконечность Его всемогущества. Свое мнение о сем Платон выражает в следующих словах: «Остерегайся, чтобы твоя записная книжка когда-нибудь не попала в руки недостойные и чтобы тебе не раскаяться в этой оплошности. Наилучшим предохранительным средством от этого служит это – ничего не писать, но верить все лишь своей памяти, потому что невозможно, да, невозможно, чтобы вещи писанные когда-нибудь не попали в чужие руки» ⁶⁶⁵. Св.

Павел Апостол, остающийся верным символическому языку пророков и времен древних, из которых Грецией и почерпнуты прекраснейшие из ее учений, говорит почти этим языком Платона. *Мы проповедуем, говорит он, мудрость эту между совершенными, – не мудрость эту мира и не князей сего мира мудрость, которая преходяща, но проповедуем мы премудрость Божию, в своей таинственности остающуюся сокровенной (1Кор. 2:6, 7).* Далее он внушает нам осторожность пускать эти учения в народ. *И я, пишет он, мои братия, не мог говорить с вами как с людьми духовными, но только как с плотскими. Как младенцев во Христе, я вас питал только молоком, а не твердую пищу, потому что вы были не восприимчивы для этого, да и теперь еще плотские (1Кор. 3:1–3).* Так как молоко, по выражению Апостола, есть пища детей, а твердой пищей могут питаться только взрослые (Евр. 5:13, 14), то под первым следует разуместь первоначальную пищу душевную, сообщаемую оглашенным, а под второй полное и окончательное допущение к созерцанию тайн. Плоть и кровь Логоса что собой означают? Уразумение Божественных всемогущества и существа. *Вкусите и видите, что Христос есть Господь (Пс. 33:9),* говорит пророк ⁶⁶⁶. И действительно. Господь при этом вкушении сам себя сообщает тем, которые касаются этой пищи духовнейшим образом. Говорю «духовнейшим образом», потому что, по Платону, сему усерднейшему почитателю истины, душа сама себя питает ⁶⁶⁷. Говорю о сообщении Господом себя самого в таинстве тела и крови Его, потому что вкушение от плоти Божественного Логоса (Ин. 1:14) и питье от Его крови (Ин. 6:53 и далее) равносильно познанию Божественного существа. Вот почему Платон во 2-й книге своего творения «О государстве» пишет: «Обращаясь же к Богу, не поросенка должно приносить в жертву, но нечто поистине великое и драгоценнейшее, сравнительно малодоступное» ⁶⁶⁸. Прислушаемся в свою очередь и к говоримому Апостолом: *Наш пасхальный Агнец – Христос, за нас закланный (1Кор. 5:7).* Жертва поистине великая и драгоценнейшая: Сын Божий, Себя принеший в жертву за нас.

11. Приобретению и содержанию истинного понятия о Боге много способствует отречение от вещей и дел плотских и мирских; это рекомендовано даже и языческими мудрецами

Жертвой Богу поистине благовонной состоит бесповоротное отвержение нами и оставление исключительных забот о теле и подавление плотских страстей. Нет другого богопочтения более истого и более благонадежного. Не это ли и внушило Сократу сказать сии мудрые слова: «Размышление о смерти есть уже мудрость»? ⁶⁶⁹. И действительно. Не допускать в мыслительную работу ни участия зрения, ни вмешательства какого-либо другого из чувств, а вместо того руководиться в исследовании вещей зрением единственно разума, высвобождаясь от всякого стороннего влияния – не значит ли это стать на путь истинной мудрости? И вот цель пятилетнего молчания, которое от его учеников требовалось Пифагором. Отвлекаемые от мира материального, они должны были за это время созерцать Божество единственно глазом духа. Чудные предания! Но насколько дивны они, настолько же оказываются они заимствованиями, сделанными просвещеннейшими из философов у Моисея. *И как скоро кожа с жертвенного животного снята, говорит еврейский законодатель, отрежь у нее члены* (Лев. 1:6). Это значит: по освобождении души от материальных покровов, она, обладая познанием, освободившись от грубых призраков воображения и страстей, собою порождающих мнения неосновательные и лживые, очищается наконец от всех плотских пожеланий и освящается для света. Большая же часть людей ⁶⁷⁰, скрывшись в материю, как бы улитка в свою раковину, и, подобно ежам, валяясь в кругу своих плотских страстей, питают относительно Божества, существа по преимуществу блаженного и нетленного, мысли не более возвышенные, чем какие они питают и относительно людей. Люди эти хотя и братья нам, но не знают, что Бог одаровал нас множеством вещей, в коих сам Он не имеет части с нами. Так, например, Он даровал нам произрождение, хотя

сам Он не рожден. Он снабжает нас пищею, хотя сам Он не имеет надобности ни в какой пище. Он дал нам возможность расти, хотя сам остается неизменным. Он дарует нам счастливую старость и тихую кончину, хотя сам не подвержен ни старости, ни смерти. Не думаем, что евреи, говоря о руках Всемогущего, о ногах, об устах, об очах, о Его пришествии и отшествии, об Его гневе, угрозах, хотели означить сим, что Бог подвержен нашим страстям. Вовсе нет. Благочестие видит в этих выражениях только аллегии, значение коих мы объясним, когда случай представится к тому.

«Из всех лекарств, говорит Каллимах в своих «Эпиграммах», самое спасительное – мудрость». Но нет мудреца, который бы не научился своей мудрости от другого. «Это закон как прошедшего, так и настоящего», – говорит Вакхилид в своих «Пеанах»⁶⁷¹. Ибо нелегко найти одному ключ к словам сокровенным и таинственным. Следовательно, можно только хвалить за то Исократу, что, в своем «Панатенаике» поставив вопрос: «Кому дать имя хорошо воспитанных?», он отвечал: «Тем, которые обращают себе во благо происшествия каждого дня; проницательность которых судит здраво об обстоятельствах и часто достигает цели, преследование которой должно бы быть брошено; тем, которые привносят в дружеские отношения простодушие и строжайшую честность; постоянно терпеливым и безропотным в неприятностях или обидах, коими другие причиняют им страдание, между тем как сами они стараются пред теми, с коими они знают, не выказывать иначе как ровного расположения духа и возможно большую умеренность; тем, которые уже победили в себе сладострастие; которые вместо того, чтобы дать себя убить несчастию, смотрят своей злой судьбе прямо в глаза с геройством, достойным благородства нашей природы; тем, наконец, – и этот последний разряд людей самый замечательный, – благоденствие чье не может ни ухудшаться, ни изменяться, ни делать их надменными, но которые неизменно удерживаются в границах мудрости». Оратор, наконец, приходит в своей речи к такому заключению: «Что касается до тех, кто своими привычками и своим образом жизни исполняет без противоречия и измены самому себе не

одну только какую-нибудь из этих обязанностей, но разом целый круг их, тех я называю людьми просвещенными и совершенными, людьми, кои наделены всеми добродетелями». Обращайте на то внимание, как уже эллины, не имеющие о том понятия, что такое познание, прославляют похвалами лишь Божества достойную жизнь гностическую, проводимую по правилам познания. Итак, что же такое представляет собою познание? Идеи сего им не снилось даже и во сне. Если же у нас единогласно признается, что «познавать» – это значит питаться Логосом, то – как и в Писании – поистине, *блаженны алчущие и жаждущие истины, ибо они удовольствованы будут пищей нетленной* (Мф. 5:6). Дивная вещь! Если прислушаться к Еврипиду, то этот поэт, популяризовавший мудрость на трагической сцене, чуть не соглашается с тем, что мы сейчас сказали, ибо он, повинувшись я не знаю каким тайным внушениям, изображает разом и Отца, и Сына. Он восклицает:

Тебе, Царь всевышний, это возлияние вина и этот жертвенный хлеб.

Тебе, Зевс или Аид, если это последнее имя тебе больше нравится!

Прими благоволительно это изысканное приношение,

Состоящее из разнообразных плодов, равно как и этот кубок, полный до краев.

Христос и действительно есть жертва чудная и священная, в которой совмещены все совершенства, так что она могла быть за нас принесена Отцу. Стихи последующие показывают еще яснее, что поэт, помимо своего собственного ведома, говорит здесь о Спасителе.

Ибо в одной и той же руке ты держишь между небесными богами и скипетр Зевса,

И бразды царств земного и подземного.

Потом Еврипид прибавляет уже явно:

Просвещай души смертных, желающих знать,

Откуда возникли споры и битвы,

Что за причина зла

И кого из блаженных следует жертвами умилобивлять,

Чтоб отдохнуть от своих трудов.

Это не без причины, что умиловительные очищения суть первые церемонии в мистериях эллинских, подобно тому, как крещением отверзается дверь к жизни у варваров (Тит. 3:5). Затем по степени важности занимают второе место малые мистерии, подготовляющие к мистериям великим учением основным. Тому, кто прошел последние испытания, нечего более заниматься постижением целого вещей или всей их совокупности: пред духом восстает теперь не другая задача, как только отдаваться возвышенным размышлениям и обнимать в своих созерцаниях и природу, и вещи.

Что касается до нас, то при очистительных наших церемониях нами обычно наблюдается исповедь, и мы возвышаемся до созерцания Первопричины путем анализа. Через анализ мы возвышаемся постепенно до понятия о первоначальной Причине, начиная с тварей, которые Первопричине подчинены, и кончая освобождением тела от естественных свойств, ему присущих. Уменьшим, например, три измерения: глубину, ширину и длину. Останется после этого лишь сокращенная единица, так сказать, точка, не подлежащая измерению ее объема и протяжения в пространстве. Упраздните, уничтожьте эту самую точку, и вы попадете в абстракцию единицы. Если же, освобождая тело от свойств, ему присущих, и от тех, кои носят имя бестелесных, мы погружаться будем в созерцание величия Христова и посредством святости воспарим в бесконечность, то мы возвысимся некоторым образом до Всемогущего, хотя в этом случае мы и не будем еще постигать того, что в Нем есть, а только то, чего в Нем нет. Но чтобы эти выражения, как: образ, движение, состояние, престол, место, десница, шуйца, в священных книгах прилагались к Творцу вселенной буквально, о сем непозволительно даже и думать, хотя и написано так. Что же за смысл этих слов? Согласно с обещанием мы это разъясним в свое время.

Первопричина не ограничиваема каким-либо одним определенным местом. Она выше пространства, выше времени, превышает всякого человеческого слова и разума. Вот почему сам Моисей восклицал: *Покажи мне Тебя!* (Исх. 33:18),

свидетельствуя сим ясно, что Бога нельзя познать обычными у людей способами или изобразить человеческим словом; может же Он познан быть только добродетелью, истекающей из Него самого. Посему напрасно вы Его ищете; нет формы для Его постижения; ничего в Нем нет, подлежащего нашим чувствам ⁶⁷². Исходит же благодать познания о Боге от Его Сына. С очевидностью нас убеждает в этом своим свидетельством и Соломон: *Разума человеческого, говорит он, нет во мне; мудрость же мне дарует Бог, и я познаю святое* (Притч. 30:2). Образом, какой Моисеем избирается для изображения Божественного провидения, у него служит еще росшее в раю древо жизни, а рай, в свою очередь, может изображать собою мир, в коем размещены все дела творения. В этом же мире блистал и принес плоды и воплотившийся Логос (Ин. 1:14; 1Пет. 2:3). Живя на этой земле, Он оживотворял тех, кто вкушал от сладости Его плодов. И в самом деле, не древо ли спасительное представляет собою, что Он открылся нам? Виновник жизни, не был ли Он на древе повешен для возбуждения в нас веры в Себя? Далее Соломон нам говорит еще: *Для тех, кто избирает ее и привязывается к ней, мудрость состоит в древе жизни* (Притч. 3:18). Посему и Всемогуший говорит к Израилю: *Вот, Я ныне поставил пред твоими очами жизнь и смерть: ты свободен любить Господа Бога твоего, и ходить по путям Его, и повиноваться заповедям Его, и верить в жизнь, Им обещающую тебе. Если же станешь нарушать заповеди и законы, которые Я дал тебе, то погибелью погибнешь. Ибо любить Господа Бога твоего, вот в чем твоя жизнь и долголетие дней твоих* (Втор. 30:15, 16 и далее). Сказано еще: *Авраам, пошедши на место, о котором сказал ему Бог, на третий день, возведши очи свои, издалека увидел место то* (Быт. 22:3, 4). И действительно так. Первый день наполнен был удивлением пред тем, что прекрасно; второй – благородными стремлениями души; на третий же день разум наконец проникает в вещи духовные, после того как Учителем, воскресшим в третий день, очи ума были отверсты (Еф. 1:18). Этими тремя днями может означаться и тайна священного

запечатления, в которой новообращенный свидетельствует свою веру в истинного Бога ⁶⁷³. Соответственно сему и говорится, что Авраам видел то место издали. В область Бога (невидимого) проникать трудно; это тот край, та страна, которую Платон называет областью идей, потому что, как мы читаем у Моисея, Бог совмещает и содержит в Себе всю полноту и всеобщность идей. Авраам ту область видит издали. Выражение вполне точное, ибо патриарх еще держим был в узах телесных, и для введения его в познание сей тайны нужен был Ангел. Вот почему Апостол сказал: *Ныне мы зрим Бога как бы в зеркале, тогда же Его увидим лицом к лицу (1Кор. 13:12)*, то есть единственно силою своих разумных способностей, не затрудняемых посредничеством тела и материи.

Однако же мы можем открывать и зреть Бога созерцанием Его в своей мысли, если, освобождая свою душу из-под власти чувств, мы будем стремиться усилиями единственно разума проникать в существо каждой вещи, не отставая и никогда не расставаясь с вещью, прежде чем не воспарим в области, вещам повелевающие, прежде чем не постигнем своим разумом истинное добро, составляющее высшую и последнюю цель всякого познания, если только это исходит из разумного принципа, с чем согласен и Платон. Или вот это будет лучше. Моисей, не позволив воздвигать храмов и жертвенников в разных местах, но соорудив сам единственный храм во славу Божию, не открыл ли этим самым, что мир есть творение единого Бога, что признается и Василидом, и что существует только один Бог, чего Василид уже не признает? Моисей, как истинный гностик, понимал очень хорошо, что Существо беспредельное не может быть ограничиваемо каким-либо одним местом. Потому же он не предложил народу для почитания никакого резного или литого изображения, открывая этим, что Бог невидим и бесконечен. Он хотел через это возвысить образ мыслей своего народа и, так сказать, возвести оный к Богу, передав народу для почитания лишь священное имя Божие, собою и наполнявшее внутренность храма.

Потом и Логос, воспрещая возведение храмов и принесение жертв, не дает ли этим понять, что величие Вседержителя не

ограничено одним местом? *Какой дом, говорит Господь, вы можете построить для Меня? Небо престол Мой (Ис. 66:1), и так далее. И по поводу жертвоприношений: Не хочу Я ни крови волов, ни тука овнов (Пс. 49:13), ни того, что далее Дух Святой отвергает устами пророка. Дивные слова! С ними соглашается и Еврипид в следующих стихах:*

Каким храмом, выстроенным рукою человека,
Могло бы Божество быть вмещено в стенах его каменных?
А о жертвоприношениях тот же поэт говорит:
Бог не нуждается в них, потому что Он – Царь вселенной;
Все это – химеры и измышления поэтов.

Бог, по суждению Платона, мир создал вовсе не для того, чтобы извлекать из него какую-либо пользу; ни для того, чтобы собирать и принимать почтение от людей, богов и гениев, – род дани, которую Он взимал бы со всего того, что призывает Он к жизни: брать дань со смертных, принимать почести и служение от богов и гениев – это значило бы брать суетную дань и ничтожную».

Следовательно, имеют высокое значение слова Павла в Деяниях: *Бог, сотворивший мир и все, что в нем, будучи Господом неба и земли, не в храмах, созданных рукою человеческой, живет; Он не может быть чествуем произведениями смертных рук человеческих, как если бы Он нуждался в чем-нибудь, Он, который сам дает всем и жизнь и дыхание и все (Деян. 17:24, 25).* Зенон, основатель стоической школы, в своем сочинении «О государстве» также говорит, что не следует ни храмов строить, ни статуй не нужно воздвигать, потому что никакое создание людское не может быть богов достойно. Но заставим лучше говорить его самого. Он не страшится выражаться таким образом: «И храмов созидать вовсе не нужно, ибо не следует считать храм вещью какой-то святой и ценной. Ничто, выходящее из-под рук каменотеса и грубого ремесленника, не может быть святым и драгоценным». Платон обнаруживает, следовательно, много мудрости, когда, убежденный, что вся вселенная служит для Бога храмом, отводит гражданам своего «Государства» лишь небольшое местечко в городе, где они могут выставять

свои кумиры. Иметь же свои домашние молельни он запрещает, кто бы это ни был, и мужчинам, и женщинам ⁶⁷⁴. «И пусть никто другой говорит он, не посвящает храмов богам! В других государствах золото и серебро, коими блистают и частные дома, и храмы, возбуждают зависть. Не то в государстве моем. И слоновая кость, ободранная от мяса, души лишенная, что это за жертва? И может ли она быть приятна? Железо и медь должны идти на военное оружие. Жертвой, которую всякий может приносить в один общий для всех храм, может быть изделие, произведение его собственное, деревянное или каменное, это все равно, лишь бы оно ему самому нравилось и было сделано из одного цельного куска». Тот же самый философ и в длиннейшем из своих писем, следовательно, имел все основания сказать: «Тайна существа Божественного не может, как это происходит с предметами других наук, быть выражена человеческом языком, Долгое время сосредоточивая наш разум на ней и занимаясь ею, и после того как с предметом сим мы заключили род сердечного союза, проник в нашу душу свет, осияв нас как бы искрометным факелом, начиная с какого времени душа и стала питаться сама собою». Эти слова – не напоминают ли они слов пророка: «И был я объят духом, и он поднял меня на пятое небо, и любовался я Ангелами, так называемыми Господствами; и на них была диадема, возложенная от Святого Духа; и трон каждого из них был всемерно блестящее, чем свет солнца при его восходе; и они живут во храмах спасения и поют о неизреченном и всевышнем Боге» ⁶⁷⁵.

12. Бог ни разумом не может быть постигнут, ни словами понятие о Нем не может быть выражено

«Познать Отца и Создателя этой вселенной – дело нелегкое; а нашедши, вы все же не в состоянии будете о Нем возвестить всем»⁶⁷⁶. «Потому что тайна Его существа, не так, как другие учения, не может быть выражена словами», говорит искренний друг истины Платон⁶⁷⁷. Он слышал, без сомнения, говоримое о Моисее, в котором жила та же мудрость, – как он, готовясь взойти на гору, чтобы созерцать лицом к лицу эту наиболее величественную из тайн, осязаемых разумом, принужден был воспретить народу следить за этими неисповедимыми откровениями. И когда Писание говорит: *И вошел Моисей в облако, где был Бог (Исх. 20:21)*, то эти слова для человека, способного понимать, обозначали, что Бог не может быть видим глазом, ни изображен словом человеческим⁶⁷⁸. *Облако* же что значит? А то, что неверие и невежество большинству смертных мешает видеть блеск истины. Орфей, в изложении учения о Боге также вдохновлявшийся Моисеем, говорит:

Есть Существо, причину своего бытия заключающее в себе самом.

Все было сотворено рукою этого Существа.

В последнем стихе предикат может быть понимаем так: «рождено от сего одного», потому что есть тексты, где он передан так. Затем Орфей прибавляет:

Нет смертного, который бы видел Бога,

А Он, их всех Он видит.

Но поэт выражается и еще яснее:

И Его не вижу потому, что Его престол неизменный

Находится среди облаков, и слабые вежды людей,

Состоящих не иным чем, как костью и плотью,

Не могут проникнуть в эти глубины.

Подтверждает предшествующее и Апостол своим авторитетом. *Знаю человека во Христе*, пишет он, *который был восхищен даже до третьего неба и оттуда в рай; и там*

слышал он таинственные слова, которых человеку нельзя пересказать (2Кор. 12:2–4). Апостол этим дает понять, что человеческий язык бессилен изъяснить понятие о Боге. *Нельзя,* говорит Апостол. Не то это значит, как если бы он безмолвно повиновался какому-либо закону или какому-либо запрещению, нет; он хочет нам только то сим сказать, что идея Божества не может быть изъяснена людям, живущим под третьим небом, потому что если только выше третьего неба начинают Бога именовать, то и приникать в священные тайны душ избранных могут только Ангелы, там живущие. Относительно сего третьего неба Писанием наминается мне множество свидетельств варварской мудрости. Но их я подожду минуту излагать, потому что мной уже обещано было изъяснение другого. Удовольствуемся, на время, одним местом из Платона. Возбудив в «Тимее» вопрос, существует ли несколько миров или только один, обитаемый нами, философ слова *небо* и *мир* начинает употреблять безразлично. Но будем говорить лучше его собственными словами: «Итак, что справедливее, то ли, что существует только один мир, или несколько, или число их бесконечно? Лучше утверждать, что один, если все миры сотворены по одному образцу». В послании Римской церкви (Климента Римского) к церкви Коринфской между прочим написано: «Безграничный океан и миры вне его находящиеся». Соответственно сему Божественный Апостол восклицает: *О, глубина богатства и премудрости и разума Божия! (Рим. 11:33).* Не символический ли, следовательно, смысл содержится в пророческом повелении делать опресноки и печь их в золе? (Быт. 18:6; Исх. 13:6; 12:39). Этим указывается нам на то, что слово, поистине священное и таинственное, о Существо не сотворенном и Его свойствах должно быть сокрыто под покровом. Тоже подтверждает и Апостол, в Послании к Коринфянам ясно свидетельствуя: *Мы проповедуем премудрость совершенным, не мудрость мира сего и не князей сего мира мудрость преходящую, а премудрость Божию, которая в своей таинственности остается сокровенною (1Кор. 1:6, 7).* И в другом месте: *Для того, чтобы достигнуть разумения тайны Божией о Христе Иисусе, в*

котором сокрыты все сокровища премудрости и знания (Кол. 2:2, 3). Спаситель наш и сам освящает слова Апостола, говоря: Вам дано ведать тайну царствия небесного (Мф. 13:11; Мк. 4:11; Лк. 8:10). Евангелие повествует нам о нашем Господе, что Он говорил своим ученикам в выражениях таинственных (Мф. 13:34, 35). То же означено и сими словами пророка: Откроет в притчах уста свои и огласит вещи, сокрытые от начала мира (Пс. 68:2). Но и через притчу о закваске Спаситель указывает на сокровенность. Подобно, говорит Он, царство небесное закваске, которую женщина, взяв, замесила с тремя мерами пшеничной муки, пока не вскисло тесто то (Мф. 13:33). Душа и действительно с тремя ее частями⁶⁷⁹, в вознаграждение за свое послушание, удостоиваема бывает спасения двояким образом. Она спасается или благодаря духовной силе, которою проникает ее вера; или же крепость, нам сообщаемая Логосом, сконцентрированная и державная, каковой она и есть, влияя на того, кто ее получил и содержит в себе, таинственно и невидимо все притягивает на саму себя, сливает все нравственные свойства его существа в одно крепкое целое. Солон обнаруживает, следовательно, много мудрости, в стихах последующих так выражаясь о Боге:

*Изведать всю глубину знания весьма трудно,
Ибо начало и конец всего заключается в Боге.
Посему и поэт Агригентинский (Эмпедокл) сказал:
Сколько ни возводите очей к небу;
Как ни распростирайте рук:
Божества вам не постигнуть; путь торный,
По коему Оно нисходит в ум человека,
Есть вера.*

Бога не видел никто никогда, говорит и Апостол Иоанн; только едиnorodный Сын, сущий в недре Отчем, только Он мог дать сведение о Нем (Ин. 1:18). В недре, в лоне Отчем... Некоторые на основании сего выражения, означающего незримость Божию и невыразимость понятия о Нем, позволяют себе называть Бога «глубиною»⁶⁸⁰, потому что Он все совмещает и все объемлет в недрах своей необъятности⁶⁸¹;

потому что Он бесконечен и беспределен и границ Его существа постигнуть никто не может.

То несомненно, что вопрос о Боге соединен с затруднениями. Если то засвидетельствовано, что и вообще открыть какое бы то ни было начало – дело трудное, то тем мудренее открыть первое и древнейшее из всех начал, – то начало, в силу которого существуют и удерживают свое существование все другие начала ⁶⁸². И в самом деле, каким именем назвать Того, который не рожден, не имеет ни различий в себе, ни вида определенного, ни индивидуальности, ни числа, но Существо такое есть, которое ни акциденций никаких в себе не имеет, а равным образом и акциденциальному ничему не подлежит? Скажете ли вы, что Бог есть целое? Определение несовершенное, потому что целое собою представляет количество все-таки соизмеримое, а Бог есть Отец вообще всего существующего. Захотите ли вы наделить Его разными частями? Но этого вы не в состоянии сделать, ибо в существе своем сие Единое неделимо. Вот почему Бог беспределен, бесконечен вовсе не в том смысле, как нам представляется это, – как если бы мы не могли Его обнять своей мыслью, а в том, что Бог и не подлежит измерению, и нет пределов, границ в Его существе. Нет также в Нем и форм, а также не может быть Он и поименован ⁶⁸³. А если иногда мы и указываем на Него такими выражениями как: Единый, Благий, Дух, Сущий, Отец, Бог, Творец, Господь, то все это выражения неточные, изобразить Бога бессильные. Мы прибегаем к помощи этих прекрасных слов, сказывающих о нашем благоговении к Богу, лишь по неимению настоящего имени и слова, которое могло бы основательно и определительно выразить нашу мысль о Нем и остерегло бы нас от других поименований, коими мог бы унижен быть Вечный ⁶⁸⁴. Ни одно из этих речений, взятое в отдельности, не дает понятия о Боге; все же вместе сказывают о Нем как о Вседержителе. Вещи познаются или по их собственной природе, или по взаимным их отношениям между собою; к Богу же ничто из этого неприменимо ⁶⁸⁵. Не может быть Он также открыт и доказательствами, потому что они основываются на началах предшествующих и понятиях

прежних; но чтобы существовало что либо ранее Существа несотворенного, это непредставимо ⁶⁸⁶. Для постижения Существа неисследимого ничего не остается, следовательно, кроме собственной Его благодати и откровения Его через посредство пребывающего в Его недрах Логоса, что и Лука являет нам, в «Деяниях Апостольских» передавая в таких выражениях речь Павла: *По всему вижу, Афиняне, что вы очень богобоязливы. Ибо, проходя и видя статуи ваших богов, я встретил даже и такой жертвенник, на коем было написано: «Неведомому Богу». Сего-то, которого вы не зная чтите, я и проповедую вам (Деян. 17:23).*

13. И по учению мудрецов мирских, познание о Боге есть дар, нисходящий от Него самого; и лишь удостоенные вдохновения Божественного могут сделать нас причастниками сего познания

Итак, все, что может быть именуемо, хочет оно того или не хочет, произошло, и родилось, и должно умереть. Если же призывается к бессмертию, то или сам *Отец привлекает к Себе* (Ин. 6:44; 12:32) всякого, кто жил непорочно и возвысился до понятия о Существе блаженном и бессмертном; или же свободная воля, свойственная нам, возвысившись до познания верховного блага, возбуждается и – как говорят в гимнастических заведениях – перепрыгивает через преграды (рвы и изгороди), однако не без помощи особенной благодати. Ибо она «получает крылья» ⁶⁸⁷, ободряется и, отлагая обременяющую ее оболочку тела, возвращает ее родственной с нею земле, а сама устремляет свой полет в области наивысшие. Платон также разъясняет в «Меноне» ⁶⁸⁸, что добродетель есть дар Божий. Вот его слова: «Итак, Менон, из этих наших рассуждений с тобой вытекает кажется довольно и ясно, что тому, кому она дается, добродетель дается божественным жребием?». Я же спрошу вас: этим божественным жребием, или божественным воздействием, как вам кажется, сими выражениями не обозначил ли Платон гностическое познание, составляющее далеко не общее всех наследие? Философ сей посему дополняет свою мысль яснее: «Если же в течение всего этого разговора мы допытывались и рассуждали, добродетель не свойственна ли человеку по природе или не может ли она быть приобретаема ученьем, и если нашли, что в душу своих читателей она входит в силу Божественного наития, хотя и не без личного их участия, то и хорошо это». Итак, мудрость есть дар Божий; добродетель, это – благодать Отца. С одной стороны, она обуславливается нашей свободой, с другой принятием веры; рачение же и дело награждаются высшим благоволением в избрании для наследия. И здесь я сошлюсь пред вами на свидетельство

самого Платона, который открыто и ясно объявляет, что чадам Божиим следует давать веру. В «Тимее», рассуждая о богах, кои и видимы, и рождены ⁶⁸⁹, он прибавляет: «Говорить о богах, называемых гениями, и разъяснять их происхождение, это – дело, превышающее наш ум. Нужно по этому вопросу обращаться за ответом к первым людям, которые, родившись богами, как они сами говорят, должны были вполне знать своих отцов. И поистине, нельзя не верить чадам Божиим, хотя бы в подтверждение своих слов они и никаких убедительных или даже и просто правдоподобных доказательств и не представляли».

Сомнительно, чтобы эллины в состоянии были представить нам более основательное свидетельство (о Боге), чем какое принес в лице своем наш Спаситель и все, получавшие пророческое помазание; и Господь наш и пророки суть свидетели о Божестве неложные: Господь в качестве истинного Сына Божия, пророки в качестве чад, усыновленных Богом. «Дадим же веру им, – прибавляет Платон, – потому что они усыновлены Богом». А если бы кто-нибудь, придя к вам, стал взывать, накинув на себя роль в некотором роде трагическую: Не могу верить,

Потому что не от самого Зевса я слышал оповещение об этом,

то пусть он знает, что Священное Писание возвещено нам самим Богом устами Сына. Не достоин ли веры этот самый Сын, возвещающий о вещах, над коими Он состоит Властелином и которые составляют личную Его собственность? Он говорит: *Никто не знает Отца, кроме Сына и того, кому Сын откроет* (Мф. 11:27; Лк. 3:22). По суждению Платона, належит необходимость верить даже и в том случае, если бы в предмете веры и не было тех или других составных начал убедительности и правдоподобия; заветам Ветхому и Новому следует уже по тому одному верить, что проповедуется ими истина; *если же не уверуете, говорит Господь, то умрете во грехах своих* (Ин. 8:24). *Верующий же, напротив, имеет жизнь вечную* (Ин. 3:15–16, 36; 5:24). *Блаженны все те, кои возложили свое упование на Господа* (Пс. 2:12). Упование, доверие к кому-

либо, убежденность в ком-либо есть одно из проявлений высокой веры в кого-либо и в правду. Если меня вера убедила, что Учитель, слово которого я слышу, есть Сын Божий, тогда не имею ли я и твердого доверия к истинности Его учения? Но как наставленность и углубленность мыслью в самого себя, по суждению Эмпедокла, прибавляет мудрости, точно так же упованием на Господа в свою очередь умножается вера, возвышается ее интенсивность. Мы объявляем это формально, с соблюдением всех порядков и околичностей, что порицание и обесценение мудрости кем-либо и нападки чьи-либо на веру непременно сопровождаются восхвалениями беззакония и поставлением счастья в удовлетворении всякого рода пожеланий; но это и разврат, умственная и нравственная искаженность, обусловливаемая именно пренебрежением, питаемым теми людьми к вере. Вера же, если она состоит добровольным согласиём души с чем-либо, не расстается с преданностью добродетели и состоит основой для образа мыслей и действий, блистающего правотой.

Но слово «делать», здесь возразил бы нам тонкий Аристотель ⁶⁹⁰, употребляется о животных и вещах неодушевленных, между тем как слово «действовать» применяется только к людям и к тому, что их касается. Прекрасно! Так вот, Аристотель пусть и вразумит своих национальных поэтов, говорящих о Боге, что Он «сотворил» все вещи. «Всякое действие, говорит он далее, есть или доброе, или необходимое. Учинять беззаконие или что-либо неправоe не представляет собою вещи хорошей и доброй, ибо никто не совершает беззакония для него самого, а по некоторым побуждениям, имеющим лишь внешнее отношение к этому произвольному делу. В действиях же необходимых нет участия свободы. Но совершать беззаконие есть дело добровольное, следовательно, не стоит к сему никакой необходимости. А человек добрый и отличается от злого особенно целью своих действий и чистотой своих пожеланий. Потому что всякий душевный порок есть порождение неумеренности и действовать по страсти – это значит действовать исходя из невоздержности, из злого умысла и непотребства. Как дивно посему во всех

своих подробностях и частностях это возвешение Спасителя: *Истинно, истинно говорю вам? кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник. А входящий дверью есть пастырь овцам. Ему привратник отворяет* (Ин. 10:1–3). Затем Господь, продолжая то же самое сравнение, говорит: *Я – дверь овцам* (Ин. 10:7).

Отсюда открывается, что для спасения необходимо услышать истину из уст Христа, хотя бы мы и возвысились до познания и уразумения положений греческой философии. Ибо наконец снято покрывало с тайны, которая не была открыта поколениям людей в веках предыдущих, как она возвешена сынам человеческим ныне (Еф. 3:5). И в самом деле, идея о едином Боге Вседержителе настолько в своем роде единственна и несравненна, в такой степени всеильна, что в душах правдивых и открытых постоянно живет она в форме откровения некоторым образом естественного; и большинство тех, кои не подавляют в себе всякого уважения пред истиной, часть имеют в этом вечном благодении нам Божественного провидения. И ограничиваясь здесь в доказательство сего кратким приведением лишь некоторых примеров, мы утверждаем, что Ксенократ Халкидянин не очень странным и озадачивым должен казаться нам со своей верой, что идея о Боге свойственна даже неразумным животным. Демокрит же был противоположного мнения, но сила принципов, им постановленных, против воли увлекает его к признанию того же самого. Потому что, по его системе, те же самые образы, кои проистекают из Божественного существа – они же встречаются и в людях, и в животных, разума лишенных⁶⁹¹. И каким образом человек может не иметь идеи о Боге, когда Книга Бытия нам представляет его получающим дыхание жизни и созданным из субстанции наиболее чистой и благородной, чем все другие животные? (Быт. 2:7). И вот почему Пифагор объявляет, что разумом проникается человек в силу некоего воздействия Божественного. Платон и Аристотель согласны в этом с Пифагором. Что касается нас, христиан, то мы говорим, что на верующих нисходит наитие Святого Духа⁶⁹². По платоникам, разумение

есть истечение в душу некоторой части Божественного существа; ум же есть ее местопребывание, точно так же, как тело есть жилище души. Иоиль, один из двенадцати пророков, посему гласно и пред всеми сказал: *И будет после сего: изолью Дух Мой на всяку плоть, и ваши сыновья и дочери будут пророчествовать* (Иоил. 2:28). Не следует, однако же, думать, что Дух Божий в каждом из нас пребывает как некая частица Божества. А как совершается это разделение Духа Святого и что такое Сам Он, мы объясним это, когда будем рассуждать о «пророчестве» и о «душе». Нестоящее же наше рассуждение закончим словом Гераклита: «Неверие способно лишь закрывать глаза пред глубинами познания; невежество за ним засело, как бы за окопом каким».

14. Свои постановления греки заимствовали из книг еврейских

Время перейти к предметам последующим и выставить напоказ заимствования, вошедшие в эллинскую мудрость из варварской.

Так, стоики определяют Бога как существо, из тела и духа состоящее, и будто бы душа наравне с Ним существует в силу своей собственной природы. Раскрываем Священное Писание и находим то же самое определение почти слово в слово ⁶⁹³. Но мы не доискиваемся здесь, – с факелом истолкования настоящего и ученого, – аллегорического смысла священных книг и не следуем примеру борцов, умеющих обделять свои делишки; не напрашиваемся на отыскивание сего таинственного смысла там, где его действительно не содержится под внешними покровами. Дело в том только, что, по уверению стоиков, душа Божественная разлита по всей природе, тогда как мы называем Бога единственным Создателем вселенной, сотворившим ее при посредстве Логоса ⁶⁹⁴. Они введены были в заблуждение этим изречением книги Премудрости: *Премудрость из-за чистоты своей всюду проходит и все проникает* (Прем. 7:24), не уразумев, что здесь речь идет о Премудрости, существовавшей еще ранее сотворения Богом мира.

«Верно, – говорите вы. – Но разве не все философы считают материю в числе начал и элементов первобытных? Нет ни одного между ними, который допускал бы начало единое. Школы портика, Платона, Пифагора и перипатетическая Аристотеля единодушны в этом».

А я вам в свою очередь отвечу, что то, что вы называете материей и за чем вы не признаете никаких свойств и никакого определенного вида ⁶⁹⁵, Платон более смело, чем вы, называет «я не знаю что» или «тем, чего нет, что не существует». То, что мы читаем у него в «Тимее», эти глубоко таинственные слова его там, не исходят ли они от человека с убеждениями, утвердившего их на одном принципе? «Наша мысль, – говорит

он, – такова: что касается начала вселенной или начал, то какого бы мнения относительно сего предмета мы ни держались, нужно речь о нем оставить до другого времени; и это не по какому либо иному побуждению, как по тому, что по состоянию и качеству настоящего спора нам трудно было бы договориться до чего-нибудь в этом направлении».

Впрочем, вот что: повод к измышлению и материи – то подало следующее изречение Писания: *И была земля невидима и неустроена* (Быт. 1:2). А Эпикуру кто мог внушить его систему мира случайного, предоставленного всем прихотям случая? ⁶⁹⁶ Без сомнения, слова Екклезиаста: *Суета сует и все суета* (Еккл. 1:2): он читал их, но не уразумел. Как случилось, что Божественное промышление Аристотель ограничивает лишь сферой луны? ⁶⁹⁷ Он плохо, выяснил, себе восклицание Псалмопевца: *Господи! Твое милосердие до небес; истина Твоя до облаков!* (Пс. 35:6). Вот чем сопровождалось то обстоятельство, что смысл тайн, сокрытых в пророческих изречениях, до пришествия Господа не был открыт! Учение о загробных наказаниях, об очищении через огонь есть также достояние чуждое, музою поэтов повсеместно, не исключая и философии эллинской, заимствованное из мудрости варварской. В последней книге Платонова «Государства» мы читаем следующие многозначительные и красноречивые слова: «Тут явились мужи дикие, на вид огненные, и, повинувшись реву устья (адской расселины), брали поодиночке новопришедших и отводили в сторону. Потом они схватили Аридея ⁶⁹⁸ и некоторых других, бросили наземь, связали их по рукам, ногам и голове и, содравши с них кожу, волокли их у окраины дороги по колючему кустарнику» ⁶⁹⁹. Спрашиваю теперь: «Эти с огненным лицом люди – не представляют ли они собою злых Ангелов, которые схватывают преступных и предают мукам?» Это – иллюстрация к слову Писания: *Он творит духов своими Ангелами и служителями своими огонь пылающий* (Пс. 103:4) ⁷⁰⁰. Отсюда следует, что душа бессмертна. Ибо кто наказываем бывает или вразумляем, тот, значит, одарен чувством, и, следовательно, жив, хотя бы эта жизнь его и среди страданий текла.

А что иное, как не то же самое, следует из упоминания Платонова о реках огненных и об этой пропасти, слывущей у варваров под именем геенны, а Платон которой дал поэтическое название «тартара»? Не им ли далее введены в мораль реки Коцит, Ахерон, Перифлегетон, наконец, все роды темниц и мучений, карательных и исправительных за преступления людские! Идет ли дело об *Ангелах, видящих*, по Писанию, *Бога и приставленных к маленьким детям* и наислабейшим из людей (Мф. 8:10) для помощи им и охранения их от опасностей – или, если он хочет изобразить неусыпную и нежную любовь их к нам, он, не заминаясь, говорит так: «Как скоро души изберут по жребию род жизни, они предстают пред Лакесою. Она-то посылает их на землю с особенным гением, которого какая выбрала. Он делается стражем ее жизни и исполнителем ее намерений» ⁷⁰¹. «Гений-хранитель» Сократа, без сомнения, так же должен быть понимаем.

Но продолжим. Свое учение о сотворении мира философы почерпнули не из иного источника, как тоже из книг Моисеевых. Платон с соблюдением всех внешних порядков, но и сущности дела говорит о сем (в «Тимее») так: «Существовал ли мир всегда, или же он произошел в некоторое определенное время»? И отвечает: «Мир произошел. Так как мы его видим и можем осязать, то, значит, он некоторым образом телесен». В другом месте у него же мы читаем: «Познать Творца и Отца сей вселенной – дело нелегкое» ⁷⁰². Платон не только сотворенность мира утверждает, но и то, что он именно Богом создан и что он произошел от Бога, как сын от отца. «Отцом вселенной, – говорит он, – Бог называется потому, что мир произведен Им одним и именно из ничего», стоиками также разделяется это учение о мире, то есть что он произошел во времени, а не от вечности существует. Но нужно сказать нечто даже большее сего. Дьявола, о котором под именем князя демонов говорится чуть не на каждой странице варварской мудрости, Платон в 10-й книге своих «Законов» называет духом злотворным. Вот его подлинные слова: «Не следует ли принять также, что дух, обитающий во всем движущемся и заведующий

движением, правит и небом? Да, совершенно так. Дух этот один или несколько? Отвечаю за вас, что их больше чем один. Но нельзя допустить, чтобы существовало их больше двух. Один дух благодетельный, другой же злотворный». – И в «Федре» своем он тоже пишет: «Есть еще и другие бедствия; но к большей части их демон подмешивает некоторые радости и минутные удовольствия». А в 10-й книге своих «Законов» Платон заходит еще дальше и уже как бы дополняет слова Апостола. Этот говорит: *Наша брань не с людьми, из плоти и крови состоящими, а против начал, сил и духов, носящихся в воздухе (Еф. 6:12)*. А Платон буквально пишет следующее: «И поистине, если приняли мы, что во вселенной много и добра, и зла, так что совокупность зла превышает собой массу добра, то между тем и другим по необходимости должна значит существовать вечная война, требующая от нас необыкновенной бдительности» ⁷⁰³.

В мудрости варварской также различаются два мира: один лишь умом созерцаемый и вечный, другой же преходящий и телесными очами зримый; первый для второго служит первообразом; второй же был создан по этому дивному образцу. И первый, лишь умом постигаемый, она ставит в соотношение с Монадой, а второй, познаваемый уже и нашими внешними чувствами – с числом шесть. У пифагорейцев брак действительно фигурировал под числом шесть, потому что им означалось произхождение. Итак, мудростью откровенной этот мир невидимый, нашим чувствам не подлежащий, эта земля святая, свет сей, зримый очами лишь духовными, помещается в Монаде. Она и подлинно говорит так, свидетельствуя, что *вначале Бог сотворил небо и землю, земля же была невидима*. Затем она присоединяет: *И сказал Бог: «Да будет свет», и был свет (Быт. 1:1–3)*. Итак, при сотворении мира, чувствам подлежащего, Бог создал твердь небесную, это небо, чувствам подлежащее (Быт. 1:6) и эту землю видимую, и свет, ощущаемый нашими глазами. И Платон (в «Тимее») идеи живых существ отнесши к миру умозрительному, а здесь, на земле, поместив лишь чувственные их формы, образованные, так сказать, по различным духовным прототипам, не идет ли в этом

случае по стопам Моисея? Еврейский законодатель, значит, имел все основания сказать, что тело, называемое Платоном «земною хижинкой», сотворено из глины земной (Быт. 2:7), тогда как душа, разлитая по лицу человеческому, происходит от дуновения в него Божественного. Лицу действительно совершенно естественно быть седалищем этой властной силы ⁷⁰⁴, ибо думают, что душа введена в первозданного человека действительно путем (оживления) чувств. И вот почему прибавлено, что человек создан *по образу Божию и подобию* (Быт. 1:26). В самом деле, человек бесстрастный, с разумом Божественным и царственным, действительно представляет собою образ Божий ⁷⁰⁵, ум же человеческий есть только образ Образа ⁷⁰⁶.

Желательно ли вам с этим обликом Божественным в человеке иметь дело под другим того наименованием? Моисей, набрасывая главные черты сего, говорит, что он состоит в следовании Богу, послушании Его заповедям. *Господу, Богу вашему, последуйте*, говорит он, *и соблюдайте Его заповеди* (Втор. 13:4). Добродетель наглядная, жизнью и делом осуществляемая и действительно представляет собою хождение во след Богу, стезею Божественной; это есть поклонение Богу, Его почитание истинное. И вот почему по учению стоиков предельной целью и высшим совершенством мудрости состоит жизнь согласная с законами природы. Платон приравнивает ее даже к жизни Божественной, как мы уже и показали это во 2-й книге сих наших «Стромат» (гл. 19). Зенон стоик, следуя Платону, а сам Платон – усвоив это из мудрости варварской, говорят, что все добрые люди любят друг друга. «Неестественно, – говорит Сократ в «Федре» ⁷⁰⁷, чтобы у злодея был приятелем злодей же или чтобы с человеком добродетельным другой добродетельный не состоял в дружбе».

То же самое положение довольно убедительно доказывается и Платоном в его «Люсида», где он утверждает, что между беззаконием и нечестием не может быть прочной дружбы. Подобное сему утверждает у него и Афинский гость ⁷⁰⁸, говоря, что согласно с волею Божией и угодно Богу только основанное на этом древнем принципе: «Подобному нравится

подобное же, и то только в том случае, если они одинаково держатся правильной меры, ибо все, за пределы, ее выходящее, не может согласоваться ни между собою, ни тем нравиться, кто от этой меры не отклоняется. Масштабом же всех действий и действительности для нас должен состоять Бог». Платон прибавляет: «Следуя сему принципу, люди добродетельные уподобляются друг другу; это же человека добродетельного и с Богом сближает, так что он становится другом не только всякого другого добродетельного человека, но и самого Бога». Этим последним местом напоминаются мне заключительные слова «Тимея»: «Следует, чтобы разумное существо, соответствуя законам первоначального своего назначения, старалось постигнутую им идею претворить в себя. Возвысившись до сего претворения в себя мыслимой идеи, человек достигает той наилучшей жизни, которая предуставлена для людей богами не только на время настоящей и жизни, но и на жизнь будущую». Слова эти, по моему мнению, имеют тот же смысл, что и последующие: «Ищущий чего-либо не остановится прежде чем не найдет; а раз нашедши, он объят будет восхищением; восхищаясь же, он будет царствовать; царствуя же, успокоится».

А ответы Фалеса не представляют ли собой ясных заимствований из Священного Писания и изъяснений к таким мыслям его: *«Из века в век Богу хвала»*; *«Он ведает глубины сердец»*? Вот эти Фалесовы ответы. Однажды его спросили: «Что такое Бог»? «Это есть существо, не имеющее ни начала, ни конца», – отвечал он. Другой некто ему предложил такой вопрос: «Может ли человек сокрыть свои действия от взоров Божества?» Фалес отвечал: «Как может он сделать это, когда не в состоянии от Него утаить даже сокровеннейших своих мыслей»?

Да, поистине. И варварская мудрость знала, что благо только в благородной и неуклонной честности и что для счастья достаточно только добродетели. Вот что говорят варвары: *Вот, Я поставил пред глазами твоими добро и зло, жизнь и смерть; избери жизнь* (Втор. 30:15). Итак, добро она называет жизнью. Выбор добра – это, по ее учению, дело

доблестное, выбор же противоположного – зло. А конечная цель как добра, так и жизни, это –любить Бога (Втор. 30:6). Сим обуславливается жизнь твоя и долгота дней твоих – любовью к истине и ко всему, что ведет к ней. Но вот и более ясные свидетельства. Заповедав любить Бога и ближнего, Спаситель прибавляет: *На этих двух заповедях держатся весь закон и пророки* (Мф. 22:37, 39–40). Учения эти известны и стоикам ⁷⁰⁹. А ещё и до них Сократ закончил «Федра» такою молитвою: «О, Пан и другие все боги! Даруйте моей душе внутреннюю красоту!». В «Теэтете» же он со всею определенностью выражается так: «Оратора добродетельного одновременно отличают и добродетель, и красота». В «Протагоре» он сознается пред одним из друзей Протагора, что только что кончил беседу с человеком прекраснее Алкивиада, если только верно то, что «человек мудрейший есть в то же время и прекраснейший». По его мнению, добродетель есть красота душевная, а порок собою представляет душевное безобразие.

Антипатр стоик ⁷¹⁰, написавший три книги в объяснение изречения Платонова «Благо только в честности», вполне соглашается с этим философом, что «для счастья достаточно только добродетели». Он же излагает и несколько других учений, согласующихся с принципами Портика. По словам сего Антипатра, Аристовул, живший в царствование Птолемея Филадельфа ⁷¹¹, упоминаемый составителем истории Маккавеев (2Мак. 1:10), написал несколько рассуждений, где доказывает, что философия перипатетическая есть плод одушевленности законом Моисеевым и остальными пророками. Пусть же эта истина и остается навсегда точно обоснованной.

Платон приводит нам неопровержимое доказательство, что все мы братья. Доказательством этим состоит то, что все мы чада единого Бога и ученики одного и того же Учителя. Но приведем подлинником поучительное его иносказание. Вот оно: «Граждане! Все вы братья. Но сотворивший вас Бог в день рождения вашего к зародышу, долженствовавшему произвести тех из вас, которые предназначены к управлению, примешал некоторое количество золота. Вот почему они окружены

почтением. К защитникам государства, в момент происхождения их, примешано серебро. Класс земледельцев и ремесленников воспринял в свои жилы железо и медь. Из этого, продолжает Платон, следует с необходимостью, что первые ищут того и занимаются тем, что относится к области познания, другие же заняты тем, что входит в область лишь мнений» ⁷¹². Нет сомнения, что Платон своим гением следит существование тех избранных натур, кои жаждут познания, если только этими тремя естественными категориями людей он не имел в виду охарактеризовать, как полагают некоторые, трех видов управления. «Серебром» в таком случае у него означено было иудейское богослужение; «железом» и «медью» – греческая демократия; а «золотом» – христианская монархия, на членов которой излит Дух Святый, сие поистине царственное золото.

А в следующих словах, заимствуемых мною из «Теэтета» ⁷¹³, философ – уже положительно известно – описал жизнь христиан. «Итак, скажем несколько слов о них, – говорит Платон, – но не о них, а о главах их, ибо не стоит упоминать о тех, кто хотя и предан мудрости, но без гения, и, следовательно, трудится безуспешно. Истинный мудрец от юности не знает пути к местам стечения народа; не знает он, где судейские камеры, сенат и другие места общественных собраний. Не принимает он участия и не интересуется ни голосованиями народа, ни иными общественными новостями, ни в сходках не принимает участия и домогательствах для достижения общественной какой-либо должности; не приходят ему даже и во сне на ум ни сорища, ни пиршества, сопровождаемые музыкой флейтисток, ничто подобное. Худо ли что или хорошо в его время идет в государстве или шло во времена предков, все это его не привлекает к себе; не занят он измерением сих вещей неизмеримых – делом, подобным счету капель в море. Не знает он и того даже, что не ведает всего этого. Сказать по правде: он только телом живет в городе, дух же его обращен на разрешение вопросов мировых. Он, как говорит Пиндар, воспаряет над землею, себе уясняет явления небесные, там созерцая течение светил небесных; любознательным оком, вникает он во внутреннее существо

всего величественного, из чего складывается жизнь вселенной; до занятия же вещами площадными и избитыми он не ниспускается».

Со словом Спасителя: *Да будет слово ваше «да, да» и «нет, нет»* (Мф. 5:37; Иак. 5:12) может быть сопоставлено такое слово эллинской мудрости: «Непозволительно мне и соглашаться с ложью или же заглушать в себе голос истины». Клятва нам запрещена. Но и Платон в 10-й книге своих «Законов», – я слышу, – говорит мне: «Никогда ни хвалы не изрекай, ни клятвы». Да и вообще Пифагор, Сократ и Платон, слышавшие столько из гласа Божия, сколько они могли его понять, тщательно всматриваясь в дивное устройство вселенной, которая десницею Божественною образована столь прекрасно и беспрерывно поддерживается, разве они не оказываются как будто заимствовавшими у Моисея следующие слова: *Он сказал, и было* (Быт., гл. 1), коими священный историк выражает мысль, что Богу достаточно сказать, чтоб Его воля исполнялась. Возьмем ли мы для сравнения вопрос о сотворении человека, что оказывается? Как Писание повествует о сотворении человека из ила земного, подобно этому и светские мудрецы повсюду говорят о человеческом теле, что оно образовано из земли. У Гомера, например, встречается такое проклятие: «Да погибнете вы все, обратившись в воду и землю» (Ил. VII, 99). *И нога ваша пусть попирает их как грязь*, – говорит Исаия (Ис. 10:6; 11:27). Каллимах также выражается весьма ясно:

Это было в те времена,
Когда птицы, рыбы и четвероногие
Имели вид грязи,
Замешанной Прометеем.
И в другом месте у того же поэта читаем:
Если же тебя образовал Прометей,
То и ты не из иной грязи вышел,
Как из замешанной им же.
Гесиод ⁷¹⁴ так пишет о Пандоре:
Преславному Гефесту приказал тогда ж он
Замочить несколько земли в воде

И в эту смесь опустить голос и разум человеческий.

Стоики производят жизнь природы от творческого огня, который таинственными путями влияет на произхождение ⁷¹⁵. А в Священном Писании на его аллегорическом языке разве не именуются Бог и Логос «огнем» и «светом»? (Исх., гл. 3 и далее; Ин. 1:4 и в иных местах).

А Гомер, говоря о разводе Фетиды с Океаном, что другое изображает, как не отделение воды от земли и появление суши? Он пишет:

Печальный разлад давно уже разъединил их
И лишил нежных ласк на общем ложе.
(Ил. XIV, 206).

Кроме того, ученые из эллинов усвоят Богу верховное главенство над всем существующим. Пифагореец Эпихарм касательно сего вот что говорит:

Ничто не может укрыться от очей Божиих,
Не забывай о сем никогда.
Взоры Его постоянно на нас обращены;
И только для Него одного ничего нет невозможного.
Послушаем и лирического поэта. Он пишет:
Из тьмы ночной
Бог снова может вызвать свет чистый, беспримесный,
А ясный свет дневной Может Он задернуть мраком.
И в другом месте:
Кто может в день ночь превращать,
Тот Бог.

Арат свою поэму «О феноменах» начинает следующим приглашением:

Начнем с Зевса. Имя его постоянно должно жить на устах смертных;
Улицы, места общественных собраний,
Гавани, неизмеримый океан, все, все, должно
свидетельствовать об его величии;
Всех нас его рука поддерживает и сохраняет.
А далее поэт излагает и причину сего:
Потому что все мы его дети (род)
(Деян. 17:28),

дети по сотворению нас им.
Он проявляет свое благовольтельное покровительство нам
В делах рук своих
И выводит на труд дневной все множество народов.
Не он ли усеял небо разнообразными светилами,
Их распределил и утвердил,
Чтоб определялись ими времена года
И правильно земля оплодотворялась?
Потому-то первое всего, но и наконец всего,
Мы и обращаемся к Нему со своим поклонением:
Привет тебе, Отец земнородных,
Существо достоудивительнейшее по своему величию,
Источник всех благ для человека.

Но еще и до Арата уже Гомер вдохновлялся Моисеем.
Описывая щит, который был скован Гефестом и на коем
изображено было творение мира, он говорит, что божественный
художник этот

Изобразил на щите землю, небо,
Море и светила, венчающие небо
(Ил. XVIII, 483–485).

Зевс же, воспеваемый поэтами и восхваляемый ораторами,
не другой кто, как истинный Бог.

Демокрит, свидетельство которого также следует привести
здесь, говорит: «Мало ныне людей под солнцем, простирающих
руки к Тому, кого мы, эллины, именуем “Воздух”. Зевс
тщательно все расследует и все он знает; все дает он и всего он
же лишает; он есть царь вселенной» ⁷¹⁶.

Беотиянин Пиндар в качестве последователя учений
Пифагора выражается еще таинственнее:

Род людской один;
Один также и род богов.
Одной и той же материю
И те и другие дышим мы, –
Материей.

Лирический поэт сей добавляет, что Творец богов и людей
один. Он называет его Отцом, премудрым и наивысшим

Художником, который нас в соответствие заслуг возвышает на степень даже богов.

Умолчу ли о свидетельстве Платона, который, в своем письме к Эрасту и Кориску, весьма ясно и с замечательной определенностью называет, на основании еврейских книг, Отца и Сына. Он пишет: «Если хочешь поклясться ото всего сердца, усердие же свое охранить от слепоты, то есть если желаешь свое усердие соединить с пониманием дела, то поклянись Богом, первовиновником всего существующего, и Господом, Отцом Того, Кто в одно и тоже время есть и Первовиновник, и Правитель вселенной. Вы непременно познаете Его, если пойдете по пути истинной мудрости» ⁷¹⁷. В «Тимее» Платон Творца также в одном месте называет Отцом: «Боги, сыны богов, которых Я состою Отцом и Творцом, равно как и всего остального». А в этом месте из Платона: «Все подчинено Царю всего существующего; Им одним существует вся вселенная; Он источник всякого блага; вещи второстепенные происходят от Второго, а третьестепенные от Третьего» ⁷¹⁸, в этих словах я вижу не иное что как намек на тайну Пресвятой Троицы. Третий означает Духа Святого, а вторым указывается на Сына, который все привел в исполнение согласно с волею Отчею. В 10-й книге своего «Государства» Платон говорит о некоем Эре, сыне Армении, родом из Памфилии, которым был не иной кто, как Зороастр ⁷¹⁹. Этот самый Зороастр так свидетельствует о себе самом: «Автор сего произведения есть Зороастр, сын Армении, родом Памфилиянин. Будучи убит на войне, от подземных богов я получил следующие откровения». Итак, этот самый Зороастр, по словам Платона, через 12 дней после своей смерти, когда труп его хотели уже сжечь, снова ожил. Что хотел сказать сим великий философ? Быть может, в этом случае он намекает на воскресение; а может статься, несколько прикровенно сим он выражает и ту мысль, что души умерших прежде принятия на небо должны бывають пройти через 12 знаков зодиака, точно так же, как и на землю они спускаются в момент рождения по тому же пути. Излишне равным образом было бы доискиваться другого значения 12 подвигов Геркулеса, по совершении

которых душа освобождается от всех треволнений сего мира. Мне не хочется прийти молчанием и авторитетное свидетельство Эмпедокла. По мнению сего физика, обновление мира некогда последует через превращение всего в огонь. Гераклит Ефесский очевидно держится того же мнения, потому что он различает два мира: один – вечный и неизменный, другой же – преходящий и погибнуть имеющий, но только по форме и внешнему устройству, следовательно, только измениться имеющий; от первого мира этот последний сим только и отличен. А что он вечность усвоит тому миру, в коем все создано из субстанций неизменных и который всегда остается себе самому равным, это ясно он выражает следующими словами: «Мир этот, обнимающий собою всю совокупность живущих в нем существ, не создан ни Богом, ни человеком каким-нибудь. Он всегда был поддерживаем, поддерживается и будет поддерживаем огнем вечно существующим, поочередно и равномерно то вспыхивающим, то погасающим». Если же вы желаете доказательств, что сей сотворенный мир философ сей считал подверженным расстройству и гибели, то вы найдете доказательство сему в следующих его словах: «Вот различные видоизменения огня. Сначала образуется из огня море, одна половина которого обращается в землю, а другая испаряется от огненного урагана». И эти изменения философ тот признает совершаемыми насильственно, что, по моему мнению, равносильно утверждению, что сила Логоса и Бога, которыми управляется все существующее, преобразует огонь в воздух, во влажную субстанцию, называемую морем, то есть в ту обширную мастерскую, откуда произошли все чудеса нашего мира, неба, земли и всего содержимого недром их. А каким образом мир снова становится подобным себе, чтобы снова сгореть? Гераклит это излагает ясно в следующих выражениях: «Море разливается таким же образом и в таких же размерах, как и до образования земли. То же самое нужно сказать и относительно остальных стихий».

Знаменитейшие из стоиков держатся подобных же взглядов⁷²⁰. Они учат об имеющем последовать всеобщем пожаре.

Относительно управления вселенной, касательно существа мира и человека в собственном смысле, наконец, относительно неизменности нашей души среди всех превратностей они высказывают мысли, подобные гераклитовским.

В 7-й книге своего «Государства» Платон дневной свет наш называет ночным ⁷²¹. Это, конечно, по причине *князей тьмы мира сего* (Еф. 6:12). В другом месте, следуя Гераклиту, он говорит, что сошествие души в оживляемое ею тело для нее есть сон и смерть ⁷²². Но Дух, вдохновлявший Давида, разве не предсказал подобного относительно Спасителя? *Я лег и заснул; встал: Господь опора моя* (Пс. 3:6). Здесь сокрыта двойная аллегория. Воскресение Господа есть пробуждение Его от сна, равно как Его воплощение для Него – сон. Потому-то Он и убеждает нас бодрствовать, то есть думать о жизни истинной, усердно стараться об освобождении души из-под власти тела. В десятой книге своего «Государства» Платон предрекает день Господень. Он говорит ⁷²³: «Пробыв семь дней в долине, на восьмой день всякий отправляется из нее и через четыре дня пути достигает цели». Под этой долиной должно разуметь неподвижную сферу, тихие и мирные обители святых; под семью днями ⁷²⁴ – различные движения семи планет и все другие роды деятельности, себе поставляющие одну цель – покой. Путь, открывающийся за планетами, ведет к небу уже олицетворенному, то есть к движению или дню восьмому («ὀυδὴν»). Четырехдневное путешествие есть не иное что, как путешествие через четыре стихии. День же седьмой считался священным не только у евреев, но и у эллинов, потому что день этот видел, как миром было выполнено первое его движение со всею совокупностью населивших его животных и растений. Это-то и побудило Гесиода ⁷²⁵ сказать:

Первый, четвертый и седьмой дни месяца священны.

И в другом месте:

В день седьмой уже блистал день радостного солнца.

Гомер также говорит:

В день седьмой засияло священное солнце для смертных.

Или:

Был священный седьмой день.

А также:

Тогда занялся день седьмой, в который было все совершено.

И, наконец, он же говорит:

На седьмой заре мы оставили берега Ахерона.

И поэт Каллимах может быть привлечен сюда же к свидетельству:

Уже сиял седьмой день, в который было все окончено.

И опять:

День седьмой благоприятен; это день рождения.

И еще:

День седьмой в одно и то же время есть и первый, и последний.

А также:

Все светила, кружащиеся в воздушном пространстве

И ежегодно возобновляющие то же круговращение

Были созданы в семь дней.

И Солон в своих элегиях также придает великое священное значение седьмому дню (недели) ⁷²⁶. А Платон во 2-й книге своего «Государства» ⁷²⁷ разве не доходит чуть не до пророчества о спасительных страданиях нашего Господа? Писание говорит: *Удалим Праведника из среды нашей, ибо он в тягость нам (Прем. 2:12)*. А Платон пишет: «Праведник с такими расположениями будет бит бичами, мучим, закован в цепи; ему вырвут глаза; наконец, подвергнутый всевозможным поруганиям, он будет пригвожден ко кресту».

Кому уподобите Меня? – говорит Господь (Ис. 40:18, 25; 46:5 и в иных местах). А последователь Сократа Антисфен, как бы в изъяснение этих слов Писания, говорит следующее: «Бог не похож ни на кого; потому никто и ни по какому изображению не может о Нем составить понятия себе». Разделяет эту мысль и афинянин Ксенофан ⁷²⁸, говоря: «Кто колеблет вселенную и вновь ее утверждает, Тот этим самым являет свое величие и всемогущество. Какой же Он по виду, неизвестно. Бытие Его несомненно, хотя даже и солнце, своим светом, однако же, все, всю природу, озаряющее, само не может быть

созерцаемо безнаказанно. Кто устремляет на него дерзновенно свой глаз, тот теряет зрение.

Каким телесным глазом можно было бы зреть бессмертного, истинного

Бога, престол Которого в зените неба?

Смертный! Тебе хочется зреть Божество,

А взор твой и одной минуты не может выдержать блеска лучей солнечных ⁷²⁹, –

так пела древняя Сивилла. Потому-то Ксенофан Колофонский, внушая нам ту истину, что Бог един и бестелесен, мудро заканчивает свою речь такими словами:

Всевышний Бог, повелевающий и людям, и богам,

Един; но тела не имеет Он, подобного человеческому,

Ни духа, сходного с духом смертных,

прибавляя к сему еще следующее:

А люди воображают, что боги рождены;

Они усвояют им вид, голос, тело, такие же, как и у них самих.

И в другом месте:

Одарите руками вола и льва и предоставьте им

Нарисовать красками или, как делают это люди,

Сделать скульптурное изображение Божества:

Вол изобразит Его под видом вола,

А лошадь в виде лошади. Что к этому еще сказать в дополнение?

Из живых существ каждое придает Божеству форму бытия,

Ему самому свойственную.

Вслушаемся еще в то, что Вакхилид лирик говорит о природе Божества:

Не подлежат боги мучительным болезням,

Чисты от всяких грехов, ни в чем на смертных не похожи.

Клеанф стоик в одном из своих гимнов Божеству так выражается о сем:

Ты спрашиваешь: «Какое высшее из благ?»

Узнай же из уст моих о сем. Высшее из благ состоит

В благоустроенности, в праведности, в святости,

В благочестии, в самообладании, в полезности его,

В красоте, в приятности, в величавости, в своеобразности,
Во всегдашней пригодности; не опасается оно само за себя,
Себя не удручает ни заботами, ни печалью;
Оно спасительно, всему споспешествует,
Всех делает довольными, всегда себе самому верно,
Имеет о себе добрую славу, и однако же скромно,
Ко всему внимательно, мягкосердечно,
Ревностно, нестареюще, беспорочно, вековечно ⁷³⁰.

Далее, косвенным образом порицая идолопоклонство
людей невежественных, тот же поэт восклицает:

Раб тот, кто разделяет мнения толпы,
Было бы безумием у нее искать чего-либо дельного.

С невеждой и неучем не стоит о том советоваться, как
следует думать о Божестве.

Нет, никогда я не поверю,

Чтоб *hominis scelesti clanculum speciem induens*

Tuum hoc cubile petere, prout homines solent,

говорит Амфион Антиопе. Софокл, тем не менее, не
прикрывая дела никакими лишними словами, говорит:

Зевс ἔγρηψε, nupsit с той, которая сделалась
mater Амфиона.

Не под видом золотого дождя он сделал это

И не в перьях лебеда,

Как было это в тот день, когда *puellae junctus est Pleuroniae*

Matremque fecit,

А под видом истинного человека.

Потом, продолжая изображать то же беззаконие, поэт
прибавляет:

Преступление быстрыми шагами

Преступало за порог брачного чертога.

Потом поэт в выражениях еще более ясных рассказывает о
необузданной неводержности Зевса, измышленного
народными мифами, как он,

Не приняв пищи, даже рук не умыв,

At pectus acri saucius morsu, torum

Init, atque Veneri nocte se tota dedit.

Но предоставим изображение этих мерзостей сумасбродству театралов. Гераклит нисколько не смягчает дела и говорит напрямик: «Люди не понимают голоса вечного разума ни пред тем, как услышать его, ни после услышания». И Меланиппид лирик вот что поет на своей лире:

Услышь мои желания, Отец,
Состоящий предметом удивления людей,
Ты, господствующий над душами, вечно живущими.

«Великий» Парменид, как его называет Платон в своем «Софисте», так выражается о Боге:

Никогда Он не имел начала,
Никогда иметь не будет и конца,
Он вечно сущий, нерожденный, всеобъемлющий,
неизменный.

А по Гесиоду:

Ты – Царь и Повелитель всех бессмертных.
Кто может оспаривать власть у Тебя? Никто.

Уже и трагедия отклоняла народ от служения идолам и учила его возводить взоры к небу. Так Софокл, как свидетельствует о сем историк Гекатей в своей книге «Авраам и Египтяне», восклицал с высоты трагической сцены:

Поистине, существует только один Бог,
Сотворивший небо и землю, лазурное небо и бурные ветры.
А мы, немощные смертные, в заблуждении сердец своих
Воздвигаем статуи богам.

Но разве можно в этих изображениях богов,
Сделанных из дерева, меди, золота и слоновой кости,
Обрести утешение в бедствиях?

Мы жертвы им приносим; им посвящаем праздничные дни,
Думая, что в этом состоит благочестие ⁷³¹.

Еврипид вводит в свои трагедии подобные же речи:

Видишь ли ты этот воздух, распростертый над нашими
главами,

Свободный, бесконечный, безграничный,
Держащий землю в своих влажных объятиях?
Скажи: Вот Зевс; вот Бог ⁷³².

Тот же поэт в трагедии «Пирифой» так говорит:

К Тебе взываю, Существо само из себя происшедшее.
К Тебе, которое всю природу связываешь вихрями эфира,
К Тебе, постоянно окруженному дневным светом, ночным
мраком

И блестящей свитою бесчисленных светил.

Под «существом, которое само из себя произошло»,
разумеется творческий разум. Выражения же последующие
применимы к миру, той сцене, где мрак борется со светом.
Эсхил, сын Евфориона, говорит о Божестве в таких
сжатых и веских выражениях:

Зевс – воздух, Зевс – земля, Зевс – небо, Зевс – все;

И если есть еще что-либо более величественное,
то это – Зевс.

Платон своим авторитетом также подтверждает
свидетельство Гераклита. Этот говорит: «Существо,
единственно премудрое, Оно не довольствуется именем
“Единого”; ему любезно также и имя Зевса». «Закон, – говорит
Гераклит в другом месте, – состоит в следовании заповедям
Существа единого».

Имеющий уши слышать да слышит, – говорил Спаситель
(Лк. 14:35). Хотите ли вы проникнуть в глубину смысла сего
изречения? Раскрытие его вы найдете у того же Гераклита
Эфесского: «Слышащие, но не понимающие слышимого, то же
что и глухие. Они собой оправдывают поговорку: «Присутствуя
отсутствуют». Желаете ли знать, что и эллины придавали
великое значение вере в единый принцип? Слушайте, что
говорит о сем Тимей Локрянин. В своем рассуждении «О
природе» он дословно пишет следующее: «Начало всех вещей
едино и сотворенным быть не может. Представьте, что оно
происходит от другого начала: тотчас же оно перестает быть
началом, уступая свое место тому началу, которым дано ему
бытие» ⁷³³. Вот учение вполне истинное и представляющее
собой не иное что, как раскрытие сих библейских слов: *Слушай,
Израиль, Господь Бог твой един. Служи только Ему одному*
(Втор. 6:4, 13).

Смотри, вот, Он всем Сам Себя открывает
И рассеивает лживые представления, –

воскликает Сивилла ⁷³⁴. Гомер по некоему вдохновению, как кажется, божественному, предчувствует бытие Отца и Сына, когда влагает в уста Циклопов следующие слова:

Если уже Никто (ничтожный человек) тебе причиняет насилие в твоём уединении,

То отстранить бедствие, посылаемое на тебя великим Зевсом, невозможно.

(Одис. IX, 410, 411).

...потому что Циклопы нисколько не заботятся об эгидоносном Зевсе.

(Одис. IX, 274).

А Орфей, говоря о предмете нас занимающем, еще ранее Гомера восклицал:

О, Сыне великого Зевса, Отче эгидоносного Зевса!

И Ксенократ Халкидинянин, различая двух Зевсов, одного называемого им высшим, а другого низшим, разве сим не делает некоторого намека на Отца и Сына? И вот нечто еще более странное. Гомер, изображая богов состоящими под властью тех же страстей, коими и люди обуреваемы, и за это терпя упреки от Эпикура, однако же признает бытие Божества, потому что он выражается о сем так:

Почему ты, Пелид, будучи смертным,

На свои быстрые ноги надеясь, в лице моем бога бессмертного преследуешь?

Или доселе Бога еще во мне не узнал?

(Ил. XXII, 8–10).

Поэт таким образом нам в сем сообщает, что ни руками, ни ногами, ни зрением, ни другим каким-либо из своих органов человек не в состоянии постигнуть и обнять Божества. *Кому уподобите вы Господа, говорит Писание, и в каких чертах передадите лик Его? И разве не художник выливает статую Его? Разве не золотых дел мастер покрывает золотом ее? – и т. д. (Ис. 40:18, 19).* – Комический поэт Эпихарм в своем «Государстве» равным образом также, и притом довольно ясно, указывает на Божественного Логоса:

Разум (Логос) и число составляют существенную и необходимую сторону жизни человека.

Мы живем лишь разумом (Логосом) и числом;
Ничто другое нас спасать не может.
Потом еще с большей точностью он добавляет:
Разум (Логос) управляет людьми и охраняет нравы.

И, наконец:

Есть рассуждение человеческое,
И есть разум (Логос) Божественный.

Своим разумением человек удовлетворяет материальным потребностям жизни.

Разум (Логос) же Божественный Собою порождает и двигает искусства.

Он лично каждого из нас тому научает,
Что полезно нам. Потому что ведь
Не человеком изобретено искусство;
Оно ведет свое начало лишь от Бога
И только от одного Его.

Разум (Логос) человеческий коренится
В разуме (Логосе) Божественном.

Итак, продолжим наши сопоставления. Дух Святый через Исаию так взывает: *К чему Мне множество ваших жертв? Я пресыщен всесожжениями козлов, тука ваших овнов и крови волов Я не хочу (Ис. 1:11)*. И несколько ниже пророк прибавляет: *Омойтесь и очиститесь, оставьте злые мысли и т. д. (Ис. 1:16)*. И Менандр комик почти буквально повторяет те же мысли и выражения:

Если кто-нибудь думает, Памфил,
Принесением в жертву волов, козлят и подобного,
Или же какой-либо драгоценной работы своих рук,
Как, например, хламиды, сотканной из золота и пурпура,
Или же созданием из кости и бериллов статуй.
Привлечь на себя благоволение Божие,
То он заблуждается и обнаруживает этим крайнее легкомыслие.

Долг человека – добродетельным быть,
Чтить непорочность дев и безупречность супруг,
Хранить себя от воровства и убийства,
Не завидовать богатствам и состоятельности других,

Бог близок к нам, Памфил. Он видит нас.

Я не только Бог вблизи, говорит Писание о Боге, *но Бог и вдали. Если кто действует во мраке, разве не увижу Я его?* – говорит Бог устами Иеремии (Иер. 23:23, 24). И опять Писание говорит: *Приносите Богу в жертву праведность, и тогда надейтесь на Него* (Пс. 4:6). А потом Менандром и дополняется это слово Писания. Он пишет:

Друг мой! Не желай и малейшей части из имения другого.

Бог любит дела лишь праведные, а неправду ненавидит.

Умножать свое богатство Он дозволяет лишь праведным трудом.

Посему будь до гроба праведен.

Постоянно приноси Богу в жертву не одежду пышности и богатства, а чистоту душевную.

Если гремит гром и твоя совесть чиста, то к чему тебе бежать, друг мой?

Бог тебя видит; Он с тобою рядом.

А обетование Писания таково: *Ты будешь говоришь еще, а Я уже скажу: вот Я* (Ис. 52:6).

И комический поэт Дифил также разделяет веру в последний суд, говоря:

Ужели, Никерат, ты думаешь, что проведшие

жизнь в пирах и чувственных удовольствиях

Не будут подлежать по смерти Божественному правосудию?

И над ними бдит всеназирающее правосудное Око.

Мы знаем, что по входе в подземное царство

Путь разделяется на два: один ведет в местопребывание праведников;

Другой же в жилища нечестивых, вечно покрытые землею.

Итак, идите, лгите, крадите, ничего не уважайте;

Но и не обманывайте самих себя:

Настанет и для вас в подземном царстве суд;

Его произнесет над вами Бог сам, верховный Владыка вселенной.

Его имя страшное я не отваживаюсь здесь произнести.

Иногда Он дозволяет жить долго и злодею;

Но пусть злодей не обольщает сам себя предположением,

Что ежедневные его преступления сокрыты от Него
Или что они безразличны для Него:
Мысль эта собою представляет уже новое преступление.
Нет, это только то собою означает, что Правосудная десница
лишь откладывает мщение ему.
Вы мечтающие, что Бога нет, берегитесь!
Есть Бог, Он существует; да, существует.
И если кто, злым уже родившись, творит злое;
То пусть воспользуется еще остающимся в его
распоряжении временем,
После же подлежать будет ужасным наказаниям.
Согласно с этим говорит о сем и трагедия так:
Настанет день, день ужасный и печальный,
Когда эфир спустит с цепей огненные вихри,
скрывавшиеся в его недрах;
Тогда разнузданным пламенем истреблено будет и на
земле, и в воздухе все живое
И не будет границ ярости огня.
А несколькими стихами ниже поэт прибавляет:
И когда все будет уничтожено, бездны океана опустеют.
Земля также будет представлять вид пустыни,
Не станет стай крылатых, кои с ее поверхности сожженной
Взлетали бы в высоты неба.
Но все разрушенное потом опять будет восстановлено.
И в поэмах орфических находим мы подобные же идеи:
Все, что ни скроет он в своем сердце священного;
Все это им снова будет возвращено на лучезарный свет
солнечный,
И притом в форме более прекрасной, чем прежняя.
Без сомнения, мы можем счастливыми быть и на этой
земле, если живем здесь свято и праведно. Но несравненно
счастливее будем, оставив сей мир, потому что после сего
вместо блаженства временного будем наслаждаться покоем
вечным,
Сделавшись сожителями и сотрапезниками бессмертных,
Навсегда освободившись от бед и болезней, какие
постигают смертных,

как обещает нам философская школа Эмпедокла.

Итак, уже по верованию эллинов, не будет людей ни слишком знатных, коих знатность освобождала бы от суда Судии верховного, ни слишком ничтожных, чтобы не обратить на себя взоров сего Судии.

Тот же самый Орфей говорит нам о сем в следующих выражениях:

Постоянно обращай взоры к Божественному Логосу

И никогда их не отвращай от Него,

Внимательно исследуя все изгибы твоей души;

Иди уверенными шагами по пути прямому,

Ум устремляя лишь к одному бессмертному Царю вселенной ⁷³⁵.

В другом месте он утверждает, что Бог непостижим. При сем Орфей прибавляет, что открылся Он только одному человеку халдейского происхождения. Под сим разумеет он или Авраама, или и сына его. Но приведем его подлинные слова:

Открылся Он лишь одному из потомков некоей халдейской семьи.

Мудрец сей знал о течении солнца,

О движении, им совершаемом вокруг земли,

На коем она увлекает за собою свод небесный

И в то же время вращается около своей оси.

Он видал крылатых лошадей (ветры), управляющих миром.

Как они пробегают пространством и нисходят в глубины бездн.

Потом, как будто в разъяснение сих выражений Писания: *Небо – престол Мой, земля же – подножие ног Моих* (Ис. 66:1) он прибавляет следующее:

Неколебимый, вечный, Он восседает в зените неба на золотом престоле.

Земля – Его подножие. Своей десницей Он касается концов океана.

Дыханием своего гнева Он колеблет горы в основаниях

И не могут эти выносить оною тяжести.

Он повсюду, хотя жилищем Его – небо.

Ничто из того, что происходит на земле,
Не совершается без Него,
Ибо Он – начало, середина и конец всех вещей.
Но что я говорю? Непозволительно даже и имя Его произносить.

Дрожит и трепещет мое тело уже при одной мысли о Нем.
В высотах неба Он живет и отсюда управляет всем...

Какой красноречивый язык! Но он с очевидностью собой напоминает следующие слова пророка: *Если открываешь Ты небо, то горы дрожат и тают пред лицом Твоим, как воск перед огнем (Ис. 6:1)*. Но с сими тождественны и такие слова Исаии: *Кто распростертою рукою небеса измерил? Кто землю взвесил на весах? (Ис. 40:12)*. Те же основные идеи встречаем мы и в следующем отрывке из Орфея:

Повелитель неба и ада, Повелитель земли и волн!

Ты, Олимп колеблющий своим громовым голосом!

Ты, которого боятся духи, которого страшится сонм богов!

Ты, которому покорно служат Парки ⁷³⁶, неумолимые по отношению ко всякому другому!

Существо вечное, почитаемое нами под двойным именем отца и матери!

От гнева Твоего трясется мир весь!

Ты расковываешь ветры, природу окружаешь густыми облаками,

А воздух прорезываешь бороздами Твоих молний!

Светила движутся, повинясь неизменным, Тобой установленным, законам.

Вокруг блистающего Твоего престола стоят многочисленные сонмы Ангелов,

А на обязанности их лежит следить за нуждами смертных и за исполнением ими Твоих заповедей.

От Тебя исходит весна с венчающими ее свежими цветами;

Но от Тебя же и зима, опоясывающая нас льдом и объемлющая холодными ветрами.

Тебе же наконец мы обязаны гроздями виноградной лозы и осенними плодами.

Потом в выражениях, никакого сомнения не возбуждающих, поэт возвещает всемогущество Божие:

Имя Его, недоступного для приражения смерти к Нему,

Произносить имеют право лишь бессмертные.

Сойди к нам, о величайший из богов!

Приди к нам в сопровождении непреклонной необходимости!

Приди, Бог грозный, непобедимый, великий, бессмертный,

Ты, увенчиваемый небом!

Выражением: «...которого мы почитаем под двойным именем отца и матери» (по-гречески «Μητροπάτηρ») Орфей хочет сказать, что Богом все живые существа сотворены из ничего. Для меня не показалось бы дивным, если бы место это сторонникам учения об эманациях и зонах внушило мысль придать Богу *et cojugem* ⁷³⁷. На самом же деле поэт лишь перифразирует слова Исаии (Амоса) пророка: *Вот Он, сгущающий облака и поднимающий бури, которого руками образованы небесные звезды (воинства) (Ам. 4:18)*. А может статься, поэт имел в виду слова и Моисея: *Усмотрите и познайте, что это Я, Я; и что нет Бога иного, кроме Меня. Я умерщвляю и оживляю; Я поражаю и исцеляю, и никто не вырвет из руки Моей (Втор. 32:39)*.

За приятностями радостей он заставляет следовать томительные скорби,

Ужасы битв и плачевность жизненных долей.

Так поет Орфей. Архилох Паросский подобным же образом восклицает:

О Зевс! Небо – твое царство.

Но с высот твоего жилища ты видишь,

Что праведно и что нет.

Но и фракийский певец Орфей пусть еще споет нам нечто на своей лире:

Своей десницей Он касается краев океана,

Земля же – подножие ног Его.

Что здесь мы имеем дело с подражанием, это очень заметно. И оно напоминает собой следующие слова Писания:

Господь будет сохранять города населенные. Возьмет Он в свою руку всю вселенную, как гнездо (Ис. 10:14). Это Господь сотворил землю всемогуществом своим, говорит Иеремия; это Он в равновесие привел всю вселенную (Иер. 10:12). К свидетельствам священных писателей присоединим еще свидетельства писателей светских. Так, Фокидид называет Ангелов гениями и различает между ними добрых и злых. В наших преданиях и действительно говорится об ангелах мятежных:

Духи же (демоны) различны ⁷³⁸. Различным образом они влияют и на людей.

Но то несомненно, что одним из них поручено отклонять от нас все угрожающие нам бедствия.

Комический поэт Филимон, следовательно, уже в подрыв идолослужению говорит следующее:

Счастье не бог, далеко не бог,
Хотя все, нами получаемое неожиданно или случайно,
Мы и называем счастьем.

Не иначе как с признательностью и похвалою нужно при сем вспомнить и о Софокле, ибо он пишет:

Не все идет по воле богов.
Власть верховная принадлежит Зевсу.
В нем начало и конец всех вещей.
Орфей опять говорит подобное же:
Есть одна только власть и одно верховное Божество;
Это Его свет блистает в небесах.
Все Им сотворено; это Им все приводится в движение:
Земля, вода, огонь...

Увлеченный восторгом, Фивский лирик (Пиндар) равным образом восклицает:

Что такое Бог? Бог – это вся вселенная.
И опять:
Бог есть Творец всех смертных.
И в другом месте:
Люди! Почему – это вы надеетесь на людскую мудрость?
Нет ее у них ни малейшей.
Проникнуть в советы богов для человеческого разума

Есть дело затруднительное:

От смертных матерей все мы рождены.

В этом последнем изречении Пиндара слышится только эхо слов Исаии пророка: *Кто познал мысль Господню? Кто был советником Его?* (Ис. 40:13; Рим. 11:34 и 1Кор. 5:16). И Гесиод пишет схожее с тем, что говорит этот пророк:

Между сынами человеческими

Нет гадателя, который мог бы

Проникнуть в мысль всемогущего Зевса.

Афинский законодатель Солон, следовательно, имел все основания в одном месте своих элегий согласно с Гесиодом выразиться так: Мысль бессмертных есть глубокая тайна для людей.

Писание устами Моисея предрекло жене, что во искупление своего послушания Божественной заповеди она среди болезней и скорбей будет рождать чад. Согласно с этим и поэт, коего имя далеко не бесславно, говорит:

Трудиться и плакать день и ночь.

Вот печальная судьба жены.

Никогда не перестанут боги посылать ей скорби на скорби.

Когда Гомер изображает Вседержителя

Держащим в своей деснице золотые весы,

(Ил. VIII, 69),

то через это символически он означает, без сомнения, правосудие Божие. Менандр же комик о благодати Божией свидетельствует так:

Как только человек рождается,

Сходит к нему добрый гений, благожелательный наставник:

На его обязанности лежит ввести человека во все тайны бытия.

И представить невозможно, чтобы это был дух злой,

Которому было бы поручено новорожденного отвлекать от жизни добродетельной.

Свою речь Менандр заканчивает фразой, которая грамматической своей конструкцией может означать в одно и тоже время и то, что «всякий Бог благ» иди же, – а это и вероятнее, – что «Бог во всем благ».

Трагик Эсхил, стараясь определить Божественное всемогущество, не заминаясь, именует Бога и Всевышним. Он говорит:

Берегись отождествлять Бога с людьми смертными
И не воображай себе, что Он имеет плоть подобную нашей.
Ты говоришь: «Я Его не знаю».

Но Он является тебе то под видом блистающего огня, прикосновение к которому для нас не проходит даром;

То волна Он, то туман.

Иногда Он принимает вид дикого животного:

Тогда Он свищущий ветер, быстрое облако, блистающая молния,

Гром гремющий, поток, освобожденный от оков;

Море, скалы, озера Ему послушны.

Все трепещет от одного Его взора:

И лицо земли, и бездны океана, и вершины высочайших гор.

Новому что неограниченна слава Всевышнего,

Не находите ли вы, что эти стихи поэта служат лишь комментарием к, словами Писания: *От лица Господня земля трепещет* (Пс. 68:8)?

Но что мысль о всевышнем Боге- Вседержителе не чужда была эллинам, есть свидетельство за сие еще более важное. Сам Аполлон, славившийся знанием будущего, свидетельствует о славе Бога истинного. Он вынужден объявить, что во время нашествия персов на Элладу Афина пришла и умоляла за Аттику Зевса. Оракул (Герод., VII, 140, 141) о сем так говорил:

Мольбы и все искусство Афины напрасны.

Ничто не может поколебать воли Олимпийского Зевса.

Он готовится предать огню многие из храмов, посвященных бессмертным;

Дрожат эти от страха, и покрывает их холодный пот.

Феарида в своем рассуждении о природе пишет: «Начало вселенной, ее истинное начало одно; оно вековечно, а потому и едино».

Никакого другого Божества нет, кроме всевышнего Владыки,

говорит Орфей. Комический поэт Дифил, следуя Орфею, выражает такую глубокую мысль:

Постоянно чти Отца вселенной.

Он источник и виновник всех, окружающих тебя благ,
Почитай Его постоянно; только Его одного и чти.

Платон, значит, прав, когда людей, по природе наилучших, сближает и сдружает с мыслью стремиться к знанию, уже признанному нами за наивозвышеннейшее. Знание это состоит в предпочтительном созерцании лишь добра одного и через постоянные усилия в восхождении к нему. Здесь дело идет не о безразличной и скоропреходящей возбужденности, как в играх детства ⁷³⁹, а о движении правильном, которое вывело бы душу из этого некоторым образом ночного света, где она остается как бы погребенною, и направило бы ее к свету истинному, по пути, который с сих пор мы будем звать философией (мудростью) истинной ⁷⁴⁰. На тех же, кто вступает на этот путь, Платон смотрит как на присоединяющихся к племени золотому ⁷⁴¹. «Все вы – братья», – говорит он. А все относящиеся к этому золотому племени имеют способность здраво судить обо всем.

Итак, всем живым существам некоторым образом в силу инстинкта и без внедрения этой идеи воспитанием, свойственно предчувствие, что есть общий всех нас Отец и Творец всего. Природу неорганическую и одушевленную связывают между собою отношения симпатические. Из существ же живых одни уже наслаждаются бессмертием, другие же ежедневно волнуются и трудятся для сего, оставаясь еще здесь на земле. Но и из смертных некоторые погружены в слепой страх и заключены в матерних недрах, их носящих; другие же движутся, пользуясь своей независимостью свободно.

Далее, вся человеческая семья делится на эллинов и варваров. В числе этих народов нет ни одного ни из земледельческих, ни из племен кочевых, ни одной нации, живущей в городах, которая могла бы жить и держаться без инстинктивной веры в верховное Существо. Избегайте весь мир от востока до запада, с севера на юг – везде вы встретите одни и те же элементарные представления о верховном Владыке, потому что действие творческого всемогущества

равно простирается на все концы земли и одинаково собою обнимает все ее местности. Эллинские мудрецы с одушевлявшим их духом исследования, состояв дольше других в сношениях с мудрецами варварскими, пошли дальше своих современников. Они усвоили промыслительное попечение Богу невидимому и единому, верховному Творцу и непосредственному Виновнику вещей наипрекраснейших. Однако же выводов из своих учений без нашего содействия они сделать были не в состоянии; приходя в сем на помощь к ним, мы развиваем пред ними те выводы; ибо они даже и того не знают, каким образом природе этой дано и свойственно открывать Бога. Но, как уже показано нами ⁷⁴², они определяли Божество околичностями, к истине хотя и близкими довольно. Апостол потому прав был, говоря: *Разве Бог есть Бог Евреев только? Не Бог ли Он и язычников?* (Рим. 3:29). Не безразличие вер, впрочем, он утверждал этим, а то лишь хотел сказать, что те из эллинов, которые уверуют в его учение, достигнут истинного познания о Боге. Нет, эти слова Апостольские не пророчество какое-либо собою представляют, а имеют значение философское. Апостол ими сказывает, что в отношении власти Бог есть Господь над всеми людьми и что Он действительно Вседержитель; с точки же зрения познания Он не состоит Богом всех. Язычники и действительно ни того не знают, что есть Бог, ни того, каким образом Господь есть Отец и Творец; ни других тайн они не ведают, входящих в состав истинного учения, вами, христианами, содержимого; для этого они должны получить образование в нашей школе.

Пророк говорит то же, что и Апостол. Послушаем, например, что говорит Исаия: Бы говорите: *Мы уповаем на Господа Бога нашего. А я скажу вам: Итак, вступите в союз с господином моим, царем Ассирийским* (Ис. 36:7, 8), Пророк прибавляет: *Ужели вы думаете, что без воли Божией внесли мы войну в сию страну?* (Ис. 35:10). Из других вдохновенных уст, Ионы пророка уст, слышим мы подобное же: *И приблизился к нему кормчий и сказал ему: Что ты спишь? Встань и воззови к Богу твоему. Может быть, Бог вспомнит о нас, и мы не*

погибнем (Ион. 1:6). Словами к Богу твоему, обращенными к Ионе, который знал Его, и другими: *Может быть, Бог вспомнит о нас* указывается на единодушное согласие народов, которые еще до просвещения их верою возвысились в своем разуме до понятия о Боге Вседержителе. И сказал им Иона: *Я раб Господень и чту Господа Бога небесного. И они воскликнули, как рассказывает тот же Иона: Молим Тебя, Господи: не погуби нас из-за этого человека!* (Ион. 1:9, 14).

Пророк Малахия влагает такие слова в уста Господу: *Приношение из рук ваших не благоугодно Мне. От востока со лица до запада имя Мое прославляется народами и повсюду Мне приносятся жертвы. И опять: Ибо Я царь великий, говорит Господь Вседержитель, и Мое имя велико между народами* (Мал. 1:10, 11, 14). Что же это за имя? Для верующих именем этим состоит «Сын», намекающее и на Отца; а для язычников именем этим служит «Бог – Творец» ⁷⁴³.

О свободе воли Платон ⁷⁴⁴ дает свое мнение в таких выражениях: «Добродетель никого не признает себе повелителем. Смотря по тому, почитают ли ее или же ею пренебрегают и ее саму тем более или менее привязывают к себе. За выбор же ответствен каждый сам; Бог в нем неповинен». Платон правду сказал: «Бог не может быть причиной зла» ⁷⁴⁵.

Лирический поэт ⁷⁴⁶ так восклицает:

О вы, Трояне воинственные!

Зевс, царствующий на небесах, а своими очами

Объемлющий всю природу,

Не может быть виновником зол,

Тяготеющих над смертными.

Но ни у кого не отнято право следовать лишь святой и чистой истине,

Спутнице правомерности и осторожной Фемиды.

Счастливы те и родители тех счастливы,

В среде чьей она живет как бы непорочной сестрой.

Пиндар же под образом Зевса-Спасителя, вступающего в брак с Фемидой, открыто изобразил Царя, Спасителя и Праведника.

Парки сажают мудрую Фемиду на колесницу, запряженную конями с золотыми крыльями.

Затем они везут богиню к крутому берегу океана,

К величественному порогу великолепной дороги, ведущей на Олимп,

Где она навеки должна стать первенствующей супругой Зевса-Спасителя.

От сего-то союза родились времена года,

Сии благодетельные богини с волосами, охваченными золотым обручем,

Руки же коих обременены драгоценными плодами.

Кто истине не верит, а своим человеческим знанием гордится (1Тим. 6:3,4), тот несчастен. Он, говоря словами Еврипида:

Вместо того чтобы возвышаться до Бога созерцанием картин природы,

Спорит о происходящем в высших слоях воздуха и сеет софизмы,

Кои неутомимый и вздор несущий язык выпускает наудачу,

Того не постигая, что в них скрыто.

Итак, кто желает содержать учение истинное, тот приблизься и внимай тому, что обещает ему Парменид Элеатянин:

Ты изучаешь свойства воздуха, движение светил вращающихся в пространстве

И невидимое влияние чистого и священного света солнечного.

Все это вещи таинственные, но и их происхождение тебе будет открыто.

Ты познакомлен будешь далее с круговращением луны, проникнешь в тайны природы.

Ты будешь иметь понятие о небе и о том, что оно объемлет всю вселенную во всех ее частях.

Ты постигнешь, как оно зародилось в день, когда высшее могущество

Сковало его над нашими головами, чтоб утвердить в нем светила и их движение.

Прислушаемся еще к Метродору. Хотя он и ученик Эпикура, тем не менее речи его отличаются мудростью почти божественной. Вот что говорит он: «Менестрат, так как ты рожден смертным и дни твои сочтены, то не забывай своею душой возноситься вдаль от земли, пока не явится тебе бесконечность и вечность, – та вечность, которая была до тебя и будет после тебя».

Это блаженное мгновение настанет, когда, по словам Платона, мы в состоянии будем без покровов, вместе с сонмом блаженных духов, созерцать невыразимое блаженство, коим они наслаждаются, когда и мы, вознесенные к стопам Зевса, другие же из нас к стопам других богов, если можно так выразиться, будем торжествовать высшие таинства божественного блаженства, омытые от всех нечистот, освобожденные от всяких бед, на кои были осуждены в сем мире. Не станет более преград, кои останавливали бы наш взор! Освободившись от уз телесных, мы будем созерцать в волнах чистого света вечную сущность. Да, мы будем очищены и освобождены от этой оболочки, которая называется телом и которую нам везде приходится влечь с собою, в которой мы живем теперь, в нее заключенные, как устрица в свою двойную раковину».

Пифагорейцы дают небу имя «Антихтона», то есть земли, которая противоположна нашей. Это та прекрасная страна, о которой Господь сказал: *Я включу вас в число Моих чад и дам вам землю вожделенную, наследие Бога Вседержителя (Иер. 3:19)*, наследовавшие которую будут царями земными.

Множество и других подобных сим тирад всплывает в моей памяти. Но гармония, которая должна определять собой размеры частей сего творения и отношение их к целому, предупреждает меня, чтобы я кончил его; иначе и ко мне можно будет приложить упрек, который читаем мы у трагического поэта Агафона:

Они рассуждают о вещах побочных с того же тщательностью,

Как и о главном;

А о главном с такой же небрежностью,

Как и о мелочах.

Итак, теперь, когда с возможною очевидностью доказано, по крайней мере, как мне кажется, в каком смысле нужно понимать слово Господа: «Эллины – воры» ⁷⁴⁷, я без малейшего угрызания совести расстаюсь с учениями светских мудрецов. Если бы мне предстояло обсудить порознь каждое из их изречений, то как бы ни расширял я эти свои «Мемуары», никогда я не кончил бы их: вечно мне пришлось бы на том настаивать, что вся эллинская мудрость имеет первоисточником мудрость варварскую. Однако же, смотря по надобности, мы будем еще время от времени возвращаться к этому пункту, собирая принципиальные мнения эллинов. Все предшествующее может быть рассматриваемо как косвенное предупреждение относительно точки зрения, с какой должен при чтении относиться к сочинениям эллинским тот, кто чувствует себя способным странствовать по этому морю, столь обильному подводными камнями ⁷⁴⁸.

Счастлив, кто располагает сокровищами мудрости Божественной,
воскликает Эмпедокл.

Напротив, весьма несчастен тот, кто находит удовольствие в туманных грезах относительно богов.

Поэт сим как бы по некоему божественному внушению научает нас, что высшая цель знания есть блаженство, а невежества конец – несчастье.

Итак, – с чем и Гераклит согласен, – мудрецу следует знать многое. И действительно, крайне необходимо...

Ревнителю добродетели проходить непреткновенно путем прямым, не обращая внимания на все уклонения с него знания.

Из всего же вышесказанного с очевидностью следует, что благодать Божия вечна, а правосудие Его некоторым образом уже в силу естественной необходимости простирается на все создания и обращает внимание на заслуги каждого из них и значение. Исходит же это правосудие от Начала несотворенного, которое никогда и не имело начала своего бытия. И действительно, бытие Божие никогда ведь не начиналось; стало быть, и благим Он никогда не начал быть, а был таковым вечно; вечно Он таков, каков есть. Действие Его

благости остановится только в тот день, когда все свое дело Он приведет к концу. Каждый из нас часть свою имеет в Его щедротах в той мере, какую сам выбирает. Разница предопределения одних к одному жребию, других к иному зависит от заслуги выбора и от верности следования ему.

Здесь мы кончаем пятую книгу сих в духе истинной философии гностических «Записок» наших.

Книга шестая

1. План, по которому далее имеет быть излагаем материал сих «Записок»

В шестой и седьмой книгах сих в духе истинной философии гностических «Записок» (Стромат) наших, после возможно полного излияния проповедуемой нами морали и по изображении жизни мудреца (гностика) совершенного, мы продолжим доказывание мудрецам светским того положения, что принимающий наши учения вовсе не богоотступником становится, как это они утверждают, а человеком благочестивым и единственно-истинным почитателем Бога. При сем вкратце мы коснемся учений, какие он принимает и наблюдаемых им обычаев. Само собою понятно, что все это мы вверим письмени в той мере, в какой дозволяется это важностью сих тайн ⁷⁴⁹.

Такова наша задача. Ибо Господь заповедал нам *заботиться о пище пребывающей в жизнь вечную* (Ин. 6:27). И пророк говорит: Блажен тот, кто сеет на землю, орошаемую водой, где пасутся вол и осел (Ис. 32:20). Что это значит? А то, что общей верой из евреев и язычников образуется один народ. Но *немоцной*, по суждению Апостола, *питается овощами* (Рим. 14:2). Уже тремя книгами нашего «Педагога» христианин с колыбели принимается на воспитание и под руководство. Они наставляют его и утверждают в этом образе жизни, к которому располагает его чрез пробуждение веры катихизация, собою подготовляющая в душе новообращенного, уже расположенного к добродетели, почву для принятия на нее впоследствии времени сокровищ знания. Повторим еще раз: чрез ознакомление язычников с подробностями наших учений мы дадим им возможность познать, что, преследуя истинных почитателей Бога, они совершают дело нечестивое. Верные названию и свойству сих наших «Стромат», в которых мы излагаем свои разъяснения, мы разрешим потом некоторые возражения, возбужденные сколько Эллинами столько же и варварами (иудеями) по поводу пришествия во плоти нашего Господа. Итак, луга сего нашего творения испещрены

разнообразными цветами; это как бы сад, который украшают разные породы больших деревьев; но они растут здесь не по родам и видам сгруппированные. Наш сборник этот не походит в сем отношении на сочинения тех авторов, которые, толкуя в них об известными ученых материях, соответственно сему дают им различные названия: то «Геликона», то «Сотов», то «Ковров». Наши же сии «Строматы» похожи именно на луга. Здесь на манер луговых цветов тысячи предметов соединяются и перемешиваются, потому что они излагаются нами в том порядке, как приходят нам на ум; мы набрасываем свои мысли без порядка и языком безыскусственным; иногда разбрасываем их даже с умыслом. Записанные таким образом, они становятся для нас огнем скрытым под пеплом, вздуваемым по мере надобности. Если же сие творение случайно попадет в руки читателя, который может быть посвящен в тайны знания, то оно вынудит его не без некоторого труда отыскивать то, что может быть ему годным и чем он может воспользоваться. Справедливость требует, чтобы пища предшествовала работе; не тем ли справедливее, чтобы труд предшествовал познанию у тех, которые идут к спасению и вечному блаженству *путем узким и тяжелым* (Мф. 7:14), дорогой по истине царской? Что такое собою представляет по существу наше познание? Что такое служит нашему духу садом и раем? Этим состоит сам Господь наш, в котором мы утверждаемся как в доброй почве (Рим. 11:17), после того как были вырваны из бесплодной почвы нашей прежней жизни. Пересаживание способствует доброте плода. Еще раз: свет и познание, это Господь наш, в которого мы были пересажены. Различают два рода познания, подобно тому как двоякого рода бывает и разумение и понимание: одно стоит в связи с чувствами внешними, другое с чувством внутренним, духовным; первый из этих способов познания, вообще так называемый, обнаруживается во всех вообще людях, (другой не во всех). Нужно установить подобное различие. Познание, основанное на чувственном усмотрении вещей, нас окружающих, принадлежит столько же существам одаренным разумом, сколько и тем, которые его не получили в удел. Боже

меня сохрани, дать имя познания грубым понятиям, происходящим только от чувственного усмотрения. Познание, по преимуществу и поистине достойное сего имени, имеет окончательным своим признаком разум и ум. Таким образом, нет иного познания кроме чисто разумного, которое усвоится помимо чувств; и сей простой акт ума имеет место лишь при познавании вещей постижимых только разумом. О сколь прекрасен человек, восклицает Давид, сострадательный к заблуждающимся и погибающим на путях ложных! Он даст займы, является к ним на помощь, их наделяя словом истины (Рим. 3:11; 1Сол. 2:8). Но его сострадание не есть какое-либо безрассудное и необдуманное, нет. Он определяется в оном и разделяет свои речи с глубокой и мудрой разборчивостью. Таков человек, разделявший свое имяние бедными (Пс. 111:5–9).

2. Эллинскими писателями их ученые положения были заимствуемы не только из священных книг и еврейских, но и друг у друга.

Прежде, чем приступить к изучению намеченных нами предметов, мы в виде предисловия к шестой книге дополним здесь то, чего не успели изложить в пятой книге сих наших «Стромат». Доказывание того, что символизм – происхождения древнего и что не только пророки, но и большинство мудрецов эллинских, а также многие из наций и варварских, пользовались аллегорическим способом выражения своих мыслей, естественным образом стало напоминать нам о самых этих откровенных тайнах. Но мы повременим изложением их, отложив это до момента, с которого начнем опровержение учений эллинских мудрецов о началах, ибо эти тайны, что покажем впоследствии, также входят в область исследования сих начал. Что же касается до настоящего момента, то поелику раз уже доказано, что таинственный смысл эллинских учений вполне становится ясными лишь при свете истин, излагаемых и нами передаваемых Писанием, чрез опубликование коих в наших доводах, – чтоб не выразиться слишком надменно, – открывается известность плодов истины и язычниками: то призовем здесь саму Элладу во свидетельство против нее самой для убеждения ее в том, что она действительно виновна в тех заимствованиях, в коих обличается. Писатели (второстепенные), открыто друг у друга заимствующие разные истины, принадлежащие писателям первостепенным, подтверждают, что книжный плагиат был между ними развит до бесконечности; они сами себя следовательно в том и обличают, что состоят плагиаторами; кроме того они против собственного своего желания и о том свидетельствуют, что напрасно приписали себе истину принятую от нас и что они именно ее тайными образом передавали своей нации. Видя, как нагло они протягивают руку к частной собственности своих же собственных соплеменников и сограждан, можно ли от них и ожидать почтительного отношения

к сокровищам нашими? Оставим в стороне их философия учения. Школы самые противоположные сознаются сами, – это без сомнения для того, чтобы предупредить упрек в неблагодарности, – что главнейшие из своих учений они получили от Сократа. В подтверждение своего положения мы привели лишь несколько доказательств, заимствовав оные у знаменитейших из Эллинских писателей. Свидетельства эти достаточно убеждают читателя, что в различные эпохи заимствования эти довольно-таки практиковались книжными плагиаторами. Итак, обратимся к изложению нашего предмета.

Орфей сказал:

Что может быть наглее и ужаснее женщины?

Гомер же повторяет:

Нет ничего страшнее и несноснее женщины (Одис. 11:427)

Музей написал:

Осторожность постоянно одерживает верх над грубой силой.

А Гомер говорит:

Дровосек срубает дерево не столько силой, сколько ловкостью (Ил. 23:316)

В другом месте тот же Музей пишет:

Как плодородная земля венчает ясень листвою;

И подобно тому как одни падают, а другие нарождаются:

Так следуют одно за другим людские поколения.

Гомер же делает не иное что, как воспроизводит эти стихи, когда говорит:

Ветер обнажает дерево от листьев и рассеивает эти;

При возврате же весны оно воспроизводит новые.

Так преходят поколения людские: одни рождаются, другие умирают.

(Ил. 6:146–9; срав. Сираха 14:19).

Гомер выразил такую мысль:

Не следует издаваться над прахом мертвецов.

(Одис. 22:412).

И тотчас Архилох и Кратин подхватывают ее.

Архилох говорит:

Не следует ругать мертвых;

А Кратин в «Лакониях»:

Гнусно себя восхвалять насчет умерших.

Тот же Архилох и в других случаях тянул из Гомера. Этот пишет:

Я погрешил и сего не стыжусь, потому что и другие многие вместе со мной погрешили (Ил. 9:116).

А Архилох воспроизводит этот стих так:

Я провинился; но в своем несчастье не остаюсь без товарища.

То же самое следует сказать и касательно другого Гомерического стиха. У Гомера стоит:

Арей, оказывающий благосклонность то к одной партии, то к другой,

Жертвует тем, кто, врага поразив, сей час только что приносил тьме жертву ему самому. (Ил. 18:309).

А Архилох передает этот Гомерический стих уже в следующем виде:

Я сделаю это, потому что Арей равно покровительствует всем.

Стих эпического поэта:

Победа в руках Богов (Ил. 7:102).

В ямбах Архилоха становится ободрением молодежи, возбуждающим в ней мужество и звучит так:

Боги решают победу.

Гомер изрек стишок:

Никогда не омывая ног и засыпая на земле
(Ил. 16: 235).

А Эврипид в своем «Эрехтее» пишет:

Они спят на голой земле

И не омывают ног ни в каком источнике.

Согласно с Гомерическим стихом:

Одни находят удовольствие в одном занятии, другие в другом (Одис. 14: 228) и Архилох говорит:

Одни одному радуются, другие другому.

А Эврипид в «Энее» повторяет за ними:

Одним предпочитаем бывает такой образ жизни, другим же – иной.

Но вот Эсхил восклицает:
Человек счастливый пусть запрется в своем доме.
Но и несчастный также пусть не выходит из него
И то же самое не замедлил восклицать на своей трагической сцене и Эврипид:

Счастлив тот, кто свое счастье может скрывать внутри своего дома.

Почти то же самое повторяет и комический поэт Менандр:
Скрывайте свое счастье за стенами дома своего.

Тут останетесь свободными. Иначе отрекитесь от истинного счастья.

Феогнис говорит:

У изгнанника нет друга верного;

а Эврипид (в «Медее» ст. 561) изменил его слова так:

Друзья чуждаются своего друга, как скоро он становится бедняком.

У Эпихарма мы читаем:

Увы! О, горе! Дочь моя! Я погубил тебя, выдав замуж за человека моложе тебя.

Супруг твой берет в любовницы женщину моложе себя; жена его ищет какого-нибудь искателя приключений.

Эврипид так переделывает этот текст:

Не следует соединять брачными узами человека молодого с женщиной уже пожилой. Иначе произойдет, что один будет вздыхать по удовольствиях инаго ложа,

А брошенная супруга будет замышлять гибельные планы.

Эврипид написал в «Медее» (ст. 618):

Дары человека злого всегда гибельны (Ил. 9:378)

И Софокл за ним составляет в своем «неистовом Аяксе» такой ямбический стих:

Дары врага не суть дары: они всегда гибельны.

У Солона мы читаем:

Пресыщение, коим сопровождается богатство, собою порождает бесстыжесть;

Феогнис же эту мысль повторяет и притом почти в тех же самых выражениях:

Если попадет богатство в руки человека дурного, то пресыщение им сказывается действиями безрассудными.

Подобное же подражание сему встречаем у Фукидида (кн. 2, гл. 84). «Большинство людей, говорит он, если на их долю выпадет несколько мгновений неожиданного счастья, неминуемо уклоняются в дела позорные». Филист воспроизводит это же самое место так: «Благоденствие, сопровождаемое благоразумием и правдивостью, всего больше нам обеспечивает собой имя и всего надежнее нас охраняет от несчастья. Большинство же людей, если на их долю неожиданно выпадает несколько мгновений счастья, непременно забываются и впадают в нахальство».

Эврипид сказал:

Дети, родившиеся от родителей, ведущих жизнь умеренную и строгую,

Бывают крепче других и прекраснее.

Критиас же пишет: «Человека нужно воспитывать еще раньше, чем родился он. Каким образом? Ребенок необходимо будет отличаться крепким телосложением, если отец не будет чуждаться гимнастических упражнений; если будет питаться пищей сытной и здоровой и утомлять свое тело тяжелыми трудами; – если мать будущего ребенка отличается здоровым телосложением и поддерживает свои телесные силы физическими трудами».

Гомер изображает нам в таких выражениях Гефеста, куящего щит:

Он изобразил на нем землю, небо и море,

Присоединив к сему картину и бесконечного океана

(Ил. 18:483, 606).

Ферикид же Сириянин вот что пишет в свою очередь: «Зевс тчет широкий и великолепный плащ. Он изображает на нем разноцветными красками небо, землю и пучины океана».

Гомер говорит:

Стыд в одно и тоже время и полезен человеку и опасен (Ил. XXIV, 45),

а Эврипид за ним в своем «Эрехтее» пишет:

Что сказать мне о стыде? Решительно недоумеваю. В иных случаях он необходим, в других он – большое зло.

Сопоставьте друг с другом писателей, процветавших в одну и ту же эпоху и следовавших одним и тем же жизненным принципам и вы заметите у них следы взаимного влияния их друг на друга. Так например Эврипид говорит в «Оресте»:

Сладкая прелесть сна врачует от всех бед.

а Софокл в «Ерьюфиле» восклицает:

Усни. Сон исцелит тебя от всех болезней.

Эврипид в «Антигоне» говорит:

У дитяти незаконнорожденного только имя постыдное;

Природа же у него одинаковая с дитятей законным;
и Софокл в «Алепадах» отвечает ему:

Природа всех вещей добрых одинакова.

В «Тэмене» Эврипида я читаю:

Трудящемуся и Бог помогает;

а в «Миносе» Софокла:

Счастье никогда за тем не следует, чьи действия не
безупречны.

В «Александре» Эврипида стоит:

Время просветит меня. Добр ты или дурен,

Узнаю я от сего правдивого свидетеля.

А в «Гиппоне» у Софокла сказано:

Не скрывай от меня истины. Время, от очей и ушей которого
ничто не ускользает,

Есть наилучший разоблачитель всех тайн.

Продолжим еще эту параллель.

Эвмел сказал:

Девять дочерей Мнемозины и Зевса Олимпийского.

А Солон одну из своих элегий начинает так:

Блистательные дочери Мнемозины и Зевса Олимпийского.

Эврипид, перефразируя такой стих Гомера:

Кто ты? Где твоя родина? Где родители твои?

(Одис. 14:187)

развивает его в «Эгее» в такие ямбы:

Из какой, спрашиваем мы, произошел страны ты?

Что блуждаешь по земле чужой?

Где твоя отчизна? В каком направлении искать ее?
Кто родители твои? Чьим сыном нам назвать тебя?
Но что? Феогнис разве не говорит:
Много пить вина – дурно.
Умеренное же его употребление полезно.
И вот Панюасий вслед за ним пишет:
При умеренном его употреблении вино есть дар богов и
полезно;
Употребляемое же чрез меру оно становится гибельным.
Гезиод пишет:
За украденный огонь отплачу я злом, которое будет
усладой для всех
(Дела и дни, 1:57)
а Эврипид этот стих его повторяет в следующих
выражениях:
Вместо огня произошла женщина.
Бич еще более ужасный и трудно победимый.
Гомер говорит:
Невозможно мне утолить пожеланий чрева моего,
Сего жестокого тирана, причиняющего столько бедствий
человеку
(Одис. 17:286)
А Эврипид в такт отвечает ему:
Все подчиняется требованиям чрева; это роковой источник
всех наших бедствий.
Комический поэт Каллий едва только произнес этот стишок:
С безумцами и другим всем приходится безумствовать.
Как Менандр уже подхватил его в свою комедию
«Распродажа» и пишет:
Разум человеческий дарами так же как и делами часто
бывает вводим в заблуждение.
Гезиод говорит:
Не всегда мудрость благовременна;
Иногда с безумцами приходится и безумствовать.
Антимах Теосский сказал:
Дары человека часто служат ему причиной разорения;
Авгий же усвоил эту мысль и пишет:

Разум человеческий дарами также как и делами часто бывает вводим в заблуждение.

Гезиод говорит:

Нет для человека сокровища более драгоценного, чем добродетельная жена;

Если же она женщина злая, то нет бича страшнее этого.

А Симонид в свою очередь излагает ту же самую мысль так:

Нет сокровища, которое по драгоценности могло бы равняться с добродетельной женой;

Напротив нет ничего ужаснее жены злой.

Эпихарм дает нам такое предостережение:

Как бы ни было долго тебе жить предназначено,

Думай, что жить тебе осталось всего одно мгновение.

Тоже предостережение повторяет и Эврипид:

Так как богатство есть благо ненадежное,

То почему бы не жить нам вдали по крайней мере от всех смятений и тревог?

Дифил комик говорит:

Жизнь человеческая есть ряд превратностей;

А Позидипп подражает ему и пишет:

Нет человека, которому удалось бы пройти путем этой жизни,

Не испытав скорбей. Но не встречается и таких,

Кто был бы несчастен до конца дней своих.

А вслед за ними и Платон взывает к нам, что человек уже по самой природе своей есть существо способное переносить разные изменения в своей жизни.

Эврипид пишет:

О, жалкая человеческая жизнь!

Как ты преходяща и изменчива!

Сего дня ты паришь в облака,

А завтра ниспускаешься в пропасти;

Нет определенной точки, на которой смертный мог бы остановиться,

Разве только когда, по мановению Зевса,

Он натолкнется на могилу, последний подводный камень жизни.

Дифил же в свою очередь говорит:

Жизни, вполне свободной от бедствий,
Горестей и беспокойств, нет.

Насилиями, лукавством, болезнями отравляются дни
каждого из нас.

Только смерть есть избавитель от всех бед;
Она ото всех их нас освобождает,
Нас в могиле усыпляя непробудным сном.
Далее в одной из своих трагедий Эврипид сказал:
Счастье не один вид имеет;

Боги посылают нам события нежданные.

А трагический поэт Феодект эту же самую мысль передает
так:

Дела человеческие неустойчивы и движутся среди
превратностей.

Бакхилид сказал:

Немногим из смертных Божеством даруется
Во всем преуспевать и достигнуть старости,
Увенчанной сединами, никогда не испытав несчастья.

Мосхион же комик тотчас за ним повторяет:
Счастлив, трижды счастлив тот из смертных,
Чья жизнь постоянно протекала в ложе ровном.

Вы найдете также, что слова Феогна:

Неблагоразумно выдавать замуж молодую женщину за
старика;

Она не будет его слушаться, подобно как судно
руля,
как будто списаны у Аристофана комика, ибо и этот пишет:
Не годится старый муж для молодой жены.

Анакреон пишет:

Я буду воспевать Амура, юное дитя,
Коего кудри увенчаны гирляндами цветов.
Амур тиранит и богов; а людей только он и укрощает.

А Эврипид пишет:

Любовь покоряет себе не только мужчин и женщин;
Она воспаряет и в небеса, нарушает спокойствие богов;
Она царствует в глубинах даже и морей.

Но опасаясь, чтобы желание доказать, как Эллинские писатели, по своей склонности к заимствованиям, налагали руки на мысли и истины, им вовсе и не принадлежащие, не удлинило без пользы нашего рассуждения, приведем в подтверждение наших слов свидетельство Гиппиаса, элейского софиста, защищавшего тождественную с нашей мысль. Он свидетельствует: «Некоторые из этих вещей уже сказаны были Орфеем; других слегка коснулся Музей; еще иные выражены в других местах. Одни встречаются у Гезиода, другие у Гомера; одни у одних поэтов, другие у иных, или же у пророков; то наконец у Эллинских писателей, то у некоторых варварских. Что же касается меня, то я, упорядочивши все наиболее интересное и однородное, простру особое о сем слово, новое и по своей форме разнообразное». Тому кто вообразили бы, что философия, история и ораторство непричастны этими заимствованиям, мы докажем несколькими примерами, свойственными каждой из этих литературных отраслей, обратное.

Алкмеону Кротонянину принадлежит изречение: «Легче остеречься от врага, чем от друга». А Софокл повторяет оное в своей «Антигоне», говоря:

Знаете ли вы язву отвратительнее лукавого друга?

Ксенофонт же так передает то же самое изречение: «Вернейшее средство повредить своими врагам, это казаться другом их» (Киропедия кн. 5).

Эврипид в «Телефе» говорит:

Будучи Эллинами, мы служить будем варварам.

Фразимах же в своей речи о Лариссянах восклицает: «И это мы, Эллины, будем рабски служить Архелаю, варвару»?

Орфей сказали:

Для душ (огня) смертью бывает в воду превращение;

Для воды же смерть землею быть;

Из воды земля возникает, из земли же вода.

Из воды рождается душа, всецело обращающаяся в воздух.

Гераклит же эти положения присвоет себе и передает их так: «Для душ смерть есть превращение в воду; для

воды преобразование в землю. Земля производит воду, а из воды рождается душа»...

Афамант Пифагореец говорит: «Происхождение вселенной таково. Есть четыре стихии: огонь, земля, вода и воздух; из них-то и образуются вещи». А Эмпедокл Агригентянин пишет вслед за ними:

Слушай. Есть четыре начала:

Огонь, вода, земля и воздух, не имеющий границ.

Из этих-то четырех начал родились, рождаются и будут рождаться

Все вещи прошедшие, настоящие и будущие.

Платон сказал: «Потому-то боги, зная злобу людей, быстро отрешают от жизни тех, кого больше любят». (Срав. Прем. 4:7–15). Менандр же пишет:

Кто любим богами, тот умирает юным.

Эврипид сказал в «Эномае»:

О вещах тайных мы составляем предположения

По тем, которые видим;

И в «Финикияnine»:

По вещам положительным судим о сокровенных.

А Гиперид пишет: «Необходимо, чтобы те, кои других учат, старались по знамениям расследуемым открывать вещи сокровенные». Исократ же сказал в соответствии сему: «Следует, чтобы прошлое служило нам основой для предположений о будущем». Андокид также повторяет за ними: «Следует пользоваться прошедшим как факелом для освещения будущего».

Феогнис изрек:

Золото и серебро поддельные не составляют зла.

Муж толковый и без особых приспособлений

Легко может открыть подделку.

Но если в груди человека, вами считаемого за друга

Скрывается сердце черствое и пустое;

Если в этом сердце живет обман:

То боги ничего не придумали и не дали людям более лживого.

Вот подлог, который трудно открыть.

Эврипид же пишет:

О Зевс! Ты, открывший людям очевидные признаки

Для открытия поддельного золота,

Почему ты не отметил особым знаком и злодея?

Им он отличался бы от других людей.

Гиперид также пишет: «У людей на лице не бывает знаков, по которыми можно было бы судить об их мыслях».

Стасин сказали:

Безумец тот, кто убивает отца, оставляя жизнь детям (Одис. 3, 196).

А Геродот (кн. 1) пишет: «Вижу теперь, что ты поступил таки, как и следовало поступить человеку, который убив отца пощадил детей».

Софокл в своей «Антигоне» (ст. 1028) пишет:

Так как отец мой и мать моя умерли,

То как мне надеяться на брата?

А Геродот (3:119) пишет: «Так как нет у меня ни отца ни матери, то мне не остается никакой надежды иметь другого брата».

Феопомп сказал:

Старцы вторично становятся детьми.

А еще ранее его Софокл писал в «Пелее»:

Одна теперь я бодрствую подле старца Пелея, сына Эакова.

Я вновь его воспитываю, если можно так выразиться;

Ибо старость есть второе детство.

Оратор Антифан эту мысль воспроизвел в таких выражениях: «Заботы, какими приходится окружать старца, походят на уход за ребенком». – У Платона также читаем: «Старец, это – вторичное дитя».

У Фукидида (1:78) встречается такая фраза: «Только Марафоняне устояли в опасности». Демосфен же в одной из своих речей восклицает: «Клянусь в этом тенями сражавшихся при Марафоне».

Но не оставим без упоминания и следующих примеров.

Кратин говорит в «Пютине».

Вы, может быть, сведомы о замыслах и кознях;

а оратор Андокид повторяет: «Судьи, вы знаете большую часть замыслов и козней моих врагов. Вы знаете также сильнейшее их желание погубить меня». То же самое делает и Никий в речи своей о залоге, направленной против Лисиаса: «Судьи, вы видите замыслы и козни моих противников и усилия их довести меня до разорения». Прислушаемся также и к Эсхину. Он говорит: «Вы знаете, Афиняне, замыслы и козни моих противников, этой толпы мятежников, готовой броситься и в битву». – Демосфен в одной из своих речей также говорит: «Полагаю, Афиняне, что вам известны все домогательства и интриги, какие в ходу в борьбе этой». – Подобное Филин, воспроизводя эту фразу так: «Каждому из вас конечно известно, судьи, какие интриги пускаются в ход в борьбе этой, и какие планы питает эта толпа мятежников».

У Исократа встречается, между прочим, такое положение: «Сестрой она приходится как будто деньгам, а не ему». А Лисий в своих «Орфиках» повторяет: «Очевидным становится, что он братом был скорее золоту, чем людям».

Гомер говорит:

Друг мой! Если б от войны мы уклонились.

То ни старости мы ни смерти никогда б не подлежали.

Не увидел бы ты меня здесь сражающимся в первом ряду;

Я и тебя не вовлекал бы в опасности геройского боя.

Но так как нам угрожает несчетное число случаев смертью,
И нам их избежать возможности нет,

То пойдемте вперед и прославимся, смерти предав кого-либо из благородных наших врагов;

Или же своею смертью случай дадим из них кому-либо к славе.

(Ил.12:322–8).

А у Феопомпа мы внемлем эху этих стихов: «Если б, уклонившись от опасности настоящей, мы остаток дней своих могли провести в ничем не нарушимой безопасности, то наша привязанность к жизни в себе не имела бы ничего странного. Но и вне битв столько опасностей нам грозит отовсюду, что не лучше ли уж в сражении пасть»?

Мудрецу Хилону принадлежит такое изречение: «Поручись за кого-нибудь, и тот час на себя накличешь неприятность». – Эпихарм же его воспроизводит в таких выражениях: «Поручительство находится в дочерних отношениях к разорению и в матерних к убыткам».

Врач Гиппократ пишет: «Следует принимать во внимание время, страну, возраст и болезни». А Эврипид гекзаметрами повторяет.

Кто хочет лечить наверняка,

Тот должен приступать к лечению

После предварительного изучения страны и нравов ее жителей.

Гомер предупреждает нас, что

Не во власти человека избежать смерти;

А Архип пользуется сим стихом и пишет: «Смерть есть долг, который рано ли поздно ли, а платить приходится». – Демосфен также говорил: «Концом жизни для каждого состоит смерть; от ее лезвия не уклонишься и запершись в глубине своего дома».

Геродот (6:86) передает такой ответ пифии спартанцу Главку: «Для Бога сказать и сделать одно и то же».

Аристофан же повторяет:

Мысль и действие суть одно и то же.

Но еще и ранее Аристофана Парменид Элеатянин повторял: «Мыслить и существовать одно и то же».

Платон пишет: «Мы докажем, что может быть не без причины происходит, что зрением порождается чувство любви, что надеждой это чувство питается, под влиянием воспоминания оно развивается, а привычка его поддерживает». – Комический же поэт Филимон воспроизводит эти мысли Платона таким образом:

Мы начинаем с того, что видим;

За тем следует удивление;

Далее умозрение;

Наконец надежда.

А под влиянием всего этого слагается любовь.

Демосфен сказал: «Все мы осуждены на смерть» и т. д. А Фанокл в своей книге «О любви, или красоте» пишет:

Нить, которую прядут Парки, неразрывна.

Нет средства ее разорвать; никто из живущих на земле еще не додумался до сего.

Платон сказал: «Лишь бы только первому ростку растения распуститься, а зародыш уже сам в себе заключает все условия для развития и зрелости». А историк за ним повторяет: «Самой природой так устроено, что как скоро первое время цветения растения прошло, соки его уже отвердевают».

Следующее место из Эмпедокла:

Я был некогда мальчиком, девушкой,

Кустом, птицею, морскою рыбою

Им заимствовано из Эврипида. В «Хрисиппе» этот пишет:

Ничто из рождающегося не умирает.

В вечном кауговращении природы предметы повторяются,
Лишь в новых и различных формах.

Платон в своем «Государстве» проектирует общность жен. Эврипид же в своем «Протезилае» пишет:

И пусть брачное ложе будет общим

Эврипид высказал такую мысль:

Для умеренного человека необходимого совершенно достаточно.

А Эпикур повторяет: «Величайшее из богатств, это – умение довольствоваться необходимым».

Аристофан сказал:

Будь справедлив. Справедливостью обуславливаются
твёрдость, бесстрашие и спокойная
жизнь.

А Эпикур во след ему вторит: «Важнейшее из благ, следующих за справедливостью, есть свобода от всякого рода смущения и тревоги».

Этих многочисленных примеров, доказывающих склонность Эллинов заимствовать друг у друга сущность мыслей, совершенно достаточно для просветления ума тех, кто способен понимать хотя что-либо. Но эллинские ученые не удовольствовались усвоением мысли, не удовольствовались заимствованием и выражения ее; не ограничились они и перифразом ее. Мы сейчас это докажем. Мы изобличим их

в полной заимствованности. Они присвоили себе целые сочинения чужие; их они потом без зазрения совести издавали под своими именем. Так поступил Евгамон Киринеянин с целою книгою «Феспров», принадлежащей Музею; Пизандр Камиреянин с «Гераклеей» ливдянина Пизона, а Панюасий галикарнасеянин с «Завоеванием Эхалии», принадлежащим Клеофилу Самосцу. Сам великий поэт Гомер из слова в слово из Орфеевой «Смерти Диониса» заимствовал отрывок, начинающийся так:

Подобный густолиственной маслине, за коей садовник ухаживает с заботой и т.д.

(Ил. 17:53)

Говоримое Орфеем в его «Теогонии» о Кроносе:

Он распростерт в пыли;

Голова его и мощная шея наклонены

Как у человека, уже объятого сном смертным и т. д.

Гомером применено в «Одиссее» к изображению Циклопа (Полифема, Одис. 9, 372).

Гезиодом отрывок о Мелампode, начинающийся со слов:

Приятно рассказам о том внимать,

Что сделали боги:

Тут есть свидетельство и о добре и о зле,

заимствован дословно у поэта Музея.

Аристофаном в его комедии «Первое празднование Тесмофорий» введены стихи из Кратиновой комедии «Пожарные». – Комический поэт Платон и Аристофан в «Дедале» взаимно себя просто ограбили. – Филимон комик, позволив себе несколько видоизменить одну из остроумных комедий Аристофана, сделал то, что из Аристофанова «Кокала» вышло «Подкинутое дитя» Филимоново. – Компиляторы Эвмел и Акузилай просто напросто лишь расчлениают стихи Гезиода, перелагают их прозою, и потом опубликовывают это переложение под своим собственным именем – Мелесагор весьма нагло был ограблен историками Горгием Леонтийцем и Эвдемом Наксосцем; тоже проделал с ним Вион Проконнесянин. Этот сверх того издал лишь в сокращенном

виде его историю древнего Кадма. – Амфилох, Аристокл, Леандр, Анаксимен, Гелланик, Гекатей, Андروتсион, Филохор, Диевхида мегарянин просто напросто переписывали в свои сочинения начало речи из «Девкалионии» Гелланика, которою эта начинается. Умолчим о заимствованиях Гераклита Ефесского, лучшая часть сочинений которого принадлежит Орфею. – Учение о бессмертии души Платоном заимствовано у Пифагора, а этот им обязан Египтянам. – Платониками оставлено нам много сочинений; но всеми ими они доказывают что главные из учений Платона вошли в учение Стоиков и Аристотеля. – Нужно сказать даже нечто большее. Учение Эпикура в главных своих чертах заимствовано им у Демокрита. Но удовольствуемся настоящим бысролетным перечислением имен. Не хватило бы целой моей жизни, если б я захотел специально заняться обнаружением всех заимствований, в какие они входили из желания удовлетворить свое суетное самолюбие и если б я захотел указывать на смехотворность их чванства прекраснейшими учениями, у них фигурировавшими под именем национальных сокровищ, на самом же деле кои были ими заимствованы у нас.

3. Эллинскими учеными внесены в национальную их историю и мифологию даже и чудеса, в подражание рассказываемым в свящ. Писании.

Итак, нужно считать доказанным, что эллинскими учеными многие из их учений заимствованы у варваров. Но они не ограничились сим. Национальная их идеология почерпала пищу для себя и в дивных чудесах, какие Божественным всемогуществом чрез посредство некоторых праведников, для освящения нас, были совершаемы в среде нашей; Эллины чудеса те лишь извратили.

Но первоначально мы спросим их здесь: «Факты, вами рассказываемые в вашей мифологии, о Эллины, истинны или лживы»? Но они никогда не признаются в лживости их. Нельзя же ожидать, чтобы собственными своими устами они свидетельствовали о своем безумии, доходящем до измышления вещей чисто химерических. Несомненно, они будут утверждать, что все их подобного рода вздорные изобретения на себе носят печать истины. Но в таком случае на каком же основании они отвергают достоверность чудес, совершенных Моисеем и другими пророками? Разве не известно им, что благодать Божия, равно простирающаяся на всех людей, одних из них ведет к спасению преднесением им заповедей, другим угроз, третьим чудес, и еще иным – утешительных обетований?

Раз посетила Элладу продолжительная засуха. Следствием ее было бесплодие и голод. Те, которые пощажены были последними, отправились на богомолье в Дельфы и здесь спрашивали жрицу, как им помочь собственному несчастью и избавиться от карающего их ужасного бича. Жрица отвечала: «Нет другого средства, как просить молитв у Эака». Эак снизошел на обращенные к нему просьбы, вошел на одну из гор Эллады ⁷⁵⁰, простер к небу свои чистые руки и, призывая общего Отца людей, умолял Его прийти на помощь несчастной Элладе. Едва только он кончил молитву, как раздались удары грома: они были радостным знаком того, что воздух стал наполняться испарениями. Затем из облаков полил целыми

потоками дождь, оросивший всю страну, и на земле, увлажненной молитвами Эака, произросла богатая жатва.

Но это то же самое, о чем говорит и Писание. И воззвал Самуил к Господу и Господь послал гром, и во время жатвы выпал дождь (1 Царств 12:18). Что? Не убедительное ли это доказательство, что один и тот же Бог чрез посредство подчиненных Ему сил природы дождит на праведных и неправедных (Мф. 5:45)? Наши свящ. Писания полны и других примеров, свидетельствующих, что Бог исполняет просьбы, обращенные к Нему устами праведников.

Эллины повествуют далее, что когда однажды не было попутных ветров, то Аристей на острове Хиосе обратился к Зевсу Олимпийскому с молитвою и жертвоприношением. Бедствие было велико. Плоды земные от чрезмерной жары все засохли. Это по причине отсутствия ветра, обыкновенно освежавшего жатвы. Но Аристее своими молитвами легко удалось обратить на страну благотворное дыхание ветров.

Во время нашествия Ксеркса Дельфийская пифия произнесла следующее прорицание: «Дельфяне, принесите жертву ветрам и все пойдет к лучшему». Дельфяне воздвигли алтарь, принесли ветрам жертву, и таким образом заручились их союзом. Произошло то, что бурными ветрами около мыса Сепиады рассеяна была ужасная сила неприятельского флота (Герод. 7:178).

Эмпедокл Агригентянин был прозван «Комосанемосом», т. е. укротителем ветров. Рассказывают, что им утишен был ветер, дувший от горы Агригентской и наносивший не только чумные болезни, но бывшие причиною и безчадия женщин. Вот почему и сам он пишет в стихах, ему принадлежащих:

Ты утишаешь гнев неустанных ветров,
Обрушивающихся на страну и осушающих ее поля.
А в другом месте;
По произволу ты заменяешь одни из ветров другими.

Про него говорят также, что он постоянно ходил в сопровождении толпы людей, жаждавших от него узнать свое будущее или же долгое время страдавших жестокими болезнями.

Итак, это из наших свящ. Писаний узнали Эллины, что праведники могут исцелять от болезней и производить знамения и чудеса. Вера Эллинов в это не имеет другого основания. А если хотят они убедиться, что ветры управляются некими силами или какой-то инородной властью, то пусть прислушаются они к пению Псалмопевца: Как вожделенны жилища Твои, Господи сил (Пс. 83:1). Это Господь сил, начал и полномочий. Моисей, заповедуя нам от Него не отделяться, говорит: Озаботьтесь обрезанием сердца вашего и не оставайтесь на будущее время жестоковейными, ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык. Бог великий и сильный и т. д. (Втор. 10:16–17). Исаия также говорит: Поднимите глаза ваши в высоту небес и созерцайте Создавшего все (Ис. 50:26). Отсюда-то возникло мнение некоторых, что заразительные болезни, град, буря и другие подобные бедствия происходят не только от беспорядочного действия стихий, но и от гнева демонов и злых духов. Волхвы Клеона, говорят, внимательно наблюдают природу облаков; и когда они замечают облака обещающие разразиться градом, то стараются отклонить гнев и грозу со стороны злых духов жертвоприношениями и песнопениями. А когда жертвенных животных на лицо не оказывается, то они пускают кровь из пальца; ей-то они и заменяют кровь жертвенную. Прорицательница Диотима, посоветовав Афинянам еще до вторжения к ним чумной заразы, принести жертву богам, отклонила начало ее на целых десять лет. На такой же срок отсрочена была и война, которою Эллинам грозили Персы, благодаря жертвоприношениям, какие рекомендовал Кротонянин Эпименид. «Называйте этих людей как хотите, богами или ангелами, нами до того нет дела», говорят иные. Как нет дела, когда люди, сведущие в вещах этого рода, поместили во многих храмах могилы умерших заместо статуй богов, назвав души их гениями и внушив людям чествовать их особым культом, ибо провидение в награду за чистоту жизни облекло их властно возноситься в области, окружающие землю и следить за людскими нуждами? Им известно было, что некоторых душ самая уже природа такова, что им следует быть заключенными

в телесные узы. Но вопрос этот найдет себе место, когда мы будем говорить об Ангелах.

Демокрит был прозван «мудростью» за то, что часто предсказывал будущее по наблюдению светил небесных. Брат его Дамаск, окруживший его всеми заботами благожелательного гостеприимства, тотчас же за свою нежность был и вознагражден. Демокрит после наблюдения светил возвестили ему, что скоро выпадет сильный и продолжительный дождь. Повторившие его словам поспешили убрать жатву, так что она еще до конца лета была уже в житницах. Не поверившие же, будучи застигнуты внезапным дождем, шедшим без перерыва, лишились всего своего урожая.

А если это и по их собственными историям так, то почему же Эллины отказываются верить, что Господь во всей славе своей явился на Синае, когда вся гора была объята пламенем, а покрывавшая ее растительность оставалась цела и раздавался сотрясавшие воздух трубные звуки, а труб не виделось и не было? Под сошествием Бога на землю нужно разуместь не иное что как исполнение земнородными Божественной воли, простирающейся на весь мир и с собою приносящей неизъяснимую ясность (1Тим. 6:16). Таково значение иносказаний Писания. Кроме того, по свидетельству Аристовула, видно было на горе таинственное пламя; а вокруг горы, требовавшей для окружного пути не менее пяти дней, народу теснилось не менее миллиона, не считая не достигших еще возмужалости; и пламя это, увенчивавшее гору, видимо было всем народом, расположенным в той местности. Следовательно Божественное явление то не было частичными, ибо бесконечное Божество собою наполняет всю вселенную.

Историки повествуют также, что на острове Британии есть гора, а под этой пещера с отверстием вверху ⁷⁵¹. Как скоро подует ветер, то врываясь в эту бездну он тысячью извивов отражается от внутренних стен и слышатся звуки как бы мерно ударяемых кимвалов. В лесах часто можно бывает внимать также звуками похожими на голоса птиц, а между теми их производит лютый ураган, бушующий в деревьях и их листве.

Но есть объяснения и лучше этого. Занимавшиеся историей Персос рассказывают, что в возвышеннейших местностях страны, населенной магами, среди обширного плоскогорья возвышаются сряду одна подле другой, три горы. Прибыв к подошве первой, путник слышит какие-то неясные голоса, которые он принимает за крики целой сотни тысяч людей на поле битвы. Едва достигает он центральной горы, как ясность и напряженность этого шума удваиваются. Когда же он приближается к третьей скале, то эти звуки становятся уже просто хвалебными песнопениями и победными гимнами. Причин всего этого шума, по моему мнению, следует искать в гладкости стен и во впалости их. И относительно звуков, в пещере слышимых, я думаю, что они образуются ветром: воздух, вырвавшись из нее и вгоняемый туда снова, издает там сильнейшие звуки. Так я объясняю себе все эти феномены.

Впрочем Бог, для которого ничего нет невозможного, и без посредства какого-либо агента может со всею живостью произвести в ухе впечатление звука, хотя бы звука самого ни откуда и не слышалось. Всевышний этим свидетельствовать будет о своем величии, показывая, что Он может действовать и против законов природы, если Его благодать находит для себя возможным обратить к вере и наблюдению заповедей того, кто еще не верует и веры не принял. На Синае же тем легче могло произойти что-либо подобное. Гора эта высока и облачна. Почему же воздух, приведенный в движение сильным толчком, не мог произвести здесь различных звуков? Вот почему и пророк говорит: Вы слышали, глас слов Его, но образа не видели (Втор. 4:12).

Вам теперь понятным становится, каким образом глас Господень, бесплотный Логос, сила слова Божия сие светоносное Слово Господне, сама Истина, с небес сшедшая в недра церкви, как мог Христос проявлять свои тайны в свойствах света и иных сил природы.

4. Большая часть вероучений, входящих в эллинскую мудрость, первоисточником имеют учет жрецов египетских и индийских гимнософистов, из которых и те и другие славились своей ученостью.

Но есть у нас под рукою и другие свидетельства, доказывающие, что эллинскими учеными именно у нас заимствованы славнейшие из их учений; за тем они присвоили их себе, как если б оные были собственным их изобретением. Подобные же заимствования они сделали и у других варварских наций. От каждой из иностранных школ они усвояли наиважнейшие из истин, и потом хвастались ими, как если б это было собственное их добро. Особенно многое ими было заимствовано от Египтян. Важнейшим из этих заимствований состоит учение о душепреселении. У Египтян действительно было целое учение чисто национального происхождения о сем предмете.

Да и вообще мудрость египетская отличалась оригинальностью чисто национальной. В подтверждение сего достаточно сослаться на их священные церемонии. Открывал у них священное шествие обыкновенно певец, имея в руках какой-либо из музыкальных символов. Он слыл знатоком двух книг Гермеса, первая из которых содержала в себе гимны в честь богов; вторая же – правила поведения царей. За певцом шел наблюдатель времен года и часов дня (астролог, ороскоп), держа в руках клепсидру ⁷⁵² и пальмовую ветвь, символы астрологии. Он наизусть знал и всегда имел, на устах четыре книги Гермеса об астрологии. В первой трактовалось о звездах неподвижных и видимых: во второй о звездах и о свете солнечном и лунном; в двух остальных говорилось о восхождении светил. В третьем ряду шел священный писец. Голова его была украшена крыльями, в руках была книга и линейка, в которой были заключены чернила и тросточки, употребляемые для письма. Он знал всю систему иероглифов, космографию, географию, путь солнца, луны и пяти планет; кроме того – хорографию Египта, течение

реки Нила, храмов с их утварью и других священных мест и их принадлежностей; а наконец он был знатоком меры и вообще всего, что необходимо было при богослужении и религиозных церемониях. Вслед за названными жрецами шел столлист, т. е. заведовавший культовой утварью. Он нес наугольник справедливости и чашу возлияний. Это знаток был всего относящегося до учения о жертвах и обрядов, при сем наблюдаемых. Книг, толковавших о чествовании, какое должно быть воздаваемо тому и другому из богов и о тайнах египетской религии, было всего десять, и разделялись они так: о жертвах, о начатках и первенцах, гимны, молитвы, церемонии, праздники и другое тому подобное. Заканчивал священное шествие прорицатель, несший на груди священную амфору, еще издали усматривавшуюся всеми присутствующими. За ним следовали хлебоносцы с хлебами, назначенными для жертвоприношения. Прорицатель, так как он был распорядителем при жертвоприношении, в совершенстве знал все содержание богослужебных книг; а говорилось в них о богах и излагались все вообще богослужебные обряды. На сем же прорицателе лежал верховный надзор за распределением податей между египтянами. Число книг Гермеса, которым всем придавалась важность первостепенная, доходило до сорока двух. Из них в тридцати шести содержалась египетская мудрость, которую вышеупомянутые жрецы обязаны были знать во всех подробностях. Содержание шести других книг относилось к области пастофор ⁷⁵³. В них излагались медицинские сведения под такими подразделениями: организация человека, болезни, органы, лекарства, глазные болезни, женские болезни. Таково было в общем содержание египетской мудрости; в частности же не входим.

Мудрость Индусов также была замечательна. И вот почему Александр Македонский полюбопытствовал лично проверить молву об индийских гимнософистах. Представлены были ему десятеро из них, славившихся глубиной своей мудрости и лаконизмом ответов. Он стал предлагать им различные вопросы, добавив, что ответ неудачный ответчику грозит смертью; судьей же ответов поставлен был старший из них.

Сначала спросили его: «Кого больше числом, живых или мертвых»? «Живых, ответил гимнософист, потому что мертвых нельзя принимать в расчет.» – Второго спросили: «Где живет больше животных крупных, в воде или на земле»? «На земле, отвечал он, так как вода составляет только часть ее.» – К третьему обратились с вопросом: «Какое из животных всех хитрее?» Он отвечал: «Человек, потому что его до сих пор еще не знают.» – Четвертому предложили вопрос: «Зачем вы ввели в заблуждение царя вашего Савву?» Он отвечал: «Мы желаем, чтобы он или жил славно или же умер жалким образом.» – Пятого: «Что было раньше, день или ночь?» Он отвечал: «Ночь; она была раньше на день.» Гимнософист этот на двусмысленный вопрос и отвечал обоюдно. – Шестого: «Как пробудить к себе возможно большую любовь?» «Средством этим состоит, отвечал он, наибольшая власть, не знающая ни пред чем страха.» – Седьмого: «Как человек может стать Богом?» Ответ: «Делая все, для людей невозможное». – Восьмого «Что сильнее, жизнь или смерть?» «Жизнь, потому что только она обязана терпеть бедствия.» – Девятого: «До какой поры человеку жить почетно?» «До тех пор, пока он смерть для себя считает лучше жизни.» – Когда очередь дошла до десятого, Александр приказал и ему отвечать тоже, так как он был судьей. «Они все отвечали один хуже другого», сказали этот. «Ну, заметил Македонянин, значит ты умрешь первым, дав о них такое суждение». «Но как же, царь, отвечал он, с твоим обещанием предать смерти того, кто ответит хуже всех других»?..

Эллины совершенно справедливо обвиняются во всякого рода заимствованиях. Мы, кажется, это и достаточно доказали многочисленными свидетельствами.

5. Эллины имели некоторое понятие о Боге истинном.

А что славнейшие из Эллинов имели понятие об истинном Боге не в форме полного развитого познания, а на основании общего между всеми людьми предания о сем возвышенном предмете ⁷⁵⁴, об этом очень определительно свидетельствует св. Петр в своей «Проповеди». «Итак, исповедуйте, говорит он, единого Бога, признавая Его Творцом всех вещей (Быт. 1:1; Апок. 3:14) ⁷⁵⁵. В деснице Его начало и конец всех существ. Он зрит все, хотя сам и невидим. Все Он в своей власти содержит, сам не будучи содержим ничем ⁷⁵⁶. Ни в чем Он не нуждается, тогда как в Нем имеют нужду все, и все только Им одним существует. Он непостижим, вечен, непременяем, несотворен. Все Он сотворил силою слова своего, т. е., по разумению Писания в смысле духовном и таинственном, властью Сына своего» ⁷⁵⁷. Далее Петр прибавляет: «В почитании сего Бога не походите на Эллинов». Что так? А то, что наилучшие из Эллинов хотя и одного с нами Бога чтили, но не сумели достигнуть подобно нам совершенного познания о Нем, как то требовалось преданием, исходившим от самого Сына Божия. Потому-то и не говорит он: «Не чтите одного с Эллинами Бога»; но: «Не чтите Его одинаковым с Эллинами образом; не служите Ему одинаково с ними». Апостол изменяет только вид служения. а вовсе не нового какого-либо Бога возвещает. Впрочем он и сам может объяснить нам, какой смысл должны мы соединять с его словами: «Не так чтите сего Бога, как Эллины Его почитают». «Впавши в постыдное невежество, говорит он, и не имея о Боге ясного познания, какое мы о Нем имеем, они понаточили статуй из дерева, камня, бронзы, железа, золота, серебра; потом, поставив пред собою эти изваяния из материи, которая дана была им для удовлетворения обыденных их нужд и назначением которой было состоять в руках их рабынею, стали преклонять пред ними колена. Равным образом они стали поклоняться и существам, кои были назначены Богом в пищу им, т. е. и под небесами

летающим, и в воде плавающим, и по земле пресмыкающимся. Дикие животные, домашние четвероногие, крысы, ласки, кошки, собаки, обезьяны, все было ими обоготворено. Свою пищу они стали посвящать существам, кои должны были сами служить им пищей. Смертное (животных) они стали приносить в жертву смерти (людям) ⁷⁵⁸, почитавшимся за богов, оказываясь таким образом неблагодарными по отношению к Богу истинному, коего бытие их нечестием было отрицаемо. А что это так, т. е. что признаваемый и нами и Эллинами Бог один и тот же, хотя и есть между нами различие в чествовании Его, это подтверждает тот же Апостол и такими словами: «Не чтите Его и одинаковым с Евреями образом. Они, воображая, что знают Бога, на самом же деле не ведая Его, чтут Ангелов, Архангелов, дни месяцев и луну ⁷⁵⁹. Понаблюдайте над ними. Если не появится луна, то у них и праздника нет: ни так называемой первой субботы, ни опресноков, ни новолуния, ни праздника, ни великого дня (очищения)» (Лев. 23:21). Петр добавляет далее в виде заключения: «Потому-то, приняв предание, во всей его истинности возвещаемое вам, служите Богу служением новым во Христе Иисусе. Ибо в свящ. Писании читаем мы следующее: Вот Я заключаю с вами завет новый, не похожий на завет, Мною заключенный с вашими отцами на горе Хориве (Иер. 31:31–32; Евр. 8:8–10). Он дал нам завет новый. Завет с Эллинами и Евреями был заветом ветхим; мы же, христиане, представляя собою народ заветный третий, чтим Его служением новым.

Апостол, если не ошибаюсь, всем вышеизложенным доказывает ясно, что Эллинам Бог истинный хотя и был известен, но они чтили Его по-язычески: Евреи же – по-еврейски, а не так, как следовало бы чтить Его, – образом духовным. Апостол свидетельствует далее, что блага обоих заветов исходят от одного и того же Бога. Это тот самый Бог, который в Эллинов вложил стремление к мудрости, коею они прославили Вседержителя. Приведенные нами слова Апостола служат сему неопровержимым доказательством. Итак и воспитавшиеся на учениях эллинских и чада закона Моисеева, с сих пор все, подчиняющееся влиянию веры, сливаются в одну семью и составляют собою один народ,

шествующий путем благотворным и спасительным. Различаются они лишь временем; только оно разделяет этот народ на три ветви. Нужно иметь это в виду. Иначе можно подумать, что существует три рода людских, по природе различных. На самом же деле не так. Это лишь три различных завета Бога с людьми, три откровения, с которыми голос одного и того же Бога обращался к трем этим народам. И в самом деле, обратите внимание. В спасительных своих намерениях относительно Евреев Бог посылает им пророков. Точно так же и в среде Эллинов Он воссоставляет из сынов их людей добродетельных. Он выделяет их из невежественной массы и делает их среди народа пророками, возвещавшими ему Божественные благодеяния в меру собственного своего понимания их. «Проповедь» Петра уже убедила нас в сей истине; Павел же подтверждает ее ⁷⁶⁰. «Возьмите, говорит он также книги Эллинов; соберите прорицания Сивилл и вы услышите, что и теми и другими возвещается единство Божие и предрекается будущее. Возьмите равным образом Гистаспа ⁷⁶¹ и читайте. Здесь вы найдете еще более ясное и точное откровение касательно Сына Божия. Тут мы читаем, что множество царей вооружается против Христа и преследует Его своей ненавистью, Его и всех тех, кто, ища себе опоры в имени Его, остается Ему верным. Говорится там об Его пришествии, об Его долготерпении». Потом, резюмируя все сказанное, Апостол задает такой короткий вопрос: «Чье достояние представляет собою мир сей и все им содержимое? Не есть ли он творение Божие»? Потому-то, по словам Петра, Спаситель и говорил Апостолам: «Если кто из Израиля захочет обратиться и покается и во имя Мое уверует в Бога, то его грехи отпущены ему будут чрез двенадцать лет ⁷⁶². Идите рассейтесь по всему миру, чтоб никто не имел права сказать: Мы не знали».

6. Евангелие было возведено наравне с Евреями как тем из язычников, которых местопребыванием был уже ад, так и живым.

Как в наши дни евангельская проповедь нашла для себя время благоприятное, подобно этому и закон с пророками дан был варварам (Евреям) своевременно, равно как и дух Эллинов занят был мудростью тоже благовременно, подготавливая слух их к принятию слова священного. Вот что говорил Евреям Господь, Спаситель их: Я услышал тебя во время благоприятное и в день спасения помог тебе; Я поставил тебя посредником завета Моего с народами; Я послал тебя, чтобы ты населил землю и восстановил оставленное наследие и чтобы сказал ты пленным: «Войдите» и тем, кто во мраке: «Узрите свет» (Ис. 49:8–9). Если правда то, что это пленным Евреям Господь сказал: Оставьте, если хотите, узы ваши, разумея под сими пленными добровольных пленников, принявших на свои плечи бремена неудобноносимые, то не следует и в том сомневаться, что чрез поклонение идолам зарывшие в землю благородные способности души, суть живущие во тьме (Мф. 23:4; Лк. 11:47). И в правду. Так как по закону праведным надоставало веры, то Господь, исцеляя их, говорил им: Вера твоя спасла тебя (Мф. 9:22 и инде). А тем, кои стремились к праведности во имя своей мудрости, нужно было не только обратиться к вере в Господа, но еще и отвергнуть идолослужение. Так случилось, что теперь мы видим их идущими к открывшемуся пред ними свету и раскаивающимися в прежних своих заблуждениях. Вот почему Господь возвестил Евангелие и бывшим в аду (1Петр. 3:19). ⁷⁶³. В Писании мы читаем о сем: *Ад сказал бездне: Мы не видали лица Его, а только голос Его слышали* (Иов. 28:22; 26:6). Без сомнения не аду же, получившему вдруг голос, принадлежат эти слова: они могли принадлежать только тем, кто находился в аду и сам попал в бездну примерно так же, как путешественники иногда добровольно бросаются в море. Они-то вот и слышали голос Божественной благодати. Только лишенный рассудка может воображать, что души

праведников и грешников заключены в одном и том же месте; и он этим оскорбит Божественное правосудие.

Но что? Разве не без всяких обиняков и околичностей Писание говорит, что Господь возвестил Евангелие и погибшим в потопе (1Петр. 3:19–20) или лучше скованным и содержащимся в узах плена? Мы говорили уже во 2-й кн. Стромат (гл. 9), что по примеру Господа ⁷⁶⁴ и Апостолы проповедовали Евангелие в аду. Выходит, по моему мнению, что добродетельнейшие из учеников должны подражать своему Учителю и в загробном мире, подобно тому как они подражали Ему на земле, дабы Логос мог обратить к себе Евреев, нисшедших во ад, а Апостолы язычников, или – одним словом – всех, кто жил праведно, согласно с требованиями той праведности, какая была предъявляема к ним законом и человеческой мудростью; но при следовании этой они впадали в частые погрешности и были еще далеки от совершенства. Совершенно согласно было с достоинством совета Божественного, чтобы все, самым делом заявившие свою праведность и все заблудившиеся раскаялись в своих заблуждениях, чтобы в познании, коим владел каждый из них, себе обрели спасение; потому что, не смотря на свое местожительство, они неоспоримо все же были из числа тех, кои представляли собою достояние Божие. Надеюсь, что Спасителю не откажут в возможности и сих спасти, ибо целью Его пришествия на землю и было спасение. Оно-то и было Им совершено чрез привлечение евангельской проповедью к спасению (Ин. 6:44; 12:32) всех тех, кто желал в Него веровать без отношения к месту, где кто жил. Итак, если Господь сходил во ад, – а что сходил Он туда, это несомненно, – не с иной целью, как возвестить здесь Евангелие, то Он при сем обратил или всех умерших или одних только Евреев. Без сомнения, всех умерших. Но из этого следует, что спасутся все уверовавшие, хотя бы они принадлежали и к язычеству, потому что и при местопребывании в преисподней они исповедывают имя Господне. И в правду так. Ибо наказания, побуждающие грешника к обращению, весьма благотворны и спасительны и имеют целью раскаяние грешника,

а не смерть его (Иезек. 18:23–32; 33:11). Добавьте к сему, что души, освободившиеся от телесной сей оболочки, подчинявшей их себе, лучше могут понимать цель и значение наказания, хотя бы они и были омрачены страстями. Ужели же кто будет утверждать, что Христос Господь при своем сошествии во ад обратил только Евреев, которых и познание и вера были далеко неудовлетворительны, ибо эти исходят лишь от Спасителя? Итак, очевидным становится, что Бог, у которого нет на лица зрения (Деян. 10:34; Рим. 2:11), послать Апостолов, как и здесь на земле, во ад для возвещения Евангелия тем из язычников, которые еще могли обратиться. «Пастырь» прав посему, говоря: «Они сошли с ними в воду и снова из оной вышли жизненно обновленные. Что же касается тех, кои раньше умерли, то по истине: они сошли туда мертвыми, вышли же живыми» ⁷⁶⁵. Евангелие повествует далее, что многие из умерших восстали из гробов, в коих покоились (Мф. 27:52). Это без сомнения для того, чтобы быть переселенными в лучшие места. Еще что сказать? Вообще воплощением Спасителя произведено было новое движение в мире; оно дало толчок как бы ко всемирному перемещению. Праведник, поколику он праведник, не отличен от другого праведника будет ли этот принадлежать к народу Эллинов или к Евреям, живущим под законом, ибо Бог есть Господь не Евреев только, а всех вообще людей (Рим. 3:29; 10:12), хотя конечно Он состоит более близким Отцом по отношению к тем, кто более Его знает. Если жизнь добродетельная равнозначительна жизни по закону; а сообразоваться с законом если значит жить в согласии и с рассудком; если с другой стороны жившие и до закона добродетельно суть чада веры (Рим. 9:3) и должны быть признаны за праведников, то очевидно, что и рожденные вне закона могли вести жизнь праведную, опираясь при сем не на какую-либо иную помощь кроме как на голос своей совести; и следовательно, быв поглощены адом и содержась в оном в плену (1Петр. 3:19), они и здесь немедленно могли обратиться и принять веру во Христа, как скоро сюда явился Он и как только они услышали здесь Божественное слово Его или Его Апостолов.

И того не забудем, что Господь есть сила Божия (1Кор. 1:29) и что сила Божия не может быть слабой. Всем же предшествующим доказано, что Бог благ; далее – что Он всемогущ и что с одинаковым правосудием может спасти всех обращающихся к Нему, будет ли это здесь на земле или и в другом каком-либо месте. Не будем обольщать себя предположением, что благодать Божья действительна только по отношению к нам, нет; она все собою наполняет и действует непрерывно. Посему-то в «Проповеди» Петра и сообщается, что по воскресении Господь говорил Апостолам между прочим следующее: «Я избрал вас числом двенадцать для того, чтобы вы были Моими учениками и считая вас достойными сего». Господь захотел, чтобы и Апостолами они были, нашедши их заслуживающими сего к ним доверия. Он послал их в мир возвещать Евангелие людям его населяющим. Они были обязаны научать людей, что есть только один Бог; могли предвозвещать им во имя Христова будущее, чтобы слышавшие из уст Апостолов благовествование и уверовавшие в оное спаслись, слышавшие же напротив и не уверовавшие сами против себя свидетельствовали и лишились возможности оправдаться отговоркою: «Мы не слышали». Как? Весть о Божественном домостроительстве и воплощении разве не до самого ада проникла, чтобы и там все души, при звуках Божественной проповеди, или раскаялись в своем прошлом или отрекшись веровать тем самым торжественно засвидетельствовали, что наказание ими несомое на них наложено правосудно? И в самом деле, предположите, что умершим до пришествия Господа Евангелие не было проповедано: тогда выйдете, что как спасение их так, и осуждение суть дело вопиющей несправедливости, потому что тогда не могли бы быть зачтены им ни вера их ни неверие. Справедливость требовала, чтобы одна из двух половин человечества не была осуждена, не быв выслушанной; но той же справедливостью и другое требовалось, чтобы не участвовали в благодеяниях Божественной правды лишь жившие после воплощения. Обращаясь совсем душам, одаренным пониманием и разумом, голос свыше тогда воззвал:

«Каковы бы ни были грехи ваши, совершенные при неполном знании Бога (Деян. 3:17–19; 17:30), они прощаются вам с той самой минуты, как в искренности раскаяния признаетесь в них. Ибо вот, Я поставил пред вами жизнь и смерть, взывает Господь, чтобы выбрали вы жизнь (Втор. 30:15–19). Слышите? Бог не напоминает о сотворении Им человека, а говорит о том, что Он предложил людям жизнь и смерть, чтобы каждый размыслил и выбрал что-либо. В другом месте Писания на тот же предмет говорится следующее: Если захотите и послушаетесь голоса Моего, то будете пользоваться благами земными, если же не захотите Меня слушаться, то пожрет вас меч, ибо Господь говорит так (Ис. 1:19–20). Прислушаемся также к Давиду или лучше сказать к самому Господу, говорящему именем сего святого мужа; – а свят всякий человек, кто бы им ни был с самого сотворения мира, который был в течение веков или еще будет спасен. Итак, Господь говорит: Возрадовалось сердце Мое и язык мой возвеселился. Даже и плоть Моя упокоится в надежде, ибо Ты не оставишь души моей во аде и не допустить Святого Твоего до тления. Ты дал Мне познать путь жизни, лице Твое меня наполнит радостью (Пс. 15:9–11; Деян. 2:26–28).

Итак, по примеру народа избранного Господом, народ святой составляется не только из Евреев, но и из всех обратившихся к вере язычников, которым пророки дают имя «прозелитов». Свящ. Писание следовательно право, говоря, что вол и медведица будут жить вместе (Ис. 11:7) ⁷⁶⁶. Еврей здесь аллегорически представляется под образом вола, животного, которое носит ярмо и объявлено в законе чистым, потому что оно отрыгает жвачку и роговой нарост копыт его раздвоен. Медведица же, животное нечистое и дикое, состоит символом язычника. Рождающиеся от нее медвежата собою представляют бесформенную массу мяса; облизывая их своим языком, мать придает им свои подобие и характер. Не подобным ли образом и обратившийся язычник под влиянием Логоса преобразуется? Будучи вырываем из жизни языческой, он испытывает превращение своей грубой натуры в ручную и подобно волу становится наконец чистым. Таков же

смысл и следующего пророческого изречения: Сирены будут прославлять Меня, равно как и воробьиные птенцы и все животные пустыни (Ис. 43:20). Животные пустыни, т. е. мира, известны за нечистых. Пророк понимает под насельниками сих уединенных мест язычников, которых вера еще не смягчила, жизнь которых гнусна и которые дочерью веры, праведностью, еще не очищены. Преобразуемые же христианскою верою, они из диких, какими были прежде, становятся народом Божиим, достигая этого высокого достоинства лишь потому, что воля их с самого начала была расположена к обращению. Бог с одними говорит, побуждая их; другим же, уже начавшим дело своего спасения, Он протягивает Свою руку и привлекает их к Себе. Состоя повелителем вселенной, Господь не зрит на лица; Он не страшится никакого величия, ибо Он сотворил и малого и великого и промышляет о всех одинаково (Прем. 5:9). У Давида также мы читаем: Обрушатся ли народы в пропасть, ими самими вырытую; запутается ли их нога в силках, самими ими себе расставленных: Господь прибежище несчастным; во дни горести Он своевременно к ним является на помощь (Пс. 9:16). О чем свидетельствуют и дают право заключать все эти выписки из Писания? О чем как не о том, что во время для того благоприятное Евангелие дошло до слуха тех, кто жил в скорби (Пс. 9:9). Вот почему Псалмопевец и еще прибавляет: Возвестите дела Его между народами (Пс. 9:12), чтобы не были они осуждены несправедливо. Если Спаситель проповедовал Евангелие живым, чтобы не быть им осужденными несправедливо, то почему же и по побуждению подобному же не мог Он проповедать своего Евангелия и умершим ранее Его пришествия? Праведен Господь и любит правду; лице Его обращено к праведнику, любящий же неправду ненавидит себя самого (Пс. 10:7–5). Если всякая плоть согрешившая погибла в водах потопа, будучи вразумлена этим великим уроком и в то же время наказана, то следует верить, что Божественная воля, искони имевшая в виду и устроившая наши спасение и научение, тем паче спасает людей обращающихся. По справедливости душа называется бесплотной. И если по силе тонкости ее

существа и нематериальности ее начала ей уже вода потопная не могла повредить, стихия грубая и осязаемая; то тем меньший вред она терпит при обычных родах смерти. Если при сем под действием греха некоторые части души и могут огрубевать, то эту приставшую к ней и ей чуждую ржавчину она может и сбрасывать с себя вместе с плотским духом (Гал. 5:17), пожелания которого всегда столько расходились с ее собственными желаниями.

Глава еретиков, проповедовавших всеобщность откровения ⁷⁶⁷, Валентин, в своей беседе «О дружбе» говорит также, и притом буквально, следующее: «Большая часть изречений, содержащихся в народных (назначенных для всеобщего употребления) книгах уже вошли в творения церковных писателей. Ибо слова, исходящие из сердца, общи же всем. Законом же, написанным в сердце каждого человека, состоит слово Возлюбленного (Мф. 3:17), Ему любезное и отвечающее на Его любовь тем же». Разумеет ли Валентин под общенародными книгами священные книги Евреев или же писания мудрецов эллинских, во всяком случае он допускает, не обращая внимания на рациональные различия, что весь род человеческий участвует в составлении учения истинного. Исидор, ученик и сын Василида, того же мнения о сем предмете. В 1-й книге своих толкований на пророка Пархора он говорит буквально следующее: «Если верить Афинянам, то выходит, что Сократу открыты были важнейшие из истин неким духом, всегда Его сопровождавшим». Аристотель утверждал, что у всякого человека есть особенный гений, никогда его не покидающий во все продолжение его пребывания в смертном сем теле. Он заимствовал это учение без сомнения у пророков; за тем скрыв источник ввел его в свои сочинения. Во 2-й книге того же творения тот же Исидор опять добавляет: «Не будем обольщать себя представлением, будто учение, излагавшееся некоторыми избранными умами, было преподаваемо впервые этими мудрецами. Не им принадлежит честь измышления сих учений; они заимствовали оные у пророков, а потом они усвоили их наиболее мудрым». И далее: «Стремящиеся к мудрости истинной, по моему мнению, должны бы понять, что

означает собою, изображаемая Фэрекидом в его богословии, разноцветная крылатая птица, о которой повествование он заимствовал из пророчества Хамова» ⁷⁶⁸.

7. О качествах истинной мудрости и Божественном источнике ее.

В начале этого своего творения мы уже объявили, что сущность его составляют не частной какой-нибудь школы правила для нравственного рода жизни, а учение о поведении, какого должен держаться человек, действительно мудрое, характера по истине научного, влияющее на жизненные отношения. Мудрость, как мы ее понимаем, состоит в полном и определенном познании всего относящегося до Бога и человека ⁷⁶⁹; это род неколебимой теории, освещающей прошедшее, но ценной как для настоящего так и для будущего. Она своими основами восходить к самому Господу, который сообщил ее нам то во время личного своего присутствия среди людей, то ранее сего посредством своих пророков; и так как она есть дочь Логоса, то на этом основании и нерушима ⁷⁷⁰. С другой стороны так как она открыта Логосом, то представляет собою волю Божию. Мудрость имеет два вида: то есть Мудрость несотворенная, вечная; то преподанная нам во времени ради нашей пользы. В вечности Она постоянно одна и та же; здесь же, во времени, она облекается в различные формы. Там Она неподвижна по причине полной своей бесстрастности; здесь же может быть обуреваема страстями. Там Она существует в виде полном и законченном; здесь удел ее неполнота и немощи. Такова мудрость, которой столь усердно добивается философия. Цель ее – душевное благо; и заявляет она себя истинностью слова и чистотою нравов. Тысячи усилий направлены на сие; преследуют истинные мудрецы эту цель с увлечением и страстностью. Под истинными же мудрецами мы, христиане, разумеем тех, кто стремится к Мудрости, все создавшей и всему научающей, т. е. тех, кто домогается ведения о Сыне Божиим. Эллины же напротив дают имя мудрецов (философов) и тем, кто входит в словесные споры о добродетели. Мы же разумеем под философию безупречную жизнь, осуществляющую собой истинное учение. Это же последнее рассеяно по разным школам, зашед сюда из

преданий варварских, кои суть сокровище поистине Божественное, лишь украшенное Эллинами и в иной форме предложенное. Но из заимствованного одно эллинскими мудрецами было понято неверно: другое же, хотя и было ими говорено под влиянием Божественного вдохновения, но воспроизведено не во всей того полноте; или же расширено личными их предположениями и рассуждениями, по большей части ошибочными. Если их самих послушать, то можно подумать, что у них-то и содержится вся истина; мы же утверждаем, что они владеют лишь частью истины. И далее сего мира познания их не простираются. В этом отношении об их мудрости можно сказать тоже, что и об их геометрии и живописи. Геометрия их воспроизводит меру, величину и форму разных предметов; но она чертит их на плоской поверхности. Живопись же имеет дело с различными памятниками и видами. Она воспроизводит внешний вид предметов, располагая по законам перспективы линии их. Благодаря некоторым остроумным приспособлениям, она действительно верно передает выпуклости предметов, впадины и плоскости, так что и из предметов самих одни выступают, другие же вдаются, третьи над уровнем плоскости возвышаются. То же приложимо и к эллинским мудрецам (философам). Они не вернее толкуют об истине, чем как и живописью их посредствуются внешние предметы. И лишь по неумеренному самолюбию они таким частичным содержанием истины гордились; но неумеренное самолюбие всегда бывает причиной заблуждения и падения. Вместо того, чтобы из безумного эгоизма стремиться к славе суетной и к почестям от людей, гораздо лучше было бы трудиться над освящением себя чрез любовь к Богу, соединяя сие с рассудительностью. Принимать часть за целое, предоставлять над собою власть тому, что должно бы занимать положение служебное, поистине это значит уклоняться от истины далеко на распутья и не понимать значения слов Давида, признававшегося в таком грехе своем: Золу я ел как хлеб (Пс. 101:10). Себялюбие и гордость, вот чем он вовлечен был в заблуждение; вот тот пепел, коим он питался.

Итак, есть некоторые учения неоспоримые. А если так, то можно их узнать; стоит лишь учителя отыскать, который нас наставил бы в них. Так Клеанф пошел учиться к Зенону, Феофраст к Аристотелю, Метродор к Эпикуру, Платон к Сократу. Дошедши же до Пифагора, Фэрекида и Фалеса, я останавливаюсь и спрашиваю сам себя: «Кто же у этих был учителем?» Напрасно вы будете называть мне Египтян, Индусов, Вавилонян или даже самих магов, я все-таки не перестану спрашивать вас: «Кто же у этих последних был учителем?» Из звена в звено я доведу вас чрез все века до первых людей и там снова вас спрошу: «У этих кто был наставником»? Не люди же; тогда все ничего еще не знали. И не Ангелы же: по субстанции и организации они отличны от человека. У небожителей нет языка, чтобы говорить; а у человека имеются два уха именно для того, чтобы слышать. Всего, чем обуславливается образование словесных звуков: голоса, губ и частей соседних с этими, дыхательного горла, груди, гортани, самого дыхания, коими приводим был бы воздух в сотрясение, ничего этого у них нет. Нет подобного нашему голоса и у Бога, который непревосходимой своей святостью отстоит на безмерное расстояние даже от Архангелов. И что не Ангелы были наставниками первых людей, это нам известно и из предания, которое говорит, что как им, так и главам их истина также была сообщена отвне, ибо и они подобно нам существа сотворенные. Для открытия, кто был их наставником, следовательно приходится нам парить выше самих Престолов и Господств. А так как есть только одно существо несотворенное, а именно Вседержитель Бог, то Он-то следовательно и был наставником первых людей чрез своего первородного ⁷⁷¹ и едиnorodного Сына, «чрез которого сотворено все и без которого не произошло ничего из того, что сотворено» ⁷⁷². Ибо есть один только Бог и от Него происходит начало всех вещей (Ин. 1:3), говорит Петр, под началом разумея едиnorodного Сына Божия. Таков глубочайший смысл слов: В начале сотворил Бог небо и землю (Быт. 1:1). Все пророки возвещают именно сего едиnorodного Сына Божия, когда говорят о мудрости. Это Он состоит наставником всех

сотворенных существ; Он есть советник Божий, все предвидящий. С самых первых пор бытия мира Он различными способами и в самых разнообразных случаях оказывался наставником людей, с высоты небесной руководя их к совершенству. Вот почему и сказано: И не называйте себе наставником никого из тех, кто живет на земле (Мф. 23:8–10).

Теперь становится понятным, что за элементы составляют мудрость истинную. Хотя закон (ветхий завет) и представляет собою лишь образ и тень истины (Евр. 10:1), но так как в него вошло содержание научения Божественного, то он истинен. Эллины напротив под влиянием своей самомнительности объявляют учителями обыкновенных людей. Это не так. Как начало всякого отчества восходит к Богу Творцу (Еф. 3:14–15), подобно сему и ведение нами того, что такое добро и что честно, исходит от Господа, который научил нас сему. Отсюда-то, т. е. вследствие постоянной нам помощи свыше, произошло и развилось учение и об оправдании; последнее возможно лишь при следовании научению нас Божественному.

Конечно есть люди, не возвращающие в себе семян истины (Лк. 8:5 и д.), тем или иным способом преднесенной их разуму. Семена эти лежат в душе их сокрытыми как бы в какой земле бесплодной и водою неорошаемой; или же они гложут здесь от множества сорных трав. Подобно древним фарисеям и эти новые фарисеи закону непокорны. Кроме того они воровски примешивают к преданиям Божественным учения человеческие (Мф. 15:9). Виновен в таких заблуждениях людских уже не Божественный их Педагог, а сами люди, по своевольному упорству заткнувшие уши от Его внушений. Уверовавшие же в пришествие Спасителя и в исполнение всего того, что возвещено о Нем чрез свящ. Писания, имеют ведение закона, подобно тому как и мудрецы эллинские, внимавшие наставлениям Господним, приобрели познание истинной мудрости. Слова Господни и вправду суть слова чистые, серебро огнем испытанное, от примесей к нему земных элементов освобожденное, седмицею очищенное (Пс. 11:7). Что иное этим означено как не то, что праведник испытывается Господом (Пс. 10:5), подобно тому как серебро очищается?

Праведник, это – монета Господня, имеющая на себе и печать Господню. Можно согласиться и с толкованием сего Соломоновым. Царственный этот толкователь слова Божия объявляет, что язык праведника есть серебро, огнем испытанное (Притч. 20:20; срав. Пс. 108:140; Пс. 16:3). Он желал выразить сим то, что учение, мудрость которого познана и признана, должно быть и принимаемо (с благодарностью), так как оно неоднократно было очищаемо от всякой земной к нему примеси, т. е. много уже было душ, кои себя посвящали в тайны познания и чрез воздержание от земных страстей себя в разных отношениях освящали. Говорю: в разных, потому что святится и тело, в котором живет такая душа. Всецело предоставляя себя в распоряжение живущего в нем гостя, оно и само есть святилище, в которое да не вносится ничего нечистого. Что же до души, то первое всего это очищение ее чрез все время оживления ею тела должно состоять в воздержности от всякого вообще зла ⁷⁷³. Это очищение для души не есть еще совершенство, как полагают некоторые; это есть совершенство лишь относительное, только для простых верных, окажутся ли ими Евреи или язычники. Праведность, устремляя взор мудреца истинного (гностика) далее того, что другими считается за совершенство, возвышает его до исполнения всего того, что благо; и когда гностик при наивысшей своей праведности восходит на сию ступень, когда он уподобляется на оной Богу, то совершенство его утверждается тогда уже на непоколебимой привязанности к добру. Потомство Авраамово, служившее Богу, состояло из призванных (Мф. 20:10); чада же Иакова, за то что запяли ⁷⁷⁴ зло, оказались избранными.

Итак, если мудростью для нас будет Христос: а действовал Он если и чрез пророков, писания которых воистину просветительны; равно как если Христос лично сообщил это истинное учение Апостолам: то конечно познание сего учения есть уже и мудрость; сим обусловлено полное познание и безошибочное понимание как прошедшего, так равным образом настоящего и будущего. Кто будет спорить против того, что учение совершенное вместе с

тем и непогрешимо, так как оно нам передано и открыто Сыном Божиим? И если то правда, что деятельность созерцательная есть истинная цель, к которой мудрец стремится, то и созерцательная деятельность мудрецов эллинских, пусть она не сопровождалась полным успехом и представляет собою достоинство лишь второстепенное, все же имела в виду Бога. Достигает же сия умозрительная деятельность своей цели, т. е. познание Бога, лишь в тот день, когда чрез христианское освящение мудрец светский вводится в понимание пророческих предвозвещений, возвышаясь таким образом до постижения

Того что было, а также что есть и будет (Ил. 1:70).

Сие-то наивысшее познание, передаваясь из рода в род, без помощи каких-либо особых писаний, и первее всего сообщено будучи мужам апостольским, дошло этим путем и до нас ⁷⁷⁵. Следует значит добиваться сего познания или, – если угодно, – мудрости, чтобы поставить душу на точку умозрения, на веки устойчивого и неколебимого.

8. Философия, хотя Апостол и ставил ее ни во что сравнительно с совершеннейшими светом Евангелия, тем не менее есть познание, от Бога исходящее.

И Павел в своих посланиях, как оказывается, не безусловно порицает философию. Он не желает только, чтобы верный, восшед на высоту познания истинного, нисходил с оной в долины философии эллинской, которую он иносказательно называет стихиями мира сего (Кол. 2:8), т. е. наукой лишь элементарной, лишь подготовляющей к принятию учения истинного. Посему и к Евреям, оставившим веру для наблюдения предписаний закона Моисеева, он пишет следующее: Нужно ли еще учить вас первым начаткам слова Божия? Ужели вы до того дошли, что вместо твердой пищи нужно давать вам одно только молоко (Евр. 5:12)?. Точно так же к Колоссянам, т.е. к Эллинам, обратившимся в христианство, он пишет: Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас философией и праздными тонкостями, по преданиям людским, по элементам наук мирских, а не по Христу (Кол. 2:8). Что это значит? Апостол предостерегает, чтобы какой-нибудь ученый не соблазнил верных и не уклонил их снова в философию, т. е. к знаниям начальным и элементарным.

«Вся мудрость, Эллинами измышленная, скажут мне, есть выражение разума человеческого». Я же на основании свящ. Писания отвечаю, что разум есть дар Божий. Псалмопевец считает его даром наидрагоценнейшим и просит о нем Бога в таких выражениях: Я раб Твой; даруй мне разумение (Пс. 118:125). В другом же месте он молит о даровании ему всестороннего познания. Научи меня, он пишет, благодати, порядку и ведению, ибо я веровал в заповеди Твои (Пс. 118:66). Это значило в слух всех засвидетельствовать, что обоим заветам свойственна величайшая авторитетность, а равным образом, что Бог сообщает оную и отличнейшим из своих чад. В другом месте Псалмопевец опять восклицает: Ты ни с одним народом, Господи, не поступил так. Ты не объявил им Твоих

уставов (Пс. 144:20). Слова эти: Ты ни с одним народом не поступил так выражают, что Господь все-таки и к остальным народам был милостив, но только иначе. Частицею так устанавливается следовательно только сравнение и отношение подчиненности других народов в рассуждении нас, которые удостоены высшего сравнительно с ними преимущества. Пророк и действительно мог выразить ту же самую мысль и не прибавляя к ней словечка так. Петр в «Деяниях» говорит: По истине теперь я познаю, что Бог нелицеприятен, но что во всяком народе боящийся Его и праведность наблюдающий приятен Ему (Деян. 10:34–35). Не в одно только какое-либо определенное время Бог нелицеприятен, но всегда, от вечности, ибо щедродательность Его вечная, подобно тому как сам Он ни к одному определенному какому-либо месту не привязан, ни на главах лишь некоторых только личностей почиет благодать Его; она всегдашняя и нет из нее для кого-нибудь изъятий. Отворите мне двери праведности, говорит Псалмопевец, и я войду в них и восхваляю Господа. Вот врата Господни: ими-то и войдут праведники (Пс. 118:19–20). Варнава ⁷⁷⁶ нам объясняет эти слова пророка так: «Из множества врат, отворяющихся пред нами, дверь, ведущая к праведности, ведет в тоже время и ко Христу Иисусу. Блаженны все, входящие сими вратами». Та же мысль содержится и в следующих словах Псалмопевца: Господь над водами многими (Пс. 29:3), откуда не только то следует, что оба завета имеют свои особенные отличия, но также и то, что как между Эллинами, так и между варварами учения, ведущие к праведности, разнообразны. Но вот и царь – пророк, свидетельствуя об истине, восклицает с негодованием: Низриньтесь, грешники, во ад, а также и народы, забывающее о Боге (Пс. 9:17). Да, забывают они о Боге, о котором прежде памятовали; Бога, прежде чем Его забыть, знали они; теперь же они не чтут Его.

Итак, язычники имели о Боге некоторые представления, хотя и смутные и неясные; факт этот кажется нам доказанным. Следует итак, чтобы гностик отличался многоученостью, обладал бы возможно большим запасом знаний. И так как Эллины не перестают повторять мнение Протагора, впервые

сказавшего, что «диалектика всегда должна иметь наготове доказательства для противопоставления их другими доказательствами, то необходимо освоиться с искусством возражений. Многоречивый, говорит Писание, и сам не должен ли слушать в свою очередь (Иов. 11:2)? «Кому же и разуместь притчи Господни как не мудрому, владеющему знанием и любящему Господа»⁷⁷⁷? Пусть он засвидетельствует сим свою верность Господу. Он должен уметь объяснять тайны познания, искусно отделять истину от лжи; он должен показать себя достоудивительным в делах своих, чистым и по телу и по душе. «Он должен быть тем смиреннее, чем возвышеннейшим для других кажется, говорит Климент в своем послании к Коринфянам. Наконец он должен быть в состоянии следовать такой заповеди: Извлекайте одних из пламени, других же принимайте назад с рассуждением (Иуд. 22–23). Специальным назначением виноградного ножа состоит конечно подрезывание лоз; но он служит нам также для разрезания и спутавшихся лоз и для вырезки терна, растущего около них и образующего трудную для прохода стену. Все эти разнообразный действия, им совершаемые, имеют соотношение с главным его назначением. Примените это сравнение к человеку. Конечной целью его состоит без сомнения достижение познания о Боге; тем не менее он занимается земледелием, геометрией, философией. Из трех этих наук одна необходима для жизни, другая его учит доброй жизни, третья объясняет ему все входящее в область доказательств. «Но, – здесь восклицают некоторые, – философия от дьявола происходит». Положим, что и так, ибо Писание говорит, что и сатана иногда превращается во ангела света (2Кор. 11:14). Зачем? Ясно, что для пророчествования. Но если он пророчествует в качестве ангела света, то из уст его значит истина исходит. Если пророчества его имеют такой характер, как если бы исходили от Ангела, если свойство их – свет: то отсюда следует, что они и полезны, потому что сатана старается при этом уподобиться тому действию, которое совершает, хотя в сущности и остается отступником и мятежником. На какую же иную уловку он и мог бы ловить нас как не на эту: человека,

желающего ведения, привлекая к себе первее всего блеском истины, чтобы потом увлечь его в заблуждение? Кроме того истина и действительно известна демону. Хотя и нет у него сил обнять ее во всей ее целости, все же он не незнаком с ней. Философия следовательно не есть еще ложь на том одном основании, что подделяваясь под истину высказывают ее и вор и лжец, причем эти первее всего себя самих обманывают. Не следует из ненависти к говорящему слепо и преждевременно осуждать говоримое им; нужно размышлять при сем, истины это голос или лжи: предосторожность особенно необходимая по отношению к тем, кои ныне слынут и выдают себя за пророков. Утверждать, согласно с общепринятым мнением, что все для нашей жизни необходимое и полезное исходит от Бога, без сомнения не представляет собою чего-либо рискованного и ошибочного. Но мы гораздо ближе будем к истине, если скажем, что философия была дарована Эллинам в качестве особого рода и наиболее приличествовавшего им завета, – в качестве подготовительного фундамента (скалы, горного плато), на котором должно строиться и возвышаться здание христианской философии, хотя эллинские философы совершенно произвольно и отворачиваются от сего последнего света частью из пренебрежения им как учением варварским, частью же из опасения и за свою жизнь, ибо благодаря гражданским законам головам верных постоянно угрожает смерть. Дело при сем все же в том только, что рука, привыкшая рассеивать плевелы (Мф. 13:25), посеяла их и в эллинской философии, так же впрочем как и в варварской. Отсюда-то и между нами возникли ереси, соперничающие с семенем добрым. Отсюда-то произошло нечестивое учение Эпикура; отсюда-то – сладострастье, объявленное ныне верховным благом и множество иных странностей, под именем эллинской философии, пущенных в ход софистами: обманчивые плоды на Богодарованной Эллинам ниве. Вот эти-то, располагающие лишь к чувственным удовольствиям и высокомерные, учения Апостол и называет *мудростью века сего*, потому что действительно они располагают лишь ко вздору мира сего, им ограничивая все

помыслы своих вскормленников, делая этих таким образом зависимыми от князей мира сего (1Кор. 2:6) и им подчиненными. Это-то и унижает эллинскую мудрость, делая из нее науку партийную и далекую от знания совершенного. Это – лишь первая ступень к науке совершенной; а живет сия последняя вдали от земли этой, в мире доступном лишь разуму; и занимается она предметами еще более духовными, *которых око человека не видело, ухо его не слыхало, о которых и мысли на сердце человека не входило* (1Кор. 2:9), прежде чем их не объяснил нам истинный наш Учитель. Он пред законными наследниками Божественного усыновления раскрыл сначала святое святых, а потом постепенно истины и еще более возвышенные ⁷⁷⁸.

Мы осмеливаемся даже нечто большее утверждать, а именно вот что. Истинному гностик у все известно, ибо вера возвышает его и до этого. В твердости и неколебимости своего разума он постигает все остающееся неясным для нашего разума и что относится к науке сверхъестественной (откровению тайному). Такими истинными мудрецами (гностиками) были Иаков, Петр, Иоанн, Павел ⁷⁷⁹ и все остальные Апостолы. В пророчествах и вправду содержатся все тайны познания, потому что Господь, вложив их в уста пророкам, сам и объяснил их затем Апостолам. Познание значит не есть ли такая функция разумной души, при помощи которой мы заносим свое имя в книгу бессмертия? Душа для парения в страны горние пользуется двумя крылами: познанием и стремлением. Стремление есть движение, следующее за согласием. И в правду так. Обратите внимание на человека, занятого каким-либо добрым делом: этому последнему у него предшествует познание; за тем является желание, стремление.

Есть еще нечто, на что также следует обратить внимание. Так как действию у нас предшествует изучение; так как самую сущностью дела обусловлено, чтобы существо, действующее свободно, – наперед и прежде чем решится на дело, – знало, что оно хочет делать; так как познание следует за изучением, действие же за стремлением или желанием; так как знание

истекает из изучения, стремление из познания, из стремления же рождается действие: то отсюда следует, что началом и двигательной причиной всякого разумного действия состоит познание. Итак, мы правы, называя познание главной, господствующей функцией души, которая существенно ее характеризует так как действительно и стремление и познание движутся в сфере субстанциальной. Отсюда следует, что познание, собственно говоря, есть такое состояние души, в котором она созерцает или один или несколько предметов или даже, – если она совершенна, – то совокупность всего существующего. Знаю, знаю мнение некоторых, что и по убеждению самого мудреца для него есть де вещи непонятные и что все касательно их постижимое им ограничивается де лишь непонятностью их. Грубое же представление дела!.. Вот кругозор узкий очей по истине недальновидных! Этот близорукий мудрец сознается, – говорите, что есть вещи непонятные. Мудрец же истинный (гностик), о котором я говорю, понимает и там, где разумение других оказывается коротким; он убежден, что для Сына Божия ничего нет непостижимого; следовательно ничего нет и такого, чего нельзя было бы познать. Можно ли и представить себе, чтобы Претерпевший из любви к человечеству столько страданий хотя один пункт исключил из области подлежащей человеческому ведению? Не для сообщения ли познания и на землю приходил Он? Так вера сама становится твердым и неопровержимым доказательством, ибо истина неразрывно связана с преданным нам от Бога учением. Какой еще и большей добиваться нам опытности и просвещенности? Ученик мудрости Божественной знает прошедшее, строит предположения относительно будущего (Прем. 7:18), разрушает словосплетения, постигает смысл речей загадочных, предвидит знамения и чудеса, исход известных событий и конец времен.

9. Мудрец истинный хранит свою душу от всякого рода нестроений и волнений.

Преимущество мудреца истинного (гностика) состоит в том, что он признает законность лишь за теми нуждами, удовлетворение которых требуется поддержанием телесного здоровья; таковы: голод, жажда и другие им подобные ощущения ⁷⁸⁰. Утверждать, что тело Спасителя как такое требовало для поддержки его различных забот и попечений, подобных тем, какими мы свою телесную жизнь поддерживаем, было бы довольно забавным уверением. Спаситель ел, но не для поддержания тела своего, которое поддерживалось и сохранялось силою Божественной, а для предупреждения в лицах близких к Нему мысли, будто Он имеет тело призрачное, что и высказывали о Нем некоторые из позднейших сектаторов. В сущности конечно Он чужд был всякого рода человеческих страстей; чужды Ему были смятенные душевные состояния; не волновался Он; выше стоял всяких удовольствий равно как и горя. Что же касается Апостолов, то чрез учение Господне и обладание в оном всеми сокровищами познания подавив в себе гнев, страх и все пожелания, они начиная с воскресения Господа, своего Учителя, казалось, не испытывали по-видимому и самых невинных внутренних движений, каковы: отважная смелость, соревнование, радость и пожелания. Они с тех пор были утверждены в некотором, неподвижном спокойствии души, из которого по воскресении Господа уже и не выходили, оставаясь непричастными всем волнениям и постоянно поддерживая в себе это расположение духа. Без сомнения, только что упомянутые душевные движения не имеют в себе ничего предосудительного, если они умеряются и направляются разумом. И все же в душе христианина совершенного они не находят себе места. К чему послужила бы ему например отвага и смелость? Так как жизнь не может преподнести ему ничего ужасного, никаких событий страшных, ни скорби никакой, ни беспокойства, которое отклонило бы его от любви к Богу: то

совершенный христианин никогда следовательно не попадает и ни в какую опасность ⁷⁸¹. Что общего у него с радостью? Никогда он горя не испытывает, себя поддерживая убеждением, что все хорошо. – Никогда он не раздражается. Кто воздвинуть мог бы волны гнева в том, кто постоянно проникнут любовно к Богу, кто мыслить только о Боге, и следовательно не может питать ненависти ни к какому Божьему творению? – Неизвестно ему и чувство соревнования. Чего же еще недостает ему до полного слияния с Тем, Что благо и прекрасно? – Ни к кому не чувствует он и этой грубой привязанности, которая называется дружбой: в творении Творца он любит. – Далеки от него все пожелания и зависть. Он располагает всеми сокровищами, по крайней мере духовными, потому что чрез любовь он постоянно поддерживает сношения с Возлюбленным; с Ним уже соединен он узами избрания; и эта мягкость уз и близость со Христом укрепляются еще чрез усердное исполнение им заповедей: счастлив он тем, что располагает изобилием всех благ. Таковы побуждения, по которым он, по примеру своего Божественного Учителя, старается закрыть свое сердце для всех человеческих страстей. Он и вправду представляет собою воплощение лишь разума, Логоса (Слова) Божия, ибо человеческий разум есть лишь отражение в человеке сего Логоса Божественного. Так человек, добрый возвышается до воплощения в себе образа и подобия Божиих; и вот как Бог уподобляется человеку: общей и для Бога и для человека формой проявления состоит разум, нас отличающий и нам свойственный. Отсюда следует также, что грех против такого человека равносителен кощунству и причинять ему какое-либо зло есть действие нечестивое.

Но здесь слышу я любезные предупреждения, что гностик и человек совершенный может таить гнев и смелость в глубинах своего сердца и не должен отрешаться от них; иначе, без содействия двух этих вспомогательных средств, он не в состоянии будет возбуждаться против врага, ни приражению к нему напастей подставлять чело непобедимое. Возражатели эти добавляют: «Если заглохнут в нем все желания, то горесть изложет его и он кончит с этой жизнью позорно. Как скоро огонь

желаний погаснет, мудрец не будет питать в себе даже и честолюбия, которое человека добродетельного постоянно устремляет вперед. В самом деле, если союз со всякого рода добродетелями посредствуется желанием: то как это от человека, стремящегося к добродетели, можно требовать, чтобы внутри себя порвал он все привязанности?»?

Вздорное и ребяческое возражение! Устам, оное формулировавшими, по-видимому неведома Божественная природа любви. Любовь не есть желание; это союз святой и нежный, истинного мудреца, и без посредства времени и места, вводящий в единство веры. Тот, кого любовь уже наделила всеми благами, коими он будет владеть некогда, потому что чрез воплощение в себе добродетели он проникся и надеждой на получение их, тому нечего желать, потому что он уже заранее, – насколько может, – наслаждается всеми сокровищами, каких только можно желать. Что же дивного в том, что душа, в которой познание соединено с любовью, всегда остается в неизменной невозмутимости ⁷⁸²? Пламенное и завистливое желание олицетворить собой нечто прекрасное тоже не мучит мудреца истинного: любовь уже его самого проникает красотой. К чему жало желаний и увлечения отвагою человеку, который по силе своей любви к Богу уже вписан в число друзей Его? Чрез эту любовь он уже соединен с Богом, а Бога никогда не касается даже и малейшее и ничтожнейшее изменение. Понятно теперь, почему мы изгоняем из души мудреца истинного даже мнимые взволнованность и смятенность. Познание собою порождает упражнение, упражнение переходит в состояние или постоянное расположение духа; такое расположение в свою очередь имеет последствием отсутствие в душе всяких беспорядочных движений, а не власть только над этими движениями. В чем же тайна этого неизменного покоя? Владеет ею только вырезавший из своей души все желания до самых корней их.

Равным образом не напоминайте гностику и об этих внутренних побуждениях, которые обыкновенно превозносятся такими похвалами и выдаются за великое благо, на самом же деле слишком походят на страсти и отличаются всей

мятежностью их. Я говорю о радости, столь близкой к наслаждению; – о печали, живущей по соседству с горем; – об осторожности, столь схожей с боязнью; – о живости, близко подходящей к гневу. Гностик вовсе и не обращает внимания на похвалы, воздаваемые этим мнимым благам. Невозможно, чтобы человек, чрез любовь возвысившийся до совершенства и вечно поддерживавший неутолимость своих желаний созерцанием, доставляющим ему столь высокое наслаждение, невозможно, чтобы он вновь унизился до жалких земных радостей. Вы просите его сойти с этих высот, приглашая его наслаждаться благами сего мера? Но он уже вошел в свет неприступный (1Тим. 6:16). Конечно это последнее происходит не на самом деле, так как от сего света неприступного еще отделен он временем и местом; и все же гностик живет в сем неприступном свете по силе чисто духовной любви к Богу. А Мздовоздатель Божественный за это награждает его дарованием наследия небесного и совершенным восстановлением в прежнее достоинство. Так осуществляется на гностике Божие обетование касательно даров; их гностик уже ранее выбирает и за свою любовь к Богу получает от Него ранее. Неправда ли: на крыльях любви воспарив к Богу, гностик, хотя его телесная оболочка и остается еще на земле, если не вполне отрешается от уз земной сей жизни, – что запрещено ему, – то по крайней мере не освобождает ли свою душу из под влияния страстей, – а что можешь быть законнее этого, – и не свободным ли живет на развалинах всякого рода пожеланий? Тела более он не касается. Он позволяет ему лишь теми вещами пользоваться, которые необходимы для его сохранения, чтоб не произошло его разрушения. И о мужестве что за толк вам говорить с человеком, чисто духовным, к которому никакая опасность приразиться не может, потому что здесь на земле он как бы отсутствует, находясь уже всецело подле Предмета своей любви? К чему ему и воздержание? Оно не нужно ему. Воплощение в себе этой добродетели доказывало бы еще приражение пожеланий, которые нужно еще преодолеть; посему гностик предоставляет, упражняться в ней человеку, который, не будучи еще вполне чистым, борется со страстями.

Мужество также ему не нужно. Это орудие лишь против страха и трусости. Но прилично ли, чтобы друг Божий, Богом еще до сотворения мира предназначенный ко включению в число чад, удостоенных высшего усыновления (Еф. 1:4–5) ⁷⁸³, был подвержен приражению страха и сладострастия? Разве не укрощением именно подобных душевных волнений и занят он? Я не опасаясь высказаться открыто: как он предназначен Богом к совершению именно того, что делает и к достижению именно той цели, к которой стремится: так и сам себя лично он предназначает к тому же, определяясь в сем познанием и любовью к Богу своему. Он не питает относительно будущего предположений неверных подобно большинству людей, жизнь которых есть не иное что как продолжающееся постоянное состояние неуверенности: свет веры и познания освещают для него то, что для других неясно; любовь, его одушевляющая, для него делает будущее уже настоящим. Опираясь на пророчества, уже исполнившиеся, на тайну воплощения, он верит в слова Бога, который никогда не обманывает. Он уже располагает тем, во что уверовал; и дар обетованный уже в руках у него. И в самом деле! Обетование истекает ведь от самой Истины; потому-то оно и достоверно; как христианин совершенный, гностик чрез свою уверенность, что непременно получит обетованное, заранее уже и видит осуществление обетования. Таким образом тот, кто сознает, что понимает будущее верно, опережает этим пылом любви самое это будущее. Потому-то гностик не просит у Бога и никаких земных благ. Он питает в себе неколебимую уверенность, что владеть будет истинными сокровищами. Все молитвы его состоят в просьбах сохранить ему веру, которая должна осуществить его желания. Далее желает он, чтобы походило на него возможно большее число верных: чрез это распространялась бы слава Божия, открывающаяся особенно в познании. Ибо кто чрез безупречное исполнение Божественных заповедей, насколько-то доступно человеческой природе, уподобляется Спасителю, тот сам в некотором роде становится спасителем других. Вот справедливость истинная; и таково почитание ею Бога, ею и праведностью действий, а

равно и истинностью познания. Господь даже и не ожидает молитв этого своего достойного раба, «Проси. Он говорит ему, и Я сделаю; пожелай и исполню» ⁷⁸⁴. Вообще неизменность не может корениться и утвердиться в вечных подвижности и непостоянстве. Если верен этот принцип, то душевная способность, которой свойственна эта властность, под влиянием постоянной изменчивости наконец теряет свое равновесие и самую возможность сложиться. Спрошу вас еще раз: Как на этой почве, постоянно колеблющейся вследствие столкновения с внешними предметами, как достигнуть утвержденности; словом: Как успокоиться на уверенности, что обладаешь познанием прочным?

По словам самих мудрецов эллинских, добродетели, это суть известного рода состояния, внутренние расположения, особого рода искусство и наука. Но нет науки прирожденной человеку; каждая наука есть дитя воспитанное, выхолощенное при известных условиях и взаимных отношениях. Она становится нашей собственностью पहले всего под условием забот о ней, за ней ухода и в ней успехов ученика. Ею овладевают и в ней упрочивают свое положение только чрез усердное размышление. То же самое приложимо и к науке Божественной. Когда посвятивший себя ей достигает относительно совершеннейшего познания святых тайн, то любовь строит ей твердый и нерушимый фундамент. И действительно так. Достигнув сей высоты, христианин доходит не только до Первопричины; он понимает и причину Ею произведенную; он остается неизменным в своих убеждениях, потому что они утверждаются на опорах твердых и неколебимых. Кроме того из уст самой Истины он знает, что относительно происхождение добра и зла, относительно сотворение мира, и одним словом относительно всего открыта нам Господом полнейшая истина, собой объемлющая историю мира от самого его начала и до разрушения. Какое дело ему до того, вероятно ли все это и до необходимости доказать все это согласно с требованиями науки эллинской? Он остерегается, как бы не оказать им большего доверия, чем самой Истине. Язык Господень, неясный для других, ясен для него. Таким-то способом и сообщено ему

познание касательно всего. Ибо пророчества, содержащиеся в священных книгах наших, рисуют будущее именно в таких чертах, в каких оно предстанет. Настоящее они представляют тоже в таком виде, в каком оно есть. Прошедшее они изображают так, каким оно было. И что касается науки, ведущей свое дело доказательствами, то гностик, благодаря своему многознанию, превзойдет всех; по всем вопросам, касающимся добра и чести, пальма первенства останется за ним. С умом, непрестанно обращенным на предметы, доступные единственно умозрению, по сим-то Божественным первообразам (идеям) и судит он о всем касающемся человечества, приблизительно так же, как мореплаватели, которые, прежде чем отпустить корабль в путь, справляются со звездами. Всегда он готов на всякое доброе дело. Он ставит себя выше превратностей, кои могут взволновать и смутить душу. Предстоит ли перенести какую-либо напасть? Не проявляет он в предприятиях особой какой-либо отваги; не позволяет он себе никакого движения, которое не гармонировало бы с ним самим или благом общественным; он осторожен и осмотрителен; непреклонный ни на какие удовольствия, он не может быть соблазнен ими ни в бодрственном состоянии, ни во сне ⁷⁸⁵. И подлинно так. Привыкши к образу жизни строгому и воздержному, он остается умеренным и легким на подъем, но с важностью; для жизни же нуждается только в том, что существенно необходимо и никогда он не хлопочет о побочном и прямо к делу не относящемся. Не напоминайте ему и о том даже, что это необходимое имеет свою особенную важность; он принимает и его в строгой мере, лишь в той, как это неизбежно нужно для поддержания этой материальной жизни, им разделяемой наравне со всеми остальными людьми.

10. Полезно изучение и человеческих наук; они помогают утверждению веры и готовят ум к уразумению предметов, входящих в науку Божественную.

Итак, делом существенно необходимым для гностика состоит познание. Но почтение, гностиком питаемое к познанию самому в себе, располагает его в пользу и наук предуготовительных и обуславливающих оное; в каждой из них он ведь отыскивает орудие, содействующее защите истины. Музыка обусловленным мерою ритмом и гармонией своих аккордов учит его согласию с самим собою. Арифметика своими восходящими и нисходящими прогрессиями чисел учит его взаимосотношению их и объясняет ему, что большая часть вещей и взаимосотношений их подчинены числовым пропорциям ⁷⁸⁶. Углубляясь в геометрию и постигая лишь умозрению доступную ее природу ⁷⁸⁷, он, благодаря этому навыку в созерцании, привыкает к представлению сплошного пространства и бытия субстанциального, неизменного, отличающегося от предметов земных. Астрономия возносит его ум за пределы земли, научает парить в небесных сферах, следить за движениями светил небесных, привыкать к постоянному созерцанию в уме Божественных чудес и гармонии, царящей между ними. Наблюдал эти чудеса Авраам, и возвысился до познания своего Творца. Но гностик не останавливается на этом. Он изучает диалектику, толкующую о понятиях родовых и видовых и искусстве различать оные. Она-то гностика научает проникать в сущность предметов, выделять тот и другой из них из ряда других и этим путем доходить до субстанции первоначальных и простых.

Есть между нами немало людей, боящихся эллинской философии, подобно тому как дети боятся привидений. «Мы боимся, чтобы она не ввела нас в заблуждение», кричат они. Если вера их, – я уже не осмеливаюсь говорить об их познании, – в такой степени слаба, что может колебаться от человеческих рассуждений, то не стоит им и усвоить оную себе; пусть

слабосильные эти христиане лучше сознаются, что они никогда и не верили в истину. Если бы они проникнуты были истиной, то не колебались бы, ибо истина неопровержима; могут быть опровергаемы лишь мнения ложные. Только по сравнению хорошего пурпура с плохим мы останавливаем свой выбор на первом. Сознаться, что колеблешься в своих убеждениях, это значит в слух всех объявлять, что нет у вас ни пробирного камешка менялы, ни критерия истины. В каком же положении окажется этот несведущий в своем деле человек, когда он сядет за банкирскую конторку! Что тогда с ним будет, если он не в состоянии пробу произвести над представленными ему монетами и различить монету истинную от поддельной ⁷⁸⁸? Праведник во век не поколеблется, восклицает Давид (Пс. 112:6). Что значит это? А то, что от речей лживых он не колеблется; мимо удовольствий обманчивых он проходит, не увлекаясь ими; из чего следует, что ничто его не в состоянии отклонить от наследия, им ожидаемого. С какими бы угрозами ни обращались к нему, страху нет места в сердце его (Пс. 112:7). Что за дело ему до неосновательной клеветы и до ложной молвы о нем! Не боится он хитросплетений речи лукавой; всегда он в состоянии открыть ложь в изгибах ее. Не постоянно ли он как сам готов спросить, так равным образом и отвечать на вопросы? Диалектика и в правду воздымается около истинного гностика на манер вала, останавливающего дальнейшее движение софистов и мешающего им низвергнуть истину. Сердце хвлящихся святым именем Божиим и ищущих Господа, по словами пророка, должно проникаться радостью. Просите силы у Него, и Он укрепит вас. Непрестанно и во всевозможных случаях поставляйте себя пред лицом Его (Пс. 104:4). Это значит, что постоянно нужно искать Бога, многократно и многообразно (Евр. 1:1), ибо есть несколько способов, равно ведущих к познанию Бога. Гностик истинный вместо того, чтобы многочисленные знания, им собранные, считать за силы, непосредственно у него находящиеся в распоряжении, видит в них силы лишь воспособляющие, помогающие постижению им истины чрез сообщение ему возможности различать общее от частного. Он знает, что все наши заблуждения и лживые мнения

происходят от нашего неумения устанавливать различие между общим и субстанциальным взаимосоотношением предметов и пунктами, их друг от друга отличающими. Позволять себе говорить о каком-либо предмете нерешительно, уклончиво в ту и другую сторону, без подразделения и подведения его под ту или иную категорию, это значит не понимая дела путать общее с частным. При таком беспорядочном движении впереди по необходимости с пути прямого собьешься. Напротив при употреблении слов с точным различием их значения при взаимном отличии предметов друг от друга, вы со светочем приступите к изучению даже свящ. Писания. И в самом деле необходимо с выражениями, имеющими различные значения, соединять смысл один определенный; а также необходимо знать и те многочисленные выражения, с коими соединяется только одно значение. Этим обусловливается верность и точность выражений.

И все же не стоит тратить свое время на расследования бесплодные. Науки человеческие для истинного гностика собою представляют занятая лишь предуготовительные, впрочем помогающие ему, насколько то возможно, не только воспарять умозрением к истине и утверждаться на этом неколебимом основании, но и опровергать софизмы возражателей против истины. Гностик должен быть знаком со всем курсом школьных наук и со всей эллинской мудростью. Только он относится к ним не как к имеющим значение существенное в себе; он видит в них лишь полезную принадлежность, по времени и обстоятельствами даже необходимую. В руках еретиков науки эти служат средством для распространения лжи и зла; в руках же гностика они служат оружием к укреплению добра и истины. Итак, хотя истина, содержащаяся в эллинской философии, и частична, тем не менее это все же истина. Как солнце, изливая свет свой на предметы то белые то темные, позволяет различать и тот и другой из этих цветов, подобно этому и истинами, содержимыми эллинской философией, лживые доводы софистов в конец ниспровергаются. Итак, Эллины имеют право (словами своего

поэта Пиндара) восклицать: «О истина, царица мира, мать великих добродетелей».

11. Таинственный смысл предметов, входящих в Богословие, заключен также в числовых или геометрических пропорциях и в числовых данных различных родов музыки.

Мы сослались уже на пример Авраама, доведенного астрономией до познания Бога. Тот же праотец пусть еще раз послужит нам и того примером, как тому же содействует и арифметика ⁷⁸⁹. При известии о взятии в плен Лота, патриарх собирает своих слуг, рожденных в доме его и во главе отряда, из них составленного и простиравшегося числом до 318 человек, настигает врагов и значительное число их рассеивает (Быт. 14:14 и д.). Здесь следует заметить, что числовым знаком, означающим число 300, служит буква Т. собою представляющая крест ⁷⁹⁰ нашего Господа; буквами йотой (י) и этой (ה) первая собою знаменует число десять, а вторая – восемь, обозначается имя Спасителя ⁷⁹¹. С точки зрения спасения, они-то конечно, т. е. имя и крест Христовы, и были слугами и союзниками Авраама. Потому-то без сомнения Авраам со своими слугами и восторжествовал над врагом, пленившим Лота и над неверными народами, шедшими следом за ними, что знаменем его был крест и святое имя Иисусово. Кроме того число 300 представляет собою три сотни. Но всеми единогласно признается, что число 10 из чисел есть во всех отношениях совершеннейшее ⁷⁹². Что касается до 8, то это – куб, который представляет собою равенство по всем направлениям: в длину, ширину и высоту ⁷⁹³. Дни человека, говорит свящ. Писание, будут 120 лет (Быт. 6:5). А что такое представляет собою число это? Сумму первых пятнадцати чисел, сложенных одно с другим начиная с единицы ⁷⁹⁴. – Полнолуние наступает в 15-й день. Сверх того число 120 есть треугольное ⁷⁹⁵ слагается во – 1-х из четного ряда ⁷⁹⁶ чисел (из нечетного ряда четного числа чисел), заключающегося в 64: 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, частичное сложение которых (начиная с единицы) дает квадраты чисел, кои показывают счет их ⁷⁹⁷. Во 2-х оно состоит из ряда нечетных чисел (из четного ряда

нечетного числа чисел), составляющего 56, а именно из семи четных чисел, начиная с двух: 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, частичное сложение которых производит собой неравенство сторон ⁷⁹⁸. Рассматриваемое с другой точки зрения, число 120 состоит из четырех чисел: одного треугольного, а именно 15; – другого – квадратного, а именно 25; – третьего пятиугольного ⁷⁹⁹, а именно 35; четвертого шестиугольного ⁸⁰⁰, а именно 45. В самом деле 5 представляет собой основание этих четырех многоугольных чисел. Если начать счет с единицы, то 15 есть число пятое треугольное, из 8 сторон состоящее: 25 – пятое квадратное и т. д. А 25, представляющее собою пятое квадратное число, считая с единицы чрез 5, есть – говорят – символ колена Левиина. Число 85 воспроизводится сложением арифметической, геометрической и гармонической фигуры, последним членом которой состоит удвоенный первый: 6, 8, 9, 12. Спросите Евреев и они скажут вам, что дитя, родившееся после 7 месяцев, образовывается в течение 35 дней. Что касается числа 45, то оно получается из фигуры 6, 9, 12, 18, где последний член есть утроенный первый. Именно в такое-то число дней образуется дитя, рождающееся чрез девять месяцев ⁸⁰¹.

Вот примеры, доказывающие пользу арифметики. Устройством же скинии и ковчега завета доказываются достоинства геометрии. Ковчег и скиния были устроены по плану, сообщенному самим Богом, соответственно совершеннейшей аналогии и со вложением в устройство дара такого разума, что оно вело от предметов чувственных к миру невидимому или – лучше сказать – выводящему нас отсюда в святилище и святая святых. Обтесанные бревна также свидетельствуют, что четырехугольная форма проникла повсюду, производя своими прямыми углами прочность и стойкость. И была длина здания 300 локтей, ширина 50, а высота 80 локтей, а верх заканчивался угольником (Быт. 6:14–16). Возвышаясь на широком основании, постепенно заостряясь подобно пирамиде, своею формою кивот символически знаменовал место, где испытуют и очищают пламенем. Эти геометрические пропорции предлагаются нам в

некотором смысле в качестве введения в понимание жилища святых. Различия, их отделяющие, указаны различиями, отделяющими помянутые числа. Числа эти, по этому способу расположенные, разлагаются или на 6 частей: 200 есть произведение 6-ти на 50; или на десять частей: 300 также есть произведение 10 на 30; или же на две неравные части: 50 есть сумма 20-ти и 30-ти. – Некоторые в 300 локтях предпочитают видеть символ креста Господня ⁸⁰²; 50-тью же локтями, по их взгляду, означены надежда и отпущение грехов, дарованные нам в Пятидесятницу. Тридцатью локтями означена проповедь Евангелия, ибо Господь начал оное проповедовать на 30-м году жизни. По мнению же других преимущество этого символа опять-таки принадлежит числу 12, ибо таково было число Апостолов. Здание, – добавляют, – заканчивалось углом, чтобы показать, что совершенства праведника, восходя со ступени на ступень, достигают единства веры (Еф. 4:13). Стол, стоявший в храме, имел 6 локтей, а четыре ножки его по полтора локтя каждая (Исх. 25:23) Соединением этих 12-ти локтей означены были 12 месяцев, совершающих свой оборот в течение года, за какое время и земля благодаря четырем различным временам года, производит и доводит до зрелости зародыши всех своих произведений. Стол, по моему мнению, служил образом земли, которая опирается также на четыре ноги: на лето, осень, весну и зиму; на сих то четырех ногах и год ходит. Свящ. Писание говорит, что у стола край был волнистый. Может быть это для обозначения было сделано, что все катится, уносимое движением времени; или может быть, это было образом земли, которая со всех сторон действительно окружена волнами океана.

Чтобы убедиться в пользе музыки, сошлемся на свидетельство Давида, певца Божественного и вдохновенного пророка, воспевавшего хвалу Богу в гимнах мерных. Характеристической особенностью дорической музыки состоит гармония, фригийской – диатониум, т. е., по словам Аристоксена, простота и легкость. А так как звуки варварского инструмента псалтири, коими выражается преобладающим образом мелодия серьезная и величавая, суть древнейшие из

всех, то без сомнения они-то навели Терпандра на путь дорического способа музыки и внушили ему следующий гимн Зевсу, начинающийся так:

Зевс, начало и глава всех вещей,

Тебе я посвящаю начало сих моих гимнов.

Арфа употреблена псалмопевцем аллегорически, чтобы с одной стороны назвать Господа, а с другой верующих. Души людские как бы струны под руководством Господа ими бывают возбуждаемы. Служа образом избранных ⁸⁰³, действующих по внушению Логоса, арфа может собою означать еще восхваляющих Бога, просвещенных познанием и под влиянием Логоса заставляющих звучать струны веры своей. В гармонических музыкальных сочетаниях вы откроете также и ту гармонию, седалищем которой состоит церковь; я говорю о гармонии, которая царит в законе, пророках, апостолах и евангелии и объединяет их в одно целое. В качестве последнего символа вы найдете в сей гармонии чудное единогласие пророчеств, ибо вдохновение переходит с одного пророка на другого. Внесшие же свое имя в число воинов Христовых уподобляются по большей части спутникам Одиссея (Одис. 12:155), ибо они к подножию учения Христова приносят только грубые идеи. Взгляните на них! Не от сирен они убегают, но избегают меры и мелодии, упорно от нее затыкая себе уши. Если бы они раз открыли их для учений хотя эллинских, то – они отлично знают это – не могли бы вернуться назад. Но катехет, собирающий все, что может быть полезно оглашенным, особенно из Эллинов, – ибо Господу принадлежит земля и все живущее на ней (1Кор. 10:26), – не должен подобно какому-то неразумному животному сторониться от изучения науки. Напротив он должен укреплять своих слушателей всеми средствами, какими только располагает. Впрочем на этих учениях он остановится только на некоторое определенное время, какое необходимо для извлечения из них всего полезного. Затем, обогатившись этими свидетельствами, он может вернуться и к домашнему очагу, т. е. к мудрости истинной, сему несокрушимому оплоту, за коим душа уже в безопасности. Значит изучать музыку следует; она украшает

собой и смягчает характер. Поэтому-то во время христианских трапез мы взаимно и возбуждаем себя к пению, передавая из рук в руки пиршественную чашу ⁸⁰⁴, погашая таким образом чрез влияние музыки пожелания и в то же самое время восхваляя Бога за изобилие даров, коими Он наделяет нас и за пищу, непрестанно Им доставляемую нам для поддержания двоякой в нас жизни: телесной и душевной. Но прочь от нас музыка расслабляющая, возбуждающая в душе разнообразные ощущения: то грустные и склоняющие к задумчивости, то непристойные и чувственность возбуждающие, то неистовые и сумасбродные!

И астрономия приносит нам свою пользу. С одной стороны знакомя нас с небесными явлениями, излагая учение о форме земли, о вселенной, об обращении неба, о движении светил, она возносит разум наш к подножию Творческой силы; с другой стороны она учит нас без труда различать возврат времен года, перемены в температуре, восход и закат светил. Она также в высшей степени полезна при мореплавании и земледелии, подобно тому как архитектура пользуется геометрией для сооружения своих памятников и зданий.

Эта последняя наука чрезвычайно обостряет душевные способности. Она делает душу наиболее восприимчивою к пониманию; наиболее способною различать истину, опровергать ложь и открывать соотношения между омологией и аналогией. Благодаря именно архитектуре мы уловляем сходство и различие; благодаря именно ее помощи мы можем находить длину без ширины, – поверхность, не имеющую глубины, – точку не подлежащую делимости и не имеющую протяженности; наконец это она от предметов чувственных нас возвышает к вещам, лишь умом постигаемым.

Итак, все остальные науки помогают мудрости; сама же философия состоит помощницей в отыскании истины. Вспомните в этот плащ. Сначала он был не иным чем как шерстью; затем шерсть была разбита рукою шерстобита и чесальщика; далее из нее образован уток, потом основа, а за тем уже и материя. Прежде чем достигнуть совершенства, душе также надлежит пройти чрез

предуготовительные упражнения и претерпеть несколько испытаний. Потому что истина слагается из двух элементов: из познания и из дел; дела же проистекают из созерцания и требуют усилий, настойчивой борьбы и большой опытности. Кроме того созерцанием постигаются два предмета: ближний и мы сами; отсюда следует заключение о необходимости учености, приспособленной к двоякой сей цели. Тому, кто достаточно знаком с науками предуготовительными, ведущими к познанию, можно оставаться покойным, согласуя свои дела как с нормой с правилами, открываемыми созерцанием. Имеете ли вы намерение поучать ваших братьев писаниями ⁸⁰⁵ или же вы работаете над их научением чрез устное преподавание: светские науки в обоих этих случаях вам будут полезны, а знание свящ. Писания необходимо для заимствования из него доказательств, особенно если ваши ученики происходят из школ эллинских. Псалмопевец в таких чертах изображает церковь: Предстала Царица одесную Тебе в ризах позлащенных одеяна преиспещренна (Пс. 44:10). И в другом месте: Рясны (бахрамой) златыми одеяна (окаймлена) и преиспещренна (ст. 14). Что иное могло быть означено этим как не то, что церковь полна чад, доставляемых Элладой и иными странами? Только при посредстве Господнем познается истина. Какой человек, о Боже мой, может проникнуть в намерения Твои, если Ты сам не одарить его мудростью, если с высоты небесной не пошлешь ему Пресвятого Твоего Духа? Таким образом пути человеческие выпрямляются; уставы Твои возвещаются земле и народы ставятся мудростью Твоею на путь спасительный (Прем. 7:17–18). Чрез изучение священных книг гностик действительно познает древнее, рассчитывает будущее, различает тонкость речей, проникает в смысл загадочных слов, предвидит знамения, чудеса и ход событий, как мы уже сказали о сем выше ⁸⁰⁶. Мудрость, как видите, есть источник, из которого проистекают все науки.

Но некоторые из верных восклицают: «На что же знать-то например, почему и как солнце равно как и другие светила совершают свои движения? Какое дело нам до геометрических теорем, диалектических доказательств и умозрений, входящих в

другие науки? Из них ведь не научишься исполнению обязанностей! Что такое вся эллинская мудрость, как не дочь разума человеческого, неспособная научить нас истине»?

Отвечаю: «Первое всего вы тут впадаете в заблуждение касательно одного важного пункта, а именно относительно доброго решения свободной воли. Те, которые свято сохраняют святое, говорит Премудрость, будут оправданы, а кто сему научится, тот сумеет отвечать (Прем. 6:10). И действительно так. Совершенно естественно, что только один гностик может свято исполнять свой долг. В школе Господней он дознал, что следует делать, хотя учение это и сообщено ему устами человеческими. Вслушаемся далее в священные изречения. Мы все в деснице Его, т. е. подлежим действию Его всемогущества и премудрости; и слова наши, и всякое разумение, и искусство дел (Прем. 7:16). Ибо Бог никого так не любит, как живущего премудростью (Прем. 7:28). Возражатели те кроме того своим возражением лишь то доказывают, что не читали говоримого на сей счет Соломоном. Вот что пишет он о корабле: Искусством мастера он выстроен; управляет же им Провидение Твое, Господи (Прем. 14:2–3). Итак, я спрашиваю возражателей: «Не дико ли философию ставить ниже искусства плотничьего или кораблестроительного»?

Слыша, что двумя рыбами и пятью ячменными хлебами Господь в виду Тивериадского озера насытил сидевшую на траве толпу (Ин. 6:11), я думаю, что Он указывал этим на ветхозаветное учение, равно подготовлявшее к принятию христианства как Эллинов так и Евреев. Как под влиянием летнего тепла ячмень развивается и спеет раньше пшеницы: подобно этому и посредствовавшаяся законом духовная пища предшествовала вкушению от Божественной пшеницы. Эллинская же мудрость, родившаяся и возвращенная при водах язычества, была изображена рыбами, которые будучи разделены между толпою, еще сидевшею на земле, напители ее досыта; но от рыб сих не осталось ни куска, как остались крошки от хлеба ⁸⁰⁷. Но так как это множество народа было благословлено Господом, то чрез Божественное дуновение ему была сообщена свыше сила «Логосова, Дух Святой,

способность к пробуждению в себе высших добродетелей; опущено зерно бессмертия, а чрез оное силою Всесвятого Духа и воскресение в будущем из мертвых. Быть может вам любопытно получить и другие разъяснения? Одной из рыб могли быть обозначены науки, входящие в курс обучения юношества; другой – философия, служащая ступенью к истине; собранные же куски хлеба будут означать учение самого Господа, собранное из слов Его.

И немые рыбы бросились толпою.

говорит в одном месте трагическая муза. Мне следует молиться, говорит пророк Иоанн, расти же одному Логосу Господню, состоящему целью закона (Ин. 3:30). Услыште и поймите тайну истины и покройте прощением, если в рассмотрении ее я побоюсь идти далее и ограничусь провозглашением лишь такого свидетельства: Все чрез Него произошло и без Него не произошло ничего (Ин. 1:3). Вот почему Апостол называет Его краеугольным камнем. Здание, на Нем основанное, добавляет он, возвышается и возрастает в святой храм Господень (Еф. 2:20–21). Оставим доколе в стороне евангельскую притчу, где говорится: Подобно царство небесное человеку, забросившему свои сети в море, а потом из множества им пойманных рыб выбирающему лучших (Мф. 13:47–48). Но уже и книга Премудрости, находящаяся в руках наших, в выражениях весьма ясных объявляет, что есть четыре главных добродетели ⁸⁰⁸, начал коих нужно искать у Евреев откуда они уже достигли и Эллинов. А впрочем вот и самые слова ее текста: Кто любит праведность, труды того сказываются добродетелями, ибо умеренность и благоразумие учат праведности и мужеству, полезнее коих ничего нет в жизни человека (Прем. 7:8). Какой же вывод сделать из всего предшествующего? Людям свойственна добродетель отнюдь не в силу преимущества рождения: все мы равно приносим с собой на свет расположение к добродетели и способны приобретать ее ⁸⁰⁹.

12. Совершенство достижимо всеми людьми без различия; однако же сей цели действительно достигает только мудрец.

Итак, к добродетели способны одинаково все люди. Отсюда сама собою открывается неосновательность возражения, с коим обращается к нам ересь: «Адам был сотворен совершенным или несовершенным? Если несовершенным, то как же творение совершенного Бога было несовершенным? И особенно как это таким несовершенным делом оказался человек, (высшее из творений)? Если же скажут, что человек создан совершенным, то как же это он нарушил заповеди»? На это мы отвечаем еретикам: Прирождена была Адаму лишь потенциальная способность быть совершенным, а не самая добродетель; ибо иное дело обладание добродетелью и иное дело возможность ее приобретать. Божия же воля была такова, чтобы мы лично состояли деятелями своего спасения. Душе нашей по самой ее природе свойственно стремление вперед. Далее, так как мы одарены разумом, а философия именно на оный-то и опирается, то с ней уже по самой природе своей мы значит состоим в отношениях некоторым образом родственных. Но не будем обманываться: способность к добродетели есть только склонность, стремление к ней, а не самая добродетель. Все люди, повторяю, рождаются с расположением к добродетели; но способностью ею проникаться, но воспитанными в ней, на деле ею облеченными люди оказываются в очень различной степени. Отсюда некоторые достигают совершенства в добродетели, другие же только некоторых ступеней ее. Одни уже от природы рождаются со способностями наиболее счастливыми: но так как сами по себе они небрежны, то беззаботность их увлекает на пути ложные. Тем более познание, превосходящее все другие навыки сравнительными величием и истинностью, завоевывать трудно и дело это требует работ долгих и суровых. Но они, как оказывается, не познали тайн Божиих; не знали они, что Бог создал человека на бессмертие и что Он сотворил его по образу собственного

существа своего (Прем. 5:22–23). При посредстве этого-то уподобления Всеведущему, верный (гностик), располагая познанием, будучи облечен праведностью и святостью, стремится согласно с указаниями разума достигать возраста человека совершенного (Еф. 4:13). Действия мысли, речи, в истинном гностике все чисто, как подтверждается это и следующим изречением псалмопевца: Ты испытал сердце мое, говорит он, и посетил меня ночью. Ты заставлял меня пройти чрез огонь скорбей, и неправедности во мне не нашел. Да не заняты будут уста мои истолкованием дел людских (Пс. 15:3–4). Но что я говорю: дел людских? Гностик знает самый грех, но не на пути раскаяния, как свойственно это простым христианам; но он знаком с самою сущностью греха и осуждает не тот или

иной грех, а грех вообще. Что за грех соделан тем или другим лицом, этого он не знает: но ему-то хорошо известно, что совершать его не следовало. Итак, есть значит два вида раскаянья: обыкновенное, происходящее вследствие греха, и другое более возвышенное, когда человек, раз узнавши сущность греха, отказывается от него; откуда с естественностью следует, что он более и не грешит.

Пусть не говорят мне, что человек запятнанный неправдами и грехами, грешит под влиянием демона. При подобном рассуждении он не был бы виновным. Но грешник, чрез нарушение закона выбирая то, что выбрали и демоны, неустойчивый и суетный как они, сам превращается некоторым образом в демона. Итак, человек злой, делаясь по естественной своей злости грешником, сам себя делает порочным чрез обладание тем, что выбрал свободно. По причине внутренней его склонности ко греху, этот из души переходит в действия; тогда как добрый человек всегда и действует честно.

Это-то и заставляет нас считать благом не только дела добрые, но и просто честные. Мы различаем два рода благ. Одни желательны сами по себе; таково например познание. Действительно, как скоро раз мы овладели им, то чего еще просить нам кроме как того разве, чтобы владеть им навсегда? Не его ли следует поставлять целью всех усилий; не ею ли они должны быть движимы; так что наконец созерцание не

постоянным ли должно стать нашим состоянием? Другие же из благ нас располагают к себе последствиями, какие они влекут за собой. Такова например вера, спасающая нас от мук и обещающая нам воздаяние. Страх действительно есть узда, многих из людей удерживающая от греха уже на склоне к нему; а обетованием порождается послушание, ведущее ко спасению. Итак, познание есть совершеннейшее из благ, потому что оно из-за самого его желательно: а следовательно и дела, по познанию совершаемые, суть совершеннейшие. Наказание, налагаемое на грешника, его улучшает и исправляет; для остальных же людей, более дальнзорких, наказание служит примером, который как бы так, взывает к ним: «Остерегайтесь впадать в те же грехи».

Будем же трудиться над приобретением познания, водясь в приобретении оно не надеждою на доставляемые им блага, а с единственною целью владеть им из-за него самого. Первым из его плодов оказывается познание гностика, откуда возникают для него наслаждения самые чистые, восторги в настоящем, равно как и в будущем. А восторг определяют так, что это есть радость, происшедшая из размышления об истинной добродетели, от увлечения которой душа расцветает и расширяется. Дела, в коих участвует познание, суть деяния добрые и прекрасные, ибо истинное богатство состоит в обилии добродетельных действий; ровно как и истинная бедность состоит в скудости честных желаний, ибо употребление вещей необходимых и ими пользование, невинное по свойству своему, начинает вредить только количеством, когда переходить меру. Вот почему гностик, со всей внимательностью ограничивающий свои желания касательно обладания и употребления, никогда не заходит за границы необходимого. Считая жизнь сию необходимой для умножения своих познаний и для достижения высоты познания, он придает важнейшее значение «не жизни вообще, а жизни добродетельной» ⁸¹⁰. Ни своих детей, ни супруги, ни родителей он не ставит выше любви к Богу, а также и праведности сей жизни. После того как жена его даст ему детей, она в глазах его становится не более как сестрой ⁸¹¹, происшедшей от одного с ним Отца; но сама она вспоминает о

муже только при виде своих детей. Потому что она и в самом деле будет некогда его сестрою, когда сбросит с себя телесную эту оболочку, еще различающую их по полу и препятствующую им слиться во едино в познании, которое свойственно людям духовным. Души, рассматриваемые сами в себе, все походят друг на друга: они не принадлежат ни к мужескому полу ни к женскому (Гал. 3:28; Лк. 20:35); потому-то они ни женятся, ни замуж не выходят. Позвольте мне спросить вас: Женщина, не отличающаяся ничем свойственным ее полу, спокойно – решительная и подобно мужу усовершенствовавшаяся во благе, разве не превращается в мужчину? Таков был смех Сарры, когда ей было возвещено об имеющем последовать от нее рождении сына. Не потому, как я полагаю, засмеялась она, что находила невероятным обещание Ангела, а потому, что стыдилась новых супружеских отношений, кои должны были ее сделать матерью сына. А позже ⁸¹², когда Авраам призван был ⁸¹³ пред египетского фараона для оправдания своего образа действий по отношению к Саре, красота которой обратила на себя внимание фараона, то разве Авраам не называет ее сестрою, рожденною хотя и не от той же матери, за то от того же отца (Быт. 20:12)?

Раскаивающимся во грехах и не имевшим твердой веры Бог дарует просимое по молитвам к Нему; для тех же, кои живут законосообразно и по внушениям своего познания, достаточно одного желания, исполняемого тотчас же по его образованию. Взгляните на Анну (1 Царств 1:13). Она желает сына; и тотчас даруется ей зачатие Самуила. «Проси, говорить Писание; и Я сделаю; лишь пожелай в уме твоём, и Я исполню» ⁸¹⁴. Наши предания и в самом деле говорят нам, что Бог ведаёт глубины сердец (Деян. 1:24; 15:8). Но Он не нуждается, подобно людям, в некоем душевном движении, чтобы постигнуть тайны кого-либо из нас; – ни в событии каком-либо, которое раскрыло бы их Ему; смешно даже и думать так. Когда Бог, создав свет, созерцает его, и потом говорит, что он хорош (Быт. 1:3–4), то нисколько Он не уподобляется архитектору, одобряющему оконченное здание. И прежде чем произвести свет из ничего, Бог знал уже, чем станет свет и уже одобрил в своей мысли то, что по сотворению оказалось добрым, так что всемогуществом

Божиим, в предвечности совета Его, было сотворено благо, которое впоследствии было осуществлено в качестве будущего блага. Таким-то образом, скрывая истину под фигуру, которая называется гиперболой, Он по предведению хвалит будущее благо. Итак, истинный гностик молится даже мысленно, во всякое время дня, ибо любовь связывает его с Богом союзом теснейшим. Просит же он прежде всего отпущения грехов: просит далее, чтоб не грешить; в-третьих делать добро; и наконец разуметь Божии дела в творении вместе с законами, кои сим управляют, дабы с сердцем, очищенным чрез познание (Мф. 5:8), исходящее от Сына Божия, быть ему допущенным до созерцания лицом к лицу столь осчастливливающего нас зрелища (1Кор. 13:12) за то, что соблюдал заповедь Писания: «Хорош пост, если он соединен с молитвою». А поститься, это не иное что значит, как воздерживаться от всякого вообще зла, будет ли оно состоять в деле, в слове или даже в мысли. Итак, праведность есть целое во всей его полноте ⁸¹⁵; все части его, сходные между собою, точно одна другой, соответствуют. Слова, действия, воздержание от зла, добрые дела, совершенное познание, ничто из этого у мудреца истинного не хромлет; ничего в нем нет, что собою оскорбляло бы равенство и прямоту. Итак, поколику кто праведен, потолику по необходимости он и верен; но если кто-либо верен, отсюда еще не следует, что он и праведен. Я говорю здесь о праведности прогрессивной и совершенной, по коей имя гностика отождествляется с именем праведника. Таким-то образом вера Авраама была ему вменена во праведность (Быт. 15:6; Рим. 4:3), ибо он возвысился до неких вещей более великих и совершенных, чем вера. Не сделаешься праведным единственно чрез воздержание от дурных дел. Следует для сего еще добро творить и знать, почему необходимо не позволять себе того-то и того-то и почему необходимо делать то-то. Праведник, по словам Апостола, приобретает высшее наследие оружием праведности как в правой руке так и в левой (2Кор. 6:7). Одним он защищается, другим нападает, ибо одного оружия оборонительного и воздержания от греха недостаточно

для совершенства, если не присоединить к ним цель праведности и доброй деятельности. Только тогда, защищенный со всех сторон и достигнув высоты познания, праведник открывается весь и лице души его сияет тою же славою, как и лице Моисея (Исх. 34:35), – свойство, как мы сказали ранее, характеризующее душу праведника. Подобно тому как краски красильщика, будучи впитываемы шерстью, действуют на нее некоторыми образом навсегда и отличают ее от другого рода шерстей: точно так следы нравственной над собой работы исчезают из души быстро, чтоб оставить там место только добру и добродетели. С другой стороны удовольствие, коим сопровождается деяние постыдное, проходит; позор же и бесчестие впитываются⁸¹⁶. Таковы видимые признаки, присоединяющиеся к той или иной душе, составляющие печать прославления для души праведника и осуждения для души злого. В этом не следует сомневаться. Жизнь Моисея, посвященная праведности и великая близость с Богом, который говорил с ним лицом к лицу, отразились на лице его блеском и сиянием, почивши на нем в форме некоторого рода ореола. Точно так же вследствие созерцания, вследствие занятия пророчествами и добрыми делами благодать утверждается в душе праведника некоей Божественной силой и отражается на лице его неким сиянием, которое поражает вас своим велением и красотой: это отблески Логоса (вечного разума). Как свет солнечный приносит с собой не только свет, но и теплоту, так и сей свет неразрывно соединен в душе с любовью, которая нисходит в нее от Бога и привносит в гностика нечто Божественное. Итак, истинный гностик уподобляется Богу Спасителю. Он в меру, дозволяемую человеческой слабостью, возвышается до совершенства Отца, сущего на небесах (Мф. 5:48). Этот-то Бог милосердия сказал: Чада мои, еще немного времени с вами Я (Ин. 13:33). Благодать, свойственная Богу по природе, не в таком смысле состоит причиной вечного Его блаженства и бессмертия, якобы Он не заботится ни о каком деле и не причиняет никому затруднения, делая добро в качестве какого-то раба для Себя только, нет⁸¹⁷. Будучи благодетельным по самому существу своей природы, как

истинный Бог, нежный Отец, Он беспрестанно занят деланием добра, – вот причины, по коим Он пребывает в одном и том же состоянии и благодати и никогда от нее не отступает. К чему послужила бы доброта праздная, не обнаруживающаяся ни в каких делах благих? Кто опытов благодати не обнаруживает и благотворением не занят, тот благодатью и не преисполнен и не по побуждениям ее действует.

13. Мудрецы истинные на небе будут удостоены высших степеней славы, кои в церкви земной соответствуют степенями епископа, пресвитера и диакона.

Кто по обуздании своих страстей потом начинает проводить жизнь бесстрастную, затем мало по малу возвышается до преданности добру, представляющей собою то совершенство, до коего мудрец бывает доводим познанием, тот уже здесь на земле становится ангелоподобным. Одетый в свет и совершенными делами своей благодати блистающий подобно солнцу, он чрез познание, утверждающееся на праведности и любви к Богу, восходит по примеру Апостолов в жилище святое. Апостолы были облечены апостольством не в силу каких-либо преимуществ своей природы, коими они превосходили других; и не по праву предопределения ⁸¹⁸, ибо был выбран подобно им и Иуда. Но они заслужили апостольство в очах Того, кто заранее знает конец всех вещей. Посему и Матвей, не быв избран в одно с прочими время, заместил Иуду впоследствии, ибо оказался достойным сего поручения. Почему еще и в наши дни тем, кто верно исполняет заповеди и проводит дни своей жизни в совершенстве и познании, согласно с Евангелием, дозвоительно вступать в избранное общество Апостолов ⁸¹⁹. Делается истинным пресвитером, делается диаконом во всей строгости смысла сего слова, т. е. делается служителем воли Божией тот, кто сам исполняет волю Господню и других учит тому же. Поставление от людей, посвящение, пресвитерство само в себе еще не составляет праведности. За пресвитера можешь считаться только тогда, когда будешь праведен. И хотя бы здесь на земле такой простой священник и не занимал почетного сиденья, он возсядет на одном из двадцати четырех престолов и будет судить народы, как говорит Иоанн в Апокалипсисе (Апок. 4:4; 11:16; Мф. 19:28; Лк, 22:30). Ибо спасительный завет, чрез поколения и века дошедший до нас от начала мира, один и тот же, хотя видом и применением и различается. Отсюда следует,

что дар спасения один и неизменен и что исходит он от одного и того же Бога чрез посредство единого Господа, хотя и обнаружился он различными способами (Евр. 1:1). Так падает средостение (Еф. 2:14–16; 4:18), разделявшее Эллина от Еврея и делавшее из последних народ, пользовавшийся некоторыми преимуществами. Таким образом оба народа соединяются в одной вере и сливаются в один народ избранных. Избраннейшими же, говорит Иоанн, суть те, которые возвысились до совершенного познания и которые самой церковью признаны за цвет ее, отделены и почтены высшею славой. Состоя судьями и правителями, – безразлично, избранными из Эллинов или из Евреев, – они сидят в числе двадцати четырех, ибо благодеяние милости было удвоено⁸²⁰. Иерархия церкви земной с ее епископством, священством и диаконством конечно есть только прообраз славы ангельской и домостроительства того, различным степени в коем назначены, по обетованию свящ. Писания, тем, которые, идя по стопам св. Апостолов живут в совершенстве и праведности, согласно с Евангелием. Апостол по вознесении на облака (1Сол. 4:17) видит их पहले всего облеченными диаконством (Апок. 4:4; 11:16); затем возвышенными на новую ступень небесной славы, допущенными уже к пресвитерству. ибо слава от славы разнится (1Кор. 15:41), доколе они не достигнут наконец высшего совершенства (Еф. 4:13).

14. Занятым исканием истины и добродетелью на небе уготовано жилище, соответственное заслугам каждого.

Верные, уже здесь на земле достигшие состояния блаженного, по словам Давида, упокоены будут на святой горе Божией (Пс. 15:1), т. е. в небесной церкви, где соберутся все любящие Бога и заповеданное ими добро. Это истинные Израильтяне (Ин. 1:47). сердцем чистые (Мф. 5:8), в которых нет лукавства (Ин. 1:47). Это те, которые, вместо пребывания в покое седьмого дня ⁸²¹, чрез преданность добродетели уподобляясь Богу, достигли того восьмочисленного наследия, которое обетовано добродетели, т. е. они достигли скинии, где умозрительно, без покрывала наслаждаются божественным зрелищем, созерцанием коего насытиться невозможно. И другие есть у Меня овцы, говорит Господь, который не сего двора (не этой паствы) (Ин. 10:16), чем означает, что в меру веры их они признаны были достойными перевода в иной двор, или иное местопребывание. Овцы Мои слышат голос Мой Деян. 10:28), т. е. понимают сокровенный смысл Моих заповедей. Но это значит, что они постигают возвышенный их смысл и связь, существующую между делами и воздаянием за оные по достоинству и заслугам. Слыша слова Евангелия: Вера твоя спасла тебя (Мк. 5:34 и инде), мы не так должны понимать оные, будто все спасутся, все равно как бы они ни верили, хотя бы дел не присоединяли к своей вере. Нет, мы знаем, что к вере и дела следует присоединить. С этими словом Спаситель обращался только к Евреям, имевшим закон, ведущим жизнь безупречную, имевшим все кроме веры в Господа. Жизнью невоздержной вера исключается. Посему для введения в предназначенное каждому из верных блаженное вечное жилище не плоти только должно совлечься; но необходимо для сего верному очиститься и от всей грязи обременяющих его пороков и страстей ⁸²². Но познавать больше значит чем веровать, подобно тому как удостоиться высших почестей, предназначенных праведниками, это более значит, чем просто

спастись ⁸²³. Когда же верный наш достигнет того, что путем долгого упражнения сбросит с себя душевные немощи, он переходит в жилище более его осчастливливающее чем то, в коем он дотоле обитал, горюя и искупая раскаянием грехи, совершенные после крещения. Он терзается посему еще более, частью видя, что не достиг высшей степени славы, к коей стремились и коей другие уже достигли; частью же то сознавая, что никогда ее он и не в состоянии будет достигнуть. Кроме того стыдом и позором покрывают его и грехи его; а это для верного высшее наказание. Так Божие правосудие хотя и милосердо, но и милосердие Его полно правосудия. Потому что хотя очистительные наказания тому и другому за его прегрешения и прекратятся, все-таки верные, признанные достойными вселения в обитель лишь низшей славы, будут отдаваться неутешному горю, что не могут участвовать в блеске своих собратьев, которых за праведность их жизни Бог возвеличил высшею славою ⁸²⁴.

Соломон, под именем мудреца изображая истинного гностика, пишет следующее о созерцающих с удивлением ведшие, коим облакает Спаситель христианина совершенного: Они увидят кончину мудреца и не поймут, что Господь определил о нем и к чему его предназначил (Прем. 4:17). Но по прославлении его они скажут: Вот тот самый, который был у нас никогда в посмеянии и служил предметом наших поруганий. Какими безумцами тогда мы были! Мы считали жизнь его сумасшествием, а его кончину позорной. Как же причислен он к сынам Божиим и каким образом его удел между святыми (Прем. 5:3–5)? И так не только верный, но и язычник по всей строгости правосудия будут подлежать осуждению. Бог в своем вечном предведении зная, что язычники не уверуют в Него, тем не менее, чтоб возвысить их до совершенства, к какому только они способны были, даровал им философию, но только в качестве предуготовительной ступени к вере. Он попустил им обоготворить сотворенный на общую пользу солнце, луну и звезды из опасения, как говорит закон (Втор. 4:19) ⁸²⁵, чтобы, живя без Бога и в полном нечестии, они не погибли окончательно. Но народы эти оказались неблагодарными. Не

послушавшись Божественной заповеди, они стали поклоняться скульптурным изображениям Божества. Если они не очистят себя одинаковым с нами покаянием, то понесут наказание, одни за то, что не хотели уверовать в Бога, имея к тому полную возможность; другие потому, что при всем стремлении быть верными они ничего не сделали для осуществления этого своего стремления; а также и за то, что от обожания светил не возвысились до почитания Творца их. Потому что Бог поставил над главами их звезды в качестве пути, который ведет к Нему. Они же не остановились на светилах, Им дарованных для этой цели, а спустились с небес и стали преклоняться пред камнем и деревом, уподобившись с сих пор соломе, ветром разносимой, как говорит Писание, капли воды, падающей из ведра (Ис. 40:15). Так они оказались вне спасаемых и отделенными от тела о стального человечества.

Работать над своим спасением есть дело еще сомнительного достоинства ⁸²⁶, если не присоединяется к сей работе разум; оно представляет из себя дело всецело доброе лишь тогда, когда исполняется во всем совершенстве обязанности. Потому что все дела гностика отмечены печатью совершенства. Дела же обыкновенного верного имеют достоинство лишь среднее, потому что они не возглавлены разумом и не управляемы знанием. Все дела язычника напротив суть не иное что как грехи. Писание и действительно не просто и без всяких околичностей говорит нам: «Творите добро», нет; сверх того оно заповедует нам направлять все наши действия к одной цели и принципом их ставить разум. Руки неумелые не должны и прикасаться к лире или флейте, не только что играть на них. Точно так же не имеющие познаний и не знающие, как следует пользоваться теми или иными вещами в жизни, не должны и прикасаться к ним во все время жизни на этой земле. Не только на полях бранных воины борются за свободу. Кто помазан Логосом, тот при мысли о возможности быть увлеченным в неволю от чувственного какого-либо удовольствия, краснея от благородного стыда, дает битвы и на ложе сна и во время принятая пищи и пред лицом судей. «Никогда я не отрекусь от добродетели ради

неправедного прибытка». Что это за неправедный прибыток? Очевидно чувственное удовольствие и смущение, из-за них труды и беспокойства; одним словом различные страсти, терзающие нашу душу, приятные в настоящем, но нас огорчающие до чрезмерности мгновение спустя. К чему послужило бы вам действительно, если бы кто и целый мир приобрел, говорит Господь, а своей душе повредил (Мф. 16:26: Мк. 8:36; Лк. 9:25)?

Очевидно таким образом, что люди незанятые добрыми делами, не понимают своей собственной пользы. А если это так, то они даже и неспособны надлежащим образом просить у Бога того, что благо, ибо они и не ведают истинных благ. А если бы они даже и получили от Бога те блага, то не почувствовали бы великости дара и не в состоянии были бы достойным образом воспользоваться тем, чего значения не постигают; по невежеству они не в силах были бы как должно и правильно применить к делу те Божии дары. Итак, недостаточное познание есть причина невежества. И по моему мнению, уму скромному или по крайней мере совести доброй при неудаче свойственно восклицать: «Пусть случится все то, что может случиться; на моей стороне правда. За меня будет бороться правосудие и меня никогда не застанут ни на каком проступке, ибо я занят делами добрыми» ⁸²⁷. Этой-то чистотой совести по отношению к Богу поддерживается в душе святость, а в отношениях к людям справедливость; охраняется тогда эта чистота душевная размышлениями о вещах важных, словами целомудренными и делами добрыми. Проникнута будучи таким образом силою Господней, душа сама становится Божественною ⁸²⁸. Иного зла с сих пор не признает она кроме невежества и действий, не имеющих исходным началом разума. Богу же постоянно всегда и за все воздавая благодарность, как при слушании слов оправдания, так и при чтении Божественных писаний, во время поисков за истиною, во время принесения священной жертвы и во время осчастливливающих ее молитвословий, такая душа изливает себя в словословиях, хвалениях, в благословениях ⁸²⁹, в восторженных песнопениях. Душа, проникнутая подобными расположениями, никогда ни на

мгновение не разлучается от своего Бога. Глубокою мудростью посему отличается изречение: И вверяющиеся Ему постигнут истину и верные будут слушать Его с любовью (Прем. 3:9). Вот что книга Премудрости говорит об истинных гностиках.

Итак, на небе есть различные обители, в которые верные вселяемы бывают соответственно личным своим заслугам. Избраннейший дар, говорит Соломон, будет наградой за веру его и получит он в доме Господнем наиболее блестящее место (Прем. 3:14). Наиболее блестящее....Сравнительной степенью здесь означает, что в храме Божием, которым состоит не иное что как вселенская церковь, есть и низшие обители. И в то же время эта форма грамматическая возносит нашу мысль в наиболее возвышенные области, где царит Божественное величие. Числа 30, 60 и 100, находящиеся в Евангелии (Мф. 13:8), косвенным образом указывают на эти три вида обителей. Совершенное наследие состоит уделом тех, которые по «образу» Господнему достигли совершенства. Относительно же «подобия» ⁸³⁰ нечестием было бы думать, как полагали это некоторые, что оно состоит во внешнем виде человека, нет. Оно не состоит равным образом и в полном проникновении Божественными свойствами ⁸³¹, отличающими Первопричину. Это мнение тоже нечестивое и составляет измышление мечтателей, будто свойства человека и Вседержителя одни и те же. Нечестивец, говорит Господь, ты думал, что Я подобен тебе (Пс. 49:21). Достаточно с ученика, если он походит на своего наставника, говорит Учитель наш (Мф. 25:10). Верный, которого Бог почтил преимуществом усыновления Себе и дружбы с Собой, становится подобным Богу, ибо он сонаследник и Господь богов ⁸³², если только достиг он того совершенства, которое заповедуется Евангелием.

15. Различные ступени познания, собою обуславливающие достижение совершенства. Причины, по коим в свящ. Писании многое излагается прикровенно и таинственно.

Итак, мудрец истинный (гностик) воплощает в своем лице более непосредственным образом (Божественное) подобие, т. е. дух своего Божественного Учителя, как обнаруживался этот в заповедях и советах людям мудрым и разумным. Причиной сего состоит понимание гностиком воли своего Божественного Учителя. Господь наш с кровель повелел нам возвещать то, что сказано Им было лишь ученикам своим и на ухо (Мф. 10:27; Лк. 12:3). Посему-то гностик, вследствие преимущественных своих даров, людям, добивающимся более возвышенной назидательности, и передает учение своего Господа более возвышенным образом. Но первое всего свои слова он подкрепляет авторитетом своих дел, соответственно примеру, данному нам в этом отношении самим Господом нашим. Неисполнимого Он не требует от нас, но заповедал нам только то, осуществление чего возможно. В таких-то собственно делах и сказывается наше царственное достоинство⁸³³; в этом-то именно и должно состоять христианство наше, господственное наше положение среди других людей. Наше призвание не в господстве состоит лишь над дикими зверьми; подобно стольким диким животным внутри себя самих мы носим страсти, над коими и должны господствовать.

Так знание превосходства жизни добродетельной пред дурной спасает гностика и делает его разумеющим в делах добрых и оными более обилующим, чем сколько в них понимали и сколько их имели книжники и фарисеи (Мф. 5:20). Ополчись, царствуй и торжествуй, пишет Давид, защищая истину, тихость духа твоего и поведения и твою праведность, и Господь, десница твоя, чудным образом управит тобою (Пс. 19:4). Итак, кто мудр и уразумеет сие? Кто разумеет, чтобы познать это Правы пути Господни, говорит пророк (Ос. 14:10), желая нам объяснить чрез это, что один только мудрец истинный способен

понимать и истолковывать истинный смысл, сокровенный смысл слов Духа Святого. И кто уразумеет, будет безмолвствовать в это время, говорит священное слово Писания (Ам. 5:13), т. е. недостойным тайн не откроет. Почему? Имеющие уши слышать да слышат, говорит Господь (Мф. 11:15), выражая сим, что слышать и разуметь (тайны царства Божия) дано не всем. Давид о сем пишет: Он облекся в темную воду в облаках воздушных. От блеска лица Его тучи отверзлись и стали извергать град и огненный уголь (Пс. 17:11–12), чем означает, что изречения свящ. Писания полны таинственности. Для гностика они ясны и удобопонятны; Восприимлются его мыслью как бы зерна безвредного града, посылаемого Божественным милосердием. Для непосвященного же они темны как уголья, впрочем силу в себе скрывающие вновь запалать и своим блеском все осветить, если чьим-либо умением будет пробуждено в них потухшее – было в них пламя. Господь дал мне язык наставления, говорится у пророка, дабы я знал, что кстати будет в известном случае сказать (Ис. 50:4) не только при исповедании (веры) пред судебными властями, но и в обыкновенном совопросении и ответах. И наставление Господне откроет уста мне (Ис. 50:5). Итак, мудрец истинный (гностик) знает, как следует пользоваться словом, когда, пред кем и что следует говорить.

Уже и Апостол словами: По началам науки мирской, а не по Христу (Кол. 2:8) не научает ли нас, что наука Эллинов представляет из себя знание лишь элементарное и первоначальное, учение же Христово – окончательное и совершенное, как уже и ранее мы об этом говорили. Но уже и к дикой маслине прививаема бывает добрая маслина, и дикая принимает участие в существе и соках доброй (Рим. 17). Растет дикая маслина почти одинаково с культивированной. Но прививок от маслины культивированной вместо того, чтобы тянуть соки непосредственно из земли, тянет их посредственно чрез дичок, питавшийся соками земными. (Это обстоятельство однако же еще не дает нам права одни из растения считать какими-то проклятыми). Все растения, какого бы рода: они ни были, произрастают по воле Божией. Вот

почему оливковая ветвь, пусть будет она взята от дерева и дикого, все же может увенчивать собой победителя на Олимпийских играх. Сравнительно с вязом виноградная лоза конечно есть растение благородное. Однако же и вяз, позволявший слабой виноградной лозе ползти по себе вверх, разве не учит ее чрез это самое плодородно? Деревья дикие, как известно, впитывают в себя большее количество земных соков, но они не могут их смягчать чрез переработку. Итак, деревья дикие сравнительно с культивированными менее способны к переработке соков и терпкость вкуса их плодов зависит единственно от недостатка способности смягчать плод и его вкус. Культивированная маслина, привита будучи к дикой, получает поэтому способность чрез нее втягивать в себя большее количество соков. Но вбираемы будучи дичком, те соки под влиянием благородного к нему прививка ассимилируются ему, т. е. тоже облагораживаются. Такой дикой маслиной состоит и языческий философ. В мудрости его содержится много содержательных элементов, но все они в сыром их виде неудобоприемлемы. Мудрец тот жаждет исследований и страстно им отдается; при обычных ему способах деятельности легко постигает истину, впитывая в себя соки ее. И все-таки недостает его мудрости элементов по истине питательных. Только когда по силе его веры вселится в него Божественная благодать, только тогда дикая эта маслина, усилена будучи столь достолюбезным и содержательным познанием, только тогда она, чрез привитие к ней преславного и милосердного Логоса, тотчас же впитываемые ею питательные соки преобразовывает и сама превращается в маслину уже иной природы, обилующую наипрекраснейшим маслом. Это потому, что прививка сделала из него, дерева бесполезного, дерево облагороженное; было оно бесплодным, а прививка превратила его в плодородное. Столь важно искусство земледельческое! Такие чудеса порождает собою знание истинное!

Известно, что есть четыре способа прививки дерев. Но первому способу прививок вводят между древесиной и ее корою. Простолюдины из неверных обращаются ко Христу точно

так же: они при умственной своей неразвитости принимают Логоса лишь на поверхность своей души. По второму способу штамбочку рассекают и культивированный черенок вставляют в разрез. Этот способ прививки имеет отношение к посвятившим себя мудрости. Проникнув в учения их, мы вводим в число оных учение истинное. Этим же способом, т. е. чрез разъяснение смысла древних священных книг, новая и добрая масличная ветвь, учение христианское, было привито к стволу и еврейской маслины. Третий способ прививки применим к людям грубым и еретикам, кои уже внутреннею своею природою влекомы к истине. При этом способе садовник с железом в руке обнажает, однако же не поранивая ее, сердцевину двух веток и соединяет их одну с другой. Четвертый способ есть привитие так называемым глазком. С благородного дерева снимают почку, вырезанную кругообразно, так однако же, чтобы коры около нее было примерно в ширину пальца; потом на инородной штамбочке делается надрез в меру прививаемого глазка, прикладывают его, всю эту часть обматывают повязками, обмазывают глиной, наблюдая однако же ту предосторожность, чтобы глазок оставался во всей своей неприкосновенности, ни мало не измененным. Этот четвертый способ прививки для плодовых деревьев наиполезнейший. От сего приложение можно сделать к гностическому ученью, взор которого также проникает в самую глубину вещей. Конечно и прививка чрез надрез, о коей говорит Апостол (Рим. 11:24), может превратить дичок в добрую маслину, так т. е. что грубая и неверная природа обращающихся ко Христу, назданная во Христе, преобразуется в существо Его самого. Но лучше, если вера привьется к собственному стволу души каждого. Ибо Дух Святый хотя и влияет на части нашего существа, но прививается к нам в меру места, нами уступаемого Ему в своей душе, сам оставаясь при сем неделимым и ничего из своего существа не утрачивая. Соломоном мудрость изображается в таких чертах: Премудрость светла и неувядающа; она легко познается любящими ее. Она даже упреждает желающих познать ее и сама первая является им. Кто из-за нее бодрствует с раннего утра, тот не утомится. Уже думать о ней есть

совершенство разума и бодрствующий из-за нее скоро освободится от забот. Она сама туда и сюда ходит, ища достойных ее, – ибо познание не всех удел (1Кор. 8:7), – и благосклонно, с лицом улыбающимся, является им на путях (Прем. 6:12–14). Пути же этими состоят правила нравственного поведения и великое множество и разнообразие заветов. Соломон продолжает: И она является им во всякого рода мыслях, т.е. они постигают ее, не смотря на разнообразие ее форм, открывают ее во всех родах учений. Присоединяя же к мудрости любовь, ее дополняющую, священный писатель, в своих умозаклучениях и ряде светоносных положений, особенно доказательно излагает ту же истину. Начало мудрости, говорит он, есть искреннейшее желание учения, т. е. познания. А забота об учении есть любовь к нему. Любовь же есть хранение законов ее; а наблюдение их – залог бессмертия, приближающего нас к Богу. Итак, стремление к мудрости возвышает нас до царствования (Прем. 6:15–20). Соломон, полагаю я, тому здесь научает нас, что истинное учение состоит в пламенном стремлении к познанию. А идет вперед учение от любви к познанию; любовь же сия есть не что иное как соблюдение заповедей, ведущих к познанию; соблюдение же заповедей есть верность им, из которой проистекает бессмертие, приближающее нас к Богу. Если то правда, что любовью к познанию порождается бессмертие и что того, кто уже проникнут сознанием царственного своего происхождения и достоинства, она сближает с Богом, Царем всего существующего: то как настоятельна для нас значит обязанность искать познания, искать до тех пор, пока не усвоим его! Исследование есть движение нашей души по направлению к цели, коей достичь нам желательно. Двигаемся же мы к цели при сем, наблюдая некоторые указующие знаки (вехи). Открытием цели исследования полагается предел и оно прекращается; достигнув понимания мы успокаиваемся; понимание же здесь тождественно с познанием. В строгом смысле слова открытием цели и состоит лишь познание, так как оным и состоит постижение предмета исследования. Под указующим же знаком философы разумеют руководительное

предположение, сопутствующее или же само собой подразумеваемое ⁸³⁴.

Исследование, поставляющее своим предметом Бога, доходит до учения, идущего к нам чрез посредство Сына Божия. По каким же признакам можно узнать, что сам Сын Божий есть наш Спаситель? Ищите ответа на сие в пророчествах, возвещавших пришествие Его за много веков до их исполнения. Ищите ответа на сие в свидетельствах доказывающих что Он чувственным образом присутствовал среди нас, (какое присутствие еще и поныне ощутимо нами). Ищите ответа на сие наконец во всемогуществе Его, столь торжественно, начиная со времени вознесения Его на небо, и с такой очевидностью возвещаемом, что кажется руками осязать его можно.

Какое иное еще требуется доказательство в подтверждение того, что в среде нас истина? Сам Сын Божий говорил к нам. В самом деле, если сущность каждого вопроса всегда движется около двух таких вещей, около лица и предмета, то этим лишь подтверждается, что истина и что стоит этого имени живет единственно между нами. Лице, принесшее истину, это – сам Сын Божий. Что это значит? А то, что в среде нас открылась стало быть сама вечная Истина. Предмет откровения, это – сила веры, торжествующая над всякого рода препятствиями и в состоянии оказывающаяся победить даже мир весь, если бы пришлось сражаться ей даже с целым миром. Но так как с одной стороны люди дела и рассудка во все времена соглашались лучше пренебрегать нечестием несчастного, отвергающего Провидение и безбожника или наказанию его подвергать ⁸³⁵, чем опровергать; так, как с другой стороны в лице Христа показано нам, что следует делать и как жить для достижения познания о Вседержителе, а в учении Его, – при каких способах. Богочтения мы можем создавать свое спасение; кроме того так как тому, что угодно Богу Спасителю, научаемся мы не в школе софистов, а из уст Божественных: то мы, христиане, и стараемся ходить путями праведности и святости. Угодно Богу, чтобы мы были спасены, а спасение есть плод добрых дел и познания, в коих и наставляет нас Господь наш. Если справедливо будет сказать с Платоном, что кроме Бога или

потомков от богов никто не может открыть истины, то мы в праве хвастаться, что содержим истину и с благородною гордостью воскликнуть: «Нам сообщена истина чрез посредство Сына Божья. Пророчества, изреченные еще до событий и впоследствии оправданные событиями, вот наши доказательства».

Однако же что способствует открытию истины, то не должно быть отвергаемо. Так когда философия учит, что есть Провидение, что есть загробные воздаяния, что добродетельные будут удостоены жизни блаженной, а порочные подвергнуты наказаниям, то она сжато виде толкует о том же, что составляет содержание и Богословия. Но спросите ее об откровении, снизойдите до подробностей, и она не сумеет на оные ответить вам. Не говорит она ни о Сыне Божиим, ни о Божественном домостроительстве нашего спасения, какие учения у нас излагаются, потому что она вообще не имеет сведений о надлежащем Богочтении. Вот почему ереси, возникающие в недрах варварской философии, напрасно вместе с нами повторяют, что существует один только Бог; напрасно они и Христа прославляют: это речи чисто человеческие, обиняки и лишние слова, коим недостает истинности. Бог, ими проповедуемый есть Бог, ими самоизмышленный. Христос, ими исповедуемый, это – не тот Христос, которого возвещают пророки. Учения их, останутся дотоле превратными, доколе не будут подтверждены истовостью жизни; дотоле они всегда будут против нас. То правда конечно, что Павел из-за Иудеев, уверовавших во Христа, подверг Тимофея обрезанию (Деян. 16:3). Он опасался, как бы отменой обычая, который людьми подзаконными понимаем был еще плоти, не отклонить от христианства новообращенных из иудейства. Но он прекрасно понимал, что обрезание не оправдывает. Его правилом было «делать из себя все для всех»; из снисходительности и на время посему он исполнял и предписания, бывшие еще в силе, чтобы спасти всех (1Кор. 9:19–22). Подобным образом Даниил, находясь при дворе царя Персов, носил на шее золотое ожерелье. Скорбь

народная не сочтена была им за достаточное основание для отложения сего украшения.

Отсюда следует, что нельзя обвинять во лжи того, кто в видах спасения оказывает кому-либо снисхождение или если кто-либо ошибается в каком-либо неважном пункте. Те же действительными состоять лжецами и обманщиками, которые нападая па главнейшие из вероучений, отвергают Господа, насколько это в их власти или по крайней мере искажают истинное учение, объясняя и излагая свящ. Писание несогласно с величием Господа Бога. Между тем как истолкование свящ. Писаний и наблюдение в жизни начал его, согласующееся с Господним учением и проникнутое тем же духом набожности, какой предан нам св. Апостолами, представляет собою возврат Богу залога сего во всей его целости и неприкосновенности. Что сказано вам на ухо, т. е. в смысле особом и таинственном, – ибо когда говорится о сообщении и кому-либо какой-либо тайны, то именно этой аллегорией пользуются, – то возвестите с кровель, говорит свящ. Писание (Мф. 10:27). Да, без сомнения, воспринимать должны мы возвышенный смысл священных изречений, передавая оные во всем их величии, объясняя их согласно с правилами открытия истины. Ни пророки, ни даже сам Господь нам не предлагал Божественных тайн с достаточной ясностью, так чтобы первый встречный мог постигнуть оные. Формой, под коей они были скрываемы, была приточная. Апостолы говорят о Господе, что все Он говорил в притчах и без притчи ничего не говорил им (Мф. 13:34). Но если все произошло чрез Него и без Него не начало быть ничто (Ин. 1:3), то верно и то, что и пророки и закон начало получили от Него и что в притчах именно Он-то говорил чрез них.

Все слова Мои для разумных совершенно ясны, говорит Дух Святый (Притч. 8:9). Под разумными здесь должно разуметь тех, кои, восприняв от церкви истолкование священных Писаний, понимают оные согласно с ее указаниями, а следовательно и в том смысле и значении, какое придавал им сам Господь. Церковное же разумение Писания таково, что закон и пророки по оному находятся между собою в гармоническом согласии, посредствуемом в завете, который

оставлен нам Христом Иисусом во время телесного Его пребывания среди нас. Познание должно отличаться разумностью, а разумность трезвенностью. Можно сказать про разумность даже, что она представляет собою знание Божеству свойственное: поэтому-то она и составляет удел людей, кои представляют собою нечто Божественное⁸³⁶. Трезвенность же, здравый смысл, по самой природе своей составляющий естественную принадлежность человека, есть удел людей преданных мудрости, но оной в жизни еще не достигших. Если добродетель представляет собою свойство некое Божественное, то и познание должно быть таковым же; трезвенность же, сдержанность есть вид неполной разумности, стремящейся стать таковою; дела ее отличаются более бранелюбивой напряженностью, нежели спокойной созерцательностью. Без сомнения это же самое имеет отношение и к праведности. Будучи в своих проявлениях в человеческом мире явлением совершенно естественным, и потому самому достоянием общечеловеческим, она стоит однако же ниже святости, которая есть (уже не человеческая, а) Божия праведность⁸³⁷. Взгляните на человека совершенного. Он не выжидает, доколе принудят его к праведности порядки гражданские или запрещения закона; он стремится к ней сам по побуждениям совершенно добровольным и по любви к Богу. Итак, для свящ. Писателей было очень много побуждений изложить смысл многих своих изречений лишь прикровенно. Первее всего священное Писание желает, чтобы мы отдавались исследованию смысла его добросовестно, чтобы постоянно поддерживали трезвенность ума своего, будучи всегда готовы постигнуть смысл спасительных учений. Далее вовсе и не требовалось, чтобы все люди понимали говоримое свящ. Писателями. Слова Духа Святого, имеющие целью наше спасение, могли бы только искажены быть нечестивцами, если бы эти стали обращаться к ним с иными, т. е. предосудительными целями и расположениями. Вот почему святые тайны пророчеств, назначенные для избранных и для тех, кои верою приводятся к познанию, облечены в притчи, потому что и весь

смысл Писаний – иносказательный. Вот почему и Господь, хотя Он был и не от мира сего, вступал в общение с людьми, как если б он был человеком от мира сего. Он был живым образцом всех добродетелей. Человека вскормленного миром сим, Он возвысил до созерцания вещей невидимых, принципиальных; так Он преобразовывал этот мир в другой. Вот еще причина, заставлявшая Писание прибегать к иносказанию. Эта форма выражения мыслей, не указывающая самого предмета, но только намекающая его легким прикрытием, наталкивает человека мыслящего на смыслы собственные и истинные; или, – как некоторые говорят, – иносказание есть такой способ выражения мысли, при котором в вещах наставления нас говорится о действительности под другим именем.

В самом деле разве не видим мы, что Божественное домостроительство относительно воплощения Господня, предуказанное пророками, для людей истины не ведущих остается простым иносказанием? Что сам Сын Божий, все создающий, принял плоть нашу, что он зачат был во чреве Девы, – ибо благоволил Он облечься в тело чувственное, – что подобно тому как родился Он плотски, плотью же и пострадал и воскрес, это – тайна, которую одни возвещают, а другие коей внимают, – Евреям соблазн, Эллинам же безумие, по выражению Апостола (2Кор. 2:23). Но приподнимите покровы Писания, и оно имеющим уши (Мф. 11:15 и инде) откроет истину. В плотском этом образе, на Себя принятом нашим Спасителем, по плоти пострадавшим, вы легко увидите возвещаемую вам мудрость и силу Божию (2Кор. 1:24). Наконец так как аллегорическая форма выражения мыслей ведет свое начало из глубокой древности, как это было уже показано нами, то и не следует удивляться тому, что мы часто встречаемся с ней у пророков. Дух Святый чрез сие подготавливал тот способ убеждения, который эллинским философам и мудрецам других варварских наций должен был внушить, что имевшее последовать пришествие Господне и его таинственное учение, которое Он имел принести на землю, им оставалось неизвестным. Не напрасно посему пророки, указывая на Господа и опасаясь в глазах некоторых показаться

богохульниками, – ибо предсказания их противоречили общепринятым мнениям, – облакали обозначаемое ими в такие выражения, которые в различных умах должны были пробуждать и различные представления. Сверх того все пророки, предсказывавшие пришествие Христова, а вместе с тем и все тайны, составляющие последствие его, подвергались гонениям и умерли насильственной смертью, как и сам Господь, изъяснивший им Писание. Но и ученики Его, распространявшие в мире слово Его, как только оставил Он эту жизнь, по примеру Его пользовались иносказательными же способом выражения своих мыслей. Вот что напр. Петр говорит в своей «Проповеди» об Апостолах: «Прочетши книги, оставленные нами пророками, где о Христе Иисусе говорится то в притчах, то в выражениях загадочных, то в выражениях бесспорно ясных и точных, мы нашли в них пророчества о пришествии Его, об Его кресте, смерти, о всех страданиях, которыми подвергли Его Евреи, о воскресении Его и вознесении на небо даже до основания нового Иерусалима, как написано (Апок. 21; 2Петр. 3:13). Вот чрез какие скорби Он непременно должен был пройти и вот что должно было воспоследовать после Него. После такого исследования мы стали так веровать в Бога, как говорит о Нем Писание». Потом несколько ниже Петр добавляет, что священные книги суть дело Божественного Провидения. «Мы узнали, говорит он, что по истине по повелению самого Бога они написаны; посему мы ни одного слова не говорим, не опираясь в том на Писание».

Свойственны еврейскому языку наравне с прочими языками и некоторые отличительные особенности. Богат он своеобычными выражениями, отпечатлевающими характер народа. Язык определяют так, что «это де есть способ выражения мыслей, отлитой соответственно характеру народа». Но пророчества ничего не имеют, что походило бы на комбинации свойственные этим наречиям. У Эллинов образные выражения, касавшиеся обыденной жизни, нарочно были облакаемы в форму загадочную, чтобы искуснее подражать в сем нашим пророчествам. Это значит, что как в стихах, так и в прозе у них было произвольно допускаемо отступление от

естественного смысла ибо выражение тропическое есть одно из отвлечений слова от естественного смысла для усвоения ему значения переносного в особенных целях сочинения в видах сообщения различным частями его больших гроциозности и живости. Но пророчества никогда не пользуются образами в видах сообщения своему языку украшенности. Образность их имеет другие основания. Зная, что не все могут вмещать истину, пророчества скрывали ее во множестве разнообразных форм; осиявали они блестящим светом только верных, посвященных в познание и ведомых к истине любовно. Варварской мудрости свойственны различные виды пророчеств: пословица, притча, загадка. Она различает мудрость от наставления; потом различает она правила благоразумия, тонкость языка, – сущую, прямую правду, потом еще умение управлять суждением, хитрость, какую сообщает наука простякам, чувство и разумение, сообщаемые новообращенному оглашением. «Мудрый, слушая пророков сих, сказано, станет мудрее, а человек разумный научится искусству управлять. Он проникнет в притчи и сокровенный смысл их, в речи мудрых и в тайны их (Притч. 1:1–6). Если то правда, что наречиями эллинскими дал свое имя Эллин, по одним сын Зевса, а по другим Девкалиона, то хронология, нами изложенная ранее ⁸³⁸ может служить наилучшим доказательством того, на какое число поколений язык еврейский произошел ранее эллинских диалектов.

По мере того, как мы в этом сочинении будем подвигаться вперед, исследуя разные виды образов, под коими по пророку (Соломону) скрываются свящ. тайны, мы изобразим тщательно и согласно с требованиями истины смысл того образа жизни, которым отличается гностик. Когда Божественная Добродетель (старица) в видении явилась Эрме под образом церкви ⁸³⁹, то Она вручила ему книгу, и желая с нею познакомить избранных поручила Эрме переписать ее. «Я переписал ее, пишет Пастырь, из буквы в букву, не в состоянии будучи открыть, как сочетались слоги» ⁸⁴⁰. Это видение означало собой, что свящ. Писание, если иметь дело лишь с буквой его ясно всеми; вера при сем сочетает букву с буквой (Евр. 5:12). Вот почему фраза «читать буквально» имеет смысл

аллегорический, (т. е. мало понимать). Гностическое же понимание Писания, благодаря прогрессу, к которому способна вера, походит на чтение по слогам. Так в другом месте Писания повествуется, что пророки Исаия (7:1) получил повеление взять новую книгу и записать в нее некие таинственные речи. Что значит это? Посредством этого символа Дух Святой указывал на касающееся домостроительства нашего спасения священное сведение, имеющее открыться чрез изъяснение Писаний, сего священного сокровища, коего книги Писания еще не содержали, потому что оно было еще неизвестно. Эти тайны от самого начала возникновения их были открываемы лишь имевшим разумение. Но и более того. С тех пор, как Господь наш сам научил Апостолов, чрез предание стало доходить до нас уже все и не написанное в Писании, но имеющее отношение к нему, так как всемогуществом Божиим то стало начертываться на обновленных сердцах, в соответствие новому завету. Вот почему наиболее просветленные и между Эллинами, Гермесу, которого они называют (Логосом) Словом, посвящают гранатовое яблоко в благодарность за дар голоса и слова и за толкование оно, потому что речь заключает в себе действительно много темных выражений.

В видении Иисуса Навина значит также скрывалась глубокая мудрость. Моисея, при вознесении его на небо, он видел в двойном виде: один возносился среди сонма ангелов, другой же стоял на вершине гор и однако же также достоин был иметь собеседниками в этих высотах Ангелов. Видел же Иисус это зрелище снизу, будучи вместе с Халевом вознесен горе в духе. Однако же оба эти зрителя видели не одно и то же. Последний быстро спустился долу, горя нетерпением сложить тяжесть, его обременявшую; другой же, сошедши с этих высот, последовательно рассказал о всей славе, коей он был свидетелем; будучи более чистым, он сравнительно со своим спутником был и более ясновидящим. Эта история, по нашему пониманию ее означает, что познание не составляет достояния общего. Одни, заняты будучи лишь материальной частью Писания, т. е. словами и именами, видят только тело Моисея. Другие же проникают в глубину мыслей и ищут в словах

таинственного смысла, со всей жаждой любознательности слушая Моисея, сидящего в сонме Ангелов. То правда конечно, что между призывавшими Господа многие говорили: Сыне Давидов, помилуй мя (Мк. 10:48 и инде). Но как немногие видели в Нем, подобно Петру, Сына Божия! Поэтому-то Петра Учитель его и назвал блаженным, ибо не плоть и не кровь открыли ему сию тайну, но Отец, сущий на небесах (Мф. 16:17), Господь хотел научить нас этими словами, что истинный гностик познает Сына Вседержителя не очами этой плоти, образованной во чреве матери, а благодатию Отчею. Обладание истиною есть дело трудное не для неопытных только и неискусных. История Моисея собой доказывает нам, что даже те, для коих она составляет специальность, не наслаждаются созерцанием ее во всей ее широте. Некогда Евреи созерцали славу Моисея (Исх. 34:30 и д.). Святым Израиля являлись в видениях целые сонмы Ангелов (напр. Дан. 10:7 и д. и инде). Будем стремиться к тому, чтобы и нам подобно им лицом к лицу созерцать блеск истины.

16. Таинственный смысл Десятословия, как пример того, что и все Писание должно быть понимаемо в смысле таинственном ⁸⁴¹.

Мимоходом здесь остановимся на Десятословии, которое может быть примером содержимого и всем Писанием и постигаемого лишь гностиком таинственного смысла.

Что число 10 есть число священное, это доколе считаю я и доказывать излишним. Если то правда, что скрижали с начертанными на них заповедями, суть дело Божие (Исх. 32:15–16; 31:18), то нет сомнения, что ими означаетсся сотворенная природа. Под перстом Божиим разумеется Божественное всемогущество, сотворившее небо и землю: скрижали же служили символом, одна неба, другая земли. Буквы, начертанные Богом на принявших оные скрижалях и действительно изображали собою сотворенный этот мир. Одной из скрижалей Десятословия следовательно, поколику она была образом неба, намекаемы были такие десять элементов его: солнце, луна, звезды, облака, свет, ветер, вода, воздух, мрак, огонь. Вот естественное десятословие неба. Второй скрижалю была означена земля с ее элементами: людьми, домашними животными, гадами и зверьми поля; из водных рыбами и китообразными; из птиц плотоядными и неплотоядными; из растений фруктовыми и бесплодными. Вот естественное десятословие земли. Что касается ковчега, содержавшего скрижали закона (Исх. 25:16), то этим состоят мудрость и познание вещей Божеских и человеческих ⁸⁴². Может статься также, что двумя скрижалями был дан пророческий намек и на два завета. Скрижали были таинственно возобновлены, как скоро невежество и грех вышли из пределов. Заповеди, как оказывается, также были начертаны на скрижалях дважды: в первый раз духом повелевающим, вторично же духом повинующимся, ибо плоть желает противного духу, а дух противного плоти (Гал. 5:17).

Олицетворением десятиричного числа состоит также и человек сам. Ему свойственны пять чувств; он говорит, рождается; восьмым элементом в нем состоит дыхание, коим обуславливается образование и самого тела ⁸⁴³; душа, которая властительницей состоит в человеке, это девятый элемент в нем, господственный: наконец десятым элементом в человеке состоит какой-либо особый дар; по силе веры вселяется в человека Дух Святый и налагает на сей дар особую печать и отличительный характер. Добавьте к этому, что закон, как оказывается, объемлет своими предписаниями все десять элементов, кои входят в человека: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус и органы попарные, представляющие собою слуг первым, т. е. руки и ноги. Это для внешнего человека, ибо таков и состав его. Но в человеке есть еще душа, а кроме того начало еще важнейшее и управляющее всем человеком, рассуждающее в нем и своим происхождением не *οτέρματος* *χταβολή* обязанное, так что даже за исключением сего мы имеем на лицо 10 способностей, выполняющих всю совокупность свойственных нам функций. Следя за тем, в какой постепенности проявляются все эти способности, мы находим, что человек плотским рождением своим обязан бывает началу страстями раболепствующему, хотя судительная способность впоследствии оказывается в нем главною из всех; мы считаем ее даже за образовательное начало животного, определяющее собой состав его и всю природу; даже более того: и о неразумной части животного мы говорим, что она одушевляется, оживляется тем началом и сама составляет как бы придаток к ней. Жизненным началом, в котором заключена сила питающая и возвращающая внешнего человека, или говоря общее: коему свойственны всякого рода движения, состоит дух плотской, одаренный удивительной удобоподвижностью; благодаря чувствам и остальному телу он может развиваться; и ему-то чрез тело естественно возбуждаться прежде всего. Способности же господственной свойственна свобода; в глубочайших поставцах сей способности живут дух наследования, дух порядка и законности, стремление к познанию. И дивная вещь! Все оказывается в человеке

упорядоченным применительно к одной этой властной в нем способности; ею человек определяется в своей жизни, и притом определяется известным образом. Итак, при посредстве плотского духа человек чувствует, желает, радуется, раздражается, питается, развивается; при его посредстве человек и действует соответственно тому, что придумано и решено ими в душе и в уме. Если страсти побеждаются, господственная способность торжествует. Заповедью не пожелай означает следовательно не иное что как следующее: «Вместо рабского служения плотскому духу господствуй над ним, ибо с одной стороны плоть желает противного духу, состоя мятежницей, всегда готовой покрыть тебя позором чрез впадения в дисгармонирующие с природой излишества; с другой стороны духу дана такая власть управлять телом, что в течение всей своей жизни человек может действовать согласно с внутренней своей природой.

Итак, что же неправого в том сообщении священных книг, что человек создан по образу Божию (Быт. 1:26)? В этом случае речь идет не о внешней его организации. Выражением тем означает, что как Бог все сотворил своим Логосом, так и гностик, поступая по примеру Его, т. е. согласуя все свои действия с разумом, чрез который заявляет о Себе Божественный Логос, совершает дела, достоинство коих обуславливается разумностью их, ибо к этой гностик и стремится. Двумя скрижалями завета по истине обозначены значит символически те заповеди, кои, даны будучи и тем и другим из двух духов, – т. е. как духом творящим (плотским), так и управляющим, – упредили собою закон. Кроме того ими обозначена двоякость движений, свойственных нашим чувствам. Движения эти также разделяются на два вида, смотря потому, получают ли они начало в уме нашем или же возникают из процессов телесных: двоякий путь в постижении и предметов познания. Внешние чувства имеют соотношение с миром материальным, умозрение же с тем, что созерцается в области лишь мысли. Но что касается и действий, то и они также двоякого вида: одни возникают из рассудка, источником других состоят движения плотские.

Первая заповедь Десятословия предносит духовным очам нашим единого всемогущего Бога (Исх. 22:2–3 и д.), выведшего из Египта народ избранный, дабы чрез пустыню ввести его во владение наследием отцов. Творец сею заповедью требует от своего народа, чтобы при обращении внимания на эти Божественные чудеса он проникался, насколько это возможно, сознанием великости Его всемогущества. Он требует далее, чтобы народ уже не воздавал идолопоклоннических почестей творению, а возлагал бы все надежды только на Бога истинного. – Второй заповедью требуется, чтобы величием Вечного, который один только достоин по истине благоговейного поклонения, никто не смел пользоваться для целей суетных, никто этим священным именем не смел называть предметов сотворенных и тленных, созданных рукою художников человеческих; с ними Сущий (Исх. 3:14) ничего не имеет общего; ибо при тождественности лишь самому себе существует поистине один только Сущий. Величие Его конечно представляется лишь именем Его, но массе народа тогда еще и не могло быть понятно большее. Таков смысл и 3-й заповеди. – Четвертая возвещает нам, что мир есть дело Божие, что Бог нам даровал седьмой день для отдыха, по причине скорбей, претерпеваемых нами в жизни сей и бедствий, коим здесь подвергаемся. Сам Бог при вечной своей крепости и неутомимости и святом бесстрастии не нуждается в покое. Но нельзя того же сказать о нас, носящих на себе бремя плоти. Этот седьмой день назван днем покоя, т. е. воздержания от всех видов зла. Сим днем предзнаменован тот первозданный день ⁸⁴⁴, т. е. Христос, в котором впервые возникли на свете все вещи, который есть истинный наш покой и с которым имеет соотношение тот свет (разума), при блеске коего все для нас ясно и все делается нашим достоянием. Начиная с этого самого дня осиявают нас первые лучи мудрости и познания. Я хочу сказать сим следующее: Святой Дух Господень, свет истины, светоч истинный и непогрешимый, тьмы в коем нет ни малейшей, свет делящийся, но не разделявшийся на части, в среде тех, кои освящены верою, представляет умозрительное солнце, собою освещающее все существующее. Пользоваться

сим светом в течение всей жизни, это значит утвердиться в святом бесстрастии. Вот что знаменуется покоем седьмого дня. Посему-то и Соломон (Притч. 8:22 и д.) изображаете пред нами Вседержителя, еще за много веков до начала неба, земли и всего существующего, зачинающим и рождающим Премудрость, проникновение которою, – говорю о нашей части в оной чрез усилия и добродетель, а не о каком-либо субстанциальном нашем, или по существу, равенстве ей, – знакомит нас с законами Божескими и человеческими: еще во время земной сей жизни путем созерцания мы таким образом доходим до понимания оных.

Так как речь коснулась седмичного числа и восьмичного, то этим вызвано в нашей памяти мимоходом и следующее. Число восьмичное, собственно говоря, есть только седмичное; но в то же самое время седмичным числом представляется и шестичное, т. е. суббота. Седмичное же число назначается для деятельности, потому что и творение мира окончено в шесть дней. Солнцу нужно шесть месяцев, чтобы совершить свое движение от одного тропика до другого ⁸⁴⁵, в течение какого промежутка времени однажды листья падают, а в другой раз размножаются растения и развиваются зародыши. Говорят также, что зародыш совершенно развивается в продолжение шести месяцев, т. е. чрез 182 дня с половиною, как пишет о сем врач Полуб в своем рассуждении «Об осьмимесячных детях и Аристотель в своем творении «О природе». Вероятно по причине сотворения мира в 6 дней, ученики Пифагора на основании книги Бытия считают совершенным число шесть ⁸⁴⁶, называемое ими числом, находящимся в середине между прямыми числами, т. е. 2-мя и 10-ю. Еще оно называлось «браком». Первым из сих имен оно называлось потому, что, равно отстоя от 10 и от 2, в некотором роде есть середина между ними. Гамосом, т. е. браком называется это число потому, что имеет некоторое сходство с ним. Как брак происходит чрез соединение мужа с женою, точно так же и число 6 произведено нечетным числом 8, которое считается за число мужеского рода, и числом 2, которое считается числом женского рода ⁸⁴⁷. Дважды три будет шесть.

Такое же число и движений, чрез который распространяется потомство; их шесть: вверх, вниз, вправо, влево, вперед, взад. Потому по справедливости, рассматривая число 7 как рожденное без матери и не производящее на свет никакого потомства, его делают символом субботы, иносказательной эмблемой того покоя, в который ни женятся, ни замуж не выходят (Лк. 20:35). Ибо число это, не представляющее собою произведение каких-либо множителей, не дает ни одного из чисел, содержащихся между единицей и двенадцатью ⁸⁴⁸.

Помещающие неподвижную сферу в числе 7 планет число восемь называют кубическим. Те 7 планет знаменуют своим движением великий год, имеющий явить общее воздаяние и исполнение обетов ⁸⁴⁹. Вот почему Господь, вошедши на гору Фавор сам четверт ⁸⁵⁰ скоро становится шестым ⁸⁵¹ и блистая сиянием духовного света обнаруживает такую славу, какую только могли выдержать удостоенные зрения ее. Голос, – значит уже седьмое лицо, – провозгласил Его Сыном Божиим. Чего желал он? Убедить спутников полагаться на Него всею крепостию их убеждений и – Его самого являя Богом воплощенным, во всем блеске Его всемогущества. Эмблемой его происхождения на свет служит число шесть с его чудесными свойствами; эмблемой же Его Божества число восьмеричное, ибо Он считаем был за простого человека, но голос свыше открывал тайну Его природы ⁸⁵². И в самом деле число шесть хотя конечно и занимает подобающее ему место между числами, но в алфавите нет знака для него ⁸⁵³. В ряду цифр числа 7 и 8 занимают конечно подобающее каждому из них места; в алфавите же шестой буквой приходится тэта, а седьмой эта. И неизвестно, каким образом явился для шести знак s. Поэтому-то по принятой системе букв седьмая становится шестою, а восьмая седьмою. Вот почему и сказано, что человек был создан в шестой день. Если верен он Тому, который изображается числом 6, то тотчас вводится во владение тем наслдием, которое обетовано Господом. Подобное нечто означает собою и 6-й час, в который скончался Богочеловек и совершено дело нашего спасения (Мф. 27:45; Мк. 15:33; Лк. 23:44; Иоан. 19:14). Доказано значит, что 8 равно

7, а 7 = 6 по месту ими занимаемому в алфавите. И в другом еще более таинственном смысле семью восхвалено число восемь, ибо небеса небесам возвещают славу Всевышнего (Пс. 18:1). Итак, принятые у нас фонетические знаки суть знаки, символы предметов чувственных. Так и сам Господь назван Альфой и Омегой, началом и концом (Апок. 21:6), которым все сотворено и без которого ничто не произошло (Иоан. 1:3).

Не следует полагать, что покой Божий, как понимают его некоторые, состоял в прекращении деятельности. Если бы благой по существу своему Бог перестал творить добро, то в то же самое время Он перестал бы быть и Богом; но даже и говорить о сем неприлично. Он почил, что же это значит? Означается сим повеление Божие, чтобы раз установленный порядок оставался ненарушимым во все продолжение веков и чтобы все творение, выведено будучи из прежних своих беспорядочности и неустроенности, отдыхало от них. В различные дни происшедши из ничего, все сотворенное пришло между собою в удивительную гармонию. Проистекши все из одной и той же мысли, существа сотворенные однако же были неодинаковы по почетности, а именно ранее происшедшие были ниже позднейших. Происхождение каждого из них и не было бы отделено от происхождения других видов бытия и каждому из них голосом Всевышнего не было бы указано происхождение особое, если бы творение произошло массами; тогда так и сказано было бы о нем. Но нужно было говорить о творении в известном порядке. Вот почему священный историк говорит сначала о сотворении одного, потом о сотворении другого, хотя властью Всевышнего вся совокупность существ извлечена была из одной и той же субстанции. Воля Божия, сколько я понимать могу, в своей тождественности самой себе, едина. Да каким образом творение и совершилось бы во времени, когда и само-то оно современно творению?

Но вот и весь мир существ одушевленных, равно как и природы органической вращается около числа семи. Существует семь первородных Ангелов, которые состоят князьями над всеми остальными и облечены величайшим

влиянием и полномочиями. По мнению астрономов земля управляется семью блуждающими планетами, влиянию которых халдеи приписывают все случающееся с нами смертными в сей жизни и чрез наблюдение которых они гадают о будущем. Число неподвижных Плеяд состоит из семи звезд. Обе Медведицы состоят тоже из седмичного числа звезд, коими определяются в своих делах земледельцы и мореплаватели. Луна также меняет свой вид каждые семь дней. Она бывает двурогим серпом в первую неделю, полною в конце второй, снова становится серпом в третью, в течение ее убывая; совершенно исчезает она в четвертую. Но математик Селевк различает в ней семь различных фазисов: сначала невидимая, потом согнутая серпом, далее наполовину полная, потом совершенно полная и округленная, далее идущая на ущерб, но закругленная; еще раз наполовину полная и согнутая опять-таки серпом:

Воспоемте гимны новые на семиструнной нашей лире.

пишет не неславный поэт (Пиндар), научая нас этими словами, что древняя лира имела семь струн. На лице нашем сосредоточено также семь органов наших ощущений: два глаза, два проводника звуков, две ноздри и рот дополняющий собою число семь. Элегии Солона также объясняют нам, что различные изменения в человеческой жизни тоже происходят по седмицам.

Когда ребенку исполнятся первые семь лет жизни,
Ты увидишь во рту у него ограду зубов.

Если Божество ему даст еще семь лет жизни,
То появятся у него признаки возмужалости.

Когда он еще новых семь лет проживет,
Его щеки покроются густою бородою.

Прибавь к его возрасту еще семь лет,
И он во всем расцвете сил займет место между мужами.

Седмерица пятая напоминает мужу, что пора искать
супруги,

Чтоб в потомства возродиться.

Минует еще лет седмерица шестая,

И с ней появится благоразумие, смышленость

И отвращение ото всего, что отзывает
легкомыслием и безрассудством.

Седьмая и восьмая седмицы –

Время наилучшего состояния ума и слова.

В последующую за тем девятую седмицу

Силы тела и рассудка еще не оставляют человека,

Но будучи ослаблены, и ум ни слово уже неспособны на
что-нибудь высокое.

На десятой наконец седмице человек, созревши для
могилы,

Падает под ударами смерти, для такого возраста не
безвременной.

Но продолжим. В болезнях седьмой и четырнадцатый день
суть дни критические, когда природа борется с началом,
породившим болезнь. Гермипп Берютянин в своем рассуждении
«О числе седмиричном» излагает еще множество других
чудесных свойств его. Но весьма ясно человеку понимающему
открывает таинственное значение чисел
седмиричного и восьмиричного и блаженный царь Давид,
воспевая так: Жизнь наша как паутина. Дни лет наших 70
лет, и 80 для сильных (Пс. 89:9–10). А если выше этого, то это
значило бы уже царствовать.

Не будем заблуждаться. Мир был зачат, а не сотворен во
времени ⁸⁵⁴. Для того, чтобы убедить нас в этом, пророчество
прибавляет: Сия книга происхождения неба и земли, когда они
были созданы, – в день, когда Господь сотворил небо и землю
(Быт. 2:4). Слова эти когда они были созданы дают указание
неясное и не ограничивают творения никакой эпохой; слова же
в день, когда Господь сотворил, означают *День*, в
который и которым Он сотворил все вещи и без Которого ничего
не произошло (Ин. 1:3). т. е. говорится здесь о творении,
происшедшем чрез Сына, о котором Псалмопевец говорит: Вот
День, который сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся
в Нем (Пс. 117:24). Что сим означается? Сядем за
Божественную трапезу: вкусим от познания, дарованного Богом.
Не Логос ли, Собою освещающий и наигустейший мрак (Ин. 1:9;
1Кор. 4:5) и при посредстве Которого возникли на свете и для

жизни все творения, не Он ли назван днем и светом? Да и вообще Десятословием чрез йоту обозначается имя по преимуществу благословенное; буква эта указывает нам на Иисуса, который есть Логос ⁸⁵⁵.

За тем следующая заповедь Десятословия, пятая, напоминает нам об обязанности нашей почитать отца и мать. Чрез это ясно она и Бога и Господа нашего называет Отцом. Отсюда-то и познавшие Его именуются сынами Божиими ⁸⁵⁶, Отец наш, Господь наш, Он же есть и Творец всего существующего. Но кто же матерью состоит у нас? Искать ли ее нам в материи, из которой мы сотворены, подобно как делают это некоторые другие; или же видеть ее нам в церкви, как предлагают это нам иные из толкователей? Да не будет ни того ни другого. Нашей матерью, т. е. матерью праведников, состоит, по словам Соломона (Притч. 1:8; 31:1), Божественное познание, премудрость, которую избирать следует из за нее самой. Сверх того познание всего, что прекрасно, всего что преславно, нисходит к нам от Бога чрез посредство Сына.

Далее наблюдай заповедь, запрещающую прелюбодеяние. Становишься виновным в том, когда, отдаляясь от церкви, отступая от истинного познания и убеждения в бытии Божиим, начинаешь разделять мнения достойные осуждения или же когда какое-либо творение возвышаешь до степени Божества; или же когда придаешь форму идола тому, чего вовсе и нет, выходя такими образом из границ познания, – или нет, – становясь дезертиром, беглецом из под знамени познания. Впадать в мнения лживые столь же несвойственно гностику, как и содержание мнений истинных ему обычно и от него неотделимо. Вот почему преславный Апостол идолопоклонство ⁸⁵⁷ называет некоторого рода прелюбодеянием (Кол. 3:5; Гал. 5:20; 1Петр. 4:3), согласуясь в этом случае с пророком, который тоже говорит: Народ сей прелюбодействовал с деревом и камнем (Иер. 3:9). Он дереву говорил «Ты мой отец»; и камню: «Ты зачал меня» (Иер. 2:27).

Далее следует заповедь, запрещающая убийство. Убийство есть твердо обдуманное похищение, сокрытие, утайка. Сокрыть истинное учение о Боге и вечности, заменив оное ложью;

сказать напр., что никакого Провидения, управляющего миром, нет; утверждать, что мир сей не сотворен; наконец отрицать какое-либо непреложное священное учение: это значит совершать убийство.

Следующей заповедью запрещается кража. Как похититель чужого имени, при значительности наносимого ими убытка, кару его постигающую заслуживает по всей справедливости: подобно сему и те безрассудные, которые чрез живопись и ваяние ⁸⁵⁸ не по праву захватывают Божественные преимущества и нагло усвояют себе какое-то творчество, провозглашая себя творцами животных и растений; равно как и копирователи истинной мудрости суть воры. Если бы кто земледельцем был, или если б сына кто имел, что же важного в этом? Все они служители Божии (1Кор. 3:5–6), получившие от Него поручение сеять семя (слова Его). Возращает же каждое из растений и усовершенствует, доводит оное до состояния требуемого природой его один только Бог. Но весьма многие, походя в этом отношении на философов, поставляют прозябание зародышей и их видоизменения в связь главными образом с обращением светил, лишая чрез это, насколько это от них зависит, Отца всех существ непреходящей Его власти. Стихии и светила! Но разве не суть это силы, Богу послушные, Им и созданные для выполнения намерений Его Божественного промысла? Рабски летят они в пространстве, выполняя повеления своего Владыки. Они шествуют туда, куда путь указывается им словом Господним, потому что Божественное всемогущество не престает действовать на вещи, Ему одному ведомыми, таинственными путями. Итак, вы все восклицавшие: «Мы изобрели или образовали и создали нечто творческое», вы – нечестивцы и безбожники и ответите за допускаемое вами святотатство.

Десятой заповедью запрещаются всякого рода пожелания. Пожелание, несогласимое с долгом, подвергает виновника тяжкой ответственности. Той же заповедью запрещается равным образом желать и вещей лживых или воображать, что спасение могут доставить нам сами чрез себя какие-либо существа одушевленные, тем паче вещи неодушевленные никоим

образом не могут этого ни доставить нам, ни повредить. Но вы возразите мне: «Но разве противоядие не может излечить или прием цикуты лишить жизни»? Отвечаю вам: В этом случае вы делаетесь жертвой искусного софизма. Ничто не совершается без соизволения Разума Божественного. И растением и лекарством каждый пользуется лишь как орудием, подобно тому как топор или пила не могут рубить или пилить без руки, их направляющей. Они не по собственному же толчку действуют. Они одарены некоторыми природными свойствами, кои хотя бы и чуждой рукой какого-либо техника были применены к делу, производят свойственное им влияние. Тоже нужно сказать и вообще о промысле Божиим. Силами наиболее близкими к Нему и более непосредственными Бог пользуется для распространения действительности своего промысла даже до последних ступеней лестницы существ.

17. Хотя Эллинская философия и не передала нам полного и развитого познания о Боге, все-таки Богом в ней даровано нам врачество для души.

Как видится, эллинские мудрецы, хотя и рассуждали о Боге, а Его все-таки не знали, потому что не воздавали Ему поклонения, Божеству приличествующего (Рим. 1:21). «Учения их философских школ, по отзыву Эмпедокла, походят на тот вздор, который несет толпа, из всего понимающая мало, а из целого ничего». Эллинская мудрость походит на стеклянный сосуд, наполненный водою. Он бездействен. Но вот падает на него солнечный луч, проходит сквозь стенки его и становится уже пламенем. То же самое можно сказать и об эллинской философии. Лишь бы пала на нее из свящ. Писания искра огня, и вот пред глазами смертных открывается ее значение. Все животные дышат общим воздухом, но есть между ними разность и выполняет каждое из них своею жизнью цель особую. То же самое нужно сказать и о людях. Рассуждая об истине, весьма многие близко подходят к ней, или, по крайней мере, есть в их рассуждениях об истине некоторые намеки на нее. И все же напрасно было бы искать у них истинного учения о Боге. Они усвоят Ему человеческие страсти. Целую жизнь гоняются не столько за истиной, сколько за вероятностями.

Но до истины доходят не чрез подражательное воспроизведение ее, а чрез научное и эмпирическое исследование ее. Таков именно наш метод. Не потому мы во Христа веруем, чтобы лишь «казаться» добрыми, а для того, чтобы «быть» таковыми. Не для того только мы на это Солнце выходим, чтобы быть освещенными Им, а для того лучей сего Светила ищем, чтобы согреться в них. Христианами быть мы стремимся в целях стать людьми в полном смысле сего слова добрыми и добродетели преданными. Царство сие и действительно составляет достояние лишь тех, которые больше работают над собой (Мф. 11:12); оно удел есть тех⁸⁵⁹, которых расследования, познания опытные и деятельность,

полно и всесторонне до конца доводимая (Мф. 7:7), проникают за труды, как плодом их, царственным достоинством.

Брать за пример для себя и для подражания какое-либо мнение, это значит доказывать тем самым, что вы имеете против всего несходного с ним предубеждения (метод исследования сомнительного достоинства). Воспримите хотя частицу истины, и ваша душа оживет от этой искры; воспламеняйте ее в душе благочестивым желанием и изучением, и тотчас же весь внутренний ваш мир придет в движение; вы воспарите в высоты познания. Ибо чего мы еще не обнимаем мыслию, того ни желать не можем искренне, ни всей пользы из того извлечь, не в состоянии. Гностик же, достигши этих высот жизни не только созерцательной, но и деятельной, в качестве высшей ступени совершенства практикует подражание своему Педагогу, Господу, по крайней мере насколько дозволяется это нашей человеческой слабостью; старается он проникаться добродетелью Господней и отпечатлеть на себе образ Божий. Здесь-то заявляет о себе познание, потому что не вкусивший от него не может иметь и твердого критерия в определении истины. Придется тому навсегда и вовсе отказаться ото всего созерцания гностического, кто не пожелает отречься и выбросить из души все и без точного опознания дела ранее воспринятые понятия, потому что если говорить об истине ясно и без уверток, то оной называется ведь все, воспринятое лишь рассудком и чувствами.

Без сомнения никто не затруднится отличить живопись истинно художественную от вульгарной и пошлой и музыку благопристойную от разнузданной. Есть следовательно и для истинного мудреца такая истина, которая не состоит таковою для других мудрецов ложных; и есть значит истинная красота, отличная от красоты поддельной. И не какие либо частички истины должны быть предметом наших усилий; крохам усвоить имя истины значит лишь дискредитировать целое ее; напрасно посему обрывки те и украшать именем истины. Следует добиваться самой ее и не останавливаться на том, что лишь слывет под именем истины, на самом же деле собою

представляет пустобайство. Учений о Боге не одно, но много. Однако же вопрос еще, говоримое тобой о Боге имеет ли отношение к Нему. При беседах и о всяком вообще предмете следует отличать рассуждение о том или ином из них нарочитое, по существу дела, от заметок о нем случайных, так сказать нежданных и негаданных, безотчетных и беспричинных. Когда я говорю: «Бог есть Господь, Владыка вселенной», то сказываю этим, что Он действительно есть Повелитель ее и что из-под Его власти ничто не исключено. Но так как истина обнаруживается в двух видах, а именно в словах и вещах, то множество людей, – а таковыми именно и состоять эллинские философы, – стремясь к грациозности и поверхностной красоте речи, останавливаются исключительно на словах, тогда как мы, варвары, имеем дело с сущностью вещей. Вот почему и Господь не напрасно при сошествии на землю принял на Себя тело презренное и невзрачное (Ис. 53: 2–3) ⁸⁶⁰. Он опасался, как бы слушатели не стали развлекаться блеском Его красоты и не прешли вниманием Его учения и чтобы, обращая внимание лишь на внешность Его и удивляясь лишь телесной красоте Его, – которая всегда должна занимать положение подчиненное и коей нужно поступаться, – не отклонились от стремления к истине, постигаемой лишь разумением. Итак, какое дело нам теперь до акциденций языка? Нам следует иметь дело лишь со значением слов, а не со словами.

Слова людей неспособных постигать дело и движет коими не импульс познания неубедительны. Вороны тоже подражают голосу человека, однако же о твердимом ими одним и том же не имеют ни малейшего понятия. Вера же напротив тотчас же и непосредственно сопровождается как эмпирическим восприятием, так и чрез разум постижением.

Отец богов и людей (Ил. 1:544),

воскликает Гомер, хотя ни того не знает, что это за Отец, ни того, как Он приходится нам Отцом. Но подобно тому как руки имеющему естественно ими брать что-либо; и подобно тому как здоровому глазу свойственно видеть свет точно также и познание делается достоянием и даром всякого, кто нашу веру принял, лишь бы только он пожелал далее

работать и на заложенном основании здание строить, равноценное золоту, серебру или драгоценным камням (1Кор. 3:12). Такой не надеется только: «Я некогда сделаюсь участником благ веры и познания»; он уже принимает в них участие. Зачем ему откладывать свою славу до будущего и предоставлять ее случайностям его? Он в настоящем становится царем, человеком просвещенным и светоносным, мудрецом истинным, гностиком; ему и пристало быть всем этим, Он не довольствуется словами; он касается самой сущности вещей, проникает в оную. Будучи благим, Бог особенно по отношению к царю творения был щедродательным и желая спасения его действительно и остальное все направил к этой цели. Первее всего благодать Божия даровала ему благо бытия. Всякий конечно согласится, что бытие лучше небытия. Потом Провидением устроено и происходит, что в меру, вмещаемую природой каждого, всякому дана возможность от доброго поступать вперед к тому, что для него еще лучше. Потому не кажется пусть странным, что самая философия верховною Благостью дарована была за тем только, чтобы служить предисловием к совершенству, достигаемому чрез посредство Христа. Лишь бы сама она только не стыдилась обращаться к варварскому познанию с просьбой: «Пособляй мне идти вперед к истине и преуспевать в ней».

Даже и волосы на голове нашей сочтены (Мф. 10:30; Лк. 12:7). Даже незначительнейшие из наших действий вписаны. Почему же и философии не иметь ценности? Самсону была дарована сила, скрывавшаяся в волосах. Имеется в виду сим в том нас убедить, что наука и искусство внешние, т. е. светские и языческие, имеющие предметом жизнь в мире сем лишь материальную и по отложении душою сего тела не приносящие ей пользы, сходящие в одну с ним могилу, и она могут быть постигаемы лишь при содействии благодати свыше. Божественное Провидение, говорят нам наши священные книги (Лк. 13:5; 16:17), сверху, с того что главное, с человека, как бы с головы разливается потом и на все существа подобно благовонному миру, текшему с главы Аарона на лице

его и разливавшемуся на края даже одежды его (Пс. 132:2). Только под Аароном здесь должно разуть высшего Первосвященника, чрез которого все сотворено и без которого не произошло ничего (Ин. 1:3). Говорится о том, что благовонное миро стекало на края одежды Аароновой. На края одежды, а не на тело, т.е. не на мир телесных существ. Это значит, что для еврея и христианина философия (вся совокупность внешних наук) известного народа действительно есть одежда, которая только внешнюю сторону его жизни украшает.

Желательно посему, чтобы эти философы, изощрившие в себе дух разумения, трудились не над крошками истины, а над исследованием той истины, которая уже сама по себе и притом абсолютной состоит истиной. Желательно чтобы они, оставив высокомерие, руководились лишь любовью к истине, коей они ведь и свидетелями состоят. Желательно еще, чтобы они воспользовались всем тем, что в иноверных учениях есть годного и способствующего приобретению более возвышенного понятия о предмете. Пусть обратят они внимание на промыслительную эту и неизреченную благодать Божию, ведущую каждое существо в границах для него возможных к лучшему. О, если бы наконец сносились они не только с Эллинами, но и с варварами! Тогда от этих общих, для них столь обычных и посредствующих работ они могли бы перейти и в сферу веры, а из сферы веры в область постижения и ее частных. Имея точкою опоры истину, они чрез это лишь расширили бы свою способность к исследованию и горизонт оных и гарантировали бы своим работам успех. Учиться составляло бы с этих пор все наслаждение их. Жажда истины, они широкими шагами пошли бы по пути спасительному. Вот почему в свящ. Писании сказано, что художникам, трудившимся над сооружением скинии, дарован был дух разумения (Исх. 28:3). Что иное разуть под этим, как не благоразумие, как не умственную прозорливость, которая усматривает действительно существующее, воображает последующее, подмечает сходства и различия, разделяет, сопоставляет, повелевает или отговаривает и устремляется своими предположениями и догадками в будущее? Разумение

не ограничивается только искусствами; оно управляет и самой мудростью (философией). Почему и змее приписывается рассудок (Быт. 3:1)? Потому что и в злодеянии есть последовательность, план, предположения касательно будущего. Таинственность, в которую облакается большая часть преступлений, не имеет иной причины: злодей ограждает себя от наказания всеми силами своего рассудка.

Так как мысль является в различных формах, будучи разлита во вселенной повсюду и действуя во всяком из дел человеческих, то она во всех этих разнообразных случаях имеет и различные наименования. Если она обращена на исследование Первопричины, то называется разумением. Если она вносит свет в души рассуждениями и доказательствами, то она – познание, мудрость, наука. Если она вращается среди предметов, созидających благочестие и если Логоса, Разум первостепенный, принимает она без созерцания, опираясь единственно на свою послушливость, то получает она имя веры. Если среди вещей материальных открыла она то, что оказывается наиболее верным, то она – правое мнение. Если преуспевает она в работах технических, то получает название искусства. А когда созерцание Первопричины она или оставляет в стороне, для того чтобы заняться наблюдением аналогий и анализом фактов и когда образуется в ней импульс к какому-либо предприятию, она называется тогда опытностью. Но сущность ее и возвышающую ее особенность всегда составляет Дух Святой, господствующий во всем, что милосердием Божиим нисходит в душу новообращенного, после того как вера в нем упрочится и утвердится. Итак и философия, когда отличалась бы этим высшим разумом, как это намечено в предыдущем, то и она составляла бы часть одного. Если чрез сцепление принципов и методических выводов она рассуждает о том, что доступно только разумением, то она представляет из себя диалектику, цель которой состоит в соделании истины чрез доказательства ощутимой и в разрешении представляющихся сомнений.

Утверждать, подобно некоторым другим, что не Бог послал свыше на нашу землю философию, это, как мне кажется,

равносильно уверению, что Бог не может знать частных и что Он не состоит первоисточником всех благ, так как каждое из них, взято будучи в отдельности, есть благо особое. Но ничто из сущего конечно не существует без воли Божией. Бог пожелал этого; значит философия исходит от Бога; значит Он и пожелал ее такой, каковою она есть для пользы народов, не имевших другой узды, чтоб воздерживаться от зла. В самом деле ничто не ускользает от взоров Божиих, ни настоящее, ни будущее, ни способ существования каждого существа. Вперед зная, каковы будут малейшие движения Его творений,

Он все видит, все слышит

(Ил. 3:277).

Пред Ним открыты глубины всех душ. Ему от вечности свойственно самое ясное познание касательно каждой личности, потому что Он внимателен ко всему, что происходит на мирской сцене и во всех уголках этой сцены. Одним взглядом Он обнимает сразу и целое и подробности – Таков Бог. Однако же хотя и объемлет Он одним и тем же взглядом все существа сразу, но действует Он не всегда непосредственно и явно-господственно. Сколько вещей происходит в жизни по человеческим расчетам, после того как Божественною десницею будет опущен в оные первоначальный импульс! Медицина возвращает вам здоровье; масло гимнастики поддерживает вам телесные силы: коммерческие обороты умножают ваше богатство. Но от кого вы получили все эти блага? Несомненно от Провиденья, которое однако же и человеку предоставляет свою долю действия. Значит и разумение тоже исходить от Бога. Свободная воля людей добродетельных особенно повинуетя воле Божественной. Злой может разделять с праведником много общих даров, но пользу приносят эти дары только человеку добродетельному, для которого Бог и сотворил все. Да, на пользу людей добродетельных прирождены известные свойства священным дарам. Даже больше того. Даже и мысли человека добродетельного возникают как бы по Божественному вдохновению, так как душа его бывает настроена известным образом; и воля Божественная сообщается душе человеческой

через услуги особенных деятелей, кои помогают ей в этих воздействиях. Воинства ангельские распределены между народами и городами; может быть к каждому из них приставлен даже особый Ангел. Пастырь заботится ведь о каждой овце в отдельности. Но более непосредственными попечениями Провидения окружены те, которые отличаются талантами и знаниями и которые могут быть полезными своему народу. Состоя главными и руководителями человечества, они призваны быть преимущественными и явными органами Божественного промысла, воля которого являть земле свои благодеяния в учении, управлении или распоряжениях. Воля которого являться земле... говорим мы. Да, это постоянная воля Божия. И вот почему призывает она своих носителей к выполнению всего того, что может содействовать упрочению царства мира, добродетели и благодеяний. Все что добродетелью состоит, проистекает из добродетели, имеет с ней соотношение и дано нам или для того, чтобы содействовать нас добрыми или для того, чтобы мы, будучи уже добродетельными, пользовались преимуществами, которыми наделила нас природа. Еще раз, Провидение приходит к нам на помощь как вообще, так и в частностях.

Теперь спрашиваю я: «Разве это не нелепость и не грубая непоследовательность приписывать изобретение философии, т. е. вещи полезной и добродетельной, тому, которого называют отцом безначалия и неправды? Выходит, что демон трудился над нравственным улучшением Эллинов с заботливостью даже более милосердой, чем само Божественное Провидение. Не таково мое мнение о сем предмете. Достоинство и существенное свойство закона и здравого смысла, по моему мнению, состоят в том, чтобы воздавать всякому должное, свойственное ему, ему принадлежащее. Подобно тому как кипарису естественно быть собственником лиры, флейтисту собственником флейты: точно так же дары неба суть собственность человека добродетельного. Душе добродетельной столь же естественно делать добро как огню согревать, свету освещать; это в природе человека добродетельного. Добродетель никогда не совершит зла,

подобно тому как из огня не произойдет холода, из света – мрака. Но и наоборот: никогда вы не увидите, чтобы порок занимался добродетелью; он осужден родить и причинять лишь зло, подобно тому как мраку суждено смешивать все цвета. Философия, располагающая человека к добродетели, не есть значит исчадие порока. Остается значит производить ее только от Бога, возвышенным преимуществом которого состоит творить лишь добро. Все даруемое Богом следовательно дается в качестве блага, а потом и принимаемо должно быть как благо.

Сверх того философия никогда и не была достоянием людей дурных. Занимались ею из Эллинов люди добродетельнейшие и славнейшие. Вот, новое доказательство происхождения ее от Божественного Провидения, которое каждого наделяет тем, что ему полезно. Была значит глубокая мудрость в том, что до пришествия Господня закона, блистал между Евреями, а философия между Эллинами. С пришествия же Господня призвание к вере распространено на всех без исключения. Провидение призывает все народы к тому, чтобы они объединились чрез учение, исходящее из веры. Это новый народ, собранный для праведности (Тит. 2:14) и объединенный под одним Пастырем (Рим. 5:19), который состоит Господом одинаково как Эллинов, так и варваров, или лучше сказать: который есть Бог всего человечества. Философия, – мы не раз повторяли это, – есть посредница истины, но не всей, а лишь части ее. Нужно сказать даже более того. Все, что содержится хорошего в искусствах, – поколику это искусство, – исходит от Бога. Художественное выполнение какого-либо произведения искусством зависит от теории искусства: точно так же дело разумное покорно началу разума. Разумение есть добродетель, которой свойственно познавать и другое многое, а прежде всего то, что лично ее самой касается. Что же до мудрости, способности высочайшей ⁸⁶¹, то она не иное что как знание блага божеского и человеческого.

Господня земля и все что есть на ней, говорит Писание (Пс. 23:1; 1Кор. 10:26). убеждая нас в том, что благие дары нисходят свыше и распределены между слабыми людьми на пользу им благодатью и всемогуществом Божественными.

Обозрите различные роды духовной помощи, коими одно существо может пользоваться от другого, и вы найдете, что этих способов оказывать духовные услуги друг другу существует три. Первый, это заставить подражать себе. Это наставник, влияющий на развитие понимания даже дитяти. Второй род взаимного духовного вспоможения, это склонить кого-либо к уподоблению себе. Так муж, предшествуя кому-либо своим примером, ведет другого подобного себе мужа по пути прогресса. Так один помогает учащемуся в его работах: другой же своими советами поощряет уже познающего. Третий способ подачи помощи другому есть приказание. Он практикуется напр. тогда, когда учитель не считает нужным лично влиять на развитие ученика или подавать ему пример для подражания чрез борьбу с самим собою: считая ученика уже достаточно сильным, он просто ему самому приказывает бороться.

Итак, когда истинному гностику даруется от Бога способность оказывать пользу и помощь своим братьям, то он считает для себя уже долгом быть им полезным. На развитие одних он влияет чрез сопровождение, представляя им собою пример для подражания. Других он ободряет к уподоблению себя. Наконец третьих он научает и исправляет заповедью. Нет сомнения, что и самому гностику Господь помогает точно так же. Внушенья Ангелов разве не служат нам того свидетельством, что источник всех получаемых нами благ в Боге?

Божественная благодать ведь и действительно оказывает нам благодеяния чрез посредство Ангелов, как видимых так и невидимых. Этот способ помощи нам обычен был еще и при жизни Господа. Подает Бог помощь человеку также и чрез других людей: – то «вдохновляет» он нашу мысль и разум их размышлениями и рассуждениями; то и непосредственно «ниспосылает в душу» известного человека «осенение» и более полное понимание предмета; то согревает сердце его «готовностью и живостью» и его одушевляет к исследованиям и деятельности ⁸⁶². Повествование о необыкновенных и святых примерах добродетели, коими прославились праведники, служат для нас проповедью, которая нас заставляет подражать и уподобляться им. Особенно же

ясна подача помощи нам чрез учения, содержащиеся в ветхом и новом заветах Господа, а также чрез законы, коих носителями состоят Эллины и наконец чрез ученые положения их философов.

Но сократим все сказанное в два слова. Все блага, имеющие значение для жизни, по некоему высшему и премудрому устройству, исходят от Вседержителя Бога, общего нам всем Отца. Посредником же между творением и Отцом состоит Сын, который кроме того, как говорит Апостол, *есть и Спаситель всех людей, а особенно верных* (1Тим. 4:10).

Но есть нечто еще более близкое к каждому из нас в частности и для нас более осязательное; это заповеди и наставления оставленные Тем, который соединен со Первопричиною близостью непосредственной.

18. Мудрец истинный (гностик) углубляется в эллинскую мудрость (философию) лишь мимоходом и как бы для развлечения, спеша к дальнейшему, т.е. к посвящению себя в христианское учение, источник всякой мудрости.

Гностик наш постоянно занят главным своим делом. А когда ему досужно и когда выпадает на его долю время отдыха от занимающих его дух возвышенных исследований, то для восстановления сил касается он эллинской мудрости, как бы некоего утонченного лакомства на пиршестве. Не потому он это делает, как если бы пренебрегал пищею более существенною, но потому, что, по причинам выше указанным, получил следовавшую ему долю. Протягивавшие же руки к тому в философии, что не составляет в ней необходимого, но элемент излишний, и набрасывавшиеся своим умом на пустые софизмы и свары, те отдалялись от необходимого и главного. Безрассудные! Они гнались за тенеобразными словами. То правда конечно, что хорошо все знать. Но у кого ум слаб для восприятия в себя всей массы многоучености, тот пусть останавливается только на главнейшем и важнейшем. Познание истинное, о коем мы утверждаем, что оно составляет достояние только гностика, есть разумение основательное, утверждающееся на доказательствах истинных и непреодолимых и ведет оно к познанию Первопричины. Имеющие касательно какого-либо предмета знание истинное, что бы это ни был за предмет, тотчас начинает иметь понятие о знании касательно того же предмета и ложном. Посему если бы кто-либо спросил меня: Итак, следует ли философствовать, я бы ответил: Само собою разумеется. А если бы кто стал утверждать, что не следует, то я ответил бы: без предварительного познания вещи нельзя произнести ни утвердительного, ни отрицательного ответа на этот вопрос. Следовательно, философский элемент в суждениях необходим. А если это так, то следует, чтобы Эллина из закона и пророков научились почитать единого, действительно сущего

Вседержителя Бога. Потом разве не внушает им Апостол: Что касается до нас, то мы не признаем в мире никаких идолов (1Кор. 8:4)? Потому что между существами сотворенными нет ни одного, которое могло бы быть отобразом Божиим. Эллины должны вразумиться далее, что кумиры их вовсе и не суть образы почитаемых ими личностей. Души разве походят по форме хоть сколько-нибудь на статуи, формируемые у Эллинов? Нет. Души невидимы, будут ли это души существ разумных или неразумных животных. Что же до тех, то эти отнюдь не составляют какой-либо части душ; они только органы душ, для одних седалища, для других нечто вроде колымаги, еще для иных – тем или иным образом что-то вроде поместьев. Но мы не в силах хорошенько подражать даже образам этих органов при воспроизведении их искусством. Разве кто в состоянии изобразить мне напр. солнце таким, каким его он видит? Изобразите мне разноцветную радугу. А затем, когда Эллины и бросили бы почитание своих идолов, услышат обращенное к ним слово Писания: Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев (Мф. 5:20), – которых единственная праведность состоит в воздержании от зла, – и если не возвыситесь вы над сею еще невысокой степенью совершенства, если не будете относиться к ближнему любвеобильно, если не будете ему добра делать, то не можете считаться учениками царственного закона (Иак. 2:8). И действительно, праведность гностика сравнительно с праведностью подзаконной отличается несравненно большей интенсивностью. Потому что если над каким-либо верным принципы его будут иметь такую определяющую власть и силу, какую имеет голова над остальным телом, и когда достигнет он высоты веры, т. е. высота самого познания, сосредоточивающего в себе всю совокупность чувств, то он в то же самое время может считаться достигшим уже и высшего наследья. Что познание имеет значение первостепенное, Апостол открыто заявляет о сем пред всеми, кто только может проразумевать, ибо он пишет к Коринфским Эллинам следующее: Мы надеемся с возрастанием веры вашей в вас возвеличиться гораздо более по правилу нашему проповедуя

Евангелие и выше вас (2Кор. 10:15–16). Здесь Апостол вовсе не намерение выражает распространить впоследствии времени свое апостольство и на иные места, потому что по его же собственными словам Ахаия преисполнена верою (1Кор. 1:6). Но вот еще и другое свидетельство за то же, сильнее только что изложенного. Деяния Апостольские свидетельствуют нам, что Апостол возвещал о Логосе в Афинах (Деян. 17). Эта проповедь Павла служит доказательством, что познание представляет собою ступень совершеннейшую по сравнению с верой и что оно не останавливается лишь на огласительном учении. Это само собою предполагается велением как самого святого учения, так и теми общечеловеческими принципами, которые для всех и для всего имеют назначение быть масштабом. Вот почему немного ниже в том же послании Апостол прибавляет: Хотя я и простой человек и мало наставлен в слове, но не могу того же сказать о познании (2Кор. 11:6).

А впрочем вот что. Все вы Эллины, так важничающие и бахваляющиеся, будто обладаете истиною, скажите-ка нам: От кого это узнали вы ее? Что наставником вашим был Бог, этого вы конечно не осмелитесь сказать. «Нам истина передана людьми же», восклицаете вы. Но во-первых слишком поздно; а потом людьми этими были некоторые или из среды вас же самих, чем и чванятся многие из вас; или же другие подобные же вами люди. Но разве вам неизвестно, что человек, говорящий о Боге от своего имени, не заслуживает никакой веры. Может ли человек, существо слабое и смертное, достойным образом рассуждать о Боге, существе бессмертном и вечном, – творение о Творце? И о себе-то самом человек хотя бы по-ребячьи, с запинкой и лепетом пробормотать не в состоянии чего-либо толкового: как же ему поверить, когда он самомнительно вступает в разъяснения о Боге? В меру оставления человека Божественной благодатью, настолько и речь его о Боге становится слабее, хотя бы он и не предъявлял при сем претензии возвыситься до постижения существа Божия, а просто только говорил о Боге и Божественном Его Логосе. Слово наше относительно сего предмета косноязычно; мы не в силах сами по себе сказать что-

либо о Боге; и это очень естественно. Дело не в том, что мы бессильны определить Его именем: оно постоянно на устах у всех мудрецов и даже поэтов. И не в наследовании Божественного существа дело. От этого совсем и отступить должно, потому что такое исследование невозможно. Мы не в состоянии очертить даже свойств Божиих и чудных дел Его. Даже и те, которые свидетельствуют о себе, что они были наставляемы самим Богом, даже и от них постижение идеи Божеского существа требовало трудов и напряжений чрезвычайных. Но и после они имели познание о Боге очень слабое, хотя им содействовала в сем благодать Божия. А между тем они ведь уже приобыкли проникать в волю Его чрез совершение Его воли и Духа Святого дыхание познавать чрез Него же самого, ибо Дух Божий изведывает все, даже и глубины Божии; дух же человека естественного не приемлет того, что от Духа Божия (1Кор. 2:10–14).

Итак, значит только та мудрость, коей носителями состоят христиане, есть единственная, Богом открытая. Отсюда текут «все источники» ⁸⁶³ премудрости, кончавшиеся в Истине. Известно, что пришествие Спасителя, сошедшего к людям для научения их, было предсказано бесчисленными способами: чрез знамения, чрез вестников, чрез предуведомителей, чрез упредителей. Все они, начиная с самой колыбели мира, то самым делом, то словами предсказывали пришествие Спасителя, где Он явится и когда и какими чудесами будет сопровождаться чудо Его появления. Закон и пророчества уже издалека указывали на Него. Потом Предтеча указывал на появление Его уже как на совершившийся факт. После Предтечи Апостолы открыто проповедовали о чуде Его воплощения.

Философы нравились только Эллинам, да и то не всем, а лишь немногим. Так Платону нравился Сократ, и он выбрал его учителем себе. Ксенократу по праву пришелся Платон, и он облюбовал его тоже в учителя себе. Феофрасту люб был Аристотель, а Клеанфу Зенон. Но все эти наставники влияли только на своих учеников. Нашего же Наставника слово не ограничилось пределами только Иудеи, подобно тому как эллинская философия распространена была в пределах лишь

Эллады. Разлившись по всему миру, наше учение одновременно и одинаково движения вызвало между племенами и в селениях из среды как Эллинов, так и варваров; к послушанию себе стало обращать сполна города, целые дома, и из отдельных личностей побеждало собой всех, кто внимал ему; но и из самих философов оно привело к истине немалое число. Эллинская мудрость, если какой властитель на нее запрет налагал, тотчас же замирала. Наше же учение с самого того времени, как впервые начало быть проповедуемо, подавить стараются цари и тираны, отдельные правители, должностные лица с целой армией состоящих них на жаловании соучастников. Они объявили формальную войну нам, чтобы, насколько на это есть силы у них, стереть нас с лица земли. И что же? Святое учение наше со дня на день все более и больше расцветает. Не как учения человеческие, оно заглухнуть не может, ни зачахнуть, как если б это был дар какой внутренне-дряблый и гнилой, нет. Даров Божиих скудных нет. И вот почему не может быть ему препон поставлено или оно быть остановлено в своем движении, хотя впрочем ему и другое обетование дано: «Постоянно ты будешь терпеть преследования».

Об искусстве поэтическом Платон сказал следующее: «Поэт есть существо некое воздушное и священное. Он не в состоянии писать стихов, если не будет тронут Духом Божиим и не выйдет из себя» ⁸⁶⁴. Демокрит выражается подобным же образом: «Все, что поэт пишет под влиянием Духа Божественного и священного, все то удивительно прекрасно». О чем писали ваши поэты, это нам известно; и если вы ими восхищаетесь, то не тем ли естественнее вам удивляться и восторгаться пророками Бога Вседержителя? Они состояли орудиями голоса ведь Божественного!

Воспроизводя предносившийся нам образ гностика, мы изобразили как бы на картине величие и красоту его нравственной жизни. Воззрения же его на природу физическую изложим мы, когда будем говорить о происхождении мира.

Книга седьмая

1. Истинный гностик есть истинный почитатель Бога: неверующие несправедливо обвиняют его в безбожии и нечестии.

Время уже показать Эллинам, что человеком истинно благочестивым и религиозным состоит только гностик. Пусть мудрецы их, узнав отсюда, каков истинный христианин, с одной стороны сознают собственное свое невежество и убедятся, что безрассудно и без всяких оснований преследуют это имя; с другой стороны повинятся, что неправо клеймят названием атеистов тех, кои состоят почитателями истинного Бога. Против мудрецов нужно привести и основания чисто человеческие, дабы они с точки зрения своих собственных учений могли их понять, хотя силами, истекающими из веры, это еще и не может их проникнуть, ни сделать их достойными сего. Мы повременим пользоваться изречениями пророческими; на некоторое время отложим в сторону и Свящ. Писание. Вкратце мы укажем только на их значение, когда будем изображать христианство; и чтобы не нарушить последовательности речи, мы совместно будем излагать и положения Свящ. Писаний и свои рассуждения, имеющие в виду тех, кто смысла священных текстов еще не постигает. Раскрыв же смысл Свящ. Писаний, мы преднесем сердцам верующим обильную жатву и свидетельств. Если же некоторым умам простым и непросвещенным наши речи покажутся несогласными с Писаниями Господними, то пусть узнают они, что именно на них то и основывается сила и живость наших речей и что вместо буквы мы извлекаем из свящ. книг дух, обогащая чрез это свою мысль. Бывает нередко, что смысл очень точный и не во время приведенный по справедливости считается бесполезным; равным образом не остановиться хотя на минуту вниманием на вещах фундаментальных значило бы обнаружить не меньше небрежности, чем и умственного убожества. Но по истине *блаженны хранящие заповеди Господни и ищущие Его всем сердцем своим (Пс. 118:2).* О Господе же свидетельствуют закон и пророки (Деян. 10:43).

Итак, мы намерены доказать, что только один гностик обладает святостью, что только он воздает Богу почитание достойное Его величия. Из того же, что он воздает Богу поклонение, приличествующее Его величию, с несомненностью следует, что он любит Бога, а следовательно что и сам он в свою очередь любим Богом. Все превосходное он считает достопочтенным, и именно в меру превосходства того и величия. Из предметов, кои чувствам подлежат, он признает почтения достойными правительство, родителей и вообще всякого старца. Из различных учений он чтит преимущественно древнейшую философию и пророчества, ранее других изреченные. Из предметов, лишь разумом постигаемых, он чтит как Существо высшее того, кто состоит источником бытия, начало вечное, Безначального, в Котором однако же заключено начало всего существующего; я говорю о Сыне, от которого нам только и можно было узнать, какая из причин предшествовала всем остальным. Что же это за причина и за сила? Причиной всего существующего, древнейшей и благодетельнейшей, состоит Отец, Которого имени не может произнести язык человеческий, поклоняться же которому следует в глубоком молчании, глубоко смиренном почтении и изумлении. Тайну Его существа Господь возвестил в той мере, в какой могут вместить ее ученики веры; она постигнута теми, которые Господом были предопределены к ведению и чье разумение было подготовлено к пониманию (Евр. 5:14), как говорит Апостол. Итак, почитание, воздаваемое гностиком Богу, состоит в неусыпной его заботе о собственной душе и в том, что во всех своих занятиях он преследует постижение Бога. К этому поклонение сие сопровождается и поддерживается нескончаемой щедростью. Что же касается до услуг, оказываемых людям, то одними из них он имеет в виду улучшать людей, другими же помогать им и утешать их. Медицина врачует тело; мудростью же возрождается дух.

Другой род услуг, это – помощь, оказываемая детьми родителям, подданными – начальникам и правительству. То же видим мы и в церкви. Священники⁸⁶⁵ состоят представителями служения улучшающего и исправляющего; оказывание же

помощи и поддержки на обязанности диаконов. Прохождением двойного сего служения, раздачей вещей земных, ангелы эти и служат Богу. Гностик тоже служит Богу; и как скоро призывается учить людей и исправлять, сообщает людям те возвышенные созерцания, кои могут улучшать их. Нет ни в ком здесь на земле ни благочестия ни Богопочтения кроме как в верующем, который в вещах земных служит Богу со славою и безупречностью. Подобно тому как наивысшая культура есть та, которая, доставляя человеку выгоды в различных промыслах, искусствах и сведениях земледельца, снимает жатвы и производит торговые обороты: точно так же и благочестие гностика, – в себе одном сосредоточивая плоды, приносимые теми, кто служением его был приведен к вере, – благодаря его способностям, собирает богатейшее из всех сокровищ; это – когда он приводит в чувство и ставит на путь спасения многих из своих братьев. Если верно то, что теопрения есть настроение обычное, при коем поклонение Богу воздается в полной гармонии с Его величием, то христианин, воздающий такое почитание Богу, один только и есть друг Его. Друг Божий знает, что угодно Богу; знает он с точки зрения теоретической и практической, какую жизнь должен вести тот, кто в будущем имеет стать богом, а в настоящем должен уподобляться Богу.

По той же самой причине гностик и любит Бога более всего. Чтить отца значит любить его; точно так же чтить Бога равнозначительно с любовью к Нему. Дарования гностика, как нам кажется, проявляются следовательно тремя силами: во-первых он проникает ими в глубину вещей; во-вторых исполняет заповеди Агнца; в-третьих благодаря им гностик оказывается способными передавать тайны познания в наставлениях, отвечающих величию Божию.

Теперь я спрашиваю: Что же за причина это, что человека верующего в бытие Вседержителя и получившего из уст самого Сына Его, несотворенного, откровение Божественных тайн, обращают в безбожника? Безбожник, это – нечестивец, отрицающий бытие Божие. Не переряживайте его и в суевера. Человек суеверный боится демонов, возводит в божеское

достоинство все существующее: дерево, камень; а дух и человека, разумом живущего, низводит на степень раба, движимого лишь страхом.

**2. В предвечном совете Отца принято, чтобы Сын
был Творцом всего
существующего и Промыслителем о нем.
Потому и промышляет Он о людях и устроит
спасение их.**

Первая ступень веры, это – знать Бога и Ему повиноваться. За тем следует признавать во всей его полноте учение Спасителя и рассуждать так, что никому не причинять никакой несправедливости есть необходимое условие и следствие сего Богопознания. Человек, воздающий Богу наиболее чистое поклонение, на земле есть явление наидостопочтеннейшее. Достоин почитания уже и Ангел небесный. Уже местопребывание и наибольшая чистота существа делают Ангелов наиболее близкими участниками вечной и блаженной жизни. Но существо совершеннейшее и святейшее, неограниченнейшее, возвышеннейшее, властеннейшее, царственнейшее и благодетельнейшее есть Сын Божий, по естеству ближайший к единому Вседержителю ⁸⁶⁶. Представляет собою превосходство над другими существами наивысшее – все упорядочивать и всем повелевать согласно с волею Отца, управлять всем премудро, обнаруживать во всех своих делах всемогущество, не знающее ни утомления, ни изнурения. Таково именно действование Сына Божия, наблюдающего тайные законы бытия. Он никогда не оставляет, не сходит с центральной точки своего промыслительного обозрения. Неделимый, нерассекаемый на доли, не имеющий нужды переноситься с одного места на другое и в тоже время постоянно находясь везде, но вместе с тем и нигде в частности, всецело Он состоит разумом, всецело светом, весь Отчее око, все видит, все слышит, все ведает, поддерживает все физические силы своим всемогуществом: таков Сын. Воинства Ангелов и богов ⁸⁶⁷ небесных благоговейно повинуются Ему, Отчему Логосу, принявшему на Себя все домостроительство, лишь бы угодным быть Тому, который *все покорил Ему* (1Кор. 15:27, 28). Вот почему все люди и составляют Его

собственность, как познавшие Его, так и не познавшие еще; одни в качестве друзей (Ин. 15:14, 15), другие в качестве верных слуг (Евр. 3:5), еще иные просто в качестве слуг. Таков Учитель наш. Посредством тайн воспитывает Он истинного мудреца (гностика); чрез утверждение в доброй надежде – простого верующего; чрез исправительное воспитание, поддерживаемое средствами сильно действующими на чувство, – человека жестокосердого. Так промышление Его обнаруживается в общем и в частностях, всюду и во всем. Он – Сын Божий, Господь наш и Спаситель. Со всею ясностью свидетельствуют о сем Боговдохновенные пророчества. Состоя Господом всех без исключения, и Эллинов и варваров, Он убеждает всех, кто желает быть убежденным. Не насильно Он навязывает всем свое спасительное домостроительство, а поставляет оное в зависимость от свободного выбора; и от принявшего спасение из руки Его за исполнение всего, обещаемого Им, требует лишь исполнения заповедей своих. Он это и Эллинам дал мудрость (философию) чрез посредство низших Ангелов ⁸⁶⁸. Ибо древним Божественным повелением Ангелы распределены между народами (Втор. 32:8, 9). Но часть Господню составляют только верные. Одно из двух: Или Господь не о всех людях печется: и это могло бы быть объясняемо бессилием Его. Но ужасное богохульство приписывать Богу человеческую слабость. Или же Он и в силах пещись о всех, но не желает сего, что несогласно с Его благостью. Нельзя сказать также и того, что Он не печется о людях, удерживаемый от того немощами принятой Им на Себя плоти нашей. Так приходится признать что Он печется о всем. Это и с существом Его согласно, ибо Он есть Господь вселенной. К этому Он и Спасителем состоит всех без исключения людей, а не этих только или тех. Он распределил дары своего милосердия смотря по приемлемости каждого. Одаровал Он так Эллинов и варваров, а также и верных своих и избранных, которых как из Эллинов так и из варваров *предопределил* ранее, но призвал под свои знамена только в определенное Им время (Рим. 8:30; Тит. 1:2 и т.д.). И завидовать ни чьему милосердому усыновлению Он не мог, потому что равно всех призывает; высочайшие же почести Он соразмеряет

с высотой веры и ее твердостью. Ни посторонняя никакая сила не могла бы воспрепятствовать Ему в Его намерениях или удержать Его от исполнения их: Он ведь Господь вселенной и исполняет лишь волю всеблагого Вседержителя Отца. Притом же зависть вовсе и несвойственна Господу бесстрастному и родившемуся безначально. Да и способно ли что либо касающееся человека возбудить зависть Господа? Есть у человека другой завистник, обуреваемый всякого рода страстями.

Нельзя утверждать также, что Господь не желает спасти род человеческий по неведению, как применить свою благодать к каждому из людей в отдельности. Это нелепость. Нельзя говорить о неведении Того, Кто еще до сотворения мира был советником Отца. Это Господь ведь был под именем премудрости *радостью* Бога Вседержителя (Притч. 8:30). Сын Божий есть благодать, сила и всемогущество Отца, Логос Его, рожденный ранее всего; это премудрость Отчая. О Нем в собственном смысле этого слова можно сказать, что Он есть и учитель всех созданных Им существ. Скажут, что Он отвлекается от промысления какими либо наслаждениями. Но как предполагать это о Том, Кто, приняв на Себя нашу страстную плоть, своим учением преобразовывает ее в бесстрастную? А потом не в силу ли того именно Он и Господом называется и Спасителем, что состоит таковым для всех, кто, жаждав познать Его, за тем уверовал в Него? Для не уверовавших же еще Господь Он потому, что настанет некогда день, в который и они в состоянии будут исповедать Его и принять из Его десницы особенное, приспособленное к их положению, благодеяние. Каждое же из благодеяний Господних имеет отношение к Вседержителю; Сын и есть, так сказать, действие Отца. Итак, Спаситель никогда не может питать ненависти к человеку. Проникнутый высшей любовью к нему, Он не пренебрег немощами нашей плоти и облекся в оную, чтобы явить Себя Спасителем всех людей без исключения. Ибо вера есть общее достояние всех, кто только желает избрать ее. Нечего опасаться, как бы Господь не пренебрег своим творением. Не человек ли только, единственное из всех

сотворенных Богом живых существ, одарен разумом? Другого о человеке промышления Божия, в коем было бы больше гармонии, нежели в существующем, никогда и быть не может. Существу по природе высшему естественно управлять существом низшим; владычество по естественному праву принадлежит тому, кто своею властью пользуется достославно. Но кто в действительности всем управляет и повелевает? Не Логос ли Божественный и Его провидение, озирающее сразу все части целого и не пренебрегающее попечениями ни о каком существе, составляющем Его собственность? Но достояние Его и общество друзей Его составляют те, которые Ему посвящают себя чрез веру в Него. Сын Божий согласно с волею Отчею есть первоисточник всякого добра, первовиновник всякого движения, — сила непостижимая человеческим разумением. Действительно тем, кто по немощи своей природы был неспособен к пониманию, Он и не являлся таким, каким был в действительности. Но вот Он принимает на Себя видимую плоть. Он своим примером предшествует людям в исполнении закона и показывает тем, что и они могут и способны к этому. Будучи силою Отчею, Он без труда исполняет все, чего бы ни восхотел взыскивая своим промышлением все до мельчайших подробностей, ничего не оставляя без одного. Если бы не было так, то целое не было бы создано столь стройно. Свидетельством же Его всемогущества служит, сколько я понимаю это, тщательное уравнивание всех частей управления, начиная с высших и кончая низшими. Очевидно, что управление это исходит от Руководителя высшего, от Того, кому волею Отчей передано заведывание вселенной. Охраняема будучи целой иерархией начальств, подчиненных одно другому, со ступени на ступень лестница эта приводит нас к самому Великому Первосвященнику. От единого сего, повелевающего всем, Начала, Вершителя, как уже было говорено о сем нами, воли Отчей, исходит все, и первое и второе и третье. Затем на высших ступенях видимого мира поставлены легионы блаженных духов, соподчиненные друг другу иерархически и нисходящие даже до нас, сами же будучи

охраняемы лишь Единым и чрез охранение нас служа Ему только.

Мельчайшие частицы железа послушны притяжению магнита, влияющего на многочисленные атомы сего металла. Подобно сему и люди Богобоязливые, привлекаемы будучи воздействием Свята го Духа, соединяются одни в первой скинии завета, другие же в других, и так даже до последней ⁸⁶⁹. Люди же злые, не желающие употребить никаких усилий над собой, воспитавшие в себе дурные склонности своей неводержностью, и с тех пор не в состоянии будучи от них воздерживаться, они, покинутые поддерживавшей их рукой, носятся туда и сюда, волнуемые бурей страстей и наконец упадают на землю. Закон этот был утвержден изначала: Добродетель может быть избираема человеком лишь свободно. Вот почему и заповеди, данные как человеку подзаконному так и человеку времен новых, не к праведникам обращены, – потому что *закон не для праведников дан (1Тим. 1:9)*, – а к избирающим исполнение оных и обещают воздаяние блаженством и вечной жизнью за решение в сем направлении свободное. Людям же, кои облюбовывают порок, они предоставляют вращаться среди предметов, коим они оказывали предпочтение. И опять: душам же, ежедневно трудящимся над улучшением и усовершением себя чрез привитие к себе добрых качеств и чрез приумножение праведности, они назначают скинию, жилище наиславнейшее из всех, как возмездие за труды вполне их достойное. И в самом деле, чрез ряд успехов не достигают ли они постепенно даже бесстрастности, *возраста мужа совершенного (Еф. 4:13)*, того т. е. состояния, которое представляет собою завершение познания и наследие наиболее славное?

Спасительны эти обращения, разнящиеся одно от другого строем, в каком они происходят, временем, местом, важностью, обнаружением высшей мудрости, наследием (ими с собой приводимым), и обязанностями, налагаемыми каждым из них. Обращения эти конечно и будут существовать даже до наступления сверхъестественного человеком созерцания Господа в вечности. Ибо любезное по самой природе своей

человека, всеми своими силами из любви к знанию обращенного к созерцанию, привлекает к созерцанию и своей сущности. От сего то и происходило, что Господь хотя и почерпал заповеди из одного и того же источника, но давал оные то в качестве первоначальных, то позднейших. Он ни того не желал, чтобы жившие до закона жили без определенных правил, ни того, чтобы народы незнакомые с философией варваров, не имея узды, которая сдерживала бы их, увлекались всеми излишествами. Одним – заповеди, другим – философия. Чрез это Он удерживали народы от неверия до самого своего пришествия, с какого времени беззащитен уже всякий, кто не верит. Будет ли взята за исходную точку точка зрения эллинская или варварская, это безразлично, потому что и та и другая ведут к совершенству чрез веру. Если же какой либо эллин помимо философии, не осветив себя предварительно ее светом, вдруг принял бы наше учение истинное, то в какой бы степени ни предполагать его необразованным, все-таки он на неизмеримое расстояние оставит за собой всех образованных, но к вере не пришедших, потому что его вера избрала путь к спасению и к совершенству сокращенный. Лишь бы не стесняемо было ничем действие свободной воли человеческой, а все остальное Господом Богом обращено в пособие добродетели, дабы люди слабые и недальновидные, так или иначе, могли в лице Существа единого и всемогущего из рода в род зреть милосердную любовь Божью, нас спасающую чрез посредство Сына. Но ни в каком случае сие Существо не может быть началом зла. Все творение Господом вселенной и вообще и в частях было направлено ко благу ее.

Итак, дело Божественного правосудия, содевающего наше спасение, состоит в том, чтобы по мере возможности каждое из существ довести до состояния для него возможно лучшего. Существа менее других возвышенные доводятся до спасения и состояния наиболее совершенного соответственно свойствам их. Это потому, что кто предан добродетели, тот тотчас же делается лучшим, уже в себе самомнося зародыш сего возрождения в виде принятой им истины, которую и до того

момента душа уже готова была принять. Наказания же, налагаемые на нас за наши грехи или служебными Ангелами или вытекающие из неисполнения заповедей как необходимое сего последствие или предначинающие собой осуждение загробное, по милосердию назирающего за нами всевышнего Судии, тех, кои не чувствуют своего отступничества (Еф. 4:19), ведут лишь к покаянию.

3. Мудрец истинный (гностик) напрягает все силы своего духа и тела, чтобы уподобляться Богу и Его Сыну.

Можно бы о действии Сына в мире сказать и еще многое, но ограничусь лишь прославлением Бога. Однако же необходимо сказать следующее. Души истинных гностиков отменностью своего созерцания возвышаются над строем каждого рода святой жизни. Им за это назначены посему для местопребывания жилища блаженных богов ⁸⁷⁰. За превосходящую свою святость причисляемые к святым и перенесенные из мест счастья в места блаженства, они переходят из одной обители блаженства в другие, еще более их осчастливливающие. Вместо того, чтобы созерцать существо Божие как бы в зеркале, гадательно и в тумане (1Кор. 13:12), будучи дружественно приняты на вечерю бессмертия, они созерцают Божество особенно ясно и чисто как бы при свете солнечном и насытиться сим созерцанием не могут. По наивысшей своей любви к Богу они наслаждаются блаженством нескончаемым, проникаются радостью неизъяснимою, никогда не имеющею кончиться. Они оказываются удостоенными так сказать отождествления по своей природе с существом Того, Кто обладает всеми совершенствами. Таково созерцание, вмещаемое чистым сердцем (Мф. 5:8); они созерцают и некоторым образом познают самое существо Божие. При посредстве Великого Первосвященника достигший совершенства гностик беседует с Богом. Чрез полноту своего благочестия, он уподобляется, насколько то возможно, Господу, потому что он обращает внимание на изливаемые на нас Богом благодеяния, ищет спасения людей прохождением святых служений, распространением учения и наконец доброй деятельностью.

Состоя результатом собственных трудов над собою, гностик сам себя назидает и созидает. И даже более того. Он назидает своими добродетелями и своих учеников ему внимающих, воплощает в себе подобие Божие. Живя в единении с Богом, от

которого не в состоянии оторвать его никакие человеческие страсти, он в меру сил своих уподобляется Тому, кто бесстрастен по существу своему. Говорим: уподобляется, ибо сия бесстрастность у него является плодом труда и борьбы. Тихость духа, человеколюбие, чрезвычайное по отношению к Богу благочестие, вот по моему мнению правила гностического уподобления Богу. Эти добродетели суть *жертва благоуханная*, о коей говорит Апостол (Флп. 4:18), потому что по Свящ. Писанию *сердце сокрушенно и смиренно* и истинное познание, вот *всесожжение Богу* приятнейшее (Пс. 50:17, 19), приносимое Ему всяким человеком, который возвышается до святости и который просветляется оною настолько, что сам в лучах Божества тонет.

Да, и Евангелие и Апостолы заповедуют нам, по отложении греховного бремени и выведении души из состояния смятенного, налагать оковы на свое тело, от себя самих отрекаться, умерщвлять в себе ветхого человека, лишь заражающего нас своими пожеланиями и вызывать от смерти к жизни человека нового (Рим. 6:6, 7; 2Кор. 10:5; Еф. 4:22–24; Кол. 3:8, 9). То же самое таинственно было внушаемо уже и законом, когда он повелевал изгонять грешника из среды народа. Закон чрез это имел в виду понудить грешника к оставлению образа поведения, ведущего лишь к смерти и обращению к жизни, т. е. к бесстрастию, проистекающему из проникновения верой. Но изъяснителями закона, книжниками, не была постигнута эта истина. Они истолковывали закон так, что толкования те возбуждали лишь соперничество и распри, а самый закон чрез это был лишь дискредитируем пред теми, кто не имел надлежащего понятия о нем.

И вот почему мы мудро поступаем, не принося жертв Богу, потому что Он все имеет в изобилии и сам всем доставляет все. Вместо этого мы прославляем Того, Кто Самого Себя принес в жертву за нас, а ограничивая свои пожелания и потребности, чрез то, по подобию Его, тоже себя самих приносим в жертву тому Существу, которое ни в чем не нуждается; и от страстей отрекаясь мы тем ту же жертву приносим Существу

бесстрастному. Бога и действительно ничто столько не радует как наше спасение.

Да, мы считаем себя в праве не чтить принесением жертв то Существо, которое никогда не бывает побеждаемо никакими чувственными удовольствиями. Жертвенный дым, всегда рассеивающийся в нижних слоях воздуха, чуть-чуть достигает даже и ближайших к нам облаков, если только вообще он достигает их. Что для Бога все богатства и сокровища земные? Он ни в чем не нуждается, не ищет никаких чувственных удовольствий; не корыстолюбив Он, не сребролюбив, Он сам обладает всеми сокровищами и изливает на свои творения всю полноту своих щедрот. Нечего и думать потому о снискании Его благоволения принесением жертв, разных вещественных даров, воздаянием Ему разных обычных у людей почестей и прославлений; ничем подобным нельзя привлечь на себя Божия благоволения. Он открывается только людям добрым и добродетельным, никогда не изменявшим правде, ни под влиянием угроз ни под влиянием разных соблазнов и обещаний.

Некоторые, не признавая за человеческой душой самостоятельности и свободы выбора, а равным образом и на то не обращая внимания, что до полного рабства она доведена быть не может, не могли терпеливо переносить причиняемых им грубых и бессмысленных несправедливостей и в негодовании на это отрицали бытие Божие ⁸⁷¹. К тому же мнению склоняются и люди невоздержные, преданные чувственным удовольствиям, измученные тяжкими страданиями, подвергшиеся неожиданным несчастьям, сломленные превратностями счастья: они тоже говорят, что нет Бога, или если и есть, то промышлением своим Он не обнимает де всего существующего. Еще иные, воображающие, что богов много, полагают, что их можно умиловать жертвоприношениями и дарами, так что они способствовать будут удовлетворению их страстей. Чрез это они уже прямо отвергают бытие только единого истинного Бога, Собой олицетворяющего правоту, истину и благодать.

Итак, наш гностик благочестив. Первее всего он заботится о себе самом, потом о ближнем, усовершению которого в добре он содействует всеми силами. Сын, трудящийся над тем, чтобы сделаться добрым и уподобиться своему отцу, не доставляет ли собой радости отцу? То же самое нужно сказать и о подчиненном, поддерживающем подобные отношения к своему начальнику. Потому что верить и повиноваться, вот два дела, вполне зависящие от нашей власти. Пусть не говорят необдуманно, что причиной зла недостатки материи, а также легкомыслие происходящее из невежества; да и вообще – что зло необходимость, ибо многого мы не знаем ⁸⁷². Как же гностик над этими необходимыми законами физической природы, как бы над какими неразумными зверьми, торжествует благодаря правилам своего поведения? Торжество его такого рода, что он оказывается даже Богу подражателем, разумеется в меру сил своих; ибо он отвечает добром всем тем, кто просит у него помощи. Облечен ли властью он? Тогда новым Моисеем для общего блага становится он во главе народа и считает своим призванием вести оный ко спасению. Он делает ручными людей диких, смягчая их нравы и к вере несклонных приводя к ней. Лучших и добродетельнейших он взыскивает почестями, злым же воздает наказаниями, наблюдая при сем однако же разумную меру, какая его правдивостью признается необходимою для исправления виновных. Душа праведника действительно есть как бы образ и подобие Божества. Или лучше: Наблюдение заповедей ее обращает в святилище, в коем действительно поселяется Вождь смертных и бессмертных, Царь и Творец всего прекрасного, Закон и Заповедь истинные, вечный Логос, одним словом единственный Спаситель каждого в частности человека и всех вообще. Это действительно едиnorodный Сын, отобраз славы Царя вселенной и Вседержителя Отца (Евр. 1:3). Он в душе гностика напечатлевает свой образ, чтобы гностик мог возвыситься до созерцания полноты оногo ⁸⁷³. Чрез это сам гностик становится уже третьим Божественным образом; ибо муж сей в меру возможности уподобляется второй Причине, Жизни истинной, при содействии которой только и живем мы

истинной жизнью. Так понимаем мы гностика. Он утверждается образом своих мыслей и жизни на основаниях непреложных и неизменных.

Владея самим собою и ведая то, начало чего находится в нем самом, верно понимая содержание ума даже Божьего, гностик находится к истине в отношениях искренних. Знание и постижение предметов, какие только доступны нашему уму, действительно с полным правом может быть названо знанием непреложным. Одна часть сего знания, а именно та, которая занимается предметами до Божества касающимися, имеет своей целью определить главную причину всего; – обсудить, что это за причина и за начало, *которым все создано и без которого ничего не произошло* (Ин. 1:3), что это за субстанции, материю проникающие, сдерживающие, соединяющие и разделяющие, что за порядок, что за значение и какое назначение каждая из них имеет. При делах человеческих она спрашивает себя: Что такое человек? Какой конец соответствует его природе и какой противоречит ей? Как человек должен управлять собой? Как должен он страдать? Какие его добродетели и пороки? В чем добро, в чем зло и что характера общего? Что такое мужество, благоразумие, воздержность? Что такое справедливость, добродетель из всех наилучшая? Благоразумие и справедливость способствуют гностике в достижении мудрости. Опираясь же на мужество, он не только трудным обстоятельствам противостоит, но и приманкам чувственных удовольствий, пожеланиям, горю, гневу, вообще тому, что может осилить душу или соблазнить. Переносить должны мы не только зло и напасти, но и все, чем возбуждается в нас страх и боязнь. Полезно посему и горе. Это деятель, коему предназначено исцелять, научать, исправлять; он преобразовывает нравы человека к его же благу.

Мужество имеет несколько оттенков, как то: терпеливость, возвышенность и благородство образа мыслей, великодушие, щедрость, благородный образ действий. Отсюда происходит, что гностик несколько не трогается суждениями о нем людей пошлых и не поддается он мнениям и лести толпы. Касается ли дело перенесения горя и трудов? Он исполняет свой долг,

несчастьем противостоит с непоколебимой твердостью, возвышается над ним. При всех изменениях судьбы он остается истинным человеком, не обнаруживая в себе ничего детского. Между прочим сохраняя благоразумие, его никогда не покидающее, он живет воздержно и сохраняет душевное спокойствие, принимая предназначенное ему как вещь ему наиболее приличествующую и отклоняя от себя как враждебное своей природе все то, что сопровождается позором. Он наблюдает чистоту и непорочность вышесемские, ведя себя с достоинством и приличием и чуждаясь всего, что может запятнать его душу. Он утопает в роскоши, но какой? При своих несложных нуждах ничего не желая и потому в знании добра обладая полнотою благ. Первая отличительная черта его справедливости, это любовь ко всем, кто одного с ним происхождения. Жизнь и сопребывание с ними в союзе любви как на земле так и на небесах, вот жизнь его души. И вот почему он охотно дает, если чем либо владеет. Человечный и сострадательный по отношению к человеку, он только порок и грех ненавидит по безусловному к ним отвращению.

Итак, вот чему учиться нужно: оставаться верным самому себе и ближнему, сообразуясь в сем с учением Спасителя. Кто добровольно повинуется закону, тот слуга Божий. Но если кто очищает сердце уже не в силу послушания заповедям закона, а из любви к познанию, то становится тот другом Божиим. Мы не рождаемся уже от природы с добродетелями, а когда и родимся, то добродетель развивается в нас не на подобие органов наших, без личного нашего соучастия. Если бы это было так, то еще ничего в том не было бы похвального; наша воля и достоинство не имели бы никакой цены. Добродетель и на речь нашу не похожа. Наше слово складывается постепенно, изо дня в день, под влиянием разных событий и привычек. Этим способом скорее развивается грех, а не добродетель. Тоже можно сказать и о незнании. Оно не есть плод какого либо искусства, будет ли это иметь своим предметом какую-либо выгоду или заботу о теле. Не ожидайте для добродетели поддержки и от курса наук. Много, много, если

признать за ними влияние подготовляющее и изощрение душевных способностей, особенно понимания. Нет сомнения, что законами гражданскими преступления могут быть подавляемы. Но никакие вразумления словами, как бы ни были они старательно составлены, без веры недействительны; пусть имеют они целью доведение людей до убеждения в чем либо, они ложатся только на поверхность души и никогда не могут утвердить истины в душе неколебимо и научным образом. Мы уже говорили, что эллинской философии свойственно лишь предпочитать душу и что она лишь подготовляет ее к принятию веры. Затем является истина и на этих основах созидает собой познание.

Вот истинный борец, одерживающий победу на арене размеров необычных, потому, что ею состоит весь прекрасный мир этот; а борется он за спокойствие от всякого рода душевных смятений и увенчивается за достижение оногo. Устроителем сих состязаний состоит сам Бог Вседержитель ⁸⁷⁴; раздаятелем же наград едиnorodный Сын Божий. Зрителями состоят Ангелы и боги ⁸⁷⁵. Борьба же многоразличная и состоит в состязаниях разного рода, ибо нам приходится бороться не только *против плоти и крови* (Еф. 6:12), но и против сил духовных, кои чрез влияние на плоть поднимают в нашей душе сильные бури пороков и страстей. Христианин, победоносно выдержавший эти великие состязания и того самого искусителя, который ищет запясть нас, повергший к своим ногам, чрез то самое уже завоевывает себе бессмертие, потому что на правосуднейшем суде Божиим не может быть приговоров неверных. Призываются же к состязанию все зрители (1Кор. 4:9), хотя на арену и выходят только борцы, и победителем из них хотя и бывает только тот, который был наиболее послушным наставлениям Гимназиарха ⁸⁷⁶. В конечном пункте арены для всех Богом уготованы равные награды, и не Агонотет виноват будет в нашем неуспехе. Милосердием взыскивается тот, кто стоит милости, а заслуживает оной кто добивался ее, обладая волей для того более энергичной. На то мы и умом одарены, дабы знать, что следует нам делать; и наставление «Познай самого себя» в данном случае означает не иное что как

следующее: «Познайте, на какой конец все вы сотворены». Сотворены же мы и поставлены в сем мире для того, чтобы быть верными исполнителями заповедей, если хотим наследовать спасение. Сие Божие домостроительство о нас обойдено быть не может.

Итак, долг человека – повиноваться Богу, который за послушание Его заповедям установил награды разными степенями блаженства. Признанием Божественных нам благодеяний мы низводим на себя Божие благоволение, ибо за щедродательность Божию никогда мы не в состоянии ничем иным возблагодарить Благодетеля по достоинству. Верен же тот, кто принял учение после надлежащего размышления и охотно и если точно он наблюдал заповеди; тот же, кто за благодеяние платит и любовью, сей уже друг. Нет для человека иного и лучшего способа выразить благодарность Богу кроме как исполнять угодное Ему. Тогда наше преспеяние в добре и совершенствование, предпринимаемое в целях угождения Богу и благодарности Ему, Господь и Спаситель наш принимает как если бы дело касалось собственной Его славы и чести или как если б это дань была, Ему нужная (Мф. 10:40–42; Мф. 25:40, 45; Лк. 10:16; Ин. 13:20). Если же таким верным причиняем был бы какой либо вред отвне или обида, то в лице их Бог Себя тогда видит неблагодарно оскорбляемым; презрение к своим верным тогда Он принимает за презрение к Себе; опозорение их вменяет в опозорение Себя. Лично же Бог каким образом и мог бы обещен быть? Вот почему люди никогда не в состоянии возблагодарить Господа за Его щедроты по достоинству, за великий дар спасения ответить Ему чем либо столь же великим. По законам гражданским повредить чьей либо собственности равносильно с нанесением вреда лично владельцу ее; оскорбить солдата значит нанести оскорбление и командире его. Подобное же можно сказать и об отношениях Господа к верующим в Него. Обижая тех, кои себя посвятили Ему, вы презрение выражаете самому Богу. Взгляните на солнце. Его лучами освещается не одно только небо; оно изливает свет свой на все существа вселенной, на сушу и на море. Нет щели, в которую тот свет не проникал бы; нет такого

потаянного местечка внутри домов, которого солнце не могло бы осветить. Свет Логоса не менее всеобъемлющ. Не найти в человеческой жизни таких мелочей, как бы ни были они ничтожны, которые лучами света Его не были бы освещаемы.

4. Язычники измыслили себе богов по подобию своему. Эти подобны были им по внешнему виду и по внутренним душевным движениям: тут начало и колыбель всякого рода суеверий.

Не довольно того, что Эллины себе измыслили богов по внешности похожими на человека; они представляют их раболепствующими и нашим страстям. И так как по наружному виду всякий рисует их себе подобными то «Эфиопляне, как говорит Ксенофан, изображают их чернолицыми и со вздернутым носом; Фракияне – голубоглазыми и с меднокрасным цветом лица». Равным образом они предполагают и существование души в них; и будто бы душа эта подобна той, которая оживляет и фабрикаторов их. Так боги варваров отличаются суровостью и жестокосердием; боги Эллинов кротче, но им свойственны все наши страсти. Что же следует из всего этого? А то, что люди нравственно – дурные составляют себе и понятия о богах такие же; люди же добродетельные воображают их себе прекраснее. Вот почему христианин с душою царственной и будучи человеком сведущим, гностиком, состоит настолько же верным почитателем Бога, как не разделяет он и всякого рода суеверий. Он убежден, что существует один только Бог, достойный поклонения, достойный почитаемый, дивные чудеса творящий, всех взывающий своими благодеяниями, высший Первовиновник всех благ, злу же совершенно непричастный.

В творении, нами наименованном «Увещание», мы достаточно изобличили Эллинов в идолопоклонстве. Там в доказательство этого нами приведено множество примеров; и здесь мы уже не будем возвращаться к тому, что там доказано со всей очевидностью. Но так как в настоящем случае нам снова приходится осветить этот предмет, то из многого, на что в подтверждение сего можно бы сослаться, приведем одно или два свидетельства, доказывающие, что уподоблять Бога нечестивейшим из людей равносильно нечестию и безбожию. Делают эти поругатели святыни одно из

двух: или богов они оскорбляют, в таком случае оскорбленный сравнительно с оскорбившим очевидно оказывается существом низшим; или же нужно допустить, что боги не чувствуют оскорбления; но в таком случае, зачем же Эллина заставляют их воспламеняться таким негодованием и походить на некоторых старух, всегда готовых раздражаться, но никогда не способных сдерживать свой гнев? Так рассказывают они (Илиады IX:529 и т.д.) о мщении Артемиды, будто она из-за Энея выместила свой гнев на народе Этолий. Как Артемида, ты была богиней и не подумала о том, что непринесение Энеем жертвы вовсе не было с его стороны пренебрежением к тебе, ибо он уже приносил в честь тебя жертву, а просто забывчивостью или легкой оплошностью? Не лучше поступок и Латоны. На упрек Афины, что она осквернила ее храм родами эта защищаясь обнаруживает в ответе много смысла и говорит так:

Когда ты видишь полуизломанные вещи,
Победителем отобранные у мертвых на поле
битвы,
То это зрелище должно бы оскорблять тебя,
Ты же радуешься. А теперь гневаешься,
Что я родила в твоём святилище?
Рождают же в храмах животные,
И это не считается за осквернение их ⁸⁷⁷.

По правде сказать, после этого для меня нет ничего удивительного в том, что язычники столь склонны к суевериям. При мысли, что всякое событие есть начало несчастья, предзнаменование какогонибудь зла, гибели чегонибудь, им и естественно быть в страхе. Если крыса прогрызла дыру в жертвеннике, построенном из мусора, то это уже дурное предзнаменование. Не находя себе пищи она прогрызает сосуд с провизией; это тоже дурное предзнаменование. Откармливаемый петух пел при закате солнца: трепещите, над вами имеет разразиться некая ужасная катастрофа ⁸⁷⁸. Менандр в своей комедии «Суеверные» так осмеивает одну личность:

Бессмертные боги! Да будет сие счастливым
предзнаменованием для меня:

Ремень, придерживающий на правой моей ноге
обувь, лопнул.

Болтун! Что ж дивного тут? Он был гнил уже; и это
доказывает лишь твою грязную скупость, потому что ремень уже
давно нужно было заменить новым.

Чрезвычайно метко и тонко возражение по одному случаю
Антифона. Однажды свинья съела своих поросят. Этим
обстоятельством на хозяина свиньи навеяно было тоскливое
ожидание имеющего с ним приключиться какогонибудь
несчастья. Антифон заметил, что «животное сделало это от
плохого корму» и сказал хозяину: «Ты не печалиться, а
радоваться должен этому событию. Это – предостережение
тебе со стороны богов, как бы от голоду свинья не пожрала
твоих собственных детей». – «Что же это за чудо, говорил Блон,
что крыса, не находя ничего лучшего, изгрызла корзину!» «Вот
если бы корзина съела крысу, смеясь говорил Аркезилай, то это
было бы удивительно». Просто рукоплещу я ответу при
подобном же обстоятельстве Диогена. Некто увидев, что около
пестика его ступки обвилась змея, восторгался этим чудом.
«Перестанешь ли изумляться, сказал ему этот философ. Вот
если бы змея выпрямилась и оставалась неподвижной, а пестик
если б обвился около нее, то было бы действительно дивно». Так
и следует конечно, чтобы неразумные животные двигались,
бегали, бились, рождались и умирали. Все эти случайности им
свойственны. Нечего посему считать их за явления какие то
необыкновенные.

И множество птиц явилось под лучами солнца
(Одис. I:181).

Комик Филимон осмеивает со сцены такого рода
религиозные страхи, говоря:

Если я вижу что мой раб наблюдает,
Кто чихнул, кто и что сказал, кто вон вышел,
То я скорее бегу на рынок и продаю его.
Чихает всякий по причине ему свойственной.
Все мы ходим, говорим.
Все в этом мире развивается
По законам, обуславливающим происхождение вещей.

Итак, будем продолжать. Вот человек воздержный и он здоров. А вот невоздержный. Он набивает свое чрево пищей как бы мешок какой. Он во дни праздничные постоянно где нибудь на пиршестве; этим он навлекает на себя только разные болезни. Многие пугаются надписей, ими встречаемых на наружной стороне зданий. Этим то суеверием и вызвано было следующее колкое замечание Диогена. Однажды он встретил на жилище одного дурного человека такую надпись: «Обитает в сем доме Каллиник (победоносный) Геркулес: вход злу и злым воспрещается». «Так каким же образом теперь войдет сюда хозяин сам», воскликнул Диоген. Этого же рода люди, обоготворяющие всякий пень, всякий камень, усыряемый возлияниями на него⁸⁷⁹, трепещут при виде клочка красноватой шерсти, крупинки соли, при виде куска смолистого дерева, могущего служить факелом, кусочков серы, если все эти вещества чрез заклинания над ними волхвов объявлены за нечистые.

Бог же, который есть Бог истинный, ценит лишь святость праведников и ненавидит лишь ту нечистоту, которая происходит от несправедливости и злодейств. Бывает конечно, что из насиженных яиц, после очистительных жертвоприношений, при коих они употреблялись, вылупляются птенцы. Но этого не могло бы быть, если бы при совершении очищения они были каким либо образом повреждены.

Комик Дифил тонко смеется над заклинателями в следующих стихах:

Я очищаю дочерей Прета, самого Прета,
Сына Абантиасова, и беззубую старуху,
Между ними пятое лицо.

Очищаю их одним лишь факелом

И морской луковицей: при столь скудных средствах сколько очищаемых!

К сим средствам я прибавляю лишь серы немного, немного горной смолы

И несколько капель воды, почерпнутой на берегу многоручного моря.

Но ты, о блаженный Зевс, ниспосли мне сквозь тучи

Лишь несколько чемерицы, дабы клопа сего мне обратить в шмеля.

Менандр также обнаруживает глубокую мудрость, когда говорит:

Если б ты, мой друг, действительно был болен,
То действительную тебе нужно было бы подать и помощь.
Но против изнуряющей тебя воображаемой болезни
Вот и воображаемое целебное средство;
Не сомневайся, оно тебе послужит в пользу.

Призови заклинательниц; они, вращаясь около тебя, будут очищать тебя,

Водой орошая, почерпнутой из трех различных источников
И дождем из соли и чечевицы.

Но знаешь ли, кто чист действительно?

Тот, кого ни в чем дурном не упрекает совесть.

«Орест, Орест, восклицает трагический поэт, какой болезнью страдаешь ты?». «Моя совесть удручает меня» отвечает он; «признаю, что совершил великое преступление»
880.

Действительно нет иной чистоты кроме воздержности ото всего дурного. Эпихарм справедливо говорит: «Если твой дух чист, то чиста и вся твоя личность». Вот почему и мы утверждаем, что душа должна очищать себя чрез проверку превратных мнений рассудком; затем, освободившись от всех нечистых мыслей, она должна помнить главные положения вероучения. Следует, чтобы имеющие быть посвященными в таинства веры проходили предварительно некоторые очистительные ступени; и только уже затем на месте преданий лживых должны быть водружены в ней предания истинные.

5. Душа чистая есть храм Богу более угодный, чем все великолепные здания, воздвигнутые в честь Его рукою человеческой.

Не прекрасно ли и не правильно ли не привязывать ни к какому определенному месту присутствия Того, Кто ничем не может быть ограничен. Не правы ли посему мы, когда величие Того, Кто объемлет Собою всю вселенную, не обуславливаем храмами? По силе чего это какое либо каменное здание, материальное создание грубых рабочих, нужно считать за создание святое? Несколько еще лучше думали о сем предмете полагавшие, что достойны величия Божьего эфир и содержимое им или лучше сказать весь мир и вся эта совокупность существ, т. е. вселенная (Деян. 7:49; Ис. 66:1). Действительно, не смешно ли утверждать, что человек, говоря языком философов, «игра Провидения»⁸⁸¹, может творить Бога и что Божество в свою очередь становится игрушкой в руках человека? То, что выделываешь ты, тождественно с обрабатываемым материалом, а следовательно и подобно ему. Так изделие из слоновой кости есть слоновая кость, изделие из золота – золото. Идолы и храмы, воздвигаемые поденщиками и рабочими грубыми, созидаются из материала мертвого; поэтому они и остаются навсегда безжизненными, вещественными и не имеющими в себе чего либо святого, как и самый материал этот. Какого бы совершенства искусство ни достигало в своих созданиях, вещество всегда останется верным бездушности своей природы. Произведения искусства, каково бы ни было это искусство, никогда посему не могут быть священными и божественными. К тому же, какое новое к жизни могли бы вызвать вы существо, когда по плану, осуществленному во вселенной, нет ни одного, которое уже не занимало бы своего предуказанного ему места? Предмет где либо и кем либо воздвигаемый воздвигается потому, что до тех пор его не было тут. И так если Бог где либо, там или тут, каким либо человеком точно так же как статуя водружается, то значит был момент, когда Он и не имел своего места, а следовательно

вовсе и не существовал. Творение не существовавшее не имело и места, так как для занятия оно́го нужно существовать; место занимает только то, что существует. С другой стороны Существо реально существующее не может быть приурочено к какому либо месту существом воображающим себя чем-то якобы существующим а пожалуй и действительно существующим: Оно и само также существует, а следовательно и место занимает. Остается предположить, что Оно само себя помещает на угодном Ему месте. Но каким это образом Существо это само себя родит или как Существо это помещает само себя настолько и в таком объеме, чтобы существовать тут? Может быть вы скажете, что, ранее не имев места, Оно само себе создало такое? Но тогда вы признаете Его не существовавшим, так как на известном месте водружаемо быть может только то, чего ранее там не было. Вы считаете Божество получающим место. Но что же это значит, что наконец Оно достигает осуществления того, чем, по вашему мнению, уже раньше обладало? Пустяки все это. Существо превысшее, которому принадлежит все существующее, не может нуждаться в своем творении. Но вы говорите, что образ Бога тот же, что и человека. Но тогда Он будет иметь и нужды человека. Ему необходимы будут пища, одежда, кров и должны быть свойственны и все состояния, вытекающие из этого. С того самого момента, как двум существам вы придаете одинаковые образ и склонности, вы подчиняете их и одинаковым условиям одинакового образа жизни. Если правда, что храм есть воплощение двух этих идей, что он представляет видимым образом величие Божие, а потом служит материальным вместилищем существа Божия, то не лучше ли назвать нам храмом Божества церковь, которая, святою ставши чрез познание Бога, учреждена во славу Его? Вот подлинно святилище, святилище величественное, воздвигнутое не ремесленников руками и украшенное не искусством чародеев, а устроенное в храм волею самого Бога! Понятно, что я называю здесь именем церкви не здание вещественное. Я усвояю это имя собору избранных. Вот храм наидостойнейший для восприятия в себя величия и славы Божией. Вот жертва, по

высоте своей святости, драгоценнейшая и подобающая Тому, Кто достоин всякого почтения; скажем лучше: Кому за превосходящую святость Его ничто не может уподобиться в природе. Кто же собственно состоит этой жертвой? Мудрец истинный (гностик). Он Богу любезен. Им чествуем; и в нем воздвигнут Бог, т. е. в нем познание о Боге находит святилище себе и освящение себя. Да, в душе сего праведника мы находим святой образ и подобие Божии, потому что она блаженна, будучи подготовлена к тому предварительными очищениями, перенесенными ею испытаниями; и еще более блаженна, ежедневно в добрых делах упражняясь. Вот что еще не имеет места здесь на земле, но вместе с тем уже и находит оное в душе тех, кто достиг гностического совершенства; вот к чему должно стремиться, о чем заботиться, — о том чтобы принять в себя это содержание, хотя конечно мы и недостойны носить в себе дары Божественного ведения. Все, которые имеют и в будущем уверовать в Бога, уже верны Ему; они уже заранее в образе своих добродетелей воздвигают в себе так сказать образ Божий, изображение Вседержителя, посвященное имени Его.

6. Молитвы и благодарения, непрестанно от чистого сердца возносимые к Богу, ценнее всех жертвоприношений.

Итак, Бог не ограничен никаким местом; об образе Божиим нельзя себе составить представления ни по чему живущему. Равными образом не испытывает Бог и никаких душевных смятений, волнующих грудь людскую. Ни жертв никаких Он не желает, потому что Он не рожден подобно всем существам сотворенным и не может нуждаться в какой либо пище: голода Он не испытывает. Чего касаются страсти, то подлежит и смерти. Предлагать пищу Тому, Кто существом своим с вещественной пищей не имеет ничего общего и не питается, равносильно значит изобличению себя в сумасшествии. Комик Ферекрат в своей комедии «Беглые» выводит на сцену самих богов, остроумно представляя их пеняющими на людей за скупость их жертвоприношений. Бессмертные говорят: «Когда вы жертву приносите о скупцы, то прежде всего вырезаете и отлагаете в сторону части, которые вам стыдно назвать. После того как обчистите вы бедра даже до желез, весь бедренный состав и с позвонками, до половины обглоданный, бросаете нам как собакам. Но за тем вам становится стыдно, и скудость жертвоприношения вы стараетесь вознаградить разными плутнями». Евбул, тоже комический писатель, выражается относительно жертвоприношений подобным же образом:

Богам же вы посвящаете как каким нибудь педерастам
Лишь хвост и две лядвеи.

Дионис, выведенный в «Семеле», точно так же жалуется на своих чтителей: «Если мне и принесет кто либо жертву, то этой бывает только кровь да пузырь; о сердце же и сальнике и помину нет. Жиру и сочных бедренных частей я не ем». Менандр также пишет: «Отложивши для богов бедренный состав и позвонки, а также желчь и несъедобные кости, остальное они потребляют сами». Не вполне ли разумно оставить наконец этого рода жертвоприношения?

Дым и заколотые животные, что это за жертвы? Если же дым и запах жареного мяса действительно нужно считать почетным даром Эллинским божествам, то почему же и прежде всего в число богов не занести бы и поваров? Они ведь больше всех наслаждаются этими благоуханьями. И почему ж смиренно бы не падать ниц и пред очагами, тем воздавая им божеские почести? Они ведь всего ближе к этим драгоценным благовониям». Но вот что еще занимательнее. Если верить Гезиоду (Theog. ст. 536), то Зевс при разделе мяса обманным образом получил от Прометея на свою долю одни кости, коварно лишь прикрытые слоем жира.

Выходит, что люди состоят достойными сынами Прометея;
На священных алтарях они приносят богам
бессмертным также ни к чему негодные кости.

Никоим образом не могут и того сказать такие читатели богов, что они приносят Богу в жертву пищу из опасения, как бы Он не мучился желанием пищи, происходящим от недостатка ее. Бог не растение же какое, питающееся без аппетита; и не зверь же какой, живущий во мраке пещер, где некоторые из животных, как говорят, питаются грубыми составными частями воздуха ⁸⁸², а может быть и испарениями, исходящими из собственного их тела и развиваются, ничего не потребляя. Если Бог не имеет нужды в пище и не чувствует потребности в ней, то к чему и предлагать Ему то, в чем Он вовсе не нуждается? Если же то правда, что Божество, по самой природе своей ни в чем не нуждающееся, благоволительно принимает воздаваемые Ему почести, то мы христиане значит, мудро поступаем, чтя Его лишь молитвами и принося Ему высшую и святейшую жертву Божественного правосудия. В лице правосуднейшего Логоса мы самому Вседержителю поклоняемся, потому что чрез посредство Логоса мы и познание о Боге получили; в лице Логоса потому мы прославляем Бога самого за Его дары нам и за просвещение нас. У нас христиан есть здесь на земле и алтари, но какие? Ими служат молитвенные собрания наши, где слышится из молитвенно настроенных душ один голос, господствует один дух. Питание же себя запахом, проходящее внутрь чрез ноздри, хотя оно сравнительно с

питанием чрез рот и отличается большими тонкостью и духовностью, сказывает однако же о дыхании питающегося так существа. Что же? Бог не порами же дышит как растение ⁸⁸³; и не жабры же Он имеет, чтоб дышать подобно рыбам. На подобие насекомых что ли Он дышит, в коих дыхание заметно по суживанию надреза, к коему крылья прикреплены? Ни один разумный человек не будет рассуждать так. Животные же высшие вдыхают и выдыхают воздух вследствие притока его в легкие, от сего расширяющиеся даже до стенок грудной клетки. Что же? Вы Божеству внутренности что ли усвоите: артерии, вены, нервы и различные другие органы? Но тогда Божество чем же отличаться будет от человека? Церковь, вот дыхание Божие, но дыхание и человечества. Жертвоприношениями состоят молитвы, вот дыхание святых душ; раскрытие в молитве души пред Богом, вот в какое вскрытие жертвенных внутренностей верим мы.

В простом народе ходить молва, будто на о. Делосе есть жертвенник, основанный еще в глубокой древности, и что будто бы он никогда не был осквернен кровью или убийством. Если верить его историографу ⁸⁸⁴, то к нему и подойти мог только Пифагор. Вот в это, так вы верите; а если мы проповедуем, что только душа праведника есть жертвенник по истине священный и что молитва души богобоязливой есть истинный аромат, то вы отказываетесь верить нашим словам. Если я не ошибаюсь, то люди за тем только и ввели в обычай кровавые жертвоприношения, чтобы иметь в них предлоги к употреблению мяса в пищу. Но всякий волен был выбрать этот род пищи и без чествования своих идолов принесением в жертву им животных. Моисеевым законом конечно введены были жертвоприношения, но они были только прообразами Богопочтения христианского. Принесение в очистительную за грехи жертву голубя напр. и горлицы означало, что приятно Богу очищение и неразумных сторон нашей души. Если же кто из стремления быть праведным не пожелает затруднять своей душевной жизни употреблением в пищу плоти уже жившей, то руководиться он будет при воздержании от этого рода пищи соображениями мудрости высокой. Соображения эти во всяком

случае основательнее мечтаний Пифагора и его последователей, грезивших о переселении душ из одного тела в другое. Ксенократ, толкуя «О мясной пищи человека» и Полемон в своем сочинении «О жизни, согласной с природой» объявляют в выражениях решительных, что мясная пища не очень-то полезна человеку, ибо это пища уже переработанная животным, а следовательно она и в нас может вносить некие элементы, нас уподобляющие душам животных. Вот почему Иудеи с такой строгостью воздерживаются от свиного мяса: вследствие извращенных инстинктов это животное отличается ото всех остальных особенной склонностью к злодействам; оно взрывает нивы и разоряет чужие жатвы.

Но говорят, что «животные даны человеку для пользования ими». Да, для пользования; в этом и мы соглашаемся с вами, а вовсе не для того, чтобы сподряд служить пищей ему. Только некоторые из животных были предназначены на сие, но и из этих лишь не работающие ⁸⁸⁵. Вот почему комик Платон в своей комедии «Праздники» говорит:

Впредь не будем колоть для жертвоприношения

Других животных кроме свиней.

Мясо их весьма сочно.

При жизни же их мы не получаем от них

Никакой пользы кроме щетины, грязи и хрюканья.

Это же и Эзопа заставило сказать: «Поросенка только в руки стоит взять, чтоб он закричал во все горло; он отлично знает, что ни на что больше не годен как для принесения в жертву». Посему-то и Клеанф сказал, что это животное получило жизнь вместо соли для того, чтобы мясо до времени не портилось». Итак, одни из людей употребляют в пищу мясо этого животного потому, что оно ни на что другое не годно; иные же потому, что оно портит нивы; а третьи, так как оно *proclive ad coitum*, вовсе не употребляют его в пищу. Вот причина, почему и козел не указан законом в числе животных, годных для жертвоприношений, за исключением так называемого козла отпущения для сложения на него всех грехов (Лев. 16): животное это отличается веселостью нрава, а веселость есть

мать всех пороков. Утверждают также, что употребление в пищу козлиного мяса производит падучую болезнь, а свиного – тучность. Употребление в пищу свиного мяса посему может быть полезно лишь тем, кто много физически работает. Если же вы над развитием души трудитесь, тогда это уже иного рода работа: употреблением в пищу свиного мяса ум ваш может быть лишь притупляем. Не невозможно, что иной гностик для облегчения себе борьбы против плоти должен будет отказаться от употребления в пищу и всякого вообще рода животной пищи. Это он должен сделать для того, чтобы не приводить своих чувств в состояние непомерной возбужденности и чтобы не питать своей плоти излишне *ad rem Veneream*. «Вино, говорит (врач) Андрокид, и пресыщение мясной пищей хотя и укрепляют наше тело, зато душу расслабляют и делают вялой».

Итак, это пища – нечестивых и совершенству разума она не способствует. Вот почему Египтяне, требуя от жрецов чистоты жизни, не дозволяют им употребления в пищу иного мяса кроме мяса молодых птиц, которое они считают наиболее легким и так сказать воздушным. Что же касается рыб, то они никогда к ним и не прикасаются сколько по причине некоторых поверий, ходящих в народе о них, столько же и потому, что употреблением их в пищу порождаются слабость и вялость тела (скорбят). Птицы же и животные на земле живущие питаются как и мы вдыханием того же самого воздуха; и это потому конечно, что и душе их мы имеем некое подобие в воздухе. Нельзя того же самого сказать о рыбах; они вдыхают в себя воздух менее тонкий, а именно от самого начала мира примешанный к воде и другим стихиям; это же обстоятельство служит и доказательством большей устойчивости водной стихии.

Итак, Божеству нужно приносить жертвы не многоценные, но угодные. Будем посему возносить к престолу Его ароматическое благовоние, составленное согласно с предписаниями закона (Втор. 30:34); будем возносить к Богу фимиам молитв, слагающийся из общения многих уст и голосов; да возносится к Богу со всей земли это святое дыхание различных народов и племен. Земля, получивши ряд

откровений, да соединится наконец в единстве веры для славословия Всевышнего; будем славить Бога в гармоническом их сочетании: мыслью чистою, законосообразным и правым устроением жизни, делами святыми и непорочными молитвами. Поэтическая муза так выражается о сем:

Найдется ли человек настолько сумасбродный и
содержащий веру столь бессмысленную,
Что стал бы воображать, будто боги взирают с
удовольствием на жареную печень жертвы
И на некоторые кости, коими погнушались бы и
голодные собаки?
Как? Это и есть то самое приношение, которого
они желают?

Как? Кои чтут их такими жертвами, тем, будь они
разбойники морские или сухопутные, будь они жестокие тираны,
они воздают милостями? Да, конечно и мы утверждаем, что
огнем (Святым Духом) освящается, но что? Не тело, а душа
грешника (Мф. 3:11; [Лк. 3:16](#)). Но под огнем мы разумеем, не
грубое пламя, дожигающее и истребляющее, а то пламя разума,
которое проникает в душу, проходящую чрез огонь ([Евр. 4:12](#)).

7. Молитвы мудреца истинного и образ исполнения их Богом.

Нам дано повеление чтить и поклоняться Тому, Кого мы признаем Логосом, Спасителем, Правителем вселенной, а чрез Него и Отцу; и мы делаем это не только в положенные дни, как это обычно у некоторых других, а постоянно, в течение всей этой жизни и на всех возможных путях ее. *Седмикратно в день прославляю Тебя (Пс. 118:164)*, так вместе с Псалмопевцем восклицает народ избранных, оправдываемый чрез исполнение им заповедей. Вот почему мудрец истинный (гностик) прославляет Бога не в определенных только местах, не в нарочито для того устроенных храмах только, и не в праздники только и во дни нарочито для того установленные, а в течение целой жизни, без различия на всяком месте. В одиночестве ли он или в обществе единоверных, для него это безразлично. Поклоняется же он Богу, благодаря Его за сообщение ему познания о правом образе жизни. Если и в обыкновенном ходе жизни присутствие в обществе человека добродетельного чрез внушаемые им осторожность и почтение настраивает мысль и чувство соприкасающихся с ним возвышеннее: то возможно ли, чтобы христианин, которому Господь постоянно предносится и чрез познание им Его и чрез осуществление заповеданного Им образа жизни и чрез благодарное его памятование о Нем, возможно ли, чтобы христианин день ото дня не становился совершеннее, проявляя улучшение это чрез все свои поступки, слова и склонности? Таков, тот, кто убежден в вездеприсутствии Божиим, а не в присутствии Его на местах лишь известных, ограниченных известными пределами. Привязывающие Бога к местам лишь этим, находясь в местах иных и считая себя скрывшимися от всеназирающего ока Его, без зазрения совести и днем и ночью предаются невоздержности и погрязают, в чувственных удовольствиях. Для нас же вся жизнь есть праздник. Мы признаем Бога присутствующим всюду. Мы возносим хвалы Богу и в деревне, занимаясь возделыванием земли; мы поем гимны Ему и море

переплывая. Какого бы рода ни были наши занятия, мы всегда умело согласуем их со славой Божией.

Мудрец истинный однако же поддерживает с Богом близость наиболее непосредственную. В каждом из своих действий он обнаруживает и важность, но вместе с тем и веселое расположение духа. Степенен он и серьезен потому, что с Богом обращается; бодр и радостен потому, что дары Божии он считает неотъемлемым достоянием человека. Пророк в следующих своих словах хотел, как кажется, показать высокое достоинство познания. Он говорит: *Научи меня благости, правоте жизни и ведению* (Пс. 118:66). Уже исчислением сих даров Божиих в известном порядке пророк указывает на то, что есть в совершенстве наиболее властственного. Вот человек воистину царственный! Вот священник, служащий Богу свято! Вот смысл и обычая, господствующего в среде разумнейших из варварских народов, который мы наблюдать можем еще и поныне, обычаи возводить на царский престол членов жреческой касты ⁸⁸⁶. Не ожидайте от такого человека, чтобы он пожертвовал своей личностью, проводя вместе с толпой время в театрах, где эта шумит, волнуется и властвует. Для слов, действий, зрелищ, влияющих на возбуждение низких страстей, не открывает он души своей даже и в сновидениях. Прочь посему от него с зрелищами, обольщающими глаз! Дальше от него со множеством и других удовольствий, ласкающих другие из его чувств! Что общего у него с ними? Мудрец истинный не употребляет ни драгоценных благовоний, ласкающих чувство обоняния; не употребляет он и сложных приправ к кушаньям; не пьет он тонких вин, ароматом коих услаждается вкус; не возлагает он себе на голову венков, сплетенных из разных душистых цветов: чувства ими возбуждаются, зато душа ослабляется. Пользуясь всем честно, постоянно он благодарит Бога. Пищу, питье он употребляет в нормальном их виде; умащает тело нормально; и при всем этом он помнит о Том, кем даровано все сие; благовония также возносит он лишь к Логосу, принося в жертву Ему и начатки плодов. Постоянно он обращается к Богу с благодарениями, то чрез принесение Ему даров, то чрез

воскурение благовоний, то чрез слово, коим он одарован. Изредка впрочем является он и на пиршества, но он позволяет себе это только в тех случаях, когда предполагает, что на трапезе, к коей приглашают его, будут и его собратия, соединенные с ним одним и тем же духом любви и единомыслия. Поступает он так в убеждении, что Господь все слышит, все ведает. Пред Богом и действительно открыта душа наша как в том случае, когда мы открываем себя в слове, так и в том, когда мыслим только. Ибо что такое слух наш? Это не какое либо особенное свойство нашего тела; чрез особые отверстия в теле воспринимает слова, связывая с этими определенное значение, разум и прирожденная нам понятливость. Итак, Господь не так слышит, как люди слышат. Он не имеет нужды в чувствах, нашим подобных, как утверждали это Стоики, хотя бы этими чувствами и были главным образом слух и зрение. Пусть их говорят, будто нельзя постигать вещей помимо двух этих чувств; они ошибаются. Есть еще способы познания; напр. могут нам передаваться впечатления при посредстве воздуха, столь легко перемещающегося. Быстрое восприятие столь свойственно всему воинству духов бесплотных и составляет их преимущество; наконец все происходящее может быть постигаемо просто внутренним чувством, без всякого соучастия внешних чувств и их органов, единственно вследствие присущей нам необъяснимой силы, подсказывающей нам истину одновременно с постижением ее нашей мыслью.

Возражают мне: «Но голос доходит до Бога, рассеваясь в нижних слоях воздуха». На это отвечаю я, что помышления праведников проходят не только чрез воздух, но и чрез весь мир. Благодать Божественная есть особого рода свет; едва только проникла она в душу, как уже всю ее осветила. Но что я говорю? А человеческие намерения разве не доходят до Господа? Разве не предваряют они о себе голосом особого рода (Пс. 19:3)? Разве не оповещают о них голос и упреки совести? Да и к чему дожидаться оповещений голосом Тому, Кто в предвечном совете своем, еще задолго до сотворения Им избранного своего, уже созерцал его и уже читал в душе его, как

если б это будущее было настоящим? Возможно ли, чтобы лучи Божественной благодати не вносили света в глубины душ, когда, говоря языком Свящ. Писания, свет благодати проникает и в места сокровеннейшие? Господь есть весь зрение, весь – слух, если я могу так выразиться, пользуясь выражениями человеческими.

Понятие о Боге неверное не только у песнопений, у слов, у тех или иных изречений Писания и учений изменяет присущий им характер святости, но ниспускается и само до понятий пошлых и до мыслей непристойных. Отсюда происходит, что «прославление Бога толпою ничем не отличаются от богохульства»: этого рода люди истины не ведают. На какие предметы направлены все душевные стремления, желания, словом все импульсы души, те служат и молитв содержанием. Подобно тому как не напиток сам по себе желателен, а жаждут его как средства жажду утоляющего; подобно тому как не наследство само в себе желательно, а унаследование: так и познание состоит предметом стремлений не из-за самого себя, а из-за желания познавать; желательно не управление правильное, а чтобы управляли нами правильно; следовательно и при молитвах сила не в том, что просим желаемого. Молитва... желание... Они между собой связь имеют и сменяются друг другом для достижения благ и преимуществ, связанных с ними. Тот, кто только еще воздвигает здание познания, молит Бога о ниспослании ему истинного блага, а именно душевного блага. Но в тоже время он и сам содействует успеху своих молитв, работая над достижением совершенства в добродетели, над укреплением ее за собою на непреходящее время, дабы в будущем обладать ему испрашиваемыми благами не как приобретениями посторонними, а чтобы достигнуть самому ему тождества с самой этой добродетелью. Тому, кто так познает Бога, как Он желает быть познаваемым, ничто столь не приличествует как молитва. Познание же о Боге должно сопровождаться разумной добродетелью и, – само собою разумеется, – обязанностью знать, в чем состоит истинное благо, каких благ следует просить, как и когда о них молиться. Богам же лживым молиться

не представляет ли собою крайнего неразумия? Просить чего либо как у богов у тех, кои вовсе и не боги, что может быть глупее этого? Не верх ли неразумия далее якобы неких благ добиваться от них зла, которое может служить только к гибели просителя? Вот почему мы, убежденные, что существует только один Бог, совмещающий в себе все блага, просим Его или о даровании нам благ или об оставлении оных за нами. Это имеет приложение не только к нам людям, но и к ангелам; различие лишь в некоторых отношениях; ибо просить Бога о сохранении за нами Его даров или же с самого начала над тем трудиться, чтобы сделаться их достойными, не одно и то же. Но есть и лучший род молитвы. Отвращение от зла и деятельность, коей мы отстраняем его от себя, также есть особый род молитвы. Нужно остерегаться посему, чтобы не молить о ниспослании вреда людям; мудрец истинный (гностик) просит Бога об обращении к добродетели даже и людей злых, лишенных всякого чувства добра. Выразимся более смело. Молитва есть беседа с Господом. Шепчешь ли мы ее вполголоса (1Цар. 1:13) или же просто только размышляем и беседуем с Богом молча, рта не открывая, все равно из глубин нашей души исходит голос. Господь всегда внимает этому внутреннему слову; оно всегда достигает Его. От сего и то происходит, что мы поднимаем голову и руки к небу, а в последнем молитвенном возгласе склоняем, и ноги ⁸⁸⁷. Кажется, что этими символическими обнаружениями своего молитвенного состояния, христианин лишь соответствует своим душевным порывам, стараясь проникнуть в мир субстанциальный, доступный только разуму. Чрез возношение слов к небу, некоторым образом отделяя свое тело от земли, он возносится душою в страны горние и паря здесь, в сферах небесных, на крыльях святых своих и благочестивых желаний проникает в самое святилище Божие, откуда уже с высшим самосознанием смотрит на оковы плоти. Действительно мы знаем, что истинный мудрец плен в мире сем покидает с не меньшей радостью, чем и Иудеи, оставлявшие рабство египетское; гностик ясно доказывает тем, что он всегда желает близости к Богу.

Некоторыми назначаются для молитвы определенные часы, как напр. третий, шестой и девятый. Мудрец же истинный всю жизнь свою проводит в молитве, чрез оную стремясь жить в единении с Богом. Достигнув же сего, он – выражаясь кратко – покидает все не приносящее пользы, дабы в этом высоком общении с Богом почерпать довершение того человека, который действует только по любви. Это тройное разделение часов, ознаменовываемое соответственными молитвами, в обычае у тех, кому не безызвестно, что небесные обители также заключают в себе три различных степени.

Здесь мне на память приходят те из иномыслящих (еретиков), которые, состоя последователями Продика, утверждали, что молиться бесполезно. Из предосторожности, чтобы они не стали восторгаться пред нами своей мнимой мудростью как бы некоей новостью, скажем этим сектантам, что она заимствована ими из школы Киринойской⁸⁸⁸. В свое время мы опровергнем богохульство этих мнимых гностиков. Если же здесь мы занялись бы этим опровержением, то длиннотой его прерван был бы ход этих «Памятных записок» наших, в которых мы развиваем ту мысль, что нет более верного и более набожного почитателя Бога, как истинный гностик, просвещенный учением церкви, и где мы утверждаем, что, обращается ли гностик к Богу со словом или только мыслью, лишь одному ему Господь дарует все просимое, только бы это согласно было с волей Божьею. Да, Господь может исполнить все, чего бы ни восхотел. Подобным образом и гностик получает все, чего бы он ни просил. Это потому, что Господь, проникающий в глубины душ, знает, кто из людей достоин Его даров и кто нет. От сего и то происходит, что каждому Он дарует лишь полезное. Когда молят Его недостойные, рука Его остается закрытою. Напротив Он с радостью отверзает ее всем, кто достоин Его щедрот. Бог распределяет оные между людьми даже и тогда, когда о них они не просят Его. Не позволим себе однако же на этом основании думать, что молитва излишня.

Благодарение Бога и молитва о всем, что может способствовать обращению ближнего, также составляют одну из принадлежностей и преимуществ гностика. Так мы видим, что

Господь Спаситель воздавал благодарение Отцу за окончание Им служения и просил, чтобы возможно большее число верных было приведено к познанию. Чрез облаженствование своих избранных, состоящих плодом истинного познания ими Бога и в лице их сам Бог прославляется; гностик посему молит, чтобы Бог, единый благой, состоящий единственным нашим Спасителем, при посредстве едиnorodного Сына Его, из рода в род был полнее и шире и большим количеством людей познаваем.

Вера, по силе которой мы надеемся получить предмет наших молитв, сама есть род молитвы, духовно витающей в глубине нашей души. К тому же, если молитва есть собеседование с Богом, то нет сомнения, что не следует пренебрегать сим способом и случаем для сближения с Богом. Святость мудреца истинного, соединенная с Божественным промышлением о нем, при свободном его исповедании Бога, ясно доказывает собой высоту Божественного благодеяния. Ибо непорочность гностика и обратно Божие к нему благоволение суть две соответствующих одна другой конечных точки Божественного промышления. Господь благ не независимо от своей воли как огонь, который и не желая того, обладает согревающей силой. Божественное провидение, даже и предупреждая просьбы, распределяет свои щедроты действием своей воли. С другой стороны и избранный Божий спасаем не вопреки воле его. Он имеет душу, способную к свободной самоопределяемости. Он шествует стезей спасительной, сам оную выбрав по решению свободному. Вот причина, почему и заповеди даны были человеку, творению, свободно определяющемуся самим собою; причина эта та, чтобы он свободно мог решать выбор в сторону добра или же в сторону зла. Итак и Господь творит добро не по связывающей Его необходимости. В полноте свободы своей воли Он осыпает своими щедротами того, кто добровольно бросается к Нему в объятия. Провидение, нисходящее до нас с высоты своего величия, не есть сила какая-то слепая, занятая оказыванием услуг своим тварям фаталистически⁸⁸⁹, по ступеням поднимающаяся от существ наименее совершенных к более

совершенным ⁸⁹⁰. Нет. Сострадательное к нашему ничтожеству, Провидение при непрерывном наделении нас благами подобится пастырю, заботящемуся о своем стаде или царю, пекущемуся о своих подданных; мы же должны быть так же послушны Ему, как властям повинuemся, управляющим нами по законам, им преданным от Бога (Рим. 13:1).

Итак, кто же суть истинные почитатели Бога и слуги Ему? Те, которые чтут Его служением истинно свободным и царственным, не менее чрез благочестивое направление воли, как и чрез познание. Таким служением, проникнутым мыслью о Боге, освящаются все места и все времена. Но когда человек со склонностью к добродетели и благодарным чувством просит чего либо в молитве, то он некоторым образом сам тому способствует, чтобы просимое было ему даровано; уже самая молитва его служит свидетельством, что он с радостью примет предмет своих желаний. Как только высший Раздатель всяких благ услышит от нас выражение сего желания, так тотчас же Они изливают на просящего и сокровище щедрот своих. Несомненно, что молитва есть внешнее проявление внутренних расположений, свидетельствующих о нашем отношении к исполнению своего долга. Если дар слова и речи даны нам для того, чтобы мы понимали друг друга, то может ли Господь не понять нашей души и нашей мысли? Понимает же на наших глазах постоянно одна душа другую, одним умом постигается же другой... Я заключаю из этого, что Господу, – не как толмачам человеческим, – не нужно ждать произнесения слов. Выражаясь кратко, Ему всякая мысль ведома уже и в тайном ее зарождении. Что нашим голосом передается слуху, то Богу можно высказывать уже непосредственно в мысли. Ибо Бог даже еще прежде сотворения мира знал, какая мысль возникнет в уме того или другого из нас. Итак, можно молиться и не сопровождая своей молитвы произнесением слов; лишь бы верующий к этому молитвенному голосу своего духа тщательно старался присоединять и все другие качества неразрывного своего союза и обращения с Богом.

Восток для нас служит образом зарождающегося дня и напоминает нам о Том, Кто для нас есть День ⁸⁹¹. С востока проник тот свет, коим впервые рассеяна была тьма. На востоке забрежжился день познания истины, который осиял умы всех, до того времени остававшихся погруженными во мрак неведения (Мф. 6:16). Вот почему во время молитв мы обращаемся к востоку, напоминающему нам об утре духовной жизни. По этой же самой причине и те из храмов, кои по своему построению относятся к глубочайшей древности, обращены были входом к западу, чтобы жертвоприносители, лицом будучи обращены к изображениям богов, привыкали обращаться на восток. *Да возносится к Тебе молитва моя как фимиам; жертвой вечерней да будет воздаяние рук моих*, говорится в Псалме (Пс. 140:2).

Нечестивых же молитва гибельна не для других только, но имеет она роковое значение и для них самих. Потому что хотя бы те мнимые блага, которых они испрашивают, и были ими получены, но именно эти самые дары и губят их; не умеют они правильно пользоваться ими. «Пошли нам благо, которого мы не имеем», восклицают они и просят того, что по их мнению благо, а не на самом деле состоит таковым. Истинный же мудрец просит о закреплении за ним того, чем уже владеет, о даровании ему способности принятия ожидаемых благ, а также и невозмутимого пользования ими. Он молится о даровании ему благ истинных и о пребывании их с ним во веки, а это сокровища духовные. Поэтому-то он и не желает чего либо нового, а тем доволен, чем уже владеет. Можно ли сказать, что ему недостает личных даров, когда он доволен самим собою вследствие помощи ему со стороны Божественной благодати и вследствие содержимых им сокровищ познания? Довольствуясь тем, чем уже обладает; не завидуя тому, чем владеют другие; обстоятельно ведая волю Вседержителя; видя желания свои исполняемыми одновременно с их возникновением; особенно же опираясь на всемогущую благодать Вседержителя Бога; трудясь над тем, чтобы соделаться существом духовным: по своему неограниченному милосердию он уподобляется Святому Духу. Полный

возвышенных мыслей, человек этот, в познании обладающий бесценным сокровищем и благом наипревосходнейшим из всех, чрезвычайно облегчает себе деятельность созерцательную и поддерживает в душе постоянную способность к ней; я хочу сказать, он остается всегда способным опознаваться в сфере ведения быстро и пронизательно. Все его усилия главным образом и направлены на приобретение этой способности. Будучи господином над всеми движениями, волнующими дух; привыкши к непрестанной созерцательной деятельности и утвердившись в оной; многократными испытаниями приученный воздерживаться от приятного и вообще определяться в своем поведении законами разума; и, — как бы нам еще характеризовать его, — обогащенный сокровищами опыта: он, как в отношении содержимого им истинного учения, так и в отношении своей жизни, всегда готов ответ дать всякому вопрошающему о вере и благочестии.

Не думайте однако же, что при этом готов он удариться в поток слов, ему непокорных и необузданных; нет. Речь его проста. Ни из страха, ни из любезности он никогда не скрывает правды; он говорит ее во всех тех случаях, где находит подходящее время; и не обращает внимания на лица, пред которыми долг его заставляет высказываться.

Итак, мудрец наш, знанием того, что касается Бога, обязанный целой совокупности выполненных им условий, он, который к этому присоединяет, — что и необходимо требуется и величием предмета и истинностью Богочтения, — и превосходство добродетели, поддерживает возвышенность своей души молитвою и союзом души своей с предметами, уразумеваемыми лишь духовно; чрез это с познанием он как бы сживается. Вследствие этого он всегда благосклонен, всегда кроток, легко доступен, терпелив, приветлив, благодарен; он довольствуется почетными свидетельствами только от своей совести.

Мудрец истинный одет в броню также и суровой строгости. Это не только для ничем неподкупного охранения целостности своей

личности и неповрежденности, но и для того, чтоб никто его и не пытался совратить с пути истины. Никогда он не открывает своей души ни плотскому какому либо удовольствию, ни печали; еще менее он власти им дает над собой. Если Логосом он призывается к исполнению судейских обязанностей, то остается беспристрастным, нисколько не потакая движениям каких либо страстей; неколебимо идет он предначертанной ему стезею правосудия в убеждении, что царит над миром сим высшая мудрость и что души, добровольно предавшиеся добродетели, постоянно тяготеют к добру и ищут усовершеня в нем, дожидаясь времени, когда они обладать будут самой сущностью благ, придя так сказать к преддвериям Бога Отца, где приблизятся они и к Великому Первосвященнику Нового Завета. Итак, мудрец истинный убежден в такой истине: «Все в этом мире идет к лучшему». В этой мысли он без жалоб и безропотно переносит все случайности. Он не хлопочет даже и о том, что необходимо для удовлетворения материальных нужд ежедневной его жизни. Да и к чему он стал бы заниматься этим? Не неколебимо ли он убежден в том, что Бог, от промысления которого ничто не ускользает, не дожидаясь просьб от человека добродетельного, снабжает его всем, что ему полезно? Ремесленник кормится от своего ремесла; язычник живет по – язычески. Точно так же истинный мудрец в познании имеет все, в чем нуждается. Язычник, обратившийся к вере, молится о том, чтобы проникнуться ею; верный, восходящий по ступеням познания, стремится к совершенству в милосердии; истинный же мудрец, достигший высот знания, просит о даровании ему возрастания в созерцании и постоянства в оном; для него это столь же обычно, как и всякому обыкновенному человеку естественно желать сохранения своего здоровья в состоянии цветущем.

«Господи, никогда да не слабнет моя вера», говорит он; делами же способствует утверждению ее на основании непоколебимом. Он хорошо знает, что своей беспечностью даже из Ангелов некоторые вероломные были свержены с небесных своих престолов на землю; они не сумели непостоянства своей

воли и колебаний ее в ту и другую сторону привести к равновесию и чрез то сообщить своими натурам цельность ⁸⁹².

Но с низших ступеней познания вы вошли на высоту его? Вы чрез упражнение достигли высот мужа совершенного? Тогда не смотря на обстоятельства времени и места стараетесь проводить жизнь непреткновенно, великодушно подчиняясь неизменным порядкам жизни и по указаниям познания постоянно трудясь над проникновением себя и единым началом добра. Если же в здании вы оставите наклонным к земле и угрожающий падением угол, то и весь материал, который при посредстве рычага веры поднят вами и из коего воздвигли вы здание, при всеобщем падении тоже рушится.

Итак, верующий, чрез сознательное упражнение утвердившийся в добродетели, стяжавший в ней неотъемлемую собственность, простой навык в добродетели обращает во вторую свою природу. Тяжесть неотделима от камня; точно так же и знание становится неотчуждаемым свойством гностика; и это не помимо его воли, а в полном согласии с его выбором, с его интеллигентностью, обогащенностью познаниями и предусмотрительностью? Бдительность и действительно способна доводить гностика до этого неотделимого от него состояния. Охраняя себя строгим благоразумием, гностик не грешит; удерживаемый от греха добрыми внушениями и осторожностью, он охраняет чрез то плоды своих трудов. Добрые же внушения, как мне думается, возникают в нем от знания; оно научает его различать течения, собой обуславливающие невозмутимое пребывание в добродетели, от того, что не может этому содействовать.

Итак, памятование о Боге и знание Его дело великое. Оно способствует неутрачиваемости добродетели. Но, – что нами уже и доказано, – один только гностик свят и благочестив по истине. Без сомнения, радуют его и дары настоящего; но дары обетованные восхищают его, как если б они были уже настоящими. Не говорите мне: «Они сокрыты от него, потому что их нет в наличности»: он наперед уже знает, чего они стоят. Познанием доведенный до убеждения, что будущность имеет быть таковой, а не иною, он уже обладает ею.

Все недостаточное и несовершенное должно быть дополняемо из подлежащего источника. Но если то правда, что гностику свойственна мудрость, а мудрость эта в собственном значении слова если есть свойство Божественное, то выходит, что кто в союзе с Существом, не имеющим никаких нужд, тот значит и сам никаких нужд тоже не терпит. Ибо при сообщении премудрости Существо, сообщающее оную, и другое существо, часть в ней получающее, ничего друг против друга не имеют, не питают взаимно никакого нерасположения одно к другому, а следовательно ничто и не препятствует одному Существо Собою дополнять другое ⁸⁹³; и от того, что берется у сего Существа другим, Оно не беднеет. Вследствие этого происходит, что богатство Дающего, от многократности сообщения его существу другому, не истощается.

Так происходит, что гностик обладает уже всеми возможными благами, какие способны мы вместить при земной сей жизни. Говорим о благах, им вмещаемых при облечении плотью, потому что обладание «всеми благами» означало бы принятие его уже в вечные селения, где души переходят с одной ступени на другую и где их ожидают награды от Бога. Поддерживаем он и Богом, удостаивающим его особенного и непосредственного попечения. Не для того ли все и сотворено было, чтобы пользовался и владел всем человек добродетельный, или – лучше сказать, – вся тварь не для того ли и создана, чтобы содействовать спасению людей добродетельных? Можно ли после этого поверить, что Провидение откажет в своей помощи тому, для кого и сотворено все? Нет никакого сомнения, что поддерживая добрые качества своих избранных и одобряя святость принятого ими образа жизни, Божественная премудрость принявшим решение жить добродетельно сообщает и силы, довлеющие к совершению дела их спасения, ибо Провидение говорит с нами то просто голосом увещания, то протягивая руку помощи тем, кто заслужил этого своими усилиями. Всеми же такого рода благами гностик пользуется естественным образом, ибо конечной целью его состоит познание воли Божией и деятельность вполне самосознательная. Взгляните на врача. Он возвращает больным

здоровье, больные же внутренней своей энергией содействуют врачу в восстановлении своего здоровья. Точно так же и Господь Бог поступает по отношению к нам. Он дарует вечное спасение тем, кто совокупно с Ним воздвигает здание познания и добрых дел. Да, и Божественное обетование осуществляется только чрез действия человека, потому что исполнение заповедей, возлагаемых на нас истинным учением, предоставлено нашей власти.

Не могу я посему не удивляться Эллинам. Один из славившихся в древности атлетов долго упражнял это жалкое свое тело, готовя его и укрепляя для доблестных состязаний. Затем он отправился на самые эти состязания на Олимпийских играх. Тут пред статуей Зевса, чтимого Пизанцами, он так излил свою душу: «Отец богов, воскликнул он, если ничего из того, чем я должен был приготовиться к борьбе, не опущено мною, то даруй мне победу: ты только долг отплатишь мне тем». Нечто подобное происходит и с гностиком. В меру своих сил и безупречно исполнив все, что предписывалось учением, а именно дело спасения изучавши, упражнявшись, подобающими делами занимавшись и желанием проникшись угодить Богу, имея за себя свидетельство чистой совести, он убежден, что дело спасения доведено им до конца во всех его частностях. Бог требует от нас только того, что мы в состоянии сделать; иначе говоря: как относительно тех благ, кои, имея соотношение с делом нашего спасения, еще не находятся на лицо, так и относительно благ наличных, Он требует добровольного решения, желания, надежды на обладание ими, пользования ими, постоянства. Вот почему человек, беседующий с Богом, должен иметь душу чистую и незапятнанную: условие неотклонимое, если кто работает над обращением в свою собственность блага самого в себе, т. е. над достижением в благости совершенства. Если же этого нет, то пусть он хотя старается возвыситься до познания; пусть стремится к нему; а главное, пусть в меру возможности удаляется от дел злых, греховных.

Еще нечто. Гностику следует обращаться к Богу с молитвами только достойными Бога, и при том в сообществе

людей только добродетельных. Соприкосновение с грехами чужими заразительно. С теми, коих вера еще юна, гностики молятся только о таких вещах, о коих можно и гласно вместе с другими молиться.

Что же касается всей его жизни, то, — как мы уже сказали, — она есть продолжительное священное празднество. Обыкновенными его жертвоприношениями суть его молитвы, повторно воссылаемые им хвалы Богу, чтение им пред принятием пищи священных Писаний⁸⁹⁴, пение псалмов и гимнов как во время принятия им пищи, так и пред отходом ко сну; наконец сюда же, к тем же жертвам, относятся и ночные его молитвы. Благодаря им он присоединяется к сонму сил бесплотных, непрестанно созерцающих и славящих Бога: постоянно ему предносится мысль о Боге; постоянно его мысль занята деятельностью.

Но ужели кроме сих гностику неизвестны еще я другие какие либо жертвоприношения? Ужели не делится он с неведущими теми спасительными истинами и вещественными благами, коими сам обладает? Да, конечно делится, и притом очень щедро. Но так как из уст самого Бога он знает, каких ему следует просить благ, то он никогда и не прибегает к молитвам длинным и многословным, произносимым вслух (Мф. 6:7 и т.д.). Везде, где бы то ни был, посему он молится, не привлекая на себя внимания толпы. Его прогулки, разговор, отдых, чтение, дела, управляемые рассудком, все это у него — молитва в многообразных ее видах. Лишь только и мысленно сойдет он во святилище души своей и призовет здесь в *воздыханиях неизглаголаных* (Рим. 8:26) Отца небесного, не успеет он выговорить, как Вседержитель уже внимает ему. Достоинство всякого действия у людей обыкновенно измеряется тремя главными и конечными целями: честностью, полезностью и приятностью. Целью же всех предприятий гностика служат только честность и полезность; чувственную же приятность испытывать от своих действий, или что то же — земное счастье с его непостоянством, он предоставляет тем душам, которые среди ничтожества и смертельной тоски влачат жизнь пошлую.

8. Мудрец истинный, будучи строгим ревнителем истины, не имеет даже и нужды прибегать к клятве.

При столь явном благочестии мудреца истинного нет не только многих, но и никаких оснований уже и для простого предположения, что он легкомысленно может относиться ко лжи и к клятве. Клятва есть показание окончательное, при коем во свидетели призывается имя Божие; человеку же, проникнутому верой, возможно ли не внушать к себе доверия; и что за необходимость ему прибегать к клятве? Не заменяется ли клятва уже всей его жизнью? Не устраивает ли ее так он, что неизменное постоянство его поведения и определенный характер его речей становятся утверждением решительным и достоверным⁸⁹⁵?

Если же на самом суде судьей действующим и обсуждающим дело постановляется приговор несправедливый, не имеющий оснований в несправедливости, испытанной челобитчиком, то и тут гностик (в угоду судье) остерегается лгать или оставаться неверным клятве. Оскорбление в этом случае нанесенное Богу, обратилось бы на него самого, ибо он хорошо знает, что по своему существу Бог не может понести оскорбления. Не придется вам увидеть его также и солгавшим или преступившим какой либо пункт закона из ненависти к ближнему. Господь научил ведь гностика любить ближнего, хотя бы он и не под одной с ним кровлей жил. Еще менее возможным для себя находит ложь гностик или преступление клятвы из-за себя самого, ибо никогда нельзя бывает подметить в нем неправоты добровольной и в отношении к собственной своей личности.

Наконец гностик не только не преступает клятвы, но даже вовсе и не клянется; он исполняет заповедь Спасителя, находившего достаточным для утверждения чего либо ответа «да» (Мф. 5:37), а для отрицания «нет» (Иак. 5:12). Ибо что же значит божиться, как не клятву произносить? И что такое клятва как не та же мысль, только в зародыше, воспользоваться именем Божиим в целях убеждения? Для гностика посему

достаточно бывает закончить свое утверждение или отрицание следующими словами: «Я показал истину»; и этого он находит достаточным для окончательного убеждения тех, кто еще колебался бы признать значение его свидетельства. Посему, как мне думается, он должен себя так вести, чтобы его поведение внушало язычникам доверие к его личности уже из-за его жизни; тогда они находят будут излишним и вынуждать его к божбе. По отношению же к себе самому и к тем, кто имеет с ним сношения, он должен наблюдать благородную честность, готовую на всякое испытание: это и есть свободное правосудие гностика. Итак, гностик справедлив и держит свое слово, но к клятве не имеет особенной склонности и не нуждается в ней. Далекий от того, чтобы находить необходимой божбу, он тому способу ее, о котором мы говорили, подчиняется возможно реже. И что касается искренности его клятвенного свидетельства, то оно есть следствие тесной связи, какая его соединяет с истиной. Ее достигнуть можно только чрез постоянное и безупречное наблюдение долга. Итак, не требуйте же клятвы от того, кто всю жизнь свидетельствовать призван, что он находится на высоте правды. И вообще нужно сказать, что кто не клянется, тот несомненно дальше других и от клятвопреступления. Тот же, кто никогда не нарушал ни одной черты из какой либо статьи договора, вовсе не может быть и призываем к клятве. Исполнил ли он им принятые на себя обязательства или нарушили оные, во свидетельство того или другого он предоставляет говорить за него фактам. Несомненно, что неправда в словах и ложная клятва суть нарушение обязанностей к обществу. Но праведник, честно живущий и не преступающий ни одного из обязательств, на него налагаемых долгом, когда настает расследование истины, во свидетельство указывает на жизнь свою: дела его, вот клятва его; свидетельство же уст своих он находит для себя совершенно излишним. Всегда уверенный в том, что Господь около него, где бы он ни был; стыдясь говорить неправду и считая ложь средством к достижению чего либо себя недостойным: он довольствуется свидетельством лишь пред Богом и своей совестью. Вот почему он никогда не лжет, не

преступает никаких обязательств; вот почему он отказывается давать и требуемую от него клятву; а как скоро поклялся, то верный правда не отрекается от клятвы даже и в том случае, если б пришлось ему и умереть среди пыток.

9. Превосходство в выше изображенных добродетелях на стороне того, кто назидает ближнего.

Как ни высоко достоинство гностика, но чрез обязанность научать братьев еще более возвышается он! Предназначенный к распространению и словом и примером блага величайшего из существующих на земле, мудрец, облеченный этой миссией, состоит некоторого рода посредником и связью между человеком и Божеством. Язычник, боготворя камень и дерево, обращается своими мольбами к бессмысленным кумирам, как если б они имели уши, чтобы слышать его, и свято исполняет обязательства, написанные пред лицом их. Точно также образ, имеющий жизнь и дыхание, я хочу сказать, человек, слушаясь своего Господа, Учителя веры достойного, может олицетворять собой величие Логоса. Благодеяние, которое гностик оказывает другим людям, напоминает собой дело самого Спасителя (Мф. 10:42; 25:4). Во образ Его, состоя человеком истинным, гностик рассеивает между людьми семя слова и, возрождая наставляемого им человека для спасения, становится одновременно и творцом и преобразователем. Эллины, железо называют именем Арея, а вино – Дионисом; есть конечно между ними некое скрытое соотношение. То же самое нужно сказать и о гностике. Так как в благе ближнего он видит свое собственное спасение, то его по справедливости можно назвать живым подобием Спасителя, если не по качествам его природы, то по крайней мере за сообщение им Его благодати и соответствие Спасителю проповедью. Все, носимое им в глубине души, одинаково он носит и на устах. Гармонически осуществляя учение и на деле, он и словом и примером проповедует тем, кто удостоивается слышать его. Действительно он говорит правду, ее так излагая, как думает о ней, исключая те случаи, когда подобно врачу⁸⁹⁶, скрывающему от больного опасную истину, ему приходится иногда в качестве целебного средства правду утаивать или – говоря языком софистов – не говорить ее. Смотрите в самом

деле. Вот первоверховный Апостол совершает обрезание над Тимофеем (Деян. 16:3) в тот самый момент, когда он в слух всех и пишет и возвещает устно, что обрезание, совершаемое рукою человеческой, есть обряд пустой (Рим. 2:25; Еф. 2:11). К чему эта уступка? Апостол боялся, чтобы резкий переход от обрезания Моисеева к обрезанию, совершаемому верою над сердцем, не привел бы еще колебавшихся Евреев к внезапному разрыву с синагогой. И вот он приноравливается к их слабости и *становится евреем, чтобы привлечь их всех* (1Кор. 9:19 и т. д.). Снисходить кому либо и подходить под уровень чьих либо понятий с целью спасения его, при этом никогда однако же трусливо не думая об опасности, какой зложелательство грозит праведнику, такой образ действий ни греха собой не составляет, ни нарушения заповеди. Но решиться на такой поступок гностика может заставить одно только желание быть полезным своим собратиям; не руководясь сим побуждением он и не совершает его. Он и действительно предает свою жизнь за церковь, за возрожденных им для веры своих учеников (Флм. 1:20), чтобы в будущем для тех, кто облечен будет высшим этим служением, служением учителя человеколюбивого и боголюбивого, служить образцом жертвы, обрекшей себя во имя Спасителя на согласование дела с словом и на действительное обнаружение любви. Он следует своим путем, не страшась темницы или рабства, оставаясь верным раз принятому им учению, терпеливым в трудах, правдивым в словах и пользуясь даром слова безукоризненно. Действительно, как скоро ложь имеет целью какое либо плутовство, то она перестает быть словом праздным, а становится орудием зла.

Словами, делами, всей своей личностью гностик следовательно свидетельствует об истине, потому что в своих речах, действиях, в самых своих помыслах, во всем он обнаруживает ненарушимую честность.

Таково, – говоря вкратце, – благочестие христианина. Если каждое из его действий согласуется с долгом и обусловливается здравым разумом, то его поведение благочестиво и праведно. А если так, то один только гностик и может быть благочестивым,

праведным и богобоязненным почитателем Бога. Из этого следует, что христианин вовсе не есть неверующий: положение, которое мы и намерены были доказать философам. Из поведения его вытекает, что он никогда не дозволит себе чего либо дурного или постыдного; это противоречило бы справедливости. Наконец вот последнее доказательство, что гностик вовсе не нечестив. Один только он на всей земле воздает истинному и всемогущему Богу, Царю и всемирному Владыке, служение соответственное тому, какое требуется от него истинной религией, благочестно чтя Его чистой жизнью и молитвами.

10. Ступени, по коим гностик восходит к истинному совершенству.

Познание, – если позволено мне будет выразиться так, – есть совершенство, зрелость, законченность человека как человека. Дополнено будучи знанием вещей Божественных, оно и по образу мыслей и расположений и по образу жизни и в области слова как само себе соответствует, т. е. отличается совершенной естественностью, так и с Божественным Логосом согласуется, Ему угодно и Им одобряется. С полной достоверностью можно сказать, что самая вера чрез познание совершенствуется, ибо только чрез познание верующий достигает совершенства. Из сего следует, что вера есть некое, внутренне, духовно и таинственно предносящееся душе благо: при сем она отыскивает Бога не долгим путем особого рода философских исследований, а просто, без всяких особенных сборов и подготовок, признает бытие Его, высказывается за оное и окружает Бога прославлением и чествованием как личность действительно существующую. Отсюда-то для христианина, возрожденного верой и возросшего на лоне ее, и возникает настоятельная необходимость при помощи Божественной благодати, в меру своих сил и в соответствие им, озабочиваться приобретением познания о Боге. Мы утверждаем, что познание отлично от той *телесной* мудрости, которая приобретается чрез выслушивание разных учений и наставлений. В некоторых отношениях мудрость эта конечно есть то же, что и познание; познание же не безусловно то же самое, что и мудрость; познание в качестве познания необходимо есть уже и мудрость; мудрость же в качестве мудрости еще не необходимо есть и познание. Под именем мудрости по большей части разумеются знания, нам передаваемые учителем ⁸⁹⁷. Основой же познания служит непоколебимая и несумнительная вера в Бога. Фундаментом же здания, а вместе и самым зданием, всего началом и концом состоит Христос. Говорим о Христе как о начале всего и конце, ибо как начало всего, вера в Него, так и конец всего, любовь к

Нему, не могут быть предметом учения и наставления; познание же, по милости Божией, нам сообщается преданием; оно есть сокровище, передаваемое на сохранение тем, кои заявили себя достойными того, чтоб им содержать учение, собой обнаруживающее лишь превосходство любви; светом, какой разливается от познания сего учения, окружается блеском и любовью. Писание говорит: *Имеющему дано будет* (Лк. 19:26). Что значит это? А то, что к вере должно быть присоединяемо познание; к познанию любовь к Богу и ближним; любовь же получает право на обладание наследием. Бывает же тогда все сие, т. е. все эти обетования христианину и собственные его желания тогда исполняются, когда чрез веру, познание и любовь соединившись со Спасителем, христианин в союзе с Ним воспаряет в обители, где царствует Охранитель наших веры и любви, Господь. Отсюда же открывается, что тем, кои способными оказываются к принятию сей милости и предопределены к тому, познание сообщается во усовершенствование их личности. Обусловливается сообщение сего познания и мудрым устроением жизни и стремлением к цели, которая выше, чем правда по закону. А это все опять требует прилежания постоянного; необходимы для сего подготовительные труды и упражнения сложные и долговременные. И приводит нас это познание к цели бесконечной и совершенной. Дело начинается с того здесь, что познание нас посвящает в жизнь по Бозе, какую вели и другие люди добродетельные, удостоенные в вечных обителях почестей Божественных ⁸⁹⁸. Эта-то жизнь, еще здесь на земле ведомая в общении с душами отошедших святых, христианина освобождает за гробом от наказаний и мук ⁸⁹⁹, страх пред коими нас должен удерживать здесь на земле от грехов и внушать нам образ жизни спасительный. Освобожденные от сих страхов, достигшие возможного здесь на земле совершенства, не подлежащие более никакому дальнейшему очищению, окончившие прохождение всякого рода служений даже и святых и совершавшихся между святыми, те святые души приемлют почести и награды. Дальнейшим моментом состоит введение в постоянное

созерцание Бога тех, кто чист сердцем и еще здесь на земле состоял в некоторого рода родстве с Богом (Мф. 5:8). Им дается место на престолах, где восседают и другие боги, Спасителем поставленные непосредственно после Себя ⁹⁰⁰.

Итак, познанием быстро довершается внутреннее очищение; оно вводит в нас желанную преобразующую силу, так что постепенно мы сближаемся с добром. Отсюда же происходит и то, что оно совершенно естественно вводит нас в постижение той святой и божественной субстанциальности, с коей мы имеем некое средство. Неким таинственным образом оно из одного света вводит человека в новый больший свет ⁹⁰¹, и это до тех пор, доколе чистый от малейших пятен (Мф. 5:8; 1Кор. 13:12) он не возведен будет познанием в высшие обители покоя. Познание и постижение таким образом научают гностика созерцать Бога лицом к лицу. До такого совершенства доводится душа гностика познанием. Оно освобождает душу от необходимости себя очищать еще каким нибудь другим способом; оно избавляет ее от различных служений; вместе с Господом она поселяется в таких местах, где под Его покровительством царствует. Вера посему, – если можно так выразиться, – есть сокращенное знание необходимейших истин. Познание же есть непреложное и непобедимое и в слове и в деле обнаружение истин, принятых на веру, обнаружение такое, которое, под влиянием учения нашего Спасителя, будучи построено на фундаменте веры, ведет ум к знанию, к постижению совершенному, к безгрешности.

Первым из этих спасительных изменений и переворотов, по моему мнению, есть переход от язычества к вере, как я уже ранее заметил об этом. Вторым моментом служит переход от веры к познанию. Это последнее, приводя христианина к любви, соединяет существо любящее с любимым, познающее с познаваемым. И мне кажется, что как скоро человек достигает этого, то уже здесь на земле, ранее отшествия из сего мира в иной, облекается он в природу ангельскую (Лк. 20:36). Не та ли это и есть степень совершенства, которой можно достигнуть здесь и которая допускаема плотью христианина, еще удерживающей его долу?

А по достижении этого высшего, какое только возможно для пребывающего в сей плоти, совершенства, христианин, – что и естественно, – делается участником благ еще высших. Чрез святую седмицу ⁹⁰² он наконец достигает жилища Господня, где становится в некотором роде постоянным светом ⁹⁰³, начиная жить жизнью особой во всех отношениях, вечной, неизменной. Вот в чем состоит первое на истинном христианине обнаружение воздействия Господня; вот то воздаяние и награда за Богопочтение, о коих уже говорили мы. И высказанное нами подтверждается многочисленными свидетельствами. Для примера достаточно и одного из них. Пророк Давид говорит следующее: *Кто войдет на гору Господню или кто станет на месте святом Его? Невинный руками и чистый сердцем, не тративший на суетное жизни своей, не клявшийся льстиво ближнему своему; сей примет благословение от Господа и милость от Бога, Спасителя своего. Это род ищущих Господа, стремящихся зреть лице Бога Иаковля (Пс. 24: 3–6).* Пророк, как мне кажется, главным образом метит здесь на гностика. Мимоходом, как кажется, он нам указывает также, что Спаситель наш есть Бог; он называет Его *лицом Бога Иаковля* ⁹⁰⁴, т. е. проповедовавшим и учившим всему, что касалось Духа. Вот почему и Апостол называет Сына *образом славы Отчей* (Евр. 1:3), потому что Он возвестил людям истину о Боге и изъяснил, что Бог и Отец един, что Он есть единственный Вседержитель, *которого никто не знает кроме Сына и тех, кому Сын откроет Его* (Мф. 11:27). На единство Божие у Псалмопевца указывается словами *стремящиеся видеть лице Бога Иаковля*. Сего-то единого и благого Бога Отца и возвещает нам Спаситель наш и Бог. Под *родом ищущих Его* следует разумеать род избранных, коим чрез исследование даровано доходить до познания. Посему-то Апостол и говорит нам: *Не принесу я никакой пользы вам, если к проповеди своей не стал бы присоединять откровения, познания, пророчества или учения* (1Кор. 14:6).

Знаю, что случается некоторым и не состоя гностиками поступать надлежащим образом. Но поступками их не разум управляет. Об их образе действий нужно сказать то же, что и о

мужестве некоторых ⁹⁰⁵. Некоторые люди, будучи страстными от природы, делаются еще более пламенными вследствие того, что страсть, которую они питали, обратилась в привычку. Они, не сдерживая ее рассудком, во многих случаях отдаются ей слепо и совершают дела достойные истинного мужества. Или вот напр. грубые ремесленники. Они выносят труды и страдания с суровым упорством. Но как бы ни были они судьбе покорны, их терпение истекает не из того источника, из которого истекает терпение гностика. Ни цели оно не имеет той же, что у гностика. И это даже и в том случае, если б пришлось им среди мучений даже с жизнью расставаться. Апостол объясняет нами причину этого. Это происходит оттого, что в них нет любви, порождаемой познанием (1Кор.13:3). Все, что делается с познанием, делается честно, право и может рассчитывать на успех. Все, что делается без познания, делается худо и жалким образом. Сколько бы энергии ни проявил виновник такого дела; каким бы постоянством он ни отличался в нем, все это будет плохо, потому что его образ действий не вытекает из рассудка и он своими действиями не преследует одного из тех благ, кои ведут к добродетели и истекают из нее. То же самое я должен был бы сказать и о всякой в частности другой добродетели людей не просвещенных познанием, а равным образом и об их благочестии. Гностик же руководится разумом не только в своей святости; познание управляет и остальным его поведением; им же руководится он и в своем служении Богу.

Следуя раз принятому нами плану и отлагая до более удобного времени изложение ученых положений гностика, мы изобразим теперь жизнь его.

11. Жизнь истинного мудреца. Мужество его при перенесении несчастий и самой смерти, как скоро есть на то воля Божия.

Принять и постигнуть учение Богооткровенное (Мф. 19:17), это значит получить в нем благо истиннейшее и величественнейшее. Мудрец истинный पहले всего поэтому и удивляется сему новому чуду творения⁹⁰⁶. А так как из небесной своей отчизны он вынес чистою эту способность дознавания, то и делается радостным и мужественным учеником Господа. Лишь только услышал он слово о Боге и провидении, как уже верит в них, имея в достоудивительности воссоздания человека все основания для сего. Сей же внутренний импульс удивления обращает все силы гностика на изучение и положений веры; это в силу его гностик подчиняется всему, что может вести к познанию предмета его задушевных желаний и стремлений. К заповеданному же образу жизни он в силу пламенности своих желаний присоединяет еще расследования и обсуждения. И вот наш гностик в делах веры двигается вперед. Вера, образ жизни и трезвость мысли соделывают его способным к созерцательной деятельности широкой и возвышенной. Воля Божия, вот что с сих пор составляет предмет исследований гностика, потому что не телесные уши отверзает он для постижения слов Писания и Господних, а духовные очи сердца. Воспринявши же в слове Божиим масштаб для понимания сущности вещей, ориентировавшись чрез оный среди их, он естественным образом и душою обращается к вещам сродным ей. Напр. эти две заповеди: *Не прелюбы сотвори* и *Не убий* (Исх. 20:15, 14) он понимает в приложении к себе в значении ширшем, чем какое в сей словесной форме они имеют для остальных людей. Работает же и навыв приобретает гностик в умозрительном сем познании вещей с тою целью, чтобы чрез этот созерцательный свой образ мыслей подготовить себя к восприятию истин еще более общих и величественнейших. Твердо он убежден в том, что *наставляет человека в ведении*

(Пс. 93:10), по слову пророка, Господь, что Он это говорит устами человеческими. Для этой же самой цели Господь и лично принял на себя плоть человеческую.

Естественно отсюда и то происходит, что сей ревнитель знания никогда не предпочитает чувственно приятного полезному, нет. Если бы какойнибудь случай свел его напр. и с женщиной во всем блеске ее красоты, то и тогда не удалось бы ей никакими чарами и кокетством обольстить его, сколько она ни вызывала бы их из себя. Жена господина, которому служил Иосиф, могла ли склонить его к нарушению приличия и законосообразного образа жизни? Он оставил в ее насильственных руках верхнюю свою одежду, пребыв от греха чистым и облекшись в преизящнейшую одежду красоты и невинности нравственных. Конечно глаз египетского господина не видел этого поступка Иосифова, Вседержитель же был свидетелем оного. Человек слышит слово, видит тело; Вседержитель же зрит и видит дальше; Он прозирает в самое дело Того человека, которого голос слышится и взор видим. Соответственно этому гностик хранит неколебимое душевное спокойствие, когда обрушиваются на него даже и болезни, какиенибудь неожиданные обстоятельства и даже ужаснейшее из всех бедствий, смерть; он знает, что все подобные беды в созданной природе необходимость. И о том он помнит, что все эти злоключения Божиим всемогуществом обращаются в средства ко спасению нас, что они в руках милосердного Провидения суть средства исправительные, имеющие назначением вынуждать к самоулучшению тех, кто противится тому, чтобы потом за труд самоисправления их же награждать по заслугам. Посему всем сотворенным гностик пользуется в размерах и для целей, указываемых Логосом, всегда при пользовании теми сотворенными вещами воздавая благодарение и прославление Создателю и не давая им поработать себя, но всегда оставаясь господином над ними. Окажет ли ему кто какую-либо несправедливость, обиду, зло, никогда он не помнит о них. Никогда он не гневается и не питает вражды или нерасположения ни к кому вообще, даже и к тем, кто за дела свои действительно стоил бы такой ненависти. Он

помнит, что и его ближнего Творец есть тот же, что и его самого; в своем ближнем, хотя бы и заблуждающемся, посему он чтит Творца его, а сотоварища своего по изгнанию любит, сожалеет о нем и молится за него неведущего. Прикованный к этому бренному и жалкому телу, он и о немощах своей собственной телесной природы сожалеет, и все же под напором страстей его остается непоколебимым. Пусть независящие от его воли обстоятельства слагаются вопреки его желаниям: подавив в себе печали, он всецело уходит сам в себя, останавливаясь на том, что действительно ему принадлежит. Равнодушный ко всему, что не имеет связи с жизнью его души, он только тем занимается, что едино есть на потребу и чем охраняется здравость его души. Что за дело ему до мнений людских? Что значит внешность для него? Он хочет оставаться верным в существе дела, верным воспринятому им истинному учению и познаниям в нем приобретенном, т. е. он желал бы заявить себя действиями, кои всегда в состоянии были бы сами себя оправдать, а также и речами, силу и действенность имеющими. Он не довольствуется расточением похвал добродетели и прекрасному; он сам старается быть добрым и облеченным красотой вышемерною; из доброго и верного раба он и действительно поднимается по силе своей любви до степени друга; и в этом имени, являющем совершенство, видит награду для себя за то, чем занят ежедневно: за познание истинного учения, за навыки, им приобретенные единственно долгим упражнением и верностью правильному образу жизни. И вот он употребляет все усилия для достижения высот познания. Блистая красотой нравственной, сосредоточенный уже и по внешнему своему виду и манере держать себя, обладая всеми преимуществами, отличающими истинного гностика, он зрит лишь на славные образцы своих великих предшественников, упредивших его в достижении совершенства. Какое облако их предносится его духу! Я говорю о примерах ему оставленных патриархами, весьма многими пророками, бесчисленным множеством за нами наблюдающих Ангелов и наконец самим Спасителем, который и словом научил нас и делом явил нам, какой высоты

жизни можем достигать мы. И вот причина, почему гностик остерегается привязываться ко всем вообще благам сего мира, имеющимся у него в наличности; он не хочет оставаться на земле. Он дорожит лишь теми благами, на получение которых надеется или – лучше сказать – которые опознал уже в качестве благ истинных, в получении коих убежден, кои умозрительно видит уже в своем обладании. Вот почему он терпеливо переносит труды испытаний и скорби. Он переносит их не как отличавшиеся мужественностью мудрецы сего мира, свое мужество поддерживавшие единственно мыслью, что настанет же всем этим бедствиям конец и что когданибудь да должны же они будут смениться удовольствиями. Не таковы гностика мысли. Познанием он доведен до непоколебимой уверенности в том, что блага, составляющие предмет его упований, станут некогда и действительным его достоянием. Отсюда происходит, что он презирает не только муки все, но и вообще все блага земные.

Рассказывают, что блаженный Петр, увидя жену свою, ведомую палачами на казнь, возрадовался, что настал час призыва ее в вышние селения и говорил о ней, что это изгнанница, возвращаемая в отечество. Наконец, одобряя ее и утешая он, назвав ее по имени, обратился к ней с таким воззванием: «Жена, помни Господа» ⁹⁰⁷. Столь крепок был брачный союз блаженной сей четы; таков был и образ действий мужа по отношению к той, которая была для него на сем свете дороже всех людей. В сем то смысле Апостол и говорит: *А имеющие жен пусть будут как если б не имели их (1Кор. 7:29)*. Апостол не желал, чтобы брачной связью была какая либо чисто человеческая страсть и склонность: такая связь отделяла бы нас от любви к Спасителю. И вот почему примернейший из супругов в момент, когда жена его, имея расстаться с жизнью, должна была соединиться с Господом, убеждал ее сохранить эту любовь к Спасителю во всей ее неприкосновенности. Все эти мученики, в минуты и ужаснейших пыток обращавшиеся и к Богу с хвалами, не свидетельствовали ли они чрез то самое громогласно о своей вере в ожидавшиеся ими посмертные блага? Я убежден, что в них действительно жила

непоколебимая эта уверенность, сопровождавшаяся оттого и соответствовавшими сей вере делами.

Итак, как бы ни были несчастны внешние обстоятельства, душа гностика среди всех их остается твердой и мужественной. Натуры атлетические отличаются крепким телосложением; гностик же отличается высшими крепостью и силой нравственными, делающими его способным выдерживать все испытания. Во всех делах человеческих эта нравственная стойкость и вообще состоит мудрой советницей; она-то и указывает праведнику путь, каким должен он идти. И ничего в том нет удивительного. Своими принципами она ведь утверждается на небе и, стремясь уподобиться Богу, она как склонность к плотским удовольствиям в себе умеряет и утишает, так и над телесными скорбями господствует. Но, в Боге всю свою силу полагая, она с гордо поднятой головой смотрит и на все ужасы. Душа гностика здесь на земле по истине состоит как бы отобразом Божественного всемогущества. Украшенная совершеннейшими добродетелями, она целостностью своей природы обязана одновременно своей верности природе, своим упражнениям и разуму, развивающемуся вместе с тем. И эта-то душевная красота делает гностика храмом Святого Духа, как скоро душа оставалась бы верною своему расположению во всем согласоваться в жизни с Евангелием. С такими предварительными расположениями христианину не страшны никакие опасности, никакие страхи и ужасы. Что такое смерть для него, что нищета, болезни, оскорбления и все тому подобное? Никогда он не поддается сладострастию; властительно он господствует над всеми неразумными пожеланиями. Хорошо он знает, что следует делать ему и в чем следует отказать себе, ибо он в точности знает, что действительно страшно и что нет. А ведая причину всех страхов он терпеливо переносит все, что должен терпеть и переносить; какого поведения разум советует ему держаться как надлежащего, такого он и держится. При сиянии света, не вводящего в обманы, он видит, на чем следует опереть ему все свои надежды, т. е. он умеет различать истинные блага от

мнимых, беды действительно грозные от кажущихся; этими последними он и считает смерть, болезни, бедность; это – беды только по-видимому, а не на самом деле. Так этот праведный человек в силу постоянства, какое его добродетельная душа обращает себе в привычку, сторонясь от всех настроений не проникнутых разумом, возвышается над тревогами и страстями этой жизни. Всеми способами, сколько их есть у него в распоряжении, он стремится к предназначенной цели; перемены же счастья, говоря языком обыкновенным, не страшны человеку нравственно доброму, потому что это не есть зло действительно. Что же касается до зол действительно ужасных, то они христианину – гностику неведомы; в качестве зла они диаметрально противоположны благу; а невозможно, чтобы один и тот же человек в одно и то же время был носителем обеих противоположностей.

Итак, христианин, на театре сего света безупречно исполняющий возложенную на него Богом роль ⁹⁰⁸, знает что должно делать и что переносить. Трусость не от неведения ли происходит, что действительно страшно и что нет? А если так, то отсюда я заключаю, что одному только гностику свойственно истинное мужество, потому что только ему известны блага настоящего и блага будущие. Просвещенный, как я уже говорил, относительно зол, коих не следует страшиться и убежденный в том, что только порок для стремящихся к познанию есть действительная смерть и разрушение, облеченный во всеоружие Божие, он ежеминутно ведет борьбу с пороком.

Если кто либо по человеческой своей слабости застигается какой либо нечаянностью, произойдет ли эта от недостатка благоразумия и осторожности или же от действия или – лучше сказать – содействия диавола, то этого неблагоразумия нельзя считать ни неосторожностью ни хитростью диавола, а следует относить оное к несовершенству познания. Нет действий, кои в самом существе своем были бы осторожностью. Осторожность есть только образ действий; дело же само, каковым бы оно ни было, не может быть осторожностью. Посему действие, совершенное по неведению, не есть неведение, а зло порожденное неведением, хотя и не тождественное с ним.

Действительно ни грехи ни страсти не суть зло сами в себе, хотя источником их и состоит зло, но какое? От недостатка познания. Посему кто мужествен не под влиянием разума, тот не есть истинный гностик. Иначе следовало бы почитать именем мужества и нечувствительность некоторых детей пред опасностью, о коей они еще не составили себе понятия ⁹⁰⁹. Так не ежедневно ли мы видим их хватающими пламя? Что же? На этом основании не усвоить же нам мужество и диким зверям, слепо бросающимся на копья и рогатины? На этом основании отчего же не провозгласить бы нам мужественными и площадных наших скоморохов, которые с такой ловкостью перескакивают чрез мечи, за ничтожную плату практикуя ремесло столь преступное. Совсем иное дело человек, проникнутый истинным мужеством. Казнь ли неизбежную ему готовит в ярости народ, он мужественно встречает ее. И вот чем отличается он от остальных, только так называемых мучеников: одни из этих последних подвергают себя разным случайностям безрассудно и – если можно так выразиться – бросаются в опасности сами не зная почему ⁹¹⁰; другие же первоначально держатся в стороне, как советует им это и здравый разум: но лишь только слышат призыв Господа, спешат предать себя, дают пред судьями свидетельство о своей вере, выделяясь из ряда других людей вовсе по дерзости какой либо или уступая течению; они собой являют земле образ человека по истине достоудивительного, в проявлении мужества руководящегося разумом. Большинство же смертных не потому ли переносят мучения сравнительно легче, что избегают больших? Не потому ли они остаются твердыми в исповедании своей веры, что опасаются порицания со стороны равных им по положению в обществе собратьев по религии? Руководящиеся же в сем любовью охотно следуют слышимому ими голосу, увлекаемые единственно желанием угодить Богу и не преследуя кроме сей иной цели; они и не надеждой руководятся видеть себя за свой подвиг вознагражденными. Бывает конечно, что одни из идущих на смерть добровольно в сем руководятся желанием прославиться; другие же, чтоб избежать мук еще более ужаснейших ⁹¹¹; третьи наконец, чтоб

войти в радость и веселие посмертные. Это еще дети в вере, делающие в ней первые шаги. Они блаженны, если это вам угодно; и все-же идут путем не тем, каким следовало бы идти человеку возрастному или каким путем идет напр. гностик, руководящийся в своих поступках любовью к Богу. Но и для детей у церкви есть венки ⁹¹². Подобно цирку и гимназии она награждает ими не мужей только. Итак, следует проникаться любовью из-за ней самой, а не посторонним каким либо побуждением.

Итак, совершенство мужества в гностике развивается одновременно с познанием как от положительного поступания вперед в жизни нравственной, так и от ежедневных стараний одерживать победы в борьбе со страстями. Любовь же, запечатлевающая чело борца, движущая его руками во время борьбы, соделывает его воином бесстрашным и безбоязненным, малодушию непричастным, проникает его твердым и всецелым упованием на Бога, подобно тому как и справедливость внушает ему постоянно говорить одну только правду, ибо сущность правоты его заключается в наблюдении им следующей заповеди Спасителя: *Да будет же слово ваше: да, да: нет, нет* (Мф. 5:37; Иак. 5:12).

То же самое нужно сказать и о воздержании свойственном христианину. Не следует ему в оном руководиться стремлениями к почестям, что движет атлетами, состязающимися из-за венка и славы. И не желание собраний богатств должно им руководить при сем, как бывает это с теми, кои остаются добродетельными под влиянием внушений сего губительного порока. И по истине как назвать воздержным того человека, который из самолюбия, из-за сохранения здоровья или же просто вследствие грубости своего нрава и привычек воздерживается от плотских удовольствий, наблюдает по отношению к себе самому строгость? Проводящие жизнь в тяжелых трудах, получив возможность чувственно насладиться плодами их, непременно разбиваются о скалу плотских удовольствий, хотя в своем воздержании они и оставались дотоле непреклонно строгими. Это факт неопровержимый. Лишь только представится им благоприятный случай к чувственному

наслаждению, добродетель они покидают и закон преступают. Напротив если стремиться к воздержанию из-за него самого, то из-за познания, под руководством которого оно совершенствуется и которое для него служит уздой крепкою и прочною, воздержание то возвышает человека на степень господина себе самому и проникает его самообладанием. Взгляните на гностика. Вот подлинно воздержание! Весь он состоит оным. Страсти его не волнуют; в горниле страданий он не плавится. Вот подлинно алмаз, о котором говорят, что не поддается он действию и сильнейшей теплоты ⁹¹³. Началом, из которого истекают дела такого рода, состоит любовь, искусство и наука из всех святейшая и важнейшая. Оставаясь верным всему доброму и прекрасному, нося на себе неизгладимое отражение Существа Божественного, принцип тот возвышает носителя своего до степени друга Божьего и сына; под действием любви гностик достигает *возраста человека совершенного и полноты во Христе* (Еф. 4:13). Или лучше: согласие с кем либо в известных положениях порождает собою гармонию; тождественность производит собою единство. Но как дружба на друзей влияет до приведения их к сродству друг с другом, потому что общность стремлений обращена на единение по существу: так и гностик, пламенея любовью к единому и истинному Богу, оттого что он состоит другом Божиим и усыновленным от Него чадом Его, становится по истине человеком совершенным. Вот в чем состоит истинное благородство происхождения человека; вот истинное значение познания; вот совершенство. Они состоят в непрестанном памятовании Бога, имени Его пред духовными своими очами. Окончательное совершенство, достигаемое гностиком, состоит в очищении души его от малейшей запятнанности. Тогда он признается достойным и вечного созерцания Вседержителя Бога *лицом к лицу* (1Кор. 13:12). Раз проникшись весь духовностью, он стремится в церковь родственную ему, в сонмы духов и наследует покой в Бозе.

13. Истинный мудрец благотворителен; он живет воздержно и презирает всю суету мирскую.

Для характеристики жизни истинного мудреца достаточно уже и изложенных подробностей. Добавим только, что при таком его отношении к своим телу, душе и ближним в глазах его нет ни раба, ни общественного врага, ни чего либо сему подобного. Все люди как люди, ему подобны и равны. Закон Божественный запрещает ему *презирать брата*, родившегося от родителей, подобных и его отцу и матери.

Но этим не ограничиваются добродетели гностика. Всем, кто подавлен трудностями жизни, он облегчает бремя их своими утешениями, тех ободряет своими беседами и снабжает их всем необходимым для поддержания их телесной жизни. Его помощь им все же неодинакова; она справедлива и соответствует нравственной особенности каждого. По своему великодушию он делает даже нечто и большее сего. Он дает даже и тем, кто его ненавидит и преследует, как скоро этот враг его и гонитель нуждается в помощи.

Здесь некоторые быть может скажут: «Во он дает, побуждаемый к тому страхом пред ними». Отнюдь нет. Освещайте его образ действий как вам угодно: он равнодушен к тому и делает добро, руководясь единственно желанием помочь ближнему.

Но кто не жалеет сокровищ для оказания помощи даже и врагу своему, злостности его однако же не помня, тот не тем ли щедродательнее и любвеобильнее оказываться должен по отношению к своим близким? Мудрец наш в отношениях к ним и одушевляется именно этими чувствами, хотя совершенство познания и здесь указывает ему, в какой мере, кому, при каких обстоятельствах и особенно что и как должно давать.

Мы упомянули о врагах, кои есть и у нашего мудреца. Но кто же это и по каким разумным основаниям может зла желать тому, кто сам никогда и никому не подает повода к вражде? Отвечаем. И Господь никому не противится, ни к кому не

относится враждебно (Педаг. I, 8). Может ли Он и быть чьим либо врагом или противником, Он состоящий Создателем всего существующего и благоволящий к оному, потому что ничто из существующего не существует против Его воли? Врагами Богу оказываются лишь непослушные Ему. Вместо того, чтоб повиноваться Ему, они с путей указываемых Его заповедями уклоняются и святость Его завета ненавистью преследуют. Нечто подобное сему отношению к нам Божества наблюдаем мы и в нашем мудреце. Никогда и ни к кому он не питает ненависти за исключением тех, кто следует путем противоположным его собственному пути: тех он считает своими врагами. Им если и оказывает он помощь, то единственно из свойственного ему милосердия. Но при сем опять-таки он руководится своим познанием. И это умение распознавать людей, распределять им дары по достоинству каждого, этому давать более, другому менее, это взвешивание на весах премудрости даже и того благодеяния, которое мы только еще намерены оказать, есть одно из высших проявлений справедливости свойственной нашему гностику.

Большинство людей добродетели предано по побуждениям толпе свойственным. Так напр. воздерживаются язычники от некоторых вещей лишь потому, что не имеют возможности насладиться желаемым или же из страха пред другими людьми. Иные же отказываются от удовольствий настоящего, чтобы впоследствии насладиться другими более утонченными. Подобные расчеты могут быть наблюдаемы и между людьми веры. Многие из христиан воздерживаются или из-за обетования им воздаяния за то или из страха пред Богом. Но по таким мотивам воздержание, хотя не отвергается гностицизмом и лежит в основе его, состоит все-таки лишь ступенью к достижению состояния наилучшего; оно есть только как бы импульс к тому, что наиболее совершенно. *Начало премудрости*, говорит Писание, *есть страх Божий* (Притч. 1:7). Человек же совершенный все покрывает, все переносит из любви, чтобы не человеку угодить, а Богу (1Кор. 13:1, 7; 1Сол. 2:4). Его поведение вызывает похвалы ему у народа не по тем последствиям оного, что каждый видит в том личную для себя

пользу, а потому, что пример его похваляющими считается достойным подражательным.

Но кроме воздержных этого рода, сдерживающих неупорядоченные свои душевные порывы по сим мотивам, есть еще иного рода воздержные, оказывавшиеся таковыми потому, что желают они удержать за собою раз приобретенные блага; в различении благ истинных от ложных они достигают величия неутрачиваемого; из одного и проистекают дела их и добродетели. Случается ли непредвиденное несчастье какое, под покровительством своей добродетельности гностик все-таки не оставляет своего образа действий, потому что в добром научном имуществе, ему свойственном, имеет он сокровище прочное, от него неотделимое; сокровищем же сим состоит познание вещей Божеских и человеческих. За тем воздержание этого рода людей, воздерживающихся от вещей плотских из желания удержать за собою раз приобретенные духовные блага, и потому твердо, что ведение их никогда не может обратиться в неведение; добро их никогда не может злом стать. Вот почему наш гностик есть, пьет, женится не из-за себя самого и не в видах осуществления чрез брак главной цели своей жизни, но по необходимости. Я говорю: Мудрец женится. Да, если это Логос повелевает ему и если это согласуется с его обязанностями. Человек совершенный имеет в сем пример для себя в лице Апостолов. Да и вообще нужно сказать, что энергия человека заявляет себя не в уединении и не в жизни одинокой. С каким геройским мужеством сравниться может того мужество, кто в браке, имея детей, заботясь о семействе, состоя господином как над удовольствиями так и над выпадающим на его долю горем, по силе своей любви к Богу однако же остается в неразрывном союзе с Ним? Сколько затруднений приходится ему преодолевать при этом! Как часто должен он вооружаться против искушений, ему предносящихся в образе детей, жены, слуг, имущества! Бессемейный же уже вследствие этого самого свободен от множества соблазнов. Так человек, занятый материальным своим домостроительством, хотя и уступает в деле своего спасения человеку свободному от этих забот, за то превосходит его тем, что по своим заботам об осуществлении

истинного учения в реальной жизни представляет собою подобие хотя и слабое Провидения.

Мы обязаны оставаться добродетельными на всевозможных путях жизни, наблюдая, чтобы под руководством познания добродетель входила в нравы и чтобы для всех отдаваться ей было легко и свободно. Наблюдали ли вы, как воск топится, как медь, освобождаясь от шлаков, готовится принять новый отпечаток? Нечто подобное сему представляет и познание. Все равно как смерть есть разлучение души с телом, так и познание представляет собою умерщвление духовных страстей, душу волнующих; освобождаясь и отрешаясь от них, оно возвышает душу до жизни добродетельной ⁹¹⁴, что продолжается до самого того времени, когда она со святым прямодушием в состоянии бывает наконец сказать Богу: «Живу согласно с Твоей волею». Вы поставляете целью своей жизни человекоугодничество? Угодить Богу следовательно вы отказываетесь (Рим. 8:8; Гал. 1:10). Большинство людей и действительно избирается не полезное, а приятное. Напротив того человек, Богу угождающий, уже чрез это самое дорогим делается и для людей благочестивых. Не ожидайте же после этого, чтобы для мудреца истинного имели какую-либо привлекательность приятность пищи и питья на трапезах и плотские удовольствия. Всякое рассуждение, всякое движение своей мысли, всякое действие, способное породить удовольствие, уже возбуждает в нем против себя подозрение. По истине, *никто не может служить двум господам, Богу и мамоне* (Мф. 6:24; Лк. 16:13). Вот изречение весьма простое; но и в простоте своей толкующее не о деньгах, а о богатой пище, доставляемой ими различным страстям. Я понимаю дело так, что человеку познавшему весь блеск славы Божией и Его истины, невозможно вслед за тем рабски подчиняться и страстям, восстающим на Господа.

Искони и вполне свободен от всякого рода беспорядочных движений конечно только один Господь милосердый, из любви к человеку и сам соделавшийся человеком. Желаящий же воспроизвести на себе хотя отпечаток, оставленный им здесь на земле, из-за освобождения себя от пожеланий ведет непрерывную борьбу с самим собою. Вначале пожелать, а

потом отказать себе значить уподобиться вдове, воздержанием вновь возвращающей себе девство ⁹¹⁵. Чрез воздержание от всякого рода зла и воплощение в себе разных добродетелей, за собой влекущих спасение, этот мужественный атлет платит своему Господу и Спасителю лишь цену за познание, им испрошенное у Бога. Подобно тому как ремесленников питает занятие тем ремеслом, к которому они прилежат: так и гностик живет познанием, какое от приобрел; в сем познании он ищет и спасения. Познание же сие состоит в искоренении страстей в себе, ибо пожелание отречься от них равносильно обречению себя на смерть. Неведение же для души равносильно так сказать морению ее голодом, равно как и познание с другой стороны равносильно доставлению ей средств к жизни.

Таковы души гностические, в Евангелии приравненные к святым девам, ожидающим Господа (Мф. 25:1 и т.д.). И подлинно они девственны! Не от всякого ли рода зла воздерживаются они? Не с воздыханиями ли любви ждут они своего Жениха? Не возжигают ли они лампад своих для озарения ими дел своих? Души мудрые и разумные, они восклицают: «О, Господи! Давно уже в сладчайших своих стремлениях мы призываем Тебя. Мы жили согласно с законом Твоим, не опуская без исполнения ни одного из Твоих повелений. Посему молим Тебя: исполни Твои обетования. Просим у Тебя полезного, ибо нам следует просить у Тебя только прекраснейшего. Все, что бы ни ниспослал Ты нам, все это мы примем от Тебя как сокровище. Как бы ни были горьки испытания, которыми Ты взыщешь нас, мы будем помнить про них, что по благодати своей Ты посылаешь их нам для укрепления нашего мужества».

Истинный гностик по высоте своей святости расположен скорее ждать неудачи своих молитв, нежели успеха от молитв невысказанных. Вся его жизнь есть продолжительная молитва и непрерывная беседа с Богом. Если чист он от всякого греха, то получает желаемое, ибо Бог дал обетование праведнику: «Проси, и дам тебе; только пожелай, и исполню» ⁹¹⁶. Когда просимое полезно ему, то его молитва о сем

тотчас и исполняется. Что же касается до вещей бесполезных, то мудрец наш никогда и не просит о них; а следовательно оных и не получает. Так происходит, что все нашим мудрецом желаемое исполняется.

Тут некоторые быть может воскликнут: «Но есть и грешники, также получающие просимое». На это отвечаем. Правда; но это случается редко, да и то по причине правосудия и благодати Божиих. Он дает тем, кто способен оказывать добро другим; милость в этом случае ниспосылается следовательно вовсе не в уважение ищущего ее, а из предвидения Божественным Провидением того, что чрез посредство просящего будет спасен еще другой; так милость даруется ему по всей справедливости. Тому напротив, кто достоин Божественной милости, истинные блага даруются даже и без просьбы оных с его стороны.

Когда не по необходимости кто либо оказывается справедливостью наблюдающим и не из страха или надежды на что либо стороннее, но по свободному душевному расположению к тому, тогда поведение такого человека называется путем царственным, коим идут все люди происхождения царственного ⁹¹⁷. Все же остальные пути, отклоняющиеся от сего, скользки и обрывисты. Так попробуйте напр. страх и желание почестей изгладить в качестве побуждений к перенесению напастей из душ прославленных светских мудрецов, пресловутая мораль которых проповедуется с таким апломбом, и сомнительным с той минуты станет их терпение, отрекутся они от перенесения скорбей. А пожелания и прочие грехи именно и называются в Писании тернием и волчцами, эти боли причиняющими (Быт. 3:14; Ис. 5:1 и т. д.; Чис. 33:55; Иез. 28:24; Ос. 2:6; Лк. 13:6 и т. д. и инде). Итак, делатель в винограднике Божьем, гностик, сажит, подрезывает, поливает; для всех назданных в вере он оказывается земледельцем по истине преславным. Все зла не творившие считают себя достойными награды вечным святым покоем за эту чистоту от греха. Творивший же добро, остававшийся расположенным к добру из-за самого добра и по свободному оного предпочтению имеет право рассчитывать на это вознаграждение в качестве делателя доброго. Бесспорно

он и получит две награды: одну за добро, им соделанное; другую за зло, которого он не причинил. На гностика, отличающегося такими душевными качествами, не могут влиять ничьи искушения, исключая те случаи, когда Господь попускает на него искушение для пользы живущих с ним. Мужественная смелость, с какой он отражает искушение, служит для собратьев его по вере как бы поощрением оставаться в оной твердыми.

Это весьма естественно, что блаженных Апостолов такого рода мужество при созидании ими церквей и утверждении оных привело к испытанию бедствиями и запечатлению своего совершенства мученичеством. Так как это слово: «На ком отяготеет рука Моя, к тому имей ты сострадание» непрестанно звучит в ушах гностика, то он желает, чтобы гонители его обратились к раскаянию.

Вид казней, в цирках совершаемых над злодеями, есть зрелище, не приличествующее даже и тому, кто в вере еще младенец. Тем паче для гностика эти отвратительные сцены не могут быть школой назидания или источником наслаждения. Он занят добром и предан ему вследствие добровольной к тому расположенности. Неумолимый по отношению к плотским удовольствиям и оставаясь чрез воздержание от грехов верным раз принятому им учению, может ли он интересоваться муками других людей? Что же назидательного тут? Как же это и на исправление от чего могут влиять они? Удовольствия земные, грубые и неприличные зрелища мирские! Чем они могут быть для того, кто великодушно равнодушным в этой жизни остается даже и к загробным обетованиям, хотя виновником их сам Бог состоит?

Не все те, которые говорят «Господи, Господи», войдут в Царство Божие, но творящие волю Божию (Мф. 7:21). Этим же исполнителем воли Божией, делателем сим состоит гностик, возвышающийся над пожеланиями мирскими, хотя и пребывает он заключенным еще в эту темницу плоти. Как сложится будущее, это от телесных его очей хотя и сокрыто, и все же это ему известно: столь твердо он убежден, что оно будет таким, а не иным; оно для него реальнее даже настоящего. Таков сей делатель благой, радости находящий в благах, познанных им.

Телом хотя он и вращается еще в сей жизни и удовлетворяет необходимым его материальным потребностям, личностью же своей живет в глубинах своей души, стремясь оною к тем благам, коих еще не наследовал, но коими уже обладает умозрительно; посему он старается стать достойным и действительного ими обладания. Вот почему он живет в сей жизни чужестранцем и пользуется ею лишь настолько, сколько требуется необходимостью.

Он постигает таинственное значение и телесного поста, наблюдаемого в четвертый и шестой дни недели ⁹¹⁸, которые язычниками посвящаются Гермесу и Афродите. За тем в течение всей своей жизни он постится от сребролюбия и плотских удовольствий, этих начал чреватых всякого рода непотребствами. Согласно с Апостолом мы уже и различили выше (Стром. VI, 16) три рода нарушения законосообразной любви: склонность к чувственности, корыстолюбие и идолопоклонство.

Итак, мудрец наш постится постом более возвышенным, чем каким постились напр. древние Евреи. Он воздерживается не только от греховных дел, воспрещаемых Моисеевым законом, но и от нечистых мыслей, воспрещаемых совершенством Евангельским. Если же при сем и постигают его искушения, то – как мы уже сказали – при них Провидением имеется в виду не его ими исправление, а польза окружающих его, дабы в его постоянстве, при преодолении им скорбей и перенесении бедствий, они имели образец.

То же самое я должен сказать и о плотских радостях. Со стороны тех, кои раз вкусили от них, требуются для воздержания от них уже великие усилия (Стром. III, 16). Иначе что же это было бы и за воздержание? Что же за великая слава воздерживаться от того, чего не знаешь? Мудрец же наш, держащийся образа действий, указываемого Евангелием, наблюдает день Господень, чтя оный очищением своего чувства ото всех нечистых мыслей и проникновением себя истекающими из познания; в день Господень он славит воскресение Господа в нем самом (Рим. 6:6. и т.д.). Но он воплощает в себе нечто даже и большее сего. Лишь только созерцаемые им идеи

приняли в его душе ясную форму, образ Господа непрестанно предносится его духу, ибо взор его постоянно прикован к миру невидимому. Если же представляется ему то, чего он не желал бы вообразить, то он сдерживает свою созерцательную деятельность; хотя бы удовольствие рождалось и из рвения к умозрительной деятельности, он недоверчиво относится к нему. Он желает слышать в уме и видеть оным только то, в чем часть он имеет. Ничего не имея в виду кроме душевного блага своих собратий, он созерцает красоту не телесную, а душевную; ибо добро должно предноситься душе чистым от всякого плотского удовольствия. Истинными же ему братьями состоят те, которые чрез второе творение ⁹¹⁹ будучи избранными отвечают сему избранию чистотою своих нравов, личным характером дел, обнаружением и в речах и в делах святости и достопочтенности, т. е. всего того, чем по воле Господа избранные Его должны свидетельствовать о своей разумности. Вера состоит в принятии одинаковых учений, познание же в разумении и прочувствованности учений, а надежда в притрепетном ожидании одних и тех же благ. Хотя условия материальной жизни и ухода за телом, напр. питания его, вообще и немного берут времени у нашего мудреца, все же на каждое препятствие, его отрывающее от самоусовершенствования, он смотрит как на некоторого рода несостоятельность в отплате долга Богу, коей жертвою оказывается он сам. Отсюда происходит, что все в нашем мудреце, даже и сновидения, соответствуют званию избранника Божия. И действительно, в течение всей своей жизни он чувствует себя здесь чужеземцем и странником (Евр. 11:13), обывателем иного града, равнодушно смотрящим на все, чем возбуждается любопытство других. Живя в государстве, он живет как бы в уединении, доказывая собой, что праведность его по сравнению с юридической системой государства есть праведность высшего разряда, что она есть акт личной его свободной самоопределяемости, а не результат подневольного послушания государственным законам.

Таков характер нашего мудреца. Кратко сказать, он вознаграждает собою мир за отсутствие Апостолов. Ведет он

жизнь праведную, о вещах имеет познание точное, ближним помогает, снимает с плеч своих соседей целые горы забот (Мф. 21:21; Мк. 11:23; 1Кор. 13:2; Лк. 13:5; Ис. 40:4) и нездоровые долины душ их своим влиянием очищает. Но что я говорю? Каждый из нас сам для себя состоит и виноградником Господним и виноградарем.

И все же наш мудрец добродетельность свою не выставляет на показ; каково бы ни было добро, им творимое, он довольствуется тем, что во свидетели своей верности учению Господа призывает Его самого и свою совесть; согласуется он в своих добродетелях с откровениями веры; сего с него и довольно. *Где сокровище ваше, говорит Писание, там и сердце ваше* (Мф. 6:21). Вследствие совершенства своей любви он унижает сам себя, чтобы не презирать застигнутого скорбью брата своего. Если бы возможно было, то вместо брата он перенес бы его лишение сам и с большим мужеством. По крайней мере его горе он считает своим собственным горем. При всей своей бедности во многом он отказывает самому себе лишь бы помочь брату (Мк. 12:44; Лк. 21:4); по своему великодушию он сам себя доводит до нужды. И все же он не жалеет об этом, напротив свои благодеяния еще удваивает. Потому что его вера, чистая и деятельная, есть вера прославляющая Евангелие делами и созерцанием обетованных благ. Потому и своей *славы он ищет не между людьми, а в Бозе* (Рим. 2:29), исполняя заповеданное ему Господом его. По силе своей надежды от мира сего отрешенный, ожидая благ будущих, он не ищет благ и радостей земных; в благородной гордости он остается равнодушным ко всему видимому на земле. Однако же он состраждет терпящим наказания по смерти и чрез свои мучения вопреки своей воле свидетельствующим о необходимости покаяния. Сам же он живет со своей совестью в мире, всегда готовый покинуть эту жизнь. Состоя *странником и пришельцем* среди наследий земли, он занят охранением лишь тех благ, которые действительно принадлежат ему. Не говорите ему о сокровищах земных: это предмет непонятный ему. Он проникнут удивлением к учению Господню; и не только удивлением: чрез посредство

познания он часть имеет даже в воле Божией; он ведь праведник, а к этому еще и друг Божий и избранный исполнитель заповедей Божиих; в качестве мудреца истинного он состоит человеком происхождения царственного, управляющим собой самодержавно. Смотрите: вот он равнодушен ко всему золоту, рассеянному по поверхности земли, ко всему золоту содержимому недрами ее; не занят он судьбами царств сего мира, простирающихся от одного океана до другого; все это считает он не стоящим такого внимания, какого заслуживает забота о пребывании верным слугою Господа. Так ест ли наш мудрец, пьет ли, избирает ли себе супругу по внушению Логоса, являются ли ему во время сна видения, всходят ли ему на ум слова некоторые, действия, все, все это у него свято само в себе. И потому-то для вознесения молитв он всегда нравственно чист.

Но мудрец наш есть нечто еще и высшее сего. Будучи земным Ангелом, он молится с Ангелами; постоянно он созерцает себя пребывающим среди воинств небесных. Наедине ли он молится: окружен он целым сонмом небожителей. О вере он думает, что она двоякого рода. Одна состоит в действовании верующего, другая же в соответствии совершенством Тому, в кого верят. Есть и правосудия два рода: одно действующее любовью, другое страхом. Не сказано ли: *Страх Божий свят; он пребывает вечно (Пс. 18:10)*? И действительно так. Ибо переходящие от страха к вере и праведности живут вечно. Человек, проникнутый страхом, पहले всего начинает воздерживаться от зла. Потом проникается он любовью по Бозе, побуждающей его на сем фундаменте строить здание добрых дел и своей свободы; тогда он слышит из уста Спасителя обращенные к нему слова: *Не называю вас рабами, а друзьями (Ин. 15:14, 15)* и приступает к молитве с сердцем, проникнутым доверием. Формою же его молитвы служит благодарение за прошедшее, за настоящее и за будущее, для него по силе веры являющееся уже настоящим, ибо чрез восприятие познания он действительно упреждает его. Еще он молит Бога о том, чтобы Он даровал ему и во плоти жить существом чисто духовным,

мудрецом истинным, – чтобы Он удостоил его истинных благ и чтобы подал ему силы избежать действительного зла. Он молит Бога также и о том, чтобы облегчил Он тяготеющее на нас бремя наших грехов, чтобы Он обратил нас к познанию. Одинаково готов он как гласу Божьему последовать, чрез кончину призывающему его в мир иной, так и сам лично чрез поддержание в себе чистоты совести готов он и спешить к принесению благодарений Богу. Воплотивши в себе вследствие чистоты жизни подобие Божие, явленное нам в лице Христа, мудрец наш в сем союзе с Богом обладает и всемогуществом Божиим, ибо Бог все покорил под ноги Христа Иисуса (Пс. 8:7). Он не хочет казаться тем пламенем или тем светом, которые являются таковыми от соприкосновения с пламенем или светом; он стремится к тому, чтобы быть самым пламенем и светом.

Мудрецом нашим постигается и это изречение: *Если не возненавидите вы отца и мать, а к этому и собственной вашей жизни и не возьмете на себя знамения Моего (Лк. 14:26, 27)...* Мудрец наш презирает связи плотские, в себе скрывающие сильнейшие соблазны к удовольствиям плотским; великодушно он пренебрегает всеми делами плотскими и питанием плоти. С не меньшей энергией он вооружается и против души телесной⁹²⁰. Он в узде держит дух непокорный и неразумный, потому что *плоть воюет против духа (Гал. 5:17)*. Знамение же носить значить заживо быть погребенным, так чтобы, живя в земном сем теле, отречься ото всего существующего, ибо любовь неодинакова в том, кто *сеет в плоть (Гал. 6:8)* и в том, кто воспитывает в себе душу, предназначенную для вмещения познания, до способности к тому. Так мудрец наш добродетель обращает себе в привычку. Вследствие сего благодеяния его многочисленнее чем слова. Он молит Бога, чтобы Он освободил его собратьев от некоторой доли грехов, ответственность за оные принимая на себя, лишь бы способствовать исповеданию ими их веры и их обращению. Всегда готов он с дражайшими своими друзьями поделиться благами, кои ему принадлежат. За то и они воздают ему любовью за любовь. Трудясь над развитием в себе

Божественного способа возделывания вложенных в него семян спасения, порученного нам Господом (Мк. 4:20), он пребывает свободным от всех пятен, оставаясь человеком властвующим над самим собою и воздержным. Ваши взоры видят его здесь на земле; но на ней удерживает его лишь плоть эта; в действительности же он и на земле живет как дух, ибо он пребывает оным в сонме святых, коим подобен. Так как от исполнения Господних заповедей он не отказывается ни днем ни ночью и предан оным и на словах и на деле, то несказанная посему бывает радость, какую испытывает он не только утром, вставая от сна (Сир. 31:22), не только в полдень, когда солнце достигает половины своего дневного пути, но и во время прогулок, во время сна, снимает ли он с себя одежды или облачается в них, наставляет ли когда он сына своего, если есть такой у него; всегда ненарушимо союз поддерживая с заповедями и обетованиями, постоянно с благодарственной молитвой на устах подобно аллегорическим тем животным (серафимам), у пророка прославляющих Бога (Ис. 6:2, 3), всегда он победоносным оказывается в искушениях и среди их повторяет: *Бог дал, Бог и взял* (Иов. 1:21). Таким был и Иов, который, в пламенной своей любви к Богу, равнодушно относился к потере благ внешних, даже к своему здоровью, ибо он *был человеком праведным и святым, воздерживавшимся от всякого зла* (Иов. 1:1). Святым... Под этим словом разумеется совокупность обязанностей, соединяющих нас с Господом и все предначертание правил жизни нравственной. Иов, обладавший знанием сих законов, был следовательно мудрецом истинным, гностиком.

Итак, если и обладаем мы известными благами, будем остерегаться излишней к ним привязанности, потому что в конце концов они все же человеческие блага; зло же будем переносить безропотно. Будем держать себя выше земных благ, как при имении их, так и при лишении. Не будем придавать им иной и большей важности: они назначение имеют распределяемыми быть между нуждающимися.

Что же касается снисходительности к самому себе, то и на этот счет мудрец наш очень осторожен. Он строго исследует

истинные побудительные причины своего поведения, а равным образом и того боится, чтобы легкое расположение его духа не обратилось в состояние его неизменное.

13. Истинный мудрец прощает несправедливости и оскорбления, причиненные ему.

Истинный мудрец никогда не злопамятствует против тех, которые словом или делом причинили ему какую-либо обиду, но прощает им. Так его молитва: *Остави нам, как и мы оставляем* (Мф. 6:12; Лк. 11:4) соответствует действительности. Не желать ничего чужого, не питать ни к кому ненависти, это ведь составляет одно из положений воли Господней, потому что все люди состоят творением одной и той же воли Божией. Говоря: *Придите, чада; я научу вас страху Божию* (Пс. 34:11), Спаситель сими словами не возвещает ли нашему мудрецу, что он не нуждается для достижения совершенства в помощи Ангелов, ибо от Него самого получит оную, если заслужит того своими усилиями и послушанием? Совершенным же гностик должен быть как *Отец небесный* (Мф. 5:48), т. е. Спаситель желает, чтобы мудрец был столь же совершен, как совершен и Он сам, Сын Божий. Человек верный этим условиям не просто просит от Господа, а получает некоторое право просить Его с дерзновением. Если его собратья в чем либо нуждаются, то он не будет молить Бога о даровании ему сокровищ для распределения оных между нуждающимися; он будет заклинать Господа, умолять Его всем, что Ему дорого и свято, ниспослать им необходимое. Мудрец истинный взыскивает нуждающихся милостыней, но какую? Молитвами; и сии молитвы отличаются разумностью, ибо он самому Богу предоставляет выбор и свойство даров ⁹²¹. Не часто ли в самом деле и бывает, что бедность, болезни и тому подобные испытания ниспосылаются на человека в виде предостережения, для исправления его от грехов предшествующей жизни и для охранения его от них в будущем? Посему-то верующий, которого образ мы начертываем, просит Бога об облегчении бедствий собратий своих, но как? Не для того получив от Бога высший из даров, дар познания, чтобы оным суетно похвалиться, он применяет свою благотворительность на деле в качестве орудия милосердия

Божественного и помня, что состоит мудрецом истинным, гностиком.

В «Преданиях» ⁹²² говорится, что Апостол Матфей иногда говаривал: «Если кто либо из соседей избранника согрешит, то значит согрешил избранник. Если бы избранник поступал, как предписывается ему то Логосом, то сосед остерегался бы греха, к жизни избранника Божия имея достаточно уважения». Итак, что же еще сказать нам о нашем мудреце? *Или не ведаете*, говорит Апостол, *что вы храм Божий* (1Кор. III, 16; VI, 19)? Итак, гностик, в себе носящий Бога и вдохновляемый Им, есть существо в некотором роде Божественное, приосененное ореолом святости Божественной.

Писание, убеждая нас в том, что грех Богу ненавистен, называет впадающих в оные людьми чуждой народности. *Не пожелай жены чуждой*, говорить оно (Притч. 5:20; 7:5; 23:33; Мф. 5:28), чрез это выражение ясно открывая, что грех есть нечто совершенно чуждое и противоречащее природе храма Божия.

Храм сей существует в двух видах: один размеров громадных, это церковь; другой размеров более скромных и тесных, это человек, по прямой линии происходящий от Авраама, состоящий семенем его. Тому, кто носит Бога в глубинах души своей, посему за чем желать еще чегонибудь другого? Смотрите посему: мудрец наш возвышен над всеми ограничениями и препятствиями; к материи, еще удерживающей его здесь на земле, он относится равнодушно; благодаря познанию проникает он сквозь сферы небесные; познание вводит его в среду существ духовных, возвышает над Началами и Властями, доводит до Престолов, существ наивысших; любовь возносит нашего мудреца к престолу Того, Кто был единственной целью его познания. Так *змея и голубь* (Мф. 10:16) оказываются объединенными в лице нашего мудреца; он проводит жизнь вполне безупречную; его совесть чиста; в ожидании будущего соединяет он веру с надеждой. От полученного им дара он вкушает как человек сей милости достойный, из рабских оков вследствие познания преложенный в состояние сыновства (Рим. 8:21 и т.д.; Гал. 4:9); не он Бога

познал, а лучше сказать: он Богом познан, признан в совершенстве своем, ибо совершенством своих дел он соответствует достоинству дара, любвеобилию благодати, благоволения к нему Божия, коим призван он в славу. Познание увлекает за собою нашего мудреца подобно тому как тень следует за телом. По праву посему он остается безучастным к событиям сего земного мира; ни на одну минуту он не страшится и не озабочивается тем, что божественной премудростью предназначено ему же во благо. Смерть он встречает непостыдно, потому что жил со своей совестью в мире; пред лицом Начал предстанет он с совестью чистой; сознавая себя свободными ото всех пятен, какими могла бы быть загрязнена непорочность его души, он хорошо то знает, что эту жизнь чрез смерть меняет на лучшую. Отсюда и то проистекает, что вместо промена божественных даров на то, что ему лично кажется или полезным или приятным, он занят беспрекословным исполнением заповедей Божиих, стараясь во всем быть угодными Богу; он снискивает при себя похвалы и ото всего мира, потому что все в мире зависит от воли единого Вседержителя Бога.

Сын Божий *пришел к своим*, говорит Евангелист, *но свои Его не приняли* (Ин. 1:11). Истинный мудрец помнит это и при пользовании земными благами не только благодарит за них Бога и удивляется творению Божию, но заслуживает и от людей похвалы за способ, как он пользуется творением (Пс. 33:2), потому что в конце концов это пользование оканчивается созерцанием, которое, основами своими коренясь в познании, заявляет себя согласованием жизни с заповедями. Затем, обогащенный созерцаемыми сокровищами, собрать кои помогло ему познание, он наслаждается сими созерцаемыми благами и приближается к той полной возрожденности, какой он имеет быть увенчан при переходе из сей жизни в иную.

К нему это относится слово Псалмопевца : *Обойдите вокруг Сиона; осмотрите его ограду, сочтите его укрепления и башни* (Пс. 48:12), и он слышал это слово. Потому что,— если не ошибаюсь, — пророк хотел своим словом о том сказать нам, что люди воспринявшие Логоса в глубины своей

души, вознесутся как башни, и в вере и познании окажутся непоколебимыми.

Вот краткие черты, в которых мы хотели пред лицом язычников изобразить как бы принципы нашего мудреца. Сие да будет известно: простой верующий в состоянии поступить правильно в одном случае, в двух; в совокупности же жизнь его никогда не представит ни доброй и правомерной правильности, ни высотой познания не будет отличаться, чем характеризуется жизнь мудреца истинного, или гностика.

14. Окончание изображения мудреца истинного и совершенного, разъясняемое чрез перифраз места из 1Кор. 6:1 и проч..

Мы усвоили нашему мудрецу некоторого рода бесстрастность. Именно чрез оную-то верующий, по силе своей любви к Богу, и развивается в мужа совершенного и до высоты возраста его (Еф. 4:13), восстанавливая в себе подобие Божие, становясь существом по истине равноангельским. В подтверждение сей истины в Свящ. Писании найдется кроме приводимого и еще много мест. Но вследствие обширности настоящего рассуждения мы предоставим честь приведения их другим, которые пожелали бы пополнить настоящий труд. Их мы просим оформить священными текстами и догматическую часть его. Что же касается меня, то я по возможности кратко напомним здесь только одно место из Писания, дабы настоящий предмет не остался совсем без этого рода доказательств.

Св. Апостол в 1-м послании к Коринфянам говорит: *Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых? Разве не знаете, что святые будут судить мир и проч. (1Кор. 6:1, 2).* Так как этот текст несколько пространен, то воспользовавшись из него лишь теми выражениями, которые к вопросу имеют ближайшее отношение, мы возможно короче и так сказать бегло изложим смысл этого священного текста, в котором изображает Апостол гностическое совершенство.

Апостол не желает, чтоб оно вместо перенесения насилий от других состояло в насилиях над другими. Он объясняет нам, что зла, причиненного нам, помнить не следует и не призывать проклятий на учиняемую нам несправедливость. Он помнит ясное и определенное слово Господа: *Молитесь за врагов своих (Мф. 5:44)*, Итак, со стороны обиженного объявить, что он хочет на обиду жаловаться людям беззакония, по-видимому значит то же, что и показать готовность отплатить обидчику тем же и воздать за оскорбление оскорблением; но это равносильно тому, как если бы тот человек сам сделался нападающим.

А когда Апостол говорит: *Предоставляйте ваше дело на суд святых*, то он под святыми разумеет тех, кои в своих молитвах могут просить, чтобы обидчикам их было воздано тою же монетою. Вторые без сомнения достойнее первых; и все же и они еще не бесстрастны. Потому что только под условием полного забвения обид и под условием молитв даже за врагов можно считать себя вполне послушным заповедям Господним: таково учение Господне. Слава истинная состоит в том, чтобы чрез доведение до раскаяния и своих врагов осваивать с наклонностями более добрыми и миролюбивыми. Природа истинной добродетели такова, что не смотря на имение ею ненавистников, сама она ни с кем не враждует. Не повелевает ли Бог солнцу светить как на праведных, так и на неправедных (Мф. 5:45)? Не послал ли Бог на землю Господа самого сколько из-за праведных столько же и из-за неправедных? Посему и тот, кто стремится приблизиться к Богу, прощает обиды до семидесяти раз седмицею (Мф. 18:22). Что это значит? А то что помнящий благодеяние ему Богом оказанное, остается к прощению обид склонными в течение всей своей жизни. Семью – семидесятеричным числом означает здесь именно жизнь и вся суeta мирская (Стром. VI, 14). Вот человек по истине благодушный и милосердый по отношению к целому миру! Если бы пришлось ему терпеть оскорбления даже в течение всего пребывания его здесь на земле, он не помнит их. И это на основании заповеди Господа. Ибо Господь хочет, чтобы люди добродетельные не только от своего земного имущества отказывались в пользу тех, кто осыпает их оскорблениями; Он желает, чтобы праведник и самых судей просил о прощении несправедливости тому, кто нанес ему ее. С его стороны это и совершенно естественно. Если бы враги нашего мудреца даже и до такой жестокости дошли, что его самого решили бы истязать и принести в жертву, то и при этом вред они причинили бы только телу его, а не душе и лишат его только внешних благ, а не духовных.

В том, кто не прощает обид, ничего нет, что отличает действительного мудреца, гностика истинного. Спрошу я вас:

При злопамятстве по какому же праву вы будете называть некоторых ангелов мятежниками против Бога (1Кор. 6:3), вы которые в отношении заповедуемых вам в Евангелии кротости и забвения обид сами оказываетесь против Бога мятежниками? *Почему же на себе не перенести бы нанесения обиды вам, говорит Апостол. Не лучше ли было бы потерю чего либо на себя принять? Вы же сами наносите и причиняете обиды другим (1Кор. 6:7,8).* Вы желаете зла тем, кто грешит против вас быть может по неведению. Вы, сколько это в вашей власти, лишаете ведь божественных благодати и даров тех, кого преследуете своими проклятиями. Можно ли так поступать по отношению к своим собственным собратиям?

Апостол под именем *братий* понимает тех, кои уже состоят чадами веры, а также и тех, кои некогда будут оными. Нам еще неизвестно, не окажется ли нынешний наш враг завтра ревностным прозелитом.

Из всего же предшествующего следует вывести такое заключение. В лице всех людей мы должны видеть братьев, хотя бы они в данную пору еще и не были таковыми по вере. Гностик, от рассмотрения дел творения восходящий до поклонения Божественной воле, умеет видеть и во всех вообще людях дело одного и того же Бога, признавать в них существа по природе тождественные друг другу, хотя отпечаток образа Божия в том и другом из людей и оказывается более или менее ослабленным. *Не знаете ли вы, что поступающие неправедно не будут наследниками царства Божия (1Кор. 6:9)?* Воздавать же обидой за обиду, будет ли это действием, словом или даже мыслью, пусть это было позволено законом, но после воспрещения нам сего Евангелием, это значить поступать неправедно. *Вот кем недавно были некоторые из вас, каковыми еще и теперь оказываются те, кому вы отказываете в прощении. Но вы омыты не в том обыденном значении этого слова, какое соединяют с ним другие; но вы по силе познания сбросили с себя животные страсти, чтобы в меру своих сил, чрез перенесение и забвение получаемых вами обид, уподобляться благодати Божественного Провидения. На*

праведных и неправедных вы проливайте свет и теплоту лучезарного солнца своего разума, взыскивая их благодатными лучами ваших слов и дел. Наш мудрец и достигает сей цели то благодаря возвышенности своей души, то чрез подражание наилучшему.

Есть еще и третье побуждение к прощению обид. *Прощай, а тебе самому простится*, гласит заповедь Господня, как бы понуждая нас искать себе спасения в совершенстве благодати.

Вы освящены. Это потому, что верующий, достигший в таком образе действий твердости и бесстрастия, не испытывает более смятенности духа от прилива страстей. Он проникается святостью, оказывается существом от тела как бы отрешенным и от земных влияний как бы освободившимся. Вот почему и продолжает Апостол: *Вы были оправданы во имя Господа нашего*; Он соделал вас такими же праведными, как и Он сам. Апостол как бы так говорит: «И вы, насколько это было возможно, были смягчены и проникнуты Духом Святым».

Разве не все мне позволено? Но я не потерплю рабства чему бы то ни было. Это значит, что ничто меня не в состоянии вынудить думать, говорить, действовать противно Евангелию.

Пища для чрева, и чрево для пищи; Бог же и то и другое некогда отменит. Да, Он уничтожит тех из людей, которые думают, что явились в этой жизни лишь для того, чтобы есть; не для сего, а для поддержания пищею телесной жизни и главным образом чтобы пользоваться своими силами для познания, нужно есть (Пед. II, 12).

Не сдается ли вам, что Апостол именно этих невоздержных называет *плотью* тела освященного? Церковь, святое и духовное сонмище, аллегорически названа телом Господа; тот же, кто ограничивается ношением лишь имени христианина, не живя жизнью Логоса, тот оказывается *плотью*.

Но это духовное тело, т. е. святая церковь, никоим образом не должна ничего иметь общего ни с нарушением верности ей, ни тем паче с полным отступничеством от Евангелия (1Кор. 6:13), ибо это две вещи, собой характеризующие лишь язычество. Вносить в церковь словом, делом или даже только и мыслью нравы языческие, это значит церковь

порочить, а свое собственное тело сквернить. Человек, входящий в общение с этой постоянной нарушительницей верности Богу, т. е. с этой нарушительницей завета (1Кор. 6:16, 17), становится другим телом, не телом святым в *единой плоти*, а язычником, лишь носящим имя христианина; его надежды не наши надежды.

Тот же, кто *в духе поддерживает единение с Господом*, становится, смотря по различным способам соединения, *телом духовным*. Что значит это? А то, что он становится сыном во всей истинности сего слова, человеком проникнутым святостью, бесстрастным, гностиком, совершенным, воспитанным в школе Господа. Поддерживая единение с Ним на словах, на деле, а главным образом в духе, он в состоянии войти и в те обители, кои обетованы людям, собственными силами в себе развившим полноту сил человеческих.

Для имеющих уши сего и достаточно. Тайн открывать не следует. Ограничимся посему лишь напоминанием тайны, оживив которую в памяти, имеющие свою часть в познании поймут, в каком смысле Господь сказал: *Будьте совершенны как и Отец ваш небесный совершен* (Мф. 5:48). Это значит: вполне прощайте обиды, забывайте оскорбления, проводите жизнь в добродетели бесстрастной.

Говорим же мы о совершенстве врача, о совершенстве философа: почему же было не говорить нами о совершенстве и гностика? Но никакое из совершенств другого рода, как бы ни было оно возвышенно, не в состоянии вполне уподобить нас Богу. Мы не повторяем богохульного нечестия Стоиков, усвояющих и Божеству и человеку добродетели однородные (Стром. II, 22; VII, 14).

«Но и столь же совершенными мы быть не можем, как Отец наш небесный», быть может скажут мне некоторые. «Немыслимо де человеку сравниться в совершенстве с Богом». Но Отец небесный от нас требует того только, чтобы мы достигали тех совершенства и безупречности жизни, какие требуются соответствием заповедям евангельским. Так как изречение это было произнесено с опущением некоторых слов, требовавшихся полнотою речи, то чрез добавку для полноты

мысли подразумеваемого узнаем мы полноту воли Божией, так что чрез исполнение ее будем обнаруживать в своей жизни и то благородство чувств и то благочестие, которые требуются высотой сей заповеди.

15. Ответ на возражение тех, которые отказываются вступить в церковь по причине различных ересей, ее разделяющих.

Нам остается теперь опровергнуть некоторые возражения Эллинов и Иудеев, соблазняющихся ересями. Еретики же эти расходятся с нами приблизительно в тех спорных пунктах, кои выше изложены. Посему находим мы уместным предварительно расчистить почву, по которой идем, чтобы без затруднений приняться и за следующую книгу Стромат.

«Как же принять вашу веру, когда вы сами раздираемы несогласиями по стольким пунктам. Истина при множестве учителей, из которых одни вводят такие учения, а другие иные, колеблется и рушится». Таково первое обвинение, взводимое против нас.

Ответ наш этим обвинителям таков. В среде иудеев и тех именно мудрецов, которые между эллинами пользовались большим почетом, также были многочисленные секты: однако же разности, вследствие коих ваши философские школы между собою разделяются, не служат же вам основанием для сомнения в необходимости философии или для иудеев отвергать учения иудейские. Господь поэтому и предвозвещал, что на поле истины возникнут и ереси, эти плевелы нивы (Мф. 13:25 и т. д.); вот пророчество это и исполняется. Причиной сего смешения чистого с нечистым состоит зависть, осмеивающая и все прекрасное. Что же? На том основании, что один оказался лжецом, нарушившим свои обеты и не остался верен исповеданию, с коим вступал в церковь, не заклеить же нам позором и всю веру, якобы она противоречит сама себе и не отвергнуть же нами всю истину. Честный человек никогда не лжет и остается неколебимо верным всему, что обещал, хотя бы кругом его и всеми были нарушаемы принятия ими на себя обязательства. То же самое можно и о нас сказать; неприлично нам изменять положениям веры. Вознося нас на высоты жизни, в лице нас они посему находят себе верных исполнителей, и только нечестивцы их нарушают; поэтому

следует верить лишь тем, кто твердо держится истины. Сими то положениями мы и воспользуемся широко как средством к защите.

Мы отвечаем нашим противникам. Врачи смотря по школе, к которой принадлежат, имеют противоречивые взгляды на болезни; тем не менее это не мешает им исцелять от них. Разве бывает когда, что больной, нуждающийся в поддержке своего здоровья врачебным искусством, отсылает врача от себя на том только основании, что медицину разделяют многочисленные распри? Точно так же и тем, кои больны душевно и сердце коих полно идолов, не подобает ссылаться на существование ересей, а следует обратиться к Богу, дабы исцелеть. *Надлежит быть и разномыслиям*, говорит Апостол, *дабы открывались искусные между вами* (1Кор. 11:19). Под искусными Апостол понимает или тех, кои приходя к вере относятся к учению Господню разумно, подобаясь тем менялам, опытный глаз которых безошибочно уже по отпечатку различает подложную мотету от истинной (Стром. I, 28); или же этим именем называет он тех, кто о своей вере уже засвидетельствовал как добрыми делами, так и познанием. Требуется посему немалая доля рассудительности и старательности, чтобы увидеть в нашем образе жизни серьезность и определить, в чем состоит истинное благочестие. Отыскание истины есть дело тяжелое и сложное; оно порождает собою рассуждения; но если присоединяются к сим расследованиям самолюбие и погоня за суетною славой, то такие расследователи становятся виновниками ересей; и убеждение их, якобы они обладают истиной, есть убеждение лживое; им следовало бы основательнее изучать истинное учение; тогда они на нем и остановились бы. Источником всякой истины состоит только Бог истинный; отсюда проистекает для нас обязанность тем более стараться об открытии истины. Столь сладостное для души открытие истины и обладание этим сокровищем, хранимым памятью, следуют лишь за трудом расследования. Отсюда в ересях следует видеть скорее побуждение к изысканиям, нежели к отступничеству или держанию себя вдалеке от церкви. Вам

предлагают два плода: один истинный и зрелый; другой поддельный,

сделанный из воска, но вполне похожий на истинный. Что же? Неужели вы откажетесь от принятия одного из этих плодов на том лишь основании, что другой фальшивый? Несомненно, нет. Точно так же и в рассуждении истины следует пониманием разумным и суждением неподкупным различать истину действительную от обманчивой видимости ее. Я полагаю, что путь широкий и узкий для всех один. Но от него расходятся бесчисленные тропинки, одни из которых приводят к пропастям, другие к быстротечным потокам, иные же к глубочайшим безднам моря. Что же? Ужели путник усомнится следовать путем торным и вполне безопасным потому только, что от него отделяется в стороны множество тропинок, отклоняющих от главного пути? Пусть одни говорят об истине то, а другие иное, мы свое усердие и свои старания для отыскания ее должны удваивать, а отнюдь не отказываться от нее. На грядках с овощами вырастают и растения чужеродные: но огородник на этом основании не отказывается же от ухода за огородом своим. В себе самих мы носим живую потребность расследования и рассмотрения; и это свидетельствует, что уже самой природой мы предназначены к восприятию истины. Вот почему мы по всей справедливости будем осуждены за непослушание тому, чему следовало повиноваться, – за то что отвратительного, постыдного, противоречащего нашей природе, всего лживого не отличали от истинного, непреложного, достославного и соответствующего нашему высокому происхождению, вкорененного в глубинах души нашей. Тем безответнее мы окажемся пред судом сим, что существует и множество средств для усмотрения истины.

Итак, предлоги язычников к отрицанию церкви и содержимой ею истины суть предлоги пустые и одно притворство. Средства к открытию истины всегда в руках ищущего; и кто под предлогами неосновательными отказывается от применения к делу сих средств, тому сие не простится, того ожидает осуждение. Пусть ответят мне: Есть средства к открытию истины или нет? Без сомнения все

согласятся со мной, что таковые есть. Не признают сего быть может только те, которые отвергают достоверность даже чувствами предносимого ⁹²³. А если есть доказательства за существование истины, то необходимо войти в разбирательство их и чрез вникание в Свящ. Писание выяснить с одной стороны то, от чего образовались ереси; с другой то, что истина одна и что церковь, которой принадлежит старейшинство, есть хранительница знания совершеннейшего и что ее учение заслуживает всем другим предпочтение. Из отвергающих истину одни лишь себя самих обманывают тем, другие соблазняют этим и своих ближних. Первые состоят людьми самомнительными. Считая себя за мудрецов, они лишь воображают, что владеют истиной, между тем как доказать сего не могут; так они лишь самообольщаются и самодовольство их суебно. Велико число этого рода несчастных, уклоняющихся от расследования и испытания, где истина. Они боятся, как бы им и в самом деле не убедиться истинностью нашего учения и уклоняются от слушания его лишь потому, что боятся услышать себе осуждение. Те же, которые расставляют сети и невинным своим собратиям, те уже исстари свыклись с лукавством. Они очень хорошо сознают, что ничего не знают, тем не менее правдоподобными доказательствами затемняют светлый лик истины. Но доказательства правдоподобные, – я полагаю, – не одно и то же с существом истины. Несомненно, что если уже и самое слово «ересь» изобретено для обозначения им противоположности истине, то в ней предносится нам следовательно ложь, которая противоположна истине. Когда мудрецам ложным удастся, на погибель людей, урвать некоторые частички истины, то они с кичливостью эти обрывки ее обставляют некоторой самоизобретенной искусственностью, а потом хвастаются яко бы у них вся истина; на самом же деле им лестно председательство на собраниях какой либо школы, а не принадлежность к церкви.

16. Двоякий способ отличать истинную веру от ереси: во-первых ссылка на Писание, как на критерий истинности или лживости известного учения.

Люди, расположенные посвящать свои труды вещам лишь прекраснейшим, не прежде признают что либо истинным, как найдя доказательство того в Писании. И хотя способность судительная обща всем, равно как и чувство истины; все же те отличаются более тонким ее распознаванием, кто прилежнее занимается поиском истины и выделением ее из массы лживого; их ум, изощренный привычкой к таким занятиям, легче отличает истину от лжи. Но пункт важнейший в сем деле состоит в отречении от собственного мнения; тогда мы оказываемся способными остановиться на знании основательном и не увлечься страстным стремлением все вперед и вперед, что было бы безрассудно. Ожидающий вечного покоя знает, что путь к нему узок и труден (Мф. 7:14). Вы посему, раз уже принявшие Евангелие, не вздумайте от его спасительного света отвернуться и подобно жене Лотовой обратиться (Лк. 17:31, 32) к заблуждениям своей прежней жизни, когда вы заняты были делами плотскими. Тем тщательнее остерегайтесь впадения в какую-либо ересь; истинного познания о Боге ересь не содержит, а между тем ничего не опускает, чтобы набрать себе большее число последователей. *Кто любит отца или мать больше Меня (Мф. 10:37),* Который состою Отцом истинным, Господом истины, Который млеком Своего учения обновляю избранных Моих души, возрождаю и питаю, *тот Меня не достоин*, тот не может стать в сыновние отношения к Богу, сделаться учеником Его, другом и братом. *Никто из возложивших свою руку на плуг и озирающихся назад не благонадежен для царства Божия (Лк. 9:62).* Дева Мария чрез рождение Сына соделалась матерью, и все же последствий материнства не испытала. Так верит большинство православного народа и до сих пор. Ибо, – как некоторые говорят, – по рождении Она была *inspecta ab*

obstetrice и оказалась девою. Таковы же для нас и Божественные Писания. Состоя матерью истины, они порождают нас; и все же вечно остаются девственными, потому что свойственна им некоторая таинственность, вообще облекающая истину. «Родивши Она как бы не родила» говорит Писание, показывая, что Мария зачала сама собою без общения с кем либо. Вот почему наши Писания для истинных мудрецов содержательны и их оплодотворяют. Ересь же, не постигая сей истины, отвергает оные якобы бесплодные. Судительная способность одинаково свойственна всем людям; но одни из них, следуя указаниям Логоса, становятся верующими; другие же, преданы будучи страстям, и Писание насилуют, находя в нем оправдание им. Мы и не скрываем посему, что ревнителю истины должна быть свойственна великая сила духа, потому что, кто предпринимает великие дела, тот подвергается и великим искушениям; следует ему держаться того образца истинного учения, который раз был признан им за такой. Несчастливы те, кои покидают этот прямой путь: постоянно они спотыкаются то на одном то на другом вопросе. И следует ли удивляться сему? Они не имеют критерия для распознавания лжи от истины. Если бы они имели таковой, то знали бы и то, чему нужно отдавать предпочтение; если бы у них в руках был масштаб, то слушались бы они и Писаний. Подобно тем, которые пили отравленный напиток Цирцеи (Одис. IV, 235) и тотчас превратились в животных, и эти люди, противясь преданиям церкви и вместо оных следуя еретическим воззрениям некоторых, лишаются свойств творения Божия и звания верного раба Господня. Им следует оставить свои заблуждения и слушаться Писаний; вновь открыв свою душу для внушений истины, они восстановят в себе и божеское подобие. Принципом нашего учения состоит Господь, *многократно и многообразно* (Евр. 1:1), чрез пророков, чрез Евангелие и чрез блаженных Апостолов от начала до конца руководящий нашим познанием. Но с того самого мгновения, как человек вообразит себе, что принципом, исходным пунктом его мышления должно быть иное нечто, принцип истинный перестает существовать для него. Человек верный самому себе

верит и в Писание, в слово Господне; благодатью Господней влияние его отражается на нем благотворно и спасительно. Таков наш критерий; и мы объявляем его таким в отношении всего вообще. Все, что еще не обсуждено, не заслуживает то и веры; следовательно все, нуждающееся в обсуждении, не может быть и принципом. Справедливо посему в вере иметь принцип, не нуждающийся ни в каких доказательствах. С того самого момента, как мы усвоим оный, в нем как существенном имеем мы исходный пункт для суждения и об иных вещах второстепенных; и так происходит, что словом Спасителя мы воспитываемся до постижения истины и всецелого проникновения ею. Не будем доверять голословному уверению некоторых, будто можно говорить и за и против чегонибудь. Если недостаточно простого положения какого либо и требуются того подтверждения, то не будем ссылаться на какие либо человеческие свидетельства, а сошлемся на слово Господне и пусть оно будет для нас доказательством сильнейшим всех других. Ах, я ошибся: оно есть доказательство единственное в своем роде; силою его верны и те, которые только что вкусили от Писаний. Те же, кои идут в познании оных далее, те состоят руководителями в вере; я называю их мудрецами истинными и их здесь разумею. Осмотритесь около себя в жизни ежедневной. Художник опытный превосходит собою человека необразованного; он

больше средств знает и лучше может ими воспользоваться для выражения чрез оные идеи прекрасного, нежели ремесленник с познавательными способностями не развитыми образованием. То же самое нужно сказать и о христианине. В самых Свящ. Писаниях находя свидетельства за оные, он самую силу своей веры обращает в свидетельство истинности их и убеждает оною и других.

Мне возразят: «Но и еретики ссылаются на те же апостольские предания». На это мы ответим также возражением: «Почему же не все священные книги принимаются ими, не каждая во всей ее целости? Почему не тот смысл они связывают с теми и другими местами из них, который требуется сущностью дела и связью мыслей? Что делают они?

Они с намерением останавливаются на некоторых неясных местах, толкуют их своеобразно и согласно со своими личными предзанятыми мнениями, ограничиваются отдельными словами и придерживаются буквы вместо того, чтобы вникать в истинный смысл и значение священных текстов. Обращая же внимание лишь на некоторые слова, они искажают их значение; настоящего их смысла они или вовсе не знают или же связывают с ними смысл произвольный, чрез что первоначальные намерения Духа Святого, выраженные в тех изречениях, рушатся, лишаются силы, властности, влияния. Но истина разве может быть постигаема чрез изменение смысла слов? Такой порядок состоит верным средством не к открытию истины, а к погашению ее. Истина открывается только после усиленных и серьезных трудов искания ее, только после расследования, достойно ли то или иное имени Господа и Бога всемогущего; толкование всегда должно соответствовать правде, чести; объясняемые места Писания кроме того должны оказываться сходствующими по смыслу и с другими такими же. Отделяющиеся от церкви оттого-то и не желают обратиться к истине, что не могут помириться с мыслью о необходимости отказаться от удовольствия удовлетворять лишь свое самолюбие. С другой стороны, толкуя Писания неверно, не находят они опор в нем для своих мнений. Потому-то идя в народ, чтобы разливать здесь яд своих новшеств и очень хорошо понимая, что находятся в противоречии со всем Писанием, а равным образом и нами будучи на всех пунктах опровергаемы, они воочию всех отбрасывают те и другие из свящ. книг или целые части их. При сем они бесстыдно и на нас клеветают, сожалея о бесталанности нашей, о неспособности нашей понять учения их, отличающиеся будто бы такой величественной возвышенностью. Если же кто их уличит во лжи, то они отрекаются и от своих учений, стыдясь признаться и во всеуслышание объявить то, чему они учат втайне и преподаванием чего хвалятся во мраке. И это над еретиками наблюдать можно всякий раз, когда кто выступает против превратности их измышлений. А как скоро мы начинаем стыдить этих еретических нововводителей, доказывая им, что

они противоречат Писанию, то они тотчас же бросаются в одну из крайностей: или отвергают выводы из своих учений или же попирают ногами пророчества, т. е. свою собственную надежду. Мнимую очевидность, потакающую произвольному их разумению, постоянно они предпочитают изречениям Спасителя, говорящего устами пророков, истинам евангельским и свидетельству Апостолов, утверждающих эти последние. А как скоро видят они, что не только учениям их грозит такая опасность, но и особенности их существования, то и в этом случае вы думаете, что начинают они искать истины? Ничуть не бывало. Учение открыто ясно возвещаемое всем церковью они считают не стоящим внимания, и потому относятся к нему пренебрежительно; они стремятся в область религии к понятиям отличным от общепринятых и обыкновенных, и сбиваются с пути истинного. Не проникши изучением в тайны, хранительницей коих состоит церковь, не выразумевши величия истины, по своему легкомыслию до глубин вещей не ниспускавшись и удовлетворившись познанием поверхностным, они чрез то начисто распрощаются с Писанием. Гордясь самоизмышленной своей мудростью, занятые бесконечными спорами, они представляют собою зрелище людей, для которых важнейшим делом не мудростью себя в жизни заявлять, а лишь казаться такими. Принципов необходимых нет у них ни желания искать, ни желания на них опираться; единственным фундаментом их учений служат человеческие мнения; для достижения своих целей они ничем не пренебрегают. Чем яснее сознают они, что победа ускользает из их рук, тем сильнее становится задор их и ярость против тех, кто их побеждает истинной мудростью. Они кидаются во все крайности, применяют – по пословице – к делу все снасти, в своем нечестии считают за лучшее отвергнуть все Писания, чем отречься от известности, которой пользуются среди своей секты или отказаться от пресловутой чести руководства ею, по силе которого они занимают первое место на тайных ее собраниях, ложно украшаемых именем вечерь любви. У нас же познание истины есть следствие признания нами известного принципа, вследствие чего принявший оный на веру доводится

нами до того, во что не верит еще; и в этом состоит так сказать сущность наших доказательств.

Уши ереси, от самых первых пор ее возникновения закрытые для всего что полезно, открыты, как мне кажется, для речей льстящих лишь чувственности. Не будь этого, отделяющиеся от церкви как истины пожелают слушаться, так и свое заблуждение оставят. Но самолюбие, как и всякая другая страсть, исцеляется тремя средствами: во-первых познанием злого начала; потом познанием средств, как бороться с ним; и в третьих изошренностью духа и бодрой его деятельностью, освоением его с следованием лишь здравому смыслу. Взор глаза больного туманен: подобно этому и душа, помрачаемая всеми этими не гармонирующими с ее природой учениями, оказывается неспособною принимать и отражать в себе лучи истины. Она не видит предметов даже ближайших. Вот почему и рыболов ужение рыбы начинает со взбаламучения воды, чтобы, лишив рыбу возможности видеть, легче удить напр. угрей ⁹²⁴. Подобно тому как непутные ученики бегут от учителей: так и отделяющиеся от церкви исторгают из оной пророчества, боясь встретить в них предостережение себе и изобличение. Этим объясняется и множество слагаемых ими обширных комментариев, коими оправдывают они массу ложных учений; одни к другим здесь приложены: лживые мнения себе находят опору в лживых себе комментариях; эти же истекли из первых. И все это лишь для того, чтоб не иметь дела с Писаниями! Они – нечестивцы, потому что противятся божественным заповедям, т. е. учению Духа Святого. Пустыми называются не только те миндалины, которые действительно пусты, но и те, в которых содержится мякоть ни на что непригодная. Точно таким же именем бессодержательных и не стоящих внимания называем мы и еретические учения: воли Божией они не содержат, о преданиях идущих от Христа не говорят; не менее они горьки чем и дикий миндаль; все в них самоизмышлено за исключением разве того, что из-за очевидности истины не могло быть сокрыто или отвергнуто.

Оставить поле битвы и тот пост на нем, где он поставлен военачальником, солдат не может не совершив чрез то

преступления: точно так же и мы в качестве воинов Христовых не менее верно должны охранять тот пост, который назначен нам Логосом, принципом нашего познания и жизни. То верно конечно, что большинство людей идут вперед наобум, не давая себе отчета, какому принципу нужно следовать, кто должен быть носителем его и как следует идти за его знаменем. Простому верующему так и следует делать. Лишь бы сообразовал он свою жизнь с Логосом: будет он и в том благонадежен, что следует путем Богу угодным; от начала мира Он все устроит премудро. Если же кто либо будет так несчастен, что преступит клятву данную Логосу, а чрез Него и Богу и смутится в душе, соблазнившись каким либо вздором: то должен он стараться подкреплять себя доводами разума и истины. Если же злой навык одержит верх, и человек тот, дотоле верный, будет побежден им и сделается он, – как выражается Писание, – человеком толпы, то следует ему стараться о подавлении в себе того губительного начала и поддержании душевной бодрости и энергии, дабы силен он был противостоять увлечениям злого того навыка. Если же покажутся ему некоторые учения завлекательными, между тем как они противоречат истинному учению да и сами себе, то его дело рассеять их обольстительность, обратившись за сим к тем, кои чрез согласование двух заветов как в погашении беспорядочных учений и в приведении натур диких и грубых к послушанию Божественным Писаниям оказываются искусными, так и истину делают до ощутительности ясною. Такова уже натура человека, что он охотнее дарит своим вниманием вещи обыденные, как бы ни были они бессмысленны, нежели самую истину, потому что лик ее степенен и строг. Три различных состояния соперничают между собою из-за власти над нашей душою: невежество, обыденное мнение и наука. Невежество состоит уделом народа; наука, знание есть достояние церкви; мнениями же времени руководится ересь. Этого последнего разряда люди ни одного из своих вымыслов не могут доказать с такой же очевидностью, как делают это люди знания; напротив они довольствуются простым лишь и бездоказательным утверждением. Оттого-то они и презирают себя взаимно.

Какими язвительными насмешками преследуют они друг друга! Мнение, коим один восхищается, другой считает за недостойнейшее из сумасбродств! Мы знаем также, что иное дело удовольствия чувственные, увлечение коими должно быть приписано нациям неверующим; иное дело дух соперничества, коим раздираемы ереси; иное дело радость, составляющая главную характеристическую черту церкви; и иное дело – веселье, состоящее исключительным достоянием гностика. Только вверьтесь учителю: Исхомах сделает из вас земледельца; Лампид – морехода; Харидем – полководца; Симон – наездника; Пердикс – харчевника; Кробюл – повара; Архелай – плясуна; Гомер – поэта; Пюррон – софиста; Хризипп – диалектика; Аристотель естествоиспытателя; Платон наконец – философа. Человек же послушный и следующий Господу, признающий пророчества, исходящие от Него, становится образом Его. Это бог, лишь смертным телом облеченный («Увещ.» гл. 11).

Те же, кои отказываются следовать за Господом всюду, куда бы Он ни повел их, сами состоят причиной того, что низвергаются с этих высот. Руководит же нас Господь чрез боговдохновенные Писания. Бесчисленны грехи, в кои впадаем мы; но все они проистекают из двух источников: из неведения и вероломства; и то и другое предоставлено на наш выбор, потому что и знать и сдерживать себя зависит от нашей воли. Из-за неведения же мы не в состоянии судить здраво; а по причине нашего непостоянства мы не можем до конца доводить мудрых решений. Подумайте в самом деле, в состоянии ли вы, держась мнений ошибочных, делать дело правильно, пусть энергии в вас будет даже настолько, что раз принятое вами решение вы и выполните? С другой стороны пусть благодаря проницательности своего ума вы угадаете в массе неверного верное: останетесь ли вы в своей совести безупречны, если по своему легкомыслию не сумеете приложить рук к делу? Эта двоякая болезнь души следовательно и целима быть может двоякого рода уставом. Неведение побеждается наукой, знанием, гностицизмом и очевидностью доказательств, опирающихся на

свидетельства Писаний. Непостоянство же может быть побеждаемо лишь великодушною борьбою, по примеру Логоса; ей мы учимся в школе веры и страха Божия. Сколько я понимаю, здесь двоякий исход ожидает нашего мудреца: по некоторым пунктам его знание есть созерцание, по другим же – дело, деятельность. Желательно бы нам было, чтобы вышеназванные еретики, при чтении сих наших «Памятных Записок», оставили свои заблуждения и обратились к Богу Вседержителю! Но если подобно змеям, ушей не имеющим, – выражение хотя и новое как будто, однако же происхождения очень древнего, – не внимают они (Пс. 58:5, 6) этой песни, их призывающей ко спасению, то непременно будут Богом наказаны, и отеческие Его наказания, предшествующие окончательному осуждению, тяготеть будут над ними до того времени, как устыдясь своего вероломства оплачут оное слезами раскаяния. Но Боже сохрани их от окончательного применения к ним правосудия за чудовищное их непослушание! Есть некоторые особые вразумления, кои называем мы исправительными. Именно таковы наказания, тяготеющие над некоторыми из наших братьев, после того как ими нарушен долг; это падшие члены народа, некогда столь любимого Богом. Все-таки сие да будет ведомо: Провидение наказывает нас, как наказывает Педагог или как Отец карает своих детей. Бог не наказывает в собственном смысле этого слова. Наказание есть отмщение за оскорбление, но Бога как оскорбить? Он карает и всех вообще и в частности только некоторых людей лишь для пользы тех, на кого посылается наказание.

Все же эти размышления мне были внушены частью желанием предупредить от впадения в ересь того, кто имеет склонность к тому, потому что иные гордятся познанием; частью же желанием указать средства к исцелению неведения, будет ли оно свой корень иметь в легкомыслии или в сумасбродстве или навыве к дурному или же и в другой подобной склонности; частью же и желанием привести от заблуждения к истине тех, кои по выздоровлении еще не совсем могут быть лишены надежды. Есть упрямые больные, которых нечего и пытаться заставить внимать увещаниям истины. О них нужно сказать

даже большее нечто: они вооружены пустословием и безрассудством; это дерзкие хулители истины, хвастающиеся тем, якобы содержат некие высшие учения, хотя ничему они и не учились, хотя никем их знания не проверены, хотя на приобретение их они не потратили никаких предварительных усилий, хотя нельзя открыть в учениях тех ни малейшей последовательности. Жалкое же беспутство, в тысячу раз достойное скорее сожаления чем ненависти! Но если найдется хотя один такой больной, который еще излечим и способен переносить святое прямодушие свободы, которая подобно пламени или стали прижигает и отсекает ложные мнения, то я заклинаю его: пусть он откроет уши души своей. И это с его стороны воспоследует непременно, если решится он не следовать более советам слабости и холодности, отталкивающих от себя истину или если из суетного тщеславия он перестанет позволять себе насилия и новшества. Я говорю о холодности и вялости тех людей, кои, полную возможность имея из самых Писаний почерпать доказательства согласные с оными, пренебрегают этой возможностью и этим своим долгом и принимают лишь те мнения, которые льстят их пожеланиям. Другими же управляет суетная любовь к славе: под влиянием ее-то они своевольно уклоняются от учений, согласующихся с боговдохновенными Писаниями, каковыми состоят напр. преданные нам от святых Апостолов и наших учителей и впадают в рассуждения весьма странные; предания Божественным они противопоставляют мысли человеческие и так образуют ересь. Пред лицом этих великих людей, авторитетность знания которых признана всею церковью, состоящей и хранительницей того, что значит какойнибудь Маркион? Какие новые открытия мог сделать он в этой области? Что такое Продик в ней и другие подобные люди, оставившие пути прямые? Не могли же они своею мудростью превзойти мудрость своих предшественников; ни выдумать они не могли каких либо новых истин, которые нужно было бы присоединить к прежним. С них достаточно было бы уже и той одной славы, если бы они изучили все то, что преподаваемо было до них. Итак, только тот должен быть признан истинным

гностиком, кто состарился над изучением Писаний, – кто хранит нерушимо чистоту учений, дошедших до него от Апостолов и церкви, – кто живет жизнью благоупорядоченной, согласной с Евангелием и в ней находит оправдание им содержимых учений. Вам дивно сие? Но гностика нашего разве не Господь вдохновляет, не закон и не пророки? Жизнь его и по истине есть совокупность дел и слов, соответствующих преданиям, идущим от Господа. *Но знание не есть удел всех. Ибо, говорит Апостол, вам, братия мои, не безызвестно должно быть это, что отцы наши все были под сенью облака, все ели от одной духовной пищи и пили от одного и того же духовного питья*, чем Апостол с очевидностью утверждает, что эти люди, внимавшие учению о Логосе, содержавшемуся частью в словах частью в действиях, не постигли величия сообщавшегося им познания. Посему Апостол и прибавляет: *Но не о многих из них благоволил Бог (1Кор. 10:5)*. Кто не благоволил о них? Тот, Кто сказал некогда: *За чем вы обращаетесь ко мне с воззванием Господи, а не творите воли Отца Моего*, т. е. почему вы не соблюдаете учения Спасителя, ибо оно разумеется здесь под духовной пищей и духовным питьем, удовлетворяющим жажду навеки. Вот источник, из коего течет вода истинной гностической жизни.

«Но знанием надмевается сердце», возразят мне. Да, надмевается, если под знанием разумеется знание лишь внешнее: им действительно питается дух гордости. Если же выражение Апостола *знание не всех удел* разумеется о знании во всей его истинности и величии, то спорный вопрос разрешается сам собою; и такое понимание мы находим наиболее соответствующим делу.

Шаг за шагом следя Писания мы и это понимание подтвердим ссылкой на Писание же. *Мудрость*, говорит Соломон, *воодушевляет сердца своих чад (Сир. 4:12)*. Не то это значит, что в некоторые учения Господь вложил свойство делать исповедников оных заносчивыми или гордыми, нет; пророк хотел этим лишь то сказать, что доверить себя истине и чрез передаваемое Писанием познание питать прекрасные мысли, это такие две вещи, преданность которым сопровождается

подавлением в себе влечения ко греху. Именно этот, а не другой смысл имеет выражение *воодушевляет*. Оно сказывает нам, что тех, кои чрез учение состоят чадами Божиими, мудрость проникает величием. Далее Апостол говорит нам: *Тогда я обращаю внимание не на слова тех, кои гордятся своей мудростью, а на дела (1Кор. 6:19)*, т. е. на то, во всем ли величии они понимают Писания или вполне ли истинно, ибо что же может быть величественнее истины? Добродетель, вот подлинная сила сынов, преисполненных мудростью. Вышеприведенными словами Апостол все равно сказал как бы следующее: «Я узнаю, правы ли вы, высоко думая о своем познании». *Ведом Бог в Иудее*, восклицает Давид (*Пс. 75:2*). Что значит это? А то, что Господь ведом всеми, кто чрез познание состоит израильтянином, ибо Иудея по истолкованию сего слова значит «исповедание» ⁹²⁵. Посему премудро сказано у Апостола: *Не прелюбодействуй, не укради, не пожелай; а все другие заповеди содержатся уже в одном этом слове: Люби твоего ближнего как самого себя (Рим. 13:9)*. Действительно, никогда не следует по примеру еретиков ни изменять истине, ни урывать ничего из образцового исповедания церкви для удовлетворения насчет ближнего лишь личных своих пожеланий или суетной погони за личною славою; ближнего должно не обманывать, а внушать ему любовь к истине и осваивать его с нею. Потому-то и сказано нам ясно: *Возвещайте между народами дела Его (Пс. 9:12)*, дабы слышавшие о них чрез обращение могли избежать осуждения. Все же те, *в речах коих кроется лукавство (Пс. 14:3)*, покараются казнями; против них приговор уже произнесен.

17. Другим способом для открытия истины состоит расследование того, на чьей стороне старейшинство, на стороне ли предания церкви или на стороне предания еретического.

Занятые измышлением учений нечестивых и без стыда излагавшие оные пред лицом своих единомышленников что делают? Они даже Божественными Писаниями пользуются без благоговения; и извращая оные, чрез то и себе самим преграждают доступ в Царство Божие и тех, кои становятся жертвой их обмана, уклоняют на пути далекие от истинного. Без ключа в руках ко входной двери, который у нас (Мф. 16:19; Лк. 11:52), ключ истинный они заменяют поддельным, или – по пословице – подборным; и им отпирают они не двор предания, идущего от Господа, коим мы входим в церковь, а чрез взлом задней двери и чрез подкоп во мраке под стену церкви влезают в нее; учения истинного будучи святотатственными искажителями, тем не менее они объявляют себя посвятителями душ в тайны, но в какие? В нечестивые. Ибо что общества их, составившиеся во имя не другого какого авторитета кроме как человеческого, образовались позднее католической церкви, для подтверждения этого нет нужды входить в доказательства особенно пространные. Проповедь Спасителя самого, по пришествии Его на землю, начинается при Августе и кончается приблизительно в половине царствования Тивериева. Проповедь Апостолов, включая сюда и служение Павла, прекращается при Нероне. Первые же ересиархи появились позднее, приблизительно во времена императора Адриана. Образование новых ересей продолжалось даже до царствования Антонина старшего. Тогда-то (при Адриане) жил напр. Василид, хотя сам он и выдает себя хвастливо за ученика Главкиева, который, если верить этим хвастунам, был толмачом у Петра. Говорят также, что наставником Валентина был некто Февда, стоявший в близких отношениях к Павлу. Что же касается Маркиона, жившего почти в одно с этими последними время (при Адриане), то хотя он уже и состарился к тому

времени, когда эти (Василид и Валентин) были еще молоды, и таким образом хотя старшим был между сими еретиками, но ранее его только Симон в течение некоторого времени мог слушать Петра. А если это так, то становится до осязательности ясным, что секты эти образовались чрез отделение от древнейшей их и истиннейшей церкви; это позднейшие и близкие к нашей эпохе чада времени, заклеившие себя позорной печатью отступничества от церкви.

Из сказанного, полагаю, и то ясно следует, что есть только одна истинная церковь, та, которой по праву принадлежит и старейшинство; к ее-то чадам относятся все праведные, положившие твердое намерение и оставаться таковыми. Есть один только Бог, один Господь; поэтому-то в высшей степени славно и удобоприемлемо все то, что заявляет себя единством; то лишь копией оказывается единого сего принципа. Итак, исповедуя Единого, церковь по самому существу своему должна быть едина; и разделение ее на бесконечное множество церквей, что делают еретики, есть насилие над ней; она нераздельна уже по силе индивидуальности своей природы. Она едина по субстанции своей, по своей идее, по принципу, по понятию о несравнимом ни с чем своем превосходстве. Да, она – древняя католическая церковь, – едина; все члены ее стремятся ко взаимному единению чрез одну и ту же веру, опирающуюся на особенные, индивидуальной природе каждого соответствующие, с нами Божии заветы; – ах я ошибся, – опирающуюся на один и тот же со всеми завет, хотя и переживший различные времена, но сохранивший свое нерушимое единство. Потому что по воле единого Бога и единого Господа завет тот постоянно собирает под свои знамена, приглашает к послушанию своим законам всех избранных и предопределенных Богом, еще прежде начала мира предузнанных Богом в качестве исполнителей Его правды. Но и возвышенность церкви, ни с чем несравнимое ее превосходство, равно как и принцип, дающий бытие ей и в силу которого она образовалась, в своем роде единственны; превосходя своим достоинством и величием все существующие

общества, она ничего на земле не знает подобного себе или равного. Рассуждение о сем предмете мы отлагаем впрочем до другого времени. Из ересей же одни носят имена своих основателей, как-то: Валентиниане, Маркиониты, Василидиане, хотя они и хвастаются, будто следуют в своих мнениях Матфию. Грубая ложь! Учение всех Апостолов также едино как и предание ⁹²⁶, идущее от них. Другие же из ересей называются по месту своего происхождения, напр. Ператики ⁹²⁷. Иные же из них именуются по народу, из которого вышли; таковы Фригияне ⁹²⁸. Иные – по характеру жизни, которой отличались; таковы Энкртиты, или Воздержники ⁹²⁹. Некоторые из них характеризуют себя исповедуемыми ими учениями, или догматами; напр. Докеты ⁹³⁰ и Айматиты, или Гематиты ⁹³¹. Некоторые другие отмечают себя своими заблуждениями и почитанием предметов, относящихся собственно к культу идольскому; таковы Каиниты ⁹³² и Офиты ⁹³³. Иные наконец обязаны своим именем беспутной своей жизни и наглости, как напр. ученики Симона, коих имя изменилось в Энтихитов ⁹³⁴.

18. Различение в Моисеевом законе животных нечистых от чистых, имея смысл таинственный, может быть приноровлено и к Иудеям и еретикам, отделяющимся от церкви.

Для тех, которые желают глубже проникнуть внутрь существа церкви, мы удовольствуемся здесь указанием на постановление Моисеева закона, различающее животных чистых и нечистых. Постановление это, имея смысл таинственный, пусть будет чем-то в роде окна; смотря с точки зрения сего постановления на еретиков и грубо понимающих Писание Иудеев, люди преданные церкви пусть не считают их принадлежащими к ней. На этом пункте мы и закончим сию книгу наших «Стромат».

Животные, отрывающие жвачку ⁹³⁵, имеющие раздвоенные копыта для жертв Богу чисты. Следуя Писанию, нужно видеть в них образ праведников, Богу угодных. Верою эти приходят к Отцу и Сыну. Они отличаются непоколебимостью, неподвижностью (Евр. 12:28), постоянством; и днем и ночью они держатся святых учений (Пс. 1:2). Подобно тому как животные, имеющие раздвоенные копыта, и днем и ночью пережевывают воспринятую ими в особое вместилище пищу: так и они воспринятые ими учения обращают в свою плоть и кровь. Когда Моисеев закон говорит нам, что животное жвачное для жертвы чисто, то он аллегорически хочет нам указать чрез это именно на переработку некоторыми верными святых учений чрез познание, чрез гностицизм. Животные же, не имеющие двух этих или же хотя одной из двух этих, требуемых законом, особенностей, отвергаемы Богом как нечистые. Животные жвачные, но не имеющие раздвоенного копыта, символически обозначают собою Иудеев с грубыми их воззрениями на закон; народа сей, носясь в устах с словом Господним, однако же ни веры не имеет, ни на посредство Сына, в Себе воплотившего истину жизни, не опирается; тогда как только Сын мог бы привести их к Отцу. Отсюда происходит, что народ этот, не имеющий двойной сей поддержки, проистекающей из веры, так

легко спотыкается, что и на животных замечается, не имеющих раздвоенного копыта. Ибо *никто не знает Отца*, говорит Писание, *кроме Сына и того, кому Сын откроет Его* (Лк. 10:22). С другой стороны нечисты и те животные, которые хотя и имеют раздвоенные копыта, но не имеют способности пережевывать пищу. Этот разряд животных собою изображает еретиков, которые хотя и действуют во имя Отца и Сына, но к тонкой над человеком работе церкви оказываются неспособными; *острия* его природы *обращать в пути гладки* (Лк. 3:4) бессильны; к этому и дела праведности они понимают и исполняют грубо, невнимательно, так что только воображают они, будто заняты делами их оправдывающими. Они не в силах понять тонкого значения священных учений и сделать из них применение к более тонким случаям и состояниям жизни. К ним и подобным им обращено слово Спасителя: *К чему вы обращаетесь ко Мне с воззваниями: Господи, Господи и не творите Мною заповедуемого вам* (Лк. 6:46)? Что же касается до неимеющих ни раздвоенного копыта, ни жвачки, то закон объявляет их сполна нечистыми.

Что же вас касается, жители Мегары, говорит Феогнис,
То вы ни по уму своему, ни по числу,
Не занимаете ни третьего места, ни четвертого,
Ни двенадцатого ⁹³⁶.

Что такое вы? *Прах, ветром возметаемый с лица земли* (Пс. 1:4); – *капля воды в звенящем медном сосуде* (Ис. 40:15).

Все же эти рассуждения служили для нас так сказать лишь введением к обоснованию нашей веры рациональными доказательствами. Верные раз принятому на себя обязательству мы бегло и в чертах лишь общих обозрели предметы нравственного нашего учения, при чем для сокрытия священных преданий от непосвященных в тайны нашей веры мы рассеяли оные по сочинению там и инде искрами способными возжечь свет истинного познания, однако же не во всяком кому бы оно ни попало под руку. Теперь же обратимся к обещанному нами рассуждению.

Сии книги наших «Стромат» далеки от сходства с теми благоустроенными садами, в коих деревья и растения для увеселения глаза размещены линиями и в известном порядке. Я охотнее сравнил бы их с густо поросшими деревьями и оттого тенистым холмом, где вместе растут и кипарисы и платаны и лавры и плющ и яблони и маслины и смоковницы, где таким образом рядом с растением бесплодным высится дерево и плодоносное. К чему же столь явный беспорядок в сем сочинении? Это сделано для предохранения его от рук хищных, уносящих прекраснейшие из плодов. Но пусть только войдет в этот рассадник деревьев земледelec; пусть он выроет с корнем любые из них и пересадит в другую почву: тогда у него образуется из них цветущий сад и восхитительная роща. Вот почему в этих своих «Строматах» мы ни порядку никакому не следовали, ни изящества словесных выражений не наблюдали, в красноречие не вдавались. Не находят ли нужным и сами Эллинские ученые иногда удалять из своих сочинений все словесные украшения и не излагают ли своих учений в выражениях сжатых и таинственных, говорящих как будто совсем не о том, о чем хотят сказать? Это для того они делают, чтобы постоянно держать ум и внимание читателей в состоянии возбужденном. Подобно этому и для рыб есть ведь многочисленные и разнообразные прикормки, соответствующие разнообразию пород их. По окончании же сей седьмой книги наших «Стромат» в последующих своих рассуждениях точкой отправления мы изберем уже другое начало.

Книга восьмая 937

1. Исследования как философские, так и богословские всегда должны быть ведены так, чтобы они приводили к чему-либо положительному.

Мудрецы древнейшие при своих исследованиях не приходили, в конце концов, ни к сомнению ни к сознанию беспомощности своего положения. Тем менее должны приходиться к сему мы, христиане, твердо держащиеся философии истинной. Писанием на нас даже прямо возлагается обязанность добиваться истины через разведывание и расследование, чтобы открыть, наконец, в чем и где она. Новейшие же из мудрецов эллинских, в мечтательности о себе увлекаясь бессодержательным и бесконечным стремлением к обманчивому и внешнему блеску и добиваясь возможности похваляться собой, в вечных своих спорах и сварах не идут дальше потешного балясничанья. Совсем иное зрелище представляет собою мудрость варварская. Дух любопытства совершенно отвергая, она говорит: Ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; просите, и дано будет вам (Мф.7:7; Лк.9:9). Речь, посредством вопросов и ответов расследующая истину и разведывающая о ней, как мне кажется, стучит в двери её. И если преграда, собой затруднявшая усмотрение истины, раз пала, то начинается умозрительное постижение её, уразумение. Перед теми, посему, кто стучится со столь искренними расположениями, думаю, что открывается и искомое. Тех, кои так относятся к расследованию Писания, Бог награждает и священным даром совершенного познания и разума, что и составляет цель всех их стремлений: расследованием предмета одного, наконец, освещается пред умом всесторонне и во всей его полноте. Найти невозможно не искавши. Искать же нельзя не расследуя. А исследование немыслимо без отстранения запутанностей и разоблачения от всех и всякого рода покровов и прикрытий; расследованием предмет обследуемый должен быть ясно поставлен пред глазами. Невозможно, наконец, в

исследованиях двигаться вперед и без воздаяния за труды, т. е. без вознаграждения познанием истины, вызывавшей на самое исследование. Итак, всякий ищущий может найти: но прежде, чем искать чего-нибудь, нужно быть убежденным, что того не имеешь. Тот, кто при своем стремлении вперед одушевляется святым и тонким стремлением к красоте, пусть её ищет честно, в споры суетные не входя, закрыв двери сердца своего для внушений тщеславия, вопрошая и отвечая, взвешивая говоримое. Строгая последовательность решительно необходима не только при изучении Божественных Писаний, но даже при приобретении и самых обыкновенных познаний, если хотят чтобы исследование довело их до какого-нибудь результата, польза которого была бы неоспорима. Людей же, в своих исследованиях не наблюдающих сей благоупорядоченности и поток праздных их измышлений, предоставляем мы слушать ордам людей, любящих трескотню и толкотню; для сего должна быть отведена и другая сцена. Друг же и ученик истины не походит на них. Он миролюбив; совершенно свободный от себялюбия, в своих стремлениях научным образом обосновать истину он руководится единственной страстью, одним лишь желанием: умозрительно осязать истину, постигнуть и созерцать ее; это и будет для него познанием её.

2. В вопросах философских и богословских первым средством к приобретению положительных знаний служит точное опознание вещей, равно как и с именами их соединение понятий ясных и определенных.

При самом же начале подобных ученых исследований методом наилучшим и очевиднее представляющим истину нужно счесть ясное определение значения того слова, из-за коего идут пререкания, так чтобы все говорящие на этом языке связывали с ним определенное и отчетливое понятие. Такого бессмысленного слова, напр., как blityri, ничего не значащего и собой представляющего сочетание лишь нескольких членораздельных звуков, в доказательствах употреблять не полагается⁹³⁸. И вот почему ни оратор, ни философ, ни один судья не почерпает в этом ничего не значащем слове доказательства за что или против чего-нибудь⁹³⁹, а, равным образом, и из сторон на суде тяжущихся ни одна не сумеет объяснить, что оно значит или определить смысл его; они знают, что это слово не содержит в себе ровно никакого смысла. Поэтому-то истинные философы из многих значений слова стараются опираться лишь на такое, которое содержит в себе действительную истину и притом непреложную. Итак, о каком бы предмете кто ни вздумал рассуждать надлежащим образом или спорить, не к иному началу должен возводить свою речь и не на ином понятии ее обосновывать, как на непререкаемом, на том, которое всем народом, говорящим на том языке, всей нацией признается обозначаемым через то слово. Взяв за исходный пункт это понятие, затем искать необходимо, данное слово действительно ли имеет то значение, которое обыкновенно с ним соединяют. Если бы это открылось, то тщательно за тем следует доискиваться, согласно ли то общепринятое значение слова, понятие с тем словом связываемое, согласно ли оно само с собой, со своей природой и сущностью, не противоречит ли само себе, и сравнительно с понятием, какое мы решили связывать с данным словом и коим

это последнее мы ограничили, природа того понятия не содержит ли чего лишнего. Недостаточно об исследуемом предмете говорить в выражениях общих, и притом опираться лишь на свое мнение, потому что и противник ваш со своей стороны может противопоставить тот же произвол: должно сказанное удостоверить и утверждать доказательствами. Потому что если спор обоих противников возводим был бы к какому-либо положению и принял бы за точку отправления такое, которое одинаково возбуждало бы собой сомнение и в той и в другой из состязающихся сторон, то прение могло бы продолжаться в бесконечность и, приняв характер неопределенный, не привести ни к какому результату. Если же прение, напротив, возводимо к чему-либо доподлинно известному и не подлежащему оспорению, всеми признаваемому и ни в ком не возбуждающему собой сомнения, и если собою оно подтверждает предварительное положение еще сомнительного достоинства, тогда это последнее может быть признано за существенный, один из коренных и важнейших пунктов учения. Итак, какую бы мысль, какое бы понятие вы ни доказывали, следует основывать это на положении, на утверждении подлинном, недвучном и несомненном, которое признавалось бы и той и другой из заинтересованных и принимающих участие в споре сторон, для обеих было бы очевидно: положение это имеет назначением служить ведь элементом, одним из исходных пунктов и принципом руководственного к дальнейшему исследованию; следует, посему, особенно о том заботиться, чтобы оно было ясно мысли исследователей, так чтобы свет от него изливался и на доказательства в пользу истин еще искомых, следимых и имеющих соотношение с главным принципом. Положим, напр., что предметом, подлежащим нашему исследованию, будет солнце. Стоиками оно определяется так: «Это есть факел, питаемый морскими волнами и одаренный разумом». Но это определение существа солнца темнее слова определяемого и сказывающего о природе его. Для подтверждения своей истинности и чтобы стать содержательным, оно само нуждается, посему, в разъяснениях.

Не лучше ли и так будет для получения такого несомненного и решительного положения примкнуть к общераспространенному простому и для всех понятному мнению, что солнце есть блистательнейшее из светил небесных? Это определение, как я думаю, веры достойнее, удобопонятнее и для всех удобоприемлемее.

3. Вторым средством к приобретению положительных знаний служит доказательство. Отличие его от силлогизма.

Всякий, равным образом, конечно, и с тем согласен будет, что доказательство со здравым разумом согласно, когда пункт сомнительный и спорный подтверждается положениями, раз уже признанными за верные и считаемые неоспоримыми. Но не только доказательство, вера и познание, а и положения принципиальные, аксиоматические могут быть двух родов: одни из них научные и непреложные; другие же лишь искомые, ожидаемые, зиждущиеся до времени только на надежде. Доказательством, имеющим полную законную силу, называется такое, которым в душе слушателя насаждается вера научная, представляющая из себя знание разумное и связное; все же остальные доказательства суть только кажущиеся и неподлинные, ибо основываются лишь на предположениях и мнениях. То же самое нужно сказать и о человеке. Истинный человек есть только тот, который владеет общечеловеческим здравым разумом; другие же все, походят больше на дикарей или на зверей. И вот почему комический поэт пишет: «Человек есть животное премилое, доколе остаётся действительным и истинным человеком.»⁹⁴⁰ То же самое нужно сказать и о воле, лошади, собаке, т. е. что они совершенны лишь потолику, поколику им присущи добрые и благородные качества, свойственные каждому из этих видов животных; при ослаблении же этих свойств, и совершенство индивидуумов, входящих в виды, умаляется. Что дело именно в воплощении начал высших и существенных, это открывается, напр., и из следующего. Обращая внимание на видовые совершенства, мы останавливаем свое внимание лишь на тех качествах, которые приближаются к идеальным. Так, под врачом мы разумеем человека, который всё знает, как нужно лечить; под мудрецом истинным (гностиком) мы разумеем носителя целой системы знаний, представляющей из себя полную и стройную совокупность истин опытных и умозрительных. От силлогизма

же доказательство отлично. Доказываемое в доказательстве вместе с тем и разъясняется; доказываемое и разъясняемое здесь одно и то же, взаимно сливаются. Так беременность есть доказательство, что женщина более не девушка. В силлогизме же, напротив, хотя и излагается также одно какое-либо понятие, но оно сопровождается многочисленными доказательствами. Так, напр., возьмем хотя бы такое положение: «Пюфон предал Византиян». Для разъяснения виновности Пюфона недостаточно сего одного положения, но требуются многочисленные этого доказательства. Оканчивать признаваемое вашим противником, делать выводы из этого, это будет «строить силлогизм»; делать же заключения, или выводы, из положений, предварительно признанных за истинные, это значить «доказывать». И вот почему доказательство преимуществует перед силлогизмом двумя выгодами: одним из этих преимуществ состоит то, что от признаваемого уже за истинное и бесспорное делается наведение к истине еще искомой; другое же то, что вывод сей относительно искомой истины имеет с положением бесспорным соотношение по существу дела и непосредственное. Если же такого бесспорного положения предварительно вами не предоставлено, т. е. если следствие выводите вы хотя и правильно, но из посылок ошибочных, то вместо твердого доказательства вы составляете только силлогизм. Еще нечто: силлогизм состоит единственно в законности заключения и согласии его с посылками. Доказательство же – в законности самых посылок. Если каждое из предшествующих положений вы сделали осязательным и неоспоримым, то значит вы рассуждали уже не силлогистически, а прямо и вполне свою тему доказали. Закljučать, как показывает уже само это слово, значит кончать, т. е. доводить речь до конечной точки. А конечным пунктом всякого спора состоит искомый предмет; заключение называется оттого еще решением вопроса, концом дела. Никакое простое и первое, попавшееся под руку, положение не называется силлогизмом, хотя бы оно и было истинным. Силлогизм слагается, по крайней мере, из трех частей; первые две принимаются за леммы ⁹⁴¹, третья же в качестве следствия.

Всё должно быть доказываемо, или же некоторые вещи уже и сами в себе носят доказательство за себя? Верно ли первое положение? Требуя доказательств на всякое положение, мы вдаемся в бесконечность, причем оказывается, что удовлетворительного доказательства мы все-таки найти не в состоянии. Если же верно второе положение, что некоторые истины уже в себе самих содержат за себя доказательство, то значить они могут служить основой, исходным пунктом, принципами для других доказательств. Все философы согласны в том, что никакое из положений первоначальных не поддается нашим доказательствам. Следовательно, если приводится доказательство, то, значит, уже самой необходимостью требуется, чтобы прежде того существовало нечто, само по себе заслуживающее веры. Это нечто называется положением первоначальным и доказательств не требующим, – принципом, от которого не отступают. Итак, всякое доказательство в конце концов возводится к некоему положению, принимаемому на веру и доказательств не требующему. Кроме сего источника для открытия истины, кроме веры в положения, доказательств не требующих, есть еще источники, из коих мы можем заимствовать доказательства; это – очевидность, являющаяся таковою как нашим чувствам, так и созерцательной деятельности нашего рассудка. Предметы, предносящиеся нашим чувствам, внутреннему и внешним, просты и неразложимы. Но и предметы, нами в своем уме и здравом смысле открываемые, тоже, так сказать, до прозаичности, известны всем и всеми ведомы; они стихийны, первоначальны, просты. Понятия, слагающиеся на двух этих путях, хотя и сложны, тем не менее, очевидны, достоверны и, сравнительно с первыми, т. е. принимаемыми на веру, отличаются характером уже рациональным. На разуме, той благородной способности, которой мы предпочитаем пред всеми другими существами природы, лежит обязанность судить о том, что последовательно, согласно с теми принципиальными положениями и что несогласимо. Итак, если какой мыслительный процесс идет таким образом, что авторитетностью положений уже достоверных поддерживаются

и подтверждаются другие положения, которые еще не вызвали веры в себя, то в этом уже предлежит нам сущность доказательства; мы уже как бы получаем оное в руки.

Но нами уже установлено, что как веры, так и доказательств есть два вида: вследствие одного из них, в душе слушателя образуется убеждение, коим он и довольствуется; другой же вид доказательств служит источником познаний. Поэтому, если кто за исходную точку для своего мышления взял бы положения и для его чувств и для разума очевидные, и потом вывел бы из них сообразные заключения, то через это самое известную истину он уже и доказал бы в полном смысле этого слова. Если же кто останавливается на почве лишь произвольных человеческих мнений, не возвышаясь до принципов, или положений первоначальных, т.е. если вы ограничиваете свое мышление сферой лишь таких предметов, кои ни внешним вашим чувствам и чувству внутреннему не могут подлежать, ни для разума не очевидны, то вы в состоянии строить силлогизмы, даже и очень строгие, но с доказательством научным, образцово-стройным, правильным и последовательным, притом же до ясности определительным, вы не будете иметь дела никогда. Если своими корнями ваше мышление утверждается не на том, что в вас самих, что, так сказать, у вас дома, а на том, что произвольно, то вы и рассуждать то, значит, не способны, ни силлогизмом строить вы не в праве: у вас нет лемм, посылок, материала для этого. Итак, доказательство сводится не к иному чему, как к разложению известного положения на понятия простые, к анализу. Каждое из доказываемых положений доказуемо через доказуемое же другое положение и предварительно, на самом деле, действительно доказанное; и так, поднимаясь со ступени на ступень, мы доходим до положений, которые сами по себе достоверны, или же до того, что подлежит нашим внешним и внутреннему чувствам и разумом постигается. Анализ в этом именно и состоит. Доказательство же состоит в том, что от положений первоначальных, от принципов, через все положения посредствующие, к спорному вопросу или положению нисходят.

Итак, обращаясь к человеку, одаренному и владеющему способностью рассуждать, мы говорим: Старайтесь первее и более всего об истинности ваших лемм, или посылок, о реальной содержательности их, правдивости, верности их существу вещей и дела; в пустоумничаньи же и пустоваяканьи что за толк? Называйте оное как хотите: аксиомами (самоистинами), посылками первой, второй: цена тому будет одна и та же. А равным образом, будьте и в своих выводах весьма осторожны. И здесь пустоплесью слов также не придавайте ни малейшего значения. Что за важность в том, назовете ли вы свое заключение конечным выводом или заключительным следствием или силлогизмом. т. е. умозаключением? Кто пытается что-либо доказывать, тот принимает на себя и обязанность строго наблюдать оба эти только что названных пункта: тот должен постановлять положения только суще-правдивые и делать выводы по наведению. Наведением же называется усмотрение частного в общем; какой бы вопрос не обсуждали вы, в предшествующем принципиальном положении должно уже содержаться разрешение и данного вопроса. А если, таким образом, он уже входит в состав суждения, то для утверждения чего-либо, значит, стоит лишь вывести то из предварительного принципиального положения. Но так как принципиальные положения бывают различных сортов, то следует отправляться из положения, которое имеет отношение к природе данного вопроса и притом такого, которое всеми признается за истинное и оспорению не подлежит. Причина, по которой должно поступать так, весьма простая. Если возьмете вы за исходную точку своих рассуждений такие предварительные положения, которые к данному вопросу отношения не имеют, то истины никогда не откроете, так как ускользает у вас из рук вся задача отыскания неизвестного по данному, вся проблема и то, что называется ситуацией положения вопроса. Итак, во всякого рода расследованиях есть данные известные с самого начала, – такие, которые сами по себе вполне достоверны, а потому удобоприемлемы и без всяких доказательств. Им должно быть свойственно двоякое назначение: они должны служить

исходным пунктом исследования, и потом критерием того, что открыто нами.

4. При разъяснении всякого вообще вопроса следует начинать с определения предмета, о коем идет речь, дабы избежать двусмысленности, часто представляемой терминами.

Всякое исследование возникает из какого-либо предшествующего познания. Следует, значит, признать, что познание существует ранее исследования, какого бы рода вопрос не подлежал оному. И это предварительное познание об исследуемом предмете бывает такого сорта, что иногда имеют только ключ к предмету, к субстанции, к существу его, знают лишь принцип его, не зная всех акциденций, состояний или соотношений. Это имеет приложение, напр., к камням, растениям, животным, деятельные состояния которых от нас ускользают. То не знаем мы ощущений их, то особенностей, или – короче сказать, – безответны на тот или иной вопрос, того касающийся, что совершается внутри их. То знаем мы какую-нибудь одну из особенностей, характеризующих известную субстанцию, какое-либо одно из ощущений её или подобных свойств. Так, напр., желания и ощущения собственной своей души мы знаем, сущность же её нам неизвестна и знания её мы только добиваемся. Во многих случаях, установив свои воззрения и на субстанцию и на акциденции, ум однако же исследует, какой из субстанций могут приличествовать эти различные состояния. Мы приступаем к исследованию, составив в своем уме понятие о том и другом, как о субстанции предмета, так и о свойствах его. Но есть и такие предметы, коих ощущения нам совершенно неизвестны, хотя в то же время мы знаем как деятельные состояния их, так и субстанцию. Итак, вот метод, который ставит нас на путь, ведущий к обретению истины. Начинать следует с обстоятельного и всестороннего опознания данного вопроса, ибо не раз уже происходило, что формы словесного выражения были настолько обманчивы, что ум не в состоянии был различать, о каком, собственно, предмете идет речь. Таков, напр., вопрос: Животное, содержащееся в матке, есть животное или нет ⁹⁴²? Зная, что

должно разуместь под животным; а, равным образом, имея некоторое представление и о зародыше, заключенном в матке, мы спрашиваем самих себя: Подходит ли понятие о животном к субстанции, содержащейся еще в матке, т. е. в состоянии ли она двигаться и чувствовать? Потому что представление о деятельных состояниях известной субстанции и её пассивных состояниях, напр., ощущении, должно находиться в соответствии с её сущностью. Итак, у того, кто поставил данный вопрос, при самом же начале исследования следует спросить: Что вы называете животным? Приём этот особенно необходим тогда, когда известное слово употреблялось бы в различных значениях; в таком случае тщательно должно расследовать: не проистекает ли сомнение от обоюдного значения слова и все ли связывают с тем словом ясное и отчетливое, не подлежащее оспорению значение. Если соперник ваш ответит, что под животным он разумеет всё, что растёт и питается, то мы спросим его снова: Не включаете ли вы в число животных и растения ⁹⁴³? Если он допустит этот пункт, то нужно будет выяснить, к какому же царству, по его мнению, принадлежит зародыш, содержащийся и развивающийся в матке. Платон ⁹⁴⁴ действительно причисляет к животным и растения. потому что, – как говорит он, – они более всего имеют сродство с третьим видом души, душою растительной. Аристотель ⁹⁴⁵ держится мнения, что в одно и то же время им свойственна и душа растительная и питающая; но он не хочет называть их животными; это имя он оставляет исключительно за существами, одаренными второй из этих душ, а именно чувствующей. Что же касается Стоиков, то они растительную силу не называют душою ⁹⁴⁶. Если тот, кто поставил этот вопрос, будет отрицать тождественность растений с животными, то мы ему докажем, что он сам себе противоречит. С одной стороны, называя животное существом питающимся и развивающимся, а с другой, объявляя, что растение не есть животное, он не другое что, а как будто так говорит: «Существо развивающееся и питающееся есть животное и не есть». Пусть же он объяснится, чего он хочет; какую цель преследует при таком своем определении

животного? Хочет ли он внушить нам, что зародыш, заключенный в матке, развивается в ней и питается, или же он хочет доказать, что он принимает участие в движении и способности чувствовать? По Платону и в самом деле растение имеет душу и есть подлинно животное. По Аристотелю же, напротив, растение хотя и одушевлено, но не есть еще животное, потому что ему недостает способности чувствовать; а животное, по его мнению, есть существо одушевленное, одаренное способностью чувствовать. Обращаемся мы к Стоикам и они отвечают нам: Растение не одушевлено и не есть животное, ибо животное есть существо одушевленное. Значит, если животное есть существо одушевленное, а душа одарена способностью чувствовать, то очевидно, что существо одушевленное необходимо одарено способностью чувствовать. Тому, кто поднял вопрос о сем, теперь посему скажем мы: Итак, животное, заключенное в матке, вы продолжаете ли называть так, т. е. животным потому только, что оно питается и растёт? С этих пор вы уже получили ответ. Если же мой противник возразит мне: Я не об этом спрашивал; я хотел узнать только: Способен ли зародыш чувствовать и возбуждаться каким-либо желанием или склонностью? Так как в этих выражениях нет более никакой двусмысленности, то дело теперь в том, чтобы открыто исследовать этот вопрос.

Если противник ваш останется нем к ответу на все обращенные к нему вопросы; если он упрямо отказывается объяснить, какой смысл связывает с употребленными им выражениями, или какое существо он называет именем животного, когда ставит так, вопрос; и если окажется, что все это он за тем только делает, чтобы произвести между нами несогласие и разделение: в таком случае, значит, это человек любящий распри и споры. Есть два способа оспаривать какой-либо вопрос: первый следить свою цель вопросами и ответами; второй вдаваться в подробности, которые он и обзревает от точки до точки. Если наш противник отклоняет первый из двух этих методов, то пусть послушает нас, как во всех его различных разветвлениях данный вопрос, (а по образцу

сему и другие) исследуем мы. А когда мы кончим, может все пункты, касающиеся этого предмета, обсудить и он.

Если же он будет стараться прервать спор вопросами, то даст тем очевидное доказательство, что ничего не хочет он ни слушать, ни знать. Но, положим, что он предпочтет отвечать нам. Тогда первое всего мы спросим его: «Какому существу вы даете имя животного»? Когда он объяснит нам это, мы снова спросим его: «Что разумеете вы под зародышем, заключенным в матке? Есть ли это существо с членами уже развитыми, и которое может быть названо живым животным? Или есть это одно из тех существ, составные части которых находятся еще в элементарном виде, масса едва только обрисованная, которая в медицине называется эмбрионом»? Когда и это антагонист наш объяснит нам, можно будет сделать некоторое заключение, и на предложенный вопрос пролить некоторый свет. Если же потребует он, чтобы мы вели свое рассуждение его не спрашивая, то мы обратимся к нему со следующими словами: «Так как вы не решились отвечать нам, в каком смысле предлагаете данный вопрос, то не добиваясь смысла я прямо углублюсь в ваш вопрос и отвечу вам: Знайте, что ваш вопрос равносителен такому: «Собака есть ли животное»? Я имею право спросить вас: «О какой собаке говорите вы? Есть собаки на суше; есть морские собаки – акулы; есть небесное созвездие, Собакой (Псом) именуемое; есть философы – собаки, Диоген, напр.; есть много и других собак; о каких собаках вы спрашиваете меня? Обо всех их или об одной какой из них? Не могу я этого угадать. Потому объяснитесь точнее: о чём собственно вы спрашиваете меня, так как всё равно после моего ответа вам вы принуждены же будете сделать это. Если же вы прибегаете к словесному крючкотворству, то для всякого очевидно, что слово «зародыш» не есть ни животное. ни растение, а имя, членораздельный звук, тело, субстанция, некоторая вещь, всё в мире скорей и, наконец, только не животное. Это ли была цель вашего вопроса? Если эта, то я ответил вам. По смыслу, какой содержится в слове «зародыш», он не есть животное; это бестелесная субстанция; можно назвать её некоторой вещью, понятием, всем в мире наконец,

только не животным. Природа различных значений слова «животное» совершенно отлична от природы того животного, о котором главным образом идет речь в вопросе. Значит, другой стороной вопроса будет такая: Что такое природа животного? В этом случае я рассуждаю так: Если животным вы называете всё, что способно чувствовать и двигаться в силу свойственного ему желания, то животное есть не просто всё то, что может чувствовать и двигаться по желанию, потому что оно может также спать или не чувствовать осязаемых предметов за отсутствием их. Способность двигаться по желанию природою дана была животному в качестве отличительного признака, по коему и узнается оно. Отсюда возникают следующие соображения. Зародыш не способен ли двигаться по желанию и чувствовать? Это первый вопрос, подлежащий разрешению. Вторым же состоит следующий: «Зародыш может ли когда чувствовать и питаться, не побуждаемый к тому желанием»? Здесь ничего нет обоюдного; дело говорит само за себя. Вы нас спрашивали: Зародыш есть ли животное или он только растение? Чтобы не допустить какой либо двусмысленности в рассуждении, мы определили слово «животное». Потом по открытии, что существо это, одарено будучи чувствительностью и движением, ничем не отличается от животного, мы отличили его от существ похожих на него или к нему близких, сказав, что есть разница между существом, располагающим только возможностью двигаться и чувствовать, но воспользоваться ею имеющим лишь в будущем и существом, которое уже располагает всем сказанным на самом деле. Способность уже действующая и способность могущая действовать, но до поры до времени еще спящая или дремлющая различны в самом существе своем. В этом то и заключался весь вопрос. Ибо из того, что зародыш питается, вовсе еще не следует, что он есть животное, если только не желаем сами мы стать в ряды тех людей, которые пренебрегают сущностью вещей, обращая всё внимание на признаки лишь случайные.

Всякий раз, как домогаются обрести что-либо, посему необходимо должно предлежать что-либо, ранее того ясно

изведенное, т. е. последовательный ряд суждений, которые целым рядом вещей ранее опознанных объявляли бы вещь еще не открытую. Исследователь должен сознать и познать это ранее изведенное; тогда сделается для него осязательно-ясным и предмет искомый. Убедительнейшими из всех средств в отыскании какой-либо новой истины состоит очевидность для чувств и ума; из этих то элементов и слагается первое средство, или способ к открытию какой-либо новой истины, или, так называемое, первое доказательство. Посредство, образованное из элементов первого, приводит к заключению уже отличному от первого; однако же и это последнее веры заслуживает не меньшей, чем и предыдущее, хотя и не может быть названо первым, потому что выводится из предварительных положений (презумпций) не непосредственно. Итак, разность, могущая возникнуть касательно исследуемых вопросов, бывает трех видов. Мы сказали уже о первом виде разностей, или разногласий, т. е. случае, когда известна сущность, но неизвестно какое-либо из деятельных её состояний, или отношений, или – что то же – движении. Вторая разность, которой могут сопровождаться исследования одного сравнительно с исследованиями другого, это когда мы, зная деятельные состояния, внутренние движения предмета, или его соотношения, тем не менее, не знаем сущности, как, напр.: «В теле человека, где имеет пребывание управляющая ими душа»?

5. Образец доказательства, ниспровергающего сомнение скептиков касательно возможности знать истину.

Тот же самый приём наблюдается при разборе и опровержении и следующего положения. Некоторые ученые утверждают, что «субстанция животного не может заключать в себе начал больше одного». Несколько или многих начал однородных или родственных идея животного без сомнения содержать в себе не может; это и мы допускаем охотно. Но в принятии для животного нескольких разнородных начал, объединяемых его животной субстанцией, нелепого и противоречащего здравому смыслу нет ничего.

Или возьмем для образца скептическое ко всем вообще учениям отношение Пирронян, находящих бесполезными все и всякого рода рассуждения, потому де, что ничего в сем мире нет твердого и непреложного ⁹⁴⁷. Если приложить к сей теории Пирронян её же принцип, то откроется, что через оный лишает она достоверности себя же саму, себя подрывает и упраздняет. Итак, она должна допустить одно из двух: или есть нечто истинное, и тогда, следовательно, нет оснований сомневаться в возможности добратся суждением до истины касательно той или иной вещи, или предмета. Или же она должна настаивать, что истины найти невозможно и её нет; в таком случае и первое всего становится очевидным, что и сама она, эта теория, неистинна. Середины нет: эта теория или неложна или же неистинна. Если она говорит истину, то, значит, вопреки своей воле признает, что все-таки нечто истинное в мире есть. Если же она лжет, то, значит, оставляет во всей их целости и неприкосновенности истины, кои хотела заподозрить. В самом деле, с того самого момента, как известная и какая-либо теория, предъявив притязания на ниспровержение истины, уличается во лжи, истина, которую эта теория хотела помрачить, возвращает себе обновленную жизнь, начинает сиять прежним блеском. Это на то походит, как если бы Морфей утверждать стал лживость всех вообще снов: через

это свидетельствовал бы он о недействительности и своего собственного существования. Подрывая саму себя, Пирроновская эта теория лишь утверждает ценность остальных. Одним словом, если эта теория истинна, то пусть она свой же собственный принцип приложит к себе самой, усомнившись в достоверности не иного чего-либо, а पहले всего в самой себе, в достоверности того, что сама она утверждает. Если же она свои сомнения простирает на предметы лишь посторонние, то через это самое она ратует против себя самой. – Потом если последователь Пиррона допускает существование человека и то, что сам он есть человек; а равным образом если он и действительность своего сомнения признает, то через это он ясно дает понять нам, что от суждения об истине все-таки он, значит, нисколько не отрекается. Если обращаться к нему с вопросами, он отвечает вам; следовательно, по крайней мере, в этом отношении он не сомневается. Между тем слушайте, что говорит он: «Я сомневаюсь, чтобы было что-либо истинное; а потому истинно ли что или ложно, от суждения о сем воздерживаюсь». Но если вы находите для себя невозможным вообще составлять суждения о чем-либо, потому что ничего де нет в сем мире достоверного, то прежде всего должны усомниться в основательности самого этого своего сомнения и воздержания от суждений на этом основании. Достоприемлемым прикажете назвать это ваше сомнение или нет? Или, вот, лучше будет с Пирронянами говорить так: Представьте, что нам следуешь решить такой вопрос: «Известную теорию нужно признавать истинной или нет»? А мы отвечаем: «Нет возможности решить этот вопрос, потому что никем де ничего истинного не предлагалось». Но если это последнее положение верно, то и само оно значит не может утверждать собственной своей истинности и достоверности. Если же в истинности и этого вашего утверждения скептик усомнится, то тем самым он докажет, что истину знать возможно. Скептическая теория сомнительности существующих в мире истин доказать не в состоянии; а через это она саму себя изобличает в несостоятельности. Если же составление и высказывание того или иного суждения представляет собой не

иное что как расположенность к принятии какого либо учения или даже признание оно, или – по другому пониманию – расположенность связывать взаимно и согласовывать между собою многие учения и через то устанавливать точку зрения вообще на мир явлений; и если в конце концов все учения сводятся к единственной цели, к правильному устройению человеческой жизни: (далее, если каждое учение представляет собой известного рода ассоциацию воспринятых умом понятий; еще далее, если понятие есть известное состояние души и настроенность её: то, значит, не только скептические философы, – ни одного явления в мире не признающие достоверными, не говорящие ни о чем с уверенностью, а лишь сдержанно и суждений определенных ни о чем не высказывающие, – но и философы положительные, догматисты, – начал на коих они строят свои системы не исследующие, а просто считающие их за несомненные, в некоторых случаях имея обыкновение воздерживаться от суждений, – делают то (вовсе не по отсутствию в мире чего-либо истинного), а, или по причине слабости своей судительной способности, что составляет общий удел и всех вообще людей, или же по неопределенности и неясности предмета, или же обращая внимание на равносильность доказательств за то или иное.

6. Род, вид, различие. Пользование ими в определениях.

Прежде чем определять, доказывать и различать, потрудитесь установить, насколько манер можно понимать данный вопрос. Следует обсудить омонимы, различить синонимы и классифицировать их с точностью по их отличительным значениям. Потом старайтесь исследовать, подлежащий вашему обсуждению предмет должен ли быть рассматриваем в соотношении с другими, или же, взят вами лишь сам по себе и обсуждён лишь по своему существу. Затем, должны следовать вопросы: Существует ли он? Что это за предмет? Какие свойственны ему акциденции, или видоизменения? Или, – что будет лучше: Существует ли он? Что это за предмет? Почему он существует? Именно знакомство с частностями и с чертами предмета общими и главными; именно обращение внимания на черты выдающиеся, отличительные, знание их и различение одних от других особенно много способствует освещению вопросов спорных. Индукция возводит от частного к общему и к определению понятия, а различие ведет к определению вида, к уяснению субстанции предмета, к постижению его индивидуальности. Расследование же того, с каких точек зрения можно обсуждать данный предмет, приводит нас к пониманию истинного его значения; а сомнения (возбуждаемые акциденциями) приводят нас к пониманию того, чем причиняются самые эти различия, коими один предмет отличается от других; сим же обстоятельством вызываются и доказательства. Кроме того, сомнение способствует постижению предмета; и выводы при сем хотя и ограничиваются известными пределами, но число их умножается. Познание же и истина представляют собою результат, составляемый из сих разнородных элементов.

Общее сокращение различия называется определением. Потому определение ставится или перед разделением или после оно: перед ним, когда оно дано согласием сторон или предположено; – после, когда оно уже опосредствовано

доказательствами и когда из этих отдельных элементов, открытых и дознанных разумением, извлекается общий вывод. Началом и источником индукции состоит внутреннее чувство, и концом её бывает обобщение. Индукция нисколько не объясняет, что такое предмет; существует он или не существует, вот область её. Различение, напротив, показывает, что такое предмет. Определение, равно как и различение, учат нас, что за сущность его и что за природа; до существования же предмета им дела нет. Доказательство исполняет три обязанности; оно говорит о существовании предмета, о коем идет речь, о природе его и значении. Некоторые определения могут содержать в себе также и причину. Так как познание возникает не ранее опознания нами причины, а причин существует четыре, – материя, движение (принцип), форма, цель, – то отсюда и определений существует четыре вида. Значит, первее всего нужно понять род, заключающий в себе все субстанции наиболее близкие к высшей общности; затем следует толковать и о различиях наиболее к сей общности близких. Сцепление различий, мало-помалу деля род и подразделяя, способствует пополнению понятия о сущности предмета, или определению его. Однако же, совершенно нет никакой необходимости изображать все отличия каждого предмета; можно ограничиться ЛИШЬ теми, ПО силе коих он относится к известному виду. Геометрические анализ и синтез походят на различение (разделение) и определение диалектики. От различения мы восходим к существам, наиболее простым и благородным. Мы делим род подлежащего нашему исследованию предмета на содержащиеся в нем главные его виды. Возьмем, например, человека. Родовым понятием состоит для него животное. Разлагаем оное на усматриваемые в оном два вида, на смертное и бессмертное. И так роды, представляющиеся нам сложными, постоянно подразделяя на более простые их виды, мы приближаемся к искомому пункту, который уже не может быть более подразделен. В самом деле, разделив животных на смертных и бессмертных; затем смертных опять на земных и водных; потом земных на крылатых и ходящих на ногах, и т. д. продолжая до вида ближайшего к искомому

предмету и содержащему оный в себе, мы посредством этих последовательных разложений дойдем до вида самого простого, не содержащего в себе уже ничего, кроме того самого предмета, о коем мы рассуждаем. Животных, на ногах ходящих, мы разделяем на разумных и неразумных. Далее, из всех этих видов, полученных через деление, мы выбираем качества, наиболее и непосредственно относящиеся к человеку, объединяем их в одно предложение и определяем человека так, что это есть животное смертное, земное, ходящее на двух ногах и одаренное разумом. Отсюда, открывается, что деление играет роль материала, выслеживая для определения простоту имени; определение же, слагающее и упорядочивающее и посредствующее собою познание о том, что есть, представляет собою художника и творца. Истинные определения суть определения не предметов и не идей, а субстанций, общее понятие о коих предносится нашему духу. Раскрытие понятий о них мы называем речью истолковательной. Деления же сих понятий о субстанциях бывают различные. Одно субстанцию, подлежащую делению, делит на виды; таков, напр., род. Другое делит её на части; таково, напр., целое. Третье делит её на акциденции, или модификации, видоизменения. При разделении целого на части всего чаще имеется в виду величина. Разделение, обращающее внимание на акциденции, никогда не может объяснить собой всё целое, ибо необходимо, чтобы всякое существо имело тождественную самой себе субстанцию. Вот почему два эти разделения не имеют за собой авторитетности. Разделение единственно законное, это то, которое разделяет род на виды; оно и в роде и в разнообразии частных его разностей следит один и тот же характер тождественности. Вид всегда усматриваем в какой-либо одной из частей рода, не так, однако же, чтобы часть со своей стороны могла стать и видом. Напр., рука хотя и есть часть человека; но не вид человека. Напротив, род заключается в виде. Напр., свойства животного в одно и тоже время общи и человеку и волу. Целое же, напротив, не содержится в своих частях; напр, человек не заключен весь в своих ногах. Значит, вид имеет преимущество перед частью. Все сказанное о

роде может иметь отношение и к виду. Хорошо усматривать род в двух, если не трех видах. Разделенные виды, имея исходным пунктом род, дают в себе убежище и характеру тождества с ним и различиям между собою. Те, кои продолжают разделяться, характеризуют себя свойствами общими. В самом деле, каждый из видов есть или субстанция; как напр., если мы говорим: Между существами одни имеют тело, другие же бесплотны; или же речь идет о количестве, отношении, месте, времени, действии и состоянии.

Всему тому, следовательно, что знаем мы отчетливо и основательно, можно дать и определение; равно как тот, кто, – до чего это ни доведись, – не в состоянии о том ни понятия составить, ни словесного определения тому дать, тот, – говорим, – не имеет, значит, и познания о сем предмете. От неумения составить определение происходит много суждений сомнительного достоинства и вовсе ложных. В самом деле, если знающий предмет имеет о нём понятие и носит о нём в глубинах своей разумной души познание; то может он и словесно выразить то, что он думает; объяснение им своей мысли есть уже и определение её: отсюда с необходимостью следует, что человек знакомый с предметом может, значит, дать и определение его. К определениям присоединяется еще атрибут, играющий в оном роль как бы герба какого, отличительного признака, приметы. Следовательно, если прибавить к определению человека ещё такое предложение: «имеющий способность смеяться», то оно будет собой дополнять его и все это определение будет звучать так: «Человек, есть животное разумное, смертное, земное, ходящее на двух ногах, одаренное способностью смеяться». Атрибуты, вводимые в определение, сказывают об отличительных признаках предмета, но сущности самых вещей они не обозначают. Отличительный признак, как единогогласно признается, сообщается индивидууму его особенностью, которая специально его отличает от других всех предметов, потому что она одному ему только свойственна и для всех очевидна. Необходимо, значит, чтобы в определениях род принимаем был за нечто главное и основное. В определениях

длинных субстанция и природа предмета открываются из целого ряда видов, в свою очередь открываемых через десять категорий; в коротких же сущность и природа его указывается главными видами, выбираемыми из смежных. И все же и кратчайшее определение должно слагаться, по крайней мере, из трех частей: рода и двух необходимейших видов. Происходит же это через сокращение. Итак, определение человека сводим к такому: «Человек есть животное, способное смеяться». Потом нужно присоединить к этому главный из случайных признаков определяемого предмета или частный его атрибут, или же его специальное деятельное состояние, или же нечто из остальных его признаков. Следовательно, определение, обязанное толковать о сущности предмета, как будто не может в точности обнять его природы. А если так, то что же оно делает? Посредством названия главных видов оно обнаруживает сущность предмета, подходит уже близко к познанию её через указание свойственных предмету качеств.

7. О причинах, по коим не доверяются собственным суждениям и об основаниях к прекращению их.

По двум главным причинам отказываются от продолжения рассуждений и прекращают оные. Первая коренится в разносторонности и неустойчивости ума человеческого. Сама природа его как будто такова, что он осужден ею или на постоянное разногласие с другими или же на то, чтоб не походить ему самому на себя. Вторая причина сомнений и отречения от суждений заключается в разнице, существующей между предметами. Вследствие этого взаимного разногласия их, не в состоянии будучи ни верить во все видимые нами предметы, ни возможности не имея и отказать в признании всех их, потому что тогда выходило бы, что не нужно верить и этому положению: «ничему не нужно верить», так как оно составляет часть всего; а равным образом не в состоянии будучи по причине одинаковости мотивов, говорящих в пользу и той и другой из двух сторон, и верить в известные вещи, отказав в признании некоторыми другими, ни не верить: мы принуждены бываем по всему этому воздерживаться от нашей решимости. Из двух же главных этих причин, по коим мы отсрочиваем акт решимости, порождаемая неустойчивостью мысли производит собою разногласие. Оно то и состоит причиной сомнения и прекращения всех рассуждений. Отсюда то и проистекает, что жизнь наша наполнена судилищами, собраниями; поэтому то и заняты мы выбором того или иного из, так называемых, благ и зол: все это суть свидетельства далеко недвусмысленные за неустойчивость ума, слабость которого колеблется между предметами, друг другу противоречащими и себя взаимно отвергающими. Отсюда-то все эти библиотеки, наполненные книгами; – различные школы; – эти споры с криками учёных и неучёных, исповедующих противоположные учения и друг друга убеждающих в том, что истина на их стороне.

8. Метод, коим как самые предметы, так и понятия о них, выражаемые именами, могут быть сводимы к некоторым категориям.

Есть три вещи ⁹⁴⁸ относительно слов языка, подлежащие рассмотрению. Первее всего, слова служат представителями понятий, а потом предметов. Во-вторых, понятия – суть напоминания о предметах и с них отпечатки. Оттого то мысли у всех людей одинаковы: существующие предметы на всех производят одно и то же впечатление своею формой и одинаковым типом. Но нельзя того же самого сказать и относительно имен предметов, так как есть различные языки. В-третьих, наконец, есть вещи, собою возбуждающие в нас известные мысли. Грамматикой все наименования предметов сводятся к 24 общим элементам (буквам). Число элементов и, действительно, должно быть ограниченное и они должны иметь определенный характер; иначе предметы по своей бесчисленности ускользали бы от познания. Особенность науки состоит в том, что она опирается на положения до всеобъемлемости общие и определенные ⁹⁴⁹. И вот почему положения частные сводятся к общим. Исследование же, в частности философское, начинает с рассудочных понятий и с субстанций, налицо находящихся. Так как число этих частных субстанций простирается до бесконечности, то и свели их к нескольким первостепенным элементам, под кои и подводится предмет искомый, каков бы он ни был. Если оказывается, что он подводим под одно или под некоторые из этих элементарных понятий, то бытие его мы утверждаем. Если же под эти рассудочные понятия он не подводим, то мы объявляем, что его и не существует. В человеческом языке слова употребляются или во взаимной связи или же без соотношения друг с другом. Они поставлены во взаимной связи, когда говорим мы, напр., так: «Человек бежит; человек побеждает». Они употреблены без всякой связи, напр., в следующем примере: «Человек, вол, бежит, побеждает». Здесь ничего нет, что образовывало бы речь связную и которая по отношению к

истине или заблуждению её содержимым отличалась бы некоторой последовательностью или упорядоченностью. Словами, употребленными вне взаимного друга с другом соотношения, обозначается лишь сущность, или субстанции; иными из них обозначается качество; еще иными количество; некоторыми – отношение; за тем и далее другими – место; опять другими – время; снова иными – состояние; другими – принадлежность; наконец, еще иными – деятельность; еще другими – какое-либо пассивное состояние. Таковы элементарные понятия о сущностях телесных; они сводятся к известным принципам. Постигаемы же могут быть эти принципиальные понятия лишь рассудком. Субстанциальность же предметов по её нематериальности может быть постигаема лишь возвышеннейшим умозрением. Из субстанций, подводимых под одну из десяти категорий, одни самобытны, как, напр., девять порядков категорий (в частях речи); другие же относятся к какому-либо объекту. С другой стороны, из субстанций подводимых под ту или иную из десяти категорий, одни синонимичны, как, напр., вол и человек, так как оба они суть животные. Синонимичны же два предмета, понимаемых под одним общим наименованием, напр., животного; значение и определение сих предметов в этом отношении одно и то же, т.е. существа одушевленного; Гетеронимы состоят в различных для одного и того же понятия наименованиях; таковы, напр., восхождение и нисхождение, так как восходим ли мы или нисходим, все равно это путь мы держим. Есть и другой вид гетеронимов; напр., лошадь и черный. Здесь и наименование предмета и эпитет друг другу чужды и не необходимы в одном и том же субъекте. Потому-то более подходящим делом будет назвать слова эти не гетеронимами, а скорее совершенно чуждыми друг другу, связи между собой не имеющими. Полионимы, это – те слова, кои под различными наименованиями содержат одно и то же понятие; таковы, напр., меч, палаш, сабля. Имена нарицательные получают свое имя от другого имени; так, напр., «мужественный» происходит от «мужество». Омонимами называются слова, которые лишь по звуковому своему составу одинаковы, смысл же кои имеют

различный, – напр., и человек живой и нарисованный одинаково выражают собою понятие о животном. Между омонимами одним принадлежит одинаковое значение совершенно случайно; так, напр., Аякс Локрянин и Аякс Саламинянин; другие же из омонимов употребляются с одинаковым значением преднамеренно. Из этой последней категории омонимов в основе одних лежит действительное сходство; напр., словом «человек» обозначается одновременно и живое существо и изображение его в живописи. Другие же из омонимов основаны на полной аналогии и взаимном согласии как, напр., «подошва горы Иды» (Ил. XX, 57) и «подошва человека», потому что подошвой вообще называется нижняя часть. Другие из омонимов обуславливаются действием, ими производимым; как, напр., «ноги» корабля (весла), приводящие оный в движение и «ноги» человека, служащие для него орудием передвижения. Называют также омонимами вещи, употребляемые одним и тем же человеком для одной и той же цели; таковы, напр., «медицинский ножик» и «книга», потому что в своем лечебном искусстве врач пользуется и тем и другим для одной и той же цели леченья.

9. О различии родов.

Из причин одни называются предначинательными; другие – постоянными, или действующими; третьи – вспомогательными: четвертые – причинами *sine quibus non*. Причина предначинающая, это та, которая первее всех других случаев дает к возникновению чего-либо. Так, напр., видом красоты возбуждается пламя пожелания в сердце невоздержанного; она производит движение эротическое, но вовсе не необходимое и не непременно. Причина постоянная, это та, которую греческая синонимика называет еще постоянно, самостоятельно и с полною силою действующей, ни от какой другой независимую, т. е. оказывающую свое действие и без содействия другой причины, по себе самой. Далее, следует разъяснить ученику различие этих причин на примерах. Напр., отец есть причина учения предначинательная; учитель же действующая; способности учащегося причина вспомогательная; и, наконец, время играет роль причины *sine qua non*. Собственно причиной называется все то, что способно оказать какое либо действие. Так железо способно резать не тогда только, когда режет, но и когда не режет. Итак, причина потенциальная, т. е. способная что-либо произвести, означает одновременно и то, что действует и то, что еще не действует, но все-таки имеет силу действовать.

По мнению одних причины исходят из тел, – по мнению же других – из предметов невещественных. Иные же дают название причины только материи в собственном смысле. Если, добавляют они, – и усвоится причинам нечто бестелесное, то только по злоупотреблению языка, в смысле несобственном, чтобы указать основание какого-либо действия. Иные же опять говорят совершенно противоположное этому, называя истинными причинами субстанции бестелесные, нематериальные. Только в смысле несобственном тела можно считать за причины. Возьмем, напр., резанье. Оно, и будучи реализуемо, все-таки остается нематериальным и тем не менее действующим в качестве причины на вещи

материальные: на лезвие режущее, которое производит это действие, представляющее собою нечто нематериальное, и на разрезаемый предмет, оказывающийся вследствие сего действия разрезанным. Причина действует под тремя различными видами. Есть, напр., ваятель, обсекающий глыбу мрамора: ваятель причина статуи; является из под руки его то, чего он состоит причиною, т. е. иссеченная статуя, в-третьих есть тут мрамор, им в дело употребленный: мрамор в некотором роде есть причина статуи. Статуя разрезанным и быть разрезаемым, эти два явления, представляя собою результаты действий, имеют для себя в действиях причины нематериальные. И вот почему есть причины категорий или, – говоря выражениями Клеанфа и Архедема, – слов, т. е. понятий, которые (как напр., пространство и время) имеют лишь формальное (а не субстанциальное) значение. Или скажем лучше: Одни из причин должны быть называемы причинами категорий, т. е. степеней, на кои разделяются наши мысли или чисто формальными; так, напр., «оно разрезывается», это будет состоянием чисто формальным, по отношению к которому «быть разрезанным» представляется состоянием случайным. Другие же из состояний будут состояниями афористическими, или в дальнейших доказательствах не нуждающимися; как, напр., «корабль построен», по отношению к какому явлению случайным будет «корабль строить».

Аристотель называет именем все, что относится к соответственному роду: дом, храм, ожог, порез. Что же касается до падежей, т. е. форм словесных, то ими, конечно, выражается нечто нематериальное; этот пункт не может подлежать сомнению. Вот почему софизм этот разрешается так: Слово, вами произнесенное, проходит через уста ваши, это верно; но если речь идет о доме как слове, выражающем известное понятие, а кто-либо утверждает, что «дом» проходит чрез ваши уста, то это неверно. Мы говорим не о доме, представляющем собрание камней и некоторого рода тело, а выражаем понятие о доме словом и в известном грамматическом падеже сего последнего, рассматриваемом как нечто нематериальное. И об архитекторе, когда говорим, что он строит (хотя сам он лично не

строит), то говорим это с отношением к тому, что из-под его рук выйдет. Точно так же мы говорим: Плащ ткётся, ибо действующее обозначается действием. То, что действует на что-либо, не другого чего-либо, а именно этого причиной и состоит, на что оно действует; так здесь тканье состоит причиной плаща, строение дома. Но поколику эти действия состоят причиною происхождения сих предметов, то по этому самому состоит действие причиной и вообще происходимости. Но, на том же основании, что есть нечто состоящее причиной, состоит то и действующей причиной и причиной производящей нечто, т. е. причина действующая и причина, в силу которой предмет существует, суть одна и та же причина. И если что состоит такою причиною, которая есть и действующая причина, то она сливается с причиною, в силу которой предмет существует. Но из того, что одна вещь существует по силе другой, не следуете еще, что эта другая причина всецело есть причина действующая.

В самом деле, много есть вещей, издалека содействующих какой либо конечной цели, хотя из-за этого еще нельзя их все назвать причинами действительными. Медея напр., не задушила бы своих детей, если бы не была ослеплена гневом; а она не была бы ослеплена гневом без яда ревности; яд ревности не терзал бы её сердца, если бы она не любила; если бы она не любила, Язон не отплыл бы на своем корабле в Колхиду; Язон не направил бы своего корабля в Колхиду, если бы корабль Арго не был построен; он не был бы построен, если бы на высотах Пелюна не были срублены для него деревья. Все эти обстоятельства, из которых проистекло, наконец, убийство детей Медеею, тем не менее, не суть причины решительные. Одна Медея – причина его. Вот почему того, что не препятствует, нельзя назвать действием. Следовательно, то, что не препятствует, не есть причина; не препятствующее состоит обстоятельством, лишь попускающим действие: ибо причина усматривается только в исполнении чего-либо и в чьей-либо деятельности. Кроме того, что не препятствует, отделено от происходящего, тогда как причина находится в близком отношении к тому, что случается; значит то, что не препятствует,

не может быть причиной, а совершается действие потому, что тот, кто мог бы помешать, отказывается от действия. Есть четыре вида причин: действующая, как напр., ваятель, производящий статую; материальная, это – вещество, из которого делается она; формальная, это – характер, принимаемый ею; конечная – слава изображаемая статуей гимназиарха. Бронза, или другое вещество, представляющее собою элемент для существования статуи необходимый, *sine qua non* статуя, также есть причина. Ибо всё, без содействия чего действие невозможно, непременно есть причина, если не абсолютная и в себе самой и постоянно содержащая свое действие, то, по крайней мере, вспомогательная. Всё действующее производит действие, а предмет способный к восприятию действия испытывает оное. Причина есть нечто определяющее и устрояющее, но всякий предмет испытывает известное действие соответственно своей предрасположенности к тому от природы, ибо свойства также способствуют действию и занимают место *eorum* необходимых элементов, *sine quibus non*. Без содействия способности предмета, значит, и причина недействительна. Тем не менее, эта способность предмета принимать воздействие не есть причина, а только вспомогательное средство. В самом деле, всякая причина содержит в себе понятие о действии. Земля не произвела бы саму себя; следовательно, причина не может быть причиной самой себя. Говорить, что не огонь, а дерево причиняет горение; что не меч, а тело причиняет порез; что атлет в борьбе одерживает верх не над силами противника, а над своей собственной слабостью, это смешно. Причина, в себе самой и постоянно содержащая свое действие, не нуждается во времени; начните прижигать кожу и этим сейчас же возбудите в ней чувство боли. Что же касается причин предначинательных или предуготовительных, то одни из них нуждаются во времени, чтобы действие их совершилось: другие же в нём не нуждаются, как напр., случай перелома чего-либо. Объяснимся однако же. Причины эти называются действующими без промежутка времени не столько потому, что для них не нужно времени для развития, сколько потому, что они нуждаются для того в очень

малом сроке времени. То же самое следует сказать и касательно слова «вдруг»: оно вовсе не означает того, что действие последовало непосредственно за причиной.

Всякая причина, взята будучи сама по себе, понимается только в качестве производящей действие или на чем-нибудь обнаруживающейся. Напр., режущим лезвием производится действие резания; это действие на чем-либо обнаруживается, т.е. на предмете, должным образом предрасположенном к тому; напр., огонь обнаруживает свое действие на дереве; ибо огонь не сожжет алмаза ⁹⁵⁰. Причина всегда относится к другому предмету. Понятие о ней можно составить только по этому виду сродства с другим предметом. Для того, чтоб понять нам причину в качестве таковой, необходимо, чтобы два предмета взаимно друг на друга влияли. То же самое имеет приложение к художнику, исполнителю чего-либо, отцу. Причина в отношении себя самой не есть причина; подобно тому, как человек не может быть своим собственным отцом; иначе первое стало бы вторым. Причина действительна; она вызывает собой впечатление. А производимое причиной находится в состоянии пассивном и только воспринимающем впечатление. Один и тот же предмет относящееся к нему действие не может одновременно и деятельно воспринимать и пассивно; точно так же, как нельзя в одно и то же время быть и отцом и сыном. Сверх того причина по отношению к производимому ею действию с необходимостью имеет за собою давность существования. Необходимо, чтобы лезвие существовало ранее раны. Один и тот же предмет в качестве причины не может существовать ранее материи и позже её в качестве следствия причины. Есть громадная разница между быть и стать. Итак, причина есть причина того, что начинает существовать; так отец есть причина сына. Невозможно действительно, чтобы одна и та же вещь, как тождественная самой себе, в одно и то же время и была и становилась. Ничто, значит, для себя самого не есть причина. Причины не одни от других происходят взаимно, а одни для других существуют взаимно. Так предварительная болезнь селезенки не есть причина лихорадки, но того только причина, что наступает лихорадка; а предшествующая

лихорадка не есть причина селезеночной болезни, а того только, что болезнь может усиливаться. Так добродетели своими взаимными последствиями сцепляются в неразрешимый узел ⁹⁵¹. Так камни, образующие свод, друг друга держат на своих местах; но они вовсе не состоят причинами одни других. Учитель и ученик по этой логической категории состоят взаимно друг для друга причиной успеха. Случается иногда, что причины взаимно производят друг на друга одинаковое действие; так, напр., купец и трактирщик доставляют друг другу прибыль. В других случаях причинами, действующими друг на друга, производятся действия различные. Таковы, напр., меч и тело. Меч действует на тело, разрезая его; тело же на меч действует, производя собой, что тот режет. Вполне справедливо сказано: око за око; жизнь за жизнь. В самом деле, нападающий, нанеся жертве смертельный удар, состоит для неё прямой причиной смерти или, по крайней мере, того, что может последовать смерть. Но нападающий, в свою очередь, смертельно раненый жертвою, также имеет в лице её причину, но противоположным образом и на другом основании. Он был для жертвы причиной смерти; но не смерть наносит ему смертельный удар, а сам раненый; сражавшись, один подействовал на другого в качестве причины; но другой стал для него самого причиной. И обидевший состоит причиной по отношению к тому, кому он причинил вред. Напротив, закон, осуждающий злодея на казнь, не есть причина насилия и преступления: одному оказывает он справедливость и отмщение; другого же исправляет и наставляет. Следовательно, причины не порождают друг друга; они остаются в состоянии причин простых, несложных.

Спрашивают, кроме того: Соединенные силы становятся ли многосложными причинами одного действия. Несколько человек, которые общими силами тащат судно, состоят причиной того, что оно подвигается вперед; это правда. Но причиной они состоять вместе с другими; разве только не захотите вы причину содействующую назвать тождественною вообще с причиною. По мнению же некоторых других, причины,

хотя и многочисленны, но одна лишь какая-либо причина, взятая в отдельности, состоит причиной и притом действия только одного. Так, напр., добродетели, число которых велико, порождают собою счастье, которое едино. То же самое можно сказать, напр., о разгоряченности, о печали: их производят многие причины. Но что же? Разнообразные добродетели, всё что разгорячает или всё чем боль причиняется, разве всё это имеет только одно действие? Разве верно то, что всем множеством добродетелей, которое по отношению к роду представляет собою нечто единое, разве верно, что оным производится только одно действие, а именно счастье?

Достоверно, по крайней мере, то, что причины предначинающие, или предварительные, рассматриваемые в их роде и виде, хотя их и много, производят собою только одно действие: в роде, как, напр., всякий вид болезни, простуда, сухотка, надсада, пьянство, желудочные боли; в их виде, напр., лихорадка. Напр., если от кого приятно пахнет, то по отношению к роду приятный запах есть нечто единое; со стороны же вида есть много причин, могущих этому способствовать, напр., ладан, роза, шафран, росной ладан, смирна и различные другие благовония. Но есть разница между одним запахом и другими: роза не так сильно пахнет как смирна. Иногда одна и та же причина производит противоположные действия, что зависит иногда от величины и силы самой причины, иногда же от способностей или расположений предмета, испытывающего действие. Мы говорим: Производство одной и той же причиной противоположных действий иногда зависит от силы самой причины. Так одна и та же струна, смотря по большей или меньшей степени её натянутости, издает звук или резкий или низкий. Во-вторых, производство одной и той же причиной действий противоположных зависит от свойств предмета, на который причина действует. Мёд, напр., представляет собою для желудка здорового сладкий сок; но он кажется горьким больному, мучимому лихорадкой. Одно и тоже вино одного раздражает, другому развязывает язык и у него вызывает веселое настроение духа. Одним и тем же солнечным лучом воск растопляется, а грязь сушится.

Из числа причин одни ясны для глаз, другие же усматриваются лишь разумом: одни неясны, другие же могут быть постигнуты на пути заключений. Между причинами неясными одни оказываются затемненными только на время; тайные и загадочные в известное время, через некоторый промежуток времени они открываются. Другие же остаются неясными в силу самой природы своей; так они и остаются покрытыми вечным сумраком.

Некоторые из причин сей последней категории однако же умозрением постижимы. Потому-то некоторые из философов не решаются называть их причинами неясными, так как путем рассудка можно дойти до открытия их, до постижения их путем общих презумпций. Таков, напр., параллелизм двух сомнительных вопросов; но умозрение проникает и через оный. Некоторые же другие причины, оставаясь постоянно недоступными пониманию, называются окончательно неясными. Одни из них состоят предуготовительными, другие же постоянно и самостоятельно действующими; иные совместно действующими, другие же только вспомогательными. Одни сказываются в действиях соответствующих их природе; другие же в несогласных с ней. Одни смотря по обстоятельствам отражаются болезнями; иные же в различной степени и по мере интенсивности их впечатлениями; действие других зависит от времени и обстоятельств. Уничтожьте причину предварительную: действие её, тем не менее, останется. Но нельзя того же сказать о причине постоянно действующей: существует она, существует и действие; уничтожена она, исчезает и действие. По синонимике причина действующая называется еще причиною самостоятельной, независимой, действующей самой по себе, потому что она внутри себя самой содержит достаточное основание для действия. Если причиною подобного рода означает вследствие присущей ей внутренней силы действие полное, то причина вспомогательная обозначает собою действие служебное, выполняемое при содействии постороннем. Если же она несколько не способствовала бы действию, то не называлась бы и вспомогательной. Напротив, если действует она хотя отчасти, то будет в некоторой степени

причиною действия, ибо благодаря ей оно выполняется. Значит, причина будет вспомогательной, если действие совершается вследствие присутствия её, действие очевидное при очевидности причины и неясное при неясности её. Причина соучаствующая входит в категорию причин точно так же, как, напр., собрат по оружию или по возрасту делается солдатом или сверстником, товарищем кому-либо. Причина вспомогательная помогает причине действующей, удваивая действие её. Понятие же о причине сосуществующей не включает в себе ничего подобного, потому что могут быть причины сосуществующие, а причинами действующими все-таки не быть. Такое имя причине сосуществующей дается потому, что она сама по себе какого-либо действия произвести не в силах; причиной она может быть в связи только с какой-либо другой причиной. Причина вспомогательная отличается от соучаствующей или сосуществующей тем, что последняя действует совместно с другою, которая в отдельности и одиноко не произвела бы данного действия; первая же, напротив, в отдельности будучи неспособна произвести действие, когда присоединяется к причине действующей и самостоятельной, то увеличивает силу действия её. Если вы хотите усилить интенсивность известной причины, то вам стоит только причину прокатарктическую (предварительную, предначинательную) превратить во вспомогательную ⁹⁵².

Примечания

¹ - Στρώμα, все что разостлано, чтобы на том покоемся, лежать, сидеть, – подстилка, постеля, полсть, ковер. У Феогниса, ст. 1193, так называются матрацы, одеяла и вообще постельные принадлежности, а также столовые скатерти, но и на лошадей чепраки или попоны. Так как этого рода покровы и полсти обыкновенно отличались пестротой, то тем же словом *per metaphoram* назывались и сочинения смешанного содержания.

² - Посредствующая мысль конечно такова: Мы и сами состоим ведь детьми своих наставников.

³ - потому т.е., что они порождают в нас духовную жизнь, в лице нас оставляя себе потомство, детей. Св. Иринеи, *lib.* 4, сар. 79: «Наученный называется сыном учившаго, а этот состоит ему отцом». Св. Злотоуст в бес. 11-й: «Дело отца не только сеять, но и воспитывать». Св. Павел: «Хотя у вас тысячи наставников во Христе, но немного отцов, ибо благовествованием я родил вас во Христе Иисусе (1Кор. 4:15). Много таких примеров собирает сам Климент в 3-й книге Стромат, гл. 15 и 16. Срав. также Стром. 6, в гл. 1-й. Обычай это собственно еврейский, где своих наставников ученики называли отцами. Посему и Христос говорит: И отцом себе не называйте никого на земле (Мф. 23:9). Маймонид (*De studio legis*, с. 1), объясняя место из Втор. 6:7: И внушай все это детям твоим, говорит: «Разуметь нужно учеников, потому что ученики то там то тут в Писании весьма часто называются сынами». Приводится в пример сыны пророческие.

⁴ - Конечно так. Все внутреннее, всякая сила, – так требуется то природой человека, – стремится к проявлению себя вовне; и чем живее это внутреннее, тем настойчивее оно стремится протесниться наружу. Истинное значение науки состоит во влиянии её на жизнь; это – истинная её природа. Этой идеей одушевляется каждый из её истинных адептов; она дает им мужество и силу исследовать, утверждать

исследованное и защищать: они ведь желают провести то в жизнь.

⁵ - Добавь: «И послушанье ей будет оказывать воля твоя». Таково именно значение слова ὑπακούσεται как у классиков так и в Н.З.

⁶ - Подобное в «Увещании» гл. 10-й.

⁷ - Т.е. конечно христианского учения. называемого так напр. Лк. 1:2; Мл. 2:2; Деян. 4:4. Называется оно и словом Божиим, как в Деян. 6:2,7; 8:14 ; – словом Господним: Деян. 8:48,49 ; – словом благодати Господней: Деян. 14:3 ; – словом истины: Еф. 1:13 ; – словом истины евангельской: Кол. 1:5 ; – словом жизни: Фил. 2:16; – словом о спасении: Деян. 13: 26.

⁸ - Срав. Стром. 4 в гл. 17 и 6 в гл. 11.

⁹ - Т.е. хорошо, с приязнью, с одобрением быть принятыми; так употреблено это слово 1Тим. 3:3; 5:4; – похвалами и честью быть взысканы: Деян. 24:3. В подобном смысле употребляет это слово и Демосфен напр. в начале речи «О союзе с Александром»; тоже Платон в Федоне: «Не считаю я себя стоящим сей похвалы» (ἀποδέχομαι). Сюнесий: «Мы хвалим сего оратора» (ἀποδεχόμεθα). Подобное у Лисия, у Филона, у Полибия, у Иосифа, у Евсевия.

¹⁰ - Т.е. средства и случай к спасительному освобождению себя из рабского служения нечестию (Лк. 1:71; Деян. 7: 25; Евр. 1:14) и счастливой безгрешной жизни на сей земле (Лк. 19:9; Деян. 6:12; 13:26; 16:17; Рим. 1:16; 10:1,10; 13:11; 2 Кор. 1:6; 6:2; 7:10; Еф. 1:13), но блаженной и за гробом (Фил. 2:12; 1Сол. 5:8, 9; 2Сол. 1:13; 2Тим. 2:10; 3:15; Евр. 2:10).

¹¹ - Т.е. ничего не делая по нечистому расчету, из видов, по склонности или большей расположенности к одной стороне; а действуй по внутреннему убеждению.

¹² - Т.е. по обязанности преподавать слушателям лишь чистейшее учение и по чистейшим побуждениям.

¹³ - Намек на содержащееся в трагедии Эсхила «Семеро в Фивах» прославление, им сказанное об Амфиарае: «Не

повидимому только он желает наилучшим быть, но на самом деле».

¹⁴ - «Возделывание церковной нивы при посредстве писательства, говорит Рейнезий, Var. lect. 1:1, с. 22, теми производится, кто собирает и учит общество церковное писаниями; устным же на сем поле земледелием заняты те, кои людей в благочестии назидают и к Господу приводят живым голосом, устно или, – что еще лучше, – примером христиански-честной и святой жизни, воспитанностью в строгих и достопочтенных правилах жизни, каковые развиваются напр. в книгах Педагога, имевших задачей пробуждение в катехуменах добрых склонностей воли, образование действий и утишение страстей. И может быть в первенствующие времена церкви многие в виноградник Господа шли благодаря именно этому безмолвному земледелию и назидательности благочестивых примеров, нежели под влиянием учения, какое обыкновенно развивается людьми учеными».

¹⁵ - Филон тоже толковал, что *mercedem meretricis non esse inferendum in sacra*.

¹⁶ - Т.е. писатель выводит из сих постановлений еврейского законодателя и связывает с ними тот смысл, что по нечистым побуждениям написанные и нечистыми мыслями проникнутые литературные произведения критики времени и суда Божия не выдержать.

¹⁷ - Подобное в кн. 2-й в конце гл. 1-й «Педагога»: «Платон, ревностнее всех остальных философов стремившийся к истине, блистает в своих творениях некоторыми искрами еврейской философии». Ниже писатель часто выражает мысль и многими аргументами доказывает, что Платон и остальные греки почти все свои учения почерпнули из книг еврейских. Минуций в «Октавии»: «Примечаешь ли, что мы тоже говорим, что и философы? Не то это значит, что мы идем по следам их, но то, что относительно Божественных постановлений их рассуждения представляют отражение и заимствование мыслей пророческих». Противоположное сему говорит Лактанций, lib. 4,

сар. 2. Разумеемое писателем место из De legibus Платона находится в кн. 8.

¹⁸ - У Платона: до глинозема. «О девствениой же земле» говорит Никандр врач и поэт (ок. 150 г. до Р.Хр.) в своих Alexipharmacis.

¹⁹ - Т.е. душе не чувствующей потребности в спасительном учении навязываться с ним. Плутарх в жизнеописании Солона: «Законом постановил: где есть общественный колодезь на расстояние (от какого-либо дома) гиппика (четырех стадий, или 500 шагов), позволяется пользоваться им; а если расстояние до него от дома больше, то жителям рыть свой собственный колодезь; а если бы роющие не могли найти воды на глубине 10 саженой, то им позволяется брать воду у соседа, но не более как дважды на день, каждый раз по 6 конгиев (конгий=3 кружкам). Законодатель думает, что нужде следует помогать, лениности же поддержки не оказывать».

²⁰ - Плутарх lib. 8, сар. 7 Symp. – Кирилл: «Не лениности следует содействие оказывать, а добродетели».

²¹ - Разумеется Пантен.

²² - Подобным образом Ксенофонт называется «Аттической пчелою». Лукреций De rerum natura 3, ст. 11, 12: «Как пчелы с цветоносных местностей все пробуют, так и мы все золотыя изречения усвояем».

²³ - Упоминает писатель лишь о сих Апостолах, ибо он верил, что Спаситель только им сообщил непосредственно знание тайн, и именно так: трем первым до вознесения, а Павлу после оногo. В посл. к Кор. и к Гал. Павел свидетельствует, что всем тайнам христианской религии он научен самим Христом и остальным Апостолам совершенно равен. Евсевий в кн. 2-й своей «Истории», гл. 1-й пишет: «Он же (Климент) в 7-й кн. своих «Гипотипоз» еще и это о нем (об Иакове) говорит: «После воскресения Господь сообщил Иакову, Иоанну и Петру знание (гносис). Они передали его остальным Апостолам, а эти Семидесяти».

²⁴ - Сравнение употребляемое и св. Василием в письме к Евстафию. Тоже Филон в кн. De gigantibus.

²⁵ - Блаж. Августин о себе, epist. 7, пишет: «Нахожу, что я из числа тех, кои пишут преуспевая и пища преуспевают».

²⁶ - Стром. 6 в гл. 15-й: «Сказано было сие вначале только разумеющим, так как Спаситель научил Апостолов. Потом не писанное предание, к писанному отношение имеющее, перешло и к нам».

²⁷ - Фирс, это обвитый плющом и усиками виноградной лозы легкий посох, который посвященные в культ Вакха носили в торжественных процессиях. Верхний конец увенчивался сосновой шишкой. Считался символом вакхического одушевления. Наш писатель здесь называет сим выражением благодать Святого Духа, действующую в верующих.

²⁸ - Намек на Элевзинские мистерии Цереры. Желавшие быть посвященными в великие мистерии приготавливались к тому чрез посвящение в меньшие, кои были как бы предъочищением при вступлении в великие. Поэтому писатели часто мистериями намекали на другие вещи. Так некоторые предварительные занятия и знания назывались малыми мистериями, вводящими в Платонову философию. Климент в Стром. 4, гл. 1-й: «Тогда почти естественно переходим к гностическому созерцанию природы, как если бы чрез малые мистерии мы приняли посвящение в великие». Тоже Стром. 6 в гл. 11-й и 7, в гл. 4-й.

²⁹ - Καλλιχθυς callionymus, анфий, так называлась священная рыба, желчью которой были лечимы порезы и слепота: морской волк.

³⁰ - Однако же это в противоречии сказано с Постановлениями Апостольскими кн. 1, гл. 6: «Ото всех языческих книг воздерживайся». Срав. примеч. Котелерия к этому месту Постановлений.

³¹ - Эта тирада, быть может, более шла бы к настоящему положению богословской науки в православной Русской церкви.

³² - т.е. диаволом. В Стром. 6, гл. 17-й: «Неужели же не нелепо, приписывая диаволу, произведение беспорядков и несправедливостей, ему же приписывать внушение столь прекрасной вещи как философия»? Срав. еще Стром. 5 в гл. 1-й и Стром. 1 в гл. 17-й

³³ - «Противным особенно естественно противное дознавать», говорил Филон.

³⁴ - Ἐξορχήσασθαι, тайны природы обнажать, над вещами священными глумиться. Срав. в «Увещании» в гл. 12-й наш. перевода в столб. 174 примеч. 2-е и в «Педагоге» кн. 3, гл. 3 столб. 260.

³⁵ - Ссылаясь на варварство, т.е. на невежественность христианского учения или на его для разума неудобовероятность.

³⁶ - Т.е. вплетением различных лжеумствований все запутать стараясь и потемнить.

³⁷ - Намек на насмешку Феокрита Хиосского над Анаксименом. Когда этот имел раз речь говорить, Феокрит сказал: «Сей час потечет неосмысленных слов река, а ума капля».

³⁸ - Посредствующая мысль: Таковы именно были современники Христа по своим нравственным качествам; отношение же их к Его учению было лукавое.

³⁹ - Тоже Диоген Лаэртций в предисловии. Он же передает, что и поэты назывались софистами. Так де Кратин в «Архилохах» называет Гомера и Гезиода. Геродот в кн. 1 Солона и других мудрецов также называл софистами. Тоже у Исократ. Но впоследствии времени именем софистов стали называть лишь тех, кто философствовал для одной «показности и из корысти», как говорит об этом Цицерон в Acad. quaest. lib. 2.

⁴⁰ - Так называлась комедия Кратина, вероятно одна из язвительных и запальчивых.

⁴¹ - Иофон, сын Софокла, комический поэт.

⁴² - Разумеются из Илиады 15, ст. 410–412.

⁴³ - Знает сего Маргита и Аристотель Ethic, ad Nicom. 7 и в кн. «О поэтическом искусстве», равн. образом Платон в Алкивиаде 2-м. Аристотель Ethic. 6:7 ad Nicom. приписывает этот стих как и Климент Гомеру, но Дион его усвояет Гезиоду. Свида говорит, что Маргит выставляем был в комедиях как образец глупости. Считать он не мог далее пяти. Когда был уже

юношей, спрашивал свою мать, от одного с ним отца она происходит или от другого. Маргитами оттого стали вообще глупцов называть. В этом смысле Эсхин в речи против Ктезифона назвал Маргитом Александра.

⁴⁴ - О различных значениях свойственных этому слову, потому что им обозначаются разные понятия, рассуждал и св. Василий.

⁴⁵ - Справ. Татиана по Оксфордскому изд. pag. 120 not. 2, Афенагора p. 59 not. 1.

⁴⁶ - Так ниже в гл. 20-й сей 1-й кн. Стромат писатель говорит: «Философия некогда уже и сама по себе оправдывала Эллинов». Справ. о сем предмете Воссия *Historiae Pelagianae lib. 3, part. 3, thes. 11*. Что под именем сей правоты (*δικαιοσύνης*) у нашего писателя не нужно разумеать оправдания пред Богом, а лишь возможно совершенное исполнение обязанностей по отношению к Нему, к людям и к самому себе, это ясно из Стром. 7:3, 12; 6:12; 5:1. Справ. *Arist. Ethic. 5:1, 2; Marc. Antonin. 12*. Цицерон же *Topic, cap. 28* обязанности к людям выражает чрез *justitia*, а обязанности религиозные чрез *pietas*. Явное углубление понятий представляет словоупотребление Н.З.: Лк. 1:75; Еф. 4:24; 1Тим. 6:11.

⁴⁷ - Немного ниже, а именно в гл. 7-й писатель говорит: «Благодаря тому, что Бог по своей благодати многообразно (нас) спасает, пути к оправданию многочисленны и разнообразны; но все они выводят на один главный путь и к одним вратам. Если же царского пути ищешь и достоверного, то слушай: «Вот врата Господни: «(Лишь) праведники войдут в них». И так как много врат отверзто к праведности, то должно входить в оные во Христе, и все входящие оными блаженны». В тираде этой последнее предложение заимствовано из послания Климента Римского. В гл. 48-й посл. к Коринфянам он пишет: «Между многочисленными вратами для нас отверзтыми ворота праведности суть те, кои и ко Христу ведут. Блаженны все, оными входящие, ходящие своим путем свято и праведно и в ненарушимом душевном спокойствии свои обязанности исполняющие».

⁴⁸ - Заимствование из Филона lib. De cong. erud. quaer. gratia: «Некоторые, прельстившись приманками рабынь, вознерадели о госпоже философии и состарелись, одни на поэтическом искусстве, другие на чертежах, иные на составе красок, еще другие на иных безчисленных вещах, не имев сил обратиться к госпоже».

⁴⁹ - Это, также взято и из Филона, который немного ниже слов, только что приведенных, продолжает: «И как курсовые или для свободных людей обязательные науки способствуют усвоению философии, так и философия содействует приобретению мудрости. Ибо философия состоит в размышлении о мудрости, мудрость же есть знание вещей Божеских и человеческих и причин оных. Следовательно как курс музических наук занимает по отношению к философии положение служебное, так философия вспомоществует мудрости. Но философия нас учит сдерживать язык, чрево и подчревные части. Хотя и говорится, что науки те из-за самих себя желанны, но они становятся величественнее, когда имеют в виду славу Божию и служение Ему». — На круг или курс наук, обязательных для каждого свободного человека, наш писатель намекает и в других местах; напр. в гл. 19-й и 23-й сей кн. Стромат, в конце гл. 1-й Стромат 2; в нач. гл. 2-й Стром. кн. 3; Стром. 6, в конце гл. 10-й и 11-й; Стром. 7 в гл. 3-й. — Подобное сказанному Климентом пишет ученик его Ориген в 3 кн. против Цельса: «Если бы ты дал нам учителей, философии учащихся и в оной упражняющих, то от таких не будем отпугивать юношей; напротив, если бы нашлись учившиеся в таких школах и прошедшие курс этих, как их называют, предуготовительных наук, то мы таких возвысили бы до более тонкого и неведомого народной массе велеречия христиан, рассуждающего о вещах особенно возвышенных и необходимых» и проч. — В Филокалии он же: «Благодаря своей даровитости ты безусловное право имеешь на звание Римского юрисконсультанта, а между Эллинами ты был бы философом одной из знаменитейших школ. Но мне желательно, чтоб всю свою даровитость и все напряжение своего ума ты обратил на то, что к концу ведет, на христианство, именно на деятельное

христианство. Поэтому я желал бы, чтобы из Греческой философии ты усвоил те из знаний, кои могут быть введением к христианскому учению или этого рода курсовыми или предуготовительными науками. Многим из них, напр., из геометрии и астрономии, можно воспользоваться для истолкования свящ. Писаний. Ибо что философы касательно геометрии, музыки, грамматики, риторики и астрономии говорят, что эти науки союзны с их профессией и помогают ей (т.е. философии), то самое мы можем сказать о положении, занимаемом философией относительно христианской религии».

⁵⁰ - И это из Филона, как показывают то вышеприведенные слова его. Подобное сему говорили о философии и мудрости и Стоики. Плутарх в начале кн. 1 *De placitis philosoph.*: «Стоики говорили, что мудрость есть знание вещей Божеских и человеческих, а философия состоит в занятиях, направленных на приобретение этого рода знаний». Наш писатель в последней главе 1-й кн. «Педагога» определяет философию по разумению Стоиков, говоря, что она есть «изучение здравости разума». О мудрости же во 2-й кн. «Педагога» в середине гл. 2-й он говорит: «Мудрость есть искусство вести правый образ жизни». Иные же философию не отличали от мудрости. Алкиной *Anim. iu Porphyr*, cap. 1 говорит: «Философия есть знание вещей Божеских и человеческих», тогда как он должен был сказать: (только) наука о вещах Божеских и человеческих.

⁵¹ - Это также из Филона взято. Недалеко от начала вышецитованной книги о Сарре он рассуждает таким образом: «Итак, войди, говорит (т.е. Сарра Аврааму) к служанке моей, ознакомься с наукой, имеющей дело с знаниями (мудрость) посредствующими и общими, дабы сначала от нея тебе детей (плод) иметь; после же того от общения с госпожей можешь ты и законных детей иметь». В названном своем сочинении Филон многое и другое говорит в этом роде, все остальные знания и науки поставляя некоторым образом в служебное отношение к мудрости.

⁵² - После слов только что приведенных немного ниже Филон прибавляет: «Родом египтянка, по имени Агарь. А по

переводу значит это имя «соседнее поселение».

⁵³ - Филон недалеко от начала книги «О херувимах» говорит: «Сарра же есть символ моего достоинства, ибо означает её именем мое начальственное положение». Там же это аллегорическое толкование истории жен Авраама, Сарры и Агари, шире развивается.

⁵⁴ - В книге «О собраниях для выслушивания предварит. учений», стран. 429, Филон: «Добродетель, коей Авраам следовал, изучаема, подлежит изучению». Тому же учили и Стоики, как свидетельствует о том Диоген Лаэртций в Зеноне VII, seg. 91.

⁵⁵ - Этой этимологией и аллегорией наш писатель также обязан Филону. В выше цитованной книге стран. 429 он намекает: «А род, сам собою выучившийся, это тот, к которому принадлежал Исаак». Затем передается истолкование имени Ревекки: «У Эллинов терпение, а у Евреев Ревекка», какую этимологию Филон передает и во многих других местах. Климент уже приводил это словопроизводство в гл. 5-й 1-й кн. «Педагога».

⁵⁶ - Филон к словам выше приведенным прибавляет: «Чрез упражнение до совершенства доводится; упражнения же состоят из многих разнообразных упражнений, предварительных, последующих, поспешнее и медленнее производимых и сопряженных с трудами то большими то меньшими». Климент эти слова Филона лишь сократил.

⁵⁷ - На сей предмет сделано нами полное примечание в Педагоге; см. примеч. в 7-й гл. кн. 1-й.

⁵⁸ - И эта аллегория взята также из Филона, который в кн. раг. 442 пишет: «Фамарь садится на месте, где сходились три дороги, выдавая себя пред проходящими за meretricem, дабы кто-нибудь из наиболее любопытных покрывало с нея сдернул и засвидетельствовал миловиднейшую красоту её чистой и девственной стыдливости. Но кто оный разведыватель, жаждущий знания, ничего не оставляющий не изученным и не исследованным как не высший оный вождь и царь, охотно в

борьбу вступающий и в союзе с Богом ее выдерживающий, Иуда именем?»?

⁵⁹ - По Филону Иуда значит «Господу исповедание, или признание». В кв. *De plantatione Noe* pag. 233. Филон пишет: «Иуда же по переводу значит «Господу признание». Тоже в кн. 1 *De legis allegor.* pag. 55: «Иуда означает признающегося». На это Филон намекает не только в словах выписанных в вышеприведенном примечании, но и сам Климент в последующих словах: «От исповедания Бога однако же не отступая». И в *Стром.* VII, в конце гл. 16-й, он на то же намекает, говоря: «Иудея в переводе значит: Исповедание». Постановления Апостольские 2, гл. 60: «Иуда по переводу Исповедание значит». Котелерий делает такое примечание к сему месту: «То там то тут авторы имя Иуды толкуют с отношением к исповеданию Бога, прославлению, понимая под именем Иуды исповедника имени Божия, прославляющего оное. Но в *Miscellaneo*, оставшемся после нашего писателя Иуда переводится «сильный», т.е. властный, мощный, так как еврейский корень «jod» означает «силу» и власть, и «jod» же значит «свергает, валит», что свойственно сильному.

⁶⁰ - Это тоже из книги Филона *De cong quaer. erud. gratia* p. 446.

⁶¹ - Филон в кн. только что названной pag. 447: «И обижала (наказывала, била) ее. Это выражение равносильно: И бранила, порицала ее исправляя и понуждала ее исполнять обязанности». У него же немного ниже приводится и изречение Соломона приводимое и Климентом.

⁶² - Немного выше Исаака писатель сам же назвал прообразом Христа.

⁶³ - По поводу сего аллегорического толкования историй Авраама с Агарью и Иуды с Фамарью считаем нужным в защиту нашего писателя заметить следующее. Пора бы поклонникам так называемого историко-критического в толковании свящ. Писания метода перестать метод аллегорический обзывать, — с легкой руки протестантских рационалистов и полурационалистов, — методом произвола,

беспочвенных фантазий и ненаучности. Никакой другой метод в учебном отношении не мог быть, но и поныне не может быть, популярнее и целесообразнее этого. В практическом отношении, для наставления народа в истинах веры, для проведения в массу его известной идеи это целесообразнейший метод по истинной наглядности его, живости и убедительности; чрезвычайно он облегчает собою популяризацию глубоких идей и понимание их народом, ибо требует для напечатления известных истин в памяти, для переработки их сознанием и усвоения весьма мало времени. В этом отношении гораздо целесообразнее он вашего отвлеченного. Простой благочестивый гражданин города или же селянин, частью вследствие грамотности, частью вследствие постоянного слушания и чтения свящ. Писаний в церкви и дома хорошо ознакомился с буквой их. Что же странного, если проповедник делает из сих известных слушателям фактов новые выводы, популяризирует ими какую-нибудь новую идею? Почему же ему не пользоваться знаниями своих слушателей как покровами и носителями для них новых учений? Известные слушателю исторические факты могут оставаться историческими фактами; но почему же они не могут представлять собою в живых образах догм и истин высшей христианской жизни? Духовное и отвлеченное чрез пластические образы этого метода может быть лишь облегчаемо для понимания, а в воспоминании напечатлеваться быстрее и глубже. На что при отвлеченном методе нужны недели, то при посредстве какого-нибудь пластического образа простолюдин понимает и в том убеждается в какой-нибудь час. Да и с существом дела совершенно согласно и само собою понятно, что останавливаться лишь на внешности исторического факта значило бы впадать в односторонность и поверхностность; каждый факт в жизни служит выражением смысла высшего и духовного. И грех не безобразием, а своею мишурой нас увлекает. Посему если уже в заурядные фразы обыденной жизни вникая мы открываем в них смысл более глубокий, то почему же, в Писания вникая чувствами и умом очищенными,

освященными и преображенными, мы не ищем права открывать в них смысла высшего? Не чрез видения ли и не чрез образы ли милосердый Бог еще и поныне, – смотря по большей или меньшей приемлемости, более или менее совершенно, – наставляет и каждого из нас? Нечего аллегорический метод попрекать заимствованностью его у языческих философов, пользовавшихся де им при объяснении поэтов и мифов; нечего заподозривать его и за заимствованность у Филона. Истинно человеческое и целесообразное одинаково для всех и всюду практично. Оставлены конечно должны быть из аллегорического метода ложные этимологии; применяем он должен быть в известных границах, но данные при посредстве тех этимологий разъяснения известных идей должно признать совершенно правильными. Пример, образ, подобие могут быть иными, более удачными и заимствуемы из других сфер, но дело остается и поныне тоже. Период аллегорического или – что тоже – символического, типического толкования свящ. Писания, но и иных вещей и фактов, и поныне не прошел; он и никогда не пройдет, потому что повсюду в земном отображается небесное, в чувственном духовное, во временном вечное. (О таинственном смысле некоторых частей свящ. Писания, или о значении аллегорического, Александрийского, способа толкования его» срав. в Ярослав. епарх. вед. 1888 г. части неоф, в №№ 11-м, 12-м, 13-м и 14-м).

⁶⁴ - (*) Или говоря иначе: предметами познания могут быть: или Бог или предметы или соотношение между ними.

⁶⁵ - По-видимому здесь намек содержится на выражение Феогниса: «Что справедливо, то и прекрасно». Тому же учит Аристотель, *Ethic. ad Nicom.* 5.

⁶⁶ - Намек на место из (Евр. 5:14): Твердая же пища свойственна совершенным и которых чувства навыком приучены к различению добра и зла.

⁶⁷ - Намек на стих Гомера из Одиссеи X, 136: Там жила Цирцея власолепая, богиня удивительно дельная и петь мастерица.

⁶⁸ - Писатель одобряет и разделяет положение, занимаемое по отношению к различным философским школам теми, которые, не примыкая ни к одной из них, выбирали из всех их, руководясь личным своим вкусом, то, что считалось ими за истину, не разбирая кем именно, какой школой она высказана. Это была эклектическая школа и ко временам Климента по происхождению ближайшая. Диоген Лаэртский (жил в 1-й половине III в. по Р.Хр.) в конце предисловия к своему знаменитому сочинению говорит о сей школе как о происшедшей недавно и называет основателем её Александрийца Потамона. Свидетель же сообщает, что Потамон жил во времена императора Августа и после него. – У Галена (131–200 гг. по Р.Хр.) также упоминается об эклектиках в медицине, которых Фест (Римский грамматист, жил в IV в. по Р.Хр.) называет «Miscelliones». Гален сам о себе свидетельствует, что научен был своим отцом не следовать ни одной из школ, а у всех их учиться, впрочем обсуждая их учения; он выражает и удовольствие, что отца послушался. –

Квинтиллиан, III, 1, о себе передает, что он «не принадлежит ни к какой определенной школе и не разделяет их суеверий». –

Но еще прежде времен Потамона, как открывается из Диона Хризостома (действовал в Риме в 94–117 г. по Р.Хр.), и он сам и еще некоторые ему подобные держались того же философского направления, хотя эклектиками и не назывались. Цицерон, De off. I, 2, о себе свидетельствует: «И теми и другими состоять желаем, и Сократиками и Платониками». В гл. 6 он же: «В настоящее время и в этого рода вопросах мы хотя и держимся более мнений Стоиков, но не рабски, лишь истолковывая их, а из сочинений их, руководясь собственным суждением, то заимствуя и настолько, насколько оказывается то нужным».

⁶⁹ - Намек на место из (Ин. 7:17): Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно или Я Сам от Себя говорю.

⁷⁰ - Ниже писатель сам цитует Климента Римского. Но уже и с сей мысли он с незначительными изменениями примыкает к нему. Срав. 1-го посл. Климента Римского к

Коринфянам гл.48-ю, а также и в сей кн. Стромат выше 2-е примеч. гл. 5-й

⁷¹ - Стихи Еврипида, приводимые у Стобея De calumpnia 4 0.

⁷² - На какое изречение Писания намекает писатель, догадаться трудно.

⁷³ - Стихи неизвестного поэта, разъясненные Гроцием в Excerpt, e trag. et com. Graecis p. 461.

⁷⁴ - Сократ в Платоновом «Критоне» признается: «Я не только ныне, но и всегда был таков, что из всего моего верил единственно тому основанию, которое в моих умозаключениях казалось мне самым лучшим».

⁷⁵ - Намек на стих из Одиссеи Гомера I, 3: Многих людей нравы наблюдал и города видел.

⁷⁶ - Эпитет Одиссея. Ил. I, 311, 440; Од. XXI, 274 и проч.

⁷⁷ - Заимствование с некоторыми изменениями из кн. Притчей, 22:20,21. В не измененном виде здесь это место читается так: Ты же себе это трижды напиши: на волю, на твой разум и на скрижали сердца твоего. Ибо я наставляю тебя в истинном учении и добраго разума слушаться, дабы мог ты передавать слова истины посылающим тебя.

⁷⁸ - Намек на ст. 6 пс. 32: Словом Господним небеса сотворены.

⁷⁹ - Ближайшую связь эта мысль имеет конечно с концом предшествующей главы; и последовательность мыслей значит будет такова: Итак, слово наше разумом и мыслию о Боге должно быть проникнуто, но и благими делами сопровождаться.

⁸⁰ - Мф. 26:26; Мк. 14:22; Лк. 22:19; 1Кор.11:23. Но писатель передает дело не словами Писания, а своими.

⁸¹ - Намек на посеяние Кадмом по совету Афины зубов убитого им чудовищного змея, из которых тотчас возникли вооруженные воины, начавшие затем между собой сражаться и взаимно себя все перебившие. Кадмовской посему называется такая война, которая быв предпринята по чьему либо совету приносит с собою гибель и победителю и побежденному. По другим же метафора эта взята с войны против Фив семерых царей, в которой сначала Фивяне (древнее имя Фив –

Кадмейя) одержали верх, а чрез несколько лет были епигонами сих царей покорены, город их был ими взят и разрушен. С сих пор вошло в обычай победу, за которую победителей гибель постигала, называть Кадмовской победой.

⁸² - Слова некоего Пифагорейца у Платона в «Политике»: «Отлично ты отвечал, Сократ. И если о словах не будешь хлопотать, то тем разумнее будешь в старости». Тоже положение цитует Феодорит *De curand. Graec. affect.*

⁸³ - Слова Сократа в Платоновом «Феатете», сар. XXIX, pag. 184 .

⁸⁴ - Место из Писания заимствованное лишь по смыслу, а не буквально; потому какое именно догадаться трудно.

⁸⁵ - В «Педагоге», кн. II , гл. 8 (столб. 178) наш писатель говорит: «Это не в порядке вещей, чтобы по городу, где живут чистота образа мыслей и поведения, и испорченность нравов ходила, обнаруживающаяся в подкрашивании одежд и в употреблении помад и духов», – Плутарх, *Symp. III*, передает изречение и одного иностранца: «Подозрительны для нас и различные благовонные мази и притирания и пурпур и фальшивого цвета одежды».

⁸⁶ - Вильгельм Кантер. *lib. 2, с.1, Var. lect.*, приводя подобное же место из Феодорита, *lib. VIII, De curat. Graec.*.. пишет: «Думаю, что Пифагор уподоблял Сиренам речи украшенные и приятныя, а Музам такие, которые ничего не имея из наводной красоты и убранства, предносят вам чистый образ и истины».

⁸⁷ - Собственно говоря Пифагор допускал соединение удовольствий с мудростью, не одобряя лишь те из них, которые с мудростью не соединимы. Под именем Муз и разумел он именно удовольствия честные и добродетели не противоречащие, а под образом Сирен удовольствия извращенные и порочные. Порфирий *De vita Pythagorae*: «Двоякого рода он различал удовольствия: состоящие в служении чреву и Афродите и гибельные подобно песням Сирен; другие же, это благоприличные и правые, в жизни необходимые, как при испытывании их приятные, так и после

того не пробуждающие раскаяния. Эти уподоблял он согласному пению Муз». – Гораций Sat. III, lib. II, vers. 14: «Должно избегать бесстыдной праздности Сирен».

⁸⁸ - Мифические девы, жившие по Гомеру между утесами Айяией и Скуллой и своим прекрасным пением заманивавшие неопытных из мимо проезжавших корабельщиков и затем их умерщвлявшие (Одис. 12).

⁸⁹ - Хищное чудовище, жившее на скале подле Фив и предлагавшее мимо проходившим такую загадку: «Что это за животное то на четырех ногах ходит то на двух то на трех»? Кто не отгадывал, подвергался удушению. Тому, кто освободит их город от страшилища, Фивяне обещали опроставшийся за смертью Лая трон и руку Иокасты. Пришедший в Фивы Эдип разрешил загадку, объяснив, что человек сначала на четвереньках ползает, потом на двух ногах ходит, а в старости еще посохом подпирается. Ужасный змей после того сам низвергся со скалы.

⁹⁰ - Метафора, взятая со слов Спасителя о фарисеях: Все же дела свои делают за тем, чтобы видели их люди: расширяют филиakterии и увеличивают воскрилия (оторочки) одежд своих (Мф. 23:5) . Филиakterии, это – небольшой кусок кожи или пергамента со словами из Пятокнижия, который Евреи привязывали к руке или ко лбу; имел значение амулета, талисмана, но и напоминания; на русский язык переводится посему: хранилище, – Наш писатель данным выражением метафорически намекает на бесцеремонно эгоистическую погоню софистов за известностью.

⁹¹ - Намек на курьез с поэтом Антиммахом. Когда во время чтения им своей «Фиваиды» все слушатели кроме Платона из аудитории разошлись, Антиммах сказал: «Тем не менее я продолжу чтение, потому что Платон стоит всех» (Cic. Brut. 51, 91). Наш писатель противопоставляет эту непритязательность Антимаха ревности софистов к собиранию около себя масс слушателей.

⁹² - Фрагмент этот только и известен из Климента. Справ. Hartung's Pindaris Opera в его Die Griechischen Lyriker, 4, S. 238.

⁹³ - В начале гл. 14-й Стром. кн. V-й наш писатель также говорит, что Бога они считали телесной (σῶμα) субстанцией или за ζῶον ἄθανάτον, как сообщает о них Диоген Лаэртский в биографии Зенона. «Субстанцией же Бога, говорит Лаэртский, Зенон считал весь мир и небо». То же по Лаэртию утверждали и остальные главы Стоической школы, как то: Хризипп, Посидоний и Антипатр. Это значит, что мир им казался огромным животным, проникнутым Божественною душою (πνεῦμα) . Сенека, epist. 97: «Вселенная сия, в которой мы живем, единством проникнута и есть нечто Божественное». Посему Климент, объясняя в выше цитован. месте учение Стоиков, говорит: «Бог, по их мнению, проникает собою всю материю». В «Увещании», гл.5 , Климент пишет: «И Стоических философов я не желаю обойти молчанием. Они утверждают, что Божество проникает Собою всю материю, хотя бы это была и отвратительнейшего рода. Но это значит уже прямо позорить философию». Секст Эмпирик, в Hypotyposeson'e , III, 24 , критикуя различные о богах мнения, говорит: «А Стоики считали Божество духом, который Собою проникает и зловоннейшее все». Цицерон, lib. II , De natura deorum. cap. 40: «А по презренным сим басням, повествующим, что Бог содержится природою каждой вещи и называется, если речь идет о земле, Церерою, а если о море, то — Нептуном, а если об ином чем, то — иными именами, можно и о том судить, каковы боги». — Души, образующие и проникающие собою тела людей и животных, считаемы были Стоиками за частички Божества. Сенека: «Союзники Его мы и члены». Вергилий о пчелах (Georg. IV, V. 220): «Свойственна пчелам часть Божеского ума и способность прислушиваться к небесным вдохновениям, ибо Бог наполняет Собою всю землю и воды моря и глубокое небо».

⁹⁴ - Т.е. модных. новейших, ставших обычными в последнее время, но как прихоть изменчивых. По крайней мере такой смысл связывает с выражением Апостола наш писатель.

⁹⁵ - Собственно говоря Апостол нигде не заповедует юношеских расследований избегать. Но он советует Тимофею от глупых и невежественных состязаний уклоняться (2Тим 2:23) и

юношеских вожделений избегать (2 Тим, 2:22) . Наш писатель, мысля на основаниях Писания, с точки зрения Апостола устанавливает взгляд на состояния современной философской мысли, а потому и опускает из выражений Апостола не имеющие связи с его мыслью, а не потому, что смешивает в памяти два выражения Апостола, цитую их по памяти, как объясняет Минь.

⁹⁶ - Так же Климент отзывается о них и в «Увещании», в гл. 5-й, и Стром. 2, гл. 4 , утверждая, что ни Фалес ни остальные физики до Анаксагора Бога не признавали. Но известно, что не все из этих философов были атеистами. О Фалесе Минуций в «Октавии» пишет: «Фалес утверждал, что началом всех вещей состоит вода, Бог же есть ум, из воды все образовавший». Почти буквально тоже говорит о сем Цицерон в кн. De nat. deor. Тоже Лактанций lib. I, сар. 5. Из изречений Фалеса Диоген Лаэртский и такое приводит, lib. I, seg. 35: «Древнее всего Бог, ибо Он не рожден, а прекраснее всего мир, Богом сотворенный». Срав. Плутарха в соч. «Пир семи мудрецов». Другой ответ Фалеса, свидетельствующий об его благочестии, передает тот же Диоген Лаэртский в той же кн. seg. 36 и Валерий Максим, lib. VII, сар. 2: «Спрошенный раз: Боги не препятствуют ли делам людей», Фалес отвечал: «Необдуманно, да». – Но Климент потому всех философов, живших ранее Анаксагора, называет атеистами, что Анаксагор первый учил о существовании прежде начала вещей Ума. Быть может Анаксагор первый только это слово стал употреблять и обновил в ионийской школе учение о Боге, Творце мира, которое уже прежде того Фалес защищал. Все же то правда, что преемники Фалеса, Анаксимандр, Анаксимен и другие, между началами своей философии, идее о Боге не отводили особенного места.

⁹⁷ - Т.е. христианского учения наследником Исаак становится, законный сын Авраама, родившийся от него по Божественному обетованию. Прочих же знаний наследником Измаил становится, сын Авраама от рабыни Агари и побочные сыновья его от Хеттуры, родившиеся не в законном браке и не в силу какого-либо особенного обетования, хотя и они были

истинными сынами Авраама и особенная доля отцом была выделена им, как написано о том в (Быт. 25:6).

⁹⁸ - Намек по-видимому на (1Сол. 2:13): Вы приняли не слово (не учение) человеческое, но слово Божие, которое и действует в вас верующих. – О ком однако же нужно понимать тираду писателя в тексте о молоком питаемых: об язычниках ли, принадлежавших во времена Климента к разным философским школам или из христиан о простых верующих?..

⁹⁹ - И эти положения Минь считает по смыслу за Библейские, хотя буквально их было бы напрасно искать по книгам свящ. Писания; но вернее, кажется, будет слышать здесь отзвук блаженной души Климента Римского. Срав. выше в гл. 7-й и 5-й .

¹⁰⁰ - Намек по-видимому на (Притч. 24:7, 8): Смысленные не уклонятся от уст (закона) Господних, но размышляют в сонмищах.

¹⁰¹ - Подобное Лактанций lib. 6, с.7

¹⁰² - Т.е. Христа, сказавшего: Я свет миру (Ин. 8:12).

¹⁰³ - Т.е. для Христа, изрекшего: Я – путь, истина и жизнь (Ин. 8:6).

¹⁰⁴ - Связь с мыслию Филона в De vita Moysis: «К согласию в природе присоединяемся».

¹⁰⁵ - О соотношении друг с другом разных частей вселенной пел и Немезиан (3 век по Р.Хр.) в стихотворении «О природе человека».

¹⁰⁶ - Подобную идею о семенах Логоса в человечестве развивал св. Иустий в своих Апологиях.

¹⁰⁷ - Приписываемый Менандру.

¹⁰⁸ - В «Протагоре», откуда Климент заимствует и последующее

¹⁰⁹ - Платов в кн. 1 «О законах»: «У всех Эллинов ваш город считается словоохотливым и многоречивым; Лакедемон же и Крит, один – отличающимся краткоречием, другой же – занимающимся более истиной чем словами».

¹¹⁰ - Из «Федона»; см. в конце.

¹¹¹ - Из «Тимея».

¹¹² - Не в Федоне, а в «De republ». в гл. X.

¹¹³ - петель завязыватели, или что то же, букв слагатели, составители сочинений.

¹¹⁴ - Гностическая секта; срав. Стром. III в гл.4-й и Стром. VII в гл. 7-й.

¹¹⁵ - Плутарх эти слова Гераклита приводит в своем сочинении De Pyth. oraculis.

¹¹⁶ - Оттуда же. То же у Павзания в его Phocicis.

¹¹⁷ - Так и ниже в Стром. V гл. 1-й.

¹¹⁸ - Или: Гюлюбиями, т.е. в лесах живущими.

¹¹⁹ - Подобное Геродот в 1-й кн. своей истории о Массажетах.

¹²⁰ - Слова его Климент цитует ниже в гл. 22-й.

¹²¹ - Срав. Стром. 5 в гл. 5.

¹²² - Трагедия эта не дошла до нас.

¹²³ - Ориген против Цельса кн. 1, гл. 2: «Потом Цельс обращает внимание на иностранное происхождение нашего вероучения. При этом он имеет в виду несомненно заимствованность его от иудеев, на религии коих и христианская зиждется и с ней стоит в связи. При этом он обнаруживает великодушные и варварского происхождения не ставят нашему вероучению в упрек; напротив он даже еще хвалит варваров за их находчивость в измышлении новых (религиозных) учений». Татиан то же доказательство развивает пространнее в начале своего «Слова к Эллинам». Климент почти шаг за шагом следует сей апологии, и дальнейшее изложение его есть не иное что как раскрытие Татианова положения: «На что можете указать вы, что не было бы вами заимствовано у варваров»?

¹²⁴ - По крайней мере употребление ламп у Египтян было очень распространено. Был у них даже особый с иллюминацией праздник (Герод. 2:130). В храме Юпитера Аммона, по свидетельству Плутарха, Do def. orac, с. 2, постоянно горела неугасимая лампа. Но и позднее, напр. Антония при праздниках устраивавшихся Клеопатрой, ничто столько не поражало, как

блеск множества ламп (Plut. Ant. с. 26) . В Греции в героическое время освещались просто сухой сосновой лучиной. Телемак идет в свою спальню «при свете горящих факелов» (Od. 19:48) . Пенелола распускает свое тканье ночью при свете факелов (ibid. 150) . Даже палаты царя Алкиноя (Od. VII, 100) освещались таким образом: «На искусно сработанных постаментах стояли из золота статуи юношей, которые держали в руках светло пылавшие факелы». С отношением к этому Атеней (15) говорит, что «лампа изобретение не древнее, потому что древние освещались возжением сосновой лучины и из других деревьев». Все же Паллада Афина держит в своих руках уже лампу (Od. 19:34). Геродот (7:215) время сумерек называет временем возжения ламп; распространение их по Греции произошло следовательно уже очень рано.

¹²⁵ - Писатель в конце предшествующей главы 2 в гл. 9-й уже упоминал о мнении некоторых, считавших виновником философии дьявола. Это было мнением иудейско-александрийской философии и первоначально выражено в кн. Эноха; потом часто стало выражаться оно и некоторыми учителями церкви. Напр. Татианом Orat, ad Graec. p. 28, 29; Ермиен философом p. 213, 214; особенно Тертуллианом: Apol. с. 35; De idololatr. с. 9; De cultu fem. 1, 2, Наш писатель считает дьявола только передатчиком, а не виновником философии и против последнего мнения несколько раз полемизирует.

¹²⁶ - Это мнение впоследствии защищал и Ориген, ученик Климента.

¹²⁷ - Подобное в Стром. VI, 12, и VIII, 9. Писатель очевидно хочет весьма резонно на том настоять, что инициатива добра, вышедшего от философии, не дьяволу должна быть приписана, а Богу.

¹²⁸ - Сообщение Платона о сем из его «Феагена» Климент приводит ниже в гл. 21 после середины. Но тоже сообщение есть у Платона и в его «Апологии Сократа».

¹²⁹ - т.е. значит, побуждал людей к доброй деятельности Бог.

¹³⁰ - Что ложные пророки ко лжи примешивали и нечто истинное, это мнение выражали: писатель Recognitionum,

4:21,22; 8:60; псевдо-Амвросий на 1Сол. 5:21 и псевдо-Златоуст на Мф. 6:21. Справ. Маймонида De fundamentis legis гл. 10, примеч. 3 .

¹³¹ - Т.е. у Евреев; философию свящ. Писания следует здесь разуметь в смысле писателя, а не языческую.

¹³² - «Дэмодока» причислял к неподлинным творениям Платона и Диоген Лаэртский. Но в дошедшем до нас «Дэмодоке» нет сего места, а встречается оно в диалоге Платона «Любовники». Быть может под именем Платоновых было два диалога с именем «Дэмодок»? В противном случае нужно признать lapsus memoriae со стороны нашего писателя или же погрешность в издании Климентовых творений древним книгопродавцем и его писцом.

¹³³ - В разговоре Платона «Любовники» это место в буквальном переводе читается так: «На самом же деле, друг, дело обстоит не так. Не значит еще философствовать, если кто ревностно занимается различными науками и искусствами; не равносильно философствованию и обременение себя многими занятиями, ни многоученостью, ни иным чем; я думаю, что как ни странно это, а правильнее будет назвать их механиками, прилежно занятыми своим ремеслом» (По Парижскому изданию Гиршигия, 1873 г., том 1, стран. 107).

¹³⁴ - Данное изречение Гераклита цитуют Лаэртский, Юлиан ор. 6, Геллий. Но на основании большого сходства текстов догадываются (Менагий), что наш писатель почерпнул оное из XIII кн. Атенея. Но наряду с Гераклитовым там цитуются подобные же изречения Гиппона и Тимона. Гиппон также говорил: «Ничего нет пустее многоучености»; а Тимон: «Ничего нет пустее широкой и разнообразной учености, если она не соединена кой с чем с другим». Интересно, что Климент не ссылается ни на атеиста Гиппона, ни на скептика Тимона, а выбирает вместо них благочестивого Гераклита.

¹³⁵ - Это изречение писатель одобряет и в Стром. 2 гл. 16; но кому оно принадлежит, умалчивает. Быть может это изречение составлено самим писателем по образцу слов Спасителя: Видевший Меня видел Отца (Ин.14:9) и по

соображению с 1Ин.10,11; 3:15; 4:7–21 и проч. Климент Грабий догадывается, что наш писатель здесь понимает говоримое о Моисее и Аароне в кн. Исх. 4:16; аббат же Минь считает эти слова заимствованными из какого-то апокрифического писателя или же несколько измененными из слов Иакова к Исаву, Быт. 33:1 0.

¹³⁶ - Известно, что в лице Сократа в направлении Греческой философии выразилась практическая мудрость. Он столь глубоко уважал знание, что лишь за ними признавал значение единственного блага, а за невежеством значение единственного зла. Но это знание он устремлял не в мир отвлеченный, как предшествовавшие ему философы, а на самую жизнь. Он старался образовывать из своих учеников людей, а не софистов; он, как говорили о нем, низвел мудрость в города, на площади, в семью, с неба на землю, – Писатель наш очевидно симпатизирует этому философскому направлению и видит в нем переходную ступень к практическому христианству. Все приводимые в настоящей тираде места Писания он очевидно понимает переносно о склонности древнеэллинских мудрецов к практически-честной жизни и почине, ей положенном ими; видит в сих изречениях некоторым образом как бы предвестие о будущности этого философско-практического направления, отождествляя его с современным ему православно-церковным. За тем в дальнейшем он полемизирует против отклонявшихся от церковного направлений своего времени, искусно пользуясь для сего некоторыми тирадами из книги Притчей и чрез иносказательное толкование делая аппликацию из них к еретикам.

¹³⁷ - т.е. причащавшиеся лишь водой; о них говорит блаж. Августин De haer. с. 6 4 . – Евииониты также употребляли для причащения одну воду. Над ними шутит и св. Ирифей 5:1: «Посему они не дозволяют примеси небесного вина, и только брэнною водою хотят быть, не допуская Бога до общения с собою». Тоже Епиф. haer. 30 sect. 16. – В то же заблуждение впал Татиан, основатель секты Энкратитов (общества трезвости), по свидетельству Епифания, haer. 46: «Таинства по примеру св. церкви признавал, но при совершении их

употреблял только воду», почему ученики его и назывались «идропарастатами», воды приверженцами, потому что они воду вместо вина в евхаристии приносили, как говорит блаж. Феодорит, *Haeretic. fab.* I, 20 . – Св. Киприан: «Некоторые новенькое некое установление ввели. При благословении чаши Господней и предложении её народу не делают того, что Христос, учредитель сего таинства , установил и чему научил , состоя учителем». Далее начинает обстоятельно опровергать освящающих одну воду.

¹³⁸ - Словечком «по истине», прибавляя его к «священным Писаниям» христиан, писатель различает их от священных писаний Египтян, Халдеев, Ефиоплян и других. которые хотя и назывались «священными», но на самом деле не были такими.

¹³⁹ - По Поллуксу обыкновенным десертом служили орехи, кизильник, гранатовые яблоки.

¹⁴⁰ - На основании недавнего происхождения христианских религии и учений Греки выводили, что они ложны. Потому-то христианские апологеты доказывали, что установления и учения Иудеев, от которых произошли и христианские, много древнее всякого греческого любомудрия и всех их историй. Эти положения развивал в своей 1-й Апологии и в «Увещании к Эллинам» св. Иустин философ и мученик, Феофил Антиохийский в своем творении о вере, писанном для Автолика. Вот почему и наш писатель наравне с другими апологетами трудолюбиво вошел в настоящем своем творении в изложение сего предмета. Срав. Лактанция 4:5.

¹⁴¹ - За время Инаха, который вскоре после Девкалионова потопа основал в Пелопонессе царство Аргивян, т.е. в древность еще более глубокую, исторические сведения Греков не восходили. Новейшие хронисты считают этого древнегреческого царя современником патриарха Исаака. Может быть. Но может статься, что он жил не позднее, как принимает здесь Климент и как позднее следовал ему Ориген (*contra Cels.* 4:11). Древнегреческое летосчисление вообще темно и спутано, так что легко в нём, и взад и вперед просчитаться.

¹⁴² - В сей же главе ниже по Клименту на сто лет полагалось три поколения; здесь принимается поколение в 19 или 20 лет.

¹⁴³ - О том же предмете Климент рассуждал в «Увещании»; см. гл. 4-ю.

¹⁴⁴ - Евсевий в своей «Хронике» вместо сего числа ставит 40.

¹⁴⁵ - Фолея собственно происходил из колена Иссахарова (Суд. 11:1,2), а жил в колене Ефремовом (Суд. 10:2); и по месту жительства его Климент и называет его Ефремлянином.

¹⁴⁶ - Опущен Иаир, сын Галаада, состоявший судьей в течение 22 лет (Суд. 10:3).

¹⁴⁷ - С таким именем судии свящ. Писание не знает, а говорит, что после Есевона был судьей Элен Завулонянин в течение 10 лет. После него был Авдон Пирафонянин. Он судил 8 лет (Суд. 12:11,13).

¹⁴⁸ - Так по еврейскому тексту (1Цар. 4:18), а по Семидесяти 20 лет.

¹⁴⁹ - По изъяснению Зонары это значит, что Саул при Самуиле царствовал 18 лет и после него еще 22 года (Срав. 1Цар. 9:15).

¹⁵⁰ - По счету Феофила в его послании в Автолику в кн. Ш , на основании Тирских источников.

¹⁵¹ - Имеется в виду сказание апокрифической 4-й кн. Ездры (14:39 и д.), в которой повествуется, что сгоревшие книги закона по Божию вдохновению Ездрой были восстановлены.

¹⁵² - Но каким же образом из того, что Фасос основан в XV-ю Олимпиаду открывается, что Архилох жил после XX-й Олимпиады? В действительности Архилох происходил не с Фасоса, а с Пароса и город Парос на острове этого имени основан был ранее города Фасоса тоже на острове сего имени. Минь считает это место поврежденным. Быть может Климент потому упоминает о Фасосе вместе с именем Архилоха, что город этот (тождественный с Аэрией) был построен по повелению прорицателя Телесиклу, отцу Архилохову: «Передай Паросцам, Телесикл, тебе говоримое: пусть построят на острове

Аэрии славный город». Посему Фукидид (4) и Страбон (10) называют Фасос Паросской колонией.

¹⁵³ - Амфилют происходил собственно из Акарнании, но жил в Афинах; посему Климент и называет его афинянином, подобно как и Сократ в Платоновом «Феагене» – земляком.

¹⁵⁴ - Лучше: аргивинянин; известно, что он происходил из Аргоса.

¹⁵⁵ - Автор «*Epitomes temporum*», живший при Осии, последнем царе Израильском, Сивилл перечисляет таких: «Б этом году проявилась Сивилла Ерюфрейская в Египте. Были кроме неё и другие Сивиллы, числом одиннадцать: Еврейская, Персидская, Дельфийская, Малоазийская (из Ад, небольшого приморского городка в Эолиде), Киммерийская, Самосская, Рафийская, Кумейская, Ливийская, Троадская, Фригийская, Тибуртинская». Лактанций, *lib. I*, сар. 6, называет на основании Варрона следующих 10 Сивилл: 1) Персидскую, 2) Ливийскую, 3) Дельфийскую, 4) Кумейскую, 5) 6) Самосскую, 7) Куманскую, по имени Амалфею, Демофилу или Герофилу, 8) Геллеспонтскую, рожденную на поле Троадском, 9) Фригийскую, 10) Тибуртинскую, по имени Альбуню. Иные приписывают им иные имена, из иных отечественных мест их производят и иное число их передают.

¹⁵⁶ - Может быть Пюфо чрез перестановку придыхания; это будет Дельфийская Сивилла.

¹⁵⁷ - А ранее в столб. 125 сыном Хузи писатель назвал Иезекииля.

¹⁵⁸ - Разумеется апокрифическая книга, известная под этим именем.

¹⁵⁹ - Гервет поправляет: четыре.

¹⁶⁰ - Скалигер: 328.

¹⁶¹ - Гегезия; Эвенет был раньше.

¹⁶² - По-видимому разумеется место из Ев. Лк. 3:23–38, на котором и св. Ириней (3:23) основывал свое мнение об ограничении языков числом 72. Древние отцы церкви вообще полагали, что число языков 70 или 72 и столько же народов, столько же над ними и ангелов – начальников. Об этом числе

они заключали на основании различных мест свящ. Писания, напр. на основ. Втор. 32:8 . Полагали также, что строителей Вавилонской башни было 72 человека и проч.

¹⁶³ - Это пишет уже Гомер. Об особом диалекте богов он говорит в Ил. 1:403; 2:813; 19:291; 20:74.

¹⁶⁴ - Подобное Цельс. См. Оригена *contra Cels.* 4:87.

¹⁶⁵ - Срав. о сем Платона в «Кратиле»; у Герод. в начале кн. 2, гл. 2; Оригена прот. Цельса 1:24; 5:41; Тертуллиана *Ad nationes* 1:8 .

¹⁶⁶ - От св. Игнатия наш писатель в этом случае отделяется. Св. Игнатий во 2-м. посл. пишет, что общественное служение Спасителя по Евангелию продолжалось 3 года. Но одного мнения с Климентом были многие из древних, напр. Тертуллиан, Юлий Африканский, Лактанций, Августин, Ориген, автор Клементин, Валентиниане и друг.

¹⁶⁷ - Разумеются последние 15 лет царствования Августа, а не начальные.

¹⁶⁸ - В этом своем повествовании о переводе Семидесяти наш писатель с очевидностью следовал св. Иринею (3:25).

¹⁶⁹ - С немногими изменениями заимствовано сие по-видимому из книги Аристовула, посвященной Птоломею Филометору.

¹⁷⁰ - Последующее представляет собою сокращение 1-й части 1-й книги Филона «*De vita Moysis*». Св. Иустин в «Увещании к Эллинам» излагает вкратке жизнь Моисея по тому же источнику.

¹⁷¹ - Ма или мо по-египетски вода, а уше спасать.

¹⁷² - Между тем как сначала сей главы, но и далее, наш писатель в изложении своего предмета следует Филону, в настоящем своем мнении он присоединяется к раввинам. Повествование (Втор.34:5,6) о смерти Моисея и погребении его в некотором сокровенном месте еврейские толковники издревле и постоянно понимали о вознесении Моисея или преображении тела его непосредственно по смерти в состояние тел Эноха и Илии, взятых на небо без допущения их до смерти телесной, живыми. В Новом Завете есть прямые основания для

принятия сего мнения, напр. места из Ев. (Мф. 17:3; Мк. 9:4; Лк. 9:30). Спором же Михаила Архангела с диаволом, о чем свидетельствуется в посл. св. Иуды (ст. 9), был спор конечно о предании тела Моисеева тлению: диавол прямо называется (Евр. 2:14) имеющим державу смерти. Обстоятельно сей предмет именно в данном смысле раскрыт профессором Куртцем в его «Библейской истории».

¹⁷³ - Евполом жил лет за полтора до Р.Хр. Его мнение об изобретателе звукового алфавита передает Евсевий, Праер. ev. 9:26. Из новейших исследователей Моисея считает изобретателем буквенного письма Карл Фаульманн, авторитет не последний. См. его «Untersuchungen über die Entstehung der Buchstabenschrift und die Person des Erfinders». 1876. Вена. Его «История букв» каждому образованному человеку известна. Из французских археологов вообще многие держатся мнения, что Моисей был изобретателем букв.

¹⁷⁴ - Намек на историю с Ананией и Сапфирой в Деян, 5:1.

¹⁷⁵ - Езекииль, иудей, живший в Александрии при дворе Птолемея во 2-м веке до Р.Хр., писал на греч. языке драмы, сюжеты для коих заимствовал из истории Евреев; к сожалению они погибли для потомства. Только и известно из Климента и Евсевия приводимое здесь извлечение из его стихотворения «Исход Евреев из Египта».

¹⁷⁶ - Евсевий Праер. ev. IX, 4 из Артапана называет ее Пальmanoфис.

¹⁷⁷ - Намек на изречение Гезиода в его поэме «Дела и дни», А. 216: «А кой чего попробовавши и глупец становится поумнее». Но подобное и у Филона: «А глупцы, не внимающие резонам, наказываемы бывают кучей колотушек»; и еще: «На манер как вразумляемы бывают неразумные дети и они испытанными бедствиями были наконец вразумлены».

¹⁷⁸ - Изображение согласное с Филоновым в его «De vita Moysis».

¹⁷⁹ - Намек на изречение Спасителя (Мф. 6:33). Буквально такого изречения нигде не приводят евангелисты. Но его с добавкой цитует Ориген в своем творении «О молитве» гл. 2:

«Просите о важном (о великом), тогда будет вам дано и менее важное; просите о небесном, и земное вам дано будет тогда». На это же изречение Ориген намекает и в своем творении «против Цельса», 7:44, где он о христианине пишет следующее: «Молитвы же к Богу возсылает не о вещах ничтожных и пошлых, ибо он научен от Иисуса просить не о пустяках, т.е. вещах материальных, а о великих и Бога по истине достойных и Им подаваемых для достижения блаженства у Него чрез посредство Бога Слова (Логоса), Его Сына». Этим мыслям соответствует лишь изречение Спасителя (Мф. 6:33). В Стром. 4:6 наш писатель приводит это изречение Спасителя с таким объяснением: «Просите первее всего царства небесного и правды его, ибо это дело великое. Менее же важное и к жизни телесной относящееся вам придано будет».

¹⁸⁰ - Этимология заимствованная у Плутарха.

¹⁸¹ - Писатель наш по-видимому не совсем правильно передает мысль Платона, будто он хвалит законодателей, исходящих в своем законодательстве из одного какого-нибудь начала и к нему все направляющих. В кн. 1-й De legibus Платон говорит: «Думаем, что как у нас, так и у Лакедемонян, где Ликург и Минос постоянно имели в виду войну, законы следует соблюдать». Но он прибавляет, что кроме искусства военного законодатель заботиться должен о многом и другом, а именно о развитии в гражданах любомудрия, умеренности, справедливости и тому подобного; и потому он порицает законодателей односторонних, многим пренебрегающих. Посему тотчас же при начале кн. 4-й в De legibus он и говорит: «Охрани меня, муж почтеннейший, именно от того, что вначале о Критских законах сказано. О них вы говорите, что они у вас односторонни, а именно только о войне хлопчут. Так как они изданы с целью возбуждения добродетели мужества, то я назвал их изданными с доброю целью; но поелику они не совокупность добродетелей имеют в виду, а только одну частную добродетель, то именно за это я не очень-то одобряю их». — Мы ввели в это примечание Миня в начале словечко «по-видимому». Климент исходил не из приведенных мест Платона, но очевидно из общего духа Платоновой философии,

идеализма; и с нашим писателем конечно всякий согласится, что Платону в этом отношении «единое нечто предносилось».

¹⁸² - В изданиях творений Платона диалоги эти и поныне так располагаются: Тимей за *De republica*, а Епиномид за *Du legibus*; тав напр. они расположены в Парижском издании Гиршигия.

¹⁸³ - Стоики; но наш писатель имел пред глазами вероятнее всего подобные же слова Филона из начала 2-й книги его «*De vita Moysis*» или из «*De migratione Abrahami*».

¹⁸⁴ - Намек на производство слова $\theta\epsilon\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ от $\theta\epsilon\acute{\iota}\omicron\varsigma$ Божественный и $\nu\acute{o}\mu\omicron\varsigma$ закон. Гезихий тесмы также отождествляет с Божественными законами. Филон в своем сочинении *De vita Moysis* го ворит: «Итак, цель законов, по Божественнейшему Моисею, есть последование Богу». Отсюда мысль Климента: «Он (закон Моисеев) именно ведет нас к Богу». Истинная этимология: $\theta\epsilon\sigma\text{-}\mu\acute{o}\varsigma = \tau\epsilon\text{-}\theta\text{-}\mu\acute{o}$; от корня $\theta\epsilon$, того же, что в $\tau\acute{\iota}\text{-}\theta\eta\text{-}\mu\acute{\iota}$; тесмы следовательно равны нашему уложения.

¹⁸⁵ - Прибавка, имеющая в виду еретиков, отрицавших, что закон происходит от Бога благого, так как он грозит наказаниями.

¹⁸⁶ - Так как писателю нужно было доказать, что Закон благ и подобно как и Евангелие учит любви, что иудеи не достаточно понимали, то приводит он из того и другого завета места, в которых порицается это невежество иудеев.

¹⁸⁷ - Введением словечка по истине писатель различает тайны Евангелия от Елевзинских мистерий и других светских, которые де многими хотя и были называемы великими, на самом же деле не были такими.

¹⁸⁸ - Кроме того в *Федре*, в *Софисте* и в *De republ.* 7.

¹⁸⁹ - Таким образом у Платона содержание диалектики еще не отделено от содержания метафизики. В собственном смысле диалектикой называется не что иное как прикладная логика, словесное обсуждение, доказывание и опровержение различных положений, определений того или другого предмета, но и защита их от возражений противника. Нынешним ученикам эта область остается почти совсем неведомою.

¹⁹⁰ - Буквально такого изречения нет в свящ. Писании, но многие из отцов усвоят его одни Христу, другие Апостолам. Оно не противоречит Писанию и объясняется достаточно из встречающихся в нем выражений. Чистое серебро (1Пар.29:4), чистое золото (2Пар.9:17) известны Писанию. А так как безпримесность сих металлов узнается на огне, то отсюда чрез метафору произошли выражения испытанный во Христе (Рим.16:10), дабы открылись между вами искушенные, опытные (1Кор. 11:19); сюда же относятся выражения (2Кор.10:18; 13:7; 2Тим. 2:15; Иак. 1:12). В связи с понятием меновщика (Мф.25:27) и чрез соображение с (1Сол. 5:25) составляется даже прямо изречение: «Будьте опытными меновщиками». Наш писатель снова возвращается к сему изречению в Стром. 2:4; 6:10; 7:15.

¹⁹¹ - Различение троякого смысла в Писании: таинственного, нравоучительного и пророческого.

¹⁹² - Т.е. а не совершеннолетним, питающимся млеком учения.

¹⁹³ - Мюкон — один из малых кикладских островов и юго-востоку от Теноса, а на восток и недалеко от Делоса, к северу от Наксоса. По Гезихию имя острова собой означает кучу, груды сора. Может быть уже в имени острова скрыто воспоминание о вулканическом происхождении его. Мифическое время делает остров театром борьбы Геракла с гигантами, которых всех он убил; здесь была их и могила. В этой мифе скрыто очевидно новое воспоминание о позднейших землетрясениях и геологических переворотах на острове. Отсюда пословица «как Мюконянин все под себя подмял». Отсюда и наш писатель своей метафорой очевидно хотел сказать, что нельзя же в Писании одно понимать так же как и другое и все подводить единственно под букву; следует, и различающее начало применять к нему: далеко не безразличная оно де груды чего-нибудь (сравни контекст писателя). Ранняя плешивость Мюконян, чем они известны были по всей Элладе, тоже могла дать писателю повод к метафоре: нельзя же де все Писание подобно как Мюконян всех

стричь под одну гребенку, не различая одного в нем от другого: не безразличными каракулями наполнено оно.

¹⁹⁴ - Связь этой главы с предшествующей такова: Воля закона не младенцами, питающимися молоком учения, может быть постигнута, а лишь возрастными, кои твердой пищей питаются. Оттого-то Эллины, детскими баснями пробавляющиеся, и не могут уразуметь оного.

¹⁹⁵ - Выше, в начале гл. 15-й, писатель уже ссылался на этот разговор египетского жреца с древне-эллинским законодателем. Его приводят и Иустин в «Увещании к Эллинам», Евсевий в Praep. ev. 10:4; Кирилл Александрийский против Юлиана в кн. 1-й; Феодорит во «Врачевании предрассудков Эллинских». У Платона разговор этот излагается в начале «Тимея».

¹⁹⁶ - Посредствующая мысль могла бы быть выражена нашими: Помилуйте, пощадите.

¹⁹⁷ - Посредствующая мысль: и однако же находятся люди, и много их, которые им верят.

¹⁹⁸ - В «Тимее» недалеко от начала.

¹⁹⁹ - В его «Пастыре» кн. 1, виден. 4.

²⁰⁰ - Только иначе, а выражена этою тирадой мысль та же, которая содержится и в словах Апостола: Евреи чудес требуют, а Эллины мудрости ищут (1Кор. 1:22). Срав. Стром. 1:2 в конце.

²⁰¹ - К этому же стиху Пиндара наш писатель возвращается еще в Стром. 2:4. К чему бесплодно спорить с веком: Обычай деспот меж людей, говорит наш Пушкин. Кто читал 38-ю гл. 3-й книги Геродота, тому трудно удержаться от догадки, что эти два стиха навеяны нашему поэту именно ей (перевод истории Геродота Мартыновым вышел за два года до начала «Евгения Онегина») и что в них предлежит нам тот же стих Пиндара, приведенный и Геродотом в указанной главе. Отец истории понимал данный стих Пиндара о всемогуществе между людьми нравов, мнений и обычаев, унаследованных ими от предков и отцов; эти нравы, особенно если они древни в народе, с трудом искоренимы или же и не могут быть изменены; своим значением и важностью оттого этот неписанный закон

даже превосходит писанный. Платон приводит данный стих Пиндара в своем «Горгии» (несколько ранее середины диалога) и понимает его уже о законе природы, потому что он читает его с добавкою *κατὰ φύσιν*. Нашему знаменитому переводчику творений Платона, Г.Карпову, очень бы хотелось понимать стих Пиндара согласно с Геродотом; поэтому добавку *κατὰ φύσιν* он усваивает софистам, хотя Платон в Протагоре и два раза в De leg. в кн. 3 и 4 снова читает его с *κατὰ φύσιν*. Ориген (contra Cels. 5:40) понимал данный стих Пиндара о законе природы или естественном, хотя привел его по Геродоту. Наш Климент предшествует ему таким же пониманием. Софистам принадлежит добавка *κατὰ φύσιν* или самому Пиндару, это вопрос; с нас здесь того довольно, что наш писатель читал приведенный стих Пиндара с названной добавкою и уже отсюда исходил в своих дальнейших рассуждениях: для его философских идей такое чтение представляло весьма твердый базис. Всего вероятнее впрочем, что Пиндар и сам под своим «законом» разумел законы естественные или природы, неизменно и незыблемо распространяющие свое царственное господство на весь видимый мир, в качестве силы некоей божественной всем управляющие и все устрояющие. Так понимали данный стих Пиндара уже древние, как то Еврипид, Хризипп и др.

²⁰² - Буквально. Писатель быть может хочет выразить ту мысль, что идея Божества конкретно предносится нам в завете, под которым однако же не нужно разумеать одно Писание, а и законы естественные и природы человеческой, ибо говорится в Писании о завете прежде, чем само оно было.

²⁰³ - Разумеется здесь вероятно 2-й стих той же главы: И поставлю завет Мой между Мною и тобою и весьма размножу тебя.

²⁰⁴ - Добавь посредствующую мысль: так как говорится о завете, когда письмен еще не было, посему и т. д. Писатель этой тирадой, нам кажется, хочет сказать следующее: «Бог открывается не только чрез Писание, во и чрез природу видимую и человека. С отношением к Откровению Бога в природе Платон посему называет Его Великим Умом, мы с

отношением к истории человечества именуем де Его Логосом; Моисей говорит о Господе и о завете, называя Бога в имени Господа Судией, а чрез соединение понятия о Господе с заветом свет проливая и на природу завета, по коей он есть содержание судов Божиих, нечестивцев наказующих, благочестивых же взыскующих. Но и по законам естества так следует. Под заветом посему не нужно разуметь только Писание, а и все вообще естественные и письменные законы».

²⁰⁵ - Смысл, соединяемый писателем с этим выражением, может быть извлечен из вышеприведенных примечаний. Самое выражение апокрифа вновь повторяется в Стром, 2:15 и в Excerptis, 58.

²⁰⁶ - Намек на изречение Спасителя: Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники (Ин.10:8) и на объяснение оного выше в главе 17-й.

²⁰⁷ - Говорится это, по-видимому, с отношением к 1Кор. 12:8: Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания тем же Духов, иному вера и проч.

²⁰⁸ - Точнее: рой добродетелей. Это будет метафора, взятая у Платона из его разговора «О святом».

²⁰⁹ - «Пастырь» Ермы кн.1, вид.3.

²¹⁰ - Подобное Филон De confusione linguarum.

²¹¹ - Тоже у Филона в начал кн. De nominum mutatione.

²¹² - Добавь: Но здесь, же открывается и тайна знания, ибо и т.д.

²¹³ - Феодорит во «Врачевании Эллинских предрассудков» частью из нашего писателя, частью из других авторов выбирает и сводит все эти определения веры.

²¹⁴ - Тоже определение знания ниже в главах 4,10,17 и ч.6:6, согласно с Филоном в его De congressu quaer. erud. grat. Стобей (Eclog. Eth.) усвояет это определение Стоикам. У Климентя его заимствовал Феодорит.

²¹⁵ - А Феофраст заимствовал это у Аристотеля, положением которого было: Nilhil est in intellectu, quod non prius fuit in sensu.

²¹⁶ - Гносис, отсюда гностики.

- ²¹⁷ - Разумеется не миропомазание, а возложение рук.
- ²¹⁸ - Ибо вера от слуха, как говорит Апостол, Рим.10:17.
- ²¹⁹ - Срав. «Увещения к Эллинам» гл. 5; Стром.1, гл.11 .
- ²²⁰ - Срав. «Увещения» гл. 9 и примеч. там; также Стром. 2, гл.15.
- ²²¹ - Срав. Стром. 6:18; 7:12,14 .
- ²²² - Намек на способ опубликования законов через вывешивание их на деревянных или каменных столбах.
- ²²³ - Или skutалах; о сих можно читать между проч. и в латино-русском словаре Кронеберга.
- ²²⁴ - Срав. выше Стром.1, гл. 29.
- ²²⁵ - Спевзипп, ученик Платона и внук его от сестры; по смерти своего учителя в течение 8-ми лет был представителем Платоновой школы.
- ²²⁶ - Подобное в конце «Увещения» и ниже Стром.2, гл. 19.
- ²²⁷ - Срав. выше Стром.1, гл.5 и Педагога1, гл. 5,7.
- ²²⁸ - В Одиссее Гомера 19:178–180 читаем: Между городами Крита есть большой город Кнос; И там царем был ἐννέωρος Минос, Дружеский собеседник великого Зевса. Как понимать это ἐννέωρος? По объяснению древних Минос через каждые 9 лет входил в освященный народной верой грот и беседовал здесь в течение некоторого времени со своим отцом Зевсом, получая от него законы для своего острова. С этим как будто и дальнейшие стихи согласуются, которые могут быть понимаемы так, что в течение последующих 9 лет Минос управлял де от имени Зевса. По объяснению же других ἐννέωρος значит, что Минос уже девятилетним мальчиком вступил на царский престол. Наконец еще объяснение, что Минос царствовал в течение только 9 лет.
- ²²⁹ - Буквально: «противник», в чем очевидно влияние Варнавы, который в гл.2 своего послания также называет демона этим именем.
- ²³⁰ - Влияние Стоиков, которые по свидетельству Диогена Лаэртция (7:119) благочестие определяли так, что это де есть «умение почитать богов». Тоже определение благочестия передают Секст Эмпирик Adv.Matem., Стобей в Ecl.eth. и Свиды.

- 231 - Под конец разговора слова Сократа.
- 232 - Изречение, заимствованное писателем, по-видимому, из какого-то апокрифа.
- 233 - В De leg.5
- 234 - Алкивиада 1-го под конец.
- 235 - Такое выражение употребляет напр. Ликофрон в «Кассандре» ст. 504.
- 236 - Выводимый Платоном в De leg. в качестве собеседника с Сократом.
- 237 - Слова объясняемые писателем в приложении ко Христу Иисусу и в Стром.3:17 и в Пед.3:1.
- 238 - Выше в гл.4 сей книги.
- 239 - Разумеется мнение Платона изложенное в его De leg.1.
- 240 - Тоже из De leg. Платона.
- 241 - Тоже из De leg.
- 242 - Посредствующая мысль: остальные же эти суть неверующие.
- 243 - Подобное же определение благоволения в Пед.1:11. в конце.
- 244 - Срав. Цед.1:13 в начале.
- 245 - Срав. Стром.1, в гл.25.
- 246 - Яснее эти мудрования Василида, кажется, могут быть изложены так: «Верховный Архонт через Христа сообщил миру Евангелие только после того, как Дух Святой, состоя посредником в возведении материи из состояния безобразного к проникновению сознанием сыновства, эту мысль о поступании к сему всей вообще природы сообщил сыну Великого Архонта. Этот, от своего Сына услышав мысль о своем собственном сыновстве, чрезвычайно этому изумился, ибо Он считал Себя за Бога вселенной, а тут оказался продуктом развития материи. Он не знал, что материи присущи зачатки дальнейшего развития и думал, что возвышению (обожествлению) ее с Ним настал конец. Это изумление Архонта при виде продолжающегося развития материи до проникновения сознанием сыновства, до воспламенения оным и просвещения, было равнозначительно

со страхом и сделалось началом премудрости, разделяющей роды, различающей их , совершенствующей и восстанавливающей в наилучшее состояние. Ибо не только образование вселенной, но и из общей массы людей выделение пневматиков, или чад Божиих, в прогрессивном поступании материи к проникновению себя сознанием сыновства и к обожествлению есть ступень лишь предварительная, – 3-й момент сего развития, а именно стремление к тому окружающей нас видимой природы (Рим.8:19), находящейся еще в состоянии смешанном всемирного семени, проходящей процесс очистительный, расточающей благодетельности, но и принимающей оные; с Иисуса он только еще начался».

²⁴⁷ - Подобное ниже в гл.18.

²⁴⁸ - Т.е. таинственное о Христе Иисусе.

²⁴⁹ - «Пастырь» Ермы.3:16. То же место писатель приводит в Стром.6:6.

²⁵⁰ - Подобное в Стром.8:9.

²⁵¹ - Сказал (ἐγνώρισα) вам все, что слышал от Отца Моего, говорит Спаситель (Ин.15:15).

²⁵² - По-видимому, подражание словам Спасителя: Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего (Ин.15:15).

²⁵³ - Об «Евангелии от Евреев» на рус. языке есть обстоятельнейшее исследование покойного Преосвященного Михаила Курского в его «Об Евангелиях и евангельской истории». 1870. Москва.

²⁵⁴ - По-видимому, намек на изречение Спасителя: Делайте, доколе день есть (Ин.9:4).

²⁵⁵ - Подобное в Стром.7:1.

²⁵⁶ - Все это почти с начала главы написано под влиянием Филоновых рассуждений в его De congressu quaer. er. gr.

²⁵⁷ - Сравни выше определение знания в конце гл.2-й сей книги и в друг. местах.

²⁵⁸ - Дальнейшее писателем написано под влиянием Филоновых рассуждений в его *De congr. quaerendae erudit.*

²⁵⁹ - О совершенстве десятиричного числа, которое по-гречески обозначается через йоту *i*; писатель распространяется в Стром.6:11. Несколько он уже говорил о сем в Педагоге кн.1:9. И в этом он следует Филону.

²⁶⁰ - Так истолковывает Пасху Филон в своей книге *De Abrahamo*.

²⁶¹ - Дальнейшее из сочинения Филонова *De Cherubim*.

²⁶² - В Стром.1:24 наш писатель уже имел случай намекнуть на непреложность Божию и неколебимое постоянное пребывание при одном и том же, а также на неизменность Его света. В Стром.7:10 он снова возвращается к сему. Отсюда Бога некоторые из древних авторов называли «Стоящим». Подобное говорит напр. Филон в своем *De nominum mutatione*. Кирилл Александрийский в кн.3 против Юлиана пишет, будто Платон учил о существовании двух богов, одного «Стоящего», другого постоянно «Движущегося». Почему Симон волхв приказывал себя называть «Стоящий», открывается из «Клементин» бес.2:22: он называет себя здесь вечным и телесной смерти не подлежащим. Посему автор «Клементин» в бес.2:24 снова говорит о «Стоящем». Подобное в бес. 18:6,7,12,14. Помнит Симона «Стоящего» и автор *Recognitionum* Климента Римского, кн.1:72; кн.2:7,11; кн.3:47 и автор *Clementinae Epitomes* гл.25. — Св. Иустин философ говорит в Апологии 1-й, что Симону волхву воздавали почтение божеское; тоже в «Разговоре с Трифоном». Св. Иринея в кн.1:20 под конец гл. говорит, что последователи Симона кланялись изображению Симона, представленному в виде Зевса и изображению Элены в виде Минервы. Подоб. блаж. Феодорит Наер. *fab.* кн.1:1 под конец гл.

²⁶³ - Разумеются Маркиониты. Срав. Ирин.1:29; 3:12; Тертул. против Маркиона 4,5; Епифания ересь 42.

²⁶⁴ - Это так называемые *deliberatae assensiones*, или *συνιγχατάθεσις*.

²⁶⁵ - «Пастырь» Ермы кн.1, вид.3, в начале гл. 8-й .

²⁶⁶ - «Пастырь» Ермы кн.2, повел.7.

267 - «Пастырь» Ермы кн.2, пов.4 .

268 - Там же немного позднее.

269 - Писатель, по-видимому, допускает только два покаяния в течение всей жизни: одно до крещения, другое после оно, больше же не принимает. Ориген в толковании на Мф. также находит невозможным принятие покаяния и дарование прощения грехов тем, которые после принятия благодати Евангельской проповеди и веры, от Христа отреклись. Из умеренных выражений как Климента так и Оригена открывается, что они хотели сим христиан своего времени от падений лишь остановить, а не то чтобы совсем от них и покаяния не принимали. В лице Новациана церковью последнего рода строгость отвергнута и осуждена.

270 - Судя по контексту, разумеется богатение человека пожеланиями и страстями.

271 - Разъясняет три эти понятия и Аристотель, lib.5:8.

272 - Стихи, встречаемые между фрагментами Еврипида 5:278.

273 - Стихи, встречаемые кроме «Медеи» Еврипида и в «Метаморфозах» Овидия 7:19.

274 - Срав. Гроция в Excerptis из трагедий.

275 - Стих из Одиссеи 11:326. Он уже приводим, был писателем у Педагога 2:10. О поступке Ерюфилы говорит и Цицерон в 4-й речи против Верреса.

276 - Срав. также выше в гл. 7-й сей же книги.

277 - Срав. выше в гл.11-й сей кн.

278 - Дальнейшее с некоторыми опущениями прибавлениями заимствовано из посл. Варнавы гл.10-й, – Подобные же мысли Климент развивает в «Педагоге» 3:11 и Стром.5:8.

279 - Дальнейшее представляет собой гносис, смысл таинственный или «Мидраш».

280 - Мнение свое о посещении зрелищ писатель высказывает и в Педагоге кн.3, во второй половине гл.11-й.

281 - Цитован был писателем сей апокриф уже и выше в конце 1-й кн. Стромат.

282 - Из Еврипидова «Ореста» с некоторым изменением.

283 - Стобей приписывает этот стих Афенодору.

284 - Это 3-й род грехов, допускаемых в совести.

285 - Срав. «Педагога» 1:10.

286 - Она обыкновенно ставится между изречениями семи мудрецов. И Цицерон. de fin.3, относит ее к древним изречениям. Плутарх, de auditione, усваивает его Зенону; тоже Диоген Лаэртский.

287 - Намек на изъяснение истории Эноха Филоном в его De vita sapientis или De Abrahamo. По пониманию Филона Энох по особенному промыслу о нем Божию оставив жизнь худшую обратился к лучшей.

288 - Изречение, принадлежащее Питтаку или Алкею. См. Юлиана речь 2, Стобея речь 16, Диог. Лаэртский в Питтаке.

289 - О сем изречении и, что далее следует, о самопознании писатель уже говорил ранее в Стром.1:14.

290 - О сем изречении срав. примеч. в гл.19-й. 1-й кн. «Стромат».

291 - Срав. о сем имени примечание в 6-й гл. 1-й кн. «Педагога».

292 - Кто же не знает на этот текст (Внемли себе) прекрасную беседу св. Василия Великого? Нами она переведена в Яр. еп. вед. 1882 г. №№ 25 и 26.

293 - Намек на Притч.3:3,4,7 и Сир.3:30; 1:29.

294 - Валентиниане и другие еретики, следуя языческим философам, думали, что мир сотворен Богом из готовой материи. Ирин.2:19. Срав. Стром.7:3.

295 - Ориген против Цельса 5:7 пишет: «Известно, что многие из греческих ученых весь этот мир считают за Бога. Для Стоиков этот мир состоит первым Богом, для некоторых из учеников Платона вторым, и еще для некоторых третьим». Дидим у Евсевия, De praer. Evang.15: «Стоики же весь этот мир с частями его называют Богом». Сенека, epist.97: «Totum hoc

quo continetur, et unum est et Deus est; et socii ejus et membra sumus, – Первым и высшим Богом Стоиков собственно говоря был чистейший и все проникающий огонь, окружающий с внешних сторон небо и оттуда весь мир собой оживляющий и сохраняющий. Но, называя огонь Богом, Стоики не хотели этим сказать, что огонь есть Бог, а только то, что он важнейшая составная часть мира, его жизнь, дух, душа, причина происхождения его. Последователи Платона, называвшие этот мир то вторым Богом то третьим, говорили при сем собственно о духе или душе мира, по их мнению, управляющей миром и все в нем производящей.

²⁹⁶ - И нас, бывших некогда отчужденными и врагами по расположению к злым делам, Отец ныне примирил в теле плоти Сына своего смертью Его, пишет Апостол (Кол.1:21 ,22).

²⁹⁷ - Катилина у Саллюстия: Idem velle ac nolle, ea demum firma amicitia est.

²⁹⁸ - Срав. «Педаг.»1:8; «Стром.»1:1.

²⁹⁹ - О сем определении познания срав. сказанное выше в гл.2-й сей книги.

³⁰⁰ - Подобным образом писатель изъясняет это изречение Пифагора и в Стром.5:5. Диоген Лаэртций в «Пифагоре» в объяснение сего изречения Пифагора говорит: «Весов не нарушать, т.е. должного и справедливого не преступать». Плутарх «О воспитании детей изъясняет это изречение Пифагора так, что должна быть наблюдаема в воспитании детей высшая степень справедливости и ни малейшая доля ее не должна быть преступаема». Ямвлих под конец своего «Протрептика» пишет: «Изречение же это «весов не нарушать» значит, что во всем должна быть наблюдаема справедливость и законное предпочтительно должно быть всему; в благоразумной середине и в честности должна быть признаваема высшая из добродетелей». Порфирий то же изречение Пифагора объясняет, что «не следует желать более того, что мне следует». Изречения сего из христианских писателей еще касались Лактанций и Минуций в «Октавии».

³⁰¹ - Уже прежде нашего писателя поставлял эти добродетели во взаимную связь Филон в *De vita Moysis* 3.

³⁰² - Тоже Филон в *De fortitudine*.

³⁰³ - Подобное Филон в только что названном своем сочинении.

³⁰⁴ - Ближе впрочем греч. текст подходит к тексту Филона нежели к Библии.

³⁰⁵ - И остальное о других установлениях древнееврейских с немногими изменениями заимствовано тоже из Филона.

³⁰⁶ - Посл. св. Варнавы под конец. Тексты послания, как оно дошло до нас и в передаче его Климентом несколько разнятся.

³⁰⁷ - Разумеются места из Лев.25:35,36 и Втор.23:19,20 .

Дальнейшее, что говорится о древнееврейских законах и нравах, почти все заимствовано нашим писателем из кн. Филона *De charitate*.

³⁰⁸ - Все предшествующее, но и последующее написано под сильным влиянием Филона и в некоторых случаях даже его фразами.

³⁰⁹ - Смысл заповедей, содержащихся в кн. Исх.23:4; Втор.22:1–3; но они заимствованы писателем не оттуда, а с некоторыми изменениями из Филона.

³¹⁰ - Срав, в начале гл.10-й сей книги.

³¹¹ - И сие написано под влиянием разъяснений Филона. Срав. Стром.3:9 в конце и 11 в начале, равно в Педагоге 2:10.

³¹² - Ямвлих в «Жизни Пифагора» передает, что он запрещал употребление животных как в пищу, так и для жертвоприношений, требуя, чтобы поклонением боги были чествуемы при алтарях только бескровных. Срав. в Стром.7 и в «Пифагоре» у Лаэрдия. Другие же утверждают, что Пифагор запрещал употребление в пищу мяса только земледельческих волов и бараньего. Древнееврейские постановления касательно животных см. Лев.17: 27,28; Исх.22:30; 23:19; 34:26; Втор.14:27,28; 22:6,7.

³¹³ - Разумеется человеческая природа Христа, составляющая с тремя лицами Божества некоторым образом четверицу.

³¹⁴ - Связь с предшествующим делается понятной из Филона, по следам которого Климент идет, обращая внимание на различные древнееврейские законоположения. Филон, отклоняя своих соплеменников от высокомерия и гордости, вместо сего обращает их внимание на заповедь законодателя помнить Божественные благодеяния и благодарить за оные (Втор.8:18). Климент еще оставляет этот текст, а затем, опустивши из Филона вещи промежуточные и по обыкновению заполнивши их несколькими иными мыслями, продолжает в последующей связи мыслей, на основании постановлений и заповедей Моисеева закона, рекомендовать добродетели великодушия, умеренности и сим подобные, в качестве посредниц и ступеней к возвышеннейшим христианским добродетелям.

³¹⁵ - Срав. о том же в конце «Увещания к Эллинам». Подобное Филон. См. у Миня.

³¹⁶ - Филон: «Дабы через разлитие около себя благодеяний Богу оказываться подражателем, ибо высшего Владыки щедроты на всех отзываются благом».

³¹⁷ - Филон: «Кто предпринимает какое-либо действие по высокомерию, тот Бога гневит. Почему? Потому, во-первых, что гордость есть порок, ни к чему непригодное свойство души» и проч.

³¹⁸ - Филон: «Прекрасное предписание, чтобы мы учились жизнь упорядочивать и беспорядочность ее заменять состоянием наилучшим. Не слишком трудно это, ни долгого времени не требует, но всякому удобно, т.е. состоит в устах каждого, в груди и в руках; это значит состоять такая жизнь должна в словах, в делах и в расположениях. Потому что символом слов состоят уста, расположений – грудь, а действий – руки». Намек со стороны Филона очевидно на Втор.30:14. Весьма близко к тебе слово сие: оно во устах твоих и в сердце твоём и в руках твоих, чтобы исполнять оное. Подобное Климент говорил уже в «Увещании» в конце гл.10-й. – Св. Василий Великий в известной своей беседе на текст Внемли себе также с удовольствием останавливается на этом многозначительном месте Писания.

³¹⁹ - Связь с предшествующим объясняется точно так же, как и немного выше. Некоторые выражения Филона, которыми излагаемое у него теснее было связано, Климент опустил. Это опущенное место у Филона таково: «Если кто гармонии этой еще не достиг, чтобы любить Бога и Ему быть угодным... Потому прекрасно к нам применяется это изречение: Завет ныне ты заключил с Господом, чтобы Он был тебе Богом; и Господь завет заключил ныне с тобою, чтобы ты был Его народом».

³²⁰ - В последующем многое заимствовано из книги Филона «De nobilitate».

³²¹ - Филон: «Отцом же его и виновником его жизни не было никого из смертных кроме Бога».

³²² - Филон: «Ложное, постыдное и злое предпочел доброду, прекрасному и истинному, променяв через то бессмертное на смертное».

³²³ - Хотя и не навсегда. Выражение, прибавленное писателем, кажется для того, чтобы не показаться благоприятствующим еретикам, которые учили, что Адам вовсе не считал за необходимое каяться в своем грехе, и потому вечного спасения был лишен. «Татианом первым было измышлено это богохульство», говорит св. Ириней 1:31.

³²⁴ - Филон эту фразу употребляет о всех иерархах. О Ное распространяется он более.

³²⁵ - Т.е. по возрождении его после потопа. И это прибавка, сделанная Климентом, как кажется на тот конец, чтобы кто-нибудь на основании этого и подобных примеров также не позволил себе какой-нибудь вольности.

³²⁶ - Филон: «Родоначальник иудейского народа имел многочисленное от трех своих жен потомство; но на это нужно смотреть не как на послабление чувственности, а как на желание умножить свой род. Впрочем, из многих только один отцу наследовал, остальные все, так как от благочестия отреклись, отделены были от сродства с фамилией; так как никаких добродетелей ее в себе они не воплощали, то отсечены были и от ее благородства».

³²⁷ - Т.е. Исаака. Филон: «Опять от этого самого, заслужившего одобрение, наследника рождаются близнецы». И немного после сего он прибавляет: «Ибо младший своим послушанием заслужил благоволение того и другого из родителей; и так происходит, что за одного возносят они горе благоприятнейшие молитвы, Богу оные утверждающе и ничего в них без исполнения не оставляюще; другого же, старшего, тронутые сожалением к нему, родители радуют таким благодеянием: подчиняют его брату, рассчитывая, что для него будет полезно, если по не потребству своему человек этот не останется на своей воле, если же в положении раба оказывать будет послушание, то в состоянии будет заслужить, как это бывает на состязаниях, второй степени награду за добродетель».

³²⁸ - Подобное выше в гл.4-й и в конце «Увещания».

³²⁹ - По Филону.

³³⁰ - Так сыны Хета называли Авраама. Быт.23:6.

³³¹ - Платон в Феэтете: «Погибнуть злу невозможно, (ибо всякое зло, по Платону, имеет свой источник в слабости человеческой природы), потому что всегда необходимо что-нибудь противное добру. И не в богах утвердилось оно (т.е. никакое зло не происходит от богов), а обходит по необходимости смертную природу и это место. Потому и надобно стараться как можно скорее уходить отсюда туда. Бегство это есть посильное уподобление Богу, а уподобляться Богу значит делаться справедливым и мудро благочестивым». И немного далее: «В природе вещей есть образцы; один божественный, образец счастья; другой безбожный, образец страдания. Люди не видящие, что это так, по глупости и крайнему безумию не замечают, что одному они уподобляются своими несправедливыми действиями, а от другого отступают». Платон в переводе Карпова том 5, стран.379.

³³² - Филон De vita Moysis: «Ибо умы великие вводят в знания много нового».

³³³ - Климент при случае, здесь и там, называет Филона Пифагорейцем, потому что он следовал тому же символическому образу речи, которым славились и Пифагорейцы. Срав. Стром.1:15 в конце.

³³⁴ - Параллель сему представляет место из сей же книги гл. 15-й, где сие изречение передается через «Слушайся Бога», потому что по Зенону «слушаться Бога» и «жить согласно с природой» одно и то же. Равносильно сему и «жить в согласии со своим гением», По Плутарху (De auditione) и «слушаться разума» с сим тождественно.

³³⁵ - Подобное Аристотель Ethicorum к Никомаху 8:3. Он учит, что существует три вида дружбы. Первой из них он называет дружбу любящих друг друга из-за взаимной пользы. Второй он называет дружбу из-за взаимного удовольствия; свойственна она особенно молодости. Третий вид дружбы существует между людьми добрыми и стремящимися к добродетели; это дружба совершенная, ибо такого рода люди благорасположены друг к другу в меру добродетели. Короче первый из трех этих видов дружбы можно было бы обуславливать полезностью, второй удовольствием и третий честностью.

³³⁶ - Образ мыслей и выражений, собою напоминающий Стоиков, которые мудреца также называли бесстрастным. Срав. «Педагога» 1:2.

³³⁷ - Подобное сему выше в гл.21 кн.11 столб.126.

³³⁸ - Подобная фраза употреблена Гомером о Миносе Критском, Одис.19:179.

³³⁹ - Срав. на сей предмет примеч. в «Педагоге» 1:12.

³⁴⁰ - Клеанфа. В «Стром.»7:6 приведены на сей счет кроме его мнения еще Филимоново и Эзопово. Мнения о сем других древних писателей см. у Миня в примеч. к настоящей главе. Истинное словопроизводство у Курциуса в его «Gründzüge».

³⁴¹ - Т.е. жиром обилующие и некоторые другие, употребление которых в пищу считалось неприличным.

³⁴² - Аристипп определяет удовольствие так: «Это есть волнение чувств легкое и приятное, печаль же — волнение

чувств грубое и неприятное». Цицерон De finib. С.65: «У всех приятное волнение, коим чувства бывают увеселяемы, называется по-гречески ἡδονήν, а по-латине voluptatem».

³⁴³ - Еврипид в «Андромахе» стих 627 влагает эти слова в уста Пелею.

³⁴⁴ - Стих 1287 в «Оресте» Еврипида.

³⁴⁵ - Друга Сократа и учителя Диогена. Феодорит Киррский, заимствовав из Климента, сообщает это изречение Антисфена в своем «Врачевании», кн.3.

³⁴⁶ - Стобей, tit. 29, приводит еще изречение того же Антисфена: «Удовольствий лишь тех должно домогаться, кои следуют за трудами, а не тех, кои предшествуют им».

³⁴⁷ - Слова Добродетели к Пороку в известной аллегории Продика, передаваемой Ксенофонтом в его «Достопамятностях» 2:1,21.

³⁴⁸ - Диоген Лаэртций в жизнеописании Зенона перечисляет многих с этим именем и на 4-м месте называет трагического поэта, ничем неизвестного. На этом основании Гроций приписывает данные стихи Агафону. Вопрос спорный.

³⁴⁹ - Платон в «Федоне».

³⁵⁰ - Т.е. при произнесении обетов крещения.

³⁵¹ - Филон Legis allegoriarum lib.3 пишет: «Состояние это существ неодушевленных свойственно камням и деревьям; и в нас некоторым частям свойственно тоже бытие камней, это костям. Но гораздо высшей жизненностью природа с ее производительными силами заявляет себя в создании растений: и в нас ногти и волосы суть нечто похожее на растения. И все же в собственнейшем смысле природу, животворную природу представляет состояние движения. Душа же представляет собой природу, которой свойственно воображение и стремление; свойственна сия душа и неразумным животным. Но и ум наш имеет в себе нечто аналогичное душе неразумных животных». О том же пространнее толкует он в кн. «Quod Deus sit immut», Справ. еще о том же в кн. «Quod mundus sit incorruptibilis».

³⁵² - Феодорит Киррский в своем «Компендиуме еретических басен», 1:4 – «Исидор, сын Василида, учения своего отца утверждал с некоторыми прибавлениями к ним».

³⁵³ - Срав. Климента Римского в его Recogn. В конце кн.2; 4:15 и след.

³⁵⁴ - В последующем Климент объясняет, что когда человеческое сердце называется «домом демонов, жилищем их», то это нужно понимать не так, как если бы они природой своей или субстанцией в нем жили, а лишь о силе и действиях на оное демонов. – Курьезно, что подобные еретические вещи о пребывании демонов в человеческом сердце с иллюстрациями к сему до сих пор еще печатаются у нас и расходятся в народе десятками и более тысяч. Срав. книжицу «Сердце человеческое есть или храм Божий или жилище сатаны», изд. 1849 г. Москва. С нее перепечатано «Внутренне состояние человеческого сердца», в 30.000 экз. в 1890 г., Ярославль. – Картинки измышлены первоначально в 1732 г. в Вюрцбурге университетским гравером; первоначальный источник текста на франц. языке.

³⁵⁵ - Срав. Стром.1:24 и примеч. там.

³⁵⁶ - Посл. св. Варнавы гл.16.

³⁵⁷ - О них будет речь ниже в Стром.3:4.

³⁵⁸ - На чем? На гробе его. Но почти та же надпись была и на статуе Сарданапала, стоявшей в Анхиале, городе соседнем с Тарсом. Намек на нее у св. Павла апостола в 1Кор.15:32. Срав. Яр. еп. вед. 1876 г. в №33.

³⁵⁹ - В след. главе. приписывается это ученику Эпикура Метродору.

³⁶⁰ - Т.е. циник. Древние приписывают ему до семи. Они отличались грязным содержанием.

³⁶¹ - Одну часть этого наставления Сократа писатель уже приводил в «Педагоге» 1:1, вторую же в Пед.3:11.

³⁶² - Циник, ученик Сократа.

³⁶³ - Софокл сими стихами выражает ту мысль, что Плутон ко всем прочим людям жесток, по отношению же к покровительствуемым богиней любви кроток. Плутарх в

«Amatorium» пишет: «Истории об Алкесте, Протазилае и Евридике, жене Орфея, свидетельствуют, что только по отношению к богине любви Плутон сговорчив. Между тем как по отношению к иным всем, как говорится о сем и у Софокла, он не заботится ни о справедливости, ни о милости, а только одной неумолимой строгостью руководится, к влюбленным он почтителен и по отношению к ним свою непреклонность и неукротимость оставляет». Таково уже от древности дошедшее до нас олицетворение равнодушия к распушенности общественных нравов и язвительное осмеяние сего.

³⁶⁴ - Выше в начале гл.19-й подобная фраза употреблена писателем о Ное.

³⁶⁵ - Срав. Стром.4:7.

³⁶⁶ - Ниже в Стром.4:11; «За имя Господне терпим преследования, убийства, повешение». Тоже в Стром.5:14. Там писатель цитует из Платона такое место: «Так ведущий себя праведник подвергается бичеваниям, мучениям, и все претерпевши наконец бывает вешаем».

³⁶⁷ - Срав. в конце «Увещания».

³⁶⁸ - Срав. Стром.6:2.

³⁶⁹ - Во-первых душевными дарами; во-вторых телесными: здоровьем, силой, красотой и под.; в-третьих внешними: богатством, знатностью рода, славой и под. Таково, по изъяснению Диогена Лаэртция, было учение Аристотеля о высшем благе. – Срав. Стром.4:5.

³⁷⁰ - Диоген Лаэртций об Анаксагоре: «Спрошенный раз: За чем рожден он, Анаксагор отвечал: Для созерцания солнца, луны и неба».

³⁷¹ - Подобному учили и Стоики. Лаэртций в Зеноне, кн.7, пишет: «Добродетель же человека счастливого и счастье жизни состоят в согласовании всех действий с указаниями своего гения». Антонин в конце кн.3 говорит, что гений сей живет в груди каждого, – Апулей в «Апологии Сократа» пишет: «Доброе желание и есть добрый гений». И далее он прибавляет: «Счастливы те, которыми руководит гений добрый, т.е. дух, в

добре опытный». – Тоже ученик Платона Ксенократ в *Торис.2:6*: «Счастлив тот, у кого гений добрый, как и Ксенофонт называет счастливым человека, у кого душа добрая: дух добрый и есть добрый гений человека».

³⁷² - Срав. выше в гл. 19-й сей же книги.

³⁷³ - Срав. Педаг. кн.1:12 в начале.

³⁷⁴ - Из Платона место это уже было приводимо писателем в «Увещании» гл.2-й. У самого Платона оно имеется в *De leg* кн.4; встречается и у Аристотеля *De mundo*, гл.7; равным образом у Плутарха, у Иустина мученика, у Ориген *contra Cels*, в первых главах 6-й кн.

³⁷⁵ - Орфическому.

³⁷⁶ - Место это из Платона уже приведено выше в гл.19-й.

³⁷⁷ - От сестры его Потоны, как свидетельствуют Свиды и Лаэций в начале кн.4.

³⁷⁸ - Намек кажется на Евр.4:8,9,11: Ибо если бы Иисус (Навин) им доставил покой, то не было бы после того сказано о другом дне. Посему для народа Божия еще остается субботство. Итак, постараемся войти в покой оный.

³⁷⁹ - Это место из пророка уже было приводимо писателем в конце «Педагога» 1:10. Из сравнения открывается, что оно и там и здесь приводимо было писателем по памяти.

³⁸⁰ - Добавка, имеющая в виду Стоиков, которые в добродетели Божественной и человеческой видели одну и ту же добродетель. Против сего мнения их писатель борется в *Стром.7:14*.

³⁸¹ - Выражение в 1-й раз употребленное св. Климентом Римским в конце 1-го посл. После чего кн. Притчей называли так не только наш писатель, но и Егезипп, Ириней «и весь хор древних» как у Евсев, в *Ист.4:18*.

³⁸² - Дальнейшее собой представляет некоторое сдружение с учением Апостольским ранее приведенного из Платона.

³⁸³ - Словечком «первый» писатель различает законный брачный союз от конкубината. Позволительность второго брака по смерти одного из супругов открывается из 1-й гл. следующей книги «Стромат».

- ³⁸⁴ - В кн.6 De legibus.
- ³⁸⁵ - Намек на похождения с Эпикуром и Эпикурейцами эпикуреянки Леонтион.
- ³⁸⁶ - Не Софокла, а Эсхила в его «Хоефорах» ст.503.
- ³⁸⁷ - Платон «О законах» в кн.4,6.
- ³⁸⁸ - В дальнейшем писатель излагает уже свои взгляды на брак.
- ³⁸⁹ - У Еврипида в «Гекубе» ст.569–70.
- ³⁹⁰ - От таких супружеских союзов в Плероме родились, но учению Валентиниан, Эоны. Ирин. I, 12: «Посему они утверждали, что всячески должно заботиться об устройении тайны брачного соприжения и внушали простакам, что «кто в веке сем женщины не любил и не состоял в связях с ней, тот несть от истины и во истину не отыдет».
- ³⁹¹ - Срав. в «Стром.» V, 14. Блаж. Епифаний в I, 31 передает между прочим такое изложение из их учения: «Монада и Единое произвели остальные истечения Эонов».
- ³⁹² - Но в данном месте Евангелия различается еще третий род скопцов ради царства небесного. Далее писатель упоминает и об этом третьем роде эвнухов.
- ³⁹³ - Разумеются атлеты и певцы. Срав. ниже в гл. 6. также у Ювенала в сатире XI ст. 156. Такой воздержностью был известен напр. Амэбей, певец и игрок на цитре. Из Стобея известно, что Диоген упрекал всех этого рода людей за корыстность воздержания, а не ради его самого.
- ³⁹⁴ - По-видимому Исидор различал два рода христиан, совершенных и немощных; одни возносят к Богу молитвы лишь благодарственные за свою веру в добро и в оном твердость; другие же, менее стойкие, страшась падений, нуждались в молитвах просительных, которыми призывалась бы помощь Божественной благодати. Дальнейшее собою и представляет обращение именно к этому второму разряду христиан.
- ³⁹⁵ - Все доселе сказанное согласуется со словом Апостольским, 1Кор. 7, 9. Не из-за сего писатель и полемизирует против Исидора, а из-за дальнейшего.
- ³⁹⁶ - Т. е. если я и буду посещать церковные собрания.

³⁹⁷ - Обращение за благословением к брату из верных или к священнику нечестивое, потому что испрашивается оно на дело нечестивое.

³⁹⁸ - Срав, что пишет против Валентиниан в гл. 29 и др. Тертуллиан и св. Иринея I, 10.

³⁹⁹ - Подобное повествуют о них Евсевий в Истор. 4, 7; св. Иринея I, 34; св. Иустин в «Разговор с Трифоном»; Афенагор в «Посольстве»; Минуций в «Октавии»; Тертуллиан в «Апологии» и «К жене»; Ориген в соч. против Цельса; Епифаний в кн. 1 против ересей.

⁴⁰⁰ - Срав. св. Иринея 1, 2. Ранее Платона о Монаде учил Пифагор. Срав. в Стром. IV, 23.

⁴⁰¹ - Срав. Стром. II, гл. 18.

⁴⁰² - То же повествует о них Филастрий Бречьский в кн. «О ересьях», Феодорит Киррский в кн. 1 соч. «Об еретич. баснях», Тертуллиан в «Апологии» гл. 7 и 9; Минуций в «Октавии». Срав. Тертуллиана в гл. 35 «О душе» и у блаж. Августина «Об ересьях» в гл. 7.

⁴⁰³ - Учение Платона о сем предмете содержится в кн. 5 «О государстве». Объяснено оно согласно с Климентом и переводчиком на русский язык творений Платона, проф. Карповым. Из древних так же понимали это учение Ариан в толковании Епиктета 2, 4; Лукиан в «Беглецах»; Евсе соч. «Овий в «Доказ. Еванг.»; XIII, 19; Феодорит Киррский в законах»; Никита Хониат в кн. IV своего «Thesavri».

⁴⁰⁴ - Срав. в «Педагоге» 1, 7. К цитованным там местам можно присоединить еще Филона замечание против сего в его «De specialibus legibus»; Тертул. в «Апол.».

⁴⁰⁵ - Пифагор, по свидетельству Диогена Лаэртция, спрошенный раз: «Quando esset concubendum, Tunc, inquit, cum teipso fieri infirmior vis». И никогда он ни пищею себя не обременял ни питьем, ни Veneri operam dans. По Стобею Он admonebat: Ne saepe hominem ab homine, т.е. frequenti venereorum usu interdicens.

⁴⁰⁶ - Маркион благого и снисходительного Бога противопоставлял правосудному, неумолимому и бесчеловечному,

которого считал за Творца мира. Бог благий и неведомый, это Отец Господа. Другой Бог – Творец Мира, правосудный, которого еретик и злым называл. Материя, по существу своему зло и причина зла, сотворена еще каким-то Богом. Творец Мира получил ее уже в готовом виде и сотворил из нее все.

⁴⁰⁷ - Св. Иринея I, 34 о Татиане: «Браки corruptelas и fornicationes, подобно Маркиону и Сатурнину, называли».

⁴⁰⁸ - Об одном 90-летнем Маркионите Феодорит пишет: «Знал я некоего старца 90-летнего из этой секты Маркионитов, который утром вставая, лицо свое обмывал слюной, поплевав ее на руки. А когда его спросили о причине сего, он отвечал, что не хочет дела иметь с Творцом; ни водой, Им созданной, пользоваться. Когда же ему сказали: Зачем же ешь, пьешь, одеваешься, спишь и в таинствах принимаешь участие, он отвечал: «По необходимости все это делаю, потому что без этого жить бы не мог и в таинствах участвовать».

⁴⁰⁹ - О том, что мир сей есть для душ место казни, рассуждал еще Атеней, кн. IV. О Маркионитах и их ереси и о других подробно рассуждает Епифаний в «Панарии». О перелитии душ из тела в тело, как бы из вазы в вазу, учении Пифагорейском, упоминает Сенека, epist. 108. Епифаний усвоит учение о сем перелитии еще Симону волхву и отождествляет его с метемпсихозисом, душепреселением Пифагорейцев, Блаж. Августин, кн. LVIII, упоминает и об еретиках Метангисмонитах, которые предвечное рождение Сына от Отца себе представляли под формой переливания. Срав. Тертуллиана учение о сем в De anima гл. 33. Памелий возводит это его учение к Платонову в «Федоне» и других местах, где говорится, что души людские, смотря по жизни и заслугам, переселяются в различные роды животных. Бл. Иероним в посл. к Авиту говорит, что этим мнением Платона позаимствовался и Ориген. Св. Кирилл Александрийский опроверг его в толковании слов евангелиста Иоанна Он просвещает всех людей.

⁴¹⁰ - Срав. «Стромат IV в гл. 12; VI в гл. 4.

⁴¹¹ - Ему в сем сравнении подражал и Сирах: Как зеленеющие листья на густом дереве, одни спадают, а другие вырастают: так и род от плоти и крови, один умирает, а другой рождается (XIV, 19).

⁴¹² - Платон в «Политике».

⁴¹³ - Григорий Гюральд в книжке «О Пифагорейских символах» на основании Ямвлиха и Олимпиодора передает о Тимюхе, жене Пифагорейца Мюллия, лакедемонянке, что когда Дионисий вынуждал ее открыть тайну, почему Пифагором было запрещено употребление в пищу бобов, то она с остервенением себе прикусивши язык, потом выплюнула его в лицо тирану.

⁴¹⁴ - Об имени ученика, к которому обращены были Господом эти слова, евангелисты однако же умалчивают.

⁴¹⁵ - Этой фразы нет у Мф.; у Лк. же вместо нее стоит: Ты же иди, благовествуй царствие Божие. Быть может сие следуй за Мною писатель, приводя места из Писания по памяти, перенес сюда из предшествующего пункта.

⁴¹⁶ - Намек кажется на место из Рим. 6:11: Почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем. Или Кол. 3:5: Итак, умертвите земные члены ваши и т.д. Или же быть может имеется в виду здесь и другое подобное место из Писания.

⁴¹⁷ - В Стром. II, гл. 20. Сию историю Николая и Николаитов Евсевий отсюда буквально переносит в свою церков. историю III, 29. Отсюда же вносит ее в свои «Еретич. басни» и Феодорит III, 1.

⁴¹⁸ - Это Адамитяне, считавшие основателем своей секты некоего Продика.

⁴¹⁹ - Потому что дерево вырастает из семени, скрытого в древесном плоде. В приложении к предмету речи: если нет зла, то нет и начала, которое благому Богу противиться может. Разумеется место как будто из Мф. 7, 17–18.

⁴²⁰ - Еретики именно думали, что начало это, Богу противящееся, и составляет сущность зла.

⁴²¹ - Из «Кассандры» Ликофрона ст. 1414. Герод. 7, 35; Тук. 4; Арриан в кн. 5 и др.

⁴²² - Срав. сие же словопроизводство у св. Иустина в «Увещ. к Элл.»

⁴²³ - Или «мертвеца». Так писатель выше, в гл. 4-й, называет человеческое тело.

⁴²⁴ - Срав. под конец «Увещения».

⁴²⁵ - Это слово Христа Господа снова приводится в Excerpt. e Theod. и ниже в гл. 9. В последнем месте писатель свидетельствует, что оно заимствуется им из Евангелия Египтян.

⁴²⁶ - Тем же аргументом поражает Маркионитов, отрицавших брак, и Тертуллиан «Против Маркиона» под конец кн. 1.

⁴²⁷ - Таким образом некоторые еретики времен Климента утверждали тоже, что и жившие во времена Апостола Павла, что воскресение уже было, 2Тим. 2. 18. Так еще Менандр учил, что воскресают его ученики в крещении; и вследствие сего по ту сторону гроба не могут умереть, но пребывают не стареющимися и бессмертными. Так передают его учение св. Ириней 1, 21 и Тертуллиан «О душе», 50. В другом своем творении «О воскресении», 19, Тертуллиан опять упоминает, что под воскресением должно быть разумеемо оживотворение и возрождение в Боге, по принятии истинного учения, а по рассеянии в себе тьмы неведения, или иначе, по восстании из гробницы ветхого человека. Потом под воскресением последователей Господа нужно де разуметь облечение в Него в крещении».

⁴²⁸ - Евстахий в схолиях на 24 песнь Илиады замечает, что «атлеты во все время состязаний *non admittebantur ad coeundum cum feminis*. Гораций «О поэтич. искусстве» ст. 412: «Молодой человек. стремящийся достигнуть на ристалище намеченной цели, предварительно многое переносит и исполняет, много поту с него сходит и много он мерзнет, а также *abstinuit venere et vino*».

⁴²⁹ - О Крисоне Платон упоминает в «Протагоре»; в творении же своем «О законах», кн. VIII, между атлетами *abstinentibus se a rebus venereis* он перечисляет Криссона, Астюла и Диопомпа. Астюл, воспитанник Пифагора, пробежал

зараз три олимпийских стади и еще двойную стадию. Амэйбей кифароид за пение выручал в некоторые дни по таланту.

⁴³⁰ - Элиан «Различ. истории» 3, 30.

⁴³¹ - Элиан тоже повествует об Евбате киринеянина (Различ. Истор. 10, 2).

⁴³² - Срав. Стром. 4 в конце гл. 22.

⁴³³ - Деян. 21:8, 9. Но здесь говорится не об Апостоле Филиппе, одном из двенадцати, а о Филиппе, одном из семи диаконов. Климент Апостолом называет благовестника.

⁴³⁴ - В цитованном месте стоит: Ей, прошу тебя, «искренний сотрудник», помогай им, что относится к Синтихии. У древних Эллинов. особенно у Афинян, принято было иногда и к женщинам обращаться в мужес. роде, чему примеров много и у Гомера. Подобно сему и у нас «членом» того или другого общества называют и женщин. Соответственно сему напр, в Constit. Apostol. 3, 15 пастыри древней церкви обращаются и к женщинам, т.е. прилагательное ставя в мужеск. роде. Вот основание, почему наш писатель считает св. Павла женатым на Синтихии. Писавшие об Апостоле Павле и до сих пор на сей счет разномыслят. Срав. напр. и у Фаррара в «Жизнь и труды св. Апостола Павла». Древнецерковное же предание почти единогласно высказывается за постоянное безбрачие Апостола. Место в посл. св. Игнатия к Филадельфийцам, гл. 4, по-видимому тоже говорящее о брачной жизни Апостола, несомненно в этой части интерполировано.

⁴³⁵ - Срав. в Стром. 4, 15.

⁴³⁶ - Срав. Стром. 6 в гл. 12.

⁴³⁷ - На этот счет см. постановление в Constit. apost. 3, 15.

⁴³⁸ - Срав. в «Педагоге» 3, 12.

⁴³⁹ - Климент разделял заблуждение некоторых древних церковных писателей, Иосифа Флавия, Тертуллиана, Иустина, Ириней, Афенагора, Киприана, Лактанция, Евсевия и апокрифов, о падении ангелов чрез сближение с дочерьми человеческими (Быт. 6:1), тогда как все дело в неверном переводе на греческий гебраизма сыны Божии чрез Ангелы Божии. Ориген (Против Цельса, 5) и Кирилл Александрийский

(против Антропоморфитов, гл.17) не разделяли сей ошибки. У Климента она встречается еще в «Педаг.» 3, гл.2; Стром. 5, гл.1 и в др. мест.

⁴⁴⁰ - Думают, что сей Агафопод или Агафон одно лицо с тем Агафоподом, который сопровождал св. Игнатия на пути его в Рим к мученичеству. В послании к Смирнянам, гл. 10, ев. Игнатий пишет: «Очень хорошо вы сделали, что приняли как диаконов Христовых Филона, Гаия и Агафопода, которые последовали за мною».

⁴⁴¹ - Писатель о них уже имел случай сказать несколько слов в «Стром». 1, 15.

⁴⁴² - Выше в гл. 6-й.

⁴⁴³ - Во 2Кор, 4:16. О смерти же внешнего человека нужно понимать и это изречение: А сластолюбивая заживо умерла (1Тим. 5:6).

⁴⁴⁴ - Срав. «Педагога» 2, в гл. 10.

⁴⁴⁵ - Выражение, означающее не только того, кто, никогда не был женат, но и того, кто по смерти одной жены не женился на другой. Латинское *coelebs* в этом случае совершенно равно по значению греческому *αγαρος*. Посему Апостол говорит: А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем. Если же разведется, то должна оставаться «безбрачною» (1Кор. 7:10, 11).

⁴⁴⁶ - Имеется в виду Платоническое разделение души на три части: пожелательную, гневливую и разумную, о чем писатель уже говорил в начале 3-й кн. «Педагога».

⁴⁴⁷ - Другое разделение души. Так ученик Климента Ориген в «Филокалии»: «Человек состоит из тела, души и духа». Иринея 5, 9: «Совершенный человек состоит из тела, души и духа». Но еще прежде их св. Павел Апостол в 1Сол.: Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа.

⁴⁴⁸ - А может быть и из какогонибудь апокрифа.

⁴⁴⁹ - Срав. «Педаг.» 2, 10.

⁴⁵⁰ - Срав. Стром. 2, 18.

- ⁴⁵¹ - Срав. Сей же книги конец гл. 1-й и в гл. 12-й.
- ⁴⁵² - Подобное Платон в «Кратиле».
- ⁴⁵³ - Подобное ниже в гл. 18-й.
- ⁴⁵⁴ - 2Кор. 11:3; срав. выше в гл. 9-й.
- ⁴⁵⁵ - Срав. о Татиане у блаж. Епифания ересь 46.
- ⁴⁵⁶ - Срав. «Стромат» 1 в гл. 15.
- ⁴⁵⁷ - А вероятнее, что это слово заимствовано писателем из посл. Варнавы, гл. 11-й. Приведением его он хочет сказать, что телесное и материальное само по себе не греховно, а следов. и брак и вкушение вина и мяса.
- ⁴⁵⁸ - Срав. говоримое писателем о сем же недалеко от конца сей книги.
- ⁴⁵⁹ - Срав. в конце последи. послания к Коринфянам Климента Римского. Аналогичное сему изречение представляется в Лк. 20:35.
- ⁴⁶⁰ - Срав. Стром. IV, в гл. 12.
- ⁴⁶¹ - Пифагор и Платон учили, что существуют души бестелесные, опускаемые в тела лишь по впадении в какой-либо грех в наказание за то.
- ⁴⁶² - Подобное выше в гл. 6-й: «И древние праведники разве не с благодарностью пользовались своею долею из вещей сотворенных»?
- ⁴⁶³ - Писатель хочет сказать этим, что под отцом и остальными близкими Спаситель разумеет общество, а когда за тем Он же заповедует ненавидеть их, то следует разуместь под сим заповедь не увлекаться гражданскими порядками.
- ⁴⁶⁴ - На язык современный это место из пророка можно бы передать так; «Курс дел их будет стоять высоко, твердо и неизменно; и детей будут они рождать не на отвращение к ним и проклятие, т.е. на бытие равное небытию, а на бытие субстанциальное», достигающее известных благих целей.
- ⁴⁶⁵ - Св. Климент Римский приводит эти же слова Иова в своем 1-м послании к Кор. в гл. 17-й; это место из него нашим

писателем приводится ниже в Стром. IV, гл. 17-й же.

⁴⁶⁶ - Шире о сем в «Стром.» VII, гл. 12-й.

⁴⁶⁷ - Выше в начале гл 13-й он назван основателем секты Докетов, учивших что Христос имел тело не действительное, а призрачное.

⁴⁶⁸ - Эти слова о Христе изъясняет вместе с другими отцами и наш писатель в «Педагоге» 3 под конец гл. 1-й и в «Стром.» 2 в гл. 5-й.

⁴⁶⁹ - Соломона писатель называет пророком и в следующей главе и в «Стром.» VI, 15.

⁴⁷⁰ - Срав. ниже в гл. 8, 18, 20, 21.

⁴⁷¹ - Срав. Стром. I, 1 и Стром. VI, 11.

⁴⁷² - Гезиода «Дела и Дни», V, 288–90.

⁴⁷³ - Срав. Стром. V, 2; VI, 17.

⁴⁷⁴ - В Афинах был обычай, чтобы дети в праздник «Пюаненей» приносили к храму Аполлона ветвь оливкового дерева, обвитую шерстью и увешанную разного рода плодами. При сем хор мальчиков пел в честь Аполлона гимн, в коем были и два с вышеприведенным содержанием стиха. Это было даром Аполлону за плодородие.

⁴⁷⁵ - Писатель сим хочет сказать следующее: Ангелам и иным духам небесным свойственна наравне с человеком жизнь, следовательно, нечто общее, но общим сим в жизни и людей и небожителей может быть только познание; мудрость следовательно, т.е. умеренность и воздержность, входят в понятие познания и в сущности от него не отличны.

⁴⁷⁶ - Подобное в «Увещ.» недалеко от начала.

⁴⁷⁷ - Мысль из Платонова «Федона».

⁴⁷⁸ - Довольно известны надгробные над ними речи напр. Перикла во II-й кн. истории Фукидида, Лисиева и Демосфена. И Платонов «Менексен» часто впоследствии служил вместо надгробной речи.

⁴⁷⁹ - Подражание Платону. Срав. недалеко от начала VII кн. его творения «О государстве».

⁴⁸⁰ - Намек на Мф. 20:21, где мать сынов Заведеевых просит Христа Спасителя, чтобы предоставлены были места им, одному по правую сторону трона Его, другому по левую. Срав. ниже в гл. 8-й.

⁴⁸¹ - Подобное в «Менексене», в диалоге «О законах». То же Вергилий в IV Георг. ст, 216, 217 и в Энеиде II, 417.

⁴⁸² - Срав. Ирин, IV, 64 и III, 20.

⁴⁸³ - Аристотель приводит сие изречение в 1-й кн. своей «Ифики» к Ником. Тоже Платон повторяет в I и II кн. «О законах». Срав. Стром. II, 16.

⁴⁸⁴ - Платон в кн. VII «О государстве».

⁴⁸⁵ - Подобное ниже в гл. 22.

⁴⁸⁶ - Срав. выше в гл. 4.

⁴⁸⁷ - Писатель хочет сказать, что те совершеннее, кои устроят свою жизнь чрез уподобление ее жизни Спасителя; живущие же последованием лишь образу Божию, в них напечатленному, менее совершенны. В других местах писатель Христа называет «образом» Божиим, а человека «образом образа» Божия. Срав. «Увещ.» в гл. 10 и Стром. V, 14, также в «Педагог» I, 12.

⁴⁸⁸ - Дальнейшие тексты писателем приводятся так, как они приведены в первом посл. св. Климента Римского к Коринфянам.

⁴⁸⁹ - Срав. в Стром. I, гл. 24.

⁴⁹⁰ - Под конец «Федона».

⁴⁹¹ - Это Стоики, учившие, что «Печаль есть противуразумная тоска, стеснение души», а «милосердие, сострадательность, – один из главных видов сей тоски». Так свидетельствует о сем Лаэций в «Зеноне», VII, 3. – Цицерон в «Тускуланских беседах», кн. IV: «Сострадательность есть скорбь о другом, несправедливо угнетаемом». Посему как оное, так и все другие состояния, нарушающие спокойствие души, Стоики считали недостойным мужа мудрого, как свидетельствует о сем Диоген в той же кн. отдел. 123. Отсюда и мнение Зенона, приводимое между другими

Цицероном в речи «за Л. Мурену»: «Только глупец сострадателен».

⁴⁹² - Человек совершенный по учению Стоиков непременно безстрастен. Срав. «Педаг.» I, 2.

⁴⁹³ - Объясняются эти по-видимому разночтения так: Между древними кодексами священных книг, принадлежавшими церквам и частным лицам, были такие, кои выходили из-под рук книгопродавцев чистыми и от всяких примечаний на полях почти свободными; такими поступали они и в церковные книгохранилища; но здесь на пользу читателей они почти тотчас же снабжались глоссами и схолиями, которые вносились или между строками или на полях писались; погружавшиеся в изучение свящ. Писания этими примечаниями дорожили, себе проясняя ими смысл Писания и его поучительнее чрез то делая. Одним из таких кодексов по-видимому пользовался и наш писатель. Срав. впрочем Оригена «Против Цельса» II, 27.

⁴⁹⁴ - О разночтении сего места Климентом сравнительно с принятым у нас срав. примеч. в кн. I-й «Педагога», в гл. 6-й.

⁴⁹⁵ - Из Платонова «Федона».

⁴⁹⁶ - Феодорит Киррский во «Врачестве» это изречение Эпихарма объясняет о людях, ничему кроме предносимого чувствами не верящих.

⁴⁹⁷ - Подобное сему пишет Сенека в письме своем 88-м: «Вера есть священнейшее груди человеческой благо. Никакой необходимостью нельзя вынудить к отпадению от нее; никакой ценой соблазнить к тому. Жги, режь, убивай, говорит поэт; я не изменю ей. Чем бóльших секретов добивается меня опечаливающий, тем больше я их скрываю».

⁴⁹⁸ - Софоклова «Антигона» ст. 460.

⁴⁹⁹ - Соединение 2Тим. 1:7 с Рим. 8:15.

⁵⁰⁰ - Подобное сему писал Александру Индус Галан по показанию Филона в его книге «Quod omnis probus sit liber»: «Галан Александру. Друзья тебе советуют с философами Индусов поступить насильственно. Но твоим друзьям и во сне не снилось, к чему те мудрецы способны. Тела их ты можешь переносить с места на место, над душами же их ты

невластен и вынудить их вопреки их желанию на какое-либо дело столь же мало имеешь возможности, как заставить камни говорить или дерево. Огонь телам причиняет величайшие страдания и гибель, но и его мы презираем и живые в него бросаемся». Срав. выше «Стром.» II в гл. 20.

⁵⁰¹ - Платон говорит буквально следующее (кн. II): «Если слова мои довольно жестки, то не думай, Сократ, что это говорю я; говорят те, которые предпочитают несправедливость справедливости; они полагают, что такого праведника будут сечь, пытать и держать в оковах, что ему выжгут и выколют глаза и что наконец, испытав все роды мучений, он пригвожден будет ко кресту и узнает, что человеку надобно не быть, а казаться праведником».

⁵⁰² - Слова Амфиарая, коими в «Гюпсифиле» Еврипида он утешает мать Архемора, чрезвычайно горевавшую о смерти сына.

⁵⁰³ - Разумеются подражатели терпению древнего Эзопа.

⁵⁰⁴ - Ливий, Сенека, Плутарх и др. повествуют это не о Постумии, а о Муции Сцеволе.

⁵⁰⁵ - Плутарх называет сего тирана Никокреоном, а Ориген («против Цельса» VII, 54) Аристокреоном.

⁵⁰⁶ - По свидетельству Геродота (IV, 95) Замолкс был почитаем особенно Гетами, одним из фракийских племен.

⁵⁰⁷ - Геродот называет их храбрейшими и честнейшими из всех фракиян.

⁵⁰⁸ - Ориген «против Цельса» I., 55 и III, 54, называет его рабом Пифагора.

⁵⁰⁹ - Срав. «Педаг.» I, 4.

⁵¹⁰ - Письмо это приводится Диогеном Лаэртцем в жизни Эпикура X, 122. – Срав. Горация, который был учеником Эпикура, посл. 4, ст. 32 и д.

⁵¹¹ - «Пастырь» Ермы кн. I, вид. 4.

⁵¹² - Примеры сего в посл. к Смирнянам св. Поликарпа гл. 6. – Тоже рассказывает Евсевий в своей церк. истории IV, 15.

⁵¹³ - Срав. Стром. VII, в гл. 16

⁵¹⁴ - Справ. с сим местом книжку Сенеки De Providentia, или Cur bonis occidat mala, cum sit Providentia.

⁵¹⁵ - Из 2-й кн. Платонова творения «О государстве». Справ. выше сей же кн. в гл. 7-й.

⁵¹⁶ - Тертуллиан в начале своей Апологии развивает этот аргумент шире.

⁵¹⁷ - Из Платоновой «Апологии Сократа».

⁵¹⁸ - Справ. Стром. I, 17.

⁵¹⁹ - Намек на обычай древних художников давать лицам, изображаемым в художественных их произведениях, имена, чтобы легче те образы распознавать. Валентин пользуется в своем учении сим обычаем как образом. Невидимый высший Бог, по нему, чтобы внушить веру к своему образу. т.е. к образу его в лице Творца мира, сформированному матерью Мудростию, сообщил ему имя «Бога».

⁵²⁰ - Что тайное знание передано было лишь немногим, о сем писатель говорил уже Стром. I, 21.

⁵²¹ - Писатель хочет сказать, что воздерживаться от идоложертвенного и прочего, что запрещено в «Деяниях Апостольских», безусловно необходимо. Воздерживаться же от того, что у Апостола перечислено, следует для избежания лишь соблазна.

⁵²² - Намек на сказанное ранее в Стром. III, гл. 6-й о св. Павле Апостоле.

⁵²³ - Противуположение общего вероучения тайному знанию, преподанному только немногим.

⁵²⁴ - Намек на манеру древних рисовать женщину, злоумышляющую против мужчины, в виде змеи, откусывающей у змея голову, потому что, как говорит Плиний в своей естественной истории X, 62: Viperae mas caput inserit in os, quod illa abrodit voluptatis dulcedine.

⁵²⁵ - Фраза вставленная писателем очевидно из-за еретиков, отрицавших благодать Божию.

⁵²⁶ - «Он есть дверь Отчая, чрез которую вошли Авраам, Исаак, Иаков, пророки, Апостолы и прочая церковь», как говорит св. Игнатий в послании к Филадельфийцам (гл. 9).

⁵²⁷ - Некоторые из древних отцов и учителей церкви называли «Апостолами» и мужей Апостольских. Срав. Стром. III, в гл. 6.

⁵²⁸ - Дальнейшее заимствовано с некоторыми сокращениями, вставками и изменениями приспособительно к своей цели из глав 9–12, 17, 18, 21, 22, 38, 40, 41, 48–50 и след. того же послания Климента Римского к Коринфянам.

⁵²⁹ - День седьмой у Евреев был посвящен покою, а восьмой возвращению к трудам. Первым из своих выражений писатель посему хочет сказать, что «должно оставлять зло», а вторым и «приниматься за добро».

⁵³⁰ - С некоторыми изменениями и опущениями заимствовано из того же посл. св. Климента Римского к Коринфянам, гл. 48–50 и дальнейших.

⁵³¹ - Срав. Стром. I, 20.

⁵³² - Обещанию чего глаз не видел и на сердце человеку не входило, противопоставляется обетование вещей, не превышающих человеческого разума.

⁵³³ - Египетский фараон, основатель XXIV династии; подлинное имя: «Тафнахтут».

⁵³⁴ - Плутарх в биографии Димитрия называет эту гетеру Фонидой и приводит суждение об эхом процессе гетеры Ламии, находившей, что отказ в плате ей был несправедлив, потому что ее пожелание к деньгам тенью их не было удовлетворено, как удовлетворена была во сне страсть молодого человека.

⁵³⁵ - Суждение о любви сократическое и платоническое.

⁵³⁶ - Ерма в «Пастыре» говорит об Ангеле покаяния и об Ангеле наказания. «И иные, – говорит он, – ангелы есть: ангелы смерти, мира, брака, девственности» и иных, почти всех вещей. Отсюда вера, что при восходе души на небо присутствуют и все эти Ангелы. И Спаситель говорит, что душа Лазаря несена была на лоно Авраамле Ангелами (Лк.16: 22). Варнава в гл. 18-й своего послания пишет: «Два пути учения и власти, один света, другой тьмы. Но велико различие между двумя этими путями. На одном поставлены светоносные Ангелы Божии, на другом ангелы сатаны. Отсюда в «Постановл. Апост.» VIII, 41: «Ангелов

безмятежных поставь при нем и соприми его в лоно патриархов» и проч.

⁵³⁷ - Стоики. Они учили о страстях разумных и разуму непослушных. Пожелание относили к последним.

⁵³⁸ - Срав. «Педагог» I, 4.

⁵³⁹ - Дальнейшее с некоторыми изменениями заимствовано из посл. св. Климента Римского к Коринфянам гл. 53.

⁵⁴⁰ - Диона Хрисостома, жившего во времена императора Траяна.

⁵⁴¹ - В память ее Афиняне поставили, при входе в Акрополис, статую в виде медной львицы, лишенной языка. Гневливостью сего животного была обозначена непобедимая твердость Леэны, отсутствием же языка ее молчание и хранение тайны.

⁵⁴² - Когда мужчины Аргивские все перебиты были в войне против Клеомена, царя Спартанского, то защищали Аргос Аргивские женщины под предводительством Телесиллы. В память ее подле храма Венеры и статуя была поставлена: при ногах свитки стихов, в руке шлем, на который она смотрит, готовясь его надеть на голову.

⁵⁴³ - Няньки Телемака, сына Одиссеева.

⁵⁴⁴ - Дочери Геркулеса и Дейяниры; она сама себя по совету оракула предала на смерть, чтобы доставить Афинянам победу.

⁵⁴⁵ - Срав. «Педагог» II, 10.

⁵⁴⁶ - Жена Милона Кротонянина.

⁵⁴⁷ - Тоже дочь Пифагора и Феано. Писала Вакхические стихотворения и другие философские, по свидетельству Свида.

⁵⁴⁸ - Учитель Карвеада, соученик Зенона Киттиянина, ученик Филона Диодора Кроноса.

⁵⁴⁹ - Об Аспазии сей, дочери Аксиоха, Платон сам говорит в своем «Менексене», а Аристофан в «Ахарнях», Плутарх в «Перикле».

⁵⁵⁰ - Это не дочь Пифагора, выше упомянутая, а другая, Свида говорит о трех знаменитых женщинах с этим именем: о Мюие феспийской, писавшей лирические стихи; о Мюие,

спартанской поэтессе, написавшей гимны Аполлону и Артемиде; о Мюйе, дочери Пифагора и Феано, самосянке.

⁵⁵¹ - Таковы Ревекка, Быт. 24:15; Рахиль, Быт. 29:6; Сепфора и ее сестры Исх. 2:6.

⁵⁵² - Прелестный характер этой львицы, дочери царя Феаков Алкиноя, изображен Гомером в VI рапсодии его Одиссеи.

⁵⁵³ - Эпиктет в начале своего «Енхиридиона»: Из вещей некоторые совершенно от нас зависят, другие нет, что в нашей власти, то по самой своей природе свободно; не может быть то ни воспрещено, ни затруднено каким-либо образом. А что не зависит от нас, то нетвердо, раболепно, зависимо от препятствий, нам чуждо».

⁵⁵⁴ - Но может быть здесь содержится намек и на языческий обычай обращать гробницы и места погребения умерших в храмы богам. Срав. «Увещ. к Эллин.» гл. 4.

⁵⁵⁵ - Срав. Увещ. гл. XI; Пед. I, 2 и примеч. наше в Пед. I, гл. 12.

⁵⁵⁶ - Плутарх в книжке De curiositate и автор Etymologicæ magnæ.

⁵⁵⁷ - Климент вместо καίους в Рим. XIII, 11 читал Κύριος.

⁵⁵⁸ - Срав. «Педаг.» I, 2.

⁵⁵⁹ - Намек на Гомерический стих Αὐτὰρ ἐγὼν αὐτὸς ἐμὲ λύσομαι.

⁵⁶⁰ - Последующее об исправлении и наказании срав. с тем, что Сенекой передано из Платона в кн. I, гл. последней «De ira».

⁵⁶¹ - Срав. в «Стром.» VI, гл. 14.

⁵⁶² - По-видимому, это стих из какого-то неизвестного нам стихотворения.

⁵⁶³ - И по другим отцам церкви Бог Отец лично не открывался никогда, а только чрез Сына (Ин. 1:18).

⁵⁶⁴ - Писатель хочет сказать, что Сын представляет Собою существо единое не в том смысле, в каком суть нечто единое вещи, собранные в одном месте; и не многое Он, из множества

частей состоящее; а в том, что в своем единстве, истинном и личном, Он все объемлет. Потому далее Он сравнивается с кругом, фигура которого не имеет ни начала ни конца, но от какого бы пункта вы ни начали путь, он оканчивается при начале его.

⁵⁶⁵ - Образ заимствуется от круга.

⁵⁶⁶ - Срав. ту же мысль в гл. предшествующей в Стром. V, 11; VII, 7.

⁵⁶⁷ - Говорится это быть может с отношением к Быт.3:1–6, 11–13, 17.

⁵⁶⁸ - Древние разделяли небо на 8 сфер, из коих в семи низших блуждали планеты, а в восьмой они полагали звезды неподвижные; отсюда эта 8-я сфера приходилась ближайшею к миру духов разумных или умов высших.

⁵⁶⁹ - Платон в «Федоне»: «Если душа отрешается от тела грязною и неочищенною, поколику находилась во всегдашнем общении с ним, служила ему, любила его, была очаровываема пожеланиями и страстями, так что ничего не почитала истинным кроме телесного, что можно осязать, видеть, пить, есть и прилагать к делам любовным, а темного для глаз и безвидного, мысленного и одобряемого философию, обыкновенно не терпела, боялась и убегала: такая душа, переложенная телесными свойствами, внедренными в нее жизнью плотскою и общением с телом, которое пользовалось всегдашним ее вниманием и заботливостью, должна быть земнородна и видима и с такими свойствами тяготеет и влечется опять к видимому и блуждает около склепов и гробниц, где в самом деле видали телесные явления душ, какими действительно представляются образы их, когда они не чисто отрешились, но удержали в себе видимое, вследствие чего и бывают видимы».

⁵⁷⁰ - Разумеется возрождение в водах крещения.

⁵⁷¹ - Это из трагедии Еврипида «Вакх» ст. 465 и д.

⁵⁷² - Овидий в кн. I своих «Метаморфоз»: «Между тем как все прочие животные смотрят на землю, наклонясь вперед,

человеку Бог дал лицо, обращенное к небу, поднятое вверх, повелев ему глядеть на небо и обращаться взорами к звездам».

⁵⁷³ - То же определение мудрости в «Пед.» II, 2; «Стром.» VI, 15, 17; VII, 12.

⁵⁷⁴ - Платоники иногда различали две части души, разумную и неразумную, иногда три, способную к разумению, к гневливости и к пожеланиям. Так передают Аристотель «О душе». III, 9, Плутарх и другие. Отсюда по Платону частные добродетели суть совершенство определенных частей души; праведность же есть совершенство всей души; отсюда происходит, что все остальные части души при ней находятся во взаимном согласии, и с душой во всей ее целости они состоят тогда в гармонии; и каждая в частности обнаруживает совершенство ей свойственное, чуждой же ей способности не касается; разум при сем повелевает, остальные все части души его слушаются. Итак, по Платону праведность есть некая сила, соглашающая и объединяющая друг с другом три части души, причем каждая при своем остается и действует как следует. Стоики же различали в душе восемь частей, так передает о сем Лаэртций VII, 157: пять чувств, производительную, дар слова и разум. – Подобное же Варрон в кн. VIII, De lingua Latina и Плутарх De placitis philosoph. IV, 4.

⁵⁷⁵ - Говорится это в смысле учения Стоиков. Диоген Лаэртций в «Зеноне» VII, 105. говорить о них: «Из вещей же безразличных одни называют они «предпочитаемыми», другие же отвергаемыми». К числу первых они относили напр. ум, здоровье, славу и т.п.; к другому же разряду: тупость, дряхлость, незнатность и т.п.; и те и другие у них не назывались ни добрыми, ни злыми; эти эпитеты они усвоили только добродетели и пороку. Тоже Цицерон в кн. III. De fin.

⁵⁷⁶ - Аристотель в Ифике к Никомаху, I, 8: «Блага же суть троякого вида: душевные, телесные и внешние.

⁵⁷⁷ - Т.е. в душе сохраняя заповедь Христову Мк. 17:32: Помните жену Лотову (Быт. 19:26).

⁵⁷⁸ - Полный текст: Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, не может быть от

Тебя! Судия всей земли поступит ли несправедливо?

⁵⁷⁹ - В кн. Царств последующего нет, а писатель просто соединяет разные места из кн. Иова.

⁵⁸⁰ - Срав. 2-ю сатиру Персия.

⁵⁸¹ - О молитве рассуждает писатель в «Строматах» VII.

⁵⁸² - О том, что добрые дела вопиют к Богу нет прямого выражения в Писании; но дело это понятно и само по себе. Если дела злые вопиют об отмщении (Иак. 5:4; Быт. 4:10), то тем паче дела добрые о защите их.

⁵⁸³ - Эти эпитеты все встречаются у Гомера в Ил. II, 632, 714; I, 264; VII, 47; Одис. XIII, 89; Ил. I, 131 и в др. местах.

⁵⁸⁴ - Подобное у Горация кн. II, ода 20; у Еврипида же между фрагментами.

⁵⁸⁵ - Т.е. в Иерусалим небесный (Гал. 4:26). Срав. Диогена Лаэртца в «Анаксагоре».

⁵⁸⁶ - Элиан (var. hist. Ш, 18) называет Гипербореев «счастливейшими». Живут они, по баснословию иных, по тысяче лет. Страбон в кн. XV своей географии соглашается с тем, что говорят о них Симонид, Пиндар и другие мифологи. О них нечто сообщает и Диодор Сицилийский в кн. II своей «Исторической библиотеки». Геродот о них повествует в «Мельпомене».

⁵⁸⁷ - Элисейские поля описывает Гомер в Одиссее IV, ст. 563 и д., а Вергилий в Энеиде VI, 637 и д.

⁵⁸⁸ - Разумеется 9-я кн. его творения «О государстве»; см. под конец.

⁵⁸⁹ - То есть вера, свойственная народу христианскому, массе христиан. Сей вере писатель противопоставляет веру Апостолов.

⁵⁹⁰ - Василид утверждал, что нерядовые разумение и вера, а также и царство небесное, свойственны некоторым людям по самой природе их и что они по самой своей природе, а не вследствие правого пользования своей волей, достигают подобия Божия и близости к Нему; вера, по его пониманию, была, так сказать, привита им при первоначальном творческом акте, а не вследствие доброй жизни она им свойственна или

вследствие усвоения учения; отсюда Климент говорит об усвоении Василидом творению красоты неисследимой, безмерной, высочайшей.

⁵⁹¹ - Стих этот встречается в «Скованном Прометее».

⁵⁹² - Относящееся сюда место находится в «Топике» Аристотеля, I, 11.

⁵⁹³ - Срав. Плутарха в биографии Нумы; Ливия в кн. I; Дионисия Галикарнасского во 2-й кн. «Римских древностей».

⁵⁹⁴ - В дальнейшем писатель следует Филону. Так этот рассуждает о сем праведнике в трактате «De Abrahamo» и «De nominum mutatione».

⁵⁹⁵ - Он, по некоторым, явился Аврааму (Быт. 18:1). Некоторые же называют Его Ангелом Божиим. Большая же часть древних отцов церкви разумеют под Явившимся Единородного Сына Божия. Срав. Иустина в «Разговоре с Трифоном».

⁵⁹⁶ - По Филону.

⁵⁹⁷ - Тоже Филон в «De nominum mutatione».

⁵⁹⁸ - Тоже по Филону.

⁵⁹⁹ - По Гераклиту огонь – начало всех вещей, им же все снова и разложено будет.

⁶⁰⁰ - Стоики учили о двоякой гибели мира, при посредстве воды и огня. Все, по их учению, произошло из взаимодействия между теплом и влажностью. И мир произошел из огня, после того как огненная субстанция его под влиянием воздуха превратилась во влажную. Отсюда и учение их о новом обращении мира в субстанцию огненную.

⁶⁰¹ - Как Гераклит, так и стоики учили, что мир имеет быть обновлен огнем. Ориген, «Против Цельса» (V, 20): «Стоики учат, что по истечении некоторого очень длинного периода времени сей мир сгорит, затем снова обновится и опять получит вид, по которому вполне будет походить на мир прежде существовавший». Потом он прибавляет: «Итак, слова «воскресения» они хотя и не употребляют, понятие же, выражаемое этим словом, они принимают». Против сего нужно заметить, что и Климент, и Ориген в сем слишком много чести уступают стоикам. Ни один стоик не мог в то верить, что христиане

понимают под словом «воскресение». Они верили, что те же самые люди, которые жили в мире, сгореть имеющем, они же самые возникнут для жизни и в мире, обновиться имеющем; и именно произойдет это таким же образом, как теперь происходит: они снова рождены будут прежними своими родителями и поведут прежний свой образ жизни, проживут столько же времени и так же, как жили прежде. Но это совсем не то, что христианское «воскресение». По христианскому пониманию, тела истлевшие силою Божественного всемогущества будут снова восстановлены и со своими бессмертными душами вновь соединятся для бессмертной жизни. Но это совсем не то, о чем учили стоики, будто человек в силу обыкновенного течения вещей в ином мире возродится для той же самой жизни. Подобные неуместные сравнения языческих и христианских учений лишь путь пролагали к разного рода искажениям откровенной истины; такие сопоставления еще и до сих пор иногда делаются; нужно же видеть в христианских учениях, по высшей духовности их, и высшую ступень, на которую возведено человечество.

⁶⁰² - Срав. «Педагог», III, 2; «Строматы», I, 17; III, 7.; VI, 17 и прочее.

⁶⁰³ - Флиясиянин Тимон первоначально был сценическим танцором; потом сделался учеником Пиррона и писал едкие стихи на философов. В стихах, приводимых Климентом, предлежит, очевидно, пародия на первые стихи Илиады.

⁶⁰⁴ - Все это различные формы силлогизмов, употреблявшихся в древних школах и новейших схоластических и более истощавшие человеческий дух, нежели ему служившие.

⁶⁰⁵ - Об этом обычае упоминает и Плутарх в «De auditu». Было обычно, целуя малых детей, касаться их уха и приглашать их к тому же; этим внушалось им, что тех, кто говорит им что-либо и тем желает им оказать полезное, они особенно должны слушаться.

⁶⁰⁶ - То есть христианской.

⁶⁰⁷ - Платон, «О государстве», книга V.

⁶⁰⁸ - Платон это говорит о душе, но Климент считал за более приличное применить к истине или истинному, то есть христианскому, учению.

⁶⁰⁹ - «Богом» – это добавка уже Климента, у Платона ее нет; о Боге у Платона говорится в данном месте особо.

⁶¹⁰ - Гесиода «Дела и Дни» I, 285.

⁶¹¹ - В кн. VI сих «Стромат» стих этот приписывается Еврипиду, филологи же приписывают сей стих то ему, то Алексису, то Гипполиту.

⁶¹² - И это стих из какого-то лирического поэта.

⁶¹³ - Из Платонова диалога «Алкивиад первый».

⁶¹⁴ - Слова Платона из VII кн. его творения «О государстве».

⁶¹⁵ - Вакх не был сначала богом пьянства, а поэтического одушевления. Приведенная пословица встречается в Платоновом «Федоне».

⁶¹⁶ - Неизвестный.

⁶¹⁷ - Намек на софистов и софистику, отравившую все древнее общество до самого верху. Сравн. Яр. еп. вед. 1884 г. Л. 48.

⁶¹⁸ - В «Федоне».

⁶¹⁹ - Из 2-й Истмийской оды Пиндара, ст. 9 и далее.

⁶²⁰ - По Плутарху, оракул сей так прозван был за то, что предпочитал болтливости лучше неясность и обоюдность в ответах. – Автор «Etymologici magni»: «Локсиасом прозван Аполлон за то, что собою означает он солнце, которое через зодиак идет кривым путем».

⁶²¹ - Место наравне с другими важное для уразумения источников, коими пользовался наш писатель. Плутарх, Symposiac. VIII, 7, приводя тот же аргумент, кажется, имел под рукой одного с Климентом автора.

⁶²² - Ему Юний приписывает и предшествующие два стиха.

⁶²³ - Влияние стоическое, потому что стоики гнев также причисляли к видам пожелания. Срав. у Стобея, Лаэрдия, Цицерона.

⁶²⁴ - Сравните говоримое Плутархом о Сулле.

⁶²⁵ - Подобное – Ямвлих в «Протрептике».

⁶²⁶ - То есть Изиды. Храмы Зевса пыльного и Бранхид у милетян тоже были без кровель.

⁶²⁷ - Были по Лукиану храмы без идолов и у египтян. По свидетельству Геродота и Страбона, были такие и у Персов. А Евсевий говорит, что были такие и в Греции во времена еще Кекропса. В I-й кн. сих «Стромат» наш автор свидетельствует, что до 170-го года *ab urbe condita* у римлян не было еще никаких изображений богов.

⁶²⁸ - «Небо – престол Божий», – говорит Писание. У египтян божество и изображалось то в виде мира, то судьбы или пяти звезд.

⁶²⁹ - «Финикиянки» Еврипида ст. 540.

⁶³⁰ - Все это иносказательное, таинственное значение скинии и ее утвари писателем изложено в настоящей главе по разным сочинениям Филона.

⁶³¹ - В «Теэтете».

⁶³² - Срав. «Педаг.» I, 7.

⁶³³ - С Адамом, Ноем, Авраамом и Моисеем.

⁶³⁴ - В еврейском языке в это слово входят буквы Йод, Ге, Вау, Ге.

⁶³⁵ - Так понимали евреи последние слова стиха 23-го в 16-й гл. кн. Левит.

⁶³⁶ - Дело в том, что здесь у Апостола стоит в подлиннике «*στολή*», одежда, как называет он преображенное тело, а не жилище, «*σκήνη*», как в русском переводе. Кажется, именно кроющуюся здесь мысль Климента развил впоследствии Ориген в соч. против Цельса кн. II, § 64-й (Яр. еп. вед. 1879 г. № 32 й).

⁶³⁷ - И Пиерий Валериан в XXXI кн. «*Hieroglyphica sive de sacris Aegyptiorum*», сходясь с Климентом в объяснении частностей сей картины, утверждает только, что не крокодил был на краю ее изображен, а гиппопотам и что это было в другом городе; значение же изображения он передает так:

«Родимся, стареем, живем, умираем: враждует против нас природа».

⁶³⁸ - То же – Гомер в 1-й рапсодии Илиады.

⁶³⁹ - Ибис в Египте был двух видов: черный, водившийся, по Аристотелю, только в Пелузиуме Нильской дельты, и белый – во всем Египте, кроме Пелузиума.

⁶⁴⁰ - Геродот (IV, гл. 127) называет этого царя Индафюрсом.

⁶⁴¹ - Этими были несколько загадочных слов, написанных на венке, поясе и ногах Артемиды Ефесской; списанные они служили заклинательным талисманом; и ходила молва, что пользование ими спасало от всяких опасностей, помогало в состязаниях и проч. Об этих таинственных словах Климент уже имел случай упоминать в Стром. I, гл. 15.

⁶⁴² - Вот эти-то слова и носили название и составляли содержание так называемых «Ефесских грамматик». Плутарх («Symposium», VII, 5) об этих волшебных грамотках пишет: «Колдуны людям бесноватым надевали их на шею и приказывали написанное на них прочитывать или же наизусть выучивать».

⁶⁴³ - Далее приводятся писателем выражения технические, которые содержат в себе все буквы греческого алфавита и предлагаемы были детям, вероятно, для утверждения их произношения. Но так как это была, по замечанию самого Климента, система воспитания египетского, то открывается, что и самое это воспитание пропитано было суевериями. Внушали суетную веру в какие-то магические слова, заучивали их; писатель, приводит даже три таких заговорки, что все нами, как само собой понятно, должно быть предано вечному забвению и осуждению. – Что же касается до словопроизводств нашего писателя, то они, при настоящем состоянии филологической науки, и малой критики не выдерживают.

⁶⁴⁴ - Подобное в «Пед.», III, 11 и «Стром.», II, 15.

⁶⁴⁵ - Порфирий из Херемона, писавшего об египтянах, передает, что жрецы египетские также рыбы вовсе не употребляли в пищу, а из четвероногих воздерживались от

однокопытных, многокопытных и безрогих, из птиц же от плотоядных. Срав. у Геродота и Диодора Сицилийского.

646 - Послание Варнавы, гл. 10.

647 - Платон в «Меноне» также очень хвалит эти стихи и советует их знать на память.

648 - Из Филона «De somniis» и др.

649 - Не в «Федоне», а в «Федре», где и духовная жизнь мудреца изображается в чертах, схожих с жизнью Климентова гностика.

650 - Сопоставляется христианин – исполнитель, работник, еще не подготовленный к созерцанию, – с ослом и волком.

651 - О правиле Пифагора «Не всем все должно быть открываемо» упоминает и Цицерон в предисл. к книге IV «Тускуланских бесед». – Лаэций свидетельствует, что учение Пифагора было неизвестно даже до времен Филолая и только он опубликовал его в трех книгах, которые Платон письмом просил купить за 100 мин.

652 - Принятию в Пифагорейскую школу предшествовали пять лет искуса. Кто за это время дурно вел себя или малопонятным оказывался, тот деньги, какие он принес с собой, получал вдвойне, а школу должен был оставить. На память о нем здесь ставили гробничный памятник или колонну. Точно так же поступали и с теми, кто вел себя не согласно с правилами школы или ее тайны оглашал. Ориген в сочинении против Цельса дважды (II, 12; III, 51) упоминает об этом пифагорейском обычае. – Св. Григорий Назианзин в одном из своих писем также делает шутливое применение из сего обычая.

653 - Место, заимствованное как будто из какого-то поэта.

654 - Упоминает о сем и Ориген – «Против Цельса», I.

655 - Намек на рассказ о сем египетского жреца Солону в Платоновом «Тимее».

656 - Полагали многие уже и из древних, что в мифах Гомера, Орфея и других древних поэтов сокрыты некоторые тайные учения. Так, уже Гераклит писал «De allegoris Homerici»; подобным образом думали и другие.

⁶⁵⁷ - По Аристотелю, началами познания могут быть или научные, сами по себе в себя внушающие веру; и ии вероятные, правдоподобные, которые хотя и кажутся истинными, на самом же деле должны еще оправдывать свою истинность.

⁶⁵⁸ - Прокл о Платоне также замечает, что он строго различал «λόγους» – традиционные мнения и «γνώσεις» – научно обоснованные.

⁶⁵⁹ - Посл. его гл. 6.

⁶⁶⁰ - То есть смыслом сего духовным и таинственным.

⁶⁶¹ - То есть христианами, возрожденными и воссозданными Спасителем.

⁶⁶² - Буквально нет таких слов в Писании, а по смыслу схожи с сим места: Ис. 40:13; Притч. 1:6; Сир. 1:6.

⁶⁶³ - Разумеется бочка Пандоры, из которой она, по решению Зевса, все зло на род человеческий высыпала (Гезиода «Дела и Дни», I, 94 и далее. Сравните «Илиада», XXIV, 527 и далее).

⁶⁶⁴ - Разумеется 2-е письмо Платона к Дионисию.

⁶⁶⁵ - В том же 2-м письме к Дионисию.

⁶⁶⁶ - Срав. о сем наше примеч. к «Неделе» I, в гл. 6-й.

⁶⁶⁷ - Гиппократ в Платоновом «Протагоре» спрашивает Сократа: «Душа же, Сократ, чем питается»? – Сократ: «Познаниями».

⁶⁶⁸ - Но Платон пишет об этом в смысле несколько ином, чем как хочется нашему писателю: «Сказания о богах я нелегко позволил бы рассказывать пред людьми неразумными и молодыми, а лучше велел бы молчать о них; когда же и настала бы необходимость говорить, то ради таинственности предмета у меня слушали бы о том весьма немногие, приносящие в жертву не свинью, а что-нибудь великое и редкое, так, чтобы слышать о сем досталось весьма немногим».

⁶⁶⁹ - Многое в этом роде говорящим выставляется Сократ в Платоновом «Федоне».

⁶⁷⁰ - Ближайшее к сему, по Филону.

⁶⁷¹ - Приводит это и св. Кирилл Александрийский в речи 1-й против Юлиана.

⁶⁷² - Нечто подобное у Филона в его *De nominum mutatione*.

⁶⁷³ - Разумеется запечатление крещением, в котором верующий свидетельствовал свою веру в три лица Пресвятой Троицы и соответственно этому был трижды погружаем в воду.

⁶⁷⁴ - Срав. Платон «О законах» в конце кн. X и в XII.

⁶⁷⁵ - Заимствование из какого-то апокрифа. Первые слова указывают на пророка Софонию, потому что в его книге есть подобная фраза.

⁶⁷⁶ - Слова эти из Платонова «Тимея» отцами церкви цитируются часто. Так, приводит их св. Кирилл в речи «Против Юлиана», Феодорит Кирский во «Врачестве», Григорий Назианзин в речи 2-й «О богословии», Иустин в «Апологии», II; Афинагор в «Посольстве»; Тертуллиан в «Апологии», II; автор «Recognitions» Климента; Минуций в «Октавии». – Сам писатель наш уже цитировал данное место в «Увещании», гл. 6.

⁶⁷⁷ - В 7-м письме.

⁶⁷⁸ - Подобное Филон в «*De nominum mutatione*».

⁶⁷⁹ - Разумеется платоническое разделение души на части: разумную, желательную и страстную. Срав. «Педаг.», III, 1.

⁶⁸⁰ - Гомерический эпитет. Ил. II, 560; XVIII, 339.

⁶⁸¹ - Подобное Филон в «*De confusione linguarum*». Срав. в «Стром.» II, 2.

⁶⁸² - Выражение, составленное по образцу встречающегося в «Федоне»: «Философы (мудрецы) ни о чем столько не заботятся, как умереть и мертвыми быть».

⁶⁸³ - Имена даются вещам для различения их одной от другой, а Бог, так как Он един и существа себе подобного или равного никакого и не имеет, то и ни в каком имени не нуждается. Отсюда же происходит, что Его природа, нам малопонятная и неизъяснимая, никаким особенным именем описана быть не может. Что Бог не имеет имени, это было постоянным учением как отцов, так и философов. Срав. «Пед.» I, 7; Иустина в «Апологиях», II, у Лактанция, у Минуция в

«Октавии», у Оригена в «Против Цельса», в «Recognitions» Климента, кн. V, и у иных.

⁶⁸⁴ - Подобное сему Филон в «De Confusione Linguarum».

⁶⁸⁵ - Понятие о вещи может быть составляемо или на основании свойств, ей присущих, или на основании ее отношения к чему-либо близкому. Понятие о Боге не может быть ни тем, ни другим образом составлено, потому что нет в Нем ни свойств никаких (акциденций), ни частей, ни иного чего-либо, что в Него, в Его существо было бы привзошедшим, ни такого, что Его к какой-либо иной вещи поставляло бы в какое-либо отношение.

⁶⁸⁶ - По-видимому, имеется в виду Аристотелево определение доказательства в «Analytica Posteriora», I, 2, где говорится, что оно составляется из истинного и первоначального, и непосредственного, и известнейшего, и прежнего, и оснований заключения. Так является истина, родственная тому, что сказывается. Отсюда писатель наш заключает, что касательно Бога что-либо доказываемо быть не может, потому что по отношению в Нему каких-либо начал, принципов не существует.

⁶⁸⁷ - Выражение Платона в «Федре».

⁶⁸⁸ - Под конец разговора.

⁶⁸⁹ - После Платон говорит о небе и его светилах.

⁶⁹⁰ - «Никомахова этика», VI, 3.

⁶⁹¹ - Срав. в «Увещании», гл. 5. – По свидетельству св. Иринея (II, 19), Демокрит учил первый, что «множество различных точно оттиснутых образов, спустившись из всеобщности в пустоту, образовали этот мир». – Минуций; «Что Демокрит? Хотя он и был первым изобретателем атомов, но по большей части не природу ли, которая создает образы, и не разум ли Богом называет»? Этими образами он объясняет происхождение решительно всего. – По Диогену Лаэртцию (IX, 44), Демокрит говорил, что «видим мы и другими чувствами пользуемся потому, что врываются в нас образы вещей». По Плутарху («De Placita philosophorum», V, I), он же происхождение снов объяснял присутствием в нас тех образов» – Отсюда

открывается, что он как будто не признавал бытия Божия. – Цицерон «De Natura Deorum», lib. II, пишет: «Бытие же богов мудрецами или отрицалось, что некоторым образом следует, например, из учений Демокрита и Эпикура об образах, или же было допускаемо; и за суждениями сих должна быть признана состоятельность и нечто прекрасное». – Наш же писатель из учения Демокрита выводит, что Демокрит волей-неволей, для того чтобы оставаться верным своему собственному учению и выводам из него, должен признавать бытие Божие, потому что образы те как в людей, так и в неразумных животных попадают, вторгаются и входят «из субстанции божественной», хотя Демокрит под сею последней» разумел не иное что как природу. – Цицерон в кн. I «О природе богов», гл. 12, пишет: «Демокрит же, относя к числу богов как образы свои и их круговращение, так и природу эту, которая создает эти образы и разносит, а равным образом и наши знание и разумение, – не в величайшем ли заблуждении находился?»

⁶⁹² - Наш писатель называет Духом («Πνεῦμα») то, что многие из философов называли «Умом» («νοῦς»). Некоторый свет на это может пролить Татиан – Св. Иустин философ в «Разговоре с Трифоном» в духе Платона говорит: «Душа божественна и бессмертна; и она часть есть властного Ума». И далее: «Нам предоставлено нашим умом Бога постигать».

⁶⁹³ - Писатель безмолвно как бы так добавляет: «Только в ином смысле» (срав. ниже текст из Книги Премудрости). Стоики думали, что Бог есть «ζῶον» бессмертное, animal immortale, как свидетельствует Лаэций. «Субстанцией же Божественной, – говорит он, – считают они весь мир и небо». То же утверждали остальные из глав Стоической школы, Хризипп, Посидоний и Антипатр; то есть им казалось, что мир есть огромное животное, образованное Божественной душой. – Сенека в письме 97-м: «Целое сие и единое, которое заключает нас в себе, и есть Бог». Поэтому-то, как говорит и ваш писатель, они и учили, что «Бог разлит по всей природе и проникает Собою всю материю». Срав. «Увещание» в гл. 5-й и «Стром.» I, гл. 11-й. – Секст Эмпирик в «Pyrrhoniae hypotyposes», III, 24, пишет: «Стоики же думали, что дух проникает («διήκον») всю

материю («διὰ καὶ τῶν εἰδεχθῶν»). То же Лаэций в «Зеноне». Цицерон в кн. II, гл. 40 своего сочинения «О природе богов» пишет: «Из этих презренных басней, сказующих что Бог содержится природою каждой вещи, землею под именем Цереры, морем под именем Нептуна, иного рода стихиями и вещами под иными именами, можешь понимать, кто такие боги и каковы они». Они же, стоики, говорили, что души людей и остальных животных, образовавшие себе соответственные тела, суть частички Бога. Сенека в месте уже цитированном: *Et socii ejus et membra sumus*. Вергилий о пчелах. *Georg. IV, 220: Esse apibus partem divinue mentis et haustus Aetherios dixere: Deum namque ire per omnes Terrosque, tractusque maris coelumque profundum*.

⁶⁹⁴ - Вся Тем быша (Ин. 1:3). Стоики также признавали Бога Творцом мира, но в каком смысле? Природу они разделяли на две части: одну – которая производит, другую – которая предоставляет себя в распоряжение первой и способна к восприятию на себя разных форм. В первой есть сила творящая; во второй материя; ни та, ни другая одна без другой быть не могут; Так передается учение о сем стоиков у Лактанция («*Divinae institutiones*», VII, 3).

⁶⁹⁵ - Так учили о материи Аристотель и другие, признавая, что прежде чем принять определенную форму, она существовала в виде безобразном.

⁶⁹⁶ - Срав. в «Увещании», гл. 5.

⁶⁹⁷ - Писатель наш уже упоминал о сем в «Увещании» в конце гл. 5-й. Кроме него, против сего писали Татиан в «Слове к эллинам», Феодорит во «Врачевстве» и Афинагор.

⁶⁹⁸ - Тиран одного памфилийского города, живший за тысячу лет до того времени, убивший своего отца-старца и старшего брата, совершивший также много и других преступлений.

⁶⁹⁹ - Приводит это место и св. Иустин в «Увещании к эллинам».

⁷⁰⁰ - Срав. примеч. в конце творения Оригена «О молитве».

⁷⁰¹ - В конце своего творения «О государстве».

⁷⁰² - То же изречение приведено в «Увещании», гл. 6.

⁷⁰³ - По-видимому, имеется в виду одно место из IX-й книги Платонова «Государства» или другое подобное. – Подобное Иустин в «Увещании к эллинам».

⁷⁰⁴ - По Платону, голова есть седалище руководительной, или разумной части души; сердце – гневливой, а печень – сластолюбивой части души. Подобное – Гераклит Понтийский в своем сочинении «О Гомерических аллегориях».

⁷⁰⁵ - Подобное – в «Увещании», гл. 9.

⁷⁰⁶ - Писатель наш часто говорит, что ум в человеке есть образ Сына Божия, подобно тому как Сын Божий есть образ Отца. Сравните в «Увещании», в середине гл. 10-й. Подобное – Ориген, «Против Цельса», VI, 63. Подражая сему Образу Отчему, люди становятся образами Отца менее совершенными, тогда как Сын Божий есть образ Отца совершенный.

⁷⁰⁷ - В середине диалога.

⁷⁰⁸ - Выводимый Платоном в его творении «О законах», кн. IV.

⁷⁰⁹ - Мнение стоиков о добре общеизвестно. Жить согласно с природою – это, по их учению, равнозначительно добродетельной жизни. И образ действий честный или правдивый свойствен людям только мудрым и от добродетели не может быть отделен. Срав. Цицерона в кн. III, «Об обязанностях». По Лаэртию, в «Зеноне», кн. VII, прекрасное и доброе для них было одно и то же.

⁷¹⁰ - Тарсянин, живший в середине II в. до Р. Хр. О нем упоминает Плутарх в своем сочинении «О душевном спокойствии».

⁷¹¹ - В Стром. I, гл. 22 писатель наш называет ему современником Птолемея Филометора.

⁷¹² - Данное, место см. под конец 3-й кн. «О государстве».

⁷¹³ - Немного ранее середины диалога.

⁷¹⁴ - «Дела и дни» I, 60.

⁷¹⁵ - Стоики учили, что душу мира составляет огонь; из одного же состоят звезды и небо; он-то всюду разливает жизнь и растительность.

⁷¹⁶ - Эта тирада из Демокрита уже приведена была писателем в «Увещании», в гл. 6-й.

⁷¹⁷ - Место это цитируется и Оригеном – «Против Цельса», VI, 18.

⁷¹⁸ - А это место приводил и Афинагор. Оно читается во 2-м письме Платона к Дионисию. Срав. у нашего писателя в «Увещании», гл. 6-й; у св. Иустина в Апологии 1-й; у Оригена «Против Цельса», кн. VI, гл. 18; у Кирилла Александрийского в первой речи «Против Юлиана».

⁷¹⁹ - Отцы о сей личности многие упоминают. Так, срав. у Иустина в «Увещании»; у Оригена во II кн. «Против Цельса»; у Кирилла в кн. VIII «Против Юлиана»; у Августина «О государстве Божием» в кн. XXII, гл. 28; у Феодорита в речи 11-й; наконец, наш писатель уже упоминал о нем в сей же книге выше. Из светских писателей см. у Плутарха в «Sympos.», кн. IX.

⁷²⁰ - Срав. выше «Стром.» V, 1.

⁷²¹ - Многое в этом роде Платон говорит в начале кн. VII-й своего творения «О государстве», где мир сей он сравнивает с жилищем на манер пещеры. Место, цитируемое нашим писателем, находится недалеко от начала книги.

⁷²² - Срав. «Стром.» IV, 22.

⁷²³ - В кн. X-й своего «Государства» в речи Эра, сына Армениева, о коем Климент наш упоминал несколько ранее.

⁷²⁴ - Срав. «Стром.» IV, 17.

⁷²⁵ - «Дела и Дни» ст. 6; месяц разумеется лунный.

⁷²⁶ - О сем обстоятельнее в «Стром.» VI, 16.

⁷²⁷ - В начале. Место это из Платона нашим писателем уже приводимо было «Стром.» IV, 7.

⁷²⁸ - Эта тирада из Ксенофана уже приведена была писателем в «Увещании», гл. 6.

⁷²⁹ - Сравните в «Увещании», гл. 6.

⁷³⁰ - Писателем уже приводимы были эти стихи Клеанфа в «Увещании», гл. 6.

⁷³¹ - Те же стихи в «Увещании», гл. 7.

- 732 - Те же стихи в «Увещании», гл. 7.
- 733 - Подобное – Платон в «Федре» и Цицерон в «Тускул. бесед.», кн. II.
- 734 - Уже приводим был сей стих в «Увещании», гл. 8.
- 735 - Эти стихи Орфея уже приведены были в «Увещании», гл. 7.
- 736 - Богини судьбы: Клото держала прялку жизни, Лахесис вела ее, а Атропос перерезывала нить жизни.
- 737 - Намек на Валентина и его эманационную теорию эонов. Срав. начало III-й кн. «Стромат».
- 738 - Мнение о сем христиан см. в конце VI кн. «Стромат».
- 739 - Намек на игру в «остракинду». Она состояла в том, что дети делились на две партии, одна из которых выбирала белый цвет, другая черный. Бросали черепок или раковину. Если она падала белой стороной кверху, то эта партия должна была преследовать другую, и наоборот.
- 740 - «О государстве», недалеко от начала кн. VII.
- 741 - Там же, под конец кн. III-й. – Срав. в сей же V-й кн. «Стромат» в гл. 14-й.
- 742 - Срав. «Строматы», кн. I, в гл. 19-й, и «Строматы», кн. VI, в гл. 5-й.
- 743 - Писатель хочет сказать, что имя Бога Отца верным возвещено через Сына; Бога же Творца имя язычникам известно из дел творения.
- 744 - «О государстве», книга X.
- 745 - Срав. «Педагог», кн. I, гл. 8.
- 746 - Или Пиндар, или Вакхилид.
- 747 - Срав. начало II-й кн. «Стромат».
- 748 - Св. Василий Великий в трактате «О чтении греческих писателей» обстоятельнейшим образом разъяснил это.
- 749 - Срав. «Стром.» 1 к концу гл. 1-й.
- 750 - По Павзанию: на острове Эгине.
- 751 - Повторение аргумента, приведенного Филоном в трактате «О десятословии»

⁷⁵² - Водяные часы в роде позднейших песочных: узкогорлый сосуд с широким дырявым дном.

⁷⁵³ - Ношения свящ. изображений в праздники и обетные дни.

⁷⁵⁴ - Срав. Стром. 1:19, и 5:14 к концу.

⁷⁵⁵ - Срав. Стром. 6:7.

⁷⁵⁶ - Подобное в «Пастыре» Эрмы 2:1.

⁷⁵⁷ - Срав. посл. Варнавы гл. 6 и Стром. 5:10.

⁷⁵⁸ - Различение троякого рода идолослужения: 1) обоготворение вещей, жизни лишенных; 2) животных; 3) почитание мертвых людей.

⁷⁵⁹ - По мнению Спенсера разумеется может быть не столько иудеи, сколько иудействующие ученики Керинфа, обесславившие себя исключительным почитанием Ангелов.

⁷⁶⁰ - Дальнейшее, как и слова св. Петра, суть заимствования из какого-то апокрифа.

⁷⁶¹ - Апокриф; срав. св. Иустина в обоих Апологиях.

⁷⁶² - Срав. Евсевия церк. ист. 5:18.

⁷⁶³ - О сем срав. у Оригена против Цельса 2:42; в «Пастыре» Эрмы 3:9; Стром. 2:9; Ирин. 4:45–50.

⁷⁶⁴ - Св. Иустин с соблюдением не только всей внешности, но и сущности дела, говорит об единокровном Сыне Божиим, что «Он есть верховный Разум, в котором часть имеет весь род человеческий. Все, кто жил согласно с этим Разумом, суть христиане. Таковыми были у древних Эллинов Сократ, Гераклит и им подобные. Таковыми были между варварами Авраам, Анания, Азария, Мисаил, Илия и многие другие, имена и дела коих перечислять было бы слишком долго». Без сомнения, никто и никогда не мог достигнуть спасения без усвоения заслуг и крови Христа Спасителя. И все же вовсе не было необходимости в том, чтобы все люди, жившие до воплощения Христова, имели полное и точное познание о Божественном Ходатае и Посреднике. Послушаем, что говорит на этот счет блаж. Августин: «С самого начала мира все веровавшие в Бога, Его познавшие в меру возможности и жившие, по Его заповедям, в благочестии и праведности, в каком бы месте и в

какое бы время они ни жили, несомненно спасены Им. Некогда религия состояла лишь в нескольких именах и знаках, ныне же в других, более многочисленных; сначала она содержима была темнее, ныне же с большей ясностью; так ли, иначе ли она сказывалась, во всяком случае в основе лежала все одна и та же истинная религия.» В том же смысле блаженный этот епископ Иппонийский говоря об истинах, сохраненных язычниками в виде более или менее чистом, восклицает: «Твое достояние есть золото это, Боже мой, где бы оно ни было находимо: Tuum est, Domine, avrum illud ubicunque est». Но мнению Фомы Аквината, богослова западной церкви глубокомысленнейшего, если некоторые люди спаслись, и не имея понятия о Божественном откровении, чрез особого и нарочитого Посредника, то они тем не менее спаслись не без веры в сего Посредника, потому что хоть и вера их в Него и не отличалась нашей определенностью, все же они ясно выражали веру в Божественное Провидение, ожидая от Бога освобождения и спасения людей средствами Ему одному ведомыми. Они верили в сие в меру своего стремления к познанию истины и в меру открытия оной их духу Духом Божественным. Св. Иоанн Златоуст, а до него св. Ириней точно так же думали. Таково было и всегда учение церкви. Ему-то и дает выражение здесь наш писатель.

⁷⁶⁵ - Место это уже приводимо было в Стром. 2:9.

⁷⁶⁶ - Подобное в Стром. 2:18 к концу.

⁷⁶⁷ - Т.е. — о том, что Бог открывался язычникам не менее, чем и Евреям, следовательно и о всеобщности откровения. Светом откровения, по Клименту, никто не обделен; таково было всегда и учение церкви. Наш писатель посему находит его и у сектантов. И в сем конечно прав он. Бог равно благ ко всем. Язычники для жизни праведной имели естественный закон, голос совести и ряд откровений, коим языческий мир не дал окончательно погибнуть. Если же всего этого было бы недостаточно для поддержания в человечестве идеи о Боге, то Он скорее сотворил бы чудо, чем дал бы погибнуть душе праведника.

768 - Апокрифа, сочиненного или Василидом или другим каким-либо еретиком.

769 - Подобное определение мудрости писатель уже дал в Стром. 1, гл. 5-й.

770 - Срав. Стром. 2, гл. 2 к концу

771 - Подобное Афенагор в Legat. и Климент Рим. в Весогн. 3:52. Рожденность здесь разумеется вечная, по коей, как такой, Сын Божий – само собою понятно – превосходить всех Ангелов и людей, которые все сотворены во времени.

772 - По-видимому из апокрифической «Проповеди» св. Петра Апостола.

773 - Гораций в посл. 1, ст. 41 и 42 также говорил: *Sapientia prima est stultitia caruisse*.

774 - Намек на имя «Иакова», значащее «запинателя»

775 - Подобное в Стром 1:1.

776 - *Lapsus memoriae* переписчики: не Варнава, а Климент Римский посл. 1, гл. 68. Место это уже приводимо было в Стром. 1, гл. 7.

777 - Слова Климента Римского. Срав. Стром. 1, гл. 7.

778 - Т. е. менее совершенное всем сообщено, а более совершенное, святейшее и гносис – лишь немногим.

779 - Срав. Стром. 1:1.

780 - Говорится это и дальнейшее с отношением к учению Стоиков, которые от своего мудреца требовали бесстрастия. Срав. Педаг. 1, 2 и 13.

781 - Подобное сему говорит Сенека в своем трактате «О душевном спокойствии».

782 - Срав. Стром. 4:23.

783 - Т. е. включения в число чад совершеннейших, чего удостаиваются немногие.

784 - Заимствование из какого-то апокрифа. Срав. ниже в гл. 12 и Стром. 7:7–12.

785 - Срав. Стром. 7:12 к концу.

786 - В древности было очень распространено мнение, что числа не только во взаимоотношении вещей, но и в событиях

жизни людской имеют великое значение; отчасти такое мнение существует еще и поныне.

⁷⁸⁷ - Потому что геометрия имеет дело с мерою тел отрешенно от них. Отсюда чрез рассмотрение природы пространства, неколебимой и неизменной, можно восходить к созерцанию природы Божественной.

⁷⁸⁸ - Срав. Стром. 1:28: 2:4; 7:17.

⁷⁸⁹ - В дальнейшем писатель следовал говоримому св. Варнавою в 9-й гл. его послания. Из древних и другие многие следовали сей аллегории

⁷⁹⁰ - Крест был несомненно древнейшим из всех символов. У древнейших египетских статуй он уже в руках; под именем «Нильского ключа» в их руках он был символом плодородия и спасения. Он изображался то со всеми четырьмя его разветвлениями, в виде , то с тремя только, в виде Т. Тертуллиан в своем творении «De oratione» говорит, что во всей природе есть некоторая склонность образовывать крест как бы для того, чтобы почтить Творца или возблагодарить. Даже птицы и те, распростирая свои крылья, образуют крест. Св. Иустин мученик замечает, что нет ни одного предмета на земле, на коем не были бы напечатлено креста; не встречается ни одного рабочего, который не имел бы образа креста на своих инструментах; поднимая руки, человек уже собственным своим телом изображает крест. Обращаясь к Государям, Минуций Феликс восклицает: «Триумфальные ваши колонны изображают орудие нашего спасения, а вооружение, вами на них вешаемое, есть образ Распятого. Даже корабль, с надутыми парусами море переплывающий, изображает собою крест и его на помощь призывает». Наконец блаж. Иероним, в толковании на евангелие Марка, прибавляет, что «человек ни к небу не может обращаться с молитвою иначе как в форме креста, ни плыть по воде иначе; крест общая для всех движений форма и для всего живого; это даже самого мира вид». Эллино-финикийская буква тав представляет собою также крест, Т, а в качестве численного знака она означает собою 300. В катакомбах крест был изображаем различным образом. Чаще всего он представляет собою вид квадрата с четырьмя концами; это так называемый

греческий крест. Он в Византийский период был очень распространен, но происходит из времен первенствующей церкви, когда он был столько же греческим, сколько и римским. Часто он изображается положенным на якорь веры или вплетается в монограмму Христа между альфой и омегой.

⁷⁹¹ - Начальными буквами всесвятейшего имени Иисус в греческом языке служат «юта» и «эта» (Ιη).

⁷⁹² - Срав. Стром. 2:11. Тоже Филон.

⁷⁹³ - Срав. Стром. 6:18. И это говорится писателем в соответствии Филону.

⁷⁹⁴ - А также 120 представляет из себя восемью пятнадцать.

⁷⁹⁵ - Пожелав нарисовать угол, греческие математики заметили, что представляется такой согнутым коленом; слово, обозначающее собой колено, γόνυ, посему послужило для обозначения и угла, γόνυ. Число называется треугольным, если единицы его могут быть расположены в форме треугольников, где стороны и углы равны, как напр. 1, 3, 6, 10, 15, 21 и т. д. Но каким образом число 120 треугольное, когда состоит только из двух частей? Это получается так. Из двух частей тех 64 и 56 одна делится на 8, другая же на 7; но 8 и 7 суть 15, а это число уже треугольное, как немного выше о сем говорится.

⁷⁹⁶ - Хотя числа, входящие в сумму, составляющую из себя 64, и суть нечетные, но всего их число четное, 8. Число же 56 нечетное, потому что состоит из ряда чисел, счетом 7. Но так как 120 состоит из этих 7 и 8 меньших чисел, то о нем и говорится, что оно слагается из числа 15. Первые 8 начинаются с единицы и следуют вперед чрез нечетные, 3, 5, и т. д. Последние же 7 начинаются с 2 и идут вперед четными числами, 4, 6 и т. д.

⁷⁹⁷ - Так как повторение двух квадратов дает 4 стороны. — Последующие же 7 чисел уже неравносторонни; так как число 7 нечетное, то и не выходит одна из сторон равною. Как сложение чисел натуральных дает собою ряд треугольных, подобно этому и сложение чисел нечетных — 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 17, 19 и т. д. производит через сложение прогрессию: 1, 7, 9, 16, 25, 36, 49, 64, 81, 100 и т. д. Эти числа представляют собою ряд

чисел квадратных и образуют второй ряд многоугольных. Их называют многоугольными или квадратными потому, что единицы их всегда могут быть расположены в форме квадрата, как это очевидно из фигур, приложимых к 1, 7, 9, 16, 25, 36 и т. д.

⁷⁹⁸ - Потому что превращены будучи в квадраты, они дали бы стороны длины неравной: 3 4, 5 6 и т. д.

⁷⁹⁹ - Число называется пятиугольным, когда расположением своих единиц оно образует правильные пятисторонние фигуры: 1, 5, 12, 22, 34, 51 и т. д. Это 3-й вид многоугольных чисел.

⁸⁰⁰ - Число называется шестиугольным, когда оно расположением своих единиц образует правильный шестисторонние фигуры: 1, 6, 15, 28, 45, 66 и т. д. То же самое должно быть замечено относительно семи-, восьми- и девятиугольных чисел.

⁸⁰¹ - Без сомнения это было народным преданием у Евреев; в священном же писании мы не находим ничего подобного. Но нельзя этого сказать о Гиппократе, у которого сделан тот же самый расчет, Ендиусом воспроизведенный в таких двух стихах: *Lex in lacte dies, tres sunt in sanguine terni, Bissen carnem, tu seni membra figurant.*

⁸⁰² - Потому что буквою Т у Греков означалось число 300.

⁸⁰³ - Срав. «Увещ.» в гл. 1-й.

⁸⁰⁴ - Срав. Педаг. 2:4.

⁸⁰⁵ - Срав. Стром 1:1.

⁸⁰⁶ - Стром. 6:8.

⁸⁰⁷ - У Евангелиста Иоанна (6:13) об остатках рыб конечно не говорится, но у Мк. (6:43) говорится.

⁸⁰⁸ - Т. е. благоразумие, мужество, справедливость, умеренность.

⁸⁰⁹ - Подобное Аристотель в Ифике к Никомаху 2:7.

⁸¹⁰ - Выражение Сократа в Платоновом «Критоне»

⁸¹¹ - Так и в «Стром.» 3:6.—Срав. «Пастырь» Эрмы 1, вид. 2, гл. 2; 3:9, гл. 11.

⁸¹² - И Библия, и здравый смысл помещают событие это ранее плодovitости Сары.

⁸¹³ - Εχινδύνει. Глагол этот означает не только подвергаться опасности, но и быть приведенным на суд. Библия доказывает, что Авраам никакой опасности со стороны Авимелеха не подвергался, но что он был призван перед него, чтобы дать отчет в побуждениях заставлявших его таить истинную связь, соединявшую его с Сарою.

⁸¹⁴ - Тоже изречение выше в гл. 9. и Стром 7:7–12.

⁸¹⁵ - Праведность квадратна, говорится в подлинном тексте. Этим выражением пользуются Платон и Аристотель для означения человека, убеждения которого тверды и который не дает над собою никакой власти ни страстям, ни событиям, ни от общественного мнения не колеблется. «Муж квадратный», т. е. во всех отношениях совершенный. Срав. о сем Платона в «Протагоре», Аристотеля в «Ифике» к Никомаху 1:10. Гораций (2, sat. 7) также называет такого человека *rotundus*.

⁸¹⁶ - Намек на слова Музония, приводимые Геллием в начале кн. 16-й: «Если вы над чем трудолюбиво и надлежащим образом потрудитесь, то труды от вас быстро удалятся, а добро, вами при семи сделанное, не покинет вас во всю вашу жизнь. Если же что сделали бы вы, из мотивов грязного удовольствия, непотребно, то удовольствие быстро удалится, непотребство же, вами учиненное, всегда с вами пребудет».

⁸¹⁷ - По Диогену Лаэртию (10:139) главными положением в учении Эпикура было: «Существо блаженное и бессмертное ни само ни о чем не заботится, ни другим забот не причиняет». Цицерон ту же самую формулу повторяет в кн. 1 своего рассуждения «О природе богов». *Quod beatum et immortale est, id non habet, non exhibet cuiquam negotiam*».

⁸¹⁸ - Намек на еретиков, кои учили, что люди различны по природе и что спасение даруется только в этом смысле совершеннейшим. Писатель уже опровергал их ранее.

⁸¹⁹ - Писатель учит, что и во всякое другое время можно возвыситься до апостольского достоинства, как скоро кто наследует место и достоинство Апостолов. Получать

епископство и достигать апостольства таким образом для нашего писателя одно и то же. Посему он тотчас упоминает и о степенях, епископу подчиненных, т. е. о пресвитерах, председательства не получавших, и о диаконах. Не в ином смысле говорить о сем и Феодорит в толков. на 1Кор. 12:28 и иные места: «Первенствующие христиане так называемых епископов апостолами называли». То же в коммент. на Филипп. 1:1–2, где он заключает, что Епафротид облечен был епископством, ибо св. Павел называет его Апостолом. И наоборот апостольство называется епископством в Деян. 1:20. Древние апостолов действительно нередко называли епископами. Так Епифаний в ереси 27, § 6-м: «Первые Апостолы Петр и Павел они были и епископами». – Срав. Киприана в письме к Рогациану; Амвросия на Еф. 4:2 и у иных весьма многих.

⁸²⁰ - Разумеется двойное число Апостолов, представляемых 24-мя старцами.

⁸²¹ - Покоем седьмого дня здесь аллегорически называется покой от зла. Восьмочисленным же наследием далее именуется добродетель, осиливаемая старательностью. Срав. Стром. 4:7 к концу.

⁸²² - Писатель наш не в одном данном, но и в других местах утверждает, что запятнавшие себя после крещения грехами и пороками будут подлежать по смерти очищению некоторого рода наказаниями. Так в Стром. 4:24 в конце; Стром. 7:14, 10. Человеку столь хорошо знакомому с Иудейскими, равно как философских школ преданиями, особенно платоническими и пифагорейскими и стольким вниманием их дарившему, неудивительно было и самому усвоить это мнение. Известно, что подобные учения развиваемы были иудейскими учеными. Платон в своих «Федоне» и «Горгии» и в других своих диалогах держится подобного же мнения. Вергилий высказывает его в «Энеиде» 6:735 и д. Ориген во многих местах своих творений разделяет мнение своего учителя, напр. в бес. на Исх. и в ин. местах, напр. в кн. 4 против Цельса гл. 10. Из гл. 17-й 1-й кн. Стром. открывается, что писатель наш как

будто и относительно диавола не прочь держаться такого мнения.

⁸²³ - Пространнее излагает свою мысль писатель в Стром. 7, гл. 10-й. Три ступени восхождения к славе различает он. Первая, на которой к вере примешиваются еще страсти и невоздержность. От них такие верные, прежде допущения на небо или в вечные обители, омываемы бывают наказаниями. Вторую ступень представляют собой те верные, которые по отложении грехов вследствие преданности добродетели в этой временной жизни или же чрез понесение наказаний по смерти хоть и удостоиваются сопребыванию в числе блаженных, все-же не высшего еще прославления удостоиваются. Наконец третьей ступени славы удостоиваются гностики, или совершенные, которым Бог определяет высшую ступень славы или блаженства, быть равными ангелам.

⁸²⁴ - Писатель по-видимому допускает, что некоторые по отбытии и очистительного наказания удостоиваются высшей степени славы; другие же навсегда остаются в местах низшего прославления.

⁸²⁵ - Намек на это место Второзакония несколько смелый.

⁸²⁶ - Писатель различает три рода действий: 1) $\chi\theta\tau\acute{o}\rho\theta\omega\mu\delta$, или действие совершенное, свойственное только гностику, или христианину совершенному; оно возвышает его на самый верх высшей славы. Второй род действий принадлежит к средним; этого рода действия свойственны христианам менее совершенным; однако же в силу их они наследуют спасение и бывают удостоиваемы низших степеней славы. На третьем месте писатель ставит действия греховные, спасение делающие невозможным. При различении сем наш писатель следовал тем философам, которые различали два рода действий и мнение которых о сем Цицерон излагает в «De officiis» 1,3.

⁸²⁷ - Место, заимствованное из Аристофановой комедии «Ахарняне», повторенное и Цицероном в 8-м письме к Аттику.

⁸²⁸ - Срав. в Увещ. гл. 11-й; Стром. 7, гл. 3-й и 10-й, а также 16-й и во мн. друг. местах.

829 - Слова подлинного текста здесь тождественны с греческими словами великого славословия, поемого на утрени: «Хвалим Тя, благословим Тя, славословим Тя».

830 - Срав. «Увещ.» в гл. 10-й.

831 - Срав. «Стром.» 7:14.

832 - Срав. «Стром.» 4, в гл. 23 и в «Увещ. в гл. 11-й.

833 - Христос соделал нас царями и священниками Богу и Отцу своему, пишет св. Иоанн (Апок. 1:6). Для нашего писателя, мыслящего библейски, христианин и царь посему одно и то же.

834 - Термин диалектический. Ныне употребляется вместо него латинское слово *praesumptio*. «Знак, говорит Аристотель, есть предложение указующее, необходимое или только вероятное. То, с чем существование предмета связано или то, что его определяет в прошедшем или будущем, это знак, что событие произошло или что предмет существует» (Аристотель, *Analyt. prior, lib. I cap. 26*).

835 - Подобное пишет Аристотель в *Topic, lib. I*. И под конец гл. 11-й: «Не следует подвергать расследованию всякую проблему или каждое положение; если бы кто стал сомневаться в таких общепризнанных истинах, как например, нужно ли почитать богов, любить родителей, то его должно бы признать лишенным разума и заслуживающим не доказательствами вразумлены, а наказанием».

836 - Писатель часто святых людей называет богами. Подобное встречается и у других отцов, напр., у св. Григория Назианзина, у Феофила «к Автол.» и иных.

837 - Об отношении между святостью и праведностью рассуждал уже Платон в «Протагоре» и Пифагорейцы, Им и следует наш писатель

838 - Во 2-й кн. Стромат.

839 - Кн. 1, вид. 11, гл.1.

840 - Указание на древнейший способ писания как книги так и надписей на мраморе и меди: без разделения слов одного от другого, в непрерывных рядах букв.

⁸⁴¹ - Как вообще, в тех случаях, где дело касается древнего закона, так и в настоящей главе наш писатель идет по стопам Филона.

⁸⁴² - Срав. Педаг 2, гл. 2, в середине.

⁸⁴³ - Это дух жизни Богом вдунутый в человека при его сотворении (Быт. 2:7). Выше писателем он же разумеется под духом «подчиненным», а ниже под духом «плотским, телесным».

⁸⁴⁴ - Разумеется Христос, который дарует нам и бытие и свет и покой.

⁸⁴⁵ - Климент только сокращает говоримое Филоном в его сочинении «О творении мира». Этот пишет: «Солнце, вожатый дня, устроив нам ежегодно два равноденствия, весной и осенью, весной в знаке Овна, а осенью в знаке Весов, до очевидности ясно доказывает Божественное величие семи. Потому что и то и другое из равноденствий происходит в начале 7-го месяца; в эти-то два периода времени закон установил и два главных праздника и т. д.

⁸⁴⁶ - «Число совершенное, по Эвклиду, есть такое, которое разделяется на части равные и вновь из них может быть восстановлено». Число шесть отвечает этим условиям, потому что его части, 1, 2, 3, будучи сложены, дают 6.

⁸⁴⁷ - Посему Юнона была известна в древности под числом 2, а самое это число иногда называлось «плодовитым».

⁸⁴⁸ - Семь есть первое из чисел, происходящее от числа совершенного, т. е. слагаемое из 6 и 1. Кроме того по некоторой особой причине числами ниже 10 производятся или низшие десяти или же сами они производятся или и то и другое вместе. Число же 7 ни само никакого не производит, ни производится. Последователи Пифагора посему уподобляли его Минерве, рожденной без матери и вечно сохранявшей девство. Филон о сем рассуждает подробно в своем творении «О дне седьмом и праздниках».

⁸⁴⁹ - Некоторые из древних оо. церкви думали, что мир кончит свое существование чрез 6000 лет, кои соответствуют де

6 дням творения. На 7-й день они назначили суд, а на 8-й общее воздаяние (Срав. посл. Варнавы гл. 15).

850 - В сопровождении Петра, Иакова и Иоанна.

851 - Чрез явление Моисея и Илии.

852 - Место замечательное. Тут все есть: и Божество Христа Иисуса и происхождение Его и различие лиц.

853 - Речь идет о численном знаке s, которого в греческом алфавите нет, потому что по преобразованию его из финикийского буква вав представлялась в древности сначала дигаммой, а потом из алфавита и она была выброшена.

854 - Писатель хочет сказать, что творение мира продолжается.

855 - Иота в одно и тоже время есть и начальная буква имени Иисусъ и знак, изображавший собою в греческом счислении число 10. Отсюда многие из древних писателей иоту считали за знак, изображавший Христа Иисуса. Срав. Педаг. 2:4; 2:12.

856 - Срав. «Увещ.» в гл. 11-й.

857 - Подобное в Стром. 7:14.

858 - Срав. «Увещ.» в конце гл. 4-й.

859 - Та же мысль в начале 2-й гл. 4-й кн. «Стромат».

860 - Срав. «Стром.» 3:17; «Пед.» 3:1.

861 - Определение мудрости см. в Педаг. 2:2.

862 - Отмечены фразы гомерические. Срав. Ил. 10:482; 17:570; 5:1–2.

863 - Фраза поэтическая.

864 - В «Ионе» и «Апологии Сократа».

865 - Под именем священников писатель наш понимает епископов, потому что в других местах он проводит различие между епископством, священством и диаконством.

866 - Не о различии естества Сыновнего от естества Отчего идет здесь дело, а о различии ипостаси Христа Иисуса. Дальнейшее рассеивает на сей счет всякие сомнения.

867 - Срав. «Увещ.» в гл. 11-й.

868 - Срав. Стром. I, 16.

- 869 - Срав. Стром. V, 6; VI, 13; VII, 7, 11, 14.
- 870 - Разумеются души отшедших праведников и различные степени их блаженства. Срав. Стром. V, 13; VII, 10.
- 871 - Подобное пишет Платон в кн. X-й своих «Законов».
- 872 - После Платона и некоторых других философов древности причиной зла считали материю и Валентиниане, усвоив веществу соичность одинаковую с Богом. Мнение Платона о сем предмете см. в «Тимее».
- 873 - Срав. «Увещ.» гл. 10 ранее середины.
- 874 - Подобным же образом выражается писатель в «Увещ.» гл. 10-й.
- 875 - Души праведников и высшие чины Ангелов: Престолы, Господства, Власти и др.
- 876 - Намек на Христа Иисуса, заповедующего, как бороться должно и побеждать. Срав. Педаг. I. 7.
- 877 - Еврипида «Ифигения в Тавриде» ст. 380 и т. д.
- 878 - Цицерон в своем сочинении «De divinat». lib. II, с. 27 приводит много и других суеверий.
- 879 - Разумеются камни и древесные пни на перекрестках улиц и дорог, куда люди суеверные приходили совершать ароматические возлияния.
- 880 - Еврипид, ст. 395.
- 881 - Так человека называет не в одном месте Платон; напр. в кн. VII «О законах».
- 882 - Разумеются животные, на зимнее время года скрывающиеся в места потаенные, здесь погружающиеся в спячку и остающиеся следовательно без пищи. Таковы: медведи, дикобразы, змеи и некоторые виды птиц и почти все насекомые. Арист. Ист. животн. VIII, 14 –17.
- 883 - По другому чтению: «как демоны». Такое именно устройство дыхания писатель усвоил демонам. По его представлению в творении все восходит от низшего к высшему постепенно: от животных водных ступень к насекомым, от насекомых к животным более совершенным.
- 884 - Диогену Лаэртию. См. в биографии его.

⁸⁸⁵ - В древности у Римлян считалось величайшим злодеянием убить рабочего вола. Плиний упоминает, что один римлянин за это был казнен смертью, а другой выслан из отечества (Естеств. ист. VIII, 45).

⁸⁸⁶ - Намек на одно место из «Политики» Платона. «В Египте, говорит этот философ, царь опирается на жреческую касту. Даже если бы захватил власть какойнибудь узурпатор из другого рода, то едва только примет он бразды правлений, как его посвящают уже в тайны религии, чтобы одновременно он был и верховным жрецом и монархом». Вслед за этим Платон называет много греческих городов, где господствует то же обыкновение.

⁸⁸⁷ - Тертуллиан строго порицает тех, кои тотчас по окончании молитвы садились.

⁸⁸⁸ - Разумеются ученики Кириейского философа Аристиппа, из которых группировавшиеся около Феодора отрицали все учение о богах. Наш писатель уже упоминал о сем в «Увещании».

⁸⁸⁹ - Некоторые из стоиков, и преимущественно Боэф, называвшие Богом вселенную, не признавали за Божеством своим души и разума. Оно, по их мнению, было неким тонкими телом, распростертым чрез весь мир и дающим жизнь и движение всему созданному. Сенека в «Вопросах о природе» говорит: «Мир есть или животное или тело, природой управляющее как деревьями, чтобы они имели чем питаться». Эти же философы утверждали, что провидение промышляет рабски, т. е. служит тварям несвободно.

⁸⁹⁰ - Т. е. от неодушевленных предметов и до существ, одаренных разумом.

⁸⁹¹ - Свящ. Писание часто уподобляет Христа восходящему солнцу; напр. (Зах. 3:8; 6:12); (Иер. 23:5); (Лк. 1:78) и проч.

⁸⁹² - Срав. «Стром.» IV, 23 к концу.

⁸⁹³ - Срав. начало I-й кн. «Стромат».

⁸⁹⁴ - Срав. «Пед.» II, 10.

⁸⁹⁵ - Писатель без сомнения имеет в мысли повествуемое Диогеном Лаэртием и впоследствии Цицероном и Валерием

Максимом о Ксенократе. Когда этот философ, известный строгостью своих нравов и любовью к истине, приготовлялся раз дать клятву перед Афинскими судьями и пред алтарем богов, то единодушный возглас уволил его от этой излишней формальности. Нашли, что простое слово его значило больше клятвы.

⁸⁹⁶ - Намек на одно место из Филонева сочинения *De Cherubim*. Этот ученый разрешает врачу обмануть больного, в случае если может овладеть им уныние или страх пред спасительной операцией, которая необходимо должна быть сделана ему. Платон в 3-й кн. своего творения «О государстве» говорит тоже нечто подобное сему. Он воспрещает ложь всем гражданам; только правители в редких случаях могут прибегать к ней, именно, когда дело идет о спасении отечества, или просто об общественном некоем либо интересе.

⁸⁹⁷ - Познание в других местах наш писатель определяет так, что это есть твердое и несомненное доказательство воспринятого на веру и нам переданного оною. Мудрость же приобретается внимательностью к слышимому нами, напр. когда слушаем учителя; только о сем понятие она и содержит.

⁸⁹⁸ - Срав. «Увещ.» гл. 11.

⁸⁹⁹ - Срав. Стром. VI, 14.

⁹⁰⁰ - Говорится это с некоторым отношением к подобным же представлениям Платона в «Федоне».

⁹⁰¹ - Намек на Элевзинские мистерии. Срав. Стром. VI, 14.

⁹⁰² - У нашего писателя седмерица означает места низшего блаженства, восьмерица же высшее. Так и в Стром. V, 6. Срав. Стром. IV, 17; VI, 14.

⁹⁰³ - Срав. Стром. I, 24; II, 11.

⁹⁰⁴ - Срав. Стром. V, 6; Педаг. I, 7.

⁹⁰⁵ - Дальнейшее пишется очевидно под влиянием Платонова разговора «Лакхес». Срав. Аристотеля в «Ифике к Ником.» кн. III.

⁹⁰⁶ - По-видимому намек на слово Платона, что «началом знания служит удивление».

⁹⁰⁷ - Эту историю цитирует и Евсевий в своей церков. ист. III, 24, а также Никифор IX, 14; II, 44.

⁹⁰⁸ - Подобное в «Енхиридионе» Епиктета, гл. 23. у Лукиана в «Нигрине», у Сенеки в письме 77, у Еветония в «Августе» и друг.

⁹⁰⁹ - Подобное пишет Платон в «Лахесе».

⁹¹⁰ - О тех, кои предавали себя на муки безрассудно см. в Стром. IV, 9.

⁹¹¹ - Срав Стром. IV, 22.

⁹¹² - Павзаний рассказывает, что Элеяне в 37 олимпиаду постановили награждать венками и детей. Гипносфен из Лакедемона и Полюник из Элеи были первыми из детей их получившими, один за быстроту в бегании, другой за поединок. С олимпиады 47-й дети стали добиваться венков и за победы в кулачном бою. Филит из Сибариса был первым из таких победителей.

⁹¹³ - Плиний в XXXVII кн. гл. 4-й своей истории пишет: «Под ударами молота на наковальне некоторые алмазы сохраняют такую твердость, что не они, а молоток и наковальня разлетаются. Такова необъяснимая их крепость. Их огнеупорная природа торжествует над действием даже пламени и никогда они не нагреваются».

⁹¹⁴ - Подобным образом Платон определил философию.

⁹¹⁵ - Срав. Стром. III. 16.

⁹¹⁶ - Стром. VI, 12.

⁹¹⁷ - Срав. Стром. II. 4.

⁹¹⁸ - Евреи думали, что закон Моисеев воспрещает только внешние действия. Таково именно было мнение на сей счет и фарисеев, что открывается из Евангелия. Посему-то Иосиф не соглашается с Полибием, что Антиох за поругание святыни, совершенное только в мыслях, должен был наказан быть: «намерение не выполненное, говорит он, не заслуживало наказания». Св. Иустин в «Разговоре с Трифоном» разъясняет, что при таком отношении к заповедям закона Божия ни одна из них значит не исполнялась. – В этом случае точка зрения

Евреев на Моисеев закон была юридически-государственная, а не религиозная.

⁹¹⁹ - т. е. чрез избрание, коего мы удостоиваемся по милости Божией; сему второму творению противопоставляется сотворение мира материального.

⁹²⁰ - Разумеется чувствующая душа, которую в другом месте наш писатель называет началом неразумным, в противоположность началу духовному: выражение соответствующее «низшим частям души» Платона.

⁹²¹ - То же Платон в «Алкивиаде втором».

⁹²² - О «Преданиях» Апостола Матфея срав. Стром. II, 9; III, 4. О сем апокрифе говорит писатель также в конце сей VII кн. Стромат.

⁹²³ - Намек на последователей Академии, отрицавших всего достоверность и утверждавших, что путем чувств мы не можем добыть никаких познаний.

⁹²⁴ - Аристот. Ест. ист. VIII, 2.

⁹²⁵ - Срав. Стром. I, 5.

⁹²⁶ - Намек на апокриф «Предания Матфия»; срав. Стром. VII, 13.

⁹²⁷ - Основателем этой секты был некто Евфрат из города Перы в Киликии. Он признавал трех богов, трех Логосов и три Святых Духа.

⁹²⁸ - Т. е. из Фригии; более известны под именем Катафригиян.

⁹²⁹ - Они воздерживались от брака, от мяса и проч.

⁹³⁰ - По мнению их Христос Иисус имел тело призрачное.

⁹³¹ - Известны только из этого места Климента. В чем состояла их ересь, неизвестно. Из названия можно догадываться, что они употребляли в пищу удушенину или мяса, посвященные демонам; быть может и человеческую кровь.

⁹³² - Явились ок. 159 г. по Р. Хр. Отличая Бога от Творца мира и считая сего виновником зла, они чтили всех тех, кто

враждовал против Демиурга, или Творца мира. А таковы были Каин, Исав, Корей, Содомляне, Иуда.

⁹³³ - Они чтили под видом змеи мудрость. Змея де первая сообщила нашим прародителям познание о добре и зле. Чтя ее, будто бы и Моисей слил золотое изображение ее и повесил на столпе, смотря на которое Израильтяне исцелевали. Сам Христос, они говорили, признавал будто бы значение змеи, говоря, что Сыну человеческому подобает вознесенну быть на древо, как Моисей вознес на оное змею в пустыне. В память услуг, оказанных змеей человечеству, они один экземпляр ее держали в клетке; при совершении же своих молитв открывали дверь ее; животное выползало, вползало на стол с хлебами и кольцом обвивалось вокруг их; это и была их жертва и евхаристия. О семь у Оригена, Епифания, Феодорита, Тертуллиана, Иринея и др.

⁹³⁴ - Они думали, что душа и оживляет собой тело только для собирания с сего мира разных чувственных удовольствий. Из древнейшего корня сей секты впоследствии произошли Клеобаны, Досифеяне, Горфеняне, Масбофеи, Адрианисты, Энтихиты, Канисты.

⁹³⁵ - Дальнейшее заимствовано из св. Иринея V. 8.— Срав. Педаг. III, 11.

⁹³⁶ - По схолиасту Феокрита, это – эпиграмма на Мегарян, сложенная из троестишия, полученного ими в храме Аполлона и от имени его в ответ им на вопрошение их. Между стихами же Феогниса таких нет.

⁹³⁷ - Восьмая книга «Стромат» не имеет с предшествующими никакой связи. В первых семи книгах, при всех нарочных отступлениях от главного предмета, все-таки толкуется преимущественно о гностическом совершенстве и характер они имеют богословский, по крайней мере, всё сводится к богословию; восьмая же книга «Стромат», опираясь на Аристотелевы исследования, толкует о различных материях логики и диалектики. Полагают, что это отрывок из недошедших до нас «Гипотипоз» («Ипотипос») Климента, творения, в

котором он, в противоположность софистике своего времени, предначертал логический схематизм христианства.

⁹³⁸ - По свидетельству Диогена Лаэртция в «жизни Зенона» слово это было образцом слова не имеющего смысла. По Свиде оно служило приговоркой, так сказать, затычкой, и вставлялось в речь или предложение просто для закругления их там, где другого слова не находили вдруг.

⁹³⁹ - Никто посему и не спрашивал, что значить слово blityri; никому не приходило и на мысль объяснять его или определять.

⁹⁴⁰ - Плутарх приписывает этот стих Менандру, а Стобей Эсхилу.

⁹⁴¹ - В качестве таких предварительных положений, которые принимаются за тем только, чтобы впоследствии они могли служить точками опоры для вывода.

⁹⁴² - Мнения о сем философов передаёт Плутарх в «De placitis philosophorum.» V, 15.

⁹⁴³ - И из славнейших философов некоторые утверждали это, напр. Пифагор, Анаксагор, Демокрит, Эмпедокл.

⁹⁴⁴ - В «Тимее».

⁹⁴⁵ - В кн. II-й «De anima», гл. 3, 4.—Ethic. ad. Nic. I, 13.

⁹⁴⁶ - Гален в кн. IV-й об учении Гиппократе и Платона. — Срав. также в комментариях на Эпиктета.

⁹⁴⁷ - От самого Пиррона письменного ничего не осталось, а со слов ученика его Аскания Абдеритянина Диоген Лаэртций в кн. IX-й о Пирроне пишет следующее: «Это он был измыслителем учения, что ни о чем не нужно и нельзя судить с определительностью, ни на понятиях определенных останавливаться не следует. Он утверждал, что нет ни абсолютно честного ничего и достопочтенного, ни постыдного и гнусного, ни справедливого безусловно ни несправедливого. Точно так же он учил и о всем остальном; ничего будто бы нет истинного, а все, или в силу закона или в силу обычая, в жизнь человеческую вошло. Согласно с этим и в жизни он заявлял себя: ни к чему не склонялся и ни от чего не уклонялся. Колесница, напр., если встречалась ему на дороге, он не сворачивал; рытвина, её не обходил; собаки, их не

опасался; чувствам своим он не доверял. Если и цел оставался при сем, то единственно благодаря следовавшим за ним друзьям».

⁹⁴⁸ - т. е. предметы, понятия о них и слова, коими выражаются те понятия. Слова представляют собой понятия о предметах; понятиями же представляются вещи. И вещи и понятия о них между собою тождественны, слова же различны. Аристотель «De interpretatione» гл. 1: «Как литеры неодинаковы у всех, так и слова. Душевные же состояния, которых знаками состоят слова, у всех одинаковы. Одинаковы же и вещи, которых те душевные состояния (понятия) состоят знаками.

⁹⁴⁹ - Справ. Аристот. *Analyt. poster.* I, 4.

⁹⁵⁰ - Справ. Стром. VII в конце гл. 11-й.

⁹⁵¹ - Справ. Стром. II, 9.

⁹⁵² - Как открывается из предисловий и эпилогов к прежним книгам, сей книге многого недостает. А, равным образом, сомнительно, чтобы эта VIII книга и последнюю Стромат была. Многое в прологах к прежним книгам было обещано, о чем здесь не было толкуемо.